П. А. Дружинин

Идеология и филология

Ленинград, 1940-е годы

П. А. Дружинин Идеология и филология

2

Новое
Литературное
Обозрение

П. А. Дружинин

ИДЕОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

ЛЕНИНГРАД, 1940-е ГОДЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

2

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА 2012

УДК 82.0(470.23-25) (091) "194"
ББК 83.3 т(2)62
Д76

Рекомендовано к печати
кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин
Историко-архивного института РГГУ

Рецензенты:
К. М. Азадовский,
кандидат филологических наук,
член-корреспондент Германской академии языка и литературы
Р. Ш. Ганелин,
доктор исторических наук,
член-корреспондент Российской академии наук

Дружинин, П. А.
Д76 Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. Т. 2. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.— 704 с. : ил.

ISBN 978-5-86793-983-0 (т.2)
ISBN 978-5-86793-981-6

Книга П. А. Дружинина посвящена наиболее драматическим событиям истории гуманитарной науки XX в. 1940-е гг. стали не просто годами несбывшихся надежд народа-победителя; они стали вторым дыханием сталинизма, годами идеологического удушья, временем абсолютного и окончательного подчинения общественных наук диктату тоталитаризма. Одной из самых знаменитых жертв стала школа науки о литературе филологического факультета Ленинградского университета. Механизмы, которые привели к этой трагедии, были неодинаковы по своей природе; и лишь по случайному стечению исторических обстоятельств деструктивные силы устремились именно против нее. На основании многочисленных, как опубликованных так и ранее неизвестных источников автор показывает как наступала сталинская идеология на советскую науку, выявляет политические и экономические составляющие и, не ограничиваясь филологией, дает большую картину воздействия тоталитаризма на гуманитарную мысль.

УДК 82.0(470.23-25) (091) "194"
ББК 83.3 т(2)62

Посвящается
памяти моего отчима
Евгения Ннколаевича Филинова
(15.III.1932 – 15.V.2006)

Глава 5

1948 ГОД: КРИТИКА УСТУПАЕТ МЕСТО ПОЛИТИЧЕСКИМ ОБВИНЕНИЯМ

Наступивший 1948 год ворвался в жизнь ленинградских историков литературы смерчем газетных и журнальных статей, тон которых не опускался ниже грубой критики, а простирался до откровенных оскорблений и политических приговоров. Сегодня трудно себе представить, насколько страшными были эти обвинения в контексте сталинского времени.

Министерство высшего образования СССР в самом начале года определило главную идеологическую цель — «Активно бороться за приоритет отечественной науки». Именно так называлась заглавная редакционная статья в январском номере журнала «Вестник высшей школы», прокладывающая светлый путь советским ученым — преподавателям вузов к идейному росту.

> «...Можно с гордостью сказать, что советская наука, благодаря исключительным заботам партии и правительства и вниманию великого друга передовой науки, — товарища Сталина, достигла подлинного расцвета. В годы сталинских пятилеток, в период тяжелых испытаний Великой Отечественной войны, в наши дни послевоенного восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства и культуры страны, деятели передовой советской науки самоотверженно трудились и трудятся, помогая народу в его созидательной работе.
>
> Одним из существенных противоречий старой России было несоответствие между творческими силами народа и использованием этих сил. Иностранные клеветники и поддерживавшие их господствующие классы царской России на протяжении веков пытались игнорировать огромное духовное богатство русского народа во всех областях науки и культуры. Лжецы и наглые присвоители достижений наших ученых, существовавшие и продолжающие существовать во всех странах монополистического капитализма, всегда выступали с клеветническими утверждениями, что русскому народу якобы чужды научное дерзание и техническое творчество. Эти утверждения опровергнуты всей историей развития русской науки; несоответствие же между творческими силами народа и использованием их окончательно ликвидировано в результате Великой Октябрьской социалистической революции.
>
> В постановлении ЦК ВКП(б) “О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском ‘Краткого курса истории ВКП (б)’, опубликованном в ноябре 1938 г., подчеркивалось, что “задача марксистско-ленинского воспитания советской интеллигенции

является одной из первоочередных и важнейших задач партии большевиков". За прошедшие 9 лет в стране выполнена большая работа по повышению марксистско-ленинской сознательности кадров советской интеллигенции. Однако многие факты говорят о том, что в этой области еще имеются серьезные недостатки, наносящие подчас большой ущерб интересам нашего государства.

В руководящих указаниях Центрального Комитета ВКП(б) об идеологической работе, в докладе тов. Жданова о журналах "Звезда" и "Ленинград" справедливо отмечалось, что у некоторых работников науки, техники и искусства не изжиты до конца представления о "неполноценности" русской науки и культуры, о "непревзойденности" всего, что идет с Запада. Низкопоклонство и раболепие перед реакционной буржуазной культурой, проявление лакейской почтительности перед иностранщиной, неуважение к достижениям советской науки и культуры, — все это со всей резкостью осуждено партией и встречает непримиримую, острую критику советской общественности.

Постановления Центрального Комитета ВКП(б) по вопросам идеологической работы имеют огромное значение для всей советской интеллигенции, но особую роль они призваны сыграть в деятельности научно-педагогических кадров нашей высшей школы. Высшие учебные заведения Советского Союза — это не только школы, готовящие специалистов для всех отраслей народного хозяйства. В наших вузах воспитываются и получают идейно-политическую закалку люди, которые в предстоящей практической работе призваны быть в авангарде строителей социалистического государства; они должны быть до конца преданными Родине и пропагандировать великое прошлое русского народа, его достижения во всех областях науки, искусства и культуры. Это придает работе высшей школы, ее профессоров и преподавателей, особую ответственность.

Нужно откровенно признать, что профессора и преподаватели нашей высшей школы в этом отношении — в большом долгу перед страной. Во многих программах, в изданных учебниках, в лекционных курсах нашей отечественной науке уделялось незаслуженно малое место. Программы и учебники пестрили (многие из них и до сих пор пестрят) десятками имен иностранцев, а наши ученые либо не упоминаются вовсе, либо о них говорится так, будто они не внесли ничего нового в мировую науку и являлись учениками иностранных деятелей науки. <...>

Замалчивание роли русских ученых, преувеличенное, часто неверное освещение значения зарубежной науки создавало у студентов искаженное представление об отечественной науке и не способствовало воспитанию у них чувства глубокого уважения к нашим ученым и их замечательным трудам, чувства патриотизма, готовности всеми силами отстаивать честь и достоинство нашей Родины в науке и культуре.

Партия своевременно напомнила работникам советской науки об этих больших упущениях, указала пути исправления допущенных ошибок и ликвидации раболепства и низкопоклонства перед заграницей.

"Не освободившись от этих пережитков, — говорил В. М. Молотов в докладе, посвященном 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, — нельзя быть настоящим советским гражданином. Вот почему советские люди проникнуты таким решительным стремлением скорее покончить с этими пережитками прошлого, развернуть беспощадную критику всех и всяких проявлений низкопоклонства и раболепия перед Западом и его капиталистической культурой".

Научно-педагогическая общественность вузов активно реагировала на решения Центрального Комитета ВКП(б) об идеологической работе.

Многие кафедры высших учебных заведений страны, многие профессора и преподаватели по своей инициативе приступили к тщательному пересмотру программ, к критическому разбору учебников и учебных пособий, к анализу лекционного материала, преподносимого студентам, к оценке тематики научно-исследовательских и диссертационных работ под углом зрения наиболее полного выявления роли отечественной науки и ее деятелей в мировой науке.

В связи с этим в большинстве вузовских коллективов была выдвинута задача улучшения идейно-политической работы, дальнейшего повышения качества подготовки специалистов и развития научно-исследовательской работы. <...>

Однако не везде еще правильно подходят к решению этой большой задачи. Кое-где это большое политическое движение понимается как "кампания", и вместо глубокой перестройки содержания учебного материала, лекционных курсов и всей научной работы пытаются ограничиться поверхностными поправками, изменениями и дополнениями непринципиального характера. Некоторые профессора и преподаватели считают, что для освещения роли отечественной науки достаточно отвести ей часть вступительной лекции к курсу, а в остальном все может быть оставлено без изменений. Так понимать борьбу за приоритет отечественной науки и воспитание чувства патриотизма у студентов — значит не только ошибаться, но грубо извращать большую идею, положенную в основу последних решений ЦК ВКП(б) об идеологической работе. Такого рода фактам не должно быть места в высшей школе, в рядах советских ученых»[1].

Имена тех, кому «не должно быть места в высшей школе, в рядах советских ученых» уже были известны по проработкам 1946 и 1947 гг., но к ним присоединялись и другие. Вводились они в адовы круги посредством коммунистической печати.

ПРОБЛЕМЫ ОПЕРНОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ НЕРАЗРЫВНЫ

«Общественный просмотр» оперы «Великая дружба», состоявшийся вечером 5 января 1948 г. в Большом театре, повлек за собой описанные в первой главе последствия в виде принятия 10 февраля 1948 г. постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели».

Это постановление не имело отношения к науке о литературе, но, как и все решения партии по идеологическим вопросам, не могло пройти незамеченным для ее представителей.

Утром 9 января в «Ленинградской правде» все жители города смогли прочитать ничем не выдающееся объявление: «Лекторий Университета сообщает, что объявленная на 11 января лекция-концерт из цикла "Советская музыкальная культура" переносится. О дне лекции будет объявлено дополнительно»[2]. Такая оперативность свидетельствует о том, что ректор университета не только был крайне предусмотрительным, но и весьма информированным.

---

[1] Активно бороться за приоритет отечественной науки // Вестник высшей школы. М., 1948. № 1. Январь. С. 1–3.

[2] Ленинградская правда. Л., 1948. № 7. 9 января. С. 4.

Все дальнейшие ленинградские мероприятия последовали уже после опубликования постановления ЦК в центральной прессе. 27 февраля «Вечерний Ленинград» сообщал:

«Отдел музыкального вещания Ленинградского радиокомитета подготовил цикл лекций-концертов о выдающихся произведениях русской музыкальной культуры. Первые две лекции посвящаются операм Глинки. После доклада о творчестве гениального русского композитора будут исполнены отрывки из опер "Иван Сусанин" и "Руслан и Людмила", третья лекция посвящается творчеству Бородина, в частности, его второй симфонии»[3].

3 марта «Ленинградская правда» оповестила горожан о новом цикле:

«Лекторий горкома ВКП(б) организует цикл лекций "Великие традиции русской музыкальной школы". План цикла: 1. Исторические постановления ЦК ВКП(б) об опере "Великая дружба" и задачи советского музыкального искусства. 2. Черты народности и реализма русской классической оперы. 3. Русский симфонизм. 4. Балетно-танцевальная музыка в ее классических образцах. 5. Передовая русская музыкальная критика. 6. Музыкальное творчество народов СССР»[4].

9 марта к обсуждению постановления приступили литераторы:

«В Доме писателя имени Маяковского состоялось собрание ленинградских писателей, посвященное обсуждению постановления ЦК ВКП(б) об опере "Великая дружба" В. Мурадели.

После доклада секретаря партийной организации Ленинградского союза советских композиторов музыковеда Л. Энтелиса развернулись оживленные прения. Выступавшие отмечали, что исторический документ ЦК партии выдвигает важнейшие проблемы и перед писателями. Каждый прозаик, поэт, драматург и критик должен сделать из него выводы в своей творческой работе.

Постановление имеет прямое отношение к Союзу писателей еще и потому, что оно прямо подсказывает необходимость тесного творческого содружества композиторов с драматургами и поэтами в создании советской классической оперы, подлинно народной оратории, массовой песни. <...>

Ряд выступлений был посвящен критическому анализу творческой практики литераторов. Ю. Герман в своей речи отметил, что среди части поэтов еще не изжито увлечение формализмом. До сих пор некоторые поэты вдохновляются творчеством Велимира Хлебникова[5] для так называемой "лабораторной", а по существу, в корне порочной работы. В писательской среде деловые отношения все еще подменяются приятельскими,

---

[3] Сокровища русской музыкальной культуры // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 48. 27 февраля. С. 3.

[4] Ленинградская правда. Л., 1948. № 52. 3 марта. С. 4.

[5] Хлебников стал одним из символов чуждой литературы, но близость к Маяковскому оказывалась спасительной: 29 августа 1947 г. секретариат ССП СССР обсуждал вопрос «О сборнике «Русская советская поэзия» к 30-летию Октября»: «Заслушав сообщение составителей сборника о том, что Госиздат не включает в сборник произведения Хлебникова, не имея к тому серьезных мотивов, Секретариат ССП постановляет: Считать принципиально правильным включение в состав сборника произведений Хлебникова. Поручить К. М. Симонову решить вопрос, какие конкретно стихотворения Хлебникова могут быть включены в данный сборник» (цит. по циркулярной копии протокола — НА РТ. Ф. 7083 (ССП ТАССР). Оп. 1. Д. 187. Л. 166). Вопрос был решен положительно, и ГИХЛ включил стихотворение «Эй, молодчики-купчики...» и отрывок из поэмы «Ночь перед Советами» в антологию: Русская советская поэзия: Сборник стихов, 1917–1947 / Сост. и ред. Л. О. Белов, В. О. Перцов, А. А. Сурков. М., 1948. С. 152–155. (Подписано к печати 19 октября 1947 г.)

еще широко распространены взаимные похвалы и комплименты. Часто всякая критика воспринимается как личная обида.

Эту же мысль подчеркнул в своем выступлении секретарь парторганизации Ленинградского отделения Союза писателей К. Ванин.

Собравшиеся с большим воодушевлением приняли приветственное письмо товарищу Сталину»[6].

ПРОТИВ ИДЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Еще 19 декабря 1947 г. ректор А. А. Вознесенский подписал приказ по филологическому факультету:

«МОРДОВЧЕНКО Н. И. — доцента кафедры истории русской литературы, освободить от временного исполнения обязанностей заведующего кафедрой истории русской литературы с 15/XII — 47 г., согласно личной просьбе. <...>

ГУКОВСКОГО Г. А. — профессора кафедры истории русской литературы, назначить с 16/XII — 47 г. зав[едующим] кафедрой истории русской литературы с окладом 6000 руб. в месяц»[7].

Ректор ничуть не сомневался в том, что Министерство утвердит кандидатуру Г. А. Гуковского и, подписывая приказ, собственноручно вычеркнул буквы «и. о.» перед названием должности. Такая рокировка объясняется тем, что Николай Иванович в течение более чем полугода не утверждался в министерстве, поскольку не был ни доктором наук, ни профессором[8].

Назначение Г. А. Гуковского на эту должность свидетельствовало и о том, что ректор и партбюро считали его кандидатуру приемлемой в политическом плане и не опасались, что таким решением могут поставить себя под удар. То есть Г. А. Гуковский, не особенно задействованный в баталиях против «веселовистов», был пока объявлен живым.

Именно заседание кафедры истории русской литературы стало первым публичным мероприятием наступившего 1948 г. Посвящено оно было обсуждению печатных работ о Ф. М. Достоевском — Ленинградский университет не мог оставаться в стороне от развернувшейся в прессе кампании. Обзор этого заседания, состоявшегося в десятых числах января, был опубликован не только в университетской газете, но и в «Ленинградской правде». Хотя отчеты помещены в качестве редакционных статей (то есть без подписи), статья в главной городской газете, по-видимому, принадлежала доценту филологического факультета и заведующему отделом печати Ленинградского горкома ВКП(б) А. Г. Дементьеву:

«Творчество выдающегося русского писателя Ф. М. Достоевского сложно и противоречиво. Достоевский был ярым противником социализма, революции, демократии,

---

[6] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 124. Л. 186–187 («Ленинградские писатели обсуждают постановление ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели»).

[7] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 2827 от 19 декабря 1947 г.

[8] Защита докторской диссертации Н. И. Мордовченко состоялась 8 апреля 1948 г. (тема — «Русская критика первой четверти XIX века»), оппонентами на защите выступили Г. А. Гуковский, А. В. Предтеченский и Б. В. Томашевский. См.: Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 72. 26 марта. С. 4.

но даже в самых реакционных своих произведениях создал ряд ярких жизненных образов и правдиво изобразил дореволюционную русскую действительность.

Реакционно-мистическое мировоззрение Достоевского, глубоко чуждое передовым идеям человечества, нашло горячих поклонников в современной зарубежной реакционной литературе, проповедующей распад человеческой личности. Империалистические литературные агенты используют взгляды Достоевского для клеветы на социалистическую культуру, на советский народ. Они находят в произведениях Достоевского поддержку для своей борьбы против прогресса и демократии.

Вот почему так нетерпима "реабилитация" мировоззрения Достоевского и идеализация его творчества, допущенные некоторыми советскими литературоведами.

Справедливой критике подверглись в газете "Культура и жизнь" и "Литературной газете" новые работы о Достоевском: книга А. Долинина "В творческой лаборатории Достоевского" и две книги В. Кирпотина "Ф. М. Достоевский" и "Молодой Достоевский". Обсуждению этих книг и проблемам изучения творчества Достоевского было посвящено состоявшееся недавно заседание кафедры русской литературы Ленинградского университета.

Открывая заседание, профессор Г. А. Гуковский заметил, что сигналы прессы о неблагополучии в изучении творчества Достоевского заслуживают особого внимания. Он напомнил о том, что этот вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение, потому что книги Достоевского, его творчество изучаются в высшей школе.

Профессор Г. А. Бялый остановился на изучении произведений Достоевского в курсе истории русской литературы в университете. С его точки зрения творчество Достоевского следует рассматривать по этапам: в 40-х годах автор "Бедных людей", "Двойника" близок к прогрессивным течениям в русской литературе, а в 60-х годах "Записками из подполья" начинается его переход в лагерь реакции.

Призывая опираться при характеристике творчества Достоевского на Белинского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Г. А. Бялый при этом, однако, не замечает, как он впадает в противоречие со взглядами названных им авторитетов и повторяет ошибку В. Кирпотина и А. Долинина, утверждая, что якобы в сороковые годы Достоевский был единомышленником Белинского. Разрыв между Белинским и Достоевским произошел, как известно, сразу же после появления повести "Двойник", в которой впервые ее автор изобразил раздвоенность человека, вызвав резко отрицательное отношение к себе Белинского.

Против идеализации творчества Достоевского выступил доцент А. Г. Дементьев:

— По своему замыслу все романы Достоевского, — сказал он, — направлены против социализма, революции и на защиту религии. У Достоевского менялась тактика борьбы, но намерения всегда оставались неизменными. В ошибочной книге А. Долинина Достоевский идеализируется. Долинин занимает слишком "объективистскую" позицию в характеристике отношений Достоевского с Некрасовым, Герценом, Чаадаевым. В этом "объективизме" вместе с Долининым повинен и редактор книги Л. А. Плоткин.

Касаясь положительных сторон творчества Достоевского — критики буржуазного общества и крепостничества, А. Г. Дементьев заметил, что и гуманизм Достоевского был ограничен — ему свойственно любование страданием.

На недостатках книги В. Кирпотина "Молодой Достоевский" остановился доцент Н. И. Мордовченко. Он отметил, что книга написана тенденциозно, автор старается "приподнять" Достоевского, включить его в русло революционно-демократической русской литературы. Это приводит к натяжкам, к искажению фактов. На ряде примеров Н. И. Мордовченко показал, что в угоду заранее составленной схеме Кирпотин позволяет себе вольное обращение с действительным положением дел. Так, допущена "неточ-

ность" при истолковании разрыва Достоевского с Белинским, неправильно освещается литературная борьба 1847 года, искажены некоторые цитаты.

— С научной точки зрения, — резюмирует Мордовченко, — книга не представляет ценности.

Присутствующий на заседании А. Долинин с оговорками принял направленную в его адрес критику: соглашаясь с отдельными замечаниями выступавших, он счел возможным заявить: "Мне книга представляется не столь порочной, как это изображается критикой"(!?).

Заключая заседание, Г. А. Гуковский указал, что творчество Достоевского часто неправильно истолковывается. Это особенно наглядно показали новые работы о Достоевском, пытающиеся "оправдать" реакционность писателя вопреки исторической правде и научности. Задача литературоведов — объяснить Достоевского советскому читателю и пересмотреть освещение творчества Достоевского в вузовском курсе истории русской литературы.

Дискуссия о творчестве Достоевского в Ленинградском университете — еще одно свидетельство того, насколько актуален вопрос о борьбе с антинаучными взглядами, проявляющимися в литературе и в литературоведении»[9].

Университетская многотиражная газета дает некоторые подробности заседания:

«Полемизируя с доцентом Г. П. Макогоненко, утверждавшим, что слабость Достоевского в его положительных принципах, а сила в отрицании, проф[ессор] Л. А. Плоткин справедливо указал, что Достоевский отрицал не только буржуазную цивилизацию, но и революцию, материализм и социализм, и является одним из самых убежденных противников передовых идей человечества»[10].

Обсуждение работ о Достоевском было проведено нарочито публично с одной только целью — продемонстрировать перестройку работы кафедры в соответствии с идеологическими требованиями. 25 февраля 1948 г. заведующий кафедрой профессор Г. А. Гуковский был вызван на заседание парткома ЛГУ, где члены парткома выслушали его отчет о работе в новых условиях. Особенно отметим, что это был не отчет факультета (такое было бы в порядке вещей для работы университетского парткома), а именно отдельной кафедры.

Выступление Г. А. Гуковского на этом заседании, как можно судить по его собственноручным тезисам, было наполнено оптимизмом и удовлетворением от проделанной работы, самокритика была более чем сдержанной. Завершал Григорий Александрович свое выступление следующими словами:

«Кафедра русской литературы нашего Университета имеет в своем составе превосходных советских ученых. Коллектив кафедры — сильный коллектив. Если кафедре удастся преодолеть некоторую организационную неупорядоченность, мешающую ей работать, если она объявит решительную борьбу всем проявлениям объективизма, ложного академизма в своей среде, если она шире развернет критику и самокритику в своем коллективе, — она сможет стать одной из ведущих и передовых кафедр Университета. И она должна стать такой и станет ею»[11].

---

[9] Против идеализации творчества Достоевского: На заседании кафедры русской литературы Ленинградского университета // Ленинградская правда. Л., 1948. № 16. 20 января. С. 3.

[10] За партийность литературоведения... С. 4.

[11] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 4. Л. 22–22 об. («Гуковский Г. А. Тезисы доклада о работе кафедры русской литературы», автограф).

Обсуждение доклада Г. А. Гуковского также было достаточно сдержанным. Члены парткома ЛГУ (А. А. Андреев, профессор В. В. Мавродин) и приглашенные работники горкома (А. Г. Дементьев) были удовлетворены проделанной на кафедре работой. Первый заместитель парторга ЛГУ С. С. Деркач отметил следующее:

«Я считаю, что на кафедре нужно больше внедрять критику и самокритику. Правда, что иной раз эта критика бывает груба, бестактна, но критика всегда правдива. И этого важного для работы кафедры вывода не сделали для себя работники кафедры даже после постановления ЦК партии по вопросам "Звезды" и "Ленинграда". Если бы на кафедре применяли метод критики, обсуждение работ, программ, курсов, уверяю вас, не было бы такого положения, что наши работники так часто попадают под обстрел критики, а потом обижаются, что критика груба, резка. Они бы привыкли к критике, и это бы улучшило работу кафедры.

Так, если бы обсудили брошюру Шишмарева, то, уверен, не попали бы под обстрел, сами бы выправили ошибки. Дело кафедры: довести до сознания каждого профессора, что критика нужна и ее не следует бояться.

У меня создалось такое впечатление, что не было достаточного контакта в работе кафедры и парторганизации. Тов. Гуковский не всегда обращается к парторганизации, и напрасно этого не делает. Вы имеете все основания прийти в партком, в партбюро и просить оказать вам поддержку» [12].

В результате обсуждения партком ЛГУ принял постановление о работе кафедры. Поскольку постановление парткома было подготовлено заранее и согласовано как с райкомом, так и с горкомом ВКП(б), то его тон был более резким:

«Заслушав доклад проф[ессора] Гуковского о работе кафедры истории русской литературы, партком отмечает, что в деятельности кафедры, несмотря на некоторое оживление за последний период времени (организация дискуссий по актуальным вопросам советского литературоведения, обсуждение вышедших в свет и подготовленных к печати работ, начавшийся пересмотр учебных программ и др.), не нашли еще должного отражения решения ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства.

На кафедре недостаточно еще развернута борьба с пережитками буржуазных концепций литературоведения: вредными традициями низкопоклонства перед зарубежным литературоведением, космополитизмом и академизмом школы Веселовского (работы В. Ф. Шишмарева, В. М. Жирмунского, М. П. Алексеева и других), пережитками формализма, эстетства, аполитизма и объективизма (работы и курсы лекций Б. М. Эйхенбаума, Б. В. Томашевского, В. Я. Проппа, Д. Е. Максимова и других), борьба за партийность литературоведения, за решительное повышение идейно-политического уровня всей учебной и научно-исследовательской работы.

Работа кафедры страдает и рядом других существенных недостатков. Тематика кандидатских диссертаций, дипломных работ и семинарских сочинений главным образом посвящена вопросам истории русской литературы до XX в. <...>

Все эти недостатки связаны с недостаточным направляющим и организующим влиянием партийной организации и научных работников-коммунистов кафедры, слабым развитием критики и самокритики в среде литературоведов факультета» [13].

В резолютивной части постановления было записано и следующее:

---

[12] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 4. Л. 17.
[13] Там же. Л. 23–24.

«Партком требует от коммунистов кафедры самого деятельного участия в работе кафедры, активного участия в творческих дискуссиях, ежедневной и систематической борьбы за осуществление линии партии в вопросах литературы. Необходимо повести решительную борьбу с так называемыми "молчальниками", которые во имя личных соображений поступаются своей партийной совестью, отмалчиваются, когда речь идет о борьбе с пережитками буржуазного литературоведения у того или иного работника кафедры»[14].

ПРЕПОДАВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ В ОЦЕНКАХ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

16 января 1948 г. в Доме писателя имени В. В. Маяковского под председательством А. А. Прокофьева состоялось расширенное заседание правления Ленинградского отделения ССП, посвященное преподаванию литературы в средней школе. Это было одно из самых запоминающихся писательских собраний зимы 1947/48 г.; из-за неожиданно большого числа пришедших литераторов пришлось даже объявить перерыв, дабы все присутствующие переместились в Большой зал.

После вступительного слова А. А. Прокофьева прозвучали два больших доклада, которые были сделаны преподавателями филологического факультета ЛГУ. Первый — «Задачи преподавания литературы в средней школе» — прочитал профессор Г. А. Гуковский, а после перерыва с докладом на тему «Преподавание советской литературы в средней школе» выступил доцент А. Г. Дементьев. Эти доклады отличались не только тематически: если лейтмотивом выступления Г. А. Гуковского было повышение самого уровня преподавания, улучшение качества пособий для учителей, то А. Г. Дементьев проводил положенную ему по партийной должности идеологическую линию.

Г. А. Гуковский делился с аудиторией тем впечатлением, которое произвели на него студенты первого курса университета:

«Мы постоянно сталкиваемся с тем, что наша молодежь, простите, товарищи! — недостаточно эстетически воспитана. С ними никто не работал в достаточной мере над развитием художественного вкуса, а ведь развитие художественного вкуса входит в систему воспитания. Развитие художественного вкуса ведь это тоже идейное воспитание...»[15]

Кроме констатации факта неразвитости нового студенчества, Григорий Александрович продолжал убежденно настаивать на необходимости введения теории литературы в школьную программу. Но главным вопросом его выступления была необходимость подготовки даже не столько учебников, сколько пособий для учителей, в чем профессор видел свою личную задачу:

«Учитель обязан учить, это его государственная функция, и ученый обязан разрабатывать ученые труды, которые он дает учителю и тот несет их в класс. Учитель заменять собой Академию наук не обязан! <...>

Учитель, к сожалению, очень часто не умеет раскрыть внутренний смысл самого произведения, проанализировать его вместе с ребятами, чтобы дальше не надо было никаких книжек, чтобы смысл данного произведения в сегодняшней современности сам вставал бы перед глазами учащихся. Учитель, повторяю, этого не умеет.

[14] Там же. Л. 26.

[15] ЦГАЛИ СПб. Ф. 145 (Г. А. и З. В. Гуковские). Оп. 1. Д. 99. Л. 8–8 об.

Но это ошибка не учителя, а дефект нашей науки, Министерства просвещения, тех учреждений, которые должны дать материал учителю, который понесет материал в этом плане в школу»[16].

Выступление А. Г. Дементьева, кроме явного идеологического окраса, имело скрытые цели. Александр Григорьевич, говоря об изучении советской литературы в школе, готовил почву к тому, чтобы заменить раскритикованный в 1946 г., хотя к 1948 г. и переработанный, учебник Л. И. Тимофеева новым учебником, который был задуман тремя преподавателями филологического факультета ЛГУ — Л. А. Плоткиным, Е. И. Наумовым и самим А. Г. Дементьевым. И для достижения этой цели оратор приложил все свои усилия:

«Предлагаемые вашему вниманию соображения по вопросу о преподавании истории советской литературы в средней школе и в связи с этим об учебнике по современной литературе Л. И. Тимофеева являются результатом не только моего опыта и размышлений, но и опыта и размышлений присутствующего здесь товарища моего по университету Е. И. Наумова. Я выступаю один, но как бы в двух лицах.

Первый наш вывод, касающийся преподавания истории советской литературы в средней школе, следующий: советская литература, это важнейшее средство коммунистического воспитания, не только не заняла в средней школе надлежащего ей места, но и находится там в загоне, точнее говоря, на задворках»[17].

Употребив все свои ораторские способности на полный разгром учебника Л. И. Тимофеева, докладчик заключал:

«Общий вывод совершенно ясен: программы по литературе Министерству просвещения надо переделать с тем, чтоб советская литература заняла в советской школе принадлежащее ей по праву место, а учебник по советской литературе надо написать новый: хороший, яркий, живой, который учил бы нашу молодежь любить замечательную советскую литературу, — самую передовую, самую идейную, самую революционную литературу мира. (Аплодисменты)»[18].

После жарких прений, в которых выступили В. Ф. Панова, профессор филологического факультета Б. С. Мейлах и другие, слово для заключительного выступления взял Г. А. Гуковский:

«Именно советскую литературу — эту живую современную литературу — нужно вводить в школу. Может быть, мы достигнем эпохи коммунизма, когда уроки литературы будут проходить в кабинетах с мягкими кожаными креслами и гобеленами на стенах. Но пока этого нет, мы должны и в настоящей нашей обстановке так вести уроки литературы, чтобы трудящиеся уже сейчас чувствовали бы себя на уроках литературы так, как будто они сидят в этих мягких кожаных креслах, в кабинете с гобеленами на стенах, хотя сидят они на деревянных скамейках, в классе с голыми стенами. И это ощущение, не зависящее от обстановки, вернее, вопреки обстановке, и может создать преподаватель литературы»[19].

Стоит отметить, что, впечатленный докладом А. Г. Дементьева, Григорий Александрович постарался хоть немного, но сгладить удар по Л. И. Тимофееву, который еще более был усилен выступившей в прениях В. Ф. Пановой. Однако ему это, мягко говоря, не совсем удалось:

---

[16] ЦГАЛИ СПб. Ф. 145 (Г. А. и З. В. Гуковские). Оп. 1. Д. 99. Л. 13, 15 об.

[17] Там же. Л. 30.

[18] Там же. Л. 46.

[19] Там же. Л. 82 об. – 83.

«ГУКОВСКИЙ: Да, товарищи, у нас очень много грехов! Я говорю "у нас", потому что это дело общее для всех присутствующих и даже отсутствующих! Правда, Вера Федоровна, не думаю, чтобы в наших условиях так "коверкали" ребят с помощью Тимофеева, думаю, что это обмолвка. Да и сам Леонид Иванович, при всех ужасающих грехах, справедливо раскрытых А. Г. Дементьевым, это мужчина, заслуживающий уважения за некоторые его работы.

(МЕЙЛАХ: За какие работы?)

Так вообще! Дайте же мне быть немного вежливым!

(Да, у него была неплохая статья в "Литературной учебе" о Симеоне Полоцком, например)»[20].

Таким образом, Л. И. Тимофеев, хотя и заочно, был в тот день проработан в Доме писателя по полной программе.

По результатам этого масштабного и громкого заседания ленинградцы направили министру просвещения РСФСР А. Г. Калашникову открытое письмо под заглавием «Улучшить преподавание родной литературы», под которым поставили подписи А. А. Прокофьев, Ю. П. Герман, В. Ф. Панова, Б. Ф. Чирсков, О. Ф. Берггольц, Л. Н. Рахманов, Э. Грин, Г. А. Гуковский, Б. С. Мейлах, В. П. Друзин, А. Г. Дементьев и Л. А. Плоткин:

«Нам представляется, что критика состояния преподавания литературы в школе не может ограничиваться признанием отдельных недостатков. Совещание, проведенное на днях Президиумом Ленинградского отделения Союза советских писателей совместно с литературоведами, а также с лучшими учителями и методистами Ленинграда, показало, что сейчас речь должна идти о достаточно широких и принципиальных изменениях в системе преподавания литературы...»[21]

Заканчивалось письмо следующими словами:

«Ленинградские писатели, включившись в большое дело борьбы за перестройку преподавания литературы, хотят помочь тому, чтобы литература как можно активнее служила великому делу коммунистического воспитания нашей молодежи»[22].

Обращение к министру просвещения оказалось актуальным: 24 января 1948 г. этот пост занял ректор Ленинградского университета профессор А. А. Вознесенский. Новый министр решил обратить заседание ленинградских писателей в свою пользу — он занялся лично вопросами преподавания литературы в школе. Именно с этим поворотом событий связано то обстоятельство, что с большим опозданием — лишь 31 января 1948 г. — в «Учительской газете», издаваемой Министерством просвещения РСФСР, на первой полосе была напечатана статья «О преподавании литературы в школе». Как можно видеть из ее текста, министерству была уготована важная роль:

«...С докладом "Состояние преподавания литературы в средней школе" выступил доктор филологических наук проф[ессор] Г. А. Гуковский.

Докладчик, отметив исключительное значение литературы в деле коммунистического воспитания молодежи, подверг резкой критике школьные программы, учебники, систему подготовки и переподготовки учителей литературы.

[20] Там же. Л. 84 об.

[21] Там же. Д. 100. Л. 1.

[22] Там же. Л. 5.

— Грехи программ, и учебников, — говорит проф[ессор] Гуковский, — являются одной из основных причин того, что в преподавании литературы выработался штамп, что уроки литературы часто проходят скучно, казенно. Изучение литературного произведения, как правило, сводится к пересказу его содержания и характеристикам действующих лиц. А ведь главная задача состоит в том, чтобы научить молодежь читать и понимать литературу, уметь ее оценить и правильно истолковать. Такого литературного воспитания, которое вооружало бы питомцев советской школы идейно, помогало правильно понять свою роль и свое место в жизни, школа не всегда еще дает.

Критикуя систему подготовки и переподготовки учителей литературы, докладчик указывает на то, что в педагогических высших учебных заведениях, даже в таких крупных, как институты им. Герцена в Ленинграде и им. Ленина в Москве, теория и история литературы изучаются академически, вне связи со школьным курсом. Выходя из стен вуза, молодой учитель порой не знает, как применять в своей практической работе полученные им знания. Методисты институтов усовершенствования обычно дают учителю лишь рецептурные указания о построении того или иного урока. А этого мало.

Далее докладчик вносит предложение издать для школы специальную серию советской литературы, хрестоматию для старших классов, которая содержала бы программные и некоторые не входящие в программу произведения. Нужна также серия книг для учителя, в которой научно раскрывались бы важнейшие явления родной литературы.

В стороне от этой большой работы не могут стоять и писатели. Если они хотят, чтобы их творчество с любовью читалось и правильно понималось советской молодежью, они должны помочь в этом ее воспитателям — учителям. Они обязаны лично участвовать в создании книг для школы и учителя. Организаторами всей этой работы должны быть Министерство просвещения РСФСР и подведомственные ему издательства.

Выступивший с докладом о преподавании советской литературы в школе доцент А. Г. Дементьев подверг обстоятельному анализу и критике программы по советской литературе и учебник для 10-го класса Л. И. Тимофеева. Докладчик говорит о явном пренебрежении составителей программ к советской литературе. На ее изучение отводится всего 76 часов, из них 30 часов отводится на изучение творчества Горького А. М. 12 часов — на литературу народов Советского Союза. Таким образом на советскую русскую литературу остается только 34 часа, из которых 28 часов отводится на творчество Маяковского, Шолохова и Фадеева, и только 6 — на всю остальную литературу»[23].

ПРИЗЫВ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО В МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Безынициативность Министерства просвещения РСФСР, оказавшегося одним из форпостов идеологического фронта, стала тяготить Центральный Комитет. Уже в конце 1947 г. в Секретариате ЦК созрело решение об отставке министра. Замена министру А. Г. Калашникову была найдена А. А. Ждановым и А. А. Кузнецовым в лице

[23] О преподавании литературы в школе: (На заседании президиума Ленинградского отделения Союза советских писателей) // Учительская газета. М., 1948. № 5. 31 января. С. 1.

ректора ЛГУ А. А. Вознесенского, давно знакомого им по Ленинграду[24]. Особенно убеждала Секретариат ЦК в возможности назначения Вознесенского на министерский пост бурная деятельность ректора ЛГУ на ключевых постах в Общеславянском комитете СССР и во Всесоюзном обществе по распространению политических и научных знаний; по сути, назначения на эти важные должности уже предрекали скорое повышение А. А. Вознесенского.

Для того чтобы сменить руководство министерства, в аппарате ЦК была запущена стандартная процедура: началось выявление недостатков в работе ведомства.

31 декабря 1947 г. на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) было принято постановление № 336–8с, которое признало неудовлетворительным опубликованное министерством методическое письмо «Задачи школы по улучшению идейно-воспитательной работы», тираж которого был задержан в типографии. Министр А. Г. Калашников, вызванный после принятия постановления в отдел школ ЦК, направил 6 января 1948 г. секретарю ЦК А. А. Жданову объяснительную записку, где признавал ошибочность методического письма и собственную политическую несостоятельность[25].

Поскольку кандидатура на место министра была уже известна, то для ее укрепления был инспирирован документ, косвенно указывавший на необходимость опыта научного руководства у главы Министерства просвещения. Поводом стала проходившая с 24 по 26 ноября Юбилейная научная сессия Академии педагогических наук РСФСР.

16 января 1948 г. заведующий Отделом школ Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Н. Н. Яковлев подал секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову докладную записку «О научной сессии Академии педагогических наук РСФСР, посвященной 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции», в которой обращал внимание на ошибки АПН и министерства:

> «Большинство докладов, заслушанных на сессии, не обсуждались. Лишь по трем докладам были открыты прения, в которых приняли участие 8 человек. Это свидетельствует о том, что институты Академии педагогических наук недостаточно подготовились к Юбилейной сессии. Президиум Академии не обеспечил предварительную рассылку тезисов докладов, поставленных на сессии. <...>
>
> В докладе Министра просвещения А. Г. Калашникова “30 лет советской школы” были показаны основные особенности и преимущества советской школы и советской системы воспитания. Однако, при характеристике основных этапов развития советской школы, в первой части доклада, т. Калашников, приводя директивы партии в области народного образования, не показал на конкретных примерах роль и значение этих директив в строительстве советской школы. В этой части доклада не было должного анализа основных событий и фактов истории советской школы.
>
> Доклад Президента Академии И. А. Каирова на тему “Воспитание советского патриотизма” также имел существенные недостатки. При раскрытии сущности советского

[24] А. А. Вознесенский был уже вторым по счету ставленником А. А. Жданова на этом посту: с 12 октября 1937 г. по 1 марта 1940 г. наркомом просвещения РСФСР был Петр Андреевич Тюркин, который при А. А. Жданове руководил Нижегородским краевым отделом народного образования, а впоследствии, в декабре 1942 г., ему было присвоено воинское звание генерал-майора, после чего он оказался в Ленинграде в должности начальника Политического управления Ленинградского фронта. 19 ноября 1949 г. он был арестован по «ленинградскому делу» и умер в тюрьме 2 мая 1950 г.

[25] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 125. Д. 626. Л. 1. Копии записки А. Г. Калашникова были разосланы Н. А. Михайлову, Д. Т. Шепилову и Н. Н. Яковлеву.

патриотизма т. Каиров допустил ряд нечетких и неправильных положений. Он, например, говорил о "патриотизме партии", о "семейном патриотизме". Под "семейным патриотизмом" т. Каиров понимает желание детей "делать для матери и для других членов семьи что-нибудь приятное и полезное для них". В докладе т. Каирова без каких-либо практических замечаний приводится такое высказывание одного из учителей: "Патриотизм — понятие отвлеченное, абстрактное". С таким утверждением, безусловно, нельзя согласиться. Советский патриотизм является действенным патриотизмом. Он проявляется в конкретных делах, в борьбе за укрепление и возвеличение Советского государства»[26].

Заканчивал заведующий Отделом школ ЦК свою записку следующим выводом:

«Сессия показала, что научные исследования, проводимые в институтах Академии педагогических наук, плохо разрешают основные задачи, стоящие перед наукой. Работники педагогического фронта не получили четких и ясных установок о периодизации истории советской школы и советской педагогической науки. Богатейший опыт, накопленный советской школой за 30 лет ее существования, не получил надлежащего научного обобщения»[27].

В совокупности такой груз недостатков и упущений уже не должен был оставить у Сталина сомнений в необходимости смены руководства Министерства просвещения. На этот важный идеологический пост А. А. Жданов и А. А. Кузнецов предложили проверенного, вполне самостоятельного и инициативного человека, зарекомендовавшего себя долголетней успешной работой, знающего не понаслышке вопросы науки и образования. Сталин внял доводам секретарей ЦК, и вопрос о назначении нового министра был решен. Им стал ректор Ленинградского университета, профессор политэкономии А. А. Вознесенский, старший брат «арифмометра страны» Н. А. Вознесенского.

С рассказом о том, как в конце 1947 г. проект документа о переводе брата в Москву был представлен Н. А. Вознесенскому, знакомит нас заведующий секретариатом начальника Госплана СССР В. В. Колотов. По-видимому, прозорливый Николай Алексеевич не ждал ничего хорошего от административного соседства с братом — уж очень такая семейственность была вызывающей:

«...Вознесенскому, как члену Политбюро ЦК ВКП(б) и заместителю Председателя Совета Министров СССР, прислали на согласование проект решения о назначении министром просвещения РСФСР Александра Алексеевича Вознесенского, его брата...

Александр Алексеевич прочно осел в Ленинграде, руководил одним из старейших русских университетов. Встречались они редко, но это не мешало им сохранять друг к другу по-настоящему братские, теплые и дружеские чувства. Последняя их встреча произошла совсем недавно, в дни отпуска — Александр Алексеевич отдыхал в сентябре 1947 года неподалеку от Сочи, в Гагре[28]. <...>

Николай Алексеевич Вознесенский был совершенно чужд кумовства. Занимая все более и более ответственные государственные посты, доверяемые ему партией, он никогда не тянул вслед за собой "своих" людей.

---

[26] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 125. Д. 625. Л. 1–2.

[27] Там же. Л. 3.

[28] Отпуск А. А. Вознесенского в 1947 г. продолжался с 12 августа по 24 сентября включительно (38 рабочих дней), после чего он пробыл два дня в Москве (по-видимому, он вернулся из Гагр вместе с братом) и 29 сентября вышел на работу в университет. См.: ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 2286 от 1 октября 1947 г.

И вот теперь перед ним лежал проект решения о назначении его старшего брата министром... Министром просвещения...

Подняв трубку аппарата правительственной АТС, Николай Алексеевич набрал номер телефона одного из руководящих работников.

Поздоровавшись и назвав себя, сказал:

— Зачем вы срываете моего брата с интересной для него работы? Он профессор политической экономии, ректор одного из крупнейших в стране университетов, а вы хотите оторвать его от научной работы ради того, чтобы он занимался школьным делом. Прошу доложить товарищу Сталину, что я категорически протестую против этого назначения.

Положив трубку, Вознесенский какое-то время сидел, задумчиво глядя на лежавший перед ним проект решения. Потом взял ручку и написал поперек проекта: "Категорически против. Н. Вознесенский".

Неизвестно, докладывали Сталину мнение Вознесенского на этот счет или нет, но через несколько дней решение ЦК партии и правительства вошло в силу — А. А. Вознесенский был назначен министром просвещения РСФСР»[29].

Сын А. А. Вознесенского так описывает это назначение:

«Еще до войны, когда Николай Алексеевич стал снова работать в Москве, между братьями состоялась договоренность о том, что Александр Алексеевич раз и навсегда остается в Ленинграде. Это совершенно устраивало обоих, и на неоднократные предложения занять тот или иной пост в Москве отец отвечал отказом, а если дело вопреки его желанию, с которым тогда не очень-то считались, доходило до подготовки решения, Николай Алексеевич как кандидат в члены, а позднее член Политбюро всегда накладывал свое "вето" (для этого ему было достаточно написать на опросном листе без всяких объяснений одно слово: "Возражаю"). Так этот механизм и действовал до тех пор, пока Жданов и Кузнецов не согласовали со Сталиным назначение отца на пост министра просвещения. Тут "вето", а оно на этот раз было выражено еще более жесткой формулировкой "Категорически против", сработать уже не могло»[30].

Желание Н. А. Вознесенского сохранить дистанцию с братом имело и чисто политические причины — Николай Алексеевич был вполне разумен, чтобы не подвергать себя лишней опасности. В этом контексте важны слова В. С. Абакумова, сказанные им уже на собственном следствии:

«...В ЦК хорошо известно, что [Н. А.] Вознесенский был очень осторожным человеком в отношении своих связей, и даже был случай, когда [Н. А.] Вознесенский, узнав о предполагаемом назначении его брата [А. А.] Вознесенского на должность, связанную с Министерством иностранных дел, что влекло за собой неизбежное общение с иностранцами, воспротивился этому, и просил ЦК не назначать его брата на эту должность, так как это может скомпрометировать [Н. А.] Вознесенского самого»[31].

Возможно, когда в декабре 1947 г. А. А. Вознесенский ездил в командировку в Москву и был в ЦК ВКП(б), он имел предварительный разговор с А. А. Ждановым и А. А. Кузнецовым насчет будущего назначения. Произошло оно месяц спустя, в понедельник, 19 января 1948 г. Вознесенский по вызову выехал в Москву в служебную

---

[29] *Колотов В. В.* Николай Алексеевич Вознесенский. С. 318–320.

[30] *Вознесенский Л. А.* Истины ради. С. 66.

[31] Там же. С. 259.

командировку, оставив исполняющим обязанности ректора своего заместителя по научной работе профессора С. В. Калесника[32]. В этот приезд он опять имел разговор со Ждановым.

24 января 1948 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление ЦК ВКП(б) «О Министерстве просвещения РСФСР», подписанное лично И. В. Сталиным, первые два пункта которого закрывали кадровый вопрос:

> «1. Освободить т. Калашникова А. Г. от обязанностей Министра просвещения РСФСР.
>
> 2. Назначить т. Вознесенского А. А. Министром просвещения РСФСР, освободив его от работы ректора Ленинградского государственного университета»[33].

Мнение Н. А. Вознесенского об этом назначении выражено на оригинале протокола заседания Политбюро лаконично: вместо традиционного «Вознесенский — за» на документе начертано «Вознесенский — знает». Такая запись свидетельствует о действительно серьезном сопротивлении Николая Алексеевича, который, однако, был вынужден согласиться с решением Сталина и Жданова.

Этим же числом партийное решение было продублировано законодательной властью: Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР И. А. Власов и секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. В. Бахмуров подписали Указ Президиума Верховного Совета[34], а 13 марта Сессия Верховного Совета РСФСР, на которой присутствовал и А. А. Вознесенский, единогласно утвердила этот указ[35].

Правительственная комиссия, на которую было возложено обследование министерства при передаче дел[36], предъявила бывшему министру вполне традиционные обвинения, которые носили для сталинского времени универсальный характер:

> «В аппарате Министерства нарушается государственная дисциплина.
>
> Ряд постановлений и распоряжений правительства, а также приказов и заданий министра не выполнялся или выполнялся формально, с нарушением установленных сроков. <...>
>
> Руководство Министерства устранилось от рассмотрения жалоб и заявлений, передоверив это дело второстепенным работникам.
>
> Общая недисциплинированность в аппарате привела к несоблюдению государственной тайны.
>
> Лично бывший министр Калашников А. Г. допустил грубые нарушения установленного порядка сношения с представителями иностранных государств.

---

[32] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 110 от 19 января 1948 г.

[33] Там же. Оп. 163. Д. 1509. Л. 1. Протокол 62, п. 1. Ниже подписи Сталина в столбик стояли подписи членов Политбюро ЦК: «за — Л. Берия / за — А. Микоян / за — Г. Маленков / т. Каганович — за / т. Ворошилов — за / т. Вознесенский знает (sic!) / т. Косыгин — за».

[34] О назначении тов. Вознесенского А. А. Министром просвещения РСФСР / Указ Президиума Верховного Совета РСФСР // Приказы и инструкции / Министерство просвещения РСФСР. М., 1948. Сб. 2. С. 3.

[35] Заседания Верховного Совета РСФСР 2-го созыва: Вторая сессия (10–13 марта 1948 г.): Стенографический отчет. [М.], 1948. С. 217.

[36] В состав комиссии вошли: заместитель председателя СМ РСФСР И. П. Далматов (председатель), член Оргбюро ЦК ВКП(б) Н. Н. Шаталин, 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов, сотрудники Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Н. Н. Яковлев (заведующий отделом школ), Н. М. Васильев, А. Стулов. Председатель комиссии И. П. Далматов докладывал о работе комиссии непосредственно А. А. Жданову.

> Многие, в том числе руководящие работники, нарушают Инструкцию по ведению секретного делопроизводства»[37].

Поскольку в данном случае не было цели политического или физического уничтожения прежнего министра, А. Г. Калашников просто был смещен в кресло заместителя. Однако в аналогичной ситуации подобные обвинения могли заканчиваться и намного хуже.

Вместе с тем бывшему министру вменялись и ошибки идеологического характера:

> «Коллегией не рассматривались программно-методические документы и важнейшие учебники. Несмотря на прямое указание Совета Министров РСФСР, материалы по делу профессоров Клюевой и Роскина не были обсуждены на Коллегии»[38].

Отметим здесь, что такое обвинение выглядит абсурдным, поскольку сам гриф документа — «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина» — исключал его вынесение на обсуждение Коллегии без соответствующей санкции ЦК. Тогда как в установленном порядке, на закрытом собрании парторганизации Министерства, дело Клюевой и Роскина было рассмотрено.

Также при передаче дел министерства особо отмечалось, что «руководство Министерства просвещения РСФСР не сделало всех необходимых выводов из постановлений партии и правительства о школе и решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам»[39].

В Москве А. А. Вознесенский деятельно занялся школьным образованием, не оставляя славянский вопрос. Оставался он и членом президиума Научно-методического совета при министре высшего образования СССР, куда он был назначен 4 ноября 1947 г. приказом С. В. Кафтанова[40].

Ко времени назначения А. А. Вознесенского на пост министра просвещения РСФСР

> «...в ЦК партии сложилось резко критическое отношение к деятельности Академии педагогических наук и ее президента И. А. Каирова. Александру Алексеевичу было даже предложено параллельно с министерством взять на себя и руководство академией. Он отказался, заявив, что поможет президенту в течение полугода выправить положение. И действительно, они постоянно, даже по воскресеньям (тогда был один выходной день в неделю), чаще всего в доме отдыха "Сосны", работали над проблемами академии до тех пор, пока вопросы к ней не были сняты»[41].

Новый министр просвещения был человеком большого масштаба и не меньших амбиций:

> «Сочетание научной глубины с деловитостью, умение мыслить масштабно, перспективно с оперативностью и четкой организованностью — вот что отличало стиль работы самого А. А. Вознесенского. Но прежде всего — большевистская партийность, коммунистическая идейность, безграничная преданность делу партии, верность своему партийному и государственному долгу, высокое чувство ответственности перед

[37] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 125. Д. 626 (Акт приема-передачи Министерства просвещения РСФСР от 21 февраля 1948 г.). Л. 123.

[38] Там же. Л. 125.

[39] Там же.

[40] Об утверждении состава научно-методического совета при Министре высшего образования СССР // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1947. № 12. Декабрь. С. 15.

[41] *Вознесенский Л. А.* Указ. соч. С. 66.

партией и народом. Прежде всего он был коммунист и как коммунист честно и самоотверженно, не жалея сил, трудился на том участке, на который его поставила партия»[42].

Понимание текущего политического момента диктовало новому министру первоочередную задачу — повышение идеологического уровня преподавания, а наиболее важной тогда была область преподавания литературы. Опыт руководства Ленинградским университетом, хорошие отношения со многими профессорами-филологами (особенно с М. П. Алексеевым), а также поддержка секретарей ЦК ВКП(б) А. А. Жданова и А. А. Кузнецова помогли ему в осуществлении планов.

> «Большой государственный деятель, ученый с широким кругозором, коммунист ленинского стиля, он умел видеть главное и основное, что на том этапе определяло развитие народного образования. Школу он рассматривал как важнейший участок идеологической работы, как учреждение ответственное за идейно-политическое воспитание детей и юношества, за формирование у молодежи коммунистических взглядов и убеждений, коммунистического отношения к жизни, к труду. <...> И новый министр сосредоточил свое внимание и усилия аппарата министерства именно на проблемах идейно-теоретического уровня преподавания. Прежде всего его внимание привлекли дисциплины гуманитарного цикла, особенно литература, которой по праву принадлежит роль учебника жизни в системе школьного образования.
>
> Началось с критического просмотра всего того, чем располагала школа, — программ, учебников, методических пособий. Стол в кабинете Александра Алексеевича был завален книгами, и он, при всей его огромной занятости, находил время, чтобы их просмотреть. По его заданию мы организовывали рецензирование этой литературы и лучшими учителями, и известными учеными, писателями, журналистами»[43], — вспоминала его официальный помощник и близкий друг О. В. Челпанова.

Первым масштабным мероприятием, организованным по инициативе и под руководством А. А. Вознесенского, стало Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы. Еще не вступив официально в министерскую должность, А. А. Вознесенский, заручившись поддержкой А. А. Жданова, начал подготовку совещания: «Это было одно из звеньев в целой системе мероприятий, намеченных и осуществленных Александром Алексеевичем с целью улучшения идейно-политического воспитания юношества, повышения уровня идеологической работы школы»[44].

Стоит особенно отметить, что мероприятие это выходило далеко за рамки школы: оно было рассчитано прежде всего на подчиненные Министерству просвещения РСФСР педагогические и учительские институты, а участие в работе совещания руководящих работников аппарата ЦК ВКП(б) и профессоров филологических факультетов МГУ и ЛГУ делало основные положения этого совещания направляющими и для тех вузов, которые входили с 1946 г. в юрисдикцию Министерства высшего образования СССР. Поскольку кафедры вузов занимались не только педагогической, но и научно-исследовательской работой, то результаты и основные положения совещания отразились и на научной работе в области литературоведения.

---

[42] *Челпанова О. В.* Прежде всего — коммунист // Ученый-коммунист: К 75-летию со дня рождения А. А. Вознесенского. Л., 1973. С. 122–123.

[43] Там же. С. 116–117.

[44] Там же. С. 116.

ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ЗАВЕДУЮЩИХ КАФЕДРАМИ ЛИТЕРАТУРЫ

Еще при прежнем министре просвещения А. Г. Калашникове было запланировано Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов. Назначение А. А. Вознесенского на пост министра оказалось как нельзя кстати — без его защиты профессорам филологического факультета ЛГУ пришлось бы там по-настоящему туго.

Для В. М. Жирмунского поездка была особенно нервной: отдельным пунктом программы совещания было открытое обсуждение первого тома учебника «История западноевропейской литературы»[45], вышедшего под его редакцией. Но Виктор Максимович, успокоенный другом бывшего ректора М. П. Алексеевым, дал согласие, и 9 февраля из Министерства просвещения РСФСР на имя проректора ЛГУ С. В. Калесника было послано следующее письмо:

> «В повестку дня Всероссийского совещания заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов включено обсуждение учебника по западноевропейской литературе М. П. Алексеева, В. М. Жирмунского, С. С. Мокульского и А. А. Смирнова. Согласие профессора В. М. Жирмунского на участие в работе совещания имеется. Министерство просвещения просит вас предоставить командировку на совещание авторам учебника, работающим в Ленинградском университете»[46].

Причем подписал это письмо не бывший ректор ЛГУ, а его заместитель по кадрам Л. Н. Белоконев. Также по воле А. А. Вознесенского из этого письма был изъят и не попал в окончательный текст последний абзац, который гласил: «Было бы желательно также, чтобы представители литературных кафедр Ленинградского университета приняли участие в работе совещания»[47].

По-видимому, уже ближе к совещанию бывший ректор был вынужден несколько уменьшить роль ленинградцев; первоначально он был более решителен. Даже стоявший в проекте программы доклад председателя Бюро национальных комиссий Союза советских писателей СССР П. Г. Скосырева на тему «Проблемы изучения славянских литератур» он заменил на доклад профессора ЛГУ Н. К. Пиксанова «Проблемы изучения национальных литератур СССР», но был вынужден отказаться от такой замены[48].

---

[45] История западноевропейской литературы. Т. 1: Раннее средневековье и Возрождение / Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для университетов и педагогических вузов. Под общ. ред. В. М. Жирмунского; сост. М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, С. С. Мокульский и А. А. Смирнов. М., 1947.

[46] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство Просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 7519. Л. 91. Машинописная копия.

[47] Там же. Л. 42.

[48] Там же. Л. 100. В проекте программы совещания рукой А. А. Вознесенского вычеркнуто упоминание доклада П. Г. Скосырева и вписано: «Проблемы изучения национальных литератур СССР — чл[ен]-к[орреспондент] АН СССР проф[ессор] Пиксанов», но вписанное затем зачеркнуто и восстановлена строка о докладе Скосырева.

Также перед окончательным утверждением программы в ЦК ВКП(б) из нее были изъяты еще два пункта, в том числе «Обсуждение конспектов учебников по литературе (проф[ессор] В. А. Десницкий и проф[ессор] Л. И. Тимофеев)». Эти коррективы были внесены аппаратом министерства: «Ученая комиссия ГУВУЗ'а совместно с секцией литературы Института педобразования АПН рекомендовали пп. 4 и 7 повестки дня секции снять» (Там же. Л. 99).

Филологический факультет Ленинградского университета должны были представлять В. М. Жирмунский, Г. А. Гуковский, М. О. Скрипиль и А. Г. Дементьев; ректорат уведомил их и распорядился «командировать в г. Москву по вызову Министра Просвещения сроком с 16/II по 22/II — 48 г.» [49]

Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов проходило в Москве в Министерстве просвещения РСФСР с 16 по 23 февраля 1948 г. Это было беспрецедентное мероприятие, как по числу и географии участников, так и по исключительному вниманию к работе преподавателей литературы. Почти полгода, до начала обсуждения Августовской сессии ВАСХНИЛ, положения и итоги этого совещания оставались определяющими в литературоведении.

Для участия в конференции было распределено 772 билета — 410 для делегатов и 353 для гостей; десять именных пригласительных билетов были отосланы в ЦК ВКП(б)[50].

Программа совещания была утверждена в аппарате ЦК ВКП(б), там же были утверждены тезисы всех докладов. Наиболее серьезной из внесенных в программу совещания корректив было исключение из повестки запланированного доклада профессора Н. А. Глаголева «А. Н. Веселовский и его школа». Это вполне понятно, поскольку к тому времени вопрос о Веселовском уже не был дискуссионным, а известная примиренческая точка зрения Глаголева, изложенная им на страницах журнала «Октябрь» в декабре 1947 г.[51], не выдерживала никакой критики.

Ленинградское литературоведение было представлено внушительной делегацией[52]. Кроме профессоров филологического факультета ЛГУ В. М. Жирмунского, Г. А. Гуковского и М. О. Скрипиля, на совещании присутствовал «комиссар» ленинградского литературоведения доцент ЛГУ А. Г. Дементьев, доцент кафедры русской литературы Ленинградского государственного пединститута имени А. И. Герцена, член ВКП(б) Б. В. Папковский, заведующий кафедрой русской литературы Ленинградского пединститута имени М. Н. Покровского, член ВКП(б) В. Г. Базанов, член ВКП(б) Б. С. Мейлах, заведующий кафедрой советской литературы ЛГПИ, член ВКП(б) В. П. Друзин[53], заведующий кафедрой русской литературы ЛГПИ В. А. Десницкий, заведующий кафедрой всеобщей литературы ЛПИ Н. Я. Берковский, профессора ЛГПИ В. С. Спиридонов и М. А. Яковлев, профессора ЛПИ А. С. Долинин и А. М. Астахова, доцент ЛГПИ Д. Е. Максимов. Стоит отметить также, что в работе совещания приняли участие заведующий кафедрой всеобщей литературы Мордовского педагогического института М. М. Бахтин[54] и профессор Саратовского университета А. П. Скафтымов[55].

---

[49] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 304 от 18 февраля 1948 г. Подписан проректором ЛГУ профессором Ю. И. Полянским.

[50] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 7519. Л. 75.

[51] *Глаголев Н.* К вопросу о концепции А. Н. Веселовского. С. 182–186.

[52] Сведения об участниках совещания были поданы начальником Главного управления вузов Министерства просвещения РСФСР М. Орловым в отдел школ Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. В. Щукину 18 февраля 1948 г. (ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство Просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 7519. Л. 53–75).

[53] В документе указано, что В. П. Друзин, являясь кандидатом филологических наук, работает над докторской диссертацией на тему «История советской поэзии» (ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство Просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 7519. Л. 57).

[54] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство Просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 7519. Л. 73.

[55] Там же. Л. 109.

Торжественное открытие Всероссийского совещания состоялось 16 февраля:

«В президиуме совещания — министр просвещения РСФСР А. А. Вознесенский, заведующий Отделом школ ЦК ВКП(б) Н. Н. Яковлев, заведующий отделом (высших учебных заведений. — *П.Д.*) Управления кадров ЦК ВКП(б) Ф. И. Бараненков, заместитель министра Высшего образования СССР В. И. Светлов, президент Академии педагогических наук РСФСР И. А. Каиров, профессора А. М. Еголин, П. Н. Шимбирев, Д. Д. Благой, Н. Л. Бродский и др.

Под бурные аплодисменты собравшиеся избирают в почетный президиум Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с великим вождем трудящихся товарищем И. В. Сталиным.

Министр просвещения РСФСР проф[ессор] А. А. Вознесенский открывает совещание. В своем вступительном слове он приветствует собравшихся от имени Министерства просвещения и Академии педагогических наук.

— Впервые созывается такое широкое совещание для обсуждения важнейших вопросов преподавания литературы в высших учебных заведениях, — говорит министр. — Но так как работники литературных кафедр вузов обязаны вести не только педагогическую, но и научную работу, то наше совещание должно уделить серьезное внимание и вопросам научной разработки проблем литературоведения.

Литература является одним из важнейших участков идеологического фронта, а изучение истории и теории литературы занимает весьма важное место во многих высших учебных заведениях и в особенности в средней школе.

Наша партия, ее Центральный Комитет, товарищ Сталин руководят развитием советской литературы, направляя творческие усилия советских писателей. <...>

— Товарищ Сталин назвал наших писателей инженерами человеческих душ, — продолжает далее тов. Вознесенский. — Это определение подчеркивает величайшее значение литературы в деле коммунистического воспитания народа.

Это определение товарища Сталина налагает большую ответственность и на наших литературоведов, в частности на преподавателей литературы, которые призваны вооружить нашу молодежь научными знаниями в области теории и истории литературы и на этом материале воспитывать у нее марксистско-ленинское мировоззрение и коммунистическую мораль.

Именно преподавание литературы раскрывает неограниченные возможности воспитания чувства советского патриотизма и национальной советской гордости, сознания неизмеримого превосходства советского общественного и государственного строя, советской культуры — национальной по форме и социалистической по содержанию»[56].

После вступительной речи с программным докладом выступил А. М. Еголин. Полуторачасовое выступление, озаглавленное «Итоги философской дискуссии и задачи литературной науки», вполне отчетливо расставило акценты Всероссийского совещания.

Основные положения этого доклада уже были знакомы слушателям — в только что вышедшем номере журнала «Литература в школе» как раз была напечатана редакционная передовица под названием «Итоги философской дискуссии и задачи преподавания литературы». Опубликованная статья, автором которой был, без сомнения, тот же А. М. Еголин, хотя и содержала критику литературоведов, но все-таки достаточно сдержанную. (Б. М. Эйхенбаум оказался единственным из ленинградских филологов, кто был удостоен персонального замечания: «Яркой иллюстрацией низкопоклонства

[56] На Всероссийском совещании заведующих кафедрами литературы // Учительская газета. М., 1948. № 8. 19 февраля. С. 3.

перед всем иностранным могут служить работы проф[ессора] Б. М. Эйхенбаума о Толстом...»[57])

Но в своем докладе на совещании А. М. Еголин выступил уже более подробно и резко. Это касалось сложившейся ситуации на «филологическом фронте». Как свидетельствуют изданные тезисы доклада, Александр Михайлович без лишних реверансов объяснил литературоведам точку зрения партии:

> «В нашем литературоведении имеют место объективистское, аполитичное отношение к буржуазной науке, к концепциям буржуазных ученых, попытки амнистировать эти концепции, установить важность и ценность их для развития марксистско-ленинского литературоведения. Вместо "непримиримости в борьбе со своими противниками" (Жданов) некоторые литературоведы отдают дань академическим традициям старых буржуазных школ и стремятся даже в буржуазных ученых "видеть прежде всего союзника по профессии, а потом уже противника".
>
> Недопустимо объективистский характер носит защита некоторыми советскими учеными школы акад[емика] Веселовского. Необходимо усилить борьбу с буржуазной наукой, разоблачить попытки ее защиты и оправдания.
>
> Некоторые литературоведы занялись идеализацией реакционных сторон и тенденций во взглядах и творчестве ряда писателей прошлого. Вместо того, чтобы поленински разоблачать эти тенденции и таким путем обезвреживать их вредное идейное влияние, наблюдаются попытки затушевывания, оправдания и даже истолкования их в прогрессивно-демократическом духе. Справедливо раскритикованы в нашей печати работы проф[ессора] Кирпотина и проф[ессора] Долинина о Достоевском, работы проф[ессора] Эйхенбаума и Н. Гусева о Толстом. <...>
>
> Особенно позорными для советской науки являются факты низкопоклонства некоторых литературоведов перед западноевропейской наукой и культурой. Факты такого рода встретили решительное осуждение со стороны советской общественности в печати. (Критика идейно-порочной книги проф[ессора] Нусинова "Пушкин и мировая литература", в которой великий русский поэт ценится постольку, поскольку он выразил в своем творчестве идеи европеизма. В советской фольклористике все еще огромное влияние имеют буржуазные западноевропейские теории. В исследованиях о сказке проф[ессора] Проппа царит низкопоклонство перед этими теориями.)
>
> Низкопоклонство перед Западом имеет, к сожалению, давние традиции и потому должно встретить непримиримый отпор в нашей среде. Иногда приходится слышать заявления о том, что незачем критиковать работы, появившиеся шесть-семь лет назад. Это не большевистская, а объективистская точка зрения. Как не понимать того, что эти работы до сих пор читаются, по ним учатся, что они могут и дальше оказывать вредное влияние. Как, например, не осудить статей проф[ессора] Томашевского "Пушкин и народность" и "Поэтическое наследие Пушкина", в которых многие произведения великого русского поэта трактуются как подражание французским поэтам.
>
> Советская общественность справедливо критиковала проф[ессора] Эйхенбаума, доказывавшего, что величайшие шедевры Толстого вырастали под иностранным влиянием. Все эти факты, свидетельствующие о наличии среди советских литературоведов

---

[57] *[Еголин А. М.]* Итоги философской дискуссии и задачи преподавания литературы // Литература в школе. М., 1948. № 1. С. 7. При публикации напечатано «Б. В. Эйхенбаума».

осужденных партией и народом непатриотических настроений, должны беспощадно разоблачаться, независимо от времени и места их происхождения и появления»[58].

Как свидетельствует машинописный экземпляр этого доклада, подписанный А. М. Еголиным к печати, первоначально в выступлении предполагалось отметить, что «в работах В. М. Жирмунского, в исследованиях о сказке проф[ессора] Проппа царит низкопоклонство»[59], но в последний момент из доклада была вычеркнута фраза с упоминанием В. М. Жирмунского, приехавшего по личному приглашению А. А. Вознесенского, а в процессе дальнейшего редактирования была изъята и фамилия В. Я. Проппа.

Впоследствии, ввиду большой политической значимости данной проблематики, А. М. Еголин выступил с лекцией на эту тему в лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний; стенограмма лекции была напечатана в том же 1948 г. 100-тысячным тиражом[60].

Выступление А. М. Еголина отнюдь не было исключительным: предварительная подготовка и согласование тезисов докладов в аппарате ЦК ВКП(б) приносили вполне ощутимые результаты. Это касается как пленарных, так и секционных заседаний Совещания (работали две секции: русской литературы под руководством профессора Н. Л. Бродского и западной литературы под руководством доцента Р. М. Самарина).

Один из самых политически активных специалистов по западной литературе, беспартийный сотрудник ИМЛИ Р. М. Самарин излагал партийные установки на изучение зарубежной литературы:

> «Годы первой послевоенной пятилетки выдвинули новые особо ответственные задачи перед советскими педагогами-литературоведами, преподающими историю западноевропейской литературы. Выступления т. Сталина, Молотова и Жданова, постановления ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве дают преподавателям западноевропейской литературы ценнейшие указания для широкой перестройки их курсов.
>
> Выступая на философской дискуссии, т. Жданов призывал работников идеологического фронта бороться за большевистскую партийность. Преподаватель западноевропейской литературы должен осуществлять великий принцип большевистской партийности во всех видах своей работы. Неустанно повышая свою теоретическую подготовку, он должен строить любой читаемый им курс, любой из разделов курса на марксистско-ленинской основе, борясь против вульгарного социологизма и объективизма, против ложного академизма и аполитичности. Советская общественность, следуя указаниям ЦК ВКП(б), ведет сейчас развернутую борьбу против "низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед капиталистической культурой... Не освободившись от этих позорных пережитков, нельзя быть настоящим советским гражданином" (Молотов).
>
> Преподаватель западноевропейской литературы должен вести эту борьбу против низкопоклонства перед буржуазным Западом и в своих научных трудах, и в своих выступлениях на кафедре — широко применяя методы критики и самокритики, и особенно в повседневной работе. Он должен воспитывать аудиторию в духе советского

---

[58] *Еголин А. М.* Итоги философской дискуссии и задачи литературной науки // Основные этапы развития реализма в западноевропейской литературе: Тезисы докладов / Министерство просвещения РСФСР, Академия педагогических наук РСФСР. Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов. Секция западной литературы. М., 1948. С. 6–8.

[59] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения). Оп. 69. Д. 3617. Л. 8. Вычеркнуто рукой А. М. Еголина.

[60] *Еголин А. М.* Итоги философской дискуссии и задачи литературоведения.

патриотизма, освещая излагаемый историко-литературный материал в духе марксистско-ленинского учения.

Разоблачая гнилые буржуазные концепции, игнорировавшие значение великой русской литературы, преподаватель западноевропейской литературы должен в своих лекциях давать студентам исторически правильное представление о месте и значении русской литературы в мировом историко-литературном процессе. Предметом особого внимания для преподавателя западноевропейской литературы должен быть вопрос о влиянии русской литературы на литературы Запада. <...>

Показать превосходство передовой русской науки над буржуазной наукой Запада — вот благородная задача советского литературоведа, убеждающегося в этом при сравнительном изучении западноевропейского и русского литературоведения»[61].

Выступившие в заседаниях секции всячески подчеркивали основные тезисы Совещания. Сотрудник ИМЛИ А. А. Аникст, согласно своему политическому статусу члена ВКП(б), выступил едва ли не сильнее остальных «западников». Его доклад «Реализм эпохи Возрождения» начинался следующими сентенциями:

«Реакционная псевдонаука, служащая интересам империалистической буржуазии, ведя борьбу против социализма и демократии, подвергает искажению не только прогрессивные явления современности, но и культурные ценности прошлого. Одним из проявлений этого является отрицание существования Ренессанса, систематически проводимое реакционными историками и критиками. <...>

Советская наука, основываясь на принципах марксизма-ленинизма, отвергает антинаучные теории фашиствующих ученых, извращающих суть Ренессанса, а также ведет борьбу против буржуазно-либеральной трактовки этой эпохи представителями культурно-исторической школы, в частности, против школы А. Н. Веселовского. Основы подлинно научной трактовки литературы Ренессанса были заложены классиками марксизма»[62].

Таким образом, присутствовавшие на Всероссийском совещании получили всестороннюю картину идеологического состояния литературной науки; кроме того, здесь была озвучена точка зрения власти на концепцию Веселовского, а заявления выступавших уже не подразумевали разномыслия (окончательный вердикт в этом вопросе будет поставлен 11 марта газетой «Культура и жизнь»).

Чтобы оценить масштабы и уровень Совещания, перечислим доклады по дням его работы[63]. 16 февраля (пленарное заседание): проф[ессор] А. А. Вознесенский — вступительное слово; член-корреспондент АН СССР А. М. Еголин «Итоги философской

---

[61] *[Самарин Р. М.]* Введение // Основные этапы развития реализма в западноевропейской литературе: Тезисы докладов / Министерство просвещения РСФСР, Академия педагогических наук РСФСР. Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов. Секция западной литературы. М., 1948. С. 3–5.

[62] *Аникст А. А.* Реализм эпохи Возрождения // Там же. С. 5–6.

[63] Перечень докладов Совещания был позднее опубликован (Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов // Сборник информационных материалов / Академия педагогических наук РСФСР. М.; Л., 1948. № 29. С. 2–4); их распределение по дням указано в отпечатанной программе: Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов: [Программа] / Министерство просвещения РСФСР, Академия педагогических наук РСФСР. [М., 1948]. Упущения опубликованного перечня дополнены по: *Сморгонская В. Н.* Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов // Литература в школе. М., 1948. № 3. Май–июнь. С. 70–73.

дискуссии и задачи литературной науки»; 17 февраля (пленарные заседания): профессор А. И. Ревякин «Состояние и задачи преподавания литературы в педагогических и учительских институтах», профессор Н. Ф. Бельчиков «Научно-исследовательская работа кафедр литературы педагогических и учительских институтов»; 18 февраля (секционные заседания): профессор Н. А. Глаголев «Революционно-демократическая критика в России и ее значение в истории русской литературы», доцент У. Р. Фохт «Опыт периодизации истории русской литературы XIX века», доцент А. А. Аникст «Реализм эпохи Возрождения», профессор С. С. Мокульский «Основные этапы развития реализма в литературе XVII–XVIII вв.»; 19 февраля (секционные заседания): доцент Е. И. Ковальчик «Пути развития советской литературы», доцент Е. Л. Гальперина «Проблема реализма в западноевропейской литературе XIX–XX вв.»; 20 февраля (секционные заседания): профессор Л. И. Тимофеев «Об изучении теории литературы в высших педагогических учебных заведениях», доцент А. А. Исбах «Идейный упадок современной буржуазной литературы на Западе»; 21 февраля (утро — секционные заседания): доцент Н. А. Трифонов «О постановке практических и семинарских занятий», (вечер — объединенные заседания): доцент А. С. Мясников «Ленин и проблемы литературоведения», профессор Б. А. Бялик «Основные проблемы социалистического реализма»; 22 февраля (объединенные заседания): профессор Н. Ф. Бельчиков «30 лет советского литературоведения», профессор Д. Д. Благой «Мировое значение русской литературы», доцент Т. Л. Мотылева «Мировое значение советской литературы»; 23 февраля (утро — объединенное заседание): профессор П. Г. Богатырев «Основные проблемы изучения славянских литератур», председатель бюро национальных комиссий ССП СССР П. Г. Скосырев «Проблемы изучения национальных литератур СССР», заместитель министра высшего образования СССР В. И. Светлов «О постановлении ЦК ВКП(б) об опере Мурадели “Великая дружба”»; (вечер — пленарное заседание): были заслушаны доклады руководителей секций — профессора Н. Л. Бродского «Итоги работы секции русской литературы» и доцента Р. М. Самарина «Итоги работы секции западной литературы», а также состоялось принятие резолюции. В конце Совещания с докладом «Послевоенная советская литература» выступил секретарь правления ССП СССР Л. М. Субоцкий, а с прениями по его докладу — писатели М. И. Алигер, Б. Л. Горбатов, С. А. Васильев и П. П. Вершигора.

Отдельного упоминания достойна утренняя программа секционного заседания 21 февраля: «На секции западной литературы было проведено обсуждение учебника по всеобщей литературе М. П. Алексеева, В. М. Жирмунского, С. С. Мокульского и А. А. Смирнова (т. I, Средние века и «Возрождение»). Обсуждению предшествовало вступительное слово ответственного редактора учебника — члена-корреспондента АН СССР, проф[ессора] В. М. Жирмунского»[64].

Обсуждение началось с получасового вступительного слова В. М. Жирмунского, после чего на протяжении трех часов проходило оживленное обсуждение. Устроители совещания заранее позаботились о том, чтобы обсуждение велось по существу и участники заседания имели возможность ознакомиться с книгой. Именно для этого заместитель министра просвещения И. П. Кондаков направил 2 февраля 1948 г. заместителю директора КОГИЗа З. А. Ивановой письмо, в котором просил доставить 300 экземпляров книги к началу совещания[65].

---

[64] Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов // Сборник информационных материалов. № 29. С. 3.

[65] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство Просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 7519. Л. 102.

Хотя В. М. Жирмунский к тому времени уже был канонизирован в качестве «попугая Веселовского», обсуждение учебника велось сдержанно; важнейшая причина такого благополучного хода событий, конечно же, состояла в том, что любые резкие высказывания в адрес авторов учебника — крупнейших ленинградских литературоведов — относились бы и к бывшему ректору ЛГУ — действующему министру А. А. Вознесенскому.

Именно благодаря тому, что учебник на этом совещании обсуждался с оглядкой на министра, никакого разгрома «попугаев Веселовского» тогда не последовало, и профессора вернулись в Ленинград невредимыми.

Вышедшая вскоре в пропартийном журнале «Советская книга»[66] рецензия на этот учебник оказалась вполне благожелательной. Автор, профессор филологического факультета МГУ Борис Иванович Пуришев, пишет:

> «Новый учебник превосходит большинство старых учебников и учебных пособий не только по полноте материала, но и по своему методологическому уровню. <...> Несомненным достоинством учебника является также то, что он проникнут полемикой с реакционными буржуазными концепциями в области литературоведения»[67].

Говоря о недостатках книги, рецензент отмечал:

> «Более существенный недостаток книги заключается в том, что в ней подчас мало внимания уделяется социальной функции литературы, недостаточно решительно подчеркнута роль классовой борьбы в развитии литературы и искусства. <...> С этим связан и еще один большой вопрос: в какой мере учебник знакомит нашу молодежь с передовой русской литературной критикой? В учебнике мы находим ссылку на М. Карелина, много места уделено Веселовскому (причем даже не сделано попытки критически отнестись к его идеалистическим концепциям), зато почти совершенно отсутствуют революционные демократы...»[68]

Но, несмотря на вышесказанное, итогом рецензии был следующий вывод:

> «Отмеченные в рецензии недостатки, недомолвки или пробелы, которые без особого труда можно устранить в следующем издании, отнюдь не снижают высокой ценности учебника»[69].

Несомненно, рецензия Б. И. Пуришева, особенно учитывая практически решенный вопрос об А. Н. Веселовском, диссонирует с нарождающимся дискурсом эпохи. Однако в феврале 1949 г. на партсобрании в Учпедгизе, подведомственном Министерству просвещения, этому учебнику был-таки вынесен окончательный приговор:

> «В 1947 году, например, Учпедгиз выпустил книгу "История западноевропейской литературы" под редакцией проф[ессора] Жирмунского. Написана она с позиций реакционной буржуазной теории Веселовского. Вся древнерусская литература, по мыслям

[66] Журнал был организован в 1946 г. и выходил в издательстве ЦК ВКП(б) «Правда» (главный редактор — заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. М. Еголин); и хотя в издании журнала в 1947 г. произошли серьезные изменения («с января 1947 г. журнал «Советская книга» стал органом Академии наук СССР и входящих в ее состав отделений и научных учреждений» (От редакции // Советская книга. М., 1947. № 1. С. 3)), он продолжал выходить в издательстве ЦК ВКП(б) «Правда» и сохранил идеологию (главным редактором был назначен директор ОГИЗа, будущий академик и член ЦК КПСС П. Ф. Юдин, заместителем главного редактора — профессор Н. Ф. Бельчиков).

[67] *Пуришев Б. И.* [Рецензия на кн.: М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, С. С. Мокульский, А. А. Смирнов. История западноевропейской литературы] // Советская книга. М., 1948. № 7. С. 95.

[68] Там же. С. 97, 99.

[69] Там же. С. 101.

авторов этой книги, имеет сходство и общие источники с западноевропейской литературой, а гениальное произведение русского народа "Слово о полку Игореве" есть всего лишь копия старофранцузской "Песни о Роланде". Проф[ессор] Жирмунский и возглавляемый им коллектив авторов с усердием, достойным лучшего применения, подыскивают к каждому средневековому произведению подражателей и учеников в русской литературе. Эти космополиты от литературоведческой науки, по сути дела, оплевывают имена великих русских писателей, отрицая их национальную самобытность, превращая их в эпигонов писателей западноевропейских. Авторы назойливо убеждают читателя, что без Сервантеса не было бы Гоголя, без Шекспира Пушкин не смог бы написать "Бориса Годунова" и т. д.»[70].

Итогом и идеологически наиболее важным документом Всероссийского совещания стала развернутая резолюция, принятая 23 февраля — в день Советской армии и Военно-морского флота. Именно этот документ, принятый при содействии ЦК ВКП(б) и Министерства высшего образования СССР, стал направляющим в области литературоведения вплоть до начала идеологической кампании после сессии ВАСХНИЛ:

«Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов отмечает:

1. Решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и итоги философской дискуссии явились конкретной программой борьбы за дальнейшее повышение идейно-политического и научного уровня преподавания литературы в педагогических высших учебных заведениях. Кафедры литературы провели значительную работу по улучшению качества преподавания и постановки воспитательной работы среди студенчества. Лекции, семинары и практические занятия приобрели большую идейно-политическую остроту, глубже стало раскрываться величие и мировое значение русской литературы. Возросли внимание и интерес к советской литературе. Шире стала вестись борьба с низкопоклонством перед буржуазной культурой.

2. Однако преподавание литературы и научная разработка проблем литературоведения в педагогических вузах еще не соответствует по своему идейно-теоретическому уровню тем требованиям, которые выдвинуты решениями ЦК ВКП(б) по вопросам искусства и литературы. Работа кафедр литературы страдает серьезными недостатками:

а) партийно-большевистская трактовка литературных явлений в ряде случаев подменяется объективистской и упрощенной характеристикой отдельных произведений или творчества того или иного писателя, в частности, не обращается должного внимания на разоблачение реакционных явлений и тенденций в литературе и литературоведении;

б) мировое значение русской литературы характеризуется по преимуществу в общей декларативной форме, нередко остается нераскрытой ее социальная направленность и влияние русской литературы на развитие зарубежной литературы;

в) имеет место недооценка значения советской литературы в идейно-политическом воспитании молодежи и подготовке учителей советской школы; некоторые кафедры литературы в своей работе еще не раскрывают всего идейно-художественного богатства и всемирно-исторического значения советской литературы;

[70] *Моисеев Л.* Вытравить из учебной литературы проявления космополитизма: С партийного собрания в Учпедгизе РСФСР // Учительская газета. М., 1949. № 20. 16 февраля. С. 2.

г) еще не изжито низкопоклонство перед западной буржуазной культурой: писатели, составляющие славу и гордость русской литературы, нередко характеризуются как подражатели; в практике преподавания не раскрываются в должной полноте ошибочные идеи и положения, с которыми выступали представители сравнительно-исторической и других буржуазных школ и их эпигоны;

д) часто встречается одностороннее понимание проблемы коммунистического воспитания студенчества в преподавании литературы: воспитательные задачи иногда связываются лишь с курсом советской литературы, в то время как этим целям необходимо подчинить трактовку всех разделов курса;

е) курс новейшей западной литературы не приобрел еще того наступательного характера, о необходимости которого говорил тов. Жданов; задача разоблачения буржуазной культуры, находящейся в состоянии разложения, не стала еще определяющей при изучении этого периода развития всеобщей литературы; не находит должного отражения влияние советской литературы на зарубежных писателей;

ж) неудовлетворительно поставлено преподавание литературы на факультетах иностранных языков; курс литературы здесь часто превращается в предмет практики по языку, тем самым снижается научно-теоретический уровень, идейная направленность и воспитательное значение курса литературы. <...>

Совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов постановляет:

1. Всем кафедрам литературы высших педагогических учебных заведений усилить борьбу за повышение идейно-политического уровня преподавания и исследовательской работы; четко и последовательно применять ленинский принцип партийности, разоблачать элементы объективизма, аполитичности в трактовке литературных явлений, придавать историко-литературным курсам и исследованиям большую идейную направленность и политическую остроту. На всех этапах изучения русской литературы раскрывать величие и мировое значение русской литературы, показывать огромное превосходство советской литературы в мире, бороться систематически с проявлениями низкопоклонства перед зарубежной буржуазной культурой.

2. Пронизывая лекционные курсы, семинарские и практические занятия духом воинствующей большевистской партийности, еще шире использовать художественную литературу как источник коммунистического воспитания, как средство формирования идейно-политического и морального облика советского учителя. Художественная литература может и должна быть максимально использована в процессе преподавания как действенное средство показа великих преимуществ советского строя перед капиталистическим строем»[71].

Заканчивалась резолюция словами:

«Совещание выражает уверенность, что работники педагогических вузов, осуществляя указание Центрального Комитета нашей партии, поставят работу кафедр литературы на уровень, отвечающий требованиям нашей Сталинской эпохи»[72].

По результатам совещания вносились изменения в программы и экзаменационные билеты. 22 апреля 1948 г. министр А. А. Вознесенский выступил в «Учительской газете» по поводу предстоящих экзаменов. Речь шла и о литературе:

---

[71] Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов. С. 5–8.

[72] Там же. С. 12.

«Ряд новых вопросов включен в билеты по литературе. Они имеют целью подчеркнуть оригинальность, самобытность, высокую идейность и мировое значение русской литературы. Особенно подчеркиваются в билетах глубина идейного содержания, новаторство и мировое значение советской литературы»[73].

КРИТИКА Г. П. МАКОГОНЕНКО И О. Ф. БЕРГГОЛЬЦ

Не успел доцент филологического факультета Георгий Пантелеймонович Макогоненко оправдаться за свою политическую близорукость в оценке творчества Достоевского, отмеченную 21 января газетой «Ленинградский университет»[74], как уже стал объектом резкой критики со стороны главной городской газеты — «Ленинградской правды».

30 января 1948 г. там появилась статья известного театрального критика Симона Давидовича Дрейдена[75] «О фальшивой пьесе и плохом спектакле». Посвящена она была пьесе Г. П. Макогоненко и его гражданской жены О. Ф. Берггольц «У нас на земле», поставленной на сцене БДТ имени А. М. Горького.

Примечательно, что Г. П. Макогоненко оказался едва ли не единственным среди ленинградских литературоведов, «отмеченным» критикой в связи с Постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению».

Ко времени появления статьи С. Д. Дрейдена драматическое творчество Ольги Федоровны Берггольц, овеянной славой ленинградской поэтессы, и молодого, но уже знаменитого, благодаря своим выступлениям по блокадному Ленинградскому радио, писателя и литературоведа Г. П. Макогоненко были широко известны в городе. На тему обороны Ленинграда ими в 1943 г. была написана пьеса «Они жили в Ленинграде»[76]; в 1945 г. — киносценарий «Ленинградская симфония», посвященный исполнению Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в блокадном Ленинграде. Особенным успехом пользовалась их пьеса «Верные сердца», посвященная подвигу молодых ленинградцев, которая была поставлена в 1945 г. на сцене московского Камерного театра[77].

Но уже само заглавие статьи Дрейдена не сулило авторам ничего хорошего, а диагноз автор ставит в первом абзаце своего текста:

«Прошло уже почти полтора года после исторического постановления ЦК партии, сурово осудившего практику драматургов и театров, которые в ряде пьес

---

[73] *Вознесенский А. А.* Государственная проверка работы школы: [К предстоящим экзаменам] // Учительская газета. М., 1948. № 17. 22 апреля. С. 2.

[74] За партийность литературоведения... С. 4.

[75] Дрейден Симон Давыдович (1905–1991) — театральный и музыкальный критик, в декабре 1949 г. арестован, осужден по 58-й статье на 10 лет ИТЛ; в августе 1954 г. освобожден, реабилитирован.

[76] Именно появление этой пьесы стало основанием для избрания Г. П. Макогоненко в декабре 1943 г. в члены ССП СССР. Всеволод Вишневский писал в своей рекомендации: «Главная же работа тов. Макогоненко — прекрасная киноповесть "Они жили в Ленинграде", написанная им совместно с т. О. Берггольц в 1943 г. Автор этой повести вполне заслуживает быть членом ССП» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 3. Д. 359. Л. 20).

[77] *Дружинин П. А.* Просветитель XX века: Георгий Пантелеймонович Макогоненко (1912–1986) // *Дружинин П. А., Соболев А. Л.* Книги с дарственными надписями в библиотеке Г. П. Макогоненко. М., 2006. С. 17–18.

создавали искаженное представление о советской жизни, изображали советских людей в уродливо-карикатурной форме. В какой же степени новая пьеса О. Берггольц и Г. Макогоненко "У нас на земле", поставленная Большим драматическим театром имени М. Горького, отвечает законному требованию народа — "создать яркие, полноценные в художественном отношении произведения о жизни советского общества, о советском человеке"? Драматурги и театр не справились с этой задачей» [78].

По поводу фабулы пьесы рецензент пишет:

«Авторы устами своих героев затрагивают здесь большие вопросы, но разрешают их примитивно и поверхностно.

Для передового советского человека интересы его личности и общества неотделимы. Победы социализма в нашей стране утверждаются не только в острой борьбе с внешними врагами, но и в неустанной борьбе с пережитками прошлого в сознании людей, с остатками буржуазной морали. В процессе этой борьбы вырисовывается новый тип драматических конфликтов. Характеризуются они, в частности, тем, что внутри советского общества борьба с носителями отрицательных, идущих от старого черт является в то же время борьбою за этих людей, за их социалистическое перевоспитание. Всю эту борьбу возглавляет наша великая партия, организующая и вдохновляющая роль которой не находит никакого отражения в содержании пьесы.

Как же понимают и как показывают драматурги "неделимых советских людей" и их внутренний рост?

Пожалуй, ни о ком столько не говорят в пьесе и никого столько не восхваляют, как знатную стахановку Галю Снежкову — гордость завода, всесоюзную знаменитость. Но жизнь ее, до поры до времени, не мила. По собственному признанию, она "герой поневоле, по недоразумению". На завод Снежкова пошла лишь потому, что "личная жизнь зашла в какой-то тупик". Очень скоро выясняется, что это за тупик: эвакуированная из блокадного Ленинграда, морально подавленная, одинокая, Галя сошлась с каким-то ничтожеством. Тот ее бросил. Она покорно перешла к его приятелю: "жить не хотелось, умирать не решалась, тянула лямку кое-как...", пока не "оборвала".

Выясняется, однако, что и новая жизнь, трудовая слава морального успокоения "мятущейся душе" не приносят. В ответ на слова, что, перейдя из конторы в цех, она совершила своевременный, нужный поступок, Галя с горечью замечает: "Я скоро поняла, что дело не во мне. Нужен был поступок, а не человек, то есть не весь человек".

Личное и общественное, "человеческое» и "производственное", как видно, наглухо разгорожены в ее сознании. Никакой, хотя бы минимальной, радости от творческого труда, патриотической воодушевленности всем, чем жил народ в военные годы, живого ощущения коллектива советских людей Галя не испытывает. Она уныло говорит о людях — "все хорошие, а одного, своего, не найти". Но вот "свой" находится — и всё в порядке» [79].

Столь тонкие наблюдения, особенно с переходом в область идеологии, да еще и озвученные через печатный орган Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), гарантировали обсуждение «на местах».

Кроме того, вслед за статьей, 3 февраля, именно вопросу «правильного» изображения положительных героев было посвящено специальное собрание писателей города:

---

[78] *Дрейден Сим.* О фальшивой пьесе и плохом спектакле // Ленинградская правда. Л., 1948. № 24. 30 января С. 3.

[79] Там же.

«В Доме писателя имени Маяковского состоялось общее собрание ленинградских прозаиков, поэтов, драматургов и критиков. Оно было посвящено теме "Партия и образы большевиков в советской литературе".

Во вступительном слове доктор филологических наук проф[ессор] Б. С. Мейлах сказал:

— За 30 лет своего развития советская литература создала ряд ценных произведений, показывающих роль партии в развитии нашего государства, в социалистическом строительстве. Однако здесь писателям еще предстоит создать очень многое. Тов. Мейлах отметил, что некоторые авторы изображают коммунистов, не показывая их связи с массами, вне всенародной борьбы за социализм.

Председатель Ленинградского отделения Союза советских писателей А. Прокофьев критиковал ряд произведений, упрощенно трактующих образ большевика»[80].

Но в случае с пьесой О. Ф. Берггольц и Г. П. Макогоненко произошло довольно редкое для конца 40-х гг. событие — авторам удалось вырваться из стальных щупальцев большевистской критики. И причиной тому было совершенно исключительное положение, которое занимала Ольга Федоровна Берггольц в послевоенном Ленинграде.

Первым, кто выступил в защиту пьесы, оказался А. А. Прокофьев — глава ленинградской писательской организации. По его инициативе (по-видимому, с подачи Ольги Федоровны и при поддержке со стороны А. А. Фадеева) 19 февраля 1948 г. состоялось открытое заседание правления ЛО ССП, основным вопросом повестки дня на котором было «Обсуждение пьесы О. Берггольц и Г. Макогоненко "У нас на земле"».

В действительности на этом заседании речь шла не о самой пьесе, напечатанной в декабрьском номере «Звезды»[81], а о статье в «Ленинградской правде»; да и разговор велся не столько о драматургии, сколько о театральной критике.

Вводное слово произнес Б. Ф. Чирсков, после которого в своих выступлениях схлестнулись самые знаменитые театральные критики Ленинграда — и автор статьи С. Д. Дрейден, и И. Б. Березарк, и С. Л. Цимбал[82] — все те, кто через год без разбору будут названы безродными космополитами и вычищены из советских учреждений.

Если Симон Давидович стоял на своем — выступал с политизированными обвинениями, называл пьесу пасквилем на советскую действительность и даже нападал на А. А. Прокофьева, то и Илья Борисович, и Сергей Львович выступали в защиту пьесы и ее авторов; также к стороне защиты присоединились писатели А. А. Крон, Е. Л. Шварц и др. Евгений Львович Шварц сказал тогда:

«Я не хотел вообще выступать, потому что не считаю себя на данном этапе развития достаточно оснащенным всякими теоретическими знаниями, чтобы твердо и точно разъяснить, хотя бы [Р. Р.] Сусловичу, что в пьесе хорошего и что плохого. Это даже

[80] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 122. Л. 35–36 («"Партия и образы большевиков в советской литературе": собрание ленинградских писателей»).

[81] *Берггольц О., Макогоненко Г.* У нас на земле: Пьеса // Звезда. Л., 1947. № 12. С. 120–161.

[82] Цимбал Сергей Львович (1907–1978) — театральный критик, впоследствии доктор искусствоведения (1975 г., тема — «Многообразие социалистического реализма и новаторство советского театра»), профессор (1976).

Стоит отметить, что С. Л. Цимбала с прорабатываемыми связывала близкая дружба; в библиотеке Г. П. Макогоненко имелись пять его книг с теплыми дарственными надписями. См.: *Дружинин П. А., Соболев А. Л.* Указ. соч. С. 196–197. № 570–574.

почти невозможно, как, например, в басне Толстого, когда слепому объясняют, что такое белый цвет.

Начну издалека. Не удивляйтесь, что мы говорим о статьях. Именно такого рода статьи мешают говорить по существу. Бывало, не особенно нравится пьеса, но благодаря появлению безобразной, несправедливой статьи приходится забывать гамбургский счет и восстанавливать хотя бы приблизительно справедливость. <...>

Каждый раз, когда в пьесе видишь что-нибудь живое, каждый раз, когда видишь, что кто-то еще так же серьезно и так же ответственно думает над тем, как обработать и что делать с новым материалом, радуешься, как будто бы встречаешь попутчика. Мы слышали пьесу Берггольц и Макогоненко, когда она впервые читалась в БДТ, и я был обрадован самым искренним образом. Во-первых, тем, что встретил товарищей по работе, которые столь же ответственно и с таким же трудом, как в первый раз, пробовали поднять, вскрыть и сделать доступным зрителю новый материал, который до сих пор как следует не был обработан. Делается это со всей доступной им добросовестностью и талантом. То, что было сказано, что эта пьеса поэтическая, — это немаловажно. Пьеса поэтическая от начала до конца. Вот что мне нравится, и вот почему я ее защищаю с особой яростью.

Я должен сказать, что здесь была пальба из автоматов по людям, которые нарушили правила дорожного движения. Раз поднят новый материал, то кончен вопрос о профессионализме. <...>

Пьеса несколько приподнята, и поэтому, несмотря на то что материал внешне реалистический, он приподнят поэтически, и естественно, что люди с гордостью говорят о своих традициях. Ложь я очень хорошо чувствую и глубоко убежден в том, что этого как раз здесь и не было. Все мы с волнением слушали эту пьесу. Ощущение времени — сегодняшнего дня и прошедшего времени, которое продолжает жить в сегодняшнем дне, с моей точки зрения, в пьесе достаточно убедительно.

Я не хотел говорить, но в некоторых случаях нужно преодолевать свое отвращение к публичным выступлениям. Я говорю “с отвращением”, потому что труднее доказать, что то, что мне понравилось, действительно хорошо, но поверьте мне — здесь нет никакого желания лишний раз столкнуться с критиком, а глубокое убеждение человека, который работает добросовестно, что это некоторый этап на том трудном пути, по которому мы все идем в меру наших сил и возможностей, и что это настоящее произведение искусства, а настоящее произведение искусства живет. А к тому, что живет, нужно относиться как к живому существу, и то убийственное отношение, которое было в статьях наших критиков, создает нездоровую атмосферу, потому что серьезного разговора не получается. Когда на ваших глазах избивают человека, то вы не занимаетесь тем, что завязываете ему галстук, а стараетесь привести в чувство.

А затем нужно поговорить о методах. Солидаризироваться со статьей Дрейдена невозможно, потому что это сплошные выкрики и окрики. Три дня после этой статьи я ходил как заржавленный, хотя ко мне она никакого отношения не имела»[83].

Ольга Берггольц предпочла дождаться конца выступлений: «Прорабатывают нас, и поэтому я должна выступить последней»[84]. Поскольку о хороших сторонах пьесы уже

[83] *Беневич Е.М.* Евгений Шварц: Хроника жизни. СПб., 2008. С. 492–494. Возможно, Е.Л. Шварц так переживал еще и потому, что с С.Д. Дрейденом он был в хороших отношениях, да и позже, когда в 1949 г. С.Д. Дрейден после «обсуждения» лежал в больнице с инфарктом, Е.Л. Шварц навещал его.

[84] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 45. Л. 136.

было сказано другими выступавшими, то Ольга Федоровна коснулась самого главного — методов С.Д. Дрейдена:

«Скажу о вежливости и грубости. Когда двух советских писателей называют пасквилянтами, то это невежливо и грубо, и нужно разговаривать с советскими писателями как с писателями, тем более что ваше обвинение в пасквилянтстве никак не аргументировано.

Я очень внимательно слушала, но тем не менее я все-таки очень много не поняла.

Я не понимаю, почему молодая девушка 20 лет, оказавшаяся в страшно тяжелых моральных и материальных условиях, которую обманул какой-то мерзавец и которая тяжело это переживает, — пасквиль на советскую стахановку. Конечно, это больно и тяжело.

Я считаю необходимым условием вежливости и приличия правильность цитации. И когда цитируется таким образом, что от того, что пишет автор, ничего не остается, то это не очень прилично <...>.

Дрейден особенно возмущался, почему пьеса была искусственно раздута. Что это значит? Разве мы взятки кому-то давали? Почему вы это так настойчиво подчеркиваете, что ей искусственно создан авторитет. Ведь ее выдвигали какие-то авторитетные люди. Они даже не знали, что это наша пьеса. Значит, нужно уметь уважать общественное мнение, хотя бы оно и не совпадало с вашим. Почему оно искусственно создано?

(С МЕСТА: Это мнение покойного Михоэлса.)

Человек, который выдвигал эту пьесу, был покойный Михоэлс. Я считаю мнение Михоэлса не ниже вашего. Он говорил о чистоте пьесы. Он говорил о том, что пьеса позволяет ставить вопрос об интегральном человеке. Он находил в ней недостатки и указал на обилие положений. Мы туда страшно много ситуаций наворотили и наверное где-то в чем-то ошиблись. Но почему мы должны верить Вам и не верить Михоэлсу, который в то же время и критикует?»[85]

Поскольку истинные причины гибели С. М. Михоэлса тогда были неизвестны, то его покровительство драматическому творчеству О. Ф. Берггольц и Г. П. Макогоненко, начавшееся еще с постановки их пьесы в Камерном театре, не могло быть поставлено им в вину. Авторитет Ольги Берггольц был в Ленинграде тогда столь высок, что даже критика после августовского постановления не смогла его поколебать. Именно этим и только этим объясняется то обстоятельство, что проведенное собрание остановило волну критики, и серьезных последствий для доцента Г. П. Макогоненко это дело не имело.

Одним из немногих, кто попенял Георгию Пантелеймоновичу печатно, оказался его одногруппник по филологическому факультету, специалист по советской литературе Е. И. Наумов. В августе 1948 г. он отметил в одной из своих статей:

«Однако журнал “Звезда” еще далеко не полностью удовлетворяет высокие требования читателей. Все еще мало в нем произведений, посвященных послевоенному труду, отражающих жизнь сегодняшнего дня. Подчас некоторые писатели больше обращаются в своих произведениях к прошлому, чем к настоящему. В журнале были опубликованы художественно слабые произведения, в частности пьеса О. Берггольц и Г. Макогоненко “У нас на земле”»[86].

Что же касается автора погромной рецензии, С.Д. Дрейдена, то по причине своей нерусской фамилии он был причислен в 1949 г. к безродным космополитам,

---

[85] Там же. Л. 141–143 об.

[86] *Наумов Е.* На верном пути: Ко второй годовщине постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» // Вечерний Ленинрад. Л., 1948. № 191. 14 августа. С. 3.

«разоблачен», получив во время проработки инфаркт миокарда, изгнан со всех мест работы, а 23 декабря 1949 г. арестован по доносу коллеги по писательскому цеху и приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей[87].

«СПЕЦИАЛИСТЫ» ПО НИЗКОПОКЛОНСТВУ: М. К. АЗАДОВСКИЙ, В. Я. ПРОПП, Б. М. ЭЙХЕНБАУМ...

10 января «Литературная газета» опубликовала статью литературоведа В. И. Бутусова «‘ Специалисты” по низкопоклонству», посвященную ученым-фольклористам. Этот ныне забытый автор — характерный представитель мощного пласта советского послевоенного литературоведения, был тесно связан с Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и, как было принято в таких случаях, одновременно трудился на переднем крае советской литературной науки — в ИМЛИ имени Горького[88].

Начинает автор генеалогию «низкопоклонства» от профессора М. К. Азадовского:

> «Характер и своеобразие русской литературы нельзя понять, не учитывая ее взаимодействия с устной народной поэзией. Великие русские писатели высоко ценили поэзию народа и пользовались ее сокровищами. Между тем, некоторые ученые “специалисты” рассматривают связь художественной литературы и устной поэзии с ошибочных, ложных позиций.
>
> Известно утверждение М. Азадовского о том, что интерес Пушкина к творчеству русского народа был вызван... влиянием идей, проникающих в Россию с Запада.
>
> Азадовский не один в своих заблуждениях. В сборнике “Песни русских поэтов” (редакция, статьи и комментарии И. Розанова) проф[ессор] Розанов утверждает: “Если сравнить количество песен (Пушкина. — *В. Б.*), являвшихся подражанием русскому

---

[87] *Дрейден С. Д.* Каторжанин 50-х // Распятые: Писатели — жертвы политических репрессий / Сост. З. Л. Дичаров. СПб., 1998. Вып. 4: От имени живых... С. 114–115.

[88] Бутусов Виктор Иванович (1913–?) — литературовед и журналист, окончил Литературный институт имени А. М. Горького, получив специальность учителя русского языка и литературы средней школы. С сентября 1939 г. — оперативный сотрудник НКВД в Москве, затем в Белостоке; в 1941–1945 гг. — в действующей армии в качестве оперативного сотрудника НКВД–НКГБ; в мае 1942 г. вступил в ряды ВКП(б); в 1944 г. был ранен, награжден орденом Боевого Красного Знамени. Демобилизован в 1945 г. по ранению в звании майора (Личное дело — АРАН. Ф. 411 (Управление кадров АН СССР). Оп. 39. Д. 227. Л. 1–5). С декабря 1945 г. по декабрь 1948 г. — аспирант филологического факультета МГУ, 19 октября 1949 г. защитил в МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Народное творчество в художественной практике А. С. Пушкина: (Опыт исследования)». Однако его пушкиноведческие работы не находили должного признания: рецензия В. Бутусова на прекращенное в 1949 г. собрание сочинений А. С. Пушкина (*Бутусов В.* Академическое собрание сочинений Пушкина // Октябрь. М., 1950. № 3. С. 180–184) уже в 1966 г. получает характеристику «легковесной и некомпетентной» (*Измайлов Н. В.* Текстология // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 589). Впоследствии занимался проблемами советской литературы.

Бутусова-рецензента лета 1952 г. характеризует в своих воспоминаниях Генрих Натанович Эльштейн-Горчаков: «...Я переписал свою тетрадь и, приложив небольшое жизнеописание, отправил заказным письмом в ЦК ВКП(б). Ученый муж из института Мировой литературы, некий Бутусов, в своем отзыве и в заметках на полях одарил меня целым букетом: “откровенный формализм”, “этак рассуждает буржуазный либерал”, “безбожно путает и прикрывается марксистскими фразами”, “сознательно проводит идеи субъективного идеализма”, не понимает этот “ман”, и, наконец, необходимая точка — “космополитизм”» (цит. по кн.: *Горчаков Г. Н.* Л-1–105: Воспоминания. Иерусалим, 1995. С. 309).

фольклору, с количеством песен, навеянных чужим фольклором, то окажется, что вторых значительно больше". Следовательно, "русской песенной лирике Пушкин уделял сравнительно мало внимания".

Путем внешнего арифметического подсчета тем и сюжетов исследователь искажает творческий облик Пушкина, умаляет значение русской народной поэзии для его творчества.

Проф[ессор] В. Пропп в пространной статье "Специфика фольклора" фактически утверждает невозможность изучения народного творчества. Народная поэзия, говорит он, "акт малоизученных форм сознания". В этой поэзии "поступают так, а не иначе, не потому, что так было в действительности, а потому, что это так представлялось по законам первобытного мышления". "Это мышление и вся система первобытного мировоззрения должны быть изучены. Иначе ни композиция, ни сюжеты, ни отдельные мотивы не смогут быть поняты". Так как первобытное мышление, очевидно, кажется профессору непостижимым, то и народное творчество переходит в разряд непознаваемого.

Художественную литературу проф[ессор] Пропп объявляет продуктом "иного", "высшего сознания". Таким образом, проф[ессор] Пропп отгораживает ее от народного творчества непреодолимой стеной. Для народной поэзии оказываются неприменимыми методы исследования, принятые для изучения литературы. Художественный опыт поэтического творчества народа изымается из сферы литературоведения»[89].

Затем автор еще раз возвращается к М. К. Азадовскому:

«Возьмем, к примеру, сборник "Фронтовой фольклор", составленный в 1944 г. В. Крупянской под редакцией и с предисловием М. Азадовского.

В "исследовании", предпосланном этому сборнику, составитель исходит из тех же антинаучных теорий, по которым поэтическое творчество народа объявляется "переделкой" или "переосмыслением" старого.

В качестве примеров фронтовой песенной лирики составительница сборника приводит образцы "популярнейших песен фронтовой молодежи", вроде: "За три года в армии вся любовь забудется", или преподносит "творческую историю" песни о молодом парне, позабытом девушкой.

В качестве "мудрых" народных выражений публикуются: машина системы Рено имеет две скорости: "тпру" и "но" (лошадь); ласкательное прозвище советского ястребка — "Яшка-приписник". Или: "На бой идти нужно, как к невесте". Нет нужды приводить все перлы этого сборника, выдаваемые за "фронтовой фольклор"»[90].

21 января 1948 г. большой «поклонник» Б. М. Эйхенбаума — сотрудник аппарата ЦК ВКП(б) Б. С. Рюриков выступил в партийной газете «Культура и жизнь» со статьей «О творчестве Л. Толстого и некоторых его истолкователях». Посвящена она, казалось бы, грядущему юбилею писателя:

«В 1948 году исполняется 120 лет со дня рождения Л. Н. Толстого В связи с этой годовщиной еще более усиливается интерес нашего народа к творчеству великого писателя, возрастает стремление советских людей глубже уяснить историческое место Толстого в развитии русской и мировой литературы. За последние годы появился ряд

---

[89] *Бутусов В.* «Специалисты» по низкопоклонству // Литературная газета. М., 1948. № 3. 10 января. С. 3.

[90] Там же.

книг и статей о Толстом, и законен вопрос, насколько отвечают эти работы высоким требованиям, предъявляемым к ним»[91].

Как выясняется из текста статьи, работы этим требованиям не отвечают:

«Некоторые литературоведы в своих характеристиках произведений Толстого отходят от тех гениальных по своей глубине и всесторонности оценок, которые даны творчеству Толстого В. И. Лениным. Работа некоторых литературоведов о Толстом по существу есть не что иное, как попытка смягчить критику реакционных сторон творчества Толстого, уклониться от разоблачения ложных и вредных идей в его мировоззрении»[92].

Таковыми оказываются работы В. С. Спиридонова, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева и Б. М. Эйхенбаума. Относительно последнего автор пишет:

«Советский литературовед — не летописец, спокойно и равнодушно рассказывающий о писателях прошлого, он сам — носитель и выразитель той высокой идейности, которая всегда отличала передовую русскую литературу. Ленинский принцип партийности литературы требует отчетливого отношения к явлениям прошлого, разъяснения значения передового, идейного творчества, глубокого и боевого раскрытия вредности отсталых, реакционных теорий.

Между тем до сих пор не преодолен ложный академический "объективизм", и некоторые авторы в "нейтральных" тонах говорят о явлениях, требующих ясной и четкой оценки.

Автор статьи о Толстом в 54-м томе Большой советской энциклопедии Б. Эйхенбаум, говоря о религиозных исканиях Толстого, ограничивается такой характеристикой:

"В своих религиозно-философских сочинениях Толстой разоблачал церковь, стремясь восстановить чистое (?) христианство с его учением о любви и о 'непротивлении злу насилием'".

Автор забыл сказать, что в религиозно-философских сочинениях Толстого проповедуется мистицизм, отрицается общественный прогресс, ниспровергается наука, религиозное "очищение" противопоставляется революционной деятельности. Он оперирует словечками о "чистом христианстве", как будто правомерно само деление религии на чистую и нечистую.

Автор не раскрывает, в чем же вредность толстовского "непротивления злу". Он забывает слова Ленина, писавшего, что в произведениях Толстого содержится "проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины".

Так дурной "объективизм" оказывается очень удобной формой умолчания о реакционной сущности толстовщины.

Кому не известно, что представляла собой в истории русской общественной мысли толстовщина? "Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские 'толстовцы', пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения", — писал Ленин»[93].

---

[91] *Рюриков Б.* О творчестве Л. Толстого и некоторых его истолкователях // Культура и жизнь. М., 1948. № 2 (57). 21 января. С. 3.

[92] Там же. С. 4.

[93] Там же.

Если указанные статьи В. Бутусова и Б. Рюрикова представляют собой варианты прежних обвинений и даже кажутся сдержанными, то программная статья Ан. Тарасенкова «Космополиты от литературоведения», напечатанная в февральской книжке «Нового мира», выводит обвинения на более серьезный уровень.

Критик Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909–1957), ныне известный лишь в качестве выдающегося собирателя русской поэзии XX в., в то время занимал входящий в номенклатуру ЦК ВКП(б) пост заместителя главного редактора журнала ССП СССР «Знамя», а все его критические статьи писались исключительно «в духе текущих директив»[94].

Такова и указанная статья, причем термин «космополитизм» вошел в заголовок уже на последнем этапе (номер был подписан к печати 6 февраля), это произошло уже после «публичных чтений» будущей статьи — ее основные положения были обкатаны Анатолием Кузьмичом на партийном собрании московских писателей, посвященном борьбе с низкопоклонством в литературоведении:

> «Заслушав и обсудив доклад тов. Тарасенкова “О явлениях низкопоклонства перед Западом в советском литературоведении”, общее партийное собрание московской организации Союза советских писателей отмечает, что в ряде литературоведческих книг и научных трудов, появившихся в последние годы, сказалось влияние враждебных марксизму-ленинизму теорий, сущность которых сводится к преклонению перед западной буржуазной культурой. Это влияние сказалось в книге члена партийной организации Союза советских писателей тов. Нусинова “Пушкин и мировая литература”, в статьях и книгах ленинградских литературоведов тт. Эйхенбаума, Проппа (“Исторические корни волшебной сказки”)...»[95]

Эта значительная по объему (почти полтора печатных листа) статья представляет собой отредактированную стенограмму того самого доклада. Тяжесть политических обвинений этой «критической» стати, неприкрытое заушательство, зубодробительный «дискурс» — даже для того времени такой поток брани еще казался чрезмерным. И хотя главным объектом для избиения, взяв пример с А. А. Фадеева, автор избрал И. М. Нусинова (который, конечно же, не мог оставаться долго на свободе после такого камнепада — 12 января 1949 г. он все-таки был арестован и умер во время следствия), однако досталось и другим историкам литературы, в том числе ленинградским:

> «Презрение по отношению к России, ее культуре, ее великим идеям было характерно и для иезуита Бухарина, и для бандитского “космополита” Троцкого. Это грозные напоминания. Они показывают нам, с чем роднится в современных политических условиях дух преклонения перед западной буржуазной культурой и цивилизацией, кому он служит. Под флагом космополитизма действуют сейчас темные дельцы из черчиллевско-трумэновской шайки, всячески стремящиеся ущемить суверенитет малых и больших народов, попрать их национальную самобытность, стереть их национальную культуру, принеся ее в жертву господину доллару.
>
> Нельзя пройти мимо тех тенденций, которые проявились в книге профессора Нусинова “Пушкин и мировая литература”. Эта книга вышла в свет в начале войны, во второй половине 1941 года. В те дни мы воевали, нам было попросту некогда заниматься

---

[94] Такова характеристика, данная ему в кн.: *Тименчик Р.Д.* Анна Ахматова в 1960-е годы. С. 450.

[95] Против низкопоклонства в литературоведении: Резолюция собрания партийной организации московских писателей // Литературная газета. М., 1948. № 7. 24 января. С. 4.

исследованием пухлых академических литературоведческих трудов. Но пришло время, когда все эти вопросы нужно рассмотреть подробно и обстоятельно. <...>

К сожалению, профессор Нусинов не одинок в своих заблуждениях, в своем низкопоклонстве перед Западом, в неумении увидеть и проанализировать самобытный характер нашего искусства, нашей русской культуры, нашей философии, наконец, нашего патриотизма. <...>

Какое убожество сводить всю литературу нашего великого народа к перечню бесконечных влияний! Как мало у всех этих "маститых ученых" научной добросовестности, как раболепно они следуют за буржуазной историографией и литературоведением!

Вспомним хотя бы о статье профессора Эйхенбаума, посвященной Толстому. Эйхенбаум — в прошлом один из столпов формализма — в извращенном свете рисует работу Льва Николаевича Толстого над "Анной Карениной". Широко известны сотни высказываний западноевропейских и американских ученых о том, какое громадное влияние оказал могучий художественный талант Толстого на все развитие мировой литературы. Вместо того, чтобы раскрыть великое значение Толстого для мировой культуры, признаваемое даже нашими врагами, профессор Эйхенбаум ищет литературные источники гениального романа Толстого во французской адюльтерной литературе. Какое убожество мысли, какая псевдонаучная, крохоборческая эмпирика!

"Толстой пишет семейный роман с любовным содержанием, явно следуя западным образцам, — говорит Эйхенбаум. — Толстой в своем романе пошел по пути линии сочетания традиции французского 'адюльтерного' романа с английским семейным — в противовес русской прозе 70-х гг."

Главным философским учителем Толстого, определившим идейный замысел Анны Карениной, Эйхенбаум считает реакционного мракобеса Шопенгауэра, его мрачную книгу "Мир как воля и представление".

Даже Дюма-Фис входит в число источников образов Толстого. В одном из писем Толстой пишет, что его "любимица Варя выходит замуж за отрицательного типа, и это вызывает в нем чувство, будто совершается заклание на алтаре". По этому поводу Эйхенбаум замечает "с ученым видом": "Эти строки написаны до чтения книги Дюма, а между тем они выглядят отголосками этого чтения, вплоть до слов о человеческом жертвоприношении".

Как старается Эйхенбаум! Написаны эти строки, как он сам устанавливает, до чтения соответственного места из Дюма, и тем не менее являются его отголосками. Какой вздор!

В этой статье приведена только незначительная часть высказываний наших академических ученых на интересующую нас тему. Их можно было бы увеличить. Позорная, нестерпимая для русского советского человека картина! Какое раболепное ползанье на брюхе перед западной культурой!»[96]

Вскользь разобравшись с лично ему знакомым Б. М. Эйхенбаумом, А. К. Тарасенков целый раздел своей многостраничной филиппики посвящает космополиту В. Я. Проппу:

«А. Фадеев в своем докладе на XI пленуме правления ССП в июне 1947 года говорил об ошибках и заблуждениях академика Шишмарева, который всячески превозносил Веселовского и его школу. Но примеры из Шишмарева бледнеют и отступают перед тем, что написал профессор В. Я. Пропп в своей книге "Исторические корни волшебной сказки". Книга эта вышла в издании Ленинградского государственного

[96] *Тарасенков Ан.* Космополиты от литературоведения. С. 127, 131, 133.

университета тиражом в 10.000 экземпляров (редактор профессор И. М. Тронский). В первой же главе своей книги Пропп приводит многочисленные цитаты из Маркса и Энгельса, объявляя себя их последователем. Но это — лишь внешняя, крайне незатейливая маскировка. На самом деле Пропп продолжает не марксизм, а учение А. Веселовского.

Зависимость Проппа от Веселовского очевидна. В пространной дружески-рекламной рецензии на книгу Проппа, которую поместил в журнале "Советская книга" профессор В. М. Жирмунский, он хвалит "Исторические корни волшебной сказки" именно за то, что автор этой книги следует методологии Веселовского.

"В своей 'Поэтике сюжетов', — пишет Жирмунский, — академик А. Н. Веселовский, опираясь на результаты работы этнологов, пытался наметить общую перспективу стадиального развития фольклорных и литературных мотивов и сюжетов, обусловленного закономерным развитием человеческого общества... Эта проблема сохраняет значение и для советской этнографии и фольклористики" ("Советская книга", 1947, № 5).

Что же представляет собой на самом деле работа профессора Проппа?

Чрезвычайно детально, на протяжении трехсот с лишним страниц своей книги, он исследует мотивы так называемой волшебной сказки. Не думайте, однако, что Проппа интересует русская или, скажем, грузинская, украинская или, наконец, французская сказка. Нет, его интересует сказка вообще. По Проппу получается, будто был когда-то в незапамятные времена некий единый "пра-народ". От него осталось много сказок, мифов, легенд. Всячески тасуя по методу Веселовского сотни этих сказок и мифов, Пропп устраивает фантастические комбинации. Разные народы, разные исторические эпохи мелькают в его книге, как в калейдоскопе.

Натяжки и вздорные сопоставления несопоставимого не смущают нашего исследователя. Вот Пропп цитирует одну из сказок Афанасьева: "Жена при отправке дает герою цветок. 'Заткни, — говорит, — этим цветком уши и ничего не бойся!' — Дурак так и сделал. Стал мастер в гусли играть, а дурак сидит, его и сон не берет".

Немедленно Пропп комментирует эту русскую сказку: "Здесь поневоле (?! — Ан. Т.) вспоминается Одиссей, так же затыкающий себе уши от сирен. Возможно, что эта аналогия бросает свет на образ сирен, заманивающих героев пением и убивающих его" (стр. 66).

Трудно понять, что общего нашел Пропп между русской сказкой и древнегреческим мифом. Но и этого нелепого сопоставления Проппу мало. От Древней Греции он легко перескакивает к легендам североамериканских индейцев, а от них — к Гильгамешу (вавилонскому эпосу). Что общего между всеми этими совершенно разнородными явлениями — неведомо. Но Проппу нет дела до исторических обстоятельств, породивших тот или иной мотив или сюжет. Его не интересует национальная определенность русской сказки или вавилонского мифа. Убежденный космополит, он тасует эпохи и народы, как колоду карт, не обращая внимания на их самобытность и неповторимость. Ему важно одно — доказать общность всех сказок и мифов мира. "...Ягу ослепляют. "Как она уснула, девка залила ей глаза смолой, заткнула хлопком; взяла свою дитятю, побежала с ним" (Худяков, 52). Точно так же и Полифем (родство которого с Ягой очень близко) ослепляется Одиссеем; в русских версиях этого сюжета ("лихо одноглазое") глаз не выкалывается, а заливается. Одноглазость подобных существ может рассматриваться как разновидность слепоты. В немецких сказках у ведьмы воспаленные веки и красные глаза, т. е. у нее собственно нет глазных яблок, а есть красные орбиты без глаз" (стр. 59).

Или вот, например, Проппа заинтересовал мотив клеймения героя посредством отрезания пряди волос, который он нашел в одной из русских сказок, записанных Афанасьевым. Тотчас от русской сказки он переходит к лопарскому мифу, в котором рассказывается о смешении крови жениха и невесты перед браком. По Проппу — это одно и то же. От лопарского мифа он легко перескакивает к австралийскому дикарскому обряду, по которому, принимая в родовой союз нового члена, люди пьют кровь друг друга. Тут же ссылка на Швейнфурта, немецкого ученого, исследователя Африки, который отметил обряд смешения и питья крови у негров ньям-ньям, а Велльгаузен (немецкий богослов и ориенталист) у арабов.

Цепь у нашего исследователя замкнута. Родство приемов и мотивов сказки русского народа с каннибальскими обычаями ньям-ньямов, подтвержденное авторитетом Швейнфурта, "доказано".

Неужели Пропп не понимает, что он лжет здесь на русский народ, на наш прекрасный поэтический эпос, в котором никогда не было ничего общего с каннибализмом?

До чего опускается в своих сопоставлениях Пропп, можно увидеть еще из одного примера. Пропп нашел у Афанасьева русскую сказку, в которой рассказано о том, как живущие в лесной избушке слепые богатыри берут к себе купеческую дочку: "Будь нам заместо родной сестры, живи у нас, хозяйничай... Осталась с ними купеческая дочь, богатыри ее любили, за родную сестру почитали, сами они то и дело на охоте, а названная сестра завсегда дома, всем хозяйством заправляет, обед готовит, белье моет".

Это — из сказок Афанасьева. В образе "сестрицы", которая ухаживает за слепыми богатырями, много прелести наивной чистоты русских родовых общественных отношений.

Но что делает с этим мотивом профессор Пропп?

Он тут же сопоставляет образ героини русской сказки с женщинами немецких сказок, которых брали в "мужской дом" в качестве наложниц, проституток. Тут же ссылки на бесчисленные иностранные авторитеты: "У Барро, говорит Щурц, — цитирует Пропп, — половые потребности юношей удовлетворяются тем, что отдельных девушек насильно уводят в мужской дом, где они одновременно служат возлюбленным и получают от них подарки".

От немецких сказок Пропп опять переходит к русским. На этот раз пермским. А затем к... фольклору Пелейских островов, записанному Фрезером (известный буржуазный ученый-идеалист современной Англии, прославившийся своими антисоветскими выступлениями).

Все эти примеры взяты со страниц 106–107 книги профессора Проппа. Все здесь смешано в одну кучу и объявлено родственным.

И снова русский народный эпос с его мотивами дружбы и товарищества приравнен к воспеванию наложничества и первобытной полигамии.

Книга Проппа — это Веселовский, доведенный до абсурда и мракобесия. <...>

Незатейливо прихорашиваясь под марксиста, Пропп пытается возродить в нашей науке худшие черты историко-сравнительного метода Веселовского. Его книга — вредна и ошибочна от первой до последней своей строки. Советские ученые-фольклористы должны сказать о книге профессора Проппа свое резкое и правдивое слово»[97].

Завершает А. К. Тарасенков свою отповедь следующими словами:

«В этой статье приведены лишь некоторые из фактов, говорящих о том, что низкопоклонство перед буржуазным Западом, некритическое восхищение буржуазной

[97] *Тарасенков Ан.* Указ. соч. С. 135–136.

культурой, безразличный космополитизм, сведение русской литературы и даже творений ее величайших представителей — Пушкина, Горького, Толстого — к заимствованию у европейцев отмечают многие работы наших литературоведов. Книги профессоров Нусинова и Проппа — далеко не единичное явление. Это говорит о том, что целые участки нашего литературоведения, а вовсе не только отдельные авторы заражены низкопоклонством, связанным с потерей национальной гордости, с потерей чувства советского патриотизма.

Как могло получиться, что Академия наук и Институт мировой литературы, носящий священное для нас имя Горького, успели выпустить огромные тома, посвященные американской и английской литературе, и провалили всю работу по советской литературе? Почему до сих пор не сделано ничего для того, чтобы советская литература стала предметом действительно научного, действительно марксистского исследования? Почему написать хотя бы краткий очерк развития советской литературы и дать монографии о советских художниках слова труднее, чем заниматься кропотливым анализом творчества никому не ведомых третьестепенных деятелей буржуазной литературы XVII или XVIII веков, живших в Англии или во Франции? Почему до сих пор в "академических кругах" считается зазорным и ненаучным, когда авторы диссертаций пытаются избрать темами своих работ явления советской культуры?

Товарищ Молотов в своем докладе, посвященном 30-летию Октября, говорил: "Нельзя считать случайностью, что ныне лучшие произведения литературы принадлежат перу писателей, которые чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом". В общем ходе истории культуры творения Горького и Маяковского, Алексея Толстого, Шолохова, Фадеева значат больше, гораздо больше, чем разные американские Мельвили и Ирвинги, Симсы и Эмерсоны, которым посвящено столько внимания в том же выпуске "Истории американской литературы". Пора это понять и утвердить. Пора влить в наше литературоведение живой огонь современности.

Мы не собираемся охаивать всю нашу советскую науку о литературе. За годы советской власти общими усилиями наших передовых ученых сделано очень много для того, чтобы правильно донести до народа творения русских классиков, дать им обстоятельный классовый и эстетический анализ, очистить их творения от лжи и фальши, которыми их обволакивала буржуазная наука. Наше литературоведение разрабатывает теорию социалистического реализма. Наша живая, активно действующая критика есть инструмент политики партии в области литературы. Но с теми недостатками литературоведения, о которых я говорил выше, дальше мириться нельзя.

Пора покончить в нашей литературной науке с ползаньем на брюхе перед западными образцами. Пора научиться по-настоящему гордиться великими ценностями нашей русской классической культуры, литературы, а также культуры братских народов СССР и родственных нам славянских народов, литература которых, к стыду нашей науки, даже еще не начала как следует изучаться. Пора нашим литературоведам распроститься с ошибками прошлого.

Пора понять, что нет писателей всечеловеческих, без классовых и национальных корней. Пора раз и навсегда расстаться с пережитками сравнительной, историко-культурной школы. Пора понять, что не пресловутые литературные "влияния", а живая историческая практика классовой борьбы определяла и определяет историю литературы»[98].

[98] Там же. С. 136–137.

Приведенные выдержки из статьи А. К. Тарасенкова даже сегодня производят серьезное впечатление; для современников оно было еще более тяжким. Эта статья, по сути, разверзла шлюзы «критики», и все события в ленинградской науке о литературе с весны 1948 г. представляли собой настоящий погром, закончившийся к маю 1949 г. пепелищем.

Надо ли говорить, что главный читатель страны остался доволен такой статьей? Об этом свидетельствует сам автор: «После того как я сделал в конце 1947 года на партсобрании ССП доклад о низкопоклонстве в литературоведении, Фадеев советовал печатать его. Сначала я сомневался, потом напечатал статью в "Новом мире". Сталин похвалил мою статью»[99].

А сам А. А. Фадеев написал по этому поводу А. К. Тарасенкову следующую записку: «Толя! Если бы не я, ты просто положил бы свою статью в стол. Я тебя буквально вытащил "из грязи в князи". То-то![100].

В 1949 г. эта статья в несколько измененном виде вошла в сборник работ А. К. Тарасенкова «Идеи и образы советской литературы», выпущенный в свет издательством «Советский писатель»[101].

А. К. Тарасенков, творчески ретранслируя текущие настроения руководства страны, не был одинок — он был представителем целого отряда пропагандистов. Применительно к работе высших учебных заведений таким программным выступлением явилась статья заместителя министра высшего образования СССР А. М. Самарина «Высшая школа и борьба за приоритет советской науки» в мартовском номере «Вестника высшей школы».

Повышение идеологического градуса было очевидным:

> «Растленная буржуазная наука стремится распространить свое тлетворное влияние не только на народы своих стран, она протягивает свои грязные щупальцы к нашей передовой советской науке. Буржуазные ученые приходят в бешенство от одного упоминания, что принцип партийности является основой развития не только науки социалистического государства, но всякой науки вообще. Воплями и лживыми утверждениями о беспартийности, о надклассовости науки ученые капиталистических стран, эти верные прислужники империализма, стремятся внести разброд в ряды прогрессивных ученых. <...>
>
> Нашей науке, литературе чужды аполитичность и безыдейность. Изложение любой дисциплины должно быть построено на основе марксистско-ленинской теории, в каждой дисциплине должно быть подчеркнуто преимущество советского строя, обеспечившего невиданный расцвет науки и техники нашей родины.
>
> Не нам преклоняться перед Западом! Не нам, представителям великой страны, где сбылись пророческие слова В. И. Ленина, сказанные на VIII Всероссийском съезде Советов: "Если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных

---

[99] *Громова Н. А.* Распад. С. 203.

[100] Там же.

[101] *Тарасенков А. К.* Идеи и образы советской литературы. М., 1949. С. 42–65. Под статьей (с. 65) стоит дата «1947–1948».

Что касается внесенных изменений, то из статьи оказались изъятыми многочисленные филиппики в адрес И. М. Нусинова, зримо уменьшив объем этой печатной работы; причем датировать такую правку можно достаточно точно — 1949 г., когда сборник давно находился в издательстве (книга сдана в набор 19 сентября 1948 г., подписана в печать 3 февраля 1949 г.); вызвана такая правка арестом И. М. Нусинова 12 января 1949 г. по «делу ЕАК».

технических оборудований, то наше коммунистическое строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии".

Советские ученые, вооруженные великим учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, гордые за успехи нашей Родины во всех областях хозяйственного и литературного строительства, вдохновляемые и руководимые гением Сталина, в непримиримой борьбе с тлетворной буржуазной идеологией обеспечат дальнейшее мощное развитие нашей социалистической культуры.

Советские ученые — воспитатели народной интеллигенции — еще выше поднимут знамя передовой советской науки, с честью понесут его по пути к коммунизму»[102].

ЭТНОГРАФЫ ПОДХВАТЫВАЮТ ЗНАМЯ КРИТИКИ В.Я. ПРОППА

Наиболее серьезные проработки начала 1948 г. были устремлены на В.Я. Проппа. Причем критиковали его не только как филолога, но и как этнографа:

«Дискуссия о теоретических недостатках и задачах советской фольклористики, проведенная в Институте этнографии Академии Наук СССР в феврале–марте 1948 г., вскрыла явно неблагополучное состояние советской фольклористической науки. На этой дискуссии была разоблачена антимарксистская сущность псевдоисторических построений школы А. Веселовского, его концепции первобытного синкретизма, формалистической основы его концепции родов поэзии, представляющие не что иное, как эклектический вариант идеалистической формалистической схемы поэтических родов в эстетике Гегеля. Была вскрыта также формалистическая сущность теории исторической первичности психологического параллелизма, начисто отвергаемой современными данными науки об искусстве первобытных народов. Вместе с тем обнаружилось, что отдельные советские литературоведы и фольклористы берут под защиту вредную буржуазно-либеральную концепцию этой школы и даже пытаются установить "близость" положений Веселовского к марксизму... На этой же дискуссии была разоблачена антимарксистская сущность исследований В.Я. Проппа, проповедующего в своей "Специфике фольклора" и в книге "Исторические корни волшебной сказки" идеалистические теории Леви Брюля о первобытном мышлении и взгляды на фольклор скандинавско-финской формалистической школы сказковедения. Несмотря на то что В.Я. Пропп протаскивает в науку фольклористики антиисторические взгляды и методы исследования, он имеет последователей и защитников среди советских фольклористов»[103].

В Москве в Институте этнографии В.Я. Пропп был проработан заочно:

«Заседание 9 февраля было посвящено обсуждению книги проф[ессора] В.Я. Проппа "Исторические корни волшебной сказки", изданной в 1947 г. Ленинградским государственным университетом. С критическим разбором этой книги выступил М.М. Кузнецов, который прочитал написанную им совместно с И.П. Дмитраковым рецензию "Традиции идеалистической фольклористики в работах проф[ессора] В.Я. Проппа". Все выступавшие в прениях согласились с основным положением докладчика,

---

[102] *Самарин А.М.* Высшая школа и борьба за приоритет советской науки // Вестник высшей школы. М., 1948. № 3. Март. С. 7–8.

[103] Задачи этнографов в связи с положением на музыкальном фронте // Советская этнография. М.; Л., 1948. [Кн.] 2. [Апрель–июнь]. С. 6.

утверждавшего, что проф[ессор] Пропп стоит на идеалистических позициях и что его методология не имеет ничего общего с методом марксизма-ленинизма. В процессе обсуждения были вскрыты существеннейшие недостатки, присущие как этой работе проф[ессора] Проппа, так и его прежним работам»[104].

В прениях выступили И. И. Потехин, В. И. Чичеров, С. А. Токарев, Е. В. Гиппиус, Л. Г. Бараг, А. М. Смирнов-Кутачевский, итог обсуждения подвел С. П. Толстов.

А когда к лету 1948 г. страсти несколько улеглись, вышедший в июне номер журнала «Советская этнография» напечатал текст давних оппонентов В. Я. Проппа — М. Кузнецова и И. Дмитракова, озаглавленный «Против буржуазных традиций в фольклористике». То была прочитанная ими в Институте этнографии Академии наук СССР рецензия «Традиции идеалистической фольклористики в работах проф[ессора] В. Я. Проппа», посвященная «Историческим корням волшебной сказки»; только заглавие пришлось несколько заострить — все-таки это уже было не клановое научное заседание, а публичная критика.

Нет смысла повторять обвинения, которые уже многократно были предъявлены Владимиру Яковлевичу и развернуты в упоминаемой статье во всей своей полноте; ограничимся лишь цитированием выпада в адрес ленинградской филологии:

«Книга В. Проппа выглядит не как советская, а как иностранная книга. И если задаться вопросом, каковы ее идейные истоки, то мы получим ясный и недвусмысленный ответ — тлетворное влияние упадочной науки буржуазного Запада. В работе отчетливо выступает эклектичное смешение положений финской школы — Леви-Брюля, Дюркгейма, Сентива и других. Все это соединяется с вульгарным механистическим, антиисторическим социологизированием. И те похвальные намерения, которые прокламировал проф[ессор] В. Я. Пропп в своем предисловии к книге, оказались невыполненными. Фольклор в книге В. Я. Проппа потерял свое общественное и национальное значение. Фактически получилось, что книга В. Я. Проппа есть попытка сокрушения и развенчивания русской волшебной сказки.

Неудача исследования В. Проппа очень поучительна. Прежде всего она наглядно показывает невозможность успешного решения вопросов, когда исследователь исходит из заведомо порочных теоретических основ. Но одновременно эта неудача говорит и о другом, может быть, не менее важном. Книга несет на себе марку Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Проф[ессор] В. Я. Пропп в предисловии к книге ссылается на теоретическую поддержку ряда ленинградских ученых. Спрашивается, почему же никто из филологов Ленинградского университета, никто из ленинградских фольклористов, наконец, никто из ленинградских этнографов не выступил до сих пор с серьезной, принципиальной, большевистской партийной критикой этого труда? Казалось бы, кому-кому, а ленинградским ученым следовало бы в первую очередь выступить с критикой работ своего коллеги, ибо В. Я. Пропп на протяжении более чем двух десятилетий упорно и настойчиво проводит свои явно ошибочные взгляды. Своевременная принципиальная критика несомненно помогла бы исследователю избежать серьезных ошибок. Объективно же получилось так, что ленинградские филологи стали на путь замазывания, замалчивания ошибок В. Я. Проппа, что привело к плачевным результатам»[105].

---

[104] *Соколова В. К.* Дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях Сектора фольклора Института этнографии // Советская этнография. М.; Л., 1948. [Кн.] 3. [Июль–сентябрь]. С. 147.

[105] *Кузнецов М., Дмитраков И.* Против буржуазных традиций в фольклористике: (О книге

Причем сам Институт этнографии, находившийся в Москве, страдал от такой критики тоже достаточно сильно — коллективу института, а особенно сектору фольклора, ставилось в вину некритическое отношение к книге ленинградского ученого:

> «Порочность методологии В.Я. Проппа была очевидной. Но фольклорный сектор Института отвечал на книгу проф[ессора] Проппа молчанием, проходил мимо его работ. Это молчание было связано с общими недостатками теоретической работы сектора»[106].

В Пушкинском Доме, напротив, Владимира Яковлевича почти не упоминали, поскольку еще в конце 1947 г., на волне критики, решением бюро Отделения литературы и языка АН СССР он был освобожден от должности старшего научного сотрудника сектора фольклора, которую он занимал по совместительству с мая 1945 г. Это решение 20 февраля 1948 г. было проведено приказом по ИЛИ[107].

ДИСКУССИЯ ОБ А. Н. ВЕСЕЛОВСКОМ ИСЧЕРПАНА

Естественно, что разворачивающиеся события должны были наконец-то окончательно закрыть сильно затянувшуюся «дискуссию» о Веселовском. Как мы подробно писали во третьей главе, жирная точка была поставлена 11 марта 1948 г. газетой ЦК ВКП(б) «Культура и жизнь».

Однако предшествующие этому моменту события имели серьезное значение и далеко идущие последствия для ленинградских историков литературы.

Январский номер журнала «Октябрь», открывавшийся большой статьей В.Я. Кирпотина «О низкопоклонстве перед капиталистическим Западом, об Александре Веселовском, о его последователях и о самом главном»[108], кроме вопроса о мировоззрении А. Н. Веселовского, касался и его последователей.

Стоит отметить тот факт, что среди «попугаев Веселовского», которых по ходу препарирования бездыханного тела академика ощипывает В.Я. Кирпотин, мы видим следующих представителей ленинградской филологии: М.К. Азадовского, М.П. Алексеева, В.А. Десницкого, В.М. Жирмунского, покойного А.С. Орлова... Но с особым наслаждением он начинает топтать одного из наиболее значительных русских ученых-романистов XX в., ученика А.Н. Веселовского — академика В.Ф. Шишмарева. Такое рвение объясняется также и тем обстоятельством, что к В.Ф. Шишмареву автор испытывал к тому же чувство большой личной неприязни. Именно цитаты из работ Владимира Федоровича становятся поочередно мишенями для тщательного идеологического разбора.

Одновременно с выходом «Октября» к этой теме обратилась и «Литературная газета». 14 января 1948 г. она поместила на своих страницах статью уже вовлеченного в «дискуссию» М.М. Кузнецова «А.Н. Веселовский подлинный и приукрашенный». Автор не преминул назвать некоторых «попугаев»:

проф. В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки») // Советская этнография. М.; Л., 1948. [Кн.] 2. [Апрель–июнь]. С. 239.

[106] *Чичеров В.И.* Обсуждение на заседаниях Ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов // Советская этнография. М.; Л., 1948. [Кн.] 3. [Июль–сентябрь]. С. 147.

[107] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 744. Л. 17.

[108] *Кирпотин В.* О низкопоклонстве перед капиталистическим Западом, об Александре Веселовском, о его последователях и о самом главном. С. 3–27.

«В статьях и комментариях советских литературоведов к современным изданиям Веселовского, а также в посвященных ему отдельных исследованиях обычно скороговоркой сообщалось о теоретических пороках ученого и, наоборот, не жалелось красок для расписывания его заслуг. Веселовскому придавался "околомарксистский" вид. Так обстояло дело в статьях и работах акад[емика] В. Шишмарева, проф[ессора] В. Жирмунского, доц[ента] А. Соколова, проф[ессора] В. Проппа и др. <...>

Партия учит нас смотреть в будущее, опираться на все передовое, прогрессивное, выносить приговоры событиям и фактам действительности с позиций завтрашнего дня. Но есть еще в нашей среде ученые, которые никак не расстанутся с вчерашним днем науки, силятся протащить в наше сегодня обветшалые догмы прошлого, воскурить во что бы то ни стало фимиам отжившему, безвозвратно ушедшему. С этим надо кончать решительно и бесповоротно»[109].

То, что надо кончать решительно и бесповоротно, было очевидно: нерешенность вопроса зияла дырой в кумачовом тряпье идеологии. Исключительно этим обстоятельством можно объяснить инцидент, произошедший 4 марта 1948 г. на расширенном заседании правления ЛО ССП СССР:

«Состоялось расширенное заседание правления Ленинградского отделения Союза советских писателей совместно с активом. Собравшиеся с интересом выслушали доклад главного редактора "Литературной газеты" В. В. Ермилова. Он сделал обзор выступлений газеты за последнее время, подчеркнув, что она призвана стать боевой трибуной писательской общественности. Для этого созданы все условия»[110].

Еще 31 июля 1947 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О "Литературной газете"», которым эта еженедельная газета превращалась из литературной в общественно-политическую и литературную, с периодичностью дважды в неделю и тиражом в полмиллиона экземпляров, в десять раз превышавшим прежний[111].

Среди многочисленных выступлений в прениях, сводившихся к славословию обновленной газеты и ее редактора, диссонансом прозвучало выступление одного из участников, который коснулся статьи С. Г. Лазутина с критикой книги В. Я. Проппа[112], напечатанной еще до реорганизации газеты:

«"Литературная газета" из сухой и ведомственной превратилась в боевую и яркую газету, и сейчас читают ее не только профессионалы-литераторы, но и филологи, врачи и даже математики, она стала газетой советской интеллигенции, и в этом ее огромное положительное значение.

В частности, "Литературная газета" очень много статей посвящает литературоведению и филологическим наукам, много статей сыграли большую роль в развертывании дискуссий по самым разнообразным вопросам.

Я бы хотел сделать несколько частных замечаний в связи с теми рецензиями и статьями, которые появились в газете, имея в виду, что не всегда они бьют в цель. Правильно ставятся вопросы, но статьи, которые там появляются, решают проблемы сегодняшнего дня иногда на очень низком уровне. В частности, книга Проппа — "Исторические

---

[109] *Кузнецов М.* А. Н. Веселовский подлинный и приукрашенный // Литературная газета. М., 1948. № 4. 14 января. С. 3.

[110] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 124. Л. 96 («Боевая трибуна писательской общественности: Доклад главного редактора "Литературной газеты" на совещании ленинградских писателей»).

[111] *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954 гг. С. 79.

[112] *Лазутин С.* Реставрация отживших теорий. С. 4.

корни сказки". Рецензия Лазутина дает необъективное отражение, потому что Лазутин, фактически приписывая цитату из Маркса Проппу, бьет по этой цитате Маркса. Он наряду с этим отрицает неверное положение Проппа, который стремится в сказках увидеть отражение низкопоклонства и отрицает стадиальность развития марксизма. Так в фольклоре обнаружено низкопоклонство. Это очень важная проблема. Все фольклористы Москвы и Ленинграда, которые писали и пишут, оказались в числе этих представителей низкопоклонства.

Однако я вовсе не думаю, что видные советские фольклористы заражены этим низкопоклонством, в частности Азадовский, который в одной из своих статей утверждал, что Пушкин в своих сказках использовал не только сюжет, взятый от своей няни Арины, но из немецких источников. Что же делать, если Пушкин действительно читал сказки братьев Гримм во французском переводе и они сохранились в библиотеке Пушкина.

Не так нужно ставить вопрос о низкопоклонстве. У нас фольклоризм сводят к проблеме: кто у кого списал. Если так рассматривать, то А. К. Толстой самый народный поэт» [113].

С таким вольнодумством уже давно пора было кончать. Это и было сделано в редакционной статье газеты «Культура и жизнь» от 11 марта 1948 г. Итог многомесячным прениям был подведен: критикуемое учение А. Н. Веселовского было объявлено еретическим. Теперь пришло время расправляться с его сторонниками.

Ольга Михайловна Фрейденберг писала в те дни:

«Кампания против Веселовского принимала характер наводнения. Тщетно мы искали в этих поношениях логики.

То трубили, что наша-де наука, русская, отечественная наука... традиции... у!.. шапками закидаем. Кто не горланит о традициях, о самобытности, о великих русских ученых — в морду. Вознесенский сделал из университетского коридора "аллею славы": соорудил ниши, в нишах поставил на постаментах статуи русских ученых, и среди них — Веселовского.

То — долой Веселовского, ату его, травить, бить, топтать. <...> Затем Веселовского на время оставили и взялись за музыкантов. Нельзя передать, какую сенсацию вызвало опозориванье Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, трех святителей советской музыки. Партия сделала вид, что только что услышала их произведения. <...>

Вскоре опять пошел Веселовский. В каждой газете, в каждом журнале клокотали против Веселовского и поносили всякого человека, ссылавшегося на Веселовского. Тучи сгущались. Казалось, дышать больше нечем, а становилось еще хуже» [114].

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ ВО ГЛАВЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ-ФОРМАЛИСТОВ

После статьи А. К. Тарасенкова в «Новом мире», в которой он «вскрыл» космополитизм в литературоведении, все «попугаи Веселовского» моментально получили непонятный ярлык «космополитов». Этот термин в 1948 г. не столько ассоциируется с национальностью (лишь с января 1949 г. он вместе с прилагательным «безродный» станет знаменем погромщиков), сколько синонимичен раболепию и низкопоклонству перед

[113] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 45. Л. 159–159 об.

[114] *Фрейденберг О. М.* Записки.

Западом: «Всякие научные аналогии были окрещены “космополитизмом”, термином, которому придавали страшное (“политическое”) значение»[115].

Именно с этих позиций написана редакционная статья «Литературной газеты» в номере от 20 марта 1948 г. — В. В. Ермилов должен был отразить в газете линию аппарата ЦК:

> «...Революционным и материалистическим традициям передовой русской критики противостояла буржуазно-либеральная наука. Одним из “столпов” этой науки был А. Веселовский.
>
> Литература под пером Веселовского теряет свой живой, человеческий, общественный, свой национальный характер. В его работах она предстает перед нами вне времени и пространства. Реальная жизнь с ее классовой борьбой, с ее жестокими противоречиями, столкновениями различных социальных групп, жизнь, взятая в ее бурном, революционном развитии, с ее набатным гулом народной борьбы за свободу, — все это остается где-то там, “внизу”, все это уже совсем неразличимо. Взгляд ученого-космополита воспаряет вверх, он скользит над жизнью, он витает в мире мертвых абстракций, условных схем, неизменных, устойчивых сюжетов. Холодными, равнодушными глазами окидывает он бессмертные художественные творения, в каждое из которых писатель вложил свою душу, свои заветные, кровные мысли, чаяния, надежды, призывы. Чуждый народу, такой ученый чужд и национальной гордости»[116].

После такого вводного раздела неминуемо появлялся с мешком на голове тот, кто будет представлен в качестве ученого-космополита широкой читательской аудитории. В данном случае им оказался профессор филологического факультета ЛГУ пушкиновед Б. В. Томашевский:

> «Вредная и лженаучная концепция А. Веселовского является не чем иным, как одной из разновидностей буржуазного космополитизма. Именно отсюда идут у последователей Веселовского и отрицание своеобразия могучей русской национальной культуры, и рабское низкопоклонство перед иностранщиной, и бессмысленная “охота за параллелями”, формальными соответствиями в литературе разных народов. Перед нами статья Б. Томашевского “Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция” (“Литературное наследство”, т. 43–44. М. Ю. Лермонтов. 1. М., 1941). В небольшом вступлении автор пишет о русской литературе:
>
> “Пути ее исторического становления подлежат исследованию с двух сторон. Основным фактором ее возникновения, роста и созревания явились условия русской жизни той эпохи; отдельные этапы ее развития должны быть изучены и осмыслены в свете этих условий, в свете социальной и культурной обстановки того времени. Вместе с тем, русская проза 30-х годов формируется не изолированно, а в теснейшей связи с прозой западноевропейской, используя ее исторический опыт. Таким образом, возникает еще один аспект исследования — историко-литературный в узком смысле этого слова; в этом аспекте и строится настоящая работа”.
>
> Если верить Б. Томашевскому, русскую литературу, оказывается, можно изучать “и так, и этак”. Можно изучать ее развитие в свете социально-исторических условий. Так изучали нашу литературу Белинский, Чернышевский, Плеханов. Такому пониманию литературы учил нас Ленин, учит И. В. Сталин. Но можно, видите ли, изучать

---

[115] *[Пастернак Б.Л.]* Пожизненная привязанность: Переписка с О. М. Фрейденберг. С. 309. Приведенная цитата принадлежит перу О. М. Фрейденберг.

[116] Против космополитизма в науке о литературе // Литературная газета. М., 1948. № 23. 20 марта. С. 1.

литературу и по-иному, — отбросив социальные, классовые, исторические понятия, искусственно отделив литературу от породившей ее жизни, безжалостно откинув все, что выходит за пределы чисто литературного ряда и хоть чем-нибудь напоминает о живой, общественной жизни. Так изучал русскую литературу А. Веселовский. И именно так предлагает изучать литературу проф[ессор] Б. Томашевский.

Наша русская жизнь с ее непрерывными, напряженными духовными исканиями, с незатихающим народным движением против гнета и насилия, многовековая борьба за всеобщее счастье, борьба с чужеземными "трехнедельными удальцами" и с русским самодержавием — душителем народной свободы, — все это нисколько не интересует ученых-космополитов, все это они пытаются отбросить, как нечто второстепенное, маловажное для науки.

А вот мелочное, крохоборческое сличение отдельных фраз и оборотов, выяснение, откуда взял или мог взять русский писатель ту или иную мысль, у кого он ее позаимствовал, какой международный "маршрут" проделала та или иная художественная деталь или мотив, — это, по уверению космополитов, и есть подлинное литературоведение»[117].

А на следующий день, 21 марта, Борис Викторович был проработан в газете «Известия» — там была напечатана статья М. М. Корнева[118] «С формалистических позиций», где рассмотрены статьи пушкиноведов С. М. Бонди, Б. В. Томашевского и А. Г. Цейтлина, вошедшие в сборник ИМЛИ «Пушкин — родоначальник новой русской литературы» 1941 г. Причем Б. В. Томашевский предстает главой литературоведов-формалистов.

«Реакционные классы и их идеологи всегда стремились скрыть от народа свободолюбивые, демократические традиции русской литературы — традиции Радищева, Пушкина, Герцена, Белинского, Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина. Злостно извращая идейное содержание и общественное значение их литературного наследия, буржуазные литературоведы стремились в своих "исследованиях" лишить русскую литературу высокой идейности, ее национальной самостоятельности, пытались низвести ее до уровня ученической, подражательной и зависимой от иностранных источников. В этих походах против наследия русских классиков, как известно, не последнее место занимали и формалисты.

Литературоведы-формалисты провозгласили безыдейность литературы основным принципом своей эстетики. В своих "трудах" они пропагандировали "независимость" художественной литературы от общественной жизни, поощряя тем самым стремление наиболее отсталых писателей уйти от современности в мир "чистого искусства", безыдейности и аполитичности.

Реакционная сущность формалистических теорий давно уже разоблачена советской критикой. Однако формалистические влияния еще не окончательно изжиты

---

[117] Там же.

[118] Корнев Михаил Матвеевич (1904–1977) — критик, с 1930-х гг. на редакторской работе в литературном отделе ГИЗа, в 1947–1950 гг. заведующий редакцией современной русской литературы и член редакционного совета Гослитиздата, в 1949–1957 гг. директор издательства «Советский писатель», затем заместитель главного редактора журнала «Советская литература», издававшегося на иностранных языках.

До войны этот критик посвятил одну из своих отрицательных рецензий книгам Б. М. Эйхенбаума 1928 и 1931 гг. о Л. Н. Толстом: *Корнев М.* Ранний Толстой и «социология» Эйхенбаума // Литературный критик. М., 1934. № 5. С. 58–75.

и в наше время, в особенности в работах по изучению наследия русских классиков. В этом отношении весьма показательны статьи о Пушкине, принадлежащие Б. Томашевскому, С. Бонди и А. Цейтлину — литературоведам, проделавшим большую и нужную текстологическую работу, но допустившим крупные идейные ошибки в попытках раскрыть и объяснить художественное и общественное значение творчества Пушкина.

В статье “Поэтическое наследие Пушкина” Б. Томашевский сводит поэзию Пушкина исключительно к совокупности формальных приемов. Творческое наследие великого поэта рассматривается им в отрыве от социально-политических условий русской действительности и в отрыве от мировоззрения писателя. Принижая идейное содержание творчества Пушкина, Томашевский полагает, что гениальность Пушкина определялась его способностью усваивать традиции... иностранной литературы. Великий поэт выступает в его статье не как родоначальник передовой русской классической литературы, а как своеобразный комбинатор разного рода формальных приемов, заимствованных им в западноевропейской литературе.

Б. Томашевский старается доказать, что Пушкин был всего-навсего смышленым учеником иностранных писателей. Так, например, структура пушкинской поэмы “Руслан и Людмила” была, оказывается, заимствована у Вольтера, Ариосто, Виланда. “Русалка” Пушкина звучит “вполне во вкусе западных баллад”, баллада “Жених” написана строфою немецкой “Леноры”, ”Гаврилиада” — в духе “художественных систем” Вольтера и Парни.

Одним словом, по мнению Б. Томашевского, вся поэзия Пушкина подражательна; творческое наследие великого поэта представлено заимствованной у иностранных писателей формальной системой, которая возникла и развивалась независимо от общественных идеалов Пушкина»[119].

ВЕСЕННИЕ ПРОРАБОТКИ

Но все это было совершенно незначительным по сравнению с событиями конца марта — начала апреля 1948 г. В эти дни начались очные проработки ученых в Пушкинском Доме и университете. С 24 марта по 1 апреля было проведено четыре крупных собрания. Ольга Михайловна Фрейденберг пишет: «Полицейское заушенье, начавшись в вонючих охранных органах диффамаций, как “Культура и жизнь”, “Литературная газета”, перекинулось непосредственно в высшие учебные заведения и в научные институты»[120].

Проработочные кампании в учреждениях проводились тогда в два этапа: сперва собрание парторганизации и только затем общее собрание; такая последовательность была канонической (вспомним хотя бы приезд А. А. Жданова в Ленинград в августе

[119] *Корнев Мих.* С формалистических позиций // Известия. М., 1948. № 68. 21 марта. С. 3.

[120] *Фрейденберг О. М.* Записки. В кн.: *[Пастернак Б. Л.]* Пожизненная привязанность... (С. 309), увы, не слишком бережной по отношению к оригинальному тексту записок Ольги Михайловны, эта фраза приведена в отредактированном виде, с вставленными из другого места первыми двумя предложениями; в результате такой правки выглядит она следующим образом: «Политические тучи сгущались. Преследование науки приняло форму травли ученых. Полицейское заушенье, начавшееся в таких органах [sic!] диффамаций, как “Культура и жизнь” и “Литературная газета”, перекинулось непосредственно в высшие учебные заведения и в научные институты».

1946 г. — начиналось все с собрания партактива, и только затем последовало общее собрание писателей). Порой собрания из-за большой повестки дня или, что чаще, из-за большого числа выступающих в прениях продолжались по два дня.

Происходили эти действа — партийное и общее собрания — в разные дни, причем партсобрание чаще носило закрытый характер — там «обкатывались» доклады и выступления, проверялись ораторские способности тех, кто соглашался выступить, решались оргвопросы... Но, в силу большого значения, которое придавалось идеологическим мероприятиям, отчеты о партсобраниях нередко печатались в прессе, а участники их обычно щедро делились новостями с отсутствовавшими беспартийными коллегами.

Общее собрание (обычно оно называлось открытым или расширенным «заседанием Ученого совета») уже представляло собой хорошо срежиссированную постановку, где выступающие почти всегда были известны и проверены заранее.

Конечно, такие крупные идеологические акции не могли проходить без ведома вышестоящих партийных органов. Именно поэтому сперва вопрос решался на уровне не ниже райкома ВКП(б), где рассматривалась примерная повестка дня и утверждался текст основного доклада, а затем на заседании партбюро расписывались роли между выступающими. Именно тем обстоятельством, что доклад чаще всего утверждался заранее в райкоме или горкоме, объясняется тот факт, что даже при стенографировании собрания доклад чаще всего не стенографировался — текст его был известен заранее. Единственное, чем могли заниматься в момент чтения основного доклада стенографистки, — фиксировать аутентичность произносимого с трибуны с утвержденной машинописью.

Точно таким же образом — в два захода — прошли в Пушкинском Доме и на филологическом факультете университета масштабные проработочные заседания, приуроченные к окончанию «дискуссии» об А. Н. Веселовском. Особенное удобство для курирующих эти мероприятия партийцев состояло еще и в том, что парторганизации этих учреждений проходили по ведомству Василеостровского райкома ВКП(б).

Организатором этих мероприятий, не только в Институте литературы, университете, но и в ЛГПИ имени А. И. Герцена[121], был университетский литературовед А. Г. Дементьев — будущий литературный либерал, новомирец, друг и соратник А. Т. Твардовского. Но пока он был одним из ответственных за идеологию работников Ленинградского горкома ВКП(б).

ПАТРИОТ А. Г. ДЕМЕНТЬЕВ

А. Г. Дементьев (1904–1985) был связан с филологическим факультетом с начала 30-х гг. Приведем фрагмент его автобиографии 1937 г.:

> «Я, Дементьев Александр Григорьевич, родился в 1904 году в селе Большое Мурашкино, Горьковской области. Отец — кустарь-овчинник, до революции эксплуатировавший наемных рабочих. С 1911 года по 1925 год я учился. Сначала в начальной

---

[121] О собраниях в ЛГПИ имени Герцена вкратце повествуется в газетных публикациях: *Платонов Б.* За партийность науки о литературе: На собрании в Институте имени Герцена // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 72. 26 марта. С. 3; Против буржуазных влияний в литературоведении: (На партийном собрании в Институте им. Герцена) // Ленинградская правда. Л., 1948. № 74. 28 марта. С. 3.

школе и школе II ступени в селе Большое Мурашкино, а затем — на общественно-экономическом отделении Педагогического Института в г. Горьком. Окончив в 1925 году Педагогический Институт, работал преподавателем обществоведения и литературы, 3 года в г. Туапсе и 4 года в г. Ленинграде. В 1932 году поступил в аспирантуру Ленинградского Института Истории, Философии, Лингвистики по специальности: история новой русской литературы. В декабре 1935 года окончил аспирантуру, а в мае 1936 года защитил диссертацию на тему: "С. П. Шевырев как историк русской литературы". В феврале 1937 г. постановлением квалификационной комиссии Наркомпроса мне была присуждена ученая степень кандидата наук. С сентября 1935 года и по настоящее время работаю и. о. доцента в Ленинградском Институте Истории, Философии, Литературы (ныне Филологический факультет ЛГУ). По совместительству работаю и. о. доцента в Педагогическом Институте им. Н. К. Крупской. С ноября 1935 года до июня 1937 года работал, кроме того, заместителем декана Литературного факультета ЛИФЛИ, но был освобожден за отсутствие контроля над программами. В Красной армии не был — признан негодным к военной службе. С 1932 года по 1935 год был кандидатом ВКП(б); при проверке партийных документов был исключен за скрытие от партии социального происхождения» [122].

Как свидетельствуют документы, в ЛИФЛИ он практически развалил работу литературного факультета, почему и был приказом от 20 мая 1937 г. освобожден от должности. Этому предшествовала докладная записка помощника директора ЛИФЛИ А. М. Моргена на имя 1-го секретаря обкома ВКП(б) А. А. Жданова от 19 апреля 1937 г., в которой кроме прочего говорилось:

> «Нет слов, чтобы передать Вам то безобразное состояние, в котором находится Институт Философии, литературы и лингвистики (ЛИФЛИ) и то недопустимое отношение к нему со стороны руководителей Напркомпроса. <...> Факультеты работают слабо. Особенно плохо на литературном факультете, где нет вообще руководства, т. к. второй уже год там нет декана. Зам. декана этого факультета Дементьев А. Г., исключенный из рядов ВКП(б) за сокрытие соц[иального] происхождения, совершенно не руководит факультетом и должен быть немедленно заменен» [123].

23 марта 1939 г. А. Г. Дементьев был утвержден в ученом звании доцента и до 15 сентября 1941 г. работал на филологическом факультете ЛГУ. В декабре 1939 г. парторганизацией филологического факультета А. Г. Дементьев был принят кандидатом в члены ВКП(б), а в апреле 1941 г. стал вновь членом партии. По так называемой партийной мобилизации в сентябре 1941 г. ушел на Ленинградский фронт (в боях не участвовал). До ноября 1941 г. служил красноармейцем войск НКВД Ленинградского фронта, с 1 декабря 1941 г. по 1 июня 1943 г. — литературный сотрудник газеты «Удар по вра-

---

[122] ГА РФ (ЦХСФ, г. Ялуторовск Тюменской обл.). Ф. 9506 (ВАК при СМ СССР). Оп. 23. Д. 8592. Л. 8–8 об.

Материалы по чистке парторганизации Литературного отделения от 15 октября 1933 г., которую А. Г. Дементьев прошел успешно, содержат следующие сведения о нем: «В 1925 г. исключен из кандидатов комсомола за насмешку над постановлением бюро ячейки. С 1932 г. аспирант ЛИЛИ, общественная работа руководство политкружком. Работает преподавателем по истории ВКП(б) в Гидроинституте» (ЦГАИПД СПб. Ф. 433 (Василеостровская районная Контрольная комиссия ВКП(б)). Оп. 2. Д. 704. Л. 198 об.).

[123] ЦГАИПД СПб. Ф. 563 (Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Лен. области). Оп. 1. Д. 1475. Л. 40.

гу» 42-й армии Ленинградского фронта, с 1 июня 1943 г. по 1 апреля 1947 г. — лектор ленинградского Дома Красной армии имени С. М. Кирова.

Будучи с 1938 г. активным агитатором, постоянным лектором в воинских частях, на заводах и фабриках, с началом войны он поступил в распоряжение политуправления Ленинградского фронта, где был использован на ведущих ролях в деле подготовки агитаторов.

22 декабря 1942 г., в еще блокированном Ленинграде, была подписана к печати его книга «Реакционная роль немцев в истории России». Лубочная, крайне политизированная трактовка историко-литературного материала в этой работе характеризует как эпоху, так и присущий автору пафос:

> «Немецкая клика внутри России была оплотом крепостничества и монархии и проводила политику экономической и политической реакции. Она старалась задержать развитие России и ослабить русскую армию и военную мощь. Высокомерные немцы-бюрократы презирали и ненавидели русский народ, мучили и угнетали его и раболепно служили царям. Они насаждали в стране прусские полицейские порядки и жестоко расправлялись с революционным движением. Пробравшись на самые доходные места в государстве, немцы нагло брали взятки и беззастенчиво расхищали государственную казну.
>
> Проживая в России, принимая русское подданство, большая часть "русских немцев" не переставала сохранять свои нравы, язык, веру. Они были крепко связаны с прусскими, австрийскими, голштинскими, гессенскими родственниками и по мере сил и возможности отстаивали их интересы в России» [124] и т. д.

В 1944 г. ставший майором А. Г. Дементьев переработал стенограммы своих выступлений на сборах агитаторов при политуправлении Ленинградского фронта и отдал в печать книгу «Великие идеи патриотизма в творчестве русских классиков» (Л., 1944), в которой «автором приведен обильный фактический материал, иллюстрирующий великие идеи патриотизма в творчестве русских писателей. Назначение книги — оказать помощь агитаторам и пропагандистам в их работе по политическому воспитанию бойцов и офицеров Красной Армии» [125].

Работая во фронтовой газете «Удар по врагу», с января 1942 г. по апрель 1943 г. политрук Дементьев поместил там ряд агитационных материалов аналогичного содержания [126]. Кроме публикаций по «истории литературы» представляет интерес его статья воспитательного характера, где он формулирует основополагающий метод своей работы

---

[124] *Дементьев А. Г.* Реакционная роль немцев в истории России. Л., 1943. С. 8.

[125] *Дементьев А. Г.* Великие идеи патриотизма в творчестве русских классиков. Л., 1944. С. 2.

[126] *Дементьев А.* В. Г. Белинский / Великие люди русской нации // Удар по врагу. Б. м., 1942. № 9. 16 января. С. 3; *Он же.* Гениальный сын русского народа: [Ленин и литература] // Там же. № 13. 21 января. С. 3; *Он же.* А. М. Горький / Великие люди русской нации // Там же. № 15. 3 февраля. С. 3; *Он же.* Н. Г. Чернышевский / Великие люди русской нации // Там же. № 34. 5 марта. С. 3; *Он же.* Палачи и грабители / Немецкие проходимцы в России. [Очерк] 1. // Там же. № 47. 20 марта. С. 3; *Он же.* Предатели и шпионы / Немецкие проходимцы в России. [Очерк] 2. // Там же. № 49. 22 марта. С. 3; *Он же.* Захватчики и поработители / Немецкие проходимцы в России. [Очерк] 3. // Там же. № 57. 1 апреля. С. 3; *Он же.* Поэт-патриот: к 12-летию со дня смерти В. В. Маяковского // Там же. № 68. 14 апреля. С. 4; *Он же.* Севастополь / Живут героические традиции русского воинства // Там же. № 288. 28 декабря. С. 4; *Он же.* Царицын — Сталинград / Живут героические традиции русского воинства // Там же. 1943. № 2. 3 января. С. 4; *Он же.* Петроград — Ленинград / Живут героические традиции русского воинства // Там же. № 11. 13 января. С. 4; *Б. п. [Дементьев А.]* Немцы заклятые враги России: Русские писатели о немцах // Там же. № 100. 29 апреля. С. 4.

в 40-х гг.: «Народный комиссар обороны товарищ Сталин учит нас сочетать метод принуждения с методом убеждения»[127].

По ходатайству ректора А. А. Вознесенского (согласно решения парткома ЛГУ от 2 октября 1946 г.[128]) А. Г. Дементьев был демобилизован из РККА (уволен в запас в звании майора) и с 16 марта 1947 г. зачислен в штат ЛГУ. В том же году он занял место заместителя директора Филологического НИИ Ленинградского университета. Вместе с работой в университете 15 апреля 1947 г. он был зачислен на должность инструктора сектора печати Ленинградского горкома ВКП(б), а в марте 1948 г. сменил своего непосредственного начальника В. П. Друзина на посту заведующего этим сектором[129]. С 15 марта 1948 г. приказом ректора он был освобожден от должности заместителя директора Филологического НИИ и переведен полставки старшего научного сотрудника — работа на переднем крае идеологического фронта требовала от него мобилизации всех сил. 22 марта А. Г. Дементьев был выведен из состава партбюро филологического факультета ЛГУ в связи с переходом в парторганизацию горкома ВКП(б).

Ольга Михайловна Фрейденберг писала в те дни:

> «...Вот времена изменились, и появился еще один начальник, кроме пяти прежних. Это был Дементьев. Умный, хитрый, с виду добродушный, Дементьев, наш “старый” факультетский русист, был членом партии, затем исключен за сокрытие своего происхождения из кулаков, ныне партийный диктатор Ленинграда по части идеологии. Партия время от времени выбрасывала в свет таких “установщиков”, калифов на час, терроризировавших своей наглой полит-цензорской разухабистостью. Это были молодые или бывшие молодые, невежды-всезнайки, начетчики святого политписания, агитаторы и проходимцы. Важные, разбухшие от величия, они вылетали и летели, пропадая Бог весть куда. Сейчас они уже имели ученые степени и звания. За последние годы Сталин создавал своих академиков, профессоров и доцентов, подобно иерархам церкви. Как бы они не назывались, все они были агентами тайной полиции, осведомителями и перелицованными политагентами. Их главная функция заключалась в послушании. Они продали душу дьяволу, и возврата для них не существовало. <...>
>
> В горкоме партии его дожидались в приемной, но меня он хорошо знал <...>. К его чести нужно сказать, что он не мстил мне и зла абсолютно не помнил. Это был дородный русский мужик, по-деревенски сильно окающий, продувная бестия, с умом, дарованьем, кандидатской степенью и знанием нашего брата. Вознесенный на страшную (именно страшную!) высоту, он сидел на пике скалы и оглядываться уже не мог; совесть была

[127] *Дементьев А.* Окрик и ругань — не к лицу командиру // Удар по врагу. Б.м., 1942. № 114. 7 июня. С. 4.

[128] ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 2. Д. 120. Л. 34.

[129] По-видимому, А. Г. Дементьев пошел на партийную работу против воли; по крайней мере, 18 ноября 1949 г. на заседании партбюро ЛО ССП он говорил следующее: «...Меня демобилизовали из армии и сразу забрали в горком, несмотря на мои возражения. Я возражал потому, что никогда на партийной работе не был <...>. Я доцент, действительно работал в Университете с 1932 года. С октября 1941 по 1947 был в армии и, естественно, меня тянуло вернуться к лекторской работе. Поэтому я решительно возражал против того, чтобы брали на работу в горком» (ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 11. Л. 140). Об этом же говорил и В. П. Друзин, занимавший с апреля 1947 г. должность заведующего сектором печати Ленинградского горкома:-«Дементьев пришел работать в отдел печати не по своей воле, его обязали» (ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 15. Л. 67).

запродана; важным он не стал и чувство юмора не потерял, но напряжение, какого требовала его головокружительная работа, держало его в состоянии недремлющего внимания и натянутости всех сил рассудка»[130].

В ПОИСКАХ НОВОГО РЕКТОРА ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 января 1948 г. профессор Александр Алексеевич Вознесенский получил от руководства страны пост министра просвещения РСФСР и вынужден был оставить кресло ректора Ленинградского университета. Первым из печатных изданий о новой должности А. А. Вознесенского сообщил 26 января «Вечерний Ленинград»[131].

Из Ленинградского университета А. А. Вознесенский уходил болезненно и с большим сожалением. Поскольку уезжал он стремительно и даже не успел «по-настоящему» проститься с университетом, то с целью устроить себе чествование он организовал в начале марта поездку в Ленинград. 4 марта 1948 г. новостная лента ТАСС сообщала:

«В Ленинград приехал Министр просвещения РСФСР А. А. Вознесенский. Он пробудет в Ленинграде несколько дней и ознакомится с работой органов народного образования. 6 марта состоится его встреча с учительским активом города и директорами школ»[132].

5 марта 1948 г. бывшего ректора чествовали на открытом заседании Ученого совета университета, где бывшие подчиненные отблагодарили Вознесенского избранием в почетные члены Ученого совета[133]. Внешне это было представлено не столько как прощание, сколько как юбилейное заседание:

«В Ленинградском университете состоялось заседание ученого совета, посвященное 50-летию со дня рождения и 25-летию общественной и научно-педагогической работы профессора А. А. Вознесенского, Министра просвещения РСФСР.

Заседание открыл исполняющий обязанности ректора проф[ессор] С. В. Калесник. Затем выступили академик В. И. Смирнов, члены-корреспонденты Академии наук СССР профессора И. И. Жуков, М. П. Алексеев, проф[ессор] В. В. Рейхардт, представители студенчества»[134].

О. М. Фрейденберг записала:

«Вознесенского уже больше не было. Его сделали министром просвещения. Долго и упорно он сопротивлялся. <...> Подхалимы собрали 23 тысячи рублей и купили ему золотые часы и вазу в человеческий рост. Прощаясь, он едва не плакал. “Вырвали из моего мяса кусок!” — говорил он нашему главбуху[135]. О, до чего ему не хотелось покидать своей

---

[130] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[131] В день назначения об этом сообщила газета «Вечерний Ленинград» (Л., 1948. № 21. 26 января. С. 4), а на следующий день — «Известия» (М., 1948. № 21. 27 января. С. 4).

[132] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 124. Л. 97 («Министр просвещения А. А. Вознесенский в Ленинграде»).

[133] *Удовин В.* Чествование профессора А. А. Вознесенского // Ленинградский университет. Л., 1948. № 9. 8 марта. С. 3.

[134] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 124. Л. 119 («50-летие проф. А. А. Вознесенского»).

[135] Главным бухгалтером ЛГУ тогда был Михаил Борисович Эпштейн (1883–?), член ВКП(б) с 1944 г.

сатрапии, где он был царь и владыка. Он по-своему был очень привязан к университету и лез из кожи вон, чтоб создать ему показное величье. Это был "хозяин", самодержец, самодур»[136].

Постепенно А. А. Вознесенский оставил свои прочие ответственные посты в городе Ленина — он не был переизбран в состав членов Ленинградского горкома ВКП(б), а 22 мая состоялось заседание правления Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, где «в связи с назначением профессора А. А. Вознесенского Министром просвещения РСФСР, председателем правления Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний избран Герой Социалистического Труда академик И. И. Мещанинов»[137].

Поскольку новое назначение А. А. Вознесенского готовилось отнюдь не в Министерстве высшего образования СССР, а в Секретариате ЦК ВКП(б), то к моменту его перевода в Москву остался нерешенным важный вопрос — кто же займет теперь пост ректора Ленинградского университета?

Вопрос этот оказался настолько сложным, что для его решения потребовалось целых полгода. Несомненно, серьезную роль в назначении нового ректора играл, прежде всего, сам А. А. Вознесенский, который не только следил за процессом в Москве, но и сам бывал в Ленинграде, а также принимал приезжавших в Москву университетских профессоров.

Вероятно, первоначально планировалось утвердить в этой должности оставшегося местоблюстителем проректора ЛГУ по научной работе, профессора кафедры географии полярных стран географического факультета С. В. Калесника. Для предметного разговора он был вызван в феврале в МВО СССР. 16 февраля 1948 г. он выехал в Москву, возложив исполнение обязанностей ректора на проректора по учебно-воспитательной работе Ю. И. Полянского[138]. Но двухнедельное пребывание в Москве не привело к утверждению С. В. Калесника на посту ректора, даже напротив — дело еще более затянулось, а в мае 1948 г. исполнение обязанностей ректора было поручено уже Ю. И. Полянскому — профессору кафедры зоологии беспозвоночных биологического факультета.

Кроме этих двух «и. о.» рассматривались, даже просматривались, другие профессора. По-видимому, именно с этой целью с 12 по 20 апреля 1948 г. в Москве находился декан химического факультета Н. А. Домнин[139], вызванный телеграммой от имени заместителя министра высшего образования А. М. Самарина. Но увидев профессора кафедры строения органических соединений Никиту Андреевича Домнина, в Министерстве засомневалось: сможет ли он удержать столь тяжкий груз в этот политически неоднозначный момент? С 1 по 5 июня в Москве по вызову начальника Главного управления университетов МВО СССР профессора К. Ф. Жигача в министерство «на просмотр» прибыли уже трое: первый — уже знакомый de visu декан химического факультета Н. А. Домнин, и еще две кандидатуры — декан восточного факультета, доктор экономических наук, профессор

[136] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[137] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 132. Л. 20 («Академик И. И. Мещанинов — председатель правления: В Ленинградском отделении Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний»).

[138] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 295 от 16 февраля 1948 г.

[139] Там же. № 635 от 12 апреля 1948 г.

В. М. Штейн, а также проректор ЛГУ по учебной работе (в те же годы он был деканом геологического факультета), профессор кафедры общей геологии ЛГУ Л. Б. Рухин.

Результатом смотрин стал приказ Министерства высшего образования СССР от 29 июня 1948 г. о назначении профессора Н. А. Домнина исполняющим обязанности ректора ЛГУ[140]. Одновременное освобождение его от должности декана химического факультета говорило о том, что вскоре он будет утвержден министерством в качестве ректора. Так и случилось: 12 июля 1948 г. заместитель министра А. М. Самарин подписал приказ «Утвердить доктора химических наук профессора Домнина Никиту Андреевича ректором Ленинградского Государственного ордена Ленина университета»[141]. В тот же день утвержденный ректор выехал в Москву для получения указаний. 19 июля Домнин был утвержден министерством в должности заведующего кафедрой строения органических соединений, проработав в этом качестве намного дольше своего ректорства — до 1965 г.

Новый ректор был антиподом Вознесенского. О. М. Фрейденберг записала после личной встречи с ним:

> «Домнин оказался обаятельным по скромности, простоте и человечности человеком. Я не верила этому чуду, не постигала. <...> Домнин походил по стилю своей натуры на царя Федора Иоанновича. Это казалось уместным после Вознесенского, Иоанна»[142].

ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНЫ ВЫСТАВЛЯЮТ СЧЕТ ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

24 марта в Институте литературы прошло партсобрание, посвященное обсуждению статьи в газете «Культура и жизнь» от 11 марта, завершившей дискуссию об А. Н. Веселовском:

> «Выступление газеты “Культура и жизнь” нашло горячий отклик среди ленинградских литературоведов. Обсуждению его было посвящено собрание коммунистов, работающих в Институте литературы Академии наук СССР. Для коллектива этого института поднятые вопросы имеют особое значение, потому что именно в его стенах работают многие ученые, повинные не только в пропаганде взглядов Веселовского, но и в систематическом внедрении буржуазной методологии в советском литературоведении.
>
> На собрании выступил с докладом заместитель директора института тов. Плоткин. Он признал справедливой критику, которой была подвергнута в газете “Культура и жизнь” его статья о Веселовском, напечатанная в “Литературной газете”. Он подробно остановился на политическом значении тех попыток оживить Веселовского, которые наблюдались за последнее время. Он подчеркнул идеологическую враждебность буржуазного космополитизма, ставшего орудием борьбы в руках международной реакции. Именно с этих позиций идет отрицание национального суверенитета отдельных государств и расчистка пути для американской экспансии.

---

[140] Там же. № 1320 от 6 июля 1948 г.

[141] Там же. № 1491 от 23 июля 1948 г.

[142] *Фрейденберг О. М.* Записки. Первая половина приведенной цитаты (с ошибкой — «но постигала») опубликована в кн.: *[Пастернак Б. Л.]* Пожизненная привязанность... С. 310.

— Принципы русской литературной науки,— сказал докладчик,— выработаны в огне борьбы Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, и созданная ими национальная традиция принята на вооружение советским литературоведением, опирающимся на гениальное учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и их высказывания о литературе.

Между тем некоторые ученые, работающие в институте, откровенно исповедуют методологию Веселовского и непосредственно примыкающий к ней "объективистский" формализм. Духом формализма пронизаны многие работы Б. Томашевского. В плену методологии Веселовского находится В. Жирмунский. Не только старые, но и последние, подготовленные было к печати работы М. Азадовского и других носят явный отпечаток буржуазно-либеральных взглядов на литературу и фольклор.

Докладчик приводит выдержки из различных статей, показывая, до каких нелепостей договариваются литературоведы, не преодолевшие чуждую нам методологию. Жертвами легенды, созданной вокруг имени Веселовского, стали и некоторые литературоведы, стоящие на марксистских позициях. Ничем иным нельзя объяснить наличие в ценной книге Б. Мейлаха "Ленин и проблемы русской литературы" случайного и совершенно лишнего реверанса в сторону Веселовского.

Докладчик призывает коммунистов-литературоведов к большей активности и принципиальности в борьбе за партийность в литературе. Он оценивает как грубо ошибочное выступление коммуниста В. Мануйлова в защиту Веселовского на одном из собраний в Союзе писателей.

В заключение тов. Плоткин говорит о тех неотложных задачах, которые встают перед партийной организацией института в связи с постановкой вопроса о решительном искоренении всяких проявлений буржуазного либерализма в советском литературоведении.

После доклада развернулись прения, в которых отчетливо ощущалась тревога коммунистов за положение, создавшееся в институте, и отражалась их готовность по-большевистски исправить допущенные ошибки»[143].

Судя по этой публикации, которая фактически сделала закрытое партсобрание открытым, партийные органы предъявляли форпосту литературоведения серьезные требования. Этим объясняется и то обстоятельство, что, кроме двух представителей Василеостровского райкома (инструктора и секретаря по кадрам), в президиуме партсобрания находился и заведующий отделом печати горкома А. Г. Дементьев, а в зале — представители органов печати, а также парторг филологического факультета ЛГУ Г. П. Бердников. Такой официоз был вполне оправдан, поскольку партсобрание являлось генеральной репетицией более масштабного мероприятия — заседания Ученого совета Пушкинского Дома.

Прения, действительно, были в этот день оживленными — выступило более десяти литературоведов-коммунистов. Первым поднялся на трибуну ученый секретарь института:

«Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ — Вопрос о борьбе с вредным влиянием методологии А. Н. Веселовского, поднятый партией, имеет самое прямое отношение и стоит в непосредственной связи с такими важнейшими партийными актами, как постановление ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград", доклад тов. А. А. Жданова о задачах

[143] За партийность в литературоведении: На партийном собрании в Институте литературы Академии наук СССР // Ленинградская правда. Л., 1948. № 72. 26 марта. С. 2.

советской литературы, постановление ЦК ВКП(б) о советской музыке. Это все — звенья одной и той же цепи, документы исключительно большого политического и культурного значения, направленные к дальнейшему развитию и расцвету советской социалистической культуры и искусства, с одной стороны, и помогающие в борьбе с враждебными тенденциями, задерживающими и тормозящими это развитие, — с другой. <...>

Особенности дискуссии о Веселовском в Ленинграде (собрание в Союзе Писателей, конференция в Ленинградском Университете) показывают, что в литературоведческой среде все еще сильно давление мнимого авторитета Веселовского и некоторых видных ученых, являющихся его учениками и последователями.

Партия указала нам верный путь к преодолению этих вредных и глубоко враждебных нам традиций старой буржуазно-либеральной псевдонауки. Наши задачи — претворить эти указания партии в конкретные дела и, не прекращая повседневной борьбы с конкретными проявлениями методологии Веселовского, противопоставить им полноценные работы и исследования, построенные на началах марксистско-ленинской методологии»[144].

Б. С. Мейлах определил ближайшие планы: «Наша задача — коммунистов Института — точно определить позиции наших беспартийных ученых и потребовать у них признания ошибок. Ряд наших ученых — как Томашевский, Эйхенбаум — ни разу публично не выступили с признанием своих идеологических ошибок»[145].

К. Н. Григорьян[146] отметил, что «школа Веселовского пустила глубокие корни не только в области литературы, но и в искусстве. До сих пор бытует теория А. Бенуа, которая доказывает, что искусство Запада ярко, талантливо, а искусство России — бледно, неинтересно»[147].

В. Г. Базанов в своем продолжительном выступлении отдельно коснулся ситуации в фольклористике:

«Вполне согласен с положением доклада Л. А. Плоткина о фольклоре. Компаративизм буквально разъел всю фольклористику, и я считаю, что Л. А. Плоткин самоустранился от работы в отделе фольклора. Наш институт является центром всей литературной науки — этого нельзя забывать. <...> Я считаю, что наши коммунисты в отделе фольклора должны оказывать влияние, задавать тон — выступать. <...> Все ученые Института должны откликнуться на наши мероприятия. Азадовский очень повинен в канонизации Веселовского. Я считаю, что I томом о фольклористике Азадовский показал, как надо отвечать на критику, его работа в целом патриотическая, автор идет навстречу отечественному фольклору»[148].

---

[144] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 1. Л. 30–31.

[145] Там же. Л. 31.

[146] Григорьян Камсар Нерсесович (1911–2004) — литературовед, выпускник Ереванского пединститута (1931), затем на комсомольской работе, по линии Закавказского крайкома комсомола направлен в 1934 г. в Пушкинский Дом, кандидат филологических наук (1939 г., тема — «Литературные взгляды Щедрина»); ушел добровольцем на фронт, в 1941 г. вступил в ряды ВКП(б) и был на политработе; после демобилизации в марте 1946 г. принят обратно в Рукописный отдел, с 1948 г. старший научный сотрудник; в декабре 1950 г. вошел в состав партбюро ИРЛИ, затем неоднократно переизбирался в его состав. Впоследствии доктор наук (1953 г.; «Из истории русско-армянских литературных отношений X — начала XX в.»), профессор филологического факультета ЛГУ; в 1966–1970 гг. заместитель директора ИРЛИ.

[147] Там же. Л. 32.

[148] Там же.

По тому же вопросу выступила П. Г. Ширяева[149]:

«Обидно, что работа в секторе фольклора дана “на откуп” проф[ессору] Азадовскому. Нам надо изучать источники, которыми пользуется Азадовский, чтобы вести с ним борьбу, как с апологетом Веселовского. Заслуга Азадовского — в разработке проблем фольклоризма 60 гг. в трудах революционных демократов. Азадовский в своих работах к наследию Веселовского относится очень некритически. Мейлах хорошо здесь сказал о типе ученого. Вот ученый Азадовский так “тонко” и ловко обращается с источниками — точно в карты играет, что и уличить его нелегко в фактах, хотя работа в целом не пронизана марксистским методом, нет чувства и нового»[150].

Отдельным и наиболее важным эпизодом собрания было покаяние члена партбюро Пушкинского Дома В. А. Мануйлова:

«Мое выступление в Союзе писателей после выступления тов. Фадеева, конечно, было нелепо. Я поставил вопрос о наследии прошлого в области литературы и не осознал, совершив большую теоретическую и политическую ошибку, этим [sic!] самым, что нельзя с одинаковой меркой подходить к разному наследию. Субъективно я хотел выступить из побуждений патриотизма, говоря, что какая-то часть наследия Веселовского обогащает нашу науку, не учтя, что это как раз то наследие, от которого мы должны отказаться. Я совершенно не учел, что мое выступление получит такой резонанс, какой оно фактически получило. Я бы мог с Фадеевым поговорить в более узком кругу — это моя ошибка, которую я полностью признаю. Я ставил в виде вопроса, а прозвучало как возражение тов. Фадееву — присутствовавшие на этом собрании восприняли мое выступление как полемику с генеральным секретарем Союза Советских писателей, я не учел, что это было мнение партии и возражать было недопустимо, что сейчас и осознаю»[151].

Вслед за ним выступил А. С. Бушмин:

«Я присутствовал на докладе тов. Фадеева в Союзе писателей. Часть публики тогда явилась как на зрелище, и были разговоры о том, что тов. Фадееву будет дан “бой”. Эти слухи были даже у нас в институте. При такой обстановке выступление тов. Мануйлова с подготовленной аргументированной речью в защиту Веселовского — прозвучало очень плохо. На этот раз у Мануйлова не оказалось политического чутья и аплодировали Мануйлову даже те, кому не нужен Веселовский. Как хватило смелости у т. Мануйлова упрекнуть тов. Фадеева в том, что он не читал всего Веселовского. В этом

---

[149] Ширяева Пелагея (Полина) Григорьевна (1903–1986) — фольклорист, окончила ЛГПИ имени Герцена (1932), секретарь Сектора фольклора Пушкинского Дома, куда была принята в 1939 г. при поддержке М. К. Азадовского; кандидат филологических наук (1946 г.; тема — «Рабочий фольклор первой русской революции»), член ВКП(б) с 1930 г. В 1933–1939 гг. научный сотрудник Института антропологии и этнографии АН СССР (с 1935 г. парторг); на этом посту П. Г. Ширяева не оправдала возложенных на нее надежд, по крайней мере, 4 августа 1936 г., когда на пленуме парторганизации обсуждалось решение горкома ВКП(б) о состоянии парторганизации АН, были высказаны претензии в ее адрес в связи с состоянием ячейки института: «Специалисты развинтились, обнаглели, группировались, склочничали и т. д. Я не говорю о [Б. Н.] Вишневском, который печатает хвалебную рецензию на одну книгу чуждую нам, контрреволюционную. Договоры заключали на стороне по тысяче рублей за печатный лист (Вишневский — серия “Народы СССР”); другой — Азадовский — тоже, он говорит, что за 600 рублей может вести только оргработу, а не научную. Монархист, колчаковец, он так обнаглел, что пишет: фольклор первых лет революции был контрреволюционным. Парторганизация тогда отпора не дала» (ЦГАИПД СПб. Ф. 2019 (Парторганизация учреждений АН СССР). Оп. 2. Д. 161. Л. 21).

[150] Там же. Л. 33.

[151] Там же.

я вижу академическую позу, отрыв от жизни, “академическое давление” у ученого-коммуниста.

Я думаю, что мы проявляем очень много терпения в отношении ряда ученых (напр. Эйхенбаума), методология которых не последовательно-марксистская. Но почему, в таком случае, у них учеников-аспирантов много? Разве может нас удовлетворить молодой ученый, который только что вышел “из выучки” своего раболепствующего перед иностранцами руководителя? В нашей парторганизации, к сожалению, не много ученых с большими степенями, мало докторов наук. Может быть этим объясняется тот факт, что коммунисты недостаточно энергично входят в науку. Подчас трудно выступать в стенах нашего Института без наличия высоких степеней. Наша парторганизация должна принимать меры для повышения роли в науке коммунистов, в делах Института»[152].

Б. В. Папковский не был удовлетворен тоном предыдущих ораторов:

«Выступления товарищей были дельные, но носили академический характер. Обстановка института далеко не радужная. В секторе западноевропейской литературы существует формалистическая закалка. В секторе новой русской литературы тоже не лучше. Необходимо консолидировать свои силы. Думаю, что заседание Ученого совета так гладко не пройдет, мы должны хорошо подготовиться к этому. Надо заставить ученых искренно признать свои ошибки. Несмотря на то, что наша парторганизация сильная, влияние наше было недостаточным. Мы недостаточно осмыслили до конца факт выхода в свет полного собр[ания] сочинений т. Сталина и предаем забвению некоторые теоретические вопросы»[153].

После выступления рядовых коммунистов слово взяла парторг Пушкинского Дома А. И. Перепеч[154]:

«Газета “Культура и жизнь” в статье “Против буржуазного либерализма в литературоведении” разоблачила буржуазно-либеральное существо взглядов Веселовского. В нашем Институте работают ученые (Жирмунский, Алексеев, Азадовский и др.), которые делали попытки вернуть советскую науку на позиции буржуазного литературоведения. Партийное бюро и руководство нашего Института в период дискуссии занимали выжидательную, половинчатую позицию и не мобилизовали коммунистов и беспартийных ученых на разоблачение этой враждебной марксизму концепции. Половинчатой и двусмысленной была статья Л. А. Плоткина о Веселовском, напечатанная в “Литературной газете”, неправильным и совершенно случайным был реверанс Мейлаха по адресу Веселовского в его хорошей книге “Ленин и проблемы русской литературы”. Ошибочным было выступление тов. Мануйлова в Союзе писателей по докладу тов. Фадеева в защиту Веселовского. Партийное собрание должно осудить этот непартийный поступок тов. Мануйлова — заместителя секретаря парторганизации Института»[155].

---

[152] Там же. Л. 34.

[153] Там же.

[154] Перепеч Анна Ивановна (1902 — около 1960) — литературовед, младший научный сотрудник Сектора новой русской литературы Пушкинского Дома, кандидат филологических наук (1944; тема «Горький — сатирик»), в 1945–1946 гг. совмещала работу в Пушкинском Доме с должностью заместителя начальника Управления кадров АН СССР. Член ВКП(б) с 1926 г., бессменный председатель партбюро института со времени образования самостоятельной парторганизации Пушкинского Дома в 1936 г.

[155] Там же. Л. 35.

Подводя итог прениям, выступил заведующий сектором печати горкома ВКП(б):

«А. Г. ДЕМЕНТЬЕВ — подчеркивает, что в статье, опубликованной в газете "Культура и жизнь", сформулирована партийная точка зрения на литературоведение, одобренная руководителями нашей партии, что объединяет всех литературоведов-коммунистов в борьбе против всяких отклонений от этой линии.

Значительность статьи "Против буржуазного либерализма в литературоведении" заключается в том, что она вскрыла политический смысл споров о Веселовском, смыкающихся в современных условиях с той пропагандой, которую ведет международная реакция. Сейчас всем этим спорам положен конец. Веселовский полностью и безоговорочно должен быть признан чуждым советскому литературоведению.

Касаясь дискуссии в Университете, тов. Дементьев отмечает, что она была проведена на неудовлетворительном уровне, причем он признает, что в своем выступлении в Университете он также не нашел нужных слов о Веселовском. Дело не только в Веселовском, необходимо вести борьбу с буржуазным литературоведением вообще.

В дальнейшем тов. Дементьев останавливается на выступлениях отдельных товарищей и возражает тов. Базанову — "перестройка" работы Азадовского для I тома "Советского фольклора" совершенно недостаточна и в целом носит объективистский характер. Тов. Мануйлов недостаточно осознал свою не только теоретическую, но и политическую ошибку. Его выступление против Фадеева и в защиту Веселовского было политически вредным. Тов. Дементьев считает необходимым вывести тов. Мануйлова из состава Партбюро.

Свое выступление тов. Дементьев заключает призывом к коммунистам выступить в органах печати с разоблачением апологетов Веселовского и всех последователей буржуазного литературоведения. Надо резко поставить вопрос об ученых, упорствующих в своих ошибках, снимать таких людей с руководящих постов, не прикреплять к ним аспирантов, чтобы не уродовать молодежь. В таких случаях следует прикреплять их к доцентам, смелей представлять коммунистов к степеням»[156].

После этого единогласно была принята резолюция.

«ПОСТАНОВИЛИ:

1. Общее партийное собрание Института литературы Академии Наук СССР полностью одобряет статью "Против буржуазного либерализма в литературоведении" (по поводу дискуссии об А. Веселовском), напечатанную в газете "Культура и жизнь". Эта статья с подлинно большевистской принципиальностью и глубиной освещает вопрос о враждебной и чуждой марксизму буржуазно-либеральной концепции А. Веселовского. Газета правильно отмечает, что Веселовский является знаменем безыдейной либерально-объективистской науки. В современной международной обстановке, когда англо-американская лжедемократия использует космополитизм как орудие своего влияния на культурную жизнь других народов, реакционность методологии Веселовского является особенно очевидной. Отсюда ясна необходимость до конца разоблачить идеологический вред взглядов Веселовского и его школы.

2. Вместо того, чтобы до конца и последовательно разоблачить сущность взглядов Веселовского, журнал "Октябрь" провел ненужную и ошибочную дискуссию о Веселовском. Эта дискуссия является тем более вредной, что за последние годы ряд ученых явились прямыми апологетами и пропагандистами взглядов Веселовского (Шишмарев,

[156] ЦГАИПД СПб. Ф. 2019 (Парторганизация учреждений АН СССР). Оп. 2. Д. 161. Л. 36.

Жирмунский, Алексеев, А. Н. Соколов[157], Белецкий, Азадовский и др.). Идеализация Веселовского и призыв к учебе у него содержится в статье В. А. Десницкого о нем. Практическим осуществлением развитой Веселовским теории влияний и заимствований явилось, отразившееся в работах ряда литературоведов, низкопоклонство перед иностранщиной, стремление доказать зависимость русской литературы от иностранных образцов (работы профессоров Эйхенбаума о Льве Толстом, Томашевского о Пушкине и Лермонтове, книга Нусинова "Пушкин и мировая культура", книга Проппа "Исторические корни волшебной сказки", некоторые работы Азадовского о фольклоре и др.). Партийное собрание считает, что критика и разоблачение вредных взглядов и концепций должны быть выдвинуты во главу работы Института, особенно учитывая недостаточность в нем критики и самокритики. Собрание отмечает, что руководство Института и Партбюро заняло выжидательную позицию в период дискуссии о Веселовском и не мобилизовало коммунистов и беспартийных ученых на разоблачение буржуазного либерализма в литературоведении.

3. Собрание считает, что выступление В. Мануйлова на собрании ленинградских писателей по докладу А. А. Фадеева носило совершенно недопустимый для коммуниста характер. В. Мануйлов выступил с апологетической защитой Веселовского как якобы "ученого мирового масштаба, который является гордостью русской науки". Осуждая это выступление, собрание требует от Мануйлова публичного признания ошибочности этого выступления и вывода его из состава Партийного Бюро.

4. Собрание отмечает, что в ходе дискуссии ряд коммунистов занял непоследовательную, половинчатую позицию в критике Веселовского. В частности, половинчатой и непоследовательной была критика Веселовского в статье Л. Плоткина в "Литературной газете" — "Веселовский и его эпигоны". Некритическое отношение к Веселовскому сказалось и в ряде актуальных литературоведческих работ, написанных учеными-коммунистами. В частности, ошибочное суждение о Веселовском допущено в книге Б. Мейлаха — "Ленин и проблемы русской литературы". Непоследовательная критика Веселовского была дана в его докладе о вопросах эстетики, напечатанном в "Звезде".

5. Считая, что обязанность каждого коммуниста-литературоведа активно участвовать в борьбе за чистоту марксистско-ленинской теории, собрание отмечает, что ряд коммунистов-литературоведов, работающих в Институте, устранились от активной литературной борьбы и не приняли никакого участия в критике и разоблачении Веселовского и его апологетов»[158].

Отметим и наиболее важные решения этого партсобрания:

«Провести 31-го марта открытое заседание Ученого совета с обсуждением статьи "Культура и жизнь" "Против буржуазного либерализма в литературоведении" и развернуть на этом заседании критику апологетов Веселовского и недостатков работы Института. Доклад поручить тов. Плоткину. Поручить коммунистам т. т. Городецкому,

---

[157] Соколов Александр Николаевич (1895–1970) — литературовед, специалист в области русской литературы первой половины XIX в., доктор филологических наук (1948), доцент, впоследствии профессор (1950) филологического факультета МГУ, заведующий кафедрой русской литературы. «Прославился» статьей: *Соколов А. Н.* А. Н. Веселовский — основоположник исторической поэтики // Ученые записки Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова. Вып. 107: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Т. III: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1946. Кн. 2. С. 161–172.

[158] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 1. Л. 37–38.

Мейлаху, Бурсову[159], Ширяевой, Базанову и Папковскому выступить на этом заседании с критикой и разоблачением Веселовского и его апологетов»[160].

«Предложить коммунистам — Городецкому, Папковскому, Мануйлову, Ширяевой, Базанову выступить в печати с критикой эпигонов Веселовского и буржуазно-либерального литературоведения вообще (прежде всего о работниках Института). Партбюро проследить и организовать написание статей»[161].

Отдельный пункт был посвящен провинившемуся члену партбюро:

«Осуждая выступление В. Мануйлова на собрании ленинградских писателей по докладу А.А. Фадеева с апологетической защитой Веселовского, носящее совершенно недопустимый для коммуниста характер, собрание требует от Мануйлова публичного признания ошибочности этого выступления и постановляет вывести его из состава партбюро Института литературы»[162].

Ленинградская печать также отметила В.А. Мануйлова персонально:

«О допущенной им серьезной ошибке говорил на собрании В. Мануйлов. Однако, назвав свою ошибку теоретической, он не дал ей четкой политической квалификации. <...> Собрание приняло резолюцию, в которой указало на ошибки, допущенные учеными-коммунистами в оценке Веселовского, сурово осудило вредное выступление В. Мануйлова в Союзе писателей, потребовало от руководства института и всех коммунистов решительной борьбы со всеми проявлениями пережитков буржуазного литературоведения»[163].

Показательная порка В.А. Мануйлова носила явно назидательный характер: «Его пример — другим наука».

У ИСТОКОВ «ДУХА 49-ГО ГОДА»

29 и 30 марта этому же вопросу было посвящено собрание филологов-коммунистов ЛГУ:

«Два дня коммунисты филологического факультета Ленинградского университета обсуждали статью “Против буржуазного либерализма в литературоведении”.

С докладом на собрании выступил тов. А. Дементьев, показавший порочность буржуазно-либеральной космополитической концепции Веселовского. Докладчик вскрыл ошибки В. Шишмарева, В. Жирмунского, М. Алексеева, Б. Эйхенбаума, Б. Томашевского, А. Долинина, М. Азадовского, В. Проппа, не преодолевших пережитки буржуазного объективизма, формализма, низкопоклонства перед иностранщиной»[164].

---

[159] Бурсов Борис Иванович (1905–1997) — литературовед, сотрудник сектора новой русской литературы Пушкинского Дома, кандидат филологических наук (1938 г., тема — «Художественная структура характеров “Войны и мира” Л. Толстого»), впоследствии — доктор (1951 г., тема — «Проблема реализма в эстетике революционных демократов»); член ВКП(б) с 1942 г.

[160] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 1. Л. 38.

[161] Там же. Л. 38–39.

[162] Там же. Л. 39.

[163] Против буржуазных пережитков в литературоведении: На партийном собрании в Институте литературы // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 71. 25 марта. С. 3.

[164] *Непомнящий Б.* На собрании в Университете // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 77. 1 апреля. С. 3.

«Тов. Дементьев подчеркнул особую важность и своевременность статьи, которая до конца вскрыла подлинное лицо буржуазного либерализма Веселовского и его школы, положила конец той вредной шумихе, которая велась вокруг имени и "заслуг" Веселовского — типичного представителя либерально-политической науки, отрицавшей самобытность русской культуры, проповедовавшего зависимость ее от культуры Запада.

Такие ученые в Университете, как акад[емик] В. Шишмарев, профессора В. Жирмунский, М. Азадовский, М. Алексеев, В. Пропп, создали культ Веселовского. Пережитки аполитизма и формализма не преодолели в своих работах профессора Б. Эйхенбаум и Б. Томашевский. Методологически ошибочные книги написали проф[ессор] В. Пропп ("Исторические корни волшебной сказки") и проф[ессор] А. Долинин ("В творческой лаборатории Достоевского").

Тов. Дементьев отметил, что некоторые коммунисты-ученые были не до конца принципиальны в своем отношении к Веселовскому. Так, проф[ессор] Л. Плоткин занял половинчатую позицию.

— Веселовский враждебен нам полностью, — сказал докладчик. — И всякие реверансы и оговорки, направленные по его адресу, вредны.

Непонимание остроты борьбы за партийность в науке приводит подчас к вредным результатам, пагубно дезориентирующим нашу студенческую молодежь. Кое-кем еще вытаскиваются из архивной пыли имена реакционеров, против которых страстно выступали и которых бичевали вожди нашей партии и народа Ленин и Сталин. Примером может служить книга, изданная в 1947 году, "Ленинградский Университет за советские годы". Там, наряду с учеными, отдавшими весь свой труд, все свои знания народу, можно встретить того же Веселовского, К. Кавелина, которых жестоко критиковали и Ленин и Герцен, М. Туган-Барановского, К. Бестужева-Рюмина и других, им подобных. Там с гордостью говорится, что наш Университет окончили Л. Андреев, Вс. Крестовский — писатели, выступавшие в литературе с реакционных позиций.

Борьба с возвеличиванием Веселовского и другими буржуазными пережитками, — сказал в заключение своего доклада тов. Дементьев, — является делом каждого коммуниста и всей партийной организации в целом. Статья в газете "Культура и жизнь" — боевое оружие в наших руках. Мы обязаны воспользоваться им в борьбе за партийность науки.

После доклада развернулись прения, в которых коммунисты факультета единодушно признали правильность и огромную принципиальную важность статьи, напечатанной в газете "Культура и жизнь"»[165].

Из-за большого числа желающих высказаться в прениях собрание длилось два вечера — в понедельник и во вторник. По сути, это было первое собрание, где уже носился этот "дух 1949-го года":

Холуй трясется. Раб хохочет.
Палач свою секиру точит.
Тиран кромсает каплуна.
Сверкает зимняя луна.
Се вид Отечества...

И. Бродский

[165] *[Соймонов А.Д.]* Против буржуазного либерализма в литературоведении, за большевистскую партийность в науке о литературе: На партийном собрании филологического факультета // Ленинградский университет. Л., 1948. № 13. 7 апреля. С. 2.

Обратимся к скупому протоколу заседания:

«НАУМОВ: Книга пр[офессора] Проппа, книги пр[офессора] Азадовского и пр[офессора] Эйхенбаума не только неверны, но и вредны для нас. Они доказывают, что мы не имеем ничего русского самобытного. Защитники Веселовского охраняют его авторитет, потому что боятся развенчания собственного авторитета.

В студенческие годы я обратился к статье пр[офессора] Азадовского "Пушкин и фольклор". В этой статье Пушкина не было. В моих лекциях о Толстом мне не пригодилась ни одна работа Эйхенбаума о Толстом. Работы Эйхенбаума направлены против слов Ленина о Толстом: "Кого можно поставить на западе рядом с Толстым? Никого". Такая наука нужна всем, кроме нас, советских людей.

В семинаре проф[ессора] Эйхенбаума одна аспирантка делала доклад о "Евгении Онегине", где больше говорилось о западных поэтах, чем о Пушкине. Эйхенбаум одобрил доклад, а аспиранты его поддержали.

Мы недостаточно остро и резко выступаем против чуждых взглядов. На собраниях у нас аплодируют и Дементьеву, критикующему защитников Веселовского, и Эйхенбауму и Жирмунскому»[166].

«СОЙМОНОВ[167]. Парторганизация оказалась не на высоте положения. За идеологическую работу на факультете отвечает парторганизация. Мы не должны ждать появления статей в "Культуре и жизни", чтобы правильно ставить вопросы. Когда я был студентом, я воздействовал как коммунист на Азадовского. А в аспирантуре я самоустранился, но не я один. Работа пр[офессора] Азадовского о Веселовском порочна.

Никуда не годится, что на следующий день после партсобрания беспартийные знают, о чем шла речь на собрании»[168].

«КОЛПАКОВА[169]. Наши ученые не только отходят от марксистских позиций в своих книгах, но и неверно учат студентов. В СНО были представлены три доклада

---

[166] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 48. Л. 63–63 об.

[167] Соймонов Алексей Дмитриевич (1912–1995) — выпускник филологического факультета ЛГУ (1939 г.); аспирант филологического факультета по кафедре фольклора (зачислен в мае 1945 г., научный руководитель — профессор М. К. Азадовский), член ВКП(б); впоследствии кандидат филологических наук (1958 г., тема — «Борьба за передовые традиции народного поэтического творчества в русской науке и искусстве конца XIX века»), доктор (1971 г., тема — «П. В. Киреевский и его собрание народных песен в русской литературе и фольклористике первой половины XIX века»).

Исследователь Н. Г. Комелина об интесесующем нас периоде биографии А. Д. Соймонова пишет: «В отношении А. Д. Соймонова, ученика М. К. Азадовского, нет никаких сведений о том, что кампания против учителя на нем отразилась. Также неизвестно его отношение к событиям 1949–1950 годов» (Письма М. К. Азадовского к А. Д. Соймонову (1942–1944) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н. Г. Комелиной // Русская литература. СПб., 2009. № 1. С. 234).

Ничего не знавший о «деятельности» А. Д. Соймонова М. К. Азадовский писал ему 25 января 1949 г. из Келломяк: «Милый Лешенька! Не могу сказать, как меня несказанно образовало Ваше письмо. Скоро, надеюсь, мы непосредственно увидимся и обо всем поговорим: и о диссертации, и об очередных вопросах нашей науки, и о формах дальнейшей работы, и обо всем прочем. <...> Обнимаю и целую. Всегда Ваш М. Азадовский» (Там же. С. 234). Больше М. К. Азадовский писем своему ученику не писал.

[168] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 48. Л. 63 об. – 64.

[169] Колпакова Елена Георгиевна (1921–?) — студентка четвертого курса, член ВКП(б) с 1942 г., впоследствии окнчила аспирантуру ЛГУ, кандидат филологических наук (1955 г., тема — «Творчество К. М. Симонова довоенного времени и периода Великой Отечественной войны (1936–1945 годы)», после защиты диссертации жила в Литве, преподавала в Вильнюсском пединституте. Отец ее дважды арестовывался (1925 и 1935 гг.) как бывший меньшевик.

из семинара проф[ессора] Эйхенбаума, которые повторяли ошибки Эйхенбаума. Один доклад связывает социально-политические взгляды Толстого с рассмотрением различных видов автобиографического жанра. Доклад о "Проблеме социального зла в поэзии Лермонтова" рассматривает эту проблему только как внутрилитературную.

Отсутствует партийный контроль над работой семинаров и спецкурсами. Среди студентов не ведется работа по разъяснению проблем современного литературоведения, статьи "Литгазеты" и газеты "Культура и Жизнь" не обсуждаются на комсомольских и партийных собраниях, эти вопросы не ставятся агитаторами»[170].

«ВУЛИХ[171]. В работах зав. кафедрой [классической филологии] О. М. Фрейденберг серьезные ошибки, она, например, находит остатки первобытного сознания у Блока и т. п., ее ученики повторяют ее ошибки. В работе т. Поляковой[172] говорится, что как в языке есть сложноподчиненное предложение, так в греческом романе происходит нанизывание одного сюжета на другой. Это — формализм. Книга об античной науке пр[офессора] Лурье[173] подверглась критике в Москве. Этот вопрос обсуждался на закрытом заседании на философском факультете, на которое представителей каф[едры] классической филологии не пригласили. Необходимо оживить работу нашей кафедры»[174].

«СПИЖАРСКАЯ. Веселовским занимаются немногие ученые, но его методом работают почти все ученые-литературоведы. Пр[офессор] Гуковский сказал на прошлой дискуссии, что литературоведение отрывается от литературы, но это неверно. За этим

---

[170] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 48. Л. 64.

[171] Вулих (Морева-Вулих) Наталия Васильевна (род. 1915), кандидат филологических наук (1945 г., тема — «Поэзия Катулла: (Интерпретации и стилистические наблюдения)»), старший преподаватель кафедры классической филологии, впоследствии доктор филологических наук (1976 г., тема — «Мировоззрение и художественный стиль Овидия (поэма "Метаморфозы")», в настоящее время живет в Ухте.

[172] Полякова Софья Викторовна (1915–1994) — кандидат филологических наук (1945 г., тема — «Семантика образности античного исторического эпоса (5 в. до н. э. — 1 в. н. э.)», византинист, преподаватель (впоследствии доцент) кафедры классической филологии, ученица О. М. Фрейденберг. «Она окончила Ленинградский университет в 1938 г. и была в первом выпуске студентов на незадолго перед тем воссозданной кафедре классической филологии, которой заведовала Ольга Михайловна Фрейденберг. Одна из лучших и вначале самых верных учениц профессора Фрейденберг, Софья Викторовна не только изучала древние языки и литературу, но и осваивала новые, совсем непривычные для традиционной классической филологии методы своего учителя. Среди ее учителей были также И. Г. Франк-Каменецкий, И. И. Толстой, И. М. Тронский. Софья Викторовна принадлежала к, увы, ныне поредевшему поколению начинавших перед самой войной петербургских филологов, отличительной чертой большинства которых было сочетание европейской образованности с поиском новых форм и методологий в науке: антиинтеллектуализм и примитивная ксенофобия ждановских постановлений застали многих из них уже сформировавшимися учеными и не смогли искалечить профессионально и нравственно. Все последующие годы до выхода на пенсию Софья Викторовна проработала на воспитавшей ее кафедре» (*Любарский Я. Н.* Софья Викторовна Полякова: [Некролог] // Византийский временник. М., 1996. Т. 56 (81). С. 373).

[173] Лурье Соломон Яковлевич (1891–1964) — филолог-классик, историк, преподавал в ЛГУ с 1922 г., с 1934 г. — профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира ЛГУ, с 1943 г. по 1945 г. — заведующий кафедрой истории Греции и Рима; доктор филологических (1943 г., тема — «Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии») и исторических наук, выдающийся специалист в области истории естествознания. С 1 декабря 1945 г. одновременно преподавал на кафедре классической филологии филологического факультета.

[174] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 48. Л. 64.

литературоведением стоит такая литература, как Ахматова, Шереметьева ("Вступление в жизнь") и некоторые другие попытки идеализации прошлого.

На дискуссии о стадиальности о Веселовском говорили мало, но все равно было много ошибок. В докладе пр[офессора] Гуковского были антидемократические высказывания. Теория стадиальности вредна, ведет к формалистическим выводам. У пр[офессора] Тронского проявляется космополитизм. Все аспиранты пр[офессора] Реизова, кроме Раскина[175], подходят к литературным явлениям как к имманентным. Порочен самый метод работы по Веселовскому. Пр[офессор] Алексеев пытался сделать вывод, что Горький заимствовал свое "Человек — это звучит гордо" от венгерского писателя, на основании того, что тот написал "Человеческую трагедию". Этот венгерский писатель оказался романтиком-пессимистом»[176].

«ХАВИН. Порочная методология буржуазного либерализма сказывается не только в литературоведении, но и в других науках, в частности, в науке о русском языке. Тов. Дементьев остановился на ошибочной работе пр[офессора] Виноградова, но недостатки этой работы на кафедре обсуждались келейно. В другой работе пр[офессора] Виноградова в статье 1946 г. "Основные понятия русской фразеологии как лингвистической науки" атмосфера отрешенности от современности, фикция надклассовости, беспартийности. Эту статью можно легко представить напечатанной в дореволюционном журнале. Работники кафедры русского языка не подвергли эту работу критике. Народ недоволен специалистами по русскому языку, я знаю это, так как общаюсь с учителями, дикторами, корректорами. Кафедра стоит в стороне от народных запросов. В лекториях не ставятся лекции о русском языке и о русских ученых»[177].

Но не все выступления были такими по-большевистски принципиальными: некоторые не оправдали ожиданий партбюро. Особенно стоит отметить специалиста по древнерусской литературе, аспиранта филологического факультета И. П. Лапицкого, чья деятельность вскоре будет держать в оцепенении и родной факультет, и Пушкинский Дом:

«ЛАПИЦКИЙ. Недавно вышла "История древнерусской литературы", где помещена статья пр[офессора] Емельянова[178], доказывающая, что Владимир Мономах заимствовал целую главу у одного малоизвестного римского писателя. Орлов[179] писал о будущих ученых, что "они заменят бег на месте движением вперед". Слова "бег на месте" он относил к себе и своим помощникам. В учебнике Гудзия есть факты, но нет литературного анализа. В книге Добиаш[180] применяется компаративистский метод»[181].

Он был моментально поставлен на место устроителями:

---

[175] Раскин Борис Леонидович (1919–?) — аспирант кафедры истории зарубежных литератур, специалист по французской литературе, в 1955 г. защитил диссертацию по теме «Философские повести Бальзака», впоследствии преподавал в Ленинградском библиотечном институте.

[176] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 48. Л. 64 об. – 65.

[177] Там же. Л. 66.

[178] Речь о профессоре Игоре Петровиче Еремине (1904–1963), докторе филологических наук, старшем научном сотруднике отдела древнерусской литературы ИЛИ, профессоре филологического факультета.

[179] Александр Сергеевич Орлов (1871–1947) — литературовед, академик.

[180] Если фамилия в протоколе указана верно, то речь идет об Ольге Антоновне Добиаш-Рождественской (1874–1939), историке-медиевисте, палеографе, докторе всеобщей истории, профессоре ЛГУ, члене-корреспонденте АН СССР (1929), авторе книги «История письма в средние века» (2-е изд. — М.; Л., 1936).

[181] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 48. Л. 63 об.

«Не все выступавшие коммунисты твердо усвоили себе необходимость для коммуниста честной критики и самокритики. Всеобщий отпор вызвало выступление аспиранта И. Лапицкого, который, лавируя и осторожно критикуя ученых не нашего университета, абсолютно ничего не сказал о недостатках научной и производственно-воспитательной работы своей кафедры»[182].

В заключение слово взяли члены партбюро факультета. Сперва — друг и единомышленник А. Г. Дементьева С. С. Деркач, а затем и секретарь партбюро Г. П. Бердников:

«БЕРДНИКОВ. Наше партийное собрание подтвердило, что вопросы, поднятые в газете “Культура и Жизнь”, являются не только политически актуальными, но и научно-актуальными.

Тов. Жданов говорил о том, что мы должны качественно представлять отличие нашей науки, методологии от буржуазной науки и методологии.

Вопрос о Веселовском — вопрос об основных принципах нашей методологии.

Приходится нам перестраивать всю нашу работу, т. к. речь идет о типе настоящего советского ученого. Наши ученые должны коренным образом пересматривать то, что идет от прошлого.

Статья показывает принципиальные позиции.

Почему мы до сего времени не выбили чуждое оружие из рук ученых? И на этот вопрос ответило наше собрание. Мы оказались несостоятельными в этом принципиальном вопросе. Критика и самокритика на этом собрании развернулась по-настоящему, чего у нас не было раньше. Партбюро не смогло повести коммунистов на борьбу за большевистские методы в литературоведении. Наша парторганизация должна занять твердые позиции о нашей науке.

Надо взять в руки аспирантуру, нужно знать, кто идет туда с V курса.

Товарищи, не нужно давать повода профессорам понять всю нашу работу как поход против них. Мы заинтересованы в том, чтобы эти люди, осознав свои ошибки, продолжали строить науку вместе с нами. Надо перед профессорами честно ставить вопросы, волнующие наше студенчество.

Надо создать общественное мнение на факультете, чтобы избавиться от молчальников, а также и от болтунов»[183].

Под занавес второго дня, перед голосованием за резолюцию, выступил Александр Григорьевич:

«ДЕМЕНТЬЕВ. Заключительное слово.

Теория стадиальности в литературоведении не нужна. Оба ее варианта, вариант Жирмунского и вариант Гуковского, неприемлемы. Жирмунский в своей последней работе об узбекском эпосе загубил хорошее начинание благодаря теории стадиальности, национальное своеобразие узбекского эпоса у него совершенно исчезло. Рассмотрение разнонациональных явлений как одинаковых на одной стадии прокладывает дорогу космополитизму. В варианте Гуковского смазывается классовая борьба в литературе. На одной стадии художественного сознания у Гуковского сближается Достоевский и Горький.

Неправильные высказывания в литературоведении связаны с явлениями апологии старого, имевшими место в некоторых произведениях художественной литературы

[182] *[Соймонов А. Д.]* Указ. соч. С. 2.

[183] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 48. Л. 67–67 об.

в последнее время, и с пропагандой аполитизма, свободы от партии, правительства и советского государства. Примеры такой пропаганды — произведения Зощенко и Ахматовой. И Панова отдала в "Кружилихе" дань беспартийному искусству. Важнейшая опасность в науке сейчас — это объективизм, космополитизм, формализм. Если ученый не хочет заниматься идейным содержанием произведения, это значит, что он практически борется за чистое искусство против партийности в литературоведении.

Сейчас основная задача — развивать критику и самокритику на кафедрах и Ученом Совете. У нас хорошо научились праздновать юбилеи, а критике не научились. Имеет место преклонение перед знаниями, перед эрудицией, но кроме знаний нужна и методология.

Выступление Лапицкого показало, что он не научился еще по-настоящему критиковать. Нужно критиковать того, кто стоит рядом и является руководителем. Нужно было критиковать Еремина <...>.

Критика — дело хорошее. Но критиковать — не значит бить дубинкой по голове. Я вчера назвал вступление Шишмарева ахинеей, но его самого я так не назову. А. Соймонов говорит: "Веселовский, Азадовский — это всё ерунда". Некоторые выступавшие проявили чрезмерную страстность. Мы, защищая партийность, стоим на самых принципиальных позициях, но от ученых мы не отказываемся и не будем их громить. Мы должны воспитывать наших ученых политически и методологически. Тот, кто будет противопоставлять себя линии партии, сам выйдет в тираж. Ученым мы должны противопоставлять не только методологию, но и факты, поэтому мы должны учиться.

Мы выступаем против эстетизма и формализма, но мы также против вульгарного социологизма.

Наше партсобрание показало, что у нас выросли кадры коммунистов. У нас коммунисты сильные, но несмелые. Надо быть смелее и смелее разоблачать искривления.

Коммунисты кафедр должны собираться и вырабатывать определенную линию поведения.

На Ученом совете мы должны показать, что мы можем делать политику на факультете»[184].

Приведем резолюцию — итоговый документ двухдневного партийного собрания:

«Заслушав и обсудив доклад т. Дементьева о статье в газете "Культура и жизнь" "Против буржуазного либерализма в литературоведении", партийное собрание считает ее совершенно правильной и очень своевременной.

Александр Веселовский — принципиальный враг революционной демократии, характерный представитель буржуазно-либеральной академической науки — чужд и враждебен нам как тип ученого.

Созданный Веселовским метод изучения литературы диаметрально противоположен марксизму, т. к. рассматривает литературные явления вне их прямой зависимости от классовой борьбы, от уровня развития философских идей в обществе, от исторической действительности. Метод Веселовского сводит изучение литературы к анализу мертвых схем, к сличению неизменных кочующих мотивов, сюжетов и образов, игнорируя тем самым национальное конкретно-историческое содержание литературных произведений. Формализм и буржуазный космополитизм неотъемлемы от учения Веселовского.

[184] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 48. Л. 68–68 об.

Активное стремление ряда наших ученых оживить учение Веселовского представляет собой попытку навязать нашей науке принципы чуждого и враждебного нам буржуазного либерального литературоведения с присущими последнему космополитизмом, безыдейностью, культом чистой филологии.

Политический вред подобных попыток станет ясен, если учесть, что именно под этим флагом выступают сейчас ученые — представители американской и западной реакции, в интересах захватнических планов своих хозяев проводящие идею вненациональной, надклассовой, "чистой", "мировой" науки.

Партийное собрание считает, что статья в «Культуре и жизни», глубоко вскрывающая методологическую и политическую сущность концепции Веселовского и попыток ее оживления, имеет огромное значение в борьбе за чистоту марксистско-ленинской методологии в литературоведении.

Партийное собрание отмечает, что во вредной попытке оживить учение Веселовского деятельное участие приняли ряд руководящих научных работников нашего факультета. Активными апологетами Веселовского выступили академик Шишмарев, зав. кафедрой романо-германской филологии, член-корреспондент Академии наук СССР, зав. кафедрой западноевропейских литератур проф[ессор] Жирмунский, директор Научно-исследовательского филологического института член-корреспондент Академии наук Алексеев, зав. кафедрой фольклора проф[ессор] Азадовский. А их соратниками неизбежно оказался ряд ученых, не изживших формализм, находящихся в плену чуждой нам методологии — проф[ессора] Эйхенбаум, Томашевский, Пропп, многие работы которых подверглись справедливой критике на страницах нашей печати. Аполитичность и объективизм ярко сказались и в книге А. Долинина о Достоевском, в которой идеализированы, прикрашены реакционные стороны творчества Достоевского. Апологетическое отношение к представителям дореволюционной буржуазной науки несомненно сильно еще среди научных работников, занимающихся фольклором, древней русской литературой, русским языком. Пережитки буржуазного либерализма, формализма и академического бесстрастия пагубно сказываются на развитии нашей науки, отрывают ее от задач современности, тормозят ее развитие, мешают правильному воспитанию молодых научных кадров и студентов.

Активная защита Веселовского рядом работников нашего факультета, а также наличие буржуазных пережитков в исследованиях и лекциях ряда работ ученых и отдельных кафедр стали возможны потому, что большевистская критика и самокритика не стали еще основой, стилем работы факультета, а коммунисты не заняли непримиримой позиции по отношению к апологетам Веселовского и различным проявлениям и пережиткам буржуазной идеологии. Половинчатую, двусмысленную позицию по отношению к Веселовскому занял коммунист профессор нашего факультета Плоткин. Коммунисты нашего факультета не сумели вскрыть политическую суть концепции Веселовского и выступлений ее защитников на дискуссии "О состоянии и задачах советского литературоведения".

Коммунисты кафедры русского языка (Бархударов, Каратаева[185], Аверьянова[186]) не нашли в себе должной смелости для того, чтобы выступить с резкой критикой книги

[185] Коротаева Элеонора Иосифовна (1910–1978) — лингвист, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, докторант. Впоследствии доктор филологических наук (1951), профессор, в 1950–1951 гг. заместитель декана.

[186] Аверьянова Александра Петровна (1903–1983) — старший преподаватель кафедры русского языка, заместитель декана факультета (до 16 сентября 1948 г.), член партбюро факультета.

академика В. Виноградова "Русский язык". Партийное бюро факультета, начав правильную практику критического обсуждения работы кафедр, не довело этой работы до конца и не направило коммунистов на борьбу за развитие боевого партийного литературоведения.

В партийной организации нашего факультета есть еще молчальники, которые предпочитают сохранять "добрые" отношения с учеными, боятся открыто выступать с нелицеприятной прямой большевистской критикой. Ярким примером является поведение коммунистов Реферовской[187], Шведе-Васильевой[188], М. В. Колобовой[189], которые на последнем заседании кафедры романо-германской филологии не выступили с критикой доклада акад[емика] Шишмарева, в котором последний пытался представить Веселовского и Чичерина основоположниками советской романо-германистики.

Исходя из этого, партийное собрание постановляет:

1. Потребовать от всех коммунистов активной, повседневной борьбы за партийность филологической науки против всех пережитков в ней буржуазной идеологии.

2. Партийному бюро направить работу факультета, его руководства, Ученого совета и всех кафедр:

а). На борьбу с порочными традициями школы Веселовского, формализма, либерального академизма, на борьбу с ложными представлениями о существовании надклассовой, наднациональной "чистой науки";

б). На раскрытие литературоведами и фольклористами политического, философского и морального смысла и значения художественных произведений, чтобы шире и лучше использовать художественную литературу и фольклор для коммунистического воспитания нашего народа;

в). На более активную разработку важнейших вопросов теории литературы и марксистско-ленинской эстетики, истории советской литературы, проблем социалистического реализма и наследия великих представителей русской революционной демократии;

г). На борьбу за активное служение нашей науке задачам современного социалистического строительства, разработку актуальных научных проблем, непосредственную помощь советской школе;

д). На глубокую критику идеологического и научного распада, который характерен для современного буржуазного Запада и империалистической Америки, добиваясь выступления наших ученых по этим вопросам в печати.

3. В этих целях партийному бюро чаще практиковать отчеты кафедр, требуя от коммунистов решительной и смелой критики всех недостатков в работе кафедр, членами которых они являются, добиваться систематического контроля над спецкурсами, спецсеминарами и лекциями.

4. На ближайшем Ученом совете поставить доклад т. Дементьева о статье в "Культуре и жизни" "О буржуазном либерализме в литературоведении". Предложить комму-

---

[187] Реферовская Елизавета Артуровна (1907–2004) — лингвист, доцент и заведующая кафедрой французского языка, кандидат филологических наук. Впоследствии доктор филологических наук (1956), профессор (1957).

[188] Шведе-Васильева (Васильева-Шведе) Ольга Константиновна (1896–1987) — лингвист, ученица В. Ф. Шишмарева. доцент кафедры романской филологии, доктор филологических наук, член ВКП(б).

[189] Колобова Мария Валерьяновна (1901–1970) — ассистент кафедры романской филологии.

нистам Дементьеву, Бердникову, Деркачу, Спижарской, Хавину, Вулих, Западову[190], Лапицкому, Аверьяновой выступить на этом Ученом совете с решительной критикой апологетов Веселовского и тех ученых, которые не преодолели буржуазной идеологии в литературоведении.

5. В апреле м[еся]це провести обсуждение итогов философской дискуссии, на котором остро и глубоко поставить вопрос о тех выводах, которые должны сделать для себя филологи из этой дискуссии. Организацию обсуждения поручить т. т. Лашанской[191] и Хавину.

6. Поставить по курсам для студентов факультета доклады о значении статьи в "Культуре и жизни". Поручить сделать эти доклады т. т. Дементьеву, Плоткину.

7. Поручить коммунистам т. т. Бархударову и Каратаевой сделать доклады для студентов об ошибках книги академика В. Виноградова "Русский язык".

8. Поручить т. Соймонову выступить в газете "Ленинградский Университет" со статьей о пережитках буржуазного либерализма в фольклористике, дав в этой статье критику работ проф[ессоров] Проппа и Азадовского.

9. Редакции [факультетской стенгазеты] "Филолог" и курсовым стенным газетам осветить значение статьи в "Культуре и жизни" для развития нашей науки.

10. Для усиления партийного влияния на кафедрах [на] преподавательскую и аспирантскую группы организовать партийные группы на кафедрах (из числа преподавателей и аспирантов)»[192].

Партийному собранию на филологическом факультете придавалось такое значение, что информация о нем даже попала в новостную ленту ТАСС:

«Статья "Против буржуазного либерализма в литературоведении", напечатанная в газете "Культура и жизнь", нашла широкий отклик в ленинградских вузах. Этому вопросу было посвящено партийное собрание на факультете русского языка и литературы в Педагогическом институте имени Герцена. Вчера [30 марта] закончилось двухдневное собрание коммунистов филологического факультета Университета.

В прениях по докладу доцента А. Г. Дементьева выступили научные сотрудники, преподаватели, аспиранты и студенты, в том числе доценты А. Западов, П. Хавин, кандидаты филологических наук Г. Бердников, Н. Вулих. Выступавшие единодушно отмечали своевременность и важность вопросов, поставленных газетой "Культура и жизнь". Практика педагогической и научной работы на факультете страдает

[190] Западов Александр Васильевич (1907–1998) — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики; впоследствии переехал в Москву, доктор филологических наук (1959 г., тема — «Поэзия Державина»), профессор МГУ. По окончании аспирантуры был в 1938 г. распределен Наркомпросом РСФСР в Курск и исключительно благодаря Г. А. Гуковскому не уехал из Ленинграда, а был зачислен в штат Пушкинского Дома: в мае 1938 г. Г. А. Гуковский лично обратился с ходатайством к президенту АН СССР В. Л. Комарову по этому поводу, инициировал письмо дирекции в сектор кадров АН, а в сентябре — еще раз беспокоил президента АН личным письмом, указывая, что «отъезд А. В. Западова поставил бы Институт в крайне затруднительное положение, т. к. сорвал бы ряд порученных ему работ»; к этой просьбе тогда присоединился и В. А. Десницкий (АРАН. Ф. 277 (В. Л. Комаров). Оп. 4. Д. 518. Л. 1–2. 15 сентября 1938 г.).

[191] Лашанская (Маслова-Лашанская) Сарра Семеновна (1916–1990) — лингвист, специалист по шведскому и другим скандинавским языкам, кандидат филологических наук, доцент кафедры германо-скандинавской филологии, член партбюро факультета. Впоследствии — доктор филологических наук (1974).

[192] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 217. Л. 69–75.

серьезными недостатками, которые тормозят развитие литературоведческой науки, мешают правильному воспитанию студенчества.

Указывалось на особенное неблагополучие в области исследования и преподавания фольклора и древнерусской литературы. Говоря о фактах раболепного отношения к методу буржуазного литературоведения, к концепциям Веселовского, участники собрания подчеркивали необходимость шире развернуть критику и самокритику.

Коммунисты-филологи единодушно одобрили статью газеты "Культура и жизнь" и поставили перед собой задачу добиться искоренения имеющихся недостатков»[193].

Достойно упоминания то обстоятельство, что заведующий кафедрой русского языка, член-корреспондент АН СССР С. Г. Бархударов совершил невиданный для коммуниста поступок — он пошел на нарушение партийной дисциплины. Как впоследствии заявил парторг ЛГУ А. А. Андреев на общем собрании коммунистов ЛГУ 19 ноября 1948 г., «при обсуждении на факультете статьи газеты "Культура и жизнь" "Против буржуазного литературоведения" — зав. кафедрой коммунист Бархударов отказался выступить на собрании»[194].

Естественно, что для коммуниста такой поступок не мог пройти безнаказанным — 1 июня 1948 г. он написал заявление об уходе с поста заведующего кафедрой.

УЧЕНЫЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА: ОСУЖДЕНИЕ, ОТРЕЧЕНИЕ, САМОБИЧЕВАНИЕ

На следующий день после окончания университетского собрания за дело взялись ученые Академии наук:

«31 марта статья газеты "Культура и жизнь" была обсуждена на открытом заседании Ученого совета Института литературы Академии наук СССР. С докладом выступил заместитель директора института профессор Л. А. Плоткин. По докладу развернулись оживленные прения»[195].

Об этом мероприятии мы имеем возможность судить по сохранившейся стенограмме. Председательствовал на заседании Б. П. Городецкий. Выступавший с докладом профессор Л. А. Плоткин, при своем стремлении соответствовать линии партии, по сравнению с «проработчиками 1949-го года» выглядел очень блекло[196]. Сделав необходимый экскурс в эволюцию вопроса, Лев Абрамович перешел к злободневной проблеме — угрозе космополитизма и буржуазной реакции, связав их с наукой о литературе:

«Если говорить о литературоведческом выражении этого космополитизма, то надо признать, что выражением его в литературоведении является методология и теория Веселовского и его школы компаративизма.

По сути своей теория и школа Веселовского космополитичны, потому что он исходит из представления о литературе, как абстрактном носителе идей, рождающихся

[193] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 126. Л. 171–172 («Против буржуазных влияний в литературоведении: На партийных собраниях в ленинградских вузах»).

[194] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 3. Д. 98. Л. 142.

[195] За большевистскую партийность советского литературоведения: На заседании Ученого совета Института литературы Академии наук СССР // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 78. 2 апреля. С. 3.

[196] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 11. Л. 247–247 об.

не на национальной почве, а где-то в межнациональном пространстве. Эта теория космополитична, потому что не социальная практика, не классовые особенности, не историческая конкретность, с точки зрения этой школы, являются почвой для возникновения народного творчества, не книжная литература, а международное общение, где национальные особенности и национальные традиции совершенно стираются и вытравливаются.

Надо сказать, что школа Веселовского была бы покрыта пылью и сдана в архив историко-литературных знаний, если бы в конце 30-х гг. не были предпринимаемы очень широкие и энергичные шаги для гальванизации этой школы. Создана была легенда о Веселовском, о том, что он органически связан с революционными демократами. Должен сказать, что немалую роль в создании этой легенды сыграл М. К. Азадовский. Была создана легенда о том, что Веселовский чуть ли ни стихийный марксист, что он без пяти минут марксист, что учиться у него нужно и нашему поколению, что он стоит у колыбели нашего литературоведения, и преклонение перед Веселовским было так велико, что даже Г. А. Гуковский, который сам заявил, что не так много читал Веселовского, счел необходимым заявить, что Веселовский — основоположник нашего литературоведения»[197].

«В. А. ДЕСНИЦКИЙ. Я начинаю первым покаяние. Всякое покаяние трудно, но в нем есть и хорошая сторона, потому что оно дает облегчение. Раньше я не мог выступить. Все мое участие в этой дискуссии — статья, появившаяся в 1938 г. Хотя, судя по печати, кой у кого должно было получиться впечатление, что статья написана чуть ли не теперь. Статья, как сказал Л. А. Плоткин, раскритикована. Но вот что в результате случилось: я, пожалуй, чуть ли не впервые в своей жизни оказался в очень почтенной компании академической, самой высшей марки учености, попал в компанию с Шишмаревым, Жирмунским и tutti quanti, и у меня возникает вопрос: правильно ли это и нужно ли это было меня раскритиковывать именно так? Хотя это может быть утомительно, и многим знакомо, но я позволю себе несколько мест прочитать из этой моей статьи по вопросу о Веселовском...»[198]

Завершал он свое выступление словами:

«Я сказал бы, что вопрос гораздо шире, чем простой перечень нас грешных. Вопрос идет о постановке вообще. Получается, что западноевропейская литература воспринимается как литература особо высокой цивилизации, которая стоит особняком, и на основе этой цивилизации и развертывается космополитизм. Это не намерение авторов. Это не их вина. Но факт остается фактом»[199].

Конечно, такое покаяние не устроило организаторов:

«Профессор В. А. Десницкий, указывая на то, что теория Веселовского враждебна марксизму, не дал, однако, четкой оценки своей ошибочной статьи о Веселовском. Собрание не было удовлетворено его выступлением. В специальном обращении к Ученому совету В. А. Десницкий признал свое выступление ошибочным»[200].

Следующий выступающий был прозорлив, понимая, что на кону стоит не только его карьера или будущее, но, может быть, его жизнь. Приведем выступление полностью:

---

[197] Там же. Л. 250–250 об.

[198] Там же. Л. 256.

[199] Там же. Л. 258 об.

[200] За большевистскую партийность советского литературоведения: На заседании Ученого совета Института литературы Академии наук СССР... С. 3.

«ЖИРМУНСКИЙ. Мне кажется, что мы все согласны с Л. А. Плоткиным, что статья в газете “Культура и жизнь” должна явиться для нас основополагающей, как и вся недавняя философская дискуссия и все решающие указания партии по вопросам науки, литературы и искусства.

Какое искусство нужно нашей великой эпохе? Не узко формалистическое, эстетически вычурное, понятное только узкому кругу специалистов, а искусство подлинно народное, проникнутое духом социалистической рациональности.

Какая наука нам нужна? Об этом сказал т. Сталин — наука, которая не отдаляется от народа, а готова служить народу добровольно и с охотой.

Какой должна быть наша советская литература? Она должна быть не академической в дурном смысле слова, не формалистической, отгораживающейся от жизни и ее требований, — наукой каждого, наукой для науки, она должна быть деловой, идейной, партийной в оценке явлений прошлого и настоящего. Современная литература должна служить идейным выражением читательской массы и прежде всего, конечно, молодежи, она должна помочь и писателю в его творческой работе. Вот почему марксистское литературоведение, как новый этап в развитии науки, в известном смысле, как говорил т. Жданов, продолжает традиции русской демократической критики, а отнюдь не русской буржуазной науки прошлого, буржуазно-либеральной или консервативно-реакционной.

Вот почему я считаю, что я и некоторые мои товарищи действительно совершили ошибку, когда мы сами ориентировались или ориентировали литературоведение к традициям университетской науки прошлого и в первую очередь на наследие Веселовского. Такое обращение к традициям либеральной науки прошлого приводило к сознательной или бессознательной идеализации этого прошлого, к юбилейной апологетике, а в ряде случаев к вольному или невольному повторению старых ошибок, особенно вредных в условиях нашего времени. Я имею, прежде всего, в виду либеральный космополитизм, казавшийся в прошлом многим наивным людям из нашей среды только невинной забавой абстрактной учености, но обернувшийся в демагогическом использовании американских империалистов в реальную угрозу свободе и национальной независимости всего мира. Поэтому и свою позицию в дискуссии о Веселовском я должен признать неправильной в политическом, а следовательно, и научном отношении.

Я хочу коснуться вопроса, который ближе всего мне — вопроса о компаративизме, о так называемой теории зависимости, вопроса, который вызвал к себе особенно настойчивое внимание нашей печати. Характерно множество имен, которые упоминались в нашей полемике, и разнообразие этих имен. Тут упоминались и П. И. Лебедев-Полянский, и В. Ф. Шишмарев, и Эйхенбаум, и Томашевский, и Азадовский, и Мануйлов, и М. П. Алексеев и многие другие достаточно крупные литературоведы нашей страны. Это объясняется почти универсальным характером этой научной болезни. Я думаю, что этот вопрос тоже ясен. Наследие буржуазной науки прошлого мы не преодолели до конца. Мы не преодолели созданной буржуазным либеральным западничеством теории европоцентризма в исторических науках, той ложной теории, по которой будто бы вся история творилась на Западе, а Россия, русская наука и культура жили лишь отраженными лучами западной истории и западной культуры, тогда как на самом деле уже русская литература заняла передовое и влиятельное место в развитии мировой литературы.

Для меня ясна и методологическая сторона этого вопроса. Я считаю, что правильно указывается связь компаративизма с империализмом. Я хотел бы подчеркнуть

общественную и политическую сторону этого вопроса, но она всем достаточно ясна: низкопоклонство перед Западом, отрицание самостоятельности русского национального развития, а в конечном счете тот буржуазный космополитизм, о котором мы говорили сегодня и будем говорить неоднократно. Сознательный или бессознательный? Конечно, в огромном большинстве случаев без всякого субъективного злого намерения, тем более политического. Но вопрос о намерениях, это — частное дело литераторов. Важны объективные результаты того, что они сделали. Я хочу привести конкретные примеры. Один пример, это наша “История западной литературы”. К американскому тому я мало причастен и отвечаю за него, главным образом, потому, что мое имя стоит в редакционном списке, но за английскую литературу в такой же мере, как и за французскую я считаю себя вполне ответственным, потому что фактически в отношении английской литературы был главным редактором этого издания, как и в отношении французской. “История западной литературы” — это замысел А. М. Горького, который в свое время дал поручение сделать эту работу для широких читательских народных масс, и тогда же с этой целью, когда он был директором нашего института, и был организован наш западный отдел. Теперь, когда я смотрю “Историю французской литературы” и “Историю английской литературы”, я должен сказать, что по отзывам печати, особенно о французской литературе, не было особенно острых, критических отзывов, которые особенно остро затрагивали бы существо, содержание этой книги. Но книга, может быть, не плохая, оказалась испорченной этими постоянными концовками каждой главы, обращенными в сторону западного влияния. А между тем, эти концовки не случайность. Мы имели, может быть, хорошее намерение, мы хотели указать на связь русского литературного развития и западного литературного развития, мы хотели повернуть западную литературу так, чтобы как-то было бы сказано о том, как она воспринималась, обобщалась и понималась в разное время русскими людьми, но мы сумели сделать это самым элементарным и неправильным способом, в результате которого оказалось, что все западные писатели, большие или малые, имеют целый хвост русских последователей, относительно оригинальности которых [необходимо] с этой точки зрения пересмотреть все подготовленные нами к печати тома французской литературы, испанской литературы, пересмотреть внимательно, критически, не считаясь, что того или иного автора обидим своим критическим отношением. Очень правильна точка зрения К. Н. Державина, который раньше, чем выпустить испанский том, считает необходимым показать этот том культурным работникам испанской компартии, чтобы знать, в какой степени этот том будет реально полезен или вреден.

Как на второй пример, хочу указать на мою книгу “Узбекский народный героический эпос”, написанную мной совместно т. Зарифовым. Книга по теме могла быть исключительно важной и нужной, потому что впервые освещает народное творчество одного из братских народов нашего Союза и содержит материалы до сих пор не исследованные и не напечатанные, которыми я располагал благодаря помощи соавтора по книге, лучшего из узбекских фольклористов, т. Зарифова, а между тем во многих местах книга несомненно испорчена этим компаративистским подходом, охотой за параллелями. Когда я говорю о коне Р... [Рустама], я должен сказать о всех богатырских конях мирового эпоса. Это может демонстрировать мою начитанность, но далеко не всегда идет на пользу книге, а иногда и во вред. Механические параллели, выхваченные из контекста, как правильно сказал проф[ессор] Гуковский, вряд ли могут раскрыть нам своеобразие художественного произведения, его идеологию и поэтический стиль.

Эту критику я принимаю. Должен сказать, что в отношении книги об эпосе, которую пишу по пятилетнему плану АН СССР, мне нужно многое пересмотреть.

Я целиком согласен с В. А. Десницким относительно учебника. Я по этому вопросу говорил много и несколько лет. Недавно я выступал на собрании литературоведческих кафедр в Москве, созванном Министерством. Я считаю, что неправильным европоцентризмом является ограничение всеобщей литературы Зап[адной] Европой без включения литературы славянских стран и богатейшей литературы Востока, особенно нашей. Я полагаю по договоренности с журналом "Звезда" выступить со статьей, направленной против буржуазного европоцентризма в литературе и науке, что и сделаю, если намерение журнала по этому вопросу не изменилось.

Среди нас здесь присутствуют люди разных возрастов и поколений, разного научного и общественного опыта, и путь перестройки нашей науки для многих из нас субъективно сложен и нелегок. Было бы легкомысленно и нечестно замалчивать эти трудности и уверять себя и других, что мы уже перестроились и что завтра у нас уже все будет в науке благополучно. Речь идет о повседневной творческой научной работе, для которой наш Институт дает большие возможности. Речь идет о товарищеской критике и вместе с тем, я хотел бы подчеркнуть, о товарищеской помощи в повседневной работе.

Если мы действительно хотим, чтобы наша наука не оторвалась от народа, если искренне стремимся к тому, чтобы она добровольно и с охотой служила народу, то указания партии открывают перед нами единственно правильный путь»[201].

Профессор ЛГУ, сотрудник отдела западных литератур Пушкинского Дома А. А. Смирнов показал пример самокритики:

«...Скажем, В. М. Жирмунский, М. К. Азадовский и многие другие, и я в том числе, отлично сознавая, что Веселовский работал не на той базе, которая является единственной научной в нашем современном понимании, отлично понимая и сознавая, что, обладая до тонкости разработанной методикой исследования, он работал не тем методом, который мы считаем единственно научным, сознавая, что все его методологические обобщения, содержащие какие-то частицы, могущие быть использованными, они тем не менее шаткие, они неизбежно должны быть кривые в свете марксистско-ленинского литературоведения, тем не менее мы все их, эти работы рекомендовали студентам и их до известной степени пропагандировали, не учитывая, что этот критический подход не может быть проявлен в достаточной мере самими читателями, отсюда несомненное игнорирование вредного, антимарксистского воздействия, которое может наследие Веселовского оказывать на студентов, критиков, писателей, читателей, словом, на широкие слои советской интеллигенции. Это мы должны учесть полностью. Мы учтем это и поймем нашу задачу не так, как раньше, когда были голоса, говорившие, что надо идеи Веселовского, его концепции как-то подправить, улучшить, усовершенствовать. Наша советская наука должна создать другие теории, другие концепции вместо концепций Веселовского. Но я должен в заключение добавить, что если брать вообще проблему космополитических идей в русском и советском литературоведении, то конечно нужно несколько расширить наш кругозор, не ограничиваться одним именем А. Веселовского, не говоря о целом ряде других. В сущности, все крупные и видные сколько-нибудь литературоведы прошлого в России были заражены этим литературоведческим позитивизмом и буржуазным либеральным космополитизмом»[202].

---

[201] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 11. Л. 258 об. – 261.

[202] Там же. Л. 262 об.

За ним на трибуну вышла заведующая отделом древнерусской литературы:

«АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ. Мне хотелось бы, прежде всего, поделиться с товарищами теми некоторыми общими выводами, к которым я лично пришла, следя за всей этой, несколько месяцев длящейся, нашей дискуссией, а затем перейти к некоторым конкретным примерам.

За последний месяц из этой литературоведческой дискуссии стало видно, что в советском литературоведении далеко еще не осознана та серьезная ответственность, какую возлагает на нас задача служения народу, задача, которой должны быть подчинены и науки, и искусства, в особенности сейчас, имея в виду остроту переживаемого политического момента. Мы, и в этом самое главное, не можем еще все преодолеть навыков к спокойному, лишенному политического звучания исследованию историко-литературных фактов. Принципы подчиненности в литературе, а, следовательно, в литературоведении, все-таки еще далеко недостаточно направляют нашу работу. Вот главное, что мешает нам до сих пор сосредоточиться на двух основных темах, которые должны стоять перед нами. Это темы национального собирания и классового осмысления литературы. К этому прибавляется и критическое отношение наше к традициям буржуазного литературоведения. Попытка сделать верховными для советских литературоведов некоторые методологические приемы Веселовского принципиально не верна. Подход к вопросу о влиянии, особенно западном, недостаточно внимательное изучение современной литературы, все это не причины, а следствия серьезного неблагополучия в самом понимании задач литературоведения, как одной из общественных наук. В самом деле, если мы занимаемся вопросом главным образом о национальном своеобразии и классовом смысле литературы, то ни Веселовский, ни все буржуазное литературоведение нам совсем не нужно, потому что этими вопросами они не занимались.

Политическое бесстрастие уводит наше внимание от проблем первостепенной важности в то, что раньше называли маленький круг профессиональных интересов, заставляет ошибочно преувеличивать значение этих интересов и в конце концов приводит к тому, что мы, что называется, не видим из-за деревьев леса.

Вот те общие мысли, которые возникают у меня при рассмотрении этой литературоведческой дискуссии...»[203].

После Варвары Павловны выступил ученый секретарь института:

«Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ. Л. А. Плоткин и выступавшие товарищи достаточно отчетливо поставили вопрос о политическом звучании подлинной проблемы о борьбе с методологией Веселовского. Следует подчеркнуть непосредственную связь этой проблемы с таким партийным актом, как постановление ЦК о журнале "Звезда" и "Ленинград", с докладом А. А. Жданова, а также с постановлением о советской музыке. Перед нами не какая-то проблема, возникшая со всей остротой сегодня, перед нами цепь определенной политики партии, направленной в сторону развития нашей советской социалистической культуры. Проблема эта назрела уже давно...»[204].

Но вместо «большевистской критики», которая должна была сопровождать его выступление как члена ВКП(б), Борис Павлович начал критиковать москвича С. М. Бонди, а не докторов Пушкинского Дома. Для критики низкопоклонства среди коллег он избрал молодого кандидата наук Л. М. Лотман[205]:

---

[203] Там же. Л. 263–263 об.

[204] Там же. Л. 265 об.

[205] Лотман Лидия Михайловна (1917–2011) — литературовед, кандидат филологических наук, сотрудник Сектора новой русской литературы; впоследствии — доктор наук (1972).

«...Статья Кукулевич и Лотман. Я Кукулевич не знаю, но Лотман только что сходила со студенческой скамьи. Что же она пишет, ссылаясь на М. К. Азадовского и Б. В. Томашевского? Она проводит параллель между балладой Пушкина "Жених" и сказкой бр[атьев] Гримм "Разбойник-жених", причем оговаривается, что поэт не говорил по-немецки, не владел свободно текстом, но прочесть текст сказки Гримм мог, и далее параллели, которые должны были показать несомненную связь баллады Пушкина со сказкой бр[атьев] Гримм...»[206]

То обстоятельство, что А. М. Кукулевич[207] погиб при обороне Ленинграда, мало заботило партбюро; но вот неспособность Б. П. Городецкого выступить против более авторитетных, нежели Л. М. Лотман, сотрудников института была поставлена ему на вид:

«Большинство высказываний участников собрания было проникнуто духом партийного отношения к задачам, которые поставила партия перед советскими литературоведами. С тем большим удивлением было встречено выступление литературоведа, коммуниста Б. П. Городецкого, сделавшего попытку уйти от принципиальной критики ошибок ученых, работающих в институте, и вместо этого занявшегося приведением цитат из книг, принадлежащих московским литературоведам»[208].

Член-корреспондент Академии наук СССР, профессор М. П. Алексеев критиковал лишь свою статью о Веселовском, а завершил речь так:

«...Вопрос, который мы сейчас разбираем, имеет глубокое значение для всех нас, особенно для тех, которые занимаются изучением западноевропейской литературы.

Статья газеты "Культура и Жизнь" поможет нам ликвидировать дальнейшие наши отклонения от правильной политической линии и, думаю, откроет в нашем литературном прошлом много нежелательных сторон. В этом смысле я думаю, что вопрос, который мы сейчас обсуждаем, имеет большое общественное и политическое значение. Здесь не приходится повторять того, что сказано моими предшественниками, я должен только заявить, что я вполне ясно понимаю, какие причины вызывают борьбу с космополитизмом и буржуазным литературоведением вообще, и считаю, что стремление, может быть, и с хорошим намерением как-то найти в нашем научном наследстве созвучные стороны литературоведению советской эпохи, является ошибочным. Задача наша заключается в том, чтобы создать такие труды, такие работы, которые могли бы сделать ненужным ссылки на литературоведение старого времени, которое по духу своему нашей эпохе

---

[206] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 11. Л. 267–267 об.

[207] Кукулевич Анатолий Михайлович (1913–1942) — литературовед, специалист по фольклору, древнегреческой литературе, русской литературе XIX в. Родился в Петербурге, по окончании средней школы (1930) поступил в Ленинградский институт прикладной зоологии и фитопатологии (в 1931 г. преобразован в Ленинградский институт борьбы с вредителями и болезнями сельского хозяйства), который окончил в 1933 г. по специальности «энтомология», затем работал карантинным инспектором; в 1934 г. поступил в экстернат ЛИФЛИ, в 1935 г. перешел на дневное отделение, окончил в 1939 г. (уже как филологический факультет ЛГУ) и был оставлен в аспирантуре по кафедре фольклора. В декабре 1939 г. призван в РККА, демобилизован в октябре 1940 г. по состоянию здоровья, зачислен в ЛГУ ассистентом на кафедру истории русской литературы; с началом войны вступил добровольцем в РККА, погиб при обороне Ленинграда. А. М. Кукулевич был «самым талантливым предвоенным учеником М. К. Азадовского» (*Чистов К. В.* Из воспоминаний о М. К. Азадовском // Воспоминания о М. К. Азадовском. С. 67); тесно общаясь до войны с Л. М. Лотман, он оказал серьезное влияние на юного Ю. М. Лотмана.

[208] За большевистскую партийность советского литературоведения: На заседании Ученого совета Института литературы Академии наук СССР. С. 3.

должно быть чуждым. Эта задача сложная, но думаю, что каждый из нас приложит все силы, чтобы эту задачу выполнить»[209].

После этого на трибуну вышел хранитель рукописей А. С. Пушкина:

«Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ. Здесь столько было сказано по интересующему нас вопросу, что трудно не повториться, и я рискую повториться. Наша дискуссия выходит за пределы обсуждения научного наследия А. Веселовского. Если бы вопрос ставился только в пределах А. Веселовского, то я не счел бы возможным выступить вследствие недостаточной компетенции. Дело идет о тех явлениях в литературе и науке, которые затрагивают не столько ее прошлое, сколько ее настоящее. Конечно, непосредственным поводом для того, о чем я буду говорить, послужило то, что имя мое так лестно для меня стало повторяться в печати с нелестными для меня эпитетами. Это заставляет меня взглянуть на пройденный мною путь в литературе и подвергнуть его некоторому пересмотру. При этом постараюсь не возвращаться к тому, что сказано моими критиками, и остановиться на том, что мне представляется наиболее существенным.

Мне никогда не приходилось высказываться по-настоящему по вопросу методологии литературоведения. Я предпочитал употреблять научные методы в практической разработке стоявших передо мной вопросов. Я не вменяю это в свое достоинство, так как это обусловлено эмпиризмом моих работ. Но такова моя научная биография. К изучению Пушкина я приступил в период, когда всех увлекала погоня за параллелями. С такой погони я начал свои наблюдения источников, считая себя по особым причинам дилетантом в науке и представляя делать научные выводы из моих наблюдений. Именно в этот период и сложились некоторые привычки, от которых не так легко было освободиться. Я не могу, я лишен основания жаловаться на ту или иную школу академической науки, потому что не бывал в этих школах. Я всегда занимался тем, что мне представлялось интересным. Нет необходимости излагать мою научную биографию, тем более что я не имею привычки перечитывать свои работы, да и вообще мемориальный стиль не уместен сегодня. Получилось так, что когда я вошел в науку профессионально, то у меня образовались методы, порочность которых я недостаточно осознавал. Я имею в виду следующее:

1) Я привык ориентироваться на старую науку и даже в самой полемике примерялся к тому кругу интересов, который был характерен для прошлого, а не для настоящего.

2) Всякое решение проблем допускалось мной, как корректив сложившейся в прошлом системы. Отсюда — приглушение принципиально нового, что выдвигалось жизнью.

3) Отчасти с этим связано и то, что существенные проблемы редко интерпретировались мною, в системе общих вопросов обходились молчанием <...>.

4) Отсюда неправильная расстановка акцентов, выпячивание несущественного и приглушение самого важного. Отсюда — впечатление отрыва от жизни.

Из сказанного вытекают и практические выводы, обязательность которых я на себя принимаю.

Но прежде я хотел бы сказать несколько слов, связанных с космополитизмом.

Из изложенного видно, что в моих работах присутствие этих фактов несомненно для работ ранних, да и в работах позднейших по старой привычке я отводил неимоверно много места вопросу международного обмена, отодвигая другое, более существенное.

[209] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 11. Л. 270–270 об.

Отсюда получилось впечатление, что я придаю не надлежащее значение фактам влияния и заимствования, и в этом виноват я сам. Я мог бы привести многочисленные примеры тому из своих работ, с которыми фигурировал в печати, но не считаю нужным обременять ваше внимание. Вместо этого я хотел бы высказать несколько своих соображений по данному вопросу, независимо от того, были ли они высказаны в прежних работах, или же находятся в противоречии с ними.

Прежде всего я должен сказать, что мы не должны замалчивать реальные факты. Международный обмен мы должны изучать, но должны соблюдать следующие условия:

1) Мы не должны считать за самоцель самое констатирование фактов литературного обмена и делать из накопления подобных фактов какую-то особую дисциплину.

2) Мы должны не забывать, что никакое заимствование не возможно, если в самом развитии национальной литературы не возникло предпосылки к освоению чужого опыта.

3) Не нужно забывать, что в процессе обмена <...> всякое заимствование есть переработка и приспособление к своим национальным нуждам.

4) Самый факт заимствования и подражания должен быть не только констатирован, но очень важно установить, кроме того, ограниченность влияния, его прогрессивность или реакционность.

Я считаю весьма печальной ту историко-литературную концепцию, которая игнорирует национальный фактор развития в литературе. Я считаю порочным построение схемы единого мирового процесса, считаю ложным всякое механическое перенесение из одной национальной среды в другую, и еще более ложной считаю такую концепцию, которая делит народы на низшие и высшие и считает, что низшие народы питаются объедками со стола высших.

Я могу сказать, что считаю борьбу с космополитизмом в литературоведении насущной задачей не только потому, что космополитизм в литературоведении заводит в тупик, но потому, что он служит силам мировой реакции»[210].

Профессор М. К. Азадовский попытался ответить:

«...Я отчетливо понимаю свою ошибку. Я слишком связал себя старыми традициями. Связать современную науку со старыми научными традициями, это значит забыть, что между нами и ими лежит Октябрь, это значит не понять, не выполнить того требования, о котором говорил выше. Я должен сказать, что этой задачи мы не выполнили и потому наша наука не стала органической частью Октябрьской революции. Это — крупная ошибка целого ряда ученых, это — крупная ошибка может быть целого поколения ученых. Это нужно отчетливо сказать.

Я думаю, что в свете моей основной мысли совершенно нет надобности касаться тех из отдельных положений в моих работах, равно как и тех неверных интерпретаций, которые были неоднократно в печати и которые звучали даже и сегодня. Но я хотел бы подчеркнуть, что нельзя совершенно нигилистически (это имело место в некоторых выступлениях), (не сегодня), относиться ко всей огромной работе советских фольклористов. Как-никак, а силами старого поколения ученых создано мощное течение в советской науке, создан отряд, довольно успешно противопоставляющий себя науке западноевропейской, как отряд советской фольклористики, как совершенно особого течения в мировой науке о фольклоре. И может быть, если присмотреться к тому, что

---

[210] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 11. Л. 270 об. – 272.

пишут о наших работах в западноевропейской печати, в западноевропейской науке, то можно найти весьма интересные факты и важные факты, свидетельствующие о росте нашего влияния <...>.

Л. А. Плоткин подчеркнул то, что фольклористика является самым неблагополучным участком. Я уже подчеркнул то место, которое занимает советская фольклористика в мировой науке. Этого нельзя забывать, и нельзя сказать: здесь паиньки, а здесь бякишки. Есть целостный процесс. Если охарактеризовать целостный процесс, то Л. Плоткин, может быть, будет не прав. Действительно, на нашем участке очень неблагополучно. Основное неблагополучие в том, что фольклористы не имели возможности опереться на марксистско-ленинское наследие, как это имеет возможность сделать история литературы. В истории литературы для критиков и историков литературы есть классические труды. История литературы имеет в своем архиве такие исследования, как исследования Маркса и Энгельса об отдельных писателях и классическую работу Ленина о Толстом, и историкам литературы есть на чем строить свои материалы, а фольклористам приходилось часто ощупью идти, и поэтому процесс перестройки и перехода для нашего отряда был наиболее трудным. Братья Соколовы искренне верили в то, что, проповедуя теорию аристократического происхождения эпоса, они высказываются как марксисты. Компаративизм действительно захватил нашу науку, и хотя были отдельные исследователи, у которых не было никаких компаративистских работ, тем не менее почти каждый в своем исследовании, в своей методике привлечения различного материала, невольно повторяет эту методику. Поэтому процесс перестройки фольклористики наиболее трудный, наиболее ответственный и необходимый. Мы знаем, что нужно делать. Мне думается, что, засучив рукава, мы будем все вместе работать.

Я не буду перечислять конкретных работ, которые нужно сделать, но самое важное, это учитывать свое место в той борьбе, которая расколола весь мир на два лагеря, и не отрывать теоретических вопросов от повседневной борьбы. Это требование должно лечь в основу советской фольклористики»[211].

Последним из столпов филологической науки на трибуну поднялся профессор Б. М. Эйхенбаум. Он не мог, да и никогда не сможет перечеркнуть перед аудиторией своей научной биографии. Но он вынужден был сказать следующее:

«Б. М. ЭЙХЕНБАУМ. После статьи в газете “Культура и Жизнь” стало совершенно ясно, что вся дискуссия о Веселовском носила бесплодный характер, потому что мы не понимали основного смысла поднятого вопроса, т. е. политической сущности этого вопроса.

Вопрос в статье “Культура и Жизнь” поставлен настолько ясно, что теперь как-то странно, почему мы не поняли это сразу. Дело идет о задачах советского литературоведения в борьбе с западноевропейской идеологией, т. е. о нашей науке и ее жизненных принципах.

Наша беда, я говорю об ученых старшего поколения, наша беда, что за плечами у нас 30–40 лет работы, что и профессиональные академические навыки и привычки часто мешают нам вовремя оценить главную общественно-политическую сущность той или иной работы. В нашем общественном поведении до сих пор сказывается приобретенное нами в годы университетского обучения представление о чисто академической науке, главное местопребывание которой как будто бы находится где-то на Западе. Со многими подобными буржуазными традициями мы давно простились, но некоторые из них застряли,

[211] Там же. Л. 276–277.

если не прямо в сознании, то на практике, что бывает хуже и вредней. То, чего нет в поле сознания, легко выпадает из его контроля и действует, как неосознанный, незамеченный пережиток. Такого рода профессиональные академические пережитки обнаруживаются иногда у нас. Мы не легко соглашаемся с теми, кто их обнаруживает, потому что склонны считать себя свободными от них. Однако эти пережитки несомненно у нас есть.

В свое время мы прошли школу западной ориентации как в политике, так и в науке. Западный парламентаризм, западная наука и философия — таковы были идеалы либеральной профессуры, у которой мы учились. После Октябрьской революции мы отошли от этих либеральных идеалов, но пережитки продолжают действовать, как это наблюдается и в других областях деятельности и поведения, а не только в литературоведческой.

У нас два пережитка: 1) чисто академическая наука, будто бы не зависящая от злобы дня, от жизненных потребностей времени, не имеющая в виду удовлетворять эти потребности; и 2) ориентация на Запад, где будто бы чистая наука существует и развивается.

Такова природа и происхождение многих наших научных пережитков и заблуждений, того, что справедливо называют нашим либерализмом и космополитизмом, низкопоклонством перед Западом. Хотя наши субъективные намерения и усилия направлены на создание нового советского литературоведения, свободного от этих пережитков, но объективно в наших рассуждениях часто встречаются такие пережитки. Но нашим читателям и критике нет дела до наших субъективных намерений.

Уже одно пристальное внимание к западным источникам при явном отсутствии столь же значительного внимания к национальным явлениям и русской культуре приводит ко всякого рода искажениям. Это сказалось в моих комментариях к изданию сочинений Лермонтова в 30-х гг. Поставленный в необходимость говорить сжато, я дал сводку тех явлений, которые давал в прежних своих статьях, и не подумал о том, какой вид должен получиться из материала, таким образом изданного.

Эти пережитки сказались в моих позднейших работах о Толстом, в некоторых статьях и тезисах, неверно освещающих отношение Толстого к западным писателям и философам.

Такого рода ошибки связаны не только с пережитками традиционной западной ориентации, но и с теми пережитками, которые порождены вредным академизмом. Мы часто думаем до сих пор, что своими специальными работами обращаемся к узкому кругу специалистов, жрецов науки и позволяем не заботиться о том, какого рода общественные, политические и моральные выводы могут быть сделаны широкими кругами читателей, студентами и т. д. Это не для них, это не имеет отношения к политике, это — чисто академическая наука, не зависящая от политики. Это — грубая ошибка, в которой я был не раз повинен. Читатели и критика делают в подобных случаях соответствующие выводы, а иногда и несоответствующие выводы.

В заключение я хочу указать на то, что в своих работах, лекциях и выступлениях последних лет я иду по новому пути. Замкнутый круг вопросов современного западного литературоведения для нас потерял всякую привлекательность. Нужно усилить критику и разоблачение, ту работу, которую я начал несколько месяцев тому назад, когда я читал доклад о книге Симмонса[212]. В своей книге о Толстом, о которой я докладывал

---

[212] Эрнст Джон Симмонс (Simmons, 1903–1972) — американский филолог; речь идет о его фундаментальной монографии о Толстом (*Simmons E. J.* Leo Tolstoy. Boston, 1946), которая получила отрицательную оценку в советской печати.

товарищам год тому назад, я старался уже изложить совсем не те вопросы, которые ставил в прежних книгах и статьях о Толстом. В центре моей книги стоят жизненные вопросы нашей современности.

Работы мои 20–30-х гг., вплоть до войны, конечно, во многом не на правильном пути. Я это вполне понимаю и понимаю законность того осуждения, которое встречается в современной печати по отношению к некоторым из них. Я считаю, что обижаться на резкий тон статей, по меньшей мере, наивно. Речь идет о слишком важных вопросах, чтобы заниматься этими мелочами.

Мы должны заново продумать теоретические и идеологические основы литературоведения и преодолеть пережитки космополитизма, а вместо этого делаем другое, как бы считая свою область, свою науку каким-то академическим заповедником. Конечно, такого рода поворот сразу не дается; он требует усилий и труда и иногда для старших поколений мучительных исканий, но делать это нужно и нужно понять, что мы не хранители заповедника науки, а люди, призванные историей к организации новой жизни, нового общества и новой культуры»[213].

Вслед за выступлением Бориса Михайловича вышли те, кто должны были ставить диагнозы. Первым выступил организатор мероприятия:

«ДЕМЕНТЬЕВ. У меня два замечания. Одно по поводу выступления В. А. Десницкого. Я ожидал совершенно другого выступления и по тону, и по направлению, и по содержанию. В. А. Десницкий говорил, что он оказался случайно в компании апологетов Веселовского. Вряд ли это справедливо, что он никакого отношения к Веселовскому не имеет, но все равно. В. А. Десницкий требовал каких-то оговорок, чтобы они были сделаны в выступлениях и статьях по этому поводу. И напрасно он ссылался на целый ряд критических замечаний, которые сделал по адресу Веселовского в своей критической статье 38 г., потому что критические замечания были и в статьях В. М. Жирмунского, и если бы он захотел пойти по этому направлению, то мог бы наскрести и собрать много таких критических замечаний. Напрасно В. А. Десницкий требовал оговорки, что если заменить характеристику “великий ученый Веселовский” характеристикой “великий буржуазный ученый Веселовский”, то это спасло бы дело. Нет, не спасает дела такая оговорка, ибо все равно, как мы напишем “выдающийся ученый П. Н. Милюков” или “выдающийся буржуазный ученый П. Н. Милюков”. Но если делать такие оговорки по части В. А. Десницкого в статье “Культура и жизнь”, если развивать мысль, относящуюся к нему, то нужно было бы сказать, что объективный вред от его статьи о Веселовском был гораздо больше, чем, скажем, от статей других апологетов Веселовского. На него ссылались, его авторитетом пользовались. Обычно судят о человеке не по его намерениям, а по объективным результатам. Характерно, что В. Ф. Шишмарев в своей защите Веселовского ссылался не на кого иного, как на В. А. Десницкого, как на некий марксистский авторитет в этом вопросе. Книги читаются по всей стране, и, конечно, такие книги, как статья В. А. Десницкого, приносят большой вред. Вот почему меня выступление В. А. Десницкого не удовлетворило. Получается впечатление — вместо того, чтобы идти впереди перестраивающихся советских литературоведов, В. А. Десницкий оказывается в хвосте. Я скажу, что я искренне об этом жалею.

Второе замечание касается выступления Б. П. Городецкого. Мне представляется выступление это очень неудачным. Я думаю, что не так нужно разговаривать ученому-

[213] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 11. Л. 277–279.

коммунисту со своими товарищами по работе, особенно тогда, когда сошлись для разговора по такому серьезному поводу.

Я думаю, что нельзя критиковать во всяком случае покойников[214] и Л. М. Лотман, которая была в то время юной студенткой, нельзя критиковать, а надо критиковать своих товарищей по работе, если ты их уважаешь и ценишь. В выступлении Б. П. Городецкого отсутствовала прямая, нелицеприятная критика ученых. Как будто бы их нельзя критиковать, как будто бы их можно обидеть, и это поведет ко всякого рода неприятностям. Нельзя вести разговор в таком тоне. Нельзя ослаблять критику разными анекдотами, которых можно набрать очень много, когда речь идет о коренных вопросах нашей науки, когда речь идет о том, чтобы сплотить всех наших литературоведов на борьбу с идеологической международной реакцией, на воспитание русского народа в духе советского патриотизма и коммунизма»[215].

Итог заседания Ученого совета подвел докладчик:

«ПЛОТКИН. Выступление А. Г. Дементьева, очень точное и правильное, в значительной степени облегчило мою задачу. Я постараюсь как можно короче подвести итоги той большой работы, которую мы проделали с вами.

Самое значительное из того, чего нам удалось добиться на сегодняшнем заседании Ученого совета, это то, что за очень долгие годы весь наш коллектив осознал со всей серьезностью и в подавляющем большинстве выступлений свою политическую ответственность, осознал со всей серьезностью негодность многого из того, что было сделано ранее, осознал необходимость, осознал, как выразился т. Жданов, "без подрессоривания" необходимость перестройки и критики. Должен сказать, что ряд выступлений, которые я слышал здесь, я слышал впервые. Я работаю в Институте 13-й год и не разу не слыхал высказанную с таким чувством искренности и тревоги самооценку и самоосуждение, которые мы слыхали здесь в ряде выступлений. И это, конечно, является залогом того, что наши советские литературоведы и коллектив нашего Института, в котором работают хорошие советские люди, удачно справится со своими задачами, с очень нелегкими задачами.

Попытаюсь остановиться на некоторых выступлениях, в том порядке, как они были.

Я абсолютно согласен с т. Дементьевым, что выступление В. А. Десницкого было неудовлетворительным, неудовлетворительным потому, что В. А. Десницкий пытался все свести к оговоркам: вот такой-то абзац у него правильный, такой-то абзац тоже правильный и т. д., и все дело заключается в неверном призыве — учиться у Веселовского. Но если бы вся статья его была бы построена на критике компаративизма, как мог бы возникнуть этот неожиданный лозунг — учиться у Веселовского. Учиться можно у того, кто близок тебе, кто может тебя чем-нибудь обогатить. И я согласен с А. Г. Дементьевым, что недаром в своей очень странной статье В. Ф. Шишмарев нашел нужным противопоставить Кирпотину марксистский авторитет Десницкого.

В. А. Десницкому нужно было бы подумать о том, что он говорит. В литературе у него есть ученики и последователи, и очень часто среди молодежи существует представление: неправильно обижают, неправильно критикуют; он прав. <...>

Выступление В. М. Жирмунского мне показалось искренним и существенным. Он не пытался найти какие-нибудь амортизирующие абзацы и оговорки, а признал

[214] Речь о А. М. Кукулевиче и Д. П. Якубовиче.

[215] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 11. Л. 279–279 об.

ошибочность того, что писал о Веселовском. В. М. Жирмунский сказал, что процесс перестройки сложен и в некоторых случаях мучителен для некоторых. Но мне хотелось бы указать, что в Москве на совещании один из наших работников подвергся резкой критике. Один из участников ленинградской делегации подал реплику, что он все-таки перестраивается, так как то, что было 15 лет тому назад, и то, что теперь, это — разные вещи. Но на это нам не безрезонно сказали: "Если такими темпами он будет перестраиваться, то перестроится через 90 лет". Я предупреждаю всех нас от таких медленных темпов перестройки. Пока мы будем такими медленными темпами перестраивать науку, жизнь уйдет вперед и таким образом мы придем к зеноновской апории, из которой видно будет: не то движение вечно, не то за ним не угнаться, не то его совсем нет.

Вопрос перестройки, конечно, сложный вопрос, но не нужно усложнять его. Нужно думать о темпах перестройки, нужно помнить, что мы вошли в 31-й год существования нашей страны, и темпы перестройки должны быть неизмеримо более быстрые, чем до сих пор.

Я не имею возражения против выступления А. А. Смирнова. Но меня поразили оговорки: "крупный, тонкий, оригинальный мыслитель". Какой смысл имеют все эти замечания и оговорки? Мы говорим, что Веселовский, наш литературовед — злейший наш противник, что его школа враждебна нам, и в свете этого утверждения какое значение могут иметь все эти оговорки. Разве Милюков не был талантлив, но спорить о Веселовском все равно, что о Милюкове. Когда мы имеем дело с противником, то нужно говорить, что это наш противник, не нужно создавать системы компромиссов, которые сводят на нет большую работу по расчистке почвы.

В. П. Адрианова-Перетц говорила, что А. С. Орлов ненавидел Веселовского, а статью Данилова[216] посоветовал взять. А чем статья Данилова лучше Веселовского? Это если не финно-балтическое, то греко-римское разбазаривание русской культуры. Так что тут дело не в личной привязанности или антипатии, а дело в объективной ломке самого метода, и в этой связи я хотел бы сказать, что, несомненно, в некоторых отсталых кругах наших литературоведов будут попытки сориентировать от Веселовского к каким-нибудь другим деятелям русской литературной науки XIX в., скажем, к Буслаеву. Но чем Буслаев ближе нам, чем Веселовский? Я думаю, ничем, и в этом смысле ориентироваться мы должны не на Веселовского, Буслаева, Пыпина или Потебню, а на марксизм.

Я согласен с критикой т. Дементьевым выступления Б. П. Городецкого. В самом деле, мы имеем дело с очень серьезной проблемой, с острыми большими задачами и в такой период самым опасным является то, чтобы критику обложить ватой и сделать невесомой и безболезненной. Критика всегда должна быть немножко болезненной, иначе ее не почувствуют. И с этой точки зрения Б. П. Городецкий должен был выступить более остро, ибо неужели главная проблема нашей науки заключается в Якубовиче, Бонди и т. Лотман. Как пушкиновед, Б. П. Городецкий должен был сказать о работах Томашевского, Азадовского, М. П. Алексеева и о своих собственных, а вместо этого получается вот это самое "подрессоривание", которое смягчает критику и делает ее, объективно говоря, неполезной.

Далее мне казалось искренним и по-настоящему серьезным и выступление Б. В. Томашевского, но давайте договаривать до конца, раз такой разговор. Б. В. несколько

[216] Данилов Владимир Валерьянович (1881–1970) — литературовед, кандидат педагогических наук, младший научный сотрудник Рукописного отдела ИЛИ. Речь идет о статье: *Данилов В. В.* «Октавий» Минуция Феликса и «Поучение» Владимира Мономаха // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1947. Т. V. С. 97–107.

стилизовал свою фигуру: он не методолог и не теоретик литературы, он занимался литературной практикой... Но довольно значительный учебник с методологическими экскурсиями написал Б. В. Томашевский. Он был методологом. Эта методология была формалистической. Об этом нужно говорить. Нужно сказать, что мы критикуем не только Веселовского, и в том числе, и формализм. Б. В. Томашевский сделал бы полезное дело, если бы отрекся не только от конкретных ошибок, но и от конкретной методологии, которую он давно, но изучал.

М. К. Азадовский тоже говорил очень искренне и, конечно, ему, как и вообще нашим фольклористам, придется много подумать и поработать, но мне лично кажется, что у него слишком радужные представления о том, что наши советские фольклористы — боевой отряд. То, что пишут о нас зап[адно]европейские ученые и в зап[адно]европейской литературе, это должно нас меньше интересовать, чем то, что пишут о нас внутри страны, а внутри страны пишут плохо. Недовольны нашей работой, критикуют нас и именно за то, что они, как сам М. К. Азадовский говорил, борются с нами, а мы не боремся или боремся плохо. Надо понять, что мы сталкиваемся и боремся с буржуазным миром буквально на всех участках. Если они нас и хвалят, то это иногда может быть подозрительно. Когда вышло постановление о музыке, что произошло в англо-американском мире? Можно было думать, что критика Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна и др. для них — национальное бедствие. Каждому из нас понятно, что им на Шостаковича, Прокофьева и др. наплевать, несомненно, что эти композиторы их волнуют также, как судьбы абиссинских негусов, но они пытаются на этом сыграть. Это не нужно забывать, и нужно бороться, а М. К. Азадовский сам признался, что мы не боремся, что наши фольклористы — не боевой отряд.

В наших работах нужно больше большевистской страстности проявлять. Наш советский читатель должен чувствовать, насколько мы идем с ним рука об руку и против чего идем. Вот если мы возьмем работу Лихачева о русских летописях. Некоторые утверждали, что Д. С. Лихачев идет по стопам Шахматова. Когда он прочитал, то схватился за голову: все время он старался отойти от Шахматова, думал, что он дает нечто новое, а в результате... Я не специалист по Шахматову, но когда я прочитал, то должен сказать, что от полемики, которая там ведется, может сложиться и такое впечатление и иное. Когда вы читаете ленинские работы, работы классиков марксизма, то всегда знаете, с кем автор борется и за что борется, а в наших работах эта полемика носит такой характер, что ни борьбы, ни традиционных линий не заметишь.

Б. М. Эйхенбаум говорил о том, что корни наших ошибок заключаются в том, что мы забываем о народе, что ориентируемся на круг избранных, что становимся зачастую теми гелертеровскими учеными худшего типа, о которых говорится в статье "Культура и жизнь". Мы должны помнить, сказал т. Жданов, что мы, работники литературы, находимся на передовой линии огня, что каждое слово, о чем бы мы ни говорили, о древней русской летописи или о современном романе, это лишь оружие на пользу социализму или на помощь врагу. Когда мы поймем огромную политическую значимость всего, что делаем, тогда сможем сделать наших советских литературоведов своим боевым отрядом.

Процесс научной перестройки сложный и трудный, но выражаю твердую надежду, что наш коллектив, высококвалифицированный, политически и морально здоровый, дееспособный, с большими задачами, стоящими перед ним, справится с честью»[217].

[217] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 11. Л. 280–282 об.

После некоторой доработки голосованием была принята резолюция Ученого совета:

«1. Ученый совет Института литературы АН СССР полностью одобряет статью “Против буржуазного либерализма в литературоведении (по поводу дискуссии об А. Веселовском)”, напечатанную в газете “Культура и жизнь” (11 марта 1948 г.). Эта статья с подлинно большевистской принципиальностью и глубиной ставит вопрос о враждебной и чуждой марксизму буржуазно-либеральной концепции А. Веселовского. Газета правильно отмечает, что Веселовский является знаменем безыдейной либерально-объективистской науки. В современной международной обстановке, когда англо-американская реакция использует космополитизм как орудие своего влияния на культурную жизнь других народов, политическая вредность методологии Веселовского является особенно очевидной. Отсюда ясна необходимость решительного разоблачения школы Веселовского и ее эпигонов.

2. Вместо того, чтобы до конца и последовательно вскрыть реакционную сущность метода Веселовского, за последние годы некоторые научные сотрудники Института Литературы (чл[ен]-корр[еспондент] В. М. Жирмунский, чл[ен]-корр[еспондент] М. П. Алексеев, проф[ессор] М. К. Азадовский, проф[ессор] В. А. Десницкий и др.) пропагандировали взгляды Веселовского и стали его прямыми апологетами.

3. Ученый совет отмечает, что ошибочно выступал В. А. Мануйлов с защитой реакционных взглядов Веселовского на собрании ленинградских писателей; половинчатой и непоследовательной была критика Веселовского в статье проф[ессора] Л. А. Плоткина в “Литературной газете” — “Веселовский и его эпигоны”; непоследовательные и ошибочные суждения о Веселовском допущены проф[ессором] Б. С. Мейлахом.

4. Влияние Веселовского сказалось в некоторых работах литературоведов, стремившихся доказать зависимость русской литературы от иностранных образцов (например, в исследованиях проф[ессора] Б. М. Эйхенбаума о Льве Толстом и Лермонтове, проф[ессора] Б. В. Томашевского — о Пушкине, проф[ессора] М. К. Азадовского — о фольклоре, чл[ена]-корр[еспондента] В. П. Адриановой-Перетц — о древнерусском поэтическом стиле).

5. Ученый Совет считает, что ряд литературоведов, работающих в Институте, устранились от активной литературной борьбы и не приняли никакого участия в критике и разоблачении Веселовского и его апологетов, в этой связи признает недостаточно принципиальным выступление Б. П. Городецкого.

6. Отмечая, что в выступлениях тт. В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, В. П. Адриановой-Перетц, Б. М. Эйхенбаума, М. К. Азадовского, М. П. Алексеева были признаны допущенные ими в ряде исследований ошибки, Ученый Совет вместе с тем признает выступление проф[ессора] В. А. Десницкого неудовлетворительным.

Ученый совет постановляет:

1. Беспощадно бороться со всякими проявлениями космополитизма и низкопоклонства в литературоведении.

2. Шире развернуть в Институте большевистскую критику и самокритику.

3. Систематически ставить на заседаниях Ученого Совета актуальные научные и научно-политические вопросы.

4. Дирекции Института обеспечить во всех секторах критику печатных и готовящихся к печати работ, решительно разоблачая всякие тенденции буржуазно-либеральной школы Веселовского и низкопоклонства перед иностранщиной. Особое внимание

обратить на сборники "Русский фольклор", "Русская литература на Западе", "Историю французской литературы" и другие коллективные работы и монографии.

5. Продолжить и усилить практику проведения творческих дискуссий по отдельным проблемам истории и теории литературы.

6. Очередную теоретическую конференцию Института, посвященную работе Ленина "Материализм и эмпириокритицизм", провести с учетом всей той проблематики, которая встает перед советским литературоведением в борьбе за чистоту марксистско-ленинской методологии.

7. В двухнедельный срок пересмотреть музейные экспозиции, а также проверить работу экскурсоводов и их теоретическую подготовку, приняв меры к ее постоянному повышению»[218].

Итог этого собрания лаконично описан О. М. Фрейденберг:

«...Было назначено заседание, посвященное "обсуждению" травли, на нашем филологическом факультете. Накануне прошло такое же "заседание" в Академии, в Институте литературы. Позорили всех профессоров литературы. Их вынуждали, под давлением политической кары, отрекаться от собственных взглядов и поносить самих себя. Одни, как Жирмунский, делали это "изящно" и лихо. Другие, как Эйхенбаум, старались уберечь себя от моральной наготы, и мужественно прикрывали стыд. Впрочем, он был в одиночестве. <...> Прочие делали, что от них требовалось.

Профессоров пытали самым страшным инструментом пытки — научной честью.

После окончания церемонии произошло два события, которые не вызвали, впрочем, никакого вниманья. Известный пушкинист профессор Томашевский, человек холодный, не старый еще, я бы сказала — еще и не пожилой, очень спокойный, колкого ума и без сантиментов, после моральной экзекуции вышел в коридор Академии и там упал в обморок. Фольклорист Азадовский, расслабленный и очень больной сердцем, потерял сознание на самом "заседании" и был вынесен»[219].

Но это было только начало.

ЭКЗЕКУЦИЯ НА ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Довольно подробно о нем запишет бесстрастная Ольга Михайловна Фрейденберг:

«1-го апреля, в день "заседания" у нас, мне позвонил Еремин. Ряд профессоров, к которым принадлежал и он, заручался перед лишением достоинства поддержкой своих товарищей, а эта поддержка выражалась в том, что и они должны были идти на бесчестье добровольно. Еремин называл такую поруку "благоразумной согласованностью действий". Он предлагал "разумно" отказаться "кое от чего" во имя отстаиванья основного. Но я не доверяла ему, как каждый из нас не доверяет друг другу. Это могла быть и провокация. Ни в одном человеке нельзя было быть уверенным, что он не тайный доносчик.

Его разочарованье было велико, когда он узнал, что я больна и не приеду. Все требовали от меня, чтоб я и больная приехала. Говорили, что никакая болезнь приниматься

[218] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 11. Л. 243–245.

[219] *Фрейденберг О. М.* Записки. В сокращенном и отредактированном виде процитированный фрагмент Записок опубликован в кн.: *[Пастернак Б. Л.]* Пожизненная привязанность... С. 309.

в расчет не будет. Наш декан [Р.А. Будагов] утверждал, что больных людей вообще не бывает, что болезни не существует иначе, как в воображении людей. Действительно, кроме меня, все больные прислали на эту экзекуцию официальные письма с извинениями и отреченьем. Это были те самые лица, которые проходили опозориванье накануне в Академии. Но их заставляли повторять самооплеванье по много раз, в различных учрежденьях, сегодня в одном, завтра в другом, устно и письменно, пока не добивали их и не приводили в состояние полного морального маразма, как в застенках, где так же, только физически, поступали с политическими заключенными.

Ужасно, рассказывали мне, было на филологическом факультете в этот вечер 1 апреля 1948 года. Сколько предшествовало этому телефонных звонков, сколько "сигнализировали" мне, предупреждали, нервно передавали слухи, подготовленья, вести — об этом и говорить нечего. Я оставалась инертной.

Все присутствовавшие на моральной этой экзекуции находились в состоянии тяжелой душевной тошноты. "Этого заседания, кто его пережил (говорили мне), забыть уже нельзя на всю жизнь". Еремин и Пропп выступали так, что им "нельзя подать руки". Они спустились, махнув на все, к самому дну. Лакейским, молящим тоном они сознавались во всем, чего не совершали. С мужественным достоинством отбивался Эйхенбаум. Но ко времени опубликованья отчета этого заседанья в прессе и его заставили прислать письмо с полным отказом от своей чести. Покаянно выступал Шишмарев. Впрочем, Веселовского, своего учителя и родственника, он не называл. Выйдя в перерыве в коридор, он подошел к группе товарищей и сказал:

— Ну, я сделал все, что мог. Одно еще осталось — но этого я сделать не в состоянии: отречься от Веселовского!

Однако он сделал в письменной форме и это. Что заставило его, старика с трясущейся головой и катетером, академика, честного и чистого человека, совершить этот позорный поступок?

Структура заседанья была такова: сначала выступил Дементьев с разносом всех присутствовавших, а те затем выступали друг за другом и бичевали сами себя. Ни один довод рассудка, ни одна мотивировка "за" не допускалась. Обстановка была грозная, карательная. Слова звучали, как орудия уничтоженья. Атмосфера была напряженная, накаленная, люди уничтожены и до последней грани подавлены.

В таких условиях даже советские люди не шли брат на брата. Каждый выступал за самого себя.

Единственное исключенье составили Морева (Вулих по мужу-профессору[220]) и... мой Тронский. Морева-Вулих действовала по наущению партийной организации, которую науськала она же сама. Тронский выступал доброхотно»[221].

Теперь обратимся к описанию этого мероприятия:

«Опубликованная 11 марта в газете "Культура и жизнь" статья "Против буржуазного либерализма в литературоведении" стала предметом оживленного обсуждения ряда факультетов вузов, студенчества, ученых-литературоведов, лингвистов. Обсуждению

[220] Имеется в виду Вулих Борис Захарович (1913–1978) — известный математик, ученик Г.М. Фихтенгольца, выпускник математико-механического факультета ЛГУ (1936), доктор физико-математических наук (1945), в 1947–1957 гг. заведующий кафедрой математического анализа Военно-морской академии имени А.Н. Крылова, в 1957–1963 гг. заведующий такой же кафедрой в ЛГПИ имени А.И. Герцена, с 1963 г. — профессор и заведующий кафедрой математического анализа ЛГУ.

[221] *Фрейденберг О.М.* Записки.

этой статьи было посвящено и расширенное заседание ученого совета филологического факультета Ленинградского университета.

За последние годы ряд руководящих научных работников филологического факультета выступал в роли активных апологетов Веселовского. Академик В. Ф. Шишмарев, член-корреспондент Академии наук В. М. Жирмунский, член-корреспондент Академии наук М. П. Алексеев, профессора М. К. Азадовский, В. А. Десницкий, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский, В. Я. Пропп в различной степени и в различных формах пропагандировали в своих работах чуждые советскому литературоведению взгляды, находились в плену враждебной нам методологии.

Все это лишний раз свидетельствует о живучести пережитков буржуазного либерализма, о формализме, академическом бесстрастии, которые самым пагубным образом сказываются на развитии советской науки, отрывают ее от задач современности, мешают правильному воспитанию студенчества и молодых научных кадров.

Выступивший с докладом на ученом совете филологического факультета доцент А. Г. Дементьев вскрыл вреднейший политический смысл попыток возродить преклонение перед Веселовским, причислить его к плеяде замечательных русских ученых.

Напомнив об отрицании Веселовским самобытности русской культуры, докладчик подчеркнул, что вся "деятельность" школы Веселовского — это проявление низкопоклонства перед иностранщиной, воспевание космополитизма в науке.

— Наши враги за рубежом, — говорит А. Г. Дементьев, — и в первую очередь прислужники американского империализма, ведут яростные атаки на нашу науку, ратуя за науку "чистую", космополитическую. Эта проповедь космополитизма не что иное, как попытка американских реакционеров монополизировать науку, заставить нас под видом мнимой интернациональности сделать русскую и советскую культуру безнациональной, безродной. И в этих попытках Веселовский — активный союзник наших врагов, ибо его положения смыкаются с положениями западных и американских реакционеров от науки.

Докладчик подчеркивает, что Веселовский был враждебен деятельности и традициям революционной критики XIX века — Белинскому и Чернышевскому, что марксистское литературоведение складывалось в борьбе со школой Веселовского.

Докладчик признал ошибочной дискуссию о советском литературоведении, которая проходила на филологическом факультете в конце прошлого года. Вместо безоговорочного определения школы Веселовского как враждебной и несовместимой с марксистско-ленинским литературоведением, половинчатые и шаткие выступления допустили даже профессора-коммунисты.

Докладчик призывает неустанно бороться со всеми проявлениями буржуазных пережитков в литературоведении, подвергнуть решительной критике собственные ошибки и ошибки своих товарищей по работе.

— Мы не зачеркиваем заслуг наших ученых, — говорит тов. Дементьев. — Но советский ученый должен в самой резкой форме осудить тех, кто еще и сегодня не понимает всего вреда апологетов Веселовского, кто не желает признавать своих ошибок.

Доклад А. Г. Дементьева вызвал оживленные прения. Первым выступил профессор В. Я. Пропп»[222].

После Владимира Яковлевича на трибуну потянулась вереница профессоров: В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, А. С. Долинин, М. П. Алексеев... Тезисы своих

[222] За большевистское литературоведение: (На заседании Ученого совета филологического факультета Ленинградского университета) // Ленинградская правда. Л., 1948. № 81. 6 апреля. С. 3.

выступлений они позднее представили в письменном виде для опубликования в университетской газете.

«Выступление акад[емика] В. Ф. Шишмарева не смогло полностью удовлетворить собравшихся. После того, как Ученый совет счел выступление В. Ф. Шишмарева неудовлетворительным, акад[емик] Шишмарев обратился к Ученому совету с письмом, в котором заявил:

Веселовский — "идеалист, ученый чуждый боевой советской науке. Вполне разделяя идеи статьи газеты "Культура и жизнь" о космополитизме, низкопоклонстве и необходимости решительной борьбы с буржуазной наукой, я считаю своим моральным долгом руководствоваться ими в своей работе. Этого требует от меня моя научная совесть и моя любовь к советской Родине".

Проф[ессор] В. А. Десницкий и проф[ессор] М. К. Азадовский, не присутствовавшие на заседании по болезни, прислали Ученому совету письма. Проф[ессор] В. А. Десницкий признал ошибочным свое недостаточно самокритичное выступление при обсуждении статьи газеты "Культура и жизнь" в Институте литературы Академии наук СССР. Проф[ессор] В. А. Десницкий писал: "Мне следовало решительнее осудить мою чрезмерную деликатность в статье 1938 г. в отношении и самого Веселовского и его "наследников", осудить также решительнее и мои дезориентирующие советы "учиться" у Веселовского. Мне, старому марксисту и врагу олимпийского спецификаторства в науке, следовало бы помнить, что всякая недоговоренность по принципиальным вопросам, терпимость к противнику может дать ему возможность использовать и эту недоговоренность и эту терпимость в нежелательном для меня и вредном для науки направлении. Об этом я забыл в 1938 г., недостаточно четко и решительно и вчера говорил об этом и искренне сожалею о допущенной мною ошибке".

Проф[ессор] М. К. Азадовский, осуждая свою ориентацию на старую домарксистскую науку о литературе, так объясняет корни своих ошибок:

«В результате своих работ я пришел к выводу, что русская буржуазная, домарксистская наука о фольклоре неизмеримо выше по своему идейному уровню науки западноевропейской. Причину этого явления я видел в том, что русская фольклористика, основной фонд которой сложился в 60–70-е годы, в той или иной степени отразила влияние революционно-демократической мысли, что она находилась всецело в ее орбите, — и с этих позиций я рассматривал деятельность и Веселовского, и Потебни, и Пыпина, и Тихонравова, и раннего Ключевского к других деятелей буржуазной науки. Однако, утверждая такой тезис, я упускал из виду другое и тем самым уводил науку на неправильный путь. Я не заметил, вернее — не сумел понять той борьбы, которая существовала и не могла не существовать в науке о фольклоре: борьбы буржуазной методологии с миросозерцанием революционной демократии. Неправильно было видеть пути развития науки в мирном сожительстве враждебных миросозерцаний и тем самым невольно окрашивать буржуазный либерализм в демократические и даже революционные тона. Нужно было задуматься над тем, что же представляют собою, по идейной сущности, основные тенденции буржуазной науки, вскрыть политическую функцию тех методов, которые были ею выработаны, проследить, куда, в конце концов, они неизбежно ведут. Оттого-то мною, как и рядом моих товарищей, был не понят подлинный смысл развернувшейся дискуссии о Веселовском.

Я отчетливо вижу теперь свою основную ошибку: я слишком связал себя старыми традициями... Связать современную советскую науку со старыми научными традициями

значило забыть их качественное отличие, значило забыть, что между ними и нами стоит Великий Октябрь. Не понять этого, не понять самого главного — это значит объективно скатываться на рельсы буржуазного космополитизма, это значит не выполнить основной задачи, стоящей перед нами, — наша наука не стала органической частью Октябрьской революции. Методология марксизма-ленинизма оказывалась сплошь и рядом подмененной методологией буржуазной дореволюционной науки...

Мы должны всегда отчетливо сознавать и помнить, что развитие фольклористики, как и всякой другой гуманитарной дисциплины, неизбежно отражает борьбу классов в развитии общества, и поскольку мы выходим в своей деятельности за пределы национального материала и за пределы национального научного развития, мы тем более, с наибольшей остротой и с максимальной отчетливостью должны осознать и учесть свое место в той борьбе, которая расколола сейчас весь мир на два лагеря. Теоретические вопросы нельзя отрывать от повседневной борьбы, — это требование должно лечь в основу всей нашей дальнейшей деятельности».

Выступившие в прениях профессора Г. А. Гуковский, Г. А. Бялый, И. П. Еремин, С. Д. Кацнельсон, И. М. Тронский и другие говорили о необходимости сделать советское литературоведение живым, целеустремленным, партийным»[223].

Собственноручные письменные отречения некоторых профессоров были напечатаны в университетской многотиражке. Приведем эти тексты:

«Статья "Против буржуазного либерализма в литературоведении" имеет основополагающее значение для всей научной и педагогической работы советских литературоведов и должна рассматриваться в свете ряда других решающих указаний партии по вопросам науки, литературы и искусства.

Какая наука нужна нашей великой эпохе? Об этом сказал товарищ Сталин: наука, которая "не отгораживается от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки", которая "обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой".

Каким должно быть советское литературоведение для того, чтобы с честью выполнить эту высокую задачу? Оно должно быть не "академическим" в дурном смысле слова, не объективистским и формалистическим, отгораживающимся от жизни и ее требований, не наукой кастовой, "наукой для науки". Советское литературоведение должно быть боевым, идейным, партийным в оценке литературы прошлого и настоящего. Критический анализ произведений великих классиков современной литературы должен служить идейному вооружению читательских масс, прежде всего — нашей молодежи, должен помочь и писателю в его творческой практике.

Марксистско-ленинское литературоведение — качественно новый этап в развитии нашей науки, но своих предшественников в этом отношении оно справедливо видит в великих русских революционно-демократических критиках, а отнюдь не в филологической науке прошлого — буржуазно-либеральной или консервативно-реакционной.

Вот почему я считаю, что я и некоторые мои товарищи совершили ошибку, когда мы сами ориентировались или ориентировали советское литературоведение на традиции университетской филологической науки старого времени и прежде всего на наследие А. Веселовского.

---

[223] *И. З.* Заседание Ученого совета Филологического факультета // Вестник Ленинградского университета. Л., 1948. № 4. Апрель. С. 134–135.

Такое обращение к традициям либерально-буржуазной науки прошлого приводило к сознательной или бессознательной идеализации этого прошлого, к его апологетике, а в ряде случаев и к вольному или невольному повторению старых ошибок, особенно вредных в новых условиях нашего времени.

Я имею в виду прежде всего либерально-буржуазный космополитизм в науке, представляющийся (по крайней мере — в прошлом) политически близоруким людям только невинной забавой абстрактной учености, но обернувшейся в демагогическом использовании современных американских империалистов реальной угрозой свободе и национальной независимости народов всего мира.

Поэтому и свою позицию в дискуссии о Веселовском я должен признать неправильной в политическом, и следовательно — и в научном отношении.

Наши ошибки мы должны исправить в дальнейшей творческой научной работе, опираясь на товарищескую критику и самокритику. Для этого указания партии открывают перед нами единственно правильный путь.

Профессор В. М. Жирмунский»[224].

«Обсуждаемая статья представляется мне важнейшим документом, определяющим решающий этап в развитии нашей науки. Не случайно в ней речь идет о Веселовском. А. Веселовский был последним, еще не поверженным кумиром буржуазной дореволюционной науки. Этот кумир, самый крупный, а потому и самый опасный, пал, и пал окончательно. Никакие попытки реабилитировать его не спасут его от приговора, вынесенного над ним историей. Никаких компромиссов, ни малейших колебаний в его оценке, т. е. в оценке всей той науки, которую он представлял, отныне быть не может.

В этой связи каждому из нас необходимо определить свое отношение к истории нашей науки, уяснить себе положение нашей науки на сегодняшний день и произвести ревизию своей собственной исследовательской и преподавательской работы.

История науки не есть сумма имен и трудов, объединяемых в известные направления. История нашей науки есть история становления нашего национального и классового самосознания. Все то в науке, что способствовало выковыванию, иногда в мучительной и кровавой борьбе, этого сознания и всей нашей современной культуры, социальной, материальной и духовной, это наша наука. Все то, что не способствовало этому, — это наука нам чуждая и враждебная.

Приходится установить, что наша современная наука, я имею в виду главным образом фольклористику, отстает от общего подъема нашего социалистического строительства. Я об этом говорю с болью, но молчать об этом нельзя. Одна из причин этого состоит в том, что мы еще не до конца разделались со старой наукой. Традиция над нами довлеет и тянет нас вниз. Мы часто опираемся не на труды великих революционеров-демократов и классиков марксистско-ленинско-сталинской науки, а на буржуазных ученых. В сходном положении находятся студенты. Марксистско-ленинская философия для них один предмет, история литературы — совершенно другой. В этом и в значительной степени повинна и кафедра основ марксизма-ленинизма.

Когда я писал и закончил свою последнюю книгу "Исторические корни волшебной сказки", я был радостно убежден, что создал настоящий марксистский труд, т. к. я объясняю явления духовного порядка через социально-экономическую базу. Но в этом очень

[224] Против буржуазного либерализма в литературоведении, за большевистскую партийность в науке о литературе // Ленинградский университет. Л., 1948. № 14. 14 апреля. С. 2.

скоро пришлось разочароваться. В ней нет самого главного — в ней нет народа. Вопрос о народе, его идеологии, борьбе в ней даже не поставлен, хотя именно такой постановки требовали Белинский, Добролюбов, Горький, Ленин. Подобно мифологии, я обращаю сказку назад, в глубокое доисторическое прошлое. Подобно исторической школе, я игнорирую живой идейно-художественный организм сказки и вижу в ней только документ археологического порядка.

Я не считал себя компаративистом, но я объясняю русскую сказку через творчество других народов, стоявших на более ранних ступенях человеческой культуры. Отсюда вытекают обвинения моих критиков во вредном космополитизме, которые я никак не могу отвести. Все обвинения, предъявленные мне тов. Дементьевым, я признаю справедливыми.

Вывод отсюда может быть только один: надо, не покладая рук, работать дальше. Если мы окончательно и безоговорочно порвем с традицией, которая нас тянет вниз, мы создадим труды, достойные нашей великой эпохи.

Профессор В. Я. Пропп»[225].

«Последние обсуждения проблем литературоведения выходят за пределы оценки научного наследия Александра Веселовского. Дело идет о тех явлениях в литературной науке, которые затрагивают не столько ее прошлое, сколько ее настоящее.

Следует признать, что в работах многих из нас, особенно в старых работах, присутствуют недостатки, в некоторой мере типические; в решении новых проблем мы привыкли ориентироваться на старую академическую науку, подчас игнорируя запросы нашего времени: отсюда приглушение принципиально нового, что выдвигалось жизнью и что, в конечном счете, стимулировало постановку этих проблем. Частные проблемы редко интерпретировались в свете общих интересов. Идеологические основы всякого литературного явления затушевывались и заслонялись второстепенными вопросами художественной формы, что производило впечатление пропаганды принципа “искусство для искусства”. Все это приводило к камерности изучений, их кабинетности, отрыву от жизни.

Я полагаю, что впредь мы должны решительно отказаться от подобных методов работы, вызывавших справедливое недовольство.

Я считаю весьма печальной ту историко-литературную концепцию, которая игнорирует национальный фактор в развитии литературы, впрочем, как и культуры вообще. Я считаю порочным построение схем единого мирового процесса, считаю совершенно ложной идею механистического перенесения фактов литературы из одной среды в другую. Еще более ложной я считаю такую концепцию, которая делит народы на высшие и низшие, причем считает нормальным, что низшие народы питаются объедками со стола высших.

Этому я противопоставляю концепцию развития литературы под влиянием конкретных факторов, возникающих в пределах национальной исторической среды. Развитие литературы определяется не имманентными законами, независимыми от условий, места, времени и национальности, но всегда под влиянием реально сложившихся условий и потребностей социальной среды, создающей свою литературу.

Борьбу с космополитизмом в литературоведении я считаю насущной не только потому, что он заводит нас в тупик, но и потому, что служит силам мировой реакции.

Профессор Б. В. Томашевский»[226].

---

[225] Против буржуазного либерализма в литературоведении... С. 2.

[226] Там же.

«Мои ошибки в работах о Достоевском квалифицируются как апологетика. Да, я должен сознаться, что в моем увлечении своей долголетней темой о нем я действительно стоял на неправильной позиции, я действительно говорил о его реакционной идеологии в слишком мягких тонах.

Его борьбу с революцией, начиная по крайней мере с "Записок из подполья", я обычно отодвигал на второй план, выдвигая преимущественно положительные стороны его огромного таланта. Сказалось это особенно ярко в работе о "Братьях Карамазовых", построенной главным образом на крайне ошибочном применении к оценке его творчества слов В. И. Ленина о Толстом из статьи "Лев Толстой как зеркало русской революции". Эта работа, написанная 12 лет тому назад, нашла резкую критику в целом ряде отрицательных отзывов, с которыми я долго не соглашался, упорствуя в своей концепции.

Но время взяло свое. Борьба с моими оппонентами продолжалась, но уже не публично, а внутри меня, и я постепенно стал отступать, стал признавать, что я действительно искажал правду о Достоевском. Субъективно я был убежден, что в последней моей работе "В творческой лаборатории Достоевского" я уже стоял на правильной позиции. Но застарелая болезнь, очевидно, не так быстро излечивается — следы апологетики остались, и, судя по статьям в газете "Культура и жизнь" и в "Литературной газете", очень и очень заметные.

Когда книга моя обсуждалась на кафедре, я еше упорствовал, замечания казались мне несправедливыми. И вновь потребовался довольно большой промежуток времени, правда, на этот раз уже не годы, а месяцы, чтобы понять целиком свои ошибки, что и в этой последней книге картина значительно искажена, концепция в основе своей неправильна. Борьба с революцией в "Подростке" была главной задачей Достоевского, и пронизывает она весь роман. Стать бы на такую точку зрения, и все факты, анализируемые в этой книге, получили бы совершенно иное освещение, чем то, которое я даю.

Да, ошибочной оказалась и эта книга, может быть не в такой мере, как работа о "Братьях Карамазовых", но, по этому самому, еще более дезориентирующей по отношению к правильной оценке творчества Достоевского.

Сознание своих ошибок обязывает ко многому. В последнее время я сосредоточил свои научные интересы на теме о революционных демократах, в частности на творчестве Белинского и Герцена. Им и посвящается моя книга, над которой я сейчас работаю.

Профессор А. С. Долинин»[227].

«Статья в газете "Культура и жизнь" под заглавием "Против буржуазного либерализма в литературоведении" четко формулирует перед литературоведами их ближайшие насущные задачи: подвергать повседневной деловой и принципиальной критике все пережитки буржуазного либерализма, формализма, низкопоклонства перед иностранщиной, которые в той или иной форме сознательно или бессознательно проявляли себя как в их преподавательской деятельности, так и в их научных трудах. В особенности существенна эта задача для литературоведов, занимающихся изучением западноевропейских литератур.

Следует признать, что многие работники филологического факультета совершили в этом смысле немало ошибок. Эти ошибки являются в значительной степени результатом их некритического отношения к русскому дореволюционному литературоведению и, в частности, к трудам А. Веселовского.

---

[227] Там же. С. 3.

Необходимо признать политически вредными традиции славословия по отношению к Веселовскому и ученым его школы, т. к. они прививали культ “чистой науки”, затушевывали, а порою и вовсе зачеркивали вопросы прямой зависимости литературы от исторической действительности, от классовой борьбы, от уровня развития философских идей в обществе.

В некритическом отношении к трудам Веселовского повинен и я. Считаю обязательным полностью пересмотреть свои прежние позиции и извлечь все необходимые выводы из статьи газеты “Культура и жизнь”.

Профессор М. П. Алексеев»[228].

«Опубликованная в газете “Культура и жизнь” статья “Против буржуазного либерализма в литературоведении” с полной ясностью показала, что у нас еще сильны пережитки буржуазного либерализма, формализма всех видов и оттенков низкопоклонства перед буржуазным Западом и его насквозь фальшивыми и вредоносными установками в области философии в науке.

Одна из наиболее враждебных нам идей, определяющих теорию и практику упадочного буржуазного искусства и искусствоведения, это — идея космополитизма, которая упраздняет понятие национальной культуры и тем самым противоположна идее интернационализма.

Тем решительнее следует нам бороться с попытками оживления этой идеи в советской науке. Между тем еще недавно многие из нас способствовали этому оживлению — когда, например, некоторыми профессорами филологического факультета ЛГУ, в том числе отчасти и мною, пропагандировалась концепция А. Веселовского.

Всякому должно быть ясно, что А. Веселовский является у нас проводником западно-буржуазных методов и тенденций в литературоведении, в том числе и идеи космополитизма. Старательно выискивая параллели и предлагаемые источники для произведений русской литературы, он обходил вопрос о художественном своеобразии русских произведений, о их особом идейном содержании, делающем их отражением именно русской и никакой другой конкретной исторической действительности, Веселовский подменивал значение сущности литературных явлений изучением их оболочки, тем самым открывая широкую дорогу для проникновения в литературоведение формализма.

Путь позитивиста и космополита Веселовского враждебный традициям наших революционных демократов, то есть пути советской науки. Вместо того, чтобы вызывать тени прошлого, нам чуждого и глубоко враждебного, мы должны строить новую истинную науку на твердой базе марксистско-ленинской теории, единственную науку, нужную для нашего народа.

Профессор А. А. Смирнов»[229].

«Статья в газете “Культура и жизнь” выяснила политическую сущность вопроса о Веселовском. Наша беда (в особенности ученых старшего поколения) в том, что профессионально-академические навыки часто мешают нам понять общественно-политическую сущность того или иного вопроса. Со многими традициями буржуазной науки мы давно простились, но некоторые из них застряли — если не в сознании,

[228] Против буржуазного либерализма в литературоведении... С. 3.
[229] Там же.

то на практике, что бывает вреднее: то, чего нет в поле сознания, легко ускользает от его контроля, т.е. от самокритики и действует как неосознанный пережиток.

У нас иногда сказываются два пережитка: представление о "чистой" академической науке, будто бы не зависящей от жизненных потребностей времени и существующей для специалистов, и ориентация на Запад, где эта наука будто бы существует. Такова природа многих наших ошибок и заблуждений — того, что теперь справедливо называют нашим "формализмом", "либерализмом", "космополитизмом", "низкопоклонством перед Западом". Хотя наши субъективные измерения направлены на создание нового, свободного от этих пережитков, советского литературоведения, но объективно (как это наблюдается и в других областях) пережитки сказываются. Таково происхождение и моих ошибок в работе о Лермонтове и Толстом.

Пристальное внимание к западным источникам при отсутствии столь же пристального внимания к особенностям русской жизни и культуры приводит к искажению перспективы. Вредный академизм выражается и в том, что мы иногда не думаем, какого рода морально-политические выводы из наших работ могут быть сделаны широким кругом читателей — педагогами, студентами и др. Нечего обижаться, если эти выводы оказываются направленными против нас. Мы должны сейчас понять глубже, чем понимали до сих пор, что не только как советские граждане, но и как советские ученые находимся в состоянии решительной идеологической борьбы с буржуазным Западом и что наша роль в этом деле чрезвычайно важна и ответственна. Это дело общее — дело жизни и будущего нашей страны.

Профессор Б. М. Эйхенбаум»[230].

Резолюция этого заседания Ученого совета признавала статью, ставящую жирный крест на А. Н. Веселовском, «совершенно правильной и весьма своевременной» и отмечала:

«Александр Веселовский — принципиальный враг революционной демократии, характерный представитель буржуазно-либеральной академической науки, чужд и враждебен нам как тип ученого.

Созданный Александром Веселовским метод изучения литературы диаметрально противоположен марксизму, так как рассматривает литературные явления вне их прямой зависимости от классовой борьбы, от уровня развития философских идей в обществе, от исторической действительности. Метод Веселовского сводит изучение литературы к анализу мертвых схем, к сличению неизменных кочующих мотивов, сюжетов и образов, игнорируя тем самым национальное и конкретное историческое содержание литературных произведений; формализм и буржуазный космополитизм неотъемлемы от учения Веселовского.

Активное стремление ряда ученых оживить учение Веселовского представляет собой попытку навязать нашей науке принципы чуждого и враждебного нам буржуазно-либерального литературоведения с присущим последнему космополитизмом, безыдейностью, культом чистой филологии.

Политический вред подобных попыток становится ясен, если учесть, что именно под этим флагом выступают сейчас ученые, представители американской и западной реакции, в интересах захватнических планов своих хозяев проводящие идею вненациональной, надклассовой, чистой мировой науки.

---

[230] Там же.

Ученый совет считает, что статья в "Культуре и жизни", глубоко вскрывающая методологическую и политическую сущность концепции Веселовского и попыток ее оживления, имеет огромное значение в борьбе за чистоту марксистско-ленинской методологии в филологической науке.

Ученый совет отмечает, что во вредной попытке оживить учение Веселовского деятельное участие принял ряд руководящих научных работников нашего факультета. Активными апологетами Веселовского выступили: заведующий кафедрой романо-германской филологии акад[емик] В. Ф. Шишмарев, заведующий кафедрой западноевропейских литератур чл[ен]-корр[еспондент] Академии Наук СССР В. М. Жирмунский, директор Филологического научно-исследовательского института чл[ен]-корр[еспондент] АН СССР М. П. Алексеев, заведующий кафедрой фольклора проф[ессор] М. К. Азадовский, а их соратниками неизбежно оказался ряд ученых, не изживших до конца формализм, находящихся в плену пережитков чуждой нам методологии: проф[ессор] Б. М. Эйхенбаум, проф[ессор] Б. В. Томашевский, многие работы которых подвергались справедливой критике на страницах нашей печати. Серьезные методологические ошибки допущены в работах проф[ессора] О. М. Фрейденберг по истории античной филологии. Космополитическая методология пронизывает книгу проф[ессора] В. Я. Проппа "Исторические корни волшебной сказки".

Аполитичность и объективизм ярко сказались в книге проф[ессора] А. С. Долинина, в которой идеализируются и прикрашиваются реакционные стороны творчества Достоевского.

Апологетическое отношение к представителям дореволюционной буржуазной науки и ее пережиткам сильно еще среди научных работников, занимающихся фольклором, древней русской литературой, русским языком и другими отраслями нашей науки.

Пережитки буржуазного либерализма, формализма и академического бесстрастия пагубно сказываются на развитии нашей науки, отрывают ее от задач современности, тормозят ее развитие, мешают правильному воспитанию студенчества и молодых научных кадров.

Активная защита Веселовского рядом работников нашего факультета, а также наличие буржуазных пережитков в исследованиях и лекциях ряда ученых и в практике работы наших кафедр стали возможными потому, что большевистская критика и самокритика не стали основой, стилем работы факультета, а Ученый совет, деканат и коллектив научных работников филфака не заняли непримиримой позиции по отношению к апологетам Веселовского и различным проявлениям и пережиткам буржуазной идеологии.

Участники дискуссии о "Состоянии и задачах советского литературоведения", организованной и проведенной филологическим научно-исследовательским институтом, не сумели вскрыть политической сути концепции Веселовского и выступлений их защитников. Половинчатую, двусмысленную позицию по отношению к Веселовскому занял проф[ессор] Л. А. Плоткин.

Сотрудники кафедры русского языка во главе с заведующим кафедрой проф[ессором] С. Г. Бархударовым не нашли в себе должной смелости для того, чтобы выступить с резкой, принципиальной критикой книги акад[емика] В. Виноградова "Русский язык".

Ученый совет с удовлетворением отмечает выступление акад[емика] Шишмарева, членов-корреспондентов Академии Наук СССР проф[ессоров] М. П. Алексеева,

В. М. Жирмунского, профессоров А. С. Долинина, И. П. Еремина, В. Я. Проппа, Б. М. Эйхенбаума, признавших справедливость критики, которой подверглись их работы в нашей печати, и высказавших стремление решительно перестроить свою научную работу в свете тех указаний, которые сделаны газетой “Культура и жизнь”.

Ученый совет ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Потребовать от деканата и дирекции института и кафедр повседневной борьбы за партийность филологической науки против всех пережитков в ней буржуазной идеологии.

2. Ученому совету, деканату факультета и дирекции института направлять работу института и кафедр:

а) На борьбу с порочными традициями школы Веселовского, формализма, либерального академизма, на борьбу с ложными представлениями о существовании надклассовой, наднациональной “чистой науки”;

б) На раскрытие литературоведами и фольклористами идейно-политического, философского и морального смысла и значения художественных произведений, чтобы шире и лучше использовать художественную литературу и фольклор для коммунистического воспитания нашего народа;

в) На более активную разработку важнейших вопросов теории литературы и марксистско-ленинской эстетики, истории советской литературы, проблем социалистического реализма и наследия великих представителей русской революционной демократии;

г) На борьбу за активное служение нашей науки современному социалистическому строительству, за разработку актуальных научных проблем, непосредственную помощь советской школе;

д) На глубокую критику идеологического и научного распада, который характерен для современного буржуазного Запада и империалистической Америки, способствуя выступлениям наших ученых по этим вопросам в печати.

3. Повседневно внедрять в работу кафедр и секторов нашего института критику и самокритику. Добиваться систематического товарищеского контроля над читаемыми лекциями, спецкурсами и постановкой семинарских занятий.

4. На кафедрах и секторах нашего института подвергнуть критическому обсуждению, в соответствии с указаниями “Культуры и жизни”, всю подготовляемую к печати научную продукцию института и отдельных научных работников филологического факультета, а также индивидуальные планы научно-исследовательских работ на 1948 г.

5. В апреле месяце с. г. провести обсуждение итогов философской дискуссии, на котором остро и глубоко поставить вопрос о тех выводах, которые должны сделать для себя филологи из этой дискуссии. Подготовку обсуждения поручить доцентам Лошанской и Хавину.

Ученые и общественность университета ждут от работников филологического факультета в ближайшее время решительной перестройки в своей теоретической и практической работе в борьбе за утверждение подлинного социалистического реализма, повседневной борьбы за партийность в области литературы и искусства, борьбы с порочными традициями школы Веселовского.

6. Провести среди студентов разъяснительную работу по статье в “Культуре и жизни”. Поручить декану факультета организовать доклады на эту тему для студентов I, II, III, IV и V курсов.

7. Поручить заведующему кафедрой русского языка проф[ессору] С. Г. Бархударову поставить доклады для студентов об ошибках книги акад[емика] В. Виноградова “Русский язык”»[231].

Организатор и руководитель кафедры классической филологии О. М. Фрейденберг смогла через несколько дней ознакомиться с ходом этого заседания:

«...Я получила стенограмму. С биением сердца читала я гнусную клевету официального политического невежды и его академических пособников. Вот что сказал обо мне Дементьев: “Я не являюсь специалистом, и область эта довольно трудная, — я имею в виду античную литературу, — но то, что писала, и то, что пишет до сих пор О. М. Фрейденберг, представляется мне не прогрессом в нашей литературной науке. Статьи ее непонятны и недоступны простому разумению. Но дело, конечно, не в этом, а в том, что, несомненно, эти статьи, эти работы тоже не свободны от космополитических объективистских пережитков”. Всякие научные аналогии были окрещены “космополитизмом”, термином, которому придавали страшное полицейское (“политическое”) значенье. <...>

Какими ничтожными кажутся эти “страшные” слова теперь, по прошествии трех месяцев! Что же останется от них в истории науки? Но в те дни каждое такое глупое слово было политическим, полицейским обвиненьем. Оно вонзалось в жизнь ученого, как отравленная стрела дикаря. Вулих оперировала частными разговорами (обычный метод доносчиков, пользовавшийся у нас почетом и признаньем).

Заседание привело всех присутствующих в состояние абсолютного угнетенья и морального страха. Люди расходились подавленные до самой последней степени. Казалось, начинается светопреставленье. Не только мыслить запрещалось, но нельзя было ничего высказывать. Перед каждым ученым стояла фигура карателя. Об Эйхенбауме и Лурье говорили, что еще день — и за ними приедет “черный ворон” (страшный карательный автомобиль). Молодые женщины из культурных семей, вроде Вулих, вопили в коридорах: “Чаго смотрят? Пора засадить их в НКВД!”»[232]

Позволим себе задержаться на личности старшего преподавателя кафедры классической филологии Наталии Васильевны Моревой-Вулих[233], которая, увы, не была чем-то особенным — она одна из очень, очень многих...

---

[231] *И. З.* Заседание Ученого совета Филологического факультета. С. 135–137.

[232] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[233] В годы ЛИФЛИ О. М. Фрейденберг даже считалась покровительницей Н. В. Вулих (в девичестве Моревой), по крайней мере, это видно из постановления парткома ЛИФЛИ от 20 марта 1936 г. о приведении в надлежащий порядок ситуации на кафедре классической филологии:

«а) Заслушав информацию <...> о наличии склоки в группе классического цикла лингвистического факультета, партийный комитет констатирует, что, несмотря на неоднократные указания парткома, треугольник лингвистического факультета не обеспечил надежной партийно-массовой воспитательной работы среди комсомольцев и внесоюзной молодежи. В результате этого имел место случай склоки в течение двух лет в данной группе. Кроме того, личные недоброжелательные отношения между студентами этой группы свелись к тому, что под видом классовой бдительности считали студентов Мореву, Гутан, Галеркину и Полякову,— детей профессоров и служащих,— политически неблагонадежными, социально чуждыми элементами.

б) Эта, так называемая пролетарская происхождения [sic!] часть группы, антипартийным отношением к некоторым студентам (выходцам из интеллигентских семей) поставила их в положение классово враждебных людей и лишила их товарищеских отношений. <...> Эта же часть группы втянула в склоку профессора т. Фрейденберг, обвиняя последнюю в понижении академ[ических] оценок студентам и в покровительстве Моревой, Галеркиной и другим (детей служащих).

«...Вулих! У нее была одна студенческая статьишка. Эта рыба, кукла, человек холодной души абсолютно ко всему, кроме карьеры, безучастный <...>.

Наташа Вулих в том и заключалась, как личность, что она была холодна и ко мне, и к партийной организации, и к Тронскому [ее учителю]. Она усиленно наушничала и "поднимала" партийцев против кафедры, но по глупости и безучастию передавала все и предавала всех. Желая обелить себя в моих глазах, она рассказывала, как ее направлял Тронский и как, выслушав клевету против меня, недовольно сказал: "Бледновато"»[234].

Когда в 1988 г. в журнале «Звезда» появилась знаменитая статья К. М. Азадовского и Б. Ф. Егорова, в которой авторы всего лишь процитировали отрывок из газеты 1948 г. с выступлением Н. В. Вулих, в котором она подвергла критике «глубоко ошибочные и порочные методологические установки проф[ессора] О. Фрейденберг и некоторых других ученых кафедры»[235], то редакция получила письмо из города Сыктывкара. Оказалось, что Н. В. Вулих была профессором местного университета, доктором филологических наук... Она категорически опровергла упомянутый факт выступления против О. М. Фрейденберг и предложила свою версию событий, которую К. М. Азадовский и Б. Ф. Егоров поместили в качестве примечания во втором издании своей работы[236]. Как можно ныне видеть, Ольга Михайловна была иного мнения...

Раз уж речь о кафедре классической филологии, то уместно процитировать Еврипида:

Уличен
Ты мертвою. Ты уничтожен ею.
Перед ее судом что значат клятвы,
Свидетели и вся шумиха слов?

Последствия описанной череды собраний казались ужасными:

«События ползли. Это шел политический смерч, который был ощутим и виден, страшен; остановить эту адскую работу тайной полиции, партии тож, никто не был властен. Удушающий газ был пущен Сталиным. Все завертелось и уже перестало быть видным; мы очутились внутри вихря.

Смятенье, волненье поднялось среди студентов. Профессора, которых искусственно канонизировали, были объявлены умственными преступниками. Все валилось»[237].

Согласно решению партийного собрания филологического факультета от 29—30 марта началось создание партгрупп на кафедрах:

«При кафедрах были созданы "партгруппы" с парторгом, который выполнял при заведующих кафедрами роль комиссаров. Этого еще не было в самые мрачные советские времена. В сущности, смешно, когда за границей говорят о каких-то "коммунистах". Все так называемые "коммунисты" — агенты тайной карательной службы, а вовсе не члены какой-либо партии. Парторги кафедры должны быть фискалами при администраторе. Их функция заключается в "проверке". Они имели неограниченные права,

---

в) Треугольник факультета, несмотря на сигналы группы, и даже после заявления профессора т. Фрейденберг, поданного на имя парторга факультета, по существу этого вопроса не разрешал и не сделал должные выводы» и т. д. (ЦГАИПД СПб. Ф. 5063 (Парторганизация ЛИФЛИ). Оп. 1. Д. 8. Л. 45–46).

[234] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[235] *Азадовский К., Егоров Б.* О низкопоклонстве и космополитизме. С. 164.

[236] *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* «Космополиты». С. 129–130. Примеч. 51.

[237] *Фрейденберг О. М.* Записки.

обязанности же заключались в слежке. К каждому заведующему кафедрой был отныне "прикреплен" личный охранник. Он следил, слушал и доносил»[238].

Кто стал парторгом кафедры классической филологии? Ответ очевиден:

«Вулих сделали, в виде награды за разоблачение меня, парторгом моей кафедры. Она сразу воспряла и наконец нашла себя. Имея за собой Тронского, молодая и эффектная, она взнеслась звездой на нашем небосклоне. Я получила в ее лице критика, биографа, начальника и сыщика. Мои отношения с Тронским давали трещину. Все, что я цементировала столько лет, распадалось. Кафедра вступала в период своего разложения.

Толстой прислал мне ласковое письмо, в котором глухо выражал свое сочувствие. Все ненавидели Вулих, и Тронский оказывался в моральной изоляции: Толстой и Лурье тайно гнушались им и перекидывались ко мне. Они были оба политически чисты»[239].

Если с такой силой шла травля профессорско-преподавательского состава, то чего уже было говорить о студентах. Обратимся опять к свидетельству Ольги Михайловны:

«На факультетах проходила жестокая чистка студентов. Она называлась "смотром студенческих сил" и ставила целью "помочь" и "улучшить" работу студентов.

Когда нужно было опорочить преподавателей, поднимали против них студенчество; но когда нужно было опорочить студентов, благоговейно привлекали преподавателей.

Сама я не была ни на одном смотре под предлогом болезни. Но мне передавали, что "смотр" проходили все курсы и группы в отдельности, при участии общественных организаций и преподавателей. Самый "смотр" заключался в том, что публично позорили каждого в отдельности студента, "встряхивая" его до основания. Юноша или девушка переживали сильное моральное потрясение. Через эту пытку проводили всю университетскую молодежь. Это был метод застращиванья и опустошенья»[240].

Естественно, что на фоне таких событий определялись и те студенты, кто будет вести за собой филологическую науку будущего — таковыми были и студенты русского отделения И. Соломыков[241] и В. Балахонов[242] (недаром впоследствии последний был назначен деканом филологического факультета): став недавно кандидатами в члены ВКП(б), они выполнили первое партийное поручение — выступили 21 апреля в университетской газете со статьей «Без руководства»[243], в которой отметили бездействие кафедры русской литературы и ее заведующего Г. А. Гуковского.

---

[238] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[239] Там же.

[240] Там же.

[241] Соломыков Игорь Федорович (1920–?) — студент пятого курса (русское отделение), с 20 марта 1948 г. кандидат в члены ВКП(б), с сентября 1949 г. — член ВКП(б). В 1938 г. закончил школу в г. Пушкине, поступал во ВГИК (не поступил), работал в ГПБ, в 1939 г. поступил в Ленинградский театральный институт (т. к. для поступления на филологический факультет недоставало 1 балла), в 1939 г. призван в РККА, участник войны и обороны Ленинграда, инвалид войны (II группы, с 1948 г. — III группы), с 1944 г. — на филологическом факультете.

[242] Балахонов Виктор Евгеньевич (1923–1994) — специалист по французской литературе, студент пятого курса филологического факультета, тема курсовой работы за четвертый курс была посвящена творчеству братьев Гонкур. С 20 апреля 1948 г. — кандидат в члены ВКП(б), с сентября 1949 г. — член ВКП(б); впоследствии кандидат филологических наук (1955, тема — «Творчество Ромена Роллана в 1914–24 годы»), доктор (1969, тема — «Ромен Роллан и его время: (От ранних произведений к "Жану-Кристофу")»), профессор ЛГУ; заместитель декана (1952, 1961–1963), декан филологического факультета (1968–1973).

[243] *Балахонов В., Соломыков И.* Без руководства // Ленинградский университет. Л., 1948. № 15. 21 апреля. С. 3.

Дух А. Н. Веселовского был препарирован. Но устранить его физически оказалось непросто: как в Пушкинском Доме, так и в университете он стоял колоссом. Опасность была очевидна, и никто не дожидался знаменитого призыва «Убрать эту обезьяну!»; нужно было действовать самим.

О том, как справились с ним в Институте литературы Академии наук, пишут К. М. Азадовский и Б. Ф. Егоров:

> «В Пушкинском Доме, однако, возникла известная коллизия, побудившая начальство всерьез задуматься над деликатным вопросом: как ликвидировать скульптурную пропаганду опозоренного академика? Дело в том, что в комнате перед входом в тогдашний читальный зал Рукописного отдела (ныне — комната за спиной вахтера, сидящего в вестибюле) располагалась грандиозная, почти до потолка, статуя А. Н. Веселовского; мраморный академик величественно восседал в мраморном же кресле. Каждый, кто направлялся в читальный зал, мог лицезреть поруганного ученого. Что делать? Убрать статую — но куда? Соседние помещения до тесноты заполнены книгами и рукописями. Перенести на чердак или хотя бы на второй этаж? Но перемещение многопудовой статуи через вестибюль наверх вызвало бы почти неразрешимые технические трудности. Разбить на куски? Однако памятник оценивался по акту в тысячи рублей. Наконец, придумали: закрыли статую парусиной и загородили высокими книжными шкафами, отодвинув их для этой цели от стен...»[244]

В университете, где академик покоился в пантеоне на «аллее славы», было несколько проще:

> «Веселовский был снят с постамента, а сам цоколь, где стояла фигура с золотой и гордой надписью, был повернут лицевой стороной к стенке; на его пустой спине какой-то шутник написал карандашом “за низкопоклонство”»[245].

ВОЗВЫШЕНИЕ Б. С. МЕЙЛАХА

Еще в октябре 1947 г. вышла в свет монография сотрудника Пушкинского Дома, председателя Пушкинской комиссии, профессора филологического факультета ЛГУ Бориса Соломоновича Мейлаха «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв.». Книга эта была подготовлена на материалах докторской диссертации с таким же названием, которую Б. С. Мейлах защитил в 1944 г. в Ташкенте, где он исполнял обязанности директора эвакуированного туда Пушкинского Дома. По-видимому, эта книга и писалась с расчетом выдвинуть ее на главную премию, а последовавшие события стали тому подтверждением. Уже 19 октября в «Ленинградской правде» была напечатана хвалебная рецензия И. И. Векслера[246], коллеги автора по Институту литературы, причем она была далеко не единственной.

Долгожданная новость пришла 2 апреля 1948 г. Вечерний выпуск «Последних известий» Ленинградского радио вечером сообщал:

> «За книгу “Ленин и проблемы русской литературы конца 19 — начала 20-го веков” Сталинской премии удостоен доктор филологических наук, заведующий отделом новой

[244] *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* «Космополиты». С. 129. Примеч. 49.

[245] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[246] *Векслер И. И.* Ленин и проблемы русской литературы // Ленинградская правда. Л., 1947. № 246. 19 октября. С. 3.

русской литературы Института литературы Академии наук СССР Борис Соломонович Мейлах.

— Присуждение Сталинских премий, — говорит профессор Мейлах, — не только подводит итог проделанной работе, но и определяет дальнейший творческий путь советских мастеров художественного слова. Основные идеи, которыми проникнуты произведения премированных авторов, — это идеи советского патриотизма.

Радостно отметить, что почетное звание Сталинских лауреатов получили представители многих национальностей Советского Союза. В числе новых лауреатов мы видим писателей, драматургов и поэтов Украины, Белоруссии, Таджикистана, Латвии, Эстонии и других республик.

Оправдать высокую награду каждый из нас должен усиленным творческим трудом. Я работаю сейчас над исследованием "Пушкин и его эпоха". В новой книге мне хочется показать великого поэта, как гениального выразителя борьбы русского народа с темными силами реакции, за свободу и счастье»[247].

Такая награда ставила Бориса Соломоновича едва ли не во главу ленинградской науки о литературе, а лояльность требованиям идеологии еще с довоенных лет была его основным качеством[248]; кроме того, еще до получения Сталинской премии он был на хорошем счету — в 1947 г. Б. С. Мейлах оказался в числе участников философской дискуссии[249].

---

[247] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2898. Л. 29. Последние известия: 2 апреля 1948 г. (22:05—22:20).

[248] Комсомольская юность Б. С. Мейлаха проходила в Пушкинском Доме, уже в начале 30-х гг. он активно участвовал в жизни Академии наук — был членом бюро коллектива ВЛКСМ АН СССР, в 1932—1933 гг., заместителем ответственного редактора газеты АН СССР «За социалистическую науку» (снят в 1932 г. «за зазнайство по отношению к старым специалистам» — т. е. к профессорам и членам АН). По должности члена комсомольского бюро Академии наук он был постоянным оратором на партсобраниях и митингах, выступая в компании с активными «беспартийными большевиками» от филологии середины 30-х гг. типа академика А. С. Орлова или члена-корреспондента АН СССР Н. К. Пиксанова. В качестве характеристики позиции Б. С. Мейлаха «довоенного типа» приведем протокольную запись его выступления на заседании парткома АН СССР 10 ноября 1935 г., обсуждавшего итоги работы комиссии коллектива ВКП(б) АН СССР по обследованию Пушкинского Дома и осудившего деятельность Ю. Г. Оксмана: «Чуждые люди по договорам опять стали работать в ИРЛИ. Оксман свою антисоветскую политику проявляет в очень замаскированной форме. Его деятельность — это захват власти; идут информации в печать типа дельца, которые должны поднять его авторитет. Оценки его в отношении отдельных товарищей меняются несколько раз в течение нескольких дней. Он "хает" советски настроенных людей. Он держит в руках отдельных сотрудников, действуя на них и материально, проводя их специалистами и т. д. Даже Десницкий попал в цепи, в блок с Оксманом. Комиссия должна учитывать политиканство Оксмана» (ЦГАИПД СПб. Ф. 2019 (Парторганизация АН СССР). Оп. 2. Д. 151. Л. 129 об.).

Эти слова он говорил ровно через неделю после защиты 3 ноября 1935 г. кандидатской диссертации, одним из оппонентов на которой был Ю. Г. Оксман. Юлиан Григорьевич, в свою очередь, давал молодому кандидату литературоведения следующую характеристику: «В кандидатской диссертации "Пушкин и русский романтизм" т. Мейлах проявил высокую научную одаренность, прекрасную методологическую и историко-литературную выучку и тонкое критическое чутье литературоведа-марксиста, одинаково свободно ориентирующегося и в вопросах классовой борьбы, и в литературно-теоретических традициях и дискуссиях первой трети XIX столетия, и в документах архивохранилищ, и в сложнейших черновиках рукописного наследия Пушкина» (*Оксман Ю. Г.* О научной работе Б. С. Мейлаха // Сборник научных работ комсомольцев Академии наук СССР. М.; Л., 1936. С. 423).

[249] *Мейлах Б. С.* Философская дискуссия и вопросы изучения эстетики: Стенограмма публич-

О присущем ему в тот период пафосе позволяет судить его выступление в университетской газете, озаглавленное «Быть достойным великой эпохи», в котором он представляет литературоведение новой формации:

«Присуждение Сталинских премий за литературоведческие работы свидетельствует о том, что литературоведение стало неотъемлемой, составной частью новой культуры. Литературоведческая книга обрела новый адрес — огромную аудиторию советских людей. Меня глубоко обрадовало то обстоятельство, что на мою книгу "Ленин и проблемы русской литературы" откликались дружескими письмами не только товарищи по специальности, но и так называемые "рядовые читатели". У них книги вызывают живой интерес, — факт, который не может не оказать решительного влияния на характер наших работ.

Самой жизнью поставлен вопрос о новом типе литературоведческого исследования. Мы должны бороться за практическое воплощение в нашей науке традиций ленинизма, требующего сочетать высокий научный уровень работы с ценностью, доступностью, живостью изложения. Задача эта весьма сложная, но мы обязаны ее выполнить.

Последние годы я много размышлял над вопросами литературной теории. Я твердо убежден, что, только продвинувшись в области теории, мы сможем перестроить литературоведение. Нельзя без конца жевать готовые выражения. В наше время возникли новые проблемы, и мы должны решать их новыми методами. Синтез теории литературы, истории литературы, литературной критики — таков путь, завещанный нам передовой революционной наукой.

Основная тема, над которой я теперь работаю, — "Пушкин и его эпоха". Я пытаюсь в своей новой книге показать Пушкина как наиболее полное воплощение своего времени, народа, отечества и как деятеля, силой своего гения опередившего время и связавшего два поколения революционной России. Эту книгу я пишу с радостным сознанием того, что литературоведение стало у нас частью общенародного, социалистического дела, что своим трудом мы, советские литературоведы, участвуем в великой борьбе за победу коммунизма»[250].

ПУШКИНСКИЙ ДОМ ОСТАЕТСЯ БЕЗ ДИРЕКТОРА

Так случилось, что первый серьезный оргвывод в отношении Института литературы АН СССР был сделан Провидением: 4 апреля 1948 г. в Москве умирает заместитель академика-секретаря Отделения литературы и языка Академии наук СССР, директор Института литературы академик Павел Иванович Лебедев-Полянский. И хотя он, живя в Москве, не играл заметной роли в политической и научной жизни Ленинграда, он всегда прикрывал «тылы» Пушкинского Дома как в Президиуме Академии наук, Высшей аттестационной комиссии, так и в других инстанциях. Получение Б. С. Мейлахом Сталинской премии также не могло произойти без его деятельного участия.

ной лекции, прочитанной 11 сентября 1947 года в Ленинградском доме искусств. Л., 1948. 14 января 1948 г. он выступал в Ленинградском государственном музыкальном НИИ (ныне Российский институт истории искусств) с докладом «Итоги философской дискуссии» (стенограмму см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 82 (ЛГИТМиК). Оп. 3. Д. 165. Л. 48–69 об.).

[250] *Мейлах Б.* Быть достойными великой эпохи // Ленинградский университет. Л., 1948. № 15. 21 апреля. С. 1.

«7 апреля в Институте литературы Академии наук СССР состоялось траурное заседание памяти скончавшегося академика П. И. Лебедева-Полянского.

Заседание открыл коротким вступительным словом проф[ессор] Б. П. Городецкий. <...> Доклад о жизни и деятельности П. И. Лебедева-Полянского как ученого сделала член-корреспондент Академии наук СССР В. П. Адрианова-Перетц. От имени партийной организации института выступил научный сотрудник Д. С. Бабкин. Воспоминаниями о П. И. Лебедеве-Полянском поделились профессора Г. А. Гуковский, М. К. Азадовский, А. А. Смирнов, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, докторант Б. В. Папковский»[251].

Смерть Павла Ивановича совершенно лишила Пушкинский Дом надежд на защиту в Москве. Теперь привыкший к надежным тылам Л. А. Плоткин, который после длительной паузы, 31 августа 1948 г., распоряжением Президиума АН СССР за подписью С. И. Вавилова и В. П. Никитина был назначен временно исполняющим обязанности директора[252], остался без привычной поддержки. Кроме того, под угрозой оказалась и сама деятельность Пушкинского Дома: как бы ревностно ни отстаивал Л. А. Плоткин линию партии в институте, с его пятым пунктом он никогда бы не был утвержден в ЦК ВКП(б) руководителем этого храма науки. А пока вопрос о кандидатуре нового директора оставался открытым, претендентов на этот пост становилось все меньше и меньше — идеологический шторм смывал одного за другим. Наиболее вероятным, после получения Сталинской премии, казался Б. С. Мейлах, но в его случае пятый пункт был также непреодолим.

В Ленинграде складывалась необычная ситуация: переход в Москву ректора А. А. Вознесенского, а затем последовавшая через три месяца смерть академика П. И. Лебедева-Полянского оставили ленинградскую филологию без всякого прикрытия. Этим обстоятельством вскоре сумели воспользоваться как в университете, так и в Пушкинском Доме.

ЛЕНИНГРАДСКИМ ПИСАТЕЛЯМ РАНО УСПОКАИВАТЬСЯ

14 мая 1948 г. Ленинградское радио оповестило своих слушаталей:

«Сегодня открылось расширенное заседание правления Ленинградского отделения Союза советских писателей, посвященное обсуждению первых четырех номеров журнала “Звезда”, вышедших в 1948 году.

В заседании принимают участие приехавший из Москвы главный редактор “Литературной газеты” Ермилов, председатель Комиссии по критике и теории литературы Союза советских писателей СССР Ковальчик, заместитель председателя этой же комиссии [Ю. С.] Калашников.

Доклад о работе редакции “Звезды” сделал главный редактор журнала Друзин...»[253]

---

[251] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 127. Л. 108 («Памяти академика П. И. Лебедева-Полянского: Траурное заседание в Институте литературы»). Сообщение вечернего выпуска Ленинградского радио см.: Там же. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2898. Л. 98. Последние известия: 7 апреля 1948 г. (21:45–22:00).

[252] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 742. Л. 5.

[253] Там же. Д. 2902. Л. 23. Последние известия: 14 апреля 1948 г. (22:15–22:29).

Описываемое заседание, на котором присутствовали и почти все литературоведы, продолжалось два дня.

Основной доклад В. П. Друзина, выступления членов редколлегии журнала и мнения ленинградских писателей показали, что качество журнала улучшилось и теперь он вполне соответствует как литературным, так и идейно-политическим требованиям текущего момента.

Но благостное настроение сменилось в тот момент, когда на трибуну начали выходить москвичи, верные проводники сталинской идеологической линии — главный редактор «Литературной газеты» В. В. Ермилов и ответственный секретарь газеты «Культура и жизнь» Е. И. Ковальчик — советские литературоведы, доктора филологических наук...

Они не оставили и следа от благодушных настроений ленинградцев: писателей и редакцию «Звезды» обвинили в самоуспокоенности, идеологической слепоте, а про выступление В. П. Друзина было сказано, что в нем «недостаточно было критики и самокритики»[254].

Среди ленинградских писателей сразу же начался ропот по поводу очередного партийно-литературного десанта. Скрыть такой холодок зала было невозможно. Именно поэтому Евгения Ивановна Ковальчик во второй день заседания заявила:

> «Было сказано, что тут прислали бригаду во главе с танком. Мне бы хотелось точно договориться, что присылка товарищей из Москвы или другого города должна быть в литературной жизни явлением постоянным, а мы очень активно приглашаем в Москву, это могут подтвердить бывшие у нас в Москве критики. Мы без ленинградцев не мыслим больших мероприятий»[255].

Но, к удивлению приехавших из столицы гостей, они все-таки получили серьезный и непривычный после 1946 г. отпор: слово взяла В. Ф. Панова, которая среди прочих имела одного преданного читателя, мнение которого значило много больше, чем всех остальных вместе взятых, — товарища Сталина. Вера Федоровна не особенно стеснялась в выражениях, излагая собственное мнение:

> «Мне хочется сказать вот о чем: мне кажется правильным и нужным, чтобы московские товарищи приезжали помогать разобраться в наших делах, выявлять наши грешки, несмотря на то что у нас в Союзе существуют такие люди, как проф[ессор] Гуковский. Очень хорошо, пусть приезжают со стороны, но мне кажется, что следует лучше готовиться к этим обсуждениям и вести их на уровне, который мы вправе требовать от москвичей. Посудите сами, тов. Ермилов выступает и начинает обвинения ленинградских писателей, что, идя на это собрание, они не прочитали четырех номеров "Звезды", а кончает тем, что больше говорить не может, потому что больше не читал. Мы — триста человек обязаны прийти, прочитав, а он не обязан прочитать, если он выступает.
>
> Мне кажется также неправильной позиция т. Ковальчик, которая, едва усмотрев профессиональный разговор в статье Эвентова, говорит, что это формализм и что это скатывание к натурализму»[256].

Закончила же В. Ф. Панова свое защитительное выступление восклицанием: «А журнал "Звезда" в основном хороший!»[257]

---

[254] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 45. Л. 229.
[255] Там же.
[256] Там же. Л. 239.
[257] Там же. Л. 239 об.

Совершенно не случаен тот факт, что писательница упомянула в своей речи профессора Г. А. Гуковского — его роль в жизни ленинградской писательской организации была тогда очень велика. Вернувшись из Саратова, он активно участвовал в писательской жизни, причем его чудесным образом почти не затронул смерч критики в связи с кампанией против Веселовского.

28 мая 1948 г., через две недели после приезда «танка» В. В. Ермилова, именно Г. А. Гуковский делал большой доклад на общем собрании писателей Ленинграда.

Это памятное собрание проходило 20–21 мая в Доме писателя имени В. В. Маяковского и называлось «Ленинградская проза и поэзия Ленинграда в 1947 году». Оно подводило итог годовой деятельности ленинградских писателей и включало три доклада: Г. А. Гуковского о прозе, И. В. Карнауховой о детской литературе и В. А. Лифшица о поэзии.

Доклад Г. А. Гуковского «Ленинградская проза 1947 года» произвел неизгладимое впечатление на ленинградских писателей: именно для его обсуждения было решено собраться и на второй день, который проходил под председательством Ю. П. Германа.

На фоне остальных бесцветных докладов выступление университетского профессора было событием — полемическим, неоднозначным, отчасти даже провокационным; особенный резонанс имело заявление Г. А. Гуковского о том, что так называемой ленинградской темы в литературе в действительности не существует. Последнее заявление уже окончательно растопило лед казещины, с 1946 г. прочно сковавший собрания ленинградских писателей.

Почти все выступавшие на протяжении двух дней признавали достоинства доклада: «Остроумный и интересный доклад» (Е. А. Вечтомова)[258], «Мне очень понравился доклад т. Гуковского потому, что это первый доклад, который я слушал, на основании которого можно о чем-то спорить» (С. П. Антонов)[259]. Даже В. П. Друзин был вынужден признать, хотя и с оговорками, неординарность доклада: «Все говорят о докладе Гуковского потому, что он был единственным докладчиком, который вчера ставил какие-то вопросы и был построен внешне так, что задевал какие-то моменты»[260].

В МОСКВУ ЗА НАСТАВЛЕНИЯМИ

19–20 мая 1948 г. в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в Москве проходило совещание работников центральных издательств. Кроме собственно руководителей издательств в работе совещания принимали участие главы и члены редколлегий газет и журналов, а также партийные работники. Место проведения этого мероприятия предопределяло направляющий характер. Из Ленинграда для участия в совещании прибыл доцент филологического факультета ЛГУ и заведующий сектором печати Ленинградского горкома ВКП(б) А. Г. Дементьев.

В работе совещания принял участие глава Управления пропаганды и агитации, член Оргбюро ЦК ВКП(б) М. А. Суслов. Его заместитель и главный редактор партийной газеты «Культура и жизнь», Д. Т. Шепилов, открыл совещание вступительным словом. С основным докладом «О большевистской партийности и высокой идейности в работе

---

[258] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 47. Л. 175.

[259] Там же. Л. 186.

[260] Там же. Л. 228.

издательств» выступил еще один заместитель М.А. Суслова, будущий редактор «Правды» Л.Ф. Ильичев:

«Приходится, однако, — заявил Ильичев, — обратить особое внимание на серьезные политические ошибки и идеологические извращения в содержании некоторых изданий нашей политической, научной и художественной литературы, на притупление бдительности среди части работников советских издательских организаций»[261].

«Ленинградская правда», повествуя о работе совещания, отмечала, что после докладов «развернулись прения, в которых приняли участие тт. Дементьев (зав. сектором печати Ленинградского горкома ВКП(б))»[262] и другие товарищи.

Ровно через месяц — 21 июня 1948 г. — в Доме партактива Ленинградского горкома ВКП(б) состоялось большое собрание работников издательств Ленинграда.

«Собрание открыл заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации горкома ВКП(б) тов. В.И. Смоловик.

С докладом об итогах совещания работников центральных издательств, созванного Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), выступил заведующий сектором печати горкома ВКП(б) тов. А.Г. Дементьев.

— Недостатки в издательской работе, которые были отмечены на совещании в Москве, — сказал докладчик, — присущи и ленинградским издательствам.

Тов. Дементьев подверг критике работу отдельных издательств, по вине которых вышли в свет книги идейно неполноценные, плохо иллюстрированные, неряшливо оформленные. <...>

На собрании выступили также заведующий Отделом издательств Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) тов. М.А. Морозов и секретарь обкома ВКП(б) тов. Н.Д. Синцов»[263].

Особенно отметим три выступления в прениях. Первое — профессора исторического факультета ЛГУ и члена парткома университета В.В. Мавродина, который был делегирован на собрание в качестве представителя университетского издательства. Он отмечал в своем выступлении:

«Некоторые ученые Университета продолжают стоять, или, во всяком случае, продолжали стоять на тех позициях, которые им завещал их учитель Веселовский, преклонение которого перед западноевропейской наукой всем хорошо известно. Я имею в виду брошюру академика Шишмарева. Не сделано даже здесь вывода, ни из доклада тов. Жданова о постановлении ЦК по журналу "Звезда" и "Ленинград", ни из философской дискуссии, и по-прежнему продолжается преклонение перед авторитетами дворянской и буржуазной науки <...>.

Ошибка издательства Университета, моя в частности, заключается в том, что мы давали выход любой продукции маститых ученых и полагали, что эта маститость уже делает их безгрешными, вне всяких подозрений, и считали, что любой труд, вышедший из-под их пера, должен выйти в свет»[264].

---

[261] Совещание работников центральных издательств // Ленинградская правда. Л., 1948. № 119. 21 мая. С. 2.

[262] Там же.

[263] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 134. Л. 193–194 («Общегородское собрание работников издательств Ленинграда»).

[264] ЦГАИПД СПб. Ф. 25 (Ленинградский горком ВКП(б)). Оп. 2. Д. 7059. Л. 13–15.

Главный цензор Ленинграда, начальник Леноблгорлита А. Г. Чахирев, жаловался на обстановку, в которой вынуждено работать его ведомство:

«В своем докладе т. Дементьев перечислил много книг порочных как по своему идейному, так и научному содержанию. Можно было бы к докладу добавить еще несколько десятков книг, но и этого достаточно.

Я должен сказать и подчеркнуть, что мое положение более трудное, чем директора издательства, потому что я должен признать, что в какой-то степени ответственность за выпуск этой порочной книги несет тот отдел, который я возглавляю, Горлит.

В первую очередь, причиной такого недостаточного идейно-политического контроля со стороны нашего аппарата я считаю недостаточно высокий политический и общеобразовательный уровень работников своего аппарата и, несмотря на все меры, которые мы принимаем, все же не можем подобрать политически квалифицированный аппарат, чтобы он мог осуществлять ответственный контроль, который нам поручен.

С другой стороны, одной из причин нашей неудовлетворительной работы является также то обстоятельство, что мы вынуждены очень часто читать книгу буквально часами, в то время как серьезная книга требует работы в течение нескольких недель»[265].

Также на этом собрании выступил доцент филологического факультета ЛГУ Г. П. Макогоненко, который по совместительству был одним из редакторов Лениздата. Он, говоря о ненормальном положении с изданием классиков, по сути, признался в том, что литературоведы боятся писать на политически неблагонадежные темы:

«Нас здесь тов. Дементьев пощадил, не упомянул, но здесь приводили в пример книгу [А. С. Долинина] о творчестве Достоевского. В связи с этим я хочу сказать, что у нас в серии есть книга "Преступление и наказание" Достоевского, полагается к ней послесловие, но никто не хочет писать этого послесловия о Достоевском, и мы послали книжку без послесловия. Мне кажется, это неверно. Именно потому, что сейчас так остро стоит вопрос о Достоевском, именно поэтому мы должны были сделать настоящее послесловие, которое бы по-настоящему объяснило творчество Достоевского, но мы этого не сделали»[266].

100-ЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ В. Г. БЕЛИНСКОГО

Парад многочисленных юбилеев «великих русских», начавшись еще до войны, не утихал. С особенной помпой праздновалось в июне 1948 г. столетие со дня смерти Белинского[267].

Предварим этот раздел словами О. М. Фрейденберг:

«Попробуйте непочтительно о великом русском народе отозваться, не восхвалить в грозных тонах его великую культуру, его великих писателей и художников! Из Пушкина, бедного свободолюбца, сделали государственно-полицейское пугало. На меня

[265] ЦГАИПД СПб. Ф. 25 (Ленинградский горком ВКП(б)). Оп. 2. Д. 7059. Л. 38.

[266] Там же. Л. 48–49.

[267] Юбилеи Белинского начали по-особенному праздноваться с 1923 г., когда исполнялось 75-летие со дня его смерти: «Коллегия Наркомпроса признала необходимым войти в Совнарком с ходатайством о сверхсметном ассигновании на чествование юбилея Белинского» (см.: Хроника // Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Народного Комиссариата Просвещения. М., 1923. № 27. 24 мая. С. 16); учрежденный впоследствии Юбилейный комитет возглавил нарком просвещения А. В. Луначарский.

произвело сильнейшее впечатление, когда среди официально-полицейской литературы по сталинизму (так называемым "Основам марксизма-ленинизма"), среди догматических сочинений, инспирированных тайной полицией, я увидела святое имя Белинского. Итак, Белинский был сделан теоретическим кнутом!»[268]

Литературный критик и публицист, истолкователь пушкинского творчества, оказавший серьезное влияние на русскую литературу 1830–1840-х гг., благодаря советской пропаганде сам превратился в одного из корифеев русской литературы. Слова, написанные вождем пролетарской революции в 1914 г. в статье «Из прошлого рабочей печати в России», стали ему приговором:

«Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое "Письмо к Гоголю", подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»[269].

10 декабря 1947 г. Совет министров СССР принял постановление о праздновании юбилея, а 23 декабря министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов подписал приказ, где говорилось:

«В связи с исполняющимся 7 июня 1948 г. 100-летием со дня смерти великого русского критика, революционного демократа Виссариона Григорьевича Белинского:

1. Директорам высших учебных заведений организовать в юбилейные дни доклады, лекции, литературные вечера, посвященные жизни и творчеству В. Г. Белинского.

2. Учредить по одной стипендии имени В. Г. Белинского в размере 400 рублей в месяц для студентов двух последних курсов»[270].

Но такой констатации показалось недостаточно, и 13 марта 1948 г. С. В. Кафтанов подписал еще один приказ:

«В дополнение к приказу № 1885 от 23 декабря 1947 года о столетии со дня смерти В. Г. Белинского приказываю:

1. Ввести в университетах, педагогических институтах и в литературном институте им. А. М. Горького Союза советских писателей СССР ежегодные чтения, посвященные работам В. Г. Белинского.

2. В высших учебных заведениях создать комиссии по проведению 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского с целью организации:

а) научных конференций;

б) выставок, посвященных жизни и деятельности В. Г. Белинского;

в) лекций и докладов;

г) литературных вечеров и т. д.

3. Включить в темы дипломных и курсовых работ университетов, педагогических и художественных институтов темы, связанные с деятельностью В. Г. Белинского.

4. Кафедре учебного кино Московского педагогического института им. Потемкина создать учебный фильм о В. Г. Белинском для литературных факультетов

---

[268] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[269] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 25. С. 94.

[270] О 100-летии со дня смерти В. Г. Белинского: Приказ Министра высшего образования СССР № 1885 от 23 декабря 1947 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 2. Февраль. С. 11.

педагогических институтов и Литературного института им. А. М. Горького Союза советских писателей»[271].

В направляющей статье Министерства просвещения РСФСР о литературных юбилеях лаконично давалась характеристика того, чем является критик для юбилейной пропаганды:

«Характеризуя могучую самобытность Белинского, этого страстного трибуна передовых идей своей поры и великого поборника реалистического искусства, нужно показать, что ни по идейности, ни по глубине реалистических принципов эстетики, ни по публицистической остроте с ним не может равняться ни один из представителей западноевропейской критики того времени»[272].

Эти установки вполне однозначно характеризуют то положение, которое занял Белинской в советской идеологии: став ее символом, он был обречен; но не только на всяческое восхваление, но и на изучение. Исследование наследия Белинского (подобно декабристоведению и пушкиноведению) оказалось оазисом в послевоенной истории литературы, куда устремлялись многие. И хотя такое внимание советской власти сыграло злую шутку с самим Белинским, имя которого еще долго будет сопровождать ореол одиозности, все-таки литературоведение в этой локальной области добилось немалых успехов. В Ленинграде первенствующее положение в изучении Белинского занял Н. И. Мордовченко; эта роль давала ему, с одной стороны, счастливую возможность сохранять лояльность по идеологической части, а с другой — плодотворно заниматься историей литературы. К сожалению, не все смогли или успели занять подобные ниши; к тому же Николай Иванович не имел столь внушительного списка печатных работ, чтобы из них можно было без труда выбирать пассажи для его идеологической проработки.

Чем ближе к юбилею, тем актуальнее становился Белинский. Весной же 1948 г. Белинский стал еще и знаменем борьбы с новой чумой — космополитизмом; обновленная «Литературная газета» во главе с В. В. Ермиловым одной из первых начала борьбу с непонятной эпидемией. 17 апреля редакционная статья на первой полосе сообщала:

«Космополитизм глубоко враждебен интернационализму.

Космополит — это человек, чуждый своему народу, своей родине, ее лучшим традициям, обычаям, культуре и искусству. Объявляя себя “гражданином мира”, он стирает границы между народами, бесцеремонно отбрасывает понятия национальной самобытности и независимости.

Вредоносное, обессиливающее и разлагающее влияние космополитических “теорий” в свое время прекрасно понимали Белинский, Герцен, Щедрин и многие другие представители великой русской литературы. Белинский гневно обрушился на современных ему космополитов — представителей буржуазно-дворянского либерализма, заклеймив их презрительной кличкой “беспачпортных бродяг в человечестве”. Он блестяще доказал, что этим “сторонникам фантастического космополитизма”, болтавшим

---

[271] О мероприятиях по проведению столетней годовщины со дня смерти В. Г. Белинского: Приказ Министра высшего образования СССР № 320 от 13 марта 1948 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 5. Май. С. 4.

[272] Литературные юбилеи — на службу воспитания национальной гордости и советского патриотизма! // Литература в школе. М., 1948. № 2. Март–апрель. С. 4.

о превосходстве Западной Европы, равно чужды интересы как русского крестьянина, так и французского пролетария»[273].

В том же номере со статьей «Белинский в борьбе с космополитизмом» выступил и знаменитый московский «доносчик от литературоведения» Яков Ефимович Эльсберг, который заканчивал свой пространный текст следующими словами:

> «Читая гениальные, неумирающие статьи Белинского, мы видим, что он не только был нашим прямым предшественником, но до сих пор остается живым участником нашей борьбы с раболепием перед иностранщиной, с “безродными космополитами” и “беспачпортными бродягами в человечестве”»[274].

Таким образом, летом 1948 г. политическая актуальность Белинского оказалась как никогда востребованной властью, превратив столетнюю годовщину критика во всесоюзный митинг борьбы с низкопоклонством перед иностранщиной.

Интерес ленинградских историков литературы к творчеству Белинского ближе к юбилею также стал возрастать как на дрожжах. Даже те, кто не обращался ранее к его творчеству, занялись в связи с юбилеем написанием докладов и статей — складывающаяся идеологическая обстановка требовала от ученых политически актуальных работ, и юбилей «неистового Виссариона» был для этого как нельзя кстати.

Профессор Г.А. Гуковский писал тогда в статье «Изучаем жизнь и творчество гениального критика»:

> «Наследие Белинского — это один из устоев, на которых возведено здание русской передовой, реалистической, демократической литературы XIX и XX столетий. Поэтому советские филологи не могут не изучать самым тщательным образом литературно-общественную деятельность великого критика. Филологи нашего университета — профессора, студенты немало времени и труда посвящают углубленному изучению Белинского»[275].

Другие выступали с лекциями:

> «13 апреля публичной лекцией доктора филологических наук В.А. Десницкого — “Белинский и его эпоха” начался организованный Ленинградским отделением Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний цикл публичных лекций, посвященных великому русскому критику.
>
> В плане цикла темы: “Белинский — великий русский материалист”, “Эстетика Белинского — новый этап в мировом искусстве”, “Пушкин, Гоголь, Лермонтов в оценке Белинского”, “Белинский и задачи советской критики”.
>
> С чтением лекций выступят доктор филологических наук Чагин, профессоры Плоткин, Мордовченко и другие»[276].

Цикл лекций закончился 24 мая лекцией Л.А. Плоткина «Белинский и задачи советской критики».

---

[273] Укреплять и развивать лучшие национальные традиции // Литературная газета. М., 1948. № 31. 17 апреля. С. 1.

[274] *Эльсберг Я.* Белинский в борьбе с космополитизмом // Литературная газета. М., 1948. № 31. 17 апреля. С. 3.

[275] *Гуковский Г.А.* Изучаем жизнь и творчество гениального критика // Ленинградский университет. Л., 1948. № 21. 1 июня. С. 3.

[276] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 127. Л. 242 («Цикл публичных лекций, посвященных В.Г. Белинскому»). Профессор ЛГУ, доктор философских наук Б.А. Чагин (1899–1987) назван в ленте ТАСС доктором филологических наук по ошибке.

В январе 1948 г., навстречу юбилею, создается группа по изучению творчества Белинского в Филологическом НИИ при Ленинградском университете. Ее работа началась с доклада Н. И. Мордовченко «Новые материалы о Белинском: (Переписка Белинского с родными 1829–1834 гг.)»; на втором заседании группы, состоявшемся 1 марта, А. С. Долинин сделал доклад «Белинский и Герцен»; на третьем, 18 марта, были прочитаны доклады Э. Э. Найдича «Белинский и Герцен о романтизме» и Н. Н. Андреева «Об особенностях философского мировоззрения В. Г. Белинского»; 3 апреля, на четвертом заседании, И. Я. Айзеншток выступил с докладом «Белинский и украинская литература»; 22 апреля обсуждалась книга М. Я. Полякова «Белинский в Москве»[277].

Именно группой по изучению Белинского и руководством факультета, главным образом Н. И. Мордовченко и М. П. Алексеевым, был разработан план юбилейной сессии. 25 мая 1948 г. исполняющий обязанности ректора профессор С. В. Калесник подписал приказ о проведении с 1 по 5 июня научной сессии памяти В. Г. Белинского и о создании специального комитета под собственным председательством. Помимо председателя в состав комитета вошли: М. П. Алексеев (заместитель председателя), С. Г. Бархударов, Г. П. Бердников, Р. А. Будагов, А. И. Буковецкий, А. Г. Дементьев, В. А. Десницкий, В. Е. Евгеньев-Максимов, Г. А. Гуковский, В. В. Мавродин, И. И. Мещанинов, Н. И. Мордовченко, А. В. Предтеченский, М. В. Серебряков, В. И. Смирнов, В. В. Струве, Е. В. Тарле, И. И. Толстой, В. Ф. Шишмарев, В. М. Штейн, а также секретарь парткома ЛГУ А. А. Андреев[278].

Столь серьезный состав комитета говорит и о том значении, какое придавалось уже подготовленной сессии. За четыре дня сессии, первый день которой проходил в актовом зале университета, было сделано одиннадцать докладов. Основной — «Белинский и коммунизм» — был прочитан профессором Л. А. Плоткиным, в котором «докладчик охарактеризовал Белинского как борца с самодержавием и крепостничеством, предшественника русских социал-демократов»[279].

О первом дне сессии сообщала новостная лента ТАСС:

> «Торжественным заседанием открылась большая научная сессия в Ленинградском университете, с деятелями которого был тесно связан В. Г. Белинский. В Актовом зале собрался коллектив университета и представители институтов Академии наук СССР. За столом президиума — виднейшие советские ученые.
>
> Первым был заслушан доклад доктора филологических наук Л. А. Плоткина на тему "Белинский и коммунизм" <...>. С докладом "Изучение Белинского в советскую эпоху" выступил доктор филологических наук Н. И. Мордовченко. Доклад на тему "Белинский и русский реализм" сделал доктор филологических наук Г. А. Гуковский. Сессия продлится несколько дней»[280].

Кроме указанного обобщающего доклада Н. И. Мордовченко также выступил на сессии с докладом «Белинский и Радищев». Профессор Б. С. Мейлах прочитал доклад «Белинский и Пушкин», профессор А. С. Долинин — «Белинский

[277] *Шмелева Л. Д.* Научные сессии филологического факультета, посвященные В. Г. Белинскому: (К 100-летию со дня смерти) // Доклады и сообщения Филологического института. Л., 1949. Вып. 1. С. 221–222.

[278] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 938 от 25 мая 1948 г.

[279] *Шмелева Л. Д.* Указ. соч. С. 222.

[280] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 133. Л. 10 («Накануне 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского: Научная сессия университета»).

и Герцен», доцент Ю. С. Сорокин — «Белинский и русский литературный язык». Профессор М. К. Азадовский выступил с докладом «Белинский и фольклор», а профессор Б. М. Эйхенбаум — «Белинский и Лев Толстой»[281]. (Примечательно, что ровно через три месяца, 8 сентября 1948 г., Б. М. Эйхенбаум прочитал на заседании Ученого совета Пушкинского Дома, посвященного 120-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, доклад «Толстой и наследство Белинского»[282].)

Что же касается посмертного юбилея Белинского, то в контексте нашей темы интерес представляют еще два доклада:

> «Проф[ессор] П. Н. Берков в своем докладе "Белинский и литература народов СССР" установил факт влияния идей Белинского на литературу народов СССР. Было подвергнуто анализу влияние Белинского на критическую мысль Советского Союза, в частности, на передовых писателей Украины, Грузии, Армении, Литвы, а также писателей еврейских и других»[283].

А профессор М. П. Алексеев, который был крупнейшим специалистом в области связей русской литературы с иностранными, правда, изучая влияние извне, искал следы обратного — влияния русской литературы на европейскую. На основании найденного в лейпцигском журнале 1843 г. сокращенного перевода двух статей Белинского, выполненных Я. П. Иорданом, он сделал в рамках Юбилейной сессии доклад на тему «Белинский и сербо-лужицкий литератор Ян Петр Иордан: (К вопросу о популярности Белинского на Западе и у славян в 40-е гг. XIX в.)»[284].

Любые находки, которые могли бы поддержать продвигавшуюся руководством страны идею о «великом русском народе», оказывались поистине драгоценными, и доклад М. П. Алексеева, который из пересказа статьи, напечатанной в Германии без ссылок на Белинского, делает громкий вывод о «популярности Белинского на Западе и у славян», — лишнее тому доказательство.

В эти дни подобные собрания с участием университетских филологов состоялись и за стенами ЛГУ. 3 июня в Институте литературы прошло научное заседание, где об успехах в изучении наследия Белинского сообщал М. К. Азадовский:

> «Руководитель отдела фольклора Института литературы Академии наук СССР профессор М. К. Азадовский закончил исследование "Белинский и фольклор". Эта работа будет опубликована в специальном томе журнала "Литературное наследство", посвященном 100-летию со дня смерти великого критика»[285].

В состоявшейся по этому поводу беседе с корреспондентом Ленинградского отделения ТАСС М. К. Азадовский особенно отметил, что «великий критик нанес решительный удар по всякого рода реакционным истолкователям фольклора»[286].

Там же 5 июня прошла юбилейная сессия, где были выслушаны доклады заместителя директора ИЛИ Л. А. Плоткина «Белинский и современность» и Н. И. Мордовченко «Белинский и русская литература».

---

[281] Научная сессия, посвященная В. Г. Белинскому // Ленинградский университет. Л., 1948. № 21. 1 июня. С. 4.

[282] Памяти Л. Н. Толстого: Научное заседание в Институте литературы Академии наук СССР // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 212. 8 сентября. С. 1.

[283] *Шмелева Л. Д.* Указ. соч. С. 223.

[284] Там же.

[285] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 133. Л. 76 («Белинский и фольклор: Исследование проф. М. К. Азадовского»).

[286] Там же.

4 июня в Доме писателя имени В. В. Маяковского состоялось общегородское собрание писателей Ленинграда, посвященное юбилею Белинского:

«После вступительного слова председателя правления Ленинградского отделения Союза советских писателей А. А. Прокофьева с докладом "В. Г. Белинский и задачи советской критики" выступил доктор филологических наук проф[ессор] Л. А. Плоткин. Обрисовав историческую роль "неистового Виссариона" в развитии русской общественной мысли и литературы, докладчик подробно остановился на задачах советских литературоведов и критиков — продолжателей идей и традиций гениального Белинского»[287].

Также в Ленинграде были проведены масштабные общегородские мероприятия. 4 июня на Васильевском острове состоялась закладка памятника Белинскому.

«Залитая солнцем огромная площадь перед Дворцом имени Кирова заполнена ленинградцами. Сюда пришли трудящиеся Васильевского острова, Невской заставы, Выборгской стороны...

На трибуне — представители партийных и советских организаций, деятели науки, культуры, искусства, стахановцы. Митинг, посвященный торжественной закладке памятника великому сыну русского народа, революционному демократу В. Г. Белинскому, открывает заместитель председателя исполкома Ленгорсовета В. П. Галкин.

— В лице Белинского, — сказал он, — советский народ чтит великого патриота нашей Родины, выдающегося революционного мыслителя, критика и публициста. <...> В ознаменование 100-летия со дня смерти великого критика, по решению Советского Правительства в Ленинграде устанавливается памятник Белинскому, который закладывается сегодня. Он будет воздвигнут в нынешнем году.

Раздаются звуки гимна Советского Союза. С гранитного камня снимается чехол. Под его основанием закладывается серебряная дощечка. Надпись на камне гласит: "Здесь 4 июня 1948 года заложен памятник В. Г. Белинскому".

С речами выступают писатель Виссарион Саянов, стахановец Балтийского судостроительного завода И. П. Дмитриев, доктор филологических наук Н. И. Мордовченко, председатель исполкома Свердловского райсовета И. И. Каминский, студентка Университета Елена Колпакова.

На трибуне — лауреат Сталинской премии профессор Б. С. Мейлах:

— Жизнь и деятельность великого Белинского, — говорит он, — его борьба за благо народа, за литературу высокого социального звучания и глубокой художественной правды всегда будет примером для нас, советских людей. Пусть гордо высится здесь на площади памятник "неистовому Виссариону", как символ верного служения народу»[288].

Эпицентром юбилейных торжеств стало кладбище:

«7 июня, в столетие со дня смерти В. Г. Белинского, на Литераторских мостках Волкова кладбища, где похоронен великий критик, состоялся митинг и торжественное возложение венков.

На площадке у могилы собрались представители партийных и советских организаций, фабрично-заводских коллективов, научной общественности, писатели, работники искусств, учащаяся молодежь.

---

[287] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 133. Л. 82 («Памяти В. Г. Белинского: Собрание ленинградских писателей»).

[288] Там же. Л. 82–84 («Великому сыну русского народа: Закладка памятника В. Г. Белинскому на Васильевском острове»).

По поручению исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и городского комитета ВКП(б) митинг открывает заместитель председателя исполкома Ленгорсовета Н. В. Матковская.

— Среди имен великих сынов русского народа, — говорит она, — почетное место занимает Виссарион Григорьевич Белинский, чью память чтит сегодня вся наша страна. Бесконечно дороги и близки нам черты выдающегося революционера-демократа — его вера в славное будущее своей Родины. Мы, внуки и правнуки "неистового Виссариона", приносим ему нашу горячую любовь и глубокое уважение. Сбылось пророчество гениального русского мыслителя. Советская Россия уже стоит во главе всего образованного мира и дает законы и науке, и искусству, и общественному устройству и принимает благоговейную дань уважения и любви всего прогрессивного человечества.

С речами выступают: от коллектива Ленинградского университета — доктор филологических наук Н. И. Мордовченко, от работников просвещения — Н. Н. Житомирская, от Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний — профессор Л. А. Плоткин, от коллектива "Электросилы" — стахановец К. Р. Крючков, от ленинградских писателей — Л. Т. Браусевич, от трижды орденоносного Кировского завода — И. Н. Быстров.

Под звуки траурного марша делегации возлагают венки на могилу. На лентах первого надпись: "От Ленинградского горкома ВКП(б) и исполкома Ленгорсовета". Чугунная ограда закрывается живой гирляндой венков — от общественных организаций, фабрик, заводов, научных учреждений, вузов, музеев, библиотек, школ»[289].

Чествование памяти Белинского продолжалось до глубокой осени; 15 ноября «Последние известия» передали информацию о конференции в университете:

«Сегодня на филологическом факультете Ленинградского государственного университета имени Жданова открылась студенческая научная конференция, посвященная Белинскому. На первом заседании был заслушан доклад сталинского стипендиата студентки Колпаковой "Ленин о Белинском". Конференция продлится до 19 ноября. Будут сделаны доклады: "Об эстетических взглядах великого критика", "Белинский и Некрасов" и другие»[290].

ЛЕТНИЕ СЮЖЕТЫ

С наступлением лета проработки несколько поутихли; казалось, волна постепенно начала спадать. Лишь вышедший в конце июля «Вестник Ленинградского университета» за апрель месяц со статьей А. Г. Дементьева напоминал о весенних событиях[291]. А разговор о космополитизме даже начал переходить во внешнеполитическое русло. Это воспринималось тем спасительнее, чем более зловещий ореол окружал это иноязычное слово. В качестве характерного примера этой тенденции отметим статью литературоведа Б. Песиса «Космополитический фашист», напечатанную в «Литературной газете» 30 июня.

---

[289] Там же. Л. 129–130 («Город Ленина чтит память В. Г. Белинского: У могилы великого мыслителя»).

[290] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2921. Л. 70. Последние известия, Ленинградский выпуск: 15 ноября 1948 г. (22:40–22:56).

[291] *Дементьев А. Г.* За большевистскую партийность в литературоведении // Вестник Ленинградского университета. Л., 1948. № 4. Апрель. С. 78–86. (Подписан в печать 12 июля 1948 г.)

Серьезный специалист в области французской литературы Борис Аронович Песис (1901–1974), рассуждая о «космополитически-порнографическом» творчестве известного в СССР французского писателя Жюля Ромена[292], связывал космополитизм воедино не только с низкопоклонством перед Западом или идеологией американского империализма, но и уличал в связи с фашизмом:

«Известно раболепие французской черной сотни перед всеми застрельщиками международных империалистических авантюр — от Гитлера до нынешних американских претендентов на мировое господство.

Это раболепие наложило свою печать на французскую буржуазную литературу. Характерно, что космополитическая проповедь декадентов с особой энергией была пущена в ход профашистскими литературными группками как раз в момент захвата власти гитлеровцами. Блеск нацистской секиры ослепил космополитов так же, как впоследствии блеск доллара. <...>

Космополитизм всегда противопоставлялся подлинным интернациональным связям народов. Не случайно космополиты — ярые сторонники "американской партии" во французской литературе — являются ярыми противниками международной солидарности прогрессивных сил»[293].

В связи с такой внешнеполитической остротой идеологическая активность возрастала после каждого события, которым империализм посягал на свободу трудящихся, и даже литературоведы рекрутировались в армию негодующего пролетариата.

14 июля в Риме студент университета Антонио Палланте совершил покушение на Пальмиро Тольятти — лидера итальянских коммунистов и давнего друга Страны Советов. Несмотря на то что итальянские коммунисты потерпели поражение на апрельских выборах 1948 г., авторитет Тольятти в Италии был столь высок, что покушение стало причиной больших беспорядков, чуть было не приведших страну к гражданской войне.

Советская идеологическая машина моментально откликнулась на этот инцидент — во второй половине десятых чисел июля по всему Советскому Союзу прокатилась хорошо организованная волна митингов и гневных выступлений. Не остались в стороне и ленинградские литературоведы, которые 16 июля в нелитературных выражениях выразили свой протест:

«Трудящиеся города Ленина присоединяют свой гневный голос протеста к возмущению всего советского народа, негодующего по поводу злодейского покушения на жизнь вождя трудящихся Италии товарища Тольятти. <...>

Научные сотрудники Института литературы, члены-корреспонденты Академии наук СССР Адрианова-Перетц, Алексеев, доктора филологических наук Астахова, Мануйлов, Малышев и другие пишут:

— Злодейское покушение фашистского выродка на жизнь выдающегося деятеля международного рабочего движения товарища Тольятти вызвало боль и негодование у всех работников советской культуры. Итальянским реакционерам не удастся запугать трудящихся террористическими актами — последним оружием обреченного историей класса капиталистов. Мы убеждены, что итальянский народ теснее сплотится вокруг

[292] Его произведения, как романы, так и пьесы, были в моде в довоенные годы; профессор филологического факультета А. А. Смирнов был тогда одним из его главных знатоков и переводчиков; пьесу Ж. Ромена «Кромдейр-Старый» и роман «Обормоты» перевел О. Э. Мандельштам.

[293] *Песис Б.* Космополитический фашист // Литературная газета. М., 1948. № 52. 30 июня. С. 4.

коммунистической партии, являющейся знаменосцем новой грядущей эпохи. Будем еще плодотворнее и настойчивее работать во имя победы демократических сил во всем мире»[294].

Тем временем 19 июня 1948 г. министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов подписал приказ № 886 «О мероприятиях по подготовке высших учебных заведений к 1948/49 учебному году». В нем, в частности, особо подчеркивалось:

«Обязать кафедры разработать планы преподавания отдельных дисциплин в соответствии с новыми учебными планами и программами. При составлении этих планов обеспечить преподавание на современном научном уровне, отразив в процессе преподавания роль и приоритет отечественной науки и преимущества советского строя. <...>

Совместно с партийными, комсомольскими и другими общественными организациями высших учебных заведений составить на основе решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам единый план политико-воспитательной и культурно-массовой работы среди студентов, профессоров и преподавателей, обеспечивающий воспитание студентов и профессорско-преподавательского состава в духе советского патриотизма и беззаветной преданности социалистической Родине.

В плане предусмотреть проведение мероприятий по систематическому ознакомлению студентов, профессоров и преподавателей с достижениями отечественной науки, техники, культуры и искусства, развитию у студентов, профессоров и преподавателей чувства непримиримости к низкопоклонству перед иностранщиной, к проявлениям аполитичности и безыдейности. Проводимые мероприятия должны быть направлены на разоблачение реакционного, антинаучного существа буржуазной идеологии, на освещение превосходства социалистической культуры над буржуазной. Серьезное внимание должно быть уделено воспитанию студентов в духе коммунистической морали»[295].

С 7 по 10 июля в Москве прошел первый пленум научно-методического совета при министре высшего образования СССР. Этот совещательный орган при С. В. Кафтанове был учрежден 4 ноября 1947 г.; в него входили 65 человек — в основном ректоры вузов и члены коллегии МВО СССР, в том числе и А. А. Вознесенский, утвержденный членом президиума этого совета и председателем секции по аспирантуре[296]. Состоявшийся в июле пленум принял постановление «О повышении идейно-теоретического уровня преподавания в высшей школе». Это постановление в основной своей части расставляло акценты на предстоящий 1948/49 учебный год и являлось циркуляром для всех вузов страны:

«В пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства высшее образование занимает значительное место: высшая школа должна подготовить более 600 тысяч специалистов высокой квалификации, владеющих в совершенстве знаниями избранной специальности, воспитанных в духе советского патриотизма, в духе беззаветной преданности делу построения коммунизма, вооруженных знаниями марксистско-ленинской теории, способных вести неустанную борьбу против буржуазной идеологии.

---

[294] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2908. Л. 12, 14. Последние известия: Ленинградский выпуск, 16 июля 1948 г. (21:30–21:44).

[295] Приказы и инструкции Министерства высшего образования СССР // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 7. Июль. С. 3–4.

[296] Об утверждении состава научно-методического совета при Министре высшего образования СССР. С. 13–15.

За годы послевоенной пятилетки значительно улучшилась подготовка специалистов в высшей школе, повысилось качество преподавания.

Выполняя решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, высшие учебные заведения добились значительного улучшения идейно-политического воспитания студентов и более глубокого изучения марксистско-ленинской теории.

Однако в учебной и идейно-политической работе высшей школы еще имеются серьезные недостатки. Не везде учебный процесс стоит на уровне современных требований науки и техники. В идейно-политическом и воспитательном отношении лекции отдельных преподавателей все еще не находятся на должной высоте.

В ряде высших учебных заведений установлены факты проявления раболепия и низкопоклонства некоторых научных работников перед буржуазной наукой и культурой, недооценки роли и значения наших отечественных ученых в развитии мировой науки.

Лекции по некоторым общенаучным и техническим дисциплинам страдают аполитичностью, оторваны от актуальных задач развития нашего народного хозяйства; в них недостаточно обобщаются достижения современной советской науки и техники.

Преподаватели общенаучных дисциплин (физика, математика, химия, биология и др.) еще недостаточно опираются на основы марксистско-ленинской философии.

В лекциях некоторых преподавателей по этим курсам еще имеются элементы махизма, неокантианства и других идеалистических течений.

Многие профессора и преподаватели специальных дисциплин не ведут активной борьбы с пережитками буржуазной идеологии, объективистски излагают учебный материал, не вскрывают реакционной сущности современной буржуазной науки.

Методическая работа на многих кафедрах высших учебных заведений не получила достаточного развития, между тем как за последние годы высшая школа пополнилась большим числом молодых преподавателей, не имеющих необходимого педагогического опыта.

Решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам требуют от высшей школы еще шире развернуть работу по повышению идейно-теоретического уровня преподавания, по политическому воспитанию студентов с привлечением к этому всех профессоров и преподавателей.

Указанные решения ЦК ВКП(б) требуют также от профессоров и преподавателей углубленного изучения марксистско-ленинской теории и классиков марксизма-ленинизма.

Кафедрам высших учебных заведений необходимо, на основе глубокого изучения истории науки, шире освещать роль отечественных ученых в развитии мировой науки и показывать достижения нашей советской науки, воспитывая у студенческой молодежи чувство советского патриотизма»[297].

Казалось бы, таких указаний было вполне достаточно для того, чтобы умертвить всякую свободную мысль в высшем образовании вообще и в Ленинградском университете в частности, но и этого оказалось мало.

---

[297] Постановления Первого пленума Научно-методического совета при Министре высшего образования СССР // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 11. Ноябрь. С. 8–9.

ПОСЛЕДСТВИЯ СЕССИИ ВАСХНИЛ

7 августа 1948 г. в Москве закончила свою работу Августовская сессия ВАСХНИЛ, от последствий которой содрогнулась не только биология, но и вся отечественная наука. Ленинградский университет не стал исключением.

В день закрытия сессии проректор ЛГУ по научной работе профессор Ю. И. Полянский вернулся из Парижа, где принимал участие в работе XIII Международного зоологического конгресса[298].

8 августа, в воскресенье, руководство страны отдохнуло, а уже 9-го числа пошли оргвыводы — началась активная работа по изгнанию оппонентов Т. Д. Лысенко с руководящих научных и общественных должностей. В этот день под председательством Г. М. Маленкова состоялось заседание Оргбюро ЦК ВКП(б), на котором рассматривались и проблемы Ленинградского университета. Результатом этого обсуждения стали два решения Политбюро ЦК, заседавшего в тот же вечер и утвердившего предложения Оргбюро.

Первое решение — «О проректоре по научной части Ленинградского университета»:

> «Освободить т. Полянского Ю. И. от обязанностей проректора по научной части Ленинградского университета»[299].

Второе решение — «О декане биологического факультета Ленинградского государственного университета»:

> «1. Освободить т. Лобашева М. Е. от обязанностей декана биологического факультета Ленинградского государственного университета.
>
> 2. Утвердить т. Турбина Н. В. деканом биологического факультета Ленинградского государственного университета»[300].

23 августа 1948 г. С. В. Кафтанов подписал приказ «О состоянии преподавания биологических дисциплин в университетах и о мерах по укреплению биологических факультетов квалифицированными кадрами биологов-мичуринцев». Ленинградскому университету в этом приказе отводилось особое место. И хотя ректор ЛГУ Н. А. Домнин находился во время подготовки этого приказа в Москве, смягчить удар по университету было не в его власти:

> «Резкая критика, которой подверглось состояние биологической науки в университетах в докладе академика Т. Д. Лысенко на сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, в развернувшихся на сессии прениях по докладу, правильно отражает положение, сложившееся на биологических факультетах университетов.
>
> В преподавании биологических наук, в научно-исследовательской работе, в подготовке научных работников и в подборе руководящих кадров на биологических факультетах университетов имеются крупнейшие недостатки.

---

[298] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 139. Л. 115 («С Международного зоологического конгресса: Возвращение делегации СССР»). Делегация состояла из четырех ученых — академика Е. Н. Павловского (избранного вице-президентом конгресса), московского профессора Л. А. Зенкевича, академика АМН СССР Д. Н. Насонова и Ю. И. Полянского.

[299] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 163. Д. 1514. Л. 65 (Протокол заседания Политбюро ЦК от 9 августа 1948 г. № 56, п. 50; подготовлено на заседании Оргбюро ЦК 9 августа 1948 — Протокол № 365, п. 15-с).

[300] Там же. Л. 66 (Протокол заседания Политбюро ЦК от 9 августа 1948 г. № 56, п. 51; подготовлено на заседании Оргбюро ЦК 9 августа 1948 — Протокол № 365, п. 14-с).

Главное управление университетов неудовлетворительно руководило преподаванием биологических дисциплин в университетах и не вело решительной и последовательной борьбы против антимичуринцев.

В результате этого в ряде университетов и в особенности в Московском и Ленинградском университетах руководящие позиции были заняты морганистами (вейсманистами) или же людьми, активно поддерживавшими это реакционное направление в биологической науке, проводившими агрессивную политику в отношении мичуринцев. <...> В Ленинградском университете менделисты-морганисты предпринимали активные меры к устранению профессоров-мичуринцев с занимаемых ими постов. <...>

В целях устранения перечисленных крупных недостатков в работе биологических факультетов университетов и обеспечения безраздельного господства во всей учебной и научной работе кафедр передового мичуринского учения приказываю:

1. Начальнику Главного управления университетов и ректорам обеспечить коренную перестройку всей учебной и научно-исследовательской работы в направлении вооружения студентов и научных работников передовым прогрессивным мичуринским учением и решительного искоренения реакционного идеалистического вейсманистского (менделевско-моргановского) направления. Работа университетов должна исходить из полного признания, что мичуринское направление, возглавляемое академиком Т.Д. Лысенко, проделало большую плодотворную работу по разоблачению и разгрому теоретических позиций менделизма-морганизма и является дальнейшим развитием передовой мичуринской науки. Необходимо всемерно разъяснять студентам, что борьба мичуринской биологической науки против вейсманистского направления в биологии есть борьба двух прямо противоположных и непримиримых мировоззрений, борьба диалектического материализма против идеализма.

2. Освободить от работы проводивших активную борьбу против мичуринцев и мичуринского учения и не обеспечивших воспитания советской молодежи в духе передовой мичуринской биологии: <...>

В Ленинградском университете — проректора университета и профессора кафедры зоологии беспозвоночных Ю.И. Полянского, декана биологического факультета М.Е. Лобашева, заведующего кафедрой экспериментальной зоологии и генетики животных профессора П.Г. Светлова, доцентов биологического факультета Г.А. Новикова, Айрапетянца. <...>

3. Освободить профессора Солдатенкова С.В. от обязанностей директора Научно-исследовательского института биологии Ленинградского университета, как не обеспечившего правильного руководства научной работой института в духе мичуринского учения»[301].

Этим же приказом С.В. Кафтанов назначил новых деканов биологических факультетов — профессора Н.В. Турбина в Ленинградском, а И.И. Презента в Московском университетах (оба находились в те дни в Москве); также этот приказ ликвидировал на биологическом факультете ЛГУ кафедры динамики развития и генетики растений.

Но одним лишь приказом Министерство высшего образования СССР не собиралось ограничиваться:

---

[301] О состоянии преподавания биологических дисциплин в университетах и о мерах по укреплению биологических факультетов квалифицированными кадрами биологов-мичуринцев: Приказ Министра высшего образования СССР № 1208 от 23 августа 1948 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 9. Сентябрь. С. 6–7.

«Вопросу коренной перестройки преподавания биологических наук в высшей школе было посвящено состоявшееся 26–27 августа 1948 г. собрание актива работников высших учебных заведений Москвы с участием руководящих работников, профессоров и преподавателей университетов, сельскохозяйственных и зооветеринарных институтов других городов страны.

С докладом об итогах сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина и мерах по улучшению преподавания биологических наук в высшей школе выступил Министр высшего образования СССР тов. С. В. Кафтанов. Доклад С. В. Кафтанова вызвал оживленные прения»[302].

«Ректор Ленинградского государственного университета профессор Н. А. Домнин сказал, что научно-педагогический коллектив Ленинградского университета, в целом здоровый, работоспособный, полностью разделяющий прогрессивное советское мичуринское учение и вставший на сторону акад[емика] Т. Д. Лысенко, на своем здоровом теле имел нарыв. В Ленинградском университете в течение ряда лет велась борьба группы реакционеров, представителей формальной генетики, морганистов-вейсманистов против мичуринцев и мичуринского учения. Группа антимичуринцев создавала различные препятствия развитию мичуринского направления, причем и ректорат и партийная организация университета относились к этой группе примиренчески.

Тов. Домнин считает, что главной причиной создавшегося в университете положения является недостаточное идейно-политическое воспитание кадров и, в частности, кадров биологов.

Тов. Домнин заверил актив, что коллектив Ленинградского университета сделает все необходимое для того, чтобы мичуринское направление в университете было безраздельно господствующим»[303].

На том же собрании выступили и два видных ленинградских лысенковца — профессор биологического факультета ЛГУ, в то время уже и декан биологического факультета МГУ И. И. Презент и новый декан биологического факультета ЛГУ Н. В. Турбин. Начальник Главного управления университетов МВО СССР профессор К. Ф. Жигач

«признал, что Главное управление университетов неудовлетворительно руководило преподаванием биологических дисциплин и научной работой в университетах и не вело решительной и последовательной борьбы против антимичуринцев. В результате этого, в ряде университетов, в особенности в Московском и Ленинградском, руководящую роль играли менделисты-морганисты, которые вели активную борьбу против передового мичуринского направления в биологии»[304].

Министр высшего образования СССР, подводя промежуточные итоги дискуссии, выводил ее на широкие идеологические горизонты:

«Тов. Кафтанов подчеркивает, что борьба на биологическом фронте будет продолжаться. Она будет и внутри страны, ибо оруженосцы морганизма не быстро перестроятся, она будет и на международной арене»[305].

---

[302] За передовую мичуринскую биологию в высшей школе: Собрание актива высших учебных заведений // Вестник высшей школы. М., 1948. № 10. Октябрь. С. 21.

[303] Там же.

[304] Там же. С. 23.

[305] Там же. С. 27.

Трансформация решений сессии ВАСХНИЛ из биологической области в общенаучную, а далее, с одобрения ЦК ВКП(б), и в общенациональную, уже наметилась. Не зря на этом активе в министерстве выступил и выдающийся провокатор в области общественных наук профессор философского факультета МГУ З. Я. Белецкий, который перевел обсуждение вопроса в область другой науки — философии:

«Проф[ессор] З. Я. Белецкий (Московский государственный университет) подчеркнул в своем выступлении, что победа мичуринского направления это победа нашего мировоззрения, победа диалектического материализма.

Возникает вопрос, продолжает т. Белецкий, почему силы сопротивления, силы реакции в биологической науке не были своевременно разоблачены и разгромлены. На этот вопрос должны дать ответ не только биологи, но и философы, в обязанность которых входит пропаганда и защита нашего мировоззрения. Однако если говорить о философах, то известно, что до последнего времени среди них находились люди, которые учили, что вейсманизм ближе диалектическому материализму, чем мичуринское направление.

Чем можно объяснить такой на первый взгляд непонятный факт? Дело заключается в том, что под видом диалектического материализма кое-кто протаскивает меньшевиствующий идеализм, который в теоретическом отношении целиком созвучен моргановской генетике. <...>

Одним словом, между меньшевиствующими идеалистами и вейсманистами-морганистами существует полное идейное родство. Не случаен поэтому факт их взаимной поддержки друг друга»[306].

Белецкий в данном случае лишь проторил путь, указанный партией, — вскоре следы реакционных учений будут разыскиваться в каждой области советской науки.

27 августа собрание актива работников высших учебных заведений приняло резолюцию «Об итогах сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина и мерах по улучшению преподавания биологических наук в высшей школе», а на следующий день министр С. В. Кафтанов своим приказом распорядился: «Директорам вузов, деканам факультетов, руководителям кафедр принять резолюцию собрания актива к неуклонному руководству и исполнению»[307].

В этой резолюции, в частности, говорилось:

«Актив работников высших учебных заведений полностью одобряет доклад академика Т. Д. Лысенко о положении в биологической науке и постановлении сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

Собрание считает, что в дни, когда происходит острейшая идеологическая борьба между силами прогресса, с одной стороны, и силами реакции — с другой, особенно необходимо дать решительный отпор всяким попыткам протаскивания в советскую науку и в советскую высшую школу реакционных идеалистических лжеучений, всякому раболепию и низкопоклонству перед реакционными буржуазными теориями.

В биологической науке определились два диаметрально противоположных направления: одно — прогрессивное, материалистическое, мичуринское, другое — реакционное,

---

[306] За передовую мичуринскую биологию в высшей школе. С. 27.

[307] Об утверждении резолюции собрания актива работников высших учебных заведений: Приказ Министра высшего образования СССР № 1253 от 28 августа 1948 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 9. Сентябрь. С. 3.

идеалистическое, вейсманистское (менделевско-моргановское). Борьба между ними есть борьба диалектического материализма и сил прогресса в науке против идеализма, мистики и мракобесия»[308].

28 августа, вернувшись в Ленинград, ректор ЛГУ Н. А. Домнин подписал приказ:

«Во исполнение приказа Министерства Высшего образования СССР № 1208 от 23/VIII-48 г. — "О состоянии преподавания биологических дисциплин в Университетах и о мерах по укреплению биологических факультетов квалифицированными кадрами биологов — мичуринцев", приказываю:

Освободить от работы в Ленинградском Университете с 27 августа 1948 г., проводивших активную работу против мичуринцев и мичуринского учения и не обеспечивших воспитания советской молодежи в духе передовой мичуринской биологии, профессоров Ю. И. Полянского, М. Е. Лобашева, П. Г. Светлова, доцентов Э. Ш. Айрапетянца и Г. А. Новикова»[309].

Чуть позже для членов ВКП(б) последуют и оргвыводы по партийной линии: в результате жестких и унизительных разбирательств на заседаниях парткома ЛГУ 28 сентября профессор Ю. И. Полянский будет исключен из партии, профессор М. Е. Лобашев получит строгий выговор с предупреждением, а доцент Г. А. Новиков (он же с января 1948 г. парторг биологического факультета) 13 октября 1948 г. получит строгий выговор с занесением в личную карточку[310].

По-видимому, министерство не настолько доверяло ректору университета, чтобы ограничиться раздачей инструкций. Именно по этой причине для «приведения в порядок» Ленинградского университета в свете решений сессии ВАСХНИЛ в Ленинград прибыл заместитель министра высшего образования СССР, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ Василий Иосифович Светлов.

1 и 2 сентября было проведено расширенное заседание Ученого совета биологического факультета с участием замминистра и ректора. Вступительный доклад был сделан В. И. Светловым, в котором «докладчик призвал профессорско-преподавательский коллектив факультета устранить недостатки в преподавании биологических наук, обеспечить безраздельное господство мичуринской генетики на факультете и полное разоблачение приверженцев формальной генетики»[311]. Основные тезисы этого доклада были затем напечатаны в университетской газете[312].

Заместитель министра разъяснил собравшимся приказы Министерства высшего образования СССР: новым деканом биологического факультета был назначен заведующий кафедрой генетики растений мичуринец Н. В. Турбин, он же был назначен исполняющим обязанности директора научно-исследовательского Петродворецкого

---

[308] Об итогах сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина и мерах по улучшению преподавания биологических наук в высшей школе // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 9. Сентябрь. С. 3–4.

[309] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 1700 от 28 августа 1948 г.

[310] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 5. Л. 28 об. – 30 об., 55.

[311] Готовить кадры специалистов-мичуринцев // Ленинградская правда. Л., 1948. № 210. 4 сентября. С. 3.

[312] Биологический факультет должен стать ведущим центром мичуринской науки: (Решительно искоренить морганизм-вейсманизм в биологической науке, изгнать последователей буржуазного лжеучения. На заседании Ученого совета биологического факультета) // Ленинградский университет. Л., 1948. № 28. 16 сентября. С. 3.

биологического института[313]. Профессор Турбин в своем докладе «подробно раскрыл сущность мичуринского учения, за которое он вместе с академиком И. И. Презентом боролся в университете в течение ряда лет»[314].

Университетское заседание носило подготовительный характер: 6 и 7 сентября в Таврическом дворце было проведено общегородское собрание работников биологической науки. Оно было созвано по инициативе Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) и Министерства высшего образования СССР. Открыл собрание секретарь Ленинградского горкома Я. Ф. Капустин, основной доклад делал профессор ЛГУ И. И. Презент.

В прениях выступило большое число участников собрания, среди которых была сестра бывшего ректора:

> «Секретарь Куйбышевского райкома ВКП(б) тов. Вознесенская подробно рассказала о вредной деятельности морганистов в Педагогическом институте имени Герцена.
>
> — Изобличение реакционных моргановских теорий, пропаганда мичуринского учения, — сказала она, — дело не только специальных кафедр вузов, но и почетная обязанность наших партийных организаций...»[315]

Что касается ректора университета Н. А. Домнина, то «Ленинградская правда» высказала недовольство его речью:

> «Не удовлетворило собравшихся выступление ректора Ленинградского университета тов. Домнина. Увлекшись цитатами и повторением общеизвестных положений, он почти ничего не сказал о главном — о том, какие выводы сделаны из решений сессии Академии сельскохозяйственных наук руководством Университета, партийной организацией, как перестраивает свою работу биологический факультет»[316].

После того как замминистра вернулся в Москву, где еще раз обсуждалась ситуация на биологическом факультете ЛГУ, Министерство высшего образования СССР приняло решения, которые легли в приказ ректора ЛГУ Н. А. Домнина от 18 сентября 1948 г.[317]

Громкие события, последовавшие за сессией ВАСХНИЛ, оттенили появление в сентябрьской книжке «Нового мира», вышедшей в конце августа 1948 г., статьи Н. Леонтьева «Затылком к будущему»[318], посвященной недостаткам в трудах советских фолькло-

---

[313] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 1455 от 2 сентября 1948 г.

[314] Обеспечить безраздельное господство мичуринских идей: Доклад декана биологического факультета проф. Н. В. Турбина: (Решительно искоренить морганизм-вейсманизм в биологической науке, изгнать последователей буржуазного лжеучения: На заседании Ученого совета биологического факультета) // Ленинградский университет. Л., 1948. № 28. 16 сентября. С. 3.

[315] За безраздельное господство мичуринской науки!: На общегородском собрании работников биологической науки // Ленинградская правда. Л., 1948. № 213. 8 сентября. С. 2.

[316] Там же.

[317] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 1864 от 18 сентября 1948 г.

[318] *Леонтьев Н.* Затылком к будущему // Новый мир. М., 1948. № 9. С. 249–266.

Николай Павлович Леонтьев (1910–1984) — поэт, фольклорист, переводчик. Родился в Холмогорском уезде, окончил Архангельский лесотехнический техникум и работал изыскателем. В 1936 г. переехал в Нарьян-Мар, где начал публиковать в местной газете очерки, а путешествуя по низовьям Печоры, изучал фольклор. В 1937 г. в селе Голубкове он познакомился со сказительницей М. Р. Голубковой («русская советская сказительница», член ВКП(б)), произведения которой составили значительную часть изданного им в 1939 г. сборника «Печорский фольклор». Н. П. Леонтьев стал литературным соавтором сказительницы, опубликовав значительное число фольклорных текстов — сказ «На большой, на Красной площади» (М., 1941) и др. В 1941 г. ушел на фронт, был комиссован по ранению и возвратился в Нарьян-Мар. Переехав в 1944 г. в Архангельск, занялся поэтическим творчеством, вершиной которого стала драматическая поэма «Михайло Ломоносов» (1945 г., первое отдельное издание вышло в Москве в 1958 г.), впоследствии переехал в Москву.

ристов. Эта грубая статья, в которой автор без стеснения побивает своих ленинградских коллег М. К. Азадовского, В. Г. Базанова и А. М. Астахову, хотя и не могла пройти незамеченной, не произвела того эффекта, который предполагался в июле, когда номер верстался. Осенью же актуальность этой статьи настолько уменьшилась, что на фоне начинающихся проработок она воспринималось не иначе, как научная полемика.

1 октября 1948 г. первым и основным пунктом повестки дня заседания бюро Василеостровского РК ВКП(б) был вопрос «О развертывании идеологической работы в парторганизации Ленгосуниверситета в свете решений августовской сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина»[319]. Докладывал секретарь парторганизации ЛГУ А. А. Андреев, на заседании также присутствовало руководство ЛГУ — Н. А. Домнин, С. В. Калесник и др.

По результатам рассмотрения было принято постановление бюро Василеостровского райкома ВКП(б), озаглавленное «О ходе выполнения практических мероприятий, связанных с развертыванием идеологической работы в парторганизации Ленгосуниверситета в свете решений августовской сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина»:

> «Бюро ВО РК ВКП(б) отмечает, что существующий уровень партийно-организационной и партийно-политической работы в Университете не отвечает современным требованиям, предъявляемым к вузам.
>
> Партком Университета не сделал своевременных выводов из доклада Т. Д. Лысенко на августовской сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, одобренного ЦК ВКП(б), и из постановления расширенного заседания Президиума Академии Наук СССР от 27 августа с. г. о необходимости быстрейшей и коренной перестройки всей идеологической работы в парторганизациях факультетов.
>
> Секретарь парткома тов. Андреев и остальные члены парткома проявили растерянность, политическую беспомощность в момент, когда от парткома требовалось возглавить работу в парторганизациях факультетов по перестройке всех общетеоретических и обслуживающих сельскохозяйственную практику специальных биологических наук на основе мичуринского эволюционного учения, базирующегося на диалектическом материализме, когда от парткома требовалось возглавить борьбу за передовую советскую науку, за неуклонное проведение Ленинско-Сталинского принципа партийности во всех областях науки...»[320].

Одним словом, воплощение решений Августовской сессии ВАСХНИЛ в жизнь приняло характер эпидемии; литературоведение также оказалось в очаге поражения:

> «...Шла “биологическая” волна. Без знания Мичурина, советского садовода, нельзя было ни лечить зубы, ни заниматься онкологией, историей, филологией, психиатрией. Весь мир нас ненавидел и изгонял из своего общества. Обезумевший Сталин сжимал петлю вокруг шеи всего населения, но особенно вокруг ненавистной тирану науки. Казалось, дальше идти некуда. Но винт закручивался еще туже. Эластичность русской шеи никаких пределов не имела»[321].

Решения Августовской сессии ВАСХНИЛ были строго обязательны для всех отраслей:

---

[319] ЦГАИПД СПб. Ф. 4. (ВО РК ВКП(б)). Оп. 5. Д. 87. Л. 27.

[320] Там же. Л. 36.

[321] *Фрейденберг О. М.* Записки.

«Всякий советский интеллигент должен извлечь для себя из дискуссии в биологии необходимые теоретические и практические уроки.

Торжество мичуринского направления еще раз доказало, что вне связи теории с практикой не может быть правильного пути для развития любой науки.

Дискуссия в области биологии воочию показала, что наша теоретическая и преподавательская работа лишь тогда будет плодотворной, когда она будет предельно подчинена требованиям коммунистической партии и советского правительства, задачам победоносно развертывающегося социалистического строительства.

Подлинный расцвет любой науки и эффективное ее преподавание может быть лишь на основе мировоззрения и метода марксизма-ленинизма в борьбе со всеми ему враждебными системами и теориями.

Нам необходимо непрестанно повышать уровень нашего марксистско-ленинского мировоззрения, нашу большевистскую партийную бдительность.

Во всех науках, в том числе и филологических, должно быть до конца разоблачено и искоренено все то, что противоречит марксистскому мировоззрению и методу. Антимарксистская, либерально-буржуазная методология А. Веселовского в литературоведении, субъективно-идеалистические взгляды Потебни о происхождении и закономерностях развития языка и многие другие буржуазные теории и их пережитки должны быть выкорчеваны самым беспощадным образом как из научных работ, так и из практики преподавания, из школы»[322].

13 октября начались проработочные заседания на филологическом факультете Московского университета[323]; затем состоялось заседание Ученого совета Института мировой литературы имени А. М. Горького, где с программным докладом выступил А. М. Еголин... Вскоре собрания подобного толка дошли до Ленинграда.

БОРЬБА МАРКСИЗМА И ИДЕАЛИЗМА: ОТ БИОЛОГИИ К ФИЛОЛОГИИ

Речь о филологах в свете новой идеологической кампании зашла на двухдневном собрании партактива ЛГУ, происходившем 18 и 20 октября 1948 г. Основной доклад — «О ходе реализации решения сессии Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина и задачах парторганизации» — был сделан А. А. Андреевым. Парторг университета, в частности, сказал:

«Партийная организация филологического факультета также мало проявила инициативы и большевистской принципиальности в деле осуществления перелома всей учебной и научно-исследовательской работы.

---

[322] *Гагарин А. П.* Торжество мичуринской биологической науки // Литература в школе. М., 1948. № 6. С. 65. Автор этой статьи — Алексей Петрович Гагарин (1895–1960), доктор философских наук, профессор МГУ, в 1949–1953 гг. декан философского факультета МГУ. Он мог проецировать указания власти на любые дисциплины: в 1951 г. он выступил с работой «Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и их значение для преподавания философских, экономических и юридических дисциплин» (Вестник Московского университета. М., 1951. № 9. С. 25–34).

[323] «Вчера на Ученом совете стоял доклад Чемоданова о двух направлениях в лингвистике в связи с дискуссией у биологов. [М. Н.] Петерсон попал в ряды антимарксистов и идеалистов» (*Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти. С. 127. Запись от 14 октября 1948 г.).

Надо прямо сказать, что на целом ряде кафедр мы не имеем никакого сдвига, целый ряд научных работников отсиживается, молчит и дожидается “лучших времен”, как, например, сотрудники кафедры западноевропейской литературы, возглавляемой профессором Жирмунским, которые до сих пор в лекциях и семинарах не дают развернутой критики идеологически вредной концепции Веселовского.

После целой серии покаянных речей и излияния о готовности исправить допущенные ошибки и приблизиться к современности, кафедра ничего не могла придумать лучшего, как предложить на очередную научную сессию доклады “Эдда в свете этнографии” (докладчик — профессор Жирмунский) и “Скандинавский эпос” (докладчик — Стеблин-Каменский).

Такое же положение в “приближении к современности” наблюдается и на ряде других кафедр филологического факультета»[324].

Прения первого дня завершились выступлением профессора И. И. Презента, а 20 октября их открыл парторг филологического факультета Н. С. Лебедев:

«Товарищи, разгон вейсманизма-морганизма в биологии имеет самое непосредственное отношение к филологической науке, потому что многие из филологов являются выходцами из враждебных школ и направлений и придерживаются, в конечном счете, тех же философских выводов, что и вейсманисты.

Я против того, чтобы переносить законы развития биологической науки на филологическую науку, но принцип подхода к науке тут один и тот же. Как те, так и другие придерживаются идеалистических концепций в науке, борются против единственно правильно марксистской идеологии и тормозят развитие нашей марксистской науки.

Парторганизация делает очень много в духе перестройки работы в марксистско-ленинском направлении. В частности, партбюро контролирует работу преподавателей и учащихся и надо сказать, что большинство студентов, аспирантов и преподавателей горячо откликнулось на решения ЦК партии и мероприятия, проводимые парторганизацией. Но до сих пор многое еще остается совершенно нетерпимым. Есть все основания полагать, что многие из профессоров и преподавателей — последователей компаративизма и космополитизма Веселовского, представители низкопоклонства перед Западом, остаются до сих пор на прежних позициях. Некоторые из них требования ЦК партии склонны объяснять конъюнктурными соображениями, духом времени, в надежде, что все это пройдет. Они не понимают сути решений ЦК партии, не понимают, что эти решения указывают единственно правильный путь развития нашей науки, они не понимают или не хотят понять, что вне диалектического материализма нет настоящей науки и неслучайно, что за последнее время нашими учеными не создано крупных научных трудов в области филологии. Если же создавались такого рода труды, то они становились притчей во языцех.

Я склонен вспомнить ту дискуссию, которая проводилась у нас на факультете по творчеству Веселовского. Вместо того, чтобы вскрыть корни своих ошибок, многие профессора по-настоящему от этих ошибок так и не отказались. Одни заявили, например, что критика мешает их вдохновению и лучше обойтись без нее. Другие, например проф[ессор] Азадовский, договорились до того, что как бы не попросили критикуемых в ОГПУ. А такие, как проф[ессор] Гуковский, стали противопоставлять научные подвиги военным в то время, как даже школьникам ясно, что это — явления одного и того же порядка.

[324] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 3. Л. 97–98.

Все это говорит о том, что даже внешне некоторые из наших профессоров, выходцев из враждебных сил, не хотят сворачивать со своей дороги.

После всех дискуссий, которые у нас проходили, после многочисленных обсуждений и проч. проф[ессор] Гуковский выступает с лекцией о теории стадиальности. Эта теория по существу своему антиисторична, она ведет к тому же компаративизму и космополитизму, она враждебна марксистско-ленинской теории о формациях. Она рассматривает литературные явления в сфере каких-то фантастических пластов, каких-то выдуманных стадий. Спрашивается, кому потребовались эти, никому не нужные стадии, если у нас есть учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, которое является верным оружием в деле познания исторического процесса в целом и литературного в частности. Не ясно ли, что такая теория не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. И только доцент Дементьев дал достойную отповедь авторам этой теории, а после исторической речи товарища Сталина на встрече с представителями финской делегации, и сами авторы отказались от этой теории.

Ясно, что эти теории приносят огромный вред делу воспитания студенчества и нашего народа в области научного познания мира. Но говорим мы об этом много и давно, а надо со всей откровенностью признать, что результаты пока еще незначительные.

Мне кажется, что пора нашей парторганизации потребовать от наших профессоров, чтобы они от слов перешли к делу, чтобы декларации были заменены практикой перестройки и пересмотра всех своих взглядов»[325].

Но наиболее масштабные мероприятия намечались в Пушкинском Доме: 22 октября 1948 г. парторганизация института готовилась к заседанию Ученого совета, назначенного на 23 октября. Закрытое партсобрание проходило под председательством А. И. Перепеч. Ход его прослеживается по сохранившемуся протоколу. Главный и единственный пункт повестки дня — «Доклад Л. А. Плоткина о состоянии и задачах Института в свете решений августовской сессии Всесоюзной Академии сельско-хозяйственных наук имени В. И. Ленина и расширенного заседания Президиума Академии Наук СССР о положении в биологической науке»:

«Л. А. Плоткин останавливается на основных положениях своего предстоящего доклада на открытом заседании Ученого Совета Института Литературы, назначенном на 23-е октября с. г.

В докладе академика Лысенко и в материалах сессии о состоянии в биологической науке подняты коренные вопросы нашего мировоззрения. Тов. Плоткин говорит о борьбе двух противоположных направлений в биологической науке — марксизма и идеализма.

Исторические постановления партии об искусстве и литературе, дискуссия о книге Александрова, Августовская сессия Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина свидетельствуют о том, что процесс вступления в коммунизм есть процесс обострения борьбы с носителями враждебной нам идеологии. Борьба двух направлений в литературе такой же непреложный факт. Борьба с формализмом имеет особенно острое значение в нашей работе. Достаточно вспомнить имена Томашевского, Эйхенбаума, Жирмунского и других. Но когда профессор Индианского университета Меллер провозглашает, что все детерминаты будущего человечества заложены в 1700 миллионов спермин, которые могут быть заключены в одну горошину,

[325] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 3. Л. 30–31 об.

то мы невольно вспоминаем утверждение, что все мировые драмы имеют 36 сюжетов[326]. Эти "теории" объединяет антиисторизм. Антимарксистские извращения у нас были подвергнуты специальному рассмотрению на Ученом совете: Жирмунский, Эйхенбаум, Томашевский, Азадовский, Алексеев и др. осознали тогда свои ошибки, но еще не избавились от них»[327] и т. д.

В прениях по докладу выступили десять литературоведов-коммунистов, порой собрание переходило в диспут — страсти и здесь накалялись. Лишь выступления А. И. Груздева[328], Б. И. Бурсова и К. Н. Григорьяна были относительно спокойными:

«Тов. Григорьян заканчивает свое выступление указанием на паническое отношение некоторых наших ученых к Западу и западной литературе, тогда как речь идет не об "упразднении" изучения западных литератур, их изучать необходимо, а об укреплении авторитета нашей науки, о восстановлении исторической справедливости»[329].

Остальные были не столь академичны:

«П. Г. ШИРЯЕВА — Считает необходимым, чтобы Л.А. Плоткин заострил в своем докладе на Ученом совете вопрос о методологии, и отмечает, что самые прекрасные положения докладов Льва Абрамовича на Ученых советах не претворяются в жизнь. Все помним, как "клялись" ученые формалисты — апологеты Веселовского исправить свои ошибки, но ничто не изменилось с тех пор. Растут даже кадры новых формалистов, например, Мелетинский — ученик Жирмунского — типичный компаративист, готовящий докторскую диссертацию на материале архаических сказок всего земного шара. Дирекция должна проверить, как в действительности идет перестройка, учитывая тревожные сигналы в прессе. Нельзя также обобщать высказываний о фольклористах, не все они архаисты. "Нелегально", то есть вне всякого плана сектора фольклора, Кравчинская и Ширяева все эти годы занимались и занимаются советским фольклором. Однако, М. К. Азадовский, как редактор, не принимает совершенно фольклора Ленинградской области во 2-й том фольклора (сказки), а в 1-й том советский фольклор был включен вопреки желанию М. К. Азадовского, по требованию вышестоящих организаций. В процессе планового изучения советского фольклора необходим решительный и быстрый перелом»[330].

«А. С. БУШМИН — заявляет, что он не разделяет восхищений Бурсова докладом Л.А. Плоткина, так как в этом докладе нет тревоги за судьбу нашего Института. Ведь не мы, а пресса взяла на себя инициативу по разоблачению наших ошибок, извращение марксистской методологии. Правильно предложение о реорганизации сектора новейшей литерату-

---

[326] Речь об утверждении, восходящем к К. Гоцци, что «существует всего-навсего тридцать шесть трагических ситуаций» (*Эккерман И.-П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 345). Эту точку зрения канонизировал французский ученый, писатель и переводчик Жорж Польти (Polti; 1868–?), чья книга о бродячих сюжетах вышла тремя изданиями при жизни автора (*Polti G.* Les Trente-six situations dramatiques. Paris, 1895; Nouv. [2-me] ed. — Paris, 1912; Nouv. [3-me] ed. — Paris, 1924; англ. пер. — 1931) и оказала серьезное влияние на развитие компаративистики.

[327] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 1. Л. 68.

[328] Груздев Александр Иванович (1908–1981 — литературовед, специалист по русской литературе второй половины XIX в., кандидат филологических наук (1941 г., тема — «Д. И. Мамин-Сибиряк и его роман "Приваловские миллионы"»), доцент ЛГПИ имени А. И. Герцена; 28 сентября 1949 г. избран в состав партбюро ИРЛИ, но в январе 1950 г. перешел в парторганизацию по месту основной работы, в ЛГПИ; впоследствии доктор наук (1971 г., «Поэмы Н.А. Некрасова 1860–1870-х годов: (Природа жанра)»).

[329] Там же. Л. 69.

[330] Там же. Л. 69 об.

ры. Л. А. Плоткин говорил в своем докладе о формалистах в прошлом, но они существуют и сейчас в тонкой, своеобразной форме, но в той же направленности. Формируется молодой формализм. Даются ему закоулочные темы, культивируют узкий биографизм, прививают исключительно технические навыки, голую методику, не вторгаются в жизнь. В отношениях к аспирантам наблюдается у руководителей семейственность, возникают нездоровые бытовые отношения. Недавно защищал диссертацию Путилов, М. К. Азадовский дал ему высокую оценку, но незадолго до этого Путилов написал хвалебную рецензию на работу М. К. Азадовского[331]. Аспирантам дают такие темы, которые уводят под сень Канта и Шеллинга, например: "Герцен и романтизм". Даже Герцена хотят заставить танцевать на развалинах немецкого романтизма. Наши профессора еще не перестроились.

Л. А. ПЛОТКИН задает вопрос А. С. Бушмину — Какие бытовые ненормальности в Институте он имеет в виду?

А. С. БУШМИН — Я уже привел факт с Путиловым. Конкурс у нас полузакрытый, рекомендуют аспирантов все одни и те же профессора. Когда в Институт пришли "трое в шинелях" — Рязанов[332], Ковалев[333] и Бушмин, их встретили подозрительно. Почему Бялый вел травлю Рязанова и покровительствовал Дикман[334]?

---

[331] Не совсем понятно, о чем идет речь: защита кандидатской диссертации Б. Н. Путилова на тему «Исторические песни XVI–XIX вв. на Тереке» состоялась в Пушкинском Доме за два дня до описываемого партсобрания — 20 октября 1948 г., Ученый совет присудил степень единогласно; тогда как о печатной рецензии не упоминается ни в библиографии М. К. Азадовского (Марк Константинович Азадовский (1888–1954): Указатель литературы / Сост. В. П. Томина. Новосибирск, 1983), ни в биографических работах о деятельности Б. Н. Путилова в тот период (*Иванова Т. Г.* Борис Николаевич Путилов: Начало пути // Антропологический форум. СПб., 2007. № 7. С. 423–440).

[332] Рязанов Дмитрий Иванович (1918–?) — аспирант Пушкинского Дома (зачислен 16 декабря 1945 г., научным руководителем назначен Г. А. Бялый), отчислен 3 января 1949 г. в связи с окончанием срока аспирантуры, в дальнейшем зачислялся в штат временно; член ВКП(б) с 1945 г.

[333] Ковалев Валентин Архипович (1911–1999) — литературовед, кандидат филологических наук (1939 г.; тема — ««Записки охотника» И. С. Тургенева»), участник войны, впоследствии доктор наук (1951 г., «Творчество Леонида Леонова (1915–1937 гг.)»; член ВКП(б) с 1942 г., с 27 мая 1947 г. по 26 июня 1948 г. член партбюро Пушкинского Дома, с 28 сентября 1949 г. по 17 марта 1950 г. секретарь партбюро, входил в состав партбюро ИРЛИ и впоследствии.

[334] Дикман Минна Исаевна (1919–1989) — литературовед, окончила ЛГУ в 1941 г. (участница семинаров В. Н. Орлова и Д. Е. Максимова по истории русского символизма, тема дипломной работы — «Лирика Федора Сологуба 1882–1908 гг.», затем подготовленная к печати в объеме 5 печатных листов), участница войны (в мае 1942 г. ушла добровольцем, служила переводчиком в звании лейтенанта, награждена «за разведработу» орденом Красной Звезды (1944 г.), демобилизована в апреле 1946 г.); жена литературоведа Ю. Д. Левина. 1 ноября 1946 г. зачислена в аспирантуру Пушкинского Дома, но Президиум АН СССР отменил зачисление ввиду отсутствия вакансий; благодаря ходатайству П. И. Лебедева-Полянского 4 апреля утверждена Президиумом АН СССР и зачислена с 1 апреля 1947 г. в аспирантуру (тема — «Новеллы Горького 1912–1918 гг. ("По Руси")», научный руководитель В. А. Десницкий) (ПФА РФН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 688. Л. 1–55), 10 января 1950 г. на заседании Ученого совета ИРЛИ отчитывалась о работе в аспирантуре: «Я зачислена в аспирантуру в апреле 1947 года. В течение первого года аспирантуры я сдала кандидатский минимум в объеме двух языков — немецкий и английский (активное владение) и трех спец. вопросов: А. Н. Радищев, теория новеллы, Г. И. Успенский. В результате работы над минимумом был написан для Гослитиздата комментарий к однотомнику Успенского в размере 3,5 п[ечатных] лист[а]. По заданию руководства сектора [новой русской литературы] написана развернутая рецензия на главу из X т. И[стории] Р[усской] Л[итературы] "И. А. Бунин". В апреле 1949 г. на заседании сектора обсуждался и был утвержден развернутый план диссертации» (ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп 1 (1950 г.). Д. 25. Л. 26–27). Была отчислена из аспиран-

В. Г. БАЗАНОВ — Вопрос идет не о Л. А. Плоткине: никто не сделал так много для Рязанова и для Бушмина, как Плоткин. Но зерно истины в выступлении Бушмина есть. Здесь названы факты: Ширяева говорила о Жирмунском и Мелетинском, Бушмин о Путилове и Азадовском. Мы должны повысить бдительность. На Карело-Финскую базу М. К. Азадовский послал своего ученика К. Чистова, отчисленного из аспирантуры, послал с такой высокой рекомендацией, что его назначили заведующим отделением языка и литературы Карело-Финской базы АН СССР.

П. Г. ШИРЯЕВА — Бушмин поднял очень важный вопрос и очень верно осветил положение с кадрами. Плоткин просил фактов: да разве не является фактом круговая порука таких специалистов, как Гуковский, Бялый, Эйхенбаум, Берков и Алексеев. Они в Университете работают единой группой, не "обижая" и не критикуя друг друга, и выдвигают аспирантов в порядке "решающего слова", с которым администрация Института соглашается беспрекословно»[335].

После обсуждения вопроса о кадрах, который через два месяца станет основополагающим, был затронут вопрос подготовки шестого тома «Истории русской литературы» («Литература 1820–1830-х гг.»), начатой еще до войны. Поднял его Б. В. Папковский:

«Широкая общественность будет судить нас главным образом по 6-му тому, посвященному Пушкину. Пушкинский юбилей имеет всесоюзное значение, но в 6-м томе, который выходит к юбилею, дана эпоха, а Пушкин выпал. Если общественная оценка произойдет в этом плане, то основание для самой серьезной тревоги налицо»[336].

«Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ — Формула Папковского — "в 6-м томе нет Пушкина" — прозвучала в ином аспекте, чем у В. А. Десницкого, который действительно сказал "Пушкина там нет" очень тонко и очень справедливо, имея в виду эстетический анализ. Но, если "нет Пушкина в 6-м томе", то нет литературы и в 10-ти томах. Марксистская эстетика так мало разработана, что все наши исследования страдают одним недостатком — нет эстетической оценки. 6-й том был написан целиком до войны — писали Слонимский, Якубович, А. С. Орлов. Комментарии Винокура[337] основаны на тщательном формалистическом анализе и социологизировании, идущем от Покровского. Отдельные хорошие статьи, например, статья Мейлаха, тонут в общем море. Нам с Мейлахом, как редакторам тома, пришлось проделать огромную работу, исключить

туры Пушкинского Дома за истечением срока в 1950 г. (одна из причин — отсутствие допуска к газетно-журнальной литературе 1906–1948 гг., для чтения которой в послевоенные годы требовалось специальное разрешение). В 1956 г. представила в ЛГПИ имени А. И. Герцена к защите диссертацию на тему «Рассказы М. Горького "По Руси" (1912–1913 г. г.)», но защита была провалена; впоследствии работала редактором ЛО издательства «Советский писатель», где «помогала проводить сквозь партийные и цензурные Сциллы и Харибды многие книги писателей, поэтов, критиков, однако она была не лишена "руководящих" нормативных свойств и могла вмешиваться в редактируемый текст не только по цензурным, но иногда и по вкусовым соображениям; она осмеливалась править даже стихи Анны Ахматовой (вспомним издательскую шутку-каламбур тех лет: "Мой дядя самых честных правил"» (*Егоров Б. Ф.* Из истории советской цензуры: (Издательские редакторы как «цензоры») // *Егоров Б. Ф.* Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. Томск, 2001. С. 413). В 1975 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» вышел подготовленный ею том стихотворений Ф. Сологуба.

[335] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 2. Д. 1. Л. 69 об. – 70.

[336] Там же. Л. 69 об.

[337] Винокур Григорий Осипович (1896–1947) — лингвист и литературовед (пушкиновед), доктор филологических наук (1942 г.; тема — «Очерки истории текста и языка Пушкина»), член Пушкинской комиссии АН СССР с 1933 г., профессор филологического факультета МГУ, один из составителей «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

все моменты компаративистского характера. Из противоположного лагеря слышались вопли — "Куда вы дели Байрона и Шекспира?" Но и Байрона, и Шекспира мы оставили в меру научной необходимости. Редактура закончена. Мы с Мейлахом, — говорит Б. П. Городецкий, — несем ответственность за то, что явных моментов компаративизма в 6-м томе нет. Том будет еще прочитан главным редактором Л. А. Плоткиным и другими членами редакции»[338].

Но основные мысли выступавших были связаны с предстоящим заседанием Ученого совета.

Б. П. Городецкий: «Что касается завтрашнего Ученого Совета, то необходимо вызвать профессоров на дискуссию, иначе они, как и всегда, будут "со всем согласны" на словах, но по существу ведь Азадовский, Жирмунский, Алексеев до сих пор не перестроились»[339].

А. И. Перепеч: «На Ученом Совете коммунисты должны выступить обоснованно, конкретно. Следует выступить Базанову, Ширяевой, Бушмину, Григорьяну, Бурсову и другим и говорить об ошибках в работах наших ученых, а не сваливать эту критику на одного Плоткина»[340].

Заключительное слово Л. А. Плоткина: «У нас имеется два типа выступлений: на закрытом партийном собрании высказываются горячо, а на открытых собраниях предпочитают "обтекаемую форму". Все мы знаем, что такие люди, как Жирмунский, Томашевский, Азадовский, Алексеев, допускают ошибки в своих работах. Мы должны вскрывать их ошибки, помогать перестраиваться, а не гнать их из Института. Действительно ли есть у нас такие "группки", семейственность? Полагаю, что нет. Не Бялый ставил вопрос об отчислении Рязанова, а другие люди, и нет оснований ставить вопрос о травле. Выносить такие моменты на Ученый Совет, конечно, нельзя. Есть у нас еще борьба двух направлений, более трудная, чем в биологии, и нам необходимо усилить всемерно борьбу за марксистские позиции в литературоведении»[341].

Собрание закончилось принятием резолюции, тон которой был достаточно сдержанным, не отражал серьезной полемики партсобрания и носил преимущественно констатационный характер.

УЧЕНЫЙ СОВЕТ ПУШКИНСКОГО ДОМА. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

23 октября 1948 г. начались масштабные направляющие мероприятия в академических учреждениях города:

---

[338] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 2. Д. 1. Л. 70.

Совершенно естественно, что изменение идеологической обстановки не позволило выйти этому тому и к юбилею 1949 г.; он вышел в свет только в 1953 г.: История русской литературы: в 10 т. Т. VI: Литература 1820–1830-х годов / Гл. редакция: М. П. Алексеев, Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), А. М. Еголин, Н. К. Пиксанов, А. А. Сурков / Редкол. тома: Д. Д. Благой, Б. П. Городецкий, Б. С. Мейлах (отв. ред.). М.; Л., 1953. На обороте титульного листа перечислены авторы разделов, в том числе указано: «Раздел "Пушкин" написан коллективом авторов в составе: В. В. Гиппиуса, Б. С. Мейлаха, А. С. Орлова, А. Л. Слонимского и Д. П. Якубовича под редакцией Б. С. Мейлаха».

[339] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 2. Д. 1. Л. 70.

[340] Там же. Л. 70 об.

[341] Там же. Л. 71.

«Итоги августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина являются исторической вехой не только биологии, но и других отраслей советской науки. Под знаком усиления борьбы с идеалистическими реакционными течениями проходят сегодня заседания ученых советов Института языка и мышления имени Марра, Ленинградского отделения Института русского языка, Института истории материальной культуры и Института литературы Академии наук СССР.

На совместном заседании работников Института языка и мышления и русского языка с докладом выступил Герой Социалистического Труда академик Мещанинов.

В Институте литературы доклад сделал профессор Плоткин. Он резко критиковал забвение принципа партийности советской науки авторами первых томов "Истории русской литературы", выпущенных институтом. Критике подверглись также проявления буржуазного объективизма и другие идеологические ошибки в сборнике "Русская литература на Западе" и монографии профессора Векслера об Алексее Толстом. Одним из важнейших выводов дискуссии о биологической науке является требование о решительном повороте к современности. Профессор Плоткин указал на необходимость усилить изучение советской литературы и организовать сектор новейшей литературы института — сектор современной советской литературы.

В прениях по докладу выступил Лауреат Сталинской премии профессор Мейлах, член-корреспондент Академии наук СССР Жирмунский, московский литературовед профессор Бродский и другие»[342].

Особенную актуальность этому заседанию добавляло то обстоятельство, что 10 октября 1948 г. партийная газета «Культура и жизнь» посвятила деятельности Института литературы большую статью, озаглавленную «За марксистскую историю литературы». Ее авторы — М. Кузнецов (участник «дискуссии» о Веселовском) и М. Козьмин[343] — были типичными представителями когорты партийно-имлийских литературоведов, которые подобно льду сковывали всю науку о литературе послевоенных лет. В этот раз под перо начинающих литературоведов попала многотомная «История русской литературы», издание которой Пушкинский Дом предпринял по инициативе М. Горького и с 1941 г. по 1948 г. выпустил в свет пять томов — половину намеченного.

Авторы отмечали, что в контексте времени хотя бы от последних томов «следовало ожидать решительного разгрома враждебных антинародных "теорий", всячески искажавших действительный ход развития нашей литературы и принижавших ее значение, оригинальность и самостоятельность»[344], однако не смогли найти подтверждений таким ожиданиям. Критикуя многочисленных авторов «Истории русской литературы»

---

[342] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2919. Л. 37. Последние известия, Ленинградский выпуск: 23 октября 1948 г. (20:50–21:04).

[343] Мстислав Борисович Козьмин (1920–1992) — литературовед, многолетний сотрудник ИМЛИ, на рубеже 40–50-х гг. вел активную общественную работу и выступал с лекциями, изучал русскую литературу XVIII в., в 1954 г. защитил в ИМЛИ кандидатскую диссертацию на тему «Из истории русской журналистики и театральной критики XVIII века: (Деятельность П. А. Плавильщикова)»; впоследствии занимался вопросами социалистического реализма в литературе. В 1962–1975 гг. директор московского музея-квартиры А. М. Горького, в 1979–1988 гг. главный редактор журнала «Вопросы литературы», «осторожность которого не то что граничила, а прямо-таки мало чем отличалась от трусости» (*Кацева Е. А.* Мой личный военный трофей // Знамя. М., 2002. № 1. С. 169), и даже член редколлегии «Вопросов литературы» М. Б. Храпченко был по сравнению с ним «прогрессивных взглядов».

[344] *Козьмин М., Кузнецов М.* За марксистскую историю литературы // Культура и жизнь. М., 1948. № 29 (84). 10 октября. С. 3.

(В. П. Адрианову-Перетц, И. П. Еремина, А. С. Орлова, Г. А. Гуковского и проч.), они без особого труда поставили свой диагноз: «Забвение принципа партийности советской науки — таков основной порок "Истории русской литературы". Оно является источником всех тех ошибок, которые явились вольной или невольной уступкой объективистскому, идеалистическому литературоведению»[345].

Естественно, что обсуждение этой статьи также вошло в повестку предстоящего собрания.

О заседании Ученого совета ИЛИ АН СССР, прошедшего в два дня — в субботу 23 и во вторник 26 октября, можно судить по сохранившейся стенограмме. Первоначально предполагалось уложиться в один день, но из-за обилия желающих выступить в прениях, а также из-за сложностей, возникших в процессе согласования заранее заготовленной резолюции с мнением присутствующих, было решено продолжить работу.

Необходимо отметить, что руководство института настойчиво просило «специалистов по критике» воздержаться от нападок на Б. М. Эйхенбаума, который 26 июля перенес инфаркт миокарда, после чего полтора месяца провел в постели[346]. Насколько была услышана эта просьба, можно судить по выступлениям.

В своем докладе и. о. директора института Л. А. Плоткин, в частности, сказал:

> «Доклад т. Лысенко, одобренный ЦК ВКП(б), решения сессии ВАСХНИЛ имеют поистине историческое значение: они подвели итоги многолетней борьбы в области биологии и, полностью разгромив реакционное направление формальной генетики, принесли собой [sic!] подлинный триумф мичуринского диалектико-материалистического направления.
>
> Какие же выводы должны быть сделаны нами, представителями другой научной специальности, из этих больших событий, применительно к нашей науке?
>
> 1) События на биологическом фронте прежде всего со всей остротой поставили вопрос о борьбе двух течений в науке — материалистического и идеалистического. Дискуссия еще раз с исключительной ясностью и силой показала всю плодотворность для науки марксизма-ленинизма и вместе с тем всю порочность и губительность для всех областей человеческого знания реакционной идеалистической философии. В этой связи напомню: на дискуссии лишний раз подчеркнута была враждебность формализма. Для нас, литературоведов, это имеет особое значение.
>
> 2) В ходе биологической дискуссии со всей остротой была обсуждена проблема взаимоотношения личности и социальной среды, живого организма и окружающей действительности с точки зрения диалектического материализма. Надо ли вам говорить, насколько эта тема актуальна для нас, для историков литературы?
>
> 3) Дискуссия вскрыла враждебность нашему миропониманию, нашей культуре какого бы то ни было объективизма, отсутствия большевистской партийности: события показали, что забвение ленинского принципа большевистской партийности с неизбежностью приводит в лагерь апологетов буржуазного мировоззрения.

---

[345] *Козьмин М., Кузнецов М.* Указ. соч. С. 4.

[346] Вот запись из дневника Б. М. Эйхенбаума: «25 сентября 1948. Лето сорвалось. Едва успел отправить в Москву статью и сел за главу о Толстом, как начались боли в груди. Я думал — несварение или изжога; оказалось — "инфаркт миокарда". Пролежал в постели 1,5 месяца (с 26 июля). Теперь хожу, но еще плохо и работать как следует не могу» (РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 50).

4) Дискуссия подчеркнула, что научная деятельность у нас может строиться только в органической связи с практической жизнью, с интересами народного хозяйства, с борьбой советского народа за коммунизм.

Эти выводы имеют огромное значение решительно для всех наук.

События в биологии не должны рассматриваться изолированно; они должны рассматриваться в общем ряду других явлений, характеризующих борьбу нашей партии за коммунистическую идейность. Напомню важнейшие из них — постановление ЦК партии о журналах "Звезда" и "Ленинград", о репертуаре театров, о кинофильме "Большая жизнь", об опере Мурадели "Великая дружба", дискуссия о книге Александрова, статья о буржуазном либерализме в литературоведении.

В чем смысл той последовательной линии, которую настойчиво и энергично проводит ЦК нашей партии? Смысл этот состоит в следующем: наша страна стоит накануне перехода к коммунизму, этот процесс происходит в обстановке небывалой по своему ожесточению идеологической борьбы с реакционными силами буржуазного мира. И ЦК нашей партии со всей энергией ставит вопрос о ликвидации пережитков капитализма в сознании людей, о необходимости более последовательной и целеустремленной борьбы за коммунизм во всех областях нашей идеологической работы.

Я уже говорил: нет никаких сомнений в том, что большие вопросы, которые были поставлены на биологической дискуссии, имеют прямое, непосредственное и жизненное отношение к советскому литературоведению»[347].

Далее он прошелся критическим слогом по сотрудникам Института литературы:

«...Возьмите формализм. Для коллектива нашего Института проблема преодоления формалистических пережитков имеет особое значение, потому что мы знаем, что в нашем коллективе, среди наших работников есть товарищи, которые в свое время были лидерами формалистического направления. Это — Эйхенбаум, Томашевский, Жирмунский. Формализм представлял собой воинствующее направление, боровшееся против марксистского понимания литературы. Когда формализм устами В. Шкловского утверждал, что литература независима от жизни, от общества и что цвет флага над крепостью города не отражается на деятельности художника, он выступал против коренных основ нашего мировоззрения. Когда Б. М. Эйхенбаум в своих прежних работах о Лермонтове выводил поэта за рамки истории и изолировал его от хода исторического развития общества, это тоже было, конечно, воинствующей антимарксистской концепцией.

Мы об этом вспоминаем теперь потому, что пережитки формалистических взглядов еще и теперь живучи среди некоторых литературоведов <...>.

Если попытаться раскрыть внутренний смысл антимарксистских идеалистических течений в литературоведении, то что же для них характерно? Для них характерно отрицание связи искусства с общественной жизнью, отрицание идейности в литературе, отрицание социально-исторического фактора в его воздействии на литературу.

С пережитками антимарксистских взглядов мы сталкивались и в недавнее время. В работах Б. М. Эйхенбаума о Толстом утверждалась ложная буржуазно-космополитическая мысль о воздействии на великого русского художника таких западных философов и «писателей», как Шопенгауэр и... Поль де Кок. В первом лермонтовском томе «Литературного наследства» (1941 г.) Б. В. Томашевский анализирует прозу Лермонтова только с точки зрения влияния на него разного рода иноземных учителей.

[347] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 12. Л. 45–46.

Компаративистские ошибки свойственны учебнику по западноевропейской литературе, принадлежащему В. М. Жирмунскому, М. П. Алексееву и А. А. Смирнову и вышедшему в 1947 году. Так, происхождение искусства трактуется там не по Энгельсу, а по Веселовскому.

В книге В. П. Адриановой-Перетц о литературном стиле русского средневековья древнерусская литература анализируется, главным образом, с точки зрения заимствования образов, сюжетов из византийских и иных источников.

Нет надобности говорить нам, что литературоведческий космополитизм источником своим имеет те же антимарксистские школы, о которых мы уже говорили: формализм и компаративизм <...>.

Отсутствие подлинной большевистской партийности и объективистские элементы сказались в сборнике “Русская литература на Западе” (отв. редактор М. П. Алексеев). Сборник полностью подготовлен к печати, набран и сверстан, однако мы его задержали именно из-за этих ошибочных тенденций»[348].

Критические замечания Л. А. Плоткина прозвучали и в адрес сторонних исследователей, в том числе он указал на недостатки недавно вышедшей книги И. Г. Лежнева «Михаил Шолохов» ([М.], 1948).

Но поскольку ему нельзя было ограничиться лишь общей критикой, а «История русской литературы» все-таки была коллективной монографией института, то для подробного критического разбора Л. А. Плоткин избрал труды специалиста по советской литературе, заведующего аспирантурой и докторантурой Пушкинского Дома Ивана Ивановича Векслера (1885–1954). Мишенью для оратора стала монография «Алексей Николаевич Толстой: Жизненный и творческий путь», изданная в 1948 г. по материалам защищенной И. И. Векслером в 1944 г. в Ташкенте докторской диссертации. Сказав вскользь о достоинствах книги, Л. А. Плоткин заострил внимание на обратном:

«...Должны быть признаны крупнейшие и принципиальные недостатки в некоторых монографиях по советской литературе, которые вышли за последнее время, и в том числе в монографии сотрудника нашего Института И. И. Векслера “А. Н. Толстой”. Достоинства его монографии нам всем понятны. <...> И все-таки, надо сказать, что в этой работе И. И. Векслера постигла неудача и не только его, но и нас. Причина этой неудачи: отсутствие подлинной большевистской партийности, пережитки буржуазного объективизма, идеализация прошлого, следование ошибочной теории “единого потока”. И. И. Векслер представляет Толстого идеализированно и в этом случае идет по пути антиисторическому. О том, как неправильно изображает И. И. Векслер дореволюционную творческую деятельность Толстого, хорошо сказано у Тарасенкова в его статье в “Большевике”. Никаким революционным демократом Толстой не был, да и нужно различать: одно дело — революционный демократ в 60-х гг. и другое — в 900-х гг., когда уже был марксизм, когда развернулась деятельность Ленина, когда пролетарское движение росло и ширилось. Это — совершенно разные аспекты. Да и вообще ни в каком смысле революционным демократом Толстой не был. Но И. И. Векслер идеализирует не только дореволюционную деятельность А. Н. Толстого, но и творчество его в послереволюционный период. Вот два примера. Письмо Толстого к лидеру белой эмиграции Чайковскому И. И. Векслер приводит, но он выпускает из письма те строки, которые определяют позицию Толстого, как сменовеховскую позицию. Эти строки звучат, примерно, так: “большевики и советы существуют. Это — факт, и с этим фактом нужно считаться точно так же, как приходится

[348] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 12. Л. 47–47 об., 49 об.

считаться, что за окном метель, в то время, как тебе хотелось бы, чтобы за окном был хороший майский день". Вот настроение Толстого. Марксистский историк литературы не имеет права затушевывать эту сторону А. Толстого. Затушевывая такие стороны, мы умаляем роль советской действительности в том огромном перевороте, который произошел в Толстом. <...>

В книге И. И. Векслера есть еще один крупнейший недостаток. И. И. Векслер всюду вовлекает А. Толстого в круг образов и идей его предшественников. Вот почему его назвали эпигоном компаративизма, — и по заслугам. И. И. Векслер должен был идти совсем другим путем, путем историка советской литературы, он должен был показать реальную историко-литературную обстановку в советскую эпоху, он должен был показать Толстого на фоне развития советской литературы, в конкретных условиях напряженной борьбы, которая происходила в те времена. И именно потому, что нет реального исторического фона, нет и противоречий, которые были у Толстого, нет того, что тянуло Толстого назад и что двигало его вперед. Известно, что в 24 г., наряду с ошибками, А. Толстой стоял за литературу больших чувств, за литературу монументальную. Это было стремление к социалистическому реализму, к которому он пришел позднее. И, может быть, не случайно у И. И. Векслера имеются такие оговорки: "Образы сестер Булавиных, Телегина — значительнейшее художественное достижение новой русской литературы..." Какой новой русской литературы? Есть советская литература, и надо было показать, какое место занимает в ней Толстой. А этого-то как раз и нет в книге»[349].

После доклада был объявлен перерыв перед прениями; первым в них выступил Г. А. Гуковский. Отчитавшись о работе группы по изучению литературы XVIII в., он высказал свое мнение и о текущем моменте:

«Мне хочется сказать об одном вопросе, который вытекает из того, что я говорю, это вопрос об отношении нашего Института и всех его ячеек к живой практике советской литературы, а, следовательно, и к изучению оной. Должен сказать, что исторически сложившееся деление на два института русской литературы, из которых один занят историей русской литературы, а другой (московский) современной литературы, — это деление нужно признать изжившим себя, потому что процесс мировой борьбы показал нам, что невозможно заниматься историей прошлого, не живя интересами современности. Мы должны подходить с тем критерием, о котором я говорил раньше, т. е. общественной полезности и посильной помощи быстрейшему созданию коммунизма и борьбе с реакцией. Этот критерий невозможен реально без научной подготовки, без знания советской литературы. В этом смысле наши ученые, чем бы они ни занимались: "Молением" ли Даниила Заточника или Тредьяковским и Херасковым, занимаются ли они А. Н. Толстым, они все равно являются современными советскими литературоведами и поэтому знание современной советской литературы для них обязательно, иначе их исследование мертво и бесполезно...»[350]

Выступивший вслед за ним руководитель отдела западных литератур В. М. Жирмунский остановился на специфических сложностях в работе отдела:

«О роли нашего отдела в критике современного западноведения и современного западного литературоведения. Что касается современного западного литературоведения, то эту тему мы можем поднять и будем в этом году поднимать. В этом году мы дали статьи

[349] Там же. Л. 50 об. – 51 об.
[350] Там же. Л. 59–59 об.

Смирнова и Реизова, посвященные истолкованию Шекспира и Бальзака. Мы будем иметь еще ряд таких статей. Смирнов, Державин и другие будут писать на эту тему.

Что же касается вопроса о занятии современной западной литературой, о ее разоблачении, то дело здесь обстоит недостаточно хорошо. Это не значит, что мы, западники — несовременные люди, если не занимаемся и не читаем современной западной литературы. Мы читаем и занимаемся современной советской литературой, и я хотел бы, чтобы на нас возложили обязанность участвовать в секторе современной советской литературы, но наши товарищи не проявляют острого интереса к современной болезненной, упадочной западной литературе. В порядке дисциплины можно предложить, но если нет внутреннего импульса, то это трудно.

Еще одна оговорка. Книги современной западной литературы проходят через цензуру политических органов, которые держатся по этому вопросу совсем не той точки зрения, чем та, которую подсказывает критика реакционных течений; они задерживают книги и отправляют их в секретное хранение, считая, очевидно, что больше пользы будет от того, что советские граждане не будут читать, чем нежели будут критиковать. Это расхождение между компетентными органами нашего Союза нужно было бы продумать до конца»[351].

Приехавший из Москвы профессор Н. Л. Бродский говорил не только о ситуации в ИМЛИ, но и о состоянии филологической науки вообще:

«Доклад нашего директора был озаглавлен: "Задачи Института мировой литературы в связи с итогами сессии Академии с/х наук". Там решались вопросы биологии, а в нашей резолюции было сказано, что вопросы биологии, решенные там в страстной борьбе, имеют прямое отношение к нам, филологам, потому что эта борьба шла как отражение борьбы между основными человеческими мировоззрениями: между материализмом и идеализмом, и поэтому призыв директивных органов подвести материалистическую основу под наше советское литературоведение — это то, над чем мы должны работать. До сих пор еще идеалистическая водичка то и дело течет по работам советских литературоведов. Только что закончилась так всенародно проведенная неделя памяти В. Г. Белинского, но декларативные заявления о том, что либеральная, народническая, меньшевистская, плехановская и другие точки зрения изжиты, что проблема ученичества Белинского снята, что вопрос об органической связи деятельности Белинского с русской народной почвой является фактом установленным, что проблема своеобразия, самобытности, оригинальности великого революционного демократа есть факт, всеми признанный, — это только декларация, а почти во всех работах, статьях и брошюрах все идет по-старому...»[352].

Вопроса действительной, а не декларативной перестройки работы коснулся также в своем выступлении заведующий отделом новой русской литературы Б. С. Мейлах:

«Весной, во время обсуждения в нашем институте задач борьбы с рецидивами школы Веселовского вспоминались слова академика А. С. Орлова о том, что с "девиацией на марксизм" эта школа "пригодна". Академик Орлов не был одиноким. Исходя из "девиации", то есть из желания "приспособить" буржуазные теории к марксизму, одни "соединяли" формализм с социологизмом, другие — компаративизм с социологизмом, третьи — позитивизм с формализмом и т. д. Кроме вреда такая эклектика ничего принести не могла. На этих же собраниях весной в Институте (и в Университете) мы заслушали

---

[351] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 12. Л. 61–61 об.

[352] Там же. Л. 62–62 об.

ряд выступлений наших сотрудников, признававших свои ошибки и осудивших формалистические теории, компаративизм, низкопоклонство перед Западом. С такими заявлениями выступали в этом зале Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский, М. К. Азадовский и другие. Теперь задача заключается в том, чтобы в самих работах этих сотрудников отразилась их методологическая перестройка. Нельзя допускать ни малейших рецидивов антимарксистских теорий»[353].

Главный редактор «Звезды» В. П. Друзин остановился на высказываниях В. М. Жирмунского:

«Я, не являясь работником этого Института, взял слово, потому что и доклад Л. А. Плоткина и выступления некоторых товарищей позволяют сказать о важных, насущных проблемах нашего литературоведения. Я не особенно хорошо понял ссылку В. М. Жирмунского на какие-то условия, в которые поставлены литературоведы, желающие разоблачать современную декадентскую западноевропейскую литературу. Насколько мне известно, много статей, в которых производится разоблачение реакционных писателей Запада, появляется в наших журналах. Но отсюда не следует делать вывод, что одновременно с этими статьями, разоблачающими буржуазных декадентских писателей, нужно издавать этих буржуазных декадентских писателей. Конечно, такие книги не следует издавать, а надо запрещать для того, чтобы очищать почву для роста революционной литературы...»[354].

Неминуемо должен был выступить и главный критикуемый — И. И. Векслер, который, понимая законы жанра, без труда признал критику:

«Моя книга об Алексее Николаевиче Толстом тоже страдает многими недостатками и партийная печать отметила их совершенно правильно, что обязывает меня пересмотреть концепцию моей книги»[355].

Далее последовало выступление В. П. Адриановой-Перетц от отдела древнерусской литературы и представлявшей отдел фольклора А. М. Астаховой, а также А. А. Смирнова. Этим первый день собрания завершился.

В целом выступления этого дня были достаточно сдержанными и касались в значительной мере рабочих вопросов деятельности Пушкинского Дома. Со стороны могло показаться, что после весенних штормов ситуация несколько успокаивается.

«Вечерний Ленинград» в статье, резюмировавшей заседание Ученого совета, несмотря на упоминания уличенных в формализме, даже отметил положительную динамику:

«После исторических решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и выступлений товарища А. А. Жданова советское литературоведение стало в большей мере отвечать требованиям, предъявляемым к нему нашей партией, советским народом. Однако до сих пор в среде литературоведов имеют еще хождение реакционные идеалистические “теории”.

Докладчик напоминает о формалистических ошибках, имеющихся в литературоведческих работах члена-корреспондента Академии наук СССР В. Жирмунского, профессоров Б. Томашевского, Б. Эйхенбаума, В. Десницкого и других»[356].

---

[353] Там же. Л. 65 об.

[354] Там же. Л. 67 об.

[355] Там же. Л. 69.

[356] За партийность в науке о литературе: На заседании ученого совета Института литературы Академии наук СССР // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 252. 24 октября. С. 3.

Но время уже не допускало таких вольностей — собрание не могло закончиться призывами и констатациями, а потому главные события были перенесены на вторник. Именно в этот день на трибуну поднимутся члены партбюро Пушкинского Дома, в том числе заместитель секретаря партбюро А. С. Бушмин, о котором стоит сказать несколько слов.

НИСПРОВЕРГАТЕЛЬ А. С. БУШМИН

Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела новейшей русской литературы и член парткома института Алексей Сергеевич Бушмин пришел в Пушкинский Дом после войны. Его путь в науку о литературе был непрост[357].

Родился он 15 октября 1910 г. в волостном центре Воронежской губернии — селе Левая Россошь, в крестьянской семье, в 1925 г. вступил в комсомол. Его alma mater стал Воронежский зоотехнико-ветеринарный институт, в который он поступил в сентябре 1929 г., а окончил в июле 1932 г. По окончании института А. С. Бушмин был определен на должность старшего зоотехника совхоза имени Сталина Воронежской области, а в январе 1933 г. был отозван на преподавательскую работу в родной институт. В декабре 1933 г. его штатная должность была ликвидирована, и с января 1934 г. он перешел в областную совпартшколу в г. Старый Оскол, а с мая того же года — в воронежскую Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу, где работал в должности ассистента кафедры экономики и организации сельскохозяйственных предприятий, параллельно публикуя очерки и даже стихи в газете «Воронежский комсомолец». В январе 1938 г., после ликвидации этого учебного заведения, А. С. Бушмин возвращается в родной зоотехнико-ветеринарный институт и трудится там до сентября 1939 г., параллельно обучаясь в экстернате факультета русского языка и литературы Воронежского пединститута. В этом же году в его биографии происходит решительный перелом: он получает кандидатскую карточку и как кандидат в члены ВКП(б) поступает в аспирантуру Московского института философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского, в парторганизации которого в мае 1940 г. меняет кандидатскую карточку на партбилет. Научным руководителем А. С. Бушмина официально становится А. М. Еголин, а темой исследования — творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но в действительности его подготовкой руководил Л. И. Тимофеев, в семинаре которого по русской литературе А. С. Бушмин принимал участие, а 20 февраля 1941 г. прочитал аспирантский доклад «Проблема сатиры»[358].

В МИФЛИ А. С. Бушмина застала война, но полученная им впоследствии медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» несколько возвышает его боевой путь. В октябре 1941 г. он был призван на военную службу, но из Москвы не уехал, поступив слушателем на общевойсковой факультет Военно-политической академии имени В. И. Ленина, вместе с которой был эвакуирован

[357] Биографические сведения почерпнуты в том числе из личного дела А. С. Бушмина: ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 3. Д. 317. Л. 1–37, аспирантского дела: ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 4. Д. 5. Л. 1–25; а также из кн.: Алексей Сергеевич Бушмин, 1910–1983 / Сост. А. С. Морщихина, Л. Г. Мироненко; вступ. статья В. Н. Баскакова / Материалы к биобиблиографии ученых СССР: Серия литературы и языка. М., 1990. Вып. 18.

[358] Текст доклада сохранился: АРАН. Ф. 1829 (Л. И. Тимофеев). Оп. 1. Д. 259. Л. 1–7.

в г. Белебей Башкирской АССР; по окончании академии, в ноябре 1942 г., он связал свою судьбу с Ленинградом. Здесь он был распределен в Ленинградское военно-политическое училище имени Ф. Энгельса, где с ноября 1942 г. по сентябрь 1946 г., до своей демобилизации из рядов РККА, состоял преподавателем основ марксизма-ленинизма.

Однако литературная наука продолжала привлекать капитана Бушмина, и в сентябре 1946 г. он подает документы в аспирантуру Института литературы АН СССР, но получает отказ. Только благодаря записке А. М. Еголина, тогда уже заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), его принимают, притом сразу на второй курс аспирантуры, но с условием замены темы. Оказалось, что в Пушкинском Доме нет мест для аспирантов по русской литературе, и тема о творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина была отклонена П. И. Лебедевым-Полянским, ввиду чего А. С. Бушмин начал работать над изучением творчества живого классика — А. А. Фадеева; одновременно с поступлением в аспирантуру А. С. Бушмин вошел в состав партбюро Института литературы[359]. 25 апреля 1948 г. он представляет к защите диссертацию на тему «Роман А. Фадеева “Разгром” и советская проза двадцатых годов». Тогда же он посылает текст диссертации для ознакомления самому Фадееву, который ответил далеко не сразу, только 11 октября:

> «Дорогой товарищ Бушмин!
>
> Извините за то, что так не скоро прочел Вашу работу и отвечаю Вам с таким опозданием.
>
> Ваша работа производит исключительно благоприятное впечатление своей любовью к предмету, научной добросовестностью, всесторонним охватом изучаемого явления...»[360]

Основные методологические установки диссертационной работы будущего академика и директора Пушкинского Дома легко усмотреть по нареканиям Фадеева:

> «Ваша работа излишне многословна. Каждую мысль вы разжевываете с излишней обстоятельностью и по нескольку раз к ней возвращаетесь. Это ослабляет внимание. Я все-таки советовал бы Вам меньше времени уделять предыстории романа, — в частности, тому же ростовскому периоду. В “предыстории” много гадательного. Конечно, я начал читать Ленина юношей, но переход к большей литературной простоте вряд ли был связан тогда непосредственно с высказываниями Ленина на этот счет, а скорее был порожден ходом самой жизни.
>
> Напрасно Вы категорически вымели Джека Лондона из числа моих литературных учителей. Вспомните только, в каком диком краю я вырос. Майн Рид, Фенимор Купер и — в этом ряду — прежде всего Джек Лондон, разумеется, были в числе моих литературных учителей. Замысел “Последнего из Удэге” не мог бы возникнуть в столь молодые годы без “Последнего из могикан” Купера.

---

[359] Некоторое время А. С. Бушмин пытался заменить тему, но институту были необходимы защиты диссертаций по советской литературе, и ему было отказано. Об этом свидетельствует диалог на партсобрании ИЛИ АН 19 января 1947 г.: «Тов. А. Бушмин — выражает недовольство, что до сего времени у него не уточнена тема диссертации и что ему не дают возможности взять старую тему, над которой он уже давно работает (Салтыков-Щедрин), для окончания которой ему необходимо еще не более одного года. <...> Л. А. Плоткин: Тов. Бушмин поставил дирекцию и меня в частности в очень неудобное положение. Он был принят в аспирантуру по советской тематике, а сейчас он претендует на другую тему. Поведение его нельзя не считать странным» (ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 4).

[360] *Фадеев А.* Собрание сочинений. Т. 7. С. 185–186.

> Мне кажется слабой и недоказанной в своих сопоставлениях с классиками, да еще и в мою пользу, глава о природе в "Разгроме". Природа, пейзаж — это дело настолько тонкое, что надо работать ланцетом и чрезвычайно осторожно. Вы же сделали все сопоставления грубовато, я бы сказал... "по-рапповски"»[361].

Несмотря на недочеты[362], 26 мая 1948 г. диссертация была успешно защищена: оппоненты В. А. Десницкий и В. А. Друзин выступили с положительными отзывами, а из 18 членов Ученого совета (за исключением В. М. Жирмунского, не присутствовавшего на защите) 16 проголосовали за присуждение искомой степени (1 бюллетень признан недействительным, так как был сдан обратно без всяких отметок); с 1 июня 1948 г. А. С. Бушмин был зачислен на штатную должность младшего научного сотрудника отдела новейшей русской литературы. Дальнейшая карьера его будет весьма типична для «человека 49-го года», эталоном которого А. С. Бушмин предстает во всей красе.

УЧЕНЫЙ СОВЕТ ПУШКИНСКОГО ДОМА. ДЕНЬ ВТОРОЙ

Второй день заседания начался в 13 часов выступлением заведующего отделом новейшей русской литературы В. А. Десницкого, который также держался в рабочих рамках, даже допуская некоторую живость речи: «Что же касается нашего отдела, отдела новейшей литературы, то мы еще в будущем дадим материал для дискуссии...»[363]

Достаточно сдержанными были выступления ученого секретаря института Б. П. Городецкого и младшего научного сотрудника рукописного отдела К. Н. Григорьяна. Обстановка переменилась с выходом на трибуну заместителя секретаря партбюро Пушкинского Дома, младшего научного сотрудника А. С. Бушмина.

В этот день Алексей Сергеевич Бушмин впервые примерил на себя роль непримиримого проводника принципов большевистской партийности. Он выступил против дирекции института и лично Л. А. Плоткина. Это выступление, которое мы приведем полностью по стенограмме, не только продемонстрировало политическое чутье будущего академика, но и позволило предугадать будущее Института литературы:

> «БУШМИН. Мужественная критика своих ошибок, смелое и искреннее желание рассчитаться с отсталыми взглядами, чтобы с чистой совестью двигаться вперед, — есть необходимое условие развития прогрессивной науки и обязательное качество подлинно народного ученого.
>
> Вспомним хотя бы пример из жизни первого русского революционера-литературоведа В. Г. Белинского, вспомним его честное мужество, с какими он сорвал с себя "дурацкий колпак Егора Федоровича", т. е. распрощался с консервативными догмами гегелевского идеализма.

---

[361] *Фадеев А.* Собрание сочинений. Т. 7. С. 186–187.

[362] Отрицательная рецензия была опубликована позднее в третьей книге «Нового мира» за 1949 г.: *Важдаев В.* Формалистская арифметика и ее политический смысл: (Бушмин А. С. «Идейно-образная концепция "Разгрома" А. А. Фадеева») // Новый мир. М., 1949. Кн. III. С. 254–257. В ответ А. С. Бушмин направил письмо в редакцию журнала и пожаловался А. А. Фадееву, который пообещал содействовать в публикации письма Бушмина в журнале (*Фадеев А.* Собрание сочинений. Т. 7. С. 201. Письмо от 17 мая 1949 г.), но публикации не последовало.

[363] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 12. Л. 78.

Поэтому отраден тот факт, что ученые-литературоведы нашего института, собравшись вместе, с большой энергией и искренностью подвергают обсуждению результаты своей истекшей работы, в чаянии вернее и лучше служить интересам советского народа. И мы, молодые литературоведы, с радостью слушаем выступления наших многознающих учителей. Мы учимся подавлять в себе мелкое чувство тщеславия и малодушия во имя ответственности перед народом.

Несомненно, что самой лучшей и сильной стороной выступлений является то, что ученые заявили, что нам не просто нужно быть лучше буржуазной науки, а нужно порвать с ней не только в смысле идеологии, а даже в таких моментах, как форма наших исследований, как язык, потому что мы — люди новой эпохи — не должны забывать того, что у нас не существует грани между интеллигенцией и народом нашей страны. Такова природа нашего общества.

Наше литературоведение слишком слабо помогает созданию идейных, ярких, глубоких и содержательных учебников для средней и высшей школы. По некоторым периодам истории литературы вообще не создано советских учебников. Наши коллеги на фронте биологии поставили вопрос — как довести биологию до колхозника. Я думаю, что литературоведы поставят так вопрос — довести литературоведение до школьника, что значит — до миллионов самых широких масс, до всех граждан нашей страны. Об этом говорили здесь. И это очень радостно. Вместе с тем было неприятно наблюдать, что наши ученые так напали на критику Леонтьева[364], с какой-то брезгливой миной отнеслись к его статье. Говорили, что он человек необразованный, забывая, что наиболее ценной критикой является та критика, которая идет из народа. Когда Лев Толстой поставил себе задачу — писать для народа, он даже к советам кухарки прислушивался. Так давайте будем последовательны в проведении в жизнь провозглашенного нами лозунга — довести науку до народа.

Замечалось также в выступлениях в прошлом заседании совершенно неправильное отношение у некоторых товарищей к критике. Критику они воспринимают как какое-то наказание, а критика в нашей стране — могучий метод воспитания. Человек ходит и не замечает своих недостатков. Он думает, что он полноценен. Ему указывают его ошибки, и он начинает исправляться. Поэтому смелую, нелицеприятную товарищескую критику нужно приветствовать.

С этой трибуны не может быть огульной, нигилистической критики ученых нашего коллектива, потому что они проделали большую работу, которую признает народ и партия, и наш коллектив представляет собой здоровый, крепкий организм. Все это верно, но этот здоровый организм страдает вполне определенными и подчас тяжкими, но излечимыми болезнями. Но во всех наших выступлениях болезнь нашего организма не получила наименования. Мы очень мало говорили о нашем Институте, а больше говорили о соседних учреждениях. Товарищи, которые стремились смягчить критику, молчаливо исходили из порочной моральной предпосылки, а именно: они сомневались в высоких моральных качествах критикуемых ученых, считали, что они обидятся за критику. Мы должны решительно отбросить такие обывательские соображения; надо служить делу, а не лицам. Большевистская критика смела по отношению к ученым, потому что партия уверена, что ученые выдержат эту критику и исправят допущенные ошибки. Такой критики у нас не было.

Как у нас прошли критические выступления? Некоторые наши ученые выступали и признавались, что они совершили такие-то ошибки, преимущественно в тех пределах,

[364] Речь о статье: *Леонтьев Н.* Затылком к будущему.

которые были установлены до этого прессой, почти никто не добавил от себя недостатки или ошибки, не выявленные в печати, никто не развил инициативу критики, которая, к сожалению, пришла извне. Но как бы то ни было, самокритика была в выступлениях, а критики совершенно не было. Был единственный профессор, который с этой трибуны заявил: "Товарищи, — сказал он, — мы должны не только критиковать себя, но критиковать друг друга, тогда только мы добьемся лучшего понимания своих задач". Это сказал Г. А. Гуковский, но, к сожалению, его разящий клинок критики, который всегда что-то обещает, на этот раз даже не сверкнул в воздухе и никого не затронул. Видимо, т. Гуковский тоже считает, что критика — обидная вещь, а не помогающая.

Я считаю, что одной из главных причин того, что прения на Ученом совете носили мало действенный характер, является сам характер товарища Л. А. Плоткина.

Товарищи, у нас это совершенно новый вопрос — вопрос о критике наших руководителей, но я его только намечу. Если считать, что т. Плоткин по его образу мыслей и по поведению является девственно непогрешимым, то и тогда его следовало бы упрекнуть за то, что он слишком индивидуален в своей чистоте и не стремится распространить ее на нас. Ленин писал: "Надо помнить, что политический руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им" (Соч[инения], т. XXVI, стр. 77). Но есть основание думать, что Л. А. Плоткин не только объективно виноват, не только виноват, как человек, который несет ответственность за руководимых, но и субъективно виноват, т. е. я считаю, что он в своей административной и научной деятельности допускает ошибки, являющиеся источником некоторых ненормальных явлений в Институте.

В докладе Л. А. Плоткина были сделаны некоторые общие формулировки, удовлетворяющие потребности взглянуть на события, происшедшие на фронте биологических наук, с научной высоты. В докладе были остроумные примеры, которые оживляли этот рассказ о событиях, но в докладе не хватало материала, связанного с жизнью Института.

Поэтому прикладное значение доклада Л. А. Плоткина оставляет желать много лучшего. Доклад не мобилизует нашего внимания на неотложное и коренное преодоление наших недостатков. В самом деле, долго готовились к выступлениям, заранее чувствовалась деятельная тревога в настроении ученых, предполагалось, что события, прошедшие подобно очистительной грозе в биологической науке, совершат практически нечто подобное и у нас. В этом есть необходимость, и это очень нужно. Но доклад т. Плоткина не развил этот творческий подъем. Эстетическое удовлетворение и моральное облегчение — вот что порешили при слушании этого доклада те работники, которым очень надо перестроиться, но некоторым не очень хочется перестроиться.

Проф[ессор] Плоткин умелой рукой провел корабль, уклонившись от боя с неприятелем. Экипаж испытывал только легкие покачивания и незначительные толчки. Л. А. Плоткин предпочитал говорить о литературоведах, не связанных с нашим Институтом — о Лежневе, Прийма[365] и т. д. Создавалось такое впечатление, что у нас в Институте нет литературоведов, на которых следует остановить критическое внимание.

---

[365] Прийма Федор Яковлевич (1909–1993) — литературовед, кандидат филологических наук (1941 г.; тема — «Лев Толстой во французской литературе XIX века»), участник войны, с 1 декабря 1945 г. по 1 мая 1946 г. младший научный сотрудник ИЛИ, с мая 1946 г. старший научный сотрудник ГПБ; с 1951 г. — в Пушкинском Доме, впоследствии доктор (1961 г.; «Шевченко и русская литература XIX в.»), с 1965 г. по 1978 г. заместитель директора ИРЛИ, в 1975–1977 гг. и. о. директора, лауреат Ленинской премии (1964).

За исключением И. И. Векслера, Л. А. Плоткин в своем докладе не дал персонального заострения критике, никого не задел за живое. В коллективе Института не оказалось членов более или менее больных какой-либо определенной болезнью, а весь коллектив оказался слегка и в среднем больным какой-то неопределенной болезнью. Вы хотели смягчить, Лев Абрамович, положение в Институте. Нет, так сглаживать недостатки, значит, мешать их искоренению. Вы хотели бы проделать всю операцию совершенно безболезненно, но болезни так не излечиваются, тем более застарелые. Немножко все-таки обязательно будет больно при лечении, но зато это приведет критикуемого в более здоровое хорошее состояние.

Я вспоминаю, что когда-то в газете “Культура и Жизнь”, в статье, подводившей научный и политический итог спорам о Веселовском, отмечалось, что Л. А. Плоткин занял в этих спорах эклектическую, либеральную позицию. К сожалению, это не было случайно.

В конечном счете, Л. А. Плоткин, совершенно правильно указав, что события, происшедшие на фронте биологии, имеют непосредственное отношение к нашему институту, отказался подтвердить чем-либо конкретно этот бесспорный тезис.

В литературоведческой работе нашего Института есть явление, однородное с тем, которое подвергнуто разоблачению в области биологической науки. Это — методологический отход от марксистского мировоззрения, это — отрыв от практики, от насущных, коренных потребностей советского народа, это — сам по себе работающий, замкнутый академизм. Я не беру на себя смелость определить размеры этого явления у нас, но констатирую, что оно есть.

Я хотел бы вынести на обсуждение Ученого совета несколько предложений. Выступившие здесь ученые не касались ниже предлагаемых мной мероприятий, и тем самым я поставлен в неудобное положение — говорить о том, что следовало бы сказать человеку с солидным ученым весом.

Первое предложение касается самого названия нашего учреждения. Название “Институт литературы (Пушкинский дом)” представляется мне недостаточно точным. Во всех республиканских академиях наук есть свой национальный институт литературы: Институт украинской литературы, Институт белорусской литературы, Институт грузинской литературы и т. д. В семье народов СССР русская нация является, по определению т. Сталина, ведущей; созданная ею литература является величайшей литературой мира. Фактически эта литература изучается в нашем Институте. Поэтому и Институт наш следовало бы назвать “Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)”.

Возражение может быть единственное: мы изучаем и западную литературу и будем постепенно овладевать изучением литературы народов СССР. Но по некотором размышлении такое возражение оказывается, в сущности, несостоятельным. Всякое явление жизни имеет несколько сторон. Название же явления, прежде всего, должно соответствовать главной сущности, центральному смыслу предмета. В центре у нас русская литература. Западную литературу мы должны изучить в связи с русской, литературы народов СССР — тоже.

Уточнение названия нашего учреждения подсказывается еще и следующим соображением: пережитки буржуазного литературоведения в нашей стране уже не имеют под собой объективной почвы, но они стремятся удержаться, цепляются за всевозможные мелочи. И мне кажется, что наименование “Институт русской литературы” было бы одновременно и ударом по пережиткам буржуазного космополитизма

и мелкобуржуазного национализма. Кстати сказать, Институт когда-то, если не ошибаюсь, по инициативе Горького, назывался так, как я теперь предлагаю его назвать. Итак, я думаю, что членам Ученого совета после, конечно, основательного обсуждения, надлежит возбудить ходатайство перед правительственными инстанциями о переименовании нашего Института в "Институт русской литературы (Пушкинский Дом)".

Второе предложение. В общем направлении исследовательской работы нашего коллектива наблюдается некоторая нездоровая тенденция к разработке, хотя бы и под знаком критики, проблем романтизма в ущерб проблемам реализма и, в особенности, в ущерб изучению революционно-демократической литературы. "Пушкин и романтизм", "Лермонтов и романтизм", "Герцен и романтизм" и т. д., темы очень часто уводят наших литературоведов в никчемные схоластические дебри философии Шеллинга, Канта, Гегеля, Бергсона и др. реакционных идеалистов. Следует сделать переакцентировку внимания на литературу реалистическую, основанием которой является, прежде всего, материалистическая философия.

Очень заметно, как наши сотрудники сектора новой литературы избегают тот период, когда проявление классовой и политической борьбы в литературе было наиболее острым. Основная линия движения литературоведов нашего Института (в XIX в.) минует 60-е годы, минует революционно-демократическую литературу. Некрасов и Щедрин у нас в Институте не звучат. В штате у нас нет специалистов по Некрасову и Щедрину.

Поэтому представляется целесообразной известная перестановка наших научных работников с менее важных на более важные участки. Кто этому воспротивится, тем можно предоставить возможность уйти из Института, заменив их людьми более подходящими.

Третье предложение. Формалистический подход к проблемам литературоведения в нашем институте все еще пользуется кредитом. Пережитки формализма у нас сильнее, чем в каком-либо другом литературном учреждении страны. Это — основной и серьезнейший недостаток в научной работе Института.

Конечно, медовые месяцы грубого, так называемого морфологического формализма остались лет на 20 позади. Формализм меняется, приспособляется, совершенствуется, прикрывает наготу своих исследований бесконечной вереницей мелких фактов литературного быта, но продолжает жить.

Излюбленным занятием новейшего формализма является раздувание, мистификация архивных пустяков, поиски "влияний" и жанровые сопоставления. Литературный процесс представляется неким замкнутым в себе имманентным движением, вторжение непосредственных сил общественной жизни недоучитывается, классовая борьба принимает только форму профессиональной борьбы между писателями, общественное бытие сужается до рамок литературного быта. Эта чрезмерная акцентировка внимания на чисто литературном генезисе, при непонимании решающей роли социального генезиса и классовой функции творчества, приводили в конце концов к уже осужденному методу компаративизма; в данном случае он применяется лишь в географически суженных масштабах, в пределах одной страны. От этого метод не перестает быть порочным.

Все пагубные последствия такого подхода к литературе вполне проявились в исследованиях нашего Института, посвященных Льву Толстому. Эта работа находится в противоречии с ленинской концепцией о Льве Толстом. Я знаю, что Б. М. Эйхенбаум — талантливый литературовед, но он не преодолел до конца своих прежних формалистических убеждений.

Формализм существует у нас не только как остаток старого формализма, но как явление заново возникающее.

Л. А. Плоткин в своем докладе привел примеры формалистического сопоставления произведений из книги Лежнева о Шолохове, но таких сопоставлений сколько угодно можно было бы найти у нас в Институте. Если бы вы сказали нет, то я привел бы вам такие формалистические сопоставления из работы Л. А. Плоткина.

Л. А. ПЛОТКИН. Мне интересно. Приведите!

БУШМИН. Ваше сопоставление "Трех сестер" Чехова с "Бретером" Тургенева ничем принципиально не отличается от сопоставлений Б. М. Эйхенбаума. Когда Л. А. Плоткин читал свою работу на заседании сектора новой литературы, то Б. М. Эйхенбаум почувствовал дыханье прежних лет и доклад похвалил, а Г. А. Бялый[366] в общем хотя и одобрил, но сказал, что некоторые сближения сделаны чересчур внешне. Не знаю, почему уж тут произошло братание формалистов с марксистами, но произошло.

Формализм временами начинает у нас захватывать кадры, которые только что вырастают. В подготовке новых кадров мы больше озабочены выработкой методики, профессиональной техники и мало уделяем внимания выработке, методологии марксистского идейно-эстетического мышления. Мне кажется, что нужно с большой осторожностью отнестись к жанровой формулировке диссертационных тем наших аспирантов, когда ими руководят не освободившиеся от формализма профессора Томашевский и Эйхенбаум. Такие темы, как "Драматургия Пушкина" или "Драматургия Толстого", были бы безопасны, если бы руководителями были, например, проф[ессора] Десницкий и Пиксанов. Представляется также нецелесообразной склонность брать в качестве кандидатской темы "раннего писателя". Начинающий исследователь, еще не имеющий достаточного представления о всем творческом пути писателя, о его зрелом облике, начинает работать в границах от рождения до первого произведения писателя. Не уяснив еще себе всей сложности претворения биографического материала в творческий процесс, молодой исследователь начинает протягивать прямые нити от биографии, от родословной, от фактов — культурно-литературной подготовки формирующегося писателя к его первым опытам. Так, устанавливается узко-биографический взгляд на творчество писателя. Далее. Как известно, следы разнообразных ранних чтений писателя обычно лежат на "поверхности" его первых произведений. Это естественно. Это — факт культурной подготовки человека. Но молодой исследователь, успевший, конечно, еще на студенческой скамье много наслышаться преувеличенных разговоров о "влияниях", начинает принимать факт усвоения литературной культуры за основной источник творчества. Тем самым прививается ошибочная тенденция к односторонним поискам литературных "влияний".

Л. А. Плоткин не соглашается со мной. Наши мнения расходятся по целому ряду вопросов. Но важно было бы присмотреться к фактам.

В заключение я должен сказать, что я присоединяюсь к главной и самой существенной мысли доклада Л. А. Плоткина, к мысли о решительном, настоящем повороте к советской литературе наших ученых и о создании в нашем Институте сектора советской литературы. Эту мысль поддерживал Г. А. Гуковский, который указывал на необходимость выработки марксистской методологии. И мне хотелось бы напомнить очень

[366] Бялый Григорий (Гирш) Абрамович (1905–1987) — старший научный сотрудник сектора новой русской литературы ИЛИ, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы ЛГУ.

важное принципиальное положение марксизма об отношении более ранних периодов в истории к более поздним. Маркс сказал, что "Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно. Буржуазная экономия дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Но вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые стирают все исторические развития и во всех общественных формах видят формы буржуазные. Можно понять оброк, десятину и т. д., если известна земельная рента, однако, нельзя отождествлять их с последней". Принципиальный методологический вывод Маркса имеет всеобщее значение для науки, имеет отношение к любой дисциплине. Недаром Маркс приводит пример из биологии и из общественной жизни. Если ученый изучает обезьяну ради человека своего времени, то он должен знать этого человека. Если буржуазное общество — ключ к пониманию античного общества, то в наше время мы можем и должны сказать, что социалистическое общество — есть современнейший ключ к научному уяснению исторического содержания всех предшествующих веков. Только знание социалистического общества дает возможность по-научному определить удельный вес каждого предшествующего общественного этапа.

Из марксистско-ленинской методологии закономерно следует, что советская литература, эстетика, социалистический реализм — ключ к литературе прошлых веков. Следовательно, изучение советской литературы не только дает народу нужные, руководящие книги, но и по-настоящему вооружает всех наших литературоведов марксистско-ленинской методологией и помогает быстрее и навсегда изжить пережитки буржуазной науки.

В заключение я хотел бы высказать такое пожелание, чтобы чаще на ученых советах ставились и обсуждались вопросы, направленные к непосредственному удовлетворению духовных и эстетических запросов советских рабочих и колхозников»[367].

Такая речь настолько была неожиданной, что буквально повисла в воздухе. Присутствующим было необходимо было перевести дух.

Выступивший затем член-корреспондент АН СССР Н. К. Пиксанов рассуждал исключительно о роли Академии наук СССР и о ее главном отличии от Императорской Академии наук — «принципе коллективизации».

Вышедший вслед за ним на трибуну Г. А. Бялый попенял А. С. Бушмину:

«Я считаю, что дело заключается не только в том, чтобы все время критиковать наши ошибки, нужно подумать о том, как бы избежать ошибки, не для того, чтобы прекратить критику. Критика начнется на новой основе, но чтобы критика не топталась на одних и тех же вопросах. Особенность нашего Института заключается в том, что мы можем искоренять ошибки не только в корне, но и на корню, до того, как они доведены до печати. Основная задача наших открытых заседаний сводится к тому, чтобы обсуждать ненапечатанные работы и указывать замеченные ошибки с тем, чтобы они были своевременно исправлены автором. Поэтому мне совершенно непонятно сегодняшнее выступление тов. Бушмина. Более полугода тому назад был доклад Л. А. Плоткина. Кое-кто высказался и указал недостатки. На этом докладе был и т. Бушмин, который, оказывается, увидел грехи формализма в этом докладе. Ну, что же мешало ему тут же сразу сказать, что здесь есть формалистические ошибки, предостеречь товарища. Однако, это сделано не было. Это большой недостаток, которого в будущем нужно избегать»[368].

---

[367] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 12. Л. 86–91.
[368] Там же. Л. 95 об. – 96.

Затем на трибуну поднялась П. Г. Ширяева, которая посвятила большую часть своего выступления работе отделу фольклора и его руководителю М. К. Азадовскому, который отсутствовал на заседании из-за болезни:

«Изучение советского фольклора — задача исключительной политической важности. Это — проверка нашей методологической зрелости, и в этом плане я рассматриваю критику Леонтьевым М. К. Азадовского. Много прошло времени с той поры, как фольклористы получили первые сигналы о необходимости перестройки работы. Развив совершенно правильно впервые в истории фольклористики теоретические положения, основанные на передовых воззрениях на народное творчество революционных демократов Белинского, Добролюбова, Чернышевского, М. К. Азадовский не применил, однако, этих положений в практической работе сектора. А ведь М. К. Азадовский первый изложил точку зрения Добролюбова на фольклор как живое творчество масс, как поэтическое отражение живой действительности. Казалось бы, из этого логически вытекала перестройка всей работы секторов. Но у нас не было достаточным изучение этого живого творческого процесса, происходящего в настоящее время. Не было сделано и другое. М. К. Азадовский ни разу не выступил в печати с критикой воззрений школы Веселовского, с программой перестройки изучения классического наследия фольклора»[369].

Вопросов фольклора, особенно новейшего времени, коснулся также В. Г. Базанов.

Но наиболее ожидаемое выступление последовало за ним: на трибуну поднялась секретарь партбюро Пушкинского Дома А. И. Перепеч; главная интрига состояла в том, поддержит ли она отповедь А. С. Бушмина или нет. Анна Ивановна, раскритиковав М. К. Азадовского, П. Н. Беркова, Г. А. Гуковского и прочих, в главном вопросе осталась на стороне дирекции:

«Я не согласна с оценкой Бушминым доклада Л. А. Плоткина. Л. А. Плоткин в своем докладе совершенно правильно вскрыл основные ошибки и недостатки в работе Института. Докладчик говорил о том, что в советском литературоведении еще не до конца изжиты ложные идеалистические либерально-буржуазные концепции. В своем докладе Лев Абрамович Плоткин на конкретных работах нашего Института говорил о том, что в наших работах все еще часто игнорируется принцип партийности, и забвение классовой борьбы имеет место в наших работах. Несмотря на большую критику на этом нашем собрании, мы все же еще не все вскрыли недостатки в работе нашего Института. Недостатков в работе нашего Института много, и дальнейшая наша задача заключается в том, чтобы в ближайшее время изжить эти недостатки и перестроить нашу научную работу в свете тех задач, которые стоят перед советским литературоведением»[370].

Выступивший в завершение этого большого двухдневного заседания Л. А. Плоткин вынужден был отвечать на критику А. С. Бушмина:

«Бушмин в своем горячем выступлении поставил целый ряд вопросов, больших и малых. Должен сказать, что мне понятна горячность его тона, ибо речь идет об очень больших вопросах нашей науки, и я считаю, что его призыв к прямому и резкому разговору совершенно правилен, но это не мешает мне в ряде пунктов с т. Бушминым не согласиться.

Я согласен с тем, что, может быть, в моем докладе следовало бы больше фактов привести. Но я не сделал это, потому что не считал возможным возвращаться к вещам, о которых мы говорили несколько месяцев тому назад. Напомню, что сравнительно недавно,

[369] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 12. Л. 97 об. – 98.
[370] Там же. Л. 100 об. – 101.

всего лишь несколько месяцев назад, мы подвергли на открытом заседании Совета самому подробному критическому рассмотрению работы нашего Института. Все здесь сидящие были на том заседании. Надо ли было снова повторять то, что говорилось там?

Я мог, конечно, привлечь еще несколько статей, могущих быть раскритикованными. Я предпочел пойти по другому пути. Я остановился на двух очень больших работах, еще не вышедших из печати, и постарался вскрыть их недостатки. Это — VIII том "Истории литературы" и сборник "Русская литература на Западе". Обе эти работы составляют около 100 листов и являются результатом усилий большого коллектива людей. Мне казалось практически более важным сосредоточить внимание именно на этих работах.

Кстати, достоин внимания тот любопытный факт, что Бушмин сам не привел никаких конкретных данных, никаких иных фактов, а ограничился многозначительными намеками на то, чего не ведает никто. В выступлении Бушмина было немало тенденциозного. Мое небольшое сообщение о "Трех сестрах" Чехова и "Бретере" Тургенева он называет формалистическим. Но если мы каждое сопоставление будем называть формализмом, то из этого ничего, кроме анекдота, не может получиться.

Нельзя думать, что все литературные сопоставления есть формализм и компаративизм. Литература складывалась под воздействием жизни, классовой борьбы. Но никакой писатель не может возникнуть и существовать на голой земле и в безвоздушном пространстве. Он имеет своих предшественников и своих соседей. И исследовать литературные традиции — не значит впадать в формализм.

Я решительно не согласен с т. Бушминым, когда он представляет дело так, будто Институт игнорирует революционных демократов. Я хочу думать, что Бушмин сказал это только потому, что он не знает работы Института. Но и это не делает чести т. Бушмину. Нельзя бросаться серьезными обвинениями, не зная существа дела. Напомню, какие работы по революционным демократам у нас имеются. Из стен Института вышла монография о Белинском. Белинским занимается у нас т. Мордовченко. Некрасовым занимается В. Е. Евгеньев-Максимов. Щедриным занимается т. Макашин[371], кроме того, о Щедрине пишут докторские диссертации т.т. Папковский и Бухштаб, о Добролюбове — Рейсер; из стен Института вышла монография о Писареве. Недавно вышли два тома "Литературного наследства", посвященные Некрасову, в ближайшее время выходит том "Литературного наследства", посвященный Белинскому. Как можно после этого такие безответственные вещи говорить?

БУШМИН. А кто у вас в штате?

ПЛОТКИН. Насчет штата. Смешно требовать, чтобы Институт имел у себя в штате специалистов по всем решительно писателям. Но тем не менее, у нас представлены очень полно в штате специалисты по революционно-демократической литературе: т.т. Мордовченко, Макашин, Евгеньев-Максимов, И. И. Векслер, Григорьян, Десницкий и ряд других. Как можно после этого бросаться такими обвинениями? Это по меньшей мере не серьезно.

Еще одно утверждение Бушмина. Он изображает дело так, что есть в Институте люди, на которых можно махнуть рукой. Они, дескать, формалисты, и чего, мол, можно

[371] Макашин Сергей Александрович (1906–1989) — старший научный сотрудник ИЛИ (с исполнением работ в Москве), специалист по творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина, кандидат филологических наук; впоследствии за монографию «Салтыков-Щедрин: Биография» был удостоен Сталинской премии II степени (1950), а в 1961 г. — степени доктора филологических наук без защиты диссертации.

ждать от них. Такие нотки прозвучали у Бушмина по отношению к Эйхенбауму. Можно ли с этим согласиться? По-моему, нет. Эйхенбаум и другие ученые допустили немало ошибок. Есть формалистические пережитки у него и в последних работах. Но надо ли брать под сомнение его искреннее желание перестроиться? Он пишет сейчас работу о Толстом. Подождем — увидим. Эта работа покажет, удалось ли Эйхенбауму освободиться от былых ошибок. Во всяком случае, у меня большее доверие к нашим ученым, чем у Бушмина, и я, видимо, больше верю в благотворную воспитательскую силу большевистской критики»[372].

Таким образом, итогом этого заседания Ученого совета стоит признать не критику отдельных ученых или научных школ, а начало борьбы будущего академика А. С. Бушмина против дирекции Пушкинского Дома за «место под солнцем», и в этой борьбе он всего через полгода, используя как политическую ситуацию, так и собственные способности, одержит уверенную победу.

Что же касается принятой в заключение второго дня резолюции, то она хотя и содержит все важнейшие идеологические установки, однако вовсе не отражает выступления А. С. Бушмина, что свидетельствует о единодушном к нему отношении в тот момент:

«I. Ученый Совет института литературы Академии наук СССР, заслушав доклад и. о. директора Института, доктора филологических наук, профессора Л. А. Плоткина, считает, что доклад академика Т. Д. Лысенко "О положении в биологической науке", одобренный ЦК ВКП(б), решения августовской сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина и расширенного заседания Президиума Академии наук СССР являются исторической вехой на пути развития не только биологии, но и всех отраслей советской науки. В свете этих решений стала очевидной та борьба, которая происходит как в биологии, так и в других областях советской науки между двумя диаметрально противоположными направлениями: направлением прогрессивным, материалистическим и направлением реакционно-идеалистическим. В науке о литературе также еще не до конца изжиты реакционные идеалистические, либерально-буржуазные концепции и недостойное советского ученого раболепие перед буржуазной наукой. На современном этапе, когда перед нашей страной реально встала проблема перехода к коммунизму и когда со всей остротой развертывается идеологическая борьба против империалистической реакции во всем мире, задача окончательного уничтожения пережитков капитализма в сознании советских людей, задача полного разоблачения всех проявлений реакционной буржуазной идеологии становится особенно актуальной.

II. В свете постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства Институт литературы начал творческую перестройку своей работы, осудив пропаганду либерально-буржуазной методологии А. Н. Веселовского, безыдейный формализм и низкопоклонство перед буржуазной культурой в работах ряда сотрудников Института. Подвергнуты критике и осуждены формалистические принципы в работах: В. М. Жирмунского, Б. М. Эйхенбаума, Б. В. Томашевского; проявления реакционного компаративизма — в работах М. П. Алексеева, М. К. Азадовского, В. А. Десницкого, В. П. Адриановой-Перетц. Однако творческую перестройку Института ни в коей мере нельзя считать завершенной. В ряде работ сотрудников Института, вышедших в печати в последнее время и еще находящихся в производстве, вновь допущены серьезные ошибки. Особенно это относится к вышедшим томам "Истории русской литературы" (I, II, III, IV и V). Эти тома нашли высоко принципиальную критическую оценку в статье "За марксистскую

[372] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 12. Л. 104–105 об.

историю литературы" ("Культура и жизнь", № 29, от 10 октября 1948 г.). Забвение ленинского принципа партийности науки, объективистские тенденции, пережитки компаративизма и низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада — все это справедливо было отмечено газетой "Культура и жизнь".

III. Ученый совет Института отмечает, что в I и II томах "Истории русской литературы" слабо раскрыто отражение классовой борьбы в литературе древней Руси (в статьях члена-корр[еспондента] АН СССР В. П. Адриановой-Перетц и ст[аршего] научного сотрудника Д. С. Лихачева) и неправильно решается вопрос о национальной самобытности древнерусской литературы (в статьях проф[ессора] И. П. Еремина и проф[ессора] М. О. Скрипиля); отсутствие четкого классового анализа, пережитки космополитизма и формализма сказались в ряде глав и III, и IV томов — редакторы проф[ессор] В. А. Десницкий и проф[ессор] Г. А. Гуковский.

IV. Ученый совет Института считает, что следование ложной теории "единого потока" в истории русской литературы и забвение принципа партийности привело ст [аршего] научного сотрудника И. И. Векслера к ряду крупнейших ошибок в анализе творчества А. Н. Толстого в монографии "Алексей Николаевич Толстой. Жизненный и творческий путь", 1948 г., на что справедливо было указано в журнале "Большевик". Ученый совет считает серьезной ошибкой, что монография И. И. Векслера не была своевременно обсуждена на заседаниях сектора новейшей русской литературы и Ученого совета Института.

V. Ученый совет считает, что сектор фольклора допустил серьезные ошибки в изучении советского фольклора в работах М. К. Азадовского, А. М. Астаховой, В. Г. Базанова; стремление к архаизации советского фольклора, игнорирование новых явлений в фольклорном творчестве, отсутствие теоретической разработки вопроса о существе и характере фольклора на новом этапе развития нашей страны. Плохо поставлено собирание советского фольклора.

VI. Ученый совет отмечает в работе сектора западноевропейских литератур пережитки компаративистской методологии, которые особенно сильно сказались в I и II тт. "Истории французской литературы"; сектор западноевропейских литератур до сих пор не включился в активную борьбу по разоблачению современной буржуазной реакционной литературы и не изучает положительные явления в демократической литературе современного Запада (зав. сектором В. М. Жирмунский)»[373].

Мнение А. С. Бушмина и полемика с ним не вошли также в отчет о заседании, включенный в новостную ленту Ленинградского отделения ТАСС[374].

Г. П. БЕРДНИКОВ — ДЕКАН ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

В Ленинградском университете события развивались несколько иначе: если в Пушкинском Доме кадровые изменения еще только зарождались, то на филологическом факультете они уже шли полным ходом. Ольга Михайловна Фрейденберг записала:

«...Атмосфера клеветы, сплетен, лжи, за мной шпионили и контролировали каждый шаг. Я находилась в трясине, исчерпать которую было невозможно никакими ведрами.

---

[373] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ РАН). Оп. 1 (1948 г.). Д. 12. Л. 107–109.

[374] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 147. Л. 144–145 («За большевистскую идейность советского литературоведения»).

Среди студентов вечно раздували какое-то неопределенное недовольство, жалобы, склоки, что-то неизбывное, неясное, гнойное. Я хотела уйти — и ног нельзя было поднять. Надо мной что-то нависало, угрожало, впутывало меня, окутывало таинственной паутиной. Что-то вонючее текло у моих ног, аморфное, неуемное, и нагнеталось с каждым часом. Нарочито создавалась нервозность. Били исподволь по моим нервам, по моему мозгу»[375].

9 октября она писала своему двоюродному брату Б.Л. Пастернаку:

«Сейчас я нахожусь в периоде, когда эти дела стоят ребром. Мне созданы возмутительные условия, от которых я освобожусь во что бы то ни стало, ценой уступки кафедры, мной созданной впервые в СССР, 16 лет руководимой мною, — большого дела моей жизни.

Однако наш новый ректор — невиданное существо, прекрасный человек, отказавшийся дать меня на поруганье. Мои ученики были у него, и он отставки не принимает»[376].

Ситуация была тяжела не только для Ольги Михайловны — это была всеобщая газовая камера, выживал только новый вид.

«Декан [Р.А. Будагов] бездействовал и хлопотал об уходе. Его “замы” и “помы” бездействовали, стремясь бежать со своих бесперспективных тяжелых должностей. В этой обстановке Бердников (ассистент!) произвел себя в деканы, по-видимому, по блату Дементьева. Бердников (невежда и хам, с лицом неандертальца), человек циничный, любитель девушек и водки <...> молодой парень, был “воспитан” партией на заушеньи»[377].

Особенно был внушителен перечень научных трудов нового декана филологического факультета Ленинградского университета — это две (!) небольших публикации в «Вестнике Ленинградского университета» за 1948 г., одна из которых — тезисы его кандидатской диссертации.

Г.П. Бердников стал последним участником, если выразиться образно, «тройки 49-го года»: Дементьев—Бушмин—Бердников. Именно эти три человека приняли самое большое личное участие в уничтожении науки о литературе в послевоенном Ленинграде. Пользуясь политической линией, проводимой руководством страны, они преследовали и личные, корыстные интересы и в итоге добились результатов как для партийно-государственной машины, так и для себя.

В начале 1948 г., когда карьера будущего директора Института мировой литературы и члена-корреспондента Академии наук СССР Г.П. Бердникова (1915–1996) начала свой стремительный взлет, университетская газета в день РККА посвятила ему специальную заметку:

«Тысячи лучших людей нашего университета в годы Великой Отечественной войны честно выполнили долг советских патриотов. Полезно почаще напоминать об этом сотням и тысячам новых студентов и аспирантов, которые ежегодно приходят в университет и воспитываются в его большом коллективе.

Аспирант кафедры русской литературы Георгий Бердников к июню 1941 года за один год выполнил весь учебный кандидатский минимум. Ему открывалась прекрасная возможность на протяжении оставшихся двух лет отдаться творческой работе над диссертацией.

---

[375] *[Пастернак Б.Л.]* Пожизненная привязанность... С. 310.

[376] Там же. С. 311.

[377] *Фрейденберг О.М.* Записки.

Но началась война, и увлекательность литературоведческих проблем сразу потускнела перед грозным величием борьбы, которую предстояло выдержать советскому народу. Как десятки тысяч славных ленинградцев, Георгий Бердников, не ожидая повестки, вступил в отряд народного ополчения. Аспирант Бердников стал рядовым разведчиком одной из частей Ленинградского фронта. Он не имел ни военного образования, ни военного звания, но был боевым разведчиком, и через несколько месяцев его послали на курсы усовершенствования командного состава, откуда он скоро вернулся на фронт помощником начальника штаба отдельного батальона.

Был тревожный сентябрь 1942 года. Немцы уже осаждали Сталинград и подходили к Москве. И тогда Бердников вступил в ряды нашей партии. С батальоном он участвует в форсировании Невы, затем в боях на "Пятачке" в районе Невской Дубровки, а зимой в боях по прорыву блокады. Здесь был ранен. После излечения он снова на Ленинградском фронте, в боях под Синявином, а весной 1944 года — в победном сражении по снятию блокады. Под Нарвой разведчик Бердников был вторично и тяжело ранен. Прошедшим горнило войны хорошо знакома острая и суровая служба разведчика. Правительство наградило тов. Бердникова Орденом Отечественной войны и двумя медалями.

Теперь Георгий Бердников снова в родном университете. Он энергично и поделовому участвует в жизни факультета. Демобилизовавшись в августе 1946 года из армии и восстановившись в аспирантуре, он еще с большим увлечением, чем до войны, взялся за литературоведческие исследования и теперь уже представил к защите диссертацию "Драматургия Чехова", в которой дал новое освещение чеховского драматургического наследия. В сентябре 1947 года он был зачислен младшим научным сотрудником Научно-исследовательского института и ассистентом кафедры русской литературы. В октябре 1947 года партийной организацией факультета Георгий Бердников избран секретарем партбюро.

Честно выполнив воинский долг советского патриота, теперь он организует коммунистов факультета для образцовой учебы и разносторонней работы по воспитанию новых кадров советских филологов-патриотов»[378].

Георгий Петрович Бердников родился 21 июня 1915 г. в Ростове-на-Дону в семье мещан. В 1931 г. окончил семилетнюю школу, с 15 апреля по 26 сентября 1932 г. — чернорабочий вулканизационной мастерской в Ростове-на-Дону, с 26 сентября 1932 г. по 30 января 1933 г. — чернорабочий авторемонтных мастерских, с 1 февраля 1933 г. по 30 октября 1934 г. — студент рабфака при Ростовском институте инженеров железнодорожного транспорта, после чего переезжает в Ленинград и поступает в ЛИФЛИ (впоследствии включенный в состав ЛГУ), учится на одном курсе и в одной группе с Л. М. Лотман[379], И. З. Серманом[380], Г. П. Макогоненко. В 1939 г. заканчивает филологический факультет Ленинградского университета.

---

[378] *Ольховский В.* Он защищал Ленинград: [О Г. П. Бердникове] // Ленинградский университет. Л., 1948. № 7. 23 февраля. С. 2.

[379] Лотман Лидия Михайловна (1917–2011) — литературовед, кандидат филологических наук (1946 г., тема — «А. Н. Островский и натуральная школа 40-х годов»), сотрудник ИЛИ с 1946 г.; впоследствии доктор наук (1972 г., тема — «Русская художественная проза 1860-х годов»).

[380] Серман Илья Зеликович (Захарович) (1913–2010) — литературовед, текстолог, ученик Г. А. Гуковского. С отличием окончил русское отделение филологического факультета ЛГУ (1939 г.), активный комсомолец, кандидат филологических наук (1944 г., тема — «Роман Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание"»); 6 апреля 1949 г. арестован, в 1949–1954 гг.

Значительных сложностей стоил ему арест отца в начале 1938 г., который был осужден на восемь лет, но после пересмотра дела приговор был отменен и заменен пятилетней высылкой в Казахстан.

По окончании ЛГУ Г. П. Бердников получил распределение в г. Киров, где с 1 октября 1939 г. по 1 сентября 1940 г. состоял в должности исполняющего обязанности доцента и заведующего кафедрой русского языка и литературы Учительского института иностранных языков, совмещая это с чтением лекций по русской литературе в пединституте имени В. И. Ленина. В сентябре 1940 г. он поступает в аспирантуру филологического факультета ЛГУ и закрепляется за кафедрой истории русской литературы.

13 июля 1941 г. уходит добровольцем на Ленинградский фронт, где служит в действующих стрелковых частях (пехота) — сперва, в силу знания немецкого языка, рядовым ополченцем в разведроте, затем офицером, начальником полевой разведки стрелкового полка. В сентябре 1942 г. принят политуправлением 11-й Отдельной стрелковой бригады в члены ВКП(б). Участвовал в форсировании Невы, в прорыве и снятии блокады Ленинграда (за что награжден орденом Отечественной войны II степени). Дважды ранен — в 1943 и 1944 гг. После второго ранения переведен из стрелковых частей в военно-воздушные войска, а в августе 1946 г. демобилизован в звании капитана с должности начальника штаба части.

1 октября 1946 г. восстановлен в аспирантуре филологического факультета аспирантом третьего года обучения; летом 1947 г. он закончил аспирантуру. В июле, в связи с организацией Филологического научно-исследовательского института, Г. П. Бердников был оставлен в ЛГУ на должности младшего научного сотрудника этого НИИ и с 1 сентября приступил к работе[381], совмещая ее, по ходатайству Н. И. Мордовченко, с работой ассистента кафедры истории русской литературы. В октябре 1947 г. Г. П. Бердников избирается секретарем партбюро факультета.

14 февраля 1948 г. исполняющий обязанности ректора университета С. В. Калесник подписал приказ «о допуске к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук <...> Бердникова Г. П. — на тему «Драматургия Чехова 1890–1900 гг.». Официальными оппонентами назначить доктора филологических наук, профессора Г. А. Бялого и доктора филологических наук, профессора Л. А. Плоткина»[382]. Защита успешно состоялась 4 марта 1948 г.[383]

9 марта 1948 г. заведующий кафедрой истории русской литературы профессор Г. А. Гуковский подал в деканат на имя Р. А. Будагова заявление о переводе Г. П. Бердникова на должность старшего преподавателя, причем приложил к нему записку личного характера, в которой подчеркивал, что «нет никаких оснований держать Г. П. Бердникова в состоянии ассистента». 31 марта 1948 г. приказом исполняющего обязанности ректора Ю. И. Полянского он был назначен старшим преподавателем кафедры[384], а с 14 апреля и заместителем директора Филологического НИИ, директором которого был М. П. Алексеев.

Приведем рассказ И. З. Сермана, события которого относится к осени 1948 г.:

работал в «Дальстрое» (Магаданская обл.), реабилитирован в 1961 г.; впоследствии доктор филологических наук (1969 г., тема — «Русская поэзия XVIII века (от Ломоносова до Державина)»); эмигрировал.

[381] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 1708 от 19 июля 1947 г.

[382] Там же. № 286 от 14 февраля 1948 г.

[383] Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 45. 24 февраля. С. 2.

[384] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 555 от 31 марта 1948 г.

«С Бердниковым мы учились вместе на филологическом факультете пять лет в одной группе, не то, чтоб дружили, но и не враждовали. Человек он умный, и жизненный опыт научил его разбираться в людях и делать ставку наверняка. В Университете ему мешала делать политическую карьеру посадка отца по какому-то "бытовому", то есть торговому делу. На войне он попал в одну из самых кровавых мясорубок Ленинградского фронта, был ранен, уцелел, вступил в партию. Вернувшись из армии, стал аспирантом профессора П. Н. Беркова, писал диссертацию о Чехове и стал делать политическую карьеру в обстановке 1946–1949 гг.

Г. А. Гуковский был популярен среди молодежи филологического факультета, и дом его был широко открыт для нас. Бердников в эти годы в доме Гуковского был своим человеком. Даже защиту своей диссертации он отмечал дружеской пирушкой у них. И все было очень хорошо до того момента, когда в 1948 г. Бердников пришел к Гуковскому советоваться — принимать ли ему, только что защитившему диссертацию аспиранту, пост декана филологического факультета. "Вы сошли с ума, Георгий Петрович, — закричал на него Гуковский. — Вы же невежественный человек, как вы можете об этом думать". Не знаю, что ответил Бердников, но пост он принял, а обиду запомнил»[385].

Аналогичные сведения приводит М. В. Иванов, ученик Г. П. Макогоненко:

«Малокультурный, но хваткий, Бердников при ясной помощи Гуковского после войны написал кандидатскую диссертацию. И тут же Бердникову предложили стать деканом филфака (воевал, нужного происхождения, партиец). Когда Бердников спросил Гуковского, стоит ли ему занимать деканское кресло, тот ответил (в пересказе Г. П. Макогоненко): "Голубчик, на филфаке профессора — светила, они говорят на нескольких языках, а вы и в русском-то делаете ошибки"»[386].

25 сентября 1948 г. ректор ЛГУ Н. А. Домнин подписал приказ:

«Освободить с 20 сентября с. г. по собственному желанию от занимаемой должности декана филологического факультета профессора Будагова Р. А.

Назначить с 20 сентября с. г. и. о. декана филологического факультета кандидата филологических наук Г. П. Бердникова»[387].

Тогда же Г. П. Бердников оставил пост заместителя директора Филологического НИИ. 29 октября Г. П. Бердников был утвержден в должности декана постановлением бюро райкома ВКП(б)[388], после чего документы о его утверждении отправились в Министерство высшего образования СССР. Соответствующий приказ был подписан заместителем министра А. М. Самариным спустя более чем полгода — 13 апреля 1949 г., когда Георгий Петрович доказал свое умение руководить факультетом в требуемом ключе. 26 апреля 1949 г. он был наконец лишен приставки «и. о.» приказом по ЛГУ[389].

Емкий, можно сказать, социальный портрет декана оставил хорошо его знавший Ю. М. Лотман:

---

[385] *Серман И.* Григорий Гуковский (1902–1950). С. 209.

[386] *Иванов М. В.* Звезда Гуковского // Санкт-Петербургский университет. Л., 2002. № 13 (3602). 5 июня. С. 15.

[387] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 1946 от 25 сентября 1948 г.

[388] Протокол № 43 от 29 октября 1948, п. 7: «Утвердить т. Бердникова Георгия Петровича деканом филологического факультета Ленгосуниверситета...» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (ВО РК ВКП(б)). Оп. 5. Д. 87).

[389] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 757 от 26 апреля 1949 г.

«Могу, стараясь сохранить объективность, сказать, что Бердников был не глуп, жесток только в той мере, в какой это было необходимо ему для карьеры (в этой ситуации он был беспощаден), уничтожал людей по холодному расчету, но без удовольствия — а это, знаете, очень много»[390].

«МЕРОПРИЯТИЯ» В УНИВЕРСИТЕТЕ

В день первого заседания в Пушкинском Доме, 23 октября 1948 г., ректор ЛГУ Н. А. Домнин подписал приказ «О мероприятиях в связи с решениями августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина», далеко не первый по этому вопросу. Необходимо было директивно ввести в круговорот событий остальные факультеты ЛГУ:

«Итоги августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук и доклад ее президента — академика Т. Д. Лысенко, рассмотренный и одобренный ЦК ВКП(б), блестяще продемонстрировали победу передовой мичуринской биологической науки. <...>

Биологический факультет Университета, создавший ряд прогрессивных научных школ, вместе с тем в течение многих лет являлся одним из главных очагов распространения морганизма-менделизма в нашей стране. В последнее время группа морганистов и их пособников пыталась организовать открытую травлю мичуринцев, которым не оказывалось должной поддержки со стороны руководства Университета, примиренчески относившегося к пропагандистам вейсманизма-морганизма в стенах Университета. Ученый совет Университета не заслушивал и не обсуждал проблем мичуринской биологии, не рассматривались на Ученом совете и другие вопросы принципиального мировоззренческого и методологического значения.

Значение решений августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина не ограничивается только биологическими науками. Эти решения, так же как и предыдущие постановления ЦК ВКП(б), имеют самое непосредственное отношение и ко всем остальным наукам, свидетельствуют о необходимости перестройки всей нашей науки в сторону придания ей большей идейно-политической направленности, изгнания из нее сохранившихся до сих пор элементов низкопоклонства перед иностранщиной, формализма, объективизма и всякого рода чуждых нам идеалистических концепций. Наша советская наука должна служить народу, смело ставить и решать практически важные проблемы. От этого зависит в настоящее время скорейшее завершение построения коммунистического общества, безопасность и благосостояние нашего народа.

Перед коллективом Ленинградского Университета, в частности, перед его учеными, сейчас поставлена серьезная задача: опираясь на единственно правильное, победоносное учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, направить все свои усилия, весь свой творческий энтузиазм на решение важнейших проблем строительства коммунистического общества. Единство теории и практики, народность науки, ее методологическая целеустремленность должны стать руководящими принципами в научной, учебной и просветительной деятельности Университета. Решая эту основную задачу, научные работники Университета должны страстно и непримиримо бороться

[390] *Лотман Ю. М.* Воспоминания // *Егоров Б. Ф.* Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. С. 311.

со всеми проявлениями метафизики и идеализма, в каких бы формах они не проявлялись, должны разоблачать и искоренять остатки вейсманистско-морганистской мистики, должны добиваться высокого идейно-политического уровня всей деятельности Университета»[391].

На филологическом факультете было проведено открытое заседание Ученого совета, где громились формалисты, как историки литературы, так и лингвисты. Не имея стенограммы или протокола этого собрания, ограничимся его описанием, зафиксированным О. М. Фрейденберг. Эти строки оказываются красноречивее стенограммы:

«На днях опять прошло факультетское заседание с "чисткой" всех кафедр. Предмет заседанья анекдотичный: об отношении сельскохозяйственной дискуссии к филологии.

Бердников произнес "тронную речь", в которой не мог выговорить "Бодуэн де Куртенэ", а шлепал "Кутрене", "Кутрун" — и бросил. В публике раздался смех. Но оратор, не смутившись, продолжал критиковать "Крутрене". Два стража находились здесь же: Дементьев — по литературе, Кацнельсон — по лингвистике. Я первый раз слушала Кацнельсона — чекиста, "марровца", тяжело бездарного товарища. Оказалось, он не умел говорить по-русски. С сильно еврейским акцентом, картавя, он чувствовал себя ортодоксом и отчитывал специалистов по лингвистике. Что до Дементьева, то на сей раз он прикинулся простоватым мужичонком; изволил шутить, акать, мэкать; добродушно взывал — "товарищи, книжки пишите, будем печатать, давайте книжки, — где они книжки-то ваши? Почему не пишете? Не даете?"

Потомки никогда не поймут убийственного характера подобных "заседаний". В каком напряжении сидели профессора! Каждый ждал, что вот сейчас его публично осрамят, бесцеремонно, оскорбительно. И каждого называли, срамили, оскорбляли. Я смотрела на седых, молчаливых людей; они сидели и делали вид, что спокойны, но уши у них горели, лица были бледны, и они старались скрыть волненье. Даже у Жирмунского сделался сердечный припадок. Эйхенбаум лежал с инфарктом сердца. <...>

Цинизм нападок на меня Бердникова не поддается описанию. Он хлестал меня весь вечер, но так как никакого материала у него не было, то он оперировал прошлогодней мелкой клеветой»[392].

Ораторы филологического факультета, если говорить о великом русском языке, отражали «дискурс» эпохи:

«Ни один человек не мог считаться ни умным, ни талантливым, ни благородным. Я хочу сказать: ни один имярек. Если побеждал футболист, шахматист <...>, музыкант, то это был не он, а сила Сталина, стоящий за ним "народ", чьим он был лишь орудием. Все победы, все успехи, все достижения на войне и в труде шли в карман Сталина. Это отражалось в языке. Появился стоячий эпитет "сталинский". Он прилагался ко всему положительному, к людям, событиям, временам года, вещам, местностям. Слово "хорошо" исчезло, потому что его, как понятия, не стало. Говорили "неплохо", "не плохо". В языке сказывалось подхалимство и взнуздыванье, вздуванье понятий о чинах: "верховное главнокомандованье" или "академик профессор такой-то". Опошлялись высокие и сильные значенья слов: "неугасимое пламя соцсоревнованья"...

[391] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 2125 от 23 октября 1948 г.

[392] *Фрейденберг О. М.* Записки. Оговоримся здесь, что, несмотря на свою неблаговидную роль, Соломон Давидович Кацнельсон (1907–1985) был классиком языкознания, который «капитальными трудами обогатил советскую германистику» (см.: *Бернштейн С. Б.* Указ. соч. С. 272).

Слова, как “родной”, “любимый”, “друг”, “отец”, “учитель”, прилагаемые ежеминутно к Сталину, стерлись и стали почти юмористическими (или “мудрый”). Таковы были значенья слов “подъем”, “воодушевленье”, “энтузиазм”, рыночные сталинские слова (“собрание с большим подъемом приняло обращение к товарищу Сталину” и другие клише). Язык стал содержать куски общих мест, полицейский эпический язык. Одинаковые мысли, одинаковые стоячие выражения никогда не грешили ошибками. Только письменные слова неизменно становились “грубейшей ошибкой”. Культура языка была низкой. Опошлились высокие смыслы. Масса безграмотной пошлости (“психует”, “ни в какую”, “на большой палец”, “она переживает” и тысячи блатных слов из воровского арго) вошла в язык наряду с газетным напыщенным стилем, невыносимо фальшивым. В научной литературе преследовались иностранные термины, а газета орудовала такими словами, смысла которых не понимала и я. А ударения! Гремели о великом русском языке, а Сталин говорил по радио “ко́лос на глиняных ногах” (вм[есто] коло́сс!)[393]. Эти нюрнбергские молодчики из Москвы заперли страну и хлеба не дали права кушать. Они назвали себя “министрами”! Косыгин, председатель этих министров[394], выступая по радио, начал: “По при́зыву великого вождя...” А дикторы произносили “Гете” (Гиоте), Кони́, Мусорогский, Ре́не, Шаляпинов. Французские имена получали ударение на предпоследнем слоге, немецкие — на последнем (последнее ударение было стихийно принято всей Россией и уже вошло в употребление).

Однако, если конкретный человек не мог быть ни умным, ни талантливым, — эти качества принадлежали одному Сталину, — то абстрактный “советский” человек не смел описываться ординарно. Несмотря на вопли о реализме, реализм карался ссылкой. Единственный жанр, который культивировался, была схематическая утопия. Все персонажи имели свои утопические маски: суровые, честные, мужественные борцы; гордые, целеустремленные, героические девушки; низкие, гнусные шпионы и предатели. Малейшая правдивость клеймилась как “клевета”. Русский народ изображался колхозным Ильей Муромцем»[395].

ЗАРОЖДЕНИЕ ДИСКУССИИ О ЯЗЫКОЗНАНИИ

Ситуация в биологии, где после событий лета 1948 г. было устранено разномыслие, показала пример в наведении «порядка»: «кампания борьбы с учеными, хоть в чем-то выходившими за пределы установленных догм, была распространена на все науки, включая языкознание»[396].

---

[393] Указанную особенность Ольга Михайловна зафиксировала при трансляции выступления И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы от 9 февраля 1946 г. Воспользовавшись грамзаписью этой речи (РГАФД. Инв. Н-374), отметим также и следующие варианты произношения: «экспери́мент», «инду́стрия», «выборо́в», «на́чала дело», «произве́дено», «нефти́», «при́говор» и др.

[394] Бессменным председателем Совета министров СССР был И. В. Сталин, А. Н. Косыгин был его заместителем; также А. Н. Косыгин был председателем СНК РСФСР, но 23 марта 1946 г., в день преобразования СНК РСФСР в СМ РСФСР, он был сменен на этом посту М. И. Родионовым.

[395] *Фрейденберг О.* Будет ли московский Нюрнберг? С. 152–153.

[396] *Алпатов В. М.* История одного мифа. С. 147.

В языкознании стали преследоваться оппоненты так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Лингвисты Г. П. Сердюченко[397] (в Москве) и Ф. П. Филин[398] (в Ленинграде) возглавили масштабную работу по ликвидации оппозиции марризму в советском языкознании; они даже преуспели в этом, устранив за игнорирование яфетидологии одного из главных лингвистов страны — академика В. В. Виноградова.

Но через полтора года ветер неожиданно подул в другую сторону — 9 мая 1950 г. газета «Правда» сообщила о начале дискуссии по вопросам языкознания, поместив в качестве первого выступления статью академика Грузинской АН, антимарриста А. С. Чикобавы[399], а 20 июня напечатав работу И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой корифей всех наук назвал сложившееся в языкознании положение «аракчеевским режимом», теорию Н. Я. Марра — антинаучной, а самого Марра — «вульгаризатором марксизма». Такой приговор обжалованию не подлежал.

До сих пор остается неясной причина, побудившая И. В. Сталина обратиться к этой области науки:

> «Многое из того, что произошло, мы, конечно, никогда теперь уже не узнаем, и потому можно лишь строить более или менее правдоподобные гипотезы.
>
> Не до конца ясны и фактические обстоятельства дела. Нет сомнений, что Сталин сам не мог обратить внимание на слишком частную область — языкознание. Кто-то должен был заинтересовать его этими проблемами. Здесь все существующие версии едины: решающую роль сыграл А. С. Чикобава, писавший Сталину о положении дел в советском языкознании.
>
> Много лет спустя сам Чикобава подтвердил это в воспоминаниях <...>. Однако не по своей инициативе Чикобава написал свое письмо. Как вспоминает он сам, текст письма был составлен по предложению тогдашнего первого секретаря ЦК КП Грузии К. Н. Чарквиани, через которого затем переслан Сталину <...>. Может быть, инициатором был и сам К. Н. Чарквиани, который постоянно поддерживал Чикобаву. Но есть версия и о том, что он лишь выполнял приказ Сталина, который уже был осведомлен о ситуации <...>.
>
> Письмо, содержавшее резкую критику марризма и состояния советского языкознания, было, по свидетельству его автора, написано в апреле 1949 г. После этого около года о результатах ничего не было известно, а “аракчеевщина” шла своим ходом»[400].

---

[397] Сердюченко Георгий Петрович (1904–1965) — лингвист-востоковед, доктор филологических наук (степень присвоена без защиты диссертации), заместитель директора ИЯМ АН СССР (директор Московского филиала), член ВКП(б); впоследствии — член-корреспондент АПН РСФСР (1950). Занимая ключевые посты в языковедении, без стеснения использовал чужие неопубликованные работы в качестве основы для своих сочинений; наиболее известный пример — рукопись книги «Абазинский язык» лингвиста-кавказоведа А. Н. Генко (1896–1941), умершего в тюрьме во время следствия, которую использовал Г. П. Сердюченко в качестве основы для своей докторской диссертации (см.: *Лавров Л. И.* Памяти А. Н. Генко // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. V. С. 216; *Волкова Н. Г., Сергеева Г. А.* Трагические страницы кавказоведения: А. Н. Генко // Репрессированные этнографы / Сост. Д. Д. Тумаркин. М., 1999. Вып. I. С. 113–114, 129–130).

[398] Филин Федот Петрович (1908–1982) — славист, доктор филологических наук, заместитель директора и член партбюро ИРЯЗ АН СССР, член ВКП(б) с 1939 г.; впоследствии член-корреспондент АН СССР (1968), директор Института языкознания АН (1964–1968), Института русского языка имени В. В. Виноградова (1968–1982), главный редактор «Вопросов языкознания», лауреат Ленинской премии (1970).

[399] Чикобава Арнольд Степанович (1898–1985) — лингвист, доктор филологических наук, действительный член Грузинской АН; член ВКП(б).

[400] *Алпатов В. М.* Указ. соч. С. 181.

Как можно заключить из приведенных слов В. М. Алпатова, начало будущей «дискуссии по языкознанию» принято отсчитывать от письма А. С. Чикобавы, написанного в апреле 1949 г., в самый разгар кампании по борьбе с космополитизмом. Однако версию о том, что инициатором этого письма был К. Н. Чарквиани, мы не готовы признать состоятельной: хотя 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии и был в прошлом 1-м секретарем Союза советских писателей Грузинской ССР, вряд ли весной 1949 г. он стал бы инспирировать какие-то подобные мероприятия — после постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г., знаменовавшего начало открытой фазы «ленинградского дела», руководители республиканских компартий старались вообще избегать проявления какой-либо инициативы, тем более направленной на дискредитацию ученого, которого И. В. Сталин лично канонизировал на XVI съезде ВКП(б).

Несомненно, просьба к А. С. Чикобаве изложить свою точку зрения на положение в языкознании была высказана со стороны К. Н. Чарквиани не по своей инициативе, а, судя по адресату, — по требованию Москвы[401]. Возможно, мнение грузинского лингвиста имело значение для ЦК не столько потому, что он состоял в оппозиции к новому учению о языке, сколько по причине удаленности А. С. Чикобавы от основных центров языкознания, а значит, с расчетом на взгляд со стороны.

Однако вопрос не в том, почему мнение А. С. Чикобавы заинтересовало весной 1949 г. Москву, а почему вообще вопросы языкознания получили такую актуальность; ведь во многих отраслях советской науки к тому времени также установились «аракчеевские режимы».

Вероятно, зарождение «гениального произведения И. В. Сталина "Марксизм и вопросы языкознания"» стоит отсчитывать не от апреля 1949 г. (письмо А. С. Чикобавы), а от осени 1948 г. Именно в это время в советском языкознании не только было установлено господство «аракчеевского режима», но и была сделана попытка окончательно изгнать из науки оппозицию учению Н. Я. Марра. Поводом к этому стала Августовская сессия ВАСХНИЛ.

Благодаря личному участию И. В. Сталина результатом сессии ВАСХНИЛ стало не только признание «вейсманизма-менделизма-морганизма» лженаукой, но и последовавшая чистка биологических наук, уничтожившая оппозицию «мичуринскому» направлению. Такой пример был соблазнительным и для других. Именно по этой причине внимание «корифея всех наук» попыталось привлечь и языкознание.

18 октября 1948 г. состоялось собрание парторганизации Института языка и мышления имени Н. Я. Марра, посвященное назначенному на 22 октября заседанию Ученого совета ИЯМ по обсуждению итогов сессии ВАСХНИЛ. Именно выводы из этой сессии открывали перед языкознанием новые горизонты. Как сказал член партбюро ИЯМ С. Д. Кацнельсон,

> «всем известно, что акад[емик] Шишмарев В. Ф., чл[ены]-корр[еспонденты] Жирмунский В. М., Бубрих Д. В. и другие заявили в свое время о своем согласии с основными положениями Н. Я. Марра. Однако до настоящего времени эти ученые все еще не перестроились. В институтах (лингвистических) Академии Наук за последние годы получила необычное оживление пропаганда буржуазного индоевропейского языкознания,

[401] Вероятно, по просьбе Л. П. Берии (см.: *Илизаров Б. С.* Почетный академик И. В. Сталин против академика Н. Я. Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. // Новая и новейшая история. М., 2003. № 4. С. 113–114).

буржуазного космополитизма с проявлением низкопоклонства перед Западом, формализма, некритического отношения к наследию акад[емиков] Фортунатова и, в особенности, Шахматова (акад[емик] Виноградов В. В., акад[емик] Булаховский Л. А. и др.). В 1930–35 гг. перестройка и стройка нового учения шла более интенсивно. Необходимо бороться не только с врагами нового учения о языке, но и с примиренчеством в нашей собственной среде»[402].

В резолюции партсобрания отмечалось:

«Очистительная гроза, прошедшая в области биологии, помогает нам, языковедам-коммунистам, правильно оценить положение на лингвистическом фронте, покончить с примиренческим отношением к враждебным влияниям в нашей науке, шире развернуть борьбу за основанную Н. Я. Марром материалистическую лингвистику против реакционной идеалистической лингвистики, добиваясь полного идейного и организационного разгрома последней»[403].

В связи с этими событиями О. М. Фрейденберг отметила: «За волной в биологии пошла волна в лингвистике. Марр приравнен к Мичурину, Мещанинов к Лысенке»[404].

Чтобы «добиться полного идейного и организационного разгрома реакционной идеалистической лингвистики», после обсуждения итогов Августовской сессии ВАСХНИЛ группа коммунистов-лингвистов Института языка и мышления, Института русского языка и Института востоковедения АН СССР во главе с А. В. Десницкой и Ф. П. Филиным приступили к подготовке большого секретного документа — «Докладной записки в ЦК ВКП(б) о состоянии и задачах советского языковедения». Этот документ готовился с конца октября и был закончен в ноябре 1948 г., подготовка его происходила в закрытом режиме, и обсуждение его не выносилось даже на закрытые партсобрания — последней инстанцией было партбюро ИЯМ, на заседаниях которого и обсуждался текст. Первое специальное заседание состоялось 6 ноября 1948 г.:

«Обсуждение проектов разделов докладной записки
в Центральный Комитет ВКП(б).

СЛУШАЛИ:

1. Чтение раздела о состоянии изучения русского языка (Ф. П. Филин).

В основу раздела положена характеристика двух направлений в русской лингвистике — формалистического направления (Петерсон[405], Виноградов, Аванесов[406] и др.) и нового материалистического марксистско-ленинского языкознания, в основу которого положено Новое учение о языке (Марр, Мещанинов). <...>

2. Обсуждение раздела тюркологии (докл[адчик] А. К. Боровков[407])

Вопрос: Можно ли сказать, что все советские тюркологи стоят на позициях Марра?

Ответ: Конечно, нет. Многие наши тюркологи придерживаются традиционного формального метода. <...>

---

[402] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 1. Л. 36–37.

[403] Там же. Л. 53.

[404] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[405] Петерсон Михаил Николаевич (1885–1962) — лингвист, доктор филологических наук.

[406] Аванесов Рубен Иванович (1902–1982) — лингвист, доктор филологических наук; впоследствии член-корреспондент АН СССР (1958).

[407] Боровков Александр Константинович (1904–1962) — лингвист-тюрколог, член-корреспондент Узбекской АН, заместитель директора Института востоковедения АН СССР, член ВКП(б); впоследствии член-кореспондент АН СССР (1958).

3. Сообщение о состоянии иранской филологии (Цукерман[408]).

Член-корр[еспондент] АН СССР Фрейман[409], стоящий во главе советской иранистики, стоит на платформе формалистического языкознания. Он не разрабатывает совершенно синтаксических проблем. Фрейман ведет и вел жестокую борьбу с учением Марра о языке. Зарубин[410] и Фрейман ведут между собою борьбу в недрах буржуазного языкознания. <...>

4. Сообщение Бокарева Е.А.[411] о состоянии лингв[истической] работы в кавказоведении. <...>

Аврорин[412]: Необходимо подчеркнуть, что на материалах кавказских языков возникло учение Марра, а между тем в современном кавказоведении установка на индоевропеизм. Надо подчеркнуть положительные портреты лингвистов-кавказоведов (Яковлев[413], Жирков[414], Дондуа[415]) и представителей буржуазного индоевропейского направления в советском кавказоведении (Чикобава и др.)

5. Сообщение В.А. Аврорина о положении в науках о северных языках.

Наличие двух направлений в науке о северных языках — марксистского метода (Аврорин, Суник[416], Скорик[417]) и формального метода (Цинциус[418]). <...>

6. Сообщение А. В. Десницкой о положении теоретической работы в области сравнительного языкознания.

Дается характеристика последователей индоевропейской лингвистики в сравнительном языкознании и методов и задач исследования проблемы материально-исторических язык[овых] схождений в советском языкознании. <...>

7. Чтение раздела о недостатках в новом учении о языке.

---

[408] Цукерман Исаак Иосифович (1909–1998) — лингвист-иранист, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯМ, заведующий кафедрой общего языкознания 1-го ЛГПИИЯ; впоследствии доктор наук (1965 г., без защиты диссертации).

[409] Фрейман Александр Арнольдович (1879–1968) — лингвист-иранист, доктор языкознания, член-корреспондент АН СССР (1928), профессор ЛГУ, заведующий Иранским кабинетом Института востоковедения АН СССР.

[410] Зарубин Иван Иванович (1887–1964) — лингвист-иранист, доктор филологических наук, профессор ЛГУ.

[411] Бокарев Евгений Алексеевич (1904–1971) — лингвист-кавказовед, эсперантолог, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯМ, член ВКП(б) с 1944 г., член партбюро ИЯМ; впоследствии — доктор наук (1955).

[412] Аврорин Валентин Александрович (1907–1977) — лингвист, специалист в области тунгусо-маньчжурских языков, кандидат филологических наук, заместитель директора и член партбюро ИЯМ; впоследствии доктор наук (1955), член-корреспондент АН СССР (1968).

[413] Яковлев Николай Феофанович (1892–1974) — лингвист-кавказовед, доктор филологических наук, заведующий сектором кавказских языков ИЯМ.

[414] Жирков Лев Иванович (1885–1963) — лингвист-кавказовед, доктор филологических наук, профессор МГУ, старший научный сотрудник ИЯМ.

[415] Дондуа Карпез Дариспанович (1891–1951) — лингвист-кавказовед, доктор филологических наук, профессор ЛГУ, член-корреспондент Грузинской АН (1944), заведующий сектором кавказских и иранских языков ИЯМ.

[416] Суник Орест Петрович (1912–1988) — лингвист, специалист в области тунгусо-маньчжурских языков, кандидат филологических наук, член ВКП(б), ученый секретарь ИЯМ; впоследствии доктор наук (1982).

[417] Скорик Петр Яковлевич (1906–1985) — лингвист, специалист по чукотскому языку, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯМ, с 1949 г. секретарь партбюро ИЯМ.

[418] Цинциус Вера Ивановна (1903–1981) — лингвист, специалист в области тунгусо-маньчжурских языков, доктор филологических наук, профессор ЛГУ.

Читал В. А. Аврорин. <...>

ПОСТАНОВИЛИ:

Редактирование всех разделов докладной записки поручить А. В. Десницкой. Всем авторам разделов представить отредактированные проекты к 10 ноября. Общее редактирование закончить к 13 ноября. Обязать С. Д. Кацнельсона представить материалы к 10 ноября»[419].

13 ноября 1948 г. состоялось второе и последнее заседание партбюро по этому вопросу:

«Обсуждение докладной записки в ЦК ВКП(б) о состоянии и задачах советского языкознания.

СЛУШАЛИ:

Чтение докладной записки. Читает Ф. П. Филин. В записке дается характеристика новому учению о языке и формалистическому направлению в языкознании.

ОБСУЖДЕНИЕ:

Тов. Боровков: Документ производит сильное впечатление. Тезис о двух направлениях в языкознании оправдывается. <...>

ПОСТАНОВИЛИ:

Одобрить текст докладной записки с предложенными и обсужденными поправками. Составить выводы, обеспечивающие коренное укрепление позиций нового учения о языке.

Поручить написать выводы комиссии в составе: Десницкой, Кацнельсона и Филина»[420].

Составление Докладной записки в ЦК ВКП(б) упоминается и в отчете о работе партбюро ИЯМ и ЛО ИРЯЗ:

«При постановке больших вопросов идейно-теоретической значимости партбюро привлекало коммунистов-языковедов Ленинграда, не состоящих в партийной организации ИЯМ и ИРЯЗ. Так в составлении и обсуждении докладной записки “О положении в языкознании” участвовали зам. директора Института востоковедения АН СССР т. Боровков и зав. кафедрой русского языка ин[ститу]та им. Герцена т. Гринкова[421], а также группа московских языковедов-коммунистов (тт. Гухман[422], Чемоданов, Базиев[423])»[424].

---

[419] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 2. Л. 35–38.

[420] Там же. Л. 39–40.

[421] Гринкова Надежда Павловна (1895–1961) — лингвист, диалектолог, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка ЛГПИ имени А. И. Герцена.

[422] Гухман Мирра Моисеевна (1904–1989) — лингвист-германист, окончила историко-филологический факультет Азербайджанского государственного университета (1925), в 1927 г. зачислена в аспирантуру ИЛЯЗВ, но прервала обучение в 1927 г.; в 1932 г. пыталась восстановиться в аспирантуре ГИРК (рекомендация В. М. Жирмунского от 2 сентября 1932 г. — ПФА РАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 147. Л. 81–81 об.), но ей было отказано; кандидат филологических наук, профессор МГПИИЯ, старший научный сотрудник МО ИЯМ; впоследствии — доктор наук (1955).

[423] Базиев Ахия Танаевич (1910–1982) — лингвист, специалист по кыпчакским языкам, в 1938 г. окончил филологический факультет Кабардино-Балкарского пединститута (г. Нальчик), аспирант АН СССР; впоследствии кандидат филологических наук (1949).

[424] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 6. Л. 115. Особенно стоит сказать о том, что к составлению этой записки не был допущен Г. П. Сердюченко.

Как можно видеть из приведенных документов, «Докладная записка в ЦК ВКП(б) о состоянии и задачах советского языковедения» была готова в середине ноября и, по-видимому, поступила в ЦК в том же месяце.

Этот серьезный документ, объемом более пятидесяти машинописных страниц, состоял из девяти разделов, описывающих состояние советского языкознания с точки зрения партийных лингвистов: I. Два направления в языковедении; II. Ошибки и недостатки нового учения о языке на современном этапе его развития; III. Положение с изучением русского языка; IV. Изучение романо-германских языков; V. Изучение тюркских языков; VI. Языки народов Севера; VII. Изучение кавказских языков; VIII. Изучение иранских языков; IX. Выводы.

Мы не знаем, каков был путь этой записки в аппарате ЦК. Но безусловно, что с ней должен был ознакомиться заведующий сектором науки Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданов и его непосредственный начальник секретарь ЦК М. А. Суслов. В результате же она должна была дойти до Г. М. Маленкова, который неукоснительно докладывал подобные вопросы генеральному секретарю ЦК ВКП(б).

То есть представляется несомненным, что И. В. Сталин узнал о документе. И, по-видимому, именно «Докладная записка в ЦК ВКП(б) о состоянии и задачах советского языковедения» положила основание будущим трудам И. В. Сталина по этому вопросу. Причем одностороннее изложение вкупе с дискуссионным разделом записки об ошибках и недостатках нового учения о языке могли спровоцировать И. В. Сталина вникнуть в этот вопрос. Мнение А. С. Чикобавы стало лишь подтверждением возникших у главы государства мыслей о «неудовлетворительном состоянии, в котором находится советское языкознание».

Стоит упомянуть и о том, что и в Президиуме АН СССР, и в аппарате ЦК происходили действия в этом направлении: 21 июля Президиум Академии наук рассматривал вопрос о ситуации в языкознании, а 10 ноября 1949 г. В. С. Кружков (заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК) и Ю. А. Жданов подали М. А. Суслову докладную записку, в которой отчитывались о том, что Отдел «в течение 1949 года провел проверку научной работы в области языковедения». Констатируя неудовлетворительное состояние разработки марксистско-ленинского языковедения, они сообщали, что в процессе работы «с целью привлечения научной общественности к обсуждению положения в области языкознания» были напечатаны статьи в центральной прессе (в том числе Г. П. Сердюченко) и т. д. Предлагалось провести совещание языковедов в Отделе пропаганды и агитации ЦК «с целью завершения работы по рассмотрению положения в области советского языковедения и подготовки предложений по улучшению исследовательской работы в этой области»[425]; предполагалось созвать его примерно 15–20 ноября, ограничившись двадцатью участниками. В числе возможных докладчиков они указали С. П. Толстова и Ф. П. Филина. Однако мероприятие не состоялось, потому как к тому времени участь марризма уже была предрешена.

СМЕРТЬ А. А. ЖДАНОВА

1 сентября 1948 г. Ленинград узнал о смерти А. А. Жданова:

> «В глубоком трауре начал сегодня свой трудовой день Ленинград. Красные полотнища, окаймленные креповыми лентами, склонились над его зданиями, проспектами

[425] Сталин и космополитизм С. 526.

и площадями. Молча покидали станки рабочие ночных смен, молча приходили на их места заступавшие на вахту. Умер товарищ Жданов... Не стало того, кто воодушевлял ленинградцев на новые успехи в строительстве коммунизма»[426].

Первое сентября в школах оказалось днем траура:

«Задолго до начала занятий собиралась сегодня к своим школам ленинградская детвора. На школьных зданиях — траурные флаги. Весть о смерти Андрея Александровича Жданова глубоко опечалила ребят. Школьники постарше знают об отеческой заботе товарища Жданова о ленинградских детях»[427].

Академия наук СССР тоже скорбит:

«Более 1500 сотрудников ленинградских институтов и учреждений Академии наук СССР собрались вчера [1 сентября] в большой конференц-зале [sic!] на траурный митинг. На сцене — обвитый траурными флагами и цветами — большой портрет Андрея Александровича Жданова.

Выступает заместитель директора Института литературы профессор Л.А. Плоткин.

— Всем ленинградцам, — говорит он, — хорошо известны исключительные заслуги товарища Жданова перед трудящимися нашего города. В продолжение десяти лет Андрей Александрович возглавлял ленинградскую партийную организацию, сплачивал трудящихся на выполнение важнейших задач социалистического строительства. Многогранной была его деятельность в годы Великой Отечественной войны и героической обороны Ленинграда. Талантливый и чуткий руководитель, замечательный теоретик и пропагандист марксистско-ленинского учения, он был особенно близок нам, научным работникам Ленинграда. Многие из нас не раз слышали его проникновенные выступления на совещаниях по вопросам литературы, философии, искусства. Каждая речь Андрея Александровича, произносимая всегда с большевистской страстностью, являлась образцом сталинского анализа, открывала новые горизонты, показывала путь к общему подъему социалистической культуры»[428].

В тот же день состоялось траурное собрание ленинградских писателей:

«Андрей Александрович Жданов уделял много внимания ленинградскому отряду советской литературы. Литераторы города Ленина часто имели возможность беседовать с выдающимся деятелем советского государства, выслушивать его советы, указания. Они постоянно ощущали его заботу о развитии подлинно творческого и прогрессивного искусства.

— Мы потеряли великого друга, — сказал открывая траурное собрание в Доме писателя имени Маяковского поэт А.А. Прокофьев. — Нас вдохновляло на труды его живое слово, его большевистская страстность и непримиримость к враждебным течениям искусства. Я председательствовал на собрании в Смольном, когда тов. Жданов делал свой доклад о журналах “Звезда” и “Ленинград”. Нелегко было нам слушать от него слова осуждения. Но эти слова помогли нам со всей энергией взяться за работу по-новому.

— Хорошая книга — это выигранное сражение, образно говорил товарищ Жданов. Мы никогда не забудем этого замечательного поучения, проникнутого верой в высокое назначение искусства, — заявил писатель Юрий Герман. — Пусть вдохновляют нас эти

---

[426] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 142. Л. 16 («Город Ленина в трауре»).

[427] Там же. Л. 26 («Начались занятия в школах»).

[428] Там же. Л. 1–2 («Знаменосец советской культуры: Траурный митинг сотрудников ленинградских институтов Академии наук СССР»).

слова товарища Жданова, пусть помогают они нам все чаще выигрывать сражения, создавать правдивые, сильные и яркие произведения для народа.

— Жданов и смерть — понятия несовместимые, — взволнованно говорит Ольга Берггольц. — Мы навсегда сохраним живой образ этого выдающегося революционера, который страстно добивался одного — чтобы наша литература жила интересами народа и беззаветно служила борьбе за коммунизм.

— Вся нынешняя и дальнейшая наша работа в области теории литературы, — сказал главный редактор журнала "Звезда" тов. В. Друзин, — немыслима без осознания того огромного богатства, которое внес в эту теорию товарищ Жданов»[429].

Первые дни сентября Ленинградского радио транслировало преимущественно траурные речи многих ленинградских партийных и государственных деятелей, работников литературы и искусства. 1 сентября Михаил Дудин прочитал в ленинградском эфире свое новое стихотворение[430]:

Реквием

В трауре сентябрьская Нева,
Молчаливо стынут острова,
Красный бархат боевых знамен
Траурною лентой окаймлен.
Ветер, ветер, как ты мог донесть
Непомерно горестную весть.
Ленинскою правдою велик
Сталина вернейший ученик.
Умер Жданов!
Всех моих утрат
Это горе горше во сто крат.
В развороте небывалых дел
Он высоким пламенем горел.
И солдат, и слесарь, и поэт
Был его вниманием согрет.

2 сентября состоялся траурный митинг на филологическом факультете: открыл митинг Г. П. Бердников, А. В. Западов сделал сообщение о жизни и деятельности А. А. Жданова, после чего с краткими речами выступили несколько студентов и преподавателей, в числе которых профессора Р. А. Будагов и Г. А. Гуковский[431].

Пушкинский Дом одним из первых откликнулся на смерть секретаря ЦК: 9 сентября в дневном выпуске новостей ЛенТАСС сообщалось:

«В Институте литературы Академии наук СССР, по инициативе партийной организации, началась подготовка к теоретической конференции на тему "А. А. Жданов о литературе и искусстве". На конференции будут заслушаны доклады, посвященные отдельным работам и выступлениям А. А. Жданова»[432].

---

[429] Там же. Л. 11–12 («Мы навсегда запечатлеем его образ: На траурном собрании ленинградских писателей»).

[430] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2928. Л. 17.

[431] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 49. Л. 85. (Порядок митинга утвержден на заседании партбюро от 1 сентября 1948 г.)

[432] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 142. Л. 153 («А. А. Жданов о литературе и искусстве: Теоретическая конференция в Институте литературы Академии наук СССР»).

Старейший сотрудник Пушкинского Дома Н. К. Пиксанов выступил тогда в уже привычной роли, сделав доклад о выдающемся значении трудов А. А. Жданова для литературоведения, впоследствии напечатанный в «Известиях Отделения и языка АН СССР»[433].

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

В тот же день — 1 сентября 1948 г. — министр высшего образования С. В. Кафтанов подал на имя заместителя председателя Совета министров СССР В. М. Молотова докладную записку «Об увековечении памяти товарища А. А. Жданова», первым пунктом которой МВО СССР просило постановлением СМ СССР «присвоить имя А. А. Жданова Ленинградскому государственному университету»[434]. В. М. Молотов распорядился разослать копии записки секретарям ЦК Г. М. Маленкову и А. А. Кузнецову, а также А. А. Поскребышеву — для И. В. Сталина. И спустя почти два месяца, 22 октября 1948 г., председатель Совета министров СССР И. В. Сталин подписал постановление № 3956 «Об увековечении памяти Андрея Александровича Жданова», четвертый пункт которого гласил: «Присвоить имя А. А. Жданова: а) Ленинградскому государственному университету и впредь именовать этот Университет: Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова»[435].

23 октября 1948 г. об этом узнали в городе Ленина:

> «Раннее утро. Первая радиопередача этого дня сообщила про постановление Совета Министров СССР об увековечении памяти любимца ленинградцев и всего советского народа Андрея Александровича Жданова.
>
> Среди учреждений, которым присваивалось имя выдающегося деятеля партии и Советского государства, был назван и наш Ленинградский государственный ордена Ленина университет.
>
> Эта весть быстро распространилась по всем аудиториям, институтам, лабораториям университета. Всюду шли оживленные беседы о той большой чести, которой удостоился наш университет.
>
> В тот же день в актовом зале состоялся общеуниверситетский митинг, посвященный этому событию»[436].

Министр высшего образования СССР отправил в университет правительственную телеграмму:

> «Ленинградский университет. Ректору университета товарищу Домнину.
>
> Горячо поздравляю коллектив профессоров, преподавателей, студентов, рабочих и служащих с присвоением Университету имени Андрея Александровича Жданова, выдающегося деятеля большевистской партии и Советского государства, крупнейшего теоретика марксизма-ленинизма, пламенного борца за советскую социалистическую

[433] *Пиксанов Н. К.* Выдающийся теоретик марксизма: Значение трудов А. А. Жданова для советского литературоведения // Известия АН СССР: Отделение литературы и языка. М.; Л., 1949. Т. VIII. Вып. 1. Январь–февраль. С. 17–25.

[434] РГАСПИ. Ф. 82 (В. М. Молотов). Оп. 2. Д. 923. Л. 180.

[435] Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1948. № 6. 26 ноября. С. 146.

[436] 23 октября // Ленинградский университет. Л., 1948. № 34. 27 октября. С. 1.

культуру. Выражаю уверенность, что университет будет с честью носить это славное имя и добьется новых успехов в развитии передовой науки и культуры, в подготовке кадров интеллигенции, воспитанной в духе великих идей Ленина–Сталина, преданной делу коммунизма, которому товарищ Жданов посвятил всю свою замечательную жизнь.

Кафтанов»[437].

В вечернем выпуске «Последних известий» Ленинградского радио сообщалось:

«Светлое имя выдающегося деятеля коммунистической партии и советского государства Андрея Александровича Жданова неразрывно связано с Ленинградом.

Вот почему трудящиеся Ленинграда с такой горячей благодарностью встретили постановление Совета Министров СССР об увековечении памяти товарища Жданова.

Никогда не забудут ленинградцы кипучей большевистской деятельности товарища Жданова, сплачивавшего нас на трудовые подвиги во имя победы коммунизма. <...>

Ректор Ленинградского государственного университета имени Жданова профессор Домнин сообщил нам:

— Сегодня в Университете был большой, торжественный день. Огромный актовый зал не мог вместить всех желавших присутствовать на митинге, посвященном присвоению нашему университету имени Андрея Александровича Жданова. <...>

Весь профессорско-преподавательский и студенческий коллектив с огромным воодушевлением воспринял постановление Совета Министров СССР. Имя Андрея Александровича Жданова дорого каждому советскому человеку. Его блестящие доклады по идеологическим вопросам являлись для нас программой и руководством к действию.

Андрей Александрович проявлял неизменный интерес к работе Ленинградского университета. Перед войной он посетил нас, а в годы блокады неоднократно принимал в Смольном работников университета, внимательно относился к нуждам ученых, оказывал им всемерную помощь.

Велика честь, оказанная университету, и велика ответственность, возложенная на всех его сотрудников и студентов.

В этот знаменательный для нас день коллектив университета заверяет правительство и лично товарища Сталина, что всей своей практической деятельностью он с честью оправдает славное имя Андрея Александровича Жданова»[438].

НАУЧНЫЕ СЕССИИ НА ЗЛОБУ ДНЯ

Присвоение университету имени А. А. Жданова и обсуждение итогов Августовской сессии ВАСХНИЛ серьезно повлияли на ход ежегодной V научной сессии Ленинградского университета.

22 ноября Ленинградское радио сообщало:

«Сегодня открылась традиционная научная сессия Ленинградского государственного университета имени Жданова. Это — крупное событие в научной жизни Ленинграда.

В программе университетской научной сессии — доклады, освещающие состояние и задачи отдельных наук в свете постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим

[437] Там же.

[438] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2919. Л. 29, 33. Последние известия, Ленинградский выпуск: 23 октября 1948 г. (20:50–21:04).

вопросам и прошедшей августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина. <...> На сессии, которая продлится до 11 декабря, будут заслушаны 198 докладов»[439].

На филологическом факультете сессия открывалась 30 ноября пленарным заседанием, на котором с основным докладом «А. А. Жданов о вопросах литературы и искусства» выступил доцент А. В. Западов[440].

Наиболее значительным событием, совпавшим с научной университетской сессией, стало празднование юбилея Героя Социалистического Труда, дважды лауреата Сталинской премии академика И. И. Мещанинова, торжественно отмеченное 23 ноября 1948 г.:

> «Во всех концах нашей страны — на Дальнем Востоке, в Баку, Тбилиси, на Крайнем Севере можно встретить людей, знающих крупнейшего русского ученого Героя Социалистического Труда академика Ивана Ивановича Мещанинова. Под его руководством создавались литературные языки десятков народностей, изучались история и быт таких древнейших государств, как Азербайджан и Армения.
>
> Академик Мещанинов развил основные положения передовой марксистско-ленинской науки о языке, созданной Марром.
>
> Крупнейший труд академика Мещанинова, вышедший в 1945 году, "Члены предложения и части речи" стал основополагающим для всех работ в области грамматики. За эту книгу Иван Иванович был удостоен звания Лауреата Сталинской премии.
>
> Сегодня в большом Конференц-зале Академии наук СССР научная общественность Ленинграда чествовала директора Института языка и мышления имени Марра, депутата Верховного Совета РСФСР, академика Мещанинова, в связи с 65-летием со дня его рождения и 40-летием научной работы.
>
> В приветственных словах академика Толстого, члена-корреспондента Академии наук СССР Истриной и других подчеркивались большие заслуги перед отечественной наукой главы советской школы языковедов.
>
> На юбилейном вечере были оглашены приветствия Президента Академии наук СССР академика Вавилова, Ленинградского университета, вузов Ленинграда и других городов страны»[441].

Торжественное поздравление юбиляру от Института литературы АН СССР провозгласил профессор Л. А. Плоткин.

Университетская сессия закончила свою работу 11 декабря 1948 г. За 18 дней работы на пленарных и секционных заседаниях было заслушано 185 научных докладов. Проректор университета по научной части профессор С. В. Калесник так охарактеризовал ее итоги:

> «5-я научная сессия явилась большим событием в жизни университета. На десяти секциях были заслушаны 185 докладов. Эта сессия существенно отличается от прошлогодней. Постановления партии по идеологическим вопросам, августовская сессия Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина, борьба старого и нового в науке в значительной степени определили направление и характер сессии. Теперь кафедры

---

[439] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2922. Л. 70. Последние известия, Ленинградский выпуск: 22 ноября 1948 г. (21:45–21:59).

[440] ЦГА СПб. Ф. 7240 (ЛГУ). Оп. 14. Д. 1406. Л. 57.

[441] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2922. Л. 87. Последние известия, вечерний выпуск (время эфира не указано).

выносили на сессию не только доклады, являющиеся как бы отчетом о результатах уже законченных научных исследований, но и программные работы, указывающие пути развития науки.

Борьба передовой советской науки против буржуазно-объективистских идей развернулась особенно открыто на биологическом фронте. Поэтому доклады, прочитанные в секции биологических наук, а также доклады на пленарных заседаниях представляют собой особый интерес. <...>

Секция филологических наук была представлена как докладами литературоведов, так и лингвистов. Много слушателей привлек доклад доктора филологических наук проф[ессора] Г. А. Гуковского о лирике Пушкина. Важнейшие вопросы лингвистики и в частности лексикологии были освещены в докладах проф[ессоров] Р. А. Будагова и В. Н. Ярцевой. Доклады по синтаксису прочли доценты М. А. Соколова, Э. И. Каратаева, И. А. Попова и другие.

Многие доклады литературоведов (доцента А. А. Григорьева «Отражение за рубежом революционных идей русской литературы») были полемически заострены против идей буржуазного литературоведения. Доклад проф[ессора] О. М. Фрейденберг «О социальном факторе в образовании греческой литературы» осветил с классовой точки зрения важнейшие проблемы классической филологии»[442].

«На заключительном пленарном заседании с большим вниманием был заслушан доклад доцента А. В. Западова — "А. А. Жданов о вопросах литературы и искусства". Докладчик подробно рассказал о роли А. А. Жданова в развитии советской литературы и искусства»[443].

Вслед за научной сессией в ЛГУ 15 декабря 1948 г. в Институте литературы Академии наук была проведена научная конференция «Вопросы литературы и искусства в работах А. А. Жданова»:

«В борьбе большевистской партии за социалистическое искусство, — сказал в своем выступлении профессор Л. А. Плоткин, — особая роль принадлежит А. А. Жданову. В последние 15 лет развитие нашей литературы неразрывно связано с его именем.

Выдающийся теоретик, товарищ А. А. Жданов определял задачи и цели литературного развития, исходя из конкретного анализа исторической обстановки. Его мысли о роли и значении русских революционно-демократических традиций для развития социалистического реализма внесли много принципиально нового в теоретическое осмысление истории литературы XIX–XX веков.

Высказывания А. А. Жданова помогают перестройке всей нашей литературоведческой и критической работы в духе подлинной большевистской партийности.

С докладами "Выступления А. А. Жданова на философской дискуссии и значение их для советского литературоведения" — выступили член-корреспондент Академии наук СССР Н. К. Пиксанов и проф[ессор] Г. А. Бялый. Член-корреспондент Академии наук СССР В. П. Адрианова-Перетц посвятила свое выступление историко-литературным проблемам в работах А. А. Жданова. Проф[ессор] Г. А. Гуковский выступил на тему: "Новые качества советской литературы", кандидат филологических наук Б. И. Бурсов — "А. А. Жданов о традициях советской литературы", проф[ессор] А. М. Астахова — "О проблемах народного творчества, в связи с задачами, поставленными А. А. Ждановым".

---

[442] *Бальтерманц Г.* Сто восемьдесят пять докладов: Беседа с проректором по научной части проф. С. В. Калесником // Ленинградский университет. Л., 1948. № 41. 16 декабря. С. 1.

[443] Закончилась сессия университета // Ленинградская правда. Л., 1948. № 294. 12 декабря. С. 2.

На борьбе с формализмом и космополитизмом остановился в своем выступлении член-корреспондент Академии наук СССР М. П. Алексеев»[444].

Логическим продолжением было собрание 17 декабря 1948 г. в Доме писателя имени Маяковского, на котором доцент филологического факультета А. В. Западов, занимавший тогда пост главного редактора Ленинградского отделения издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», выступил с очередным прочтением доклада «А. А. Жданов о вопросах литературы и искусства»[445].

А. Г. ДЕМЕНТЬЕВ СТАНОВИТСЯ ВО ГЛАВЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В конце ноября 1948 г. произошли серьезные изменения в руководстве Ленинградского отделения Союза советских писателей. Тому были причины — отгородившись лауреатами Сталинской премии, как броней, от идеологических бурь, ленинградская писательская организация никак не поддержала ни выводы дискуссии об А. Н. Веселовском, не откликнулась с должным рвением на сессию ВАСХНИЛ; эти обстоятельства не могли не привести к оргмерам со стороны партийного руководства страны. Кроме того, параллельно назревал масштабный конфликт внутри самой организации.

Начало этому конфликту было положено в 1947 г., когда решением Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Прокофьев сменил П. И. Капицу на посту председателя партгруппы правления ЛО ССП (эта структура была создана в августе 1946 г. при правлении ЛО ССП «для усиления работы союза и партийной части правления»). Причем П. И. Капица был сменен без всяких выборов, а новый председатель был представлен на заседании партгруппы лично секретарем горкома ВКП(б) И. Г. Стожиловым. При этом партгруппа правления не только дублировала часть функций партбюро ЛО ССП, куда с мая 1947 г. также входил А. А. Прокофьев, но и находилась административно над ним. Такая несообразность происходила от того, что формально партбюро ЛО ССП было подотчетно Дзержинскому райкому ВКП(б) г. Ленинграда, а партгруппа правления находилась в непосредственном подчинении Ленинградского горкома ВКП(б). То есть А. А. Прокофьев оказался одновременно и председателем правления ЛО ССП, и секретарем партгруппы правления. Это означало единоличную власть над ленинградскими писателями.

Если в Москве А. А. Фадееву удавалось в аналогичных условиях соблюдать баланс сил внутри писательской организации, параллельно неукоснительно исполняя волю ЦК, то единоначалие А. А. Прокофьева в Ленинграде не привело к столь крепкому союзу писателей и партийного руководства города. Возраставшее недовольство внутри писательской организации усугублялось постоянным вмешательством в процедурные вопросы, прежде всего — кооптированием в состав правления новых членов (которое, в отличие от выборов или довыборов, производилось решением самого выборного органа). В 1947 г. А. А. Прокофьев таким способом (по согласованию с А. А. Фадеевым и с санкции Ленинградского горкома ВКП(б)) ввел в состав правления ЛО ССП своих

[444] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 152. Л. 125–126 («Вопросы литературы и искусства в работах А. А. Жданова: Научная конференция в Институте литературы»).

[445] Там же. Л. 179 («Вечер молодых писателей Ленинграда»).

сторонников — В. К. Кетлинскую и О. Ф. Берггольц. Поскольку обе писательницы были коммунистами, то они параллельно укрепили и позицию А. А. Прокофьева как секретаря партгруппы правления ЛО ССП, еще раз умалив тем самым роль партбюро. Одновременно из руководства ЛО ССП оказались выведены оппоненты А. А. Прокофьева — А. И. Черненко, В. П. Друзин и П. И. Капица. Кроме того, А. А. Прокофьев, в отличие от своего московского коллеги, компрометировал себя дружеским окружением, в которое входили не самые политически безупречные ленинградские писатели — Ю. П. Герман, А. И. Гитович, В. А. Лифшиц, И. Ф. Кратт, Н. Л. Браун, А. И. Зонин...

А. А. Фадеев, который приехал в конце ноября 1947 г. в Ленинград, еще раз дал понять ленинградским писателям, что коллегиального управления больше нет — он даже не встретился с членами партбюро ЛО ССП (А. А. Прокофьев пытался ему указать на неоднозначность такого поступка, но получил в ответ лишь такие слова: «Если я найду нужным, то встречусь»[446]).

Описанная ситуация привела к тому, что постепенно в ЛО ССП сформировались две группировки. Первая — вокруг правления во главе с А. А. Прокофьевым, вторая — вокруг руководства партбюро, в которой ключевую роль играли секретарь партбюро К. С. Ванин и член партбюро В. П. Друзин. Опасность ситуации состояла в том, что формально это была не просто «групповщина» среди писателей, а уже противостояние правления и парторганизации.

Первая стычка между группировками произошла еще 3 января 1948 г. на заседании партбюро, где К. С. Ванин зачитал отчет о работе парторганизации ЛО ССП за 1947 г. В отчете содержались и следующие строки:

«В отношении контроля партийная организация еще в недостаточной мере использует свое право, так как большинство решений в творческом плане и по орг[анизационным] вопросам принимается партгруппой ЛО ССП, которая подотчетна непосредственно Горкому ВКП(б). <...>

Партбюро, избранное в мае 1947 г., не могло не пройти мимо фактов недостаточно активной работы правления Союза писателей, не ставившего коренных вопросов творческой жизни нашей организации. Поэтому новый состав партбюро выдвинул своей главной задачей перестройку работы парторганизации в целях обеспечения нормальной деятельности Ленинградского отделения Союза Советских писателей в соответствии с решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам.

Вхождение в новый состав партбюро председателя правления союза писателей т. Прокофьева значительно укрепило позицию партбюро в осуществлении намеченных партбюро мероприятий. И нужно прямо сказать, что в первые месяцы работа партбюро нового состава отличалась коллегиальностью, единодушием принятых решений по ряду вопросов парт[ийной] и союзной жизни, в связи с чем значительно вырос авторитет, как партбюро, так и правления Союза.

Партбюро взяло курс на решительное оживление творческой жизни Союза, на развитие критики и самокритики, на выдвижение молодых кадров и на чуткое отношение к творчеству любого, малого и большого писателя. К примеру, можно привести: обсуждение кандидатур состава редсоветов издательств, обсуждение творчества писателей-коммунистов, обсуждение планов литературно-художественных сборников

[446] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 3. Л. 10.

“Ленинградцы”, “Родные просторы” и т. п. Но в дальнейшем, когда предстояло усилить руководство секциями — эта важнейшая работа не была доведена до конца.

Хотя списки кандидатов на должности ответственных секретарей секций и вопрос о замене не справляющегося со своей работой ответственного секретаря правления ЛО ССП тов. Л. Браусевича были согласованы в РК ВКП(б) и Отделе кадров ГК ВКП(б) (у тов. Сабурова), члены Партбюро т. т. Прокофьев и Ванин не сумели завершить эту работу и только теперь, после переизбрания бюро основных секций и началом работы партгрупп в них, вопрос о руководстве секциями близок к разрешению.

Затяжка в решении вопроса о расстановке руководящих кадров не могла не отразиться на работе секций, которые являются основными звеньями творческой деятельности Союза.

Несмотря на активизацию ленинградских писателей, в работе ряда секций все еще имеются существенные недостатки. В частности, секция поэзии, увлекшись переводами стихов поэтов братских республик, недоучла важности работы ленинградских поэтов над современной темой и вообще над оригинальными произведениями. Слаба еще связь литераторов с жизнью...»[447]

Эти строки вызвали бурную реакцию у главы ленинградских писателей. В последовавшем выступлении перед членами партбюро он попутно раскрывает нам и механизм партийного руководства литераторами:

«ПРОКОФЬЕВ. — На этот радел отчета моя реакция такова, что вынуждает меня идти в ГК ВКП(б) и просить там снять с меня бремя власти. Вопросы, изложенные в этом разделе отчета, стояли четыре раза на заседаниях партгруппы правления, и желание поднять их вновь я квалифицирую как склоку. Кто писал этот раздел отчета, видимо, не учел полностью того, что произошло за это время. Склока началась, когда я был в отпуске. Партгруппа правления на своем последнем заседании решила всю эту историю считать поконченной и призвала нас приняться за нормальную работу, но, оказывается, имеются еще товарищи, которые иначе мыслят, по-прежнему не согласны с моей линией поведения. Ну, вот, как сейчас выяснилось — воз остается и ныне там. Больше того, — наше расхождение в оценке деятельности Президиума и партгруппы усиливается.

Как сообщил мне т. Субоцкий — Ванин и Друзин говорили о неправильном избрании Президиума и известных нам кооптациях в состав правления. Эти товарищи забывают, что данные вопросы были согласованы с секретарем ГК ВКП(б) тов. Капустиным. Инкриминируется мне обвинение в каком-то самоличном решении принципиальных вопросов работы ЛО ССП. Говорят о том, что я не советуюсь с партбюро, игнорирую коллегиальность. Однако всем известно, и я это подтверждаю здесь, что все вопросы, связанные с жизнью Союза, провожу через Президиум и правление. Я также отметаю обвинение в том, что Союз был поставлен в тяжелое положение плохой работой Президиума в период моего отпуска.

Мотивы вызова мною товарища Фадеева в Ленинград изложены в отчете Партбюро не совсем точно. Утверждение, будто бы я неправильно информировал т. Фадеева о положении дел в Союзе, также неправильно. Никому не возбранялись встречи с тов. Фадеевым. А все что сделано им, повторяю, было согласовано с тов. Капустиным, и все организационные мероприятия, проведенные в союзе, были одобрены горкомом ВКП(б).

Ванин осуждает мою дружбу с Краттом и Брауном, он вмешивается в мои личные дела, что его совершенно не касается. Он позволил себе сказать в горкоме, что я был

[447] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 3. Л. 20, 21–22.

пьян. Он все дело сводит к мелочам (трибуна, машина). Тов. Ванин всегда присутствует на заседаниях правления и Президиума, и мне ни разу не приходилось слышать его замечаний по вопросам деятельности Союза. <...>

Я не могу согласиться с выводами, изложенными в отчете партбюро.

Атмосфера, созданная в Союзе, неблагоприятна для моей работы. И очень жаль, что эта атмосфера сгущается. Мне обидно слышать, что, якобы, я пошел вразрез с работой партбюро.

Вы сами понимаете, что при таком положении мне необходимо сейчас же подать заявление, а вам — требовать освободить меня от работы. <...> Вчера я докладывал союзному руководству в Москве, что со всеми ненормальностями покончено. Неужели мне снова придется поднимать уже решенные вопросы. <...>

Я знаю, откуда ветер дует. Склока инспирирована Друзиным. В разговоре с Друзиным, с глазу на глаз, я просил его дать мне спокойно отдохнуть, но он воспользовался моим отпуском и усилил свои атаки против меня»[448].

Естественно, такие ненормальности привлекли внимание всех возможных органов, и в начале 1948 г. для разрешения сложившегося положения Дзержинский райком ВКП(б) созвал своим решением специальную партийную комиссию, в которую от горкома ВКП(б) был делегирован А. Г. Дементьев. Формально партийная комиссия занималась обследованием работы партгрупп секций ЛО ССП — поэзии (секретарь Б. М. Лихарев), прозы (секретарь А. Г. Розен) и прочих. Итоговое решение бюро Дзержинского райкома ВКП(б) «О состоянии работы партгрупп секций: прозы, поэзии и драматургии по итогам обследования комиссии РК ВКП(б)», принятое по результатам работы комиссии, касалось не столько правления и партгруппы правления, сколько работы партбюро в руководстве партгруппами писательских секций.

Чтобы дело не было спущено на тормозах, параллельно начала работу комиссия горкома ВКП(б), в которую также входил и заведующий сектором печати А. Г. Дементьев. Комиссия, завершившая работу в мае 1948 г., опросила более шестидесяти писателей, как коммунистов, так и беспартийных. Ситуация оказалась хуже, чем предполагалось, — неудовлетворительной была работа и правления, и партгруппы правления, и партбюро. Но Ленинградский горком летом не принял специального решения, предоставив возможность партийному руководству ССП сделать выводы самостоятельно.

Осенью политическая ситуация в руководстве страны сильно переменилась: 31 августа 1948 г. умер А. А. Жданов, который все послевоенные годы поддерживал А. А. Фадеева, и глава советских писателей стал вести себя осторожнее. Когда же после Августовской сессии ВАСХНИЛ ленинградская писательская организация фактически игнорировала разразившуюся в стране идеологическую кампанию, то А. А. Фадеев уже не мог больше без риска для себя поддерживать А. А. Прокофьева в ЦК. И вот тут руководство Ленинградского горкома дало ход собранным весенней комиссией материалам: вопрос ЛО ССП был поручен секретарю горкома по идеологии Н. Д. Синцову, а глава ленинградских коммунистов П. С. Попков внимательно следил за выработкой итогового документа. 1 ноября 1948 г. бюро Ленинградского горкома ВКП(б) принимает специальное постановление «О работе партбюро и партгруппы правления ЛО ССП», в котором отмечалось:

[448] Там же. Л. 1–4. Вопреки словам А. А. Прокофьева, в отчете об А. А. Фадееве не упоминается (возможно, в деле отложился исправленный, сглаженный вариант отчета).

«В ЛО ССП создались две группы, из которых одна объединилась вокруг секретаря партийной организации и редактора журнала "Звезда" Друзина, а другая — вокруг партийного организатора правления — Прокофьева.

Бюро горкома партии считает, что партбюро и партгруппа правления не только не приняли мер для ликвидации групповщины и семейственности среди писателей, а наоборот, своими неправильными действиями способствовали усугублению этих осужденных ЦК партии явлений и возникновению склоки»[449].

Согласовав свои действия с ЦК, Ленинградский горком ВКП(б) произвел смену руководства ленинградской писательской организации. Первоначально планировалось «отметить» в документе участников противостояния поименно; как впоследствии сообщал секретарь Дзержинского райкома Н.Ф. Козлов:

«комиссия горкома партии, членом которой я являюсь, предлагала в проекте решения Горкома партии осудить поведение Прокофьева, Ванина, Друзина, Решетова, Черненко, Браусевича и некоторых других и предупредить их, что если они до конца не ликвидируют групповщину и склоку, то их привлекут к строгой партийной ответственности. Поручить партийной коллегии Дзержинского районного комитета партии разобрать имеющийся материал о проступках некоторых коммунистов из Союза советских писателей.

Эти пункты были исключены П.С. Попковым, но он сказал, что за антипартийные проступки, за внесение склоки в партийную среду будут исключать из партии»[450].

Смене руководства парторганизации ЛО ССП было посвящено закрытое отчетно-выборное собрание, состоявшееся в Доме писателя имени Маяковского 15–16 ноября 1948 г. Председательствовал В.П. Друзин (что уже само по себе было симптоматично), а в Президиуме кроме А.А. Прокофьева и Е.И. Катерли было щедро представлено и партийное руководство: секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по идеологии Н.Д. Синцов и секретарь Дзержинского райкома Н.Ф. Козлов. Причем 1-й секретарь обкома и горкома ВКП(б) П.С. Попков инструктировал Н.Д. Синцова не только накануне собрания, но и утром 16-го числа.

Текст постановления горкома зачитал Н.Д. Синцов, после чего было объявлено обсуждение. Чтобы задать тон собранию, Николай Дмитриевич начал первым:

«Обсуждению вопроса на бюро горкома предшествовала работа комиссии горкома партии, достаточно обстоятельно ознакомившаяся с положением дел в союзе, с причинами нездорового положения дел в союзе. Решения, которые я вам огласил, основаны на обстоятельном обсуждении создавшегося положения.

Горком партии считает, что дальнейшая успешная творческая и общественная деятельность ЛО ССП будет зависеть, прежде всего, от того, насколько быстро и решительно коммунисты-писатели Ленинграда, партийная организация Союза смогут преодолеть отмеченные постановлением горкома партии серьезные недостатки как в работе партийной организации, так и в работе всей писательской организации.

Постановление горкома партии направлено (я прошу вас понять главную мысль и идею этого решения) на то, чтобы превратить ленинградскую писательскую организацию в целом, прежде всего, партийную организацию наших писателей, в боевую, сплоченную, организованную организацию, способную действительно решать задачи, поставленные ЦК партии в историческом постановлении о журналах "Звезда" и "Ленинград".

---

[449] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 2. Л. 183.
[450] Там же. Л. 183–184.

Задача состоит в том, чтобы сплотить писателей-коммунистов, сделать их активными проводниками политики партии в вопросах литературы и литературоведения, разделаться окончательно со всеми недостатками и вредными настроениями и явлениями, которые мы до сих пор, к сожалению, имеем в ленинградской писательской организации.

Как ни горько признать — я думаю, что это и вам должно быть горько, — но приходится признать, что сегодня ленинградская писательская организация в целом, в частности, партийная организация ленинградских писателей, среди ленинградских партийных организаций утратила известную часть своего авторитета, в глазах трудящихся и коммунистов Ленинграда. Как ни горько, но приходится об этом вам сказать. Я не знаю, чувствуете ли вы это. Я думаю, что коммунист не может не болеть за создавшееся в союзе положение. Многие товарищи зашли слишком далеко в своих склочных делах, может быть, потому, что руководствовались благими намерениями улучшить положение в союзе.

Терпеть дальше такое положение в Ленинграде мы не можем. Мы не считаем писательскую организацию в целом, партийную организацию, больной организацией, которая требует какого-то чрезвычайного воздействия по отношению к ней, мы никак не считаем этого. Мы считаем, что ваше партийное руководство, отчет которого вы сегодня заслушали, не справилось со стоящими перед ним задачами.

Мы хотим, чтобы вы поняли, что горком партии не обобщает партийное руководство и всю писательскую организацию в какой-то нездоровый организм. Не считает горком партии коммунистов партийной организации союза больным организмом, требующим чрезвычайных мер лечения, вплоть до роспуска организации.

Мы считаем, что, руководствуясь решением горкома партии, вдумавшись в это решение, переболев его сердцем, почувствовав умом создавшееся положение, писательская организация, коммунисты-писатели сумеют выправить создавшееся положение. А начинать надо с партийной организации.

У нас с вами очень большие задачи. Ленинградская партийная организация, трудящиеся Ленинграда, ждут от своих писателей, как и ЦК партии, много хороших и ценных книг.

Я всего три дня тому назад вернулся из Москвы и хочу вам сказать неофициально, что, будучи в ЦК партии, я выслушал там много горьких слов по поводу положения дел в вашей писательской организации. ЦК партии, партийная организация Ленинграда, трудящиеся ждут от вас большого творческого движения вперед. <...>

Горком партии сделает все для того, чтобы поправить положение, но решающую роль должны в этом деле сыграть сами коммунисты ленинградской писательской организации.

Сегодняшнее собрание, которое должно стать очень значительным событием в жизни ленинградской партийной организации и всей писательской организации, подвергнет всю работу партийной организации самому серьезному и строгому анализу, самому обстоятельному и серьезному рассмотрению для вынесения, может быть, суровых, может быть беспощадных, но справедливых выводов. Мне кажется, что партийное собрание сегодня должно определить правильные пути для решения тех задач, которые поставлены горкомом партии, в частности, избрать работоспособный, дружный, авторитетный орган партийного руководства — партбюро, для того, чтобы это бюро в новом составе могло сплотить и организовать партийную организацию для решения стоящих перед ней задач. (Аплодисменты)»[451].

[451] Там же. Л. 17–20, 24–25.

Прения после доклада были очень жаркими. Отметим некоторые из выступлений писателей-коммунистов:

Е. А. Федоров[452]: «Прокофьев, Герман и их группа во главе своей работы поставили задачу не наиболее тесного и полного исправления своих ошибок и обеспечение выполнения постановления ЦК партии, а поставили свои личные, групповые интересы. Все честное, живое, деятельное не могло мириться с искривлениями, вернее сказать, с игнорированием линии партии. Прокофьев, который привык к большой самостоятельности, и группа Германа травили, загоняли в тупик и оголтело мстили. Я бы мог рассказать ряд поразительных случаев нечестного отношения к советскому человеку, неугодного этим группировкам, когда игнорировались всякие советские нормы, всякие советские законы и применялась клевета. <...>

Партия и Советская власть создали А. А. Фадееву огромный авторитет, партия вознесла его высоко, но она не дала ему права игнорировать основной советский закон Конституции — изгонять неугодных членов из президиума и кооптировать туда угодных Прокофьеву. Партия не дала права А. А. Фадееву превыше дел ставить личные отношения с тов. Прокофьевым»[453].

Г. И. Мирошниченко[454]: «Товарищи! Я присутствовал в Смольном, когда А. А. Жданов делал доклад по вопросам литературы, и я был сейчас в Смольном, когда разбирался вопрос о нашей организации, когда тов. Синцов делал доклад и выступали т. т. Попков, Капустин и друг[ие].

Я глубоко приветствую это решение городского комитета партии, потому что оно является принципиальным и поможет нам решить ту задачу, которая перед нами неоднократно ставилась. <...>

Полный разрыв партийной организации с ЛО союза советских писателей — что может быть хуже! А это факт. Полный разрыв партбюро с президиумом союза — что может быть хуже? Хуже придумать невозможно. Но это факт. Попирание принципов партийности, полное игнорирование партийной организации со стороны ЛО ССП и партбюро. Это страшный факт. <...>

Наши "умные" руководители — Ванин, Прокофьев, Друзин оказались очень мелкими людьми и загнали нас, партийную организацию, в том числе ЛО ССП, в тупик, наплевали и раздавили решение ЦК партии. А партия никогда никому этому не позволяла и не позволит даже большим, даже слишком большим работникам в партии. А мы никак не можем А. А. Прокофьева поставить на место и заставить выполнять решение ЦК партии. Он не хочет этого делать, он попирает ногами решение ЦК партии. Мало того, если ты выступишь и заговоришь об этом — ты попадешь в опалу и будешь чувствовать это десятки лет. Это не метод работы в советской организации. Это — старые методы работы, как было сказано в Смольном.

Петр Сергеевич Попков задал вопрос А. А. Прокофьеву: что Вы считаете высшим органом у себя в Союзе?

Он ответил: — высший орган это президиум и правление.

---

[452] Федоров Евгений Александрович (1897–1961) — прозаик, исторический романист; член РКП(б) с 1919 г.

[453] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 2. Л. 33–34, 36.

[454] Мирошниченко Григорий Ильич (1904–1985) — прозаик, исторический романист, издательский работник; член ВКП(б) с 1927 г.

Он весь в этой фразе — для него высший орган власти это правление, президиум. Он плюет на то, что здесь в зале сидит много писателей-коммунистов. Он выбран и будет делать то, что хочет его правая нога! <...>

При наличии таких серьезных недостатков не выполнялось и не могло быть выполнено и постановление Центрального Комитета партии. Кто в этом повинен? Буду говорить откровенно. Мы — коммунисты, сами виноваты в том, что позволяли поворачивать нашу парторганизацию кому как вздумается — Ванину или Прокофьеву. Мы должны были их вызвать и спросить: будете вы выполнять решения Центрального Комитета партии или нет, если нет, то идите к черту!

Постановление Центрального Комитета партии требовало, в первую очередь от руководителя — А. А. Прокофьева выполнения этого решения. Центральный Комитет во многом был очень снисходителен, во многом нам потакал, и А. А. Прокофьеву об этом было сказано и указано на те серьезные ошибки, которые были допущены в Ленинградском отделении Союза Советских писателей, за которые, в первую очередь, должен отвечать он, как руководитель. Но А. А. Прокофьев приехал из Москвы с хорошим настроением, — как говорят, рубашка нараспашку, поясок под ремешок, приехал как именинник. По "Звезде" виноват Саянов, по журналу "Ленинград" — Лихарев, а А. А. Прокофьев не при чем.

А кто возглавлял журнал "Звезда"? — Александр Андреевич.

А кто возглавлял журнал "Ленинград"? — Александр Андреевич.

Кто в президиуме сидел? — Александр Андреевич.

Кто в правлении сидел? — Александр Андреевич.

Чего же ты, на свадьбу приехал и смеешься. Журнал закрыли, а ты заулыбался! Чему ты смеешься?

Саянова партия пощадила — и правильно сделала — дали ему возможность работать, исправить свои ошибки и возглавить движение? Этого не было сделано. Благодаря пагубной практике работы мы потеряли журнал "Ленинград". Мы потеряли этот журнал по собственной вине, благодаря нашей глупости и беспринципности в работе Союза, мы стоим перед новым фактом: на очереди потеря последнего журнала "Звезда". Так что же, давайте опять улыбаться, считать, что все нормально, считать, что решение ЦК партии выполняется! Нет, оно не выполняется.

А. А. Прокофьев, вопреки решению, которое было о нашей организации, занялся тем, чтоб ввести опять к нам Зощенко, сделать его ближайшим преемником. <...>

Гуковский — главный идеолог в союзе писателей и Прокофьев опирается на него. А Гуковский выступает против того, что существует ленинградская тема. Мне кажется, что для него вообще никакой советской темы не существует.

Действительно, ошибка есть и за эту ошибку несут ответственность Ванин, Прокофьев, Друзин. Но не нужно забывать, что рядом с Гуковским находятся Томашевский, Жирмунский, Десницкий. Фадеев сказал, что в Ленинграде целая цитадель формализма, которая остается в тени, не затронутая, проводящая меньшевистские взгляды в литературоведение. Буржуазные последователи творят свое пагубное дело в литературе. Последние статьи в газете "Культура и жизнь" идут оттуда. Разве правление этим вопросом занималось? Нет, не занималось. Раз коммунисты разобщены, они не занимаются прямыми делами, порученными им ЦК партии.

У нас тут целая цитадель, Друзин объединяет своих, Прокофьев своих, идет все время мышиная возня, дело доходит до вершины горы, а борьба за хорошую книгу, за честь Ленинграда, за советскую литературу — отодвинута на второй план»[455].

Собрание бурлило: последнему оратору, проголосовав, даже добавили времени сверх регламента. Всем записавшимся в первый день выступить не удалось, продолжение прений и выборы нового состава партбюро были отодвинуты, как и планировалось, на второй день партсобрания.

Н. А. Брыкин[456]: «О групповщине, о Германе, Лифшице, Гитовиче[457] и иже с ними я не говорю. Что им партия, родина, союз писателей, советская литература. Этим людям не дорог авторитет ленинградских писателей, Ленинграда, их дело хапнуть квартиру на Марсовом поле[458], дачу в Колломяках[459], не только лишнее переиздание книги, но и два-три оклада жалованья за безделье — и дело с концом, но А. А. Прокофьев? Как он очутился в этом стаде групповщиков? Вот что больно и обидно! <...>

Вся политика нашего Союза и А. А. Прокофьева вела не к ликвидации групповщины, приятельских отношений, а к их расцвету. Скажу честно и прямо, что обстановка сложилась такая: групповщина, зажим самокритики, круговая порука зашли так далеко, что трудно становилось дышать. И не партком, не партгруппа руководили Союзом, а беспринципная группа в лице Германа, Лифшица, Гитовича. Эти люди травили честных коммунистов: Е. Федорова, Кривошееву, Решетова, Ванина, Зиновьева, Капица, Брыкина, Черненко, Холопова и др., наклеивали на них всевозможные ярлыки, клички, давали им оскорбительные характеристики.

СИНЦОВ. — А чем вы занимаетесь? Для чего вы сейчас используете трибуну, как не для склоки? Как вы не остановитесь в своем потоке слов?

С МЕСТА. — Надо лишить его слова»[460].

И. С. Эвентов[461]: «Деловое и творческое обсуждение таких важных событий в жизни партии подменялось мероприятиями клубного, культурно-просветительного характера. <...> Так было и с постановкой доклада о борьбе с буржуазным объективизмом и преклонением перед иностранщиной. Приехал Фадеев, явилась целая профессорская корпорация, которая, по-видимому, готовилась дать бой. Но дискуссия не состоялась. Все попытки коммунистов возбудить в стенах этого здания разговоры об "эпигонах"

---

455 ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 2. Л. 64–69, 73–74.

456 Брыкин Николай Александрович (1895–1979) — прозаик, издательский работник, член РКП(б) с 1917 г., директор ЛО издательства «Советский писатель»; 23 июня 1949 г. арестован и осужден по ст. 58–10.

457 Гитович Александр Ильич (1909–1966) — поэт, переводчик, председатель поэтической секции ЛО ССП.

458 Речь о знаменитом доме, построенном архитектором Д. Адамини в 1823–1827 гг. на Марсовом поле (адрес — наб. Мойки, д. 1/7, кв. 53), который в то время заново заселялся после реконструкции, в том числе и видными деятелями культуры Ленинграда, что сопровождалось серьезными баталиями.

459 Ныне Комарово.

460 ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 2. Л. 142, 144.

461 Эвентов Исаак Станиславович (1910–1989) — критик и литературовед, старший научный сотрудник отдела новейшей русской литературы Пушкинского Дома, преподаватель ЛГПИ имени А. И. Герцена, кандидат филологических наук (1941 г., тема — «Маяковский — сатирик»), член ВКП(б) с 1943 г., впоследствии доктор наук (1970 г., тема — «Пути развития сатиры в творчестве М. Горького»).

Веселовского ни к чему не привели, и товарищи уехали к себе в университет, чтобы там прослушать эту интересную дискуссию.

Так было и с дискуссией по биологической науке. Доклад был построен так, как будто речь идет только о хромосомах, а не о борьбе с буржуазной идеологией, реакционным мировоззрением в науке. Ничего об этом сказано не было»[462].

Л. Т. Браусевич[463]: «Я хочу спросить Г. И. [Мирошниченко], где он был, когда в ЛГУ кипели бои с последователями Веселовского? Почему он, если он такой знаток этого вопроса, не выступил там с таким же пылом-жаром? Почему он не выступил против Проппа, Азадовского, Жирмунского и других? Что ж махать секирой после битвы, что ж рубать беляков после Перекопа?»[464]

В. П. Друзин: «Как мы допустили, что с этой трибуны, этой весной, проф[ессор] Гуковский делал доклад об итогах прозы и начал с отрицания ленинградской темы? Это было в те дни, когда партийные руководящие организации призывали писателей включиться в активную разработку новых тем, выдвигаемых жизнью, хотя бы по осуществлению последнего решения о создании собственной энергетической базы. А Гуковский заявляет, что ленинградская, что пинская, что воронежская тема — все равно. Это выступление и самый характер доклада, имевший вид салонной болтовни (этот характер приобретает в последнее время работа секции прозы[465]) возвращает к 20-м годам. Недаром Леонид Борисович[466] вспомнил группу "Серапионовых братьев". Мы прекрасно помним, как в 20-х годах подняла голову декадентствующая группа и эти теории, раздававшиеся с кафедры Института теории искусств. Все это просачивалось в нашу среду и влияло на молодых людей, которые приходили совсем с другими намерениями и задачами. Но мы сбивались с толку и путались во многом том, в чем сейчас пора окончательно разобраться.

Мы знаем, что профессорская наша среда, эти недавно признавшие свои ошибки эпигоны Веселовского, не отгорожены никаким волнорезом и бетонной стеной от целого ряда писателей, особенно беспартийных. Там личный авторитет Гуковского, обаяние Эйхенбаума действуют иногда на неустойчивую творческую психологию, на сознание беспартийных писателей. Об этом надо говорить и поставить работу секции как надо...»[467].

Прения подходили к концу. Подошло время для заключительных выступлений партийных руководителей. Вышедший на трибуну секретарь Дзержинского райкома ВКП(б) Н. Ф. Козлов в своем выступлении поделился информацией, которая была получена комиссией горкома в ходе бесед с писателями:

«Я должен сказать относительно Гитовича, что и высказывания у него не совсем наши. Я не знаю, почему не замечали этого в партбюро. На вопрос — кто самый лучший советский писатель, он отвечает:

— Самым лучшим советским писателем на сегодня является Зощенко. Из всех советских писателей Зощенко отличается гуманизмом, добротой и с каждым годом он становится все гуманнее.

---

[462] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 2. Л. 148–149.

[463] Браусевич Леонид Тимофеевич (1907–1955) — детский писатель, драматург, ответственный секретарь правления ЛО ССП; член ВКП(б).

[464] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 2. Л. 139.

[465] Председателем секции прозы ЛО ССП был тогда Сергей Петрович Антонов (1915–1995).

[466] Ошибка в стенограмме, речь идет о Л. Т. Браусевиче; кроме того, в стенограмме партсобрания не упоминается о «Серапионовых братьях».

[467] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 2. Л. 168.

И вот вам оценка правления в лице Прокофьева, партийной организацией этого факта.

Драматург Козаков[468] прямо заявляет:

— Понятно, что резкая критика Зощенко была вызвана тем, что произведения Зощенко переводились и использовались за границей. Но он был и остается талантливым писателем и, конечно, будет реабилитирован. У нас было немало случаев, когда людей, не только писателей, били тогда, когда это нужно было политически, а потом они снова работали. Я прочитал недавно рассказы Зощенко и видел, что они написаны хорошо и даже отлично.

Среди группы литераторов говорили:

— Видели вы, до чего дошел “Крокодил”, во что превратилась сатира? Я работал в годы НЭП’а в “Смехаче”, вот это был юмор. Политика была тогда неопределенная — то ли был НЭП, то ли его не было.

Возьмите разговор писателя Макогоненко:

— Наша цензура такова, что не допускает свободных мнений и высказываний, так как любое высказывание рядового человека может быть опорочено. Диктатура отрицает критику»[469].

С заключительным словом выступил секретарь горкома Н.Д. Синцов:

«Здесь приводили слова Попкова о том, что Союз растоптал постановление ЦК партии о журналах “Звезда” и “Ленинград”, говорили в таком тоне, что растоптали постановление ЦК руководство союза и прежде всего Прокофьев. Это — спекуляция словами секретаря областного и городского комитетов партии, толкование его заявления. У меня в руках стенограмма этого выступления т. Попкова, и я имею от него поручение, данное мне сегодня утром, зачитать вам этот кусочек стенограммы, чтобы было ясно, что на самом деле Попков говорил, что постановление ЦК партии растоптали не Прокофьев лично, и не Прокофьев и Ванин, а постановление ЦК партии растоптали все склочники, объединившиеся вокруг Прокофьева, с одной стороны, и вокруг Ванина — с другой.

“Не случайно, — говорит Петр Сергеевич, — решение ЦК партии предупреждает вас от приятельских отношений. Какая причина такой групповщины, склоки? Очень просто, это те же, но в новой форме приятельские отношения. Тов. Прокофьев имеет группу

---

[468] Козаков Михаил Эммануилович (1897–1954) — прозаик, драматург.

[469] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 2. Л. 177–178. В тексте стенограммы ошибочно «Макагонского».

В окружении Г. П. Макогоненко и О. Ф. Берггольц, как и вообще вокруг каждого заметного или незаметного человека в то время, находились коллеги или даже друзья, которые сообщали информацию в органы государственной безопасности. В этой связи приведем выдержку из «Справки на писателя Германа Юрия Павловича» (в целом положительной) от 13 августа 1946 г., направленной из МГБ СССР секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову: «Герман поддерживает близкие взаимоотношения с писателями Берггольц, Макогоненко и Рахмановым, однако ограничивается во взаимоотношениях с ними периодическими встречами, сопровождающимися иногда попойками или разговорами о трудностях творческой работы в современных условиях. Недавно секретарть Ленинградского горкома ВКП(б) тов. Широков провел с писателями совещание, в связи с этим Герман, Берггольц, Макогоненко и Рахманов, уединившись в Доме народного творчества, подвергли это сообщение критике. Герман по этому поводу заявил: “Возмутительно, человек, который просидел всю войну в кабинете Радиокомитета, учит писателей жизни, да неужели писатели, которые воевали, находились в гуще жизни, знают хуже Широкова как и что нужно писать”» (РГАСПИ. Ф. 77 (А. А. Жданов). Оп. 4. Д. 30. Л. 22).

приятелей, Ванин имеет группу приятелей, приятельские отношения внутри группы — с одной стороны, у Прокофьева с Германом — с другой стороны. Эти приятельские отношения и групповщину сделали центральной, доминирующей линией в ущерб линии ЦК, в ущерб линии государственной, в ущерб общей народной линии. Значит, вы увлеклись не тем, что надо, невзирая на общеполитическую линию, на общегосударственную задачу, тем самым вы растоптали решение ЦК партии, и у вас и у второй группы личное честолюбие доминирует над центральной линией партии".

Речь шла о том, что групповщина в союзе неизбежно привела к тому, что решение ЦК партии остается невыполненным и растоптанным.

Экстаз склоки, видимо есть и такой экстаз, наряду с творческим экстазом, настолько овладел некоторыми товарищами, что они никак не могут остановиться. Мирошниченко говорил вчера так, как будто постановление ЦК партии, решение горкома партии вас не касается»[470].

В этот же вечер надлежало выбрать новый состав партбюро ЛО ССП, состоящий из семи человек. Начались предложения, отводы и самоотводы... Но тут слово взял сидевший за столом президиума секретарь горкома.

«СИНЦОВ — Я предлагаю две кандидатуры. Первая — тов. Дементьева, бывш[его] зав. сектором печати горкома партии, вторая — Лосева, работающего ныне зав. отделом пропаганды в ВО райкоме партии. Лосев является опытным партийным работником, имеющим 10-летний стаж партийной работы. Горком считает, что он может быть полезным в составе руководства партийной организации»[471].

После обсуждения на семь мест осталось только восемь кандидатов, из которых были тайным голосованием избраны новые члены партбюро. Особенно любопытно соотношение голосов «за» и «против»: А. Г. Дементьев (59/1), А. В. Лосев (57/3), Г. К. Холопов (54/6), А. И. Кривошеева (49/11), П. И. Капица (44/16), А. Т. Чивилихин (43/17), В. А. Лифшиц (37/23); забаллотирован был А. Е. Решетов (29/31)[472].

В тот же вечер, 16 ноября, состоялось и первое заседание нового состава партбюро ЛО ССП, на котором традиционно распределялись обязанности между его членами. Кроме семи членов партбюро на заседании присутствовали те же Н.Д. Синцов и Н.Ф. Козлов, а также два члена бюро райкома ВКП(б) — партийное руководство до последнего не ослабляло своего контроля. Председательствовал на заседании секретарь Дзержинского райкома:

«СЛУШАЛИ: Распределение обязанностей между членами партбюро.

ПОСТАНОВИЛИ: Избрать тов. Лосева А. В. секретарем партбюро, т. Чивилихина А. Т. — первым заместителем секретаря партбюро, и тов. Кривошееву — вторым заместителем секретаря партбюро»[473].

Таким образом, во главе парторганизации ленинградских писателей встал Александр Васильевич Лосев (1909–?), кадровый партработник, член ВКП(б) с 1932 г., историк по образованию, в годы войны командовавший политучилищем. По своей прежней должности заведующего отделом пропаганды Василеостровского райкома ВКП (б)[474] он

---

[470] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 2. Л. 196–197. В тексте стенограммы вместо «Петр Сергеевич» ошибочно «Сергей Петрович».

[471] Там же. Л. 213.

[472] Там же. Л. 235.

[473] Там же. Л. 103.

[474] Утвержден решением пленума ВО РК ВКП(б) от 2 марта 1948 г. (Протокол № 1, п. 3).

хорошо знал только отдельную часть писательской организации, а именно — литературоведов, которые работали в подведомственных Василеостровскому райкому Пушкинском Доме и филологическом факультете ЛГУ. 17 ноября бюро горкома ВКП(б) утвердило своим решением новый состав партбюро.

Что же касается А. Г. Дементьева, решение об освобождении которого от должности заведующего сектором печати Ленинградского горкома ВКП(б) уже было принято на заседании бюро горкома, то ему в добавление к месту в составе партбюро ЛО ССП было уготовано нечто большее — его кандидатура уже была одобрена А. А. Фадеевым и ЦК ВКП(б) для утверждения на посту главы ленинградской писательской организации[475].

О том, каково было отношение самих писателей к подобным назначениям, можно видеть по дневниковой записи О. Ф. Берггольц от 22 мая 1941 г. Несмотря на то что запись отстоит от событий осени 1948 г. на несколько лет, она удивительно актуальна и для данного момента:

> «Сейчас надо идти на собрание писателей-коммунистов — относительно перевыборов правления Союза. Вот то-то уж никчемное занятие! Да, Союз влачит жалкое существование, он почти умер, а как же может быть иначе в условиях такого террора по отношению к живому слову? Союз — бесправная, безавторитетная организация, которой может помыкать любой холуй из горкома и райкома, как бы безграмотен он ни был. <...> Союз как организация создан лишь для того, чтоб хором произносить “чего изволите” и “слушаюсь”. Вот все и произносят, и лицемерят, лицемерят, лгут, лгут, — аж не вздохнуть!»[476]

Однако назначению А. Г. Дементьева препятствовало одно обстоятельство: он... не был членом Союза советских писателей СССР.

Но, как справедливо отмечал И. В. Сталин, «нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять». 25 ноября 1948 г. состоялось заседание правления ЛО ССП, проходившее под председательством А. А. Прокофьева, на котором правление рассмотрело вопрос о принятии А. Г. Дементьева в ряды ленинградских писателей. Рекомендации для вступления дали три члена ССП — главный редактор журнала «Звезда» В. П. Друзин, лауреат Сталинской премии, профессор филологического факультета ЛГУ Б. С. Мейлах и профессор того же факультета Г. А. Гуковский[477]. Рекомендации от арестованного Г. А. Гуковского в личном деле А. Г. Дементьева не сохранилось, тогда как другие считаем возможным привести:

> «Рекомендация.
>
> Зная ряд историко-литературных и литературно-критических работ Александра Григорьевича Дементьева, рекомендую его в члены Союза советских писателей.
>
> Основные работы т. Дементьева — это книги и статьи по истории русской критики и журналистики 40-х–50-х годов. Тов. Дементьев является одним из видных знатоков Белинского. Статьи и выступления тов. Дементьева по вопросам современной советской

---

[475] О процедуре своего назначения А. Г. Дементьев говорил сам 17 декабря 1949 г. на заседании партбюро ЛО ССП: «Решение бюро горкома о направлении меня на работу в Союз [советских писателей] было, как мне кажется, согласовано, а может быть и утверждено, в ЦК ВКП(б). Вместе с тем, я был поддержан Фадеевым и руководством Союза советских писателей СССР» (ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 15. Л. 67).

[476] *Берггольц О. Ф.* Ольга: Запретный дневник. СПб., 2010. С. 50–51.

[477] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 46. Л. 54.

литературы и критики проникнуты духом воинствующей большевистской партийности и свидетельствуют о его хорошей ориентированности в делах советской литературы.

В. Друзин
19/XI 1948 г.»[478]

«Рекомендация.

Рекомендую тов. Дементьева Александра Григорьевича в члены Союза советских писателей. Тов. Дементьев с 1935 года активно работает в области советского литературоведения и критики, является кандидатом филологических наук и доцентом Ленинградского университета. Его работы, посвященные вопросам революционно-демократической литературы и критики, а также истории русской журналистики, отличаются глубоким, основательным знанием материала и методологической остротой. В настоящее время им подготовлена книга по истории русской журналистики 40–50-х гг. Наряду с исследовательской работой, тов. Дементьев постоянно выступает с научно-популярными статьями и книгами: так, в период Великой Отечественной войны он выпустил несколько книг — о реакционной роли немцев в истории России, о великих идеях патриотизма в творчестве русских классиков.

Тов. Дементьев фактически уже давно работает в Союзе писателей. Особо следует отметить его доклад об изучении литературы в школе на организованной Президиумом Ленинградского отделения Союза советских писателей дискуссии по этому вопросу. Множество откликов вызвала статья т. Дементьева (совместно с т. Наумовым) о курсе советской литературы и его построении, напечатанная в "Литературной газете". Наконец, тов. Дементьев является одним из активных литературоведов, выступающих на острые темы, связанные с борьбой против буржуазного либерализма. В частности, нужно отметить ряд его докладов и выступлений против рецидивов низкопоклонства в литературоведении и теории А. Н. Веселовского.

Все это делает совершенно бесспорным вхождение т. А. Г. Дементьева в число членов Союза советских писателей.

Б. Мейлах.
18 XI 1948»[479].

Решение правления было следующим: «Принять тов. Дементьева А. Г. в члены Союза сов[етских] писателей (принято единогласно)»[480]. А уже через день, 27 ноября 1948 г., в ленинградском Доме писателя имени Маяковского состоялось общее отчетно-выборное собрание Ленинградского отделения ССП, в котором приняли участие как местные партийные начальники, так и приехавшие из Москвы руководители ССП.

В состав президиума собрания были избраны: секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде Н. Д. Синцов, заведующий отделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома В. И. Смоловик, генеральный секретарь правления Союза советских писателей СССР А. А. Фадеев, ответственный секретарь правления ССП СССР А. В. Софронов и др. В число членов президиума собрания, занявших место за длинным столом на сцене, был избран и А. Г. Дементьев[481].

[478] Там же. Оп. 2. Д. 58. Л. 8.
[479] Там же. Л. 9–9 об.
[480] Там же. Л. 4.
[481] Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

В отчетном докладе правления, с которым выступил А. А. Прокофьев, особенно было указано на деятельность секции критики, в которую входили литературоведы, однако без упоминания А. Н. Веселовского:

«Наши критики заслуживают суровой критики [sic!]. Критический сектор объединяет 68 человек, из которых только 22 человека занимаются исключительно вопросами советской литературы. Это, принимая во внимание боевую программу, поставленную Центральным Комитетом перед товарищами, работающими в этом жанре, процент небольшой. <...> Нельзя же считать нормальным положение, когда только 20 человек работают в этом плане, а остальные заняты проблемами литературы XVIII–XIX веков. И очевидно, что когда новое правление займется вопросами состава ленинградской писательской организации, оно не должно упускать из виду этого безобразного состояния критических и литературоведческих кадров в Ленинградском отделении Союза советских писателей»[482].

Но в прениях о литературоведах были сказано более подробно. Сперва в выступлении И. С. Эвентова:

«То обстоятельство, что за последнее время значительно ослабела борьба с безыдейностью, что мы прошли мимо такого важнейшего момента в идеологической жизни страны, как биологическая дискуссия, материалы которой поставили вопрос о партийности в литературе, дискуссии, которая совершенно не звучала в стенах этого Дома, резонанс которой не дошел сюда. То обстоятельство, что без участия писательской организации прошло разоблачение буржуазного либерализма эпигонов веселовщины, что эта работа фактически велась в стенах Академии наук, Университета и т. д. и осталась без участия ленинградской организации писателей, все это не может пройти незамеченным для нашей общественности»[483].

Вслед за ним на трибуну поднялся профессор филологического факультета ЛГУ Б. С. Мейлах:

«Я хотел остановиться на вопросе, связанном с критикой и литературоведением. Этот вопрос для Ленинграда особенно важен, ибо у нас работает очень большой отряд литературоведов и критиков, имеется мощный коллектив в Университете, Институте литературы, и правильно говорилось в докладе, что литературоведение и критика еще не отвечают, в частности, в Ленинграде, тем требованиям, которые предъявляются современностью. Следует сказать, что в Ленинграде зараженность космополитизмом, теорией Веселовского была очень велика, и даже после того, когда тов. Фадеев впервые выступил о вредности школы Веселовского, некоторые товарищи, от которых ожидали резкой поддержки тов. Фадеева, этого не сделали. Ленинградское отделение Союза советских писателей не ставило этих вопросов. Объяснялось это тем, что, казалось, люди одни и те же в Университете, и здесь, в Институте литературы, и после того, как в Университете была подвергнута осуждению теория Веселовского, разбирались ошибки, связанные с этим, казалось, что здесь, в Союзе писателей, устраивать снова обсуждение — это будет простым повторением, что, конечно, неверно.

Но, говоря о некотором сдвиге в этой области, мы не можем обойти того факта, что весной, как товарищи могли видеть из "Литературной газеты", даже самые упорные сторонники школы Веселовского признали свои собственные ошибки в этой области и дали обязательство исправить их на деле.

[482] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 48. Л. 17.
[483] Там же. Л. 44.

Конечно, такие декларации имеют цену, когда они воплощаются в жизнь, и об этом мы можем судить лишь в дальнейшем. Но, разумеется, не только Университет, но и Союз писателей должен сделать все, чтобы не было не только сознательных, но и бессознательных рецидивов буржуазно-либерального литературоведения и школы Веселовского в нашей стране.

Нами предпринимались некоторые шаги, чтобы по-новому повернуть литературоведение Ленинграда. Недавно Президиум Академии наук утвердил по нашей заявке новую работу, которая, я надеюсь, объединит критиков и литературоведов: двухтомный большой коллективный труд по марксистской эстетике и теории литературы. Это та работа, которая может при своем успехе создать полный перелом в представлении о литературоведческом Ленинграде и прекратить разговоры о том, что Ленинград — это цитадель формализма, и, наоборот, вызвать новые разговоры — что Ленинград — это цитадель ленинизма также и в литературоведении»[484].

После перерыва, когда прения по докладу А. А. Прокофьева были закрыты, на трибуну поднялся А. А. Фадеев. «Если определить главную причину известной слабости Ленинградского отделения Союза Советских писателей, она лежит в недостаточности идейной жизни организации»[485], — заявил он в начале своего выступления.

Касаясь вопросов литературоведения, он отметил:

«Правильно говорил тов. Эвентов, что в то время, когда началась борьба с наследием школы Веселовского, пассивное отношение ленинградской писательской организации к этому вопросу, к этой теме в условиях, когда перед страной заострены вопросы низкопоклонства перед Западом, — это пассивное отношение было показателем недостаточности идейной жизни.

Вся борьба вокруг этих вопросов прошла, в сущности говоря, не проверив, не разоблачив и не воспитав на этой очень большой теме литературные кадры.

Между тем, вопросы, которые были подняты там, это кардинальные вопросы, в частности, вопрос о приоритете нашей русской науки и, в особенности, о приоритете сейчас нашей советской науки.

Конечно, вмешательство в это дело газеты "Культура и жизнь" нанесло решающий удар нашему идейному противнику. И большим фактом является то, что большинство литературоведов, которые шли за этой школой, не понимая, как в их творчестве преломляется наследие этой школы, — большим фактом является то, что эти товарищи пришли к правильному пониманию, что эти позиции нужно пересмотреть. Но тем не менее вопрос еще не решен, и вопросы этого рода нужно ставить на новых конкретных основах»[486].

Резюмируя речь Фадеева, «Ленинградская правда» писала:

«Переходя к анализу недостатков Ленинградского отделения Союза советских писателей, А. Фадеев объясняет эти недостатки, в первую очередь, слабостью идейной работы, беспринципными приятельскими отношениями, существовавшими долгое время в среде ленинградских литераторов. А. Фадеев отмечает пассивное отношение ленинградской писательской организации к борьбе с низкопоклонством перед Западом, к разоблачению антинародной школы Веселовского»[487].

---

[484] Там же. Л. 55–58.

[485] Там же. Л. 114.

[486] Там же. Л. 115–116.

[487] Выполнить долг перед народом: (На собрании ленинградских писателей) // Ленинградская правда. Л., 1948. № 283. 30 ноября. С. 3.

Вполне очевидно, что Льву Абрамовичу, звезда которого клонилась к закату, пришлось расстаться с постом:

> «Профессор Л. Плоткин, возглавляющий критическую секцию Союза, в своем выступлении почти не остановился на работе секции, хотя и докладчик и ряд выступавших в прениях писателей отмечали слабую деятельность этой важнейшей секции»[488].

В проекте резолюции собрания, принятом за основу, недостатки писательской организации сводились к вопросам литературоведения:

> «Общее собрание писателей констатирует, что в работе правления и Президиума было много весьма существенных недостатков.
>
> В ЛО ССП не велась борьба со школой Веселовского и его последователями, не обсуждались вопросы, связанные с разоблачением низкопоклонства перед западным буржуазно-либеральным литературоведением, с разоблачением растленной буржуазной культуры и искусства. Правление прошло мимо дискуссии по вопросам биологии, хотя выводы этой дискуссии важны для каждого работника идеологического фронта»[489].

Любопытны немногочисленные поправки к тексту резолюции:

> «ЭВЕНТОВ: Та́м говорится о том, что плохо велась борьба с низкопоклонством, с либеральной буржуазной наукой. Там спутаны два вопроса: рецидивы у нас и борьба с реакционной западной наукой. Я предлагаю это уточнить.
>
> ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [П. И. Капица]: Это правильно и голосовать это не будем. Больше нет поправок?
>
> ГУКОВСКИЙ: Было бы хорошо, чтобы впредь резолюции Союза писателей писались не таким сухим, казенным, суконным языком.
>
> ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [П. И. Капица]: Следующему правлению это надо будет учесть и поручить т. Гуковскому написать резолюцию»[490].

После утверждения резолюции председательствующий под бурные аплодисменты выступил с традиционным предложением послать письмо товарищу Сталину, текст которого зачитал Е. Л. Шварц[491].

Но важнейшим пунктом в повестке дня общего собрания были выборы нового состава правления Ленинградского отделения Союза (25 человек). В числе первых кандидатов был предложен А. Г. Дементьев — его выдвинул Б. С. Мейлах, затем самого Б. С. Мейлаха выдвинул Б. О. Костелянец, Л. А. Плоткин предложил кандидатуру В. П. Друзина, «с мест» поступили предложения избрать в состав правления Л. А. Плоткина и Г. А. Гуковского[492] и т. д.

Л. А. Плоткин, не справившийся с работой в 1947 г., взял самоотвод:

> «Я очень горжусь той честью и польщен доверием, которое мне оказано, но я не могу работать, потому что в силу сложившихся обстоятельств должен выполнять очень большую работу по Институту литературы и физически не смогу вести ту большую работу, которая полагается члену правления»[493].

Таким же образом поступил и Г. А. Гуковский:

---

[488] Выполнить долг перед народом. С. 3.
[489] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 48. Л. 151–152.
[490] Там же. Л. 154.
[491] Там же. Л. 155.
[492] Там же. Л. 131–138.
[493] Там же. Л. 140–141.

«Я очень занят по целому ряду работ — по Университету и по другим учреждениям и просто физически не смогу работать»[494].

Когда был сформирован список из 25 человек, настало время переходить к голосованию, но в этот момент председательствующий П. И. Капица предоставил слово В. Ф. Пановой и Ю. П. Герману. С их помощью Смольный решил лишний раз подстраховаться.

«В. Ф. ПАНОВА: Прежде чем приступить к голосованию, я хотела сказать несколько слов по поводу одной из кандидатур "за", без отводов. Мне хотелось сказать об Александре Григорьевиче Дементьеве. Тов. Дементьева мы недавно приняли в Союз. Он — молодой член Союза, но когда мы, члены приемочной комиссии, рассматривали его анкету, мы были удивлены одним обстоятельством (впрочем, мы нередко были удивлены этим обстоятельством), что человек, имеющий право быть членом Союза, только теперь вступает в нашу организацию.

Тов. Дементьев — автор целого ряда крупных литературоведческих работ, в частности, его последняя работа по истории русской журналистики 40–50 гг. прошлого столетия, работа в 20 печ[атных] листов. Мы приняли его в члены Союза, но я хочу сказать, что целая группа людей, беспартийных членов Союза возлагают большие надежды на пребывание А. Г. Дементьева в правлении. Дело в том, что в последнее время стало ясно, что групповщина разъедает нас, мешает нам работать. В этом смысле, значительную часть наших надежд на облегчение этого положения, на уравновешивание интересов мы возлагаем на А. Г. Дементьева.

Ю. П. ГЕРМАН: Дело в том, что я более года своей жизни занят одной темой, эта тема — Белинский, в связи с этой темой, я лично обнаружил на собственном опыте с соавтором, с которым я работаю[495], огромную пустоту в нашем литературоведении. И вот — молодой ученый, молодой литератор в этом смысле сделал чрезвычайно много. Я говорю тоже об А. Г. Дементьеве. Его работа, на мой взгляд и взгляд целого ряда людей, представляет очень большую ценность, это очень серьезно, очень интересно и лишено той скучной академичности и оторванности от насущных нужд дня, которыми грешат многие работы.

Кроме того, насколько я знаю (а я это знаю), А. Г. Дементьев — прекрасный организатор, а наш Союз чрезвычайно нуждается в молодом, деятельном, настоящем организаторе»[496].

Результатом такой агиткампании стало то, что А. Г. Дементьев был избран в состав правления ЛО ССП максимальным числом голосов — 174 «за» и лишь 9 «против». Остальные члены президиума набрали меньшее число сторонников: Эльмар Грин (168/15), Е. Л. Шварц (156/18), А. А. Прокофьев (159/24), В. Ф. Панова (156/27), Б. С. Мейлах (154/29), О. Ф. Берггольц (145/38), Ю. П. Герман (137/46), В. П. Друзин (108/75)[497] и т. д.

---

[494] Там же. Л. 143.

[495] Сценарий для фильма «Белинский» (Киностудия «Ленфильм», 1951 г., вышел на экран 4 июня 1953 г.) был написан Ю. П. Германом в соавторстве с режиссером Г. М. Козинцевым и поэтессой Еленой Павловной Серебровской (1915–2003), выпускницей филологического факультета ЛГУ (1938), членом ВКП(б) с 1946 г., которая еще в довоенные годы являлась информатором партбюро. Л. М. Лотман упоминает в воспоминаниях о доносе Е. П. Серебровской на Г. А. Гуковского (*Лотман Л. М.* Он был нашим профессором // Новое литературное обозрение. М., 2002. № 55. С. 48).

[496] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 48. Л. 144–145.

[497] Там же. Л. 159–160.

Таким образом, как и на партсобрании, все писатели склонили головы перед навязанной руководством кандидатурой; писательское же своеволие было направлено не против троянского коня Ленинградского обкома ВКП(б) — А. Г. Дементьева, а против своих же коллег-писателей.

На следующий день, 28 ноября, состоялось первое заседание нового состава правления, на котором также присутствовали Н. Д. Синцов, А. А. Фадеев, А. В. Софронов и парторг ЛО ССП А. В. Лосев. Протокол заседания лаконичен и не скрывает заранее подготовленного сценария:

«СЛУШАЛИ:

ФАДЕЕВ А. А.: Товарищи, на повестке дня стоит вопрос — о руководящем органе правления. Но прежде чем говорить о составе, необходимо решить, оставить ли уже существующую форму — Президиум, или найти новую, более удобную.

МЕЙЛАХ Б. С.: Предлагаю изменить существующую форму, учредив вместо Президиума — Секретариат правления ЛО ССП.

ФАДЕЕВ: Подтверждает, что на основе практического опыта эта форма признана наиболее удобной и правильной.

МЕЙЛАХ: Предлагает ввести в состав Секретариата т. т.

Дементьева А. Г.

Друзина В. П.

Прокофьева А. А.

Саянова В. М.

Чирскова Б. Ф.

Как людей, отражающих лицо писательской организации и представляющих собой все жанры — литературоведение, критику, поэзию, прозу и драматургию.

КРАТТ [И. Ф.]: Предлагает ввести в Секретариат т. Мейлаха Б. С.

МЕЙЛАХ: Просит отвести кандидатуру, ссылаясь на слишком большую загруженность — кроме штатной работы в Академии наук и в Институте литературы, он пишет книгу о Пушкине.

Отвод принимается единогласно. <...>

ФАДЕЕВ: Предлагает избрать Ответственным секретарем правления т. Дементьева А. Г.

Принимается единогласно»[498].

Так доцент филологического факультета ЛГУ, заведующий сектором печати Ленинградского горкома ВКП(б) Александр Григорьевич Дементьев стал главой ленинградской писательской организации спустя всего лишь три дня после вступления в Союз советских писателей. Вскоре о новом составе правления сообщили газеты[499]. В связи с избранием А. Г. Дементьев с 1 декабря 1948 г. оставил работу в Отделе печати горкома ВКП(б) и переключился на работу с писателями.

Причем должность его была самая что ни на есть руководящая. Распределение обязанностей между членами секретариата выглядело следующим образом[500]:

---

[498] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 57. Л. 120–120 об.

[499] На собрании писателей // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 281. 29 ноября. С. 3; За критику и самокритику, за новый творческий подъем: На собрании ленинградских писателей // Литературная газета. М., 1948. № 96. 1 декабря. С. 3.

[500] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 60. Л. 200.

«1. Дементьев А. Г. — Аппарат ЛО ССП, издательства, партгруппа правления, сектор пропаганды, творческие командировки.

2. Друзин В. П. — Журнал “Звезда”, Комиссия критики и теории литературы.

3. Прокофьев А. А. — Комиссия по приему в ССП, Секция поэтов.

4. Саянов В. М. — Секция прозы и очерка, совет Дома писателя имени Маяковского.

5. Чирсков Б. Ф. — Зам. Ответственного секретаря ЛО ССП, секция драматургов и Комиссия кинодраматургии».

Действительное положение Александра Григорьевича лаконично определено О. М. Фрейденберг в одной из записей начала 1949 г.: «Дементьев, ныне фюрер поэтов и писателей, надзиратель по идеологии»[501].

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ ПО-ПРЕЖНЕМУ ВОСТРЕБОВАН КРИТИКОЙ

После Августовской сессии ВАСХНИЛ наступила небольшая передышка перед окончательным разгромом неугодных в 1949 г. Проработки несколько поутихли, и даже газеты довольствовались пересказами минувших событий. «Литературная газета» в номере от 13 ноября поместила отчет о весеннем собрании в ЛГУ с осуждением сторонников А. Н. Веселовского[502].

Но в самом конце ноября выходит в свет очередной номер журнала «Знамя», где помещена статья московского исследователя творчества Лермонтова Сергея Васильевича Иванова с многообещающим названием «Лермонтов и его комментаторы». Посвящена она не столько поэту, сколько профессору Б. М. Эйхенбауму, едва оправившемуся после полученного летом инфаркта.

Борис Михайлович был также и редактором четырехтомного Полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова. Именно это издание, законченное в июле 1948 г., стало причиной нападок С. В. Иванова:

> «...Когда мы переходим к комментариям, приложенным к этому изданию, острое чувство негодования охватывает нас: мы уже не говорим о бессистемности и разностильности комментариев, о длинных рассуждениях там, где комментарии вовсе не требуются, и о лаконичных, однострочных “пояснениях” там, где необходимы подробные объяснения. Мы ставим более важный и острый вопрос: о продолжении в комментариях к этому изданию старой порочной практики некоторых “ученых”, стремящихся всеми силами протаскивать в нашу литературу метод сравнительного литературоведения, который полностью игнорирует самобытность русской литературы и живую, непосредственную связь ее с жизнью. Свою задачу подобные литературоведы видят лишь в том, чтобы путем сопоставления отдельных слов, выражений, эпитетов, встречающихся в произведениях русских художников слова, с соответствующими строчками из произведений западноевропейских писателей доказать, что русский художник не оригинален: такой-то образ он заимствовал там-то, а такой — там-то.
>
> В комментариях к четырехтомнику М. Ю. Лермонтова профессор Б. Эйхенбаум во что бы то ни стало старается доказать, что великий Лермонтов является эпигоном

[501] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[502] Большевистская партийность — основа советского литературоведения // Литературная газета. М., 1948. № 91. 13 ноября. С. 1.

западноевропейской литературы, что он находится целиком под влиянием английской, французской и немецкой литературы. <...>

Имя Б. Эйхенбаума заставляет нас обратиться и к предыдущим его работам о Лермонтове, дабы сделать общие выводы о "трудах" профессора, направленных к ниспровержению Лермонтова»[503].

С. В. Иванов выполняет свое обещание и производит ревизию лермонтоведческих работ Бориса Михайловича от 20-х до 40-х гг.:

«...Единая крепкая нить связывает эйхенбаумовские комментарии из четырехтомника 1948 года с его комментариями из пятитомника 1937 года. И те и другие покоятся на едином фундаменте — книжке Б. Эйхенбаума "М. Ю. Лермонтов", изданной еще в 1924 году, — работе, предельно формалистической, рассматривающей творчество Лермонтова с абстрактных космополитических позиций, подводящей все творчество гениального русского поэта к полнейшей зависимости от западноевропейских литератур.

Наша критика неоднократно указывала Б. Эйхенбауму на порочность его "концепции". В 1937 году в Институте литературы Академии наук в Ленинграде (Пушкинский Дом) состоялось специальное заседание, посвященное обсуждению работ Эйхенбаума о Лермонтове. Крупнейшие советские литературоведы заявили тогда, что работы Эйхенбаума о Лермонтове находятся в резком противоречии с марксистской наукой о литературе, что эти работы "написаны всецело в традициях буржуазных комментаторов Лермонтова" и что "нежелание Эйхенбаума следовать принципам марксизма-ленинизма в литературной науке влечет все те же ошибки, которые систематически возникают в его работах". И Б. Эйхенбаум тогда "согласился с выступавшими". Но это "согласие" было лишь тактическим маневром и не привело к изменению его взглядов»[504].

«УЗБЕКСКИЙ НАРОДНЫЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС»

Из событий, не выплеснувшихся на газетные полосы, стоит также отметить состоявшееся 16 ноября 1948 г. в Москве совместное заседание секторов Средней Азии и фольклора Института этнографии Академии наук СССР. Посвящено оно было обсуждению книги «Узбекский народный героический эпос», изданной в Ленинграде в 1947 г. Написана она была узбекским фольклористом Х. Т. Зарифовым[505] и профессором В. М. Жирмунским в Ташкенте во время войны. Тон обсуждения был задан докладом сотрудницы сектора фольклора Веры Константиновны Соколовой (1908–1988):

«...Книга Жирмунского и Зарифова должна быть решительно осуждена, так как она содержит активную пропаганду враждебного марксизму-ленинизму компаративистского метода. Узбекский народный эпос авторы рассматривают с позиций буржуазного космополитизма; они нагромождают множество параллелей из героического и сказочного эпоса восточных и европейских народов, и в этом хаотическом нагромождении обломков

[503] *Иванов С.* М. Ю. Лермонтов и его комментаторы // Октябрь. М., 1948. Кн. 11. Ноябрь. С. 201.

[504] Там же. С. 202.

[505] Зарифов Хади Тилляевич (1905–1972) — фольклорист, заложивший основы изучения узбекского фольклора и в течение более чем сорока лет руководивший этой работой; большая часть работ опубликована на узбекском языке (первая в 1927 г.). В годы войны возглавлял Институт восточных рукописей АН Узбекской ССР в Ташкенте, в 1945 г. ему присвоена степень кандидата филологических наук по совокупности печатных работ, а в 1965 г., с разрешения ВАК, докторская степень.

эпоса всех времен и народов совершенно тонет идейное содержание и национальное своеобразие узбекского героического эпоса. Действительной конкретной истории развития узбекского эпоса, теснейшим образом связанной с историей узбекского народа, анализа его идей и образов в книге нет, реальное историческое содержание народного эпоса полностью игнорируется. Схематизм и антиисторизм, идущие от концепции А. Н. Веселовского, пронизывают всю книгу. В итоге у читателя создается совершенно извращенное представление, — что различные произведения узбекского эпоса лишь случайные вариации одних и тех же пресловутых "бродячих мотивов" и "сюжетных схем" или же перепевы сюжетов персидской средневековой литературы»[506].

Затем начались прения по докладу, изложенные впоследствии в журнале «Советская этнография», причем, по-видимому, самой же В. К. Соколовой. Отметим некоторые:

«Б. И. Богомолов (Академия Общественных наук [при ЦК ВКП(б)]) указал, что разбираемая книга в своей основной части является типичным примером компаративистского исследования и наглядно показывает несостоятельность и научный вред этого метода. Книга посвящена узбекскому эпосу, но в действительности она не дает представления ни об этом эпосе в целом ни об отдельных его произведениях. Прекрасное целостное здание национального эпоса раздроблено на отдельные элементы, кирпичики, превращено в развалины. В книге дан какой-то хаос элементов узбекского эпоса, эпоса других народов. Применяя компаративистский метод, В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов полностью отрицают цельность и национальную специфику художественного произведения в народном творчестве. Более того, они по существу отрицают и народное, национальное творчество, вслед за Веселовским рассматривая фольклор как случайное сцепление вечных "бродячих мотивов". Авторы книги слепо последовали за Веселовским. Более того, ссылаясь только на него одного, они тем самым пропагандируют его, выдавая за высший научный авторитет. Они не раскрывают на основе эпоса исторически развивавшиеся чаяния и ожидания узбекского народа. Как всем содержанием книги, так и в своем определении задач изучения эпоса народов СССР они ориентируют наши национальные кадры фольклористов на применение компаративистского метода, в корне чуждого подлинной науке.

Проф[ессор] С. П. Толстов отметил, что выступавшие до него товарищи правильно указали основные методологические пороки книги тт. Жирмунского и Зарифова, которая является не только образцом применения методологий Веселовского, но и активной пропагандой ее. Стремление всюду найти параллели, нагромождение бесчисленных примеров — только запутывают читателя и создают неверное представление об узбекском эпосе. Все его элементы даны разрозненно, его национальная специфика оказалась сначала растворенной в каком-то "степном" эпосе, а затем в эпосе мировом. Авторы не обращают внимания на идейное содержание эпоса, а оперируют голыми сюжетными схемами, в результате чего различные национальные произведения рассматриваются как вариации одной и той же сюжетной схемы, как различные стадии одного и того же сказания <...>. Книга "Узбекский народный героический эпос" не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий. Узбекского героического эпоса в ней нет, все разложено на мотивы и тонет в бесконечных параллелях. Остается только пожалеть, что такая книга выпущена, и надеяться, что тт. Жирмунский и Зарифов дадут новое исследование в ином плане.

---

506 *В. С. [Соколова В. А.?]* Обсуждение книги «Узбекский народный героический эпос» // Советская этнография. М.; Л., 1949. [Кн.] 2. [Апрель–июнь]. С. 177.

Проф[ессор] Е. В. Гиппиус согласился с выступавшими до него товарищами, вскрывшими основные пороки книги тт. Жирмунского и Зарифова, и остановился в своем выступлении на теоретических вопросах. Метод, называемый тт. Жирмунским и Зарифовым сравнительно-историческим, в действительности не является ни историческим, ни сравнительным. Мы не отрицаем, сказал проф[ессор] Гиппиус, сравнительный метод, но мы отрицаем позитивистский метод формалистических сопоставлений схем, на которых выхолащивается содержание. Веселовский и его последователи изучают только формальные аналогии, понимаемые ими как черты общности всех национальных культур. Сравнительный метод в нашем понимании — это предварительная лаборатория, которая должна помочь выявить различия, выделить национально своеобразные, оригинальные черты анализируемого произведения, исследование же должно заключаться в том, чтобы эти особенности исторически объяснить. Нужно говорить о действительном творчестве народа, а не превращать народных певцов в более или менее искусных комбинаторов готовых мотивов и схем. В работе проф[ессора] В. М. Жирмунского привычка рассматривать фольклор как комбинирование мотивов приводит на деле к отрицанию творческих способностей народа. Подобное декларирование народного творчества на словах и подмена его на деле комбинированием и разложением имеется и у других наших фольклористов, и с этим надо повести решительную борьбу. <...>

В. И. Чичеров в заключительном слове подвел итоги обсуждения. Единодушное осуждение вредной в методологическом отношении книги, сказал он, свидетельствует о том, что большинство советских фольклористов освобождается от порочных методологических установок, разделявшихся ими в прошлом. Отказывается от этих установок и сам проф[ессор] В. М. Жирмунский (как это видно из изложения его выступления в "Вестнике Ленинградского университета"). Нужно прямо сказать, что, несмотря на издание данной книги, исследования об узбекском героическом эпосе нет. Проф[ессор] В. М. Жирмунский ориентировался на Веселовского, так же как ориентировались на него и многие другие фольклористы. Фразы о необходимости изучать фольклор под социально-политическим углом зрения в книге есть, но они остаются только декларацией, весь же материал исследуется компаративистским методом, значительная часть узбекского эпоса авторами просто отброшена. Вся книга состоит из сопоставлений. Анализа идей и образов узбекского народного эпоса по существу в ней нет. Авторы проходят мимо высказываний Маркса о греческом эпосе, а ведь Маркс со всей убедительностью показал, что греческий эпос мог возникнуть только в конкретных условиях древней Греции и представляет своеобразное и неповторимое явление. Эти замечательные указания надо всегда помнить, нельзя изучать эпос в отрыве от жизни народа, от конкретной исторической обстановки, которая его порождает. <...> Книга В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова должна быть решительным образом осуждена как вредная, противоречащая методологии марксизма-ленинизма»[507].

В качестве итога этого обсуждения стоит рассматривать статью Л. Климовича «Против космополитизма в литературоведении», напечатанную в главной газете страны 11 января 1949 г., еще до начала общесоюзной кампании по борьбе с космополитизмом. Место публикации лишь усиливало обвинения:

«...Впервые узбекское народное творчество стало предметом научного изучения только после 1917 года. Буржуазное литературоведение игнорировало искусство народов, угнетенных царизмом, стремясь доказать, что искусство этих народов якобы

[507] *В. С. [Соколова В. А.?]* Указ соч. С. 177–179.

лишено подлинной самобытности и является всего лишь сколком с искусства арабского, османского или персидского. Исследования советских ученых, собравших десятки фольклорных памятников, неопровержимо устанавливают лживость и реакционный смысл подобных "теорий".

С тем большим осуждением должна быть встречена выпущенная Гослитиздатом книга В. Жирмунского и Х. Зарифова "Узбекский народный героический эпос", по существу возвращающая нас к задам буржуазного литературоведения. Авторы этой книги исходят в своих рассуждениях из методологических предпосылок, глубоко чуждых марксистско-ленинскому литературоведению. В своей работе они стоят на позициях буржуазного космополитизма, пользуются методологией, по существу своему последовательно формалистической.

Послушно следуя осужденному нашей наукой "историко-сравнительному" методу, заимствованному в арсенале буржуазного литературоведения, Жирмунский и Зарифов рассматривают узбекский фольклор как колоссальное собрание так называемых международных сюжетов, якобы извечно кочующих из одной национальной литературы в другую. Вместо того, чтобы проследить, как отразилась в узбекском героическом эпосе история узбекского народа, его характерные духовные свойства, его бытовой уклад и своеобразие его национальной культуры, авторы книги озабочены только тем, чтобы подыскать для каждого сказания, созданного узбекскими поэтами, параллель в западноевропейских и ближневосточных (арабская, тюркские, персидская) литературах. История узбекского народного творчества поэтому искажается до неузнаваемости, а ее творцы, народные певцы, поэты превращаются под пером Жирмунского и Зарифова всего лишь в комбинаторов стандартных сюжетов и образов, якобы перекочевавших в их произведения то из немецких, то из арабских, то из греческих источников, Авторы книги не делают даже попытки исторически объяснить эти "заимствования", так как они не могут не понимать, что указать, каким путем попали в средневековый Узбекистан поэтические мотивы, например, из французской или английской литературы, просто невозможно. Устанавливаемые ими совпадения и параллели носят поэтому исключительно формальный характер и в большинстве случаев буквально поражают своей надуманностью и искусственностью. <...>

Следуя воззрениям буржуазных писателей, стремящихся в своих реакционных целях свести на нет оригинальность литератур на тюркских языках, Жирмунский и Зарифов в своей книге говорят о персидской литературе как об "основном источнике средневековой романтики для всех литератур мусульманского Востока" и возводят узбекский эпос к "арабско-персидским источникам".

Нарочитые поиски "мусульманских" истоков в узбекском эпосе приводят авторов к утверждениям, весьма напоминающим рассуждения панисламистов и других родственных им феодально-клерикальных и буржуазно-националистических "теоретиков". Замалчивая реакционную роль ислама, всегда служившего идеологической опорой для эксплуататорских классов на Востоке, Жирмунский и Зарифов говорят о "народных корнях", "официальной идеологии мусульманства", о некоей "интернациональной мусульманской письменной культуре" и т. п. Все это буквально повторяет шовинистические разглагольствования некоторых небезызвестных буржуазных этнографов и историков культуры.

Жирмунский и Зарифов не останавливаются перед прямой фальсификацией. Они пытаются, например, сказание о "Фархаде и Ширин", в котором нашли свое

выражение народные мечты о счастье и справедливости, истолковать как отражение влияния... Библии и Корана. И, наоборот, анализируя эпос "Юсуф и Ахмед", в котором развиваются идеи "газавата", т. е. войны за веру, авторы книги объявляют это проникнутое мусульманской идеологией произведение "патриотическим". <...>

Издание этой методологически порочной, путаной и антиисторической книги является ошибкой Гослитиздата. Долг советских литературоведов — дать подлинно научный марксистско-ленинский анализ литературных богатств, которыми гордятся народы нашей Родины. Но эта задача может быть выполнена только при условии, если глубоко чуждое влияние буржуазно-политической, космополитической школы Веселовского будет ликвидировано в нашем литературоведении»[508].

Отдельного упоминания заслуживает и сам автор приведенной статьи — московский востоковед Люциан Ипполитович Климович (1907–1989). На ниве суровой критики он «прославился» еще до войны: тогда он выступил против другого профессора ЛГУ — академика И. Ю. Крачковского:

«Не избежал гонений и Крачковский. В 1937 году в № 7 журнала "Под знаменем марксизма" появилась рецензия Л. И. Климовича на "Труды первой сессии ассоциации арабистов". Она была написана в том же беспардонно-разухабистом тоне, что и статьи начала 30-х годов, критикующие Коллегию востоковедов, и так же отдавала политическим доносом. <...> Приемы, которыми пользовался автор, стары и хорошо известны: цитаты, вырванные из контекста и превратно истолкованные, многочисленные передержки, натяжки, голословные лживые утверждения. <...>

Была ли эта статья инспирирована кем-то сверху или просто захотелось выдвинуться, поднявшись на волне общего обличительного ажиотажа, — кто теперь ответит на этот вопрос? Так или иначе, нравственный облик этого человека навеки запечатлен в его печатном слове»[509].

В 1949 г. уже самого Л. И. Климовича пытались обвинять в космополитизме, но он лишь ревностнее нападал на других — И. Ю. Крачковского, В. М. Жирмунского, Е. Э. Бертельса, М. М. Дьяконова... Особенным резонансом пользовались его погромные статьи в «Правде»:

«...Шла свирепая борьба с космополитизмом. Евреи, как всегда, служили лишь затравкой для более широких партийных свершений. Оборотной стороной космополитизма был объявлен национализм, то есть стремление евреев не быть "беспаспортными [sic!] бродягами в человечестве" и сохранить свои исторические и государственные корни. Массы охочих до всяческой травли маргиналов, прежде всего, "образованщину", стали пугать сионизмом. Потом с этого традиционного плацдарма обрушились уже на национализм в республиках. Буквально по следам Первой Конной шла широкая всеохватывающая волна репрессий. Делалось это организованно, в плановом порядке. В "Правде" появлялась статья, подписанная обычно тремя авторами: известным "востоковедом в штатском" Люцианом Ипполитовичем Климовичем, кем-то из местных ученых того же пошиба и собственным корреспондентом газеты. В день, когда газета выходила в свет, на месте арестовывалась группа наиболее авторитетных ученых, так или иначе связанных с изучением эпоса. В Туркмении таким образом были арестованы Баймухамед Каррыев, Мяти Косаев, Оразмамед Абдалов, [Б.] Журменек и другие. Им быстренько

---

[508] *Климович Л.* Против космополитизма в литературоведении // Правда. М., 1949. № 11. 11 января. С. 3.

[509] *Долинина А. А.* Невольник долга. СПб., 1994. С. 307, 308–309.

дали по десять лет и отправили в Карлаг, лишь придержав для доследования Журменека. Как этого добивались (в прямом смысле), мы сегодня знаем, и профессор Журменек дал показания, что они не просто изучали антинародный эпос "Коркут-ата", но по сговору с иностранной агентурой образовали туркменское национальное правительство в подполье. Всех привезли назад из Караганды и судили заново. <...> Вместе с Журменеком всем теперь дали по двадцать пять лет и отправили назад в Караганду»[510].

ДИСКУССИЯ О ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

Уже находясь вне университетской среды, но остро чувствуя политическую конъюнктуру, министр просвещения РСФСР А. А. Вознесенский по-прежнему продолжал разрабатывать литературное направление на «идейно-педагогическом фронте». Именно с этим связано еще одно крупное мероприятие — «Дискуссия по вопросам преподавания литературы в средней школе», для подготовки и участия в которой министр привлек и литературоведов и писателей. Дискуссия проводилась Министерством просвещения РСФСР совместно с Союзом советских писателей СССР с 29 ноября по 2 декабря 1948 г. в Москве.

Министр просвещения был главным инициатором ее проведения. Еще 14 июля 1948 г. он выступил в «Учительской газете» с программной статьей «О преподавании литературы в школе»; А. А. Вознесенский умело и в соответствии с требованиями руководства страны выводил вопрос из русла педагогики и истории литературы на просторы идеологической работы. Начиналось его выступление так:

> «Литература является одним из важнейших предметов учебного плана средней школы. Нет надобности доказывать, как велико ее образовательное и воспитательное значение в формировании личности советского молодого человека, в подготовке будущих активных строителей коммунистического общества. Изучение литературы предоставляет исключительные возможности для формирования у школьников марксистско-ленинского мировоззрения, воспитания коммунистической морали. Правильно поставленное преподавание литературы явится мощным средством идейно-политического воспитания учащихся. <...>
>
> Между тем, преподавание именно этого важнейшего в идеологическом отношении предмета поставлено во многих школах неудовлетворительно.
>
> Изучение истории литературы не используется или используется лишь в самой малой степени для воспитания у учащихся научного, марксистско-ленинского мировоззрения, не способствует выработке у них понимания социально-исторической обусловленности литературных явлений; учащиеся, оканчивая среднюю школу, часто не получают правильных представлений о методологии советского литературоведения. <...> Более того, история литературы до сих пор зачастую изучалась в школе не как общественно-исторический процесс, являющийся отражением классовой борьбы в области идеологии, а как сумма отдельных литературных произведений. Это изучение отдельных литературных фактов сопровождалось лишь весьма краткой характеристикой той или иной исторической эпохи, причем, как правило, анализ развития литературы в данный

[510] *Симашко М.Д.* Из книги «Четвертый Рим»: Журнальный вариант // Иерусалимский журнал. Иерусалим, 2000. № 6. С. 142–143.

период отрывался от характеристики эпохи. Вопросы социально-классового анализа литературных произведений тщательно обходились. Естественно, что это способствовало идеалистической и формалистической трактовке литературных явлений. <...>

Серьезнейший порок изучения литературы в школе заключался и в том, что это изучение не было свободно от низкопоклонства и раболепия перед буржуазной культурой и литературой. Антинаучные и антипатриотические теории влияний западноевропейской литературы на русскую литературу находили отражение в отдельных школьных учебниках, а, соответственно этому, и в преподавании литературы»[511].

Журнал «Литература в школе» вслед за этим выступлением министра поместил на своих страницах его подробный разбор, где еще больше акцентировалась идеологическая актуальность поднятых вопросов:

«Именно советская литература дает преподавателям литературы неисчерпаемые возможности для систематической борьбы с пережитками капитализма в сознании нашей молодежи; для раскрытия превосходства коммунистической морали перед цинично-эгоистическими, хищно-своекорыстными “принципами” эксплуататорского мира; для показа великих преимуществ советского порядка перед порабощающей трудящихся капиталистической системой; для утверждения замечательных достоинств непрерывно растущей социалистической культуры перед человеконенавистнической, окончательно вырождающейся буржуазной культурой современного Запада. <...>

Значение советской литературы в образовании и воспитании поколений новых строителей социалистического общества, борцов за коммунизм трудно переоценить. И не случайно, что в исторических постановлениях ЦК ВКП(б) о литературе, драматургии, кино и музыке послевоенного периода, а также в известных выступлениях А. А. Жданова была так ярко подчеркнута роль советской литературы в деле воспитания молодежи»[512].

Необыкновенно политизированным, с превалированием элементов идейно-политического воспитания, оказался и приказ о задачах средних школ в грядущем 1948/49 учебном году, подписанный министром 10 августа 1948 г.[513]

А незадолго до дискуссии, в середине ноября 1948 г., министр изложил в «Правде» свое идейно-политическое кредо:

«Важнейшей стороной идейно-политической работы в школе является воспитание учащихся в духе советского патриотизма. Преподавание каждого учебного предмета дает богатейшие возможности для воспитания у школьников любви к советской социалистической Родине, преданности советскому государству и партии Ленина—Сталина, верности идеалам коммунизма.

Учащиеся нашей школы должны воспитываться в духе советской национальной гордости за нашу великую социалистическую Родину, за наш великий и героический народ. С этим благородным чувством несовместимо какое бы то ни было низкопоклонство перед буржуазной культурой. На конкретных фактах и примерах следует показывать школьникам реакционный характер современной буржуазной культуры, ее гнилостность, распад и разложение.

---

[511] *Вознесенский А. А.* О преподавании литературы в школе // Литературная газета. М., 1948. № 56. 14 июля. С. 2.

[512] Об изучении советской литературы в школе // Литература в школе. М., 1948. № 6. С. 7–8.

[513] Об итогах работы школ РСФСР в 1947/48 учебном году и очередных задачах на 1948/49 учебный год: Приказ министра просвещения РСФСР А. А. Вознесенского № 434 от 10 августа 1948 г. // Учительская газета. М., 1948. № 34. 12 августа. С. 2.

Задача советской школы — прививать учащимся чувство любви к нашему общественному и государственному строю <...>, повседневно прививать молодежи сознание могущества нашего советского государства, разъяснять широкие перспективы развития нашей страны, осуществляющей постепенный переход от социализма к коммунизму.

Задача состоит в том, чтобы питомцы советской школы росли людьми высокоидейными, убежденными в величии и правоте дела партии Ленина—Сталина, принципиальными, стойкими, боеспособными, бодрыми, не боящимися трудностей и готовыми преодолевать любые трудности. А для этого вся работа школы должна быть проникнута высокой коммунистической идейностью, наполнена глубоким идеологическим содержанием, большевистской партийностью»[514].

29 ноября 1948 г. «Дискуссия по вопросам преподавания литературы в средней школе» началась. Состав ее участников был очень представительным: у А.А. Вознесенского был несомненный талант устраивать масштабные форумы. В частности, среди литературоведов, принявших активное участие в дискуссии и выступавших перед собравшейся аудиторией, были московские профессора Л.И. Тимофеев, Т.Л. Мотылева[515], М.Д. Эйхенгольц[516], Л.И. Климович, В.В. Голубков; из Ленинграда приехали профессора Г.А. Гуковский, Л.А. Плоткин и В.А. Десницкий, а также «комиссар» ленинградского литературоведения А.Г. Дементьев. Не менее представительной была делегация ораторов от Союза советских писателей СССР — А.А. Фадеев, А.Л. Барто, С.Я. Маршак[517] и др. Число присутствовавших на дискуссии насчитывало несколько сотен человек — критики, писатели, литературоведы, школьные учителя, работники отделов народного образования и сотрудники АПН.

«Участники дискуссии — учителя, научные работники, писатели — сознавая, что изучение литературы в школе является вопросом большого общественно-политического значения и что ответственность за уровень литературного развития молодежи лежит не только на учителях, но и в значительной мере на литературоведах и писателях, впервые совместно обсуждали вопросы изучения литературы в школе и пути совместной работы над разрешением насущных задач преподавания. <...>

Правильно отмечалось, что литературная наука в долгу перед школой, что целый ряд вопросов, имеющих особо важное значение для школьного курса литературы, не разрешен еще литературоведами. Состояние литературной науки, ее достижения и недостатки, отражаются в школьной практике. Школа — важнейший участок социалистического строительства, и она вправе предъявлять свои решительные требования, на которые последняя должна дать ответ»[518].

---

[514] *Вознесенский А.* Идейно-политическое воспитание в советской школе // Правда. М., 1948. № 322. 17 ноября. С. 2.

[515] Мотылева Тамара Лазаревна (1910–1992) — литературовед, доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ.

[516] Эйхенгольц Марк Давидович (1889–1953) — литературовед, специалист по западноевропейской литературе, доктор филологических наук, профессор МОПИ.

[517] Стенограммы выступлений частично сохранились в фонде Министерства просвещения РСФСР: ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 136. Л. 1–79 (стенограмма заседания 29 ноября — выступления А.А. Вознесенского, В.А. Десницкого, Г.А. Гуковского и др.); Там же. Д. 137. Л. 1–78 (стенограмма заседания 30 ноября — выступления Л.И. Тимофеева, Т.Л. Мотылевой, М.Д. Эйхенгольца, Л.А. Плоткина, А.Г. Дементьева и др.); Там же. Д. 138. Л. 1–91 (стенограмма заседания 1 декабря — выступления С.Я. Маршака, А.Л. Барто и др.); Там же. Д. 139. Л. 1–81 (стенограмма заседания 2 декабря — выступления В.В. Голубкова, А.А. Фадеева, А.А. Вознесенского и др.).

[518] От редакции // Литература в школе. М., 1949. № 1. С. 58, 60.

Кроме собственно литературоведов, писателей и учителей, в работе форума приняли участие и официальные лица. «На дискуссии присутствуют заместитель председателя Совета Министров РСФСР И. Далматов[519], зав. сектором школ Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Л. Дубровина, генеральный секретарь Союза советских писателей А. А. Фадеев, секретарь ЦК ВЛКСМ Т. Ершова, президент Академии педагогических наук РСФСР И. Каиров...»[520] — сообщала «Учительская газета».

Открыл дискуссию министр просвещения:

> «В своем вступительном слове министр просвещения А. А. Вознесенский, говоря о роли и задачах изучения литературы, указал, что литература принадлежит к числу тех учебных предметов в школе, которые играют решающую роль в формировании идеологии, марксистско-ленинского мировоззрения нашей молодежи.
>
> Подчиняя изучение литературы задачам воспитания советских граждан, следуя принципам коммунистического воспитания, умело применяя метод диалектического материализма и правильно оценивая художественные произведения, наши преподаватели могут пользоваться художественными образами классической литературы прошлого и в особенности советской литературы как учебником жизни, учебником коммунизма.
>
> Преподавание литературы раскрывает неограниченные возможности для воспитания чувств советского патриотизма, национальной гордости, сознания неизмеримого превосходства советского государственного строя над капиталистическим государственным строем, советской культуры над буржуазной культурой.
>
> Изучение художественной литературы формирует в сознании учащихся критерии оценки процессов общественной жизни; обогащает, конкретизирует исторические знания учащихся. Молодежь учится понимать, что русская литература является нашей величайшей национальной гордостью, нашим великим вкладом в мировую сокровищницу культуры.
>
> Вопросы литературного образования молодого поколения имеют отнюдь не узкопедагогическое или ведомственное значение, — говорил министр. Это вопросы большого государственного значения. Вот почему вся наша советская общественность проявляет такой исключительный интерес к вопросам преподавания литературы.
>
> Все наши программы и учебники по литературе стоят на неизмеримо более высоком уровне, чем это имело место в дореволюционное время. Однако, — подчеркнул министр, — преподавание литературы в советской школе до сих пор страдает серьезными принципиальными недостатками.
>
> Вопросы, подлежащие обсуждению, А. А. Вознесенский сгруппировал в трех основных проблемах.
>
> 1. Содержание и объем курса литературы в школе. Сюда вошел следующий комплекс вопросов: Что должен знать оканчивающий семилетнюю школу? Каков должен быть характер курса литературы в семилетней школе, принцип отбора произведений для V–VII классов? Какое место должны занимать в этих классах произведения советской литературы, литературы народов СССР? Какие сведения в области теории литературы необходимо дать учащимся в V–VII классах?

---

[519] Иван Петрович Далматов (1905–1968), занимая долгие годы этот пост в правительстве РСФСР, в 1960 г. был назначен ректором и заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии МГПИ имени В. И. Ленина.

[520] Дискуссия о преподавании литературы в школе // Учительская газета. М., 1948. № 51. 2 декабря. С. 2.

Что следует отбирать из истории русской литературы для изучения в средней школе? Каково должно быть соотношение между основными частями курса литературы? В какой мере изучать историю древней литературы и литературы XVII–XVIII вв.? Каким принципом надо руководствоваться при отборе и изучении произведений русских писателей и классиков? В какой мере изучать гениальные произведения народов Советского Союза (Шевченко, Шота Руставели, Навои и др.)? Как сочетать это изучение с русской литературой? Нужно ли знакомить наших школьников с выдающимися произведениями всеобщей литературы? В каком объеме, где и когда это делать? Можно ли и нужно ли в X классе проходить только советскую литературу?

2. Характер и структура программ по литературе. Указав кратко на недостатки современных программ по литературе, министр предъявил к построению их следующие требования: 1) строить программы так, чтобы преподавание в школе соответствовало ленинско-сталинским принципам партийности в науке, чтобы оно было действительно партийным, следовательно, и подлинно научным; 2) программы по литературе должны строго соответствовать принципам марксистско-ленинского литературоведения, чтобы они не носили объективистского, аполитичного характера, помогали учителю преподавать литературу в соответствии с требованиями партийности в науке.

3. Структура школьных учебников по литературе. В этом разделе министр выдвинул следующие вопросы: О типе учебного пособия для V–VII классов. Сейчас это хрестоматия. Многие находят возможным оставить ее в школе, другие предлагают значительно улучшить ее, третьи — дать параллельно к ней специальный учебник по литературе. Как решить этот вопрос?

В какой мере учебники по литературе для VIII–X классов реализуют принцип марксистско-ленинского литературоведения? Каково воспитательное и образовательное значение учебников? Как строить учебники, чтобы они соответствовали полностью основным положениям нашей советской науки о литературе, чтобы они давали социально-классовый анализ?

Поставив перечисленные выше вопросы, министр пригласил собравшихся обсудить их и, возможно, дополнить другими вопросами»[521].

Самым неожиданным выступлением не только первого дня, но и всей дискуссии оказалась речь профессора ЛГУ Г. А. Гуковского. Несмотря на то что над ним уже стали сгущаться тучи, покровительство министра дало ему возможность не подстраиваться под общий тон выступающих, пренебречь явным неодобрением и ропотом зала и изложить свою точку зрения, которая никак не сочеталась с текущим идеологическим моментом. Журнал «Советская педагогика» так резюмировал его выступление:

«Проф[ессор] Гуковский Г. выступил против существующей методики изучения литературы. Он указал, что есть некоторое количество произведений, которые действительно изучаются в школе, остальные же даются в виде литературных биографий.

Некоторые вещи, — говорит т. Гуковский, — мы жуем, пока учащиеся не потеряют к ним всякий вкус. Программу можно уплотнить. Творчество Карамзина проходить менее подробно, чем творчество Островского. Необходимо отказаться от дробления произведений Пушкина и многократных повторений. На изучение творчества Горького, по мнению т. Гуковского, 30-ти часов много»[522].

---

[521] О преподавании литературы в школе // Советская педагогика. М., 1949. № 2. Февраль. С. 117–118.

[522] Там же. С. 120.

Но это изложение сильно сглаживает то, что в действительности происходило на дискуссии. Приведем отрывок из стенограммы:

«Мы, ленинградская делегация, обсуждали вопрос — можно без Карамзина обойтись или нет? Можно без отдельного жевательного изучения "Бедной Лизы" обойтись? Я поставил этот вопрос с другого конца. Зачем обходиться без Карамзина? Можно не обходиться, но, допустим, поставить его не в те условия, в которые мы ставим "Грозу". Если мы будем ставить его в условия изучения "Грозы", то дети потеряют к нему всякий вкус.

Когда роман Фадеева "Молодая Гвардия" читался по субботам в течение 40 минут целый год, причем предполагалось, что дети не поинтересуются следующей страницей, а прослушав это, на этом остановятся (ГОЛОС: — Это анекдот!). Это не анекдот. Это было в Московской школе в Сокольниках. (Шум в зале.)

Я это знаю, отвечаю за свои слова, дайте мне говорить, потому что смутить меня шумом невозможно.

Надо уменьшить количество часов на некоторых... великих писателях. Нечего этого бояться... Будет юбилейный пушкинский год, я все это прекрасно понимаю, но тем не менее 38 часов, я думаю, что это много.

(ГОЛОС: — Мало.)

Я понимаю, что так как вы говорите мало: надо давать характеристику Онегина, Татьяны, тогда мало, а вообще каждое произведение дробится на куски. Дробится на куски в порядке изложения и каждый кусок изучается, потом дробится на куски в порядке персонажей и каждый кусок также изучается. Потом, когда четвертование этого замечательного произведения доводится до конца, тогда начинают его собирать.

Я считаю, что нам нужно перестать пользоваться такой методикой, которая существует.

Мы живем в стране, где все движется вперед. Это неправильно на ней останавливаться.

(Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. — Как вы считаете — Пушкина сократить?)

Прежде всего, я считаю, что в общем плане программа, как она сейчас дана, является огромным шагом вперед.

Нужно сократить количество тем. Считать, что молодое свежее сознание отрока или девицы может изучить по семи произведений, — абсурд.

Если мы до 9-го класса контролируем процесс усвоения очень пристально, то в 10-м классе мы более смело можем ввести систему лекций. В 10-м классе широко должны быть поставлены лекции. Вы не должны проверять на каждом шагу мыслительный процесс учащегося. Мыслительный процесс учащегося вы должны контролировать результатом того мыслительного процесса, который в нем происходит, а не следить, мучительно прицепляясь к каждому дальнейшему движению этого процесса. И эта методика страха, что ваш учащийся, юноша или девушка не поймут того, что им преподается, приводит к страшной медлительности. В результате получается, что изучают несколько произведений, а другие нет, и какие-нибудь дивные пушкинские стихотворения все-таки не прозвучат в классе, потому что на них не хватило времени, и хотя "Евгений Онегин" — великое произведение, но тем не менее не следует сидеть по 10—12 часов на его изучении.

(Шум протеста в зале.)

<...> Я не знаю, что делать с Ломоносовым в 5 часов. 4 часа достаточно.

(Шум в зале.)

Если материал переносится на общий обзор, начинаются учительские ответы: что это вам легко, вы в университете и проч. Я много лет работал в очень хорошей средней школе, в 51-й.

(Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ: — Мы можем подтвердить, что проф[ессор] Гуковский и сейчас не порывает связь со школой.)

Расстреляйте меня, страшную вещь скажу: на Горького 30 часов много. Не потому, что не хватает материала, а нельзя топтаться на великом Горьком, чтобы его не растоптать. (Смех.) Нужно сохранить свежесть»[523].

30 ноября, во второй день дискуссии, обсуждение методики преподавания литературы вернулось в намеченное русло: речь шла об увеличении часов на изучение советской литературы и на освещение ее выдающегося мирового значения. Вполне очевидно, что для высвобождения часов под изучение советской литературы нужно было «выкинуть» из программы что-то менее актуальное в идеологическом плане:

«Тов. Дементьев (доц[ент] Ленинградского университета), при сравнении новых программ со старыми, отдает должное новым, улучшенным программам, но и в них отмечает ряд оставшихся недостатков: 1) не включены советские писатели — Фурманов (Чапаев), Макаренко, Эренбург и др., 2) нет советской поэзии, лирики, нечего учить наизусть, 3) слишком бегло даются сведения в общем обзоре о Багрицком, Исаковском, Твардовском и др., 4) не выделяется в программе послевоенный период. Он предлагает сократить древнюю литературу, литературу XVIII в., разбор отдельных произведений.

Тов. Мотылева Т. (доктор филологических наук), анализируя тему “Мировое значение русской литературы”, указывает, что преподавание круга вопросов, связанных с этой темой, и методически и методологически очень трудно. <...>

Тов. Мотылева указывает, что тема о мировом значении нашей литературы должна быть включена в весь процесс преподавания, при изучении каждого писателя. Нужно конкретнее, более развернуто провести мысль, что мировое значение русской литературы основывается на своеобразии русского исторического процесса, русской действительности, на той международной роли, которую сыграл и играет русский народ в прогрессивном развитии человечества.

Далее т. Мотылева указывает, что программы навязчиво акцентируют узкие литературные категории: классицизм, сентиментализм, реализм... Не эти категории надо знать школьнику. О “Недоросле” говорится, что эта комедия нарушила нормы классицизма. Не это надо знать школьнику, ему важнее знать, что в ней дана острая критика эксплуататоров, паразитов.

Западную литературу т. Мотылева предлагает изучать не в одном каком-либо классе, а на параллелях в VIII и IX классах, при этом изживать элементы низкопоклонства»[524].

В этот же день стало понятно, что именно за счет западноевропейской классической литературы будет освобождаться пространство для советской. Однако известный специалист по западноевропейской литературе, работавший в Наркомпросе еще при А. В. Луначарском, профессор М. Д. Эйхенгольц продолжал настаивать на необходимости ее изучения:

[523] ГА РФ. Ф. А-2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 136. Л. 68–71.

[524] О преподавании литературы в школе. С. 121.

«Проф[ессор] Эйхенгольц высказывается за необходимость изучать западную литературу, так как она расширяет кругозор школьника, увеличивает его культурный багаж, а также имеет воспитательное значение при раскрытии творчества таких писателей, которые показательны в смысле человечности и гуманизма»[525].

Именно во время выступления М.Д. Эйхенгольца произошел очень показательный обмен мнениями между выступающим и сидевшими в президиуме министром просвещения и генеральным секретарем ССП:

«Тов. ЭЙХЕНГОЛЬЦ. — Само распределение по классам — вопрос в высшей степени сложный. Мне кажется, что Шекспира все же или особенно "Фауст" Гете пройти можно только в 10-м классе. Этот материал в высшей степени труден.

Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. — Если Гете можно проходить только в 10-м классе, тогда я позволю себе такое кощунство — долой Гете! Если есть такие сторонники, что Гете можно проходить только в 10-м классе, я говорю, что Гете мы выбросим. Толстого "Войну и мир" можно проходить, а Гете благоволите изучать после советской литературы и выпуская наших ребят, напутственное слово давать по Гете — это недомыслие, которое было в прошлых программах. Я считаю, что соображения методического порядка никогда не могут нас заставлять изменить принципу методологии и партийности.

Я считаю, что совершенно правильно, когда мы позволили себе сказать, что такой характер изучения западноевропейской литературы, который был в прошлой программе, это отзвук этого проклятого низкопоклонства.

Тов. ЭЙХЕНГОЛЬЦ. — Это вопрос не такого принципиального характера, как вы говорите. Это чисто технический вопрос. Никакого принципиального значения я, разумеется, этому не придаю и думаю, что не следует придавать. Я говорил о чисто технической передвижке, говорил, что это труднее других авторов.

Тов. ФАДЕЕВ. — Вторую часть "Фауста", кроме вас, не читает ни один взрослый человек. (Смех)»[526].

Всеобщий смех в данном случае понятен: западноевропейская литература давно сдала свои позиции в идеологической табели о рангах, да и русская литература не выдерживала конкуренции с творениями советских писателей. О таком положении дел красноречиво свидетельствуют слова заведующего Харьковским отделом народного образования:

«Я, конечно, не собираюсь говорить о проблемах преподавания литературы в Харьковской области. Это вопрос другого порядка. Когда ставишь перед собою вопросы преподавания литературы и программы по литературе, то представляешь себе такую ситуацию: если бы юноша, окончивший нашу среднюю школу, взял бы для прочтения "Рудина", "Отцы и дети" или даже "Анну Каренину" и затем положил бы эти книги и сказал, что это скучно, это было бы не совсем хорошо, но это не вызывало бы у меня большой тревоги. Но если бы такое настроение равнодушия появилось бы у этого молодого человека после прочтения "Счастья" Павленко или "Люди с чистой совестью"

---

[525] О преподавании литературы в школе. С. 121.

[526] ГА РФ. Ф. А-2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 137. Л. 52.

Таким образом, вторая часть «Фауста» была обречена: если ранее в списках литературных произведений, обязательных для прочтения в средней школе, было указано «Гете — Фауст» (Программа по литературе: Общие указания // Справочник для поступающих в высшие учебные заведения Министерства просвещения РСФСР в 1946 году. М., 1946. С. 11), то после этого совещания осталось лишь «Гете, Фауст, 1-я часть» (Программа по литературе: Общие указания // Справочник для поступающих в высшие учебные заведения Министерства просвещения РСФСР в 1950 г. М., 1950. С. 14).

Вершигоры, то, очевидно, это должно было вызвать большую тревогу, ибо это означало бы, что мы многого недоделали в своей работе»[527].

Наиболее ожидаемым было выступление на дискуссии генерального секретаря Союза советских писателей СССР, члена ЦК ВКП(б) А. А. Фадеева, состоявшееся в последний день форума — 2 декабря 1948 г. По поводу сокращения программ для высвобождения часов на советскую литературу он высказался в самом начале, предложив весь выпускной десятый класс отдать на ее изучение:

«Можно ли сократить программы по времени? Конечно, можно. Ведь у нас существует один единый учебник — «Краткий курс истории ВКП(б)». В этом учебнике почти энциклопедия знаний в области истории партии и основных марксистско-ленинских теоретических представлений. И он действительно краток.

Значит, чтобы программы можно было бы уложить в часах, их нужно верно решить идейно. В программе правильно говорится, что в результате изучения литературы в школе мы должны воспитать чувство советского патриотизма, национальной гордости и коммунистического отношения к труду. Нужно было бы в программе более точно сказать, что это верно, но что есть и другие стороны этих задач, что мы должны воспитать учащихся в духе социалистического гуманизма, в понимании братства народов, в понимании роли партии, роли Ленина—Сталина. Мы должны воспитать художественный вкус, эстетические чувства, эстетический вкус, чувство прекрасного.

На все эти вопросы мы, как молодая страна, имеем новые ответы. И поэтому для того, чтобы изложить правильно свою мысль, что нужно сделать для улучшения программы, я начну с конца. Я считаю, что если эти задачи верно определены, а они определены верно, тогда весь десятый класс нужно посвящать советской литературе, начиная этот класс с Горького, ибо литература наша так же молода, как государство, и все эти идеи в ней наиболее полно выражены»[528].

«...В программе 9-го класса должна очень сильно звучать та основная тема, которая является темой литературы, в значительной мере русской XIX века — тема крестьянства. И на очень важное место здесь выходят наши революционные демократы. И я бы предложил весь XIX век начинать не с Гоголя, а с одной общей вводной темы — о революционных демократах, о Белинском, Чернышевском и Добролюбове, потому что, несмотря на то что они займут первое место, это сократит в часах разговоры о них, потому что при объяснении Чернышевского и Добролюбова вам не нужно повторять из того, что говорили о Белинском. А если вы этого не делаете, тогда вы отрываете их взаимную преемственность. Белинский, Чернышевский и Добролюбов являются мировыми корифеями материалистической эстетики»[529].

Что касается классиков западноевропейской литературы, то А. А. Фадеев предлагал ограничиться лишь обзором творчества большинства из них:

«Я убежден, что изучать в средней школе и Бальзака, и Шекспира, и Гете не нужно, а нужно дать о них представление в этом большом процессе. (Голоса: правильно! Аплодисменты)»[530].

Таким же образом Фадеев предлагал поступить с Байроном и прочими европейскими писателями. Председательствовавший на дискуссии А. А. Вознесенский был

[527] Там же. Л. 71.
[528] Там же. Д. 139. Л. 47–48.
[529] Там же. Л. 48–49.
[530] Там же. Л. 53.

озабочен и тем, какое место найти другому английскому классику: «Куда Шекспира приспособить, вот сложно»[531].

Естественно, что такое вольное манипулирование классиками мировой литературы не всеми было встречено с пониманием. Одним из недовольных был Г. А. Гуковский, а одна из его острот, произнесенная в кулуарах дискуссии, оказалась запечатленной в воспоминаниях известного филолога-германиста, бывшего в 1946–1938 гг. консультантом Главного управления вузов Министерства просвещения, Сергея Васильевича Тураева:

> «Когда в 1948 году в Москве была созвана Общероссийская конференция по литературе в свете известных постановлений ЦК КПСС [sic!] по идеологическим вопросам, Григорий Александрович остроумно выступил против тех, кто пытался судить классиков прошлого с позиций социалистического реализма: "Ведь что получается: Бальзак — большой писатель, но ему чего-то не хватает в сравнении, например, с Фадеевым, не 'вышел' он на должный уровень". Такие смелые высказывания могли закончиться только одним — арестом»[532].

Этот мемуар также важен своей неточностью в названии дискуссии — несомненно, по своим масштабам дискуссия о преподавании литературы в школе воспринималась именно как форум «по литературе в свете известных постановлений», да и была таковой по своей сути.

Завершалась четырехдневная дискуссия выступлением главного ее вдохновителя — А. А. Вознесенского. Но министр не скрывал своего недовольства: он ожидал, что это мероприятие будет более грандиозным в идеологическом плане, нежели февральское совещание заведующих кафедрами, а на деле участники дискуссии отнюдь не стремились к идеологическим высотам — выступающие больше говорили о традиционной рутинной учительской работе. Конечно, такое положение дел не могло удовлетворить Вознесенского:

> «Наша дискуссия, несомненно, имеет серьезное положительное значение. Она дала много ценного, помогла еще полнее представить нам недостатки постановки преподавания литературы в нашей школе и, в особенности, недостатки, все еще имеющие место в наших программах и в наших учебниках. Внесен ряд ценных предложений, касающихся как общей постановки вопроса, так и ряда конкретных моментов. Однако не скрою, товарищи, что в некоторых существенных положениях наша дискуссия не оправдала надежд, которые мы на нее возлагали. Я считаю, что она не оправдала или в слабой степени оправдала наши надежды в отношении правильной постановки и показа разрешения коренных методологических вопросов. В этом отношении наша дискуссия дала значительно меньше, чем можно было от нее ожидать.
>
> На какие вопросы дискуссия не дала достаточно четкого и конкретного ответа? Это, во-первых, тот же вопрос социально-исторической обусловленности литературного процесса в целом и отдельных литературных явлений. Совершенно ясно, что изучение литературы в школе должно дать учащимся представление о том, что развитие литературы осуществляется не на основе каких-то имманентных, собственно литературных

---

[531] ГА РФ. Ф. А-2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 137. Л. 51.

[532] *Тураев С. В.* Мои встречи с В. М. Жирмунским // Русская литература. СПб., 2008. № 1. С. 99. (С. В. Тураев в 1937 г. закончил ЛИФЛИ, в 1941 г. защитил в ЛГУ диссертацию на тему «Эстетика Вакенродера» (научный руководитель В. М. Жирмунский).)

закономерностей. Учащиеся должны составить четкое представление о том, что развитие литературы осуществляется не как развитие внутри данного особого ряда. Учащиеся должны иметь представление, что литературный процесс вовсе не есть единый поток, что литературные явления обусловлены явлениями общественной жизни, обусловлены социально-историческими условиями и являются отражением этих условий, отражением классовой борьбы. Как же это показать в программе? Как это сформулировать, чтобы дать учителю конкретную существенную помощь? К сожалению, на этот вопрос настоящая дискуссия ответа по существу не дала.

Второй вопрос, логически связанный с этим, как раскрыть идейное содержание литературных произведений? По этому вопросу были интересные высказывания. Но как это дать в программе? Как помочь учителю в этом кардинальном вопросе и именно в программном порядке? На это ответа, к сожалению, также не дано. И хотя я настоятельно просил докладчиков об этом, именно, к сожалению, докладчики наши этого задания не выполнили.

Третий вопрос. Кто-то из товарищей говорил, вспоминая Маяковского, о том хрестоматийном глянце, который наводится на писателей. Но здесь важно нам подчеркнуть определенную конкретную форму этого глянца, если он наводится. Самая существенная сторона этого заключается в том, что наши хрестоматии и учебники не показывают исторической ограниченности писателя, исторической ограниченности их творчества. Поэтому и получается этот глянец и начинают разрисовывать каждого писателя и поэта в тех красках, которые свойственны нашей эпохе. Получается незакономерное распространение на прошлое характеристики современного. Это обычная история.

Четвертый вопрос, относящийся к серии тех же вопросов, с которыми должен иметь дело учитель в практике своего преподавания каждодневно, — это вопрос о том, чтобы показать в процессе изучения литературы, особенно истории литературы в старших классах, борьбу реализма со всякими другими течениями, победы этого реалистического начала и, наконец, завершения этой победы в виде нашего замечательного социалистического реализма. Как опять это отразить в программе? Через год, через полгода получит учитель программу, она будет, очевидно, нами изменена и еще улучшена, а этих моментов не найдет в программе. К сожалению, наша дискуссия ответа на этот вопрос не дала.

Пятый вопрос — о мировом значении русской литературы и советской литературы. Этот вопрос был хорошо и интересно освещен тов. Мотылевой, в частности, ваша мысль была такая, что, когда мы говорим о мировом значении нашей литературы, о корифеях классической литературы, надо говорить не так, как пытается говорить старое литературоведение о влиянии наших писателей и художников на писателей и художников других стран и народов, не в этом центр тяжести. Центр тяжести в том, чтобы показать то великое, что они внесли в художественную литературу, то прогрессивное, что они именно дали для русской и мировой литературы, для русской и мировой общественной мысли, а это далеко не осознано за границей, и об этом еще реже там пишут. Эта мысль была правильная, но недостаточно было выступления тов. Мотылевой, оно носило общий характер, правильно, интересно, принципиально, но она не довела этих рассуждений до практических выводов, как сие отразить в программе. Вот как сие отразить в програ̄ммах? Надо это показать на примере, хотя бы на одном.

И, наконец, шестой вопрос — в чем наша теперешняя программа отстает, помимо перечисленных мною моментов, от достижений нашей советской литературоведческой

науки? Что есть передового в нашей литературоведческой науке, что не отражает наша программа, помимо принципиальных методологических вопросов, о которых я говорил?

Наша литературоведческая наука обязана определить основные узловые вопросы школьного преподавания. Литературоведческая наука, прежде всего, должна нам, работникам просвещения, учителям помочь — она, литературоведческая наука. Кто же сделает это, как не наши ученые? Совершенно ясно, что преподавание литературы в школе отражает состояние литературоведческой науки. И в этом отношении наши литературоведы в огромном долгу перед школой — позволю себе сказать — и в значительной степени перед своей собственной наукой. И эту задолженность литературоведы должны погасить в возможно короткие сроки.

Я думаю, что те установки, которые даны партией за последние годы, то новое, что сделано в области литературоведения, поможет не только литературоведам молодого поколения, но и старшего поколения преодолеть вопиющие недостатки и поскорее разработать основные положения советской литературоведческой работы»[533].

«Учительская газета» в рамках обзора итогов дискуссии обозначила и свое недовольство критическим выступлением Г.А. Гуковского:

«Мало полезного дали выступления, которые необъективно оценивали программы по литературе и методы работы в школе. Программы критиковать можно и нужно было, но нельзя забывать о том, что это государственный документ, нельзя безответственно заявлять, что программы рассчитаны на каких-то "средне-бездарных детей", как это прозвучало в выступлении проф[ессора] Гуковского. Его предложение увеличить объем программ и вести преподавание литературы чуть ли не целиком лекционным методом явно нежизненно»[534].

ПОДАРОК НА ЮБИЛЕЙ

18 декабря 1948 г. профессору М. К. Азадовскому исполнилось 60 лет. Первоначально были планы отметить этот юбилей и в Пушкинском Доме, и в университете, но сгустившиеся над ученым тучи принудили администрацию обоих заведений отказаться от всяких торжеств. В качестве подарка на юбилей Марк Константинович получил из типографии новую книгу: в декабре 1948 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» вышло в свет подготовленное им собрание стихотворений Н. М. Языкова[535].

Если бы печатание книги в Третьей ленинградской типографии затянулось, то она вообще могла быть задержана и отправилась бы в макулатуру, но книга все-таки успела выйти незадолго до начала погрома М. К. Азадовского весной 1949 г. Однако ее содержание за время «редакционной обработки рукописи» претерпело такие метаморозы, что Марк Константинович был, мягко говоря, очень огорчен.

Это собрание стихотворений было не первым изданием Н. М. Языкова, которое подготовил М. К. Азадовский: еще в 1934 г. в издательстве «Academia» (в серии «Русская

---

[533] ГА РФ. Ф. А-2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 139. Л. 57–62.

[534] К итогам дискуссии о преподавании литературы в школе // Учительская газета. М., 1948. № 52. 9 декабря. С. 2.

[535] *Языков Н. М.* Собрание стихотворений / Вступ. статья, ред. и примеч. М.К. Азадовского. [М.; Л.], 1948.

литература», выходившей под редакцией Л. Б. Каменева) увидело свет Полное собрание стихотворений Н. М. Языкова[536], а в 1946 г. — массовое издание в Малой серии «Библиотеки поэта»[537].

Однотомник Н. М. Языкова для Большой серии М. К. Азадовский начал готовить еще до войны. В 1940 г. рукопись рассматривалась редколлегией «Библиотеки поэта», причем не без претензий к составителю. «Весной 1940 года у меня Изд[ательст]во потребовало, чтобы я снял все выпады против немцев. Я, конечно, отказался. В пре прошел год, а затем рукопись была разбомблена и т. д.»[538]

По возвращении в Ленинград из эвакуации М. К. Азадовский возобновил работу над книгой и 9 января 1946 г. представил в Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» готовую рукопись; 28 февраля 1946 г. с ним был заключен договор на издание (на сумму 17 900 руб., из которых 10 740 руб. было выплачено М. К. Азадовскому при заключении договора)[539]. В октябре 1946 г. были подписаны «последние корректуры книги Языкова («Библиотека поэта»)»[540].

Но после постановления 1946 г. многое изменилось: уже набранный том стихотворений пошел на очередное редактирование, напоминающее хирургическую операцию. Для характеристики предстоящей редакторской обработки книги приведем отзыв В. М. Саянова, написанный им в июне 1947 г. для редколлегии «Библиотеки поэта»:

«Н. М. Языков — составитель М. К. Азадовский.

1. Издавать книгу в представленном автором и ныне подготовленном к печати виде, как полагаю я, нецелесообразно. Необходимо внести в книгу серьезные изменения, учитывая указания партии по вопросу о культурном наследии.

2. В верстке книги мною сделаны многочисленные пометки, вычерки, произведена большая правка. Поэтому ограничусь указанием на главные ошибки, подлежавшие исправлению и исправленные мною.

3. В статье М. К. Азадовского, серьезного и добросовестного ученого, были, на мой взгляд, существенные ошибки, требовавшие поправления.

1). В ряде мест статьи дается место завистническим выпадам Языкова против А. С. Пушкина. Языков низводит Пушкина до уровня маленького, незначительного поэта. В припадке раздражения Языков вообще отрицает русское искусство, превозносея искусство западное. Эти места в статье очень нехорошо оставлять теперь, когда мы именно в этих вопросах даем бои по всему фронту людям, пытающимся умалить значение русской культуры и русского искусства и в частности, выступаем против горе-исследователей, отрицающих мировое значение поэзии Пушкина.

2). В некоторых местах автор статьи дает нечеткие и методологически недостаточно глубоко продуманные формулировки в одном из серьезнейших вопросов — в вопросе о нашем отношении к писателям прошлого, проповедовавшим реакционные идеи.

---

[536] *Языков Н. М.* Полное собрание стихотворений / Ред., вступ. статья и коммент. М. К. Азадовского. [М.; Л.], 1934.

[537] *Языков Н. М.* Стихотворения / Вступ. статья, ред. и примеч. М. К. Азадовского. [М.; Л.], 1946.

[538] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954. С. 74. (Письмо Ю. Г. Оксману, начало сентября 1948 г.)

[539] ЦГАЛИ СПб. Ф. 344 (ЛО издательства «Советский писатель»). Оп. 1. Д. 141. Л. 15.

[540] Марк Азадовский, 1888–1954: Неопубликованные письма ученого // Литературное наследство Сибири. С. 239. Письмо М. К. Азадовского Г. Ф. Кунгурову от 3 октября 1946 г.

3). В статье излишне превозносятся Дерптский университет с его немецкой профессурой и восхваляются такие ученые немцы, как Эверс. На мой взгляд, оценка немецкой реакционной профессуры Дерптского университета должна быть более суровой и принципиальной.

4). Неточность формулировок в ряде мест особо отмечена мною в верстке книги.

5). В состав книги включены в большом количестве стихи Языкова, которые не заслуживают издания в массовой серии.

Во-первых, не следует печатать в книгах стихи, направленные против передовых деятелей революционной демократии и их предшественников. Стихи, по общему мнению современников поэта, представляют клеветнические выпады против Белинского, Герцена и ряда других людей, имена которых дороги советским людям, как были дороги и нашим предкам.

Во-вторых, не "замазывая" характерного в поэзии Языкова, незачем чрезмерно много печатать стихов, прославляющих пьянство. Ведь эти стихи, попади они в руки молодежи, сыграют не очень хорошую роль в деле их воспитания.

В-третьих, следует исключить из книги стихи, в которых больше грубого похабства, чем эротики, — стихи, в которых много самых грубых непристойностей и натуралистических описаний сексуальной жизни.

В-четвертых, излишне печатать варианты в этой книге, поскольку мы отказались от желания издать ПОЛНОГО Языкова и решили издать только те произведения Языкова, которые не УТРАТИЛИ своего значения и доныне»[541].

Пытаясь спасти книгу, М. К. Азадовский обратился к помощи А. М. Еголина, с которым был знаком[542]:

«...Книга, которая должна была выйти в этом году, — "Языков" в "Библиотеке поэта" — совершенно готова (т. е. сверстана), но у меня огромный спор с редакцией. Не знаю, чем кончится. Ожидается вмешательство отдела ЦК. Уже написано письмо Еголину»[543].

Воспроизводя этот сюжет в письме Ю. Г. Оксману, Марк Константинович был более красноречив:

«Сейчас переделываю Языкова (для "Биб[лиотеки] Поэта"), испакощенного евнухами из редколлегии, гл[авным] об[разом] Груздевым и Саяновым. Они не только сняли все фривольные пьесы, но даже и такие, как

"Кому достанется она
Нерукотворная Мария?..",

даже такие, как "Напрасно я любви Светланы...", ибо последние строки звучат чересчур двусмысленно:

"Она — res publica, мой милый"

и т. д., сняли всё, где, казалось им, "может оскорбиться" бывшая Ливония ("как била русская рука или чухну иль поляка"), где категорически сняли все антизападнические

[541] ЦГАЛИ СПб. Ф. 334 (ЛО издательства «Советский писатель»). Оп. 1. Д. 148. Л. 174–174 об.

[542] В письме Е. Д. Петряеву от 23 июня 1953 г. М. К. Азадовский сообщает, что он лично общался с А. М. Еголиным в Москве в 1944 г., в том числе и по делам Иркутского университета (Марк Азадовский, 1888–1954: Неопубликованные письма ученого. С. 333).

[543] Марк Азадовский, 1888–1954: Неопубликованные письма ученого. С. 254. (Письмо Г. Ф. Кунгурову от 6 сентября 1947 г.)

послания. Я был болен, не мог вмешаться, но только заявил, что в случае реализации всех этих мероприятий требую снятия своего имени. Пусть издание будет анонимным.

Дело пошло в ЦК. Оттуда дуракам разъяснили, что заниматься лакировкой — занятие крайне предосудительное, кое им ни в коем случае не рекомендуется. Так оказалась восстановленная в правах почти целиком моя вступительная статья и важнейшие тексты. В результате новых переговоров я согласился делать избранного Языкова <...>.

Кстати, Саянов потребовал даже снятия "Гимна" — пародии на "Боже, царя храни", по соображениям, которые Вы, хоть голову расшибете, — не угадаете. Айзеншток по этому поводу сказал: "Я всегда знал, что Вис[арион] Мих[айлович] — глуп, но что так глуп, в голову не приходило"»[544].

Партийная точка зрения была изложена двумя членами редколлегии «Библиотеки поэта», которые одновременно являлись и сотрудниками аппарата ЦК ВКП(б), — литературоведами А. М. Еголиным и И. В. Сергиевским:

«В редакцию "Библиотеки поэта".

Редколлегия "Библиотеки поэта" высказалась за исключение из книги стихотворений Н. Языкова ряда его произведений, содержащих элементы идеализации ливонского рыцарства, некоторых эротических вещей, текстов, которые могут быть оскорбительны для эстонцев, наконец — наиболее резких посланий позднего периода жизни поэта.

Со своей стороны полагал бы, что стихотворения первых трех категорий действительно неуместны в книге. Что касается "славянофильских" посланий Языкова, то исключать их — значило бы вступать в прямое противоречие с теми указаниями о недопустимости "приукрашивания истории", которые являются для нас руководящими. В массовом издании давать их не следовало, но большая серия "Библиотеки поэта" — издание не массовое, а данное собрание стихотворений Н. Языкова задумано как полное.

Удалять из вступительной статьи все материалы, характеризующие реакционность политических позиций позднего Н. Языкова, также значит фальсифицировать историческую действительность. Не думаю, чтобы подобная фальсификация могла быть оправдана.

Сергиевский 10.7.47.

Согласен. А. Еголин. 10 VII 47»[545].

Как видно из письма, недопустимость «приукрашивания истории» применяется этими двумя сотрудниками идеологического ведомства лишь к тем текстам, которые созвучны настроениям руководителя страны. Несмотря на вмешательство ЦК, приговор подготовленной книге был вынесен: готовый набор был рассыпан, что отражено в «Акте по убыткам» ЛО издательства «Советский писатель» от 8 декабря 1947 г.:

«Азадовский М. — Языков "Стихотворения".

При пересмотре рукописи весной 1947 г. после постановления ЦК ВКП(б) от 16 августа 1946 г. о журналах "Звезда" и "Ленинград" редколлегия "Библиотеки поэта" наметила изъятие части стихотворений Языкова. Однако окончательное решение вопроса задержалось вследствие его сложности, что потребовало длительной переписки между ленинградской и московской частью редколлегии. Список изымаемых стихотворений был окончательно утвержден редколлегией после согласования с московскими членами редколлегии т. т. Еголиным и Сергиевским.

---

[544] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954. С. 44–45. (Письмо от 15–22 октября 1947 г.)

[545] ЦГАЛИ СПб. Ф. 334 (ЛО издательства «Советский писатель»). Оп. 1. Д. 179. Л. 45.

Ввиду изложенного производственные расходы по набору, сброшенному типографией вследствие задержки сверх установленных сроков в сумме 13 630 рублей — списать в убыток»[546].

После переработки рукопись в очередной раз начала проходить дантовы круги.

Положительную роль сыграла рецензия Н. И. Мордовченко, хотя и достаточно сдержанная, поданная им в редколлегию 19 апреля 1948 г.[547] Круговерть продолжалась до осени; в сентябре 1948 г. М. К. Азадовский писал Ю. Г. Оксману:

«Моего Языкова дают уже чуть ли не шестьдесят четвертому рецензенту — и каждый мудрствует по-особому. Недавно, — уже, когда, казалось, все заложено, — появилось требование пересмотреть в статье главку о славянофилах на предмет их некоторой реабилитации. А то, — оказывается, — я не учел их борьбы за национальное своеобразие, т. е. я это не развернул с должной полнотой, широтой и проч. Я уже отказался наотрез что-либо делать дальше»[548].

В декабре книга вышла в свет. Реакция Марка Константиновича вполне объяснима:

«Вышел мой Языков!!! Боже, что с ним сделали? Более испохабленной книги я не видывал»[549] (19 декабря 1948 г. Ю. Г. Оксману); «Каждое издание — борьба с невероятным количеством препятствий, возникающих на пути. А, под конец, книги выходят в таком виде, что лучше бы их в огонь бросить, чем видеть в них свое имя. В таком виде вышел, например, "Языков" в "Библиотеке поэта"»[550] (18 января 1949 г. Г. Ф. Кунгурову).

На экземпляре, посланном Ю. Г. Оксману, были начертаны следующие слова:

«Дорогому другу Юлиану Григорьевичу Оксману с болью и горечью шлю на суд сию испорченную книгу. М. Азадовский»[551].

Предположить, что злоключения М. К. Азадовского, связанные с этой книгой, были окончены, — значило бы недооценить советскую власть.

Во-первых, пока Марк Константинович не успел отправить этот экземпляр в Саратов, идейные литературоведы Пушкинского Дома не постеснялись заглянуть в профессорский портфель и переписать дарительную надпись — вскоре она цитировалась на проработочных собраниях, причем с обязательным реверансом в сторону «репрессированного за антисоветскую деятельность Ю. Г. Оксмана».

А осенью 1949 г. свои соображения по поводу «Языкова» высказал в «Литературной газете» А. Г. Дементьев:

«...Воинствующая аполитичность сказалась и в подборе текстов для отдельных сборников. Нередко в них включались стихотворения, идейно и художественно неприемлемые. <...> В вышедшем не так давно сборнике стихотворений Языкова составитель М. Азадовский поместил истерически-реакционный пасквиль поэта "К ненашим", направленный, как известно, против Белинского, Герцена, Грановского, Чаадаева и представляющий, по справедливому мнению многих современников, стихотворный донос. Это ли не яркое свидетельство буржуазной беспартийности и академического вегетарианства!»[552]

---

546 ЦГАЛИ СПб. Ф. 334 (ЛО издательства «Советский писатель»). Оп. 1. Д. 141. Л. 13–14.

547 Там же. Д. 179. Л. 70–71 об.

548 Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954. С. 74.

549 Там же. С. 85.

550 Там же. С. 86. Примеч. 13.

551 Там же. С. 87. Примеч. 14. Ныне экземпляр хранится в библиотеке РГАЛИ.

552 *Дементьев А.* Серьезные ошибки «Библиотека поэта» // Литературная газета. М., 1949. № 77. 24 сентября. С. 3.

По поводу этого обвинения Марк Константинович с горечью писал:

«Конечно, очень огорчительно... Но что же поделаешь... Подошла, значит, пора неудач! Нужно постараться все это пережить. В какой мере все это справедливо и заслуженно, Вы-то как раз хорошо знаете. Тут много есть боковых причин, ничего общего с наукой не имеющих <...>. На примере "Языкова" Вы смогли убедиться, как правильно и честно меня цитируют. Самое включение стихов "К ненашим" и "К Чаадаеву", о чем специально писалось в "Литературной газете", — произошло с ведома и санкции отдела литературы ЦК, куда я и редактор обращались со специальным письмом. А. М. Еголин разъяснил редакции "Библ[иотеки] поэта", что отсутствие этих стихотворений может быть истолковано, как лакировка поэта, стремление исказить его облик, зачеркнув отрицательные черты. Автор статьи все это великолепно знал, но не побрезговал клеветой»[553].

«Травля ведь не утихает. Говорю именно: травля. Вы вот сумели заметить грубую фальшивку вокруг Языкова. Так вот скажу Вам: это только одна из десятков таких фальшивок. Не говорю уже о цитатах искаженных (начинающихся после двоеточия, с пропуском отд[ельны]х слов и пр.), то есть "цитаты", просто-напросто выдуманные. В кавычках, как мои писания, стоят фразы, которых я нигде, никогда не писал и не мог писать как противоречащих всему моему складу мыслей. <...> Это речь идет о кавычках, — а что же там, где нет даже кавычек...»[554]

КОНЕЦ ГОДА

1948 г. завершался в Ленинграде Объединенной X областной и VIII городской конференцией ВКП(б). На заседании 25 декабря состоялись выборы членов горкома и обкома. Ректор ЛГУ Н. А. Домнин, согласно заложенной еще при А. А. Вознесенском традиции, был избран членом Ленинградского горкома (в числе 71 партийца)[555], а А. Г. Дементьев стал кандидатом в члены горкома (таковых избиралось 23). От ЦК ВКП(б) на конференции присутствовал Д. Т. Шепилов.

Н. А. Домнин, избранный в президиум конференции, отчитался и об успехах на идеологическом фронте:

«Последовательную и наступательную борьбу провел коллектив университета за последнее время против влияния буржуазной идеологии, против объективизма, раболепия и низкопоклонства отдельных ученых перед буржуазной наукой и ее мнимыми авторитетами»[556].

29 декабря состоялось заседание Ученого совета Института литературы АН СССР, где с докладом выступил Л. А. Плоткин, который подвел итоги работы института в 1948 г. и сообщил о решении создать в Институте новый отдел — советской литературы[557].

---

[553] Марк Азадовский, 1888–1954: Неопубликованные письма ученого. С. 280. Письмо М. К. Азадовского Г. Ф. Кунгурову от 3 января 1950 г.

[554] Там же. С. 272. Письмо М. К. Азадовского Г. Ф. Кунгурову от 12 ноября 1949 г.

[555] Впоследствии Н. А. Домнин был введен и в состав бюро ВО РК ВКП(б) (см.: Протокол заседания бюро Василеостровского райкома ВКП(б) № 89 от 2 августа 1949 г., п. 1 // ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 5. Д. 569).

[556] Смена. Л., 1948. 24 декабря. С. 1.

[557] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 153. Л. 224 («Работы советских литературоведов в 1948 году»). Решение это было подтверждено постановлением Президиума АН СССР от 7 апреля 1949 г. (ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 1 (1949 г.). Д. 2. Л. 29).

31 декабря 1948 г. в новогоднем выпуске «Последних известий» Ленинградского радио прозвучали слова, которые можно рассматривать как пророческие:

> «Наша жизнь, наша замечательная действительность рождает все новых и новых героев. Они выдвигаются из народа, подчас скромные, незаметные люди, маленькие "винтики" огромного государственного механизма, благодаря которым растет, крепнет, идет к невиданному расцвету наша Отчизна.
>
> Каждый день становятся известными всему городу, всей стране новые имена людей, блеснувших своим талантом или трудовой удалью.
>
> Мы не знаем героев 49-го года. Они объявятся в недалеком будущем» [558].

[558] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2927. Л. 88. Последние известия, новогодний выпуск: 31 декабря 1948 г. (21:22–22:00).

Глава 6

1949 ГОД: ПОГРОМ

На собранье целый день сидела —
То голосовала, то лгала...
Как я от тоски не поседела?
Как я от стыда не померла?..
О. Берггольц, 1948–1949

«Перевернут последний листок календаря. Вступил в свои права новый, 1949 год. Полные самых радужных надежд и смелых дерзновенных планов встретили его советские люди. Окрыленные великими идеями коммунизма, сплоченные вокруг партии Ленина—Сталина, они уверенно глядят в свой завтрашний день и смело идут ему навстречу.

Как жалка и неприглядна в свете нашей жизни участь простых людей на Западе и в Америке, несущих на себе ярмо капиталистического рабства. Что хорошего сулит им завтрашний день? Безработицу, голод, полицейские репрессии»[1].

Так приветствовала «Ленинградская правда» жителей города. Но именно ленинградцы — от руководителей города до скромных студентов университета — испытают на себе в 1949 г. и безработицу, и репрессии.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР ИЗБАВЛЯЕТСЯ ОТ НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТОВ

Первым заметным событием наступившего года стала Сессия Общего собрания Академии наук СССР, посвященная истории отечественной науки. Она состоялась в Ленинграде с 5 по 11 января. В работу сессии были вовлечены не только действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук СССР, но и подавляющая часть ленинградских профессоров-филологов; они не только присутствовали на большинстве мероприятий, но и выступали с докладами.

Общее собрание началось в шесть часов вечера 5 января 1949 г.:

«Сессия открылась в торжественной обстановке в белокаменном зале Ленинградской филармонии. Залитый огнями зал заполнили съехавшиеся со всех концов страны участники сессии — академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР. Здесь же гости — депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, лауреаты Сталинских премий, стахановцы, научные работники многочисленных ленинградских высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов.

Сцена украшена огромным, обрамленным знаменами транспарантом, на алом бархате которого — барельеф великих вождей революции Ленина и Сталина. Золотыми

[1] 1949 // Ленинградская правда. Л., 1949. № 1. 1 января. С. 1.

> буквами начертаны на транспаранте слова В. И. Ленина: «Продолжение дела... Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»»[2].

В президиуме заседания — президент Академии наук СССР С. И. Вавилов, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попков, председатель Ленгорисполкома П. Г. Лазутин, академики Е. В. Тарле, А. Ф. Иоффе, М. Б. Митин... Кроме ареопага советской науки в президиуме в этот день был представлен и цвет ленинградского партийного руководства — секретари обкома В. А. Колобашкин и Г. Ф. Бадаев, секретари горкома Я. Ф. Капустин, Н. Д. Синцов и И. А. Николаев... Ленинградская гвардия «ждановского призыва», которая совсем скоро будет раздавлена сталинской машиной.

Вступительное слово произнес академик С. И. Вавилов, приветствие от партийных и государственных органов Ленинграда было оглашено П. Г. Лазутиным.

> «Под бурные, долго не смолкающие аплодисменты С. И. Вавилов провозглашает здравицу в честь великой партии большевиков, в честь гениального вождя советского народа, корифея передовой советской науки товарища Сталина.
>
> Снова гремит овация, когда академик И. В. Гребенщиков вносит предложение избрать в почетный президиум сессии Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с великим Сталиным.
>
> Под продолжительные, долго не смолкающие аплодисменты принимаются тексты приветствий товарищу И. В. Сталину и его верному соратнику В. М. Молотову. Текст приветствия И. В. Сталину зачитывается академиком А. И. Опариным, текст приветствия товарищу В. М. Молотову — академиком И. И. Мещаниновым»[3].

Пленарное заседание, последовавшее за приветствиями, состояло из двух докладов. Первый — «Роль и значение работы товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» в развитии марксистско-ленинской философской мысли» — озвучил академик, член ЦК ВКП(б) М. Б. Митин. Почетная обязанность сделать второй доклад выпала Герою Социалистического Труда академику И. И. Мещанинову — он вещал на традиционную для себя тему: «Роль Н. Я. Марра в отечественном языкознании»[4].

В последующие дни доклады по филологическим наукам делались на заседаниях Отделения литературы и языка АН СССР. 8 января на заседании сессии выступил директор ИМЛИ имени А. М. Горького, член-корреспондент А. М. Еголин, «доклады о творчестве Н. А. Некрасова сделали профессор В. Е. Евгеньев-Максимов и литературовед С. А. Рейсер»[5]. 9 января на заседании Отделения прозвучало два доклада по истории советской литературы — члена-корреспондента Н. К. Пиксанова и профессора филологического факультета МГУ Л. И. Тимофеева.

---

[2] На заседаниях сессии: Краткий отчет: (Общее собрание Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. М.; Л., 1949. № 2. Февраль. С. 54.

[3] Там же. С. 54–55.

[4] Стоит оговориться, что в печатных материалах сессии, изданных в ноябре 1949 г., доклад И. И. Мещанинова помещен уже в разделе общественных наук, а его место в начале занимает доклад С. И. Вавилова «Академия наук в развитии отечественной науки», сделанный только 7 января. См.: Вопросы истории отечественной науки: Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки, 5–11 января 1949 г. / [На контртитуле]: Доклады на Общем собрании Академии наук СССР. М.; Л., 1949.

[5] Ленинградская правда. Л., 1949. № 7. 9 января. С. 1.

Главные идеологические события сессии разыгрались на утреннем пленарном заседании 10 января 1949 г.:

> «Открывая заседание, Президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов заявил, что в соответствии с Уставом Академии он ставит перед общим собранием вопрос об исключении из состава Академии некоторых иностранных ученых в связи с их деятельностью, направленной во вред науке и демократии, во вред Советскому Союзу. Академик С. И. Вавилов констатировал, что эта деятельность является частью политической кампании клеветы против всей демократии, в том числе и против СССР»[6].

Сергей Иванович поставил на повестку дня вопрос о снятии академических званий с трех иностранных ученых. Предлагалось лишить звания почетного члена АН СССР английского физиолога и нобелевского лауреата Генри Дейла, а звания членов-корреспондентов — американского генетика, нобелевского лауреата Германа Мёллера и норвежского филолога Олафа Брока.

Г. Дейл и Г. Мёллер сами написали письма о выходе из состава советской Академии наук; то была реакция на решения Августовской сессии ВАСХНИЛ и разгром генетики в СССР. Первым 24 сентября 1948 г. озвучил свое письмо в Академию наук СССР Герман Мёллер: в этот день оно было передано по американскому и европейскому радио, затем публиковалось в газетах, а 22 октября его напечатал авторитетный американский журнал «Science». Разбирая вторжение идеологии в советскую биологическую науку, ученый писал в этом обращении:

> «...Позорные действия ясно показывают, что руководители вашей Академии уже не ведут себя как ученые, но злоупотребляют своим положением для разрушения науки ради узких политических целей, совершенно так, как делали многие из тех, которые выступали в роли ученых в Германии под властью нацистов. В обоих случаях была сделана попытка создать политически направленную "науку", отделенную от мировой науки в целом, вопреки тому факту, что истинная наука не знает национальных границ, но, как было подчеркнуто на последнем собрании Американской ассоциации развития науки, строится объединенными усилиями добросовестно и объективно работающих исследователей во всем мире»[7].

Завершалось его обращение словами:

> «При наличии вышеизложенных обстоятельств, ни один уважающий себя ученый и в особенности ни один генетик, если только он еще сохранил свободу выбора, не может согласиться на то, чтобы его имя фигурировало в ваших списках. На этом основании я отказываюсь от моего членства в вашей Академии. Я делаю это, однако, с горячей надеждой, что я еще доживу до того дня, когда ваша Академия снова сможет начать восстанавливать свое место среди подлинно научных организаций. Важность затронутых здесь вопросов — включая вопрос об авторитарном контроле науки со стороны политических деятелей, — по моему мнению, настолько велика, что я предаю это письмо гласности»[8].

Письмо Мёллера не могло остаться без ответа. Этот вопрос был рассмотрен на закрытом заседании Президиума Академии наук СССР. По результатам заседания 9 октября вице-президент АН СССР В. П. Волгин и академик-секретарь Н. Г. Бруевич направили

---

[6] На заседаниях сессии: Краткий отчет. С. 99.

[7] *Жебрак Э. А.* Нобелевский лауреат Герман Мёллер против Академии Наук // Человек. 2004. № 5. Сентябрь–октябрь. С. 82.

[8] Там же. С. 83.

секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову просьбу опубликовать ответ на письмо Мёллера в советской прессе и напечатать извещение о его исключении из состава АН СССР, гарантируя принятие этого решения ближайшим же общим собранием Академии наук СССР[9]. Решение было одобрено в ЦК (в его выработке принимал непосредственное участие и заведующий сектором науки Ю. А. Жданов), а 14 декабря «Правда» опубликовала опровержение на «клеветническое» письмо Мёллера, в котором отмечалось, что «Академия наук СССР без чувства сожаления расстается со своим бывшим членом, который предал интересы подлинной науки и открыто перешел в лагерь врагов прогресса и науки, мира и демократии»[10].

Вслед за Мёллером выступил бывший президент британского Королевского общества Генри Дейл. 27 ноября 1948 г. лондонская «Таймс» напечатала его письмо президенту Академии наук СССР С. И. Вавилову, где он отказывался от звания почетного члена, присвоенного ему 8 мая 1942 г. В конце письма он писал:

> «С тех пор как Галилей угрозами был принужден к своему историческому отречению, было много попыток подавить или исказить научную истину в интересах той или иной чуждой науке веры, но ни одна из этих попыток не имела длительного успеха. Последним потерпел в этом неудачу Гитлер. Считая, г-н Президент, что Вы и Ваши коллеги действуете под аналогичным принуждением, я могу лишь выразить Вам свое сочувствие. Что касается меня самого, пользующегося свободой выбора, я верю, что я оказал бы дурную услугу даже моим коллегам по науке в СССР, если бы я продолжал связь, которая казалась бы в согласии с действиями, согласно которым Ваша Академия теперь ответственна за тот ужасный вред, нанесенный свободе и целостности науки, под каким бы давлением это ни было бы сделано. С глубоким сожалением я должен просить Вас исключить меня из числа почетных членов Вашей Академии»[11].

Просьба Генри Дейла также была удовлетворена: 26 декабря 1948 г. «Правда» опубликовала соответствующий материал.

В контексте упоминания Галилея считаем нелишним привести по этому поводу цитату из записок О. М. Фрейденберг:

> «Ах, этот вечный вопрос! Следует ли, попав к разбойникам, любыми средствами добиваться избавленья, или в когтях у Торквемады и Сталина сохранять в себе Галилея? Но и Галилей возможен бы был в те эпохи. У нас Галилею нет места. Даже мученик, даже герой не во все мрачные эпохи возможен. Даже для мученичества нужны своего рода хорошие условия. Галилей и Бруно могли крикнуть на весь мир, на всю историю. Но узнает ли Время о мучениках и героях массовой Воркуты или Освенцима? Мы забиваем человека до смерти и прячем его в подземелья. Миллионы Галилеев приняты нашими болотами и тайгой, проклятой российской тайгой»[12].

Третьим изгоняемым из списков Академии наук СССР был ученый, не имевший никакого отношения ни к биологии, ни к генетике, — норвежский филолог и историк, профессор университета в Осло Олаф Брок (1867–1961).

---

[9] *Жебрак Э. А.* Указ. соч. С. 86.

[10] Ответ профессору Г. Дж. Мёллеру // Правда. М., 1948. № 349. 14 декабря. С. 4.

[11] Письмо Нобелевского лауреата Г. Дейла Президенту Академии наук СССР // *Вавилов Ю. Н.* В долгом поиске: Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. М., 2004. С. 165.

[12] *Фрейденберг О. М.* Записки.

Он родился в шведском портовом городке Хортен, в 1885 г. был зачислен в университет Осло, где изучал немецкую филологию и историю, в 1893 г. защитил магистерскую диссертацию. Тяга к славянским языкам привела его к профессору Йохану Лунделу (1851–1940), возглавлявшему кафедру славянских языков Упсальского университета, благодаря которому Брок выучил польский, сербский, русский и другие славянские языки. В 1893–1895 гг. Брок совершил научное путешествие по Богемии, Южной Германии, Австрии, Венгрии, Литве и России, изучая диалекты. В 1896 г. он становится доцентом, а в 1900 г. — профессором университета в Осло[13]. Его работы по диалектологии, особенно «Slavische Phonetik» (Heidelberg, 1911), приносят ему европейскую научную славу, он удостаивается вручения Золотой Пушкинской медали Петербургской Академии наук, а 3 декабря 1916 г. его избирают членом-корреспондентом. Этим званием норвежец был отмечен за серьезный вклад в изучение русской диалектологии; многие его работы были еще до революции напечатаны на русском языке[14]. Олаф Брок неоднократно приезжал в Советский Союз после 1917 г.[15] Его работы пользовались заслуженным уважением лингвистов и фольклористов, как автор «Русской грамматики» (1936) он стал известен и в более широких кругах.

Хотя Брок не писал, подобно Мёллеру и Дейлу, отказных писем, он был уличен в антисоветской деятельности: в 1923 г. он после посещения Советского Союза написал книгу «Диктатура пролетариата», в которой содержалась резкая критика нового строя. Выход этой книги резко переменил отношение советской власти к Броку. Несмотря на это он был назначен Норвежской академией наук официальным представителем на торжествах по случаю 200-летия Академии наук СССР, проходивших в сентябре 1925 г. в Ленинграде; усилия советской дипломатической миссии в Осло вынудили тогда Брока отказаться от поездки.

Особенно стоит отметить тот факт, что подвергнуть остракизму Олафа Брока предложили не сотрудники ЦК (которым, возможно, его имя было неизвестно вовсе), а сама Академия наук СССР. Дело в том, что в докладной записке сотрудников Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Л. Ф. Ильичева, Ю. А. Жданова и А. Н. Кузнецова секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову от 15 октября 1948 г., где речь шла о письме Меллера и ответных действиях Академии наук, сотрудники ЦК в конце поместили следующее указание: «Вместе с тем считаем необходимым пересмотреть состав иностранных членов

---

[13] Salmonsens Konversations leksikon / Red. af Chr. Blangstrup. København, 1916. Bind IV. S. 33.

[14] В России он был известен как Олаф Иванович Брох (см.: *Чернышев В. И.* Из воспоминаний об Алексее Александровиче Шахматове (1864–1920) // *Чернышев В. И.* Избранные труды: В 2-х т. М., 1970. Т. 2. М., 1970. С. 670–672).

[15] 12 марта 1928 г. профессор О. Брок вошел в Стокгольме в состав учредителей Специального комитета по изучению советских архивов, касавшихся взаимоотношений скандинавских стран с Россией. Как официальный посланник этого комитета О. Брок в 1928 г. приезжал в СССР для проведения переговоров с главой Центрархива М. Н. Покровским. Переговоры оказались плодотворными: вопрос был одобрен Президиумом ВЦИКа и на протяжении 1928–1932 гг. Специальный комитет оплатил и получил из советских архивов несколько десятков тысяч фотокопий архивных документов. См.: *Ковчинская С. Г.* Работа скандинавских историков в советских архивах в 1927–1933 гг.: Из истории международных научных связей // IX Конференция по сотрудничеству приполярных университетов «Глобализация и устойчивое развитие приполярного Севера»: Материалы международной конференции (Петрозаводск, 13–16 сентября). Петрозаводск, 2005. С. 55–58. По-видимому, только серьезные финансовые резоны заставили советскую власть на время забыть о политической позиции О. Брока.

и членов-корреспондентов Академии наук СССР, установить их политическое лицо и индивидуально решить вопрос об их пребывании в Академии»[16].

Именно это предложение, получившее положительную резолюцию Г. М. Маленкова и одобренное вскоре Секретариатом ЦК ВКП(б), явилось сигналом к работе. Неизвестно, насколько масштабной предполагалась чистка рядов Академии наук СССР, но широким репрессиям ход дан не был, хотя один кандидат был назван. В ноябре 1948 г. президент Академии наук С. И. Вавилов и академик-секретарь Н. Г. Бруевич направили секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову предложение об исключении из состава Академии наук СССР норвежского ученого Олафа Брока. Рассмотрев предложение, сотрудники ЦК Д. Т. Шепилов, А. Н. Кузнецов и Ю. А. Жданов изложили свое мнение Г. М. Маленкову, которое почти дословно повторяет предложение Президиума Академии наук:

> «Президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов и академик-секретарь Академии Н. Г. Бруевич просят разрешения внести на рассмотрение ближайшего общего собрания Академии наук СССР вопрос о лишении звания члена-корреспондента АН СССР норвежского ученого Олафа Брока за его клеветническую и враждебную Советскому Союзу деятельность.
>
> Предложение Президиума Академии наук следовало бы принять.
>
> Профессор Олаф Брок, специалист в области славянской филологии, был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР в 1916 году. В последнее время Олаф Брок начал сотрудничать в реакционной газете "Моргенбладет"[17], фабриковавшей в январе с. г. "шпионское дело" против советских работников, находящихся в Норвегии, и ведущей злостную клеветническую кампанию против Советского Союза. По заданию редакции "Моргенбладет" Олаф Брок в антисоветском духе комментирует статьи из советских газет и журналов, а также правительственные решения, выступления советских государственных деятелей и ученых. <...>
>
> Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) поддерживает предложение Президиума Академии наук СССР (т. т. Вавилова и Бруевича) об исключении Олафа Брока из состава членов-корреспондентов АН СССР в соответствии с 24-й статьей Устава Академии наук СССР»[18].

После положительного ответа из ЦК ВКП(б) предложение Президиума было внесено С. И. Вавиловым на рассмотрение Совета министров СССР — организации, официально курировавшей Академию наук, — и там утверждено. В Москве, в ходе подготовки сессии Академии наук, вместе с утверждением регламента готовились и согласовывались проекты резолюций. 30 декабря исполняющий обязанности академика-секретаря В. П. Никитин подал заведующему Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д. Т. Шепилову «проекты развернутых решений» по этому вопросу, а также указал, что на Общем собрании Академии спланированы выступления по каждому из исключаемых;

---

[16] Служебная записка Сектора науки Агитпропа ЦК Д. Т. Шепилову по вопросу исключения из АН СССР троих ее иностранных членов // Сталин и космополитизм. С. 211. Примеч. 3.

[17] «Morgenbladet» («Утренняя газета») — старейшая газета Норвегии (основана в 1819 г. как ежедневная, с 1993 г. выходит еженедельно). Во время Второй мировой войны и оккупации Норвегии фашистами распоряжением вермахта газета была закрыта, после освобождения страны восстановлена; в послевоенные годы славилась консерватизмом, принципиально не печатала рекламных объявлений.

[18] Служебная записка Сектора науки Агитпропа ЦК Д. Т. Шепилову по вопросу исключения из АН СССР троих ее иностранных членов. С. 212–213. Примеч. 4.

в том числе и выступление А. М. Еголина по Олафу Броку. Записка В. П. Никитина была рассмотрена в секторе науки Отдела пропаганды и агитации и утверждена без внесения изменений в самом начале 1949 г.[19]

Заседание сессии Академии наук 10 января вел президент С. И. Вавилов. По каждому из трех вопросов, не сдерживая негодования, выступали ученые мужи. Против Дейла выступил «новый академик-секртарь Отделения биологических наук А. Н. Опарин, начавший верой и правдой служить Лысенко»[20], к которому присоединился и его предместник Л. А. Орбели. Тот же А. Н. Опарин обличал и Меллера — «полная управляемость Опарина была хорошо известна и на верхах»[21]:

> «Теперь, когда советский народ, заявил А. И. Опарин, ценой крови своих сынов спас человечество от коричневой чумы фашизма, реакционные круги капиталистических стран, прежде всего в США и Англии, перешли к новым формам борьбы против сил демократии и прогресса. Они стремятся вытравить из сознания миллионов простых людей во всем мире их симпатии к нашему народу, к нашей стране — оплоту мира и демократии. Они подчиняют научные исследования своим интересам, интересам наживы, угнетения трудящихся масс, милитаризации науки. Верные себе империалистические круги США и Англии кампанией клеветы встречают каждый шаг нашего поступательного движения в области хозяйственного и культурного прогресса. Победа материалистической мичуринской биологии над реакционным учением Менделя–Моргана послужила поводом для новых выступлений, на этот раз со стороны отдельных зарубежных ученых, предавших интересы подлинной науки и перешедших в лагерь врагов прогресса, мира и демократии»[22].

Единогласно и Меллер, и Дейл были лишены советских академических званий. «После этого общее собрание перешло к третьему пункту повестки дня — вопросу о лишении звания члена-корреспондента Академии наук СССР норвежского филолога Олафа Брока»[23].

На роль авторитетного обличителя норвежского филолога был избран также, подобно академику-секретарю Опарину, хорошо управляемый академик-секретарь Отделения литературы и языка, профессор Ленинградского университета И. И. Мещанинов. Неизвестно, почему именно он выступил в этой роли — первоначально в Отделе науки ЦК ВКП(б) по этому вопросу планировали только выступление А. М. Еголина; по-видимому, роль обвинителей было решено возложить на академиков-секретарей соответствующих отделений.

> «Академик Мещанинов доложил собранию, что после окончания второй мировой войны Олаф Брок систематически выступал на страницах реакционной газеты "Моргенбладет" с различными измышлениями и клеветой на Советский Союза и страны народной демократии. Студенты университета в Осло, изучавшие русский язык под руководством Брока, неоднократно жаловались, что Брок на лекциях допускал клеветнические выступления в отношении Советского Союза вообще и советской литературы в частности»[24].

---

[19] Там же. С. 210.
[20] *Сойфер В. Н.* Власть и наука. С. 690.
[21] Там же. С. 734.
[22] На заседаниях сессии: Краткий отчет. С. 99.
[23] Там же. С. 101.
[24] Там же.

Развил выступление академика Мещанинова член-корреспондент А. М. Еголин:

> Он «в своем выступлении сообщил, что Олаф Брок уже много лет не публикует лингвистических работ и давно отошел от науки. А. М. Еголин характеризует Брока как формалиста в языковедении, работы которого устарели и являются лишь тормозом в развитии науки о языке. А. М. Еголин полностью поддержал предложение о лишении Брока звания члена-корреспондента Академии наук»[25].

Для присутствующих распределение ролей среди двух ораторов показалось удивительным: Мещанинов и Еголин будто поменялись текстами выступлений — бывший зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. М. Еголин рассуждал о лингвистике, тогда как лингвист И. И. Мещанинов озвучивал точку зрения партийных органов, демонстрируя свое окончательное порабощение советской идеологической системой.

После выступлений И. И. Мещанинова и А. М. Еголина на голосование был поставлен проект постановления общего собрания, которое было принято единогласно. Вот его текст:

> «В Академию наук поступили сообщения о враждебной Советскому Союзу деятельности норвежского филолога Олафа Брока, избранного членом-корреспондентом Академии наук 3 декабря 1916 года по Отделению русского языка и словесности.
>
> После окончания второй мировой войны Брок на страницах реакционной газеты "Моргенбладет" систематически выступает в качестве рупора норвежских реакционеров с различными измышлениями и клеветой на Советский Союз. По заданию этой газеты Брок "комментирует" с враждебных реакционных позиций решения советского правительства, ЦК ВКП(б), выступления советских государственных деятелей и ученых.
>
> Подобные клеветнические статьи Брока были опубликованы в указанной газете 18 февраля, 3 марта, 9 марта и 1 апреля 1948 года.
>
> Все это с достаточной убедительностью доказывает, что Олаф Брок является непримиримым врагом Советского Союза, ведущим антисоветскую клеветническую деятельность.
>
> Заслушав сообщение академика-секретаря Отделения литературы и языка академика И. И. Мещанинова, Общее собрание Академии наук постановляет:
>
> На основании п. 24 Устава Академии наук СССР Олафа Брока за деятельность, направленную во вред Союзу ССР, лишить звания члена-корреспондента Академии наук СССР»[26].

Так Академия наук в очередной и, увы, не последний раз пошла пагубным путем, проторенным еще Екатериной Великой, изгнавшей 6 сентября 1792 г. Ж. А. Кондорсе из Петербургской академии наук за причастность к Великой французской революции[27].

---

[25] На заседаниях сессии: Краткий отчет. С. 102.

[26] Постановление Общего собрания Академии наук СССР от 10 января 1949 года о лишении норвежского филолога Олафа Брока звания члена-корреспондента Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М.; Л., 1949. № 2. Февраль. С. 134.

[27] Ср.: «6 сентября [1792 г.] Е. Р. Дашкова передала волю императрицы — исключить из числа иностранных членов Академии непременного секретаря Парижской Академии наук маркиза Ж. А. Кондорсе за недостойное поведение в отношении своего суверена. Конференция повиновалась воле императрицы» (Летопись Российской Академии наук. Т. I: 1724–1802. СПб., 2000. С. 798).

«ПУШКИН ЦЕЛИКОМ НАШ, СОВЕТСКИЙ...»

Провозглашенный в 1859 г. Аполлоном Григорьевым тезис о роли поэта в жизни русского человека с середины 1930-х гг. стал транспарантом всей советской пропаганды: для живого гения и учителя должны были быть выбраны достойные предшественники. 10 февраля 1937 г. редакционная статья главной газеты страны окончательно определила место Пушкина в советской иерархии:

> «Пушкин целиком наш, советский, ибо советская власть унаследовала все, что есть лучшего в нашем народе, и сама она есть осуществление лучших чаяний народных. <...> В конечном счете творчество Пушкина слилось с Октябрьской Социалистической революцией, как река вливается в океан»[28].

И если в 1937 г. юбилейные пушкинские торжества совпали с Большим террором, то в 1949 г. они предшествовали 70-летию гения всех времен и народов. Еще 27 августа 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о подготовке празднования, в соответствии с которым был учрежден Всесоюзный юбилейный комитет под председательством А. А. Фадеева[29]. В число 46 членов Всесоюзного комитета вошли официальные лица (в числе которых бывший ректор ЛГУ А. А. Вознесенский), деятели науки и культуры, а также некоторые литературоведы (Д. Д. Благой, Б. С. Мейлах, А. М. Еголин).

В свою очередь, в Ленинграде в конце 1948 г. была учреждена Ленинградская комиссия, сведения о которой были опубликованы в середине декабря:

> «Для подготовки и проведения 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся создал юбилейную комиссию под председательством академика И. И. Мещанинова.
>
> В состав комиссии входят: Н. Д. Синцов (секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде. — *П. Д.*) (заместитель председателя), В. А. Колобашкин (секретарь Ленинградского обкома ВКП(б). — *П. Д.)* (заместитель председателя), В. П. Галкин (заместитель председателя), В. А. Десницкий, А. А. Прокофьев, В. И. Смоловик (заведующий отделом пропаганды и агитации горкома ВКП(б). — *П. Д.*), Б. Ф. Чирсков, В. Ф. Панова, Д. В. Наливкин, Н. С. Державин, И. А. Орбели, Н. К. Пиксанов, Л. А. Плоткин, Б. С. Мейлах, Б. В. Томашевский, Н. К. Черкасов, Л. С. Вивьен, В. П. Друзин, Н. А. Домнин, М. А. Шувалова, А. Г. Дементьев, Б. И. Загурский (начальник управления по делам искусств исполкома Ленгорсовета. — *П. Д.*), П. И. Рачинский, Я. С. Николаев, А. Н. Васильев, Г. М. Козинцев, Н. Н. Цветаев, В. П. Соловьев-Седой,

---

[28] Слава русского народа // Правда. М., 1937. № 40. 10 февраля. С. 1.

Указанная статья опубликована без подписи, т. е. имеет характер редакционной, которые обычно готовились «всем миром» с превалированием работников соответствующих отделов аппарата ЦК. В данном случае почти бесспорно участие в ее написании выкристаллизовавшегося к юбилею 1937 г. в советском литературоведении (к счастью, лишь временно) главного пушкиноведа страны В. Я. Кирпотина. Такому стремительному взлету послужила его книга «Наследие Пушкина и коммунизм» (М., 1936), удостоившая автора в октябре 1936 г. ученой степени доктора литературоведения без защиты диссертации «за выдающиеся работы в области литературоведения и истории общественной мысли» (*Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 363). По этой причине уже в ноябре 1936 г. пресс-бюро при Отделе печати ЦК ВКП(б) рассылало его статьи в качестве директивных.

[29] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о подготовке к празднованию 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина // Власть и художественная интеллигенция. С. 638–639.

А. А. Брянцев, Е. Т. Федорова, В. И. Чернецов (секретарь Ленинградского горкома и обкома ВЛКСМ. — *П.Д.*)»[30].

В середине января подготовка к торжествам началась и в Пушкинском Доме; 17 января ЛенТАСС сообщал:

«В Институте литературы Академии наук СССР началась подготовка к всесоюзной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

Участники конференции заслушают доклады виднейших советских пушкинистов и литературоведов на темы: "Наследие Пушкина и советская культура", "Разработка биографии Пушкина за советские годы", "Пушкин на языках народов СССР", "Пушкин и литература славянских народов".

Ряд докладов посвящается изучению отдельных текстов великого поэта, работам о Пушкине Добролюбова, Чернышевского, Белинского и т. д.

В числе докладчиков — члены-корреспонденты Академии наук СССР А. М. Еголин, Н. К. Пиксанов, профессоры Л. А. Плоткин, Б. В. Томашевский, Б. С. Мейлах, Д. Д. Благой, Н. Ф. Бельчиков, Н. И. Мордовченко, Б. П. Городецкий и другие»[31].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в комиссию не вошел один из наиболее прославленных пушкиноведов не только Ленинграда, но и всей страны — профессор Г. А. Гуковский. Он не упомянут и в числе участников юбилейных торжеств. Однако через месяц, 19 февраля 1949 г., «Ленинградская правда» объявила о настоящем бенефисе профессора:

«Лекторий Горкома ВКП(б) организует цикл лекций "А. С. Пушкин" (к 150-летию со дня рождения). План цикла: 1. Национальное и мировое значение А. С. Пушкина. 2. Пушкин — поэт декабризма. 3. "Борис Годунов". 4. "Евгений Онегин". 5. Проза 30-х годов. 6. "Медный всадник". Лекции читает доктор филологических наук, профессор Г. А. Гуковский. Лекции читаются по пятницам с 19 час. 30 мин. Первая лекция состоится 4 марта»[32].

Но идеологическая конъюнктура менялась так стремительно, что Г. А. Гуковскому, выступившему 4 марта с вводной лекцией, не позволили дочитать цикл — следующие пять лекций прочитали благонадежные Б. П. Городецкий и В. А. Мануйлов[33].

ПУШКИНСКИЙ ДОМ ПОДНИМАЕТ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Еврейский вопрос стал актуален еще задолго до публикации в «Правде» печально знаменитой статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков»; просто начиная с того январского дня 1949 г. он уже перестал быть собственно вопросом.

---

[30] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 152. Л. 95 («Перед 150-летием со дня рождения А. С. Пушкина: Ленинградская юбилейная комиссия»). 14 декабря сообщение об этом было передано по Ленинградскому радио (Там же. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2925. Л. 78).

[31] Там же. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 160. Л. 169 («Всесоюзная конференция пушкинистов»).

[32] Ленинградская правда. Л., 1949. № 41. 19 февраля. С. 4.

[33] Вторая лекция цикла 11 марта 1949 г. была заменена лекцией В. А. Мануйлова «Отечественная война 1812 года в жизни и творчестве А. С. Пушкина»; третью лекцию («Борис Годунов») 18 марта прочитал Б. П. Городецкий; он же 25 марта прочитал четвертую лекцию («Евгений Онегин»); пятая, 1 апреля, заменена лекцией В. А. Мануйлова «"Полтава" и "Медный всадник"», заключительная шестая, 8 апреля, лекцией Б. П. Городецкого «Последний период творчества А. С. Пушкина».

В данном контексте следует оговорить, кого же тогда вообще считали евреями? Это необходимо, прежде всего, потому, что многие из тех, кто в 1949 г. подвергся поруганию, давно не считали себя евреями; даже более того — они давно были русскими по паспорту.

Однако еще с дореволюционного времени крещение евреев не избавляло их от преследования за национальность, кроме того пресловутая приписка «из евреев», отмененная в 1906 г., на протяжении долгого времени оставляла их в положении людей другого сорта, и русскими их можно назвать с большой долей условности: «Даже если обращение разрывало религиозные связи между крещеными евреями и их единоверцами, российский закон однозначно утверждал, что крещеные евреи должны быть узнаваемы по их происхождению»[34].

По этой причине государство, не в силах противостоять изменению имени и отчества при крещении евреев в православие, оказывало решительное сопротивление изменению фамилий. Тем самым оно сознательно препятствовало попыткам евреев расстаться с последней зримой преградой, отделяющей их от русского народа, — еврейской фамилией (исключения делались лишь для крещеных евреев, состоявших на военной службе).

Значительный рост числа прошений выкрестов на высочайшее имя об изменении фамилий традиционно приходился на годы всплеска антиеврейских настроений; волна антисемитизма 1910-х гг. также породила большое число таковых, но «государство отклоняло большинство этих запросов, прежде всего из-за общего недоверия к евреям и лицам еврейского происхождения, наводнивших русскую культуру и политическую жизнь»[35]. Политика царского правительства по отношению к евреям (прежде всего к сохранявшим свою идентичность) привела к массовому исходу евреев из Российской империи — между 1897 и 1915 гг. выехало 1 млн 288 тыс. евреев, причем свыше 1 млн — в Соединенные Штаты[36].

После 1917 г., казалось, уже можно быть русским и не стесняться писать в графе национальность, которая заполнялась в обязательном порядке, «еврей».

> «Нацисты классифицировали людей, особенно евреев, по голосу их крови. И большинство людей, особенно евреи, ответили тем, что услышали подземный зов. И нигде ответ этот не казался более естественным, чем в Советском Союзе, где все граждане, в том числе евреи, классифицировались по крови, и каждый должен был всерьез — как учила Коммунистическая партия — прислушиваться к ее зову.
>
> С первого дня своего существования Советское государство предписывало этничность как средство против памяти об угнетении. В отсутствие нового угнетения этничности предстояло — со временем — скончаться от переизбытка кислорода (примерно так же, как государству предстояло отмереть вследствие постоянного укрепления). Но пока этого не произошло, государству необходимо было знать национальность граждан, потому что оно должно было разграничивать национальные территории, преподавать национальные языки, издавать национальные газеты и продвигать национальные кадры на различные ответственные должности. Государство снова и снова спрашивало

---

[34] *Аврутин Ю. М.* Крещеные евреи, этнический конфликт и политика повседневной жизни в России во время Первой Мировой войны // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 118.

[35] Там же.

[36] Там же. С. 158. Для сравнения: на рубеже XX в. в Российской империи жили 5,2 млн евреев из примерно 9,7 млн всех евреев Европы; около 90% всех евреев империи жили в черте оседлости.

у граждан, кто они по национальности, а граждане снова и снова отвечали — поначалу согласно самоощущению или личному интересу, а потом под диктовку голоса крови (нравилось это им или нет).

После введения в 1932-м паспортной системы национальность стала постоянным знаком отличия и одним из основных показателей социальной и политической траектории советского гражданина. Когда 20-летний Лев Копелев получал свой первый паспорт, он <...> записался евреем. Русский и украинец по культуре и убеждению, он "никогда не слышал голоса крови", но понимал "язык памяти" и полагал, что отречься от родителей, всегда считавших себя евреями, "значило бы осквернить могилы". Выбор этот облегчался тем, что у него не было последствий. Узбек в Узбекистане или белорус в Белоруссии мог извлечь некоторую выгоду из своей национальности; "еврей" и "русский" были в 1932 году практически взаимозаменяемыми (и в РСФСР, и за ее пределами)»[37].

Во второй половине 1930-х гг., когда государство жило в ожидании грядущей войны, вопросу национальности стали уделять всё большее внимание. И хотя речь в то время велась не столько о евреях, сколько о немцах, поляках, греках или иных этносах, но евреи также попадали в категорию нерусских. Один из примеров трепетного отношения советской власти к национальному вопросу — инструкция НКВД СССР от 2 апреля 1938 г.:

«Если родители немцы, поляки и т. д., вне зависимости от их места рождения, давности проживания в СССР или перемены подданства и друг., нельзя записывать регистрирующегося русским, белорусом и т. д. В случаях несоответствия указанной национальности родному языку или фамилии, как, например: фамилия регистрируемого Попандопуло, Мюллер, а называет себя русским, белорусом и т. д., и если во время записи не удается установить действительную национальность регистрирующегося, графа о национальности не заполняется до предоставления заявителями документальных доказательств»[38].

При этом наиболее известным ученым-евреям, напротив, настоятельно предлагали писать в пятой графе «русский». Этим правом в 1948 г. воспользовался главный физик страны академик Абрам Федорович Иоффе[39].

Как же обстояло дело с «этим вопросом» у ленинградских ученых, которым предстояло стать жертвами кампании по борьбе с космополитизмом? При ближайшем рассмотрении оказывается, что «инвалидов пятой группы», т. е. евреев по анкетным данным, из них было совсем немного. Практически все они давно ощущали себя, да и были на законных основаниях, русскими: они при рождении были крещены в православие. Исключение составляет, пожалуй, только С. Я. Лурье, который, хотя и встретил Февральскую революцию лютеранином, к Октябрьской уже был иудеем и в течение всех лет советской власти подчеркнуто избегал всяких компромиссов в этом вопросе[40]. Обратимся к анкетным данным.

[37] *Слезкин Ю. Ю.* Эра Меркурия. С. 336–337.

[38] Там же. С. 368.

[39] *Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона. С. 285. Публикуя этот факт, автор делает, на наш взгляд, не вполне обоснованный вывод: «На старого профессора, по-видимому, так угнетающе подействовало нарастание антиеврейской истерии, что начиная с 1948 г. в своих анкетах он стал писать "русский" вместо "еврей", как делал прежде».

[40] Соломон Яковлевич (Янкелевич) Лурье был иудеем по вероисповеданию и в 1908 г. был зачислен в Петербургский университет как иудей, но в 1911 г. был крещен в лютеранской церкви

Марк Константинович Азадовский — русский (поступая в университет, он приложил в доказательство свидетельство о крещении)[41]; Павел Наумович Берков — русский, «сын дантиста (лица свободной профессии)»[42]; Иван Иванович Векслер — белорус[43]; Григорий Александрович Гуковский — русский[44]; Борис Михайлович Эйхенбаум — русский (сын потомственной дворянки и личного дворянина)[45]; Ольга Михайловна Фрейденберг — русская[46].

Более сложно обстоит дело с Виктором Максимовичем Жирмунским: он был по рождению иудеем, будучи иудеем, учился в Петроградском университете[47], но после 1917 г. стал писать в графе национальность «русский»[48], в 1928 г. отдел кадров ИЛЯЗВ поправляет это и, памятуя о дореволюционной приписке «из евреев», пишет в графе национальность «русский (еврей)»[49], а с 1930 г. он, уже пожизненно, пишет «еврей»[50], с единственной оговоркой в 1931 г., что он «еврей, сын врача (служащего)»[51].

Из тех, кто писал в графе национальность «еврей», — Гирш Арбамович Бялый[52], Соломон Давидович Кацнельсон[53], Борис Соломонович Мейлах[54], Лев Абрамович

в г. Могилеве (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 55123. Л. 30), в 1913 г. венчался в лютеранской церкви Св. Марии на Петроградской стороне. Однако в марте 1917 г., после Февральской революции, он вернулся к своей исконной вере и уже никогда больше не изменял ей; в 1922 г. он упоминал, что «имеет счастье или несчастье быть, по общему мнению всех знающих его, одним из типичнейших представителей еврейского племени во всех решительно отношениях» (*Лурье С. Я.* Антисемитизм в древнем мире, попытки объяснения его в науке и его причины. С. 65).

[41] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 647. Л. 1; то же указано в других анкетах и личных листках. Студенческое дело М. К. Азадовского — ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петроградский университет). Оп. 3. Д. 49590. Л. 9.

[42] Там же. Ф. 302 (ИЛЯЗВ). Оп. 2. Д. 24. Л. 28.

[43] Там же. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 672. Л. 7.

[44] ГА РФ. Ф. 9506 (ВАК). Оп. 15. Д. 29. Л. 12; то же указано в других анкетах и личных листках.

[45] ПФА РАН. Ф. 302 (ИЛЯЗВ). Оп. 2. Д. 302. Л. 13; то же указано в других анкетах и личных листках. Отец его был выкрестом, венчан по православному обряду, Б. М. Эйхенбаум был крещен при рождении в православие. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петроградский университет). Оп. 3. Д. 50317. Л. 43.

[46] Там же. Ф. 77 (ИЯМ). Оп. 5. Д. 275. Л. 2 об. Все свои автобиографии она начинала примерно одинаково: «Родилась в 1890 г. в семье первого мирового изобретателя автоматического телефона, Михаила Филипповича Фрейденберга»; но по рождению она была иудейкой и гимназию окончила как иудейка (свидетельство — ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 3698. Л. 4). 1 марта 1918 г. она подала заявление в Петроградский университет с просьбой зачислить вольнослушательницей еще как Ольга Моисеевна (Там же. Л. 3), но когда 10 марта 1919 г. была зачислена в действительные студенты, то уже как Ольга Михайловна. Сама О. М. так объясняла эту перемену: «Когда в 1917 или 1918 годах выдавали новые паспорта, она, на вопрос о национальности, ответила — “русская”. В то переходное время метрик или каких-то других документов не спрашивали» (*Галеркина Б. Л.* Минувшее — сегодня. С. 431).

[47] ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петроградский университет). Оп. 3. Д. 52674. Л. 12.

[48] ПФА РАН. Ф. 302 (ИЛЯЗВ). Оп. 2. Д. 92. Л. 30 (1924 г.).

[49] Там же. Л. 47.

[50] Там же. Л. 79.

[51] Там же. Ф. 302 (ИЛЯЗВ). Оп. 2. Д. 93. Л. 3. Отец В. М. Жирмунского — Моисей Савельевич Жирмунский (1854–1937), видный отоларинголог, окончил Берлинский университет со званием доктора медицины (1871), получил в Медико-хирургической академии звание врача (1879), затем там же защитил диссертацию (1885 г., тема — «О влиянии разреженного воздуха на человеческий организм»).

[52] ГА РФ. Ф. 9506 (ВАК). Оп. 12. Д. 66. Л. 4.

[53] Там же. Оп. 23. Д. 8640. Л. 8.

[54] ПФА РАН. Ф. 222 (Комитет по подготовке кадров АН СССР). Оп. 2. Д. 851. Л. 77.

Плоткин[55]. Все они встретили революцию, будучи евреями, и именно революция дала им свободу без страха писать свою национальность.

Однако, как покажут события 1949 г., удар наносился безотносительно анкетных данных, вполне согласуясь с общеизвестной пословицей — советская власть била не по паспорту. Евреев избирали именно по крови, и именно по крови их причисляли к «безродным космополитам». И хотя, в отличие от нацизма[56], сталинизм не закреплял антисемитизм законодательно, цели преследовались сопоставимые; одна из них — освобождение рабочих мест для представителей титульной национальности. И если в 1933 г., после опубликования нацистами распоряжения о профессорах, уже к середине года в немецких университетах было уволено около 15% профессорско-преподавательского состава (лишь в Берлинском университете процент увольнения евреев был заметно выше среднего — 35%)[57], то в СССР, где не принималось никаких официальных актов, борьба с космополитизмом давала сопоставимые результаты.

Важно отметить, что в нацистской Германии евреи преследовались не только государством, но и рядовыми гражданами, зачастую по чисто экономическим мотивам, поскольку в результате изгнания евреев представители титульной национальности получали их имущество и рабочие места. В СССР конца 1940-х гг. именно рабочие места стали основным трофеем, за который шла борьба: руководство страны позволило под предлогом борьбы с космополитизмом освободить большое число высокооплачиваемых рабочих мест, которые прежде были заняты евреями. Еще раз отметим, что евреями не по паспорту, а евреями по крови.

То обстоятельство, что в области литературоведения предстояло нейтрализовать не просто евреев, а еще и неординарных ученых, лишь делало их участь еще печальней[58]. В 1949 г. преследование ученых-литературоведов по национальному признаку перешло в открытую фазу.

2 января 1949 г. группа коммунистов-литературоведов, без труда уловивших носившийся в воздухе дух государственного антисемитизма, подала в Василеостровский райком ВКП(б) докладную записку «О работе Института литературы (Пушкинский Дом) АН СССР»[59].

---

[55] ГА РФ. Ф. 9506 (ВАК). Оп. 12. Д. 286. Л. 24.

[56] «Сначала вышли законы об устранении евреев из государственного аппарата и органов юстиции (закон о профессиональном чиновничестве от 7 апреля 1933 г.; об адвокатах от 17 апреля 1933 г.; служащих и рабочих учреждений от 4 апреля 1933 г.; закон о супругах чиновников от 30 июня 1933 г.). Затем были изданы имевшие решающее значение для фашистской унификации законы и распоряжения: о студентах — 25 апреля 1933 г., о профессорах — 6 мая 1933 г., о создании имперских палат по вопросам культуры — 22 сентября 1933 г., о редакторах — 4 октября 1933 г., осуществлено сожжение книг 10 мая 1933 г.» (*Опитц Р.* Фашизм и неофашизм / Сокр. пер. с нем. М., 1988. С. 169–170).

[57] *Пленков О. Ю.* Третий Рейх: Арийская культура. СПб., 2005. С. 42.

[58] «Трудность для евреев состояла не в том, что они слишком сильно любили Пушкина (невозможно жить в России и слишком сильно любить Пушкина), а в том, что это у них слишком хорошо получалось» (*Слезкин Ю. Ю.* Указ. соч. С. 98).

[59] ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (ВО РК ВКП(б)). Оп. 5. Д. 595. Л. 55–61. По причине того, что последний лист документа (с подписями и датой) обрезан по нижнему краю, сохранилась только подпись Б. В. Папковского. Однако если сопоставить документ с публикуемым ниже письмом коммунистов Пушкинского Дома Г. М. Маленкову, который подписан Д. С. Бабкиным, А. С. Бушминым, Б. В. Папковским и Д. И. Рязановым, то не остается сомнений, что Докладная записка имеет то же авторство.

Авторы документа преследовали цель, прежде всего, дискредитировать руководство Института в лице и.о. директора Л.А. Плоткина. Ему вменяется в вину то, что «в Институте проводилась и проводится ныне неправильная и антипартийная линия в подборе и расстановке кадров, создалась обстановка семейственности, еврейского национализма, угодничества и полного отсутствия критики и самокритики»[60]. Но обвинения руководителю Института авторы выводят на более широкие горизонты:

> «Космополиты и формалисты очень спаянно и крепко держатся на основе национальной однородности <...>. Семейственность и антипартийная политика насаждения национальной однородности привели к тому, что в течение двенадцатилетнего фактического руководства институтом космополиты <...> расставили свои силы однородной национальности так, что они оказались во главе основных секторов. Отделом новой русской литературы заведует проф[ессор] Мейлах, его замещает и заведует Пушкинской комиссией проф[ессор] Эйхенбаум. Комиссию XVIII века возглавляет проф[ессор] Гуковский, отдел западных литератур проф[ессор] Жирмунский, редактор издательского отдела — Шульман[61], зам. директора по адм[инистративно]-хозяйственной части Шаргородский[62], секретарь дирекции Фридман[63], главбух Израилевич[64]. В отделе новой литературы старшие научные сотрудники, за исключением проф[ессора] Томашевского, однородной национальности, а именно: Эйхенбаум, Гуковский, Берков, Бялый, Векслер, Мейлах, Лотман, [Гинзбург][65], Бухштаб, Рейсер. Такой подбор случайно не мог возникнуть, а является последовательной и продуманной националистической политикой нынешнего космополитического руководства, проводимой в течение десятилетий»[66].

Перечисляя подробности вредительской деятельности космополитов в Институте, отмечая бездействие парторга А. И. Перепеч, авторы предлагают следующие меры для ликвидации «Плоткина и его камарильи»:

> «Выводы напрашиваются сами собой: требуется срочное вмешательство Василеостровского РК ВКП(б) для того, чтобы оздоровить обстановку, весьма возможно, с привлечением Л[енинградского] ГК ВКП(б). Положение в Институте слишком серьезное, и оставлять его на произвол судьбы нельзя. Было бы очень кстати информировать академика Никитина и Борисова, руководителей парторганизации Академии Наук СССР и отдела кадров, тем более что они приезжают в Ленинград на сессию АН СССР 4 или 5 января 1949 года»[67].

Получив такое, бюро райкома начало проверку изложенных фактов. Были затребованы сведения о национальном составе Пушкинского Дома в Управлении кадров

---

[60] Там же. Л. 55 об.

[61] Шульман Зискинд Мовшович (1902–?) — издательский работник, участник войны, в 1946–1961 гг. редактор издательского отдела Пушкинского Дома.

[62] Шаргородский Тимофей Исаевич (1896–?) — заместитель директора Пушкинского Дома по административно-хозяйственной части с 1942 г. (официально — с 20 января 1943 г.) по 7 марта 1950 г.; сын погиб на фронте.

[63] Фридман Фаня Львовна (1908–?) — заведующая канцелярией института, с 1950 г. переведена на должность научно-технического сотрудника Литературного музея ИРЛИ, в 1953 г. уволена в связи с реорганизацией структуры ИРЛИ.

[64] Израилевич Любовь Фальковна (1903–?) — главный бухгалтер, в Пушкинском Доме с 1 января 1945 г.

[65] Фамилия Л. Я. Гинзбург зачеркнута в документе.

[66] ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (ВО РК ВКП(б)). Оп. 5. Д. 595. Л. 56 об.

[67] Там же. Л. 61.

АН СССР. 25 января 1949 г. в Василеостровский райком поступил специальный документ, подготовленный Ленинградским отделением управления кадров АН СССР, — «Справка по Институту литературы (Пушкинскому Дому) Академии Наук СССР»[68]. В качестве преамбулы в нем приводятся официальные сведения:

«Всего в институте 125 человек сотрудников по штату, из них руководящих и научных сотрудников — 70 человек, научно-технических сотрудников — 20 человек, аминистр[ативно]-хозяйств[енного] персонала — 35 человек. Из штатного состава ин ститу]та членов и кандидатов ВКП(б) — 24 чел., национальный состав: — евреев — 20 чел., армян — 3 чел., украинцев, белорусов, татар — по одному человеку».

Затем управление кадров излагает персональную информацию более подробно. Приводимые в документе дополнительные сведения о некоторых сотрудниках вполне укладываются в русло зарождающейся кампании. Приведем выборку:

АЗАДОВСКИЙ М. К., д[октор] ф[илологических] н[аук], б[ес]парт[ийный], русский по анкетным данным, по неточным данным — еврей по национальности, до революции бывал за границей, в 1907 г. арестовывался царским правительством за хранение нелег[альной] литературы, по неточным данным в период Гражданской войны в Сибири приветствовал Колчака.

БЕРКОВ П. Н., д[октор] ф[илологических] н[аук], б[ес]парт[ийный], русский по анкетным данным, жена еврейка, быв[ший] член Австрийской Компартии, до 1921 г. проживал в Румынии, после чего приехал в Сов[етский] Союз, арестовывался органами НКВД.

БАЗАНОВ В. Г., д[октор] ф[илологических] н[аук], чл[ен] ВКП(б), русский, жена — еврейка.

БУРСОВ Б. И., к[андидат] ф[илологических] н[аук], б[ес]парт[ийный], русский, по сообщению секр[етаря] партбюро женат на еврейке.

ВЕКСЛЕР И. И., д[октор] ф[илологических] н[аук], б[ес]парт[ийный], белорус по анкетным данным, женат на еврейке, жена его ранее была замужем за троцкистом Серман, затем, якобы, за К. Радеком. Сына жены — Серман И. З., ныне работающего в Гослитиздате, Векслер пытался привлекать к редакторской работе в Ин[ститу]те. Сам Векслер И. И. быв[ший] меньшевик.

ГУКОВСКИЙ Г. А., д[октор] ф[илологических] н[аук], б[ес]парт[ийный], русский по анкетным данным, хотя его родной брат — историк Гуковский М. А. указывает в анкетах — еврей, как об этом сообщает секр[етарь] партбюро, сам Гуковский Г. А. в 1941 г. арестовывался органами НКВД.

ЖИРМУНСКИЙ В. М., чл[ен]-корр[еспондент] АН, б[ес]парт[ийный], еврей, в годы сов[етской] власти неоднократно бывал в Германии, дважды арестовывался органами НКВД в 1927 и в 1941 г.

МЕЙЛАХ Б. С., д[октор] ф[илологических] н[аук], член ВКП(б), еврей, имеет родственника в Нью-Йорке.

ОРЛОВ В. Н., к[андидат] ф[илологических] н[аук], б[ес]парт[ийный], русский, мать его еврейка и жена еврейка (по сообщ[ению] секр[етаря] партбюро).

ЭЙХЕНБАУМ Б. М., д[октор] ф[илологических] н[аук], б[ес]парт[ийный], русский, происходит из дворян.

Несмотря на зловещий характер, который имели Докладная записка и косвенно подтверждающая ее справка Управления кадров, ход документам дан не был. Причина

[68] ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (ВО РК ВКП(б)). Оп. 5 (Особый сектор). Д. 595. Л. 62–65.

состоит в том, что прибывшие на январскую сессию АН СССР руководители Академии наук и Отделения литературы и языка не дали «добро» на погром в Пушкинском Доме; важную роль имела и поддержка, неизменно оказываемая Л.А. Плоткину со стороны секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде Н.Д. Синцова. В результате документы пошли в архив Особого сектора Василеостровского райкома ВКП(б).

Но поскольку уже во время сессии АН СССР авторам письма дали понять, что их усилия не принесут никаких серьезных перемен, то, выждав две недели, А.С. Бушмин продолжил действовать.

А.С. БУШМИН РАЗОБЛАЧАЕТ

Усилия А.С. Бушмина, Б.В. Папковского и др. по дискредитации руководства Пушкинского Дома, в том числе и руководителя парторганизации А.И. Перепеч, приносили плоды. Именно недоверием партийных руководителей к Пушкинскому Дому можно объяснить тот факт, что горком, не довольствуясь речами штатных идеологов института, направил на заседание Ученого совета своих представителей в качестве докладчиков:

> «19 января состоялось заседание Ученого совета Института литературы Академии наук СССР, посвященное 25-летию со дня смерти В.И. Ленина.
>
> Открывая заседание, исполняющий обязанности директора института проф[ессор] Л.А. Плоткин подчеркнул всемирно-историческое значение учения Ленина и остановился на высказываниях Владимира Ильича Ленина по вопросам литературы и искусства.
>
> — В трудах Ленина, — сказал проф[ессор] Плоткин, содержащих огромное теоретическое богатство, указываются пути дальнейшего развития социалистической культуры. Принцип большевистской партийности в литературе должен быть положен в основу всех трудов и исследований наших литературоведов.
>
> С докладом «25 лет без Ленина под руководством Сталина по ленинскому пути» выступил лектор горкома ВКП(б) тов. А.Е. Черняк. Лауреат Сталинской премии проф[ессор] Б.С. Мейлах посвятил свой доклад теме: "О языке Ленина"»[69].

Одновременно наблюдалось усиление идеологической работы на уровне городского и областного партийного руководства:

> «Большевистская партия широко развернула пропагандистскую работу среди работников умственного труда, ведет ее систематически, целенаправленно, воспитывая в нашей интеллигенции высокую бдительность, преданность советскому государству, советскому народу.
>
> Ленинград является передовым культурным и научным центром страны. В нем сосредоточена многотысячная армия научных работников, инженеров, преподавателей, врачей, писателей, работников культуры и искусства.
>
> Именно поэтому Ленинградская партийная организация особое внимание направила на выполнение постановлений ЦК ВКП(б) и указаний товарища Сталина об усилении идеологической работы.
>
> Неуклонное выполнение постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам обеспечило подъем всей идейной жизни Ленинграда.

---

[69] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 160. Л. 233 («Заседание Ученого совета в Институте литературы»).

> Внимание нашей интеллигенции направлено на перестройку преподавания биологических, философских, экономических, медицинских и литературоведческих наук в свете марксистско-ленинского мировоззрения.
>
> Стремление ленинградских ученых направлено на очищение науки от вредного объективизма и отвлеченного академизма, на связь науки с жизнью и народнохозяйственными задачами»[70].

Именно в этот момент, уже не рассчитывая на помощь Василеостровского райкома, А. С. Бушмин пишет 27 января 1949 г. письмо одному из главных деятелей советского литературоведения и своему бывшему научному руководителю в аспирантуре МИФЛИ А. М. Еголину:

> «Пишу Вам как коммунист старшему коммунисту и авторитетному ученому в той науке, которой понемножку занимаюсь и я. <...>
>
> С момента моего прихода в Ин[ститу]т литер[атуры] меня поразило наличие в его стенах нездоровой группировки, ставящей свои групповые интересы выше интересов советской науки. В меру своих возможностей я стал на партийных собраниях и заседаниях Ученого совета выступать с критикой наиболее вопиющих недостатков нашего учреждения. Группировка встретила мои выступления, конечно, очень недоброжелательно, особенно выступление мое на Ученом Совете 26/X-48 г. Это мое выступление застенографировано, и легко убедиться, что оно сделано с тактом и достаточной аргументацией. (Только не желая отнимать у Вас время, я не прилагаю к данному письму стенограмму.) Лица, которых я критиковал, открыто против меня не выступили, они не могли гласно опровергнуть меня. Они начали сеять тайно всяческие вымыслы и недоброжелательства против меня. Особенное рвение проявили Плоткин и секретарь парторганизации Перепеч, которая самым жалким образом раболепствует перед Плоткиным и К°. Наиболее “сильный и свежий” довод Перепеч против меня (кстати сказать, я являюсь членом партбюро и первым заместителем секретаря парторганизации) заключается в том, что будто Вы, Александр Михайлович, считаете меня человеком сомнительным в моральном отношении. После Вашего отъезда из Ленинграда (с январской сессии АН) Перепеч стала рассказывать “по секрету” коммунистам ин[ститу]та, что, по заявлению А. М. Еголина в беседе с нею, т. е. с Перепеч, —
>
> 1) Бушмин — карьерист, выступающий с критикой ради выгодного места;
>
> 2) Бушмин — семит, по неблаговидным мотивам называющий себя русским.
>
> Зная Вас, я убежден, что это — глупые вымыслы Перепеч, к которым Вы не имеете никакого отношения. Перепеч, не имея против меня никаких реальных аргументов, выискивает способы дискредитировать меня, чтобы создать против меня предубеждение в парторганизации, большинство членов которой вполне согласно со смыслом моих выступлений.
>
> Убежден, что Вашим авторитетным именем Перепеч прикрывает пасквиль собственного сочинения. Предполагаю также, что Перепеч собирается сама высказать (или уже высказала) Вам что-либо обо мне с той целью, чтобы заставить Вас и других не верить голосу моей критики, если она дойдет до высоких инстанций (а я решительно пойду вплоть до ЦК партии, чтобы разоблачить обстановку в институте). Вот почему я хочу дать краткую справку о своей личной и партийной биографии. <...> Горько мне заниматься опровержением глупой клеветы. Но если бы дело касалось только меня, то, поверьте

---

[70] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 3164. Л. 2–3 («Интеллигенция Ленинграда изучает марксистско-ленинскую теорию»: 22 января 1949 г. (16:30–16:59)).

мне, я не стал бы Вас беспокоить своим длинным письмом. Дело в том, что обстановка в институте вообще тяжкая, и я скажу несколько слов о ней, потому что и Вас эта обстановка затрагивает.

В институте в течение многих лет складывалась и сложилась плотная и затхлая группировка — Пл[откин] и К°. Они вершат судьбы в Уч[еном] совете, они возглавляют сектора, они распространяют свое влияние в ленингр[адских] издательствах и в лектории. Кто не пляшет под их дудку, тот обязательно оказывается на положении гонимого. Группу цементирует однородность национального состава, семейно-приятельские отношения, взаимная выручка в научном продвижении. Группа не останавливается перед прямой подделкой документов, чтобы протащить в институт "своих" (это я говорю ответственно, имея факты).

Теперь, когда общественный и партийный контроль все более стесняет тенденции группы, она стремится принять в ин[ститу]т (аспирантуру) тех русских, которые по своей посредственности и покладистости не представляют опасности для группы и создают иллюзию ее незаменимости.

Многолетний секретарь парторганизации института Перепеч играет в ин[ститу]те трагикомическую роль. Она понимает ненормальность положения в институте. В "секретных" разговорах с отдельными коммунистами ("секретные разговоры" — основной метод ее руководства) Перепеч посылает истерические проклятия по адресу группировки, но тут же заявляет, что группировку некем заменить, что надо терпеть, что Пл[откин]н тому, кто будет критиковать его, "сломает хребет". Перепеч страшно озабочена, чтобы «не выносили сор из избы». На тех, кто осмеливается выступить с критикой, Перепеч страшно озлобляется, распространяет против них невероятные сплетни (так было с Бабкиным[71], Папковским, Бушминым и др.). Еще не вполне ясно почему, но Перепеч стала послушным орудием в руках группы Пл[откина] и К°.

Похоже, что Перепеч работает не за совесть, а за страх. Она так напугана всесилием, иезуитством, кружковой дипломатией Пл[откина] и К°, и так она была долго связана с ними службой в ин[ститу]те, что, естественно, видит в разоблачении группы и свое собственное разоблачение.

---

[71] Бабкин Дмитрий Семенович (1900–1989) — литературовед, специалист по русской литературе XVIII в., ученый секретарь Пушкинского Дома, кандидат филологических наук (14 апреля 1948 г., тема — «Исследование источников биографии и творчества М. В. Ломоносова», оппоненты Г. А. Гуковский и В. П. Адрианова-Перетц), впоследствии — доктор наук (1966 г., тема — «Радищев: литературно-общественная деятельность»).

Родился в деревне Лысовой Сарапульского уезда Вятской губернии, окончил сельскую школу, в 1919 г. вступил в РККА и участвовал в боях на Восточном и Южном фронтах; в 1921 г., по окончании войны, командирован в Пермский рабфак, по окончании которого в 1923 г. поступил в Московский высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова, а в 1925 г., при закрытии последнего, был переведен в Ленинград на второй курс литературно-лингвистического отделения факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ, который окончил в 1928 г. по специальности «редакционно-издательское дело». Вплоть до 1937 г. работал корректором и техническим редактором, сперва в Симферополе, а с 1929 г. в ленинградских издательствах (Ленинградское издательство писателей, «Academia», издательство АН СССР); в 1937 г. зачислен на должность младшего научного сотрудника Пушкинского Дома (в 1939–1941 гг. учился в аспирантуре). С началом войны вступил добровольцем в РККА в качестве политработника, последняя должность — военный цензор, демобилизован в декабре 1945 г. в звании майора административной службы, с апреля 1943 г. член ВКП(б), в 1921 г. состоял кандидатом, но выбыл «механически ввиду болезни». Автор изобретений в области полиграфии (1934, 1935 гг.).

Не будь Пл[откин] на должности директора, и группировка лишится своего дипломата-телохранителя. Поэтому группировкой принимаются решительные меры, чтобы укрепить шатающееся положение руководителя учреждения. Говорят, Вы, Александр Михайлович, отстаиваете точку зрения о полном соответствии Плоткина занимаемой должности. Перепеч поддерживает эту версию, зная, как это парализует волю тех коммунистов, которые борются за оздоровление обстановки в институте. Но я, как и другие коммунисты, думаю, что просто из Вашего авторитетного и доброго имени делают очень плохое употребление.

Группировка озабочена, чтобы устранить В. А. Десницкого с заведования секцией новейшей литературы, поставив на его место Н-а[72], человека, дружественного группе. Таким образом руководящая цепь группировки будет сомкнута безраздельно. <...>

О чем думают руководители Отделения литературы и языка? На протяжении нескольких лет они по-настоящему, на месте не проверили работы института, довольствуются красноречивыми докладами Пл[откин]а и фальсификациями Перепеч.

Речь идет не о том, чтобы удалить всех лиц группировки из института. Они могут и должны работать, но не они должны управлять другими, а ими надо управлять. Но их надо поставить в условия, чтобы они работали так, как нужно партии и народу. А это может быть достигнуто только серьезными переменами в руководстве. Надо бы руководителям Отд[еления] литер[атуры] и яз[ыка] отказаться от спокойной теории "незаменимости" руководства в институте. Следовало бы обратить внимание хотя бы на такой факт, что в 1948 г. защитили диссертации принципиальные коммунисты: Бабкин (кандидат), Базанов (доктор), Папковский (доктор). Вместо того, чтобы использовать растущие силы в меру их возможностей, их оттесняют на второстепенные места. Делается все, чтобы Пл[отки]н не имел "конкурентов", остался бы "незаменимым". Против Папковского, например, предпринят целый поход. Его стремятся опорочить перед Бельчиковым Н. Ф. и другими с той целью, чтобы провалить его диссертацию в ВАК'е. Коммуниста Папковского ЦК партии считает достойным использовать на ответственной работе, а в ин[ститу]те ему не нашлось места, его сразу после защиты отчислили. Коммунист Рязанов[73] показывал возможность закончить диссертацию через

[72] По-видимому, речь ведется о Е. И. Наумове, который как раз был в то время соавтором Л. А. Плоткина и А. Г. Дементьева по написанию учебника по советской литературе для средней школы. И хотя, по устоявшейся практике, сектором обычно заведовал сотрудник, имевший докторскую степень (заведующие секторами также проходили обязательное утверждение Президиумом АН СССР), партийные заслуги кандидата филологических наук Е. И. Наумова могли при поддержке дирекции ИЛИ без особенных проблем обеспечить ему место заведующего сектором.

[73] Рязанов Дмитрий Иванович (1918–?) — аспирант Пушкинского Дома (зачислен 16 декабря 1945 г., научным руководителем назначен Г. А. Бялый), отчислен 3 января 1949 г. в связи с окончанием срока аспирантуры. Родился в Тамбовской обл., с 1925 г. жил в Воронеже, в 1939 г. окончил факультет русского языка Воронежского пединститута и призван в ряды РККА, с апреля 1940 г. по август 1942 г. работал сельским учителем, после чего находился в действующей армии (военный переводчик), участвовал во взятии Берлина, с августа 1945 г. член ВКП(б). Из-за изменений политической ситуации менялась и тема его диссертации: при поступлении по специальности «новая русская литература» первоначальной темой была «Литературная деятельность А. Осиповича (А. О. Новодворского)», которая заменена при поступлении в аспирантуру на «"История моего совеременника" В. Г. Короленко», а в октябре 1946 г. — на «Ранняя проза И. С. Тургенева (до "Записок охотника")», которая также в 1947 г. была признана неактуальной и была заменена на «Творчество К. А. Федина в первой половине 20-х годов (роман "Города и годы")», а научным руководителем назначен Л. А. Плоткин; 30 июня 1949 г. научным руководителем назначен В. А. Десницкий. Несмотря на сданные кандидатские экземены (все на «отлично»), он не успел завершить диссер-

полгода, но ему не дали поддержки и отчислили[74]. Тогда как аспиранты, оберегаемые группировкой, писали в институте диссертации по 4–5 и более лет. Примеры вытеснения и притеснения неугодных лиц можно было бы легко умножить, потому что они есть следствие всей системы работы в ин [ститу]те.

Очень жаль, дорогой Александр Михайлович, что не исполнилось мое большое желание поговорить о многом с Вами, когда Вы были в Л[енингра]де. Может быть это осуществится, если случится мне быть в Москве.

Искренне и глубоко уважающий Вас — А. Бушмин»[75].

Это письмо достигло адресата уже в начале февраля, когда обстановка в стране сильно переменилась. Ведь уже на следующий день после отправления письма — 28 января 1949 г. — в «Правде» была напечатана редакционная статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», открывшая шлюзы антисемитизму на государственном уровне.

10 февраля А. М. Еголин направил А. С. Бушмину краткий ответ:

«Дорогой Алексей Сергеевич! Шлю вам сердечный привет. Вы в своем письме поставили ряд дельных вопросов, которые будут в ближайшее время решены. О вас ни с кем, в том числе и с Перепеч, разговора у меня не было, все это глупые вымыслы, на которые вы не обращайте никакого внимания. Научную работу вы начали хорошо, продолжайте, время идет и надо двигаться дальше. При встрече поговорим подробно. Сожалею, что лично со мной в Ленинграде вы не переговорили, о чем пишете.

С приветом А. Еголин»[76].

Но этот ответ для Алексея Сергеевича уже ровно ничего не значил — к тому времени он уже активно действовал без всякого «прикрытия». А действовать он начал ровно в тот день, когда вышла статья в «Правде».

ПИСЬМО Г. М. МАЛЕНКОВУ

Почувствовав остроту момента, коммунисты Института литературы Д. С. Бабкин, А. С. Бушмин, Б. В. Папковский и Д. И. Рязанов решили обратиться в более высокую партийную инстанцию — в ЦК ВКП(б). Они отредактировали и дополнили, с учетом текущего момента, написанное ими 2 января в Василеостровский райком письмо и подали его на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова и заместителя начальника Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Ф. М. Головенченко[77], отвечавшего в ЦК

тацию (одна из причин — работа в течение 6 месяцев по заданию партбюро Пушкинского Дома политорганизатором на 47-м избирательном участке Василеостровского избирательного округа). В 1949 г. был принят на работу в ТАСС (ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 2. Д. 750. Л. 2–58).

[74] Д. И. Рязанов отчислен приказом Л. А. Плоткина от 3 января 1949 г. («Закончившего аспирантуру Института Рязанова Д. И. отчислить из числа аспирантов с 1 января 1949 г.» — ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ АН СССР). Оп. 1 (1949). Д. 4. Л. 96), тем же приказом из докторантуры был отчислен С. А. Рейсер. Впоследствии А. С. Бушмину удалось отстоять своего друга, и 21 февраля 1949 г. Л. А. Плоткин подписал приказ «Зачислить временно Рязанова Д. И. на работу в Рукописный отдел Института по трудовому соглашению с 15 января по 15 марта 1949 года» (Там же. Л. 85). Затем срок аспирантуры продлевался распоряжениями Отдела аспирантуры АН СССР до 1 октября и 31 декабря 1949 г.

[75] ПФА РАН. Ф. 1086 (А. С. Бушмин). Оп. 3. Д. 56. Л. 1–3.

[76] Там же. Д. 294. Л. 1.

[77] Головенченко Федор Михайлович (1899–1963) — литературовед, кандидат филологических

за литературоведение и курировавшего Пушкинский Дом. Датируется оно самым концом января 1949 г., а неточности и многочисленные исправления пером по машинописи свидетельствуют о большой спешке, в которой готовилось объемное послание, занимающее 17 листов текста[78]. В отличие от письма в райком, в послании на имя Г. М. Маленкова на первое место поставлена не критика Л. А. Плоткина, а разоблачение сложившейся группы космополитов-антипатриотов. В Москву письмо было доставлено с нарочным — Б. В. Папковский как раз был 31 января 1949 г. на приеме в ЦК по вопросу обстановки в Пушкинском Доме[79].

Удивительно то, насколько удачно для авторов должны были сложиться обстоятельства, связанные с политикой руководства страны, чтобы это письмо сыграло роль детонатора. Но случилось именно так: активная разработка «ленинградского дела» вместе с начавшейся антисемитской истерией обрекли этот смелый ход А. С. Бушмина на успех — «стенания борцов с еврейским засильем были услышаны»[80]. Именно это письмо стало причиной усиленного внимания Секретариата ЦК ВКП(б) к ленинградской филологии весной 1949 г., что предопределило и соответствующие оргвыводы. Приведем основные положения этого послания, сохраняющегося среди документов Секретариата ЦК:

> «С чувством большой ответственности и надежды обращаемся к Вам, потому что положение, создавшееся в Институте литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР требует немедленного вмешательства руководящих центральных партийных органов (сигналы, подаваемые в РК и ГК ВКП(б), не дали решительных результатов). Нынешнее положение в Институте сложилось в течение десятилетий. Надо по-настоящему разобраться с явно антипартийной и антипатриотической позицией целой группы, которая стоит фактически у руководства Института последние 12 лет и которая тормозит развитие нашей науки. Наше сообщение имеет целью информировать ЦК ВКП(б) об обстановке в Институте и его деятельности. <...>
>
> По благодушию академика Лебедева-Полянского, ослепленного лестью и подхалимством, в институте проводилась и проводится неправильная, антипартийная и антипатриотическая линия в направлении научной работы, в подборе и расстановке научных кадров. В этой обстановке прочно сложилась группа космополитов и формалистов, спаянная долголетними семейно-приятельскими отношениями, взаимным покровительством, однородным (еврейским) национальным составом и антипатриотическими (антирусскими) тенденциями. <...>

наук, до августа 1948 г. занимал несколько должностей, в том числе пост директора Гослитиздата, входящий в номенклатуру ЦК ВКП(б), а также был профессором и заведующим кафедрой русского языка ВПШ при ЦК ВКП(б), полковник в отставке. В августе 1948 г. назначен заместителем начальника Отдела пропаганды ЦК ВКП(б) и одновременно заведующим сектором художественной литературы, в апреле 1949 г. освобожден от должности и назначен деканом факультета русского языка и литературы МГПИ имени В. И. Ленина (что считалось местом «дальней» ссылки работников аппарата ЦК, в отличие от ИМЛИ — «ближней» ссылки), где защитил докторскую диссертацию (1952 г., тема — «Творческий путь Гоголя»). Отдельно следует отметить, что почва, в которую А. С. Бушмин бросил зерно, была на редкость плодородна, потому как в «национальном вопросе» Ф. М. Головенченко был его единомышленником.

[78] Датировка письма Г. М. Маленкову концом января — началом февраля 1949 г. объясняется тем обстоятельством, что 25 января 1949 г. Василеостровский РК ВКП(б), проводивший проверку Докладной записки партбюро Пушкинского Дома от 2 января 1949 г., получил справку из Управления кадров АН СССР, которая была использована для составления этого письма.

[79] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 8. Л. 17.

[80] *Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона. С. 197.

С начала революции и вплоть до 30-х годов в стенах Пушкинского Дома руководящую роль играли открыто воинствующие идеалисты <...> До начала 30-х годов реакционные космополиты и формалисты совокупно вели прямые атаки на марксизм (лидеры этого направления Эйхенбаум, Жирмунский, Гуковский и др.). После этого разбитый вдребезги идейно формализм и космополитизм как бы ушел в подполье и, меняя внешнюю окраску, дожил до наших дней, причем Институт Литературы оказался его основной цитаделью.

Прежде глава школы формалистов Эйхенбаум открыто заявлял, что "жизнь идет не по Марксу, тем лучше", что "ничего конкретного о поэзии Лермонтова, как и о других литературных явлениях, Белинский сказать не умеет", что русские неспособны самостоятельно создавать науку и занимаются только подражаниями Западу. Теперь Эйхенбаум не осмеливается высказывать подобных чудовищных утверждений, но осторожно и завуалировано воплощает их в своих "научных" трудах, таких как "Толстой и Поль-де-Кок" и книги о Толстом, в которых в корне извращается ленинское учение о Толстом. Эйхенбаум монополизировал в стенах института изучение наследства Льва Толстого и подготовку кадров по Толстому. Этим самым советскому литературоведению наносится очень серьезный ущерб. В своих работах о Лермонтове Эйхенбаум извратил творчество поэта, причем эти извращения в несколько смягченном виде повторил в комментарии к сочинениям Лермонтова в 1948 г. (см. журнал "Октябрь", № 11 за 1948 г., статью "Лермонтов и его комментаторы"). В нашей прессе уже достаточно говорилось о космополитах школы Веселовского, основные представители которой вышли из школы формалистов. В институте они обильно представлены: Эйхенбаум, Жирмунский, Азадовский, Бялый, Гуковский и другие. Институт является средоточием эпигонов буржуазного литературоведения.

Группа космополитов и формалистов очень спаянно держится на основе национальной однородности. Этому способствовало и то, что, начиная с 1936 года и до сих пор, заместителями директора были Цехновицер, Дымшиц и Плоткин, люди однородной с группой национальности. Господствующая в Институте антипатриотическая группа укрепилась при попустительстве академика Лебедева-Полянского, не вникавшего по-настоящему в дела и редко бывавшего в институте. Она добилась того, что горьковское название "Институт Русской Литературы" было заменено в начале 1940 г. космополитическим — "Институт Литературы АН СССР". Такое название космополитов-формалистов вполне устраивало, так как позволяло обходиться без национальной русской и патриотической направленности в работе. Получилось чудовищное положение, при котором в СССР было упразднено название Института, призванного заниматься изучением великой русской литературы.

Безродные космополиты расставили свои силы так, что руководство институтом в целом и основными ведущими секторами оказалось в их руках:

1. Плоткин, и. о. директора института,
2. Мейлах, зав. отделом новой русской литературы,
3. Эйхенбаум, зам. зав. отделом новой русской литературы и председатель Пушкинской комиссии,
4. Жирмунский, зав. отделом западной литературы,
5. Азадовский, зав. отделом фольклора,
6. Гуковский, председатель комиссии по XVIII веку,
7. Берков, зам. председателя комиссии по XVIII веку,

8. Векслер, зав. аспирантурой института,
9. Шаргородский, зам. директора по адм.-хоз. части,
10. Израилевич, главбух института,
11. Фридман, секретарь дирекции,
12. Гринберг[81], зав. библиотекой,
13. Шульман, редактор издательского отдела,
14. Рабинович[82], зав. редакцией "Известия Литературы и Языка".

Старшие научные сотрудники ведущего отдела новой русской литературы однородной национальности, а именно: Мейлах, Эйхенбаум, Гуковский, Берков, Бялый, Векслер, Лотман, и докторанты — Рейсер, Гинзбург, Бухштаб. Такой подбор и расстановка кадров является последовательным и продуманным осуществлением тенденции, проводимой Плоткиным и К° в течение многих лет. И.о. директора (официально утвержден Президиумом АН СССР) Плоткин сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Заместителей директора по научной части он не держит, а ученый секретарь Городецкий ни во что не вмешивается и достаточно беспринципен для того, чтобы не мешать Плоткину.

Следует учитывать, что эта группа, применяя методы мимикрии (приспособления), создает картину полного благополучия для статистики и анкет. Кроме Плоткина и Мейлаха, которые не скрывают своей действительной национальности, все остальные, как то: Эйхенбаум, Жирмунский, Бялый, Гуковский, Векслер, Азадовский, за последние два года в анкетах пишут "русские" и отчеты Плоткина в Отделение Литературы и Языка и Президиум АН СССР вполне успокоительно действуют на людей, которые за сводками и цифрами не видят живых людей, а за словами не видят их дела, да и не стараются проникнуть в настоящее положение вещей. На деле получается, что внешне благополучными сводками и отчетами группа пользуется лишь в качестве прикрытия для своих вредных националистических пережитков.

При таком положении в Институте литературы расцвела группа формалистов-космополитов, и она играет руководящую роль. Плоткин, как руководитель института, опирается на эту группу и, в свою очередь, является воинствующим и изворотливым дипломатом и телохранителем, защищающим интересы этой группы. Критика формалистов и космополитов, проводимая партией, была им сведена в институте на нет, и в этой критике (как отмечала "Культура и жизнь") Плоткин занял вредную позицию колеблющегося либерала. Критика и самокритика в институте до крайности приглушена, а критические выступления на заседании Ученого совета (например, 26.X.48 г.) Плоткиным объявлялись демагогическими.

Групповщина и националистические тенденции Плоткина и К° приводят к тому, что в аспирантуру набираются угодные группе люди. Это достигается тем, что при подборе в аспирантуру конкурс носит лишь формальный характер. Принимаются люди по рекомендациям профессоров этой группы, главным образом ученики формалистов-космополитов.

Теперь, когда общественный и партийный контроль все больше и больше стесняет эту тенденцию группы и безнаказанно орудовать стало труднее, группа вырабатывает

---

[81] Гринберг Любовь Григорьевна (Абрамовна; 1903–?) — библиограф, в 1944–1954 гг. заведующая библиотекой Пушкинского Дома.

[82] Рабинович Мариам Борисовна (1906–1987) — редактор, кандидат филологических наук, состояла штатным редактором в Издательстве АН СССР, в 1936–1940 гг. работала в Пушкинском Доме экскурсоводом.

иную тактику. Плоткин и формалисты-космополиты стали всемерно восхвалять выучеников своей группы, для того, чтобы протащить их в аспирантуру и штат института. Ученики Эйхенбаума — Лотман и ее муж Найдич[83] (посредственные аспиранты — первая писала кандидатскую диссертацию 6 лет, второй — 5 лет и получали все время стипендию) были провозглашены "талантами" и этим самым Лотман протащили в штат института, хотя она решительно ничем себя не проявила. При защите кандидатской диссертации Путиловым (Путилович), родственником проф[ессора] Азадовского[84] (он же выступал официальным оппонентом на защите), последний провозгласил его "талантом" и вместе с Плоткиным тащил в штат института. Только после разоблачения этого на закрытом партийном собрании, группе не удалось протащить Путилова в штат института. <...>

Групповая политика кадров и националистическая тенденция Плоткина и К° приводит к тому, что в штат института Плоткин подбирает "угодных" ему людей, а русским ученым в институте не оказывается места. <...> Этим самым космополиты-формалисты обеспечивают свое руководящее положение и подкрепляют иллюзию на практике о своей "незаменимости" и "незаменимости" Плоткина. В течение ряда лет группа космополитов-формалистов создала продуманную систему круговой поруки и безудержанного самовосхваления. На банкете 4.11.48 г., вслед на здравицей в честь тов. Сталина, декадентствующие снобы и подхалимы провозгласили здравицу Эйхенбауму и Азадовскому.

Возникает вопрос: как могло случиться, что группа формалистов-космополитов, на которую опирается и которую покрывает Плоткин и вместе с которой он проводит антипатриотическую линию в подборе и расстановке кадров, стоит у руководства института? В этом, несомненно, повинен академик Лебедев-Полянский. Хотя о покойниках не принято говорить плохо, и он был, несомненно, честным старым большевиком,

[83] Найдич Эрик Эзрович (род. 1919) — литературовед, специалист по творчеству М. Ю. Лермонтова, библиограф, прозаик, кандидат филологических наук (1948 г., тема — «Юношеская лирика Лермонтова»); впоследствии доктор наук (1974 г., тема — «Проблемы поэзии Лермонтова (1835–1841 гг.)»); участник войны (в 1942 г., в звании лейтенанта 946-го стрелкового полка, был ранен при обороне Ленинграда), член ВКП(б); муж Л. М. Лотман. В бытность аспирантом Пушкинского Дома выступал не только с научными, но и с пропагандистскими статьями в стенгазете ИЛИ (см.: *Найдич Э.* О молодых кадрах, 1946 // Пушкинский Дом: Неформальная история в фотографиях, рисунках и забытых текстах / Сост. В. С. Логинова. СПб., 2007. С. 32).

[84] Путилов Борис Николаевич (1919–1997) — литературовед, фольклорист, кандидат филологических наук (1948 г., тема — «Русские исторические песни XI–XIX вв. на Тереке»), впоследствии — доктор наук (1961 г., тема — «Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков»), сотрудник ИРЛИ в 1954–1967 гг.

В данном случае перед нами пример клеветы, причем замешенной на антисемитизме. Вероятно, Б. Н. Путилов был бы не против оказаться родственником М. К. Азадовского, однако установлено иное: Борис Николаевич, уроженец станицы Солдатской области войска Терского, был сыном прикаспийского рыбака Николая Федоровича и терской казачки Анастасии Дмитриевны Путиловых (*Земцовский И. И.* Героический эпос жизни и творчества Б. Н. Путилова. СПб., 2005. С. 23–26).

О встрече со своим «родственником» пишет сам Б. Н. Путилов: «Мое знакомство с Марком Константиновичем Азадовским, сначала заочное, а потом и прямое, состоялось в 1946 году. Разумеется, задолго до этого я знал его труды»; а на защите диссертации Б. Н. в октябре 1948 г. «Марк Константинович описал, как узнал он обо мне, работавшем где-то на периферии в полном одиночестве, как позвал в институт, и т. д.» (*Путилов Б. Н.* Постоянство целеустремленности // Воспоминания о М. К. Азадовском. С. 160–161). На защите диссертации Б. Н. Путилова у М. К. Азадовского от волнения случился сердечный приступ.

но независимо от своих субъективных качеств, он оказался использованным этой группой, к сожалению, не вникал в работу, довольствуясь показными цифрами, показной стороной дела и доверял во всем Плоткину и К°. <...>

Таким образом, в Институте Литературы АН СССР создалось совершенно нетерпимое положение, при котором:

1). Группа космополитов-формалистов занимает руководящее положение уже в течение многих лет;

2). Она добилась замены горьковского названия института "Институт Русской Литературы (Пушкинский Дом) АН СССР" космополитическим — "Институт Литературы АН СССР";

3). Космополиты-формалисты заполонили основные отделы института, особенно отдел новой русской литературы и в штат подбирают только своих людей. Они располагают 80% голосов в Ученом совете Института;

4). Плоткин, как руководитель института, охраняет эту группу и, в свою очередь, охраняется ею. Групповые, приятельские, семейственные отношения дошли до круговой поруки и полной взаимной поддержки. Эта группа раздувает свои авторитеты и "таланты", в том числе и Плоткина. Она травит и изолирует старых русских ученых (профессоров Спиридонова, Евгеньева-Максимова, Десницкого), русских коммунистов — Мануйлова, Папковского, Бабкина, Бушмина, Рязанова и др. Другими словами, делается все, чтобы разогнать, оттеснить и привести к повиновению как старые, так и молодые, растущие кадры русских ученых;

5). Группа космополитов-формалистов, их выученики и друзья захватили руководящее положение в ленинградских издательствах и литературных учреждениях: в Гослитиздате (Горский[85], Серман[86]), в Лениздате (Амстердам[87], Шморман), в лекторском бюро лектория Ленсовета (Абрамкин[88], Хавин), в лектории Горкома ВКП(б) (Каценленбоген[89]), в Обществе по распространению политических и научных знаний (Плоткин). Плоткин возглавляет критическую секцию Союза писателей. Особенно преобладают формалисты-космополиты на филологическом факультете Ленинградского Университета и продолжают калечить молодое поколение студентов. Дело, как видите, выходит далеко на рамки Института Литературы;

6). Отделение литературы и языка АН СССР и Президиум АН до сих пор по-настоящему Институтом Литературы не занимались. Проверка работы не производилась.

Приближающийся 150-летний юбилей со дня рождения Пушкина, как национальный праздник русского и всего советского народа, антипатриотическая группа, в силу своего руководящего положения в институте, хочет использовать для своего укрепления

---

[85] Горский Сергей Львович (1902–1971) — издательский работник, до 1942 г. ответственный редактор журнала «Резец», главный редактор Ленинградского отделения Гослитиздата.

[86] И.З. Серман в 1945–1949 гг. работал редактором Ленинградского отделения Гослитиздата.

[87] Амстердам Абрам Вульфович (1907–1990) — литературный критик, поэт, редактор Лениздата.

[88] Абрамкин Владимир Михайлович (1910–1968) — критик, литературовед, библиограф, в 1931–1933 гг. состоял в штате Пушкинского Дома, с началом войны вошел на фронт военкором, с декабря 1941 г. лектор и начальник лекторской группы Ленинградского дома Красной армии; в 1949 г. сотрудник Городского лекционного бюро при Отделе культпросветработы исполкома Ленгорсовета.

[89] Каценленбоген Григорий Михайлович (1901–?) — штатный сотрудник лектория Ленинградского ГК ВКП(б).

и окончательного закрепления. Допустить это — значит сделать серьезную политическую ошибку;

7). Пушкинские дни приближаются, и надо сделать все для оздоровления обстановки в институте и налаживания нормальной работы. Пора разгромить группу космополитов-формалистов. Необходимо, в первую очередь, восстановить горьковское название института: "Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР". Необходимо назначить директора института и принципиальное коммунистическое руководство. Это следовало бы сделать теперь, накануне Пушкинской годовщины — национального праздника русского и всего советского народа.

О проявлении безродного космополитизма и формализма в научных трудах антипатриотической группы вышлем в ближайшие дни статью, которую просим использовать по Вашему усмотрению.

Коммунисты парторганизации Института литературы (Пушкинский Дом)»[90].

В начале февраля это письмо уже лежало на столе секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, который как раз занимался разработкой ленинградской проблематики: 15 февраля 1949 г. Политбюро ЦК принимает печально знаменитое постановление «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.», давшее официальный старт «ленинградскому делу».

А 18 февраля Секретариат ЦК под председательством Г. М. Маленкова рассмотрел и письмо А. С. Бушмина со товарищи, ключевым тезисом которого было существование антипартийной и антипатриотической группы. По результатам обсуждения Г. М. Маленков подписал постановление Секретариата ЦК № 417/5-с от 18 февраля 1949 г.:

«Заявление группы работников Ленинградского института литературы.

Поручить Отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) проверить факты, изложенные в заявлении группы работников Ленинградского института литературы, и в соответствии с результатами проверки представить в Секретариат ЦК доклад и предложения. Срок — 5 дней»[91].

В действительности решение вопроса несколько затянулось, поскольку 20 февраля Г. М. Маленков сам специальным поездом вместе со свитой отбыл в город Ленина. 21-го числа он был уже в Смольном, где провел необходимые приготовления для экстренно созванного Объединенного внеочередного пленума обкома и горкома ВКП(б), на котором 22 февраля Георгий Максимилианович выступил с докладом по поводу постановления политбюро от 15 февраля. В своем выступлении секретарь ЦК усиленно продвигал линию именно на групповую связь ленинградцев с ждановскими выдвиженцами в Москве:

«Главное — "группа". Маленков без тени сомнения уверял ошарашенных членов горкома и обкома партии, что "антипартийная группа" у них была, и требовал, чтобы в своих критических и самокритичных выступлениях они ее сами же "вскрыли" и "разоблачили"»[92].

В тот же день Объединенный пленум принял все нужные сталинскому руководству решения — осудил «антипартийную групповщину» и единогласно избрал нового партийного руководителя Ленинграда и области — им стал верный подручный секретаря ЦК В. М. Андрианов.

---

[90] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 118. Д. 315. Л. 57–73.

[91] Там же. Л. 56 (Выписка из протокола).

[92] «Ленинградское дело». С. 71.

В условиях последовавшей глобальной чистки ленинградских коридоров власти аппарату ЦК нужно было решить первоочередные кадровые вопросы — проконтролировать замену оставшихся руководителей обкома, горкома, райкомов ВКП(б), Ленгорисполкома и прочих партийных и государственных органов. До литературоведения руки в ЦК партии дошли только в апреле. Однако хронологическая близость рассмотрения Маленковым «письма коммунистов» и его визита в Ленинград позволяет допустить, что он обращался к вопросу о существовании «группы» в Пушкинском Доме во время этой поездки.

Параллельно раскручивался маховик антикосмополитической кампании, направленной, говоря словами А. С. Бушмина, против «однородной национальности». Несомненно, приведенное письмо сыграло ключевую роль для выявления жертв этой кампании.

Кроме того, важно учитывать еще одно обстоятельство, ставшее следствием «ленинградского дела», — резко уменьшилось число критических газетных публикаций, а также сообщений по Ленинградскому радио и в новостной ленте Ленинградского отделения ТАСС. Из-за секретности, сопровождавшей раскручивание «ленинградского дела», в средствах массовой информации умышленно не акцентировалось внимание трудящихся на смене руководства города, на каких-либо идеологических ошибках горкома и обкома и тому подобном — нужно было с наименьшим общественным резонансом заменить подавляющее число руководителей разного уровня. Лучшим информационным фоном тут были новости с полей и т. п.

Критика в печати ленинградской филологической науки также уменьшилась, но обстановка в ЛГУ и Пушкинском Доме продолжала накаляться, пока не достигла своей развязки в мае 1949 г. Давление шло как со стороны нового партийного руководства города, так и из столицы; особенно усилилось оно по линии Министерства высшего образования СССР, всерьез озабоченного «чистотой кадров». Идеологическая и национальная линии объединили свои деструктивные силы.

«ОБ ОДНОЙ АНТИПАТРИОТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ КРИТИКОВ»

О «засилье евреев» в Ленинградском университете сообщала в годы войны даже фашистская пресса[93], но к 1949 г. антисемитизм стал не только пропагандой. Требование «чистоты кадров» предъявлялось как Министерством высшего образования СССР, так и Президумом Академии наук. Несомненно, это было инициативой «руководящих инстанций».

[93] Об этом пишет историк Г. М. Дейч, который в послевоенные годы разбирал в ЦГИАЛ оккупационные газеты: «Не скрою, что меня просто ошеломил масштаб и формы антисемитской пропаганды немцев и то, как эта пропаганда воспринималась многими русскими людьми. Среди тех, кто выступал подголосками немцев, было немало известных людей. <...> Я, например, запомнил статью о Ленинградском университете, написанную кем-то из его преподавателей. Автор доказывал, что а) весь университет находится в руках жидов; б) жиды погубили науку вообще и в стенах университета в частности; в) жиды намеренно тормозят продвижение русских ученых. В статье были названы многие мои знакомые, в том числе профессора Тарле, Вайнштейн, Молок и многие другие». См.: *Дейч Г. М.* Воспоминания советского историка. СПб., 2000. С. 136–137.

Профессор ЛГУ, физик С.Э. Фриш вспоминал:

«Было трудно проследить, по каким каналам проникали в жизнь требования борьбы за эту "чистоту кадров". Никита Андреевич Домнин, сменивший Вознесенского на ректорском посту, имел наивность отправиться в ЦК партии с намерением выяснить, каковы же, наконец, "установки" относительно зачисления на работу лиц с нерусскими фамилиями. Там ему педантично разъяснили, что при зачислении надо пользоваться лишь деловыми соображениями и что ни одна национальность по Советской Конституции не может угнетаться и, наоборот, не должна попадать в привилегированное положение. Домнин, человек порядочный, но чересчур непосредственный, с недоумением спрашивал:

— Не понимаю, как же в университете среди моих помощников есть столько лиц, ведущих другую линию, точно они имеют иные указания?»[94]

Характер таких указаний легко угадывается по речи начальника Главного управления университетов МВО СССР Кузьмы Фомича Жигача, зафиксированной несколько позднее профессором филологического факультета МГУ С. Б. Бернштейном:

«Недавно в министерстве слушал выступление "профессора" Жигача (правая рука Кафтанова). Он метал гром и молнии против тех евреев, которые свои еврейские фамилии меняют на русские и тем самым "вводят в заблуждение русский народ". Все слушали молча»[95].

Статья от 28 января 1949 г. позволила громить евреев уже на законном основании, отчего из числа критикуемых достаточно быстро исчезли как русские, так и немецкие фамилии. Представители «однородной национальности» получили новое наименование — «космополиты».

Планам борьбы с такими «однородными» представителями в области науки о литературе было посвящено заседание бюро Василеостровского райкома ВКП(б) 4 февраля 1949 г.:

«СЛУШАЛИ: Предложение члена бюро РК ВКП(б) тов. Миловского М. П. об обсуждении на заседании бюро РК ВКП(б) докладов секретарей: парторганизации Института литературы Академии наук СССР тов. Перепеч и филологического факультета Ленгосуниверситета им. А. А. Жданова — тов. Лебедева о мероприятиях в связи с редакционной статьей газеты "Правда" № 28 от 28/I — 1949 г. "Об одной антипатриотической группе театральных критиков".

ПОСТАНОВИЛИ: Предложить отделу пропаганды и агитации РК ВКП(б) до 25 февраля 1949 г. заслушать на совещании в Отделе доклады секретарей парторганизаций: Института литературы Академии наук СССР тов. Перепеч и филологического факультета Ленгосуниверситета им. А. А. Жданова — тов. Лебедева — о мероприятиях партийных организаций, проведенных и предполагаемых к проведению в связи с редакционной статьей газеты "Правда" № 28 от 28/I — 1949 г. "Об одной антипатриотической группе театральных критиков"»[96].

Как показывает приведенная выписка, четких мер воплощения в жизнь статьи в «Правде» из вышестоящих партийных инстанций пока в райком ВКП(б) не поступало. Именно в таком же, пока еще достаточно сдержанном ключе выступал в эти дни в Доме писателя А. Г. Дементьев:

---

[94] *Фриш С. Э.* Сквозь призму времени. С. 366–367.

[95] *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти. С. 173. Запись от 31 декабря 1952 г.

[96] ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (Василеостровский РК ВКП(б)). Оп. 5. Д. 568. Л. 101 об.

«31 января открылось отчетно-выборное собрание драматургической секции Ленинградского отделения Союза советских писателей. <...> Ответственный секретарь Ленинградского отделения Союза советских писателей А. Дементьев подробно остановился на серьезных ошибках в работе театральных драматургов, критиков и театроведов Ленинграда»[97].

14 февраля Д. Т. Шепилов подал секретарю ЦК Г. М. Маленкову докладную записку, в которой сообщал и о ситуации в Ленинградском отделении ССП уже в более ярких красках:

«Статьи газет "Правда" и "Культура и жизнь" об антипатриотической группе театральных критиков подняли общественность Ленинграда на борьбу с последователями гурвичей и юзовских в Ленинграде.

Ленинградские драматурги, работники театрального искусства, композиторы, сотрудники института театра и музыки на своих собраниях единодушно осудили вредоносную деятельность критиков-космополитов и их ленинградских выучеников и последователей.

Ответственный секретарь Ленинградского отделения Союза писателей А. Дементьев, писатель В. Друзин, драматург Б. Чирсков, народный артист СССР Н. Черкасов, режиссер С. Рашевская и другие работники искусств приводили на этих собраниях многочисленные факты антипатриотической деятельности ленинградских критиков С. Дрейдена, И. Шнейдермана, И. Березарка, С. Цимбала, театроведа М. Янковского, которые в своих статьях и выступлениях проводили линию Юзовского и Гурвича, всячески раздували их авторитет. <...> Эти критики, стремясь укрыться от контроля общественности, сколотили свою "среду" и в келейной обстановке "критического объединения" при Ленинградском отделении театрального общества беспощадно разделывались с передовыми произведениями советского театра. <...>

Критики-космополиты и их последователи на прошедших в Ленинграде собраниях всячески пытались оправдаться и под прикрытием половинчатых, формальных признаний некоторых своих ошибок избежать ответственности. Выступавшие коммунисты и беспартийные писатели и работники искусств дали политическую оценку космополитическим, буржуазно-эстетским теориям и сурово осудили антинародную практику ленинградских подголосков Гурвича и Юзовского»[98].

Но это было только начало — руководство страны требовало разобраться с космополитами со всей строгостью, и ленинградское партийное руководство дало понять, что «борьба с космополитизмом» не закончилась. 17 февраля в переполненном зале Дома искусств состоялось собрание «актива работников искусств Ленинграда», в работе которого принимал участие секретарь горкома ВКП(б) по пропаганде Н.Д. Синцов. Б.Ф. Чирсков, чей основной доклад был заранее одобрен в горкоме, выступал непривычно резко:

«Дрейдены, Янковские, Березарки и иже с ними, — говорит далее тов. Чирсков, — создавали атмосферу, в которой глушилось чувство гражданской ответственности и чести. <...> Мы должны выкорчевать последствия их вредоносной деятельности, — говорит докладчик, — разоблачить всех врагов нашего искусства»[99].

[97] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 161. Л. 247 («Собрание драматургов и театральных критиков»).

[98] Д. Т. Шепилов — Г. М. Маленкову о партийном собрании в ССП СССР, посвященном борьбе с космополитизмом, 14 февраля 1949 г. // Государственный антисемитизм в СССР. С. 303.

[99] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 163. Л. 174 («До конца разоблачить критиков-антипатриотов и их последователей: На собрании актива работников искусств Ленинграда»).

Литературоведов на этом собрании не касались, но художественным и музыкальным критикам досталось практически наравне с театральными: глава ленинградских художников, член-корреспондент Академии художеств, депутат Верховного Совета РСФСР В.А. Серов выступил с речью о вредоносной деятельности критиков в изобразительном искусстве, а директор Ленинградской консерватории П.А. Серебряков и музыковед А.В. Оссовский прошлись по деятельности музыкальных критиков.

В.А. Серов не упустил возможности отметить своего давнего оппонента:

> «Ленинградский “критик” Пунин открыто воспевает западный декаданс, ориентируя на него молодых советских художников. Вся практика этого “воспитателя” молодежи говорит, что перед нами убежденный космополит, пропагандист формализма!»[100]

Ленинградские писатели пока были в замешательстве. 16 февраля состоялось заседание партбюро Ленинградского отделения ССП, на повестке дня которого стоял вопрос «О подготовке к партсобранию 21 февраля 49 по вопросу о состоянии театральной критики в Ленинграде»[101] и обсуждался предстоящий доклад А.Г. Дементьева. Однако никаких конкретных жертв избрано пока не было (из Москвы еще не поступило соответствующих указаний), а потому ограничились обличениями общего характера. Слово взял парторг ЛО ССП:

> «Антипатриотические явления — говорит т. Лосев — в условиях нашей Социалистической Родины — это глубоко враждебные явления, это вылазка врага, в данном случае это диверсия на идеологическом фронте, мешающая развитию нашей социалистической культуры, нашей советской литературы и драматургии, и это обязывает нас, работников идеологического фронта, внимательно посмотреть с позиций, которые диктует нам партия и правительство, все ли благополучно в творчестве наших писателей, в практической работе руководящих работников писательской организации»[102].

Партсобрание состоялось 25 февраля 1949 г. при участии заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома В.И. Смоловика; основной доклад был сделан А.Г. Дементьевым[103]. Доцент филологического факультета ЛГУ в своей обличительной речи практически не касался «космополитов от литературоведения» и вел разговор преимущественно о критиках. Отдельно он распекал и того, кто не принадлежал собственно к корпорации писателей, — лауреата Сталинской премии 1941 г., режиссера и профессора ЛГУ Л.З. Трауберга (он, как выясняется, также был членом ССП), поскольку решение по его кандидатуре уже было одобрено в горкоме. Приговор ему вошел в резолюцию партсобрания: «Правлению ЛО ССП исключить из Союза Советских Писателей растленного космополита Л. Трауберга»[104].

В прениях по докладу выступало 19 человек, в том числе профессор Л.А. Плоткин, который остановился на работах «литературоведов-формалистов» Б.М. Эйхенбаума, Б.В. Томашевского, В.М. Жирмунского, Г.А. Гуковского и М.П. Алексеева[105]. Но самая суровая критика досталась Г.А. Гуковскому, которому припомнили доклад

---

[100] К новым успехам советского искусства: (На собрании актива работников искусств Ленинграда) // Ленинградская правда. Л., 1949. № 40. 18 февраля. С. 3.

[101] ЦГАИПД СПб. Ф. 2060 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 13. Л. 23.

[102] Там же.

[103] Полностью разгромить безродных космополитов: (На партийном собрании Ленинградского отделения Союза советских писателей) // Ленинградская правда. Л., 1949. № 49. 1 марта. С. 2.

[104] ЦГАИПД СПб. Ф. 2060 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 9. Л. 78.

[105] Там же. Л. 67.

«Ленинградская проза 1947 года», сделанный профессором 20 мая 1948 г. Против него выступил прозаик и драматург А. Г. Розен[106], который начал с цитаты из того доклада Г. А. Гуковского:

> «"Люди в военных вещах получаются мелкие. Замечательные русские люди, а не вырастают в герои потому, что взяты мелко. Герой не получается оттого, убьет ли он 100 немцев или одного".
>
> Эти высказывания дезертира Гуковского[107] просто отвратительны. Я не присутствовал на собрании, на котором Гуковский высказывал такие вещи, но как не совестно ему перед людьми, которые защищали Ленинград, говорить, что убить одного немца или сто — это одинаково. Я считаю, что мы — коммунисты — обязаны более бдительно относиться к тем отвратительным высказываниям, которые на протяжении последнего времени звучали из разных уст»[108].

Необходимо отметить, что с момента своего избрания руководителем ленинградских писателей А. Г. Дементьев практически перестал выступать на «литературоведческие» темы, т. е. его критика касалась более писателей, нежели литературоведов. На ниве литературоведения уже подняли головы А. С. Бушмин, Г. П. Бердников, причем и у них появились достойные помощники.

Даже в стенах родного университета А. Г. Дементьев старался выступать в качестве представителя писателей:

> «12 марта состоялось заключительное пленарное заседание научной конференции студентов Ленинградского университета имени А. А. Жданова. Был заслушан доклад доцента А. Г. Дементьева "За большевистскую партийность в театральной и литературной критике"»[109].
>
> «С исчерпывающей полнотой и убедительностью докладчик раскрыл перед слушателями сущность блудливых разглагольствований безродных космополитов, подвизавшихся в качестве театральных и литературных критиков и из года в год шельмовавших и оплевывавших лучшие произведения советской литературы.
>
> А. Г. Дементьев показал, что лживые россказни Юзовского, Гурвича, Янковского и прочих о "наднациональном искусстве", о "свете мастерства, идущем с Запада", — прямая дорога к оправданию лицемерного по форме, свирепого и человеконенавистнического

---

[106] Розен Александр Германович (1910–1978) — прозаик, драматург, член ВКП(б) с 1943 г.; кроме прозы на военную тему, известностью пользовались также его неуживчивый характер и частые жалобы в правление ЛО ССП (см. в том числе: *Шейкин А. Л.* Мозаика. СПб.; Тосно, 2004. С. 41–43).

[107] Г. А. Гуковский еще задолго до войны не был годен для воинской службы — ни по зрению, ни по состоянию сердца. Однако в марте 1940 г. в числе ведущих ленинградских писателей призывного возраста он получил звание интенданта 1-го ранга (Присвоение военных званий ленинградским писателям // Ленинградская правда. Л., 1940. № 71. 27 марта. С. 1), а 3 июля 1941 г. он подал в дирекцию Пушкинского Дома следующее заявление: «Сообщаю, что я ухожу в Армию народного ополчения (по Союзу Писателей)» (ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 682. Л. 112); в тот же день Л. А. Плоткин подписал приказ по ИЛИ: «Ст[аршего] научн[ого] сотр[удника] Гуковского Г. А. с 5/VII–41 г. считать ушедшим добровольцем в Красную Армию» (Там же. Л. 111). Но местом основной работы Г. А. Гуковского был университет, ректор которого распорядился оставить профессоров при ЛГУ, по этой причине Г. А. Гуковский не был отправлен на фронт. Из Пушкинского Дома он был уволен с 8 октября 1941 г. по сокращению штатов.

[108] ЦГАИПД СПб. Ф. 2060 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 9. Л. 35 об. – 36.

[109] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 166. Л. 30 («Закончилась научная конференция студентов университета»).

по содержанию тезиса о наднациональном правительстве, который плохо скрывает стремление бизнесменов Уолл-стрита к мировому господству.

Доклад был выслушан с огромным интересом и вызвал глубокое удовлетворение слушателей» [110].

130-ЛЕТИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПОД ЗАПРЕТОМ

Февраль в ленинградской науке о литературе прошел без оргвыводов и шумных собраний — в Москве и Ленинграде происходили более серьезные события.

Еще с двадцатых чисел декабря начали арестовывать членов Еврейского антифашистского комитета, пик арестов пришелся на конец января. В феврале об этом стало известно и в Ленинграде. В университете откровенно боялись за судьбы профессоров-евреев. Ю. М. Лотман вспоминал:

> «Однажды, зайдя к Мордовченко (каждое посещение для меня было событием, и прежде чем звонить в дверь, я долго стоял на лестнице и волновался), я застал его испуганно-встревоженным. Понижая голос, хотя разговор шел в его квартире, он сказал мне, что в Москве арестован еврейский антифашистский комитет. Я совершенно не понял, почему он так взволнован, мало ли кого тогда арестовывали. В дальнейшем события развертывались очень быстро по заранее подготовленной программе» [111].

Приезд Г. М. Маленкова в Ленинград не остался тайной — о внеочередной партконференции и ее оргвыводах стало известно буквально на следующий день.

Не менее зловещим было запрещение празднования 130-летия Ленинградского университета. 20 февраля, в самый день юбилея, «Ленинградская правда» отметила это событие лишь маленькой заметкой на второй полосе, размером в 1/5 колонки (именно колонки, а не полосы) [112]. А скромные торжества по этому случаю, состоявшиеся 26 февраля, ЛенТАСС охарактеризовал как «годичный акт, посвященный 130-летию Ленинградского университета» [113], посвятив ему краткую заметку. Сперва в актовом зале университета ректор Н. А. Домнин произнес небольшой доклад, а после него демонстрировались короткие кинофильмы про университет. Этим и ограничились.

Такое бойкотирование было удивительным после помпезного 125-летия, отпразднованного в военное время в Саратове, — тогда сам университет был награжден орденом Ленина, этот же орден получил ректор А. А. Вознесенский и ряд профессоров, в газетах были опубликованы поздравления от университетов Англии и США [114].

---

[110] За дальнейший подъем научной работы студентов: К итогам IV студенческой научной конференции Ленинградского университета // Ленинградский университет. Л., 1949. № 10. 17 марта. С. 3.

[111] *Лотман Ю. М.* Воспоминания. С. 306.

[112] 130 лет Ленинградского университета имени А. А. Жданова // Ленинградская правда. Л., 1949. № 42. 20 февраля. С. 2.

[113] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 164. Л. 126 («Годичный акт, посвященный 130-летию Ленинградского университета»).

[114] Приветствия Ленинградскому университету из Англии и США // Ленинградская правда. Л., 1944. № 297. 15 декабря. С. 1.

О. М. Фрейденберг записала 1 марта 1949 г.: «130-летие Университета не праздновалось: Сталин нас ненавидит. Пражский университет прислал медаль, но наше советское правительство запретило празднованье»[115].

Открытие обычной студенческой конференции прошло намного масштабнее:

> «1 марта в Ленинградском университете имени А. А. Жданова открылась студенческая научная конференция, посвященная XI съезду ВЛКСМ.
>
> Актовый зал заполнили студенты, профессора, преподаватели, гости из других вузов. Пленарное заседание открыл вступительным словом ректор проф[ессор] Н. А. Домнин. С докладом "Пушкин и русский народ" выступил член-корреспондент Академии наук СССР М. П. Алексеев. Конференция продлится 12 дней»[116].

Вместе со сменой руководства Смольного активизировалась и борьба с буржуазным космополитизмом, поскольку В. М. Андрианову и Г. М. Маленкову нужно было не только продемонстрировать рвение в исполнении высочайшей воли, но и лишний раз заострить внимание на несостоятельности прежнего партийного руководства города. Именно поэтому ленинградские чистки (особенно в университете — бывшей вотчине А. А. Вознесенского) оказались настолько серьезными.

Василеостровский райком ВКП(б) занялся «перекрестным опылением» — снарядил две партийные комиссии для обследования идеологической обстановки в двух подведомственных учреждениях: комиссия Института литературы во главе с А. С. Бушминым (члены комиссии В. А. Ковалев, Б. В. Папковский и др.) обследовала деятельность филологического факультета ЛГУ, а комиссия филологического факультета во главе с Н. С. Лебедевым (члены комиссии Г. П. Бердников, С. С. Деркач, И. П. Лапицкий и др.) проводила ту же работу в Пушкинском Доме.

ПАРТБЮРО ПУШКИНСКОГО ДОМА ГОТОВИТ УДАР

Хотя все «обследовательские комиссии» работали рука об руку, однако активность А. С. Бушмина в сочетании с поддержкой со стороны партийного руководства города, а также участие кураторов из аппарата ЦК стали причиной временного перемещения «штаба» погромщиков в Пушкинский Дом. Именно партбюро Института литературы начало подготовку партсобрания и открытого заседания Ученого совета, на которых предполагалось дать решающее сражение «окопавшимся».

К концу февраля, когда А. С. Бушмин почувствовал себя «в силах», а кампания по борьбе с космополитизмом приняла характер еврейского погрома, расстановка сил в партбюро Пушкинского Дома также сильно переменилась. Избранный в июне 1948 г. состав — А. И. Перепеч (председатель), А. С. Бушмин (первый заместитель), Б. С. Мейлах (второй заместитель), П. Г. Ширяева (культпроп) и Л. А. Плоткин[117] — в силу наличия в нем двух «потенциальных космополитов», которые пытались воспрепятствовать активности А. С. Бушмина, не обещал продуктивной работы, что для райкома и горкома ВКП(б) было очевидно. А потому партбюро весной 1949 г. заседало в расширенном составе.

---

[115] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[116] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 165. Л. 21 («В честь XI съезда ВЛКСМ: Студенческая конференция в Университете»).

[117] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 1. Л. 10.

26 февраля состоялось заседание партбюро Пушкинского Дома, в работе которого участвовали и рядовые коммунисты В. А. Ковалев, А. И. Груздев, А. В. Западов, Б. И. Бурсов, Д. С. Бабкин, К. Н. Григорьян, Б. В. Папковский, а также члены обследовательской комиссии от Василеостровского райкома — сотрудники филологического факультета ЛГУ Н. С. Лебедев, С. С. Деркач и Г. П. Бердников. Председатель парткома А. И. Перепеч в тот день не присутствовала, так как она уехала в Москву для получения инструкций; вместо нее председательствовал А. С. Бушмин. Повестка дня — «Подготовка партийной организации и дирекции к партийному собранию и Ученому совету с темой об антипатриотической критике».

Это заседание, в отличие от традиционных заседаний партбюро, предварявших и решавших вопросы накануне общих партсобраний, только намечало план дальнейших действий. А потому постановление этого заседания выглядело таким образом:

> «Поручить следующим товарищам изучить работы специалистов и подготовить материалы для выступления:
>
> Бурсов и Папковский — об Эйхенбауме;
>
> Бабкин — о Беркове;
>
> Мейлах, Ковалев, Бушмин, Груздев — о Гуковском;
>
> Базанов, Кравчинская, Ширяева — об Азадовском;
>
> Городецкий — о Томашевском;
>
> Плоткин, Григорьян, сотр[удники] ИЯМ'а — о Жирмунском.
>
> Протоколы научных заседаний по секторам просматривают коммунисты соответствующих отделов (Отдел западных литератур поручить тов. Рязанову).
>
> Материалы по исследованиям работ вышеуказанных специалистов представить на партбюро к 3 марта 1949 г.»[118].

3 марта 1949 г. партбюро Пушкинского Дома заседало опять в расширенном составе, причем уже напоминало закрытое партсобрание. Присутствовали коммунисты Пушкинского Дома В. А. Ковалев, А. И. Груздев, Б. И. Бурсов, Д. И. Рязанов, К. Н. Григорьян, Б. В. Папковский, Б. П. Городецкий, В. Г. Базанов, В. А. Мануйлов, Д. С. Бабкин, М. М. Калаушин, члены комиссии райкома партии Н. С. Лебедев, С. С. Деркач, Г. П. Бердников, И. П. Лапицкий.

Собрание было посвящено тому же вопросу, что и 26 февраля, с одной лишь разницей, что в этот раз в Москву уехал А. С. Бушмин, тогда как А. И. Перепеч, вооружившись в аппарате ЦК и Президиуме Академии наук последними директивами, сообщала их коммунистам. Она информировала собравшихся о том, что «партийное собрание намечено на вторник 8 марта. Заседание Ученого совета будет проведено 9 марта с докладом работника ЦК ВКП(б) тов. Головенченко»[119].

Затем Л. А. Плоткин сделал сообщение о своем предстоящем докладе на партийном собрании; также были выслушаны выводы «специалистов», всю минувшую неделю штудировавших работы своих коллег. А. И. Груздев сделал сообщение о своем изучении работ Г. А. Гуковского (его дополнили Б. С. Мейлах и В. А. Ковалев), Д. С. Бабкин сводил счеты с П.Н Берковым, критикуя его работы, К. Н. Григорьян посвятил свое выступление критике работ В. М. Жирмунского, а Б. И. Бурсов — Б. М. Эйхенбаума.

Важно отметить особенность этого заседания — оно не преследовало цели вскрыть ошибки отдельных сотрудников Пушкинского Дома; необходимо было найти

---

[118] Там же. Д. 9. Л. 3 об.

[119] Там же. Л. 4.

и обозначить признаки существования слаженной группы. То есть надо было идти по пути, намеченному руководством страны: в конце января оно «разоблачило» антипартийную группу театральных критиков, в феврале обвинило группу ленинградских руководителей в антипартийных действиях.

Поначалу идея организованной группы не находила должного понимания даже у коммунистов, но, объединенные «однородностью по национальному признаку», они вскоре предстали именно группой. Приведем фрагмент обсуждения по протоколу заседания:

> «Тов. ПАПКОВСКИЙ — Шнейдерман, Янковский, Цимбал — ученики Эйхенбаума. В 1945 году Эйхенбаум писал формалистические статьи. Восхвалял Ахматову. <...> Влияние Эйхенбаума распространяется и на Союз советских писателей. В Институте литературы Эйхенбаум свил себе гнездо.
>
> Мне не понравился ответ Плоткина о групповщине в Институте, он привел пример Пиксанова, которого эта группа-то и травит, где же здесь логика? На партбюро нужно открыто говорить.
>
> Тов. ПЛОТКИН — Я знаю, что близки друг к другу Бялый и Эйхенбаум.
>
> Тов. ПАПКОВСКИЙ — И это все? Какая же это группа в два человека?
>
> Тов. ЛЕБЕДЕВ — Плоткину — Здесь речь идет не только об идейной группировке, но и об организационной, вам ясна ли была эта группа и что вы пытались предпринять против нее?
>
> Тов. ПЛОТКИН — Организационной группы у нас нет, но знаю, что Эйхенбаум, Жирмунский, Бялый, Томашевский методологически единомышленники. Мы их критиковали все время, Эйхенбаума мы сняли с Пушкинской комиссии, подвергли критике.
>
> Тов. ПАПКОВСКИЙ — Ни у дирекции, ни у парторганизации не было критики группы. Мы закрывали глаза на эту группу.
>
> Тов. ПЛОТКИН — У нас не было точного осознания, что это группа, мы критиковали каждого в отдельности.
>
> Тов. ШИРЯЕВА — Сколько раз я приходила в дирекцию с вопросами о Жирмунском, Эйхенбауме, Азадовском и дальше Плоткина это не шло. Вызовет, расскажет им, что на них жалуются, и все.
>
> Тов. ПЛОТКИН — Вы не ставили вопрос о снятии их.
>
> Тов. ПЕРЕПЕЧ — Тов. Ширяева ставила этот вопрос и Плоткину надо признать, что он не брался за эту группу, в том числе и Папковский. Здесь мы совершили большую политическую ошибку. Они (эта группа) готовили свои кадры. (Плоткину) ты поддерживал их в приеме Путилова, я дралась с тобой против его приема, он родственник жены Азадовского, и фамилия его, говорят, Путилович, а не Путилов. В том, что они готовили свои кадры, — наша основная ошибка и в первую очередь ошибка Плоткина и партийной организации. Я тоже как секретарь партийной организации несу ответственность за положение в Институте. Мы должны немедленно исправить эту ошибку и перестроиться в подготовке кадров. С разоблачением этой группы мы должны выступить на Ученом совете. До сих пор эта группа главенствует в Ученом совете, в Ученый совет надо провести других более честных товарищей и быть смелее в выступлениях с критикой их.
>
> Тов. ГРИГОРЬЯН — Может получиться впечатление, что коммунисты все время молчали. Ведь сколько раз на партийных собраниях говорили о семейственности, о секторе западных литератур, и тов. Плоткин должен признать свою ошибку.

Тов. ШИРЯЕВА — Еще в 1919 году вся линия Азадовского ведет к нанесению большого вреда, он ничего не организовал по советскому фольклору и все опорочивал. Я выступала на партийном собрании о его статье о Белинском и Добролюбове в Лит[ературном] Наследстве. Мы должны его работы и поведение от начала до конца проверить. Это не советский человек, и ему не только руководителем, но и вообще нельзя быть в секторе фольклора, кроме вреда, он ничего не сделал. Он обосновал политических родственников. Азадовский недавно послал Оксману книгу с надписью: "С глубокой горечью и душевной болью за испорченную книгу".

Тов. ГРИГОРЬЯН — т. Плоткину — Известно ли вам о родственных связях целого ряда лиц в нашем Институте — Гуковский — Бухштаб[120], Эйхенбаум — Лотман — Бялый?

Тов. ПЛОТКИН — Не знаю. Знаю только, что жена Гуковского — Гуковская у нас в докторантуре[121] и что Колесницкая родственница Астаховой.

Тов. БАБКИН — т. Мейлаху — Эта группа почти целиком входит в ваш отдел, знали ли вы, как она работает, как формирует материал по радищевскому сборнику, вы являетесь руководителем сектора?

Тов. КОВАЛЕВ — т. Мейлаху — Почему последний аспирант по Пушкину Ерофеев[122] перестал заниматься Пушкиным?

Тов. МЕЙЛАХ — Это заседание бюро историческое — впервые разбирается вопрос о том, что у нас в Институте засела антимарксистская группа, а мы марксисты в меньшинстве, приходится каждый раз чувствовать противодействие, с критикой очень туго. Делает доклад Бялый, начинается обычная похвальба — Эйхенбаум хвалит Бялого, Мордовченко — Эйхенбаума и т. д. Очень трудно было обеспечить критику — постоянное оберегание друг друга. Было бы ошибочным защищать эту группу. Группа является автономной. Гуковский плана своих работ не показывает, он свой план помимо меня сдавал в дирекцию. Подбор кадров был тенденциозен. На собраниях у нас поднимался этот вопрос еще при Лебедеве-Полянском не раз, а мы все стояли на таких позициях сбе-

---

[120] Теткой Г. А. Гуковского была Эмилия (Элла) Семеновна Бухштаб (1910–1987), выпускница Высших курсов библиотековедения при ГПБ.

[121] Гуковская Зоя Владимировна (урожд. Артамонова; 1907–1973) — жена Г. А. Гуковского. Родилась в г. Царицыне, в 1924 г. окончила среднюю школу, в 1925–1927 гг. жила в Самарканде, где работала машинисткой и корректором; переехав в Ленинград, в 1929 г. зачислена на работу в ГПБ и в том же году поступила в экстернат ЛИЛИ (переводческое отделение, цикл французского языка), который окончила в 1933 г. и поступила в аспирантуру ЛИФЛИ, где под руководством В. Ф. Шишмарева писала диссертацию на тему «Проблема литературного и поэтического языка в XVI в. во Франции. Языковая теория и практика "Плеяды"»). 24 января 1939 г. защитила в 1-м ЛГПИИЯ кандидатскую диссертацию на тему «Теория языка у французской Плеяды», с мая 1942 г. по июнь 1944 г. работала в эвакуированном ЛГУ в качестве доцента, с июля 1944 г. по июнь 1946 г. — заведующая кафедрой западноевропейских литератур Саратовского университета, в декабре 1945 г. зачислена в докторантуру ИМЛИ, в декабре 1947 г. переведена в докторантуру Пушкинского Дома (тема диссертации — «Поэзия французского Возрождения», работала под руководством В. Ф. Шишмарева), 15 мая 1948 г. ей предоставлен годичный отпуск по состоянию здоровья, в мае 1949 г. она подала заявление об отчислении из докторантуры ввиду болезни, отчислена 20 мая 1949 г. (ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 681. Л. 1–19).

[122] Ерофеев Василий Васильевич (1915–?) — пушкиновед, аспирант Пушкинского Дома с 20 марта 1948 г., уволен в запас 18 июля 1947 г. из группы СВАГ. 26 апреля 1950 г. Ученый совет ИРЛИ утвердил тему его диссертации — «Журнал Пушкина "Современник"», начный руководитель Н. К. Пиксанов; в 1952 г. диссертация была представлена к защите; окончательно тема сформулирована как «"Современник" Пушкина в журнально-литературном движении 30-х годов XIX века».

режения специалистов. У нас имеются свои собственные кадры, на собраниях я всегда говорил, чтобы на секторах выступали с развернутой критикой. Надо перейти на новые рельсы, приложить все силы, чтобы помочь парторганизации и перестроиться.

В отношении аспиранта Ерофеева — он слаб по Пушкину, ему трудно, я обещал ему помочь и посоветовал взять темой для диссертации Успенского и продолжать работу по Пушкину.

Тов. ШИРЯЕВА — тов. Мейлаху — Почему вы как пушкинист ни разу Азадовского по пушкинским работам не критиковали?

Тов. МЕЙЛАХ — Вопрос правильный, но я стоял в стороне от фольклора и даже не читал его работ.

Тов. БАБКИН — Эта группа у нас в Институте со сплоченными идейно-политическими взглядами существует, и это не подлежит никакому сомнению. Недавно обсуждался радищевский сборник, там и моя статья печатается. Берков и Гуковский выставили меня как невежду и неуча, в такой обстановке работать трудно. Берков аттестовал меня как негодного работника, но стоило Вавилову одобрить мою работу о Ломоносове, как ситуация изменилась задним числом. Это группа с организационной структурой, надо ее разгромить, приводит пример травли его этой группой.

Тов. ЛЕБЕДЕВ — тов. Плоткину — Не было еще случаев травли со стороны этой группы?

Тов. ПЛОТКИН — Тов. Бабкин должен был сказать, что дирекция его защищала. Открытой травли они вести не могли, потому что им бы не дали, но против коммунистов травля имеется, так Томашевский просит убрать Бабкина и Григорьяна, была попытка сорвать диссертацию Базанова, была мышиная возня вокруг Рязанова со стороны Бялого, но я Рязанова отстоял.

Тов. РЯЗАНОВ — Но вы меня отчислили.

Тов. ПЛОТКИН — Да, это была моя ошибка, но нам не давали отсрочек аспирантам. Я согласен, что допустил ошибку в отношении Рязанова.

Тов. ЛЕБЕДЕВ — Значит, была травля со стороны Бялого, Гуковского, Азадовского, Томашевского?

Тов. ПЛОТКИН — Да.

Тов. ГРУЗДЕВ — "Гуковский — гений, Пиксанов — дубина", — говорил Эйхенбаум Мейлаху.

Тов. ГОРОДЕЦКИЙ — Я считаю, что Томашевского нельзя смешивать с этой группой — Гуковским, Эйхенбаумом, Бялым, Берковым и др., у него есть ошибки, но в другом роде.

Тов. ЛЕБЕДЕВ — Гений и посредственный — это тоже один из моментов дискредитации?

Тов. ПЛОТКИН — Да, об этом говорилось и на собраниях.

Тов. ГРИГОРЬЯН — Это один из методов их борьбы. Я даже перестал ходить на заседания — только хвалят друг друга.

Тов. ПЛОТКИН — Томашевский и Добровольский приходили ко мне и просили избавить их от Бабкина и Григорьяна.

Тов. КОВАЛЕВ — Эта группа засела также и в Лекторском бюро горкома. Мы пытались в течение месяца получить лекции и ничего не добились.

Тов. Мейлах! Вы на прошлом собрании объясняли, что это, мол, старые специалисты, что с них возьмешь, что с ними сделаешь, не увольнять же. О групповщине мы

пробовали выступать на партийных собраниях, но робко, не называя фамилий. Дирекция относится к этой группе примиренчески и тов. Плоткину на Ученом совете нужно так поставить вопрос, чтоб они почувствовали, что они не хозяева. Тов. Плоткин не подхватывает наших робких выступлений. Надо идти на разгром этой группы.

Тов. ГРИГОРЬЯН — Почему дирекция поручила Серману главу о Достоевском, который политически неподготовлен?

Тов. ПЛОТКИН — Редакция тома вела разговор с 10-ю товарищами и никто из них не взялся, а у Сермана кандидатская диссертация по Достоевскому, мы решили попробовать дать ему, если напишет хорошую статью, — напечатаем.

Тов. ШИРЯЕВА — От выступления тов. Мейлаха у меня не осталось впечатления, что у него твердые установки в отношении своего сектора, где сосредоточена основная группа.

Тов. МЕЙЛАХ — Не было ни одного доклада, чтобы я не критиковал Эйхенбаума, Гуковского, Бялого. Теоретические методы группы я критиковал, но мне не было ясно, что это идейно-политически оформленная группа. В меру своих сил вдвоем с тов. Груздевым мы критиковали их ошибки. Я допустил ошибку, но положение мое трудное. Почему у Ширяевой сложилось такое впечатление — я не знаю. Свое место я могу уступить другому, но я честно помогал выкорчевывать вредные корни. Никаких данных, что я хочу отсидеться, — нет. Мы боремся за партийность в науке, эта группа борется сознательно против этого. Мы много говорили об их ошибках, но исправления нет.

Тов. ПЛОТКИН — Нет у них желания сказать прямо и сжечь корабли. Я с Азадовским говорил, но он в обморок упал.

Тов. ЛЕБЕДЕВ — Мейлаху — Вы считаете, что их взгляды вне советского литературоведения?

Тов. МЕЙЛАХ — Да. За отдел я несу полную ответственность, но коммунисты мне недостаточно помогали, мой отдел до последнего времени считался ведущим.

Тов. ЛЕБЕДЕВ — т. Плоткину — Вы тоже считаете эту группу вне советского литературоведения?

Тов. ПЛОТКИН — Да.

Тов. ГРУЗДЕВ — Тов. Мейлах всегда критиковал, но ведь не все было понятно, не было понятно, что это группа.

Тов. БАЗАНОВ — Не только по этой группе дирекции и парторганизации надо принять меры. Нужно сейчас уже принять меры против подготовки их кадров. Рейсер и Гинзбург готовят докторские диссертации, у Гинзбург формалистические работы. Эта группа Пиксанова называет — “Пиксафон-дубина”. Коммуниста, участника Отечественной войны они не приняли, а Чистова[123], исключенного из комсомола, бывшего в оккупации переводчиком, приняли при помощи Азадовского на должность заведующего отд[елом] литературы Карельской базы АН СССР. Не читая его диссертации, Азадовский дал по-

[123] Чистов Кирилл Васильевич (1919–2006) — фольклорист, ученик М.К. Азадовского, в 1937–1941 гг. учился на филологическом факультете ЛГУ, в 1941 г. ушел добровольцем в партизанский батальон, был в плену, бежал, после побега служил в строевых частях РККА, после демобилизации окончил филологический факультет (1946 г.), поступил в очную аспирантуру ЛГУ, но в 1947 г. перешел на заочное отделение, так как по рекомендации Д. В. Бубриха был принят на должность заведующего сектором литературы и народного творчества Карело-финского филиала АН СССР в Петрозаводске; впоследствии кандидат филологических наук (1951 г., тема — «Народная поэтесса И.А. Федосова»), доктор наук (1967 г., тема — «Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.»), член-корреспондент АН СССР (1981).

ложительный отзыв. Мелетинский[124] был в плену у немцев, а от Жирмунского он получил блестящую характеристику. Свои кадры они перебазировали в Петрозаводск. Эта группа высказывается против Плоткина и Мейлаха, не признавая их учеными.

Мы должны поставить вопрос в Институте так, чтобы новых членов в Ученый совет ввести, Папковского надо отстоять, чтобы он остался в Институте, а из фольклорного Магид[125] отчислить.

У нас Пиксанов, Десницкий, Максимов, Спиридонов на отшибе, и все мы считаемся бездарными. Надо пересмотреть рабочий план Института, состав редколлегии. Из принципиальных выступлений на Ученом совете было одно — Бушмина. Западов и Орлов их подпевалы. Пробиться печатать невозможно, потому что на рецензии отдают обязательно кому-либо из этой группы» [126].

Приведенный протокол очень информативен и доносит атмосферу бурного обсуждения, но наиболее зловещим кажется приведенный в тексте заключительный вопрос председателя комиссии райкома ВКП(б), парторга филологического факультета ЛГУ Н. С. Лебедева, заданный поочередно Л. А. Плоткину и Б. С. Мейлаху. По-видимому, он решил заручиться при свидетелях окончательной точкой зрения этих двух руководителей института.

В результате бурного обсуждения партбюро постановило:

«1. Предложить коммунистам Института выступить на партсобрании и на Ученом совете Института с разоблачением антипатриотической деятельности в литературоведении этой группы ученых Института — Жирмунского, Азадовского, Эйхенбаума, Гуковского, Бялого и других.

2. Поручить подготовить проект резолюции для партийного собрания следующим тт.: Папковскому, Бабкину, Григорьяну, Бурсову и Груздеву» [127].

Несмотря на то что были намечены и партсобрание и заседание Ученого совета, в назначенное время они не состоялись. Тому было несколько причин: городское партийное руководство лихорадило после приезда Г. М. Маленкова и состоявшегося 22 февраля Объединенного пленума обкома и горкома; курирующий в ЦК работу Пушкинского Дома Ф. М. Головенченко не смог приехать в назначенное время; не закончила свою

---

[124] Мелетинский Елеазар Моисеевич (1918–2005) — литературовед, специалист по мифологии и поэтике. Аспирант МИФЛИ, ушел добровольцем на фронт. «Воевал на Южном фронте, выходил из окружения. Затем на Кавказском фронте, где 7 сентября 1942 арестован, обвинен в антисоветской агитации в военное время и измене Родине. 16 октября Военным трибуналом приговорен к 10 годам ИТЛ <...>. 15 мая 1943 г. выпущен из тюремной больницы в Овчалах, недалеко от Тбилиси “по актировке”» (Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003. С. 261–262). В том же году восстановился в аспирантуре, кандидат филологических наук (1945), с 1946 г. заведующий кафедрой литературы Карело-финского университета в Петрозаводске. 6 мая 1949 г. арестован, этапирован в Лефортовскую тюрьму МГБ, в октябре 1950 г. приговорен ОСО к 10 годам ИТЛ; в 1954 г. освобожден и реабилитирован. Впоследствии доктор наук (1968), лауреат Международной премии Питре за лучшую работу по фольклористике (1971), лауреат Государственной премии СССР (1990).

[125] Магид (Экмекчи) Софья Давыдовна (1892–1954) — музыковед, фольклорист, специалист в том числе по еврейскому фольклору, кандидат филологических наук (1939 г., тема — «Баллада в еврейском фольклоре»), в 1950 г. уволена из ИРЛИ «за невыполнение годового плана».

[126] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 9. Л. 6–8.

[127] Там же. Л. 8.

работу комиссия горкома и райкома ВКП(б) по проверке деятельности Пушкинского Дома; кроме того, в Пушкинском Доме ждали назначения нового директора, которому необходимо было время, чтобы освоиться в непростой ситуации.

ПИСАТЕЛИ ОТКРЫВАЮТ СЕЗОН БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ

Проворнее всех оказалось руководство Союза советских писателей: А. А. Фадеев и К. М. Симонов были закаленными и бесстрашными бойцами идеологического фронта, причем К. М. Симонов, который в 1949 г. оказался одним из главных борцов с космополитизмом, лично приехал в Ленинград для вразумления коллег.

4 марта 1949 г. состоялось заседание секретариата правления Ленинградского отделения ССП, где уже были приняты первые меры, которые свидетельствовали о том, что «письмо коммунистов» Пушкинского Дома возымело действие.

> «СЛУШАЛИ: О составе Комиссии по теории литературы и критике.
>
> ПОСТАНОВИЛИ: Вывести из состава комиссии Плоткина, как плохо работавшего в Комиссии, Громова[128] и Костелянца[129], в связи с их идейно-политическими ошибками в критике.
>
> Также вывести из состава комиссии Р. Мессер[130], допустившую эстетско-формалистические ошибки в своей деятельности критика и санкционировавшую к печати, будучи зав. критическим сектором “Звезды”, порочные статьи Дрейдена, Березарка и Цимбала.
>
> Ввести в состав Комиссии тт. Наумова, Бурсова, Касторского[131], Деркача.
>
> Ответственный секретарь А. Дементьев»[132].

Строки протокола свидетельствуют о начале чистки по национальному признаку в ленинградской писательской организации; даже В. П. Друзин, имевший значительный политический вес, не смог уберечь от оргмер Раису Давыдовну Мессер — свою супругу. По этой же причине был выведен из состава комиссии профессор Л. А. Плоткин; причем, как свидетельствует подлинник протокола, в который слова о его исключении вписаны в машинописный готовый текст лично А. Г. Дементьевым, разрешение на этот шаг было получено из партийных органов в последний момент.

На следующий день, как сообщила новостная лента Ленинградского отделения ТАСС,

> «в Доме писателя имени Маяковского состоялось собрание ленинградских поэтов и театральных критиков. В работе его принял участие заместитель генерального

---

[128] Громов Павел Петрович (1914–1982) — критик, литературовед и театровед, переводчик; выпускник филологического факультета ЛГУ (1937).

[129] Костелянец Борис Осипович (1912–1999) — критик, литературовед и театровед; выпускник филологического факультета ЛГУ (1937), член ВКП(б) с 1942 г.

[130] Мессер Раиса Давыдовна (1905–1984) — критик, литературовед, киновед, член ВКП(б) с 1943 г.; супруга В. П. Друзина.

[131] Касторский Сергей Васильевич (1898–1962) — литературовед, специалист по творчеству А. М. Горького, доктор филологических наук (1948 г., тема — «Из истории творчества А. М. Горького 1907–1912 гг.»), сотрудник Сектора советской литературы Пушкинского Дома, профессор ЛГПИ имени А. И. Герцена.

[132] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 59. Л. 146.

секретаря Союза советских писателей К. Симонов. Обсуждались вопросы, поставленные Н. Грибачевым в его статье в газете "Правда" — "Против космополитизма и формализма в поэзии"»[133].

С основным докладом на собрании выступил главный редактор журнала «Звезда» В. П. Друзин, в котором подверг критике произведения О. Берггольц[134], Вс. Рождественского, В. Шефнера и др. Резюме этого мероприятия также было озвучено в новостях:

«Беспощадно бороться с буржуазным космополитизмом, отражать в своем творчестве многогранную жизнь народа, создавая яркие, партийные произведения, проникнутые духом советского патриотизма — такова благородная задача советских литераторов. Долг ленинградских поэтов — выполнить эту задачу со всей большевистской страстностью»[135].

Кроме того, Ленинградский горком ВКП(б) санкционировал новый цикл лекций с участием А. Г. Дементьева и остальных не менее выдающихся личностей эпохи:

«9 марта публичной лекцией ответственного секретаря Ленинградского отделения Союза советских писателей А. Г. Дементьева — "Большевистская критика в борьбе с буржуазным космополитизмом и формализмом" начался организованный Ленинградским отделением Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний цикл лекций "Советский патриотизм в искусстве и литературе".

В плане цикла лекции на темы: "Советская литература — знаменосец советского патриотизма", "Советский театр — воспитатель любви к социалистической родине", "Советский патриотизм — основа развития советского изобразительного искусства" и другие. Среди лекторов — лауреаты Сталинской премии режиссер С. А. Морщихин и художник В. А. Серов, главный редактор журнала "Звезда" В. П. Друзин, директор консерватории П. А. Серебряков. Всего состоится шесть публичных лекций»[136].

11 марта 1949 г. секретариат ЛО ССП перешел к оргвыводам в отношении одного из тех, кого газеты шельмовали последний месяц, выполнив тем самым решение партсобрания ЛОССП от 25 февраля:

«СЛУШАЛИ: О члене Союза советских писателей Трауберге Л. З.

---

[133] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 165. Л. 103 («За высокую патриотическую поэзию: На собрании ленинградских поэтов и критиков»).

[134] Критика О. Ф. Берггольц, прекратившаяся в феврале 1948 г. обсуждением и осуждением руководством ЛО ССП ругательной статьи С. Д. Дрейдена, постепенно возобновилась. Тому было несколько причин: в связи с «ленинградским делом» поэма «Город славы», над которой работала поэтесса с конца 1948 г., потеряла всякую актуальность, также стала вызывать нарекания отстраненность О. Ф. Берггольц от партийной работы, что было непозволительным для писателя-коммуниста. 18 ноября 1949 г. на партсобрании ЛО ССП член партбюро П. И. Капица выступил с серьезной критикой по этому поводу: «Она отрывается от организации, всячески уклоняясь от активного участия в делах партийной организации. Кто слышал, чтобы она когда-нибудь выступила по принципиальным вопросам на собрании? Кто видел ее работающей по заданию партийного бюро? Кто призвал ее к порядку за непосещение собраний? Берггольц не желает быть консультантом группы беспартийных, изучающих историю партии, не желает как член Правления работать в Правлении и партгруппе. И все это ей сходит» (ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 11. Л. 13).

[135] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 165. Л. 107 («За высокую патриотическую поэзию: На собрании ленинградских поэтов и критиков»).

[136] Там же. Л. 171 («Советский патриотизм в искусстве и литературе: Новый цикл публичных лекций»).

РЕШЕНИЕ: На основании материалов, опубликованных в советской печати, рекомендовать Правлению ЛО ССП исключить из членов Союза советских писателей разложившегося в идейном и моральном отношении растленного космополита Трауберга.

Ответственный секретарь ЛО Союза советских писателей А. Дементьев»[137].

Вечером этого же дня, 11 марта 1949 г., берет свой старт расправа над профессорами-литературоведами филологического факультета Ленинградского университета. В этот день под председательством членов партгруппы ЛО ССП А. Г. Дементьева и А. Т. Чивилихина состоялось общее собрание критиков и литературоведов Ленинграда, на котором с докладом «О состоянии и задачах литературной критики в свете постановлений партийной печати» выступил В. П. Друзин.

После театральных критиков и прочих «безродных космополитов» типа лауреата Сталинской премии Л. З. Трауберга в докладе В. П. Друзина были названы новые жертвы, которые, казалось, уже получили свое. В докладе, предварительно утвержденном партийными инстанциями, делался упор на ленинградскую специфику, что не только явилось отзвуком начавшейся в русле «ленинградского дела» чистки партийно-государственного аппарата, но и свидетельствовало о наличии у литературоведов-космополитов «группы».

Кроме того, сила удара со стороны В. П. Друзина именно по литературоведам, нежели критикам, была особенно серьезна и по другой причине — он косвенно отводил в литературоведение удар от своей супруги.

А потому все предыдущие обвинения, предъявлявшиеся литературоведам, блекнут по сравнению с обвинениями 1949 г.:

«Положение нашего литературоведения тоже таково, что тут надо говорить резко и прямо о целом ряде таких нетерпимых явлений, именно здесь у нас, в Ленинграде.

Напомню вкратце прошлогоднюю историю разоблачения апологетов Веселовского, которые оказали явственное сильное сопротивление, довольно долгое время, последовательно и упорно. Профессора Ленинградского университета, Института литературы Академии наук СССР — Жирмунский, Азадовский, Эйхенбаум, Пропп, как они восприняли выступление тов. Фадеева на пленуме Союза писателей летом 1947 года?

Они пошли сразу в контратаку на Фадеева, доходили до весьма решительных заявлений о невежестве Фадеева, о политической неправильности его выступления, всячески объяснялись в своей любви к Веселовскому.

Ведь от литературоведов, от теоретиков литературы должно, казалось бы, к критикам приходить остро отточенное оружие, должна приходить солидная эрудиция, научная подготовка для того, чтобы критика боевая и оперативная, подготовленная и подкрепленная литературоведами, чувствовала себя вооруженной и чтобы она помогала литературоведам в боевом деле.

Конечно, сам по себе критик должен быть научно вооружен, но хорошо если рядом помогают. И вот эта история с разоблачением апологетов школы Веселовского в Ленинграде характерна тем, что здесь увидели воочию замкнутый, порочный круг. Если вспомним, что в свое время первые деятели так называемого "Опояза", те самые Жирмунский, Эйхенбаум, выходившие из недр школы Веселовского, с тем или иным влиянием либеральной школы, образовывают группу "Опояз", развертывают деятельность против интересов молодой советской литературы, а потом, разгромленные в качестве откровенных формалистов, вернулись обратно на позицию апологетов Веселовского,

[137] Там же. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 59. Л. 142.

устроили шумный юбилей Веселовскому после войны и продолжили апологетическую деятельность до того как начали критиковать Фадеева.

Это, конечно, полностью замкнутый порочный круг, потому что ничего другого эти теории и не выдвинули, мы видим путь от Веселовского через формализм к Веселовскому обратно. Выявили неприязненное отношение к выступлению Фадеева.

Я думаю, что и здесь надо говорить прямо и резко, и здесь надо выяснить до конца, к чему в конце концов сводятся писания, ошибочные, порочные и вредные, писания литературоведов-формалистов Эйхенбаума, Жирмунского, Гуковского и ряда других, в том числе их ученики, которые никогда не поднимали голос критика против своих академических учителей.

Настало уже время развернуто и широко поговорить о всех теориях, которые якобы должны были свидетельствовать о перестройке этих теорий, заимствованных формалистически, на самом деле теорий, свидетельствующих о желании в любом обличии сохранить прежнюю формалистическую суть.

В учебнике, полученном для ВУЗов, проф[ессор] Гуковский употребляет "космополитизм" в смысле похвалы. Это заставляет серьезно вдуматься в содержание учебника. <...> Я уже не говорю о стремлении того же профессора Гуковского каждый день изобретать новые теории, давать новые концепции, стремление оригинальничать, гениальничать. Говоря о Пушкине, о Гоголе — каждый день, каждый год создаются новые потрясающие теории, которые раздуваются как мыльные пузыри и затем лопаются, потому что не выдерживают критики, но находят восторженных поклонников, что вот "новая теория"!

Когда профессор Гуковский на нашем писательском собрании в прошлом году выступил с обзором литературы за 1947 год, то оказалось, что ничего, кроме субъективных салонных оценок, вполне непринужденного, но пустопорожнего разговора, он предъявить писателям не сумел, пытался дезориентировать ленинградских писателей, отрицая необходимость отражать подвиги трудового Ленинграда, к чему нас давно призывал тов. Жданов.

Я думаю, что методология этой группы ленинградских ученых, стоящая на позициях совершенно чуждых и вредных для нас, космополитических, антипатриотических тенденциях, все это должно быть наконец раскрыто, разъяснено, показано воочию — кто и кем является»[138].

После доклада был объявлен перерыв. Организатор действа А. Г. Дементьев ожидал, что для записи в прениях по докладу выстроится очередь ленинградских литературоведов, но слишком велико было впечатление; подошел один лишь В. М. Жирмунский, который открыл своим кратким выступлением вторую часть собрания:

«Вопросы, поставленные перед нами Валерием Павловичем, поставленные перед литературоведами и критиками партийной печатью имеют для нас первостепенное, решающее значение для перестройки работы каждого из нас. Я в большом затруднении в отношении своего выступления, почему я и не попросил сразу слова. Я был назван Валерием Павловичем и потому считаю себя обязанным сказать.

Мне пришлось уже выступить с признанием неправильности моей позиции в дискуссии о Веселовском, и Валерий Павлович из разговоров, которые велись на эту тему, знает, что сознание неправильности моей позиции родилось еще раньше; сейчас приходится сказать публично.

---

[138] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 71. Л. 13–16.

Еще хочу сказать, что выступал с признанием неправильности своей позиции раньше, чем критика в печати об этом сказала; сказал и о своей книге, недавно написанной совместно с узбекским фольклористом Зарифовым — в последней большой работе, которую сделал во время войны. Сказал тогда, что книга эта исполнена компаративизмом, влиянием методологии Веселовского; сказал тогда, что в этой книге проблема компаративизма заслонена, центральная проблема — национальный момент узбекского эпоса. То, что эту работу я делал совместно с т. Зарифовым, как соавтор, не считаю его виновным в ошибке, вина за эту ошибку лежит лично на мне.

Но то, что сегодня сказал Валерий Павлович, — гораздо серьезнее. Валерий Павлович назвал мое имя в числе тех литературоведов, которые за время существования советской литературы проделали порочный круг от воспитавшей их методологии Веселовского к Веселовскому, или от формализма к формализму, или от своих буржуазных предпосылок дореволюционного времени обратно к тем же предпосылкам.

Я работаю в литературоведении 35 лет, в советское время 31 год, написал 18 книг, более 200 печатных статей. Коли я должен воспринять это как печальный итог своей работы за тридцать с лишним лет, конечно — это вещь настолько серьезная, что ответить на это в двух словах трудно. Я знаю, что Валерий Павлович человек вдумчивый, и когда говорит, он говорит, имея на то основания, потому за себя я могу только одно сказать, что мне придется подумать над этими словами»[139].

Имея за плечами память о довоенных проработках, горький опыт «дискуссии о Веселовском», он хотя и был шокирован выступлением В. П. Друзина, но сразу уловил суть обвинений и увидел за ними серьезную угрозу. Наученный заушательством советской идеологической машины, Виктор Максимович оказался единственным, кто нашел в себе силы взойти на сцену и дать свои разъяснения.

Выступившие в прениях критики (Т. К. Трифонова) и переводчики (Б. Б. Томашевский) не затронули основной сути — проработки литературоведов, ради которой А. Г. Дементьев, собственно, и проводил это собрание. Этого А. Г. Дементьев стерпеть не мог и обратился к присутствующим:

«Сейчас собрание производит странное впечатление, что народу собралось так много, а между тем, все собравшиеся пришли, выходит, послушать что ли (в лучшем случае!). А надо бы выступить, раз собрались, тем более, есть о чем поговорить кроме работ Валерия Павловича Друзина как 1927, так и 1947 г.

Вот критический отдел журнала “Звезда” — ленинградского журнала. Тут я вижу много работников “Библиотеки поэта” — насколько она находится в благополучном положении?[140] Существует у нас в Ленинграде университет и, в особенности, Институт литературы. Здесь я вижу состав Института литературы, представленный довольно широко. Что же, товарищам из Института литературы не о чем поговорить, или они думают, что за них кто-то другой будет говорить? Как это прикажете понимать?

Я это говорю для того чтобы расшевелить. Надо же, в конце концов, как-то сформулировать, высказать свое отношение к происходящим событиям на критическом фронте, я считаю это своим долгом, честью, обязанностью каждого литературоведа

---

[139] Там же. Л. 19–20.

[140] О положении в «Библиотеке поэта» А. Г. Дементьев не преминул высказаться через полгода (*Дементьев А.* Серьезные ошибки «Библиотека поэта» // Литературная газета. М., 1949. № 77. 24 сентября. С. 3).

> и критика, так что в этом смысле атмосфера тягостного молчания мне абсолютно непонятна!»[141]

Но призыв главы ленинградских писателей не смог изменить настроение собрания — никто не стремился высказаться; прозвучали лишь выступления записавшихся ранее литературоведов В. С. Бакинского[142] и А. Н. Лаврентьевой-Кривошеевой[143], которые вяло покритиковали «Звезду» и ее главного редактора.

Собрание явно не достигало поставленной цели, и вина за это лежала на А. Г. Дементьеве — сказывался недостаток режиссерского опыта. Однако все эти просчеты будут учтены им в дальнейшем. Александру Григорьевичу ничего не оставалось, как выступить самому. Его речь была очень раздраженной, а недовольство было очевидно всем присутствующим:

> «Здесь сидит В. А. Ма[нуйлов], я не касаюсь его отношения в Веселовскому, к формализму, это особая сторона вопроса. В свое время В[иктор] [Андроникович] очень активно участвовал в текущей жизни, сейчас больше ушел в литературоведение, может быть, в меньшей степени в историю, так же, как скажем, Пиксанов, Спиридонов, даже В. А. Десницкий; но даже молодые люди, которые только защитили кандидатскую диссертацию, сидящие здесь, они сейчас только вступают на литературную стезю, они стараются, так сказать, от критики уйти, занять более благоприятную исходную позицию. Это дело не выйдет, никак не пойдет. Мы будем всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами — моральными, организационными бороться против такого явления. Я считаю, что мы имеем право, моральное, общественное право, не позволить молодым литературоведам замыкаться в рамках чистого литературоведения, отрываться от советской литературы, от явлений современной литературной действительности»[144].

А. Г. Дементьев также попенял представителям «однородной национальности» Пушкинского Дома профессорам Л. А. Плоткину и Б. С. Мейлаху — ранее неприкосновенным для критики и верным партийным ораторам — за бездействие в Институте литературы Академии наук. В 1949 г. былые заслуги перед режимом уже не спасали, а тем более в Ленинграде.

Угрожающими стали слова А. Г. Дементьева о Г. А. Гуковском:

> «Все ли ошибки вскрыты? Потребуется ли думать много над этим? И не надо особенно большого материала привлекать, чтобы понять, что далеко не все обнаружено и вскрыто. Для примера: до сих пор мы не слыхали самокритичного выступления со стороны Г. А. Гуковского, человека в некоторых литературных кругах пользующегося славой и авторитетом, не только в литературных кругах, но и в известных кругах ленинградской интеллигенции. Надо было ожидать и начинать со стороны Г. А. Гуковского прямого и решительного признания серьезных ошибок, потому что когда критиковали последователей Веселовского — мы как бы обошли и позабыли о серьезных ошибках в работах Гуковского до самого последнего времени. Мы не отметили [sic!] Гуковскому его книги "Пушкин и русские романтики"; далее, не разоблачили до конца его "теорию

---

[141] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 71. Л. 31–31 об.

[142] Бакинский Виктор Семенович (1907–1990) — литературовед, критик, автор воспоминаний о С. Есенине (с которым встречался в 1925 г. в Баку); выпускник филологического факультета ЛГУ (1931), кандидат филологических наук, член ВКП(б) с 1944 г.

[143] Лаврентьева Александра Ивановна (наст. ф. Кривошеева; 1893–1951), критик, издательский работник, литературовед, кандидат филологических наук; член ВКП(б) с 1919 г., в 1934–1937 гг. сотрудник Пушкинского Дома.

[144] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 71. Л. 52 об.

закономерностей" [sic!], от которой Гуковский никогда не отказывался и которая лежит в основе всей работы о Пушкине Гуковского; все частные отдельные замечания по вопросу литературы, теории формализма, космополитизма, с которыми настойчиво боремся. Тут двух мнений быть не может»[145].

СМЕНА РУКОВОДСТВА ПУШКИНСКОГО ДОМА

Международный женский день 8 марта 1949 г. в Институте литературы Академии наук был ознаменован сменой руководства. Приехавший в этот день из Москвы доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор Николай Федорович Бельчиков (1890–1979) подписал приказ № 1:

«Сего числа я приступил к исполнению обязанностей директора Института литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР согласно распоряжения Президиума АН СССР за № 236 от 2 марта 1949 г.

Исполнявшего обязанности директора Института литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР доктора филологических наук Плоткина Льва Абрамовича освободить от исполнения обязанностей согласно распоряжения Президиума Академии наук СССР № 236 от 2 марта 1949 г.

И. о. директора Института литературы (Пушкинский Дом) Н. Ф. Бельчиков»[146].

В момент назначения Н. Ф. Бельчиков занимал пост ученого секретаря Отделения литературы и языка Академии наук СССР и состоял при академике-секретаре Отделения И. И. Мещанинове, с которым они сошлись в Алма-Ате во время войны[147]. Николай Федорович, кроме того, что был представителем титульной национальности, был полностью лоялен к проводимому партией идеологическому курсу, причем еще с 1930-х гг.[148] В 1948 г. он вступил в ряды ВКП(б), после чего его анкета стала образцовой. Такие обстоятельства позволили Секретариату ЦК ВКП(б) положительно отнестись к его кандидатуре на пост директора Пушкинского Дома. 19 мая 1949 г. Д. Т. Шепилов и Л. Ф. Ильичев подали секретарю ЦК Г. М. Маленкову докладную записку о состоянии Института литературы, в которой, в частности, говорилось:

---

[145] Там же. Л. 53 об.

[146] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ АН СССР). Оп. 1 (1949). Д. 4. Л. 79.

[147] 10 июня 1942 г. И. И. Мещанинов писал П. И. Лебедеву-Полянскому из Алма-Аты: «Здесь Н. Ф. Бельчиков. Проявляет максимум энергии, но что он за человек — не знаю. И как себя держать с ним — тоже не знаю» (Архив РАН. Ф. 597 (П. И. Лебедев-Полянский). Оп. 4. Д. 46. Л. 8 об.); 5 августа Павел Иванович отвечал: «Спрашиваете Вы о Николае Федоровиче. Давно его знаю. Человек он культурный, хорошо образованный, много знает, не плохой как человек, порядочный, честный. Энергичный, умеет преодолевать всякие житейские трудности, устраиваться,— как-то всегда все знает, любит поговорить и разузнать: как, что, когда, зачем, почему и отчего?» (ПФА РАН. Ф. 969 (И. И. Мещанинов). Оп. 1. Д. 425. Л. 9).

[148] Т. Г. Иванова, описывая московскую дискуссию 1931 г. о фольклоре, упоминает упреки Н. Ф. Бельчикова в адрес Ю. М. Соколова по поводу того, что главный фольклорист страны с таким опозданием (в 1931-то г.) касается в своем программном докладе вопроса о вмешательстве фольклористов в создание фольклора, тогда как таковое следовало начать много раньше. «Этот тезис, немыслимый в дореволюционной науке <...>, позднее будет реализован в масштабной программе по созданию плачей по советским героям, эпических "новин" и "советских сказок"» (*Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 гг. СПб., 2009. С. 519).

«Президиум Академии наук СССР представил на должность директора Института т. Бельчикова Н. Ф.

Н. Ф. Бельчиков — член ВКП(б) с 1948 года, известный специалист по истории русской литературы, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, является в настоящее время ученым секретарем Отделения литературы и языка Академии наук СССР. Как сообщил Президиум Академии наук, т. Бельчиков в ближайшее время будет освобожден от должности ученого секретаря Отделения. Было бы целесообразно поэтому поддержать предложение о его назначении. <...>

Ленинградский горком ВКП(б) (т. Андрианов) поддерживает предложение о назначении директором Института русской литературы Академии наук СССР т. Бельчикова Н. Ф. и об укреплении института квалифицированными кадрами.

Проект постановления ЦК ВКП(б) прилагается»[149].

Постановление Секретариата ЦК об утверждении Н. Ф. Бельчикова было подписано Г. М. Маленковым 3 июня 1949 г. (протокол № 436, пункт 160)[150], после чего Николай Федорович смог избавиться от приставки «и. о.»[151].

Чтобы удовлетворить новое ленинградское руководство своими действиями, Н. Ф. Бельчикову пришлось немало потрудиться, хотя главная его заслуга состояла в том, что он предоставил свободу действий А. С. Бушмину, возглавившему парторганизацию Пушкинского Дома. Сам же Н. Ф. Бельчиков, как бывает с каждым иногородним безотносительно его качеств, в Ленинграде не показался: «Приехал новый директор из Москвы, существо многим не понравившееся, и принялся трясти институт сверху донизу»[152].

Несмотря на распространенное мнение, будто Н. Ф. Бельчиков сыграл трагическую роль в судьбе ленинградской науки, вел он себя не хуже и не лучше многих себе подобных и к рьяным погромщикам типа Дементьева—Бушмина—Бердникова вряд ли может быть причислен. Для него это поручение было вынужденным, и видел он в этом лишь путь в Академию наук СССР, куда и был избран членом-корреспондентом в 1953 г. (хотя он выдвигался Пушкинским Домом и в 1950 г.[153], но запланированные

---

[149] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 118. Д. 408. Л. 3–4.

[150] Там же. Д. 315. Л. 74.

[151] Несмотря на это постановление, Н. Ф. Бельчиков был в Пушкинском Доме лишь совместителем, основным местом его работы по-прежнему являлся входящий номенклатуру ЦК журнал «Советская книга» (ЦК утвердил Н. Ф. Бельчикова в составе редакции в 1946 г.), также он оставался и совместителем в АОН при ЦК ВКП(б). На партучете Н. Ф. Бельчиков также состоял в Москве, в парторганизации центрального органа ЦК ВКП(б) «Правда», куда входила «Советская книга». При назначении Н. Ф. Бельчикова на пост директора Пушкинского Дома Президиум АН СССР принял специальное решение, разрешившее такое совместительство, закончившееся только в 1951 г., когда он перешел в штат ИРЛИ и встал там же на партучет.

[152] *Батюто А. И.* Из «Дневника» 1949–1952 / Публ. С. А. Батюто // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. СПб., 2009. [Сб.] I. С. 454–455.

[153] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 1 (1950). Д. 26. Л. 90. На объявленные тогда по ОЛЯ вакансии (одна на место академика и две члена-корреспондента) ИРЛИ на заседании Ученого совета 22 марта 1950 г. выдвинул Н. К. Пиксанова на место академика и Н. Ф. Бельчикова на место члена-корреспондента. Кандидатура Н. Ф. Бельчикова была выдвинута В. П. Андриановой-Перетц, поддержана выступлениями В. Е. Евгеньева-Максимова, М. П. Алексеева, П. Г. Ширяевой, В. М. Жирмунского, А. Н. Лозановой, Н. И. Мордовченко, К. Н. Григорьяна, аспирантов И. М. Куриленко, В. В. Ерофеева и П. С. Выходцева (последний в своем выступлении отмечал: «Его работы я знал еще будучи студентом, меня всегда изумляла его исключительная ясность ума в его книгах, исключительно глубокая партийность» (Там же. Л. 81)), также хвалебный отзыв о научной и общественной работе Н. Ф. Бельчикова был прислан академиком Н. С. Державиным.

академические выборы тогда не состоялись). К тому же он чаще находился в Москве, нежели в Ленинграде.

Это назначение Н. Ф. Бельчикова можно сравнить, ни в коем случае не сопоставляя двух ученых лично, с приходом В. Ф. Шишмарева на пост директора ИМЛИ. Согласие Владимира Федоровича также было вынужденным, и он также видел в этом возможность стать академиком. 11 августа 1942 г. он писал П. И. Лебедеву-Полянскому по поводу настойчивого предложения занять пост директора ИМЛИ вместо Л. И. Пономарева, кандидатура которого не устраивала ЦК: «Итак, Вы хотите, чтобы я занялся Институтом им. Горького. Понимаю Ваше желание, но дело это не из приятных»[154].

Но если Владимир Федорович с переменой требований руководства страны к науке перестал устраивать ЦК и, став академиком, быстро оставил свой пост, то Николай Федорович не чувствовал морального дискомфорта и справлялся неплохо:

> «Директором Пушкинского Дома был Н. Ф. Бельчиков, наделенный особыми полномочиями: очистить институт от космополитов. Обычно он приезжал из Москвы, где жил постоянно, на два-три дня, останавливался в комнате, которая была у него во дворе главного здания Академии наук[155], в том корпусе, где ныне — зубоврачебное отделение поликлиники Академии наук. Туда к нему для "конфиденциальных" разговоров стекалась вся институтская мразь... Мотался он между Москвой и Ленинградом и занимался, главным образом, бдительной охраной литературоведения и опорочиванием ученых-литературоведов. Усугублялось все его патологической склонностью к выдумкам. <...> Наиболее злая и краткая характеристика Бельчикова принадлежит, бесспорно, Б. В. Томашевскому: "Единственное, что есть у Н. Ф. Бельчикова прямое, — это прямая кишка. И то ее вырезали!" (У Н. Ф. действительно был оперирован рак прямой кишки)»[156].

Откровенно неприязненное отношение было у нового директора только к одному сотруднику — М. К. Азадовскому. Как тогда писал Ю. Г. Оксман, «он вооружен только против Марка Конст[антиновича], а к другим просто равнодушен»[157]. Однако и этого равнодушия оказалось достаточно.

Лишним подтверждением его «расположенности» к М. К. Азадовскому стал приказ № 2 от 8 марта 1949 г.: «Считать заведующего сектором фольклора проф[ессора] Азадовского М. К. больным с 8 марта с/г»[158], что было сделано с целью воспрепятствовать начислению зарплаты, а впоследствии послужит поводом для увольнения.

Сам Марк Константинович был удивлен такой перемене... Он писал Ю. Г. Оксману:

> «И до сих пор не пойму: неужели "вчерашнему близкому приятелю" нужно для его карьеры, действительно, изображать такую звериную ненависть ко мне. К карьере он, конечно, на этом ничего не прибавит, но вот зачем-то, ведь, нужно это ему. А как он

---

[154] Архив РАН. Ф. 597 (П. И. Лебедев-Полянский). Оп. 4. Д. 78. Л. 4.

[155] Первоначально Н. Ф. Бельчикову оплачивался номер в гостинице «Астория», но в результате проверки Пушкинского Дома Контрольно-ревизионным управлением Минфина СССР, проведенной летом 1949 г., такие расходы были признаны нарушением финансовой дисциплины (ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 3 (1949). Д. 24. Л. 7, 9), после чего Н. Ф. Бельчиков вынужден был изменить свои жилищные условия в Ленинграде.

[156] *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1995. С. 363–364.

[157] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954. С. 68. Примеч. 9. (Цитата из письма Ю. Г. Оксмана М. М. Штерн от 19 июля 1949 г.)

[158] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ АН СССР). Оп. 1 (1949). Д. 4. Л. 78.

беспрерывно лжет — особенно в Москве! Даже страшно...»[159] (21 ноября 1949 г.). «Как это все нелепо и неожиданно! Кто бы мог подумать — и я менее всех, — что человек, еще вчера сидевший за моим столом, пивший мое здоровье и здоровье моей жены, игравший благодушно с моим сыном, через какой-нибудь месяц окажется... ну, словом, окажется тем, чем он оказался»[160] (4 сентября 1951 г.).

Но еще раз повторимся: все проработочные события в Пушкинском Доме были тесно связаны с новым партбюро института, и А. С. Бушминым прежде всего.

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО» ШАГАЕТ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Не зря на расширенном заседании партбюро Пушкинского Дома 3 марта 1949 г. наибольший упор делался именно на выявление организованной группы литературоведов-антипатриотов: с развитием «ленинградского дела» обвинения в подобной групповщине были наиболее опасными.

В первой половине марта 1949 г. парторганизации города обсудили решение Объединенного внеочередного пленума обкома и горкома от 22 февраля. Этому вопросу было посвящено и закрытое партсобрание коммунистов Пушкинского Дома, состоявшееся 14 марта 1949 г. под председательством К. Н. Григорьяна. В качестве дополнительного аргумента на этом партсобрании присутствовал новый первый секретарь Василеостровского райкома ВКП(б) А. Н. Климов.

Секретарь парторганизации института А. И. Перепеч, которая присутствовала на пленуме, выступила с сообщением о постановлении от 22 февраля, после чего были объявлены прения. Выступавшие подчеркивали важнейшее значение этого партийного документа, а некоторые связали его напрямую с деятельностью Института литературы.

> «БАБКИН — говорит о большой политической важности документа и что утверждение лиц, упомянутых в этом документе, о том, что якобы ЦК ВКП(б) не уделяет ленинградцам должного внимания, — является ложью. ЦК ВКП(б) и большевистская партия всегда уделяли большое внимание ленинградцам, посылая лучших и верных своих сынов на партийные руководящие посты в Ленинград, как, например, т. т. Кирова, Жданова, которые многое сделали для Ленинграда. Попков оторвался от масс и не пользовался популярностью у ленинградцев, и все это сказалось на стиле работы многих ленинградских учреждений, в том числе и на работе нашего института»[161].
>
> «БУШМИН — Сталин указывал на всю важность укрепления тесной и повседневной связи нашей большевистской партии с массами. Отрыв от партийной массы и народа лиц, указанных в постановлении, повел к созданию групповщины и к антипартийным действиям.
>
> В свете этих постановлений становятся яснее и наши все недостатки в работе института.
>
> Близость к массам предопределяет большевистский стиль работы.
>
> Отдельные коммунисты нашей партийной организации боролись с отдельными группировками работников в нашем институте, и успех еще больше был бы, если бы

[159] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954. С. 135.
[160] Там же. С. 208.
[161] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 6. Л. 5.

работники ВО РК и горкома ВКП(б) почаще присутствовали на наших партийных собраниях, на которых мы могли бы опереться.

Мы единодушно одобряем решения пленума обкома и горкома и мы, коммунисты, должны сделать выводы для себя из этого постановления»[162].

«ПЛОТКИН — Постановление пленума обкома и горкома ВКП(б) является важным политическим документом. Лица, указанные в этом документе, самовольно и с большим самомнением взялись защищать интересы ленинградцев, за что и получили по заслугам. В настоящее время я стараюсь переоценить и пересмотреть всю свою работу. Причина грубых моих ошибок заключалась в игнорировании и недооценке молодых кадров. Формальный подход к выступлениям товарищей на партийном октябрьском собрании, ошибка была и в том, что людей, которые в литературоведении придерживались чуждых нам взглядов, я считал, что можно их исправить. У меня были ошибки, но я стараюсь и буду стараться их исправить»[163].

«КОВАЛЕВ — Бывшие ленинградские партийные руководители пытались самозвано противопоставить себя ЦК ВКП(б), но никогда ленинградские большевики не позволят оторвать ленинградскую партийную организацию от ЦК ВКП(б). Решения пленума обкома и горкома ВКП(б) помогут нам освободиться от буржуазных пережитков в литературоведении. Постановление вдохновляет всех коммунистов Института на решительную борьбу со всеми пережитками буржуазного литературоведения. Партийные руководители нашего института должны начать работать по-новому»[164].

В заключение выступил и присутствовавший первый секретарь райкома ВКП(б):

«Тов. КЛИМОВ — в своем выступлении отметил, что в решениях пленума обкома и горкома решительно осуждаются бывшие руководители лен[инградской] гор[одской] партийной организации. Лен[инградские] партийные организации единодушно одобряют решения. Основная задача — выкорчевать всякие попытки оторвать лен[инградскую] партийную организацию от ЦК ВКП(б) и нарушить сплоченность ленинградской партийной организации. Действия бывших руководителей городской партийной организации вредно сказались и на работе районных партийных организаций. Имело место бахвальство, факты зазнайства, не проявлялось должной настойчивости в решении задач, отгораживались от опыта других городов. Недостатки в работе имелись [как] у других организаций, так и у вас.

Критика и самокритика не касались вышестоящих из-за боязни испортить отношения. Отдельные товарищи в институте пытались критиковать, а остальные молчали. Коллектив института сам должен разобраться в своих ошибках и в свете решений пленума обкома и горкома сделать соответствующие выводы. Имело место угодничество и подхалимство в подборе и подготовке кадров, что приводит к семейственности, к группировкам и отсутствию критики. Партийная организация института должна серьезно поработать в деле воспитания кадров в духе большевистской принципиальности и честности. Каждый коммунист должен сделать соответствующие выводы и наметить план дальнейших работ, в своей работе не только замечать недостатки в институте, но и вне его»[165].

После обсуждения была принята резолюция:

---

[162] Там же. Л. 5 об.
[163] Там же.
[164] Там же.
[165] Там же. Л. 6.

«Заслушав и обсудив постановление объединенного пленума Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) от 22 февраля 1949 г. в связи с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) “Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) тов. Кузнецова А.А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т.т. Родионова М.И. и Попкова П.С.”, общее собрание партийной организации Института литературы АН СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Целиком и полностью одобрить и принять к неуклонному руководству постановление объединенного пленума Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) в связи с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) “Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) тов. Кузнецова А.А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т.т. Родионова М.И. и Попкова П.С.”

2. Считать повседневной важнейшей политической задачей партийной организации института решительное пресечение всяких проявлений групповщины и антипартийных действий, направленных на отрыв ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б) и всемерное усиление работы по идейному и организационному сплочению рядов партийной организации вокруг ЦК ВКП(б).

3. В свете постановления объединенного пленума Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) от 22 февраля 1949 года, партийное собрание обязывает всех коммунистов со всей большевистской решительностью и принципиальностью бороться со всеми пережитками буржуазного литературоведения до их окончательного разгрома.

4. Общее собрание партийной организации Института литературы АН СССР заверяет Центральный Комитет партии, Ленинградский горком ВКП(б) и Василеостровский РК ВКП(б), что большевики партийной организации Института литературы АН СССР были и остаются до конца верными и преданными великому делу партии Ленина — Сталина, ЦК ВКП(б) и лично товарищу Сталину»[166].

Жесткие меры сталинского руководства по отношению к ленинградцам, таким образом, повлияли не только на партийные органы, но и на все прочие ленинградские учреждения. Именно поэтому выводы проверявшей в тот момент Пушкинский Дом партийной комиссии, работа которой завершится принятием постановления Бюро Василеостровского райкома от 25 марта 1949 г., оказались столь безапелляционными.

Серьезность грядущих изменений понимали и на филологическом факультете. Недаром закрытое партсобрание факультета, состоявшееся по тому же поводу на следующий день, 15 марта, в качестве отдельного пункта своей резолюции (естественно, не в качестве собственной инициативы), приняло и следующий:

«Просить РК ВКП(б) поставить вопрос перед ГК ВКП(б) о бывшем секретаре Василеостровского РК ВКП(б) т. Нестерове в связи с его непринципиальностью в подборе партийных кадров, которая выразилась, в частности, в длительном покровительстве бывшему секретарю парткома Университета т. Андрееву»[167].

О том, насколько с началом «ленинградского дела» стала важна географическая составляющая, можно видеть на примере учреждений, которые базировались не в одном городе (как Пушкинский Дом или университет), а имели свои отделения в обеих столицах[168]. Наиболее яркий пример — Институт языка и мышления имени Н.Я. Марра

---

[166] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 6. Л. 6–6 об.

[167] Там же. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 38.

[168] В прежние годы такой вопрос если и возникал, то не в политической плоскости. Один из примеров — выступление ректора ЛГУ А.А. Вознесенского 29 июля 1943 г. в Казани на защите

АН СССР, размещавшийся в Ленинграде, но имевший филиал в Москве. 17 марта в Ленинграде состоялось общее собрание коммунистов ИЯМа, посвященное постановлению Объединенного пленума от 22 февраля 1949 г. Коммунисты не столько клеймили позором бывшее ленинградское руководство, сколько разбирались между москвичами и ленинградцами. Ф. П. Филин отметил в докладе:

«В среде лингвистов иногда употреблялись термины “московская” и “ленинградская” школы. Такое “географическое” разделение лингвистов неверно и политически вредно. Есть два направления в лингвистике — материалистическое и идеалистическое. А наша задача состоит в том, чтобы добить противное нам — идеалистическое — направление»[169].

Ученый секретарь ИЯМ О. П. Суник высказался подробнее:

«В нашей лингвистической среде иногда неправильно употреблялся термин “москвич”, хотя никто из нас не вкладывал в него такого смысла, что мы противопоставляли себе московскую партийную организацию.

Лично у меня были острые стычки с зам[естителем] директора ИЯМ (по Москве) тов. Сердюченко. Почему? Дело в том, что тов. Сердюченко часто собственные непродуманные положения выдает за линию соответствующего отдела ЦК ВКП(б) и личные интересы ставит выше интересов науки.

В своей работе, в борьбе с противниками нового учения о языке, мы не придерживались и не придерживаемся “географического” принципа, мы боремся с враждебным нам идеалистическим направлением.

Пользуясь присутствием на нашем собрании секретаря парторганизации Московского отделения института, я должен сказать, что сотрудник этого отделения проф[ессор] Яковлев, после того как его ошибочные концепции были подвергнуты резкой критике, занялся демагогией: “Мы — москвичи, нас критикуют ленинградцы. Забыли за что снят с работы Попков...” и т.д. Этой демагогии поддался и член ВКП(б) Сердюченко»[170].

докторской диссертации Л. А. Плоткина (куда была эвакуирована большая часть учреждений АН СССР, в том числе и Президиум): «Я должен отметить некоторый ленинградский характер формулировки самой темы: “Писарев и литературная борьба 60-х годов”. Это третья работа, которая выходит с таким названием о других писателях и среди ленинградских ученых. Так, появилась работа Бялого “Гаршин и литературная борьба 60-х годов” и Беркова “Ломоносов и полемика его времени”. Оба — ленинградские ученые, и третья — работа Л. А. Плоткина. Эта формулировка и указания на борьбу накладывают на каждого автора обязательство четко, ясно и определенно отметить, против чего происходит эта борьба и за что она происходит» (ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 4. Д. 25. Л. 70). На это А. А. Вознесенский сразу получил резкий ответ от казанского литературоведа профессора И. Г. Пехтелева: «Мне неприятно было слышать, что диссертация была написана на какую-то ленинградскую тему. Мне кажется, что это не совсем удовлетворительная формулировка, потому что никаких ни ленинградских, ни московских, ни казанских тем не существует; если так получилось, что есть несколько работ, названных аналогично, это никак не говорит о том, что существуют какие-то особые ленинградские формулировки» (Там же. Л. 75).

Одним из продолжателей такой «традиции» стал Ю. М. Лотман, защитивший в 1952 г. в ЛГУ кандидатскую диссертацию на тему «А. Н. Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Н. М. Карамзина», что его биограф Б. Ф. Егоров прокомментировал следующим образом: «Диссертация называлась не как-нибудь характеризуя соотношение методологии Радищева и Карамзина, а именно “Радищев в борьбе...”. Справедлива была тогдашняя ходячая шутка: “Борьба с борьбой борьбуется”» (*Егоров Б. Ф.* Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. С. 54).

[169] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 6. Л. 11.

[170] Там же. Л. 11–12.

Также высказался член партбюро ИЯМ В.А. Аврорин:

> «Нужно сказать, что в среде ленинградских языковедов в недавнем прошлом существовало противопоставление “ленинградской школы”, под которой понимались ученики и последователи академика Н.Я. Марра, и “московской школы”, под которой понимались противники нового учения о языке. Признаюсь, что и я сам иногда пользовался этими терминами. Это ошибка, которую никто из нас повторять больше не должен. Основанием для такой ошибки было то, что по совершенно случайным причинам в Москве сгруппировалась наиболее сильная и активная группа идейных противников материалистического языкознания: Виноградов, Петерсон, Аванесов, Кузнецов, Реформатский и др. Однако всем известно, что противники нового учения о языке не только в Москве. Есть они и в Тбилиси (Чикобава), в Киеве (Булаховский). Есть они и в Ленинграде (Фрейман, Цинциус). А с другой стороны, в Москве есть немало убежденных сторонников нового учения о языке (Обнорский, Гухман, Чемоданов, Ломтев и др.). Следовательно, политически неверно связывать со словом Москва идеалистическое направление в языкознании, а со словом Ленинград — материалистическое»[171].

Оправдания лингвистов продолжались и в дальнейшем. Например, 18 апреля 1949 г. тот же В.А. Аврорин отметил в докладе на партсобрании:

> «Отсутствие развернутой самокритики является недостатком в работе ИЯМ. На идеологической дискуссии в декабре 1947 г. в резолюции отмечались ошибки ак[адемика] Шишмарева, Жирмунского, Бубриха, Истриной, но потом все эти имена оказались вычеркнутыми из резолюции и остались имена только московских работников. Этот “географический” принцип критики совершенно нам чужд»[172].

Примерно те же ноты имеются в отчете партбюро, озвученном на партсобрании 7 мая 1949 г.:

> «Критика в области изучения русского языка до сих пор еще носит “территориальный” характер. <...> Безусловную ошибку совершила т. Десницкая, когда на фонологической дискуссии, подвергнув правильной и острой методологической критике идеалистические взгляды группы московских фонетиков, она умолчала об ошибках сотрудника ИЯМ т. Зиндера[173], чем дала повод к попыткам истолкования ее выступления как стремления противопоставить якобы “правильные” позиции ленинградских языковедов “неправильным” позициям москвичей, чего она, конечно, не имела в виду. Вообще, никакой линии противопоставления ленинградских языковедов московским ни у кого из членов нашей парторганизации не было, а были лишь отдельные ошибки»[174].

В истории литературы было все с точностью до наоборот, поскольку и именно Ленинград ассоциировался с формализмом. И в 1949 г. эта «географическая неблагонадежность» ленинградской филологии серьезно усилит удар по ней.

Кроме того, в ЛГУ ситуация усугублялась еще одним обстоятельством. Как говорилось выше, одной из формальных причин «ленинградского дела» явился факт подтасовки голосов при выборах секретарей обкома на Ленинградской X областной и VIII городской

[171] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 6. Л. 14.

[172] Там же. Л. 26.

[173] Зиндер Лев Рафаилович (1910–1995) — лингвист, ученик Л.В. Щербы, сотрудник ИЯМ, доцент филологического факультета ЛГУ, кандидат филологических наук, впоследствии — доктор наук (1955, тема «Общая фонетика»).

[174] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 6. Л. 132–133.

партконференциях 25 декабря 1948 г., при котором было объявлено, что все избраны единогласно, тогда как имелись единичные бюллетени с голосами «против». 22 февраля 1949 г. Объединенный пленум обкома и горкома отметил этот факт в своей резолюции[175]. Оказалось, что в состав счетной комиссии, состоявшей из 35 человек, входила не только 2-й секретарь Василеостровского райкома ВКП(б) М.А. Плюхина, которая долгое время преподавала марксизм-ленинизм на Восточном факультете ЛГУ, но и член бюро райкома, 1-й секретарь парткома ЛГУ А.А. Андреев.

В результате 9 марта 1949 г. партком университета, обсудив постановление от 22 февраля, принял решение: «А. А. Андреева — освободить от обязанностей секретаря парткома, вывести из состава парткома»[176]. Кроме того, постановлением пленума обкома ВКП(б) была создана специальная комиссия обкома и горкома, по результатам работы которой 17 марта 1949 г. было принято совместное постановление бюро обкома и горкома ВКП(б) «О фактах непартийного поведения членов счетной комиссии X областной и VIII городской объединенной конференции Ленинградской организации ВКП (б)»[177]. Это означало для А. А. Андреева не только вывод из состава бюро райкома, но и выговор с занесением в личную карточку, а впоследствии и исключение из рядов ВКП(б). Одновременно на заседании бюро райкома А. А. Андрееву вменялось и подхалимское отношение к бывшему партийному руководству, которое он отверг:

> «Приписывать себе подхалимаж я не могу. Я с Попковым ни разу в жизни не разговаривал. С Капустиным встречался по делу раза два. За собой вины подхалимажа я не признаю. Почему не сообщил в ЦК и ГК? Потому что не хватило смелости.
>
> ВОПРОС С МЕСТА: А скажите все-таки откровенно, нет ли тут угодничества перед начальством?
>
> ОТВЕТ: Попков и Капустин до Университета мало доходили, мало им руководили»[178].

О факте участия двух членов бюро райкома в подтасовке результатов выборов стало известно в первичных парторганизациях района; даже на партсобрании в Библиотеке Академии наук склонялись имена членов комиссии:

> «Мы с отвращением отзываемся о таких, как бывш[ий] II секретарь РК ВКП(б) т. Плюхина и бывш[ий] секретарь партбюро ЛГУ т. Андреев, допустивших подлог во время подсчета на областной партконференции»[179].

Необходимость отмываться от такого позорного пятна также усилила работу парткома Ленинградского университета весной 1949 г.

---

[175] «Объединенный пленум обкома и горкома ВКП(б) с негодованием осуждает позорнейший факт, выразившийся в сообщении делегатам Ленинградской партийной конференции ложных, фальсифицированных данных о результатах выборов в обком и горком ВКП(б) т.т. Попкова, Капустина, Бадаева и Лазутина, в сокрытии от партийной конференции того, что на конференции было подано некоторое количество голосов против избрания названных товарищей в состав пленума обкома, горкома ВКП(б). Пленум считает, что такой вопиющий факт подлога свидетельствует о неправильных, антипартийных нравах, которые стали возможны в результате отсутствия настойчивой работы по воспитанию коммунистов в духе принципиальности и правдивости» («Ленинградское дело». С. 90).

[176] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 62. Л. 67.

[177] Протокол заседания бюро Ленинградского обкома ВКП(б) № 23 от 17 марта 1949, п. 7 (Там же. Ф. 24 (Ленинградский ОК ВКП(б)). Оп. 49. Д. 96).

[178] Там же. Ф. 4 (ВО РК ВКП(б)). Оп. 5. Д. 578. Л. 58.

[179] Там же. Ф. 3025 (Парторганизация БАН). Оп. 2. Д. 6. Л. 10.

БЕЗРОДНЫМ КОСМОПОЛИТАМ НЕ МЕСТО В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Вслед за Союзом советских писателей расправой над космополитами занялось МВО СССР. Однако прежде оно разобралось с московскими филологами. В столице события развивались не менее драматично, а наиболее сильный удар большевистской критики и самокритики пришелся по филологическому факультету МГУ и Институту мировой литературы имени А. М. Горького, где громили литературоведов-евреев.

Если филологический факультет ЛГУ был разгромлен уже после того, как МВО СССР дал на это "добро", то в Москве министерство само шло по горячим следам событий, которые сотрясли филологическую Москву в середине месяца. 19 марта 1949 г. «Литературная газета» сообщала:

> «Три дня продолжалось заседание ученого совета Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, посвященное вопросам борьбы против космополитов-антипатриотов в критике и литературоведении. В своем докладе проф[ессор] Ф. Головенченко указал на огромное значение статей газет "Правда" и "Культура и жизнь", разоблачивших деятельность антипатриотической группы театральных критиков.
>
> Вредное влияние космополитизма сказалось и в области литературоведения, в работах ряда исследователей, проявивших антипатриотическое низкопоклонство перед зарубежной наукой и литературой. Космополиты всячески раздували значение буржуазной западноевропейской литературы и отрицали национальную самобытность передовой русской литературы, умаляя ее всемирное значение.
>
> Ф. Головенченко отметил, что Институт мировой литературы до настоящего времени ничем не помог борьбе нашего народа с космополитизмом. Институт не выпустил ни одной книги, ни одной статьи, которые содействовали бы разоблачению безродных космополитов. Мало того, те труды, которые выходили из стен института, оказались зараженными ядом космополитизма. <...>
>
> Выступавшие в прениях научные сотрудники говорили о необходимости до конца разоблачить вредоносную деятельность космополитов в критике, в литературоведении. Они отмечали тот огромный вред, который нанесли космополитствующие "теоретики" работе Института мировой литературы»[180].

В Москве между ИМЛИ и филологическим факультетом МГУ в кадровом вопросе была налажена система «сообщающихся сосудов», подобная той, которая существовала между Пушкинским Домом и филологическим факультетом ЛГУ в Ленинграде. Конечно, в Москве такой дуализм соблюдался лишь отчасти, поскольку параллельно подобное явление существовало между ЦК и ИМЛИ, что придушило свободу научной мысли в столице значительно раньше, чем в городе Ленина.

То же касается борьбы с литературоведами-космополитами: в марте в Москве они уже были выявлены, проработаны на партсобраниях, и ко многим из них были приняты оргмеры, тогда как в Ленинграде основные проработки состоялись только в начале апреля. Эту динамику иллюстрирует и передовица мартовского номера журнала МВО СССР «Вестник высшей школы», принадлежащая перу специалиста по истории ВКП(б), штатного сотрудника министерства, профессора А. В. Шапкарина «Выкорчевать остатки космополитизма из высшей школы», в которой перечислены московские жертвы:

[180] Против буржуазного космополитизма в литературоведении. С. 3.

«Сколько путаницы и вреда нанесли безродные космополиты делу подготовки советских литературоведов! В ряде гуманитарных высших учебных заведений гор. Москвы кафедры всеобщей литературы были заняты ими: в Московском университете — Металловым, Мотылевой, Мендельсоном[181], Гальпериной[182], в Областном педагогическом институте — Эйхенгольцем, в Городском педагогическом институте — Исбахом[183], в Литературном институте — Металловым[184]. Куда бы ни пытался проникнуть со здоровыми, свежими мыслями новый человек — всюду он встречал организованное сопротивление этой группы.

Пишут ли они о русских классиках или о молодых советских писателях — мерка подхода у них одна. "В эпоху, когда искусство Запада, — пишет Т. Мотылева, — утрачивало связь со многими традициями своего прошлого, — русский художник Лев Толстой, творчески участвуя в достижениях современного ему мирового искусства, в то же время явил в себе неповторимый синтез гомеровской цельности, шекспировской живости, бальзаковской трезвости... Толстого роднит с Вальтер-Скоттом широта исторической перспективы, с Диккенсом — гуманность и живое ощущение будней, с Мериме — динамичность повествования". Это строки из недавно защищенной Т. Мотылевой диссертации, за которую она получила ученую степень доктора филологических наук.

В дальнейшем Мотылева с яростью выступает против лучших произведений советской литературы. Ей мерещится "слащавый привкус" в поэме Недогонова "Флаг над сельсоветом", "налет идиллической сентиментальности" в поэме Грибачева "Колхоз 'Большевик'", в романе С. Бабаевского "Кавалер Золотой Звезды". Все это выдумано для того, чтобы опорочить лучшие произведения нашей литературы, которыми по праву гордится советский народ.

На позициях формализма и эстетства стоят некоторые профессора русской литературы вузов Ленинграда: В. Жирмунский, Б. Эйхенбаум, Б. Томашевский и др.

Необходимо положить конец всем этим проявлениям антипатриотизма, наносящим громадный вред развитию советского искусства, советской литературы»[185].

МИНИСТЕРСТВО ПЕРЕВОДИТ СТРЕЛКИ НА ЛЕНИНГРАД

Всю вторую половину марта 1949 г. Министерство высшего образования СССР занималось пристальным рассмотрением положения, создавшегося в московской филологии. Поскольку педагогические вузы были подведомственны Министерству

[181] Мендельсон Морис Осипович (1904–1982) — филолог-американист, кандидат филологических наук; впоследствии — доктор (1956 г., тема — «Американский поэт-демократ Уолт Уитмен»).

[182] Гальперина Евгения Львовна (1905–1982) — литературовед, специалист по зарубежной литературе, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета МГУ, сотрудник ИМЛИ.

[183] Исбах Александр Абрамович (наст. имя Исбах-Бахрах Исаак Абрамович; 1904–1977) — писатель, литературовед, кандидат филологических наук, профессор МГПИ имени В. П. Потемкина. В 1949 г. арестован, приговорен к 10 годам лагерей, освобожден в 1954 г., реабилитирован в 1955 г.

[184] Металлов Яков Михайлович (1900–1976) — литературовед, переводчик, специалист по немецкой литературе XIX в., доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ и Литературного института имени А. М. Горького.

[185] *Шапкарин А. В.* Выкорчевать остатки космополитизма из высшей школы // Вестник высшей школы. М., 1949. № 3. Март. С. 5.

просвещения РСФСР, Литературный институт — Союзу советских писателей, ИМЛИ — Академии наук СССР, и только МГУ был с 1946 г. в прямом подчинении МВО СССР, то первым объектом внимания министерства стал филологический факультет Московского университета.

В пятницу, 18 марта, состоялось первое заседание коллегии министерства, посвященное филологическому факультету МГУ. На заседание Коллегии были дополнительно приглашены еще 22 человека[186], в числе которых ректор МГУ А. Н. Несмеянов, проректор А. Л. Сидоров, декан филологического факультета Н. С. Чемоданов, профессора факультета А. М. Еголин и В. В. Виноградов... Также на заседании присутствовали бывшие тогда в Москве деканы филологических факультетов Киевского, Казанского и Белорусского университетов; был вызван и декан филологического факультета ЛГУ Г. П. Бердников, но не поспел к заседанию. В этот день коллегия более занималась вопросами языкознания — именно поэтому на заседании присутствовал профессор МГУ и директор московского филиала ИЯМ Г. П. Сердюченко, но вызванный из Ленинграда профессор ЛГУ Ф. П. Филин, как и декан, не успел приехать.

Обсуждение состояния литературоведения состоялось на двухдневном заседании Коллегии МВО 23–24 марта 1949 г., проходившем в помещении министерства на улице, которая, как ни парадоксально, носила имя А. А. Жданова (дом № 11). Заседание проходило под председательством заместителя министра по общим вопросам А. М. Самарина (С. В. Кафтанова на заседании не было). Преподаванию литературы были посвящены два вопроса — «О работе филологического факультета МГУ» и «О состоянии преподавания западной литературы в вузах г. Москвы». Здесь Г. П. Бердников уже присутствовал.

Если обсуждение второго вопроса — «Об антипатриотической деятельности группы космополитов на кафедрах западной литературы в высших учебных заведениях Москвы» — сводилось лишь к утверждению заготовленной резолюции[187], то вопрос о филологическом факультете МГУ оказался наиболее серьезным из всех рассмотренных коллегией. Сперва декан филологического факультета Н. С. Чемоданов выступил с докладом, после чего прошли прения, в которых принимал участие и Г. П. Бердников. Именно озвученное начальством отношение к Ленинградскому университету, а также выступление самого Г. П. Бердникова оказываются наиболее важными в контексте нашего повествования.

Начиная разговор, руководитель Главного управления университетов МВО СССР профессор К. Ф. Жигач сказал:

> «Товарищи, обсуждение вопроса о работе филологического факультета на сегодняшнем заседании коллегии имеет большое значение для улучшения работы не только филологического факультета Московского университета, но и для улучшения подготовки кадров на всех филологических факультетах всех университетов. <...>
>
> Несколько слов о других университетах. Прежде всего о Ленинградском университете. Здесь присутствует декан Ленинградского филологического факультета, ему следовало бы предоставить слово.
>
> Нужно отметить, что, мне кажется, на Ленинградском филологическом факультете еще хуже обстоит дело, чем в Москве: состав ведущих профессоров, как Азадовский,

[186] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 226. Л. 126.

[187] Там же. Д. 225. Л. 6–16.

Эйхенбаум, Жирмунский, Реизов, Гуковский — теоретики космополитизма, преклонялись перед буржуазной наукой. Когда критиковали Веселовского, они выступали против этой критики.

Мы вчера беседовали с деканом факультета, он говорит — мы проработали всех, разложили по полочкам и ждем только команды, когда начинать критиковать, нет указаний обкома партии и министерства. Надо им послать группу товарищей помочь развернуть критику, которая должна быть. Пора уже вам не ждать команды, а самим приниматься за дело» [188].

Затем выступил и сам Георгий Петрович:

«БЕРДНИКОВ. — Я должен сказать, что положение на филологическом факультете Ленинградского университета еще более трудное, чем в Московском университете. И это определяется, прежде всего, тем, что в Ленинградском университете особенно были сильны традиции, появившиеся с дореволюционными традициями декаданса, то, что расценивалось в начале XX-го века, который был в Ленинграде и имел свои толки. На сегодняшний день один из этих толков — это группа — которые были соратниками Эйхенбаума; один из толков — Жирмун[ский], ибо эти профессора активно действуют и имеют своих учеников, которые занимают руководящее положение в филологии; это проф[ессора] Гуковский, Бялый, Тронский и ряд других, которые являются непосредственными участниками этих бывших толков формализма.

Что из себя представляют некоторые из них? Эйхенбаум в 1919 году предлагал отсидеться от чумы большевизма. В 1922 году писал — жизнь, слава богу, пошла не по Марксу, тем лучше. Он был вождем, теоретиком группы, которая пыталась установить Гамбургский счет. <...>

Толстой, по теории Эйхенбаума, теряет национальность, он заявил, что Толстой является наименее национальным из русских писателей. Такие же вещи, примерно, Эйхенбаум проделывает с Лермонтовым, который под его пером являлся результатом самых различных западноевропейских влияний.

Во время дискуссии о Веселовском Эйхенбаум заявил, что критика и самокритика мешает творческому вдохновению. Будучи апологетом Веселовского, заявил на дискуссии о Веселовском, что Фадеев допустил громаднейшую политическую ошибку, что выступил против Веселовского. Это ниспровержение гордости нашей науки и культуры. Отсюда можно сделать соответствующий вывод.

Жирмунский является зав[едующим] кафедрой западноевропейской литературы. Рядом работает Реизов. Для характеристики Реизова достаточно сказать, что он недавно выпустил диссертацию Таманцева о [Бодлере] [189]. Было ему указано, что работа идет по порочному пути, но он сказал, что в диссертации все учтено. На деле же это оказалось порочной, недопустимой работой.

Рядом работает Алексеев [190], его космополитические ошибки известны, это апологет Веселовского. Рядом работает Г... [отточие в тексте] [191], которая не имеет своего лица,

---

[188] Там же. Д. 226. Л. 1, 3–4. В тексте стенограммы Б. М. Эйхенбаум ошибочно поименован как «Эйхенвальд».

[189] Таманцев Николай Алексеевич (1918–1960) — литературовед, написал тогда кандидатскую диссертацию о Бодлере, которая не была допущена к защите; в 1953 г. защитил диссертацию на тему «Творческий путь Бальзака до июльской революции 1830 года».

[190] В тексте стенограммы дважды ошибочно «Аникст».

[191] Возможно, имеется в виду Ирина (Изабелла) Романовна Гербач (1894–1954), кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии.

а дышит и живет Жирмунским. И начинается дальше молодежь — Дьяконова[192], Хатисова[193], жена Жирмунского Сигал, они не имеют научного лица.

Мы столкнулись с системой вредительской подготовки кадров, когда все делалось, чтобы Жирмунский оказался незаменимым.

Какие мероприятия проводятся на факультете? Мы находимся сейчас перед третьим туром очень серьезной борьбы против пережитков тех или иных определенно враждебных направлений в нашей филологической науке.

Весной прошлого года впервые за много лет их деятельности в советской литературе добились безоговорочной капитуляции Жирмунского, Алексеева, Проппа, Эйхенбаума, Азадовского и многих ученых, которые подвергались критике, но не выступали с признанием ошибок.

Во время сессии ВАСХНИЛ подверглись сугубой критике наши лингвистические кадры кафедр литературы. Тогда проводили критику под флагом требований реальной перестройки содержания читаемого курса, поставили перед кафедрами ряд практических задач, которые должны были на деле продемонстрировать, как люди перестроились, в процессе работы наблюдали перестройку.

Последние события разоблачения космополитов представляют все эти вопросы. И для нас ясно стало, что в ряде случаев имеем дело не с отдельными ошибками, а с целой системой ошибочных, сознательно неверных взглядов со стороны ведущих теоретиков литературы, ведающих подготовкой кадров на филологическом факультете Ленинградского государственного университета.

Во-вторых [sic!], мы чувствуем, что в некоторых местах не добрались до сути при критике, которой подвергались отдельные ошибочные положения в работе Гуковского. Между тем совершенно ясно, что в работах Гуковского имеется в основе своей порочная гегелианская система. Достаточно оказать о том, что этот Гуковский так пишет: "Реализм в литературе пришел на смену романтизму и возник на основе противоречий самого романтизма, зарождался в нем".

Интересна эта система идеалистического представления, что развитие литературы при самом развитии художественного познания мира придет, что в работах Гуковского и Пушкин и Гоголь страдали объективизмом. Тут речь идет о широком потоке европейского масштаба, где на одну доску ставятся не только Пушкин и Радищев, но и Руссо.

Я могу сказать, что последние месяцы проделана на филологическом факультете большая работа, мы заново пересмотрели продукцию крупнейших русских ученых, пересмотрели работы основной кафедры, провели обследование работы и Института русской литературы. Это важно, так как там работали наши же работники, большинство совместителей. Во вторник появилась в Ленинградской правде статья[194], посвященная этому

---

[192] Дьяконова Нина Яковлевна (род. 1915) — литературовед-англист, переводчик. Доцент кафедры истории зарубежных литератур, кандидат филологических наук (1943 г., тема — «Китс и поэты Возрождения»), впоследствии доктор наук (1966 г., тема — «Лондонские романтики и проблемы английского романтизма»). В стенограмме ошибочно указана как «Яковлева»).

[193] Хатисова Татьяна Георгиевна (1906–1979) — доцент кафедры истории западноевропейской литературы, кандидат филологических наук.

[194] Не вполне ясно, о какой статье говорит Г. П. Бердников, поскольку ни в один из нескольких предыдущих вторников, да и вообще в предшествовавшее время, статей по этому поводу в «Ленинградской правде» не было. Единственная статья за последние дни, где уделялось внимание вопросам литературоведения, написана специалистом по истории марксизма-ленинизма,

вопросу, и мы готовились, чтобы провести партсобрание и Ученый совет, но партсобрание задерживается, так как должен был приехать Головенченко и провести собрание и сделать доклад, но он не едет, а горком партии говорит ждать его»[195].

Таким образом, насколько можно судить по реплике К. Ф. Жигача, Георгий Петрович получил карт-бланш на проведение «третьего тура».

Что же касается Московского университета, то накал страстей там вдруг угас, и серьезных публичных поруганий, которые предстояли в Ленинграде, московским литературоведам удалось избежать.

Симптоматично, что заголовок решения коллегии, уже в проекте, отпечатанном к заседанию, не содержал резких формулировок («О недостатках...» или «О крупных недостатках...» и т. п.), а был достаточно нейтральным — «О мерах по улучшению работы филологического факультета Московского государственного ордена Ленина университета им. М. В. Ломоносова»[196].

Кроме того, как по мановению волшебной палочки (которая, как известно, находилась в Секретариате ЦК ВКП(б)), не состоялось публичного линчевания космополитов на филологическом факультете МГУ.

«Неожиданно было отменено заседание Ученого совета факультета, на котором должен был стоять доклад Чемоданова о борьбе с космополитизмом. Состоится в будущую среду, но уже при «закрытых дверях». Кажется, подул ветер с другой стороны!»[197] — записал профессор С. Б. Бернштейн 3 апреля в дневнике.

Та же тенденция к сдерживанию разнузданной критики просматривается в сохранившихся подготовительных материалах к подписанному министром высшего образования СССР С. В. Кафтановым приказу № 419 от 8 апреля 1949 г. «О мерах по улучшению работы филологического факультета Московского университета», опубликованном тогда же в ведомственной печати[198]. Первоначально этот приказ распространялся на несколько вузов («О мерах по улучшению работы филологического факультета Московского университета и кафедр зарубежной литературы педагогических вузов Москвы»[199]), но был отредактирован целенаправленно под университет.

Особенно показателен шестой пункт приказа, который в проекте выглядел следующим образом:

профессором ЛГУ Борисом Александровичем Чагиным (1899–1987): Космополитизм — реакционная идеология империалистического мира // Ленинградская правда. Л., 1949. № 65. 19 марта. С. 2. Автор уделяет филологам лишь следующий фрагмент: «В области литературы до сих пор имеет хождение среди отдельных литераторов [sic!] буржуазная теория Веселовского, которая характеризуется буржуазным космополитизмом и тесно связанным с ним низкопоклонством перед Западом. Порочная методология этой теории вела к пагубным, космополитическим заключениям и выводам профессоров Шишмарева, Жирмунского и других...»

[195] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 226. Л. 17–20. В тексте стенограммы многие фамилии написаны иначе (стенографистка, вероятно, слышала их впервые). Б. М. Эйхенбаум ошибочно называется то «Ихенбаумом», то «Эйхенвальдом», Г. А. Гуковский — «Буковским», Ф. М. Головенченко — «Головиным».

[196] Там же. Л. 225.

[197] *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти. С. 136. Запись от 3 апреля 1949 г.

[198] О мерах по улучшению работы филологического факультета Московского университета: Приказ № 419 от 8 апреля 1949 // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1949. № 4. Апрель. С. 6–8.

[199] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 274. Л. 38.

> «Обязать Главное управление университетов (проф[ессора] Жигача К. Ф.) и управление кадров (тов. Михайлова М. В.) в двухмесячный срок вместе с ректорами университетов изучить научно-педагогические кадры филологических факультетов университетов и освободить от работы лиц, которые в своей научной и учебной работе протаскивали космополитические взгляды и не могущих в дальнейшем обеспечивать воспитание молодежи в духе советского патриотизма»[200].

Но подписан он был С. В. Кафтановым уже в «подрессоренном» виде:

> «Главному управлению университетов (проф[ессору] Жигачу К. Ф.) и Управлению кадров (тов. Михайлову М. В.) в двухмесячный срок, совместно с ректором принять меры к укреплению кафедр филологических специальностей квалифицированными профессорами и преподавателями, освободив от работы лиц, которые по своей научной квалификации не соответствуют требованиям высшей школы»[201].

К 8 апреля министерство уже приняло решение о тех, кто будет изгнан с факультета, внеся их в приказ: «Освободить от работы на факультете профессора Мотылеву, профессора Бернштейн С. И.[202], доцента Аникст и доцента Исбах»[203].

А 12 апреля Д. Т. Шепилов переслал секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову докладную записку сектора вузов Отдела пропаганды и агитации ЦК по поводу проведенных факультетских партсобраний в МГУ, на которых обсуждался вопрос борьбы с космополитизмом[204]. Однако речь в документе идет лишь о собраниях на философском и исторических факультетах, а также на межфакультетской кафедре марксизма-ленинизма; о филологическом факультете в докладной записке даже не упоминается.

Таким образом, филологический факультет Московского университета в 1949 г. оказался если не в завидном, каковая характеристика вообще вряд ли применима к описываемым событиям, то во много более благоприятном положении, чем коллеги в Ленинградском университете. А события в Ленинграде тем временем бурно развивались.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВАСИЛЕОСТРОВСКОГО РАЙКОМА ВКП(б)

25 марта 1949 г. расширенный состав бюро Василеостровского райкома подвел итоги работы партийной комиссии, изучавшей состояние дел в Пушкинском Доме. В этот день в зале заседаний райкома собрался весь цвет партийного литературоведения Ленинграда: Н. Ф. Бельчиков, Б. И. Бурсов, А. С. Бушмин, Б. П. Городецкий, К. Н. Григорьян, С. С. Деркач, В. А. Ковалев, Н. С. Лебедев, И. П. Лапицкий, Б. С. Мейлах, Л. А. Плоткин, П. Г. Ширяева... Подготовкой обсуждения, в результате которого должно было быть принято постановление райкома, руководил заведующий отделом пропаганды и агитации райкома Н. М. Петров. После доклада секретаря парторганизации Института литературы А. И. Перепеч об итогах научной работы Пушкинского Дома за 1948 г. развернулись

[200] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 274. Л. 48.

[201] Там же. Л. 46.

[202] Бернштейн Сергей Игнатьевич (1892–1970) — лингвист, выпускник Историко-филологического факультета Петроградского университета (1916), где преподавал в 1919–1929 гг., затем переехал в Москву; доктор филологических наук, профессор МГУ.

[203] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 274. Л. 46.

[204] Д. Т. Шепилов — М. А. Суслову о партийных собраниях в МГУ, посвященных борьбе с космополитизмом, 12 апреля 1949 г. // Государственный антисемитизм в СССР. С. 322–324.

оживленные прения, в которых более остальных усердствовал А. С. Бушмин. Наиболее вопиющим фактом, «вскрытым» партийной комиссией, оказалось невыполнение издательского плана Института — он был выполнен, как подсчитала комиссия, только на 28%. И это неудивительно: идеологическая обстановка менялась столь стремительно, что выполнение этого плана грозило бы стать для сотрудников Института причиной еще более серьезных последствий.

Итог продолжительного и жаркого обсуждения был занесен в протокол заседания: «Поручить т.т. Петрову (отдел пропаганды и агитации РК ВКП(б)), Лебедеву (председатель комиссии) и Бельчикову (директор Института литературы Академии наук СССР) разработать окончательный проект постановления с учетом всех критических замечаний и вынести на утверждение следующего заседания Бюро РК ВКП(б). Срок исполнения 29 марта 1949 г.»[205]. 29 марта Бюро райкома утвердило на своем заседании окончательный текст[206]:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Бюро Василеостровского Райкома ВКП(б)
от 25 марта 1949 года.

Об итогах научной работы Института литературы Академии наук СССР за 1948 год и плане на 1949 год.

Заслушав и обсудив доклад секретаря парторганизации Института литературы Академии наук СССР тов. Перепеч А. И. — "Об итогах научной работы института за 1948 г. и плане на 1949 г.", бюро ВО РК ВКП(б) отмечает, что издательский план Института за 1948 год выполнен всего лишь на 28%. Коллектив Института не выпустил в свет 567 печатных листов нужных актуальных изданий.

Подготовка к изданию многотомных трудов — "История русской литературы", "Русский фольклор", "История русской критики" ведется неудовлетворительно. В настоящее время только 10-томная "История русской литературы" доведена до 6-го тома; что же касается "Русского фольклора" и "Истории русской критики", то даже первые томы этих трудов не подготовлены к печати.

В Институте крайне слабо разрабатываются актуальные проблемы советской литературы. Политически важное, в связи с приближающимся 150-летним юбилеем со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина, издание "Временника Пушкинской комиссии", в сущности, сорвано.

Некоторые ученые Института не только не включились в борьбу за чистоту марксистско-ленинской науки о литературе, но до сих пор остаются на антимарксистских, антиленинских позициях эстетствующего формализма и безродного космополитизма. Объективно они борются против партийной политики в литературоведении, разоружают советский народ идейно, смыкаясь с англо-американской идеалистической политикой в науке.

Во главе группы эстетствующих формалистов и безродных космополитов, подвизающихся в Институте, стоят профессоры Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский и Г. А. Гуковский. Их антипатриотические позиции разделяют профессоры М. К. Азадовский,

[205] ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (ВО РК ВКП(б)). Оп. 5. Д. 569. Л. 79 (Протокол 66, п. 1).
[206] Там же. Л. 97 об. (Протокол 67, п. 2).

И. И. Векслер, Г. А. Бялый и П. Н. Берков. Космополиты монополизировали в Институте ведущие разделы истории русской и западноевропейской литературы.

Несмотря на неоднократные декларативные заявления о признании ошибочности своих взглядов, эти ученые до сего времени протаскивают в советскую науку идеализм, пропагандируют низкопоклонство перед растленной буржуазной культурой Запада. По существу, Институт превратился в прибежище формалистов и космополитов, приносящих своей деятельностью вред советскому народу и советскому государству.

В дни, когда силы демократического лагеря во главе с Советским Союзом ведут борьбу за мир и безопасность народов, — безродные космополиты в секторе западных литератур занимаются изучением и реабилитацией "творчества" члена итальянской фашистской партии Пиранделло.

В секторе новой русской литературы сгруппировалось наибольшее количество безродных космополитов и эстетствующих формалистов, имевших поддержку со стороны руководителя — коммуниста проф[ессора] Мейлаха.

Характерным стилем работы отдельных секторов Института является оторванность от жизни, семейственность, отсутствие большевистской критики и самокритики. Актуальные вопросы советского литературоведения не выносятся на обсуждение широкой научно-литературной общественности. На заседаниях царит атмосфера взаимных реверансов, комплиментов и захваливания. Бывший директор Института проф[ессор] Плоткин не прислушивался к голосу коммунистов, глушил критику, окружал себя льстецами и угодниками. Практика расстановки руководящих кадров и подготовки молодых научных работников, проводившаяся Плоткиным, по существу, усиливала позиции группы безродных космополитов и эстетствующих формалистов в Институте.

Партийное бюро Института (секретарь тов. А. И. Перепеч) не вникало глубоко в вопросы научной работы, не смогло мобилизовать всех коммунистов и научный коллектив Института на решительное разоблачение и выкорчевывание группы безродных космополитов и эстетствующих формалистов, ослабило партийный контроль над подготовкой и расстановкой научных кадров Института.

Партбюро слабо опиралось в своей работе на здоровое ядро идеологически выдержанных ведущих ученых Института и молодые научные силы, способные повести решительную борьбу за чистоту марксистско-ленинской науки о литературе.

Бюро ВО РК ВКП(б) постановляет:

1. В ближайшие дни провести в ИЛИ Академии наук СССР закрытое партсобрание, где обсудить настоящее решение и наметить практические мероприятия по его реализации.

Директору Института тов. Беличикову и партбюро к 1 апреля с. г. предоставить в РК ВКП(б) свои предложения об укреплении руководства секторами Института.

2. Предложить партийному бюро парторганизации ИЛИ Академии наук СССР привлечь тов. Плоткина и тов. Мейлаха к партийной ответственности за попустительство и фактическую поддержку группы космополитов и формалистов.

3. Предложить тов. Бельчикову:

а) в ближайшее время провести заседание Ученого совета Института, где обсудить вопрос о борьбе с космополитизмом и формализмом в литературоведении;

б) пересмотреть план научной работы коллектива Института на 1949 год, обратив особое внимание на подготовку и проведение 150-летнего юбилея со дня рождения

великого русского поэта А. С. Пушкина (работу филиалов Института в селе Михайловском, г. Пушкин, квартиры-музея А. С. Пушкина в Ленинграде и т.д.).

4. Предложить директору Института и партийному бюро улучшить в Институте подготовку аспирантов и докторантов, перестроить всю работу по подготовке и расстановке кадров.

5. Отделу пропаганды и агитации РК ВКП(б) (тов. Петрову) усилить контроль и помощь работе партбюро Института по организации работы коммунистов над повышением их политических знаний.

Секретарь ВО РК ВКП(б) [А. Н.] Климов»[207].

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАЧИНАЕТ ПРОРАБОТКИ

Тем временем новое партийное руководство Ленинграда не бездействовало: явным свидетельством повышенного внимания В. М. Андрианова и ЦК ВКП(б) к положению дел в Ленинградском университете является тот факт, что 19 марта Секретариат ЦК ВКП(б) принял решение об усилении парторганизации ЛГУ одним освобожденным сотрудником:

«Вопрос Ленинградского горкома ВКП(б).

Принять предложение Ленинградского горкома ВКП(б) об установлении штатных должностей: <...>

Инструктора партийного комитета парторганизации Ленинградского Государственного ордена Ленина Университета имени А. А. Жданова»[208].

Кроме того, в марте месяце на факультете кроме партийной комиссии райкома ВКП(б) одновременно трудилась комиссия Министерства высшего образования СССР. Начальник Главного управления университетов К. Ф. Жигач снарядил целую команду, в которую вошли не только ключевые сотрудники учебного отдела ГУУ МВО СССР, но и парторг филологического факультета МГУ Е. С. Ухалов. Результаты работы комиссий надлежало огласить на закрытом партсобрании факультета, которое было намечено на 29 марта.

«Сейчас уже трудно себе представить, в какой степени и тогда, и позднее (интересно, до какого порога?!) университетская (и не только) жизнь была пропитана духом осведомительства. Говорят, в каждой студенческой группе был свой "стукач", сообщавший о настроениях и высказываниях сокурсников. П. С. Рейфман, окончивший филфак в 1949 году, сообщает назидательные поговорки Ю. М. Лотмана: "У каждого кустика своя акустика" или "Веселитесь, но умеренно, быть нельзя ни в ком уверенным". Рейфман вспоминает также, что и профессора, зная о "неустанно бдящих", становились сдержаннее и осторожнее в своих лекциях»[209].

О. М. Фрейденберг записала в дневник именно в те дни, накануне партсобрания, следующие строки:

«Деканат — дом сумасшедших. С утра до ночи заседают партийцы. Приехали из Москвы две обследовательские комиссии, партийная и министерская. <...> Нужно видеть,

---

[207] Там же. Л. 110–111.

[208] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 116. Д. 423. Л. 22.

[209] *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* «Космополиты». С. 103.

что у нас делается. Двери плотно забаррикадированы стульями: совещаются! Бегают, как угорелые, какие-то люди. Все секретно, все угрожательно. Нарочито создается нервозность и обостренье. Изредка появляются люди, против которых ведется столько приготовлений. Они бледны, напряжены до последнего предела, но не могут показывать, что у них в душе. Это профессора. В таком состоянии они читают лекции. Вчера, едва Гуковский появился на пороге аудитории, студенты устроили ему бурную овацию. Тем хуже для него: имеет влиянье на студентов! Интересно, что в этой стихийной форме студенты (комсомольцы и партийцы!) показывают ненависть к политической полиции, директивы которой они же, под давленьем террора, проводят в отношении профессоров»[210].

Нападки на Гуковского вообще приняли неожиданно серьезный оборот: он был последним из четырех знаменитых университетских профессоров, запряженных в квадригу враждебного Стране Советов космополитизма. Казалось, Гуковскому пытались высказать «правду» за все предыдущие годы. Кроме того, в нем, несомненно, чувствовали серьезного конкурента на руководящие посты в ленинградской науке о литературе, отчего нападки на него весной 1949 г. были особенно жестоки.

Во время работы пушкинодомской комиссии силу удара по Григорию Александровичу умножало еще и присутствие в комиссии его давнего оппонента: «Во время проведения кампании из Пушкинского Дома в университет был прислан для “подкрепления” Бабкин, корректор, ставший профессором»[211]. Взаимоотношения этих двух историков литературы нуждаются в комментарии.

Д. С. БАБКИН В СУДЬБЕ Г. А. ГУКОВСКОГО

Роль литературоведа Дмитрия Семеновича Бабкина (1900–1989) в низложении Г. А. Гуковского кажется нам если не ключевой (каковая, несомненно, принадлежит «тройке 49-го года»), то весьма значительной. Конфликт их начался еще во время войны; суть его указана в письме Г. А. Гуковского, написанном 24 октября 1944 г. из Саратова директору Пушкинского Дома П. И. Лебедеву-Полянскому:

«В Москве, в Гослитиздате мне сообщили, что Д. С. Бабкин муссирует сведения, якобы он “открыл” новые рукописи Радищева и хочет их печатать. Эти рукописи давно всем известны. Принадлежат они Академии наук (Институту истории). В свое время я лично договорился (с трудом) опубликовать их в нашем издании полн[ого] собр[ания] соч[инений] Радищева и поручил Бабкину переписать их. Первые экземпляры этой рукописи хранятся у меня, вторые оставил себе, видимо, Бабкин. Печатать их имеет право только Академия наук — и именно 1) Инст[итут] истории, 2) Полн[ое] собр[ание] соч[инений] Радищева. Иначе бы я сам давно опубликовал их. Бабкин же старается произвести неприятную спекуляцию со взломом. В Литиздате я опротестовал опубликование этих рукописей помимо Института литературы, и Чагин[212] приказал отклонить их печатание у него. Но я считаю нужным просить Вас пресечь недостойное арапство

[210] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[211] *Лотман Ю. М.* Воспоминания. С. 306.

[212] Чагин (настоящая фамилия Болдовкин) Петр Иванович (1898–1967) — журналист, кадровый партийный работник, в 1939–1946 гг. был директором Гослитиздата.

Бабкина, дав соответственный приказ Институту. Неплохо бы сообщить обо всем этом и Институту истории. Жду Вашего решения по этому поводу»[213].

Воспользовавшись тем, что Г. А. Гуковский оставался длительное время в Саратове, Д. С. Бабкин продолжил свою работу, и 2 сентября 1946 г. Ленинградское радио сообщило:

«Литературовед Бабкин подготовил к печати книгу о выдающемся русском писателе-революционере 18 века Радищеве. В книгу включено 13 новых, нигде до сих пор неопубликованных, рукописей Радищева. Это — теоретические изыскания писателя в области права и общественной морали, заметки "К Российской истории", произведения, отражающие народно-хозяйственную жизнь отдельных губерний России.

Большинство рукописей Радищева относится к периоду 1780–1790 годов. Писатель работал над ними одновременно с изданием своей бессмертной антикрепостнической книги "Путешествие из Петербурга в Москву"»[214].

Вернувшись в Ленинград, Г. А. Гуковский сумел взять инициативу в свои руки, а Д. С. Бабкин временно занялся изучением М. В. Ломоносова[215], причем Г. А. Гуковский выступал оппонентом на его защите.

К 1947 г. публикация указанных архивных документов в рамках собрания сочинений А. Н. Радищева представлялась неминуемой:

«Завтра, 24 сентября, исполняется 145 лет со дня смерти великого сына русского народа, автора знаменитой книги "Путешествие из Петербурга в Москву" А. Н. Радищева. В беседе с корреспондентом ЛенТАСС редактор академического собрания сочинений выдающегося ученого, писателя и революционера проф[ессор] Г. А. Гуковский рассказал:

— Незадолго до Великой Отечественной войны вышли в свет первые два тома сочинений Радищева, изданные Академией наук. Сюда вошли его известные произведения, в том числе большой философский трактат. В готовящийся сейчас к печати третий том включаются неизданные работы по политической экономии, праву, философии, истории России. Большинство этих трудов обнаружено в последнее время в знаменитом "Воронцовском архиве", хранящемся в Ленинградском отделении Института истории Академии наук.

Особый интерес представляют материалы судебного процесса над Радищевым, который, как известно, за свое "Путешествие из Петербурга в Москву" был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь. Часть описания этого судебного процесса уже появилась в печати, но впервые оно полностью будет воспроизведено в четвертом томе. В этот же том войдет и обширная переписка Радищева.

---

[213] Архив РАН. Ф. 597 (П. И. Лебедев-Полянский). Оп. 4. Д. 25. Л. 15 об.

[214] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2183. Л. 11. Последние известия: 2 сентября 1946 г. (8:45–8:59).

[215] 7 апреля 1948 г., за неделю до защиты Д. С. Бабкиным кандидатской диссертации на тему «Исследование источников биографии и творчества М. В. Ломоносова», Ленинградское радио сообщало: «В нынешнем году исполняется 200 лет со времени выпуска знаменитой книги Ломоносова о риторике, сочиненной "в пользу любящих словесные науки". Научный сотрудник Института литературы Академии наук СССР Бабкин закончил исследование, посвященное древнерусским источникам Ломоносовской "риторики"» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2898. Л. 99. Последние известия: 7 апреля 1948 г. (21:45–22:00)).

Издание собрания сочинений будет закончено в 1949 году — к 200-летию со дня рождения автора "Путешествия". Одновременно под моей редакцией готовится "Сборник материалов и исследований по Радищеву"»[216].

Однако Д. С. Бабкин, защитив диссертацию о Ломоносове, возобновил изучение творчества Радищева. 25 августа 1948 г. ЛенТАСС сообщал:

«В личных делах графа А. Р. Воронцова, хранящихся в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР обнаружены неизвестные рукописи А. Н. Радищева. Сейчас научный сотрудник Института литературы Академии наук Д. С. Бабкин закончил исследование части этих рукописей, посвященных законодательству. В беседе с корреспондентом ЛенТАСС Д. С. Бабкин рассказал:

— В литературе известны четыре работы Радищева по вопросам законодательства. Они относятся к последнему периоду его жизни, в частности, к 1801 году, когда писатель работал в комиссии по составлению законов. О более ранних трудах Радищева в этой области мы не знали.

Обнаруженные рукописи представляют большой интерес для характеристики развития русской общественной мысли XVIII века и политических взглядов Радищева. Как удалось установить, один из неизвестных трактатов писателя, носящий название "Опыт о законодавстве", составлялся им с 1782 по 1790 гг. <...>

Среди других материалов — работа Радищева "О добродетелях и награждениях", а также рукопись, озаглавленная "К Российской истории". Она содержит ряд выписок, которые делал писатель при чтении исторических книг.

Новые материалы Радищева дают возможность заново пересмотреть его отношение к французским просветителям XVIII века. Вопреки распространенному мнению, что Радищев в области политического мышления был учеником французских просветителей, обнаруженные труды писателя свидетельствуют, что он опирался на русские национальные источники.

Неизвестные рукописи А. Н. Радищева по законодательству будут опубликованы с комментариями Д. С. Бабкина в сборнике, выпускаемом Институтом литературы Академии наук СССР к 200-летию со дня рождения писателя. Редактор сборника проф[ессор] Г. А. Гуковский»[217].

Но в 1949 г. с арестом Г. А. Гуковского многое переменилось: исчезла преграда к самостоятельной публикации этих документов, а Д. С. Бабкин, переключившийся было на изучение творчества М. Ю. Лермонтова[218], вернулся в XVIII в. Четвертый том

---

[216] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 103. Л. 124–125 («145-летие со дня смерти А. Н. Радищева: Издание трудов великого писателя-революционера»). Это сообщение ЛенТАСС почти дословно было передано вечером 23 сентября по Ленинградскому радио (Там же. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2535. Л. 81. Последние известия, 23 сентября 1947 г. (21:45–22:00)).

[217] Там же. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 141. Л. 46–47 («Неизвестные труды А. Н. Радищева: Ценная находка в архиве института истории Академии наук»; название работы А. Н. Радищева «Опыт о законодавстве» ошибочно приведено как «Опыт о законодатстве»). В тот же день эта новость по материалам ЛенТАСС, с некоторыми сокращениями, была передана по Ленинградскому радио (Там же. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2113. Л. 70. Последние известия, 25 августа 1948 г. (21:30–21:44)).

[218] Когда в 1949 г. верстался пятилетний план научной работы ИРЛИ, Д. С. Бабкин подал заявку на монографию «Литературная деятельность Лермонтова», но весной 1950 г. отказался от нее (ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 1 (1950). Д. 26. Л. 131). Может показаться, что это ошибка (Ломоносов выдан ошибочно за Лермонтова), однако при обсуждении плана специально оговаривалось, что первоначально монографии о Лермонтове запланировали писать Д. Е. Максимов и Д. С. Бабкин, в результате чего возникал нежелательный «параллелизм».

академического собрания сочинений А. Н. Радищева так и не увидел света, зато «Процесс Радищева» был издан Д. С. Бабкиным в 1952 г. отдельной книгой[219]. Впоследствии Дмитрий Семенович продолжил заниматься творчеством А. Н. Радищева, защитив в 1966 г. докторскую диссертацию на тему «Радищев: Литературно-общественная деятельность».

Что же касается трактовки Д. С. Бабкиным творчества А. Н. Радищева в 1949 г., то пример тому сохранился: 17 мая в радиоцикле «Русские писатели в борьбе с низкопоклонством перед Западом» прозвучала передача о творчестве А. Н. Радищева. Вступительный очерк «Великий борец за народную демократию» кандидата филологических наук Д. С. Бабкина содержал массу новых трактовок, в том числе такую:

> «В оде “Вольность” Радищев пророчески предостерег американских трудящихся о грозящей им большой опасности со стороны их эксплоататоров. Хваленую буржуазную американскую свободу он сравнил с цветами, коварно прикрывающими топкое грязное болото (“хлябь”), которое ежечасно может поглотить и задушить человека»[220].

Таким образом, ниспровержение Г. А. Гуковского открывало намного более широкие возможности для продвижения этого достаточно квалифицированного текстолога и архивиста. Приведенный пример достаточно типичен для научной жизни той эпохи, а для характеристики Д. С. Бабкина в особенности[221].

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ КРИТИК КОСМОПОЛИТОВ Н. С. ЛЕБЕДЕВ

Материалы двухдневного закрытого партсобрания, состоявшегося 29–30 марта 1949 г. на филологическом факультете, оказались нам доступны в максимальной полноте. По замыслу Василеостровского райкома оно происходило параллельно и в Пушкинском Доме — 29 марта в обоих храмах науки были зачитаны доклады и начаты прения, а 30 марта прения были закончены и приняты резолюции. В университете с докладом выступал комиссар при Г. П. Бердникове, его бывший однокурсник, секретарь партбюро факультета Н. С. Лебедев. О нем также необходимо сказать несколько слов:

> «О Лебедеве помнит только университетская скандальная хроника. Коля Лебедев учился с нами вместе на одном курсе, студент был слабый, больше пил, чем занимался, но стал в войну членом партии, вернулся в аспирантуру, охотно включился в борьбу против космополитов и плохо, но выступил против Гуковского на Ученом совете. За это был сделан директором Университетской библиотеки, прославился зоологическим антисемитизмом, пил все больше, удивил университетских пьяниц тем, что укусил за ухо милиционера, и в конце концов в пьяном виде погиб под машиной...»[222] — вспоминал в 1982 г. И. З. Серман.

А один из деятельных факультетских проработчиков той поры, будущий известный писатель Ф. А. Абрамов представил его портрет в одном из рассказов:

[219] *Бабкин Д. С.* Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952.

[220] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 3383. Л. 5. Передача «Радищев»: 17 мая 1949 г.

[221] Наиболее серьезный резонанс имел аналогичный поступок Д. С. Бабкина в отношении радищевских материалов, открытых известным литературоведом, сотрудником ИМЛИ А. И. Старцевым (подробнее описано в следующей главе).

[222] *Серман И.* Григорий Гуковский (1902–1950). С. 212.

«...По вузам прокатилась крикливая компания по ниспровержению научных авторитетов, зараженных вирусом космополитизма. И чьими руками часто делалась эта кампания? Руками молодых неучей, вчерашних фронтовиков, людей в серых шинелях и морских бушлатах, нетерпеливых, буйных, привыкших рубить с плеча, разговаривать на языке военных приказов.

К этим людям принадлежал и Алексей Красиков, невысокий, крепко сбитый блондин, экс-капитан флота, как любил он говорить о себе, всегда подтянутый, чисто выбритый, в синем наглухо застегнутом кителе <...> из породы шолоховских Нагульновых, готовый сам броситься на амбразуру, но и вокруг себя устроить пустыню.

Три или четыре года Красиков, аспирант по штату, держал в страхе целый факультет. Разоблачал, корчевал, чистил авгиевы конюшни, насаждал идейность в науке...»[223]

На наш взгляд, все не настолько однозначно, поскольку само поступление в Ленинградский университет в довоенные годы (когда при вступительных испытаниях сдавалось более десяти экзаменов по общеобразовательным дисциплинам) требовало от человека серьезного уровня знаний, и вряд ли можно выпускника тех лет назвать «неучем». Но недостаточная целеустремленность, слабость характера, а быть может, проснувшаяся впоследствии совесть, остановили его восхождение по карьерной лестнице; обладавшие большей твердостью Бушмин, Бердников и им подобные — взошли повыше.

Приведем строки из автобиографии Николая Сергеевича Лебедева:

«Родился в 1911 году в дер[евне] Горней Сереженского р[айо]на, Калининской области в семье крестьянина-середняка. До 1929 г. жил и работал вместе с родными. В 1929 г. вступил в с/х коммуну им. Сталина Ленинского р[айо]на Калининской области. В 1930 г. по мобилизации Ленинского райисполкома был направлен в Ленинградский торговый порт чернорабочим, где и проработал до 1932 г. В этом же году комсомольская организация командировала меня в рабфак им. Краснознаменного Балтийского флота при Ленинградском Государственном Университете.

По окончании рабфака в 1934 г. поступил на первый курс литературного отделения ЛИФЛИ, впоследствии реорганизованного в филологический факультет Ленинградского государственного университета. Окончил в 1939 г.

В ноябре 1939 г. добровольцем ушел в Военно-Морской флот. До декабря 1945 занимал различные командно-политические должности.

В период Великой Отечественной войны принимал участие в боях на Южном фронте, в составе 2 Гвардейской армии 33 Гвардейской дивизии Морской пехоты. С декабря 1942 г. по май 1943 г. выполнял спецзадания Главного политуправления Военно-Морского флота. После контузии, полученной в боевых операциях, был отозван и направлен на службу в Тихоокеанский Военно-Морской флот.

В десантных операциях по борьбе с японскими захватчиками получил вторую контузию и тяжелое ранение, в результате чего 10/XI-1945 по приказу министра Военно-Морского флота был демобилизован и вернулся в Ленинград.

15 июня 1949 г. зачислен в аспирантуру филологического факультета Ленинградского государственного университета. В настоящее время являюсь аспирантом III курса. В октябре 1948 г. избран секретарем партийного бюро филологического факультета»[224].

---

[223] Цит. по: *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* «Космополиты». С. 116.

[224] ОДО СПбГУ. Личные дела. Д. 283 (Н. С. Лебедев). Л. 5–5 об.

Воинская служба Н. С. Лебедева проходила в основном на политическом поприще: с сентября 1939 г. по декабрь 1940 г. он состоял слушателем Высших военно-политических курсов преподавателей политэкономии, где в феврале 1940 г. вступил в ряды ВКП(б). С декабря 1940 г. по сентябрь 1942 г. был штатным лектором Дома партпропаганды Тихоокеанского ВМФ во Владивостоке, участвовал в военных действиях Южного фронта (в том числе в Корее). После двух контузий, тяжелого ранения и госпиталя с сентября 1943 г. по декабрь 1945 г. занимал военно-политические должности на Тихоокеанском флоте; в августе участвовал в боевых действиях в войне с Японией, был награжден орденом Отечественной войны I степени. Его последняя занимаемая должность — инструктор по пропаганде, демобилизован в звании капитан-лейтенанта в декабре 1945 г. с почетной грамотой от командующего Тихоокеанским флотом. Хорошо владел немецким и французским языками, слабо — испанским.

С июня 1946 г. он учился в аспирантуре филологического факультета ЛГУ, был членом партбюро, затем заместителем секретаря (Г. П. Бердникова), а в октябре 1948 г. сменил Г. П. Бердникова. Кроме того, 21 декабря 1948 г. бюро Василеостровского райкома ВКП(б) утвердило его в качестве заведующего отделом пропаганды и агитации[225], однако 7 января это решение было отменено, поскольку Н. С. Лебедев пошел на нарушение партийной дисциплины и отказался сменить пост парторга факультета на работу в райкоме[226]. 1 апреля 1949 г., после окончания срока очной аспирантуры, Н. С. Лебедев был отчислен «в связи с переходом на работу в Ленинградский университет» и с того же числа зачислен на должность главного научного сотрудника Филологического НИИ (по приказу ректора от 14 апреля 1949 г.).

Словом, в 1949 г. Николай Сергеевич находился в наилучшей морально-политической форме. Можно сказать больше: в начале 1949 г. Н. С. Лебедев был наиболее принципиальным критиком профессоров-космополитов, поскольку, как отмечало партбюро, тогда все остальные коммунисты факультета «в т[ом] ч[исле] и Бердников (за исключением Лебедева) заняли ошибочную, примиренческую позицию»[227].

---

[225] Протокол № 52, п. 1 — «Утвердить т. Лебедева Николая Сергеевича зав. отд. пропаганды и агитации ВО РК ВКП(б)» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (ВО РК ВКП(б)). Оп. 5. Д. 88).

[226] Несмотря на уговоры со стороны 1-го секретаря райкома А. Н. Климова, Н. С. Лебедев искал поддержки у Н. А. Домнина и в горкоме; в результате он нашел возможность отказаться от уже состоявшегося назначения. Такой поступок повлек за собой разбор персонального дела Н. С. Лебедева на заседании бюро райкома, где 2-й секретарь райкома М. А. Плюхина с огорчением констатировала: «Мы утвердили его. Надо принять во внимание, что т. Лебедев пришел к нам не из какой-то неизвестной нам организации. Он пришел из крупнейшей партийной организации нашего района — из Лен. Гос. Университета им. А. А. Жданова. Нам всегда в городе говорят, что у нас прекрасная кузница кадров. Вот мы и попробовали эту кузницу кадров и оказалось, что даже секретари партбюро там недисциплинированные. Причем и мотивировки никакой нет. Тов. Лебедев пытается объяснить тем, что он не мог уйти, оставив факультет без секретаря. Надо было решать этот вопрос организационно. Никакой убедительности этот довод не имеет. Просто решил пойти вплоть до скандала, но не подчиниться постановлению бюро. И вот сегодня тов. Лебедев стоит перед нами, как недисциплинированный товарищ» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (ВО РК ВКП(б)). Оп. 5. Д. 576. Л. 91).

[227] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 125 (Протокол заседания партбюро филологического факультета от 29 ноября 1949 г.). Л. 140–140 об.

29 МАРТА 1949 ГОДА.
ПАРТСОБРАНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ.
ДОКЛАД

Закрытое партийное собрание парторганизации филологического факультета проходило под председательством заместителя секретаря парткома Ленинградского университета, доцента филологического факультета С. С. Деркача; из 172 членов ВКП(б) и 28 кандидатов присутствовало 126 членов партии и 13 кандидатов. В президиум собрания были избраны Г. П. Бердников, Н. С. Лебедев, С. С. Деркач, Ф. А. Абрамов, З. И. Плавскин, А. И. Редина, Н. В. Спижарская и три представителя Министерства высшего образования СССР, входившие в комиссию по обследованию факультета.

Доклад «Задачи партийной организации в борьбе против буржуазного космополитизма в литературоведении», с которым выступил Н. С. Лебедев, писался при участии А. С. Бушмина и Г. П. Бердникова, а 27 марта партбюро факультета в расширенном составе (приглашены Г. П. Бердников и Е. С. Ухалов) утвердило его[228]. На том же заседании был утвержден и проект резолюции, в которой была окончательно определена четверка главных обвиняемых: М. К. Азадовский, Г. А. Гуковский, В. М. Жирмунский и Б. М. Эйхенбаум.

Для доклада оратор попросил 1 час 15 минут. После рассмотрения работы кафедр, которыми руководили трое, кроме Б. М. Эйхенбаума, секретарь партбюро факультета предъявил профессорам персональные обвинения:

> «Чем объяснить совершенно неудовлетворительное состояние ведущих кафедр факультета? Оно объясняется, прежде всего, порочной, антипартийной практикой подбора и расстановки кадров, осуществлявшейся на факультете в течение многих лет. В самом деле, если внимательно присмотреться к идейному облику ведущих профессоров в составе кафедр, многое станет ясным.
>
> Космополитические и формалистические взгляды наиболее ярко проявляются у профессоров Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского, Г. А. Гуковского, М. К. Азадовского. Их чуждые партии и советскому народу взгляды разделяют профессора Бялый, Реизов, Томашевский, Берков и некоторые другие. Под их влиянием воспитана группа научных работников среднего звена и аспирантов. Они монополизировали на факультете ведущие разделы истории русской и западноевропейских литератур.
>
> Одним из вождей формализма и космополитизма является профессор Эйхенбаум. Вся его деятельность была враждебна марксизму-ленинизму. В 1919 году этот растленный буржуазный эстет заявил, что нужно “отсидеться”. Позднее он писал: “Жизнь строится не по Марксу — тем лучше” (“Книжный угол”, № 8, 1922, стр. 41).
>
> Эти политические установки Эйхенбаума во всей его последующей литературоведческой деятельности не подвергались существенным изменениям. Они нашли отражение в его многочисленных работах. Эйхенбаум двурушничал и всю двурушническую сущность пытался приписать Л. Н. Толстому, оскорбляя память о великом русском писателе: “Толстой умел меняться, — писал Эйхенбаум, — оставаясь одним и тем же. Он умел бороться с современностью как искусный стратег, знающий важность отступлений, а не только натисков” (из статьи “Толстой до ‘Войны и мира’”, 1928).
>
> В 1929 году он с циничной откровенностью сознался: “Славянорусская культура не пришлась мне по душе”. Л. Н. Толстого — гордость русской национальной

[228] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 45.

культуры — он считал наименее национальным из всех русских писателей, трактуя все основные произведения Толстого как варианты произведений западноевропейской литературы. Его работы о Толстом, которым он занимается 30 лет, направлены против ленинской оценки творчества великого писателя.

Не разоружился Эйхенбаум и в послевоенные годы. В 1945 году под флагом борьбы за повышение писательского мастерства он призывал советских писателей отказаться от злободневной тематики, отрицал необходимость советской литературной критики, предлагая растворить ее в формалистическом литературоведении. В 1948 году на дискуссии об основных задачах советского литературоведения он заявил, что большевистская критика и самокритика мешают его научному творчеству, расхолаживают вдохновение. Заявление это находится в прямой связи с его отрицанием советской литературной критики вообще. После напечатания романа А. Фадеева "Молодая гвардия", дающего яркие образы молодых советских патриотов, распоясавшийся космополит позволил себе на методическом совещании в лектории горкома ВКП(б) оклеветать это талантливое произведение советской литературы, назвав его "эпигонским". Известна антипатриотическая оценка Эйхенбаумом творчества Лермонтова, уничтожающая национальную самобытность великого русского поэта. В 1948 году в комментариях к собранию сочинений Лермонтова он без существенных изменений, но в завуалированном виде повторил свою космополитическую и формалистическую оценку лермонтовского творчества, сведя его к влияниям зарубежных поэтов и писателей.

Необходимо подчеркнуть, что Эйхенбаум, будучи профессором университета, отравлял сознание не одному поколению советского студенчества. Он является духовным отцом разоблаченной ныне антипатриотической группы театральных критиков Цимбала, Шнейдермана[229], Дрейдена, Янковского[230], Малюгина[231]. Его ученики подвизаются сейчас в ИЛИ в качестве научных сотрудников: Гуковский, Берков, Бялый, Рейсер, Бухштаб, Гинзбург, Лотман, Найдич. В Ленинграде на различных постах — в издательствах, в Консерватории, в театральном Институте, — также находятся его выученики.

Таким образом, вся деятельность Эйхенбаума является антипатриотической, политически вредной и нанесла большой ущерб советской культуре.

Не менее крупным лидером безродного космополитизма и формализма, свивших себе гнездо в стенах университета, является член-корреспондент Академии наук СССР Жирмунский. Он является представителем тех слоев буржуазной интеллигенции предреволюционной поры, которые были заражены философским и литературным декадансом в его наиболее законченном виде.

Выученик немецкой идеалистической школы (он изучал немецкую и английскую литературу и философию в Германии), Жирмунский дебютировал в науке книгами, проникнутыми откровенной мистикой и идеализмом. От мистических идей, от законченных декадентских воззрений естественен был путь к формализму.

Вместе с Эйхенбаумом, Шкловским — автором "Гамбургского счета" — Жирмунский явился одним из организаторов и теоретиков воинствующей группировки формалистов

---

[229] Шнейдерман Исаак Израилевич (1910–1991) — театральный критик, киновед, впоследствии кандидат искусствоведения (1954 г., тема — «М. Г. Савина (1854–1915)»).

[230] Янковский (настоящая фамилия Хисин) Моисей Осипович (1898–1972) — театровед и музыковед, критик, либреттист, в 1949 г. уволен из ЛГИТМИК, восстановлен в 1953 г.

[231] Малюгин Леонид Антонович (1909–1968) — драматург и театральный критик, сценарист, лауреат Сталинской премии 1946 г. за театральную драматургию.

ОПОЯЗ. Это об интеллигентах типа Шкловского, Эйхенбаума, Жирмунского и им подобных в 1919 году В. И. Ленин писал М. Горькому: "Питер — город с исключительно большим числом потерявшей место (и голову) буржуазной публики (и 'интеллигенции'). В бывшей столице много 'озлобленной буржуазной интеллигенции', ничего не понявшей, ничего не забывшей, ничему не научившейся, в лучшем — в редкостном наилучшем — случае растерянной, отчаивающейся, стонущей, повторяющей старые предрассудки, запуганной и запугивающей себя. Эти старые аристократы... великолепно умеют извращать все и вся, великолепно хватаются за любую мелочь для излияния своей бешеной злобы против советской власти" ("Кр[асная] летопись", 1925, № 1).

В 1923 году, обливая грязью тех, кто боролся с формальным методом, он называл их "интеллигентными обывателями", Жирмунский писал: "...Пора науке расстаться с обывателями, не рассчитывая на громкий успех у интеллигентного читателя и не пугаясь, с другой стороны, его неодобрения и непонимания" (предисловие к книге немецкого формалиста Оскара Вальцеля "Проблемы формы в поэзии", 1923).

Потерпев крах в прямой защите формализма, Жирмунский в последующем избрал более удобную форму защиты формалистских принципов, заявив, что является сторонником космополита Веселовского. Он возвел его в ранг "великого ученого" и объявил стихийным материалистом, наследником Чернышевского и Добролюбова (что затем повторил в своей книге Б. С. Мейлах). Компаративизм стал знаменем всей дальнейшей деятельности Жирмунского. <...>

Лидером безродных космополитов и формалистов, окопавшихся на кафедре русской литературы, также является профессор Г. А. Гуковский. Он начал свою деятельность в 20-х годах как типичный и воинствующий формалист. В 30-е годы Гуковский "перестраивается" на вульгарно-социологический лад, упрятав за внешне марксистской фразеологией идеологический хлам формализма и космополитизма. В послевоенные годы он выступает как откровенный идеалист и буржуазный космополит. Это — самый воинствующий, самый увертливый противник марксистско-ленинской литературной науки.

Прибегая к беззастенчивому искажению мнений своих оппонентов, он шельмует всякого, кто осмеливается выступить против его вредных писаний. Следует отметить, что если его коллеги выступали с признанием своих ошибок и декларировали готовность к перестройке, то Гуковский не счел нужным заявить о порочности системы своих взглядов. И действительно, работы Гуковского последних лет, 1946–48 гг. показывают, что он не только не отказался от своих взглядов, но продолжает их развивать в печати, в лекциях для студентов и широкой советской аудитории. Это он вместе с Жирмунским и И. М. Тронским выдвинул так называемую "теорию стадиальности" развития литературы, воскрешающую буржуазный космополитизм и формализм в их худшем и наиболее вредном виде, потому что идеологическое существо этой теории, ее диверсионный характер прикрываются марксистской фразеологией. <...>

Являясь представителем "второго призыва" формалистов в литературоведении, Гуковский, в свою очередь, воспитал целый выводок научных работников, в той или иной степени зараженных идеологией космополитизма и формализма (Серман, Битнер[232], Найдич, Лотман, Макогоненко и др.). Следует также отметить, что среди некоторой

[232] Битнер (Ермакова-Битнер) Гали Вильгельмовна (род. 1916) — литературовед, текстолог, ученица Г. А. Гуковского, с отличием окончила русское отделение филологического факультета в 1939 г.

части студентов университета, слушателей лекций Гуковского, имеют хождение его пресловутая "теория стадиальности", его формально-идеалистические характеристики конкретных явлений литературы.

Так же как Эйхенбаум и Жирмунский, космополит и формалист Гуковский нанес немалый вред делу воспитания советской студенческой молодежи.

К числу наиболее воинствующих апологетов космополитизма и формализма относится также руководитель кафедры фольклора факультета профессор М. К. Азадовский. Он известен не только как автор 269-ти псевдонаучных, формалистических работ, но и как ярый последователь Веселовского, неоднократно разоблаченный на страницах нашей печати. Стремясь, подобно Жирмунскому, раздуть авторитет Веселовского, Азадовский позаимствовал у буржуазного либерала Б. М. Энгельгардта[233] вредную идейку о влиянии идей Чернышевского и Добролюбова на Веселовского: "Под непосредственным влиянием Чернышевского, — говорит он, — написаны и ранние работы Веселовского; это влияние (как и влияние Добролюбова) особенно отчетливо сказывается и в постановке им проблемы народности и в той решительной борьбе, которую вел он с романтическими концепциями народности у Буслаева» («Н. Г. Чернышевский в истории русской фольклористики". — "Уч[еные] Зап[иски] ЛГУ», сер[ия] филологич[еских] наук, XII, 1941 г., стр. 18).

Особенно неприглядно выглядит этот безродный космополит в роли ученого-пушкиниста, когда он заявляет безапелляционным тоном: "Таким образом, из шести сказок, написанных Пушкиным, только 'Сказка о попе и работнике его Балде' идет всецело из устного источника, для остальных значительную, а иногда и преобладающую роль играют источники западноевропейские, книжные источники и почерпнутые из них международные фольклорные сюжеты" (М. Азадовский, "Литература и фольклор", Л., 1938, стр. 104).

Подобного рода клеветнические заявления для Азадовского не были случайной обмолвкой в пылу псевдонаучных разысканий, для него космополитизм давно уже стал осознанной политической позицией, особенно в тех случаях, когда этому человеку без национальной гордости, убежденному низкопоклоннику удавалось напечатать хотя бы несколько строк в иностранной прессе. Только человек, который не дорожит честью советского ученого, мог, подобно М. Азадовскому, двурушнически сочинять два текста одной и той же статьи: один, откровенный для заграницы, другой, приглаженный для советского читателя. В 1937 году Азадовский напечатал статью "Пушкин и фольклор" ("Временник Пушкинской комиссии", III, 1937, стр. 152—182), в которой он пытается представить Пушкина учеником западных писателей, а в 1939 г. Азадовский опубликовал холуйский английский перевод этой же статьи[234].

Если в русском оригинале Азадовский стремится сохранить "благопристойность", то в английском переводе, как истый двурушник, говорит с бóльшей откровенностью: так, например, в английском тексте опущен отрывок о Радищеве, имеющийся в русском тексте, зато сохранены все рассуждения насчет влияния на Пушкина вольтеровской "Девственницы"; там, где в русском оригинале глухо сказано о том, что Пушкин будто бы испытал на себе влияние западноевропейского фольклора, в английском же

[233] Энгельгардт Борис Михайлович (1887—1942) — историк и теоретик литературы, занимался вопросами методологии литературоведения.

[234] Речь идет о статье: Pushkin and Folklore // Pushkin: A Collection of Articles and Essays on the Great Russian Poet A. S. Pushkin. M., 1939. P. 125—130.

переводе прямо говорится, что все сказки написаны по мотивам сказки братьев Гримм, с которой Пушкин познакомился во французском переводе.

Цитируя Пушкина по-английски, Азадовский намеренно сокращает пушкинский текст с таким расчетом, что английскому читателю остаются неизвестными в полном объеме высказывания Пушкина о Разине и Пугачеве.

После решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам Азадовский остался верен своим прежним космополитическим убеждениям, в его лице мы имеем неразоружившегося компаративиста, упорно отстаивающего свои идеалистические концепции. Не случайно он демонстративно отказался переработать свой методологически порочный очерк "Историография русского фольклора". Как воспринимает Азадовский критику советской общественности, красноречиво говорит его приписка на экземпляре книги "Н. М. Языков", изданной Азадовским в прошлом году: "Милому и дорогому другу Оксману с душевной болью и горечью посылаю эту испорченную (разумеется, цензурой) книгу". Заметим, что "дорогой друг" Оксман был репрессирован за антисоветскую деятельность.

Таков подлинный облик этого безродного космополита и буржуазного эстета, который окопался в Ленинградском университете и в Институте литературы АН СССР благодаря прямому попустительству и поддержке и. о. директора института Плоткина. Как профессор университета, он также нанес немалый вред делу воспитания молодых кадров литературных работников.

Идеологией космополитизма и эстетского формализма в значительной степени заражен проф[ессор] Г. А. Бялый, что нашло отражение не только в его старых работах, но и в самых последних исследованиях. Большой груз космополитических и формалистски-эмпирических ошибок несет на себе и проф[ессор] П. Н. Берков.

Такова идейно-научная и политическая физиономия группы воинствующих космополитов и формалистов, окопавшихся в университете. Объективно эти ученые, хотят они этого или не хотят, борются против партийной политики в литературоведении, разоружают советский народ идейно, смыкаясь тем самым с интересами англо-американской империалистической политики в науке»[235].

29 МАРТА 1949 ГОДА. ПАРТСОБРАНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ. ПРЕНИЯ

Выступления в прениях, что традиционно для подобных больших собраний, были распределены заранее, и каждый выступал по «своему» вопросу — либо критикуя кафедру, либо одного из ученых персонально.

Первым на трибуну вышел заместитель секретаря партбюро факультета Федор Абрамов — «партийный деятель и громила первый номер, потом — известный писатель»[236]. Уроженец Каргополья Ф. А. Абрамов и тогда, и позднее подчеркивал свое

[235] ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 124. Л. 97–109.

[236] *Лотман Ю. М.* Воспоминания. С. 307. Приведем также выдержку из воспоминаний П. С. Рейфмана, бывшего в 1948/49 г. студентом пятого курса: «На факультете преподавали крупные ученые, они заведовали кафедрами, пользовались большим авторитетом <...>. С советской литературой было явно хуже, ее читал профессор Л. А. Плоткин, человек не без знаний,

происхождение, ставшее впоследствии основным мотивом его литературного творчества. В автобиографиях той поры он писал: «...Родился в семье русского крестьянина». Однако это национальное самосознание в рассматриваемые годы нередко превращалось в его устах в тезис, что «русскую литературу должны преподавать русские люди», да и в последующие годы он нередко, отнюдь не беспричинно, бывал причисляем к антисемитам[237].

Федор Александрович посвятил свое выступление профессору Г. А. Бялому. Приведем фрагмент:

> «В докладе в числе научных работников нашего факультета, зараженных идеологией космополитизма и формализма, был назван проф[ессор] Г. А. Бялый. Отнюдь не отождествляя проф[ессора] Бялого с космополитами типа Жирмунского, Эйхенбаума, Гуковского, мы, однако, должны со всей суровостью подвергнуть его ошибочные взгляды критике и потребовать от него коренного пересмотра этих взглядов.
>
> Подробное рассмотрение его взглядов нужно, во-первых, потому, что под влиянием эстетско-формалистических доктрин проф[ессора] Бялого все еще находится значительная часть студентов нашего факультета; во-вторых, потому, что насколько мне известно, научная продукция Бялого еще ни разу не подвергалась критике в нашей печати, хотя она в этом крайне нуждается.
>
> Еще раз повторяю, что, однако, из того подробного анализа, который я попытаюсь дать системе научных взглядов проф[ессора] Бялого и его основной научной продукции, отнюдь не следует вывод, что его можно отождествлять и измерять теми же масштабами, которыми мы измеряем Эйхенбаума, Жирмунского, Гуковского.
>
> Научные труды Г. А. Бялого, опубликованные в печати, едва ли количественно превышают десяток, а если и превышают, то немногим. В своей совокупности они дают

не глупый, но конъюнктурный, циничный, осторожный. <...> И все-таки он был лучше, чем Е. И. Наумов, его сменивший, и Ф. А. Абрамов, позднее известный писатель-деревенщик, автор довольно правдивых произведений, но человек плохой, официальный (или игравший официальную роль), член партбюро, очень влиятельный, весьма мрачная фигура факультетского (а затем и не только факультетского) масштаба. С ним был связан рад довольно темных дел. Позднее Юрий Михайлович (Лотман. — *П. Д.*) говорил: «Что бы ни печатал Федя, после того, что я о нем знаю, он мне не может нравиться»» (*Рейфман П.* Дела давно минувших дней // Вышгород. Таллинн, 1998. № 3. С. 21).

[237] Супруга Ф. А. Абрамова пишет: «Сохранилась черновая запись после одного из писательских собраний, посвященного Дню Победы. Абрамов выступил резко против доклада, в котором уравнивались подвиги фронтовиков и тех, кто вдали от боев читал лекции и писал пропагандистские статьи (Л. Плоткин, Д. Молдавский). Абрамова никто не поддержал, а Молдавский обвинил его даже в антисемитизме. Тогда он и записал: “Так вот для любителей всякого рода спекуляций: Абрамов не антисемит. Он свято чтит память друзей-евреев и ненавидит евреев-ташкентцев, тех, кто отсиживался в войну. Хорошая формула: никто не забыт. Нельзя забывать подвиги. Но нельзя забывать и подлость человеческую, тех, кто отсиживался в войну. Короче, нельзя уравнять подвиг человека жертвующего и подвиг человека, спасающего свою шкуру”» (цит. по: [*Крутикова-Абрамова Л. В.* Примечания к незавершенной повести Ф. Абрамова «Белая лошадь»] // *Абрамов Ф.* Собрание сочинений: В 6 т. СПб., 1995. Т. 6. С. 563).

Ср.: «Что касается Ташкента как реального города, а не символа, то он действительно принял на себя немалую часть эвакуированных граждан разных национальностей, но лишь пять процентов эвакуировавшихся на Восток евреев осели в этом городе и его пригородах. Зато это были очень известные в стране люди из мира науки, культуры, искусства. Они-то и создавали впечатление у обработанной пропагандой массы, будто все евреи переместились в Ташкент. На самом деле главная их часть обосновалась в городах Урала и Западной Сибири, деля с местными жителями все тяготы военного лихолетья» (*Ваксберг А. И.* Из ада в рай и обратно. С. 209).

> полное представление о бяловской концепции историко-литературного процесса второй половины 19 в., которая, в свою очередь, находит отражение в читаемом им курсе лекций для студентов. Пожалуй, можно без преувеличения сказать, что все основные идейно-методологические установки историко-литературной концепции Бялого ошибочны и порочны. <...>
>
> Замалчивая, игнорируя шестидесятников, Бялый в конечном счете извращает историко-литературный процесс, в основу которого он кладет не ленинскую концепцию о преемственности революционного наследства, а свою порочную теорийку смены стилей, понимаемых им метафизически и идеалистически. <...> Даже самый общий и беглый анализ основных методологических посылок Бялого показывает, что они порочны в своей основе, формалистичны. Формализм — оборотная сторона космополитизма. И, действительно, наряду с проявлением космополитизма у Бялого в виде его эстетско-формалистических доктрин, у него имеются высказывания в духе прямого и откровенного космополитизма... <...>
>
> Такова научная физиономия проф[ессора] Бялого, если снять с нее повторный налет эстетского снобизма, — она непривлекательна. А ведь он у нас считался наименее зараженным вредоносной идеологией. Все это лишний раз подтверждает необходимость решительной борьбы с буржуазным космополитизмом и формализмом в литературоведении. Этого от нас требует народ, этого от нас требует партия. У нас для этого есть все силы и мы сделаем это!
>
> У нас есть все силы, чтобы построить советское литературоведение как подлинно марксистско-ленинскую науку, которая бы действительно являлась частью общенародного дела, могучим идейно-политическим и культурным оружием в его величественной борьбе за коммунизм, в его неустрашимой и мужественной борьбе с англо-американской реакцией»[238].

В связи с этим выступлением приведем строки из воспоминаний А. И. Рубашкина о Ф. А. Абрамове:

> «Недруги Абрамова обычно напоминали о его университетских годах, времени борьбы с космополитизмом. К реальной истории примешивалась обыкновенная зависть. Некоторые размышляли так: вот вместе с нами учился Федя Абрамов, ничем особенным не выделялся. И вдруг стал Федором Абрамовым, которого читает страна. Не все это могли пережить. Но помнили и его выступление против блестящего лектора и ученого профессора Г. А. Бялого. Выступить Абрамову поручило партбюро. Он не навешивал никаких ярлыков, лишь попенял профессору, что тот недостаточно использует в своих лекциях труды революционных демократов. Выступал Абрамов вяло, по принудиловке, ничто не напоминало его будущие яркие выступления. Начальство осталось недовольно такой критикой Бялого, а другая сторона, молчаливые свидетели всего этого “действа”, — самим фактом участия Абрамова в этой акции»[239].

Думается все же, что партбюро было вполне удовлетворено выступлением Ф. А. Абрамова.

Вслед за ним для критики работы кафедры истории западноевропейских литератур на трибуну поочередно вышли заместитель декана и бывший парторг филологиче-

---

[238] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 3–3 об., 6 об. – 7 об.

[239] *Рубашкин А. И.* «Я не могу без моей Верколы» // Воспоминания о Федоре Абрамове. М., 2000. С. 269.

ского факультета А. И. Редина, аспирант Б. Л. Раскин, от имени студентов выступил А. С. Косарев[240].

Но особенно нужно выделить выступление Е. И. Наумова, ученика Г. А. Гуковского довоенной поры, одногруппника Г. П. Макогоненко и Л. М. Лотман, специалиста по советской литературе. Его выступление должно было соответствовать уровню коммуниста еще и потому, что недавно он был назначен главным редактором Ленинградского отделения издательства «Советский писатель», после чего материал был направлен в секретариат ССП СССР для окончательного утверждения; через два дня после этого собрания — 31 марта — вопрос об утверждении будет решен в Москве положительно. Евгений Иванович не выступал по какой-то конкретной кандидатуре, а выступал одновременно по всем. Приведем стенограмму его выступления без сокращений:

> «Тов. Лебедев в своем докладе сделал, по-моему, весьма существенное, важное обобщение. Лебедев сказал, что мы имеем дело не со случайными ошибками, редко или часто повторяющимися у определенной группы ученых, а имеем дело с системой взглядов. Все это время, прошедшее после постановления ЦК о журналах "Звезда" и "Ленинград", и последующие события, которые помогли нам выяснить точку зрения определенной группы ученых на те вопросы, которые были поставлены в партийных документах, в партийной печати — все это сейчас позволяет сделать итоговый вывод: да, действительно, это система взглядов. Это не просто человек ошибается, — человек стоит на порочной позиции и с этой позиции ведет с нами борьбу. Поэтому, я считаю, приобретает актуальность, а вовсе не является ненужным повторением, если мы посмотрим, что было в прошлом. Неправы, по-моему, те товарищи, которые в кулуарах иногда высказывают мысль: незачем обращаться к прошлому, что было каких-то 20 лет тому назад, — сейчас другое.
>
> Тов. Лебедев уже привел фразу из книги Эйхенбаума "Мой временник" (1929 г.) о том, что "русско-славянская культура мне пришлась не по душе". Вообще, если заглянуть в эту книжонку, то это просто энциклопедия формализма от начала до конца, причем воинствующего формализма, не уступающего ни одной пяди. Начинается она с биографии, где упоминается Гумилев (расстрелянный белогвардеец), где высказываются ламентации насчет Ахматовой, где Хлебников квалифицируется как великий мыслитель и т. д. Однако, сейчас нам не это в первую очередь важно. Перечитывая этот журнальчик, бросается в глаза одно обстоятельство. Там проф[ессор] Эйхенбаум немало места уделяет рассуждениям о Петербургском — Петроградском — Ленинградском университете. Любопытно, что связывает духовно с нашим университетом Эйхенбаума в 1929 г. Все воспоминания о Петербургском университете сводятся к следующему. Петербургский университет — это моя духовная колыбель, моя любовь и проч. Но что же он выделяет в университете? Романо-германскую школу, которая была создана в Петербургском университете Веселовским, группу ученых, последователей Веселовского. По фамилиям он их не называет, но они ясны из контекста. Вот чем дорог ему университет — это гнездо романо-германской филологии. Отсюда вся привязанность проф[ессора] Эйхенбаума к Петербургскому университету. Отсюда же весь колорит этой книжки. Многие ученые оказались в Европе после революции, но часть

[240] Косарев Александр Семенович (1924–?) — студент четвертого курса (русское отделение), участник войны.

еще сохранилась, и вот теперь в Петербургском университете мы имеем возможность пользоваться духовным комфортом и проч.

Неправильно было бы считать, что это было в 1929 г., а сейчас 1949 год, значит, все по-другому. Нет, если посмотреть позиции Эйхенбаума сегодняшнего дня, то они, может быть, несколько модернизированы, но по сути остаются прежними. Например, в 20-е гг. формалисты вели прямую линию на разгром советской литературы. Они подводили под удар все значительное, все крупное, чем гордилась советская литература. Так, когда в "Правде" появилась статья, восхваляющая "Разгром" Фадеева и определяющая этот роман как первую крупнейшую победу советской литературы, формалисты навалились на Фадеева, обвиняя его в эпигонстве, в том, что он переписывает Толстого и проч. Чем же отличаются выступления Эйхенбаума в 1945 г.? Ничем. Значит, время идет, а люди не меняются. Иначе как системой взглядов это назвать нельзя. Мы видим это не на одном Эйхенбауме, но и на других ученых, которые упомянуты в докладе и правильно объединены в одну группу.

Я не собираюсь вскрывать эту систему взглядов в каждом из названных здесь космополитов, но достаточно бегло взглянуть, скажем, на Азадовского, который и 10, и 20 лет тому назад стоял на таких же позициях, какие он проповедует нынче. Позиции эти совершенно неотличимы. Мы, когда были студентами и читали книжки Азадовского, с удивлением узнали, что сказок Пушкина нет, а есть сказки бр[атьев] Гримм. То же самое у Жирмунского.

Кстати, встает вопрос о том, кого способны воспитать эти люди. Здесь упоминался проф[ессор] Жирмунский, и в связи с этим мне хочется сказать, кого выучил Жирмунский, кого он привел в науку, от кого из них советская наука пользу имеет. Мы увидим, что пользы никакой, один только вред. Он выучил Левинтона[241], ныне арестованного органами государственной безопасности; Эткинда, разгуливающего по городу и читающего курс советской литературы, — насквозь прогнившего эстета, который охаивает советскую литературу в частных разговорах, а вечером читает лекции на эти темы, человека абсолютно беспринципного; Шора[242], эстета до мозга костей. Все это люди, которые когда-то были близки к проф[ессору] Жирмунскому.

Сейчас мы имеем возможность проверить продукцию, которую выдал нам проф[ессор] Жирмунский. Это мало сказать брак, это — преступный брак, потому что это брак в области идеологии.

Это все по поводу вреда, который нанесли космополиты Эйхенбаум, Жирмунский, Азадовский. Очень большой вред нанес Гуковский.

Вред, который нанес Гуковский, тем более опасен, что яд, которым он действует на молодежь, очень тонкий яд. Среди студенчества бытует слово, которое произносится

---

[241] Левинтон Ахилл Григорьевич (1913–1971) — литературовед, критик, переводчик, специалист по зарубежной литературе; кандидат филологических наук (1943 г., тема — «Ранние произведения Э. Т. А. Гофмана и немецкий романтизм»), с 1946 г. старший библиограф ГПБ, член ВКП(б); 16 февраля 1949 г. арестован, 7 июля осужден по ст. 58–10 на 10 лет ИТЛ (по одному делу с И. З. Серманом и его супругой Р. А. Зевиной), но осенью того же года дело было пересмотрено, и А. Г. Левинтон получил новый приговор — 25 лет ИТЛ; освобожден в 1954 г., в 1961 г. реабилитирован.

[242] Шор Владимир Ефимович (1917–1971) — литературовед, переводчик, кандидат филологических наук (1943 г., тема — «Творчество братьев Гонкур», оппоненты М. П. Алексеев, М. Л. Тронская). С 1946 г. — заведующий кафедрой иностранных языков в Ленинградском горном институте, преподаватель курсов истории французской литературы ЛГПИ имени А. И. Герцена (преподавались на французском языке).

как "гуковизмы". Под "гуковизмами" подразумевается необычность, бегство от плоского, пошлого, утонченное, проникновенное отношение к материалу. А что это означает на деле? Голое эстетство, формализм, отказ от здорового отношения к литературному материалу, от правильной партийной оценки. Под влиянием "гуковизма" студенты пускаются в тонкие поиски сложностей и выражают свое неодобрение, когда все просто. Отсюда разговоры о советской литературе, с которыми мне приходилось сталкиваться среди студентов. На собрании выступает студент Ершов[243] и вдруг начинает нести такую околесицу о советской литературе, что слушать невозможно. А когда прислушаешься, то почувствуешь яд, который занесен в студенческие мозги Гуковским. Советская литература Ершову кажется плоской, примитивной, в ней нет ни сложных душевных конфликтов, ни рефлексии, — все серо, однообразно. Т. е. мы имеем здесь поиски этой "сложности" в худшем смысле слова. Поэтому я понимаю слова студента Косарева, что, дескать, нам голову взбаламучивают. Этот туман вокруг теории стадиальности сбил с толку не только студентов, но и некоторых ученых, которые склонны были полагать, что теория стадиальности дает некое откровение. А если этот туман рассеять, то все увидят под шелухой примитивного формализма вреднейшие мысли в условиях ожесточенной теоретической борьбы нашей современности, потому что теория стадиальности рассматривает литературный процесс в едином социальном потоке. Весь вред этого достаточно ярко был высказан до меня, главным образом, в докладе.

Еще одно замечание. Иногда космополиты, формалисты, эстеты хотят создать впечатление внутренних разногласий, внутренних споров. Так было и с теорией стадиальности. Люди спорили между собой, как будто имеются разные точки зрения на теорию стадиальности. Однако, на мой взгляд, споры космополитов, эстетов, формалистов — это только выдуманные споры, потому что позиция их одна и та же.

Это только часть того, что можно было бы сказать на эту тему, но вывод отсюда ясен и совершенно прост.

Задача наша: разоблачить до конца, в первую очередь перед лицом студенчества, всю эту группу космополитов. Это, товарищи, имеет огромное значение. Чтобы не слышать больше сочувственных, тихих вздохов по поводу того или иного формалиста или эстета, нужно в открытую их разоблачать, чтобы никаких корешков не оставлять на последующее время.

Во-вторых, нужно до конца расчистить факультет от космополитов и эстетов, людей с чуждой нам буржуазной идеологией. Нужно присматриваться к тому, что не было упомянуто.

Здесь говорилось о Бялом. Я не слышал семинара и спецкурса Бялого, но однажды меня удивил следующий факт. Пришли ко мне студенты IV курса на семинар, чем-то расстроенные. Оказывается, они находятся под впечатлением лекции Г. А. Бялого. В чем же была суть лекции? Видите ли, Григорий Абрамович рассказывал, что Шопенгауэр влиял на позднего Тургенева, что у позднего Тургенева было много размышлений, раздумий перед смертью насчет того, что все бренное, все тленное и т. д. Мы почувствовали, что и сам Григорий Абрамович так думает, и нам как-то стало не по себе.

---

[243] Ершов Леонид Федорович (1924—1988) — студент пятого курса (русское отделение), участник войны; впоследствии кандидат филологических наук (1952 г., «Проблема сатиры в литературно-эстетических взглядах М. Е. Салтыкова-Щедрина 60-х годов»), доктор наук (1967 г.; «Русский советский роман: (Национальные традиции и новаторство)»), профессор ЛГУ (1968), заведующий кафедрой советской литературы.

Я это простыми словами выразил, а Григорий Абрамович — блестящий лектор, знает способы воздействия на аудиторию, превосходно этими способами владеет. Вот они и вышли из аудитории такими потрясенными.

Мне рассказывали студенты семинара Ларина (я не беру ответственности за это и хотел бы, чтобы слушатели этого семинара выступили и сказали — правда это или нет), что после всех этих дел, после разгрома антипатриотической группы критиков-космополитов, Ларин снижал в своем семинаре значение драматургии Горького. Конкретно он говорил, что у Горького в "Мещанах" нет образа настоящего революционера, нового человека. Помимо этого Ларин как будто ориентировал студентов на безыдейные пьесы в советской драматургии, скажем, "Мандат" (в постановке Мейерхольда). Я высказываю это не в утвердительном смысле, потому что не уверен, правда ли это. Но поскольку разговор такой был, нужно, чтобы это прозвучало с кафедры со стороны студентов этого семинара — так это или не так.

Я привожу примеры с Бялым и Лариным в доказательство того, что нужно продолжать присматриваться к тому, что делается на факультете, чтобы мы с честью могли сказать партии, что выполняем постановление Центрального Комитета о воспитании нашей молодежи в коммунистическом духе»[244].

Затем со сдержанной критикой профессора Б. Г. Реизова выступил студент И. Ф. Соломыков, завершавший свою речь словами:

«...Начиная с 1946 г., с каждым годом, в связи с тем, что Борис Георгиевич не чужд тому, что происходило в нашем государстве, читал все статьи и все постановления ЦК по идеологическим вопросам, он все больше начал уделять внимания всяким декларативным постановкам методологических вопросов, все чаще он цитирует Жданова. Но в принципе, в основе своей, система изложения материала, система анализа литературного творчества у него не изменялась»[245].

Студент И. А. Подгорный[246] остановил внимание на семинарских занятиях:

«В семинарах, которыми руководят профессора русской кафедры, в частности, в семинаре проф[ессора] Эйхенбаума наблюдается такая картина, что проф[ессор] Эйхенбаум занимается только с "талантливыми". На остальных он не обращает внимания, работой остальных он не руководит, не учит их. В результате этого получаются такие доклады, как доклад Титова[247], который, разбирая "Песнь о купце Калашникове", находит ее истоки в творчестве Вальтера Скотта.

Такая установка семинаров на отделении русского языка и литературы не случайна, ибо сам руководитель кафедры проф[ессор] Гуковский на своем семинаре сказал: "Вот вам Нева, бросайтесь в нее: выплывете — хорошо, не выплывете — туда вам и дорога".

Так сейчас обучают людей, которые через год-два должны будут выйти из стен нашего университета, чтобы учить нашу молодежь, учить наш народ. Не случайно выпускники наши говорят, что на практической работе они сталкиваются с большими трудностями. Они знают всякие мелочи, вроде того, какая лужа была в гоголевском Миргороде и т.д., но не знают, какое значение то или иное произведение имеет для нас сейчас.

---

[244] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 16–18 об.

[245] Там же. Л. 20 об.

[246] Подгорный Игорь Александрович (1921–?) — студент четвертого курса, участник войны.

[247] Титов Александр Александрович (1921–1978) — студент третьего курса (русское отделение), впоследствии литературовед, прозаик, автор книг о Лермонтове.

Приблизительно такое же положение и на западных отделениях. В семинаре по французской литературе, которым руководит проф[ессор] Реизов, имеются 4 темы по Флоберу, одна тема по Гонкурам и т. д. Я не специалист, но у меня вызывает сомнение, если ли необходимость сейчас заострять внимание на изучении творчества Флобера»[248].

После студентов на трибуну взошел доцент А. В. Западов, который посвятил присутствующих в лабораторию своего постижения трудов В. М. Жирмунского:

«Приступивши к подготовке пушкинского доклада, я столкнулся с "Пушкинским Временником" и просмотрел статью Жирмунского "Пушкин и западные литературы". Весь Пушкин по кускам распределен по заграничным образцам. <...> Дальше, ссылаясь на работы М. К. Азадовского и Ахматовой, Жирмунский говорит о зависимости сюжета пушкинских сказок от международных фольклорных источников и их литературных обработок: сказок "О рыбаке и рыбке" и "О мертвой царевне" — от сказок братьев Гримм... "Золотого петушка" — от восточной сказки американца Вашингтона Ирвинга. "Для 'Русалки' Пушкин 'использовал', как известно, сюжет волшебной оперы венского драматурга Генслера 'Дунайская русалка' в ее русских сценических обработках" (стр. 103).

Это — работа 1937 г. Я тогда решил посмотреть, что было раньше у проф[ессора] Жирмунского. У меня есть книга Жирмунского "Байрон и Пушкин" (1924 г.). Тут действительно система взглядов. Весь Пушкин выводится из Байрона. "Пушкин заимствовал у Байрона новую композиционную форму лирической или романтической поэмы и — в пределах общего композиционного задания — целый ряд отдельных поэтических мотивов и тем" (стр. 20). Пушкин для Жирмунского — "ученик и последователь Байрона" (стр. 23), и доказательству этого положения посвящена вся книга. <...>

Тогда я полез глубже. Вытащил книжку 1914 г., которой Жирмунский дебютировал как ученый, — "Немецкий романтизм и современная мистика". Я уже не говорю о налете мистицизма, о сугубо идеалистической, религиозной трактовке. Жирмунский пишет: "Мистическое чувство может показаться понятием сбивчивым и двусмысленным. Мы определили его, как живое чувство присутствия бесконечного в конечном. Тем самым точка зрения, проводимая в дальнейшем, будет чисто психологическая. Мы отвлекаемся от вопроса о познавательной ценности мистического чувства. Мы отбрасываем, как относящийся к гносеологии, а может быть, и к метафизике, вопрос о том, достоверно ли мистическое чувство, сообщает ли оно нам какие бы то ни было данные о внешнем мире, о боге вне нас, или мы имеем дело с продуктом нашего сознания, которое проектирует нечто из себя во внешний мир... Не оценивая, мы задаемся целью описать, как испытывали романтики мистическое чувство" (стр. 12). "Немецкий романтизм оказал на нашу литературу большое воздействие: под его влиянием находятся Жуковский, Веневитинов, Вл. Одоевский и 'архивные юноши' — первые русские 'любомудры', кружок Станкевича и философские журналы, Белинский и Тургенев в начале своей деятельности, и старшее поколение славянофилов..." Все записывается на счет немецких романтиков. Можно допустить увлечение, но не такой степени. Мало того: "Величайший лирик той поры, Тютчев, вырастает всецело на почве мироощущения и идей немецкого романтизма" (стр. 197). Но и этого мало: "В творчестве Достоевского, величайшего писателя XIX века — вершина этого пути" (религиозных исканий).

Нужно ли удивляться в этой связи, что Жирмунский (боюсь ошибиться, едва ли не с этой кафедры) выступал апологетом Веселовского, что он прокламировал об этом в Союзе писателей, что он намеренно фальсифицировал облик Веселовского, стремился

[248] ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 124. Л. 21 об. – 22.

его представить соратником, учеником Добролюбова и Чернышевского. Веселовский, якобы, был на стороне Добролюбова и боролся с партией либеральных бар-эстетов (1939 г.).

В 1940 г. то же самое. Веселовский выступает против "искусства для искусства". Веселовский солидаризуется с Добролюбовым. Вывод: задачей советского литературоведения является "поднять знамя", выпавшее из рук Веселовского. <...> Вот концепция, на которой стоит Жирмунский в этой статье. Россия была отсталой страной и должна была заимствовать все с Запада»[249].

Вопросам работы кафедры классической филологии было посвящено выступление Н. В. Вулих, в котором она, пытаясь найти компромисс с совестью, в большей степени коснулась недостатков московских филологов-классиков:

«Область античной литературы, к сожалению, не подвергалась освещению в нашей печати. В то время, как у нас имеется целый ряд статей по вопросам западной и русской литературы, мне неизвестно ни одной статьи, которая поднимала бы вопросы классической филологии с точки зрения современных задач. Между тем, если мы обратимся ко всем учебникам по античной литературе, которыми сейчас пользуются наши студенты, то они полны неправильных теорий. В этих учебниках господствуют отсталые научные точки зрения, которые уже давно преодолены в других областях литературоведения.

Классическая филология, одна из очень почтенных отраслей филологии, насчитывающая большое количество лет своего существования, всегда являлась хранительницей в очень большой степени всякого рода реакционных теорий и отсталых филологических точек зрения. В современной западной классической филологии очень сильно выражена космополитическая тенденция, ибо именно в античной литературе видят общую прародину всей западноевропейской культуры и туда стараются возводить целый ряд явлений, пытаясь их увековечить. Если мы обратимся к трудам историков, то они считают, что в античном обществе извечно существовали те же самые классы, что и сейчас. Античная литература представляет совокупность тех норм, которые постоянно и дальше будут господствовать в литературе. Антинаучная модернизация античной литературы в очень большой степени типична для современных работ в области классической филологии и, в особенности, для всех учебников — для таких учебников, как Радциг[250], Дератани[251], как "История греческой литературы" (изд. московского Ин[ститу]та [мировой] литературы им. Горького, 1946), в которой мы встречаемся с исключительной модернизацией античной литературы, с теорией "бродячих сюжетов", с формалистическим подходом к литературе и просто с литературной пошлятиной, которая говорится по поводу каждого автора греческой литературы...»[252]

Затем она довольно сдержанно коснулась ситуации на кафедре, пытаясь выставить в наилучшем свете своего учителя И. М. Тронского в ущерб другим профессорам кафедры:

«В прошлом году на нашей кафедре происходило обсуждение работы кафедры, где большой критике подвергалась научная деятельность руководителя нашей кафедры

---

[249] ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 124. Л. 25–37.

[250] Радциг Сергей Иванович (1882–1968) — филолог-классик, доктор филологических наук, профессор МГУ; речь идет о его учебнике «История древнегреческой литературы» (М.; Л., 1940), выдержавшем множество переизданий.

[251] Дератани Николай Федорович (1884–1958) — филолог-классик, профессор и заведующий кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ (1949–1958); составитель «Хрестоматии по античной литературе» для вузов (в 2 т., выдержала пять изданий, первое — М., 1935), а также «Истории древнеримской литературы» (М.; Л., 1928).

[252] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 28–28 об.

проф[ессора] Фрейденберг. Несмотря на то что проф[ессор] Фрейденберг выступала против теории Веселовского, тем не менее, она стояла на формалистических позициях. Она не модернизирует античную литературу, но чрезвычайно ее архаизирует и сводит к целому ряду формальных элементов. Этот уклон в работах проф[ессора] Фрейденберг находил отражение и в работах студентов, которые, стоя на этой позиции, уже доходили до полного абсурда. <...>

К сожалению, многое еще находится в плане благих пожеланий. Но проф[ессор] Тронский в том курсе, который он читает в этом году, во многом совершенно пересмотрел свои позиции в целом ряде вопросов и трактует римскую литературу с гораздо большим выявлением ее специфики и своеобразия, чем это имеет место в учебнике.

Есть у нас кое-какие моменты формалистического подхода к литературе. Представителем такого подхода является проф[ессор] Лурье, историк. Его исторические взгляды подвергались большой критике. Но у него, как у филолога, тоже имеется целый ряд существенных ошибок. Например, в этом году проф[ессор] Лурье выступил с докладом "Эпические элементы в древнегреческой лирике", где он показывал, что в греческой лирике имеется целый ряд эпических формул, что лирика пользуется эпическим материалом. Эта работа подверглась атакам со стороны членов кафедры, но проф[ессор] Лурье ничего по этому вопросу больше сказать не мог[253]. Вся работа сводилась к констатации чисто формалистических моментов. Такими же недостатками страдает его докторская диссертация, посвященная древнегреческой трагедии, которая во многом стоит на неправильных позициях, вульгарно-социологических.

Я думаю, что античное литературоведение, классическая филология тоже должны стать в центре внимания нашей филологической общественности, как очень важная отрасль литературоведения.

(С МЕСТА: Космополиты у вас все-таки есть или нет?)

— Проф[ессоров] Жирмунского и Гуковского у нас нет. Но вопросы, которыми занимается наша кафедра, тоже должны быть подвергнуты подробному обсуждению»[254].

Свое выступление недостаткам в работе кафедры русского языка посвятила Н. А. Протасова[255], а ситуацию на кафедре западноевропейских литератур по косточкам разобрали Н. В. Спижарская и З. И. Плавскин[256].

---

[253] Поскольку жертвы уже были намечены, то поруганья на филологическом факультете С. Я. Лурье чудом избежал. «Обсуждение работ С. Я., проведенное на кафедре классической филологии, было самым либеральным из всех обсуждений 1949 г. Резолюция, вынесенная кафедрой, была максимально сдержанной, почти парламентской: "Признавая правильность критики серьезных идеологических ошибок, допущенных профессором С. Я. Лурье в его научных работах, принять к сведению заявление С. Я. Лурье о том, что он пересмотрел свои идеологические установки и работает над устранением допущенных ошибок"» (*Копржива-Лурье Б. Я.* История одной жизни. [Paris, 1987]; Истинный автор биографии указан в 1997 г.: «Обстановку тех лет, когда он учился в университете, Я. С. описал в книге об отце, вышедшей в 1987 году в Париже под псевдонимом Б. Я. Копржива-Лурье (фамилия сестры отца)». Цит. по: *Ганелина И. Е.* Я. С. Лурье: история жизни // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 6). Столь мягкое заключение кафедры не спасло Соломона Яковлевича от изгнания из университета в июне 1949 г.

[254] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 29–29 об.

[255] Протасова Нина Алексеевна (1918–?) — аспирант кафедры русской литературы, член партбюро факультета.

[256] Плавскин Захарий Исаакович (Ицко-Айзикович) (1918–2006) — ассистент кафедры истории зарубежных литератур, специалист по испанской литературе, вскоре парторг факультета; впоследствии кандидат (1951 г., тема — «Проблемы национального своеобразия драмы Возрождения

Заключительным выступлением первого дня партсобрания стала речь ассистента кафедры русской литературы, секретаря месткома филологического факультета И. П. Лапицкого. В этот день Игорь Петрович впервые предстал перед большой аудиторией как талантливый, артистический, умелый обличитель. Его критика была еще совершенно непривычна. По заданию партбюро он делал доклад об истинном положении на кафедре фольклора и ее руководителе Марке Константиновиче Азадовском:

«Существует у нас кафедра фольклора, в составе которой нет ни одного коммуниста. Но зато руководит ею доктор, профессор М. К. Азадовский. Он достаточно известен. Его имя очень часто приходится слышать на протяжении последних 2-х лет на очень многих партсобраниях. Выступая на дискуссии в этом же зале, посвященной вопросам о задачах советского литературоведения, в конце 1947 г. Азадовский высокомерно заявил:

"Я имею право сказать, что и я что-то положил на стол русской культуры".

Он стал в позу невинно гонимого человека, которого обвиняют невесть в чем, а он ни в чем не виноват, и намекает (даже не намекает, а прямо говорит) о своих былых заслугах. У многих создалось мнение, что после смерти бр[атьев] Соколовых[257] Азадовский является тем деятелем науки, которому суждено быть признанным (или непризнанным) главой и руководителем всех фольклористов. И действительно, Марк Константинович своими трудами собрал свою собственную обширную юбилейную библиографию. Это целый томик в 269 номеров.

Если оставить в стороне юбилейные по форме, космополитические по духу статейки, вроде "..." (отточие в стенограмме. — *П.Д.*), которую неизвестно для чего Марк Константинович перепечатывал трижды в разных органах[258], то это будут статьи вроде его заметки о Шамиссо[259] — столь же "ученой", сколь и бесполезной для науки. Это игривые очерки, этюды, всякого рода essai, вроде работы "Портреты русских сказочников"(работа эта издавалась дважды и имеет разные названия). Если отвлечься от приятной округлости литературных периодов Марка Константиновича и коснуться содержания (в общем, небогатого), то мы здесь увидим всюду одно и то же: дешевый, приторный психологизм, эстетический снобизм. Взявшись за благое дело — рассказать о множестве русских сказок, Азадовский принял все меры к тому, чтобы всячески выхолостить отсюда политический смысл. Он оставил только легкое эстетство, дешевый наигранный психологизм.

Тимирязев сказал однажды: "Работать для науки, писать для народа". Если такой вопрос задать Азадовскому, спросить, для чего он пишет, то он ответит, не задумываясь. Но я возьму на себя труд привести еще раз, напомнить то, что сказано в докладе. С непонятной, лучше сказать, подозрительной настойчивостью Азадовский в течение

в Испании: (Лопе де Вега и его школа)», доктор (1978 г.; «Сатира Мариано Хосе де Ларры и проблемы публицистики ранних буржуазных революций в Испании»), профессор кафедры истории зарубежных литератур ЛГУ.

[257] Фольклористы, братья-близнецы: Юрий Матвеевич Соколов (1889–1941), профессор МГУ, академик Украинской АН; Борис Матвеевич (1889–1930), профессор СГУ.

[258] По-видимому, речь идет о статье «Добролюбов и русская фольклористика». Впервые опубликована в журнале: Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук, серия 7-я. М.; Л., 1936. № 1–2. С. 131–159; доп. и испр. вариант: Советский фольклор. М.; Л., 1936. № 4–5. С. 3–27; то же: *Азадовский М. К.* Литература и фольклор: Очерки и этюды. Л., 1938. С. 341–375.

[259] Имеется в виду статья: *Азадовский М. К.* Поэма Шамиссо о декабристе А. Бестужеве // Сибирские огни. Новосибирск, 1926. № 3. С. 148–157.

20-х и первой половины 30-х годов упорно стремился печататься в иностранных органах. Его самолюбие, самолюбие советского ученого нисколько не страдало от того, что его фамилия стояла рядом с беглым белогвардейцем, сидящим в Праге, он печатался в органе финской школы FFC[260]. Это были маленькие, мельчайшие библиографические заметки, которые самим фактом своего появления должны были, очевидно, показать, что в Советской России тоже существуют просвещенные люди, достойные печататься в западноевропейских органах.

Особенно неприглядно выглядит этот убежденный низкопоклонник в роли комментатора, истолкователя А. С. Пушкина. Николай Сергеевич[261] уже приводил этот факт. Добавлю еще, — что показательно для Азадовского, — что он сделал перевод, весьма сомнительный и подозрительный в политическом отношении, не только на английский язык (для 1939 г. английский перевод мог бы считаться не столь криминальным), но и французский и на немецкий. Он особенно старательно сгустил краски в немецком тексте, хотя здесь имеется подзаголовок, что это переведено с русского, но он обманул цензуру ВОКСа. Эта двурушническая стряпня венчается таким перлом, значительно приглаженным, прикрашенным в советском тексте. В немецком мы читаем такую мысль, что великая заслуга Пушкина в том, что он нацелил русскую литературу по пути великой западной культуры.

В pendant социалистической культуре, о которой говорится в русском тексте, стоят слова “великая западная культура” в немецком тексте.

После критики вульгарных социологов, после того, как имя Азадовского в этой критике было упомянуто, Азадовский перестроился. Он решил лучше не заниматься русским фольклором, а перейти к библиографии, чтобы открывать здесь неведомые тайны. Он явился трубадуром немецкой ориентации в истории русской фольклористики. Он без конца повторял, что наука о фольклоре появилась благодаря Гердеру и Фориелю. Немецкие романтики были духовными учителями всех передовых, демократически настроенных шестидесятников-фольклористов, не исключая Худякова и Прыжова.

Отечественная война, по-видимому, тоже ничему не научила Азадовского. Он редактировал III том издания “Русский фольклор” и писал вводную статью (1948 г.). Последний текст этой вводной статьи, переработанный им несколько недель назад и имеющийся в машинописном экземпляре, начинается вводным пассажем о задачах советской фольклористики, где Азадовский пишет, что советская фольклористика есть марксистско-ленинская наука, основанная на марксистско-ленинской методологии, которая развивалась вне определенного места и времени. Это человек пишет в 1949 г., признавая тем самым космополитическое распространение даже наших дней.

Но довольно говорить о самом Азадовском. Перейдем к плодам его бесследной деятельности. Он руководил отделом фольклора в Академии наук, в Институте литературы, он заведовал по совместительству кафедрой. Он развивал работу отдела фольклора в Академии наук. 12 человек в отделе фольклора трудились ровно 12 лет и ничего не сделали, потому что редактируемое Азадовским издание было провалено. Оно было провалено ввиду порочности основных редакционных методологических установок. Люди разбазаривали государственные средства, получая зарплату не за труды, а за ученые звания.

---

[260] Нучно-исследовательская серия «Folklore Fellows Communications», орган международной организации фольклористов, организованной в 1907 г. финским ученым Карлом Леопольдом Кроном (Krohn; 1863–1933) и скандинавскими учеными.

[261] Лебедев.

Марк Константинович руководил кафедрой и на нашем факультете. Должен сразу оговориться, обратив на это сугубое внимание нашего собрания, что Азадовский у нас на факультете не имел той свободы деятельности, какой он пользовался в Пушкинском Доме. Здесь ему не потворствовали и потачки[262] он не получал. Но, тем не менее, Азадовскому удалось развалить и работу кафедры нашего факультета. За примерами не следует далеко ходить. За послевоенные годы эта кафедра не сумела выпустить ни одного аспиранта. Азадовский подсовывал такие темы, которые в практическом исполнении не могли дать хороших результатов. (Тема: "Плутовская сказка"). Азадовский дезориентировал научную молодежь, и не случайно по советскому фольклору написана только одна советская работа. Все же остальные работы, написанные на этой кафедре, не блещут ни оригинальностью, ни, более того, политической остротой. Печать рутины, злонамеренного объективизма, академического крохоборства лежит на этих работах. Нет нужды больше распространяться на эту тему, поскольку всем уже известно, что этот убежденный низкопоклонник, воинствующий космополит, растленный буржуазный эстет своей вредоносной деятельностью нанес большой ущерб и нашему факультету, и нашему университету в деле подготовки кадров советских фольклористов. А чтобы показать, что это действительно так, я задержу ваше внимание еще одним показательным примером.

К числу "талантливейших" (слова Марка Константиновича) учеников Азадовского принадлежит его выученик, выкормыш, последыш Молдавский. Этот молодой человек отличается бойким пером, но не отличается особенной щепетильностью в принципиальных вопросах. Это беспринципный дилетант, который блокировался с неким Яковлевым (Хольцманом)[263], ныне разоблаченным безродным космополитом. В прошлом году он выступил с докладом, который он сам и его друзья окружили таким шумом, такой широковещательной болтовней, что этот доклад принял характер устного манифеста "левых" фольклористов. В этом докладе, наполненном всякой пустопорожней болтовней, Молдавский выступил с ревизией горьковского учения о фольклоре. Он заявляет, что советские сказки — это своего рода декаданс и вырождение старой фольклорной традиции, что революционные сказы о вождях нашей партии тоже в известной мере малохудожественные произведения.

Что и говорить, что эти высказывания не являются оригинальными. Я мог бы рассказать и о другом выученике Азадовского и Жирмунского — таких двух духовных отцов — Е. Мелетинском, который заявляет, что он не может "нутром" заниматься советской литературой.

Но довольно об этих людях. Я полагаю, что облик Азадовского достаточно ясен даже после таких иллюстраций. Всем присутствующим ясно, что Азадовский в числе других воинствующих космополитов, на наших глазах в 1941 г. добился переименования Института русской литературы в Институт литературы, паче им противно все русское. (Аплодисменты)»[264].

---

[262] Потачка (*разг.*) — снисхождение.

[263] Яковлев (настоящая фамилия Хольцман) Борис Владимирович (1913–1994) — литературовед, критик, общественный и партийный деятель. Был заведующим кабинетом печати Московского комитета ВКП(б), кандидат филологических наук, автор популярной брошюры «Как пользоваться художественной литературой в агитационной работе» (М., 1948, тираж 600 тыс. экземпляров); в 1949 г. разоблачен как «безродный космополит».

[264] ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 124. Л. 38–40.

И. П. ЛАПИЦКИЙ — ПОГРОМЩИК ПО ЗОВУ ДУШИ

Игорь Петрович Лапицкий обладал исключительным талантом погромщика. Он, в отличие от участников «тройки 49-го года» — А. С. Бушмина, А. Г. Дементьева и Г. П. Бердникова, не преследовал карьерных целей, с остервенением добиваясь материальных благ и вожделенных должностей и званий. Он, казалось, упивался самим процессом проработок, а дошедшие до нас доносы в высшие инстанции поражают не только своим многостраничным объемом, но и подачей материала.

Такие качества этого университетского преподавателя стали трагическими для М. К. Азадовского, персональным обличителем которого И. П. Лапицкий стал весной 1949 г. В будущем он принес много бед и другим ленинградским историкам литературы, особенно В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачеву, Я. С. Лурье.

Откуда же появился этот университетский самородок?

Игорь Петрович Лапицкий родился в 1920 г. в Добруше Гомельской области Белорусской ССР. Отец его, также уроженец Добруша, сын рабочего, работал и одновременно учился, закончил юридический факультет Петроградского университета. В 1917 г. отец был избран рабочими писчебумажной фабрики членом ревкома и одновременно народным судьей Добруша. В 1930 г. вся семья переезжает в Ленинград, где на протяжении более чем десяти лет его отец занимал ответственные должности в органах ОГПУ–НКВД, а с 1945 г. состоял старшим инженером при уполномоченном Госплана при СНК СССР по Ленинграду и области.

Игорь Петрович поступил в среднюю школу в Добруше, а заканчивал обучение в 1937 г. уже в Петроградском районе Ленинграда с «золотым» аттестатом и в том же году поступил на русское отделение филологического факультета Ленинградского университета. С самого начала он показал себя не только действительно одаренным студентом, но и активным участником общественной работы. В 1937 г. он стал членом профсоюза, в 1938 г. вступил в комсомол, на первом и втором курсах был членом профкома ЛГУ, отвечая за политучебу; после первого курса «за ударную учебу, сочетавшуюся с большой общественной и пропагандистской работой, премируется 150 руб. для поездки в г. Москву на экскурсию»; на третьем курсе участвовал в агитколлективе филологического факультета и за работу по время выборов в местные советы получил благодарность от райкома ВКП(б), на четвертом — вошел в состав профкома университета. Общественная работа не мешала ему делать значительные успехи в изучении древнерусской литературы и сочетать их с отличной успеваемостью, за что он был с 1 января 1940 г. представлен к стипендии имени И. В. Сталина. В 1941 г., заканчивая четвертый курс, он досрочно выполнил учебный план и с отличием закончил филологический факультет университета.

В первые дни войны Игорь Петрович записывается в народное ополчение и поступает в распоряжение Управления заказов и производства боеприпасов Ленинграда при Главном артиллерийском управлении РККА; сперва в должности техника военной приемки, с 1944 г. — старшего техника. В 1941–1942 гг. участвовал в боевых действиях под Ленинградом, демобилизовался в 1945 г. в звании техника-лейтенанта. В 1943 г. принят кандидатом в члены ВКП(б), а в 1945 г. получил партбилет.

Поскольку только начало войны помешало ему продолжить обучение в аспирантуре, то в 1941 г. заведующий кафедрой русской литературы Г. А. Гуковский и декан факультета А. П. Рифтин дают ему следующую характеристику:

«Лапицкий Игорь Петрович окончил в 1941 г. русский цикл филологического факультета Ленинградского государственного университета и обнаружил недюжинные успехи. С 1938 г. (со II-го курса) он начал заниматься под руководством проф[ессора] И. П. Еремина в семинаре древнерусской литературы. С самого начала тов. Лапицкий принадлежал к наиболее активным участникам семинара. Не ограничиваясь основной программой семинара, преследовавшей научно-исследовательские цели, дополнительно занимался кирилловской палеографией и особенно скорописью XVII в. На основе изучения большого числа рукописей и снимков ему удалось составить таблицы, убедительно рисующие эволюцию почерков с XII по XVII век.

В 1938 г. Лапицкий закончил реферат "Повесть о Савве Грудцыне". В этой работе была с исчерпывающей полнотой использована вся существующая научная литература и был подведен итог всему предшествовавшему изучению повести. Не удовлетворяясь этим, тов. Лапицкий сформулировал основные проблемы дальнейшего изучения повести и дал оригинальные попытки их разрешения. Некоторые главы работы переросли рамки студенческого реферата и превратились в самостоятельные исследовательские этюды (такова, например, глава о композиции и стиле повести).

Параллельно с этим он занимался под руководством академика С. П. Обнорского углубленным изучением церковнославянского и древнегреческого языков.

За отличную успеваемость на протяжении всех курсов и научно-исследовательскую работу тов. Лапицкий был выдвинут кафедрами русской литературы и языка на стипендию им. Сталина, которая и была ему присвоена с 1-го января 1940 г.

В 1939–40 годах он продолжал заниматься в семинаре проф[ессора] И. П. Еремина палеографией и изучением повестей XVII в. В это же время он углубленно изучает славянские языки и историю русского языка. В 1941 г. тов. Лапицкий закончил свою курсовую работу "Шемякин суд". Указанная работа представляет большой интерес, являясь вполне самостоятельным монографическим исследованием, посвященным одной из интереснейших повестей XVII в. Тов. Лапицкий впервые дал редакции и варианты повести и их текстологический анализ, использовав для этого весь существующий рукописный материал. Так, например, ему удалось открыть в Публичной библиотеке в Ленинграде новый, до того неизвестный список повести, составляющий особую редакцию. Работа по-новому решает проблему генезиса повести, устанавливая новые исторические и литературные связи этого памятника.

Особый интерес представляет также исторический и юридический комментарий к повести. Работа тов. Лапицкого была принята к печати в "Ученых записках Л. Г. У."

Выдана настоящая характеристика на предмет представления в высшее учебное заведение для сдачи государственных экзаменов по возвращении из действующей армии в связи с эвакуацией Университета»[265].

Благодаря такой характеристике он в 1945 г. без труда был зачислен в аспирантуру филологического факультета. В это же время он читал лекции по истории древнерусской литературы на заочном отделении, был председателем месткома факультета, активным агитатором, затем профоргом факультета, парторгом кафедры русской литературы, членом партбюро факультета.

В октябре 1947 г. Н. И. Мордовченко направил ходатайство перед отделом аспирантуры ЛГУ:

[265] ОДО СПбГУ. Личное дело И. П. Лапицкого. Л. 12.

«Из числа аспирантов III курса считаю необходимым оставление при кафедре русской литературы аспиранта И. П. Лапицкого, который специализировался в области древнерусской литературы, успешно работает в этой области и обещает быть настоящим ученым исследователем. Считаю нужным заметить, что в области древнерусской литературы у нас очень мало специалистов, а из аспирантов за последние годы никто в этой области не специализировался»[266].

Это ходатайство было подержано директором Филологического НИИ М. П. Алексеевым и деканом факультета Р. А. Будаговым, но тогда еще оставалось время для обучения в аспирантуре, и в приказ дело не пошло. А когда Игорь Петрович заканчивал аспирантуру, то его научный руководитель И. П. Еремин в апреле 1948 г. представил свое ходатайство:

«По избранной им специальности (история древнерусской литературы) аспирант И. П. Лапицкий работает уже не первый год. Его диссертация, почти уже законченная, — "'Повесть о суде Шемяки': (К истории сатирической литературы XVII века)" — выросла из студенческого доклада, читанного на моем семинаре. Большая эрудиция, умение искать и находить нужный материал, широкая осведомленность в проблемах изучения древнерусской литературы, хорошее знание древнерусского языка и палеографии — все эти качества характеризуют И. П. Лапицкого как уже вполне сложившегося исследователя, в полной мере освоившего нелегкую технику анализа памятников древней литературы. Отдельные главы диссертации И. П. Лапицкого читались и обсуждались на заседаниях кафедры и Отдела древнерусской литературы Института литературы Академии наук СССР. О высокой оценке, которую получила работа И. П. Лапицкого, свидетельствует тот факт, что две первые главы его диссертации приняты к печати в "Трудах" Отдела древнерусской литературы — в том VI (том этот находится уже в производстве). Свежее и оригинальное решение ряда вопросов, связанных с изучением как "Повести о суде Шемяки", так и русской литературы XVII в. вообще, дает полное основание рассматривать диссертацию И. П. Лапицкого как значительный вклад в науку.

Должна быть отмечена и активная работа И. П. Лапицкого при кафедре; в течение последних двух лет он по поручению кафедры не раз принимал участие в экзаменационных сессиях в качестве моего ассистента, читал курс истории древнерусской литературы на заочном секторе университета, на историческом факультете. В настоящее время И. П. Лапицкий является секретарем комиссии по древнерусской литературе, недавно организованной при филологическом институте нашего университета.

Все это вместе взятое заставляет меня настоятельно просить оставить И. П. Лапицкого, по окончании им аспирантуры, при кафедре»[267].

25 сентября 1948 г. ректор ЛГУ Н. А. Домнин подписал приказ:

«Лапицкого И. П. — окончившего аспирантуру Ленинградского Университета и оставленного для работы в Университете, зачислить на должность ассистента кафедры русской литературы с окладом 1050 руб. в месяц с 1/IX–48 г.»[268]

30 декабря 1948 г. И. П. Лапицкий защитил диссертацию на тему «Из истории русской сатирической повести XVII века («Шемякин суд»)»[269]; оппонентами при защите были профессора П. Н. Берков и М. О. Скрипиль.

---

[266] Там же. Л. 15.
[267] Там же. Л. 16.
[268] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 1949 от 25 сентября 1948 г.
[269] Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 293. 15 декабря. С. 4.

Таким образом, Игорь Петрович представлял собой не только активного общественника или безумного проработчика, как он характеризуется в большинстве случаев. Он, безусловно, был талантливым, подающим большие надежды ученым. А область научных интересов свидетельствует и о его качествах, необходимых для исследователя древнерусских источников, — скрупулезность, внимание и терпение.

Кроме того, И. П. Лапицкий далеко не сразу стал воинствующим коммунистом: партбюро приложило немало сил к его перевоспитанию, поскольку его мягкость в отношении к преподавателям некогда обращала на себя внимание. Когда 21 апреля 1947 г. он в качестве профорга отчитывался перед партбюро факультета, ему высказывались претензии:

> «т. ХАВИН. Мне кажется, что недостатком тов. Лапицкого является то, что он имеет тенденцию всем делать хорошо. <...>
>
> т. ДЕРКАЧ. Работу тов. Лапицкий проводит, хотя недостатки в работе есть. Лапицкий любит обойти острые углы, имеет тенденцию к академической вежливости, желание не обострять отношений с профессурой. Нужно быть более принципиальным»[270].

К весне 1949 г., как можно видеть по его выступлению, он успешно эволюционировал. Еще раз заметим, что такая эволюция была возможна лишь в тех условиях, поскольку сама атмосфера сталинской эпохи способствовала перерождению обычных людей, когда условия трагической действительности способствовали востребованности и развитию тех нравственных качеств, которые в иное время не были бы разбужены в человеке вовсе.

30 МАРТА 1949 ГОДА. ПАРТСОБРАНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ. ДЕНЬ ВТОРОЙ. ПРЕНИЯ

Во второй день ситуация несколько изменилась — выступления были жестче и опаснее. Этому способствовало то обстоятельство, что во второй день на партсобрании присутствовали секретарь парткома университета Ф. Я. Первеев[271] и заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома ВКП(б) В. А. Овсянкин.

Партийные органы распорядились провести собрания второго дня в Пушкинском Доме и на филологическом факультете не одновременно, как в первый день, а поочередно — сперва в университете, затем в Институте литературы, чтобы члены парбюро Пушкинского Дома, которым горком доверял, выступили и на филологическом факультете.

Председательствующий, доцент С. С. Деркач, успокоил зал и пригласил первого выступающего — старшего научного сотрудника сектора новейшей русской литературы Пушкинского Дома и преподавателя филологического факультета Б. И. Бурсова. К этому моменту Б. И. Бурсов уже заслужил одобрение «надзирателей

[270] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 217. Л. 19.

[271] Первеев Федор Яковлевич (1909–?) — химик, выпускник ЛГУ, кандидат технических наук; 1 октября 1948 г. переведен с должности парторга химического факультета на должность заместителя секретаря парткома ЛГУ; в декабре 1949 г., в ходе «ленинградского дела» решением бюро ВО РК ВКП(б) (протокол № 109, п. 10) снят с должности секретаря парткома; впоследствии заведующий кафедрой органической химии химического факультета ЛГУ, доктор химических наук (1963).

по идеологии» — 4 марта А. Г. Дементьев включил его, наряду с Е. И. Наумовым и С. С. Деркачом, в обновленный состав Комиссии по теории литературы и критике ЛО ССП.

Еще в 1938 г. Борис Иванович защитил в Государственной академии искусствознания в Ленинграде диссертацию на тему «Художественная структура образов "Войны и мира"» и неизменно пользовался добрым отношением главного специалиста по творчеству Льва Толстого — профессора Б. М. Эйхенбаума. Именно этому историку литературы оказалось посвящено выступление Б. И. Бурсова:

«Доклад Н. С. Лебедева и прения, развернувшиеся по этому докладу, нарисовали довольно полную картину той вредоносной деятельности, которую развили формалисты-космополиты в Институте литературы и на филологическом факультете университета. Картина, в сущности, уже прояснена. Но, тем не менее, надо еще поговорить кое о чем, потому что тот вопрос, который мы обсуждаем сегодня и обсуждали вчера, это вопрос очень большой, трудный политический вопрос о воспитании кадров, вопрос о людях, которые воспитывают эти кадры, и тут надо разобраться до конца.

Я остановлюсь в своем выступлении на трех вопросах и, в сущности, повторю до некоторой степени то, что мне пришлось говорить на партсобрании Института литературы, потому что вопросы обсуждаются те же самые, и люди те же самые.

Я остановлюсь на таких вопросах: Во-первых, я покажу на отдельных примерах, что позиции формалистов, космополитов являются именно позициями, идеологическими и политическими позициями, а не системой ошибок. Во-вторых, я остановлюсь на том, почему именно у нас в Ленинграде, в частности, в Институте литературы и на филологическом факультете Ленинградского университета формалисты и космополиты нашли себе такое удобное прибежище. И, наконец, в-третьих, я остановлюсь на вопросе о том, какие последствия мы имеем в результате вредоносной деятельности космополитов-формалистов.

Что касается первого вопроса, я изберу одну очень видную фигуру матерого формалиста и космополита — проф[ессора] Эйхенбаума, который в течение десятков лет работает и в Институте литературы Академии наук, и на филологическом факультете Ленинградского университета. Я не буду говорить о всех работах Эйхенбаума, остановлюсь только на его работах по Толстому.

Эйхенбаум занимается Толстым в течение, по крайней мере, 25-ти, а то и больше лет. Я остановлюсь на работах Эйхенбаума на протяжении 20-ти лет — с 1928 г. по 1945 г.

В 1928 г. появилась статья Эйхенбаума "Толстой до 'Войны и мира'". Об этой статье уже здесь говорилось. В этой статье Эйхенбаум писал, что Толстой умел меняться, оставаясь самим собой, т. е. не меняясь. Это, конечно, формулировка, направленная против известного положения Ленина, указывавшего на то, что Толстой менялся, что он перешел с позиций дворянства на позиции патриархального крестьянства. <...> В 1935 г. Эйхенбаум напечатал статью: "Толстой и Шопенгауэр" в журнале "Литературный современник", в связи с 25-летием со дня смерти Толстого. В этой статье Эйхенбаум писал, что "Анна Каренина" — это роман, выросший из увлечения Шопенгауэром. <...> Не русские социально-исторические условия, гениальным наблюдателем которых был Толстой, помогли ему преодолеть кризис и перейти с позиций дворянства на позиции крестьянства, а Шопенгауэр.

В статье 1939 г. "Толстой после 'Войны и мира'" (в журнале "Литературное наследство") Эйхенбаум изображает Толстого как консерватора, как архаиста, как человека,

который стоит на позициях идеологии дворянства XVIII в. Это старая точка зрения Эйхенбаума, на которой он остается до сих пор.

И вот, наконец, последняя работа Эйхенбаума о Толстом, напечатанная в "Трудах юбилейной сессии Ленинградского университета" — "Проблемы изучения Толстого". В этой своей работе Эйхенбаум указывает, что "Война и мир" идеологически тесно связана с реакционной книгой Данилевского "Россия и Европа". Если раньше Эйхенбаум связывал Толстого с западноевропейскими мыслителями и писателями, то теперь он связывает его с русскими, опять-таки реакционными мыслителями и писателями и не дает никакой возможности самому Толстому проявить свою инициативу.

Все эти факты — а их можно было бы, конечно, увеличить до бесконечности, — показывают, что в работах Эйхенбаума о Толстом мы наблюдаем не ошибки, не систему ошибок, а принципиальную позицию, как любит выражаться сам Борис Михайлович. Он никогда не говорит "идеология Толстого", а всегда говорит "позиция Толстого" ("позиция Толстого, с которой он вел борьбу с современностью", "позиция архаиста"). Когда читаешь эти строки Эйхенбаума, то как-то невольно думаешь о позиции самого Эйхенбаума. Эйхенбаум изображает Толстого как человека, всю жизнь боровшегося с современностью, говорит, что Толстой был чужд своей современности 50–60-х годов, и что он боролся с этой современностью, занимая особую позицию — позицию архаиста XVIII века. Таким же архаистом чувствует себя Эйхенбаум, борясь с нашей современностью. Для меня никогда не было сомнения в том, что позиция Эйхенбаума в вопросе изучения Толстого — это сознательная позиция, позиция, направленная против интересов нашего народа, против интересов нашего государства, позиция, направленная против Ленина, против ленинской концепции Толстого. Эйхенбаум, конечно, читал Ленина и знает статьи Ленина. Но интересно, что он не пытается разобраться в Ленине, не делает никаких выводов. Казалось бы странно, что человек, который пишет в 1946 г. о Толстом, обходит Ленина и берет за образец Данилевского.

Второй вопрос — почему у нас в Институте литературы и здесь на филфаке (где я работаю недавно) космополиты и формалисты получили такое удобное прибежище. Судя по тому, какая обстановка у нас в Пушкинском доме была на протяжении лет примерно 12 (я там работаю с 1938 г.), формалисты и космополиты процветали потому, что им покровительствовала, в частности, у нас в Пушкинском доме, администрация. Формалисты и космополиты до последнего времени чувствуют себя так, что живут какой-то своей особой жизнью, что вообще наука развивается по каким-то своим особым законам и не подчиняется законам большой жизни, жизни народа. <...>

Наконец, я хочу остановиться на последнем вопросе — о плодах вредоносной деятельности формалистов. Мне сейчас в университете досталось некоторое наследие Б. М. Эйхенбаума. В связи с его болезнью мне прикрепили несколько его дипломантов, студентов V курса, занимавшихся в его семинаре по Толстому в прошлом году, а в этом году работавших под его руководством по написанию дипломных работ. Эти люди проработали с Б. М. Эйхенбаумом по крайней мере полтора года. И что же мы видим? Человек пишет дипломную работу на тему: "Незаконченный роман о русском помещике". Какова основная идея этой дипломной работы? Что хочет доказать дипломантка? Эта девушка хочет или хотела доказать следующее: почему роман не был закончен? Потому что Толстой не овладел формой. "Помилуйте, говорю я ей, ведь Толстой к этому времени уже был знаменитым, великим писателем, как же он не овладел формой?" — "Я не знаю, мне так говорил Борис Михайлович". Сейчас эта студентка перестраивается.

Другой факт: дипломантка пишет работу об "Анне Карениной". Тема работы: "Значение образа Анны Карениной в идейной композиции романа". Я спросил эту девушку: "Почему в 'идейной композиции романа'? Разве есть еще другая композиция романа?" Она не сумела мне ответить на этот вопрос. Действительно, почему идейная композиция, разве художественная композиция — это особое дело? В каждом художественном произведении мы имеем единую композицию. Какова основная цель этой работы, что дипломантка хочет в ней показать? "Я рассматриваю, — говорит она, — Анну Каренину с двух точек зрения: во-первых, я ее рассматриваю как жертву страсти, а во-вторых, как жертву социальных условий". "А какая основная, решающая точка зрения?" — "Конечно, первая. Мне нужно раскрыть эпиграф 'Мне отмщение, и Аз воздам'".

Третий случай. Человек пишет работу об образе Пьера Безухова: "Идейная биография Пьера Безухова". Она говорит: "В сущности, у меня работа уже сложилась. Я в прошлом году писала на эту тему работу в семинаре. Я рассматриваю Пьера Безухова как человека, который занимался всю жизнь самоусовершенствованием". Всякие предприятия Пьера Безухова, все его метания, масонство, облагодетельствования крестьян и проч. — все это игнорируется, берется только линия "самоусовершенствования".

Таких девушек не 3, и не 5, их много этих девушек, которые слушали Эйхенбаума, и им, конечно, тяжело сейчас придется. Они пострадали. Это тоже своего рода "жертвы" — жертвы метода, и эти жертвы нам надо спасать.

Смысл всей кампании, которая сейчас проводится, смысл всех наших обсуждений состоит именно в том, чтобы таких жертв больше не было. А для того, чтобы таких жертв не было, надо избавиться от людей, подобных Эйхенбауму, надо прекратить такое положение, когда этим людям доверялось воспитание наших молодых кадров»[272].

Ю. М. Лотман, который как член ВКП(б) в обязательном порядке присутствовал на этом собрании, вспоминал:

«Можно не упоминать о невежественных клеветниках, но, к сожалению, к кампании преследователей присоединились и такие люди, как Б. И. Бурсов.

Тогда это был начинающий самородок, человек того разряда, которых очень любили проникнутые просветительским пафосом старые ученые. То, что Бурсов — из простой крестьянской семьи и чуть ли не до 18 лет был неграмотным, в соединении с бесспорной талантливостью привлекало к нему внимание старых ученых. Того, что ум его не гибок и явно склоняется к догматизму, старались не замечать, а его поистине безграничное самомнение в ту пору еще не проявилось. Я был слушателем первых лекций Бурсова: они были тяжелы, неинтересны, но содержательны. Тем более было для нас неожиданностью, когда мы узнали, что Бурсов на одном разгромном собрании, обратившись с кафедры к Эйхенбауму, сказал: "Борис Михайлович, признайтесь, ведь Вы не любите русский народ!" Такие слова в те дни были равносильны приговору, который не подлежит апелляции. Бурсов был незлой человек, но Эйхенбаум обладал особым, не очень приятным для него даром: он вызывал зависть. Ему смертельно завидовал Пиксанов, завидовал и Бурсов...»[273]

Впрочем, Б. И. Бурсов не был последователен в своей критике, о чем свидетельствуют строки из доноса И. П. Лапицкого на имя Л. П. Берии, написанные в апреле 1952 г.:

---

[272] Там же. Оп. 3. Д. 124. Л. 42–43 об., 44 об. – 45 об.

[273] *Лотман Ю. М.* Двойной портрет. С. 347–348; записано Т. Д. Кузовкиной. (Отметим, что если описанный диалог Бурсова-оратора и происходил, то не весной 1949 г., поскольку Б. М. Эйхенбаум в то время был тяжело болен.)

«...В 1949 г. в связи с разоблачением антипатриотов-космополитов стоял вопрос о наложении партийного взыскания на Б. И. Бурсова. Тогда поведение Б. И. Бурсова в отношении его “учителя”, растленного буржуазного эстета Б. Эйхенбаума, нельзя было определить иначе, как беспринципное и подхалимское. Бурсов всячески оберегал своего разоблаченного “учителя” Эйхенбаума от критики и лицемерил, стремясь представить этого заклятого врага советской культуры, лидера космополитов и формалистов невинным старцем, отставшим от жизни, хотя Б. И. Бурсову, более, чем кому-нибудь другому, были известны антисоветские выступления Эйхенбаума в печати и на собраниях»[274].

Вслед за Б. И. Бурсовым особое внимание проблеме воспитания студенчества уделила О. К. Васильева-Шведе:

«...Как здесь уже было доказано, космополитизм в различных его проявлениях, в виде формализма, эстетства и т. д. передавался на протяжении целого ряда лет молодежи, на которую очень большое воздействие оказывали соответствующие авторитеты, их лекторское мастерство, эрудированность, огромный опыт. Неудивительно, что без особого труда в курсах, на семинарах студентам прививались буржуазно-эстетские взгляды на литературу и искусство, снобизм стал характерным для ряда студентов филфака, раздувалось значение буржуазной западноевропейской литературы и отрицалась национальная самобытность передовой русской литературы, умалялось ее всемирное значение. Здесь был показан целый ряд конкретных примеров того, как отравлялись умы наших студентов. Я хочу привести только еще один пример, конкретный, имеющийся в моем распоряжении. Это работы аспирантки университета Михельсон[275] “Черты импрессионизма в творчестве Оскара Уайльда”. Мы все знаем, какая борьба, внешняя и внутренняя, ведется всегда вокруг каждой кандидатуры в аспирантуру. Эта работа была представлена на право приема в аспирантуру нашей бывшей студенткой. После некоторого перерыва она вернулась в университет и представила эту работу (в 1945 г.). Поверьте мне на слово, что эта работа является не критикой импрессионизма, а панегириком ему. Я только приведу две строчки, где высказывается собственная точка зрения будущей аспирантки. Она была принята по этой работе, проучилась три года, диссертации не защитила и была отчислена. Вообще надо сказать, что работа написана “с огоньком”. <...>

Здесь были возгласы возмущения. Спешу добавить, что, конечно, бóльшая часть нашего студенчества противостояла этому влиянию, но немалое число поддавалось ему. Внутри здорового студенческого коллектива образовывались группы “эстетствующих юнцов”, из которых в дальнейшем выходили Эткинды[276], Левинтоны[277] и др., т. е. тот “брак” в нашем производстве, за который мы несем ответственность перед государством, перед советским народом и на устранение которого должны быть направлены все наши усилия. Это — следующий этап борьбы с космополитизмом, вероятно, более длительный и более сложный, чем первый, на который мы должны мобилизовать наши силы.

Важнейшим средством борьбы с тлетворным влиянием реакционной идеологии космополитизма в вузе является усиление всей нашей работы по воспитанию студенчества

---

274 РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 119 (Оргбюро и Секретариат ЦК ВКП(б)). Д. 852. Л. 73.

275 Михельсон Татьяна Николаевна (1918–?) — аспирантка филологического факультета, отчислена из аспирантуры 1 сентября 1948 г.

276 Ефим Григорьевич Эткинд.

277 Ахилл Григорьевич Левинтон.

в духе коммунизма, животворного советского патриотизма, в духе большевистской бдительности»[278].

Продолжил тему студент (и будущий декан факультета) В. Балахонов:

«Я хочу сказать несколько слов о том, как вредные космополитические теории отражались на дипломных работах наших студентов, причем на работах преимущественно хороших студентов, зачисленных позже в аспирантуру.

Вообще, надо сказать, что руководство дипломантами на кафедре западноевропейской литературы в общем и целом неудовлетворительно. Прежде всего, выбор тем производится без всякого учета возможностей студентов в разрешении этих тем. Характерна также постановка ненаучных, малоинтересных тем и, главное, забвение тех тем, в которых нуждается наше советское литературоведение. Причиной этому является отсутствие стремления оценивать явления литературы с позиций современности, давать им нашу партийную оценку. Важным моментом сейчас является разоблачение реакционных социальных и эстетических учений, и раздача тем такого характера требует особого внимания. Нужно, чтобы руководитель дипломанта, давая такую тему, был уверен, что студент сумеет с этой темой справиться, сумеет действительно разоблачить реакционное социальное или эстетическое учение. А мы видим, что очень часто студенты не справляются с такими темами и идут на поводу тех самых реакционных учений, разоблачить которые они поставили себе целью.

В 1946 г. была такая тема: "Утопия Морриса 'Вести ниоткуда'". Весь характер работы говорит о том, что руководитель дипломантки проф[ессор] Алексеев, небрежно занимаясь с нею, не дал ей возможности показать утопию Морриса как реакционное социальное учение, реакционное, прежде всего, потому, что произведение создавалось в ту эпоху, когда получало широкое развитие учение Маркса. Подобная тема давалась в этом году. Студентка Алексеева[279] пыталась разоблачать социальную сущность утопии Морриса и тоже с этой задачей не справилась. Дипломная работа Давыдовой[280] содержит ряд политических ошибок. Но я хотел бы более подробно остановиться на работе аспиранта Генина[281], который по этой работе был рекомендован в аспирантуру.

Название работы: "Гражданские мотивы в поэзии Клопштока". Работу эту очень усиленно расхваливали на кафедре перед тем, как Генин попал в аспирантуру. Однако, внимательное чтение этой работы показывает, что работа методологически совершенно порочна. Мало того, в этой работе присутствует целый ряд идеалистических вредных положений. Кроме того, в этой работе мы можем видеть все те недостатки, все те порочные теории проф[ессора] Жирмунского, о которых здесь говорилось. Я еще хочу добавить, что неизвестно почему (это трудно установить) у дипломанта Генина есть

[278] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 46–47.

[279] Алексеева Елена Михайловна — студентка четвертого курса (английский цикл).

[280] Давыдова Тамара Ивановна (1914–?) — студентка четвертого курса (отделение журналистики).

[281] Генин Лазарь Ефимович (1923–1982) — аспирант, выпускник ЛГУ (восстановился в 1944 г., в 1941–1943 гг. в действующих частях РККА, затем до возвращения в Ленинград — в инвалидном госпитале в Ташкенте), член ВКП(б) с 1947 г.; писал диссертацию под руководством В. М. Жирмунского, но приказом по ЛГУ от 22 января 1950 г. прикреплен к новому научному руководителю, доценту кафедры истории зарубежных литератур Б. Я. Гейману. Диссертацию он защитил лишь в 1975 г. в Ленинградском институте культуры имени Н. К. Крупской (на соискание ученой степени кандидата педагогических наук на тему «Отражение фольклора в библиотечно-библиографических классификациях»). Л. Е. Генин является одним из составителей библиографии трудов своего учителя: Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971): Библиографический указатель. СПб., 1991.

порочные методологические установки, от которых сам Жирмунский отказался, — это его установки 20-х годов...»[282]

Вслед за ним место за кафедрой занял А. С. Бушмин, который показал пример большевистской критики:

«Перед коммунистами университета, как и перед коммунистами Института литературы Академии наук, стоит сейчас одна, главная задача — окончательное устранение безродных космополитов из наших центральных научных учреждений литературоведения.

Об этом было достаточно четко, на достаточном основании, принципиально, партийно сказано в докладе тов. Лебедева. Доклад Лебедева поддержали также некоторые выступления, имевшие эту целенаправленность. Но целый ряд выступлений, например, выступление последнего товарища — это просто так, текущие разговоры, болтовня, констатация факта. Посмотрите вывод: надо в дипломной работе аспиранта что-то исправить.

(Шум.)

Вывод должен быть другой. Мы сейчас говорим о том, что на этой кафедре основным источником недостатков в работе является то, что кафедру возглавляет Жирмунский, закоренелый формалист и космополит. Жирмунский пожмет руку выступавшему только что товарищу, как пожмет руку и Плавскину. Мы, коммунисты Института литературы, просили вас помочь нам, выступить с партийной критикой, настоящей критикой работы проф[ессора] Жирмунского. А Плавскин выступил у нас, в Институте литературы, как философ "средней" линии, у нас таких философов своих хоть отбавляй, один Плоткин чего стоит — непревзойденный мастер. Эта философия как раз и привела нас к такому состоянию, когда мы должны принять самые решительные меры.

Мне кажется, что наименее достаточную поддержку в выступлениях получил тезис о том, как надо понимать проф[ессора] Гуковского. В докладе Лебедева сказано, что он принадлежит к числу лидеров группы воинствующих формалистов эстетов, причем по ряду своих личных свойств он является наиболее активно действующей силой, он является пробивной силой в этой группе. Эйхенбаум — это уже потрепанное знамя, как личность, он уже давно ничего не производит и живет на средства государства. Но его книги излучают вредные теории, которые мы критикуем. Но это не то, что Гуковский. А о Гуковском здесь, почему-то, делают всевозможные оговорки. Выступал один товарищ и говорил, что Гуковский "подвергает забвению" принцип партийности, что он недостаточно хорошо относится к аспирантам III курса и т. д. Но ведь это недостатки общего характера, которые были и, вероятно, еще будут присущи нашим ученым, и с ними требуется обычная борьба, требуется текущая, семейная, рабочая критика.

Но я вполне присоединяюсь к Бурсову, когда он говорит, что мы имеем здесь не просто ошибки и даже не систему ошибок, а сознательную позицию, враждебную нашему марксистско-ленинскому мировоззрению, и, несомненно, Гуковский принадлежит к числу таких людей.

Мы можем заметить, что различные враждебные нашей эпохе идеологические течения не просто уходят со сцены, они сначала используют все возможности приспособления. Вспомните рубинщину в политической экономии, в литературоведении переверзевщину, в философии меньшевиствующий идеализм. Они все больше и больше подделывались под марксистскую науку, принимали такую видимость, что на время некоторыми людьми даже причислялись к марксизму. У нас некоторые, даже из числа

[282] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 49–49 об.

коммунистов, считают, что у Гуковского есть какие-то ошибки, но вместе с тем у него есть какие-то поползновения, здоровая тенденция создать марксистское литературоведение. Это глубокое заблуждение. Я хочу показать, что Гуковский — это тот же Эйхенбаум, но видоизмененный, приспособленный к современным условиям.

Первый признак, который отличает Гуковского, например, от Эйхенбаума, состоит в своеобразной туманной, мглистой словесности. Эйхенбаум прозрачен, ясен. Он жил и творил свои произведения в медовые месяцы формализма, как "классик" формализма. Он просто говорил, что жизнь идет не по Марксу — тем лучше, что теория отражения — выдумка большевиков, созданная ими для поругания искусства, что он не любит славяно-русскую культуру и желает пропагандировать западное искусство.

У Эйхенбаума все было ясно. Конечно, сторонники Эйхенбаума недовольны тем, что он так откровенен. Говорят, что он неудачник и проч. Зато они похваливают Гуковского. Гуковский отличается свойством маскироваться в тумане фразеологии. <...>

Второй признак: Эйхенбаум отрицал всякий общественно-исторический генезис и общественную функцию в подходе к литературе. Он говорил, что писатель просто занимается поэтическими упражнениями. Эйхенбаум видел цель и назначение литературы в том, что она занимается производством некоторых поэтических форм. Всякое общественное содержание Эйхенбаум изгонял. Это тоже было ясно.

Гуковский поступает по-другому. На словах он не отрицает, как Эйхенбаум, значение общественных явлений и политической позиции и мировоззрения писателя. Уже на первой странице его книги "Пушкин и русские романтики" (1946 г.) он заявляет, что надо рассматривать стиль в зависимости от общей основы исторической и социальной действительности. Но это заявление, сделанное на первой странице его книги, остается лишь прикрытием. После этого Гуковский всячески начинает дискредитировать принцип политической позиции писателя. Он говорит, что политическая позиция писателя не имеет существенного значения для литературной деятельности. Был ли Жуковский революционером? Конечно, нет. Был ли он реакционером? Тоже нет. Значит, политическая позиция писателя — это такая вещь, на которой нельзя основывать исследование.

Дальше. Отход от политики, от активной общественной борьбы — отрицательное явление? Ничего подобного. Опять-таки пример — Жуковский. Если писатель отрывается от общественной жизни, то он отрывается не только от положительных сторон, но и от отрицательных. Таким софизмом проф[ессор] Гуковский оправдывает консервативные взгляды Жуковского. Это просто оправдание ренегатства, дезертирства. Это все равно, как если бы мы сказали, что солдат, убежавший из армии, вместе с тем убежал от фашизма — значит, он не разделяет взглядов фашизма.

Студенты будут читать эту книгу. Зачем мы воспитываем такую точку зрения, что отказ от борьбы есть благородная позиция. (Шум). <...>

Затем все формалисты, начиная с Эйхенбаума, Жирмунского и т.д., шли походом против революционных демократов, против Белинского, и в противовес Белинскому выдвигали Шевырева. Об этом сказано в книге Жирмунского о Байроне; об этом сказано в книге Эйхенбаума о Лермонтове. Белинский ничего не дал, зато дал Шевырев.

Гуковский поступает по-другому. Он говорит, что давал и Белинский, но Шевырев тоже давал. "Шевырев сказал верно и тонко", "Шевырев сказал очень хорошо о том, о чем сказал и Белинский". Белинский уже поставлен в качестве подпорки для Шевырева.

Здесь мы видим тенденцию, общую для всех формалистов.

Наконец, скажу о том, как Гуковский рассматривает формирование русского национального стиля.

Те страницы книги Гуковского "Пушкин и русские романтики", которые посвящены вопросу формирования русского национального стиля, у всякого читателя, который любит русскую литературу, вызовут чувство возмущения. Послушайте, о чем он говорит... <...> В этой космополитической тираде все от начала до конца ложь и фальсификация, все идет против марксистского учения о нации, все идет против известного классического положения товарища Сталина, где он определял нацию.

Все это доказывает, что Гуковский не любит, не понимает и не хочет понимать, что значит русская литература, хотя он ею много занимается.

Поэтому я думаю, что товарищи, которые склонны были свести к системе ошибок позицию Гуковского, глубоко заблуждаются. Для коммунистов это непростительно. Коммунисты должны прежде, чем сказать, очень хорошо обосновать свою точку зрения.

Мы в Институте литературы совершенно убеждены, что Гуковский даже в числе таких людей, как Эйхенбаум, Жирмунский, по ряду своих свойств является таким лицом, которое требует самого беспощадного к нему отношения»[283].

Обсуждение Г.А. Гуковского с этого момента проходило красной нитью через выступления ораторов: отдельно речь о нем завел секретарь парторганизации ЛГУ Ф.Я. Первеев:

«Возьмите кафедру русской литературы. На этой кафедре большое количество научных работников-коммунистов, доцентов, в том числе и декан факультета, Деркач и ряд других. Как могло случиться, что эта группа коммунистов отдала на откуп работу всей кафедры? Кто будет отвечать за это? Мы знаем, что если в том или ином месте не действуют партийные органы, не действует партийная совесть, то там действует что-либо другое. И вы допустили, что действовал Гуковский. Вину с себя ни в коем случае нельзя снимать. Я спрашиваю: вы убеждены, коммунисты кафедры русской литературы, что Гуковский не подходит? Убеждены. А почему вы не ставили этот вопрос?

(БЕРДНИКОВ: Ставили в партийном комитете.)

Когда мы спрашивали Бердникова, как вы относитесь к Гуковскому, у него не было твердой уверенности, что сейчас все кончено.

(БЕРДНИКОВ: Я пришел в партийный комитет и сказал: "Надоело мне возиться с Гуковским. Дайте санкцию". А вы мне сказали: "А кто будет работать? Может, другие еще хуже". Я говорил это у вас в партийном комитете, при полном составе комитета, перед заседанием.)

Тов. Бердников! Я не защищаю партийный комитет, даже не пытаюсь это сделать. Но заявляю перед общим партийным собранием, что у вас твердой уверенности не было, что надо заменить, в результате воз и поныне там. Характерно, что вчера здесь, на партсобрании, вдруг разнесся в кулуарах слух, что из горкома слышится звонок, и люди начали думать, что изменилась как-то линия. Товарищи! Линия борьбы партии за партийность в науке никогда не изменится. Следовательно, борьба против космополитизма, против различных извращений является всегда актуальной задачей нашей партии, и партия в этом направлении будет вести решительную борьбу»[284].

---

[283] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 51–54.
[284] Там же. Л. 55 об. – 56.

Взошедший за кафедру Г. П. Бердников, хотя и попенял предыдущим ораторам за резкие слова по отношению к руководству факультета, продолжил их линию, посвятив большую часть речи своему учителю:

> «...Дело заключается в том, что у Гуковского порочна вся система его взглядов, система, которая и сказывается во всех его книгах, во всех его репликах, которые кажутся человеку, не знающему его систему, иногда просто парадоксальными <...>.
>
> Если другие заявляли, что они стремятся пересмотреть свои позиции, то Гуковский никогда этого не делал.
>
> Вот почему наш счет Гуковскому, учитывая его поведение за все это время, очень велик. А поведение какое? Кто ушел с Ученого совета и болтал в коридоре, когда о нем шла речь, — Гуковский. Кто на прошлом Ученом совете выступил с шутовской речью и закончил ее анекдотом о Петрушке? — Гуковский. Кто поставил тогда под сомнение критику и самокритику? — Гуковский. Кто издевательски кричал в коридоре: "Самокритика или смерть!"? — Гуковский.
>
> Вот в чем дело, вот почему так велик наш счет Гуковскому. Вот почему я действительно приходил в партком и говорил: "Надоело, хватит, больше не могу". И не поддержали!
>
> Вот я и говорю, что все эти статьи в "Культуре и жизни" и "Правде" и дали нам возможность со всей серьезностью, со всей научной и политической глубиной взглянуть на вещи и прийти к заключению, что положение гораздо более сложно, гораздо более тревожно, что это мы себе раньше представляли»[285].

Заключительные слова своего выступления декан посвятил Институту литературы, а также грядущему заседанию Ученого совета:

> «Наша парторганизация, действительно, вела большую борьбу, в меру нашего умения, наших сил и в меру нашего понимания сложности положения. Но я должен сказать, что этой нашей борьбе кое-какие коммунисты мешали. Я должен прямо сказать, что если бы не существовал рядом с нами Институт русской литературы, возглавляемый Плоткиным, положение было бы иное.
>
> Я уже выступал неоднократно по поводу двурушнической позиции Плоткина. Когда наша парторганизация в прошлом году отсеяла 30% выдвинутых в аспирантуру, это Плоткин распустил слух, что здесь готовят не ученых, а председателей месткомов, это Плоткин подбирал всех негодных людей, которых явно нельзя было ввести в аспирантуру, и тем самым противопоставлял нам свой Пушкинский дом отдыха, как вольготное и мирное прибежище для людей, которые работали одновременно и у нас.
>
> Но я хочу сказать и другое. Здесь ретиво выступают коммунисты Института литературы. Но я дважды от райкома и горкома проверял Институт литературы, и я спрашиваю: какую помощь мне оказали коммунисты Института литературы при этой проверке? — Никакой. Что я сумел найти — о том я и доложил. А где были тогда коммунисты Института русской литературы? Почему Перепеч на ушко шептала мне, что у Плоткина даже любовница есть, но чтобы только ради Бога не узнали, что она это сказала, и не передали Плоткину. Почему никто твердо не сказал о порочной системе подбора кадров в институте?
>
> Так вот, я хотел сказать, что, когда коммунисты Института литературы будут разбирать эти вопросы, им нужно понять, что деятельность Плоткина в значительной мере поддерживалась и подкреплялась гнилым либерализмом, который господствовал в Институте литературы.

---

[285] Там же. Л. 62, 63 об.

Выводы. Я думаю, что выводы, к которым мы должны прийти в результате нашего партсобрания и Ученого совета, должны быть радикальные. Мы должны наметить выводы организационные, должны наметить выводы по укреплению кадров на наших кафедрах. Я бы хотел только предупредить товарищей о следующем, и особенно потому, что обычно, как это ни позорно, наши партийные разговоры не удерживаются на партсобрании. Следует пресекать вредные разговоры о том, что все предрешено, что судьба всех ученых уже определена — всех разгонят. Нет, мы будем решать вопрос о кадрах со всей большевистской принципиальностью и со всей государственной мудростью. Именно для этого работают у нас представители Министерства, и выводы, которые будут сделаны, явятся выводами по-настоящему обоснованными. Поэтому не следует распространять слухи (а они уже распространяются), что все заранее решено и подписано.

Наша парторганизация идейно и научно выросла. То, что студенты V курса выступают сегодня и критикуют профессоров, причем критикуют умно, с пониманием дела, — это свидетельствует о том, что деятельность нашей парторганизации за эти два года не прошла даром, что у нас есть силы радикально изменить положение на факультете. (Аплодисменты)»[286].

Вышедший затем Д. С. Бабкин обрушился на коллегу по Пушкинскому Дому профессора П. Н. Беркова:

«Товарищи! Я вполне согласен с тем, что сказал т. Бердников в адрес Института литературы Академии наук. У нас вчера так же, как и у вас, началось партсобрание, и продолжение его будет сегодня. Мы все эти вопросы будем обсуждать и сделаем из этого обсуждения соответствующие выводы.

У нас с вами получилось очень много общего в том отношении, что мы занимаемся вопросами литературы, и что лица, которые работают у вас, в такой же степени заняты в нашем Институте. Всех этих людей, о которых мы сегодня говорим, объединяет одна идеология — идеология космополитизма. Эта идеология, в какой бы форме, степени, области она ни проявлялась, является позорным уделом кучки людей, оторвавшихся от народа. <...>

В своих конкретных замечаниях я остановлюсь на работах проф[ессора] Беркова, фигуры в известной мере не столь значительной, как, скажем, матерые волки космополитизма — Жирмунский, Гуковский, Эйхенбаум и проч., но, однако, вполне оставалась как бы в тени. На всех собраниях у нас в Институте (не знаю, как здесь у вас), посвященных борьбе с буржуазными теориями в литературоведении, имя Беркова ни разу не упоминалось. Молчал и сам Берков, очевидно, полагая, что все его антипатриотические выступления никем не будут замечены.

Просмотр работ Беркова показывает, что он на протяжении многих лет всячески старался принизить русскую культуру. В своей работе "Ранний период русской литературной историографии" (сборник "Язык и литература", т. V, 1930 г.). Берков доказывает, что у русских людей не существовало научного интереса к своей культуре, и что, якобы, этот интерес пробудили у русских иностранцы, приезжавшие в Россию в конце XVII — начале XVIII вв. <...>

Надо быть человеком, лишенным всякого чувства национальной гордости, чтобы признать такого рода иностранных проходимцев и клеветников русского народа предшеетвенниками так называемых "специальных изучений" русской литературы. <...>

---

[286] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 64–64 об.

Я бы мог привести здесь целый ряд других фактов из самых последних работ проф[ессора] Беркова, в которых он остается верным тем взглядам, которые я зачитывал, взглядам, которые он приводил в первых работах 30-х годов. Но и приведенные здесь факты с достаточной ясностью характеризуют так называемую научную продукцию Беркова. Научные труды Беркова вполне можно уподобить, по меткому выражению Добролюбова, "топкому болоту, в котором ежеминутно можно погрязнуть в тине лжи, выдумок, безобразного искажения и произвольного изменения фактов".

И когда мы сегодня говорим о том, что наша борьба с этой группой космополитов только начинается, по существу, и она завершится только тогда, когда мы создадим собственные, построенные на марксистско-ленинской основе труды и сможем полностью освободиться от всех этих порочных концепций, — нам нужно ясно себе представить лицо каждого из этой группы для того, чтобы не питать в дальнейшем никаких иллюзий, что на этих людей мы можем в какой-то степени полагаться»[287].

Выступившая затем А. В. Десницкая, профессор ЛГУ и парторг Института языка и мышления имени Н. Я. Марра, коснулась космополитизма в языкознании, подробно остановившись на критике работ профессора С. Д. Кацнельсона (который присутствовал на партсобрании и вынужден был уделить в своем выступлении время для покаяния)[288]. Кроме того, часть своего выступления она посвятила разоблачению буржуазных теорий в языкознании, проникающих в труды советских ученых:

«В настоящее время так называемый структурализм является боевой идеологией буржуазного языкознания, идеологией, объединившей основную массу языковедов буржуазного Запада. Центром этой теории являются страны Бенилюкса, Дания и Америка. Структурализм является типичным выражением буржуазного космополитизма. Эта концепция, совершенно нивелирующая всякую национальную, всякую историческую, всякую классовую специфику. Языки рассматриваются с точки зрения общих универсальных законов, и ставится вопрос, что языкознание должно быть наукой о законах, которые едины для всех языков, для всех стран, для всех времен. Поэтому не надо изучать много языков, не надо изучать их историю, не надо изучать их своеобразие. Можно ограничиться изучением одного языка и вывести на этой основе общие законы. Языкознание, в общем, сводится к нескольким убогим схоластическим законам формальной логики. Язык с точки зрения этой концепции рассматривается как система отношений, система функций. Что вступает в эти отношения, что соотносится, что обладает функцией — это безразлично, это все равно.

И вот, о влиянии этой воинствующей идеологии англо-американского блока нам нужно особенно серьезно говорить. Не случайно, что в организационном оформлении структурализма принимал активное участие белоэмигрант, безродный космополит

---

[287] Там же. Л. 65–65 об., 67.

[288] Биографическая литература об А. В. Десницкой не отражает ее позицию первых послевоенных лет, а отношения двух лингвистов выглядят идиллическими: «...С. Д. Кацнельсон, выдающийся лингвист XX в. и близкий друг А[гнии] В[асильевны]» (*Жугра А. В.* Очерк жизни и деятельности А. В. Десницкой // Агния Васильевна Десницкая: Биобиблиографический очерк. СПб., 2002. С. 39); «Дружеский круг коллег во многом способствовал научному становлению Агнии Васильевны. Все последующие (после войны. — *П.Д.*) годы продолжалось особенно тесное сотрудничество с Викторией Николаевной Ярцевой и Соломоном Давидовичем Кацнельсоном. Агния Васильевна любила вспоминать, что впервые с Соломоном Давидовичем они встретились в 1934 г. во время похорон Н. Я. Марра» (*Казанский Н. Н.* От редактора // Studia Linguistica et Balcanica: Памяти Агнии Васильевны Десницкой (1912–1992). СПб., 2001. С. 5).

Роман Якобсон[289], теснейшим образом связанный с теми формалистами в литературоведении, о которых мы сейчас все время говорим. Роман Якобсон — это ближайший друг В. Шкловского, который является автором знаменитого "Гамбургского счета". И вот этот враг Советского Союза — Роман Якобсон — является одним из идейных вождей этой воинствующей идеологии англо-американского блока.

Каково непосредственное влияние этих идей? Надо считаться с тем, что у Якобсона остались прямые связи с некоторыми представителями нашей лингвистики. Но, кроме того, сама идеология структурализма в целом сильно влияет на наше языкознание, и часто мы недостаточно учитываем это влияние. На днях произвели полный разгром структуралистских теорий, получивших развитие среди некоторой группы работников в области фонетики. Эти наши фонетисты, развивавшие идеи структурализма, признали свои ошибки. Так что в данной области разгром этого враждебного направления совершен. Но надо считаться с тем, что в области общего языкознания, в области изучения грамматики, структуралистские идеи имеют очень сильное хождение, причем их не всегда можно обнаружить, потому что если наши авторы часто любят ссылаться на зарубежных лингвистов по частным вопросам, то по вопросам общетеоретическим они предпочитают не ссылаться, а просто излагают враждебные концепции под видом последнего слова советской науки.

Дело разоблачения структурализма в нашем языкознании, это дело, которое только-только начинается. Мы должны будем этим серьезно заняться»[290].

Выступления сотрудников Пушкинского Дома, отличавшиеся повышенным градусом большевистской критики, продолжил еще один делегат от парткома Института литературы, присланный на собрание райкомом ВКП(б), — Б. В. Папковский; он поставил вопрос критики шире — рассмотрение отдельных личностей он перевел в опасную область «групповщины», выдвигая против ученых серьезнейшие политические обвинения:

«Я не посмел бы задержать ваше внимание на минуту, учитывая, что мы все устали, что работа продолжалась очень плодотворно, если бы одна проблема, один существенный вопрос не был здесь так мало затронут. Он оказался совершенно обойденным.

Вопрос этот состоит в том, что ни в одном выступлении не прозвучало в должной мере — а как же обстоит дело на факультете с организационными формами космополитизма. <...> Плоткин на партбюро в Институте литературы заявил, что в Институте литературы существовала сплоченная группа, которая ставила перед собою определенную цель и задачи не только идеологические, но и организационные. Плоткину пришлось признать, что он фактически явился главой этой группы, сплотил ее. Этот авантюризм Плоткина, который известен с начала Отечественной войны, его политическое двурушничество становятся совершенно очевидными.

Ну, а у вас на филфаке ведь работают те же самые лица. Если в Институте литературы такая сплоченная группа была, то у вас ее не было? Я смею утверждать, что была. Я приведу только один пример, известный в райкоме. В начале этого учебного года новый декан, новое партбюро проводили укрепление преподавательских кадров коммунистическим составом. И что вышло? Против этого выступили космополиты, против этого выступил Плоткин, причем на бюро райкома обследовательская комиссия

[289] Якобсон Роман Осипович (1895–1982) — лингвист, литературовед, в 1921 г. эмигрировал, с 1941 г. жил в США.

[290] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 69 об. – 70.

официально заявила, что Плоткин выступил как представитель этой группы, и мнение было такое, что коммунистами укреплять кафедры не следует. Ведь такой факт был? Был. Это проявление групповщины? Безусловно. А то, что Гуковский сгруппировал вокруг себя не только преподавателей, старших преподавателей, доцентуру, но и студенчество, — это групповщина или нет? А тот факт, что в Ленинграде создалась монополия формалистов и космополитов, начиная с лекторского бюро и кончая всякими издательствами и редакциями газет (напр., "Вечерний Ленинград") — это организованная группа или нет? Спрашивается, а у вас в университете нет организованной группы? По-моему, на этот вопрос двусмысленного ответа быть не может, — эта группа, безусловно, есть. И ту тревогу, которую выразил секретарь партийного комитета университета (Ф. Я. Первеев. — *П.Д.*), я поддерживаю. Вы правильно подчеркнули, что разоблачение только начинается, что надо довести его до конца, что надо разоблачить и изгнать дутые авторитеты. Речь идет не об отдельных ошибках, а речь идет о системе взглядов, системе буржуазного контрреволюционного космополитизма и формализма, речь идет не о том, чтобы исправлять их, а о том, чтобы ликвидировать это наследие буржуазной культуры.

Так стоит вопрос. Эта постановка вопроса политическая, а не разговоры вообще, не критика отдельных ошибок. Отдельные ошибки легко исправить, отдельные ошибки, может быть, будут и в дальнейшем, мы не гарантированы от этого, но это не система определенных контрреволюционных взглядов. Спрашивается: а формалисты, космополиты — это контрреволюционеры или нет? На этот вопрос надо дать четкий ответ. Я утверждаю, что это контрреволюция, никаких либеральных споров здесь быть не может. Вопрос идет о полной ликвидации. Теперь у нас как-то принято говорить, что Эйхенбаум — человек больной, он в очень тяжелом состоянии, и поэтому его критиковать неудобно. Но ведь дело не в этом, не будем говорить о субъективном состоянии человека, а будем говорить об общественной значимости его деятельности, которая отражена в какой-то мере в культуре и этой культуре вредит. Поэтому разрешите остановиться на политическом моменте.

В 1922 г., как известно, издеваясь над русской культурой, Эйхенбаум провозгласил, что русская интеллигенция никогда не имела самостоятельного лица и постоянно училась у немцев. Дальше он оплевывает ленинскую теорию отражения. Большевики — монисты, материалисты, они всю жизнь свели к единому началу. Но так как искусство к единому началу не сводится, то большевики выбросили искусство — пусть существует как отражение, иногда полезно для просвещения.

Эйхенбаум говорит, что жизнь пошла не по Марксу.

Но какова социальная база, на которую была рассчитана эта проповедь формалистов? Статьи 1924 г. это лучше всего показывают. Что произошло в 1924 г.? Эйхенбаум в родстве с Троцким выступил в дискуссии по поводу формального метода, причем Троцкий признал, что формальный метод — хорошая вещь. И Эйхенбаум принимает поддержку троцкизма. В журнале "Печать и революция" (№ 5, 1924) Эйхенбаум прямо писал, что общественно-педагогическое значение формального метода во многом приподнял Троцкий, за что формалисты Троцкого очень благодарят. Таковы заключительные слова Эйхенбаума по поводу дискуссии.

В 1927 г. Эйхенбаум также благодарил Бухарина за то, что он обронил несколько строк и хорошо отозвался о формалистах. По-моему, контрреволюция находила явное отражение и поддержку в эйхенбаумщине.

1929 год. Здесь уже цитировали, что Эйхенбаум не принимает славяно-русской культуры. А как он относится к таким явлениям, как литература? Он прямо заявляет, что, собственно, советской литературы нет. Книг никто не читает. Поэзию издатели не хотят печатать, беллетристику тоже. Что касается писателей, то писатель — это гротескное явление в условиях 1929 г. Его больше прорабатывают, чем читают. Не лучше ли удовлетвориться одними газетами? Это — юмор, но юмор контрреволюционера, — иначе определить деятельность Эйхенбаума невозможно. <...>

Контрреволюционная сущность этих выступлений достаточно ясна. Кроме того, выступления Эйхенбаума по вопросам театральной критики на страницах ленинградских газет 1945–1946 гг. явились по сути предтечей выступлений безродных космополитов театральных критиков. И не только по этой линии идет родство. Родство идет и по той линии, что Янковский, Шнейдерман, Цимбал — прямые ученики Эйхенбаума по Институту истории искусств. Если стоит вопрос о ликвидации этих безродных космополитов театральных критиков, то духовного отца, их вдохновителя, вредившего русской культуре на протяжении всей своей литературной деятельности, мне кажется, миловать не приходится.

На данном этапе более опасны гуковщина и бяловщина, но мне не понравилось одно место в выступлении тов. Западова. Если он лучше западников разобрал Жирмунского, то о Гуковском он пел тихой трелью.

(ЗАПАДОВ: Я не считаю его контрреволюционером.)

Вы были его учеником, работали под его руководством и натворили массу ошибок именно благодаря Гуковскому. Вы, как коммунист, который отдает полный отчет в политическом положении и политической оценке этого явления, сегодня разрываете с методологией Гуковского? На этот вопрос мы не слыхали ответа.

Плоткино-гуковская группа не менее сильна на филфаке, чем в Институте литературы. Перед коммунистами филфака и коммунистами Института литературы общая задача: боевое сплочение сил, полная ликвидация безродного космополитизма, формализма и буржуазного национализма»[291].

После выступления Б. В. Папковского на трибуну поднялся представитель горкома ВКП(б), доцент кафедры истории ВКП(б) исторического факультета ЛГУ В. А. Овсянкин[292], который озвучил точку зрения нового ленинградского партийного руководства на сложившуюся ситуацию:

«Советская литература является одним из средств идеологического воспитания народа. Советская литература призвана активно участвовать в борьбе за построение коммунистического общества. Советское литературоведение призвано пробуждать глубоко патриотические чувства советского народа и помогать советскому народу в решении стоящих перед ним задач. Работники советской литературы, преподаватели филфака должны создавать работы, на которых мы могли бы воспитывать студентов, трудящихся нашей страны в духе марксистско-ленинского мировоззрения.

---

[291] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 80–82. Обвинения в адрес Б. М. Эйхенбаума легли в основу статьи, вышедшей через полгода (*Папковский Б.* Формализм и эклектика профессора Эйхенбаума // Звезда. Л., 1949. № 9. Сентябрь. С. 169–181).

[292] Овсянкин Владимир Александрович (1909–1985) — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета, заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома ВКП(б); в ходе «ленинградского дела» избежал ареста, но был снят с работы в горкоме, уволен из университета, исключен из партии, до 1953 г. работал токарем на Литейно-механическом заводе № 1 г. Ленинграда; впоследствии профессор исторического факультета ЛГУ.

Партия и советский народ осудили антипатриотическую деятельность театральных критиков космополитов, которые насаждали в нашем искусстве буржуазную идеологию и всячески порочили советское искусство. И правильно здесь говорил тов. Бердников, что эти выступления партии, нашей партийной печати по выявлению критиков-космополитов помогли разоблачить вредную деятельность безродных космополитов и в других областях науки. Эти выступления партии помогли разоблачить космополитов в литературе, в истории, в экономической науке, в педагогике, в юридической науке и в целом ряде других областей.

В Ленинградском университете окопалась сильная группа космополитов-литераторов. Имена их вам известны, они неоднократно повторялись на этом собрании. <...> Жирмунский, Гуковский, Азадовский возглавляли здесь (и возглавляют) кафедры, насаждали среди студентов тлетворные буржуазные воззрения, принижали прогрессивное значение русской культуры. Развитие русской литературы они рассматривали в отрыве от классовой борьбы и общественного развития. На протяжении всей своей педагогической и научной работы они придерживались космополитизма, придерживались этих антипартийных установок, и их работы, как правильно показали здесь выступавшие коммунисты филфака, проникнуты враждебностью к классической русской литературе, преклонением перед буржуазным литературоведением.

Таким образом, видно, что работа ведущих кафедр филфака ни в какой мере не соответствовала тем идейно-политическим требованиям, которые должны быть предъявлены к этим кафедрам. В практике работы кафедр отсутствовала критика современной буржуазной деградирующей литературы, не велось наступления на враждебную нам буржуазную идеологию. <...>

Мне кажется, что руководство факультета и партийная организация факультета должны более решительно ставить вопрос о борьбе с космополитами, окопавшимися на филфаке. Декану факультета нужно быть не только осторожным, но и более решительным и непреклонным в своей борьбе с космополитизмом. Нужно систематически вести линию на очищение факультета от космополитических элементов и, в первую очередь, на то, чтобы очистить филфак от вождей космополитизма.

Мне думается, что первым шагом к решению этой задачи должно быть освобождение космополитов с командных научных и научно-административных постов на филфаке. Нужно смелее выдвигать новые, молодые научные кадры на руководящую научную работу. Не нужно бояться этого выдвижения. Нужно оставлять аспирантов, успешно закончивших факультет, на научной работе в университете. Может быть, сначала им будет трудно, может быть, сначала они будут спотыкаться, но они привыкнут, научатся и действительно быстрее вырастут на руководящей работе — на руководящей работе на самом филфаке.

Нужно, наконец, в ближайшее время пересмотреть состав Ученого совета. Правильно говорил тов. Первеев, что нужно усилить состав Ученого совета филфака за счет молодых научных работников-коммунистов и беспартийных наших товарищей, советских патриотов. И не нужно затягивать эту операцию. Это поможет оживить работу Совета и внесет в работу Совета новую струю.

Нужно посмотреть, правильно ли присуждались Ученым советом филфака за последние годы ученые степени и звания, не прошли ли в результате гнилого либерализма недостойные работы.

Нужно проверить состав аспирантов и исключить из аспирантуры лиц, не отвечающих политическим и научным требованиям.

Нужно посмотреть темы аспирантских диссертаций, исходя из требований советской науки о литературе.

Нужно еще раз посмотреть программы по профилирующим дисциплинам. Как видно, эти программы страдают еще серьезными недостатками.

Партия и правительство создали все условия для плодотворной работы советских ученых, аспирантов, а также студентов. Задача заключается в том, чтобы создать для советского народа научные труды, проникнутые духом воинствующей большевистской партийности, и оправдать высокое доверие партии и народа.

Партийное собрание факультета идет на высоком идейно-политическом уровне, и это является залогом того, что коммунисты филфака способны возглавить борьбу за глубокую перестройку научной и учебной работы на факультете. (Аплодисменты)»[293].

После этого для заключительного слова к трибуне вышел секретарь партбюро Н. С. Лебедев:

«Товарищи! После выступления тов. Овсянкина мне, собственно, заключать нечего, потому что вся наша работа обобщена, поставлены задачи. Но все же, пользуясь правом докладчика, я хочу отнять у вас несколько минут для ответа по частным вопросам.

Прежде всего, должен сказать, что партсобрание с исключительным единодушием обрушилось на космополитов, на их антинародную, по существу своему, антисоветскую деятельность. Это свидетельствует о том, что наша парторганизация едина, а это, в свою очередь, является залогом успеха в окончательном разгроме, в окончательном выкорчевании и основной группы космополитов и их последователей.

Что касается доклада, то я сознательно центр тяжести перенес на разоблачение. Таково мнение всей группы, которая работала над всеми этими вопросами, потому что у нас еще до сих пор считают Гуковского талантом, даже чуть ли не гением. До сих пор считают Жирмунского крупным ученым в Советском Союзе. Видимо, давно уже настало время переоценить эти таланты. Оказывается, эти таланты засоряют враждебными идеями сознание нашей молодежи, насаждают идеи, враждебные советскому народу. Совершенно очевидно, что это не имеет никакого отношения к таланту. Это не талант.

Я должен в некоторой части поддержать выступление Папковского о том, что это идейно-политическое объединение привело к организационному объединению. Логика борьбы состоит именно в том, что взгляды, враждебные нашей партии, нашему народу, неизбежно должны привести к организации. Трудно, конечно, судить, потому что я не располагаю фактами, но логика борьбы именно такова, что в дальнейшем эта организация могла бы привести к активным действиям контрреволюционного характера.

(С места: Факты — подбор кадров.)

(С места: Расстановка их.)»[294]

Затем Н. С. Лебедев дал и некоторые комментарии к прозвучавшим за два дня собрания выступлениям, в том числе о положении на кафедре классической филологии:

«Что касается замечания т. Вулих, что у нас, де, нет Жирмунского и Гуковского, то вооружитесь микроскопом и попытайтесь обнаружить.

(РЕДИНА: И без микроскопа видно.)

Есть, конечно, и там, потому что это целая система, пронизывающая все области нашей филологической науки, да и не только филологической»[295].

---

[293] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 83–84 об.

[294] Там же. Л. 85–85 об.

[295] Там же. Л. 87.

Такой поворот был ожидаем: защитительные речи не поощрялись ни в коем случае. Но когда имя ее учителя И. М. Тронского попало в текст резолюции, Н. В. Вулих нашла силы для его защиты:

«ВУЛИХ: В резолюции также упомянут проф[ессор] Тронский наряду с Жирмунским. Стоит ли его упоминать вместе с Жирмунским и Гуковским?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [С. С. Деркач]: Тронский упоминается как автор теории стадиальности. Смысл теории стадиальности один — отрицание национальных особенностей культуры, пренебрежение национальными границами, смазывание классовой борьбы. Так что, в общем, Тронский с этой теорией выглядит ничуть не лучше Гуковского или Жирмунского»[296].

В завершение собрания настало время выступить еще раз заведующему кафедрой истории журналистики А. В. Западову — его реплика в защиту Г. А. Гуковского оказалась единственной за два дня этого тяжелого партсобрания, сказанная наперекор оратору. И ее стоит признать, без всяких натяжек, актом гражданского мужества Александра Васильевича. Однако после разговора с членами партбюро мужество покинуло его, чем он не только обрек себя на выступление на предстоящем заседании Ученого совета, но и вынужден был каяться уже в конце этого партсобрания:

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [С. С. Деркач]: Слово для заявления имеет тов. Западов.

ЗАПАДОВ: Я не считаю, что я принадлежу к числу безродных космополитов; я не считаю также, что меня нужно отрывать от группы безродных космополитов, потому что я к ним не принадлежал и не принадлежу.

Об ошибках космополитического порядка я говорил, это не мои единоличные ошибки, к тому же это ошибки 10-летней давности. С момента моего поступления в университет я работаю по другой кафедре и по другой специальности.

Я должен сказать партсобранию, что считал и считаю порочной и вредной методологию проф[ессора] Гуковского, что я согласен с той развернутой оценкой его деятельности, которая была дана на партсобрании, и в которой я также принимал участие, и что всей своей дальнейшей научно-педагогической работой я докажу, что правильно воспринимаю решение партии о борьбе с буржуазным космополитизмом и сумею быть борцом именно в рядах партии, а не в каких-нибудь других рядах.

ПАПКОВСКИЙ: Я никогда не причислял Западова к какой-то группе безродных космополитов и считаю это недоразумением. А ошибки действительно есть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Переходим к предложениям»[297].

Этот прецедент с А. В. Западовым характеризует сложившуюся модель подавления личности, кристаллизовавшуюся к концу 40-х гг. в сталинском обществе; после случайной реплики, «крика души», ему предстоял уже осознанный выбор — либо стоять на своем и быть внесенным в резолюцию в качестве пособника космополитов, а потому получить за это как минимум выговор по партийной линии, или же сдаться (что давно сделала большая часть из присутствующих в зале). Он присоединился к большинству и выступил на Ученом совете против своего учителя, впрочем, очень сдержанно[298].

---

[296] Там же. Л. 89 об.

[297] Там же. Л. 88.

[298] Мы также считаем, что следует признать излишне категоричной оценку А. В. Западова, данную впоследствии Е. Г. Эткиндом в «Записках незаговорщика» («...Когда-то один из любимых учеников Гуковского, он раньше многих предал учителя, а теперь выпустил книгу “В глубине строки”, посвященную его памяти...» (*Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. С. 138)).

Затем была обсуждена резолюция партсобрания, положения которой резюмируют выступления самых ревностных борцов с космополитизмом. Первые три пункта постановления партсобрания гласили:

«1. Поставить вопрос перед деканатом и ректоратом о необходимости организационных выводов к ряду работников филологического факультета, зараженных идеологией космополитизма.

Для этого рекомендовать:

а) Пересмотреть состав Ученого совета факультета с тем, чтобы полностью обеспечить в его работе партийную линию в науке.

б) Пересмотреть состав ведущих кафедр факультета и провести укрепление кафедр за счет марксистски подготовленных научных кадров.

в) Пересмотреть состав аспирантов с точки зрения их пригодности к ведению научной работы в духе требований марксистско-ленинской науки.

2. Рекомендовать декану обсудить на открытом Ученом совете вопрос о деятельности подвизающихся на факультете космополитов в литературоведении.

3. Партийным группам усилить идейно-политическое воспитание профессорско-преподавательского состава и студенчества с целью искоренения остатков влияний буржуазного космополитизма...» [299]

Что же касается предстоящего заседания Ученого совета факультета, то объявление о нем сделал Г. П. Бердников:

«Я бы хотел обратиться к нашим коммунистам с таким вопросом. В резолюции сказано о том, что этот вопрос, который мы сегодня обсуждали, нужно поставить перед Ученым советом.

Этот вопрос уже ставится. Вначале Ученый совет был назначен на пятницу, но именно в связи с тем, что наше партсобрание затянулось, пришлось Ученый совет перенести на понедельник.

В понедельник, 4 апреля, состоится Ученый совет по всем этим вопросам, и я обращаюсь к парторганизации с таким заявлением.

Вы должны отдавать себе отчет в ответственности и сложности проведения этого открытого заседания Ученого совета. Мне кажется, что за проведение этого Ученого совета в должном направлении несет ответственность партбюро и парторганизация в целом. Что касается партбюро, то оно принимает и будет принимать участие в подготовке Ученого совета, но мне хотелось бы, чтобы коммунисты в целом приняли активное участие в проведении этого Ученого совета. Целый ряд коммунистов мы пригласим выступить на этом Ученом совете.

Во-вторых, я хотел бы, чтобы коммунисты понимали, что если имеющаяся у нас эстетствующая часть студенчества устроит какую-нибудь демонстрацию на этом Ученом совете, то это наложит пятно на нашу партийную организацию и на общую настроенность подавляющего большинства студенчества нашего факультета. Было бы целесообразно активу до Ученого совета разъяснить значение его, с тем, чтобы студенты отчетливо представляли себе всю ответственность и важность этого мероприятия» [300].

В тот же день о решениях партсобрания уже знал и филологический факультет, и Пушкинский Дом. Обстановка накалялась. 3 апреля О. Ф. Фрейденберг записала:

---

[299] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 118.

[300] Там же. Л. 91–91 об.

«На факультете страшное напряженье. Через два дня — снова ордалии, но уже с "оргвыводами". Ждут полного разгрома — особенно вчерашних "блатчиков", Азадовского — Гуковского — Жирмунского. У нас — Лурье и... Тронского, о котором говорят, что его учебник не годится и еще что-то. Мне "предлагают" выступить на чистке и громить его и Лурье. Наташка Вулих старается выгородить своего учителя; Бердников бросает ей в пасть Соломона Лурье, участь которого предрешена[301].

У Азадовского сделался сердечный инфаркт. Лурье в тяжелом состоянии отправлен в больницу: инфаркт миокарда»[302].

7 апреля университетская газета поместила отчет об этом партсобрании, призванный выставить работу парткома ЛГУ в наилучшем свете; во вводной части было сказано:

«Коммунисты, ученые и научные работники факультета сурово критиковали ошибочные взгляды названных профессоров, решительно напоминали им о необходимости коренной перестройки их мировоззрения.

---

[301] С. Я. Лурье был серьезно болен сердцем и находился в апреле 1949 г. в больнице. К тому времени он не читал лекций на историческом факультете (основное место работы — ЛОИИ), но коллеги по университету выдвинули ему ряд обвинений, в том числе в том, что его установки представляют «смесь биологизма, вульгарного материализма, метафизического детерминизма, космополитизма, преклонения перед иностранными авторитетами, модернизации и полной недооценки русской и советской науки» (ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 99. Л. 6. Цит. по: *Соболев Г. Л., Тихонов И. Л., Тишкин Г. А.* 275 лет: Санкт-Петербургский университет. С. 344–345). И хотя его работы и обсуждались историками в ходе антикосмополитической кампании, местом его преподавания была кафедра классической филологии. По этому поводу 9 апреля 1949 г. С. Я. Лурье писал в заявлении на имя ректора: «Основной моей специальностью, как доктора филологических наук, является преподавание греческого языка и чтение со студентами греческих авторов. Я 40 лет преподаю и изучаю греческий язык и смею полагать, что являюсь одним из немногих знатоков этого языка в Союзе. Точно так же я имею репутацию хорошего преподавателя, и в моих занятиях по языку до сих пор ни разу не было усмотрено методологических и космополитических ошибок. Полагаю, что в интересах дела, в интересах студенчества, работа на кафедре классической филологии должна быть и впредь мне поручаема» (ПФА РАН. Ф. 976 (С. Я. Лурье). Оп. 2. Д. 13. Л. 12 об.).

Как только С. Я. Лурье выписался из больницы и вышел в июне на работу в университет, кафедра классической филологии была 18 июня 1949 г. собрана на специальное заседание, отрывок из протокола которого мы приведем: «Проф[ессор] О. М. Фрейденберг указывает, что работы проф[ессора] С. Я. Лурье подверглись критике в печати, отметившей их идеологическую порочность; О. М. Фрейденберг поясняет, что на классической кафедре С. Я. Лурье читает только языковые курсы и в этой работе достигает эффективных результатов. <...>

Затем Н. В. Вулих подвергает подробному анализу научные работы проф[ессора] С. Я. Лурье, указав на идеологические ошибки в этих работах по истории и истории философии, формалистический и механический характер трактовки творчества... Н. В. Вулих считает, что кафедра не может уклониться от обсуждения этих ошибок проф[ессора] С. Я. Лурье и что С. Я. Лурье должен пересмотреть свои взгляды и выступить с самокритической оценкой этих ошибочных положений.

Проф[ессор] С. Я. Лурье выступил с развернутой критикой ошибок, допущенных им в его научных работах по истории и философии. Указывая, что он считает своей обязанностью исправить и исправляет эти ошибки, С. Я. Лурье высказывает благодарность Н. В. Вулих за сделанные ею критические замечания» (Там же. Л. 35).

В том же месяце был подписан приказ по ЛГУ: «За допущение ряда серьезных ошибок в своей научной и учебной работе, Лурье С. Я. — профессора кафедры классической филологии, освободить от работы в Университете с 1 июля 1949 г. » (ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 1312 от 27 июня 1949 г.). Попытки С. Я. Лурье оспорить этот приказ (в июле 1949 г. он подал заявление в МВО СССР, ректорат ЛГУ и в Отдел науки ЦК ВКП(б)) успеха не имели.

[302] *Фрейденберг О. М.* Записки.

Особенно резкой критике подверглись ошибочные воззрения В. М. Жирмунского, Б. М. Эйхенбаума, М. К. Азадовского и Г. А. Гуковского весной прошлого года, когда было полностью разоблачено враждебное нашей науке буржуазно-либеральное существо учения о литературе безродного космополита А. Веселовского. После известной статьи "Против буржуазного либерализма в литературоведении", напечатанной в газете "Культура и жизнь" 11 марта 1948 года, В. М. Жирмунский, М. К. Азадовский и другие вынуждены были признать ошибочность и идеологический вред своих выступлений с апологетикой реакционных положений Веселовского, ошибочность своих формалистических и идеалистических взглядов.

Факты показывают, что профессора В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, М. К. Азадовский и Г. А. Гуковский, формально признав свои ошибки, по существу не изменили своих ошибочных научных взглядов, не сделали ничего принципиально нового в развитии марксистско-ленинских положений в литературоведении. В своих печатных трудах и публичных выступлениях они повторяют старые формалистические, компаративистские и идеалистические положения, не понимая, что подобные ошибки объективно ведут к космополитизму, который в настоящее время является идеологической диверсией англо-американского империализма.

Сейчас, когда международная реакция ведет бешеное наступление на суверенность советской науки и культуры, усиленно пропагандирует идеологию космополитизма, мы должны беспощадно разоблачать малейшие проявления аполитизма, формализма, компаративизма и других буржуазных пережитков в литературоведении, сурово критиковать носителей подобных пережитков, вскрывать порочность их методологии.

Этому и было посвящено партийное собрание филологического факультета, на котором коммунисты по-большевистски вскрыли порочность научных взглядов В. М. Жирмунского, Б. М. Эйхенбаума, М. К. Азадовского, Г. А. Гуковского и некоторых других ученых факультета» [303].

ПАРТСОБРАНИЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА 29–30 МАРТА 1949 ГОДА. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

События 29–30 марта лишний раз доказывают, насколько единым организмом были филологический факультет ЛГУ и Пушкинский Дом. Многие выступающие принимали участие в двух партсобраниях одновременно; представитель горкома ВКП(б) В. А. Овсянкин также присутствовал на обоих собраниях.

Собрание коммунистов Пушкинского Дома было не таким многочисленным, как на филологическом факультете, но впечатляющим: 28 членов ВКП(б), не считая кандидатов, работник горкома и несколько сотрудников райкома ВКП(б), 18 коммунистов от филологического факультета ЛГУ, учреждений АН СССР, ЛГПИ имени А. И. Герцена, а также «представители печати». В президиуме собрания — А. С. Бушмин, А. И. Перепеч, А. И. Груздев, В. А. Ковалев, В. А. Овсянкин, Н. Ф. Бельчиков. Все два дня на партсобрании председательствовал А. С. Бушмин.

[303] Против космополитизма и формализма в литературоведении: (С партийного собрания филологического факультета) // Ленинградский университет. Л., 1949. № 13. 7 апреля. С. 2.

Собрание проходило без основного доклада — его заменило решение бюро Василеостровского райкома от 25 марта 1949 г., которое зачитала А. И. Перепеч. После этого начались прения.

Первым на трибуну поднялся В. А. Ковалев:

«С большой радостью коммунисты нашей партийной организации встречают решение районного комитета партии о работе партийной организации нашего института и института в целом. Настоящее партийное собрание, мне кажется, должно быть историческим для нашего института и привести к коренному перелому в его работе. Мы думаем, что коммунисты партийной организации Института литературы внесут свой вклад в то развернутое большевистское наступление на идеологическом и теоретическом фронте, которое совершается в последние годы в нашей стране.

Наш институт, к нашему стыду, стал заповедником космополитизма. Здесь их держали, здесь они чувствовали себя в безопасности, здесь их защищали и ограждали от партийной критики, здесь им давали свободу пропагандировать свое вредные антипатриотические взгляды, здесь на отдельных участках они чувствовали себя полными хозяевами, распоясывались, говорили свой подчас антисоветский бред и вздор. Только недостаточный контроль со стороны партийной организации объясняет такие случаи, которые мы наблюдали на некоторых заседаниях западного сектора, когда эта кафедра [sic!] занималась тщательным обсуждением творчества итальянского фашиста Луиджи Пиранделло. Здесь эти космополиты создавали свои молодые кадры космополитов. Если обозреть состав антипатриотов, которые еще числятся сотрудниками нашего института, то нетрудно выделить 3 поколения: поколение Жирмунский — Эйхенбаум, то поколение, которое непосредственно смыкается с дореволюционным буржуазным декадентством, прямо из него исходит, но не только из русского декадентства, а из западноевропейского декадентства. Не секрет, что формализм 20-х годов возник под влиянием растленных теорий Вальцеля и др., которые пропагандировались космополитами старшего поколения.

К середине 20-х годов возникает второе поколение антипатриотов-космополитов, это такие, как Гуковский, Гинзбург и некоторые другие. Гинзбург не вышла в вожди, а Гуковский старался выйти и вышел в вожди.

Третье поколение космополитов это поколение, представленное именем Бялого. Тут более хитрая работа. На первый взгляд не все здесь различишь, не сразу определишь, в чем дело, но суть дела мало изменилась.

На этих космополитов мало действовала критика советской и партийной печати, а критиковали их неоднократно. Они выслушивали критику, прочитывали критические разборы в печати, иногда каялись, и продолжали делать свое вредное дело.

Для коммунистов нашей партийной организации и для честных беспартийных (а таких большинство) было ясно наличие группы, наличие сговора антипатриотов. Только руководство Института делало вид, что ничего не видит. Недавно мы читали о том, как космополиты громили коммунистов Института мировой литературы в Москве. У нас несколько иное положение в сравнении с тем, что было там. Люди стояли на тех же космополитических позициях, но наши космополиты — это духовные отцы тех космополитов. Именно отсюда, из Пушкинского Дома пошло очень многое, о чем сейчас приходится говорить с таким гневом. Десятилетиями внедрялись буржуазные литературоведы в Институт, захватывали важнейшие посты, здесь работали и старались своей деятельностью определить облик и лицо Пушкинского Дома.

Конечно, о работе нашего коллектива страна, народ, не будут судить по писаниям этих космополитов. Кроме писаний космополитов у нас были очень ценные работы ряда советских литературоведов, но эти космополиты, конечно, нанесли огромный вред всей работе Института. Они и подорвали марку, высокую марку Пушкинского Дома.

Когда обозреваешь писания антипатриотов, находящихся еще на службе в Институте, то замечаешь, что эти писания не оригинальны. Если сравнить то, что написано Гуковским, Жирмунским и другими с писаниями некоторых идеалистов и формалистов прошлой эпохи, в том числе не только Веселовского, но и компаративистов и идеалистов других стран, то можно заметить прямую перекличку. <...> Таких перекличек при тщательном рассмотрении мы можем найти очень много. Как и все идеалисты, как и все горе-теоретики, они питаются наследием идеалистов, наследием антинародных деятелей в области идеологии прошлого, это их характерная черта. Они не оригинальны, напрасно прикидываются они оригинальными, ничего оригинального в писаниях их нет.

Наш институт призван решить огромную задачу по изучению великого классического наследия. Он должен помочь нашей современной критике изучать развитие советской литературы, показать народу ее сильные стороны, помочь художникам в избавлении от недостатков, которые у них есть. Разве литературоведы, подобные Эйхенбауму, Жирмунскому и многим другим, могут раскрыть величие культуры и литературы русского народа? Раскрыть это величие значит, прежде всего, показать оригинальность и современность ее, это значит показать ее идейное богатство, ее идейную глубину. Разве в состоянии это сделать формалисты типа Жирмунского и Эйхенбаума или типа Гуковского и Бялого? Они неспособны стать теми деятелями нашей культуры, к которым будет прислушиваться советский народ, они неспособны помочь советскому читателю разобраться в литературе, они неспособны воспитывать в народе, помогать нашей партии воспитывать в народе чувство национальной гордости, любви к родной стране. Зачем держать эти кадры? Ведь если посмотреть свежим взглядом на деятельность этих людей, это идеологически отсталые люди, крайне отсталые от современного советского партийного, марксистско-ленинского мировоззрения. Чему они могут научить молодежь, чему они могут научить наш народ? Они знают много фактов, говорят, но разве в этом заключается сила ученого, в особенности ученого в области гуманитарных наук?

Мне кажется, что пора уже сделать коренные организационные выводы по отношению к этим людям, они не могут и не должны быть в центре нашей литературной жизни, каким является Пушкинский Дом. Оставлять их в Институте литературы —это просто значит уничтожать достоинство советского литературоведения. Настало время их выставить с треском из Пушкинского Дома»[304].

Остановившись на частных моментах — деятельности Л.А. Плоткина, Б.С. Мейлаха, А.В. Западова, — он обстоятельно разобрал космополитизм в работах Г.А. Бялого и уступил трибуну доктору филологических наук В.Г. Базанову. Будучи выдвиженцем коммунистов Пушкинского Дома, где он в феврале 1946 г. был принят в ряды ВКП(б) и оставался на партучете, он не подвел партбюро: сперва он раскритиковал И.И. Векслера, а затем, уже как фольклорист, выступил против М.К. Азадовского:

«Я должен сказать об Азадовском во всеуслышанье, потому что до последнего времени к Азадовскому относились несколько либерально, и скажу почему:

[304] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 8. Л. 2 об. – 4 об.

В 1940 г. я делал доклад на 1 съезде писателей Карелии, где присутствовали все фольклористы. Я тогда уже ставил вопрос о том ложном пути, по которому идет советская фольклористика, возглавляемая Азадовским. Но потом, когда я увидел, что Азадовский пишет статьи: "Добролюбов и фольклористика", "Чернышевский и фольклористика", "Радищев и фольклористика", я возлагал надежды, что Азадовский учтет, что партия создает в Институте все условия, чтобы вести активную борьбу с компаративизмом. Но в данном случае я ошибся. Азадовский не только не стряхнул идейного наследия Веселовского, но когда он имел возможность написать главку, в которой он мог бы вступить в идейный спор с самим собой и покончить со своим космополитизмом, — он вообще отказался писать эту главу, сказав, что "раз вы превратили меня в компаративиста, так сами и пишите". Это был отказ идти по тому пути, по которому была возможность пойти, в связи с дискуссией о Веселовском.

Но когда мы говорим об Азадовском, то дело не только в том, что давно отмечено печатью, что сказки Пушкина он сближал с немецкими образцами и сделал доклад о Веселовском. Азадовский должен отвечать в первую очередь за состояние советской фольклористики, которая зашла, скажу прямо, в тупик по ряду вопросов.

Что сделал Азадовский? Азадовский, будучи руководителем фольклорного фронта, выдвинул исправленную теорию Веселовского, но применил ее, повернув в сторону русской провинции и национальных республик. <...> Ошибка Азадовского состоит в том, что он оторвал фольклористику, как науку, от народа. <...>

Насколько корни Азадовского пущены и как они привились, свидетельствуют многочисленные его ученики, которые рассыпались сейчас по многим городам. Вот только что вышедший сборник, о котором говорится в решениях бюро ЦК партии Карело-Финской республики: "т. Азадовский свил в Карелии гнездо, куда засылает своих не очень даровитых учеников... (читает)"»[305]

После нападок на М. К. Азадовского он попытался выступить с самокритикой:

«Я считаю, что и я недостаточно боролся с космополитами, не так боролся, как боролся Бушмин — человек шел всегда принципиально и твердо. Когда Бушмин выступил на Ученом совете, то мы молчали, а Бялый сказал: "Это дурной поступок". Такого же мнения придерживались и многие из партийной организации.

Когда Бушмин на одном из последних собраний тоже хотел поставить вопрос, то ему сказали: "Что тебе нужно, что у тебя за дурной характер".

Если мы недостаточно боролись, то в этом виновато и руководство партийной организации. Космополитам жилось прекрасно, они приходили в Пушкинский Дом и чувствовали себя как дома, а молодые коммунисты, которые старались стать литературоведами (правда, мы и помоложе, и биография была другой), мы всегда были под двойным ударом. Группа космополитов нас не очень долюбливала, и иногда в партийной организации тоже допускались ошибки, в которых еще придется разбираться»[306].

Б. В. Папковский выступал целенаправленно против Л. А. Плоткина. Протокол партсобрания воссоздает его выступление:

«Плоткин проводил твердую линию, но эта линия не была партийной. Это была линия защиты и сплочения в институте безродных космополитов и формалистов. Плоткин разгонял и травил русских ученых. Он изгнал из института пришедшего из армии Федора

[305] Там же. Л. 12–13.
[306] Там же. Л. 13 об.

Прийму, а взял на его место проходимца Розенблюма[307]. Он травил покойного академика Орлова, профессоров Адрианову-Перетц, Пиксанова, Евгеньева-Максимова, Спиридонова и Десницкого. Он разгонял русских ученых, как старых, так и растущих молодых. Плоткин подбирал угодных ему аспирантов и пытался проводить их даже путем нарушения законов (например, Базруха). Аспирантов он набирал вместе с безродными космополитами Эйхенбаумом, Гуковским, Бялым, Векслером. Во главе аспирантов он поставил быв[шего] меньшевика Векслера. Подготовка аспирантов в Институте была вредительской.

Еще вреднее политика Плоткина была в расстановке и подборе ведущих кадров. Руководящее положение заняли космополиты. В этом отношении Плоткин проводил линию буржуазного еврейского национализма.

Плоткин занимался очковтирательством. План научно-исследовательской работы не выполнялся, а он давал отчеты о полном его выполнении. Эйхенбаум 4 года не выполнял плана, а Плоткин его покрывал. Плоткин нечестным, жульническим путем добился утверждения себя и.о. директора, причем действовал в обход ЦК и партийных организаций[308]. Он травил и выживал неугодных людей. Мне лично он решил сломать шею. Он распустил гнусные слухи в Москве с целью дискредитировать меня и провалить утверждение в ВАК моей докторской диссертации и этим окончательно от меня избавиться, так как другими путями от меня избавиться не удалось.

Плоткин создал теорию незаменимости космополитов, подавлял все живое и растущее. Фактически он был духовным отцом космополитов-формалистов и их покровителем. Этим самым он изменил партии, переродился и сросся с безродными космополитами»[309].

После выступления Б. В. Папковского был объявлен перерыв. Перед началом второй части заседания председательствующий А. С. Бушмин высказал следующее соображение:

«Я думаю, что выражу пожелание собрания, если скажу, что товарищи, которые будут выступать в дальнейшем, говоря о цели нашего собрания — о полном разоблачении безродных космополитов в нашем институте, не слишком усложняли это личным элементом, говорили бы об основном, у нас очень много основного, а личные элементы мешают нам выявить истинную сущность дела»[310].

---

[307] Розенблюм Николай Германович (1891–1970) — специалист по русской литературе XIX в. Родился в Москве, окончил 2-ю Московскую гимназию (1910), из-за процентной нормы не был принят в Московский университет и поступил в 1911 г. на экономический факультет Московского коммерческого института, который окончил в 1916 г.; затем учился на техническом отделении Института Карла Маркса (не окончил), с 1919 г. работал инспектором в РКИ, с 1933 г. в работал в Ленинграде экономистом в разных учреждениях; с 15 ноября 1945 г. по 16 марта 1948 г. сотрудник Пушкинского Дома (на ставке исполняющего обязанности младшего научного сотрудника), освобожден по болезни.

[308] Стоит оговориться, что должность директора Пушкинского Дома, хотя и не входила официально в номенклатуру ЦК, проходила там утверждение (иногда это проводилось как решение Секретариата ЦК); Л. А. Плоткин не был утвержден в ЦК по причине своей национальности, хотя Президиум АН СССР был склонен сделать его директором; именно поэтому он так долго был исполняющим обязанности (для этого Президиуму АН СССР одобрения ЦК не требовалось). Практика утверждения руководства Пушкинского Дома в ЦК имеет еще довоенную историю: в ноябре 1935 г., при директорстве А. М. Горького, когда с поста помощника директора был снят Ю. Г. Оксман, Президиум АН СССР назначил на его место И. К. Луппола, но ЦК так и не утвердил это назначение (И. К. Луппол занял тогда место директора ИМЛИ).

[309] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 6. Л. 8.

[310] Там же. Л. 20.

Вышедший на трибуну К. Н. Григорьян не внял этим пожеланиям:

«Подвергнув критике порочную деятельность бывшего и.о. директора Плоткина, т. Григорьян подробно останавливается на коварных методах деятельности группы безродных космополитов в стенах института. Группа выдвинула по существу порочный принцип деления кадров на “талантливых” и “не талантливых”, в числе которых были все остальные. На основе этой фальшивой теории группа стремилась утвердить свое безраздельное господство в Институте. Защита диссертаций выучениками группы формалистов превращалась в сплошное и разнузданное захваливание (Лотман, Найдич). А наряду с этим, представители глумились над теми соискателями степеней, которые были неугодны группе, хотя в действительности написали серьезные диссертации (докторская диссертация Л. Б. Модзалевского[311]). Представителям группы космополитов были предоставлены в Институте наилучшие условия для научной работы. Один недавний факт: докторанту тов. Ковалеву не удалось получить необходимые архивные материалы, тогда как эти же материалы по указанию Плоткина были предоставлены в распоряжение аспирантки Дикман. На заседаниях отдела новой литературы царила замкнутая, келейная, семейственная атмосфера, где космополиты на все лады прославляли и восхваляли друг друга. Тов. Григорьян говорит, что обстановка, сложившаяся в этом отделе, была настолько отвратительна, что он (Григорьян) совершенно отказался посещать заседания, хотя и очень интересовался проблемами, подлежащими ведению этого отдела. Группа формалистов подвергла забвению изучение революционно-демократической литературы, не проявляет никакого интереса к разработке проблемы благотворного влияния великой русской литературы на литературу братских народов СССР»[312].

Отдельно К. Н. Григорьян коснулся того, о чем «просил» А. С. Бушмин:

«Вот я попал сюда по рекомендации Закавказского комитета комсомола. Но если посмотреть после этого — может быть кто-нибудь каким-нибудь организованным путем (советским путем) попал в институт? Как это делалось? Принцип был явно семейственный, родственный, Лев Абрамович, и Вы это прекрасно знали. Тянули сюда, прежде всего, родственников и своих (прямо скажем), и вообще в Институте был такой стиль: свои и чужие. Больше того, чужих они называли “товарищ” — “товарищ Рязанов”, “товарищ Ковалев”, даже больше скажу — я работаю здесь 18 лет, мое имя и отчество до сих пор Жирмунский не знает, он называет “товарищ Григорьян”. Это не мелочь, это характерное выделение людей, это несколько оскорбительно и унизительно, когда на вас вперяется мутный взор и говорится — “товарищ Григорьян”, и вы чувствуете презрение в этом взгляде. Дело не только в личной обиде, это было со всеми, которые числились в числе неугодных. Основной принцип был деление людей — самый настоящий расовый принцип, скажу прямо — талантливые и бездарные. Здесь они были хозяева, они решали, кто талантлив, кто бездарен, по каким принципам — трудно сказать»[313].

В этой связи уместно привести выдержку из мемуаров К. Н. Григорьяна:

«Вслед за критикой “низкопоклонства” перед Западом в стране развернулась борьба с космополитической идеологией, борьба за утверждение национальных традиций.

---

[311] Модзалевский Лев Борисович (1902–1948) — историк литературы, архивист, пушкиновед; с 1933 г. первый штатный хранитель рукописей А. С. Пушкина Пушкинского Дома, в 1935 г. ему присвоена степень кандидата филологических наук без защиты диссертации; в 1947 г. защитил докторскую диссертацию («Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук: (Из истории русской литературы и просвещения XVIII века)»), погиб 26 июня 1948 г.

[312] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 6. Л. 4.

[313] Там же. Л. 22–22 об.

В Пушкинском Доме в то время, в конце 1940-х годов, проходили многолюдные собрания, на которых выступали разные люди с разных позиций. Были среди них демагоги и интриганы... Говорилось много несправедливого, невежественного, выдвигались порою и нелепые обвинения в адрес крупных, признанных ученых. Все это было так, но об одном следует сказать со всей определенностью: среди выступающих против космополитической идеологии были и люди, которые выступали не по низменным побуждениям или по "партийному заданию", а по убеждению. Они защищали свои научные и гражданские позиции. Борьбу с низкопоклонством, слепым преклонением перед всем западным, как и борьбу с космополитической идеологией, было бы неверно сводить к "злой воле" отдельных лиц. Эта борьба была закономерным следствием подъема патриотического духа после Великой Победы в Отечественной войне, следствием подъема самосознания русского народа»[314].

Выступивший после К. Н. Григорьяна ассистент кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета З. И. Плавскин повторил свое выступление с критикой В. М. Жирмунского, а закончил перепалкой с Б. В. Папковским:

«ПЛАВСКИН: <...> Все это свидетельствует о системе взглядов в корне враждебных советской действительности, проводившейся в течение ряда лет и приведшей сейчас к тому, что в секторе западных литератур, как в университете, так и в институте, кадры работников засорены чрезвычайно, а коммунисты, которые могли бы противопоставить Жирмунскому и его сподвижникам свою партийную точку зрения, почти отсутствуют.

ПАПКОВСКИЙ: Я второй раз сегодня слышу Вас и Вы обходите основное и существенное. Как коммунист, Вы знали, что на кафедре существует группа, сплоченная организационно, как ученики Жирмунского. Вы не заявляете о том, что Вы разрываете с ее методологией и взглядами. Как Вы боролись с этой антипартийной группой, и что делали?

ПЛАВСКИН: Я не член партийной организации института. Я дам отчет об этом партийной организации университета. На собрании партийной организации университета я говорил о своих ошибках, в которых партийное бюро будет разбираться. Но отвечу т. Папковскому:

1) Я никогда не был учеником Жирмунского, и тем более его выучеником. Я ни разу за все время пребывания в университете не слушал ни одного курса Жирмунского, никогда он у меня не был руководителем, не воспитывал меня,

2) Как я боролся? На партийном собрании в университете я сказал честно и откровенно, что я не видел этих многих ошибок, вернее, я принял видимость перестройки, которую создавали.

(ПАПКОВСКИЙ: А групповщину Вы видели?)

— Да, видел и против нее насколько смог, боролся. Я выступал на заседаниях кафедры и противопоставлял свою правильную, партийную точку зрения точке зрения работников кафедры.

По моему настоянию, несмотря на ожесточенное сопротивление работников кафедры, в план научно-исследовательской работы была включена хрестоматия "Классики революционной демократии о западных литературах". Я выступил на последнем заседании кафедры, при обсуждении перспектив плана специальных курсов,

---

[314] *Григорьян К. Н.* Федор Яковлевич Прийма в Пушкинском Доме // Ф. Я. Прийма и вопросы филологии XX века: Исследования. Воспоминания. Материалы. СПб., 2009. С. 259.

с предложением о том, чтобы эти специальные курсы разрабатывались ведущими работниками кафедры, и спор мой с проф[ессором] Жирмунским дошел до того, что он чуть ли не в истерике катался»[315].

Б. И. Бурсов также повторил свое выступление против Б. М. Эйхенбаума, добавив некоторые подробности сообразно с местом:

«...В течение ряда лет установилась традиция в научных кругах Ленинграда, и, в частности, в научных кругах Института литературы. Считают, что государственная, народная жизнь идет своим порядком, развивается по своим законам, а жизнь научная развивается по своим особым законам.

Мне вспоминается один случай, когда речь шла о работах Эйхенбаума и упрекали в том, что он далек от жизни. В это время за окном проходила воинская часть и пела песню. Эйхенбаум ухмыляясь сказал: "Вот там жизнь", т. е. за стенами этого здания, а вот эта жизнь, конечно, развивается по своим особым законам, не подчиняется той большой жизни. Этой позиции держался не только Эйхенбаум, но многие другие, эта позиция находила, конечно, некоторое одобрение.

В 1938 г. появилась в "Известиях" убийственная статья об Эйхенбауме. Ее обсуждали в Институте литературы, и, тем не менее, никаких мер порицания по отношению к Эйхенбауму не было принято, и опять-таки обсуждение шло в таком направлении, что это просто только мнение газеты. Вот эта точка зрения и держалась до последних дней. Я думаю, что этой точки зрения не чужд был и Лев Абрамович Плоткин, который во многом поддерживал этих людей и, в частности, Эйхенбаума.

Вспоминаю один из разговоров, правда, совершенно частного порядка, и он не характеризует, а только иллюстрирует. В 1944 г., когда я был на фронте, в каком-то разграбленном немцами селе я нашел книгу Эйхенбаума и прочел эту книжку. Книжка эта вызвала возмущение (2-й том эйхенбаумовской монографии), там написано, что Толстой является наименее национальным из всех русских писателей.

Когда я был в командировке в Ленинграде, я имел встречу с Львом Абрамовичем, и стал рассказывать о своем возмущении. Лев Абрамович говорит: "Но как пишет..."

Очевидно, руководствуясь соображением "как пишет" — Эйхенбауму была доверена ответственнейшая глава для "Истории литературы" — глава о Толстом, которую он не написал, и не мог.

Помимо того в 1941 г. был такой случай, Эйхенбаум пришел в Институт и просил, чтобы Институт поставил свою марку на 3-й том его монографии о Толстом. Покойный Павел Иванович [Лебедев-Полянский] поручил мне написать рецензию на эту книжку. В этой рецензии я указал, что эта книга является антиленинской. Эйхенбауму было отказано в том, чтобы поставить марку института, и книга не вышла[316]. И, тем не менее, ему доверяют такую ответственнейшую работу, потому что все сходило с рук. Эти люди при-

---

[315] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 6. Л. 28–28 об.

[316] Речь идет о книге «Лев Толстой: Семидесятые годы», история издания которой имеет более сложную историю: вплотную к работе над ней Б. М. Эйхенбаум приступил осенью 1937 г., через год книга была закончена и сдана в декабре 1938 г. в Гослитиздат, в марте 1939 г. пошла в набор, но выход был задержан до весны 1940 г. по причине отсутствия бумаги, после чего издание совсем остановилось (см.: *Тоддес Е. А.* Б. М. Эйхенбаум в 30–50-е годы. С. 577–578, 654–655). Обращение Б. М. Эйхенбаума к П. И. Лебедеву-Полянскому было одной из последних тщетных попыток автора содействовать выходу книги в свет, издана книга была только в 1960 г., после смерти Б. М. Эйхенбаума.

выкли, что все им сходит с рук, потому они так себя и чувствовали в этом “заведении”, которое называется “Институт литературы”»[317].

Второе заседание первого дня завершалось выступлением члена партбюро Пушкинского Дома П. И. Ширяевой. Она была второй на этом заседании (после В. Г. Базанова), кто выступил с резкой критикой М. К. Азадовского. Это обстоятельство легко объясняет тот факт, что присутствующему на партсобрании Пушкинского Дома И. П. Лапицкому не предоставили трибуну. Но и без его участия политический портрет профессора был передан предельно точно:

«Сектор фольклора в институте занимает особое место, и, конечно, работе этого сектора должно быть уделено и особое внимание. Это не просто отдел новейшей литературы, отдел древней литературы, а гораздо шире, это сама жизнь народного творчества. Следовательно, с этих позиций и надо расценивать нашу работу. С этих позиций комиссия, которая обследовала нашу работу, совершенно правильно и подошла, и дала суровую оценку работе фольклористов.

Может быть товарищи, обследовавшие сектор фольклора, гипертрофировали Азадовского и заслонили все положительное, что есть в секторе фольклора. А там есть много положительного, несмотря на отрицательные моменты.

Мне вспоминается недавно перечитанное выступление товарища Сталина, когда он говорил о классовой структуре советского государства в докладе о проекте Конституции СССР.

Сталин так определял роль интеллигенции: “Это уже не та старая заскорузлая интеллигенция, которая пыталась ставить себя над классами”. “Теперь наша интеллигенция должна служить народу”.

Вот с этой стороны я и хочу посмотреть на работу Азадовского, на итог, с которым он пришел сегодня.

Азадовский руководит сектором 18 лет. Казалось бы, срок очень большой, срок такой, который должен характеризовать этапы в изучении народного творчества. О чем говорят эти этапы, с чем Азадовский выступает перед народом в изучении народного творчества? <...>

В чем трудность критики [Азадовского]? Он начинает “за здравие”, сказав что-то о творчестве русского народа, о социалистической культуре, затем говорит о 6 сказках Пушкина, что “чуждый материал в произведениях Пушкина перерабатывается так, что становится своим, национальным”. Он превратил, таким образом, Пушкина в космополита, ассимилятора международных сюжетов.

На кого ориентируется Азадовский? Он позволяет чудовищное утверждение, что в переработке Пушкиным международных сюжетов заключается зерно теории Веселовского.

Эта клевета усугубляется в работах, которые писал для издания ВОКС, т. е. для западноевропейских читателей. В этих работах Пушкин, несомненно, предстал для западноевропейского читателя не как великий национальный поэт, гордость и слава русского народа, а как интерпретатор международных сюжетов, и в этой международности Азадовский видел все величие Пушкина. <...>

18 лет международными сюжетами питался Азадовский.

Но более откровенно по ряду методологических вопросов Азадовский высказывается опять-таки в зарубежной печати. Когда я работала, я просмотрела очень многие из его

[317] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 8. Л. 30–31.

300 работ. Вот работа "Этюды по фольклору в СССР за 1918–1932 г." <...> Что утверждает Азадовский в этой работе? Одним из первых вопросов стоит вопрос о содержании и особенностях советской фольклористики. Казалось бы, выигрышно показать особенности и задачи советской фольклористики в зарубежной печати. Как это показывается? Он говорит, что советская фольклористика имеет только "некоторые элементы новой концепции фольклора" и что эти концепции "были сформулированы в известной мере до революции". Он называет в первую очередь имя Веселовского, значит и в 1932 году он не обходится без Веселовского.

Но до чего доходит бесстыдство Азадовского, приведу пример из той же статьи:

"Отметим большую ценность, с точки зрения методологической записи фольклора, относящихся к событиям Гражданской войны. Первые записи были зафиксированы в начале 20 годов, когда т. Смирнов записал любопытную легенду, озаглавленную 'Дьявол родился' (о большевиках). Эта легенда известна в науке, потому что вскоре после русского издания она стала известной для западноевропейской науки".

Он продолжает далее — "Целая серия аналогичных легенд была создана другими собирателями в разных районах страны Советов. Одно из первых мест принадлежит эсхатологическим мотивам". (Стыдно сказать — контрреволюционным.)

Значит проф[ессор] Азадовский утверждает не только массовое существование этого контрреволюционного фольклора, антисоветского фольклора СССР, но провозглашает его громадное значение для науки»[318].

После этого П. Г. Ширяева коснулась вопросов подготовки аспирантов, распределения штатных должностей между лицами «однородной национальности» и прочих, уже традиционных для подобных обсуждений вопросов.

ПАРТСОБРАНИЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА 29–30 МАРТА 1949 ГОДА. ДЕНЬ ВТОРОЙ

Как и накануне, партсобрание Пушкинского Дома 30 марта проходило в духе аналогичного мероприятия на филологическом факультете. В этот день градус большевистской критики был еще более высоким, чему отчасти способствовало и то обстоятельство, что в этот день на заседании присутствовал 1-й секретарь Василеостровского райкома ВКП(б) А. Н. Климов.

Первым выступил председательствующий на собрании А. С. Бушмин. Приведем основные положения его выступления:

«Группа буржуазных эстетов, которая господствовала в нашем институте, создала здесь враждебную идейную и бытовую обстановку, душившую всякое здоровое проявление творческой мысли. Об этом здесь уже было сказано.

Группа буржуазных космополитов наложила общую печать на все направление научной деятельности института, и на характер выходящих научных трудов, и на подготовку научных кадров. Если взглянуть на общее направление литературной деятельности института, то бросается в глаза то, что буржуазные эстеты, космополиты имели тенденцию заниматься вместо реализма исследованием, главным образом, романтизма. Возьмите первую работу Жирмунского о Байроне и Пушкине, работу 1924 г. и того же

[318] Там же. Л. 32 об. – 34.

рода работу Эйхенбаума о Лермонтове. Он также погружает Лермонтова в какой-то романтический хаос. Затем я должен в этом же ряду назвать работу Б. С. Мейлаха “Пушкин и романтизм”. Возьмите затем исследование Гинзбург о Герцене, подготовленное ею в виде диссертации; она заставляет этого революционного демократа, великого реалиста барахтаться в обломках романтизма[319].

Далее, как выяснилось на собрании в университете и у нас, западники любили много заниматься декадансом; их склонность к романтизму, к реакционному романтизму, склонность к декадансу, говорит, что они хотели бороться на территории врага, но на самом же деле переходя на территорию врага, они ищут там людей, близких им по идеологии. Занимаясь излюбленными темами романтизма и декаданса, эта группа ученых или с молчанием, или с высокомерным выражением проходила мимо революционных демократических писателей, мимо основных представителей реалистической литературы. Можно еще раз повторить, что революционные демократы вниманием у ученых нашего института не пользовались! <...>

Эта группа совершенно превратно вообще трактует облик русских писателей. Они озабочены тем, чтобы заниматься формалистическими исследованиями и изысканиями, совершенно не нужными и бесполезными для народа, потому что эти изыскания отвлекают огромные средства и творческие силы куда-то в сторону. Как же трактуют буржуазные эстеты великих писателей, которые были борцами и освободителями народа? Возьмем статью Эйхенбаума “Пушкин в прозе”, его книгу о Лермонтове, возьмем все работы Гуковского и последнее выступление Бялого, — у всех одна и та же тенденция: писатели занимаются только собой, развитием поэтической формы, независимо от того, на что она нужна. Посмотрите, как красиво в течение двух дней на заседании сектора, возглавляемого т. Мейлахом, изъяснялся Бялый. “Глеб Успенский занимался собой, героем его произведений был он сам”. Кроме презрения и негодования это суждение ничего не может вызвать. Глеб Успенский — демократ, человек, который каждое свое слово добыл в народе, и вдруг его превращают в какого-то маленького человека, занимающегося психокопательством. Вот так они извращают облик писателей вообще.

Для этой группы характерна также следующая особенность: язык их — обезьяний язык, весь построенный на подражаниях иностранщине. <...> Это почти абракадабра. Не надо поддаваться на такую удочку, что буржуазные эстеты иногда произносят с трибуны такие речи, как, помните, Гуковский говорил, что нужно сделать науку достоянием школ, а что он сам делает? Его не только школьник не поймет, его не поймут студенты, не поймут профессиональные литературоведы, в том числе и сами профессора, не понимает и он сам. Это мутные воды, это словесная мгла и мистификация нужны проф[ессору] Гуковскому для того, чтобы придать наукообразность формалистическим суррогатам. Именно о такого рода литераторах говорил В. И. Ленин, что им нужно объявить беспощадную войну за то, что они переняли “худшее от худших представителей русского помещичьего класса”, что они рабски подражают иностранщине и коверкают и уродуют могучий и великий русский язык.

Мне хотелось бы еще немного остановиться на Гуковском и сказать вот о чем: если около других формалистов уже не оказалось друзей, внешне проявляющих себя, то в свите Гуковского есть и коммунисты, которые говорят: “Гуковский — человек ничего себе”, “это человек иного типа”, а что касается его произведений “Вечера

[319] Лидия Яковлевна, в свою очередь, вынуждена была долго «барахтаться в обломках» своей докторской диссертации, которую она смогла защитить лишь в 1958 г.

на хуторе близ Диканьки", "Пушкин и русские романтики", главы из монографии о Гоголе, то это, видите ли, красные тряпки, которыми он дразнит быков. Или же говорят, что Гуковский — фокусник, который ходит на голове и вот-вот станет на ноги и перестроится. Если бы дело обстояло только так, то и тогда мы, коммунисты, должны были бы заявить: Институт русской литературы не испанский цирк и пусть от нас уберут тореадора Гуковского. Но дело не в этих невинных штучках, а дело в том, что это самое трюкачество, сделанное на потеху простачков, выполняет ту же функцию, чтобы скрывать более глубокую, вредную, космополитическую, формалистическую сущность писаний Гуковского. Можно было бы легко, начиная с его первой книги в 1928 г. и кончая его последними работами, доказать, что он не перестраивается. Был один момент, в 1936 г., когда он писал "Очерки по истории русской литературы XVIII в.", и в 1938 г., когда выпустил "Очерки по истории русский литературы и общественной мысли XVIII в." — когда он сделал некоторый шаг по пути приближения из эстетской туманности к жизни, сделал это, правда, на вульгарно-социологический манер, но все же можно было подозревать, что он хотел стать на землю. Но оказывается, что после этого он попал в дебри беспросветного формализма и сеял путаницу и разврат в нашем литературоведении. <...>

Помимо Гуковского выступает младшая братия, его воспитанники и ученики: Гинзбург, Комарович[320], Кукулевич, Битнер, В. Н. Орлов и др. Это букет на подбор!

Книги формалистов сеют разврат, вносят искажение в историко-литературный процесс и, в частности, о Пушкине. Нужно сказать, что формалисты, буржуазные эстеты, безродные космополиты не внесли ни одного живого ощущения в русскую литературу.

Мне приходилось дважды останавливаться на месте, где Гуковский, как законченный космополит, трактует вопрос формирования русского национального стиля, когда

[320] Комарович Василий Леонидович (1894—1942) — литературовед, исследователь творчества Ф. М. Достоевского, фольклорист, окончил Нижегородскую гимназию (1894), славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петроградского университета (1917) и по предложению А. К. Бороздина и С. А. Венгерова был оставлен А. А. Шахматовым при университете для подготовки к профессорскому званию; в 1918 г. принял участие в организации историко-филологического факультета Нижегородского университета, где преподавал до 1921 г., вернувшись в Петроград и в 1922 г. сдав магистерские экзамены, в 1923 г. был зачислен в ИЛЯЗВ, до 1928 г. доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета. В 1928 г. арестован как член "Братства преподобного Серафима Саровского" и был выслан на 3 года (по-видимому, столь мягкий приговор он получил по причине заступничества непременного секретаря АН академика С. Ф. Ольденбурга, который лично посетил ГПУ 28 мая 1928 г. по этому поводу; см.: *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург: Опыт биографии. СПб., 2006. С. 169); по возвращении к педагогической работе не допускался; с 1933 г. работал вне штата в отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома; в 1937 г. квалификационная комиссия АН СССР присудила ему степень кандидата филологических наук за книгу: *Комарович В. Л.* Китежская легенда: Опыт изучения местных легенд. М.; Л., 1936 (в действительности изначально он претендовал на докторскую степень, по крайней мере в РНБ сохраняется не отраженный в его библиографии (*Крюкова Т. А.* Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 583—588) печатный экземпляр тезисов: *Комарович В. Л.* Опыт изучения местных легенд: Китежская легенда / Тезисы диссертации на степень доктора литературоведения. [Л., 1936], шифр. РНБ: 36—11/918); известен как «выдающийся исследователь творчества Достоевского, один из зачинателей советской текстологии» (*Богданова О. А.* ВасилийЛеонидович Комарович // Вопросы литературы. М., 1988. № 9. С. 130). Умер от истощения во время блокады Ленинграда.

В. Л. Комарович был старше Г. А. Гуковского на восемь лет и не был, вопреки утверждениям А. С. Бушмина, ни его воспитанником, ни учеником.

говорит, что "русский национальный стиль образовался из эпических... гомеровских греков и библейских евреев". Это вредная пропаганда космополитизма.

На этом я прерываю свою мысль о Гуковском. Мне хотелось бы здесь еще сказать, что некоторые товарищи выступали на собрании в университете и говорили, что у Гуковского есть частные ошибки, а не система ошибок. Но нужно сказать, что не система ошибок, а целый сознательно враждебный космополитический бред западноевропейской методологии и идеологии»[321].

То обстоятельство, что среди учеников Гуковского были названы В.Л. Комарович и А.М. Кукулевич, которые не только не являлись учениками Гуковского, но и погибли во время войны — первый от голода, второй обороняя город, — не имело значения; возражать ему никто не осмелился.

Далее будущий академик навалился на своих основных противников — прежнее руководство института в лице Л.А. Плоткина и Б.С. Мейлаха:

«Подробно останавливаясь на руководящей деятельности бывшего и.о. директора Плоткина и руководителя отдела новой литературы Мейлаха, тов. Бушмин, на конкретных примерах, показывает, что Плоткин и Мейлах поставили свои ученые степени, свои должностные авторитеты, свое высокое и ответственное звание члена партии на службу группы космополитов. Интересы Эйхенбаума и его единомышленников оказались ближе Плоткину и Мейлаху, чем интересы партии и народа. За это необходимо привлечь Плоткина и Мейлаха в суровой партийной ответственности»[322].

Отношение прежней дирекции к Б.М. Эйхенбауму А.С. Бушмин рассмотрел подробно:

«Родоначальник и ведущий идеолог группы — Эйхенбаум, человек законченно антинародный, принципиальный ненавистник всего русского, убежденный прислужник растленной буржуазной культуры — этот человек был приподнят Плоткиным и Мейлахом на самый выдающийся пункт литературоведения. Эйхенбауму переданы в монопольное владение изучение наследства Льва Толстого и подготовка кадров в этой области. Эйхенбаум — антипатриот, формалист, декадентствующий эстет в роли верховного истолкователя Льва Толстого, величайшего гения русской мысли — ведь это же карикатура на советское литературоведение, ведь это же издевательство над смыслом и духом великой русской литературы.

Плоткин и Мейлах сделали все, чтобы Эйхенбаум безнаказанно и беспрепятственно подтачивал, как червь, учение великого Ленина о Толстом (ленинскую концепцию творчества Толстого). Приведу в качестве типического примера факты из недавнего прошлого. Когда в конце октября 1948 г. на Ученом совете <на котором надо было посмотреть на деятельность института в свете событий на биологическом фронте, Плоткинская группа призывала не касаться Эйхенбаума, т.к. он умирает. Известно, что коммунистам более, чем кому-либо, присуще чувство человечности. Но мы, некоторые коммунисты, решили, что дело Плоткина, Мейлаха и других друзей Эйхенбаума, предохранить от тревог последние минуты умирающего, но это не должно помешать нам делать дело государственной важности — очищать литературоведение и институт литературы от вредной эйхенбаумовщины. И вот, когда из этих единственно принципиальных соображений> коммунист на Ученом совете выступил с критикой антипатриотических и антиленинских взглядов Эйхенбаума на Толстого, то Плоткин (и.о. директора, председатель на Ученом

[321] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 8. Л. 38–41.

[322] Там же. Л. 9 об.

совете, номинальный марксист), подводя итоги дискуссии, заявил, что Эйхенбаум скоро напишет марксистское исследование о Толстом. <...>

Так под покровительством и при руководящей поддержке Плоткина и Мейлаха, возвеличивался, раздувался авторитет воинствующего антипатриота Эйхенбаума. <За месяц до настоящего собрания Плоткин обращался в партийные инстанции за помощью во имя спасения Эйхенбаума от разоблачения. К сожалению, и в ГК и в РК нашлись товарищи, которые заняли позиции, приятные для Плоткина и Эйхенбаума.>

Вместо того, чтобы использовать Эйхенбаума на текстологической работе, где он при хорошем контроле мог принести некоторую пользу, вместо того, чтобы решительно критиковать деятельность и в известных случаях административно пресекать вредоносные действия Эйхенбаума, вместо этого Эйхенбауму передоверяли самые ответственные проблемы, лживо пропагандировали его непогрешимость, всячески предохраняли, и не только Эйхенбаума, но и всю группу безродных космополитов от партийной критики.

В своей администраторской службе группе буржуазных эстетов тов. Плоткин проявил чрезвычайную изобретательность, он создал целый арсенал "охранительных" теорий. Такова, например, достаточно разоблаченная теперь теория талантливости, согласно которой все дарования приписывались группе безродных космополитов, а людям вне этой группы талантливость не полагалась по штату.

Справедливость требует сказать, что тов. Плоткину своими "теориями" иногда удавалось дезориентировать даже некоторых работников РК и ГК.

Так, например, еще до конца не разбита в партийных кругах плоткинская "теория незаменимости" группы. Но эта "теория незаменимости" не выдерживает критики:

Эйхенбаум много лет ничего не делает и живет за счет народных средств. Векслер, Азадовский, Гуковский — приносят вред. И когда нам заявляют, что ведь это "доктора наук", то следует ответ, что лучше маленький деревянный дом, чем большая каменная болезнь[323].

Носителей вредительства в литературоведении заменять никем не следует, довольно было и этих; надо просто их удалить из института, освободив места для здоровых сил»[324].

После А. С. Бушмина выступил ученый секретарь Пушкинского Дома, партийный пушкинист Б. П. Городецкий:

«Значение того события в жизни института, свидетелями и участниками которого мы являемся, очень трудно оценить. Действительно, институт вступает в совершенно новую полосу своего развития, и те сотрудники, которые вместе со мною работают в институте 19-й год, знают, что представляет собой этот новый этап. Может быть, все эти годы Институт работал не так, как нужно, потому что был у нас директором Каменев[325],

[323] Указанный А. С. Бушминым ответ берет истоки в очерке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши», диссертацию о творчестве которого оратор начинал писать в военные годы: «Да ведомо будет всем и каждому, сказано было в изданном по сему случаю документе, что лучше одного помпадура доброго, нежели семь тысяч злых иметь, на основании того общепризнанного правила, что даже малый каменный дом все таки лучше, нежели большая, каменная болезнь».

[324] ПФА РАН. Ф. 1086 (А. С. Бушмин). Оп. 1. Д. 225. Л. 31–34 об. Стенограмма партсобрания, в свою очередь, также отражает эти слова (ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 2. Д. 8. Л. 42–42 об.), но в силу некоторых, более стилистических, отличий, а также уточнений, приводим текст выступления по автографу А. С. Бушмина.

[325] Каменев Лев Борисович (настоящая фамилия Розенфельд; 1883–1936) — директор Пушкинского Дома с мая по октябрь 1934 г. (вплоть до ареста); расстрелян.

Горбачев[326], затем много повредили Свирин[327] и Оксман. Пережили этот период. Сейчас распутан новый клубок, и все, кто любит институт, с огромной радостью приветствуют эту новую полосу в жизни института. <...>

Нам нужно показать все то, что вредно и неправильно, нам нужно определить тот курс, который должны начать, и в этом отношении новый директор правильную линию взял, и новым коллективом, более здоровым, попытаться возместить старое. У нас нет кадров. Страшно сказать — институт не воспитал кадров. Кроме трех человек, работающих по Пушкину, из которых каждому не менее 40 лет, у нас нет кадров по Пушкину. У нас нет ни одного молодого работника, который занимался бы Гоголем. У нас нет смены. Это почти вредительство. Вот как нужно ставить вопрос. Кадры пополнялись, но не так, как следовало бы. Кто принимался в ин[ститу]т с начала войны? Ямпольский, Рейсер, Бухштаб, Найдич, Лотман, Гессен[328] и т. д. Имена не случайные. <...>

У нас ковались кадры, да не те. У нас выпущена Л. М. Лотман, которая заняла в Ин[ститу]те совершенно особое положение. Она — младший научный сотрудник, без году неделя окончившая аспирантуру, у нее нет работ, а она держит себя в Ин[ститу]те, как старший научный сотрудник, тогда как Григорьян, Перепеч обязаны каждый день бывать здесь, а Лотман все время пропадает. Говорили, что Лотман загружена. Оказалось, что она настолько тонко замаскировала свою работу, что трудно выяснить, чем она занимается. Знаю, что она долго сидела в архиве, работая для Мейлаха, подготовляя архивный материал для него. Ничего тут плохого нет, если один сотрудник по поручению Ин[ститу]та подготовляет материалы для более солидного работника, но мы этого не знали. <...>

Я — ученый секретарь, не технический работник, я должен наравне с директором руководить научной работой, но входя в кабинет Л. А. Плоткина, я осторожно приотворял дверь, чтобы посмотреть, с кем он говорит там, потому что тысячу раз открывал дверь и находил людей, и оживленный разговор прекращался при моем появлении»[329].

В основном речь ученого секретаря сводилась к тому, что при покровительстве дирекции лица с нерусскими фамилиями всячески притесняли лиц с русскими фамилиями.

Выступивший затем А. И. Груздев говорил обстоятельно, критиковал как деятельность парторганизации, так и научных сотрудников; закончил он словами:

«Здесь, в институте, распространялась и укоренялась такая вредная идея об академических формах партийной работы. Мне кажется, что существует единая форма партийной работы, где бы она ни происходила: в колхозе ли или в Президиуме АН СССР, на заводе или в министерстве, работает ли грузчик или Президент АН СССР. У нас существует одна линия, высокоидейная, принципиальная, непримиримая линия ЦК нашей партии»[330].

---

[326] Горбачев Георгий Ефимович (1897–1937) — критик, литературный деятель; с 1931 г. старший ученый хранитель Пушкинского Дома с исполнением обязанностей ученого секретаря; в 1934 г. арестован, в 1935 г. осужден на 5 лет ИТЛ, в 1937 г. расстрелян.

[327] Свирин Николай Григорьевич (1900–1938) — литературовед, критик, член Оргкомитета и затем ответственный секретарь Правления ЛО ССП, с 1934 г. ученый секретарь Пушкинского Дома; в 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

[328] По-видимому, речь идет о Гессен Леоноре Абрамовне, впоследствии кандидате филологических наук (1955 г., тема — «Л. Н. Толстой в работе над романом “Декабристы” в 1877–1879 годах», защищена в ЛГПИ имени А. И. Герцена).

[329] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 8. Л. 45–46 об.

[330] Там же. Л. 51 об. – 52.

После этого на трибуну поднялся В. А. Мануйлов, у которого «в кармане» уже было партвзыскание за спор с членом ЦК ВКП(б) А. А. Фадеевым по поводу наследия А. Н. Веселовского. Речь исследователя-лермонтоведа была направлена в основном против Б. М. Эйхенбаума:

«В 1924 г. появилась программная работа Б. М. Эйхенбаума "Лермонтов, опыт историко-литературной оценки". Эта книга, как и вышедшая за два года до того книга Эйхенбаума "Молодой Толстой" и статья "Как сделана 'Шинель' Гоголя", были последовательным утверждением воинствующего формализма, идеалистические основы которого и антипатриотический, космополитический характер которого уже тогда были вскрыты в ряде выступлений советских литературоведов, среди которых убедительное и веское слово было сказано Н. К. Пиксановым.

Б. М. Эйхенбаум не раз заявлял об этих своих ранних работах как о давно преодоленном этапе. Однако стоит перечесть эти работы в наши дни, чтобы убедиться, что основные принципы методологии Эйхенбаума и его мировоззренческие позиции почти не изменились. Если можно говорить о какой-либо эволюции, то отнюдь не в направлении овладения методологией марксизма-ленинизма. <...>

Игнорируя реальную русскую действительность, окружавшую реалиста Толстого, не доверяя прямым высказываниям Толстого о себе и о своем творчестве, Эйхенбаум подтасовывал различные цитаты, только чтобы доказать, что Толстой в своем творчестве шел не от исторической русской действительности, а от французской и английской литературы конца XVIII в. и начала XIX в. Эволюция Толстого определялась по Эйхенбауму сменой следующих влияний: Руссо, Стерн, Тепфер, Диккенс, затем Прудон, Шопенгауэр, Поль де Кок и, наконец, реакционер Данилевский. Нетрудно заметить, что никакой внутренней логики, никакого идейного роста, никакого отражения русской исторической действительности в творческой истории Толстого, изложенной таким образом, не получилось и получиться не могло.

Неудивительно, что и в последующих работах о Толстом Эйхенбауму очень трудно было привлечь, даже цитатно, высказывания Ленина о Толстом. Антиленинская концепция творческого развития Толстого исключала даже упоминание имени Ленина в большей части работ Эйхенбаума о Толстом.

Выдуманный Эйхенбаумом Толстой реально не существовал. Как это ни звучит парадоксально, но я утверждаю, что реальный, исторический Лев Толстой, который "сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе", этот Лев Толстой вообще не интересовал Эйхенбаума. Когда к Б. М. Эйхенбауму обратились с просьбой приехать в Ясную Поляну помочь в работе и "заодно, — говорили, — побываем в обстановке, где творил Толстой и общался с народом, и вы многое поймете такого, чего нельзя понять, не прикоснувшись к этой земле, к этой почве", то Эйхенбаум отвечал (я сам присутствовал при этом): "Меня это не интересует. Меня интересует творчество и идейный вопрос". Как же можно оторвать от родной исторической почвы все творческое развитие художника. Не случайно поэтому вопросы биографии подменялись узко понятыми вопросами литературоведения, причем естественно, что явление это было глубоко реакционной и антимарксистской теорией.

Такой же субъективный идеалистический и формалистский подход в вопросах изучения жизни и творчества писателя видим мы в работах Эйхенбаума, посвященных Лермонтову. Решительно отказавшись от исследования, "диктуемого миросозерцательными

или полемическими тенденциями", Эйхенбаум весьма полемически и последовательно с позиций космополитического идеализма рассматривает эпоху, к которой принадлежал Лермонтов, только как эпоху, которая "должна была решить борьбу стиха с прозой, борьбу, ясно определившуюся уже к середине 20-х годов". Сознательно отгораживаясь от реальной русской исторической действительности, принципиально игнорируя проблемы развития русской национальной культуры в истории которой такое значение имел Пушкин, опередивший очень многое в дальнейшем развитии всей русской культуры, Эйхенбаум утверждал: "На основе тех принципов, которые образовали русскую поэзию начала XIX века и создали стих Пушкина, дальше идти было некуда".

Действительно, дальше этих нигилистических, антипатриотических утверждений идти некуда.

Неудивительно после всего этого пристрастие Эйхенбаума к критическому наследию реакционера, идеалиста Шевырева и самое пренебрежительное, если не издевательское отношение к литературному наследию Белинского: "Ничего конкретного о поэзии Лермонтова, как и о других литературных явлениях, Белинский сказать не умеет — в этих случаях он, как типичный читатель, говорит общими фразами и неопределенными метафорами". <...>

Очень сожалею, что отсутствие времени лишает меня возможности хотя бы вкратце рассказать о том, как в течение последних 20 лет боролся Эйхенбаум против наследия революционеров-демократов, против использования этого наследия в нашем советском литературоведении. Остановлюсь только на одном примере.

Обстоятельства сложились так, что в 1934—1937 гг. Б. М. Эйхенбаум вынужден был привлечь для подготовки комментариев к Полному собранию сочинений Лермонтова ряд молодых литературоведов, в том числе и меня.

Обстоятельства сложились так, что, никогда не будучи учеником Эйхенбаума, я вынужден был в течение ряда лет публиковать большую часть своих работ по Лермонтову в изданиях, редактируемым Эйхенбаумом. Когда мною был написан комментарий к стихотворению "Бородино", Эйхенбаум вычеркнул из этого комментария слова Белинского: "Эта мысль — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дней". Дальше были вычеркнуты слова Белинского о подлинном реализме и о народности "Бородина". <...> Вычеркнув меткие слова Белинского, Эйхенбаум предпочел им жеманную и неверную характеристику, данную Шевыревым. О благородном и полном поэзии языке лермонтовского стихотворения Эйхенбаум писал как о "военно-разговорном жаргоне"»[331].

После этого Виктор Андроникович, памятуя о просьбе председательствующего и дополнительно оговорив отсутствие личных счетов, перешел непосредственно к ним:

«Как можно одобрить ту исключительную поддержку, которую получала Л. Я. Гинзбург и ее работа "Творческий путь Лермонтова", изданная в 1940 г. Это ясный и беспардонный компаративизм. Весь пафос книги заключается в том, чтобы изобразить Лермонтова по Дюшену[332]. Одно количество цитат из Дюшена наводит на подозрение.

[331] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 8. Л. 52 об. – 55 об.

[332] Дюшен Эмиль (Duchesne) – французский историк литературы, представитель компаративизма, докторская диссертация была посвящена творчеству М. Ю. Лермонтова (*Duchesne E.* Michel Iourievitch Lermontov: Sa vie et ses oeuvres: thèse pour le doctorat es lettres présentée a la Faculte des lettres de l'Université de Paris. Paris, 1910; сокращенный русский перевод (только третья глава) см.: *Дюшен Э.* Поэзия М. Ю. Лермонтова в ее отношении к русской и западноевропейской литературам. Казань, 1914). В 1911 г. приехал в числе пяти первых стипендиатов основанного в Пе-

Доклады Л. Я. Гинзбург у нас обставлялись необыкновенно пышно и благожелательно. И я тогда говорил, и ряд товарищей говорили, что мы слушали эти доклады и не могли понять тарабарщины, не говоря о том, каким языком она была написана. Совершенно отрицалось прогрессивное значение русского романтизма.

Я хотел бы еще сказать о том, какой вред был нанесен книгой о Лермонтове Б. М. Эйхенбаума в детской литературе. Я хотел бы сказать о том, как в Гослитиздате нельзя было пробиться к работе по русской литературе никому, кроме группы, которая в течение многих лет там сидела.

Неужели за все годы, я 20 лет работаю по Лермонтову, знаю Лермонтова неплохо и фактических ошибок в своей работе допустил не больше, чем Эйхенбаум в своей книжечке, неужели за эти 20 лет нельзя было хотя бы одно из 18 изданий Лермонтова поручить сделать мне. 18 изданий Лермонтова были сделаны только Эйхенбаумом и теми, кого он привлекал. Почему в академическом издании Лермонтова, которое в этих стенах было подготовлено, мне лично не было дано ни одной строчки написать?

Если я в течение многих лет занимался Пушкиным, почему не мог я быть привлечен к работе по Пушкину? Почему когда я прихожу в широкую аудиторию ленинградского учительства, то мне как лектору есть что сказать о Пушкине? Почему же в стенах Ин[ститу]та я не мог напечатать то, что мог сказать? Почему получается такое положение, что целый ряд товарищей оттесняется на всякие второстепенные позиции, а затем заявляется: “А что же он сделает? Он — лектор, газетчик, журналист”. Это была система работы.

Тот же Эйхенбаум, если бы он посмотрел, как создавалось настоящее народное представление о Лермонтове, о Пушкине, кто был проводником по-настоящему нашего марксистско-ленинского, нашего настоящего советского мнения о нашей классической и советской литературе, то увидел бы, что это были эти самые журналисты, эти самые газетчики, которых так презирали наши формалисты-космополиты»[333].

Театральный эффект было призвано произвести выступление следующего оратора — представителя ненаучной части коллектива Пушкинского Дома Л. Я. Мешезникова[334]:

трограде Французского института для изучения памятников древнерусской письменности, переводы которых принесли ему впоследствии широкую известность,— Домостроя (Le «Domostroï» (Ménagier russe du XVIe siècle) / Traduction et commentaire par E. Duchesne. Paris, 1910) и Стоглава (Le Stoglav, ou Les Cent chapitres: Recueil des décisions de l'assemblée ecclésiastique de Moscou, 1551 / Traduction avec introduction et commentaire par E. Duchesne / Bibliothèque de l'Institut français de Petrograd. T. V. Paris, 1920). Оговоримся, что в большинстве французских и во всех русских источниках, в том числе у автора цитируемого здесь выступления (*Мануйлов В. А.* Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1964. С. 183), Дюшен именуется Эженом, тогда как А. Мазон, также входивший в число пяти стипендиатов и, соответственно, знавший Дюшена лично, в одной из своих работ неоднократно называет его Эмилем (*Mazon A.* Etudes slaves // La Science française, nouvelle édition entièrement refondue. Paris, 1933. P. 451–474).

[333] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 8. Л. 56 об. – 57.

[334] Мешезников Лазарь Яковлевич (1901–?) — старший научно-технический сотрудник института, с августа 1947 г. начальник пожарно-сторожевой охраны; из рабочих, член ВКП(б) с 1930 г., инвалид войны (два ранения и контузия); поступил в штат Пушкинского Дома по наряду от Городского бюро по учету и распределению рабочей силы при Ленсовете, зачислен в штат 7 мая 1946 г. Уроженец местечка Головчин Могилевской губернии, еврей, по специальности — столяр; в 1920–1924 гг. в РККА, в 1928 г. переехал в Ленинград и работал по специальности; в 1932 г. мобилизован ЦК ВКП(б) и направлен в Казахстан секретарем парткома мясосовхоза, в 1933 г. вернулся в Ленинград; впоследствии занимал хозяйственные должности. Уволен из ИРЛИ

«Я на партийных наших собраниях очень редко выступаю, а сегодня выступил только потому, что считаю, что вопрос очень серьезный. Я не научный работник, но работаю в этом Ин[ститу]те три года. Я пришел сюда, как и остальные товарищи, с фронта. До армии я работал на заводе, и моя жизнь — завод и армия. Я пришел из армии инвалидом, и комитет партии направил меня сюда, и я считал большим счастьем попасть в такое учреждение, как научный институт. Я считал, что здесь самые передовые люди.

Может быть, я не так скажу, как следовало бы. Вы поправьте меня. Я литературным языком не владею, но как коммунист, стоящий в рядах партии около 20 лет, не могу удержаться, чтобы не выступить, тем более, что т. Груздев сказал, что в нашей партии нет разницы между грузчиком и ученым. Это — слова нашего Великого Сталина.

Мне непонятно. Когда на производстве получается брак, то с рабочего взыскивают. Но вот что же получается здесь? Мы хвалились, что у нас 100% выполнение плана по научной работе, а райком партии, благодаря его работе и участию в проверке, обнаружил, что вместо 100% оказалось 28%. А между прочим эти люди получали от государства деньги, сосали кровь рабочих. У нас бюджетная организация. Мы привозили по 15–18 тыс. руб. на грузовых машинах. Что это значит? Мы стахановское движение проводим на заводах, мы ведем борьбу за экономию средств. Наше государство и партия создают нашим ученым все условия для работы. А между тем, как только началась война, все удрали отсюда. Им неинтересно было оставаться в Ленинграде; им интересно было уехать туда, где булки свежие имелись. Я называю космополитизм гнойником, который помогла партия вскрыть и обезвредить. Космополиты, эти гнойники, как только началась война, как мыши разбежались по деревне. Рабочие сражались и умирали на рубежах, а они удрали. Они нашу кровь сосут, а мы смотрим. Какие они ученые? Раз они идут против партии — они вредители!»[335] и т. д.

После такой речи со словами покаяния и попытками оправдания к аудитории обратились «космополиты от коммунистов» — Л. А. Плоткин и Б. С. Мейлах.

Их выступления не находили в зале особенной поддержки — бывшего исполняющего обязанности директора перебивали, особенно нетерпелив был Б. В. Папковский, даже закричавший в ответ на одну из фраз: «Что вы врете!»[336] Выступлению Б. С. Мейлаха, в свою очередь, мешал репликами А. С. Бушмин: «Невинность ребенка разыгрываете!»[337]

Бывшие лидеры института выглядели столь жалко, что пора было заканчивать собрание; однако оставалось еще два оратора. Первым выступил друг и идейный соратник А. С. Бушмина Д. И. Рязанов, который обвинил Л. А. Плоткина в двурушничестве и фарисействе. Вышедший вслед за ним исследователь русской литературы XVIII в. Д. С. Бабкин завел разговор о главном — об оргвыводах:

---

15 апреля 1950 г. «в связи с отсутствием специальной пожарно-технической подготовки». В характеристике, подписанной Н. Ф. Бельчиковым и Д. С. Бабкиным 4 мая 1950 г., были отмечены его заслуги перед парторганизацией: «Как коммунист Л. Я. Мешезников характеризуется партийной принципиальностью и большой блительностью. Л. Я. Мешезников принимал в 1949 году активное участие в идейном разгроме космополитов и формалистов и критике бывшего порочного руководства Института русской литературы (и. о. директора Л. А. Плоткина)» (ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 721. Л. 10–10 об.).

[335] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 8. Л. 58–58 об.

[336] Там же. Л. 61.

[337] Там же. Л. 65.

«Все, что у нас происходило за последний месяц, весьма плодотворная работа Василеостровского райкома партии, горкома партии, комиссии, которая была от них назначена здесь, и работа наших коммунистов и университетских коммунистов — все это только я рассматриваю как начало большого и серьезного похода на этих людей. Самая острая и серьезная борьба с этими чужаками, мне кажется, еще впереди. Вот почему я и позволил себе сделать это замечание, чтобы у нас после всех этих собраний не получилось впечатления самообольщения, что мы нанесли удар и дальше можем предоставить все это дело на самотек.

Не надо, товарищи, забывать, что все эти люди — Эйхенбаум, Жирмунский, Азадовский, Берков, Бялый и их покровитель Плоткин до сих пор еще находятся в стенах Института литературы и многие из них еще стоят во главе наших отделов ин[ститу]та. Это — факт, и об этом не нужно забывать. Для того, чтобы добиться нам снятия этих людей, для того, чтобы добиться такого положения, чтобы эти люди не работали, а на освободившиеся места были бы поставлены настоящие ученые, советские патриоты, для этого нам придется проделать большую работу. Вчерашние и сегодняшние выступления на собраниях — нашем и в университете — говорят о том, что наши коммунисты вполне осознают, какие огромные и ответственные задачи в этом деле на них возложила партия, и вот, коль существует такое сознание у наших коммунистов больших общегосударственных задач, надо, мне кажется, наметить нам сейчас в конце нашего собрания некоторые пути для осуществления этих задач.

Мне кажется, что собрание должно вынести следующие решения:

1) Просить райком партии назначить на ближайшие дни в Институте литературы перевыборы партбюро, ибо в теперешнем составе партбюро нельзя признать работоспособным. <...>

Второй момент. Мне кажется, что нужно нам после партсобрания привлечь широко к участию в борьбе с этими космополитами наших молодых ученых с тем, чтобы мы могли опереться на широкие общественные круги. Может быть, к нам в институт следует пригласить не только наших научных работников старшего поколения, но также и работающих за пределами нашего института, имея в виду, что это дело общее и необходимо поэтому, чтобы наша научная общественность приняла в нем как можно большее участие.

Третье мероприятие заключается в том, чтобы помочь дирекции ин[ститу]та произвести перестройку во всей работе ин[ститу]та и, в частности, мне кажется, что нужно сейчас в спешном порядке пересмотреть все подготовленные к печати и находящиеся в печати труды Ин[ститу]та, составленные при участии группы безродных космополитов. <...> Сборник “XVIII век” находится уже в сверстанном виде в издательстве и должен пойти в печать. <...> Эту работу должны произвести коммунисты, так как поручать кому-либо другому не приходится, так как здесь требуется зоркий и бдительный глаз»[338].

С заключительным словом выступил секретарь Василеостровского райкома ВКП(б) А. Н. Климов, который подтвердил основные претензии — о группе космополитов и вине бывшего руководства, но и вынужден был реагировать на отповедь научно-технического работника Пушкинского Дома:

«В заключение, поскольку т. Мешезников просил поправить его, я должен сказать, что конечно, выпуск недоброкачественных работ Институтом принес огромный ущерб государству. Затрачиваются гос[ударственные] средства. Но вы неправы, когда говорите,

[338] Там же. Л. 72–72 об., 73 об. – 74.

что "эти люди сосут кровь рабочих". Это неправильное выражение, потому что никому не позволят в Сов[етском] Союзе сосать кровь рабочих. Это неправильное выражение, а смысл высказывания правильный. Нанесен ущерб государству, потому что были неправильно затрачены средства, но это не значит, что в нашей стране какие-то люди могут сосать кровь рабочих. Рабочие работают, получают зарплату в соответствии с количеством и качеством затраченного труда, и интересы их строго охраняются советским законом»[339].

После того как присутствующие ознакомились с заранее подготовленным текстом резолюции партийного собрания, началось ее обсуждение:

«БУШМИН. Слово для оглашения резолюции имеет т. Груздев.

ГРУЗДЕВ. Оглашает резолюцию.

БУШМИН. Какие будут предложения? Есть предложение принять за основу. Голосую. Принимается единогласно. Какие будут изменения?

БАБКИН. Мне кажется, что в резолюции выпала фамилия Беркова. Я предлагаю внести его в список тех лиц, которых предлагается снять с работы в институте.

БУШМИН. Всем ясно предложение т. Бабкина? Внести фамилию проф[ессора] Беркова в число тех лиц, безродных космополитов, которых мы предполагаем вывести из состава Ученого совета и снять с работы в институте. Это нами не было сделано.

БАБКИН. Я выступал по поводу Беркова и приводил соответствующие данные, которые, с моей точки зрения, дают полное основание для того, чтобы включить его в тот список лиц, о снятии с работы в ин[ститу]те которых мы ходатайствуем. Повторять здесь то, что я говорил на предыдущем собрании и частично сегодня в университете, мне кажется, нет надобности.

ЛЕБЕДЕВ. Я хотел бы сказать вот что: по отношению к Беркову вряд ли было бы справедливо увольнять его из института. Берков не является вождем или какой-либо крупной фигурой во всей группировке. Он по своим теоретическим установкам примыкает к "ползучим эмпиристам" и это приводит его к объективизму и аполитичности, но как работник Берков полезный человек, и его не следовало бы исключать из института.

БУШМИН. Будем голосовать. Кто за то, чтобы включить проф[ессора] Беркова в список тех лиц, об исключении из Ин[ститу]та которых мы ходатайствуем? Большинство против.

ЗАПАДОВ. Поскольку моя деятельность не подвергалась критике, я считаю неправильным вносить мое имя в резолюцию, потому что никакой близости у меня с этой группой не было.

ЛЕБЕДЕВ. Западов, действительно, никакого отношения не имеет к этой группировке. В нашей парторганизации Западов заявлял о тех ошибках, которые у него были, и неоднократно выступал с резкой критикой того же самого Гуковского.

БУШМИН. Будем считать это недоразумением. Голосую, кто за то, чтобы снять Западова из этой формулировки, в которую он незаконно попал. Большинство.

Больше дополнений и изменений к резолюции нет? Нет.

Кто за то, чтобы принять резолюцию в целом? Принимается единогласно. На этом разрешите считать наше собрание закрытым»[340].

Приведем текст этой резолюции, которой к тому же предстояло стать лейтмотивом открытого заседания Ученого совета Пушкинского Дома, намеченного на 8 апреля:

---

[339] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 8. Л. 77.

[340] Там же. Л. 77–78.

«ПОСТАНОВИЛИ:

Заслушав и обсудив постановление бюро Василеостровского райкома ВКП(б) от 25 марта 1949 года “Об итогах научной работы Института литературы Академии наук СССР за 1948 год и плане на 1949 год”, общее собрание партийной организации Института литературы горячо одобряет это постановление и принимает его к неуклонному исполнению и руководству во всей своей дальнейшей работе.

Решения партии в области искусства и литературы постоянно заостряли внимание партийных организаций на необходимости последовательной и принципиальной борьбы за марксистско-ленинскую и сталинскую методологию. Решение ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград” по вопросам театра, кино и музыки во всем объеме ставило вопрос о развитии искусства и литературы, национальной по форме, социалистической по содержанию. Статьи в газетах “Правда”, “Культура и Жизнь” об антипатриотической группе театральных критиков со всей остротой и принципиальностью поставили вопрос о разгроме безродного космополитизма, формализма и прочих пережитков буржуазного литературоведения. Последователи буржуазных “теорий”, люди, преклоняющееся перед буржуазной европейской и американской упадочной культурой, — безродные космополиты, наносили прямой ущерб интересам народа, интересам советской литературы и искусства.

В Ленинграде особенно сильно сказалось засилье безродных космополитов и формалистов в области литературоведения. Еще в 20-е годы в Ленинграде развернули свою “деятельность” декадентствующие эстеты-формалисты Эйхенбаум, Шкловский, Тынянов, Жирмунский, несколько позднее Гуковский и др. В их школе воспитано поколение безродных космополитов, ныне разоблаченные Янковский, Шнейдерман, Дрейден, Цимбал — в области театральной критики; Коварский, Трауберг — в области киноискусства и ряд писателей. В области литературоведения их прямыми учениками являются Бялый, Рейсер, Бухштаб, Гинзбург, Серман, Битнер, Лотман, Найдич и др.

Идейно и организационно сплоченная группа безродных космополитов, возглавляемая Б. М. Эйхенбаумом, В. М. Жирмунским, М. К. Азадовским, Г. А. Гуковским, “оккупировала” филологический факультет университета и Институт литературы АН СССР, превратив их в свои основные цитадели.

Антипатриотический характер этой группы раскрывается в так называемых “научных” работах ее членов.

Б. М. Эйхенбаум выразил идейные основы группы наиболее точно и ясно: “Жизнь идет не по Марксу, тем лучше” — заявлял он в 1922 г. и уже с того времени начал вести активную борьбу с марксизмом, ленинской теорией отражения. “Славяно-русская культура пришлась мне не по вкусу”, — писал он в 1929 г., и, раболепствуя перед буржуазным Западом, заявлял, что он поставил себе основной целью “пропагандировать европейскую культуру на русской почве”. В своих псевдонаучных работах он оклеветал великих русских писателей Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Белинского, боролся против ленинского понимания творчества Льва Толстого. В статье “Поговорим о мастерстве” [sic!] (“Звезда”, № 1, 1945), он прямо выступил против политики партии в области художественной литературы.

Г. А. Гуковский, в прошлом ученик формалистов, ныне является наиболее воинствующим главарем антипатриотической группы литературоведов, наглым пропагандистом космополитизма, идеализма и буржуазного эстетства. Особенно разнузданный и клеветнический характер носит его книга “Пушкин и русские романтики” (1946),

в которой он превратил гениального поэта русского народа Пушкина в индивидуалиста-эстета, оторванного от национальной почвы, в отголосок чужеземных культур. В статьях о Гоголе, опубликованных в последнее время (1948 и 1949 гг.), Гуковский снова выступил воинствующим космополитом-формалистом, апологетом буржуазного литературоведения. Безродный космополит Г. А. Гуковский особенно опасен еще и потому, что он прочно окопался в Институте литературы АН СССР, в Ленинградском университете, в Л. О. Педагогической академии, в городских лекториях и издательствах.

Старейший представитель буржуазного космополитизма В. М. Жирмунский начал свою деятельность с пропаганды мистики и мракобесия (книги — "Немецкий романтизм [sic!] и современная мистика" — 1914, "Религиозные отречения в истории романтизма" — 1916). В советские годы он перешел к формализму в области поэтики и языкознания и к буржуазному компаративизму, последовательно проводя космополитизм типа А. Н. Веселовского в истории литературы и фольклористики. Позиции Жирмунского, в частности, его последняя книга "Узбекский эпос", справедливо разоблачены в партийной печати.

Возглавляемый им сектор западных литератур до сего времени не отказался от низкопоклонства перед враждебной нам буржуазной культурой. Так, например, на двух заседаниях отдела (ноябрь 1948 г. и февраль 1949 г.) обсуждалось творчество фашистского писателя Пиранделло, и эти заседания по существу явились реабилитацией члена фашистской партии. В области подготовки кадров по западной литературе Жирмунский создавал семейственность и групповщину и выдвигал своих оруженосцев из числа политически сомнительных людей для занятия ответственных должностей в ленинградских и провинциальных научных учреждениях. В результате этого в настоящее время изучение зарубежных литератур оказалось в значительной степени в руках школки Жирмунского.

Давний апологет космополитизма М. К. Азадовский один их первых поднял на щит вредную компаративистскую теорию Веселовского. В его работах по Пушкину творчество великого национального русского поэта сводится к заимствованиям из западноевропейских источников. В своих лженаучных комментариях к "Русским народным сказкам" Азадовский всячески стремился доказать, что русские сказки представляют собой разновидность мировых "бродячих сюжетов".

Азадовский отрицал значение русского советского фольклора, собиранию и изучению которого он всячески препятствовал; по вине Азадовского задержана подготовка и выпуск трехтомного издания "Русский фольклор".

Только антипатриотическими взглядами Азадовского можно объяснить появление в заграничной прессе разных редакций его известной статьи о Пушкине (из Временника № 3, 1937). В этих статьях особенно акцентируется мысль (отсутствующая в русской статье) о том, что русский народ и русская литература пойдут по "великому пути западноевропейской культуры".

К числу активных членов группы принадлежит Г. А. Бялый. В своих работах он отрывает творчество русских писателей от национальной почвы, от реальной жизни, от классовой борьбы, стремится поставить их в зависимость от иностранных влияний (например, Тургенева в зависимость от Мюссе, Шопенгауэра и т. д., Гаршина — от Андерсена и Флобера, Короленко — от европейских романтиков), сводит анализ их творчества к формалистическим разборам. Особенно ярко все это сказалось в таких его работах, как книга о Гаршине (1937), статья "Короленко и Горький" (1948 г.), глава о Тургеневе,

предназначенная для VIII тома "Истории русской литературы". Как убежденный космополит, Бялый раболепно восхвалял в 1943 г. американскую буржуазную демократию (ст[атья] "Короленко и Америка"). В указанной работе о Тургеневе Бялый нагло клевещет на русский народ, приписывая Тургеневу будто бы он считал национальными русскими чертами самодурство и жестокость, терпеливость и кротость, космополитизм и т. д.

Бывший меньшевик И. И. Векслер является автором глубоко порочных работ о Тургеневе, о революционно-демократической критике, Решетникове и об А. Н. Толстом. В Институте ему было доверено руководство аспирантами. Он создал семейственность, доходящую до того, что, являясь заместителем главного редактора академического издания Г. Успенского, поручал работу своему пасынку Серману и невестке [Р. Зевиной], превращая государственное дело в источник наживы.

С этой группой сближается П. Н. Берков, допускавший серьезные космополитические извращения русского историко-литературного процесса.

Верными последователями антинародной группы безродных космополитов являются их выученики Л. Я. Гинзбург, С. А. Рейсер, Б. Я. Бухштаб, Магид, Лотман, В. Н. Орлов и И. Серман, подвизающийся в институте на договорных работах.

Серьезные ошибки формалистического и космополитического характера имеются в работах профессоров Б. В. Томашевского, М. П. Алексеева, А. А. Смирнова.

Группа безродных космополитов-антипатриотов не только захватила руководящие посты в Институте литературы и университете, но в ее руках оказались в значительной мере и Ленгослитиздат, где подвизаются Горский, Серман и ставленник Гуковского Макогоненко, Ленинградский лекторий горкома ВКП(б) — Каценленбоген, Городской лекторий — Абрамкин, Лурье, Библиотечный институт — Рейсер и Бухштаб.

Партийное собрание устанавливает, что группа безродных космополитов занималась травлей и вытеснением русских ученых как старшего поколения (Пиксанова, Спиридонова, Евгеньева-Максимова, Десницкого), так и молодых растущих кадров (Рязанов, Бабкин и др.), вместе с тем всячески создавая мнимые авторитеты для людей своей группы.

Партийное собрание устанавливает, что и. о. директора Института литературы Л. А. Плоткин не только не проявил должных качеств большевика-руководителя, не только не боролся с безродными космополитами-формалистами, но своей деятельностью способствовал сплочению антипатриотической группы в институте. Вплоть до марта с. г. Плоткин упорно отрицал наличие группы космополитов в стенах института. Только под давлением партийной организации и руководящих партийных органов Плоткин признал, что в стенах Института литературы существует организованная и сплоченная группа безродных космополитов-антипатриотов, что он не вел с нею борьбы. По сути дела Л. А. Плоткин двурушничал, всячески покрывая эту группу, пропагандировал теорию ее незаменимости, являлся ее рупором, питался ее настроениями, опирался на нее, был активным орудием этой группы. Группа безродных космополитов вместе с Плоткиным проводила сугубо порочную линию подбора, воспитания и расстановки кадров.

По инициативе группы безродных космополитов Институт русской литературы был переименован в Институт литературы, чтобы тем самым создать более удобную обстановку для антипатриотической деятельности и клеветы на русскую литературу и русский народ. На партсобрании 21.X.48 г. и Ученом совете 26.X.48 г., когда коммунистом т. Бушминым был поставлен вопрос о необходимости восстановления прежнего

названия института, Плоткин не только не поддержал, а выступил единодушно с Бялым против этого предложения, назвав его демагогическим.

Все это показывает, что Плоткин являлся рупором группы безродных космополитов-формалистов, защищал их интересы, опирался в своей деятельности не на коммунистов, а на антипатриотическую группу. Не случайно в дискуссии о буржуазной методологии А. Н. Веселовского Плоткин занял двусмысленную позицию. В своей административной деятельности Плоткин руководствовался только интересами группы безродных космополитов. Вынужденный, как коммунист, идти на споры с этой группой, Плоткин ограничивался беззубыми половинчатыми академическими выступлениями. Плоткин занял в Ленинграде положение монополиста: он и и. о. директора Института литературы, профессор филологического факультета университета, руководитель Секции критики и литературоведения Л. О. Союза Советских писателей, руководитель Секции литературы Л. О. Всесоюзного Общества по распространению политических и научных знаний, рецензент рукописей во всех ленинградских и некоторых московских издательствах, консультант ленинградских лекторских бюро и т. д.

Партийное собрание устанавливает, что центром антипатриотической группы безродных космополитов-формалистов был отдел новой русской литературы и отдел западных литератур.

Руководитель отдела новой русской литературы Б. С. Мейлах не вел принципиальной борьбы с этой группой и сводил все к беззубым и “обтекаемым” академическим спорам по вопросам методологии. Он не выступал в печати против этой группы. В отделе существовала атмосфера группового захваливания и взаимного раздувания авторитетов. Заместителем Мейлаха обычно выступал Б. М. Эйхенбаум, и он же до недавнего времени был председателем Пушкинской комиссии. При таком положении Б. С. Мейлах объективно выступал в роли руководителя, прикрывающего безродных космополитов и целиком доверявшего им, что усугубляет его партийную ответственность за порученный ему участок. На расширенном заседании партбюро 3 марта 1949 г. он ограничился признанием своей большой политической ошибки, однако ничего не сказал о том, как он намерен бороться с группой безродных космополитов.

Партийное собрание отмечает, что партийная организация в целом, партбюро в особенности, не вели решительной борьбы с безродными космополитами.

Партийное собрание ПОСТАНОВИЛО:

1. Поставить вопрос перед вышестоящими партийными и советскими инстанциями о переименовании института в “Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР”.

2. Вывести из состава партбюро т. т. Плоткина и Мейлаха и рассмотреть вопрос о привлечении их к партийной ответственности.

3. Признать существовавшую до последнего времени расстановку руководящих научных сил и подготовку аспирантов в Институте следствием антипатриотической деятельности группы безродных космополитов. Считать необходимым немедленное отстранение бывшего меньшевика И. И. Векслера от руководства аспирантурой. Поставить вопрос о тщательном пересмотре аспирантуры и докторантуры института.

4. Поставить вопрос перед дирекцией института:

а) о пересмотре расстановки руководящих научных кадров в Институте литературы АН СССР;

б) о выводе из состава Ученого совета и снятии с работы руководителей организованной и сплоченной группы безродных космополитов-формалистов: Б. М. Эйхенбаума, Г. А. Гуковского, Г. А. Бялого, И. И. Векслера, В. М. Жирмунского, М. К. Азадовского, как наиболее вредных, активных и деятельных космополитов-формалистов, причинивших колоссальный вред русской культуре и советскому народу, а также бывшего и. о. директора Л. А. Плоткина, который в течение ряда лет покрывал группу антипатриотов и ограждал ее от общественной и партийной критики;

в) об увольнении из института ставленников группы безродных космополитов: младшего научного сотрудника отдела новой русской литературы Лотман и старшего научного сотрудника отдела фольклора Магид.

5. Считать необходимым пересмотр всех научно-исследовательских планов и всех научных работ, как вышедших из печати, так и находящихся в наборе и рукописях.

6. Партийное собрание считает необходимым просить вышестоящие партийные и советские организации о проверке деятельности административно-хозяйственной части института, работы главбуха Израилевич и зам. директора Шаргородского, известного своими групповыми интересами и делячеством.

7. Ввиду того, что в Институте была приглушена и подавлена критика и самокритика, ослаблена политическая и воспитательная работа, неотложной задачей парторганизации должно быть развертывание принципиальной большевистской критики и самокритики, невзирая на лица. Необходимо усилить марксистско-ленинское воспитание и строгий контроль за партийной учебой. На этих участках сосредоточить все внимание и силы парторганизации.

8. Партийная организация Института целиком и полностью присоединяется к статьям в "Правде" и "Культуре и Жизни" и горячо одобряет их. Разгром и беспощадная борьба с антинародным буржуазным космополитизмом и формализмом, разоблачение всех и всяческих форм их проявления, очистит наши ряды, мобилизует все наши силы на служение великой партии Ленина—Сталина, советскому правительству и великому советскому народу.

Постановление принято единогласно»[341].

ПИСЬМО ЛЕНИНГРАДЦЕВ И. В. СТАЛИНУ

Новое партийное руководство Ленинграда параллельно с раскручиванием «ленинградского дела» начало проводить и новую политику, созвучную с победившей в сознании Сталина идеей укрепления военно-промышленного комплекса, столь мастерски воплощавшейся в жизнь Л. П. Берией и Г. М. Маленковым. Если осенью 1947 г. именно ленинградцы выступили с почином организовать Всесоюзное соцсоревнование за выполнение планов четвертой сталинской пятилетки (1946–1950) в четыре года, поддержанным всей страной, то и в феврале 1949 г. ленинградцы опять возглавили авангард советских трудящихся. 2 апреля 1949 г. вечерний выпуск «Последних известий» Ленинградского радио сообщал:

«Сегодня опубликовано письмо товарищу Сталину от работников промышленности, деятелей науки и техники города Ленинграда и Ленинградской области.

[341] Там же. Д. 6. Л. 12–14.

Этот документ нашел горячий отклик в сердцах всех ленинградцев. Он оживленно обсуждается на заводах и фабриках, в научно-исследовательских институтах и в высших учебных заведениях.

Многотысячная армия работников науки, техники и промышленности преисполнена решимости отдать все свои силы борьбе за превращение Ленинграда в город технического прогресса, высокой культуры социалистического производства.

Тесная связь и творческое содружество работников науки и производства — вот что является отныне законом нашего движения вперед по пути технического прогресса.

Трудящиеся Ленинграда выражают великому Сталину глубокую благодарность за отеческую заботу о Ленинграде.

Все ленинградцы — партийные и непартийные большевики — приложат свои силы и энергию для того, чтобы с честью выполнить поставленную задачу — идти в первых рядах борцов за технический прогресс, за построение коммунизма»[342].

Это письмо стало рубежом, наглядно демонстрирующим окончательную смену сталинского курса: от взлелеянной Сталиным удушающей ждановщины страна ценою ленинградской крови шла к еще более жестокому — бериевско-маленковскому военно-техническому прогрессу, окончательно иссушившему почву свободной мысли.

Этот документ, как и прежние постановления по идеологическим вопросам, мгновенно стал клонироваться во всех областях жизни. 23 апреля утренний выпуск Ленинградского радио сообщал:

«Вчера Правление Ленинградского отделения Союза советских писателей обсудило вопрос о задачах писателей в связи с письмом работников промышленности, деятелей науки и техники Ленинграда и Ленинградской области товарищу Сталину. С докладом выступил ответственный секретарь Правления товарищ Дементьев:

— Ленинграду, — сказал он, — выпала высокая честь стать одним из ведущих центров технического прогресса. Делом чести писателей Ленинграда является создание произведений, правдиво и ярко показывающих плодотворное содружество работников науки и производства. Ленинградские ученые, инженеры, стахановцы — новаторы производства — вот будущие герои новых книг. Борьба за отличное качество продукции означает для ленинградских писателей борьбу за высокое художественное достоинство повестей, романов, рассказов, очерков и стихотворений.

По обсужденному вопросу принято развернутое решение. Одобрена, в частности, инициатива секции поэтов, подготовляющей сборник стихотворений о труде новаторов производства. Подготавливается также сборник статей и очерков, в котором помимо писателей примут участие работники промышленности, деятели науки и техники.

В Доме писателя имени Маяковского систематически будут устраиваться встречи писателей с учеными, руководителями предприятий и новаторами производства, а также лекции деятелей науки и техники»[343].

Сверх того, что прозвучало в радиосообщении, А. Г. Дементьев сказал:

«Письмо в том числе направлено против так называемой академической науки, которая отгорожена от народа, которая замкнута в стенах кабинетов, оторвана от жизни <...>. Поэтому мы, несомненно, правильно сделали, когда ударили очень сильно по проявлениям космополитизма, антипатриотизма в критике, в самой литературе, по пережиткам

[342] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 3296. Л. 14. Последние известия, 2 апреля 1949 г. (19:15–19:29).

[343] Там же. Д. 3298. Л. 120. Последние известия, 23 апреля 1949 г. (08:35–08:59).

эстетизма, формализма, аполитизма в некоторых произведениях некоторых наших литераторов, правильно, потому что это борьба за высокое качество нашей литературы. <...> Эта борьба против вредных, чуждых идейных влияний в литературе должна продолжаться с той же энергией, с той же принципиальностью и впоследствии»[344].

ОТКРЫТОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Как и говорил Г. П. Бердников 30 марта на партсобрании, подготовка к Ученому совету проводилась серьезная — предпринимались все меры, чтобы не допустить ни реплик преподавателей, ни разномыслия среди студентов. Из четырех основных мишеней этого заседания Б. М. Эйхенбаум и М. К. Азадовский уже были прикованы к кровати и не могли присутствовать. Кроме того, Г. П. Бердников известил В. М. Жирмунского, а может быть, и не его одного, о грядущем избиении[345], но Виктор Максимович все равно пришел на заседание. Он понимал, что неявкой сделает себе только хуже; пришел и Г. А. Гуковский. Однозначно можно сказать: все они знали, что им предстоит претерпеть[346].

4 апреля побоище происходило в зале заседаний Ученого совета филологического факультета, вместить всех пришедших он не смог. Лишь на второй день публичная казнь будет перенесена в актовый зал университета — ректорат не хотел с самого начала выделять филологический факультет, поскольку 4–5 апреля проработки происходили не только там, но и на других факультетах, но имели строго одинаковую направленность. На историческом факультете это мероприятие именовалось как «Теоретическая конференция, посвященная вопросу борьбы с космополитизмом в исторической науке». Но все университетские мероприятия меркли в сравнении с мастерами слова, которые побивали своих самых знаменитых профессоров.

В связи с этим публичным поруганьем М. К. Азадовского, Г. А. Гуковского, В. М. Жирмунского и Б. М. Эйхенбаума вспоминаются слова В. Б. Шкловского, сказанные им в двадцатых годах своим оппонентам на одном из диспутов: «У вас армия и флот, а нас четыре человека. Так чего же вы беспокоитесь?»[347] Но беспокоились, притом

---

[344] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 57. Л. 7–8 об.

[345] 29 ноября 1949 года Н. В. Спижарская поставила это декану на вид на заседании партбюро факультета: «Напрасно, на мой взгляд, Бердников раскрыл карты Жирмунскому до заседания Ученого совета» (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 125. Л. 141 об.).

[346] В подтверждение своих слов приведем фрагмент из воспоминаний Е. М. Мелетинского: «Я часто ездил в Ленинград для научного общения и занятий в библиотеке. Однажды, когда я сидел над какой-то книгой в Публичной библиотеке, меня вызвал в коридор зав. кафедрой фольклора ЛГУ Марк Константинович Азадовский и сказал: “Знаете ли Вы, что через несколько дней из науки будут изгнаны Ваш учитель Жирмунский, Гуковский, Эйхенбаум и я. Возможно, что и Вам потом придется покинуть свой пост в университете”. Действительно, очень скоро началась соответствующая проработка “космополитов”, в данном случае — ведущих профессоров Ленинградского университета. В ЛГУ кампанию возглавлял бывший аспирант Гуковского — Бердников, ставший затем деканом (впоследствии — директором ИМЛИ АН СССР в Москве). В Петрозаводске аналогичный спектакль готовил В. Г. Базанов — будущий директор Пушкинского Дома» (цит. по: *Мелетинский Е. М.* Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. С. 518).

[347] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки... С. 327.

серьезно: одним нужно было отчитаться перед партийным руководством на Старой площади, другим — освободить для себя теплые профессорские места.

Ольга Михайловна Фрейденберг записала 6 апреля:

> «По всей стране идут еврейские погромы, но в “культурной” форме: кровь тела заменяется кровью сердца. Подвергают опозориванью деятелей культуры, у которых еврейские фамилии. Вчера и позавчера прошли погромы на нашем факультете. Нужно видеть “обстановку”: группы студентов снуют, роются в трудах профессоров-евреев, подслушивают частные разговоры, шепчутся по углам. Их деловая спешка проходит на наших глазах.
>
> В начале чистки произошла Ходынка. Толпы, тысячи студентов в жажде хлеба и зрелищ осадили большой зал заседанья. Выломали двери, разбили стекла. Озверев, не помня себя, они ломились в погоне за зрелищем моральной казни. Мне сделалось дурно, и меня увезли домой»[348].

Перейдем к ходу первого дня заседания. Декан Г. П. Бердников выступил с докладом «Задачи факультета в борьбе против космополитизма в литературоведении», после чего занял место в президиуме в качестве председательствующего. Поскольку сохранилась стенограмма лишь вводной части доклада — «Решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и работа факультета»[349], то судить о тоне остальной части можно как по цитированному выше выступлению на партсобрании, так и по звучавшим на протяжении двух дней прениям. Но основное содержание доклада явно совпадало с докладом Н. С. Лебедева на партсобрании, поскольку оба доклада готовились общими усилиями. По-видимому, доклад декана был лишь еще более «заострен».

Первым после докладчика за кафедру встал член-корреспондент Академии наук (еще с 1931 г.), профессор Н. К. Пиксанов:

> «Хотелось бы многое сказать на этом собрании, но суровый регламент требует чрезвычайной сжатости изложения, поэтому я выскажусь только о работах Г. А. Гуковского, притом только о немногих его суждениях, но они характерны, существенны, они таят в себе опасность и научную, и педагогическую, — о них нельзя умолчать.
>
> Наряду с общеобязательной этикой существует еще этика профессиональная: этика капитана, этика педагога, этика врача.
>
> Существует ли этика научного работника, ученого-исследователя? Да, существует.
>
> Ученый ищет истину, научную правду, ученый дорожит истиной, бережет истину, ученый дорожит фактами, документами, доказательствами. <...> И вот, из года в год, из книги в книгу, знакомясь с работами Г. А. Гуковского, я все более укрепляюсь в убеждении, что он не дорожит истиной, не чувствует ответственности за свои суждения, не выполняет обязательств перед принятыми им же самим мировоззрением и методом. Для Г. А. Гуковского типичен безответственный афоризм, типичен парадокс на скорую руку. О парадоксах уже говорил здесь Георгий Петрович, и я всецело разделяю его суждение о том, что парадоксы Г. А. Гуковского не случайны, что они превращаются в продуманную систему, но это не снимает с очереди оценку бесконечного количества парадоксов. В его обильных работах парадокс на парадоксе едет и парадоксом погоняет. <...>
>
> Здесь уже говорилось о том, какими широкими волнами гуляет по страницам работ Григория Александровича неприкрытый формализм. <...> Насильнически

[348] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[349] ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 126. Л. 172–178.

истолковывает Гуковский декабристскую литературу. Если по капризу он готов объявить Жуковского безбожником, то поэтов-декабристов он готов поголовно объявить псалмопевцами. <...> Когда просматриваешь работы Гуковского, то видишь, как он упорно совершает упрямую, настойчивую, насильственную христианизацию всего декабризма. Он замазывает и начисто замалчивает материалистические, атеистические элементы в идеологии декабристов. Он выхолащивает, опресняет эту идеологию. <...> Пусть не все декабристы были материалистами и атеистами, недопустимо однако замалчивать факты обратного значения. Это значило бы создавать фальшивую историческую концепцию. Между тем у Г. А. Гуковского о таких фактах нет ни слова.

А затем советский литературовед обязан помнить слова И. В. Сталина:

“Для диалектического метода важно прежде всего не то, что кажется в данный момент прочным, но начинает уже отмирать, а то, что возникает и развивается, если даже выглядит оно в данный момент непрочным” (“Краткий курс”, 101).

Я брал примеры и цитаты из книги Гуковского о Пушкине, 1946 г. Может быть, в позднейших работах иначе, благополучнее? Нет, тоже самое и в обширной статье о “Борисе Годунове” Пушкина и в двух статьях об украинских повестях Гоголя»[350] и т. д.

Выступление Николая Кириаковича, завершившееся аплодисментами зала, было одним из немногих добровольных, искренних выступлений.

«Разоблачители Гуковского были движимы самыми различными мотивами. Ну, конечно, в первых рядах шли служебные места <...>. Но существовали и просто завистники. Член-корреспондент Академии наук Н. К. Пиксанов едва ли чем-либо рисковал, если бы смолчал. Но он завидовал Гуковскому до сосания под ложечкой — его ораторскому таланту, теоретическому размаху, аналитической проницательности. И Пиксанов выступил, за академическими жестами скрывались подавленность и озабоченность Сальери»[351].

И действительно, Н. К. Пиксанову удалось насладиться после низложения профессоров и почувствовать уже забытую востребованность:

«В большой моде у нас и в большом почете Н. К. Пиксанов. Везде выступает с речами и докладами, крепко взял руководство нашей наукой в свои руки и печатается не только в “Известиях” Отделения [литературы и языка АН СССР], но и также в стенгазете филфака, где он разоблачил Гуковского», — писал Н. И. Мордовченко 19 мая 1949 г. Ю. Г. Оксману[352].

Стоит отметить, что такая линия поведения Н. К. Пиксанова к тому времени была далеко не нова: выступление 15 ноября 1946 г. на диспуте М. М. Бахтина в ИМЛИ — «когда он громил Бахтина на защите его диссертации о Рабле»[353] — уже канонизировало его далеко не в самом светлом образе, возобновив в памяти Пиксанова-оратора 1930-х гг., одного из самых заметных «беспартийных большевиков» Академии наук и незаменимого трибуна всех возможных собраний.

М. К. Азадовский писал с грустью осенью 1949 г.: «А ведь какую красивую старость мог бы иметь. Мог быть в полном смысле нашим патриархом»[354]...

---

[350] Там же. Л. 2–3, 6–8, 11.

[351] *Иванов М. В.* Звезда Гуковского. С. 15.

[352] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954, С. 117. Примеч. 16. (Здесь Николай Иванович съязвил: речь идет даже не о многотиражке «Ленинградский университет», а о факультетской стенгазете «Филолог».)

[353] *Герштейн Э.* Мемуары. М., 2002. С. 281.

[354] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954. С. 117. Примеч. 16. (Письмо от 26 октября 1949 г.)

Следующим выступил «провинившийся» на партсобрании А. В. Западов:

«С большим волнением я, как и многие собравшиеся здесь, ожидал этого заседания Ученого совета, на котором мы должны выявить наше отношение к борьбе с космополитизмом, которая ведется нашей партией и всей рядовой советской общественностью, борьбы, подлинное историческое значение которой и размах, может быть, не всем еще ясны сегодня.

Из доклада Г. П. Бердникова и по нашим собственным представлениям мы понимаем, что наше литературоведение заражено болезнью космополитизма, и такого рода космополитические воззрения отравляют сознание студентов, и мы должны воспитывать молодежь в глубоко патриотическом духе, не боящихся преград, готовую преодолеть всякие препятствия, молодежь, беззаветно преданную идеологии коммунизма...» [355]

Он, порой дословно, повторил сказанное на партсобрании: отметил Г. А. Гуковского в качестве выдающегося исследователя русской литературы XVIII в., изложил робкие критические замечания к работам В. М. Жирмунского, вскользь критически упомянул П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского. Покаялся Александр Васильевич и в своих ошибках:

«В частности, мои ошибки заключаются в том, что я пытался роману "Пригожая повариха" найти какую-то аналогию и западноевропейской литературе, искал источники прозы Крылова у Мерсье и Лесажа. Глубоко неверными были мои примечания и статья к сборнику Удмуртских народных сказок, что я делал по заказу Удмуртского института, правильно отказавшегося от издания рукописи» [356].

После него на кафедру поднялся профессор В. М. Жирмунский, который попытался самокритикой если не отвести, то хотя бы смягчить удар: он в сотый раз признал ошибки в связи с А. Н. Веселовским, опять покаялся за книгу «Узбекский народный героический эпос»...

Но затем он все-таки посмел сказать то, ради чего, несмотря на предупреждение Г. П. Бердникова, вообще пришел на это эпохальное заседание:

«...Я должен сказать одно. Если бы я смотрел на свой путь как ученого, путь почти 40-летний, так пессимистически, как Бердников, который здесь сказал, что из всего написанного проф[ессором] Жирмунским ничто не идет на помощь советскому народу. Это значило бы для меня полное крушение всей моей жизни и как ученого, и как советского гражданина, и как человека. Я этому не верю. Партия учит нас, и мы с охотой учимся на указаниях партии преодолевать и исправлять свои ошибки.

Я взял читать курс "Введение в литературоведение", потому что я не хотел отсиживаться. Мне легко можно было сбросить этот курс на кого-нибудь другого, но я считал своей обязанностью в курсе, который я читаю студентам, сделать все возможные для меня усилия для того, чтобы исправить свои ошибки.

Когда я докладывал о перестройке своего курса на кафедре, от большинства выступавших товарищей я слышал сочувственные отзывы в отношении того, как я преодолеваю

Именно в эти дни вышел очередной труд «патриарха» в «Известиях ОЛЯ»: *Пиксанов Н. К.* Величайшие организующие и преобразующие идеи: Труд И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» и проблемы литературоведения // Известия АН СССР, Отделение литературы и языка. М.; Л., 1949. Т. VIII. Вып. 2. Март–апрель. С. 93–96.

[355] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 15–16.

[356] Там же. Л. 18.

свои ошибки. Я не хочу сказать, что я преодолел ошибки, я думаю, что и сейчас в моем курсе есть целый ряд ошибок, которые я учту, которые я исправлю в той мере, в какой я способен это сделать сейчас.

Я скажу еще одну вещь. Три недели мы ждали сегодняшнего заседания. Эти три недели для тех, кто осознавал себя виновным в ошибках, были нелегкими, но поскольку я за это время мог не приезжать на заседания в университет и в Академию (заседаний у нас не было), я сидел и работал так, как должен ученый сидеть и работать за своим письменным столом, потому что мы, ученые, только для того и существуем, чтобы писать, чтобы преподавать.

Я работал над темой, которая была дана правительством Карело-Финской республики. Тов. Куусинен просил сделать работу на тему "О реакционной буржуазно-финской фольклористике". Эту работу я закончил и хотел бы, чтобы товарищи познакомились с нею, т. е. дали бы мне возможность ее прочитать.

Еще один вопрос о работе моей кафедры. Я в Университете состою профессором 30 лет. 15 лет я возглавлял кафедру германской филологии, а последние 15 лет — кафедру западных литератур. Здесь сидит очень много моих учеников, лингвистов и литературоведов, заведующих кафедрами, профессоров, доцентов, аспирантов. Поэтому я решительно отвергаю обвинение в том, что я не готовил кадры. О качестве кадров — пускай товарищи судят сами. <...>

Я предвижу, что мне придется признать очень много ошибок, сделанных мною, но, тем не менее, это мое законное право, тем более что я 30 лет работаю в качестве заведующего кафедрой, профессора университета; я все же, кроме ошибок, имею и некоторые положительные стороны за время своей долголетней работы.

Я думаю, все это может быть второстепенное, потому что перед нами стоит более важный вопрос, чем вопрос о том, что сумею ли я сказать, что та или иная вещь, сказанная обо мне, сказана неправильно. Основное, конечно, Георгием Петровичем было сказано правильно, правильно в отношении нас всех, правильно и в отношении меня.

Я считаю, что мы должны продумать до конца указания партии, я считаю, что мы должны, каждый в своей работе, не складывать руки, а работать дальше, стараясь избегать повторения наших прежних ошибок. И я буду работать там, и где меня поставит Советское государство и партия для использования моих научных знаний, как специалиста. (Аплодисменты)»[357].

Овация после выступления Виктора Максимовича была, по мнению устроителей, совершенно излишней и в планы не входила:

«Одним из аплодировавших был Ю.Д. Левин, тогдашний аспирант, а в будущем — известный ученый и переводчик. На его поведение обратил внимание Ф.А. Абрамов <...> он во всеуслышанье проворчал: "Ну, ты еще не определил свою партийную позицию". После собрания Абрамов подошел к Левину и сказал, что хотел своей репликой... "спасти" коллегу и фронтовика»[358].

Естественно, что поступок Ю.Д. Левина, порочный для члена ВКП(б), впоследствии разбирался на заседании партбюро факультета[359].

---

[357] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 28–30, 35–36.

[358] *Азадовский К.М., Егоров Б.Ф.* «Космополиты». С. 108.

[359] 12 апреля 1949 г. партбюро факультета в присутствии Ю.Д. Левина заслушало отчет парторга кафедры западноевропейских литератур Б.Л. Раскина. Приведем фрагмент резолюции этого заседания:

Чтобы сбить настрой зала, на кафедру вышел антипод выступившего оратора — Евгений Иванович Наумов, который первой же фразой вернул обстановку в прежнее состояние:

«Постановление ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград" открыло ту очень острую борьбу на идеологическом фронте, которую мы ведем с ожесточением до сегодняшнего дня.

Вопрос поворачивался по-разному — говорили о преклонении и низкопоклонстве перед западом, говорили о школе Веселовского, о необходимости окончательного разгрома этой вреднейшей школы, мы говорили о необходимости разгрома до конца формализма, сегодня мы говорим о проявлениях космополитизма, и все это вместе взятое является одной цепочкой.

Если мы это будем иметь в виду, то мы не дадим себя сбить с толку, как это удалось минуту тому назад профессору Жирмунскому относительно некоторых очень наивных людей, присутствующих в этом зале. (Аплодисменты)» [360].

Не особенно стесняясь в оценках, Евгений Иванович повторил сказанное на предшествующем партсобрании о Б. М. Эйхенбауме, о формализме и т. д. Но потом он обратился и к опальным профессорам, сидящим в зале:

«От выступления проф[ессора] Жирмунского с этой кафедры у меня такое впечатление, что проф[ессор] Жирмунский остается на прежней позиции. Я слышу четвертый раз от проф[ессора] Жирмунского, что пора перестраиваться, однако этого никак не видно. Если бы Вы такое стремление внутренне испытывали, то это невозможно было бы скрыть, Виктор Максимович. Сегодня, выйдя на эту общественную кафедру, Вы отделывались одной стандартной фразой, пустой фразой "надо посмотреть". Вы накинулись в итоге на все участки: и там не так, и на кафедре не те факты.

Виктор Максимович, неужели Вы не понимаете, что сегодня происходит в этом зале? У меня впечатление, что Вы не понимаете и, очевидно, не можете понять.

Когда "Опояз" был разгромлен, прибавилось имя Азадовского, этого человека с абсолютным отсутствием советской чести, чувства советского человека, с абсолютным отсутствием чувств патриота.

Георгий Петрович приводил факты. Можно было бы прибавить факт о том, в какой редакции помещал Азадовский здесь те статьи, которые писал за границей, как он угоднически перекраивал статью о Пушкине, чтобы не задеть англичан и т. д. Абсолютно раболепствующей фигурой был Азадовский, от которого мы не слышали ни одного вразумительного слова о том, что он действительно пересмотрел свои старые позиции.

«Коммунисты-аспиранты тт. Раскин и Левин, присутствуя на заседании кафедры, на которой проф[ессор] Жирмунский докладывал о "перестройке" своего курса "Введение в литературоведение", не сумели разоблачить формалистический и объективистский характер этого курса. Коммунист Генин на протяжении двух лет пребывания в аспирантуре вообще ни разу не выступил с критикой недостатков в работе кафедры, считая невозможным критиковать своего учителя проф[ессора] Жирмунского.

На последнем Ученом совете коммунист Левин позволил себе выразить сочувствие аплодисментами проф[ессору] Жирмунскому после его совершенно неудовлетворительного и несамокритичного выступления, от которого сам Жирмунский на второй день отказался. <...>

Партийное бюро постановляет:

Поручить партгруппе разобрать персональное дело коммуниста Генина. Указать т. Левину на недопустимость его поведения на последнем Ученом совете» (ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 124. Л. 142).

[360] Там же. Д. 126. Л. 36–37.

Таким образом, получается, что ядро, которое организовалось здесь, продолжает быть ядром и стоять на прежних позициях. Правда, в новых условиях применяются новые приемы. Конечно, после постановления о журналах "Звезда" и "Ленинград" невозможно создать "Опояз" и невозможно совершать "путешествие по Европе", но позиции остаются прежние, и в более завуалированном виде продолжает быть эта группа воинствующей группой.

Так, была глубоко вредной дискуссия о стадиальности литературы. Эту дискуссию навязала та же группа факультету, и, таким образом, прикрываясь за выводы научных формулировок, протаскивались все абсолютно старые пороки и старые ошибки этого ядра. Как известно, в эту дискуссию внес вреднейший вклад и Г. А. Гуковский. Я подробно об этом говорить не буду. Здесь Георгий Петрович подробно останавливался на этом, я бы хотел подчеркнуть другое, что когда была затеяна дискуссия о теории стадиальности, то создалось такое впечатление, как будто у этой группы есть разногласия между собой, но это была декоративная сторона, это форма, потому что здесь ни о каких принципиальных разногласиях речи не было, все это одно и то же в различных проявлениях, это стремление модернизировать старые ошибки, это не стремление честно сказать о том, что нужно значительно пересмотреть прошлое и не стремление это прошлое пересмотреть, а попытка подправить, приспособить, модернизировать, реформировать, в то время как надо было не реформировать, а все это уничтожить. Поэтому все усилия партийной организации факультета и общественности, и деканата, все эти усилия не дали результатов до сегодняшнего дня, до сегодняшнего дня эта группа не разоружилась. Эту группу нужно до конца разоблачить и разоружить. Мы вечно говорим о том, что эти вреднейшие установки ряда ученых и их крупнейшие ошибки дают свои отрицательные результаты. Мне тоже хочется сказать по этому поводу два слова. Я вполне поддерживаю проф[ессора] Пиксанова, который говорил об этике ученого и о той колоссальной ответственности, которую несем мы, преподаватели, говоря перед студенчеством, и в этой связи хочется сказать о том, что упомянул в докладе Георгий Петрович. Действительно, на факультете стало модным словечко "гуковизм", это словечко означает, что тот или иной товарищ, студент обладает оригинальностью мыслей, умеет делать необычные выводы, у него какая-то особая точка зрения. Что же получается? Я бы сказал так — те студенты, которые пытаются копировать проф[ессора] Гуковского, причем делают это очень примитивно, которые являются продолжателями и эпигонами проф[ессора] Гуковского — эти студенты делают в маленьком масштабе то же самое, что пыталась делать в большом масштабе эта группа целиком, это тот же маленький "Гамбургский счет". <...> Эти поиски необыкновенного — это тоже стремление противопоставить общепринятому, общепризнанному свою индивидуальную точку зрения, идущую вразрез тому, что думают советские люди. Мне кажется, Григорий Александрович, Ваша вина заключается в том, что Вы — человек, который пользуется таким влиянием на студенчество, ни разу не вытащили такого субъекта, Вы ни разу сами не выступили, не сказали и не крикнули громким голосом на этих людей, которые кладут пятно на Вас, потому что словечко "гуковизм" так и тянется за Вами, и Ваше дело было в первую очередь отсечь этот хвост от себя.

Эти мелкие "Гамбургские счета", которые пытается предъявить некоторая часть нашего студенчества, говорят о том, что этот вред сказывается совершенно реально и совершенно ощутимо. Мне кажется, что пришла пора перестать проявлять такое

прекраснодушие, выслушивая заявление о стремлении перестройки, наблюдать, как эта перестройка не совершается, и продолжает оставаться в прежнем состоянии.

Ясно, что Ученый совет должен выработать мероприятия на своем заседании, которые окончательно разоружили бы эту группу, выработать ряд мероприятий, которые позволили бы разоблачить перед студенчеством всю вредоносность взглядов этой группы. Нам нужны мероприятия, которые оздоровили бы общую атмосферу нашего родного факультета. (Аплодисменты)»[361].

Именно в этот момент наступила очередь выйти за привычную ему кафедру Г. А. Гуковскому. Приведем текст его выступления полностью:

«Я должен сказать, что Евгений Иванович в заключении своей справедливой речи несколько затруднил условия, в частности, моего выступления. Евгений Иванович, очевидно, считает, что словами бесцельно призывать к действиям, тем не менее, не испугавшись Евгения Ивановича, я выступаю со словами, предполагая, что для литератора слова в том числе есть его политические действия.

Мое имя сегодня упоминалось здесь неоднократно. Я должен предупредить товарищей и Ученый совет, что я пришел на эту кафедру не для того, чтобы полемизировать, в частности, не для того, чтобы вести полемику по отдельным конкретным суждениям или оценке тех или иных историков.

В литературных фактах, в оценке и суждениях я могу ошибаться, и мои уважаемые оппоненты могут ошибаться так же, как и я, но не в этом дело. Тема сегодняшнего нашего обсуждения — тема преимущественно политическая, и из этого я хочу исходить.

Вопрос стоит не только сегодня, а довольно давно и всегда стоял за последние годы с особенной остротой, а сегодня с преувеличенной, или вернее подчеркнутой остротой; вопрос стоит так, что каждый из деятелей русской культуры и советской культуры вообще обязан поставить перед собой решающую, важную, жизненную для него проблему — на что, на какую цель направляет он свои научные усилия, на кого он работает, потому что цели сейчас только две. Одна — справедливая и прекрасная, другая — черная и уродливая. Только середины нет! Есть цель построения коммунизма и усиления силы и обороноспособности, в том числе и идеологической обороноспособности нашего общего социалистического и коммунистического дела, и есть цель — разрушения строящегося коммунизма и возвращения человечества вспять. Других путей в мире вообще нет, история в мире не дала, и каждая деятельность вообще, в том числе и деятельность в области культуры, повторяю, должна этим определяться — туда или сюда. Но, когда мы ставим вопрос конкретно, вот, скажем, я — было бы странно и дико предположить, что я не ставил бы вопрос перед собой о том, приносит ли моя работа пользу делу построения коммунизма и защиты его. Такой вопрос я перед собой ставил и ставлю. Но, когда ставишь такой вопрос, недостаточно сказать: «да, я хочу содействовать советской эпохе», а надо поставить вопрос о том, чем и как я буду содействовать.

На первый вопрос — хочу ли я содействовать, я считаю нужным коротко и отчетливо сказать — хочу. На второй вопрос о том, рассматривая свои работы, удовлетворен ли я теми реальными результатами, той реальной пользой, которую эти работы приносят, ибо я человек науки утилитарной и требую от науки пользы, на этот вопрос я отвечу — нет, я не удовлетворен суммой пользы, которую могут принести мои работы; полагаю, что эта сумма, во всяком случае, совершенно недостаточна.

---

361 ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 42–47.

Я думаю, что такое самопризнание свойственно мне не только сегодня, но на протяжении целого ряда лет не избавляет от ошибок, оно движется поисками истины, и вот я начинаю думать, много думал и много думаю о том, почему меня реальный общественный результат моей научной работы не удовлетворяет, не дает мне ощущения того, что я сделал дело, которое полезно всему народу или определенным специалистам. Почему? Потому что или я в отдельных случаях ошибаюсь или не ошибаюсь, и не потому, что я выдвинул или задвинул Катенина. Нет, не потому. К сожалению, я должен сказать, что целый ряд частных вопросов, выдвигаемых против меня, может быть несправедлив, но меня это не волнует, не в этом дело. Хорошо, пусть я здесь ошибался, но разве большая проблема заключается в том, был ли Жуковский скептиком, или же в 1817 г. был таким же, как и в 1818 г.

Я думаю, что проблема заключается не в этом, а проблема заключается в методе, в научном методе, который, конечно, и есть общий подход к литературе, и хочет или не хочет ученый, является выражением его общих мировоззрительных позиций, потому что метод, позиция, хочет или не хочет ученый, есть агитация за данный метод. Я это считаю существенно важным для себя. Существенно важным потому, что мое научное воспитание, полученное мною довольно давно, действительно сохраняет некоторую цепкую силу в моей научной работе. Я это прекрасно вижу. Я воспитан как ученый в среде формалистической — это очень тяжелое наследство.

Дело заключается не просто в том, чтобы в какую-то минуту отказаться от формализма. Я не собираюсь бить себя в грудь и клясться, но думаю, что товарищи мне могут поверить, что этот момент (отказаться от формализма) в моей жизни произошел очень давно, не меньше 20 лет. Другое дело суметь преодолеть в себе целый ряд привычек, навыков и прочее. Это вовсе нелегко, потому что есть простой способ — взять и вернуться к таким среднеобтекаемым вопросам, но мне хочется, чтобы это было не только не формализмом, а чтобы было марксистско-ленинской наукой. Это не так просто, это не так, что есть какой-то образец и по этому образцу пишите.

Я должен сказать, что в этих поисках отчуждение от формализма дается с большим трудом. Я прекрасно вижу очень серьезные и, конечно, пагубные ошибки, которые есть в моих работах.

Сегодня всю тяжесть удара Георгий Петрович направил на мою книжку о Пушкине. Я думаю, что осуждение моей книжки о Пушкине правильно. Что у меня получилось? Я взял исходной позицией, скажем, конец XVIII века; как мне казалось, обосновал ее данной социальной атмосферой, а дальнейшее движение отсюда в литературе я уже стал вести методом формалистического силлогизма, т. е. дедукцией самого художественного мировоззрения. Вот о чем идет разговор.

Правильно или неправильно, мне трудно судить что называет Георгий Петрович гегельянством. Во всяком случае, это есть формализм. Я увлекся тогда этой идеей (книжка написана в 1939–1940 гг.) закономерности, необходимой закономерности развития литературного процесса и стал ее развивать. Получилось, что литературный процесс потом оторвался и пошел в небеса формализма. Я это прекрасно вижу.

Георгий Петрович считает и говорит, что это неправильно, а я иное вижу. Я ведь это писал, на это я тратил месяцы и годы, какие-то страдания и поиски. Поверьте, я не только скорблю, потому что мне не очень свойственно это чувство, а я скорее испытываю чувство, я бы сказал, ненависти, именно ненависти к этому глубочайшим образом враждебному мировоззрению, от которого я не могу избавиться и из которого

не могу выбраться. Все это не так просто психологически делается. Я испытываю чувство величайшего озлобления. Товарищи могут сказать, что можно было бы поторопиться; может быть, это дело другое.

То, что в этой работе в 1946 г. дан не конкретный материал, а общие теоретические характеристики от теории стадиальности, я тоже знаю и вижу, что когда в свое время я с большим пылом в своей работе по поводу теории стадиальности после войны боролся с тем, что мне казалось неправильным, — с компаративизмом, потому что это казалось мне неправильным, я сам вижу. Именно это я видел и в книге о Пушкине. Тут в чем дело. Мне казалось, что такая стадиальность компаративистская, она уже абстрактна и, следовательно, идеалистична. Ничего не поделаешь — это так и есть, и самое бесспорное, что совершенно справедливо было указано, что если рассматривать стадии как некое логически закономерное развитие культуры, то она приобретает характер единого потока. Совершенно верно, так и есть, и получилось, что я построил книгу о Пушкине на столкновении путей Жуковского и путей декабристов как некоего отражения классовой борьбы, но никакого отражения не получилось, и они оказались похожими друг на друга.

Это отдельные наблюдения, которые оказались искаженными благодаря неправильной методологической позиции — это именно так, и я это прекрасно знаю и вижу.

Следовательно, я считаю, что переход к формалистической методологии, который отражался в моих недавних работах, является идеализмом. Товарищи, для меня не секрет, что всякий элемент идеализма и теории единого потока в наши дни — это есть проникновение в работу советского ученого, каким я себя считаю, не советского элемента мысли, а не советской — значит вредной, значит враждебной советским позициям, я это прекрасно знаю. Что же делать. Я думаю, не останавливаться сейчас на вопросе, так сказать, научного поведения или других форм моей деятельности и деятельности других, ибо я думаю, что корень и основа всей жизнедеятельности ученого — это научная позиция, которая есть и его политическая позиция, а отсюда вытекает все остальное.

Поэтому я не считаю нужным сейчас останавливаться на вопросе о том, что я думал, когда в прошлом году шла борьба по вопросу о школе Веселовского. Я считал, что я к школе Веселовского отношения не имею, теории его были мне чужды и враждебны, и я просто отошел в сторону. Это неправильно, и не надо было отходить в сторону. Я думаю, что все такого рода явления — это производные, я могу сказать только одно: в последнее время, за последние 1–2 года я делаю усилия, поскольку мне совершенно ясна, как мне думается, та сущность и практическая вредоносность тех ошибок, которые держали меня в своих лапах, я делаю попытки выбраться из них, т. е. работать иначе.

Я могу сказать следующее. Хорошо или плохо у меня получается — не знаю, но я знаю одно, что мне хотелось бы, чтобы мои работы, которыми я занят сейчас, имели бы характер не только полезный, но и боевой, но и политически заостренный.

В таком плане я работаю последний год вновь над XVIII веком. У меня такое представление, что мы до сих пор очень многого не сделали, что мы здесь больше машем кулаками, чем делаем иногда реальное дело, что мы говорим о том, что русская общественная мысль и русская литература XVIII века независимы от Запада, а дальше двух имен — Ломоносова и Радищева — мы не пошли.

Когда я вернулся к материалам, когда-то мною разбиравшимся, я открыл буквально золотые жилы, просто потрясающие. Я увидел, что есть иной путь для того, чтобы поднять

вопрос о приоритете русской общественной мысли, потому что ясно, что Радищев — это русская общественная мысль, не имеющая даже аналогии в других странах.

В 80-х годах не только в Петербурге, но и в Париже проповедовал сен-симонистские идеи И. Тр...[362], имя которого, я думаю, никто из присутствующих не знает, за что он был посажен в Бастилию, а затем сидел в Петропавловской крепости. Это не мелочь, а это открытие, сделанное В. И. Самойловым[363] в Военно-педагогической Академии в Москве.

Сейчас, когда мне пришлось обратиться вновь во второй раз к некогда выдвинутому мною Я. П. Козельскому[364], из которого получаются сейчас два брата Козельских[365], в 60-х годах XVIII в. разрабатывающих последовательно то, что можно назвать этической, юридической и политической теорией революции, то это явление поразительное.

Может быть, мне удастся, идя этим путем, возвращаясь с высот, к сожалению, привычной для меня отвлеченности на конкретную почву общественного бытия, понять, как надо и стилистически. Неправильную общую концепцию моей книги о Пушкине я постарался показать в не очень большой статье о творчестве Пушкина, которую я написал и которая, как мне известно, встретила сочувственные отклики в тех инстанциях, в которые она была представлена. Я пришел сюда не для того, чтобы перечислять свои заслуги, которых еще нет. Я хочу только сказать, что мне хочется научно жить, а вне коммунистического строительства и защиты нашей советской литературы научной жизни, по-моему, нет. Вот поэтому я говорю о том, что для меня очень больно, и, по-моему, несправедливо обвинение моих теорий в космополитизме. Полемизировать с этим я не буду, но я могу сказать, что я люблю свое советское русское отечество и люблю народ, создавший мою родную русскую литературу, что для них я работаю и для них только я живу, и космополитом я не был, не есть и не буду! (Аплодисменты)»[366].

Вслед за В. М. Жирмунским Григорий Александрович переменил атмосферу в зале. Проработка срывалась. Главным устроителям, Г. П. Бердникову и А. Г. Дементьеву, было очевидно, что нужно скорее сворачивать прения, чтобы подготовить силы для решительного удара. Из-за стола президиума встал А. Г. Дементьев:

«Я хочу сделать несколько замечаний по поводу выступлений проф[ессоров] Жирмунского и Гуковского.

Как и многих членов Ученого совета, как и многих присутствующих в этой аудитории, меня, естественно, не удовлетворило выступление В. М. Жирмунского. О серьезных ошибках своих он нашел нужным сказать вскользь и, сосредоточившись на частностях, попытался даже, как здесь сказал Е. И. Наумов, перейти в некое нападение. Тем самым Виктор Максимович пытается дезориентировать Ученый совет и аудиторию — вот, дескать, обидели профессора, работающего в Ленинградском университете 30 лет, вот, дескать, к нему несправедливо отнеслись. Я повторяю, о глубине, о идеологической

---

[362] Имеется в виду Иван Иванович Тревога (Тревогин; 1761–1790), издатель журнала «Парнасские ведомости».

[363] Самойлов Василий Иванович — историк, преподаватель Военного пединститута Красной Армии (поселок Хлебниково Московской обл., в 1953 г. переведен в Москву).

[364] Козельский Яков Павлович (1728 — после 1793) — переводчик и педагог. В оригинале стенограммы ошибочно указано «Казинскому».

[365] Имеются в виду Яков Павлович и его племянник поэт Федор Яковлевич (1734 — после 1799) Козельские. В оригинале стенограммы ошибочно «Козинские».

[366] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 48–58.

и политической глубине своих, как он называет, ошибок он не сказал. Пути своего в науке, своего политического пути он не раскрыл, а об этом, именно об этом сегодня и нужно было говорить. (Аплодисменты.)

Создается у меня такое впечатление, пусть простит меня Виктор Максимович, что проф[ессор] Жирмунский надеется, что борьба с космополитизмом — это кампания и что кампания эта кончается, затихает. Исходя из этого, он и строил свое выступление. На эту, так сказать, лошадку он ставит, как в свое время надеялся, что выступление Фадеева — это дело частное, дело случайное; исходя из этого атаковал Фадеева.

Я только одно скажу: как тогда Виктор Максимович ошибся в своих расчетах, так и сейчас он ошибается. Партия не отступится до тех пор, пока все проявления космополитизма не будут вскрыты, разоблачены и разгромлены, (Аплодисменты), до тех пор не отступится, пока проф[ессор] Жирмунский по-настоящему не признает идейную и политическую глубину своих заблуждений.

Теперь несколько замечаний по поводу Г. А. Гуковского. Я рад отметить, что проф[ессор] Гуковский признал наконец, потому что, как мне думается, он мог сделать это и раньше, признал пороки теории стадиальности.

Он сказал, что он хочет писать работы политически острые, а я думаю, что ему сегодня надо было более политически остро характеризовать сущность тех ошибочных взглядов, которые он пропагандировал и в науке, и на факультете как преподаватель. Это было бы лучше.

В частности, скажем, говоря о теории стадиальности, он согласился с Георгием Петровичем, не сказав, что эта теория стадиальности и является одним из очевидных проявлений космополитизма в литературе. Об этом надо было сказать, не боясь этой характеристики и этого слова. Нужно было сказать о том, но Григорий Александрович отмахнулся от так называемых конкретных оценок тех или иных своих произведений, заявив, что это не столь важно, а я бы думал, что эта портретная оценка литературных явлений, литературных произведений классической русской литературы, советской литературы, отдельных писателей, которую дает Григорий Александрович, они в общем, если их соединить и объединить, будут носить характер "Гамбургского счета", в классической и социалистической литературе, потому что часто приходится поражаться тем или иным оценкам литературных явлений у Григория Александровича. Я не стану приводить много примеров, но вот идет разговор о порочности идей Достоевского. Как же выступает по этому поводу Григорий Александрович? У него своя точка зрения, он считает, что критика Достоевского, которая была в печати, не попадает в цель, что со всем тем Достоевский остается писателем, которым обозначен определенный этап в развитии стадий литературного искусства; значит, Г. А. Гуковский вместо того, чтобы помочь нам разоблачить реакционность Достоевского, находит нужным занять особую позицию.

Вот, Тургенев. Опять своя точка зрения — Григорий Александрович считает, что повести Тургенева — вот что главное в его творчестве, а не его романы, забыв о том, что эту самую точку зрения не случайно когда-то проповедовал Мережковский.

Не случайно. Так как же можно так делать, почему на каждом шагу с каким-то особым мнением выступает Гуковский. Это потому все происходит, что литературу отрывают от жизни, отрывают от всего, что происходит, потому что в научных работах Гуковского, в выступлениях Гуковского нет большевистской партийности. В этом суть дела, и хочет он, или не хочет, он создает этот "Гамбургский счет" в литературе.

Я закончу разговор одним замечанием. Вот опять идет речь о перестройке, опять речь идет у Виктора Максимовича и Григория Александровича о борьбе с формализмом, с космополитизмом и т. п.

Этот разговор мне начинает напоминать не очень удачную, может быть, совершенно неудачную остроту, полуанекдот, историю с нетрезвым человеком. Вот он пришел в таком состоянии домой, ему говорят: “Ты обещал бороться с алкоголизмом”, а он на это отвечает: “Я и боролся, но он меня поборол”.

Так и Григорий Александрович и Виктор Максимович рассказывают о своей борьбе с формализмом, они боролись с формализмом, но всегда при этом формализм кладет их на обе лопатки. Когда же наконец, вооружившись марксистско-ленинской теорией, вооружившись большевистской партийностью, наши ученые положат на обе лопатки формализм, положат на обе лопатки буржуазно-космополитическое литературоведение? (Бурные аплодисменты)» [367].

Когда овация стихла, декан объявил о закрытии первого дня заседания. Продолжение следует.

Партбюро готовило ораторов, беспартийным настоятельно предлагалось внести свою лепту, для тех членов ВКП(б), кого избрало партбюро для заплечной работы, выбора не оставалось вовсе.

ОТКРЫТОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Прения второго, заключительного дня были вдвое продолжительнее. Сложность для устроителей состояла в том, что многие, под различными предлогами, отказывались выступать. В этот день еще больше профессоров сказались больными:

«Честные ученые старшего поколения В. Е. Евгеньев-Максимов и М. П. Алексеев, ссылаясь на нездоровье, просто не явились на проработочное заседание 5 апреля. (Ранее В. Е. Евгеньев-Максимов неоднократно полемизировал с Гуковским, но обличать его решительно отказался)» [368].

Но поскольку зрителей, пришедших даже в первый день, было намного больше, нежели мест в зале («некоторые прямо радовались обличительному действу, ждали его и на заседание явились со своими семьями; женщины оделись ярко, как на праздник или в театр... Эти хлопали особенно рьяно» [369]), то ректорат распорядился предоставить для второго дня линчевания актовый белоколонный зал ЛГУ.

О. М. Фрейденберг записала:

«...Я на несколько часов появилась. Университетский актовый зал с прекрасной колоннадой был битком набит. Съехались партийные вожаки. Председательствовал заплечных дел мастер Дементьев. Страшная картина! Сытые, довольные, разбухшие глазки, в безудержном самодовольстве и наглости. И благородные лица профессоров, бледных, как смерть.

---

[367] Там же. Л. 58–64.

[368] *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* «Космополиты». С. 111.

[369] Там же. С. 109.

> Каждый имел своего “биографа”, партийца, студента или молодого преподавателя, который всходил на академическую, священную кафедру и начинал, путем передержек и прямых подлогов, бесчестить свою жертву»[370].

Первым декан пригласил для выступления Н. И. Мордовченко[371]. Не будучи таким одаренным оратором, как Г. А. Гуковский или Г. А. Бялый, Николай Иванович был еще более напряжен: «Он вышел на трибуну бледный как мел. Сильно волнуясь <...>»[372],

---

[370] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[371] Н. И. Мордовченко не понаслышке знал, чем может закончиться такая травля четырех профессоров; он уже «проходил» подобное до войны, когда под напором партячейки Пушкинского Дома Ю. Г. Оксман был снят с должности помощника директора, а впоследствии и арестован. О том, насколько были сильны нападки на Ю. Г. Оксмана и его окружение, свидетельствует выступление сотрудника Пушкинского Дома В. Г. Гуляева на собрании партактива АН СССР 2 декабря 1935 г.:

«Мы видим такие факты, как напр[имер], с [А. Я.] Максимовичем; этот неуч был в ссылке 5 лет за антисоветские дела, а Оксман принял его к нам на научную работу. Ведь это не люди с именами, старые специалисты, с которыми мы пока что считались и которых мы использовали, а это пигмеи в науке, здесь дело исключительно в личных отношениях с Оксманом; при отсутствии научных работ эти люди имеют прекрасные условия для работы, прекрасное отношение к себе со стороны Оксмана.

Вот возьмем ученика Оксмана Мордовченко, он недавно получил звание ученого специалиста. По этому поводу мне как раз пришлось говорить с действительно ученым специалистом, который имеет за плечами десятка 2–3 научных работ, он мне сказал: мы не подадим руки такому ученому специалисту. Дворянин Мордовченко действительно ничего не написал, а получил звание ученого специалиста только благодаря тому, что является учеником Оксмана.

Мы писали в Президиум Академии наук о том, что не согласны с присвоением звания ученого специалиста Мордовченко, но он все же остался ученым специалистом. Оксман имел дерзость выдвигать кандидатуру Мордовченко на звание кандидата наук, но в Президиуме это было отклонено.

Оксман, наполняя наш Институт чуждыми элементами, всячески им помогает, создает хорошие условия для работы, высоко расценивает их труды. Надо рассказать, что эти «ученые специалисты» — Мордовченко, Максимович, Цейц (Нина Владимировна Цейтц-Иванова, в замужестве Алексеева (1905–1995). — *П. Д.*) и др., те, которые только мешают работать, выпустили недавно комментированный том Успенского и послали в Москву, там, конечно, не прохлопали, нашли, что это идеологический брак, тогда как руководитель в лице Оксмана заявлял, что это образец научной работы, что с этого надо брать пример, а за то, что ученый специалист предупредил в Москве о вредной книжке (Векслер), который близко к нам стоит, теперь терпит гонение со стороны Оксмана.

Вторая линия Оксмана — изгнать из ИРЛИ всех коммунистов и комсомольцев. <...> Оксман не дал за 20 лет ни одной оригинальной работы, он законсервировал Пушкина. Они превратили Пушкина в икону и молятся на него. Это секта, которую возглавляет Оксман, не дали ни одной работы, которая бы помогла рабочему классу овладевать классическим наследием гения Пушкина. <...>

Беда в том, что Оксман хозяин в ИРЛИ, в результате чего его виза, его телефонный звонок стоит очень дорого. Он делец, хитрый, умеет выворачиваться, умеет обводить нас, и тем он опасней для нас. В результате, держа в руках все бразды правления ИРЛИ, он управляет учеными, как ему нужно.

Я говорил с целым рядом товарищей, в частности, с Гуковским — почему они не могут противопоставить себя произволу, самодурству Оксмана. Он отвечает: Попробуйте, если я себя противопоставлю, я не верю, что нас поддержат. Оксман мне не даст никогда издаваться, нигде, не только в Академии Наук. Верно, это интеллигентская трусость, но это так. Оксман экономически довлеет над ними, и в результате его боятся. Слишком высок авторитет, созданный Оксману, и он предательски злоупотребляет им. Но мы должны создавать авторитеты таким людям, которые достойны этого» (ЦГАИПД СПб. Ф. 2019 (Парторганизация АН СССР.) Оп. 2. Д. 152. Л. 53–53 об.).

[372] *Березина В. Г.* Н. И. Мордовченко — ученый и педагог: (К 90-летию со дня рождения) // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб., 1995. Серия 2. Вып. 2 (№ 9). С. 78.

«говорил, как обычно, тихо, даже невнятно, весь побледневший»[373], и зал слушал его, затаив дыхание. Николай Иванович критически рассмотрел собственные работы о Белинском, поднял вопрос о неудовлетворительном уровне пушкиноведения на факультете, но также он сказал и следующее:

> «Поскольку я заговорил о наших бедах в отношении изучения Пушкина, я должен сказать о своем отношении к книге Гуковского “Пушкин и русские романтики”. Года два назад в Институте литературы Академии наук мне пришлось делать доклад об этой книге, в котором я высказался и об ее положительных сторонах и об ее глубоко неправильной, с моей точки зрения, методологической основе. С тех пор я не имел возможности заново проанализировать эту книгу, и мое мнение о ней остается прежним. Да, этот вопрос как будто бы вчера был исчерпан выступлением самого автора, который решительно осудил свою книгу. Совершенно ясно, что книга Гуковского — это не тот насущный хлеб, который до зарезу нам необходим.
>
> На прошлом заседании было высказано мнение, что выступление Григория Александровича было недостаточным. Конечно, к выступлению можно отнестись по-разному: можно выступить и удовлетворить слушателей на 150%, а в то же время эта декларация останется пустым звуком. Что касается меня лично, то ругайте меня и бейте меня сколько хотите, но я верю Гуковскому, как советскому ученому, и абсолютно убежден в том, что он многое еще даст нашей науке»[374].

О том впечатлении, какое произвел героизм Николая Ивановича на некоторых студентов, свидетельствует стихотворение, написанное тогда студентом Марком Качуриным[375]:

Рубеж сороковых–пятидесятых
Я не забуду, доживу хоть до ста.
Эпоха книг и авторов изъятых.
Эпоха выдвижения прохвостов.
От имени народа или нации
Поход за очищение науки.
Азарт предательства, восторг инсинуации
И безнаказанно развязанные руки.
Колонный зал. Дознанье иль собранье.
И духота. Сижу у самой двери.
И вдруг у зала пресеклось дыханье —
Кто там сказал чуть слышное: «Не верю»?!
«В науке невозможно без сомнений.
Моим коллегам свойственны ошибки.
Зачем же столько страшных обвинений?!»
И на лице подобие улыбки...
Не ведал я, как этот шаг был труден

---

[373] *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* «Космополиты». С. 111–112.

[374] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 3. Д. 126. Л. 69–70.

[375] Качурин Марк Григорьевич (1923–2004) — студент русского отделения, участник войны, член ВКП(б); позднее специалист по преподаванию литературы в школе, автор учебников и хрестоматий, доктор педагогических наук (1976), профессор ЛГПИ имени А. И. Герцена; с 1999 г. жил в США. Данное стихотворение известно в нескольких редакциях, нами цитируется по публикации: *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* «Космополиты». С. 112.

И отчего в глазах такая мука.
Одно я понял: есть в России люди,
Есть подлинная русская наука.

Выступивший после него профессор П. Н. Берков, который в силу своего происхождения был удивительно к близок к тому, чтобы самому быть причисленным к «безродным космополитам», не мог себе позволить актов гражданского мужества:

«Товарищи, члены Ученого совета и многие студенты знают меня и знают, что я не принадлежу к числу людей, которые любят красивые слова и эффектные выражения, поэтому я просто хотел бы сказать несколько слов о том, что на меня потрясающее впечатление произвело то обстоятельство, что среди прочих лиц было названо и мое имя, была упомянута моя личность. Многие факты, которые были здесь освещены, понимались мною в совершенно ином свете. Я должен сказать, что некоторые факты, касающиеся меня, на первый взгляд мне показались какими-то непонятными. А потом я понял, что они были совершенно правильно освещены и указаны. Дело в том, что мы часто недооцениваем то, что каждый наш поступок, каждая наша ошибка ученого и педагога, имеет и объективное значение, существуя вне меня, все это не зависит от меня и живет особой жизнью. Если я даже и имел хорошие намерения, то эти хорошие намерения могут иногда иметь совершенно иной смысл. <...>

Г. П. [Бердников] указал, что в моих работах есть космополитические ошибки. Это совершенно правильно, я это знаю, и поэтому хочу со всей прямотой сказать, что мои космополитические ошибки начинаются с моей первой диссертации в 1929—1930 гг., которая была названа "Ранний период русской литературной историографии". Я собрал огромный материал, но это огромное количество материала я подчинил ложной и ошибочной идее приоритета западного изучения русской литературы и вторичного, последующего изучения русской литературы самими русскими исследователями. Эта работа частично была опубликована в 1930 г., но полностью до недавнего времени опубликована не была, и я считал, что ее с небольшими поправками можно поместить сейчас. Я считал, что это было сделано большое и полезное дело. И когда в прошлом году т. Дементьев прочитал эту работу и отверг ее, для меня это было страшное огорчение, когда мне сказали, что труд мой не может стать достоянием широкого читателя. А сейчас я должен сказать, что я исключительно признателен А. Г. [Дементьеву], который удержал меня от многих серьезных политических ошибок. Я считаю, что моя диссертация представляет результат буржуазного космополитизма, буржуазного влияния и, таким образом, объективно является вредной работой, несмотря на все мои самые искренние лучшие желания.

Вторая моя ошибка — это неправильная трактовка социальных позиций Ломоносова в докторской диссертации 1935 г. Я не хочу брать скидок на то, что моя работа была напечатана до появления в газете "Правда" статьи о Ломоносове. Мне важно сейчас указать на то, что в своей работе о Ломоносове я принизил его подлинное историческое значение. Мне стало это ясно после того, когда появилась передовая в газете "Правда", а до того я понимал несколько ошибочно некоторые положения и политические, и научные. <...>

Я перечислил ряд своих ошибок и прошу разрешения остановиться на вопросе, результатом чего все это является. Это, несомненно, буржуазное влияние, но является ли это каким-то личным качеством или тут играют роль какие-то другие обстоятельства. Прошу не думать, что я хочу выгородиться; все то, что представляет мою вину, я знаю. Но мне хотелось бы, чтобы здесь я был правильно понят. Я должен сказать, что когда я был

аспирантом института, который носил название Института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока им. Веселовского при Ленинградском университете, для многих из нас это был большой и серьезный этап нашей жизни, и личной жизни и политической. В этом институте мы работали под руководством Десницкого и Максимова[376] и считались марксистами. Нас в институте держали на особом положении, к нам относились недоброжелательно. Наша ошибка заключалась в том, что мы полагали, что вообще наука эта правильна, но основы ее неправильны, что нужно буржуазные основы заменить марксистскими основами, и все будет правильно. Это — самая большая ошибка. Не может быть буржуазной науки на марксистской основе, нужно целиком было строить иную науку. Но тогда нам говорили, что мы поступали правильно. Теперь мне ясно неправильное представление о науке, сложившееся в институте, что можно марксистскими основами поддержать ветхое здание буржуазной науки. Должен сказать, что мы также занимались изучением классиков марксизма, но и здесь было у меня очень много серьезных и больших ошибок. Основная ошибка заключалась в том, что я работал на дому, в кабинете, отъединенно. И я продолжаю изучать классиков марксизма-ленинизма у себя на дому, подвергая себя риску снова каждый раз впасть в ошибки.

Из всего того, что я говорил, я хочу сделать вывод, что мы должны теснее, ближе стоять к партийной организации факультета, работать с ней в тесном контакте, мы должны присматриваться к тому, как работают наши молодые товарищи. Мы должны признать, что они лучше применяют марксистско-ленинские методы в своей работе. Мы учились по книгам, а они были на практической работе, проверили свои положения практикой, жизнью. Поэтому мы должны не только обратить внимание на глубокое и серьезное изучение классиков марксизма-ленинизма, но и работать в тесном контакте с факультетской партийной организацией, которая всегда была серьезным руководителем и наставником, помогая нам в исправлении наших ошибок. (Аплодисменты)»[377].

Вышедшая после Павла Наумовича А. В. Десницкая повторила свою тираду по поводу космополитизма в языкознании, профессора С. Д. Кацнельсона, структурализма и прочего, сказанную ею на минувшей неделе на факультетском партсобрании[378].

Вслед за ней к кафедре вышел Ф. А. Абрамов — он также повторил свое выступление на партсобрании, посвященное профессору Г. А. Бялому, объяснив это тем, что «научная продукция проф[ессора] Бялого еще ни разу не подвергалась критике в нашей печати, хотя она в этом и крайне нуждается»[379].

Вслед за этими двумя проверенными выступавшими произошла театрализация мероприятия, ради чего многие вообще пришли в этот день; к кафедре вышел «взволнованный» А. Г. Дементьев:

«Товарищи, в президиум поступило длинное и пространное письмо студента 3 курса, к сожалению, не подписавшего свою фамилию[380]. Тем не менее, письмо представляет с нашей точки зрения настолько значительный интерес, что решаюсь его зачитать.

---

[376] Имеется в виду В. Е. Евгеньев-Максимов.

[377] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 74–76, 79–80.

[378] Там же. Л. 81–87.

[379] Там же. Л. 88.

[380] Автор письма указан Н. С. Лебедевым и Ф. А. Абрамовым: «Голосом широких масс студенчества, предъявивших свои требования к литературной науке, явилось присланное в президиум письмо студента IV курса университета В. Деменкова». См.: *Абрамов Ф., Лебедев Н.* В борьбе за чистоту марксистско-ленинского литературоведения // Звезда. Л., 1949. № 7. Июль. С. 171; там же приведен текст самого письма, но уже в отредактированном виде.

(Тов. Дементьев зачитывает письмо. Продолжительные аплодисменты. Письмо прилагается.)

ПИСЬМО В ПРЕЗИДИУМ УЧЕНОГО СОВЕТА.

Товарищи, я не буду разбирать теорий профессора Гуковского, Жирмунского и др. О их порочности уже сказали свое слово и еще скажут наши уважаемые ученые. Я считаю, что мне — студенту III курса — еще трудно реять в дебрях стадиальности профессора Гуковского, я еще не настолько эрудирован, чтоб полемизировать здесь с учеными.

Лишь три года назад сменил пулемет на книгу. Я просто хочу сказать свое искреннее слово студента-филолога. Я хочу произнести его не лично от себя, а от имени тех студентов, которые с оружием в руках прошли от Сталинграда до Берлина, от имени тех, у кого еще не засохли на руках мозоли от работы на фабриках и заводах, снабжающих героическую армию, от имени тех, кто своими большевистскими словами вдохновлял в жестоких битвах с немецкими фашистами.

Вот мы все перед вами, товарищи ученые. Мы — молодые строители коммунизма — пришли к Вам за знаниями. Мы смотрим вам прямо в глаза и требуем: дайте нам их. Дайте нам такие знания, чтоб завтра, выйдя из стен университета, мы могли, засучив рукава, вместе со всем народом строить коммунизм.

Поймите же, наконец, товарищи, что мы не сынки барчуков и не нуждаемся в сладеньком эстетстве, в фантастических теориях, уносящих нас в чужие земли, куда-то в небесную синь. Мы, советские люди, любим свою родную землю и социалистическую родину, ее богатую и здоровую земную жизнь. Мы всего лишь на 5 лет как бы зашли в университет на своем пути к большому будущему, чтобы вооружиться коммунистической наукой.

Жизнь нашей родины не ждет, не топчется на месте, не перестраивает какую-то свою "методу". Жизнь социалистической Родины гигантскими шагами идет к коммунизму.

Григорий Александрович и Виктор Максимович, взгляните на свою Родину, она ушла от Вас вперед.

Григорий Александрович и Виктор Максимович, нам завтра выступать в бой, на передовую линию идеологического фронта. Дайте же нам сегодня знания, нужные и полезные социалистическому обществу. Вас для этого поставила здесь наша партия и правительство, и ведь в этом цель каждого советского ученого, настоящего и будущего.

Обращение ленинградских ученых к товарищу Сталину очень многому обязывает и профессоров, и преподавателей, и нас, студентов. Оно говорит нам о том, что не покладая рук мы должны двигать вперед нашу науку и технику.

Я ко всем Вам обращаюсь, наши многоуважаемые ученые, профессора и преподаватели, от имени молодого поколения. Мы к Вам пришли за знанием. Вооружайте нас подлинно марксистской наукой. Нам завтра выступать в бой, на передовую линию!

5 апреля 1949 г.»[381].

После такого эмоционального всплеска место на трибуне занял объект большевистской критики Ф. А. Абрамова — профессор Г. А. Бялый:

«...В эти дни, когда проходит общественный смотр нашей работы, естественно, необходимо каждому из нас остановиться, прежде всего, на своих собственных ошибках. Сделаю это и я.

[381] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 99–101.

Передо мной сейчас выступал тов. Абрамов. У нас был один объект изучения: мои скромные работы. У него — в целях критики, у меня — в целях самокритики. Исключая отдельные частности, как вы видите, мы пришли к общим выводам.

Я думаю, что наиболее серьезной из допущенных мною ошибок была антиисторическая идеализация литературных явлений прошлого, сказавшаяся в моей научной и педагогической работе. Исходил я при этом из самых лучших побуждений, я стремился раскрыть великие положительные ценности, заключенные в русской литературе, я исходил из желания опровергнуть вульгарно-социологические оценки, проникнутые нигилистическим отношением к ней.

Но дело не в побуждениях, а в результатах. В своей работе я нередко закрывал глаза на те черты социальной ограниченности, которые тому или иному писателю были свойственны. Я фактически игнорировал ленинское положение о двух культурах, которые имеются в каждой национальной культуре и находятся в непрерывной и ожесточенной борьбе. Это привело меня к совершенно недостаточному раскрытию процессов классовой борьбы в истории русской литературы, к забвению принципа партийности, который составляет живую душу и основной закон марксистско-ленинского литературоведения. Эти серьезные ошибки сказались у меня в изучении Тургенева. <...>

Подобные же ошибки оказались и в некоторых моих работах, посвященных Гаршину, посвященных Короленко, в изучении которого я также охотно подчеркивал прогрессивные черты его творчества и деятельности, в чем не было бы ничего плохого, если бы я при этом не говорил приглушенным тоном о тех чертах либерально-народнических взглядов, которые были ему присущи до конца его дней. <...>

Совершенно недостаточно я освещал в своих работах связь литературы с общественной жизнью. Между тем, установление связи литературы с общественной жизнью является основным принципом марксистско-ленинского подхода к литературе. Исторические условия, породившие творчество того или иного писателя, я часто предполагал известными и не подвергал их тщательному, углубленному марксистскому анализу, что является совершенно обязательным для каждого советского исследователя литературы. Исторический фон иной раз у меня подменялся литературным фоном, одни литературные явления выводились из других литературных же явлений, а не из общественной жизни, которая их породила. Так я поступил, например, в своей небольшой статье “Чехов и ‘Записки охотника’”, в которой сопоставляются произведения, порожденные совершенно различными условиями русской жизни, и самая возможность такого сопоставления никак не мотивируется. Все это приводило меня порою к абстрактному, имманентному анализу литературных произведений, к раскрытию их изнутри, а не в живых связях с условиями русской жизни. Такой подход с неизбежностью приводит к порочным выводам, к грубым ошибкам идеалистического, формалистического характера. <...>

Я недостаточно учитывал в своей работе и тот непреложный для меня сейчас факт, что наше литературоведение должно отбросить порочные навыки и вредные предрассудки цеховой науки, оно должно быть связано теснейшими узами с тем, что представляет жизненную основу советского строя, — с его политикой.

Наши работы должны быть проникнуты политикой, они должны быть острым оружием в той борьбе, которую ведет наша страна с реакционными влияниями буржуазного Запада. Наши работы должны быть проникнуты духом боевого советского патриотизма, они должны внушать читателю любовь к родной литературе.

В заключение я хочу сказать, что я не собираюсь делать никаких заверений, не собираюсь давать никаких клятвенных обещаний в перестройке, потому что думаю, что дело не в декларациях, а дело в том, чтобы практически показать, насколько каждый из нас правильно понимает те справедливые требования, которые предъявляет к нам вся советская общественность и весь советский народ. Я надеюсь, что мне удастся это сделать. (Аплодисменты)»[382].

Затем состоялось выступление еще одного, наиболее близкого ученика Г. А. Гуковского — доцента Г. П. Макогоненко[383]. Отказаться от выступления он не смог — уж очень рассчитывал на него Г. П. Бердников, да и положение Георгия Пантелеймоновича в те годы было очень заметным. Он, как начинающий специалист по русской литературе XVIII в., должен был выступить с критикой главного специалиста в этом вопросе — своего учителя и друга:

«...Я не буду говорить о работах десятилетней давности, я хочу говорить о работах, имеющих очень широкое хождение, о работах, являющихся плодом не отдельного исследователя, но целого коллектива наших молодых и старых ученых, так сказать, учителей и учеников. Я хочу говорить о книгах, вышедших года 2–3 тому назад, — это история литератур: "История русской литературы XVIII века" Гуковского, "История русской литературы XVIII века" Благого, в большей мере, "История русской литературы", т. IV, АН СССР, также посвященный XVIII веку, и "История французской литературы", т. I, АН»[384].

Однако разбор этих сочинений принял у доцента Макогоненко образ, трактуемый учеными типа Бушмина или Бердникова словом «заумь»:

«...Я хочу остановиться на примере истолкования европейского и русского сентиментализма. Во всех учебниках русской литературы и в истории литературы французской, которые написаны коллективом ученых, учителями и учениками, в том числе и вашим покорным слугой, который следовал за своими учителями, развивается концепция единого европейского классицизма, единого европейского сентиментализма, наконец, единого европейского романтизма. Мне представляется, что формула "единый европейский" нужна для того, чтобы, прикрываясь ею, провести определенную сумму идей. Формула "единый европейский" значит, что все зарождается в Англии и Франции, что именно так создаются идеи, которые затем начинают свое победоносное шествие по всем странам, и, наконец, доходят до России. Так, формула "единый европейский" оборачивается чистейшим формализмом, потому что она утверждает, что происходит движение лишь в сфере обособленного литературного ряда, что происходит филиация стиля, отдельных слов, выражений, что литература не зависит от национальных условий и социальной базы, ее породившей. Но "единый европейский" — это не только формула формализма, это ярчайшая форма современного космополитизма, ибо она утверждает, что источником создания идей, эстетики являются "передовые" страны Англия и Франция и что "отсталой" России остается только осваивать то, что создается на Западе. Так для русской литературы выдвигается задача, сформулированная в нелепой формуле "самобытного усвоения". Третьей особенностью формулы "единого европейского"

[382] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 102–105, 107.

[383] Хотя он не был членом партии, он все-таки нес общественную нагрузку — был политинформатором четвертого курса; 5 марта 1949 г. он отчитывался в своей работе, и партбюро в целом было удовлетворено его отчетом (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 124. Л. 18).

[384] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 108.

является безудержная идеализация буржуазной культуры. И буржуазное просвещение, и сентиментализм, как эстетическое выражение идей буржуазной революции, несомненно являются прогрессивным явлением, прогрессивным, прежде всего, в силу своей антифеодальной направленности, и потому заслуживающим самого пристального внимания. Но многими исследователями это идеологическое движение рассматривается односторонне, ими забывается, что с момента своего зарождения оно в самой сути своей — буржуазно, индивидуалистично и принципиально, потому антиобщественно. Именно эти черты идеологического наследия буржуазной Европы претили русским передовым демократическим деятелям, были для них неприемлемы. Действительная история учит и наглядно показывает, что русская литература, отражая интересы широких угнетенных крепостных масс, защищая их свободу, была демократической в лучших своих образцах, и в творчестве Радищева — прежде всего. Оказывается, что именно в силу этой связи с коренными интересами русского крепостного крестьянства передовая русская литература складывалась в напряженной борьбе с этими буржуазными идеями»[385] и т. д.

Никто из слушателей — ни в президиуме, ни в зале — не был готов к тому, что Георгий Пантелеймонович устремится в такие глубины. Конечно, он покритиковал статьи С. С. Мокульского о Вольтере и К. Н. Державина о Руссо в «Истории французской литературы». Однако упреки в адрес критикуемых профессоров были сведены к минимуму:

«Ту же картину мы находим и в IV томе [Истории] русской литературы Академии Наук. В статьях профессоров Жирмунского и Гуковского разрабатывается вопрос русского сентиментализма в духе тех же концепций. Он весь представляется перекочевавшим с Запада. Русским сентименталистам оставалось лишь "самобытно усваивать" то, что создано до них. В статье о Радищеве профессора Гуковского мы находим те же формалистические утверждения о влиянии на произведения первого русского революционера слов, выражений, тем, стиля и т. д. английских и французских сентименталистов и Руссо прежде всего»[386].

В заключение он коснулся и своих работ:

«В том же IV томе и мне принадлежит статья о Новикове. Подойдя к деятельности этого русского просветителя с позиций критики господствовавших буржуазных теорий о его деятельности в московский период, я опровергнул фактически неверные, идейно враждебные построения, зачислявшие русского просветителя в ученики немецких мистиков и масонов. Но в решении проблемы сентиментализма Новикова я не сумел отказаться от традиционных представлений. И у меня Новиков-сентименталист выглядит совершенно так же, как выглядели другие писатели-сентименталисты в учебниках по французской и русской литературе. Я здесь целиком следовал за своими учителями, не сумев критически отнестись к ним. Теперь, когда в новой работе о Новикове я заново разработал проблему русского сентиментализма, я увидел и свою ошибку, и тот вред, который причинил своей статьей, так обеднив облик русского просветителя. Я хочу поэтому закончить свое выступление обращением к сидящим здесь и моим товарищам, и моим учителям и студентам: перед нами поставлена огромная, благороднейшая патриотическая задача: разоблачив теории формализма и космополитизма, создать действительную марксистско-ленинскую историю русской литературы. И в этой работе мы должны критически отнестись к работам наших старых и молодых ученых, к работам,

[385] Там же. Л. 110–111а.
[386] Там же. Л. 116.

собранным особенно в этих последних изданиях. Без критического пересмотра всего, написанного здесь, без самого решительного и беспощадного выкорчевывания враждебных теорий, у кого бы они ни проявились, мы не сможем двигаться дальше»[387].

Такое выступление, хотя и не содержало героического момента (как у Н. И. Мордовченко), но все равно было исключительным явлением, значение которого можно определить словами Ольги Федоровны Берггольц из блокадного «Ленинградского дневника», обращенными тогда к Георгию Пантелеймоновичу:

И ты, мой друг, ты даже в годы мира,
Как полдень жизни будешь вспоминать...[388]

Вышедший затем студент-партиец И. Ф. Соломыков повторил, хотя и сдержаннее, тезисы об идеологических ошибках профессора Б. Г. Реизова, уже провозглашенные им на партсобрании. Возможно, предыдущий оратор оказал свое воздействие, но завершал выступление студент без кровожадности:

«В заключение я хотел бы сказать, что мы, студенты, относимся к Борису Георгиевичу как к своему учителю, который помогает нам в смысле формирования определенного мировоззрения и определенного критерия в подходе к литературе. Борис Георгиевич является для нас очень большим научным авторитетом, это человек, который обладает особым умением преподнести материал, и не только преподнести, но и заставить прочувствовать его. Эта сила его воздействия играет большую роль в воспитании студентов, и поэтому ему необходимо пересмотреть некоторые свои положения»[389].

Если на партсобрании Борис Георгиевич по известной причине не мог присутствовать и ответить, то здесь он не преминул взять слово и... полностью раскаяться:

«...На меня произвело прямо потрясающее впечатление письмо неизвестного студента III курса, прочитанное А. Г. Дементьевым. Оно адресовано нам, научным работникам, которые обычно трудятся в своих кабинетах и сознательно редко выходят на малую или большую аудиторию, и часто не понимают, какую роль играет их деятельность в идеологической жизни страны. Литературоведение должно быть боевым, политически острым. Для этого, прежде всего, необходимо проверять свою методологию, следить за тем, чтобы она была последовательна, логична, чтобы в наше исследование не могли проникнуть вредоносные космополитические идеи.

Считаю критику моих работ и лекций, которую дали Г. П. Бердников и т. Соломыков, справедливой. Тов. Бердников правильно сделал, что такое внимание уделил диссертации Таманцева[390], которая оказалась неудовлетворительной из-за моего неправильного руководства. Работа Таманцева не раз подвергалась суровой критике со стороны кафедры и со стороны общественных организаций. Я учитывал эту критику, но далеко не достаточно, я пошел на компромисс, пытался исправить компромиссным путем свои взгляды, и в таком направлении давал указания Таманцеву. Нужно было совершенно отказаться от ошибочного взгляда и строить все заново. Я не сумел этого сделать тогда же, и в результате, когда я прочел уже готовую диссертацию, я сам признал ее неудовлетворительной. Эта ошибка не случайна, она свидетельствует о том, что я неправильно рассматривал некоторые явления французской литературы XIX в.,

[387] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 116–116а.

[388] Приводим по тексту дарственной надписи О. Ф. Берггольц Г. П. Макогоненко. См.: *Дружинин П. А., Соболев А. Л.* Книги с дарственными надписями в библиотеке Г. П. Макогоненко. С. 40.

[389] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 122.

[390] Речь идет о не допущенной к защите диссертации Н. А. Таманцева о творчестве Ш. Бодлера.

явления упадочные, и слишком большое значение придавал бунтарским настроениям, свойственным некоторым писателям декаданса. Эта ошибка не изжита мною и до сих пор. Я особенно убеждаюсь в этом на моем семинаре с дипломниками, где мне постоянно приходится заново оценивать литературные явления конца XIX в. — начала XX в., отказываясь от прежних ошибочных оценок. Правильно сказал тов. Соломыков о том, что у меня иногда оценка современников подменяет собой нашу партийную марксистско-ленинскую оценку. Это ошибка серьезная, которую во что бы то ни стало нужно преодолевать. Справедливо и то, что в моих лекциях и статьях часто история идей не основана на борьбе классов, что я не всегда осуществляю на практике те требования, которые я сам к себе предъявляю. Часто идеи приобретают надклассовое существование и развиваются сами по себе. С этим связаны и мои компаративистские ошибки, о которых уже говорилось здесь, о которых я сам уже говорил дважды, ошибки, обнаружившиеся в напечатанной статье об А. К. Толстом.

Мое преподавание должно быть в политическом отношении более острым, более боевым. Но искоренить мои ошибки я смогу, только работая в тесном контакте с партийной организацией нашего факультета. (Аплодисменты)»[391].

Затем на кафедру поднялась заместитель декана факультета А. И. Редина; она не просто повторила свои слова на партсобрании, а «заострила» свою большевистскую критику, направив ее целиком против В. М. Жирмунского. Он единственный из линчуемых профессоров присутствовал во второй день:

«Вчера здесь на заседании выступал проф[ессор] В. М. Жирмунский. В начале своего выступления он говорил и о вреде космополитизма и о необходимости борьбы с ним, признавал некоторые из своих ошибок, а главным образом призывал к тому, чтобы продумать эти вопросы, указывал на то, как надо перестраивать работу. Словом, второй или уже третий раз демонстрировал свою готовность перестраиваться.

Однако В[иктор] М[аксимович], признавая частные ошибки в своих работах, старался отвести обвинения, поставленные ему в докладе декана факультета т. Бердникова. Больше того, он старался снять политическую сторону вопроса, свести ее к второстепенным, несущественным мелким фактам, свести все к частным ошибкам как в своей работе, так и в работе кафедры. Между тем, речь идет не о частных ошибках, а о целой системе порочных взглядов, которые отражались тем или иным путем в работе. <...>

Вчера на заседании В[иктор] М[аксимович] говорил, что он еще год тому назад указывал на целый ряд ошибок в своих работах. Верно, на заседании Ученого совета вы говорили о своих ошибках, но это признание ошибок осталось только признанием. Вы ни разу не выступили в печати с разоблачением вредных, космополитических теорий Веселовского, которые нашли отражение в ваших работах. Вы не выступили с признанием своих ошибок в печати, перед широкой общественностью. Эти работы до сих пор имеют широкое хождение в студенческой среде, в вузах и университетах, ваши работы до сих пор продолжают наносить вред в подготовке молодых ученых, в подготовке учительских кадров, потому что эти работы порочны. Ваши книги продолжают наносить вред политике партии, политике развития культуры национальной по форме и социалистической по содержанию. <...>

Я считаю необходимым остановиться на курсе, который вчера В[иктор] М[аксимович] ставил себе в заслугу, на курсе "Введение в литературоведение". Раньше этот курс читался В[иктором] М[аксимовичем] с позиции космополитической школы

[391] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 123–125.

Веселовского. И вчера здесь, и на кафедре В[иктор] М[аксимович] заявил, что он этот курс перестроил, но именно на этом примере и можно проиллюстрировать формальный характер перестройки. Во-первых, нужно сказать, что ни одна из лекций этого курса на кафедре не зачитывалась; во-вторых, этот курс фактически не обсуждался. В[иктор] М[аксимович] в своем сообщении на кафедре обошел все не решенные им в курсе вопросы, чем исключил возможность серьезной и деловой критики. Да и вообще надо сказать, что критика на кафедре не в почете. Это подтверждает и сегодняшнее выступление проф[ессора] Реизова, который ни одним словом не обмолвился о положении дела на кафедре, не обмолвился о руководстве кафедры. Это говорит за то, что критику не любят на кафедре. <...>

Хочу остановиться на вопросе кадров. В[иктор] М[аксимович] здесь говорил, что он был обижен, что ему поставили упрек, что он не готовит кадры, В[иктор] М[аксимович] говорил о том, что даже в этом зале присутствуют много его учеников — заведующих кафедрами и т. д. Вы должны учесть, что ваши ученики несут груз ваших ошибок, которые они с трудом преодолевают.

Какова была подготовка кадров на кафедре? В течение многих лет на кафедре проводилась в корне порочная практика выдвижения и подбора кадров молодых научных работников.

Кого готовила и выдвигала кафедра в аспирантуру? В результате семейственности в аспирантуру принимали лиц только угодных, в аспирантуру выдвигались и принимались люди аполитичные, настроенные антиобщественно, с эстетскими взглядами, поклонники декадентов и формалистов в литературе, о чем свидетельствуют и темы защищавшихся ими диссертаций.

В[иктор] М[аксимович] в подборе аспирантских кадров противопоставил себя партийной организации филологического факультета, он считал, что этот вопрос — его личное дело, что этим вопросом только он, заведующий кафедрой, должен заниматься. Это была неправильная позиция В[иктора] М[аксимовича], что привело к тому, что аспирантов ваших, которые сейчас являются членами партии, которые ведут большую общественную работу, можно пересчитать по пальцам, а остальные люди стоят в стороне от общественной жизни. Когда партийная организация пыталась вмешаться в этот вопрос, В[иктор] М[аксимович] реагировал на это страшно болезненно. Правда, все-таки за последние два года состав аспирантов сильно изменился, и это нужно отнести за счет того, что здесь была проделана большая работа партийной организацией факультета. <...>

Подбор преподавательских кадров на кафедре проводился также не по принципиальным, а по личным соображениям. Не случайно до 1948 г. на кафедре среди постоянных работников не было ни одного коммуниста.

Эта обстановка семейственности, самовосхваления, взаимного расшаркивания, сложившаяся на кафедре западноевропейских литератур, что является, прежде всего, результатом того, что заведующий кафедрой Жирмунский, формально признав свои ошибки, по-прежнему стоит на своих формальных позициях, не сумел по-настоящему реализовать решения Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам в связи с перестройкой работы своей кафедры. (Аплодисменты)»[392].

Антонина Ивановна неспроста ударила В. М. Жирмунского сразу в несколько болевых точек: она хотела его не только опорочить как ученого, но и унизить как человека.

[392] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 126, 128–129, 131–132, 136–138.

Обстоятельства же способствовали как первому, так и второму. Ранее, почти до конца 1948 г., Виктор Максимович был не самой доступной фигурой для факультетской критики; для этого годились Б. М. Эйхенбаум, В. Я. Пропп[393]... И даже в ноябре 1948 г. Р. А. Будагов и Г. П. Бердников давали В. М. Жирмунскому немыслимую по тем временам характеристику:

> «...Замечательный ученый, автор многочисленных книг по различным вопросам филологии (литературоведению, языкознанию, фольклору) В. М. Жирмунский является одним из выдающихся ученых-филологов нашей страны. Число написанных им книг до-

---

[393] Нападки на В. Я. Проппа в 1949 г. практически прекратились. Основная причина этого — национальность, поскольку все проработки этого времени носили явный антисемитский характер. Что касается его позиции в 1949 г., то с больших трибун он не выступал ни с признаниями, ни с обвинениями. Отдельно следует сказать о взаимоотношениях В. Я. Проппа и М. К. Азадовского в 1948–1949 гг., которые сложно назвать дружескими. Они были таковыми еще до войны, по крайней мере, холодом по отношению к М. К. Азадовскому отдают опубликованные выдержки из дневника В. Я. Проппа за 1935 г. (*Мартынова А. Н.* Владимир Яковлевич Пропп. С. 160). Да и М. К. Азадовский, по-видимому, также не испытывал большой теплоты: «По программе мы посещали семинар В. Я. Проппа. И старательно развинчивали, складывали и вновь собирали из отдельных деталей русские, таджикские, немецкие, зулусские и прочие сказки. Как мы могли догадаться, теории Проппа Азадовскому не могли нравиться. Но никогда, ни при каких обстоятельствах он не позволил себе сказать о Владимире Яковлевиче что-нибудь ироническое или неуважительное, наоборот, он всегда говорил, что в науке могут быть разные пути и существование их просто необходимо» (*Молдавский Д. М.* Сквозь линзы времени. С. 132). Также, возможно, не случаен тот факт, что М. К. Азадовский, будучи официальным оппонентом на защите В. Я. Проппом докторской диссертации, подготовил отзыв, но не присутствовал 15 июня 1939 г. на самой защите «в силу болезни» (ГА РФ (ЦХСФ, г. Ялуторовск Тюменской обл.). Ф. 9506 (ВАК). Оп. 12. Д. 296. Л. 40). Однако в 1947 г., когда имя В. Я. Проппа уже вовсю склонялось, М. К. Азадовский дал ему следующую характеристику: «Высокая квалификация В. Я. Проппа, его авторитет выдающегося специалиста, непрекращающаяся интенсивная исследовательская работа делают совершенно бесспорным вопрос о ценности и важности его работы в секторе фольклора» (ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 744. Л. 14).

Очевидно, когда в 1948 г. критика В. Я. Проппа приняла характер надругательств и публичных оскорблений, Владимир Яковлевич несколько переменился, по крайней мере О. М. Фрейденберг вскользь замечает, что он «уже терял чувство достоинства, которое долго отстаивал» (*Фрейденберг О. М.* Записки).

К. М. Азадовский, вероятно не без оснований, пишет: «Негативные отзывы Азадовского о В. Я. Проппе объясняются прежде всего той неблаговидной ролью, которую сыграл последний в 1949 г. по отношению к Марку Константиновичу. "<...> Он постарался внести свой вклад в мое 'изничтожение' — писал Азадовский Г. Ф. Кунгурову 3 января 1950 г.,— тишком и тайком, снабжая 'материалами' кой-кого..."» (Марк Азадовский, 1888–1954: Неопубликованные письма ученого // Литературное Наследство Сибири. Т. 8. С. 281). С. А. Рейсер, живой свидетель событий 1949 г., рассказывал Оксману 30 января 1964 г.: «На днях было очень торжественное заседание (ПД и кафедры ЛГУ) по случаю 75-летия Марка Константиновича. Выступали Жирмунский, Путилов, Чистов, Муратов <...>, Астахова и Пропп: в необходимости двух последних выступлений я не уверен (я хорошо знаю об их взаимоотношениях с Марком Константиновичем). Впрочем, может быть, это — "во искупление"» (Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954. С. 348. Примеч. 10). По-видимому, именно по этому поводу 12 марта 1949 г. Ю. Г. Оксман отзывался в письме к М. К. Азадовскому: «Фольклористы ваши, конечно, редкие прохвосты (Проппа я угадал еще в 1916 г.!)» (Там же. С. 351).

В качестве примера настроений В. Я. Проппа приведем фрагмент протокольной записи его выступления на обсуждении статьи М. К. Азадовского «"Онежские былины" Гильфердинга», которое состоялось на рабочем заседании сектора фольклора Пушкинского Дома 30 мая 1949 г.:

стигает 22, а число статей исчисляется сотнями. Перу В. М. Жирмунского принадлежит ряд капитальных работ по литературоведению и языкознанию.

Прекрасный педагог, активный общественный деятель, один из наиболее известных воспитателей молодых ученых (аспирантов и докторантов), руководитель многих крупнейших коллективных изданий ("История западноевропейских литератур" Института литературы Академии наук СССР, редактор "Ученых записок" ЛГУ и пр.)...»[394]

Сейчас момент настал, причем разговоры о «семейственности» были особенно ядовитыми: на кафедре работала доцент Нина Александровна Сигал (1919–1991), супруга Виктора Максимовича, с которой они сошлись в эвакуации в Ташкенте:

«...Аспирантка Нина Сигал очень красивая молодая женщина, в библейском стиле. Муж ее погиб в блокаду. Она эвакуировалась из Ленинграда, и теперь (в 1943 г. — *П.Д.*) у нее был самый горячий роман с В. М. [Жирмунским], который был старше ее на двадцать восемь лет, но тогда такие вещи случались часто. Роман этот завершился браком и долгой совместной счастливой жизнью»[395].

Вернувшись в Ленинград, В. М. Жирмунский долго не мог узаконить свои отношения:

«Законная жена Жирмунского[396], не дававшая ему развода, писала на Нину доносы. Пришло "директивное" предписание не утверждать Нину в доцентуре и убрать ее из университета. Весь соблазн африканской страсти Жирмунского проходил сугубо гласно на факультете, у всех на глазах»[397].

«В. Я. Пропп подчеркивает, что даже при беглом ознакомлении со статьей у него сложилось совершенно определенное мнение об ее неудовлетворительности: у М. К. Азадовского существует давнишняя заветная мысль, что Гильфердинг — представитель 60-х годов, который осуществляет заветы Добролюбова. Эта мысль по существу своему глубоко порочна. Соответственно всему стилю статей М. К. Азадовского, он старается революционизировать предмет своих занятий. Так, Веселовский был им подан через Чернышевского, здесь Гильфердинг подан на фоне Добролюбова. Эта мысль — основная концепция Марка Константиновича — и здесь она не пересмотрена. <...> В дальнейшем В. Я. Пропп возражает против определения М. К. Азадовского "русской школы фольклористов" от Рыбникова до Ольденбурга. Но какая же это "русская школа"? Здесь все подчинено индивидуальному творчеству отдельных сказителей» и т. д. (цит. по: *Азадовский М. К.* «Онежские былины» Гильфердинга / Вступ. статья и подгот. текста К. М. Азадовского // Русская литература. СПб., 2008. № 4. С. 44–45).

[394] ОДО СПбГУ. Личное дело В. М. Жирмунского. Л. 42.

[395] *Мелетинский Е. М.* Указ. соч. С. 514.

[396] Жирмунская Татьяна Николаевна (урожд. Яковлева, 1901–1988) — в 1925 г. закончила историко-филологический факультет Ленинградского университета, затем курс Академии художеств, где училась у В. И. Шухаева; автор графических портретов Н. К. Крупской и воспоминаний о ней, член ВКП(б).

[397] *Фрейденберг О. М.* Записки. Кроме того, Ольга Михайловна со свойственной ей категоричностью описывала и сопутствующие события:

«Когда Жирмунский узнал, что Нину не пропускают, он задержал дела пяти кафедр и всех доцентов, проходивших конкурс. Нужно сказать, что конкурсная комиссия состояла из самого Жирмунского, Тронского, Смирнова, Алексеева, Азадовского и еще каких-то лакеев одной общей банды. <...> Было решено из подхалимства перед Жирмунским задержать конкурс не одной Нины, но всех соискателей. <...> Декан [Р. А. Будагов] снял пункт об утверждении конкурсных данных с повестки. Я выступила с протестом и потребовала разъяснения. <...> Я назвала поступок комиссии "апогеем блата на факультете", "цинизмом"» (Там же).

«Я все мрачнела и мрачнела. Вдруг я узнала, что в мое отсутствие декан [Р. А. Будагов] провел на Совете доцентуру Нины Сигал, любовницы Жирмунского, а Соня [Полякова], которая вела доцентские курсы, много над собой работала, нуждалась и имела права старшинства защиты, оставалась в дураках. Система блата сильно сказывалась на проведении в доценты и на оплате.

И когда осенью 1948 г. через суд, с объявлением в общегородской газете[398], публикация которого была обязательной[399], Виктор Максимович смог получить развод и затем узаконить отношения, он сразу был обвинен в семейственности. А поскольку семейная жизнь Виктора Максимовича давно была предметом факультетских сплетен, то вынесение ее на Ученый совет было особенным изыском этой проработки.

Вышедшая затем на трибуну аспирантка М. И. Привалова[400], как выясняется, скрупулезно восстановила по своим конспектам хронологию наиболее значимых выступлений своего учителя — профессора Г. А. Гуковского:

«Товарищи, я сегодня выступаю не в качестве лингвистки-аспирантки, а как бывшая слушательница и одна из многочисленных поклонников проф[ессора] Гуковского.

В студенческие годы в течение пяти лет, 1936—1941 гг., я была в числе его учениц и прослушала все его курсы, которые читались им на филологическом факультете. Некоторые курсы прослушала неоднократно: по литературе XVIII в., по литературе первой половины XIX в., по теории литературы — трижды. Была участницей его спецсеминара, слушала спецкурс по русскому романтизму, посещала усердно все его доклады. Нас прельщала магия красивых слов и тонкий анализ.

Но, несмотря на обаяние, которое имели лекции проф[ессора] Гуковского, в нас, тогда еще незрелых студентах, они вызывали иногда изумление, а потом и возмущение

Жирмунский бросил свою семью и жил с Ниной, на 30 лет моложе его, и прижил ребенка. Когда я узнала, сердце во мне закипело. Я кричала на весь деканат:

— Конечно, Сигал и Полякова не одно и то же. Но я, слава богу, горжусь, что Полякова не в том положении, что Сигал!» (Там же).

Указанному факту член парткома ЛГУ А. А. Андреев уделил место в своем докладе на общем партсобрании университета 19 ноября 1948 г. в присутствии 1318 человек:

«Ведь дело доходит до того, что некоторые наши ученые начинают жениться на молодых девушках по причине того, что они, прожив по 30—40 лет с женою, не “сходятся характерами”! Вот, например, член-корреспондент Академии наук СССР Жирмунский, не разведясь с женою, сошелся со своею аспиранткою Сигал (у которой, несомненно, брак был по расчету). Теперь у них родился ребенок, теперь проф[ессор] Жирмунский протаскивает ее в доцентуру, так как ей надо обеспечить будущее.

Когда на факультете пытались воспрепятствовать выдвижению Сигал в доцентуру, то проф[ессор] Жирмунский, в силу своего большого влияния на филологическом факультете, вообще сорвал весь конкурс. Не прошла Сигал, не прошли и другие!» (ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 98. Л. 142).

Кроме того, вопросы семейной жизни В. М. Жирмунского партбюро выясняло в декабре 1948 г. в разговорах с сыном ученого, студентом биологического факультета Алексеем Викторовичем Жирмунским (в марте 1945 г. он стал кандидатом в члены ВКП(б), затем потерял кандидатскую карточку, за что 16 мая 1947 г. получил выговор, снятый ВО РК 18 июня 1948 г., а 8 декабря 1948 г. был избран членом ВКП(б)).

398 «Жирмунский Виктор Максимович, прож[ивающий] ул. Чайковского, 33, кв. 31, возбуждает дело о разводе с Жирмунской Татьяной Николаевной, прож[ивающей] ул. Плеханова, 33, кв. 4. Дело подлежит рассмотрению в нарсуде 8-го уч[астка] Октябрьского р[айо]на» (Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 211. 5 сентября. С. 4).

399 «§ 19. Для возбуждения судебного производства о расторжении брака обязательно соблюдение следующих требований: <...> в) публикация в местной газете объявления о возбуждении судебного производства о разводе с отнесением стоимости объявления за счет супруга, подавшего заявление о расторжении брака. (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 апреля 1945 г.)» (Кодекс законов о браке, семье и опеке: Официальный текст с изменениями на 1 ноября 1946 г. М., 1947. С. 7).

400 Привалова Мария Ивановна (1911—1993) — аспирант, ассистент кафедры русского языка; впоследствии кандидат филологических наук (1953), доцент.

в отношении отдельных заявлений. Нас смущали парадоксы вроде того, что "Державин, Некрасов и Маяковский — это три варвара русской литературы". Смущал парадокс вроде того, что "со времен Аристотеля ничего нового не придумано в теории литературы", или: "Дайте мне факты, и я докажу все, что угодно". Все это вызывало недоумение, но проф[ессор] Гуковский привлекал внимание аудитории не только необыкновенно тонким анализом художественной ткани произведений, а, главным образом, тем, что он пытался установить общие закономерности развития литературы. И вот 7 января 1941 г. в докладе "О стадиальности развития литературных стилей" была изложена его основная теория. Тогда смутило то, что из общей концепции развития литературных стилей у Г[ригория] А[лександровича] выпадала из поля зрения такая вещь, как устное народное творчество. Русский фольклор не нашел места и в докладе о стадиальности, который читался 20 февраля 1948 г., когда Г[ригорий] А[лександрович] прямо заявил, что фольклор не имеет никакого отношения к его построениям. Но это не главное. У меня всегда вызывало протест категорическое и настойчиво проводимое одно определение Г[ригория] А[лександровича]. Он определял стиль таким образом: "Стиль — есть мировоззрение писателя". На этом я хочу остановиться. Впервые я слышала это определение стиля 26 февраля 1940 г. в лекции проф[ессора] Гуковского, затем в 1941 г. в лекции по теории литературы, в лекции по русскому романтизму. И всегда, где было можно, повторялось это определение: "стиль — есть мировоззрение писателя". Это можно было бы не вспоминать, но в 1946 г. была опубликована его книга "Пушкин и русские романтики", и в этой книге с той же настойчивостью и упорством проводится мысль, что "стиль — это мировоззрение писателя". <...>

Утверждение проф[ессора] Гуковского, что стиль — есть мировоззрение писателя, во-первых, теоретически является утверждением тождества формы и содержания, и, тем самым, это утверждение насквозь метафизично и идеалистично. Оно прямо враждебно марксистско-ленинскому диалектическому методу. <...>

И последнее о раскаянии. Сколько лет раскаивались формалисты и, раскаиваясь, продолжали отравлять сознание советских юношей и девушек своими идейками.

Когда слышишь очередное раскаяние формалиста, невольно вспоминаются слова одного из героев "Утраченных иллюзий" Бальзака:

"Я смотрю на периодическое раскаяние, как на великое лицемерие... Я боюсь, как бы Вы в своих покаяниях не стали видеть одно отпущение грехов". Хотелось бы, чтобы раскаивающиеся сегодня товарищи не видели в этом раскаянии лишь временное отпущение грехов»[401].

Выступление заместителя председателя парткома ЛГУ доцента С.С. Деркача было направлено против выступивших накануне В. М. Жирмунского и Г. А. Гуковского:

«Докладчик и выступающие в прениях до меня дали характеристику научной деятельности ряда ведущих профессоров нашего факультета, показали большой вред, которые нанесли эти профессора советской культуре и делу подготовки новых кадров советской интеллигенции.

В. М. Жирмунский считает, что эта характеристика несправедливая, ему не понравился его портрет, нарисованный т. Бердниковым, он заявил, что он, Жирмунский, не так пессимистично оценивает свой 40-летний научный путь, как его расценил т. Бердников. Правда, В. М. Жирмунский вынужден был признать правильность основных положений доклада т. Бердникова, но он об этом сказал вскользь, нехотя, утопив свое

[401] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 139–143.

признание в пустяковых, мелочных возражениях, напомнив, что когда-то т. Бердников положительно оценивал деятельность кафедры западноевропейской литературы.

Проф[ессор] Жирмунский — старый педагог и опытный полемист, и он должен понимать, что не так должно делаться признание своих ошибочных позиций. На чем вы сорвали аплодисменты неискушенной части студентов? Разве не в том состоял ваш гражданский долг, чтобы рассказать юношам и девушкам, что вы собираетесь делать, чтобы работать так, как требуют от вас партия, народ, Родина?

Многое сказал о своих ошибках проф[ессор] Гуковский, он вынужден был признать, что его стадиальность является идеалистической, порочной, формалистической по своему существу. Но он не сказал о космополитическом характере этой теории, а об этом нужно было бы сказать во весь голос, не пугаясь слова “космополитизм”. Теория проф[ессора] Гуковского гуляет среди студентов нашего факультета, она проникла и в стены института им. Герцена. А между тем космополитический характер этой теории виден за километры. Даже с этой трибуны, при всем старании, Г[ригорий] А[лександрович] не мог упрятать своих космополитических тенденций <...>.

Выступления проф[ессора] Гуковского и проф[ессора] Жирмунского показывают, что они считают несправедливой оценку их деятельности, которая была дана в докладе и прениях. Г[ригорий] А[лександрович] с большей, а В[иктор] М[аксимович] с меньшей охотой говорят об ошибках. Это также своего рода установка на лошадку — авось вывезет. Как понимать ошибки? Может ли советский ученый ошибаться? Может. При любых условиях, если даже у него здоровые мировоззренческие основы, может ошибаться в некоторых вопросах. Но о каких ошибках идет речь? Можно ли сказать, что работы Г. А. Гуковского и В. М. Жирмунского являются марксистско-ленинскими, но видите ли, этим работам свойственны ошибки. Так ли обстоит дело? Нет, не так, потому что мы здесь имеем систему взглядов, чуждых марксизму-ленинизму. Это одни сплошные ошибки. На собрании писателей В[иктор] М[аксимович] говорил о том, что он является автором 18 фундаментальных работ и автором 200 статей. Азадовский подсчитал количество работ, и получился список в 269 единиц. И среди студентов, естественно, возникает вопрос: неужели все написанное — это ошибки? Да, горько, может быть, проф[ессору] Жирмунскому, проработавшему 40 лет на литературоведческой работе, горько, может быть, ему это осознать, но, к сожалению, все эти работы от начала до конца ошибочны. В самом деле, что может проф[ессор] Жирмунский положить на стол советской культуры, чем мы можем воспользоваться для учебных целей? Нет таких работ. Печальный итог, но от фактов никуда не уйдешь.

Есть ли уверенность, что такие труды будут созданы проф[ессором] Жирмунским и проф[ессором] Гуковским? Никому, конечно, не заказана дорога, но выступления Г. А. Гуковского и В. М. Жирмунского внушают серьезные опасения, особенно выступление В. М. Жирмунского. <...>

А что стоит заявление В[иктора] М[аксимовича] о том, что как трудно перестроиться ему. Для молодых людей, может быть, такое заявление является новостью, а я такие заявления слышал не раз от В[иктора] М[аксимовича], он прямо в шутливой форме заявлял, что здесь нужно перестраиваться с ночи на утро, и как вы хотите, чтобы так быстро перестроиться. Вы 30 лет перестраиваетесь, неужели не было времени за 30 лет подумать, с кем идти. <...>

Серьезное опасение вызывает нежелание проф[ессора] Гуковского сказать до конца о своих космополитических ошибках. Я здесь должен сказать о своем друге,

А. В. Западове, который оказал медвежью услугу проф[ессору] Гуковскому, заявив о его заслугах в отношении построения курса XVIII в. В чем эти заслуги состоят? Что прежние либерально-буржуазные историки не занимались историей литературы XVIII в., а Г[ригорий] А[лександрович] занимался и показал, что русская литература XVIII в. является задворками западноевропейской литературы.

Как должен стоять вопрос — об ошибках или о системе взглядов? Конечно, о системе взглядов. Мало того, вопрос должен стоять так, как поставил его в начале своего выступления Г[ригорий] А[лександрович]: на кого ученые работают? Что произошло? Произошло следующее: народ, благодаря гигантским, колоссальным усилиям партии, поднимается в осознании своей исторической роли на новую и новую ступень, овладевая идеологией марксизма-ленинизма. А группа, или некоторые ученые нашего факультета отстали от народа, не хотят идти вместе с ним в ногу, не хотят возглавить это движение народа вперед, к коммунизму...» [402]

В одном был прав Самуил Самойлович — в том, что «никому, конечно, не заказана дорога»: 10 июня 1949 г. он будет арестован органами МГБ СССР и обвинен в том, что «являясь участником антисоветской троцкистско-зиновьевской организации, на протяжении ряда лет проводил борьбу против ВКП(б) и Советского правительства» [403].

Вышедший затем профессор С.Д. Кацнельсон еще раз ответил А. В. Десницкой, но уже с меньшей сдержанностью:

«Если выступление проф[ессора] Десницкой меня удивило, то только в силу одного факта. Проф[ессору] Десницкой так же, как и мне, хорошо известно, что факультет собирается в ближайшее время провести широкое обследование вопросов языкознания с целью выявления и разгрома всех проявлений формализма и космополитизма на факультете. Проф[ессору] Десницкой хорошо известно, что ровно через один час в Институте языка и мышления Академии наук открывается широкое обсуждение моей книги, которая еще печатается, которая еще не вышла. Почему же проф[ессор] Десницкая забежала вперед, не дождавшись собрания, поспешила говорить о моих ошибках. Мне кажется, что не следовало бы предварять события и заниматься дезориентацией народа.

По вопросу о моих ошибках. Есть ли у меня ошибки? Да, товарищи, у меня есть ошибки, и у меня достаточно своих ошибок, чтобы не принимать на себя ошибки, которые мне хочет повесить проф[ессор] Десницкая...» [404]

Заседание Ученого совета продолжалось уже далеко не первый час. Нужно было завершать прения. Для выступления за кафедру вышел парторг факультета Н. С. Лебедев:

---

[402] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 144–150.

[403] Цит. по справке УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области из архива автора.

[404] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 152–153.

Здесь оратор оказался провидцем: в июне 1949 г. Василеостровский РК ВКП(б) рассматривал вопрос о С.Д. Кацнельсоне, в результате чего он был выведен из партбюро ИЯМ, а 17 июня партбюро ИЯМ в присутствии работника ВО РК ВКП(б) рассмотрело его персональное дело. С.Д. Кацнельсон обвинялся в том, что «допустил ряд серьезных ошибок в своей научно-исследовательской работе (формализм, ошибки вульгарно-материалистического характера, неправильное цитирование текстов основоположников марксизма). Наряду с этим он допустил непартийное поведение: проявление карьеризма, зазнайства и лидерства в науке; будучи членом партбюро парторганизации, организовал групповщину» (ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 80. Л. 40). Надо отдать должное А. В. Десницкой, которая понимала, что причиной обвинения является национальность С.Д., и партбюро единогласно ограничилось минимальным в той ситуации наказанием — выговором без занесения в личную карточку.

«Товарищи, в течение двух дней при многочисленной аудитории у нас развернулась очень острая борьба, борьба против враждебных нашему советскому народу идей, теорий. И вполне естественно, что в этой борьбе могли быть нездоровые настроения, о чем мне и хотелось бы заявить членам Ученого совета и всем здесь присутствующим.

Как только партийная организация факультета и деканат приступили к изучению положения дела на факультете, сразу же появились всевозможного рода слухи, причем они усиленно распространяются у нас на факультете. Некоторые, например, говорят, что это острая критика, это борьба против идей космополитизма, эстетства, формализма, де, должна быть смягчена, что мы должны изменить курс, что как будто бы на это есть звонок из Москвы и т.д., и т.д.

Товарищи, я должен сказать от имени партийной организации, что ни о какой смене курса речи быть не может. У нас один курс — курс, предложенный великими вождями нашей партии, вождями советского народа — В.И. Лениным и И.В. Сталиным, и этот курс ведет нас к коммунистическому обществу. И мы не позволим никому свернуть с этого курса, не позволим никому мешать нашему движению вперед. Всех, кто будет нам мешать, мы будем беспощадно и решительно отбрасывать. (Аплодисменты.)

Партийная организация, студенческая общественность нашего факультета ждут от наших ученых действительной перестройки. Партийная организация и общественность факультета ждут действительного перехода с позиций идеалистической науки на позиции маркистско-ленинской методологии. И можно быть уверенными, что подавляющее большинство наших ученых это сделают.

В связи с этим мне хотелось бы сказать о теории "духа времени", конъюнктуры, которая также широко распространяется на факультете. Пытаются дело представить таким образом, что, видите ли, это политический момент, и поэтому партия повела решительную борьбу с космополитизмом. Товарищи, надо, наконец, понять, что независимо от "духа времени", независимо от конъюнктуры, решения Центрального Комитета партии являются единственно правильными, единственно научными. И всякие теории о "духе времени", о конъюнктуре, что все это пройдет, и все это останется на месте, надо все это отбросить раз и навсегда. Партия никогда не отказывалась от борьбы с идейными противниками, наоборот, она всегда ориентировала наш народ, нашу науку, всегда учила беспощадно бороться с идейными противниками. И в данном случае наша партийная организация будет продолжать эту беспощадную борьбу, будет не только ее не ослаблять, а усиливать, потому что космополитизм и гнилой эстетствующий формализм разоружают советский народ идейно, они тормозят движение нашего советского народа к коммунистическому обществу.

Партийная организация ставит своей задачей до конца разоблачить и разгромить идейно носителей враждебных марксизму идей.

Но это отнюдь не означает, что партийная организация, как это хотят некоторые представить, хочет устроить всеобщий разгром. Провокаторы, я бы сказал, которые распространяют такие слухи, хотят замутить воду, в которой можно было бы побольше наловить рыбки. Они все хотят свалить в одну кучу, чтобы ни в чем нельзя было разобраться по-настоящему. Я должен сказать, что никаких разговоров о всеобщем разгроме наших ученых, о каком-то походе против них быть не может. Мы хотим помочь нашим ученым отказаться от враждебных нам идей, вести нашу науку в духе требований Центрального Комитета партии, в духе требований нашего советского народа.

Вот почему все присутствующие здесь с большой надеждой ждали выступлений наших ученых. Надо сказать, что подавляющее большинство наших ученых и студенчества правильно понимают задачи борьбы, только мне еще раз хочется вернуться к выступлениям проф[ессора] Жирмунского и проф[ессора] Гуковского. Мне кажется, что они не понимают значения той борьбы, которая развернулась у нас сейчас, они не понимают политической сущности тех событий, которые происходят.

Товарищи, наша беспощадная критика в данном случае ни в коей мере не приравнивается к политической неблагонадежности. А были такие стремления думать, что если В[иктор] М[аксимович] ошибается, или если у него ошибочная система взглядов, или если у проф[ессора] Гуковского враждебная, глубоко вредная система взглядов, так, значит, они не советские люди. Такие рассуждения неправильны. У нас нет оснований, чтобы людей, ошибающихся в науке, объявить политически неблагонадежными людьми. Они наши, советские люди, и можно быть уверенными, что они, конечно, откажутся от своих систем и попытаются перестроить свои научные позиции.

И, наконец, последнее, что мне хотелось бы сказать. Нельзя забывать исключительной остроты международного положения, нельзя закрывать глаза на такие вещи, как возрождение фашизма в Англии, Америке, Германии, который может быть направлен против Советского Союза. И здесь совершенно правильно говорили, что мы готовим работников не только идеологического фронта, вполне возможно, что люди, которых мы готовим, будут завтра на передовой линии огня в буквальном смысле этого слова. Это обстоятельство также должно подтолкнуть тех, кто считает, что все это пройдет, и все останется по-прежнему.

Я думаю, что наши ученые, судя по сегодняшним выступлениям, сделают для себя соответствующие выводы из той острой борьбы, которая развернулась у нас, и из тех решений Центрального Комитета партии, которые указывают нам единственно правильный путь. (Аплодисменты)»[405].

После этого еще раз поднялся с места В. М. Жирмунский:

«Я хочу сказать только две вещи.

Первое. Выступая вчера по вопросу о работе моей кафедры, я выступил не самокритически. Я привык к авторитету на кафедре и на факультете, и этот авторитет заставил меня забыть о том главном, что движет нас вперед, — о критике и самокритике. Я говорил по частным вопросам, но речь идет о том, что, действительно, в работе моей кафедры имеются очень существенные недостатки. Сегодня мы слышали часть этого материала в докладе председателя комиссии. Это самое главное, о чем должен был сказать я сам, а не председатель комиссии.

Второе. Я хочу сказать, что больше всего на этом волнующем заседании меня взволновало письмо, голос того студента, который пришел к нам с фронта, который, как каждый советский студент, готов по призыву государства и партии идти на фронт. Этот студент предъявил нам большой счет, и этот счет заставляет нас краснеть за многое, что мы сделали. Но я думаю, что каждый из нас, ученых, имеет только одно содержание жизни: жить и работать. Партия учит нас исправлять свои ошибки. Я не буду давать здесь клятв и делать заверений, я буду работать и работать, а судить будете вы. (Аплодисменты)»[406].

Для заключительного слова из-за стола президиума к кафедре встал декан факультета:

[405] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 157–161.
[406] Там же. Л. 162.

«Товарищи, мне предстоит ответственная задача — подвести итоги нашей двухдневной работы, работы, которая, по моему глубокому убеждению, была плодотворной и, безусловно, послужит резкому изменению положения на нашем факультете. <...>

У меня есть записка, в которой спрашивается — неужели у нас такое плохое положение в советском литературоведении? Я должен сказать, что в своей основе и в главном наше советское литературоведение не вызывает тревоги. Мы находимся сейчас с вами на очередном этапе борьбы за нашу марксистско-ленинскую науку, за укрепление этой науки. Я напомню вам, что эта борьба не впервые ведется. Вы помните разгром формализма, разгром троцкистских агентов в литературоведении, разгром бухаринских агентов, разгром веселовщины, теперь идеологический разгром космополитизма в литературоведении — все это наши вехи роста, указывающие на все возрастающую зрелость нашего советского литературоведения.

Вот почему дело заключается не в количестве книг, хотя этих книг у нас не так мало. Надо при этом помнить и то, что мы располагаем ленинскими статьями, что мы располагаем работами И. В. Сталина, постановлениями и решениями Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам. Вот наша база, вот наша сила, вот залог того, что наше советское литературоведение здоровое, что оно растет и будет расти.

Надо понимать, кроме того, что борьба с космополитизмом есть не только очередной этап, но и особо острый этап борьбы, особо острый потому, что в наших условиях борьба за чистоту марксистско-ленинской методологии совпадает с борьбой за крепость и могущество нашего советского народа, потому что борьба с космополитизмом есть борьба в то же время за наш советский патриотизм, что это есть борьба за уверенность нашего народа в победе в возможных исторических испытаниях, накануне которых мы, может быть, находимся. Вот что нужно помнить тому, что выступает сегодня с этой трибуны, кто в этих условиях считает возможным и нужным выразить свое отношение к той борьбе, которую ведет наша партия.

Вот почему те ученые, которые в этих условиях пытаются говорить только о науке, остаются в плену старых представлений о так называемой "чистой науке", якобы далекой от политики. А разве такая наука, отделенная от политики, есть? Для нас, для марксистов, и партийных, и беспартийных большевиков такой науки нет. И это мы видим лучше всего в эти дни, в дни борьбы с космополитизмом. Разговор должен, действительно, идти научный, но этот научный разговор должен вестить языком советской науки, проникнутым духом партийности, языком советской науки, которая кровно связана с политикой нашей партии.

Вот почему я не могу сказать, что выступление доц[ента] Мордовченко на нашем заседании удовлетворило меня. Для чего вы говорили о том, что Гуковский еще много даст советской науке? Кто в этом сомневается, если Гуковский встанет на настоящие марксистско-ленинские позиции. Почему вы об этом говорите, когда нужно говорить о том, что те взгляды, которые проповедует Гуковский, враждебны нам, чужды нам, и нужно помочь понять именно это — главное, зачем же дезориентировать аудиторию? Выступление т. Мордовченко, кажется мне, страдает мягкотелым гуманизмом, от которого никому нет пользы. И самому Гуковскому от этого гуманизма нет никакой пользы. Только тогда, когда он беспощадно отсечет эти свои взгляды, ему, как советскому ученому, не придется краснеть перед другими учеными и студенческой аудиторией.

Я думаю, что доц[ент] Западов мог бы произнести более вразумительную речь. Вместо того, чтобы критиковать сборник о Сервантесе и о Вольтере, которые свидетельствуют

о том, что мы являемся подлинными хранителями культурных ценностей, вместо этого нужно было бы честно сказать о своем отношении к той методологии, которую исповедует его учитель — Гуковский.

Выступление т. Макогоненко с научной точки зрения весьма интересно, но мне кажется, что здесь было бы более подходящим дать оценку взглядам проф[ессора] Гуковского, а не Руссо, который сейчас и ответить как будто не может.

Я должен присоединиться к тем товарищам, которых совершенно не удовлетворили выступления проф[ессора] Гуковского и проф[ессора] Жирмунского. Мы многое ожидали от этих выступлений. Я должен сказать, что, действительно, по факультету распространяются слухи, что хотят всех выгнать, что этот вопрос решен и проч. — это провокационные слухи. Мы заинтересованы в том, чтобы каждый ученый по-настоящему выполнял свой долг советского ученого, чтобы он не был вне политики, чтобы он своими трудами боролся вместе со всем советским народом. Вот почему мы с таким волнением ждали этих выступлений. Что касается выступления Жирмунского, то тут вообще говорить нечего. Это было самое неудачное выступление, это была общая декларация, на которую такой мастер В[иктор] М[аксимович]. А дальше — попытка всячески выгородиться, вместо того чтобы помочь студентам разобраться в его ошибках, помочь нам, помочь советскому студенчеству. Сегодня вы выступили с заявлением, что вас расчувствовало письмо студента, сегодня вы говорили, что выступили вчера не самокритично. А ведь перед вчерашним выступлением вы думали три недели, а, вообще-то говоря, вы 30 лет должны были думать. И после этого разве можно верить, что вы искренни, что вы хотите встать на другие позиции? Мне 20 записок прислали студенты — почему все ученые так настоятельно отстаивают право на ошибки, когда заканчивают свои декларативные заявления? Но давайте уточним положение. Вот вы сегодня говорили, что были несамокритичным в части своей работы, как заведующего кафедрой. Но вчера вы еще сказали, что не согласны с тем, что не написали ни одной полезной книги. Сегодня вы промолчали об этом, следовательно, по-прежнему с этим не согласны. Хорошо. Вот давайте и уточним это.

Скажите, какую книгу вы могли бы назвать аудитории, под какой своей книгой вы могли бы подписаться вновь, которую свою книгу вы считаете полезной и не порочной? Отвечайте, назовите хотя бы одну. Отвечайте, вас ждет аудитория. Молчите? Нет такой книги? Так не нужно вводить в заблуждение аудиторию.

(Аплодисменты.)

Что касается выступления проф[ессора] Гуковского, то ведь совершенно ясно, что человек просто не набрался мужества, чтоб признаться, что совершенно очевидно. Ведь сказал же, что хотел — марксизм, а получился — идеализм? Почему же не набраться мужества и не сказать, что люблю русский народ — а получается космополитизм? Почему это не сказать? А что космополитизм — как $2 \times 2 = 4$ — вытекает из его теории стадиальности, от этого никуда не денешься. Почему Гуковский не набрался мужества сказать до конца всю правду?

Вот почему никак нельзя признать, что его выступление свидетельствует о том, что он разоружился, что он завтра даст такие работы, которые пойдут на службу нашему народу. Этого не видно из вчерашнего выступления проф[ессора] Гуковского. Гуковский склонен признать, что его работы приносят "мало пользы", а вот сказать, сколько они приносят вреда, — мужества или желания не хватает. Ведь всем хорошо известно, что до самых последних дней проф[ессор] Гуковский проповедовал идеалистические теории. Он сознался в этом. Но скажите, пропаганда идеализма вредна или нет? Где же

тут элементарная человеческая логика — пропагандировать идеализм, вредные идеалистические теории, и в то же время говорить, что лекции и работы не вредны. Это и есть свидетельство неискренности, малодушия, свидетельство того, что полного изменения взглядов еще не последовало.

И последнее — это обращение преимущественно к студентам.

Вот видите, мы сознательно вынесли этот вопрос в широкую студенческую аудиторию, чтобы вы видели, о чем идет речь, чтобы вы знали, что мы хотим действительно научной работы от тех профессоров, которые сегодня были подвергнуты критике.

Для того чтобы это было до конца ясно, я бы и хотел сказать несколько слов по этому поводу.

Не секрет, что у некоторой части студентов есть представление об этих ученых как о мучениках. Я должен сказать, что это странная форма гуманизма. Никому не помогает такая доброта и ни о каких добродетелях не свидетельствует. Как же можно сочувствовать тем ученым, которые пропагандируют вредные идеи? Говорят, вред приносят, а хорошие люди. Никто не стремится их сделать извергами и злодеями, но здесь нужно встать на позицию подлинной партийной оценки вещей и фактов. Разве можно относиться к человеку, как к хорошему человеку, когда он выступает с пропагандой вредных взглядов? Вот единственно правильный критерий, единственно полезный для нас, для студенчества, и для самих носителей этих взглядов. <...>

Мне пишут записку: “Ленин, Сталин, Жданов не ошибались. Надо стоять на позициях марксизма, — пишут мне студенты, — и тогда ошибаться не будем”. Это правильно, просто правильно. (Аплодисменты.)

И еще одно замечание. Вы принимаете активное участие в борьбе, вы не просто слушатели, не только на ваших глазах идет борьба, вы являетесь сами активными участниками этой борьбы. И я должен сказать, что в сознании масс нашего студенчества и всего нашего коллектива правильно отражается истинное положение, они правильно выражали свое отношение к тому, что происходило вчера и сегодня в этом зале. Но не все еще, очевидно, относятся так к тому, что здесь происходит. Я бы не хотел обвинить товарищей в аплодисментах по адресу проф[ессора] Гуковского и проф[ессора] Жирмунского, но я бы хотел сказать, что эти аплодисменты — не пустяк, так как тем самым вы определяете свое место в этой борьбе. Так вот я бы и хотел, чтобы вы об этом подумали, при этом я бы хотел, чтобы вам было ясно, что борьба идет не против ученых и не против науки, а за ученых и за науку. Речь идет о том, чтобы у нас не было в дальнейшем жизненных трагедий, свидетелями которых вы являетесь, потому что когда прошло 40 лет научной деятельности, и нет ни одной книги, которую можно было бы, не краснея, предъявить советскому народу, — это действительно трагедия. Мы боремся за то, чтобы наши студенты, аспиранты были воспитаны так, чтобы подобные жизненные трагедии были бы для них немыслимы. Это — главный смысл всей нашей борьбы, борьбы за науку, за идейную вооруженность всего коллектива, и коллектива ученых, и студенческого коллектива. В этом главный смысл борьбы, и я хочу, чтобы это по-настоящему было ясно всем работникам нашего факультета. Беспощадный разгром космополитизма, безусловно, приведет к дальнейшему росту, к дальнейшему повышению идейно-теоретического уровня всей нашей работы. Общий тон нашего собрания, его высокий идейно-теоретический уровень, заставляет меня высказать в этом полную свою уверенность. (Аплодисменты)»[407].

[407] Там же. Л. 163–170.

Многочасовое заседание Ученого совета подошло к концу. Профессор Р. А. Будагов зачитал проект решения. Без единого дополнения заготовленное решение было принято. Единогласно.

Ни вводная часть, ни пункты постановления не содержали непосредственных оргвыводов, но намечены они были, и вполне конкретно, выделяя квадригу «космполитов»:

> «Ученый совет считает, что ряд научных работников нашего факультета, несмотря на их декларативные заявления о перестройке, продолжает оставаться на позициях космополитизма и формализма. Это относится к профессорам Эйхенбауму, Жирмунскому, Азадовскому и Гуковскому. <...>
>
> Ученый совет отмечает также, что целый ряд ученых кафедр русской и западноевропейских литератур имеют в своих работах немало серьезных ошибок методологического порядка. К их числу относятся проф[ессора] Бялый, Берков, Реизов и уже подвергавшиеся ранее суровой критике проф[ессора] Алексеев, Пропп, Томашевский, Смирнов и Долинин.
>
> Ученый совет находит, что научная и педагогическая деятельность названных выше представителей космополитизма в литературоведении проф[ессоров] Эйхенбаума, Жирмунского, Азадовского и Гуковского пагубно сказывалась на воспитании молодежи.
>
> Ученый совет считает, что идейный разгром космополитизма в литературоведении является первоочередной и жизненно необходимой задачей, диктуемой борьбой за принцип партийности в нашей науке, за воспитание студенчества и всего нашего народа в духе советского патриотизма»[408].

Оргвыводы не являлись прерогативой Ученого совета и руководства факультета, они должны были стать следствием проведенного «разоблачения». Принятие соответствующих решений происходило позднее, на уровне Министерства высшего образования СССР при согласовании с аппаратом ЦК ВКП(б), куда также поступали материалы проработок[409].

Само же двухдневное заседание Ученого совета стало для ленинградской науки о литературе наиболее памятным и трагическим событием, квинтэссенцией травли научной мысли всех послевоенных лет. Этому способствовал, прежде всего, сам характер заседания — оно было нарочито публичным. Это был театр, напоминавший по своему жанру Колизей.

Если не осознавать чудовищной обстановки, царившей на том заседании, может напрашиваться вопрос, почему же никто не сказал что-то наперекор, или, говоря словами Е. Г. Эткинда, относящимися к событиям более позднего времени, 1974 г., «Почему на Ученом совете никто не задал ни одного вопроса?»[410]. Уместно ответить его же словами: «Из-за леденящего душу, парализующего язык и мысли, привычного и непреодолимого, постыдного и грозного СТРАХА»[411].

---

[408] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 126. Л. 181, 183.

[409] В ЦК ВКП(б) поступали отчеты о борьбе с космополитизмом из университетов, но доступны лишь отчеты о собраниях в МГУ, состоявшихся в середине марта 1949 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 221). О существовавшей переписке между МВО СССР и аппаратом ЦК можно судить по отпускам писем, отложившимся в документах министерства, среди которых сохраняется часть переписки С. В. Кафтанова с Д. Т. Шепиловым (ГАРФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 185 и др.). К сожалению, ничего имеющего непосредственное отношение к филологии там не сохранилось.

[410] *Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. С. 50.

[411] Там же. Выделение строчными буквами — авторское.

УЧЕНЫЙ СОВЕТ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Заседание Ученого совета Института литературы Академии наук прошло 8 апреля 1949 г. более сдержанно, но обвинения были не менее угрожающими, поскольку и в Пушкинском Доме требовалось со всей большевистской страстностью «разоблачить» космополитов, дабы освободить места для литературоведов новой формации. Именно «кадровым вопросом» объясняется то, что к постоянно оплевываемым четырем фамилиям там прибавились еще две, соответствующей национальности, — Л. А. Плоткин и Б. С. Мейлах.

Кроме того, атмосфера в Пушкинском Доме усугублялась еще одним обстоятельством. «Идут аресты. Увольняют с работы или бросают на 10 лет в заточенье за “разговоры”, “неправильную” точку зрения, за применение термина “антисемитизм” в применении к советской власти»[412].

Незадолго до заседания Ученого совета в университете был арестован А. Г. Левинтон, а почти накануне заседания в Пушкинском Доме — сотрудник института и пасынок заведующего аспирантурой Пушкинского Дома И. И. Векслера Илья Захарович Серман. Причем его арестовали не вечером или ночью, что было традиционно, а во время лекции. Позднее Е. Г. Эткинд вспоминал этот день:

> «Мы подрабатывали лекциями — например, в библиотеке выборгского [районного] Дома культуры: Серман говорил о русской литературе, я — о западной. Лекции бывали по средам: сперва он, потом я. Однажды (я помню этот день — 6 апреля 1949 года) я вошел в аудиторию, где ждали наши общие слушатели, и застал их в смущении. Один из них, который был похрабрее, отвел меня в сторону и рассказал: во время лекции вошел человек, забрал портфель профессора и потом — дождавшись, кажется, перерыва, — на глазах у всех увел лектора. Каково мне было говорить с той же кафедры...»[413]

Заседание Ученого совета Института литературы начиналось докладом исполняющего обязанности директора профессора Н. Ф. Бельчикова, после чего начались прения, в которых можно было слышать выступления, отрепетированные на партийном собрании 29–30 марта. Выступали все те же — А. С. Бушмин, Д. С. Бабкин, Б. П. Городецкий, В. А. Ковалев... Как показывает приводимый ниже текст постановления Ученого совета от 8 апреля 1949 г., максимальные усилия были приложены для дискредитации бывшего руководства учреждения:

> «Ученый совет Института литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, заслушав и обсудив доклад и. о. директора Института, проф[ессора] Н. Ф. Бельчикова — “Итоги и задачи работы института в свете статей партийной печати об антипатриотической группе театральных критиков” и полностью признавая правильность и своевременность указаний партии о решительной борьбе с компаративизмом и формализмом, космополитизмом и буржуазным объективизмом в науке и искусстве,
>
> ПОСТАНОВЛЯЕТ:
>
> 1. Признать план научно-исследовательских работ Института на 1948 г. — невыполненным. Особенно следует отметить в этом отношении необходимость коренной

---

[412] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[413] *Эткинд Е. Г.* Во славу старинного друга: К семидесятилетию Ильи Захаровича Сермана // Ефим Эткинд: Здесь и там. СПб., 2004. С. 116–117. Уточним, что И. З. Серман не был тогда профессором.

и принципиальной переработки капитальных коллективных трудов Института: 6, 7, 8, 9 и 10 томов “Истории русской литературы”, 1, 2, 3 и 4 томов “Истории русской критики”, 1, 2 и 3 томов “Русского фольклора”.

2. Ходатайствовать перед Президиумом Академии наук СССР о пересмотре плана научно-исследовательских работ Института на 1949 год.

3. Выступления многих товарищей с оценкой работы института и руководящих научных сотрудников правильно показали, что невыполнение плана и низкий научный уровень коллективных и индивидуальных работ, входивших в план научно-исследовательских работ Института на 1948 г., объясняются наличием в составе Института ряда научных работников, стоящих и до сего времени на враждебных марксизму-ленинизму компаративистских, формалистических, <космополитических> и буржуазно-объективистских позициях. К их числу, в первую очередь, относятся: проф[ессор] Б. М. Эйхенбаум, проф[ессор] М. К. Азадовский, проф[ессор] Г. А. Гуковский и член-корр[еспондент] АН СССР В. М. Жирмунский.

4. Признать порочной работу дирекции Института по подготовке кадров и подбору кандидатов в аспирантуру и докторантуру Института.

5. Признать, что попустительство, в результате которого в секторе новой русской литературы института могли укрепляться и процветать компаративистские, формалистические, <космополитические> и буржуазно-объективистские тенденции, несет персональную ответственность зав. сектором новой русской литературы — проф[ессор] Б. С. Мейлах.

6. За попустительство, приведшее к процветанию компаративизма и формализма, <космополитизма> и буржуазного объективизма в ряде научно-исследовательских секторов института и за развал работы института в целом, несет персональную ответственность б. и. о. директора института проф[ессор] Л. А. Плоткин.

7. Поручить и. о. директора института проф[ессору] Н. Ф. Бельчикову укрепить руководство секторами высококвалифицированными научными кадрами»[414].

В тот же день Б. С. Мейлах, видя, к чему идет дело, подал заявление с просьбой освободить его от заведования сектором; 14 апреля Н. Ф. Бельчиков подписал приказ № 8, которым он также освобождал от своих обязанностей М. К. Азадовского:

«§ 1. Ввиду болезни заведующего сектором фольклора профессора М. К. Азадовского исполнение обязанностей заведующего сектором возложить на доктора филологических наук А. М. Астахову с 26 марта с/г.

§ 2. Ввиду личной просьбы и решения Ученого совета института от 8 апреля с/г освободить доктора филологических наук Б. С. Мейлаха от обязанностей заведывания сектором новой русской литературы с 10 апреля с/г с оставлением его в должности старшего научного сотрудника сектора.

§ 3. Возложить исполнение обязанностей заведующего сектором новой русской литературы на ст[аршего] научного сотрудника института Б. И. Бурсова»[415].

Кроме того, для рассмотрения научной продукции и служебного соответствия М. К. Азадовского, Г. А. Гуковского, В. М. Жирмунского и Б. М. Эйхенбаума новый руководитель Пушкинского Дома распорядился провести заседания соответствующих секторов института, дабы имелась формальная причина для оргвыводов. Протоколы

[414] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ АН СССР). Оп. 1 (1949 г.). Д. 20. Л. 1–2. Машинопись (4-й экз.) с правкой рукой Д. С. Бабкина; слова в ломаных скобках вычеркнуты.

[415] Там же. Д. 4. Л. 68.

двух таких обсуждений — в секторе фольклора и секторе новой русской литературы — сохранились.

На заседании сектора новой русской литературы, состоявшемся 23 апреля 1949 г., новый заведующий сектором Б. И. Бурсов сделал доклад о деятельности Г. А. Гуковского и Б. М. Эйхенбаума, после чего с критическими замечаниями выступили основные сотрудники сектора (Л. А. Плоткин, Б. С. Мейлах, П. Н. Берков, Б. В. Папковский, А. И. Груздев, Л. М. Лотман)[416]. Лишь Г. А. Бялый сумел воздержаться от упреков; Н. И. Мордовченко на этом заседании также не уступил: говоря о Г. А. Гуковском, Николай Иванович отметил, что «сектор не знает работы Гуковского о Гоголе в целом, нам известна лишь одна и очень небольшая ее часть, на основе которой трудно делать те или иные выводы»[417].

В результате обсуждения постановили:

> «1) Сектор новой русской литературы констатирует, что старший научный сотрудник Б. М. Эйхенбаум в течение целого ряда лет систематически не выполнял своих научных планов и не сдал институту ни одной своей работы, что было одной из причин срыва выполнения общеакадемических планов, в частности затягивало работу над VII и IX т. т. "Истории русской литературы".
>
> 2) Сектор отмечает, что порочные методологические позиции Г. А. Гуковского были также одной из причин срыва важнейших изданий Института. Так, например, подготовленный и отредактированный Г. А. Гуковским сборник "Радищев" требует удаления или переработки ряда статей, поэтому не может быть своевременно сдан в печать.
>
> Сектор устанавливает, что Г. А. Гуковский не считается с общественным мнением, с требованиями государства, партии и народа к науке и стоит до последнего времени на антимарксистских буржуазно-формалистических позициях»[418].

27 апреля своего бывшего заведующего обсуждал сектор фольклора:

> «Заседание открывает А. М. Астахова, сообщая, что сегодня по предложению дирекции Института проводится рабочее заседание отдела, на котором должна быть обсуждена производственная работа М. К. Азадовского и выяснено путем обмена мнений, было ли руководство Отделом на должной высоте и если нет, то в чем выявилась недостаточность руководства и каковы были результаты этого. А. М. Астахова считает, что основным недостатком в работе нашего Отдела за последние годы, послевоенные годы, и в особенности за последние 2 года, было слабое руководство Отделом со стороны М. К. Азадовского. В эти годы он как-то отошел в сторону от интересов Отдела, был крайне инертен, пассивен, не проявлял ни должной энергии в преодолении всех трудностей, ни должного внимания ко всем звеньям нашей работы.
>
> Следствием этого и явился известный завал в работе <...>. Очень сильно понизилась и непосредственная научно-исследовательская работа самого М. К. Азадовского. А. М. Астахова видит две причины этой депрессии, находившиеся в известном взаимодействии: во-первых, очень тяжелое физическое состояние М[арка] К[онстантиновича], его болезни, которые вырывали его из работы на целые месяцы и оставляли тяжелый след на его дальнейшем состоянии; и, во-вторых, тот методологический кризис, который проявился в период критики школы Веселовского. Кризис, которого М. К. Азадовскому так и не удалось полностью преодолеть.

---

[416] Там же. Д. 24. Л. 30–33.
[417] Там же. Л. 32.
[418] Там же. Л. 33.

А[нна] М[ихайловна] говорит о взаимодействии этих причин, потому что методологический кризис чрезвычайно ухудшал физическое состояние, а последнее еще больше сгущало моральную депрессию — результат кризиса. А. М. Астахова подчеркивает, что большой ошибкой со стороны всего коллектива Отдела и ее личной ошибкой было, что мы, давно и болезненно ощущая слабость руководства, не поддерживали Марка Константиновича в том решительном шаге, к которому он порой склонялся — именно к отказу от заведывания Отделом»[419].

К мнению А. М. Астаховой присоединились и остальные, приняв сходную с ее точкой зрения резолюцию[420].

СОБРАНИЯ У ЛИНГВИСТОВ

Филологические проработки весны 1949 г. заканчивались собраниями лингвистов. История травли лингвистов в печати изложена в работе В. М. Алпатова[421], мы же кратко коснемся именно проработочных заседаний. Они происходили как совместные заседания Института языка и мышления имени Н. Я. Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР, поскольку именно до 1949 г. их парторганизации были объединены в одну, а диссертации рассматривал объединенный Ученый совет.

Эти собрания имели совершенно иной накал и по сравнению с описанными мероприятиями в университете и Пушкинском Доме казались достаточно мирными. Тому была причина — никаких кадровых перестановок и серьезных чисток эти собрания не преследовали, поскольку ленинградское лингвистическое руководство в лице И. И. Мещанинова и Ф. П. Филина пока было неуязвимо с идеологической точки зрения. А потому и градус большевистской критики был иным.

Партсобрание ИЯМ и ЛО ИРЯЗ проходило также в два дня, уже спустя две недели после университетских проработок — 18 и 19 апреля. На партсобрании присутствовали четыре члена бюро Василеостровского РК ВКП(б) во главе с секретарем, приехавшие из Москвы Г. П. Сердюченко и С. П. Толстов, сотрудники других академических институтов, а также представители вузов, в том числе члены партбюро филологического факультета ЛГУ. В первый день с докладом «О борьбе с влияниями буржуазного космополитизма в языкознании» выступил член партбюро ИЯМ В. А. Аврорин, прения разделились на два дня.

В своем критическом выступлении В. А. Аврорин коснулся работ Б. А. Ильиша[422], Л. А. Булаховского, А. А. Фреймана, А. С. Чикобавы, Л. И. Жиркова, С. Д. Кацнельсона, остановился на вредном влиянии структурализма в языкознании.

Особенно была отмечена и роль В. М. Жирмунского, «который участвует в работе нашего института, хотя и не состоит в его штате». Начав от теории датского лингвиста Йенса Отто Есперсена, «которую с середины 30-х гг. уже поддерживал Жирмунский»,

[419] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ АН СССР). Оп. 1 (1949 г.). Д. 22. Л. 52–56 об.

[420] Там же. Л. 56 об. Фрагмент резолюции этого заседания опубл.: Два отзыва о научной деятельности М. К. Азадовского / Публ. Т. Г. Ивановой // Русская литература. СПб., 2006. № 2. С. 91.

[421] *Алпатов В. М.* История одного мифа. С. 151–165.

[422] Ильиш Борис Александрович (1902–1971) — лингвист, специалист по английскому языку, доктор филологических наук, заместитель директора 1-го ЛГПИИЯ.

и умолчав о том, что в большей степени последователем Есперсена был директор ИЯМ академик И. И. Мещанинов, В. А. Аврорин резюмировал:

«Я могу сказать, что его довоенные работы до сих пор имеют хождение наравне с марксистскими работами по языкознанию, что их читают советские люди, в частности наша учащаяся молодежь, и, может быть, кое-кто принимает на веру их политически вредные утверждения, и, наконец, что сам проф[ессор] Жирмунский нигде, ни устно, ни письменно, не только не подверг уничтожающей критике свои прежние работы, но даже не нашел в себе мужества просто и открыто заявить, что он порывает со своими прежними взглядами. Думаю, что настоящий советский партиот сам, без всяких подсказов, давно уже догадался бы это сделать»[423].

Также, уже традиционно, критикой был почтен В. В. Виноградов:

«В своих работах, посвященных русскому литературному языку и его истории, акад[емик] Виноградов вкупе с кучкой литературоведов-космополитов сознательно и упорно выдвигает на первый план не оригинальные народные особенности русского литературного языка, а элементы европеизации, которые старательно разыскиваются им даже там, где их нет и быть не может. В трудах акад[емика] Виноградова без труда можно обнаружить целые залежи буржуазного объективизма и беспардонного низкопоклонства перед западом. Для всех нас ясно, что акад[емик] Виноградов едва ли не больше чем кто бы то ни было из наших языковедов заражен идеями буржуазного космополитизма»[424].

Однако критическую часть выступления, посвященную Д. В. Бубриху, В. А. Аврорин позволил себе превратить в защитительную. Это было ответом на инициированную Ф. П. Филиным травлю Дмитрия Владимировича:

«Надо прямо сказать, что проф[ессор] Бубрих держит сейчас на своих плечах все советское финноугроведение, охватывающее изучением более двух десятков самостоятельных языков. Проф[ессор] Бубрих внимательно и заботливо готовит кадры советских финноугроведов, уделяя им очень много времени. Проф[ессор] Бубрих поддерживает связь со всеми исследовательскими учреждениями, ведущими изучение финно-угорских языков, помогая и фактически руководя их деятельностью. Проф[ессор] Бубрих чутко и внимательно прислушивается к серьезной критике его работ, проявляя неизменную готовность идти в ногу с положительными достижениями советского языкознания. Научное и общественное лицо проф[ессора] Бубриха, его заслуги перед советской наукой и практикой языкового строительства всем хорошо известны. Но все это не должно заслонять от нашего взора тех несомненных ошибок, которые проф[ессор] Бубрих допускает в своих работах. Ошибки эти в первую очередь связаны с его неумением окончательно вырваться из цепких лап традиционного компаративизма. <...>

Наша общая задача — помочь проф[ессору] Бубриху преодолеть пережитки праязыковых концепций в своих работах. К сожалению, я должен отметить, что некоторые товарищи, хорошо ориентированные в вопросах общего языкознания, а среди них и кое-кто из коммунистов, несмотря на прямые обращения к ним проф[ессора] Бубриха за товарищеской помощью, до сих пор предпочитают отмалчиваться на заседаниях, а в кулуарах ехидно посмеиваться и изображать советского ученого Бубриха в виде спятившего

---

[423] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 6. Л. 61–62.

[424] Там же. Л. 64.

с ума неуча. Упрек этот может быть адресован товарищам Кацнельсону, Цукерману, Холодовичу, Будагову и некоторым другим»[425].

Естественно, что после погрома в университете такое выступление, как и прения, показались делегатам с филологического факультета чересчур академичными. Причем «вольности» лингвистов дошли до того, что аспирант ИЯМ Н. Т. Пенгитов[426] свое выступление посвятил исключительно защите Д. В. Бубриха.

Заместитель декана и многолетний член партбюро филологического факультета вышла на трибуну:

> «Тов. Редина говорит о своих впечатлениях. Ей не нравится ход партсобрания. Не чувствуется боевого духа в выступлениях. В этом виновен докладчик, который не осветил в докладе, как партийное бюро после постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам мобилизовало всех коммунистов на исправление допущенных ошибок в собственных работах. Да и многие другие коммунисты, например проф[ессор] Филин, недостаточно критиковал их. Говорит о проф[ессоре] Жирмунском, проф[ессоре] Виноградове, работами которых пользуются студенты. Указывает, что критика работ Виноградова и Жирмунского недостаточна»[427].

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР ГОТОВИТ САНКЦИИ

Теперь, когда в Ленинградском университете профессора были разоблачены, их будущим занялось МВО СССР. Именно там, после всех согласований с аппаратом ЦК, состоялось решающее мероприятие. 22 апреля 1949 г. — в день рождения основателя Советского государства — при закрытых дверях началось слушание Коллегией министерства вопроса о работе гуманитарных факультетов Ленинградского университета. Официальное заседание, на котором Коллегия утверждала решение, состоялось 23 апреля.

Поскольку результаты проработок были в столице известны, то к 19 апреля руководитель Главного управления университетов МВО СССР К. Ф. Жигач подписал проект будущего решения Коллегии. Мы не будем повторять традиционные обвинения, но оргвыводы напрашивались уже исходя из преамбулы этого многостраничного документа:

> «На филологическом факультете на протяжении многих лет руководящую роль играли профессора Б. М. Эйхенбаум, М. К. Азадовский, Г. А. Гуковский и В. М. Жирмунский, стоявшие на позициях воинствующего формализма и проповедовавшие космополитизм в своих научных трудах и лекциях. Эти профессора внушали студентам преклонение перед капиталистическим Западом, принижали творчество великих русских писателей, проповедовали антинародные идейки буржуазного эстетства и формализма»[428].

---

[425] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 6. Л. 81, 83.

[426] Пенгитов Николай Тихонович (1914–1994) — лингвист, специалист по марийскому языку, аспирант ИЯМ, член ВКП(б). В 1951 г. защитил диссертацию на тему «Причастия в марийском языке», после защиты возглавил кафедру марийского языка и литературы Марийского пединститута (Йошкар-Ола); впоследствии профессор.

[427] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 6. Л. 28.

[428] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 228. Л. 202.

Далее в тексте проекта в критическом ракурсе рассматривалась работа гуманитарных факультетов (филологического, исторического, политико-экономического, философского, юридического и восточного), а также научно-исследовательских институтов университета. Причем в документе приводятся и небезынтересные сведения о кадровом руководстве университетом со стороны министерства:

«Главное управление университетов не уделяло достаточного внимания укреплению кадров и проверке руководящего и профессорско-преподавательского состава университета.

До сих пор Министерством не утверждены: проректоры по учебной и научной работе, 25 заведующих кафедрами из 146, пять директоров научно-исследовательских институтов из 11, пять деканов факультетов из восемнадцати, 177 профессоров и доцентов кафедр из 341»[429].

В проекте были намечены и оргвыводы:

«Принять предложение Главного управления университетов (проф[ессора] Жигача К. Ф.) и ректора Ленинградского университета (проф[ессора] Домнина Н. А.):

а) об освобождении от работы в университете как не обеспечивающих идейно-теоретическую подготовку специалистов:

заведующего кафедрой русской литературы профессора Гуковского Г. А.,

заведующего кафедрой русского фольклора профессора Азадовского М. К.,

заведующего кафедрой китайской филологии академика Алексеева В. М.,

профессора исторического факультета Лурье С. Я. <...>

Освободить от заведования кафедрами с оставлением в должностях профессоров тех же кафедр: профессора Жирмунского В. М., члена-корреспондента АН СССР Малова С. Е. и академика Козина С. А.»[430]

Для слушания вопроса 22 апреля в министерство из Ленинграда прибыл ректор ЛГУ Н. А. Домнин и деканы гуманитарных факультетов, в том числе филологического. Перед обсуждением присутствующим был роздан проект решения, затем Н. А. Домнин выступил с докладом «О работе Ленинградского университета». После доклада начались прения, первым взял слово Г. П. Бердников:

«Деятельность профессоров, которые стоят на враждебных марксизму-ленинизму позициях, принесла огромный вред воспитанию студенчества, и большинство из профессоров до последнего времени воспитывали студентов в духе космополитизма и формализма. В постановке учебного процесса имеются крупные ошибки. Как пример можно привести, что год тому назад мы проводили на нашем факультете дискуссии о задачах советского литературоведения. Профессор Эйхенбаум заявил, что критика и самокритика мешают его творческой работе и что это не критика и самокритика, а писание безграмотных мальчишек. Ему устроили бурную овацию.

Также имеется целый [ряд] недостатков в учебных планах и составленных учебниках.

У нас имеются профессора, которые не руководят работой кафедр, как академик Державин, который три года не был на кафедре и руководит только аспирантами на дому»[431].

После всех деканов в обсуждение вступили руководители министерства. Заместитель министра В. И. Светлов, державший слово первым, естественно, был в курсе «ленинградского дела», а потому в его словах можно увидеть непрозрачные намеки:

---

[429] Там же. Л. 218.
[430] Там же. Л. 223–224.
[431] Там же. Л. 178.

«Постановка вопроса об идейно-воспитательной работе в Ленинградском университете и посылка туда комиссии министерства — это вызвано очень серьезными сигналами, говорящими о том, что там весьма неблагополучное положение. В такой ведущий университет, может быть, даже пораньше надо было послать комиссию, чтобы помочь общественности университета поскорее разделаться с теми крупными недостатками идеологического порядка, которые там имеются.

Надо сказать, что т. Жигачу, если говорить критически, нужно было как начальнику главка почаще бывать в Ленинградском университете, чем в Московском, хотя тут говорят, что он и в Московском университете не очень часто бывает.

Я хочу отметить, что речь идет о решении коллегии и, видимо, приказ будет сформулирован об идейном и научном содержании работы университета. Здесь только представлены гуманитарные факультеты — это не плохо, но совершенно неправильно, что нет деканов естественно-научных факультетов, так как там не лучше положение, а может быть и хуже, и даже на биологическом факультете, если спросите проф[ессора] Турбина, он бы сказал, что ему не сладко живется и были попытки вернуть некоторых морганистов на работу в университете.

Мне представляется, что и физический факультет, с махизмом, физическим идеализмом и, видимо, философский факультет должен сильно взяться. Там недостатков очень много и, может быть, это наша ошибка, что, если говорим об идейном содержании учебной работы в Ленинградском университете, надо было приглашать и другие кафедры, и ставить вопрос более широко. Ленинградский университет заслуживает того, чтобы его во второй раз послушать специально по естественным факультетам, чтобы была ясная картина и выправить положение дел, а то оно неудовлетворительно.

Я присоединяюсь к мнению т. Жигача, что т. Домнин многое сделал по университету, много занимается университетом, по существу своей научной работой не занимается, но недостатков очень много, и один из главных я бы его назвал самостийностью. Этот недостаток заключается в том, что на историческом и на философском и даже на естественных факультетах общие законы для них не писаны, а есть законы калужские, есть законы тульские и есть законы ленинградские, и вот по этим законам программы министерства для Ленинградского университета не обязательны, учебные планы также не важны, мы будем работать по своим учебным планам и программам...»[432]

В. И. Светлов также вынес решение об отделении истории искусств, которое К. Ф. Жигач предполагал ликвидировать вместе со всеми научно-исследовательскими институтами:

«Насчет научно-исследовательских институтов — мне кажется, что в целом ряде институтов, как гуманитарных, может быть, исторических, есть квалифицированные работники, а между тем говорят, что нет квалифицированных преподавателей, а там сидят люди. Пусть эти люди учат студентов, а то получается, что из таких людей фикция получается. Зачем же обманывать себя, мне представляется, что целый ряд таких нежизнеспособных институтов нужно ликвидировать. Но что не нужно ликвидировать, и т. Жигач в последний момент согласился, это — искусствоведческое отделение. Последние два года вынесен целый ряд решений ЦК ВКП(б) по вопросам искусствоведения, статьи в “Правде”, “Культура и жизнь”, а мы находим самым лучшим выходом закрыть, говорят, что искусствоведческих вузов много в системе Комитета по делам искусств. Там не искусствоведческие вузы, а там вузы, которые готовят работников искусства, актеров,

[432] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 228. Л. 182.

художников, поэтов и т. д. Это не такие специалисты, какие нужны нам. Речь идет о том, чтобы работали над вопросами теории искусства и вопросами эстетики. Я считаю, что Ленинградский университет может это сохранить»[433].

Также В. И. Светлов не преминул пожурить всех вновь назначенных деканов гуманитарных факультетов:

«Я понимаю, что здесь все присутствуют деканы факультетов новые, но у них чувствуется беспомощность. Они провели большую чувствительную работу — собрания, показали университету лицо людей, не советских людей, которых надо заменять, а дальше крики: “Помогите, тону!”, “Помогите, тону!” Ничего не сказали, за исключением т. Михайлина[434], а что же они сами, своими силами думают сделать, чтобы выправить положение на факультетах? А только констатируют, что плохое положение, а что же вы думаете делать, чтобы было хорошо? Вы же деканы, вы должны вопрос решать вместе с ректором. Мне кажется, что положительная программа действий должна быть у вас разработана, и нечего ждать, пока вам помогут. Это неправильная точка зрения, вы ответственные работники и должны соответственным образом и поступать и отвечаете за работу своих факультетов»[435].

Затем с заключительным словом выступил председательствующий — заместитель министра А. М. Самарин:

«Я считаю, что те недостатки, которые вскрыты в работе Ленинградского университета, несомненно нанесли большой вред делу подготовки кадров интеллигенции, которая должна занять ведущее положение в нашем государственном аппарате, в наших культурных организациях и во всех отраслях нашей культурной и хозяйственной деятельности. <...>

Я должен сказать в заключительном слове, что я не сомневаюсь, что здоровый коллектив университета справится с теми задачами, которые перед ним ставятся, но я т. Домнину и деканам факультетов, которые тут присутствуют, должен сказать, что надо все-таки поменьше заниматься самолюбованием. В Ленинградском университете эта черта еще не изжита. Университет старый, много академиков, профессоров и докторов, все это хорошо. Университет имеет заслуги перед страной, которые никто не опорочивает, но недостатки в университете есть, и о них надо вслух и громко сказать, а иногда скрываются за тем, что мы — Ленинградский университет, а раз так, то какие там недостатки? Я считаю, что такая тенденция, кроме вреда, университету ничего не принесет»[436].

В этот же день, после заседания, комиссия в составе А. М. Самарина, В. И. Светлова, К. Ф. Жигача, главы Управления кадров МВО СССР М. В. Михайлова и ректора ЛГУ Н. А. Домнина, а также сотрудника МВО Г. В. Морозова дорабатывала проект резолюции «О крупных недостатках в учебной и научной работе гуманитарных факультетов Ленинградского университета». Никита Андреевич Домнин более остальных старался смягчить тон будущей резолюции.

---

[433] Там же. Л. 184.

[434] Михайлин Дмитрий Мартынович был 7 января 1949 г. утвержден бюро ВО РК ВКП(б) в должности декана философского факультета (ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (ВО РК). Оп. 5. Д. 568. Л. 3 об.); кандидат философских наук («Н. Г. Чернышевский — критик немецкой идеалистической философии», защищена в АОН при ЦК ВКП(б) 26 ноября 1948 г.), доцент, член парткома ЛГУ; в 1951 г. переведен с места декана на должность директора Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина.

[435] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 228. Л. 185.

[436] Там же. Л. 186–188.

Ниже приведем тот фрагмент резолюции, в котором отражена деятельность «космополитов» на филологическом факультете; зачеркнутым обозначено удаленное при редактировании, а курсивом выделено вписанное от руки:

«На филологическом факультете ~~на протяжении многих лет руководящую роль играли~~ профессора Б. М. Эйхенбаум, М. К. Азадовский, Г. А. Гуковский и В. М. Жирмунский, стоявшие на позициях формализма, ~~и проповедовавшие~~ *допускали* в своих научных трудах и лекциях *ошибки космополитического характера* ~~космополитические взгляды~~. Эти профессора, преклоняясь перед капиталистическим Западом, принижали творчество великих русских писателей, проповедовали антинародные идейки буржуазного эстетства и формализма.

Бывший заведуюший кафедрой русской литературы профессор Б. М. Эйхенбаум еще в 1929 году писал, что “славяно-русская культура не пришлась ему по душе“. Л. Н. Толстого — гордость русской национальной культуры он считал наименее национальным из всех русских писателей, трактуя все основные произведения Толстого как результат влияния западноевропейской литературы. Эйхенбаум пытался принизить национальную самобытность великого русского поэта Лермонтова, сводя его творчество к влияниям зарубежных поэтов и писателей.

В 1948 году на дискуссии об основных задачах советского литературоведения он заявил, что критика и самокритика мешают его научному творчеству, расхолаживают вдохновение.

Заведующий кафедрой фольклора профессор М. К. Азадовский, являясь учеником Веселовского, пытался в своих трудах создать ему славу наследника Чернышевского и Добролюбова. В своих работах М. К. Азадовский утверждал, что из всех сказок, написанных Пушкиным, только сказка “О попе и работнике его Балде” идет из уст народного творчества, остальные заимствованы Пушкиным из западных источников.

Проф[ессор] Азадовский *неудовлетворительно руководил кафедрой* ~~развалил работу кафедры~~[437] фольклора. По вине Азадовского за последние годы не подготовлено ни одного специалиста по фольклору и значительно сократились масштабы собирания народного творчества.

~~Крупные~~ Ошибки космополитического характера имеются в работе *заведующего* кафедрой западноевропейской литературы ~~и в особенности у руководителя кафедры~~ профессора В. М. Жирмунского.

~~После разгрома формализма~~ Проф[ессор] Жирмунский ~~перешел на позиции буржуазного литературоведа Веселовского и~~ до последнего времени ~~активно~~ защищал антипатриотические концепции Веселовского.

В последней своей книге “Узбекский народный героический эпос” (1947 г.) Жирмунский весь узбекский эпос возводит к германским, иранским, английским и другим эпическим традициям и совершенно замалчивает благотворное влияние русской культуры на узбекскую.

Коллективная работа кафедры “История западноевропейской литературы”: “Средние века и возрождение” (авторы Жирмунский, Смирнов, Алексеев, Мокульский), выпущенная в 1947 г., имеет ~~крупные~~ *также некоторые* идеологические ошибки. В книге *дается положительная оценка теории* ~~пропагандируется теория~~ бродячих сюжетов Веселовского и игнорируется национальное многообразие эпических сказаний различных народов.

[437] Зачеркнуто и вписано Н. А. Домниным.

Работники кафедры ~~в течение ряда лет~~ не разрабатывают и не читают специальные курсы по современным национальным литературам Запада, уходят в глубь веков и уклоняются от решения актуальных современных проблем в литературе. Темы дипломных работ этой кафедры ориентируют студентов на формальный компаративистский анализ материалов литературных произведений, на некритическое изучение реакционного буржуазного декадентства и эстетства.

~~Крупные~~ *Серьезные* ошибки имеются ~~также~~ в работе кафедры русской литературы.

Заведующий кафедрой профессор Гуковский космополитически неправильно рассматривает историю русской литературы, как смену литературных стилей. Литературные явления преподносятся им в отрыве от социальной действительности, вне классовой борьбы и национального своеобразия, как единый мировой поток. Русскую литературу проф[ессор] Гуковский считает, что русская литература выросла выросшей на почве западноевропейских идей»[438].

Что касается оргвыводов, то они в этом проекте изменений не претерпели. В тот же день редакционная комиссия подала документ министру С. В. Кафтанову:

«Представляем на Ваше утверждение проект решения Коллегии Министерства “О крупных недостатках в учебной и научной работе гуманитарных факультетов Ленинградского университета”»[439].

Перед заседанием коллегии С. В. Кафтанов ознакомился с проектом и подписал его, снабдив следующей резолюцией: «Подготовить приказ. Приказ послать на согласование т. Шепилову»[440].

Кроме того, министр (вероятно, не по своей личной инициативе) внес в оргвыводы одно-единственное исправление — он своей рукой вычеркнул пункт об освобождении от работы в Ленинградском университете «как не обеспечивающего идейно-теоретическую подготовку специалистов» заведующего кафедрой китайской филологии академика В. М. Алексеева[441]. Именно эта строка не попала в решение коллегии.

Официальный день заседания коллегии Министерства высшего образования СССР уже не имел особого значения — все положения были заранее утверждены. Сам министр на заседании не присутствовал, но в числе участников поименован заведующий сектором вузов Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В.Д. Кульбакин[442] — аппарат ЦК кардинальным образом влиял на принимаемые решения в отношении ЛГУ.

---

[438] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 219. Л. 28–30.

[439] Там же. Л. 27.

[440] Там же.

[441] Там же. Л. 39.

[442] Там же. Л. 1.

Кульбакин Василий Дмитриевич (1906–1989) — кадровый политработник, в 1941 г. в РККА, с января 1942 г. начальник Отдела пропаганды политуправления Северо-Западного фронта, с 1943 г. ректор Высшей школы парторганизаторов при ЦК ВКП(б), затем работал заместителем заведующего отделом в Управлении кадров ЦК ВКП(б), в 1948–1950 гг. заведующий сектором вузов Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), преподаватель кафедры всеобщей истории ВПШ при ЦК ВКП(б); впоследствии кандидат исторических наук (1951 г., тема — «Роль правительства Г. Мюллера в воссоздании военно-экономического потенциала Германии и подготовки фашистской диктатуры (1928–1930 гг.)», защищена в АОН при ЦК ВКП(б)), в 1952–1956 гг. директор Центральной комсомольской школы, доктор исторических наук (1969; «Германская социал-демократия в годы относительной стабилизации капитализма и мирового кризиса (1924–1932 гг.)»).

Обсуждения на коллегии не было. После констатации сложившегося положения был зачитан проект постановления коллегии, одобренный присутствующими.

Однако постановление коллегии министерства не служило прямым руководством к действию, к тому же материалы коллегии имели гриф «Секретно». Основанием для практических действий должен был стать официальный приказ (приказы) министерства, но такового пока не было, поскольку его готовили совместно с аппаратом ЦК. И если решение об изгнании из ЛГУ академика В. М. Алексеева было отменено еще на этапе работы коллегии, то остальные положения и оргвыводы будущего приказа или приказов предстояло еще раз рассмотреть и утвердить. Как заметил сам С. В. Кафтанов, приказ необходимо было послать Д. Т. Шепилову, а такого рода согласования обычно занимали несколько дней.

Именно поэтому вечером 23 апреля 1949 г. делегация Ленинградского университета отправилась обратно без готовых решений. Приехав в Ленинград, они узнали о том, что накануне закончилась V сессия Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. И именно 23 апреля, в последний день работы сессии, председатель Ленгорисполкома товарищ «Лазутин признал справедливыми критические высказывания депутатов по адресу управлений, отделов и руководящих работников исполкома Ленгорсовета»[443], после чего началась санация руководящих кадров. П. Г. Лазутин пока был оставлен на своем месте, но были освобождены от должностей его заместители В. М. Решкин и В. П. Галкин, секретарь исполкома А. А. Бубнов. Кроме того, сессия постановила освободить П. С. Попкова и Я. Ф. Капустина от обязанностей членов исполкома Ленгорсовета. Также «в связи с переходом на другую работу вне Ленинграда» был освобожден от обязанностей члена исполкома Ленгорсовета и начальник Управления МВД по Ленинградской области генерал-майор Е. С. Лагуткин, которого перевели на должность заместителя начальника УМВД по Калужской области. Он единственный из перечисленных отделается сравнительно легко: его в марте 1950 г. исключат из партии за «антипартийные действия» и отправят в отставку.

О МЕХАНИЗМЕ ПРИНЯТИЯ КАДРОВЫХ РЕШЕНИЙ

Важные кадровые решения не могли приниматься без санкции соответствующего подразделения партийного аппарата — райкома, горкома, обкома ВКП(б), аппарата ЦК ВКП(б), а если должность входила в номенклатуру ЦК, то без непосредственного постановления Секретариата или Политбюро ЦК ВКП(б). С того времени, как глава государства воспылал любовью к ученым, доктора наук и профессора также не увольнялись без подобной санкции.

Приведем воспоминания одного из фигурантов описываемых событий профессора Г. А. Бялого:

> «Когда шло государственное преследование ученых — “космополитов”, были составлены списки на арест. Я попал туда. <...> Но существовало такое правило: арест докторов наук и профессоров должен быть санкционирован отделом науки ЦК КПСС. Там работал в то время Д. Д. Обломиевский[444], известный филолог, специалист

---

[443] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 170. Л. 77.

[444] Обломиевский Дмитрий Дмитриевич (1907–1971) — литературовед, специалист по фран-

по французской литературе. Он, наверное, имел право на какую-то “квоту помилования” и почему-то вычеркнул мою фамилию»[445].

На наш взгляд, строки эти представляются фантастическими, поскольку аресты производились иными ведомствами, которые если и согласовывали свои действия, то уж точно не на уровне рядовых сотрудников аппарата ЦК, каковых были сотни. Что же касается режима секретности деятельности карательных органов (как, впрочем, и партийных, в силу невеликого их различия), он был тогда очень строгим.

Также невозможно себе представить описанную ситуацию в реальности еще и потому, что паралич страха, сковывавший тогда людей, никогда бы не позволил человеку, тем более работающему в столь специфическом месте, выразить свое мнение — мало кто хотел пополнить собой такой проскрипционный список.

Нам представляется, что помощь Д.Д. Обломиевского, знакомого с Григорием Абрамовичем еще по довоенному Ленинграду, если и имела место, то состояла в том, что

цузской литературе, выпускник ЛИЛИ (1930), в 1932 г. вошел в литературное объединение ШПРОТ (по первым буквам фамилий его создателей — А. М. Шадрин, С. В. Петров, С. Б. Рудаков, Д.Д. Обломиевский, Б. Б. Томашевский); в 1943 г. вступил в ВКП(б), в том же году демобилизован, оставлен в Москве и назначен главным редактором французского издания журнала «Интернациональная литература» (1943–1945 гг.), в 1946–1948 гг. главный редактор журнала «Советская литература» на французском языке (после реорганизации журнала в 1948 г. — редактор отдела критики и библиографии). В 1948 г. по рекомендации Г. И. Владыкина (выпускника ЛГПИ (1931), и аспирантуры ГИИИ (1936), специалиста по творчеству А. Н. Островского, до войны редактора Ленгослитиздата), с которым они были дружны еще по Ленинграду, принят на должность консультанта по литературе на иностранных языках в сектор художественной литературы Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), где проработал до 1950 г. В число его обязанностей входило и наблюдение за работой Пушкинского Дома; заведующим сектором и непосредственным начальником Д.Д. Обломиевского был сперва А. М. Еголин, а с августа 1948 г. — Ф. М. Головенченко. Впоследствии сотрудник ИМЛИ, кандидат филологических наук (1951 г., тема — «Французский романтизм и литературные теории французских социалистов-утопистов»), доктор (1958 г., «Основные этапы творческого пути Бальзака»).

Книга Д.Д. Обломиевского «Французский романтизм» (М., 1947) была в 1950 г. определена инструкторами Отдела пропаганды и агитации ЦК как «антимарксистская, вредная, смакующая упадочные, пессимистические, антиреволюционные произведения французских аристократов» (Сталин и космополитизм. С. 572). Однако некоторые литературоведы изначально были от нее не в восторге, в том числе друг Г. А. Бялого Б. М. Эйхенбаум, в семинаре которого в 1926/27 г. принимал участие Д.Д. Обломиевский. 4 мая 1947 г. он записал в дневнике: «Вчера после [И. И.] Иоффе (на ночь) посмотрел книгу Д. Обломиевского “Французский романтизм” (М. 1947). Какое убожество мысли и какая рутина! Мое понимание этого человека подтвердилось — ничтожество, морально невысокого качества» (РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 34 об.). С. С. Мокульский также отрицательно отозвался об этой книге, но уже в печати (*Мокульский С. С.* [Рецензия на кн.]: Обломиевский Д.Д. Французский романтизм // Советская книга. М., 1947. № 12. С. 108–116).

Что касается личных качеств, то Б. М. Эйхенбаум излишне категоричен, поскольку Д.Д. Обломиевский неоднократно отмечался современниками в качестве белой вороны на фоне сотрудников аппарата ЦК. В книге об издании Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого и его редакторе Н. С. Родионове Л. А. Остерман пишет: «...Некий тов. Еголин. Его должность остается неясной, но, видимо, она не самого низкого ранга, поскольку у него есть собственный консультант (тов. Обломиевский), о котором Николай Сергеевич пишет, что он “очень приятный” человек — для сотрудника аппарата ЦК характеристика не тривиальная» (*Остерман Л. А.* Сражение за Толстого. М., 2002. С. 108). Также массу положительного о Д.Д. Обломиевском приводит в своих воспоминаниях Е. М. Евнина (*Евнина Е.* Из книги воспоминаний. С. 248–262).

[445] Эти слова Г. А. Бялого цит. по: *Альтшулер А. Я.* Забыть нельзя // Памяти Григория Абрамовича Бялого: К 90-летию со дня рождения: Научные статьи. Воспоминания. СПб., 1996. С. 197.

Д. Д. Обломиевский, будучи консультантом Ф. М. Головенченко и куратором Пушкинского Дома в аппарате ЦК, каким-то образом уберег его от институтских проработок, жертвы которых утверждались именно в ЦК. Такое было ему явно под силу, поскольку кандидатур в Пушкинском Доме в 1949 г. было и так предостаточно[446].

Косвенно такое предположение подтверждается и нелестной внутренней характеристикой, данной ему весной 1950 г. сотрудниками аппарата ЦК:

> «Тов. Обломиевский в ЦК ВКП(б) занимается вопросами литературоведения и наблюдает за работой институтов литературы Академии наук и литературных факультетов педагогических институтов. Аполитичный, зараженный эстетскими идеями, чуждый марксистскому подходу к литературе, т. Обломиевский не мог вести борьбу с космополитами, окопавшимися в этих учреждениях»[447].

Таким образом, сектор вузов, сектор науки и сектор художественной литературы Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) могли играть свою роль лишь в решении вопросов об увольнении или проработках ученых-литературоведов, но уж точно не занимались с карандашом в руках просмотром списков на арест.

Возвращаясь к посланному из министерства в аппарат ЦК проекту приказа, стоит отдельно напомнить о том, что речь в нем идет не просто о вузе, а о Ленинградском университете в момент раскручивания «ленинградского дела». А все, что касалось Ленинграда, находилось тогда под бдительным контролем секретаря ЦК Г. М. Маленкова.

Лишь с конца лета 1949 г., когда Г. М. Маленков выделил в помощь В. М. Андрианову для чистки в Ленинграде группу сотрудников Управления кадров ЦК ВКП(б) и КПК[448], а труд по ликвидации «попковского охвостья» принял невиданные масштабы, Секретариат ЦК ограничился проведением решений о переменах на номенклатурных должностях.

В подтверждение тезиса о вовлеченности секретаря ЦК Г. М. Маленкова в процесс принятия решения по профессорам Ленинградского университета приведем доступное нам свидетельство о его участии годом позднее в судьбе декана филологического факультета МГУ академика В. В. Виноградова. 9 мая 1950 г. газета «Правда» сообщала:

> «В связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты "Правда" свободную дискуссию с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области»[449].

Как известно, именно эта публикация стала первой ласточкой дискуссии, в которой 20 июня 1950 г. выступил корифей всех наук И. В. Сталин. И именно в связи с этими событиями стоит рассматривать докладную записку, которая была подана 13 мая 1950 г. за подписями М. А. Суслова, Д. М. Попова, С. В. Кафтанова, А. Н. Несмеянова и В. С. Кружкова секретарю ЦК Г. М. Маленкову:

---

[446] Н. Ф. Бельчиков подавал в ЦК ВКП(б) обширные материалы (характеристики, копии приказов и т. п.) на некоторых ученых, в том числе на М. К. Азадовского, Г. А. Гуковского и Б. М. Эйхенбаума; но это делалось уже летом 1949 г., после их увольнения.

[447] [Служебная записка инструкторов Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В. Н. Николаева и П. Г. Федунова заведующему Отделом пропаганды и агитации ЦК Д. Т. Шепилову о непорядках в работе Сектора художественной литературы. Б. д.] // Сталин и космополитизм. С. 572.

[448] «Ленинградское дело». С. 104–105.

[449] Цит. по: *Алпатов В. М.* Указ. соч. С. 166.

«Направляем Вам проект приказа Министерства высшего образования СССР о восстановлении академика В. В. Виноградова в должности декана филологического факультета Московского государственного университета.

Академик Виноградов в беседе с ректором университета т. Несмеяновым выразил согласие работать деканом факультета»[450].

При этом был препровожден проект приказа о восстановлении Виктора Владимировича в должности:

«В 1948 г. научная деятельность академика Виноградова В. В. подверглась резкой, но мало обоснованной критике, в результате чего академик Виноградов подал заявление об освобождении его от обязанностей декана филологического факультета Московского государственного университета. Министерство высшего образования, тщательно не проверив мотивов заявления академика Виноградова, допустило ошибку, назначив, по предложению ректора университета, нового декана факультета.

Приказываю:

Восстановить в должности декана филологического факультета Московского университета академика В. В. Виноградова, как неправильно освобожденного в 1948 году.

В связи с этим освободить проф[ессора] Чемоданова от обязанностей декана филологического факультета МГУ, сохранив за ним руководство кафедрой общего языкознания в университете.

С. Кафтанов»[451].

После того как Г. М. Маленков рассмотрел лично этот приказ (на документе сохранилась правка его рукой), текст был переработан в аппарате Георгия Максимилиановича. Теперь вводный абзац выглядит совсем иначе:

«Министерство высшего образования СССР допустило ошибку, освободив, по предложению ректората Московского государственного университета, в сентябре 1948 года видного ученого, академика Виноградова В. В. от обязанностей декана филологического факультета университета и назначив другого декана»[452].

Ознакомившись с окончательным вариантом, Г. М. Маленков распорядился исключить лишь слова «и назначив другого декана», которые были вычеркнуты, после чего, как свидетельствует запись сотрудника его аппарата, «текст приказа передан т. Кафтанову по телефону»[453].

Несомненно, что вниманием Г. М. Маленкова к своей персоне Виктор Владимирович обязан был, прежде всего, озабоченностью Сталина вопросами языкознания и подготовкой своего выступления в «Правде».

В апреле 1949 г. вопрос Ленинградского университета, бывший ректор которого станет далеко не последней фигурой в «ленинградском деле», без всяких сомнений, не ускользнул от внимания Г. М. Маленкова — секретарь ЦК с большой долей вероятности был лично ознакомлен с ситуацией в Ленинградском университете и одобрил проект будущего разрушительного приказа министра. А в мае (что подкрепляется выявленными документами) Г. М. Маленков лично проконтролировал разрешение ситуации, сложившейся в Пушкинском Доме.

---

[450] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 132. Д. 382. Л. 35.
[451] Там же. Л. 36.
[452] Там же.
[453] Там же.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР ПРИНЯЛО РЕШЕНИЕ

Во вторник, 26 апреля 1949 г., ректор ЛГУ Н. А. Домнин подписал следующий приказ:

«26 апреля 1949 года выбываю в служебную командировку в г. Москву. Обязанности ректора на время моей командировки возлагаю на проректора по научной работе профессора С. В. Калесника»[454].

А 29 апреля, когда ректор был в Москве, начальник ГУУ МВО СССР профессор К. Ф. Жигач подписал приказы об освобождении некоторых сотрудников Ленинградского университета от работы. Вернувшись 3 мая в Ленинград, ректор провел их по ЛГУ, каждый фигурант кампании был удостоен персонального приказа. Профессорам филологического факультета были посвящены три из них:

Приказ № 794:

«1. Доводится до сведения приказ по Главному управлению университетов Министерства высшего образования СССР за № 236/УК от 29-го апреля 1949 года: "Освободить профессора Гуковского Г. А. от работы в Ленинградском государственном университете, как не справившегося с работой и допускавшего крупные идеологические ошибки в своей научно-педагогической работе. Начальник Главного Управления Университетов, член коллегии Министерства высшего образования СССР проф[ессор] К. Жигач".

2. Во исполнение приказа по Главному управлению университетов Министерства высшего образования СССР за № 236/УК от 29/IV-49 г. считать отчисленным профессора, зав. кафедрой русской литературы Гуковского Г. А. с 5-го мая 1949 года»[455].

Приказ № 796:

«1. Доводится до сведения приказ по Главному управлению университетов Министерства высшего образования СССР за № 238/УК от 29-го апреля 1949 года: "Освободить профессора Азадовского М. К. от работы в Ленинградском государственном университете, как не справившегося с работой и допускавшего крупные идеологические ошибки в своей научно-педагогической работе. Начальник Главного Управления Университетов, член коллегии Министерства высшего образования СССР проф[ессор] К. Жигач".

2. Во исполнение приказа по Главному управлению университетов Министерства высшего образования СССР за № 238/УК от 29/IV-49 г. считать отчисленным профессора, зав. кафедрой фольклора Азадовского М. К. с 5-го мая 1949 года»[456].

Приказ № 797:

«1. Доводится до сведения приказ по Главному управлению университетов Министерства высшего образования СССР за № 233/УК от 29-го апреля 1949 года: "Освободить от должности заведующего кафедрой Западноевропейских литератур Ленинградского государственного университета профессора Жирмунского В. М., как не справившегося с руководством кафедрой и допускавшего идеологические ошибки в своей учебной и научной работе. Начальник Главного Управления Университетов, член коллегии Министерства высшего образования СССР проф[ессор] К. Жигач".

---

[454] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 745 от 26 апреля 1949 г.

[455] Там же. Приказы ректора. № 794 от 3 мая 1949 г.

[456] Там же. Приказы ректора. № 796 от 3 мая 1949 г. Фрагмент приведен в кн.: Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954. С. 111. Примеч. 1.

> 2. Во исполнение приказа по Главному Управлению Университетов Министерства высшего образования СССР за № 233/УК от 29/IV-49 г. освободить от обязанностей зав. кафедрой западноевропейских литератур проф[ессора] Жирмунского В. М. с 5-го мая 1949 г., оставив его в должности профессора этой же кафедры с окладом 5500 руб. в месяц»[457].

Хотя В. М. Жирмунского от изгнания из университета спасло его академическое звание, Виктор Максимович, имея основным местом работы Академию наук, после пережитого уже сам не пожелал возвращаться в ЛГУ. Завершив семестр, он использовал очередной отпуск (с 1 июля по 26 августа)[458], после чего подал заявление об отпуске без сохранения содержания «в связи с сильным нервным переутомлением и с большой загрузкой по месту основной работы». Ректор подписал приказ о предоставлении отпуска с 1 сентября 1949 г. по 1 января 1950 г.[459], но еще до момента его истечения — 12 декабря 1949 г. — исполняющий обязанности ректора ЛГУ профессор М. И. Артамонов подписал другой приказ:

> «Жирмунского В. М. — профессора кафедры зарубежной литературы освободить от занимаемой должности с 1 декабря 1949 года в связи с переводом на основании приказа по Главному управлению университетов МВО СССР за № 633/УК от 16 ноября 1949 года на работу в 1-й Ленинградский Педагогический институт иностранных языков»[460].

Таким образом, В. М. Жирмунский был уволен из университета с 1 декабря 1949 г. Что же касается приказа о переводе, то министерство сначала долго отмалчивалось, а 14 февраля 1950 г. вообще отменило свой приказ. Но к тому времени Виктор Максимович не имел отношения к филологическому факультету, а вакансии для него уже не нашлось.

Таким образом, власть рассчиталась с тремя участниками «квадриги космополитов». Отчего же ни в решении коллегии, ни в последовавших оргвыводах не отражена судьба главного обвиняемого, который побивался без всякого стеснения с августа 1946 г., — профессора Б. М. Эйхенбаума? Объясняется это тем, что он был сочтен практически умершим — с февраля болезнь приковала его к постели. Считаем нелишним рассказать об этом особо.

ИНФАРКТ Б. М. ЭЙХЕНБАУМА ОТОДВИНУЛ РАСПРАВУ

Борис Михайлович слег еще до весенних проработок. И хотя серьезные трудности со здоровьем испытывали все четверо, особенно критическое состояние было именно у профессора Б. М. Эйхенбаума. Конечно, это не могло спасти его от поруганья, поскольку о милосердии в таких вопросах речи не шло, но его положение неминуемо рождало ряд трудностей у организаторов. Основная — непосещение им всех проработочных заседаний и, соответственно, отсутствие всякой реакции на критику. Такая трудность была преодолена чисто по-большевистски: на него валили как на мертвого.

---

[457] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 797 от 3 мая 1949 г.
[458] Там же. Приказы ректора. № 1278 от 23 июня 1949 г.
[459] Там же. Приказы ректора. № 2037 от 7 сентября 1949 г.
[460] Там же. Приказы ректора. № 2974 от 12 декабря 1949 г.

Лечением профессора занималась старшая сестра Л. М. и Ю. М. Лотманов — Виктория Михайловна (Ляля):

> «Ляля лечила и Б. М. Эйхенбаума; в результате травли, которой он подвергся, у него возник тяжелейший инфаркт (собственно, три инфаркта подряд). Его считали безнадежным больным — было даже распоряжение хоронить его “по первому разряду”, чем Борис Михайлович впоследствии “гордился”. Лежал он дома, в квартире, которая помещалась в известной “писательской надстройке” на канале Грибоедова. Ляля посещала его ежедневно в течение двух месяцев и его лечение в домашних условиях описала в своей статье “Тактика врача при инфаркте миокарда“. В ней Борис Михайлович фигурировал как “больной Э.”. Поправившись, он шутил, что стал героем публикации и проник в печать»[461].

Возможная смерть опального профессора волновала руководство как на факультете, так и в Пушкинском Доме. Озабоченный Г. П. Бердников послал в МВО следующий запрос: «Как быть с Эйхенбаумом, если он умрет раньше, чем его разоблачат? Хоронить его как космополита или как профессора?»[462] Было дано распоряжение упокоить как профессора.

Л. Я. Гинзбург приводит сведения о параллельных «приготовлениях» в Пушкинском Доме: «В 1949-м у Эйхенбаума был второй инфаркт. А. П. (видная проработчица)[463], ездившая в Москву, сообщила пушкинодомской дирекции, что, если Б[орис] М[ихайлович] умрет, приказано похоронить его по первому разряду»[464].

Юрий Михайлович Лотман вспоминал:

> «Б. М. Эйхенбаум был *свободный* человек, и это особенно раздражало. За выдержку и постоянную улыбку Эйхенбаум заплатил дорогой ценой: у него был тяжелый инфаркт и мозговая эмболия. Ухоженный и очень знаменитый врач Союза писателей, выходя из его кабинета и поправляя перед зеркалом галстук, произнес: “Мы, конечно, больше не увидим нашего дорогого Бориса Михайловича”. Буквально из могилы Эйхенбаума вытащила Виктория Михайловна Лотман — тогда молодой, но уже известный в Ленинграде врач. Она неделями не отходила от его кровати»[465].

Дочь Б. М. Эйхенбаума вспоминала:

> «...Врач Литфонда Резник, дав мне валерьянки, сказал, что у Бориса Михайловича агония, никаких надежд нет. Он придет завтра дать справку.
>
> Я разыскала сестру Ю. М. Лотмана, врача, она прежде лечила папу, но и она сказала, что у нее нет средств помочь, — остается надеяться на организм: может быть, он справится. А у нас в соседней квартире жила вдова поэта Князева, детский врач. Была ночь, но я разбудила ее: “Катя, посмотри его — может быть, что-то можно сделать, ведь он еще живой”. Она пришла — папа лежал совершенно желтого цвета, это был почти не живой человек, вид ужасный и пульс ужасный. Она сказала: “У меня есть одна ампула очень сильного английского лекарства. Впрыскивать в вену я боюсь, а под кожу впрысну все-таки, хуже не будет”. Это был строфантин. Она сделала укол и ушла спать, а я села около папы и стала ждать,

---

[461] *Лотман Л. М.* Мои воспоминания о брате Юрии Михайловиче Лотмане: Детские и юношеские годы // Лотмановский сборник. М., 1995. [Сб.] 1. С. 148. В очерке о Б. М. Эйхенбауме Л. М. Лотман завершает этот мемуар иначе: «Б. М. смеялся, узнав об этой статье. Он говорил, что он, несмотря на все запреты, проник в печать, и его даже поставили другим в пример» (*Лотман Л. М.* Воспоминания. СПб., 2007. С. 130).

[462] *Водолазкин Е. Г.* Сеанс с разоблачением // Новая газета. М., 2009. № 31. 27 марта. С. 18.

[463] Речь идет о секретаре партбюро ИЛИ А. И. Перепеч.

[464] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки... С. 303.

[465] *Лотман Ю. М.* Воспоминания. С. 348. Выделено в публикации.

погрузилась в какое-то полубессознательное состояние. Через какое-то время я услышала хрип — было страшно открыть глаза, но я открыла и вижу: папа лежит бледный, но уже не желтый, и спит, похрапывая. И я тоже немножечко поспала. Потом проснулась — папа смотрит на меня. Он спросил: "Оля, я умираю?" Я говорю: "Нет, смерть была близка, но сейчас ушла, и теперь уж, пожалуйста, вылезай". И папа, как дети, наплакавшись, судорожно так вздохнул — не просто вздох, а вздох облегчения — и заснул.

И после этого дело пошло потихоньку, потихоньку на поправку. Месяц он пролежал дома. Приходили Катя Князева, доктор Лотман. Резника я не пустила, открыла дверь, сказала: "Борис Михайлович жив!" — и закрыла дверь. А потом по просьбе В. А. Десницкого папу взяли в Свердловскую больницу — там он пролежал два месяца в замечательных условиях, там были замечательные врачи. Кстати сказать, Десницкий очень помог, еще когда у папы был первый инфаркт, перевезти его с дачи: выхлопотал медицинскую машину с носилками, и папу перевезли в лежачем положении... А теперь из больницы его отправили в санаторий. За Сестрорецком. А потом я перевезла его в Дом творчества в Комарове[466] — в общем, дома он не был полгода, лечился и в конце концов встал на ноги, но не знал, что во время болезни его отовсюду уволили. Когда уже кончался срок его пребывания в Доме творчества, он спрашивал всех друзей, что ему выбрать, потому что две службы ему уже не осилить. Я безумно боялась, что кто-нибудь скажет ему, что он отовсюду уволен.

В город мы его перевозили вместе с Г. А. Бялым. Когда дома сели пообедать, папа опять обратился к нему: "Гриша, вы мой друг, что вы мне посоветуете?" И Григорий Абрамович сказал: "Борис Михайлович, не беспокойтесь вы, ради Бога, вы совершенно свободный человек, вы нигде не работаете. Ни в Пушкинском Доме, ни в университете. Можете спокойно отдыхать дома". Мы посмеялись, потом Гриша уехал, а папа помрачнел и сказал: "Оля, как мы будем жить? " Я говорю: "Ничего, папочка, как-нибудь перевернемся, что-нибудь продадим..." Продали часть библиотеки, Димочкин рояль. Правда, рояль был старый, продали очень дешево. Но через какое-то время назначили пенсию, и на эти деньги можно было существовать»[467].

2 июня 1949 г. Борис Михайлович, еще не зная об увольнении отовсюду, писал Ю. Г. Оксману:

«На этот раз я, действительно, чуть не помер. Врачи говорили, что я "переплюнул" медицину, п[отому] ч[то] по (их) законам я должен был кончиться. Месяц я пролежал дома, а с 29 марта — в больнице. Теперь все благополучно: 5-го я переезжаю в санаторий, где пробуду июнь и июль. Это в Сестрорецком курорте — так называемый "лесной санаторий" в парке на берегу. Навестишь меня? Было бы неплохо. Как и где буду работать с осени, еще не знаю. В Институте — мерзость запустения. В науке царит Пиксанов — Жавер (из "Отверженных"). В Университете мне трудно — сил нет читать лекции и пр. Я все-таки сломался. Писать мне тоже еще трудно — нервы не в порядке»[468].

Уточнить, как именно «проник в печать» Б. М. Эйхенбаум, удалось благодаря просмотру «Летописи журнальных статей», в которой и зафиксирована статья В. М. Лотман

[466] Б. М. Эйхенбауму удалось тогда отдыхать в Комарове за половинную стоимость: 28 сентября 1949 г. правление ЛО Литфонда приняло решение «заполнить Дом творчества писателей на льготных условиях в октябре и ноябре месяцах с предоставлением скидки за счет имеющихся средств», и тогда же было решено «предоставить путевку на 26 дней со скидкой 50% Эйхенбауму Б. М.» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 372 (ЛО Литфонда СССР). Оп. 1. Д. 21. Л. 50, 51).

[467] Из воспоминаний О. Б. Эйхенбаум. С. 636–638.

[468] *Тоддес Е. А.* Указ. соч. С. 651.

«О врачебной тактике при инфарктах миокарда»[469]. Напечатана она была в авторитетном столичном журнале «Клиническая медицина». Приведем интересующий фрагмент:

«Ведущим моментом, определяющим тактику врача у койки больного с инфарктом миокарда, является активная борьба с шоком. Врач не может быть пассивным созерцателем тяжелых страданий этих больных. Активная пропаганда необходимости предоставления покоя больным с инфарктом миокарда привела некоторых врачей к неправильному выводу, что их миссия заключается лишь в том, чтобы предоставить больным максимальный покой.

Приводим пример, иллюстрирующий неправильные тактические действия врача у постели больного.

У больного Э., 65 лет, 7.II.1949 г. возник приступ очень сильных болей в груди, длившийся двое суток и сопровождавшийся очень тяжелым шоковым состоянием с резчайшим падением артериального давления (максимальное давление 40 мм, минимальное не определялось). Врач неотложной помощи расценил состояние больного как агонию. Сделав инъекцию камфары с морфином и сообщив родным о безнадежном состоянии больного, он оставил его дома. Родные больного обратились за помощью в ближайшую больницу. Врач больницы произвел больному капельное вливание противошоковой жидкости в количестве 250 мл, ввел внутривенно строфантин с глюкозой, обеспечил круглосуточное дежурство медицинской сестры, систематически вводившей внутримышечно кардиазол. Этими мероприятиями удалось вывести больного из состояния шока, которое сменилось затем тяжелым психическим и моторным возбуждением. Хорошая организация поликлиникой медицинской помощи на дому дала возможность справиться и с этим не менее грозным осложнением. В дальнейшем наблюдалось обычное для инфаркта миокарда течение с субфебрильной температурой и ускорением РОЭ. Больной был госпитализирован через 4 недели. Инфаркт задней стенки левого желудочка был подтвержден электрокардиограммой. Больной поправился и в настоящее время ведет активный образ жизни»[470].

Именно по причине болезни, которая, как ожидалось, сама уведет Бориса Михайловича из жизни, приказа о его увольнении тогда подписано не было. Впрочем, по его относительном выздоровлении дело было сразу исправлено. Если 11 июля 1949 г. ректор ЛГУ подписал приказ, в котором Б. М. Эйхенбаум признан «приступившим к работе с 30 июня»[471], то вскоре был подписан и приказ об увольнении его с 1 июля 1949 г. «как не справившегося с работой и допустившего крупные идеологические ошибки в своей педагогической и научной работе»[472].

А. С. БУШМИН НЕЙТРАЛИЗУЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «ОДНОРОДНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ»

После разоблачения четверки космополитов в Институте литературы необходимо было разобраться и с оставшимися двумя евреями на руководящих постах — Л. А. Плот-

[469] Летопись журнальных статей. М., 1952. № 7. С. 38, № 6736.

[470] *Лотман В. М.* О врачебной тактике при инфарктах миокарда // Клиническая медицина. М., 1952. Т. XXX. № 1. Январь. С. 81.

[471] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 1446 от 11 июля 1949 г.

[472] Там же. Приказы ректора. № 1645 от 27 июля 1949 г.

киным и Б. С. Мейлахом. 8 мая 1949 г. состоялось заседание Ученого совета института, на котором этот вопрос был рассмотрен; однако решение было принято заранее.

Еще 18 апреля состоялось заседание партбюро института, где были разобраны персональные дела этого дуэта. Поскольку к тому времени партбюро состояло из трех человек — А. И. Перепеч, А. С. Бушмина и П. Г. Ширяевой (Л. А. Плоткин и Б. С. Мейлах были выведены из его состава[473]), то было решено провести расширенное заседание совместно с партактивом. Поскольку судьба Л. А. Плоткина и Б. С. Мейлаха была предрешена в райкоме ВКП(б), то нужно было лишь утвердить решение для будущего партсобрания[474].

Общее собрание парторганизации состоялось 19 апреля. В президиуме — А. С. Бушмин (председатель) и В. Г. Базанов (секретарь). Докладывала парторг института А. И. Перепеч. Первым было рассмотрено персональное дело Л. А. Плоткина:

> «СУТЬ ДЕЛА: Выполняя обязанности директора Института литературы, Л. А. Плоткин не проявил должных качеств большевика-руководителя, не только не боролся по существу с безродными космополитами-формалистами, а даже поддерживал их, не прислушивался к сигналам коммунистов и отдельных беспартийных ученых, и безразличным отношением к этим сигналам по существу зажимал в институте здоровую критику и самокритику. В подборе, воспитании и расстановке кадров научных работников т. Плоткин не руководствовался принципами партийности, что привело к засорению института людьми, неспособными двигать вперед советское литературоведение, а в ряде отделов — к полному отсутствию молодых кадров (сектор фольклора, западных литератур, новой литературы), в результате план института за 1948 год выполнен только на 28%.
>
> Обсудив этот вопрос, партбюро вынесло решение — объявить члену ВКП(б) тов. Плоткину Л. А. строгий выговор с занесением в учетную партийную карточку. Предыдущим собранием т. Плоткин выведен из состава Партбюро.
>
> Слово предоставляется тов. Плоткину.
>
> Тов. ПЛОТКИН — признает свои политические ошибки и говорит об их источнике, о притуплении чувства партийности. Ошибался, когда думал, что ученые-формалисты могут перестроиться. Критику, с которой он (Плоткин) выступал, считает несостоятельной и беспринципной. Не прислушивался к выступлениям коммунистов, в частности, не учел правильной критики на Ученом совете (выступление тов. Бушмина). Не выполнял указаний райкома, когда вопрос шел о снятии Эйхенбаума. Не было связи с партийной организацией. Выращивание молодых кадров шло неправильно. На руководящей работе оставались космополиты, они определяли тон и характер работы института. В результате в работе института имеются огромные провалы. Главнейшие работы оказались необеспеченными. Институт оказался в трудном положении. План не выполнен. Имеются в личных работах недостатки и ошибки.
>
> Тов. Плоткин заверяет партийное собрание, что в дальнейшей своей работе оправдает доверие партии.
>
> Вопросы: Т. ШИРЯЕВА — Где в дальнейшем собираетесь работать?
>
> Ответ: — Куда пошлет партия, там и буду работать»[475].

---

[473] Заседание партбюро, на котором Л. А. Плоткин и Б. С. Мейлах были выведены из состава партбюро, состоялось, в конце первой декады апреля, когда в Пушкинский Дом приезжал Ф. М. Головенченко; протокол этого заседания (№ 10), по-видимому, Ф. М. Головенченко увез с собой, и он отсутствует в архивном деле (ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 2. Д. 8).

[474] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 9. Л. 10–14.

[475] Там же. Д. 6. Л. 15–15 об.

Затем последовало небольшое обсуждение:

«Тов. ГРИГОРЬЯН — Тов. Плоткин должен нести суровую партийную ответственность за потерю чувства партийности, за серьезные политические ошибки, за невыполнение плана научных работ, за порочную расстановку кадров.

Тов. БАБКИН — т.т. Плоткин и Мейлах не рядовые коммунисты, а руководители. Они отвечают и за институт, и за литературоведение. У нас в стране существует хороший обычай — за хорошие дела поощрять, а за плохие наказывать. Мы неправильно бы поступили, если бы из ложного чувства сострадания не сказали бы прямо о том положении, которое создалось в институте. За развал работы несут в первую очередь ответственность Плоткин и Мейлах. Они вполне заслужили этой меры наказания, какую вынесло партийное бюро.

Тов. БУШМИН — Партбюро старалось учесть все факты, которые характеризуют деятельность тов. Плоткина, как руководителя института. Партбюро учло, что тов. Плоткин в своих последних выступлениях нашел мужество признать свои ошибки.

Тов. ПАПКОВСКИЙ — Как публицист и как ученый тов. Плоткин еще может принести пользу. И, если тов. Плоткин осознал свои ошибки, то он сумеет перестроиться, поэтому я согласен с решением партбюро»[476].

Вопрос невыполнения Институтом плана был списан на тех, чья судьба решилась ранее:

«Тов. ГОРОДЕЦКИЙ — Говорит, что в решении бюро райкома указано, что план института за 1948 год выполнен на 28 %, а тов. Плоткин говорит — на 95 %. Но дело не в процентах, качество порочное. Идейные ошибки не измеряются процентами.

Тов. БЕЛЬЧИКОВ — Тов. Плоткин доверился зав[едующим] секторами, в результате невыполнение плана, со стороны тов. Плоткина злостного очковтирательства не было»[477].

«ПОСТАНОВИЛИ: За потерю чувства партийности и серьезные политические ошибки, допущенные в руководстве институтом, за невыполнение плана научных работ института, за примиренческое отношение к ряду научных сотрудников института, допускавших в своих работах грубые извращения буржуазно-объективистского, антимарксистского, формалистического и космополитического характера, за порочную практику к подбору, расстановке и воспитанию кадров — объявить члену ВКП(б) Льву Абрамовичу Плоткину строгий выговор с занесением в учетную карточку и просить бюро Василеостровского райкома ВКП(б) утвердить это решение.

Постановление принято единогласно»[478].

Следующим рассмотрели персональное дело Лауреата Сталинской премии Б.С. Мейлаха:

«СУТЬ ДЕЛА — Тов. Мейлах, будучи зав[едующим] сектором новой литературы, не обеспечил выполнение плана научных работ сектора, примиренчески относился к ряду работников сектора, стоявших на антимарксистских позициях, не обеспечил подготовку кадров пушкинистов. Предыдущим собранием т. Мейлах выведен из чл[енов] партбюро. Партбюро вынесло решение — объявить тов. Мейлаху выговор с занесением в учетную партийную карточку.

Тов. МЕЙЛАХ — говорит, что он не организовал большевистской борьбы в работе сектора новой литературы с представителями враждебных концепций, если и была с его

---

[476] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 9. Л. 15 об. – 16.
[477] Там же. Л. 16 об.
[478] Там же.

(Мейлаха) стороны критика, то она была обтекаемой. В ряде томов "Истории литературы" оказались статьи порочные (Эйхенбаума о Толстом). К пушкинскому юбилею не выйдет VI том (Пушкинский), хотя над ним много работал как редактор. В томе не отвергнуты ошибочные статьи Гуковского. Я занимался больше своей личной научной работой, а коллективные работы представил на самотек. Правильно указывали и на ошибки в моих печатных работах. Я в своей дальнейшей работе постараюсь сделать все, чтобы исправить ошибки. Из критики я сделал для себя и моральные, и политические выводы. Суровую критику я воспринимаю как помощь и руководство. В VI том я должен написать главу о Пушкине. "Пушкинский временник" будет в ближайшее время сдан в производство.

ВЫСТУПЛЕНИЯ:

Тов. ПАПКОВСКИЙ — В секторе новой литературы критика велась в обтекаемой форме. Критика профессора Бялого не была острой, а ограниченной. Тов. Папковский считает решение партбюро правильным.

Тов. ШИРЯЕВА — Вчера на партбюро с активом подробно говорили о том, что тов. Мейлах не содействовал разгрому космополитов, развалил работу отдела, оторвался от парторганизации, в работе партбюро не участвовал. Тов. Мейлах должен был активно участвовать в общественной жизни, в пропаганде среди широких масс. Тов. Мейлах должен выступить с критикой научно-исследовательской работы. Нужно, чтобы из Академии общественных наук при ЦК пришли к нам в институт окончившие аспирантуру. Тов. Мейлах должен помочь тов. Бурсову в налаживании работы сектора новой литературы.

Тов. КОВАЛЕВ — Согласен с решением партбюро и считает необходимым сделать выводы относительно работы всей парторганизации. За это время мы все выросли. Мы должны безоговорочно выполнять решения партии. Тов. Маленков говорит о необходимости усиления большевистской партийности. Товарищам Плоткину и Мейлаху нужно еще и еще раз подумать, как важна большевистская партийность.

ПОСТАНОВИЛИ: За притупление чувства партийности в руководстве сектором новой русской литературы, за невыполнение плана научных работ сектора, за примиренческое отношение к ряду работников сектора, стоявших на антимарксистских позициях, за необеспечение подготовки кадров пушкинистов, — объявить члену ВКП(б) Б. С. Мейлаху выговор с занесением в учетную партийную карточку и просить бюро Василеостровского райкома ВКП(б) утвердить настоящее решение[479].

Постановление принято единогласно»[480].

7 мая 1949 г. состоялось заседание Ученого совета Пушкинского Дома, на котором как Л. А. Плоткину, так и Б. С. Мейлаху была представлена трибуна для публичного покаяния. Судьба бывшего и. о. директора Л. А. Плоткина к тому времени была предрешена: он того же 7 мая написал заявление об увольнении из Института литературы. Кроме того, партийное руководство города подало ему руку помощи — горком партии гарантировал ему профессорское место на филологическом факультете, куда он был зачислен совместителем в начале 1948/49 учебного года, а 8 июня 1949 г. ему в Пушкинском Доме будет выдана характеристика без всяких упоминаний о его политической несостоятельности[481].

---

[479] Бюро ВО РК ВКП(б) утвердило такое решение; партвзыскание было снято с Б. С. Мейлаха собранием парторганизации ИРЛИ 3 июня 1953 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 6. Д. 2. Л. 32 об. – 33).

[480] Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 16 об. – 17.

[481] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 742. Л. 19.

Лауреат Сталинской премии Б. С. Мейлах был в Пушкинском Доме оставлен на должности старшего научного сотрудника. Из старого руководства еще сохраняла свои властные полномочия лишь парторг А. И. Перепеч, но и ее судьба была предрешена[482].

8 мая 1949 г., во второй день заседания Ученого совета, А. С. Бушмин выступил с заключительным словом уже на правах победителя. Его речь мы приводим по конспекту в архиве ученого:

«К выступлению на заседании Ученого Совета 8.V.49.

Мне хотелось бы предварительно сделать небольшие замечания по поводу некоторых выступлений.

На вчерашнем заседании Л. А. Плоткин сделал два выступления, которые лишний раз и очень ярко проясняют облик бывшего руководителя нашего учреждения.

В первом выступлении Л. А. Плоткин отмежевывался от тех, кому он долго покровительствовал, от носителей системы формалистических и антипатриотических воззрений — от Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского, М. К. Азадовского и Г. А. Гуковского. Казалось, что Л. А. Плоткин порывает с тактикой покровительства формализму, что он присоединяется к основной массе нашего коллектива, решив коренным образом улучшить обстановку в институте.

Во втором своем выступлении Плоткин начисто разрушил зародившееся у слушателей впечатление о том, что он, Л. А. Плоткин, становится отныне иным, переродившимся человеком. В этом втором выступлении, завершившим вчерашнее заседание сильным шумовым эффектом, Л. А. Плоткин изобразил себя рыцарем справедливости, незаслуженно оскорбленным. Он представил дело так, что его просто травит какая-то группа нехороших людей. Л. А. Плоткин применил в данном случае тот же коварный метод борьбы с общественной и партийной критикой, который формалисты-эстеты и Плоткин применяли многократно в институте.

Они, руководствуясь семейно-групповыми интересами, всемерно декларировали себя блюстителями общественных интересов, а своим противникам, действительным выразителям общественных, партийных интересов, приписывали то, чем были заражены сами, — личную и групповую неприязнь, моральную неполноценность и пр.

Выдумку Л. А. Плоткина о том, что его незаслуженно травит какая-то злопамятная группа, опровергнуть очень легко. Я просто попрошу Л. А. Плоткина назвать хотя бы одно имя из тех, кто его тоже хвалит, кто тоже находится в рядах его группы.

Нет таких людей. Вас осуждает весь коллектив и на достаточном основании. В первом выступлении вы отмежевались от космополитов, с которыми сближались прежде, во втором выступлении вы отмежевались от здорового коллектива, но и Б. М. Эйхенбаум,

[482] Поскольку А. И. Перепеч 13 лет руководила парторганизацией Пушкинского Дома, то имела поддержку в горкоме ВКП(б), однако с ходом «ленинградского дела» и падением Н. Д. Синцова она ее окончательно потеряла; и если на перевыборах 28 сентября 1949 г. она и вошла в обновленный состав партбюро, то уже 27 декабря на партийном собрании Института рассматривалось персональное дело А. И. Перепеч. Ей вменялось систематическое невыполнение плана научной работы и фальсифицирование отчетов, «кроме того, тов. А. И. Перепеч представила для X тома "Истории русской литературы" работу о Вересаеве, которая оказалась заимствованной из рукописной статьи Сермана по тому же вопросу и отвергнутой в свое время сектором советской литературы ввиду ее научной недоброкачественности, а также ввиду ареста Сермана органами государственной безопасности» (ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 2. Д. 6. Л. 72 об.; «Места из статьи А. И. Перепеч «В. В. Вересаев», списанные с одноименной статьи И. З. Серман» — см.: Там же. Д. 9. Л. 42–48). В результате было принято постановление о выведении А. И. Перепеч из состава партбюро и вынесением ей выговора без занесения в личное дело.

В. М. Жирмунский, М. К. Азадовский, Г. А. Гуковский вас теперь явно не примут в свое лоно. Двойственная позиция вас привела к страшному положению, к полному одиночеству. Ваше, тов. Плоткин, длительное неверное поведение таило в себе заключенное возмездие, и вы напрасно ищете вокруг себя людей злого умысла. <...>

Второе замечание сделаю по поводу разногласных выступлений о сущности ошибок Г. А. Бялого. Было высказано мнение, что В. А. Ковалев преувеличил ошибки Г. А. Бялого. В. А. Ковалев в своем выступлении высказал некоторые спорные положения, которые не могут служить основанием для обвинений проф[ессора] Бялого, (о Рудине, Инсарове), но, в общем, он верно указал на наличие формально-эстетской и антипатриотической тенденции в работах Г. А. Бялого.

Если мы говорим о решительном разоблачении эстетства и космополитизма в литературоведении, то это обязывает нас разоблачить не только уже определившихся формалистов-эстетов, но и формирующихся. Мера ответственности тех и других различная, но критика тех и других совершенно необходима. Наше литературоведение совсем не заинтересовано в появлении достойных генераций формалистов. Г. А. Бялый, конечно, талантливый ученый, но его книга о реализме конца XIX в., если судить по прочитанным отрывкам, касающимся творчества Г. Успенского, дает формально-эстетскую концепцию истории литературного процесса. Поскольку до Ковалева в стенах нашего института не было развернутой критики ошибок проф[ессора] Бялого, постольку выступление Ковалева является полезным и для всех нас и для проф[ессора] Бялого. <...>

В университете он выступил с продуманной критикой своих взглядов, если бы он это дополнил еще заявлением о разрыве с теми космополитами, с которыми он временами смежался, то можно бы считать, что на первый раз вопрос об ошибках Г. А. Бялого решен и коллективом и лично Г. А. Бялым удовлетворительно.

И, наконец, третье замечание. О необходимости перестройки воззрений носителей формализма в нашем институте говорилось и прежде. На поверку оказалось, что некоторые вместо перестройки перестраивали и свой формализм. Таковы Ж[ирмунский], А[задовский], Эйх[енбаум], Гук[овский].

Применительно к лицам, способным перестраиваться, закономерность требовать перестройки целесообразна и в дальнейшем, и целесообразно используя отводимые для перестройки сроки.

Но вместе с тем следует решительно заявить, что институт не санаторий для врачевания умов, поврежденных буржуазным эстетством. Слишком уж затянулось для некоторых санитарное состояние. И надо не допускать, чтобы в делании вида перестройки по марксистско-ленинскому образцу люди в стенах института достраивали формализм, перестраивали формализм во имя его спасения»[483].

УВОЛЬНЕНИЕ КОСМОПОЛИТОВ ИЗ ПУШКИНСКОГО ДОМА

В Институте литературы Академии наук процесс увольнения ученых имел иную последовательность, нежели в университете. Разоблаченные космополиты увольнялись постепенно, а формальной причиной для такой меры стал КЗОТ — Кодекс законов

[483] ПФА РАН. Ф. 1086 (А. С. Бушмин). Оп. 1. Д. 225. Л. 8–11. Черновики химическим карандашом. Автограф.

о труде РСФСР, подписанный М. И. Калининым еще в ноябре 1922 г. А именно, пользуясь положением пункта «ж» статьи 47, которой нанимателю давалась возможность расторгать трудовой договор «в случае непосещения работы, вследствие временной утраты нанявшимся трудоспособности по истечении двух месяцев со дня утраты таковой...». Поскольку многие получали инфаркты, то эта статья оказалась востребованной.

Решения же о самом факте увольнения принимались, конечно, не в Ленинграде — они принимались в Москве. Новый директор Пушкинского Дома Н. Ф. Бельчиков почти весь май 1949 г. пробыл в столице и приехал в Ленинград только в двадцатых числах для участия в пушкинских торжествах.

Перед отъездом в Москву он подписал приказ о кадровых перестановках:

> «§ 1. Ученого секретаря Института литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР Б. П. Городецкого назначить с 15 апреля с. г. заместителем директора Института, освободив его от обязанностей ученого секретаря института.
>
> § 2. Младшего научного сотрудника Института литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР Д. С. Бабкина назначить ученым секретарем Института литературы с 26 сего апреля, с окладом 3000 р. в месяц, освободив его от исполнения обязанностей мл[адшего] научного сотрудника»[484].

Именно Борис Павлович, оставшись официально местоблюстителем Николая Федоровича, подписал большую часть приказов об увольнении, текст которых ему по телефону из Москвы диктовал директор.

Первым из четверки приказом от 12 мая 1949 г. был уволен Б. М. Эйхенбаум:

> «Освободить старшего научного сотрудника Института, доктора филологических наук, профессора Бориса Михайловича Эйхенбаума от занимаемой должности с 12-го мая с. г. в соответствии со статьей 47, п. "ж" Кодекса законов о труде об истечении двух месяцев со дня утраты трудоспособности (больничные листы с 28 февраля 1949 г. №№ 046130, 046255, 033114, 033400).
>
> Б. М. Эйхенбаум в течение целого ряда лет систематически не выполнял своих научных планов и не сдал институту своих научных работ о Лермонтове и о Л. Толстом, что явилось одной из причин срыва выполнения общеакадемического плана работ института, в частности подготовки к печати VII и IX томов "Истории русской литературы".
>
> Советская критика в продолжении многих лет указывала на допускаемые проф[ессором] Б. М. Эйхенбаумом серьезные методологические и политические ошибки в работах по истории русской литературы (в частности, в работах о Л. Толстом), в которых проф[ессор] Б. М. Эйхенбаум до сих пор не исправил и не выразил к своим ошибкам критического отношения до сего времени»[485].

17 мая был подписан приказ об увольнении тяжело больного заведующего аспирантурой И. И. Векслера:

> «Освободить ст. научного сотрудника Института, доктора филологических наук, профессора И. И. Векслера от занимаемой должности с 17 мая 1949 г. в соответствии со статьей 47, п. "ж" Кодекса законов о труде об истечении двух месяцев со дня утраты трудоспособности»[486].

[484] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ АН СССР). Оп. 1 (1949 г.). Д. 4. Л. 63.

[485] Там же. Оп. 2. Д. 776. Л. 42. (Выписка из приказа № 16 по ИЛИ АН СССР от 12 мая 1949 г. за подписью Б. П. Городецкого. Оригинал приказа в делах дирекции (Там же. Оп. 1 (1949 г.). Д. 4. Л. 59) содержит только первый абзац.)

[486] Там же. Л. 56. Приказ № 18 по ИЛИ АН от 17 мая 1949 г. за подписью Б. П. Городец-

Поскольку Г. А. Гуковский хотя и имел проблемы с сердцем, но еще стоял на ногах, его уволили с другой формулировкой:

«Освободить старшего научного сотрудника Института, доктора филологических наук, профессора Г. А. Гуковского от занимаемой должности с 18 мая с. г. в соответствии с решениями Ученого совета института от 8 апреля 1949 года.

Антимарксистские, буржуазно-формалистические методологические позиции Г. А. Гуковского, характеризующие его научную деятельность, явились одной из основных причин срыва ряда редактировавшихся им плановых изданий института (научно-исследовательские сборники "XVIII век", "Радищев" и др.), подлежащие вследствие этого коренной переработке.

Советская критика в продолжение многих лет указывала на допускаемые проф[ессором] Г. А. Гуковским серьезные методологические и политические ошибки в работах по истории русской литературы XVIII и XIX вв., которых проф[ессор] Г. А. Гуковский не исправил и до сих пор»[487].

Последним 23 мая 1949 г. был уволен М. К. Азадовский:

«Освободить зав. сектором фольклора Института, доктора филологических наук, профессора Марка Константиновича Азадовского от занимаемой должности с 23 мая с. г. в соответствии со статьей 47, п. "ж" Кодекса законов о труде об истечении двух месяцев со дня утраты трудоспособности (больничные листы №№ 046179, 046374).

М. К. Азадовский не осуществлял должного руководства сектором фольклора института, что явилось причиной незавершенности ряда трудов сектора и одной из причин срыва выполнения общеакадемического плана института, в частности подготовки к печати I, II и III томов "Русского фольклора".

Поставив еще в 1938 году в план работы сектора фольклора подготовку коллективного трехтомного труда "Русский фольклор", М. К. Азадовский не обеспечил выполнение этого плана, и работа над "Русским фольклором" по вине М. К. Азадовского была сорвана. III том этого издания подлежит коренной переработке в течение 1949 года, переработку I и II томов "Русского фольклора" дирекция Института вынуждена перенести на 1950 год.

Советская критика в продолжение многих лет, особенно за последние три года, указывала на допускаемые М. К. Азадовским серьезные методологические и политические ошибки в работах по фольклору, которых М. К. Азадовский до сих пор не исправил и не выразил к своим ошибкам критического отношения до сего времени»[488].

Отметим, что даты всех перечисленных приказов об увольнении были фальсифицированы дирекцией Пушкинского Дома, по крайней мере, копии этих приказов были

кого. Сам И. И. Векслер 3 июня 1952 г. описал этот эпизод в своей автобиографии следующим образом: «В мае 1949 г. в связи с тяжелым заболеванием (склероз сосудов головного мозга) освобожден от работы в Институте литературы Академии наук СССР, перешел на инвалидность и с января 1950 г. получаю пенсию научного работника» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 2. Д. 37. Л. 11 об.). Впоследствии И. И. Векслер опротестовал свое увольнение; протест 23 июня 1949 г. разбирала расценочно-конфликтная комиссия ИРЛИ в присутствии заявителя, решение было оставлено в силе (ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 672. Л. 21).

[487] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ АН СССР). Оп. 2. Д. 683. Л. 42. (Выписка из приказа № 19 по ИЛИ АН СССР от 18 мая 1949 г. за подписью Б. П. Городецкого. Оригинал приказа в делах дирекции (Там же. Оп. 1 (1949 г.). Д. 4. Л. 51) содержит только первый абзац.)

[488] Там же. Д. 649. Л. 47. (Выписка из приказа № 21 по ИЛИ АН от 23 мая 1949 г. за подписью Б. П. Городецкого. Оригинал приказа в делах дирекции (Там же. Оп. 1 (1949 г.). Д. 4. Л. 53) содержит только первый абзац.)

вручены под расписку дочери Б. М. Эйхенбаума 29 апреля[489], И. И. Векслеру 3 мая[490], Г. А. Гуковскому 5 мая[491], а М. К. Азадовскому 9 мая 1949 г.[492]

Распоряжения об увольнении Н. Ф. Бельчиков передавал из Москвы, по той причине, что он тогда участвовал в подготовке партийного решения об Институте литературы, которое явилось следствием «письма коммунистов». Для выработки этого решения в мае месяце в ЦК вызывались и другие сотрудники Пушкинского Дома.

В итоге 19 мая 1949 г. Д. Т. Шепилов и Л. И. Ильичев подали секретарю ЦК Г. М. Маленкову докладную записку под грифом «Совершенно секретно». Приведем основные положения этого партийного документа:

> «В письме на Ваше имя коммунисты парторганизации Института литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом) Бабкин, Бушмин, Папковский, Рязанов обращают внимание на ненормальное положение с кадрами, создавшееся в институте, на преобладание в его коллективе лиц нерусской национальности.
>
> В Отделе пропаганды была проведена беседа с научным работником Папковским, научными сотрудниками института Базановым, Бушминым, секретарем партийной организации института Перепеч.
>
> Отдел пропаганды пришел к выводу, что институт действительно засорен научными работниками — космополитами и формалистами. Среди этих работников особенно следует отметить: Плоткина, Жирмунского, Азадовского, Эйхенбаума, Векслера, Гуковского. Из них Жирмунский, Эйхенбаум и Гуковский были в свое время лидерами формалистов. Жирмунский был также одним из пропагандистов Веселовского. Все эти научные работники занимают в институте ведущие места. Жирмунский заведует отделом западной литературы, Азадовский — отделом фольклора, Эйхенбаум занимает должность зам. зав. отделом новой русской литературы, Векслер заведует аспирантурой института.
>
> Руководящее положение в институте в течение последних лет занимал проф[ессор] Плоткин Лев Абрамович. Он являлся до последнего времени и. о. директора института, а фактически, после смерти академика Лебедева-Полянского стоял во главе учреждения. Плоткин поддерживал людей типа Мейлаха, Жирмунского, Эйхенбаума. В критике формалистов и космополитов Плоткин занял межеумочную позицию и на деле поддерживал "школу" Веселовского.
>
> Руководящие работники из числа космополитов и формалистов покровительствуют некоторым лицам, не считаясь с их действительными способностями к научной работе, протаскивают их в аспирантуру, способствуют получению ими ученых степеней. Так обстояло дело с учениками Эйхенбаума Лотман и Найдичем, с родственником Азадовского — Путиловым (Путиловичем)[493], с Барухом, которого продвигал Плоткин.
>
> Наряду с этим, в институте отодвигаются на второй план заслуженные русские ученые — проф[ессор] Евгеньев-Максимов, проф[ессор] Десницкий, проф[ессор] Спиридонов. Проф[ессор] Спиридонов не состоит в штате института, проф[ессор] Евгеньев-Максимов работает не в научно-исследовательском секторе, а в музее. Русские молодые ученые-

---

[489] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 776. Л. 50.

[490] Там же. Д. 672. Л. 22.

[491] Там же. Д. 683. Л. 38.

[492] Там же. Д. 649. Л. 22.

[493] Как можно видеть, эта явная ложь совершенно не смущала работников аппарата ЦК: благодаря письму коммунистов Института литературы она столь же безапелляционно и без всякой проверки учитывалась как серьезный факт.

коммунисты всеми мерами выживаются из института. Так, коммунист Базанов, недавно защитивший докторскую диссертацию, переведен на полставки, коммунист-кандидат филологических наук Мануйлов был вынужден перейти из института на другую работу.

Группа космополитов-формалистов добилась того, что горьковское название "Институт русской литературы" было заменено на "Институт литературы". В 1935 году, согласно постановлению общего собрания Академии наук СССР, в составе института была организована секция западноевропейской литературы, а сам институт переименован. Таким образом, в Советском Союзе упразднено название института, призванного заниматься изучением преимущественно русской литературы. <...>

Для того, чтобы придать работе Института литературы правильное направление, необходимо восстановить существовавшее до 1935 года наименование — "Институт русской литературы".

Как сообщил секретариат Академии наук СССР, вопрос о восстановлении этого наименования будет рассмотрен на ближайшем заседании Президиума.

Президиум Академии наук СССР представил на должность директора института т. Бельчикова Н. Ф.»[494]

3 июня 1949 г. Н. Ф. Бельчиков был утвержден Секретариатом ЦК ВКП(б) в должности директора Пушкинского Дома. Президиум Академии наук СССР, который был в курсе мероприятий, уже накануне заседания Секретариата ЦК выслушал доклад члена-корреспондента АН СССР А. М. Еголина и принял свое решение. 2 июня вице-президент Академии наук СССР И. П. Бардин и главный ученый секретарь Президиума АН А. В. Топчиев подписали постановление «О переименовании Института литературы (Пушкинский дом)» (Протокол № 10, § 82):

«Переименовать Институт литературы (Пушкинский Дом) в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), определив его основной задачей — изучение классической русской литературы.

Ликвидировать сектор западной литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) с использованием освобождающихся штатных единиц для укрепления других секторов института»[495].

Подтверждение кадровых перемен проходило через Президиум АН СССР не столь оперативно. Например, лишь 4 августа И. П. Бардин и А. В. Топчиев подписали постановление Президиума (протокол 40-Р3, п. 150) «О заведующем сектором Института русской литературы "Пушкинский Дом" АН СССР (Представление Бюро Отделения литературы и языка)»:

«Освободить доктора филологических наук Азадовского Марка Константиновича от обязанностей заведующего сектором фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР на основании статьи 47, п. "ж" Кодекса законов о труде.

Утвердить доктора филологических наук Астахову Анну Михайловну заведующей сектором фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР»[496].

---

[494] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 118 (Оргбюро и Секретариат ЦК ВКП(б)). Д. 408 (Материалы к протоколу заседания ЦК ВКП(б) от 3 июня 1949 г.). Л. 1–4. В. А. Мануйлов ошибочно поименован в документе как кандидат философских наук.

[495] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ АН СССР). Оп. 1 (1949 г.). Д. 2. Л. 44.

[496] Там же. Л. 102.

Таким образом, в результате из Пушкинского Дома были уволены М. К. Азадовский, Г. А. Гуковский, Б. М. Эйхенбаум, И. И. Векслер, Л. А. Плоткин. Один лишь В. М. Жирмунский, которому броней служило академическое звание, был оставлен; Б. С. Мейлаху помогли партбилет и звание лауреата Сталинской премии. Л. А. Плоткин, о чем мы упоминали выше, хотя и был уволен из Пушкинского Дома, смог перейти на полную профессорскую ставку на филологический факультет университета (где ему, правда, пришлось не сладко).

Столь милостивое отношение к Л. А. Плоткину и Б. С. Мейлаху, учитывая их национальность, не может не удивлять, тем более что в аппарате ЦК они также почитались за антипатриотов, а в документах Отдела пропаганды и агитации ЦК весной 1950 г. поименно названы «литературоведами-космополитами»[497].

Прояснить такую ситуацию возможно благодаря фактам, которые известный разоблачитель И. П. Лапицкий изложил в декабре 1951 г. в своем доносе на имя Г. М. Маленкова и продублировал весной 1952 г. в доносе на имя Л. П. Берии (оба обращения посвящены Пушкинскому Дому). Несмотря на характер документа, а также на личность его автора, следует со вниманием отнестить к указанию на истинные причины благосклонности судьбы к Л. А. Плоткину и Б. С. Мейлаху весной 1949 г.:

> «Не следует никогда забывать, что благодаря вредоносной деятельности попковского охвостья в Пушкинском Доме и по сей день окопались еще неразоблаченные активные носители буржуазной космополитической идеологии, даже репрессированные в свое время органами государственной безопасности. Ведь в Пушкинском Доме долгое время подвизались матерые враги народа вроде помянутого выше сиониста Г. Гуковского или сына Карла Радека троцкиста И. Сермана или активного бундовца И. Векслера; все они были репрессированы и уволены из института только в 1949 г., а их многочисленные единомышленники преспокойно отсиживаются в институте и поныне исподволь ведут свою подрывную работу. Можно с уверенностью сказать, что все антисоветские элементы были собраны и заботливо охраняемы в этом академическом учреждении стараниями гнусного попковского охвостья. Разоблаченный ныне бывший секретарь ГК ВКП(б) Н. Синцов запрещал в 1949 г. критиковать космополитов Пушкинского Дома, заботливо оберегая их от всяких неприятностей; это Н. Синцов добился оставления в рядах партии бывшего директора Пушкинского Дома Л. Плоткина и его заместителя Б. Мейлаха, совершивших антигосударственное преступление, это Н. Синцов своим личным вмешательством навязал Л. Плоткина университету и сохранил Б. Мейлаха в Пушкинском Доме...»[498]

Д. С. Бабкин на партсобрании 14 мая 1949 г. также обращал внимание на участие секретаря горкома:

> «Тов. Синцов вплотную интересуется и занимается нашим институтом, это нас вдохновляет, видно, что всему Ленинграду, всей стране нужна наша работа»[499].

Имея такого ходатая, как секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по вопросам пропаганды и агитации Николай Дмитриевич Синцов (1903–1962), они сумели сохранить как минимум работу.

---

[497] [Служебная записка инструкторов Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В. Н. Николаева и П. Г. Федунова заведующему Отделом пропаганды и агитации ЦК Д. Т. Шепилову о непорядках в работе Сектора художественной литературы. Б. д.] // Сталин и космополитизм. С. 571.

[498] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 119 (Оргбюро и Секретариат ЦК ВКП(б)). Д. 852. Л. 72.

[499] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 6. Л. 19.

«Снятому в июне 1949 года секретарю ЛГК ВКП(б) по пропаганде Н. Д. Синцову при исключении его из партии поставили в вину, помимо стандартных обвинений (в принадлежности к антипартийной группе. — *П. Д.*), — "засорение враждебными элементами" Лениздата, Ленинградского отделения ТАСС, Института истории партии, лекторской группы горкома ВКП(б), социально-экономических кафедр вузов...» [500]

Ни М. К. Азадовский, ни Г. А. Гуковский, ни Б. М. Эйхенбаум не имели покровителей в лице секретарей горкома партии, а потому были уволены отовсюду.

АТТЕСТАЦИЯ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ЧИСТКИ

Пока Пушкинский Дом вычищался от «космополитов-антипатриотов», Министерство высшего образования СССР готовило грандиозный приказ по результатам заседания апрельской коллегии. 13 мая 1949 г. телеграфным сообщением в министерство были вызваны члены ректората и несколько деканов факультетов, в том числе декан филологического факультета Г. П. Бердников. Делегация Ленинградского университета пробыла в Москве с понедельника 16 мая по пятницу 20 мая 1949 г. [501] А 26 мая С. В. Кафтанов подписал приказ № 625 «О крупных недостатках в учебной и научной работе гуманитарных факультетов Ленинградского Университета». Начинался он так:

«За последнее время Ленинградским университетом проведена значительная работа по улучшению идейного содержания преподавания и научной деятельности.

Вместе с тем, в учебно-научной и идейно-воспитательной работе в университете имеются еще крупные недостатки.

На филологическом факультете профессора Б. М. Эйхенбаум, М. К. Азадовский, Г. А. Гуковский и В. М. Жирмунский допускали в своих научных трудах и лекциях ошибки космополитического характера. Эти профессора в своих лекциях и научных работах принижали творчество великих русских писателей, проповедовали идеи буржуазного эстетства и формализма...» [502]

Ничего нового этот документ не содержал, но делал публичным секретное решение коллегии министерства, поскольку почти полностью повторял его текст. Вычеркнул министр лишь один абзац:

«Устранить указанные выше недостатки в работе гуманитарных факультетов и повести решительную борьбу с проявлениями космополитизма, формализма, объективизма и иными идеологическими извращениями в учебной и научной работе» [503].

Это можно объяснить тем, что к концу мая университет уже был вычищен от наиболее опасных в идеологическом отношении профессоров и преподавателей. Однако, чтобы сохранить возможность для дальнейшей чистки, было решено провести в университете аттестацию:

---

[500] «Ленинградское дело». С. 119.

[501] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 883 от 13 мая 1949 г.

[502] О крупных недостатках в учебной и научной работе гуманитарных факультетов Ленинградского Университета: Приказ Министра высшего образования СССР № 625 от 26 мая 1949 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1949. № 6. Июнь. С. 1.

[503] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 275. Л. 390.

«7. Ректору Ленинградского университета (т. Домнину Н. А.):

а) провести к 25 июня 1949 г. аттестацию профессорско-преподавательского состава университета и представить предложения по результатам аттестации на утверждение Министерства;

б) провести аттестацию всех аспирантов, отчислить из аспирантуры неуспевающих и не отвечающих своему назначению и материалы по аттестации представить на утверждение Министерства к 1 июля 1949 года»[504].

Это повеление министра привело к тому, что число аспирантов сократилось за счет отчисления лиц еврейской национальности и «не определившихся».

По поводу этой аттестации вспоминает О. М. Фрейденберг:

«Нас заставили писать "аттестации" на всех преподавателей кафедры. Работа носила секретно-полицейский характер. Каждая аттестация официально считалась свободной, но имела неофициальную секретную схему: Должность, кафедра, факультет, университет, фамилия, инициалы, год рождения, партийность, национальность, социальное происхожденье, ученая степень и звание, стаж. Личные качества, политическая и специальная подготовка. Оценка работы над повышением своих знаний по специальности и марксистско-ленинской теории. Оценка качества читаемых лекций. Выводы: что сделать с имярек. Это на предмет пересмотра ученых, слежки и "отсева". Нечего говорить, что деловые черты никого не интересовали. "Оценка качества лекций" и "личные качества" имели секретную семантику. Недаром униженные ученые читали свои лекции в присутствии обследователей и стенографисток»[505].

Кроме того, именно весной 1949 г. министерство вдруг озаботилось тем, что многие профессора, которые еще в довоенные годы руководили кафедрами и занимали профессорские должности, не прошли «надлежащего» утверждения в ВАКе. Это привело к тому, что значительному числу профессоров — например, О. М. Фрейденберг — пришлось заново проходить утверждение, собирая необходимые документы и заручаясь положительными характеристиками парторгов и деканов. Упоминания достоин и тот факт, что ВАК выявил и такие «нарушения», как отсутствие докторских степеней у многих членов АН СССР, например, у С. Г. Бархударова, который был избран членом-корреспондентом в звании профессора, но со степенью кандидата наук; в результате ВАК присваивал докторские степени, чтобы соблюсти порядок в своем хозяйстве.

Вместе с аттестацией профессорско-преподавательского состава и переутверждением в звании профессоров была проведена масштабная ревизия учебной литературы:

«Министр высшего образования СССР тов. С. В. Кафтанов приказом № 450 от 15 апреля 1949 г. ("Об организации обсуждения учебников и учебных пособий...") обязал подвергнуть широкому общественному обсуждению все без исключения учебники и учебные пособия для вузов:

а) Изданные в период с 1945 по 1948 год включительно — в течение апреля–сентября 1949 года.

б) Изданные до 1945 года и рекомендуемые в настоящее время преподавателями для учебных и самостоятельных занятий студентов — в течение сентября–декабря 1949 года»[506].

---

[504] О крупных недостатках в учебной и научной работе гуманитарных факультетов Ленинградского Университета... С. 4.

[505] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[506] ЦГА СПб. Ф. 7240 (ЛГУ). Оп. 14. Д. 1507. Л. 112.

В связи с таким приказом министра начальник ГУУ МВО СССР профессор К. Ф. Жигач направил ректору ЛГУ специальное разъяснение:

«Предлагаю Вам дать поручение кафедрам организовать планомерную работу по обсуждению всех учебников и учебных пособий, фактически используемых в учебном процессе. <...>

По тем учебникам, которые не успеют обработать до 1 июля тек[ущего] года, заведующие кафедрами должны дать задания своим сотрудникам подготовить к 1 сентября 1949 г. развернутые рецензии с тем, чтобы доложить и утвердить их на кафедрах в самом начале сентября 1949 года.

В том случае, если учебник или учебное пособие используются несколькими специальностями, необходимо организовать межкафедральное коллективное их обсуждение.

В первую очередь должны быть отработаны учебники и пособия, изданные с грифом ВКВШ при СНК СССР, Наркомпроса РСФСР и Министерства высшего образования СССР и рекомендованные действующими учебными программами. <...>

В том случае, если учебники и учебные пособия были уже прорецензированы и всесторонне обсуждены кафедрами ранее (учебники по биологическим дисциплинам, учебники, изданные в 1949 году и другие), необходимо представить лишь выводы и конкретные предложения о их дальнейшем использовании и целесообразности переиздания. <...>

Полученные материалы будут использованы в качестве основы нового пятилетнего плана подготовки и издания учебников и учебных пособий для университетов.

Обращаю Ваше внимание на большое государственное значение работы и предлагаю Вам лично взять на себя руководство названными в настоящем приказе мероприятиями»[507].

150-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

Празднование юбилея поэта, в котором уже не принимал участие ни один из «разоблаченных» ученых, проходило масштабно и порой довольно лубочно. ЛенТАСС сообщал 23 мая 1949 г.:

«На многих производственных предприятиях идет деятельная подготовка к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. На крупнейших заводах и фабриках созданы юбилейные комиссии. Они проводят пушкинские конференции, вечера, экскурсии.

На “Красном Треугольнике” и заводе резиновых технических изделий, как и многих других предприятиях, есть свои заводские пушкинисты. Это горячие почитатели поэта, хорошо знающие его произведения, пропагандирующие его вдохновенное слово. Двадцать работников этих заводов — члены Пушкинского общества. Слесарь Иван Москвин и работница Мария Рукавцева избраны в состав Правления общества, возглавляемого академиком И. И. Мещаниновым.

Заводские пушкинисты являются душой подготовки к юбилейным торжествам. Инженер Ирина Шахова, техник Вера Гордеева читают в красных уголках лекции на темы “Пушкин — родоначальник русской литературы”, “Пушкин и его эпоха”, “Пушкин и родина” и т. д. Мария Рукавцева и ее подруги — работница галошного конвейера

[507] Там же. Л. 112–112 об.

Зинаида Петухова, технический контролер Виктория Станская проводят пушкинские чтения»[508].

Для участия в юбилейных торжествах в Ленинград приехал и профессор Н. Ф. Бельчиков.

«25 мая открылась объединенная сессия Отделения литературы и языка и Отделения истории и философии Академии наук СССР, посвященная 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

В большом конференц-зале Академии наук СССР собрались виднейшие советские ученые, научные сотрудники академических институтов, профессоры и преподаватели высших учебных заведений. В президиуме рядом с академиками — правнучка великого поэта С. Н. Данилевская и праправнук Пушкина — А. С. Данилевский — доцент Ленинградского университета.

Сессию открыл директор Института литературы Академии наук СССР профессор Н. Ф. Бельчиков»[509].

6 июня, в день рождения поэта, центром торжеств стал Академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова:

«В залитом огнями зале собрались ученые и стахановцы, работники искусств и писатели, студенты и школьники. Взоры всех обращены к сцене, в глубине которой на постаменте из живых цветов возвышается огромный портрет любимого народного поэта, озаренный лучами прожекторов. Золотом горят даты великой жизни: “1799–1949” [sic!].

В президиуме — руководители городских и областных партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, знатные люди науки и культуры, заводов и фабрик.

Торжественное заседание открыл Герой Социалистического Труда академик И. И. Мещанинов. Он говорит, что 150-летие со дня рождения величайшего поэта всех времен и народов наша страна отмечает как праздник самой передовой в мире советской культуры.

В почетный президиум под бурную овацию избирается Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с великим Сталиным.

С докладом “А. С. Пушкин — великий поэт русского народа” выступил директор Института литературы Академии наук СССР профессор Н. Ф. Бельчиков. Докладчик подробно охарактеризовал величайший вклад пушкинского гения в развитие русской и мировой культуры. Он говорил о том, что советский народ стал подлинным наследником пушкинского творчества. В советской стране нашли воплощение идеи свободы, которые со всей мощью своего таланта воспел Пушкин.

— Мы можем гордиться тем, — сказал проф[ессор] Бельчиков, — что сегодня, спустя сто с лишним лет, голос любимого народного поэта с новой силой звучит в дружной семье советских народов, помогая нам строить коммунизм. Светлый гений Пушкина вдохновляет наш народ в борьбе против мрака и тьмы, за победу разума, за свободу и счастье человечества. И вместе с советским народом, как его спутник и соратник, Пушкин войдет в счастливый мир коммунизма»[510].

---

[508] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 172. Л. 131 («Заводские пушкинисты»).

[509] Там же. Л. 180 («Слава и гордость нашего народа: Объединенная сессия Отделения литературы и языка и Отделения истории и философии Академии наук СССР, посвященная 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина»).

[510] Там же. Д. 173. Л. 97–98 («Общегородское заседание в Театре оперы и балета имени С. М. Кирова»).

Закрыть торжественное заседание было доверено еще одному сотруднику Пушкинского Дома:

«Поступает предложение послать приветствие вождю народов товарищу Сталину. Текст приветствия зачитывает профессор Б. П. Городецкий. В зале долго не смолкает овация в честь творца великих побед советского народа товарища Сталина. Под звуки Гимна Советского Союза закрывается торжественное заседание»[511].

Впрочем, один из главных деятелей кампании по борьбе с космополитизмом, К. М. Симонов, выступая в этот день на таком же заседании в Большом театре Союза ССР в Москве, было более красноречив. Чего стоит следующий пассаж:

«И вот, посредине своего великого поприща, в разгаре благородной и многосторонней деятельности, Пушкин пал от руки наемного убийцы, не умевшего двух слов связать по-русски, великосветского прощелыги, безродного космополита Дантеса»[512].

М. К. АЗАДОВСКИЙ ПЫТАЕТСЯ ВОССТАНОВИТЬ СВОЮ РЕПУТАЦИЮ

Было бы по меньшей мере странно, если бы ошельмованные ученые не пытались восстановить истину; тем более что после проработок трое из них оказались не только опозорены, но и уволены отовсюду, то есть лишены средств к существованию. Материальное положение Б. М. Эйхенбаума и М.К Азадовского, поскольку они являлись, по сути, единственными кормильцами своих семей, было критическим, а для Марка Константиновича ситуация усугублялась еще и наличием восьмилетнего сына.

Следует предположить, что восстановить свое честное имя пытались все четверо; однако мы имеем документальные свидетельства — т. е. собственно тексты писем — двоих. Первым в июне 1949 г. написал письма С. В. Кафтанову и С. И. Вавилову профессор М. К. Азадовский. Осенью написал большое послание А. А. Фадееву Б. М. Эйхенбаум.

М. К. Азадовский, надеясь на успех, был полон решимости. 15 мая он писал Н. К. Гудзию:

«Вы, конечно, знаете о той возмутительной истории, жертвой которой я стал. Вы, конечно, знаете, что я сейчас лишен всяких источников существования, опозорен и, по существу, — назовем вещи своими именами, — изгнан из науки. <...> Сам я вот уже третий месяц болен, два месяца провел в постели, а в это время в мое отсутствие на меня выливались потоки клеветы и лжи; отрицали всякое значение моих работ, извращали смысл написанного, приписывали то, чего никогда не утверждал, и — самое безобразное и опасное — клеветали политически. Когда оправлюсь, придется немало труда положить на реабилитацию, на восстановление своего научного достоинства и чести советского гражданина. В пружинах этой истории для меня многое — неясно. Неясна роль, сыгранная Бельчиковым; неясно, почему именно я избран одной из немногих жертв в Ленинграде. Вы ведь, конечно, хорошо понимаете, что такие ошибки, как источники сказок

---

[511] Там же. Л. 102 (То же).

[512] *Симонов К. М.* Александр Сергеевич Пушкин: Доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР 6 июня 1949 года // Литературная газета. М., 1949. № 46. 8 июня. С. 2.

Не менее искрометен был заведующий сектором художественной литературы Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Н. Н. Маслин, предложивший свою версию событий: «Поэт не мог вызвать на дуэль императора — и был убит Дантесом» (*Маслин Н.* Гениальный русский поэт: (К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина) // Большевик. М., 1949. № 9. 15 мая. С. 42).

Пушкина или статьи о Веселовском, — явление далеко не индивидуальное, — а вместе с тем не у многих имеются такие прямые и безусловные заслуги в деле создания и укрепления именно советской науки»[513].

И в июне он обращается к президенту Академии наук СССР С. И. Вавилову. Начинается его обращение словами:

«9 мая с. г. (находясь на бюллетене) я получил от дирекции института литературы уведомление об увольнении (с 23 мая) из числа сотрудников института, что уже и выполнено. Увольнение мотивировано истечением 2-х месячного срока со дня потери трудоспособности, — однако, я полагаю, что вправе рассматривать эту официальную мотивировку лишь как смягченную форму, за которой скрываются совершенно иные основания, чего, впрочем, не скрывает и сама администрация института. Несомненно, что это решение является результатом нескольких заседаний Ученого совета Института литературы и филфака ЛГУ, посвященных вопросу борьбы с космополитизмом в науке, и на некоторых, между прочим, шла речь и о моих научных трудах, и о моей деятельности.

Я ни в коем случае не могу отрицать наличия в своих работах, написанных за 35 лет своей научной деятельности, большого числа серьезных ошибок, — я остановлюсь на них подробно ниже, — но я полагаю, что как бы ни были они значительны, они едва ли могут дать основание для всех тех обвинений, которые были высказаны по моему адресу, и вместе с тем как бы начисто зачеркнуть весь мой долголетний труд. К тому же мои ошибки не являются в основном исключительно индивидуальными, но в значительной степени обусловлены общим состоянием нашей науки в различные этапы ее развития.

По-видимому, значительную роль сыграли, главным образом, обвинения общественного порядка, которые были высказаны в заседаниях упомянутых Ученых советов, и которые опорочивали меня как советского гражданина и ставили под сомнение мою честь и патриотическое чувство. Именно это обстоятельство, перед которым отступают на задний план и факт незаслуженного увольнения, и лишение меня источников существования, заставляет меня обратиться с настоящим заявлением. Я обязан это сделать и потому, что вследствие тяжелой болезни, заставившей меня провести в постели свыше 2-х месяцев, я не мог присутствовать ни на одном заседании и не имел возможности выступить ни с самокритическим анализом своих работ, ни с опровержением накопившейся вокруг моего имени невероятной груды лживых измышлений, инсинуаций, клеветнических искажений фактов моей литературной и общественной деятельности и даже прямых вымыслов в виде сообщения фактов, которые никогда не имели места в действительности.

Я делаю это со значительным опозданием еще и потому, что только теперь я более или менее оправился после болезни и получил возможность ознакомиться со стенограммой заседания. К сожалению, все мои попытки получить стенограмму заседания Ученого совета Института литературы остались безрезультатными, и в моем распоряжении имеется лишь стенограмма заседания Ученого совета филфака с приложением к ней текста специально посвященного мне выступления И. П. Лапицкого, представляющего собою, насколько мне известно, сводку того, что он говорил и в университете, и в Пушкинском Доме»[514].

---

[513] «Удастся ли прорубить эту стену». С. 72.

[514] Письмо М. К. Азадовского к С. И. Вавилову / Публ. К. М. Азадовского // Воспоминания о М. К. Азадовском. С. 182–183. Указанные материалы, сохранившиеся в семье ученого, стали фундаментом для работ К. М. Азадовского и Б. Ф. Егорова.

Признавая некоторые свои ошибки, Марк Константинович пытается отмести обвинения в антипатриотизме и космополитизме, особенно обращая внимание на метод подбора цитат:

> «Я всегда был и остаюсь в своих работах неизменным патриотом, человеком, глубоко любящим свое народное творчество — зачем иначе стал бы я им заниматься! — я всегда с чувством патриотической гордости вскрывал и подчеркивал примат во многих областях русской науки о фольклоре, ее идейную высоту и художественное превосходство русской сказки и ее носителей.
>
> Поэтому-то так глубоко оскорбительны для меня и несправедливы обвинения в космополитизме, построенные к тому же сплошь на искажении моих мыслей и слов, на извращениях моих подлинных высказываний и приписывании мне суждений, которых я никогда не делал и которые мне чужды по самой их сущности. Таковы, например, приписываемые мне утверждения, что Пушкин стал записывать сказки только после ознакомления с работами Фориеля, что будто русскую и славянскую науку о фольклоре я выводил из иностранных источников. Всего этого нет и не могло быть и прямо противоречит всем моим работам по фольклористике, в которых всегда утверждались оригинальность, своеобразие и самостоятельность научной мысли в области изучения фольклора.
>
> Желая во что бы то ни стало изобразить меня космополитом-компаративистом, приводят мою статью о Тэне и Омулевском. Но как раз именно этот очерк целиком направлен против методики компаративизма и имел своей целью борьбу с последним. Потому-то этот очерк и был включен в состав сборника, посвященного памяти Н. Я. Марра. <...> Плохо это или хорошо было выполнено — другое дело, но во всяком случае это никак не может быть рассматриваемо как компаративистское исследование.
>
> Конечно, во всякой полемике возможно неправильное толкование отдельных мыслей и положений и даже целостной концепции и, конечно, я не стал бы останавливаться на отдельных ошибках или неточностях, но в данном случае перед нами сплошная и совершенно сознательная цепь нарочитых извращений, сопровождаемых к тому же утверждениями, что приводятся подлинные цитаты из моих трудов.
>
> Вот характерный пример. Речь идет о моей рукописной статье "Классики марксизма о фольклоре". В стенограмме читаем: "На первом же листе и в первом же абзаце Азадовский дает свое определение советской фольклористики как науки". И далее под видом подлинной цитаты (Лапицкий так и говорит: "Цитирую по машинописному экземпляру, принадлежащему фольклорному отделу ИРЛИ [sic!]") приводится следующее, якобы мое утверждение: "Под советской фольклористикой следует понимать такое марксистское направление науки о фольклоре, которое развивалось вне хронологических и территориальных границ". И затем следует разъяснение, что в таком "порочном определении" особенно отчетливо сказался космополитический характер всех моих работ.
>
> Конечно, я никогда ничего подобного не писал и никогда не давал столь безграмотных формулировок. У меня сказано буквально следующее: "В истории изучения фольклора совершенно новым этапом явилась советская фольклористика. Понятие 'советская фольклористика' ни в коем случае не может быть уложено в какие-либо территориальные или хронологические рамки; под ней до́лжно разуметь особое направление в науке о фольклоре, сложившееся в процессе революционного и социалистического строительства и отобразившее общий идейный рост страны и выработавшее свою методологию и методику на основе марксистско-ленинского понимания исторических

процессов". Мое определение оборвано в середине на точке с запятой, а приведенная часть совершенно искажена, вследствие чего и получился смысл, совершенно чуждый тому, что я думал и писал.

Уже из самóй подлинной цитаты видно, как далека моя мысль от какого бы то ни было космополитизма. Если же взять ее в контексте, то уже станет абсолютно ясно, как следует понимать упоминание о хронологических и территориальных рамках. <...> Подобными же методами цитирования и искажения подлинных фактов Лапицкий и некоторые другие (Ширяева, Кравчинская) создавали обвинения общественного порядка»[515].

Разбирая по пунктам основные обвинения, Марк Константинович останавливается и на наиболее громком:

«Еще более искажена подлинная сущность дела в примере со статьей в другом сборнике ВОКСа "Пушкин и фольклор". Еще до заседания Ученого совета мне стало известно выдвинутое против меня обвинение, будто бы для английских читателей я изготовил совершенно иной текст, чем для русских, отличающийся от последнего тем, что в нем были затушеваны основные идеологические установки и сознательно включены элементы космополитического порядка. Из некоторых деталей дошедшего до меня известия я сумел понять, что статью в издании ВОКСа сопоставляли с моей более поздней статьей под тем же заглавием, первоначально опубликованной во "Временнике Пушкинского Дома", а затем вошедшей в мою книгу "Литература и фольклор". Тогда же, еще будучи болен, я все же сумел продиктовать письмо директору института и декану факультета, в котором разъяснил это недоразумение и указал, что я никакой специальной статьи для ВОКСа в данном случае не писал, а последний, по собственной инициативе, организовал и напечатал перевод моей ранней статьи, написанной еще в 1936 г. и опубликованной в органе ЦК ВКП(б) "Большевистская печать" (1937, № 2). Точность и правдивость моего заявления была тогда же подтверждена директором Филологического института, членом-корреспондентом Академии наук СССР М. П. Алексеевым, сверившим по поручению декана тексты оригинала и перевода и установившим их полную идентичность.

Казалось бы, вопрос должно было считать исчерпанным, однако эта клевета по-прежнему фигурировала в выступлениях. В частности, Лапицкий договорился до того, будто бы я в статье, предназначавшейся для широкой партийной аудитории, проводил космополитические тенденции, имея в виду возможность перевода данной статьи на иностранные языки. Нелепость этой "гипотезы" настолько очевидна, что едва ли есть надобность ее опровергать»[516].

Опровергая обвинения в неудовлетворительной подготовке кадров, М. К. Азадовский приводит список из двадцати своих учеников, после чего отдельно останавливается и на обвинениях коллег по Пушкинскому Дому:

«Не могу согласиться и с обвинением в развале работы сектора фольклора. При таком обвинении нужно, очевидно, забыть, что я почти двадцать лет жизни отдал работе по созданию отдела фольклора в Академии наук и его укреплению. Должен признать, что моя болезнь в значительной мере отразилась на оперативности и темпах работы сектора за последний год, но от этого далеко еще до развала. Учитывая свое состояние, я неоднократно в течение зимы 1948/49 г. ставил вопрос об отказе от заведывания, но неизменно встречал сильнейшее противодействие со стороны дирекции

[515] Письмо М. К. Азадовского к С. И. Вавилову. С. 185–187.
[516] Там же. С. 190.

Института и, главным образом, моих ближайших сотрудников, в частности тех, кто, спустя какой-нибудь месяц, заявляли о моей негодности к руководству и развале мной работы.

Меня упрекали в том, что будто бы я, по существу, отказываюсь от перестройки, и своей работой над историей русской фольклористики и отражения народного творчества в русской литературе я только хочу уйти от кардинальных проблем нашей науки и тех проблем, которые подняты дискуссиями последнего времени в связи с историческими решениями партии по идеологическим вопросам.

Все это совершенно неверно. Я понимал и понимаю перестройку не как простое декоративное заявление, а как ее непосредственную реализацию на деле в виде разрешения конкретных научных вопросов. Поэтому-то я придаю такое большое значение своей работе по истории русской фольклористики, которую я мыслил в теснейшей связи с развитием русской литературы, с одной стороны, и развитием этнографических изучений, с другой. Моя работа была задумана как обширный итоговый труд, который должен был осмыслить с позиций советской науки весь путь, пройденный русской фольклористикой, и осмыслить ее основные проблемы»[517].

Завершается письмо следующим абзацем:

«Я считаю своим долгом довести все эти мои соображения и объяснения до Вашего сведения. Как советский ученый, как человек, проведший в Академии наук бóльшую часть своего научного пути, как работник Академии, неоднократно получавший и выполнявший ответственные поручения Президиума, я обращаюсь к Вам как к высшей научной инстанции с просьбой разобрать мое заявление и освободить меня от позорных обвинений, избрав для этого ту форму, которую Вы найдете возможной и удобной»[518].

К сожалению, ни упомянутое письмо М. К. Азадовского к С. В. Кафтанову, ни это письмо к С. И. Вавилову не имело последствий — не нашлось ни возможности, ни удобства. И хотя Сергей Иванович был лично знаком с автором послания, он вряд ли мог что-либо сделать, особенно с учетом того, что с 1949 г. вопросами кадров Академии ведал ученый секретарь Президиума Академии наук СССР академик А. В. Топчиев, бывший до этого заместителем С. В. Кафтанова по кадрам[519]. Как вспоминал профессор ЛГУ С. Э. Фриш, «Александр Васильевич Топчиев был одним из тех чиновников, которые не за страх, а за совесть внедряли в жизнь "сталинский метод управления"»[520]. А потому рассчитывать на какое-либо внимание на подобные обращения было бы опрометчиво.

М. К. Азадовскому, по-видимому, было свойственно распространенное во все времена заблуждение, будто восседающий наверху пребывает денно и нощно в заботах о своем народе, а зло творят «жадною толпой стоящие у трона». Именно по этой причине он писал 2 июля 1949 г.:

---

[517] Там же. С. 192–193.

[518] Там же. С. 194.

[519] Следует отметить, что в руководстве АН СССР со времен ее коммунизации всегда находилось лицо, пользовавшееся особым доверием руководства страны, в служебные обязанности которого входило постоянное информирование «о настроениях» в храме науки. До А. В. Топчиева, включенного в Президиум АН СССР в 1949 г. именно для надзора, такую же роль исполнял академик-секретарь АН СССР Н. Г. Бруевич, чьи многостраничные осведомительные «информационные сообщения» до сих пор сохраняются в ряде архивохранилищ, в том числе в бумагах В. М. Молотова, курировавшего деятельность АН СССР (РГАСПИ. Ф. 82).

[520] *Фриш С. Э.* Указ. соч. С. 342.

«Начинаю думать, что может быть, были правы те, кто советовал никуда не ходить, ни в какие организации не писать, а прямо обращаться в самую высокую инстанцию, т.е. писать только Иосифу Виссарионовичу. Но мне как-то всегда казалось странным обращаться со своим маленьким личным делом так высоко»[521].

Повествуя о мытарствах М.К. Азадовского, мы можем привести и пример того, как подобные обращения все-таки приносили пользу, и литературоведам удавалось хотя бы немного отмыться от клеветы. Такое посчастливилось Д.Д. Благому.

В ноябре 1948 г. московский литературовед, ученик Д.Д. Благого по ИФЛИ В.И. Борщуков[522], не стесняясь в выражениях, разгромил в «Комсомольской правде» учебник Дмитрия Дмитриевича по русской литературе XVIII века[523]. Недолго думая Д.Д. Благой написал письмо в редакцию, а кроме того, еще и секретарю ЦК Г.М. Маленкову. И тогда Георгий Максимилианович встал на его сторону. Тут же началась обратная реакция — 31 мая 1949 г. «Комсомольская правда» напечатала письмо Д.Д. Благого в редакцию, присовокупив следующую ремарку: «Публикуя письмо проф[ессора] Д.Д. Благого, редакция тем самым признает ошибочность многих положений статьи тов. Борщукова»[524].

После этого Д.Д. Благой, дождавшись, пока выйдет его книга о Пушкине, послал 7 апреля 1950 г. своему благодетелю экземпляр с сопроводительным письмом, в котором были и такие слова: «Я глубоко благодарен, что Вы так внимательно отнеслись к моему обращению и помогли мне восстановить истину»[525]. Расчет Дмитрия Дмитриевича оказался верен: в 1951 г. он получит за эту книгу Сталинскую премию, а также возглавит экспертную комиссию ВАКа по филологическим наукам.

Естественно, Д.Д. Благой в глазах власти имел выгодные отличия: он не был ни евреем, ни ленинградцем[526]. Для четырех жертвенных ленинградских филологов подобные

---

[521] «Удастся ли прорубить эту стену». С. 74.

[522] Борщуков Владимир Иосифович (1915–?) — выпускник московского ИФЛИ, впоследствии сотрудник ИМЛИ имени А.М. Горького, специалист по советской литературе и марксистско-ленинской эстетике, автор многочисленных работ о партийности советской литературы, член СП СССР (1968), доктор филологических наук (1971 г., тема — «Методологические проблемы изучения истории русской советской литературы»). О принадлежности В.И. Борщукова к совершенно определенному пласту советского литературоведения говорит статья «Советское литературоведение» в БСЭ: «В 60–70-х гг. всесторонне и плодотворно исследовались теоретические проблемы литературоведения, реализма и социалистического реализма (Ю.Я. Барабаш, А.С. Бушмин, В.И. Борщуков, А.Л. Дымшиц, Д.Ф. Марков, А.С. Мясников, В.В. Новиков, В.М. Озеров, С.М. Петров, Г.Н. Поспелов, Ю.И. Суровцев, Б.Л. Сучков, Л.И. Тимофеев, М.Б. Храпченко, Н.З. Шамота, В.Р. Щербина, У.Р. Фохт, Я.Е. Эльсберг, Л.Г. Якименко и др.)» (*Пархоменко М.Н.* Советское литературоведение / СССР: Общественные науки // БСЭ. 3-е изд. М., 1977. Т. 24. Кн. 2: СССР. С. 393).

[523] *Борщуков В.* В плену отживших схем и традиций. С. 3.

[524] *Благой Д.* Письмо в редакцию // Комсомольская правда. М., 1949. № 126. 31 мая. С. 3.

[525] Архив РАН. Ф. 1828 (Д.Д. Благой). Оп. 1. Д. 275. Л. 1.

[526] Оговоримся, что мы не помышляем сравнивать Д.Д. Благого с кем-либо, поскольку основной характеристикой моральных качеств Дмитрия Дмитриевича всегда оставалась эластичность. Мало кто из действительно одаренных литературоведов середины XX в. удостоился таких филиппик, как он. О.Э. Мандельштам обессмертил его в «Четвертой прозе» (1930) в качестве представителя новой волны филологии («...Из той породы, что на цыпочках ходят по кровавой советской земле, некий Митька Благой — лицейская сволочь, разрешенная большевиками для пользы науки... <...> Чем была матушка филология и чем стала... Была вся кровь, вся непримиримость, а стала псякрев, стала всетерпимость...» (*Мандельштам О.Э.* Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 94). «...Было ли в Благом что-нибудь хорошее? Вероятно, было. Он действительно любил и

попытки были заранее обречены на молчание. Так случилось и с обращением Б. М. Эйхенбаума к А. А. Фадееву, о котором речь пойдет чуть ниже.

ЖУРНАЛ «ЗВЕЗДА» НАВЕРСТЫВАЕТ УПУЩЕННОЕ

Не иначе как окончательным приговором следует воспринимать три номера журнала «Звезда». В книжках за июль, август и сентябрь 1949 г. в качестве постскриптума напечатана целая серия статей.

Активизация идеологической работы журнала, несомненно, связана с деятельностью ответственного секретаря ЛО ССП А. Г. Дементьева. Под его председательством 28 июня 1949 г. проходило расширенное заседание правления ЛО ССП, главным пунктом повестки которого был доклад В. П. Друзина о журнале «Звезда» в 1949 г., пятый номер которого вышел в свет в те дни. Отдельно Валерий Павлович коснулся вопросов критики и литературоведения:

> «Кроме прозы, поэзии и драматургии, о которых шла речь, наш журнал имеет целый ряд других отделов. Их целенаправленность та же самая. Их задача заключается в том, чтобы дать боевой, политически острый, актуально звучащий материал. В числе этих отделов — отдел публицистики и критики, где этот боевой дух должен иметь особо яркое выражение.
>
> Наш отдел критики в 1948 году был весьма слабым и неудовлетворительно работающим. В 1948 г. в отделе критики журнала не появлялось боевых, воинственных статей, направленных на всевозможные проявления космополитизма, декадентства, формализма — всего того, что было довольно широко представлено в разных работах ленинградских критиков и литературоведов.
>
> Совершенно ясно и очевидно, что в Ленинграде в течение многих лет работала разоблаченная группа литературоведов космополитического толка во главе с Эйхенбаумом и Жирмунским, то, очевидно, задача журнала в том, чтобы разоблачить их писания, но журнал в 1948 г. не выполнил как следует эту задачу. Отдельные рецензии и выступления по этому поводу не шли в счет, носили случайный, неорганизованный характер.
>
> В этом году задача меняется. Задача отдела критики четка. Отдел критики должен иметь перед собой двуединую цель: во-первых, бороться за литературу передовую, нового типа, литературу социалистического реализма, пропагандировать лучшие достижения советской и передовой прогрессивной зарубежной литературы; вторая сторона, вторая цель — разоблачение того, что нам мешает, вредного, враждебного, промежуточного, формалистического, космополитического.
>
> Журнал приступил к этой задаче, что видно из вышедших номеров и целого ряда статей. Мы поместили дискуссию о поэзии — доклад Луконина и выступления Саянова и Дементьева (отдельные замечания), статью-выступление Дементьева на дискуссии о прозе, напечатанную в пятом номере. Все это, конечно, создает, по-моему, у читателей впечатление, что сдвиг происходит, что тон отдела критики стал боевой, указан идейный противник и этот идейный противник громится.

понимал поэзию» (*Богаевская К. П.* Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. М., 1998. № 29. С. 139). Однако далеко не всегда отношение власти находилось в прямой (либо обратной) зависимости от моральных качеств человека.

В дальнейшем в 7–8–9 номерах уже получены, отчасти в наборе, отчасти подготовлены к печати статьи против ленинградских формалистов-космополитов, это статьи о фальшивых, лживых комментариях к классическим произведениям Лермонтова и Пушкина, а это комментарии, принадлежащие перу Эйхенбаума и Томашевского, имеют хождение потому, что это в массовых изданиях наших классиков. Это специальная статья о формалисте проф[ессоре] Гуковском, поскольку оказалось, что с 1927 по 1949 г. Гуковский варьировал одно и то же, стоял на формалистических позициях. Последняя статья 1949 г. не свидетельствует о сдвиге этого литературоведа. Это специальная статья об Эйхенбауме в связи с работами Эйхенбаума о Толстом, это обзорная статья о формалистическом направлении в литературоведении, о ленинградском отряде литературоведов-формалистов, это целый ряд статей, которые пройдут в 7–8 номерах, они означают концентрированный удар по этим работам литературоведов космополитического толка.

Конечно, надо было это сделать год назад, лучше было сделать год назад, но эти работы имеют хождение сейчас, они имеются в библиотеках, эти вредные теории иногда пропитывают собой различные комментарии к трудам классиков, к однотомникам, которые имеют хождение в библиотеках, в народе. Это вызывает потребность, хотя с опозданием, но разоблачить, разобрать, показать вредность и никчемность этих литературоведческих работ»[527].

Что же это были за статьи?

В седьмом номере, подписанном к печати 30 июля, вышла программная работа Ф. А. Абрамова и Н. С. Лебедева «В борьбе за чистоту марксистско-ленинского литературоведения». Впоследствии Ф. А. Абрамов пытался как-то откреститься от этого пункта в списке своих печатных работ, что особенного сочувствия у современников не вызывало: «Впрочем, бытует мнение, что эта памятная для многих статья писалась не Ф. А. Абрамовым, а С. С. Деркачом при участии Лебедева, но Деркач той весной был неожиданно арестован <...> поэтому Абрамову срочно велели поставить свою подпись. И он поставил»[528].

Однако, согласно выступлению главного редактора В. П. Друзина 27 июня 1949 г. на партбюро ленинградской писательской организации, можно утверждать, что Федор Абрамов был истинным, если вообще не единственным, автором этой печатной работы. Говоря о грядущих публикациях журнала «в плане борьбы с космополитизмом, формализмом, декадентством», главный редактор сообщил, что находится в производстве «Статья обзорного порядка Абрамова, направленная против китов формализма в Ленинграде — Гуковского, Жирмунского, Томашевского, Эйхенбаума, задача этой статьи развернуть критику профессоров-формалистов и разбить их авторитет в глазах молодежи»[529].

Статья Ф. А. Абрамова и Н. С. Лебедева, действительно, носит, если можно так выразиться, энциклопедический характер. То есть посвящена она всей четверке и начинается такими словами:

«Разгром космополитов-антипатриотов в различных областях идеологии, ознаменовавший новый этап борьбы партии за дальнейшее развитие советской науки, культуры и искусства, встретил горячее сочувствие и широкую поддержку самых различных

---

[527] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 58. Л. 120 об. – 121 об.
[528] *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* «Космополиты». С. 117–118.
[529] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 14. Л. 22.

кругов советской интеллигенции. Одной из ярких демонстраций этого сочувствия и поддержки является та единодушная решительность, с какой ленинградские литературоведы осудили деятельность носителей идеологии космополитизма в их собственной среде.

В таких литературоведческих учреждениях Ленинграда, как филологический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова и Институт литературы Академии наук СССР, на протяжении многих лет работали ученые, с давних пор известные как ревностные поборники и проводники идеологии буржуазного космополитизма и формализма. Мы имеем в виду таких небезызвестных литературоведов, как Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, М. К. Азадовский и др.

Деятельность этих ученых и раньше подвергалась суровой критике. Но лишь разоблачение группы космополитов-антипатриотов, подвизавшихся в театральной и литературной критике, помогло ленинградским литературоведам глубже понять политический смысл борьбы с космополитизмом в их собственной области, помогло, в частности, правильно оценить положение вещей на ленинградском участке советского литературоведения, где борьба с идеологией космополитизма и эстетствующим формализмом должна была приобрести и приобрела особенно острый характер»[530].

Думается, нет надобности приводить уже набившие оскомину обвинения, которые предъявлялись четырем профессорам поочередно и вместе.

В восьмом номере (за август) журнал «Звезда» опубликовал статью А. Докусова[531] с недвусмысленным названием «Против клеветы на великих русских писателей», в которой автор объединил две рецензии на книги довоенного времени — однотомник А. С. Пушкина и пятитомник М. Ю. Лермонтова.

Своей критической отповеди А. М. Докусов по случаю юбилейного года предпослал и описание местоположения первого поэта России в советской системе координат:

«Наш народ воспринимает и оценивает Пушкина как писателя, который революционизирует сознание, воспитывает чувство национальной гордости, зажигает любовь к родине и ненависть к палачам и душителям свободы, вооружает советский народ на борьбу со злом жизни. Пушкин учит познавать мир, открывает читателю поэтическую прелесть природы, заражает кипучей жизнерадостностью и беспредельным желанием к знаниям, облагораживает наши отношения к человеку. Простое и светлое слово Пушкина — средство выражения наших мыслей и чувств. Жизнерадостное и мудрое мироощущение Пушкина близко советскому человеку. <...>

Это "мнение народное" является нелицеприятным, решительным и вместе страстным осуждением критиков-космополитов, "беспачпортных бродяг", которые стремились убить Пушкина-поэта, уничтожить нашу национальную гордость. Наш народ также решительно отвергает "научные изыскания" и тех ученых, которые отрывали от него Пушкина, всячески старались расширить и углубить пропасть между Пушкиным и народом, то выдавая великого поэта за идеолога капитализирующегося дворянства, то изображая его выразителем интересов деклассирующейся дворянской аристократии

---

[530] *Абрамов Ф., Лебедев Н.* В борьбе за чистоту марксистско-ленинского литературоведения. С. 165.

[531] Докусов Александр Максимович (1894–1981) — литературовед, кандидат филологических наук, доцент ЛГПИ имени А. И. Герцена, впоследствии доктор педагогических наук, профессор и заведующий кафедрой методики преподавания русской литературы ЛГПИ.

и даже... прислужником самодержавия. Осуждает наш народ и тех, кто наводит на Пушкина "хрестоматийный глянец", делает из вечно живого Пушкина — "мумию".

В нынешний, "пушкинский" год хочется снова, еще и еще раз перечитывать такие знакомые и всегда что-нибудь открывающие новое произведения великого поэта, больше узнать о нем самом. Рука тянется к самой распространенной книге, выходившей неоднократно и большими тиражами, — к однотомнику Пушкина[532]. Этот однотомник есть в каждой библиотеке, это — настольная книга учителя, студента, инженера, врача, секретаря райкома»[533].

После такого введения А. М. Докусов обращается к самой книге:

«Мы не будем останавливаться на вступительном очерке В. А. Десницкого "Пушкин и мы". Об ошибочности этого очерка достаточно подробно и правильно писала "Литературная газета" <...>.

Мы остановимся на примечаниях Б. Томашевского. Примечания имеют целью ввести нас в творческую лабораторию поэта, показать Пушкина в его конкретном историческом и литературном окружении. Что же мы находим в этих примечаниях?

Вся лицейская лирика Пушкина, по заявлению ученого комментатора, оказывается сплошным подражанием французам — Вольтеру, Парни, унылым элегикам, вплоть до самых второстепенных. Вот юношеское стихотворение Пушкина "К другу стихотворцу". О нем Б. Томашевский сообщает, что "образцом для подобных посланий служили французские послания Буало" <...>.

Автор примечаний настойчиво изыскивает доказательства хотя бы отдаленного сходства строф, строчек, отдельных поэтических оборотов у Пушкина с кем-либо из поэтов Запада; рад, когда поймает Пушкина с поличным, а если это не удается, — все равно берет Пушкина под подозрение словечками: "по-видимому, увлекался", "возможно, повлияла". В тематике, в мотивах, в структуре стиха, даже в повторении одинаковых рифм — все у Пушкина от Запада, главным образом, от французов. Одним росчерком пера уничтожена богатейшая национальная поэтическая традиция, на которой гений Пушкина рос, мужал и, ломая обветшалые каноны, вступал на путь новаторства, становился главой, вождем нашей литературы. Заодно зачеркнут и Пушкин»[534] и т. д.

Затем автор обращается к Б. М. Эйхенбауму:

«Наиболее полным и авторитетным изданием сочинений Лермонтова является пятитомное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова под редакцией и с комментариями Б. М. Эйхенбаума (издание "Academia", 1936–1937). В указанном издании нет вступительной статьи, где бы давалась оценка литературного наследия мятежного поэта. Но зато каждый том снабжен обильными, иногда очень развернутыми комментариями, принадлежащими, как сказано на титульном листе издания, Б. Эйхенбауму. Вот сюда, в комментарий, и спрятал Б. Эйхенбаум свое понимание и истолкование Лермонтова, свою концепцию. Она довольно проста: у Лермонтова все чужое. Почти для каждого произведения Лермонтова найден чужой литературный источник, а если его еще нет, то после указания на дату написания того или иного произведения, где оно впервые было напечатано, оставлено место, которое после "удачных" поисков источника непременно будет заполнено.

---

[532] А. Пушкин. Сочинения. Биографический очерк и примечания Б. Томашевского. Вступительная статья В. Десницкого. М.; Л.: Гослитиздат, 1936. (Примеч. А. Докусова.)

[533] *Докусов А.* Против клеветы на великих русских писателей // Звезда. Л., 1949. № 8. Август. С. 181–182.

[534] Там же. С. 182.

У Б. Эйхенбаума есть книга о Лермонтове, где эта концепция изложена стройно и последовательно, а потом и была "растащена" Б. Эйхенбаумом в комментарий пятитомника. Задача по анализу концепции тем самым облегчается.

Автор книги о Лермонтове предстает перед читателем как законченный формалист, эстет и космополит»[535].

Однако, прежде чем приступить к критике собственно комментариев почтенного профессора, А. М. Докусов, обратившись к книге Б. М. Эйхенбаума 1929 г. «Мой временник», дает выход чувству своей национальной гордости:

«Поражает прежде всего беззастенчивая самореклама. Прадед Б. Эйхенбаума, Моисей Гельбер, был "человек редких способностей", "редкой учености", со временем мог бы сделаться светилом. Дед Яков Гельбер "был щедро наделен от природы необыкновенными дарованиями", с детства всех удивлял "своим необычайным развитием, о необыкновенном мальчике рассказывали чудеса", "ему предлагали выгодные партии", "он имел прекрасное сопрано". Способности и быстрая понятливость Якова были таковы, что "достаточно было ему только пронюхать существование чего-нибудь нового, чтобы сейчас же пожелать узнать" и постигнуть. Так он в миг постиг искусство шахматной игры в создал поэму "Гакраб" — "творение — единственное в своем роде, а может быть, и во всех литературах". После этого он сменил фамилию Гельбер на Эйхенбаум.

Тут же идут научные изыскания о "поэтическом наследстве" деда Б. Эйхенбаума. Позволим себе кое-что привести из этих разысканий и истолкований. Характер и мера оценок по сравнению с тем, что будет написано о Лермонтове, очень показательны. Собрание стихотворений Я. Эйхенбаума было издано в Лейпциге в 1836 году — о нем "многие газеты отозвались с величайшими похвалами. Легкость стиха и необыкновенная свобода, с какою автор владеет языком, возбудили клики изумления всех еврейских ученых и публицистов". Поэма "Гакраб" (она написана о шахматной игре) была издана в 1840 году в Лондоне. "Лермонтов заканчивал в Петербурге своего 'Демона'", — добавляет Б. Эйхенбаум. Любопытное сближение — "Демон" и шахматная игра. <...>

Оставим мертвых с их "творениями" спать непробудным сном, обратимся к живым, к наследователю — Б. Эйхенбауму. По закону наследственности, им признаваемому безоговорочно, он тоже — "необыкновенный". И все, что соприкасается с ним, тоже необыкновенное — либо со знаком плюс, либо — со знаком минус. Если он идет по улице Воронежа, то "эта улица — как спина зверя", если у него не клеится дело с обучением игре на скрипке, то будет сказано, что "мы раздражались друг на друга, как неудачные любовники". Жизнь его никому не понятна, так как была "наполнена безумием и упрямством"; рояль в комнате — "мрачная черная птица", и не звуки он издает, а "рычит и скалит зубы", и т. д.»[536]

Разделавшись с еврейством Бориса Михайловича, автор переходит и на него самого:

«Б. Эйхенбаума как формалиста не интересуют явления живой жизни, классовая борьба в политике, в философии, в литературе, общественно-политические взгляды поэта, то есть все то, что определяло идейное содержание творчества Лермонтова, основные особенности его поэтического стиля. Б. Эйхенбаума не интересует, далее, и само содержание, социальная направленность лермонтовского творчества, Б. Эйхенбаум изучает "имманентные" особенности литературной эволюции внутри самого литературного ряда, а не коренные причины, определяющие эту эволюцию.

[535] Там же. С. 185.
[536] Там же. С. 185–186.

Б. Эйхенбаум решительно против Белинского, а тем самым и против последующих революционно-демократических критиков — Чернышевского, Добролюбова и их оценки Лермонтова. <...>

"Смерть поэта", стихотворение, в котором Лермонтов гневно швырнул в лицо банде сиятельных убийц великого Пушкина обличительную характеристику, обжигающую, как удар хлыста, — по Эйхенбауму, пример ораторской лирики, где "образы и речения сами по себе не представляют ничего особенно оригинального или нового — они в основной своей части совершенно традиционны и восходят к посланию Жуковского" (стр. 108), новизна же только в том, что в "потоке слов тонут смысловые детали, что оно действует не смысловыми деталями, не 'образами', а эмоциональной выразительностью". "'Дума' — набор готовых пустых патетических формул, с нажимом на тембр и интонацию, за которыми чувствуется эмоциональная жестикуляция". "Песня о купце Калашникове" не "есть что-либо серьезное и открывающее собою новые пути" и т. д. и т. д. Для гениальных созданий Лермонтова отыскиваются "готовые патетические формулы", "тембры", "интонации", "эмоциональная жестикуляция" и т. п.

Довольно! Читатель вместе с нами испытывает не только гнев, но и отвращение к клеветнической стряпне "ученого" лермонтоведа. Но это глумление над великим русским поэтом и является содержанием комментария к собранию сочинения Лермонтова»[537].

Заключал автор свою статью такой фразой:

«...Не пора ли положить конец работе "черствых педантов" по "истолкованию" наших великих народных писателей; не пора ли разъяснить вредоносный смысл их "изысканий" и создать такие книги о гениальных творцах нашей литературы, которых требует и ждет советский читатель»[538].

Сквозящий антисемитизм А. М. Докусова дал себя знать и в дальнейшем: ноябрьский номер журнала поместил его статью «За партийность литературной науки!», в которой он распекал Л. П. Гроссмана, Л. В. Пумпянского и А. Г. Цейтлина[539].

Впоследствии А. М. Докусову посвятил несколько строк Е. Г. Эткинд:

«...Александр Максимович Докусов за многие годы преподавательской и научной деятельности не обнаружил никаких дарований — ни литературных, ни лекторских. Студенты старались на его лекции не ходить, о серости своих книг и статей он, видимо, догадывался сам. Так он и пробавлялся не столько наукой, сколько ее имитацией, называемой "методика преподавания литературы", пока не наступила блаженная полоса — 1949 год, когда была дана команда — "до конца разгромить буржуазных космополитов и эстетов", главная цель которых в том, чтобы "принизить советскую литературу, помешать ее дальнейшему развитию, сбить с ног людей талантливых, способных создать новые произведения, нужные народу... Космополитизм служит проводником реакционных буржуазных влияний".

То были призывы к антисемитскому погрому, который превратился в разгром интеллигенции. Докусов взыграл: наконец-то он получил нечаянную возможность безнаказанно (так в то время казалось!) расправиться с теми, кому он до сих пор мучительно и безнадежно завидовал, кого именовал вслух шарлатанами и фокусниками, понимая, однако, про себя, что эти ненавистные ему и не пускающие его на порог Эйхенбаум, Жирмунский, Гуковский, Томашевский — блестящие таланты, которые весь

---

[537] *Докусов А.* Против клеветы на великих русских писателей. С. 187, 189.

[538] Там же. С. 189.

[539] *Докусов А.* За партийность литературной науки! // Звезда. Л., 1949. № 11. Ноябрь. С. 160–166.

окружающий их мир делают праздничным. Вокруг него, Докусова, все было всегда серо, буднично и уныло. Статьи, написанные Докусовым в 1949 году, клокочут долго сдерживаемой ненавистью, которая вдруг вырвалась наружу. Но — вот беда! Даже ненависть не способна окрасить докусовские писания хоть тенью таланта. У людей одаренных злоба стимулирует яркость стиля, сообщает ему блеск неожиданности и обаяние открытого темперамента. Докусов, даже ненавидя, не умел быть оригинальным, писал унылыми штампами, и это, вероятно, бесило его еще больше. <...>

Б. В. Томашевский и Б. М. Эйхенбаум повсеместно — и теперь не только на гнилом Западе, но и в Советском Союзе — признаны классиками филологической науки <...>. Их хулитель А. М. Докусов доживает свой позорный век в безвестности, окруженный всеобщим равнодушием и не приобретший даже старческого благообразия...»[540]

Мы же вернемся к призыву А. М. Докусова — «разъяснить вредоносный смысл» творчества Бориса Михайловича и ему подобных. Именно этому вопросу журнал «Звезда» посвятил свои нетленные страницы в сентябре 1949 г., поместив статью члена ВКП(б) и доктора филологических наук Б. В. Папковского под названием «Формализм и эклектика профессора Эйхенбаума»[541].

Название этого памфлета вполне соответствует и его содержанию, оскорбления в адрес опального ученого автор изрыгает с самого первого абзаца:

«В свете последних решений ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве, в свете выступлений партийной печати по вопросам театральной критики заслуживают особого внимания литературоведческие работы профессора Б. М. Эйхенбаума. Один из вожаков формализма, Эйхенбаум среди некоторых, правда, очень ограниченных кругов интеллигенции пользовался известностью "тонкого" ценителя, эстета и "мэтра" от литературы. Он долгое время руководил подготовкой аспирантов в Ленинградском университете и Институте литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР, был заведующим кафедрой русской литературы на филологическом факультете университета и председателем Пушкинской комиссии в Институте литературы. Он окружил себя тесным, хотя и немногочисленным кольцом своих учеников, усиленно раздувавших его авторитет в Ленинграде. Именно поэтому следует проанализировать работы профессора Эйхенбаума.

Ореол "тонкого" ценителя, которым было окружено имя Эйхенбаума в кругах формалистов, искусственно раздувался. Формалисты особенно охотно употребляли это слово. Следует напомнить, что еще Пушкин писал: "Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки".

Но буржуазные интеллигенты, выбитые из привычной им колеи революционной эпохой, хватались за "тонкость" и в условиях послереволюционной эпохи вкладывали в это понятие определенный смысл. Под "тонкостью" они разумели сугубый формализм, утверждение старых буржуазных предрассудков, оторванность от народа и революции, недовольство бурным развитием советской литературы и культуры. Это характерно и для Эйхенбаума»[542].

Б. В. Папковский, как истинный доктор наук, систематизировал поток своих критических мыслей в пять разделов, каждый из которых мог бы стать отдельной статьей, одинаково тенденциозной. Ограничимся лишь умозаключениями, которыми по ходу статьи разбрасывается автор:

---

[540] *Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. С. 68–71.
[541] *Папковский Б.* Формализм и эклектика профессора Эйхенбаума. С. 169–181.
[542] Там же. С. 169.

«К Эйхенбауму как бывшему профессору Высших курсов искусствознания при Институте истории искусств и Ленинградского университета с полным основанием должны быть отнесены слова В. И. Ленина о рабском подражании иностранщине и о том, что в "государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу"»[543].

«Советские люди никогда не восторгались поэзией Анны Ахматовой. У Эйхенбаума ее поэзия вызывает восторг. Ему по душе этот крайний индивидуализм, проповедь "искусства для искусства", "красоты ради самой красоты", формалистическое экспериментаторство, оторванность от народа и общественной жизни, любование прошлым и вражда к революции»[544].

«...В своем низкопоклонстве перед буржуазным Западом Эйхенбаум всячески унижает русскую литературу, подходит к ней с предвзятыми формалистическими схемами и "универсальными законами", которые ничего общего не имеют с подлинной наукой»[545]. «Десятилетиями занимаясь изучением Толстого, Эйхенбаум ни на йоту не продвинул вперед научного исследования наследства великого писателя»[546]. «Эйхенбаум извратил В. И. Ленина, поставив Толстого в "особое положение" вне борющихся классов»[547].

Завершает Б. В. Папковский свое выступление так:

«Почти за сорокалетний период своей деятельности профессор Эйхенбаум не смог преодолеть порочные методы формализма и буржуазного литературоведения. Упорно отстаивая формализм и буржуазное литературоведение, Эйхенбаум ни разу не выступил в печати с критикой своих ошибок.

Отрицая на словах роль идей и идеологии, Эйхенбаум на деле оказался в плену реакционной буржуазной идеологии. Его воинствующий идеализм эклектически сочетал в себе позитивизм, интуитивизм, неокантианство, плюрализм, "энергетизм", как разновидность махизма. Практически это выразилось во враждебном отношении к марксизму-ленинизму в начале революции, к советской литературе и культуре. Пренебрежение к русской культуре и низкопоклонство перед буржуазным Западом привело его к космополитизму. В последних статьях "О противоречиях Толстого", "Очередные проблемы изучения Толстого" и "Поговорим о нашем ремесле" Эйхенбаум извратил взгляды В. И. Ленина и неправильно ориентировал советских писателей. На деле оказалось, что никакой существенной перестройки у Эйхенбаума не было. Многолетние писания и пухлые монографии о Толстом ни на йоту не продвинули вперед литературную науку. В действительности Эйхенбаум является представителем безыдейного декадентского болота формалистов-эклектиков и космополитов»[548].

Уместно привести высказанное впоследствии мнение Р. О. Якобсона об этой статье:

«Пакостнейший образец этих обличений, <...> кишит клеветническими, безграмотными наговорами, беззастенчивыми передержками, черносотенными намеками и тупыми издевательствами над ученым, только что лишившимся всех своих учебных и научных функций в Ленинградском университете и в Пушкинском Доме, где пятнадцать лет он вел исследовательскую и редакционную работу»[549].

---

[543] *Папковский Б.* Указ. соч. С. 171.
[544] Там же. С. 174.
[545] Там же. С. 177.
[546] Там же. С. 178.
[547] Там же. С. 179.
[548] Там же. С. 181.
[549] *Якобсон Р.* Борис Михайлович Эйхенбаум (4 октября 1886 – 24 ноября 1959) // *Эйхенбаум Б. М.* «Мой временник»... С. 602.

В том же сентябре 1949 г. в свет вышел номер редактируемого К. М. Симоновым «Нового мира», содержавший статью известной советской писательницы Анны Караваевой[550] «Оруженосцы космополитизма», посвященную вопросам иностранной литературы (в очевидном ракурсе). Но перед тем как приступить к разоблачению литературы империализма, писательница кратко коснулась того тлетворного влияния, которое эта литература некогда оказывала на сознание соотечественников. Борис Михайлович оказался единственным из историков литературы, кого она не только упомянула в своей работе персонально, но и напомнила читателям его литературное происхождение:

> «В двадцатом веке, щедро субсидируемые капиталистами-"меценатами", грезили о старине и пресмыкались перед любой западной "модой" декаденты, модернисты, мистики, символисты и прочая и прочая. Они всегда были кучкой отщепенцев, чуждой накипью — народ не знал их и не нуждался в них. Как плесень и ядовитые грибки, они стремились проникнуть всюду, чтобы заразить своим тленом все молодое и здоровое. Они смущали слабые, неустойчивые души "творимыми легендами" Сологуба и упадочной тоской Гиппиус о том, "чего нет на свете". <...> От этих давних недругов русской культуры идет "линия преемственности" к формалистам нашей советской эпохи. Их теории унаследованы от так называемого "Опояза". <...>
>
> Формалисты вошли в советскую литературу со всем своим "теоретическим" арсеналом. Формалистско-эстетские писания выглядели наукообразно, а их авторы научились более тонко, чем их "предки", рекомендовать себя ревнителями чистоты и красоты великого русского языка. Книги формалистов издавались, их критиковали, но кое-кто прислушивался к их парадоксам, к их мотивировкам, к "интонационной" системе, к игре понятий и определений.
>
> Формалисты не только закидывали сети в настоящее, но и классиков русской литературы стремились причесать по-своему. Помню статьи Эйхенбаума о Гоголе, в которых "Шинель" и гоголевский "смех сквозь слезы" были превращены в отдельную "систему" формалистских "рядов", "интонаций" и т. д. Помню работы Эйхенбаума о Льве Толстом в конце 20-х — начале 30-х годов, в которых исследователь, хладной рукой аналитика, препарировал творчество молодого Толстого...»[551] и т. д.

---

[550] Караваева Анна Александровна (1893–1979) — советская писательница, в 1913–1916 гг. училась на историко-филологическом отделении Бестужевских курсов, в 1920–1928 гг. жила на Алтае, где работала в совпартшколе и редакции газеты «Красный Алтай»; член ВКП(б) с 1926 г., печаталась с 1922 г., с 1928 г. жила в Москве. Активно участвовала в деятельности РАППа, член редколлегии журнала «Октябрь», в 1931–1938 гг. главный редактор журнала «Молодая гвардия»; в 1933 г. подвергалась партийной чистке; ср. письмо В. Я. Кирпотина от 8 сентября 1933 г.: «Вчера после собрания Горький остался на чистке. Чистили Караваеву. Биография идейной бестужевки или сентиментальной народной учительницы. Старик сидел, сидел — и пошел домой, не дождавшись конца автобиографии...» (*Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 260). Благодаря А. А. Фадееву в сентябре 1934 г. включена в состав правления ССП СССР, а в январе 1939 г. в состав президиума правления (секретарь — А. А. Фадеев). Именно в качестве члена правления ССП она в январе 1940 г. подписала коллективное письмо президиума об установлении А. А. Ахматовой пенсии в размере 750 руб. в месяц и предоставлении ей комнаты, поскольку «заслуги Ахматовой перед русской поэзией, ее литературное значение весьма велики» (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 317); в 1951 г. удостоена Сталинской премии III степени за трилогию «Родина» (1943–1950), причем исключительно благодаря тому же А. А. Фадееву, который «Анну Караваеву провел на премию, вопреки сопротивлению секции критиков» (*Кирпотин В. Я.* Указ. соч. С. 648).

[551] *Караваева А.* Оруженосцы космополитизма: Заметки писателя // Новый мир. М., 1949. № 9. С. 220.

Очевидно, что подобные потоки нечистот были крайне чувствительны для Б. М. Эйхенбаума, который и без этих статей едва не пополнил собой весной 1949 г. ленинградский мартиролог. Но Борис Михайлович, подобно М. К. Азадовскому, также попытался стряхнуть с себя эти обвинения.

ПИСЬМО Б. М. ЭЙХЕНБАУМА А. А. ФАДЕЕВУ

В конце сентября, еще до выхода статьи Б. В. Папковского, Борис Михайлович написал письмо секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову, который 20 июля 1949 г., одновременно с назначением главным редактором «Правды», сменил Д. Т. Шепилова на посту заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)[552].

Когда же в десятых числах ноября девятый номер «Звезды» вышел в свет, Борис Михайлович опять взялся за перо. Поскольку журнал являлся органом ССП, то и писал он руководителю этой организации — Александру Фадееву:

> «В трех книжках журнала “Звезда» 1949 г. (№№ 7, 8 и 9) напечатаны статьи, в которых говорится обо мне и моих работах. В нашей печати неоднократно указывалось на то, что советская критика должна быть суровой, но объективной и справедливой, что делать ее надо “чистыми руками”. Если бы появившиеся в “Звезде” статьи соответствовали этим требованиям, они, конечно, принесли бы мне пользу и помогли бы преодолеть те старые навыки и традиции, которые, быть может, еще сказываются на моих работах, несмотря на стремление освободиться от них. Дело обстоит, к сожалению, иначе: статьи Абрамова и Лебедева (№ 7), Докусова (№ 8) и Папковского (№ 9) настолько не соответствуют этим требованиям, что не вызывают во мне ничего, кроме возмущения. В связи с этим я решил обратиться в Союз советских писателей, органом которого является “Звезда” и членом которого я состою с самого его основания»[553].

Далее Б. М. Эйхенбаум занимается опровержением основных обвинений, привести которые важно в качестве иллюстрации основополагающих приемов «большевистской критики и самокритики».

Статье Абрамова–Лебедева он уделяет лишь несколько строк, но дающих понимание о методе их работы. Например:

> «Они упрекают меня в том, что я будто бы “раздуваю” значение Полонского, и ставят мне на вид, что я позволяю себе “походя” полемизировать с Салтыковым-Щедриным, который, мол, назвал Полонского “простым эклектиком”. На самом деле Салтыков-Щедрин в статье 1869 г. назвал Полонского “эклектиком”, а я в конце своей статьи говорю только, что Полонский — не простой эклектик, а явление более сложное. Слово “простой” принадлежит мне, а не Салтыкову-Щедрину. Ту же ошибку допустил А. Дементьев в своей статье о “Библиотеке поэта” (“Лит[ературная] газета” от 24 сентября 1949 г.), просто повторив в этой части слова Абрамова–Лебедева. Тем самым

[552] Е. А. Тоддес пишет: «Три номера Звезды (7, 8, 9 за 1949) дали по Эйхенбауму, он пробовал обращаться в ЦК — 28 сент 49 запись в дневнике: “Телеграмма от [Н. Л.] Степанова, что письмо Суслову передано 24.IX”» (*Тоддес Е. А.* Указ. соч. С. 651). Несомненно, речь в письме М. А. Суслову могла идти лишь о 7 и 8 номерах, поскольку в выходных данных девятого номера «Звезды» указано, что он был подписан в печать только 28 сентября, то есть после написания указанного письма.

[553] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 293. Л. 8.

мои слова: "Он не простой эклектик, как показалось Салтыкову-Щедрину" имеют не тот смысл, какой приписали мне авторы статьи. Мою статью они, очевидно, прочитали "походя", а статью Салтыкова-Щедрина вовсе не читали. Кстати: разве не согласиться с тем или другим мнением Салтыкова-Щедрина значит уже проявить себя "формалистом" или "космополитом"? Такая точка зрения — вредный фетишизм, который всегда соединяется с невежеством»[554].

Затем Борис Михайлович обращается к текстам А. М. Докусова и Б. В. Папковского:

«Перехожу к двум следующим статьям. Я буду говорить о них совместно, поскольку они находятся на одинаковом умственном и моральном уровне, и остановлюсь только на самых ярких примерах. Я обойду вниманием весь вопрос о личности моего деда и о "беззастенчивой саморекламе", которой я будто бы занимаюсь в "Моем временнике". Скажу только, что оба критика, по странной случайности, не заметили ни кавычек, ни примечания (стр. 15), из которого видно, что весь рассказ (или "сказание", как я говорю вначале) о предках представляет собой сплошную цитату из журнала "Рассвет" 1860–1861 гг. На эту тему я больше не скажу ни слова. Бывают случаи, когда правильнее всего — пройти мимо и даже несколько посторониться.

Оба критика выбрали мою автобиографическую повесть ("Мой век" 1929 г.) в качестве материала для всякого рода издевательств и инсинуаций. Я пишу о своей ранней юности и о характерной для многих русских юношей той поры исканиях: "Я — представитель особой национальности, не встречающейся ни в Китае, ни в Европе. Я — русский юноша начала XX века, занятый вопросом, для чего построен человек, и ищущий своего призвания. Я — странник, занесенный ветром предреволюционной эпохи. Эпохи русского символизма, из южных степей в петербургские мансарды". Докусов цитирует первую фразу, опускает вторую (подчеркнутую), а из третьей берет начальные слова ("я — странник"), после чего продолжает уже он себя: "Скажем проще: космополит, из породы "безпачпортных бродяг", оказавшийся в Петербургском университете". Так работает этот "критик".

В другом месте я рассказываю об Историко-филологическом факультете Петербургского университета и о его "славяно-русском отделении", которое возглавлял член "Союза русского народа" проф[ессор] И. А. Шляпкин и на котором тогда (1908–1909 гг.) господствовал реакционный, "черносотенный" дух. Этот дух был мне противен — и я перешел на "романо-германское отделение". Рассчитывая на понимающего читателя, который не станет намеренно путать слова и понятия разных эпох, я говорю, что "славяно-русская культура не пришлась мне по душе" или что "я не чувствовал в себе никаких склонностей к славянофильству". Докусову нет дела до подлинного смысла моих слов — он торжествует: "Портрет совершенно ясен: это космополит по собственному 'гордому' признанию, формалист и эстет в литературной науке, с глубоким равнодушием и даже пренебрежением относящийся к великой русской культуре и литературе". <...>

Еще пример такого рода "цитирования". Папковский решил во что бы то ни стало найти у меня идейную связь с троцкизмом. Приведя мои слова о понимании истории как "динамического процесса" (будто бы идущие от троцкизма), он говорит: "В 1924 году такая мысль для Эйхенбаума не случайна. В статье "Вокруг вопроса о формалистах" он писал, что Троцкий "сыграл серьезную роль в деле укрепления общественно-педагогической позиции формализма" ("Печать и революция", 1924, № 5, стр. 8)". На самом деле вот что я писал: "Наконец, статья Л. Троцкого 'Формальная школа поэзии и марксизм'...

[554] Там же. Л. 11–12.

Статья эта сыграла серьезную роль в деле укрепления общественно-педагогической позиции формального метода, поскольку Троцкий, в противоположность многим другим, признал "известную часть изыскательской работы формалистов вполне полезной". Но если оставить в стороне вопрос о пользе или вреде и подойти к статье Троцкого просто с точки зрения научной истины, то она вызывает ряд недоумений". Папковский опять "сократил" цитату, чтобы сделать ее более подходящей для его намерений; тем более не цитирует он дальнейших слов: "Троцкий, возражая формалистам, отступает не только от эволюционной точки зрения, но и от марксистских принципов. Воздерживаясь от так называемого "вульгарного марксизма", он силою вещей приходит к чему-то уже ни на какой марксизм не похожему... Троцкий оказывается единомышленником эклектиков-ревизионистов" и т. д. Как видно из этих слов, я позволил себе выступить против Троцкого, когда он был еще в полной силе. В том же номере "Печати и революции" были помещены ответы на мою статью; автор одного из этих ответов возмущается моей смелостью: "Мы были весьма сдержанны, когда автор говорил о вещах ему известных, хотя и не совсем понятных, но когда он начинает притоптывать на Л. Д. Троцкого, не имея ни малейшего представления о марксизме, перо становится нервным. Всякой смелости должен быть положен предел. Мы это и сделали бы, но ведь Троцкий в этом ничуть не нуждается" (стр. 37). Обо всем этом Папковский, конечно, молчит; но факты — вещь упрямая»[555].

После этого Б. М. Эйхенбаум касается своих литературоведческих работ:

«Оба критика толкуют вкривь и вкось мои работы о Лермонтове и Л. Толстом, находя в них материал для разнообразных и очень тяжких обвинений. Нет ни слова, указывающего хоть на какие-нибудь положительные стороны или черты моих писаний, — все в моих работах возмутительно, все неверно, все или унижает или чернит великих русских писателей. <...> Не потеряли ли мои критики чувство меры? Сила клеветы зависит все-таки от степени ее правдоподобия. Выходит, что все ошибались: и те, кто издавали мои работы, и те, кто допустили меня к научной и педагогической деятельности, и те, кто признали меня достойным ученой степени доктора филологических наук и ученого звания профессора, и те, наконец, кто сочли нужным наградить меня орденом "Знак почета" (в 1944 г.) и "Трудового Красного Знамени" (в 1945 г.). Не слишком ли много берет на себя этот бездарный и невежественный клеветник?

О Лермонтове я написал две больших работы: книгу "Лермонтов" (1924 г.) и статью "Литературная позиция Лермонтова" (1941 г.). Докусов говорит только о первой, написанной в период увлечения "формальным методом" и полемически направленной против старой "академической" литературы о Лермонтове (Н. А. Котляревский) и против книжки Д. Мережковского ("Лермонтов — поэт сверхчеловечества"). В этой книге есть, конечно, и преувеличения и ошибки, которые я исправил в работе 1941 г. Докусов считает, что работа 1941 г. — "только маскировка", а что на самом деле я остался на позициях 1924 г. Откуда такое заключение — не знаю. Меня можно упрекнуть во многом, но ни лживых статей, ни ложных доносов я никогда не писал.

В книге 1924 г. я анализирую стихотворения Лермонтова "Смерть поэта" и "Дума" с точки зрения их стиля — как ораторскую лирику. О "Смерти поэта" я говорю: "Перед нами страстная речь оратора: речевые периоды, сменяя друг друга, образуют целую скалу голосовых тембров — от скорбного до гневного... Как всегда у Лермонтова, в этом потоке слов тонут смысловые детали — фраза превращается в неразрывную выразительную

[555] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 293. Л. 12–14, 16–17.

формулу, в эмоциональный сплав" и т. д. Допустим, что это устарело, но что тут обидного, вредного или возмутительного? Докусов требует, чтобы я учился у него и обязательно писал так, как он: "Смерть поэта" — "стихотворение в котором Лермонтов гневно швырнул в лицо банде сиятельных убийц великого Пушкина обличительную характеристику, обжигающую как удар хлыста". Каюсь, я не умею писать таким языком. "Швырнул в лицо банде характеристику" — нет, я не могу считать этот стиль образцовым.

Целая глава статьи Папковского отведена моим работам о Л. Толстом. Сначала речь идет о книге "Молодой Толстой" 1922 г. Папковский приписывает мне несуществующие в книге идеи и задачи. Например, я говорю, что "у Толстого нет отдельных, обособленных, замкнутых фигур 'героев', по отношению к которым другие играют служебную роль. Все одинаково выпуклы — и вместе с тем как бы сливаются с другими или взаимно обусловливают друг друга" и т. д. (стр. 42). Папковский так подает эту мысль: "Идеи, образы и типы у Толстого отсутствуют, так как его образы и персонажи все одинаково выпуклы" и т. д. (следуют мои слова). Далее Папковский пишет: "Роль идеи и рассудка он (т. е. я) отрицает". Там, где "рассудок внедряется в область художества, как новое начало, — пишет он, — форма расшатывается, приобретает неопределенные очертания". На самом деле я говорю как раз обратное. Я указываю на то, что Толстой уже в дневниках борется с романтическими шаблонами (стр. 51); в этой связи я пишу: "Рассудок внедряется в область художества как новое, творческое начало. Форма расшатывается, приобретает неопределенные очертания, но тем определеннее выступают новые приемы, сообщающие резкость и ясность деталям". Дальше я говорю, что Толстой сам никогда не рассказывает — "ему нужен некий медиум, восприятием которого определяется тон описания и выбор подробностей". Папковский, надо думать, не настолько невежествен, чтобы не понимать, что слово "медиум" значит здесь просто "посредник" и не имеет никакого отношения к спиритизму; однако он пишет: "Мистический медиум, а не реалистический метод изображения действительности, по Эйхенбауму, руководил Толстым — художником". Это, конечно, не невежество, а шулерство.

Так "разобрана" вся книга 1922 г. Кстати: книга эта была одобрена и принята к изданию А. М. Горьким, который стоял тогда во главе издательства З. Гржебина. Вряд ли он сделал бы это, если бы книга содержала хотя бы десятую часть того, что "обнаружил" в ней Папковский.

В 1946 г. в печати появился мой доклад, прочитанный на юбилейной сессии ЛГУ (1944 г.): "Очередные проблемы изучения Л. Толстого". Доклад начинается словами: "Нет ничего удивительного или неожиданного в том, что из всех произведений Толстого именно 'Война и мир' оказалась сейчас в центре внимания; удивительнее на первый взгляд то, что книга эта, написанная 75 лет назад, кажется не только злободневной, но даже вéщей. 'Война и мир' читается сейчас не столько как исторический роман об Отечественной войне 1812 года, сколько как книга, имеющая прямую историческую связь с нашей современностью". Далее я поясняю, что связь эта неслучайна: "Книга эта была написана в эпоху завязывания тех важнейших для будущего исторических узлов, которые теперь, по-видимому, развязываются". Я говорю о международном положении после Крымской и накануне Франко-прусской войны и заключаю: "'Война и мир' стоит в этой цепи как книга, порожденная общеевропейской действительностью 60-х годов и возникшая на основе центральных жизненных вопросов эпохи". Что из всего этого сделал Папковский? Вот его слова: "Эйхенбаум удивляется, что роман 'Война и мир' так близок и теперь нашему народу, что он читается как книга, имеющая прямую

историческую связь с нашей современностью. И тут же заявляет, что эта книга порождена общеевропейской действительностью". Так обращается Папковский с моим текстом, уверенный в моей беззащитности и в том, что никто не станет его проверять.

Примеры можно было бы умножить, но дело ведь не в количестве. Тот же шулерский метод применен Папковским к моей статье о "Маленьких трагедиях" Пушкина, и к статье о "Маскараде" Лермонтова, и к рецензии на постановку "Дяди Вани" Чехова. Любой читатель может убедиться в этом, если сопоставит текст этих статей с тем, что говорит о них Папковский. Неясным может остаться только одно: является ли все это результатом только клеветнического замысла или к нему примешивается иногда и невежество?

Должен сказать еще об одном пункте, отмеченном в обеих статьях. Папковский сообщает: "В 1945 году в Ленинградском отделении Союза советских писателей Эйхенбаум заявил, что у Фадеева роман 'Молодая Гвардия' не состоялся, так как у него описаны общеизвестные вещи и нет ничего неизвестного и неожиданного". Опять не знаю, каков "источник" Папковского, но таких глупостей я не говорил. Ближе к истине Докусов, который сообщает, что я назвал "Молодую Гвардию" произведением "эпигонским". Прочитав в "Знамени" первые главы этого романа, я сказал, что нахожу в них слишком заметное следование Толстому, сказывающееся в чередовании личных и исторических сцен, и что в этом смысле Фадеев повторяет конструкцию и жанр "Войны и мира". В дальнейшем я убедился, что это следование ощущается только в начале.

Как видно, мои критики не без труда выискивали годный для их целей материал, если им пришлось воспользоваться даже непроверенным слухом о том, что я сказал четыре года назад...»[556]

Завершает свое обращение Борис Михайлович следующим:

«Статьи, появившиеся в "Звезде", не остановили моей работы, но приговорили меня к высшей (для литератора) мере наказания: я не могу печататься. Я полагаю, что Союз советских писателей должен снять с меня эту незаслуженную мною кару и признать, что статьи "Звезды" (в особенности статья Папковского) написаны не в духе честной критики, а в духе злобной клеветы и травли, преследующей личные цели. Я не считаю себя безошибочным, но я никогда не был ни преступником, ни вредителем, ни врагом, ни лжецом. Я всегда служил своей родине и стремился приносить ей пользу»[557].

Конечно же, послание осталось безответным. Причин для молчания было предостаточно: это и тяжесть обвинений, предъявлявшихся Б. М. Эйхенбауму на протяжении последних четырех лет, и его национальность, и его нежелание публично каяться... Да и личность адресата этого послания изначально обрекала такой шаг Б. М. Эйхенбаума.

Впрочем, в начале 1950 г. А. А. Фадеев озвучил свою точку зрения на сочинение Б. Папковского. В своем программном докладе на XIII пленуме правления ССП СССР он отдельно упомянул ее в числе статей, «посвященных современным проблемам литературы и имеющих принципиальное значение», которые «били в идейную точку и поднимали актуальные вопросы»[558].

---

[556] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 293. Л. 17–22.

[557] Там же. Л. 24.

[558] *Фадеев А.* О задачах литературной критики: Доклад генерального секретаря Союза советских писателей СССР: (XII пленум правления Союза советских писателей СССР) // Литературная газета. М., 1950. № 11. 4 февраля. С. 1.

ПОНОШЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

С конца лета 1949 г. «здравица» ленинградским литературоведам принимает характер не столько персональной критики, сколько критики именно ленинградской филологии. И тут уже речь идет не столько о национальной составляющей, сколько о географической. Хотя антисемитская тенденция, учитывая установки руководства страны, сохраняется.

Статья В. Иванова[559] «За советский патриотизм в литературе и литературной критике» в восьмой книжке журнала «Октябрь» хотя и носит общий характер, но уже отражает такую тенденцию:

> «...Отдельные космополитствующие критики и литературоведы попытались мешать выполнению решений партии. Вот почему партийная печать со всей решительностью ударила по этим критикам и разоблачила их как людей, вольно или невольно становящихся прислужниками международной буржуазии.
>
> В чем же проявлялся космополитизм в литературоведении и литературной критике за последние годы? Если взять область истории литературы, то здесь космополитизм выражается прежде всего в принижении величия русской классической литературы, в "установлении" ее якобы "подражательности" иностранным литературам. В некоторые круги ученых историков литературы проникла буквально как дурная заразная болезнь тенденция во всех произведениях и образах русской литературы видеть следование иностранным образцам. Особой доблестью, по мнению этих "ученых", считается установление хоть какого-нибудь "влияния" на любого русского писателя со стороны одного или, еще лучше, нескольких иностранцев. Без этого ученый — не ученый. От этого нередко зависело даже присуждение ученой степени за кандидатскую или докторскую диссертацию. Особенно активными проводниками такой "методологии" исследования являлись до последнего времени бывшие опоязовцы, апологеты и прямые ученики Веселовского: Эйхенбаум, Жирмунский, Томашевский и их подражатели.
>
> Эйхенбаум, как известно, в своих писаниях умудрился даже величайшего гиганта русской литературы XIX века — Л. Н. Толстого, о котором В. И. Ленин говорил, что с ним некого поставить рядом во всей мировой литературе, изобразить как подражателя третьесортной французской и английской литературы.
>
> О Лермонтове Эйхенбаум писал, что "в литературном развитии Лермонтова сказывается общеевропейский процесс в его русском варианте". Вот, оказывается, что такое творчество Лермонтова — просто русский вариант общеевропейского процесса.
>
> В нашей критике уже отмечалось, что в своих комментариях к четырехтомнику Лермонтова, как и в прежних писаниях о великом русском поэте, Эйхенбаум "доказывает" подражательность буквально каждого! его произведения какому-нибудь иностранному образцу. Точно так же "комментировали" Лермонтова Б. Томашевский, Л. Пумпянский и иже с ними. Так же выглядят "исследования" подобных "ученых" почти о каждом классике русской литературы XIX века»[560].

Отношение, формируемое подобными публикациями, касалось уже не только знаменитой «четверки». Ленинградское литературоведение вообще стало синонимично

[559] Иванов Василий Иванович (1910–1973) — литературовед, специалист по вопросам идейности советской литературы, кандидат филологических наук (1949 г., тема — «Политика партии в области литературы в первой фазе развития советского государства», защищена 8 июля).

[560] *Иванов Вас.* За советский патриотизм в литературе и литературной критике // Октябрь. М., 1949. Кн. 8. Август. С. 179–180.

формализму, который в печати того времени стал наиболее частым обвинением. Параллельно шедшее «ленинградское дело» лишь провоцировало и усиливало такие нападки — необходимо было порочить все, связанное с Ленинградом, в том числе и в данной области.

Не иначе как пропагандой такой позиции стоит признать статью И. Гринберга[561] «Против пережитков формализма и буржуазного объективизма», напечатанную в ноябрьской книжке «Знамени»:

> «Выполнение исторических постановлений Центрального Комитета ВКП(б) по вопросам идеологии благотворно сказалось во всех областях науки и искусства, обеспечило неуклонный рост социалистической культуры, помогло разоблачить ее врагов — буржуазных космополитов и низкопоклонников, идеалистов и рутинеров. Однако в области истории и теории литературы буржуазный объективизм, формализм и эстетство изжиты еще далеко не полностью.
>
> Буржуазный формализм всегда настойчиво пытался представить литературу замкнутым, “имманентным рядом”, ничем не связанным с жизнью общества, с классовой борьбой. С “ученым видом знатоков” представители “Опояза” и других эстетских школок и группок твердили о литературной “специфике”, объявляя себя единственными ее хранителями и истолкователями, незаменимыми специалистами в области “формы”. Представители “формальной школы”, выступая в качестве бесстрастных жрецов “чистой” науки, в действительности загромождали свои “исследования” антинаучными домыслами и реакционной схоластикой. Обращаясь к истории литературы, они замалчивали происходившую в русской литературе на протяжении многих десятилетий жестокую и непримиримую борьбу между лагерем прогрессивным, революционным и лагерем дворянско-крепостнической реакции. Буржуазные либералы, таким образом, выступали как защитники мракобесов и консерваторов, врагов Белинского и Чернышевского, обедняли и искажали величайшие произведения русской литературы XIX века.
>
> Обращаясь к современной литературе, формалисты действовали как союзники декадентствующих и эстетствующих прозаиков и поэтов. Их поддержку получали только авторы сочинений, проникнутых духом распада, болезненной мистики и эротики. К революционным же поэтам они обращались лишь для того, чтобы еще раз продемонстрировать свой снобизм, чтобы попытаться выхолостить, обойти молчанием партийную направленность творчества В. В. Маяковского или произнести несколько высокомерных сентенций по поводу стихов и басен Демьяна Бедного»[562].

---

[561] Гринберг Иосиф Львович (1906–1980) — литературный критик, в тот момент заведовал отделом критики журнала ССП СССР «Знамя»; первоначально получил известность как ленинградский литературный критик, с 1932 г. публиковался в журнале «Звезда», после войны переехал в Москву; в конце 1949 г. был разоблачен как «безродный космополит» (в 1950 г. в документах ЦК ВКП(б) он поименован как «литературовед-космополит Ленинграда». См.: Сталин и космополитизм... С. 571); в 1954 г. вернулся к активной литературной работе. В последующие годы был известен как доброжелательный критик, что доходило до того, что его мнение перестало восприниматься собственно критическим: «...Знали, что он пишет только положительные рецензии, и поэтому не верили его оценкам и тогда, когда они были справедливы» (*Огнев В.Ф.* Книга воспоминаний: Амнистия таланту. Блики памяти. М., 2001. С. 111); «...Гринберг с дубинкой — нонсенс: за свою деятельность, насколько знаю, не написал ни одной разгромной, отрицательной статьи-рецензии» (*Гусейнов Ч.Г.* Memor-портреты // Знамя. М., 2006. № 8. С 144).

[562] *Гринберг И.* Против пережитков формализма и буржуазного объективизма // Знамя. М., 1949. Кн. 11. Ноябрь. С. 180.

После такого введения автор поочередно обращается к наследникам формализма и их работам, причем не вспоминая ни одного из четырех «разоблаченных» ранее. Таковых находится пятеро: Б. В. Томашевский, Б. Я. Бухштаб, Н. И. Мордовченко, П. Н. Берков и Л. А. Плоткин, из коих все, кроме Бориса Яковлевича, — профессора филологического факультета Ленинградского университета.

Какие же претензии предъявляет им автор:

> «О живучести антинаучных, формалистических, объективистских концепций свидетельствует, например, вступительная статья Б. Томашевского к стихотворениям К. Н. Батюшкова в новом издании малой серии "Библиотеки поэта".
>
> Формализм выступает теперь перед нами не в "чистом" своем виде. Б. Томашевский эклектически смешивает в своей статье различные буржуазно-либеральные концепции — от поверхностного биографизма до вульгарного социологизма, не приближаясь тем самым ни на шаг к марксистской точке зрения, по-прежнему оставаясь ей чуждым. <...>
>
> Может показаться удивительной эта беспомощность исследователя в вопросах, казалось бы, являющихся его "специальностью". Но в том-то и дело, что формалисты, объявив себя "знатоками" и "специалистами" в области литературы и попытавшись отгородить эту важнейшую область общественной идеологии от жизни общества, тем самым выступили против передовой науки, вооруженной методом марксизма-ленинизма, и оказались неспособными познать истинную природу художественного творчества, законы его развития. <...>
>
> Достойно внимания то обстоятельство, что формалисты, всегда гордившиеся своим пониманием "специфики" литературы, оказались полными банкротами и в области изучения формы»[563] и т. д.

Затем И. Л. Гринберг проходится по Б. Я. Бухштабу:

> «В иных случаях формалистические, буржуазно-объективистские позиции дают о себе знать в отдельных неверных, ошибочных положениях, извращающих характеристику важнейших явлений русской литературы.
>
> Так, Б. Бухштаб в статье о Н. А. Добролюбове-поэте (выпуск нового издания малой серии "Библиотеки поэта") дает обстоятельные, интересные комментарии к стихотворным пародиям, помещавшимся в "Свистке"; он показывает, как замечательный деятель русской революционной демократии блестяще использовал этот литературный жанр для изобличения реакционеров и либералов, для борьбы за передовые идеи, выдвигаемые освободительным движением. Однако здесь же, на соседних страницах, содержатся высказывания, проникнутые объективизмом, который был столь ненавистен Н. А. Добролюбову, как и другим революционным демократам, и который не может, не должен иметь места в работе советских критиков и литературоведов.
>
> В чем смысл и назначение, например, длинных, занимающих несколько страниц рассуждений о "религиозно-монархическом мировоззрении" тринадцатилетнего (!) Добролюбова? <...>
>
> Резкое возражение вызывает и данное Б. Бухштабом определение "некрасовского лирического героя", как "интеллигентного городского пролетария, нервного, озлобленного, замученного рефлексией...". Под этими словами мог бы подписаться любой либеральный профессор, тщательно замалчивающий политическую, идейную направлен-

[563] Там же. С. 181–182.

ность творчества Н. А. Некрасова, дух непримиримого, неукротимого борца за народное счастье, который жил в уме и сердце "лирического героя" поэта.

Объективистская близорукость, лежащая в основе этой характеристики, выступает с еще большей разительностью в либеральных, поверхностных рассуждениях Б. Бухштаба о проповедниках "чистого искусства". <...>

Свою характеристику позиций блюстителей "чистого" искусства Б. Бухштаб заканчивает следующим образом: "Не возбранялась и 'поэзия мысли', лишь бы размышления поэта касались 'вечных' вопросов бытия, а не конкретных, насущных социально-политических проблем. Стремление уйти и увести от этих проблем было естественным проявлением идеологии ущербного класса". Говоря об ущербности дворянской идеологии, Б. Бухштаб, однако, не показывает, что самую ущербность и ограниченность своих позиций дворянская реакция пыталась употребить в качестве орудия борьбы против освободительного движения. Подобное положение имело место и в начале XX столетия, когда буржуазия использовала упадочные, декадентские сочинения своих литературных наемников как средство пропаганды, обращенной против надвигавшейся социалистической революции. И в наше время отравленная стряпня агентов американского империализма не только отражает распад и гниение капитализма, но и является одним из мерзких и подлых приемов, посредством которых эксплоататоры стремятся отсрочить час своего падения.

Таким образом, вопрос о подлинной направленности произведений ревнителей "чистого" искусства — это вопрос, имеющий отнюдь не только исторический интерес. Речь идет о проблеме, имеющей насущно важное значение для нашей сегодняшней, современной борьбы за высоко тенденциозное, открыто партийное искусство, проникнутое идеями советского патриотизма, идеями Ленина—Сталина»[564].

Работы Н. И. Мордовченко и П. Н. Беркова автор рассматривает вместе:

«Пережитки формалистических представлений о литературе сказываются в неспособности или в нежелании некоторых литературоведов понять прямую, неразрывную и ясно ощущаемую связь между творчеством русских поэтов прошлых столетий и борьбой угнетенных масс — борьбой русского народа за свободу и независимость против иноземных захватчиков и "отечественных" эксплоататоров — помещиков и капиталистов.

Творчество лучших, передовых художников прошлого должно быть раскрыто и понято с позиций социалистической современности. Наша партийная печать постоянно дает образцы такого подлинно научного, большевистски целеустремленного подхода к классическому наследству. Этим образцам должны следовать литературоведы, изучая историю русской и мировой литературы в свете задач, выдвигаемых строительством нового, коммунистического общества. Только с этой высоты и можно дать верное, глубокое, правдивое объяснение успехам и достижениям русской поэзии, завоевавшим ей первое место в мире. Чтобы дать правильное и исчерпывающее истолкование явлениям и событиям прошлого, надо прежде всего быть активным работником социалистической культуры и руководствоваться ее высокими, благородными принципами, обращаясь к историческим фактам.

Именно этой широты сопоставлений, этой горячей заинтересованности советского современника, этой целеустремленности исследования не хватает опубликованным в новом издании малой серии "Библиотеки поэта" вступительным

[564] *Гринберг И.* Указ. соч. С. 183–184.

статьям — Н. И. Мордовченко к стихотворениям Кондрата Федоровича Рылеева и П. Н. Беркова к стихотворениям Михаила Васильевича Ломоносова.

Правда, авторы этих вступительных статей не прошли мимо замечательной патриотической деятельности обоих поэтов, боровшихся — каждый по-своему — за честь, независимость и процветание своей великой Родины. Н. И. Мордовченко рассказывает о революционных идеях К. Ф. Рылеева, нашедших отражение в его поэзии; П. Н. Берков — об огромной новаторской, созидательной работе М. В. Ломоносова, сделавшего так много для будущего русской науки, русской поэзии. Однако в этом обстоятельном изложении исторических фактов нет должной широты исследования, нет развернутого определения тех связей, которые существовали между творчеством отдельных выдающихся представителей русской литературы и разгоравшейся напряженной классовой борьбой народных масс против угнетателей... <...> Н. И. Мордовченко, рассказывая о творческом пути К. Ф. Рылеева, не следует знаменитому ленинскому указанию о трех этапах развития революционно-освободительного движения в России. Разумеется, это лишает его возможности исчерпывающе и всесторонне объяснить важнейшие особенности творчества поэта-декабриста. П. Н. Берков в своей статье должен был бы полно и ярко раскрыть патриотическую устремленность работы М. В. Ломоносова, ее значение и роль в развитии русской поэзии. <...>

Отгораживание от современной советской литературы, искусственная “специализация”, псевдонаучная “бесстрастность” и объективизм приводят к самым пагубным результатам. Пережитки формалистического литературоведения, аполитично-объективистское отношение к литературе сказываются порой, как мы видели, и в тех статьях, которые не содержат прямых ошибок, высказываний, открыто идущих вразрез с марксистско-ленинским учением, но страдают ненужной “академичностью”. Подобные, написанные “с холодком” статьи лишены внутренней утверждающей целеустремленности, которая обычно свойственна подлинно научным, новаторским, большевистским партийным трудам и исследованиям»[565].

Вредные тенденции были обнаружены и у ортодоксального Л. А. Плоткина:

«Характерно, что и в такой в общем удачной, правильно построенной работе, как статья Л. Плоткина о стихах А. Кольцова, содержатся некоторые ошибочные высказывания.

Л. Плоткин утверждает, что А. Кольцов писал в годы “безвременья” и что этот период, отразившийся и в творчестве поэта, был вместе с тем переломной, поворотной эпохой в русской литературе. “‘Евгений Онегин’, ‘Капитанская дочка’ и ‘Медный всадник’ Пушкина, поэзия Лермонтова, повести Гоголя, ‘Литературные мечтания’ Белинского — все эти разнородные, на первый взгляд, произведения свидетельствовали о решительной победе принципов реализма и народности”.

Таким образом, по Л. Плоткину, получается, что усиление политической реакции способствовало... победе реализма. Старая буржуазно-либеральная погудка! В действительности мощный подъем русской литературы определяется нарастанием освободительной борьбы народных масс, укреплением национального самосознания, ростом демократических настроений.

“Рост реакционной охранительной литературы Булгариных и Кукольников может считаться в известной мере знамением времени”, — пишет Л. Плоткин. Но если бы он вышел за пределы литературно-журнальной борьбы, ему стало бы ясно истинное

[565] Там же. С. 184–185.

значение событий, которые в действительности обусловили подъем передовых, прогрессивных сил русского общества. Отечественная война 1812 года, восстание декабристов, незатухающее крестьянское движение — вот что было подлинным знамением времени, вот что явилось основой торжества реалистического направления, в котором с наибольшей полнотой выразилась самобытность русской литературы, ее всемирно-историческое значение.

Л. Плоткин шел по верному пути, опираясь на оценки, данные критиками — революционными демократами — творчеству А. Кольцова, показывая его подлинно народный характер, определяя его связь с нашей современностью. Л. Плоткин совершил ошибку, едва он пошел вслед за ложными схемами буржуазных "историков" литературы, оторвал литературу от реальной исторической обстановки.

Эти примеры свидетельствуют о необходимости дальнейшей последовательной и непримиримой борьбы со всеми проявлениями буржуазного космополитизма, формализма, эстетства, аполитичности.

Разоблачая эти враждебные концепции, советские литературоведы и критики создадут нужные нашему народу работы, освещающие великое прошлое русской литературы, его значение для настоящего и будущего советской культуры»[566].

Даже на фоне постоянной и непримиримой «большевистской критики» обвинения автора статьи выглядят надуманными, и критикуются не столько конкретные ученые, сколько сама «школа».

Не остался в стороне и министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов. В ноябре «Вестник высшей школы», информируя об отмене пленумом ВАКа решения Ученого совета ЛГУ о присуждении А. Л. Слонимскому докторской степени (о чем мы упоминали выше), выражал и свое мнение о тех, кто эту степень присудил:

«При рассмотрении диссертации А. Л. Слонимского в Высшей аттестационной комиссии было обращено внимание на то, что официальные оппоненты профессора Г. А. Гуковский, Б. В. Томашевский и Б. М. Эйхенбаум, автор отзыва о диссертации профессор С. Бонди и неофициальный оппонент профессор В. М. Жирмунский дали весьма положительную оценку работы и прошли мимо содержащихся в ней серьезных методологических ошибок. Такое же отношение проявили совет филологического факультета Ленинградского университета, где состоялась защита диссертации, а также совет университета: в обоих случаях было принято единогласное постановление ходатайствовать перед ВАК об утверждении соискателя в ученой степени доктора филологических наук»[567].

А. Г. Дементьев также включается в этот хор. 24 сентября 1949 г. «Литературная газета» помещает его статью «Серьезные ошибки "Библиотека поэта"», в которой он проводит такую же недвусмысленную линию. После «реверанса» в адрес М. К. Азадовского он выстраивает целый ряд отрицательных примеров, причем все без исключения — представители ленинградской науки о литературе:

«Под пером некоторых литературоведов, подвизавшихся в "Библиотеке поэта", вся великая русская поэзия рассматривалась как подражание тем или иным западноевропейским образцам. Б. Томашевский даже в 1948 году во вступительной статье к стихотворениям Батюшкова находит возможным рассматривать творчество Батюшкова в границах замкнутого литературного ряда, не обращая должного внимания на такие

566 *Гринберг И.* Указ. соч. С. 185.

567 Отмена решения Совета об утверждении в ученой степени. С. 49.

решающие для формирования поэта события, как Отечественная война 1812 года. Все старание Томашевского направлено на то, чтобы отыскать английские, французские, итальянские влияния на поэзию Батюшкова. <...>

Авторы вступительных статей и комментариев к некоторым сборникам "Библиотеки поэта" прилагают все усилия к тому, чтобы раздуть значение боковых и реакционных течений в русской поэзии. Так, М. Аронсон поднимал на щит Шевырева и других "любомудров". Л. Гинзбург — Бенедиктова, Б. Эйхенбаум — Полонского и поэтов "чистого искусства", Ц. Вольпе — Белого, Н. Степанов — Хлебникова. Наперекор оценкам Белинского Л. Гинзбург во вступительной статье к стихотворениям Бенедиктова утверждает, что Бенедиктов будто бы является наследником Пушкина и предшественником Некрасова. <...>

Формалисты и эстеты, пробравшиеся в "Библиотеку поэта", протаскивали во вступительных статьях свою "концепцию" развития русской поэзии и свои оценки русских поэтов, противостоящие ленинской теории развития русской общественной мысли. Если верить Б. Эйхенбауму и его выученикам, главная линия русской литературы идет не от Радищева к Пушкину, Лермонтову и от революционеров-демократов — к Горькому и Маяковскому, а начинается от "любомудров" и через поэтов "чистого искусства" — к символистам и Хлебникову. Если верить эстетам и формалистам, то можно подумать, что русская поэзия развивалась без борьбы и противоречий, что в ней не находила отражения классовая борьба, что для советского читателя одинаково дороги Пушкин и Бенедиктов, Некрасов и Случевский, Горький и Белый, Маяковский и Хлебников! Нечего и говорить о том, насколько враждебны подробные "концепции" советскому литературоведению, насколько чужды советскому народу такие взгляды на русскую поэзию. Очевидно, что "теории" некоторых сотрудников "Библиотеки поэта" восходят в реакционно-идеалистическим воззрениям буржуазно-либерального литературоведения»[568].

О том, насколько «ленинградское дело» довлело над ленинградской филологией, говорят события начала 1950 г., когда 22 марта Ученый совет Пушкинского Дома рассматривал рядовой, казалось бы, вопрос — о проспекте издания по истории филологии, готовящегося в рамках масштабного проекта АН СССР по истории советской науки[569]. При рассмотрении оказалось, что в проспекте не только не отражены основные достижения ленинградской филологии довоенного времени, но и попросту не упоминаются многие общеизвестные имена. С возражениями выступил профессор П. Н. Берков:

«Схема построения науки о литературе показывает <...>, что ее составляли некомпетентные, несведущие и даже недобросовестные люди. Я говорю "недобросовестные люди", потому что говорится о советском этапе литературоведения, о значимости ре-

[568] *Дементьев А.* Серьезные ошибки «Библиотека поэта». С. 3.

[569] Решением Бюро Отделения литературы и языка АН СССР было создано две комиссии, ответственные за подготовку томов по истории языкознания (председатель В. В. Виноградов) и литературоведения (председатель И. В. Сергиевский), в последнюю входили в том числе Д. Д. Благой, А. Лаврецкий, Р. М. Самарин, Н. И. Конрад, также в ней номинально участвовал Н. К. Пиксанов, не принимавший участия в работе, поскольку не приезжал в Москву на заседания комиссии.

волюционных демократов и начинается с работ Лаврецкого[570], Лебедева-Полянского, Еголина, Нечаевой[571], Эльсберга и других.

В. Е. Евгеньева-Максимова, который больше 50 лет занимается Некрасовым, здесь нет, он не может быть сюда причислен, В. С. Спиридонова, который занимается Белинским, — нет, Н. И. Мордовченко — здесь нет. Очевидно, Лаврецкий — наиболее крупная фигура, с которого все начинается! Здесь говорится о создании целого ряда исследований (читает перечень работ) — работы Благого, Нечкиной, Ермилова, а Н. К. Пиксанова точно не существует, потому что он не находит упоминания. Нет целого ряда лиц, которых назвать целесообразно. Все сведено к тому, что только москвичи работали, а нет ни одного ленинградца (движение в зале; смех). Я не шучу, это серьезная вещь! Что, Мейлах Пушкиным не занимался? Он занимался историей и теорией эстетики.

Я хочу сказать, что назвать добросовестным отношение к ответственной задаче составления истории филологии, науки в России, я это не могу <...>.

Я думал, что тут найдут упоминание имена литературоведов, которые много сделали в отношении изучения западных литератур, такие товарищи, как А. А. Смирнов, В. М. Жирмунский, Реизов, Державин, — их нет. Точно один Данилин[572] писал о французской революционной поэзии XIX века.

Назвать это компетентностью, осведомленностью я не могу. О работе М. П. Алексеева — ни звука! Выбраны имена, которые были известны "компетентным, осведомленным, добросовестным" составителям проспекта! <...>

Поэтому назвать этот том — томом по истории филологической науки в России — нельзя. Этот том отражает состояние науковедения в Москве, а не в России.

Поэтому наше постановление должно быть такое: признать этот проект неудовлетворительным, не отражающим подлинное развитие филологической науки в России»[573].

Парторг Пушкинского Дома В. А. Ковалев не ожидал, что «ленинградская тема» прозвучит и в Пушкинском Доме, а потому попытался сгладить отповедь Павла Наумовича:

«Слушая выступление П. Н. Беркова, я почувствовал тенденцию некоторого противопоставления ленинградских и московских ученых. Думаю, что эту тенденцию вытаскивать на свет не нужно. Речь могла идти о том, что составители программы что-то упустили, нужно что-то учесть, мы могли бы это подсказать. Думаю, что составители добросовестно стремились отнестись к своему делу, они могли что-то не учесть и наша задача подсказать то, что они смогли не учесть, а составители исходили при выборе списка работ, видимо, из каких-то критериев, если недосмотрели, мы можем свое мнение сообщить, сказать, что такие-то имена желательны, что обязательно ввести такие-то имена. Думаю, в таком аспекте обсуждение имеет все резоны, будет справедливо, будет правильно, а такая ложная нотка, которая звучала в речи П. Н. Беркова, — не нужна. Не знаю, насколько она осознана Павлом Наумовичем, может быть случайна, но это

[570] Лаврецкий А. (Френкель Иосиф Моисеевич; 1893–1964) — литературовед, доктор филологических наук, специалист по русской литературе XIX в., сотрудник ИМЛИ.

[571] Нечаева Вера Степановна (1895–1979) — литературовед, ученица М. О. Гершензона, доктор филологических наук, специалист по русской литературе XIX в.

[572] Данилин Юрий Иванович (1897–1985) — литературовед, доктор филологических наук, специлист по французской литературе; сотрудник ИМЛИ.

[573] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 1 (1950 г.). Д. 26. Л. 53–55.

делать ни к чему. Есть Москва, есть московские ученые, есть ученые периферийные, работающие в едином направлении на благо советского народа, советской науки. Мы это прекрасно знаем. Мы знаем и то, что Москва является центром политическим, центром культурным. Естественно, что в Москве собираются лучшие силы, что все московское имеет огромный вес во всех отношениях.

Я не хочу думать, что это вошло в речь П. Н. Беркова осознанно, может быть, это просто так получилось, но на Ученом совете следует отметить ложные звуки, прозвучавшие в речи Павла Наумовича»[574].

В том же ключе выступил и Д. С. Бабкин:

«Для меня также заявление Павла Наумовича Беркова о недобросовестности московских советских ученых, составлявших схему построения истории науки в России, прозвучало чрезвычайно резко. Не хотелось, чтобы создалось впечатление, что в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР, в институте всесоюзного значения, были какие-то местнические настроения.

У нас нет науки московской и науки ленинградской, а есть единая советская наука и все ученые — москвичи, ленинградцы, ученые других городов и республик, все трудятся над одной задачей.

Вот в этом свете, мне бы не хотелось думать, чтобы кто-нибудь из научных сотрудников, ученых — молодых и пожилых, в какой-то степени воспринял такое деление на москвичей и ленинградцев. Нам известно, товарищи, что в прежнее, дореволюционное время такой антагонизм существовал между учеными Москвы и Ленинграда, но в основе такого антагонизма лежали не высокоидейные, принципиальные установки, а лежали своекорыстные, местнические интересы, которые в наше время не могут иметь места»[575].

Но Павел Наумович не только не унялся, а напротив, еще раз взял слово и выступил даже более резко, прозорливо угадав и причину происходящего:

«Я бы мог целиком повторить то, что сказал Дмитрий Семенович, потому что он повторил мои слова. Я говорил, что есть единая советская наука и нет московских и ленинградских ученых, есть общие интересы, что наука не только в Москве, Ленинграде, но в Грузии, Армении, следовательно, приписывать мне то, чего я не говорил, можно либо не выслушав, либо желая придать не тот смысл.

То, что было сказано, я повторю: когда говорилось о советской науке, забыли Н. К. Пиксанова, В. С. Спиридонова, В. Е. Евгеньева-Максимова, М. П. Алексеева, К. Н. Державина и многих других. Попробуйте это отрицать! Валентин Архипович со снисходительностью сказал "люди недосмотрели", комиссия, которая дважды составляла документ, недосмотрела. Хорошо. Случайностей в жизни очень мало! Если человек, которому я кланяюсь, мне не отвечает, я считаю, что этот человек не хочет мне кланяться. Думаю, что тут случайностей нет, а есть политика и поведение (раз мы должны называть вещи своими именами)»[576].

Такое выступление, особенно с учетом осведомленности нового директора Пушкинского Дома и членов партбюро института о происходящем в Ленинградской партийной организации[577], не могло остаться без последствий. Павел Наумович был вызван для

---

[574] Там же. Л. 55–56.
[575] Там же. Л. 57.
[576] Там же. Л. 58.
[577] Члены партбюро были в курсе обвинений бывшему ленинградскому руководству, а

серьезного разговора и вразумлен. Результат был следующим: 26 марта ученый пишет в двух экземплярах заявление, первый из которых передает Н. Ф. Бельчикову, второй — в партбюро Пушкинского Дома:

«После заседания Ученого совета, состоявшегося 22 марта с. г., я, обдумав свое выступление по вопросу о проспекте истории филологической науки в России, а также заявление В. А. Ковалева и свое вторичное выступление по этому вопросу, пришел к выводу о том, что поведение мое было неправильно и что мною были допущены три серьезные политические ошибки:

1) Говоря о том, что проспект неправильно отражает состояние современного этапа советской литературной науки, я приводил в пример пропусков имена одних только ленинградских ученых, в результате чего возникло впечатление, что я руководствуюсь местническими, ленинградскими интересами, чего у меня, конечно, не было. Хотя я и говорил о том, что не указано состояние литературной науки на Украине, в Белоруссии, Грузии и Армении, однако не привел ни одного имени, что могло создать опять-таки впечатление, что я перечислил эти республики случайно, чтобы не выделить одних только ленинградских ученых. Между тем, я легко мог указать на пропуски имен московских литературоведов (Бельчиков, Козьмин, Гудзий), периферийных (Скафтымов, работает по Чернышевскому), республиканских (Белецкий) и др. Во всяком случае, я признаю, что моя ошибка могла подать повод к неправильным заключениям, и эту вину свою понимаю.

2) Перечисляя имена литературоведов-западников, пропущенные в проспекте, я назвал имя В. М. Жирмунского. После критики его работ на страницах советской печати и в устных обсуждениях 1949 г. упоминание о пропуске его имени в проспекте истории филологической науки является с моей стороны политической ошибкой, которую я всецело признаю и о которой искренне сожалею.

3) Во втором своем выступлении я позволил себе намеки личного порядка, о чем очень сожалею. Вообще я на заседании выступление В. А. Ковалева и Д. С. Бабкина расценил неправильно и реагировал, как сейчас для меня стало ясно, политически ошибочно.

Прошу верить мне, что я осознал свои ошибки и дальнейшей работой докажу, что это не просто слова.

Ст[арший] н[аучный] сотр[удник] ИРЛИ П. Берков»[578].

АРЕСТ И СМЕРТЬ Г. А. ГУКОВСКОГО

Как мы говорили выше, в 7–9-м номерах журнала «Звезда» предполагалась и «специальная статья о формалисте проф[ессоре] Гуковском». Однако указанная статья так и не вышла. Причина этого очевидна:

Н. Ф. Бельчиков получал инструкции непосредственно в Ленинградском горкоме ВКП(б); по крайней мере его посещения Смольного оказались даже зафиксированы документально; например, в стенограмме Ученого совета Пушкинского Дома от 10 января 1950 г., когда председательствующий Д. С. Бабкин начал следующими словами: «Товарищи, Николай Федорович немного задержался в горкоме партии, он будет через несколько минут. Позвольте открыть заседание Ученого совета» (ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1950 г.). Д. 25. Л. 26).

[578] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 3. Д. 2. Л. 21–22.

«...О посаженных, загремевших, особенно в 40-е годы, уже молчали. Кричали о них только в конце 30-х годов. Во время борьбы с космополитизмом прорабатывали тех, кто оставался на воле...»[579]

О том, что это была за статья, В. П. Друзин докладывал на заседании партбюро Ленинградского отделения ССП 27 июня 1949 г., где он выступал с сообщением «О работе коммунистов журнала «Звезда»»:

«В плане борьбы с космополитизмом, формализмом, декадентством нами помещены статьи Дементьева, Анисимовой, доклад Луконина. Намечена к печати статья против Гуковского, автор статьи Докусов, она направлена против космополитических комментариев Гуковского к Лермонтову и Пушкину»[580].

Речь идет о статье А. М. Докусова «Против клеветы на великих русских писателей», которая после ареста Г. А. Гуковского была переработана, и обвиняемыми стали уже Б. В. Томашевский и Б. М. Эйхенбаум.

Уволенный из университета и Пушкинского Дома, Г. А. Гуковский пытался найти работу, но тщетно. Он сам понимал, что тучи над ним сгустились, «говорил, что, может быть, ему придется уехать в провинцию, но вместе с тем боялся ареста»[581]. Ему помогла Прибалтика, которая вскоре подаст руку помощи другому выпускнику Ленинградского университета. Сперва Григорий Александрович предполагал обосноваться в Вильнюсе[582], но в начале августа уже казался решенным вопрос о том, что он возглавит кафедру Латвийского университета в Риге[583]. Поскольку до занятий еще оставалось время, «Гуковский с семьей уехал под Ригу отдыхать»[584]. Ехал Григорий Александрович через Москву; о его проводах оставил воспоминание И. Г. Ямпольский:

«...Я никогда не забуду нашу последнюю встречу, когда вместе с его учениками Л. И. Кулаковой, Г. П. Макогоненко, А. В. Западовым, а также с О. Берггольц провожал его летом 1949 г. в Москву, откуда он уехал отдыхать на Рижское взморье, и затем уже никто из нас его больше не видел»[585].

Во время отпуска Г. А. Гуковский и был арестован.

Лидия Яковлевна Гинзбург записала впоследствии:

«Один из последних разговоров с Гуковским, — может быть, даже самый последний:

— И все-таки, если можно будет, у нас найдется что еще сказать.

— Оставьте эти мечты. Если можно будет, мы скажем одно: ныне отпущаеши...

Ему не пришлось сказать — ныне отпущаеши»[586].

---

[579] *Кондратович А. И.* Новомирский дневник (1967–1970). С. 433.

[580] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 14. Л. 22.

[581] *Ямпольский И. Г.* Из воспоминаний // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1996. [Вып.] 7. С. 480.

[582] Н. К. Гудзий писал 6 июля 1949 г. М. К. Азадовскому о своем телефонном разговоре с главой ГУУ МВО СССР К. Ф. Жигачом: «В конце я замолвил слово и о Григории Александровиче. Но Жигач сказал мне, что Григорий Александрович, по своему желанию, получил уже назначение в Вильнюс» («Удастся ли прорубить эту стену». С. 70).

[583] *Пугачев В. В., Динес В. А.* Историки, избравшие путь Галилея. С. 19; этот окончательный выбор подтверждается словами К. Ф. Жигача, сказанными Н. К. Гудзию в личной беседе: «Он мне сказал, что Григорий Александрович получил кафедру в Риге» («Удастся ли прорубить эту стену»: Из писем М. К. Азадовского к Н. К. Гудзию... С. 71).

[584] *Серман И.* Григорий Гуковский (1902–1950). С. 209.

[585] *Ямпольский И. Г.* Указ. соч. С. 480.

[586] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки... С. 223.

Несомненно, важным звеном в череде событий, предшествовавших аресту Г. А. Гуковского, была подача Пушкинским Домом материалов на опальных ученых в «инстанцию», то есть в ЦК ВКП(б). Естественно, что без запроса самого ЦК эти документы туда не могли быть направлены. Подача документов в ЦК происходила одновременно с отсылкой другого экземпляра в Президиум АН СССР для утверждения решения дирекции об увольнении. Это досье содержало копию приказа об увольнении, выписку из постановления Ученого совета, выписку из протокола заседания сектора, развернутую характеристику научной деятельности.

Такие «комплекты» были посланы в ЦК ВКП(б) на М. К. Азадовского, Г. А. Гуковского, Б. М. Эйхенбаума. А с учетом четко сформулированных в них политических обвинений предполагалось, что ученых ждут самые печальные последствия[587]. Отдельно стоит отметить тот факт, что приказы об увольнении, которые Пушкинский Дом направлял в ЦК ВКП(б) и Президиум АН СССР летом 1949 г., были фальсифицированы — они серьезно отличаются от подлинников мая 1949 г. Кроме первого абзаца с датой и причиной увольнения, к каждому из них было прибавлено еще по два абзаца с политической квалификацией «ошибок» ученых.

Сопроводительное письмо к «досье» на Г. А. Гуковского в ЦК ВКП(б) датировано 6 июля 1949 г. Подписано оно директором ИРЛИ Н. Ф. Бельчиковым и ученым секретарем Д. С. Бабкиным:

> «Дирекция Института Русской Литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР посылает материалы об освобождении старшего научного сотрудника Института, доктора филологических наук Г. А. Гуковского от занимаемой должности с 18 мая с. г.» [588]

Центральным документом этого досье был трехстраничный «Отзыв о научной деятельности старшего научного сотрудника, доктора филологических наук Г. А. Гуковского», который представляет собой квинтэссенцию обвинений, предъявлявшихся ученому:

> «Г. А. Гуковский является одним из активных воинствующих представителей буржуазного эстетства и формализма в литературоведении.
>
> В начале своей деятельности Гуковский выступил как прямой выученик формалистов Эйхенаума и Тынянова (“Русская поэзия XVIII века”, 1927 г.). В 30-е годы он несколько перестраивается, вводя в свои работы по истории литературы XVIII в. (“Очерки по истории русской литературы XVIII в.”, 1936 г., “Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в.”, 1938 г.) материалы из общественной жизни России XVIII в. Но этот социологизм оказывался откровенно вульгарным социологизмом, а исторические экскурсы Гуковского — антимарксистскими историческими построениями (так, например, Гуковский превратил вельмож братьев Паниных в идейных вдохновителей Фонвизина и других передовых писателей второй половины XVIII в.). Но при всем этом, как это видно из учебника Гуковского “История русской литературы XVIII в.”, 1939 г., история русской литературы

---

[587] Отзыв о научной деятельности Г. А. Гуковского помещен ниже, отзыв о научной деятельности Б. М. Эйхенбаума — в следующей главе, отзыв о научной деятельности М. К. Азадовского опубликован: Два отзыва о научной деятельности М. К. Азадовского. С. 97–98.

[588] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 683. Л. 40 (оставшаяся в деле копия имеет ошибочную дату (6 июня), тогда как прочие копии, в том числе письмо в Бюро ОЛЯ АН СССР, имеют верный месяц).

им рассматривалась как некоторое повторение, копирование западноевропейских образчиков. Гуковский последовательно проводит мысль о том, что политические и философские взгляды русских общественных деятелей, писателей (в том числе Радищева) определялись событиями и развитием общественной мысли на Западе, в результате чего русские писатели выглядят в изображении Гуковского какими-то безродными космополитами, совершенно оторванными от национальной почвы. Для работ Гуковского по истории русской литературы XVIII в. характерно игнорирование русского народного творчества.

Начиная с 1940–1941 гг. в работах Гуковского вырабатывается та антимарксистская, эстетски-формалистическая методология, которая так характерна для него в последнее десятилетие. Основу этой методологии Гуковский изложил в одном методологическом сборнике для учителей г. Ленинграда в 1941 г. Говоря о преподавании литературы в школе, он нападает на существующую практику анализа идейного содержания творчества писателей и противопоставляет ему свою формалистическую концепцию, основывающуюся на том, что идеологию автора нужно определять через его стиль, изобразительные средства, пейзаж и тому подобное. Мерой художественности у него выступает не идейность, не глубина изображения реальной действительности, а чисто формальные, стилистические стороны произведения. Этим путем Гуковский старался развязать себе руки для безудержного восхваления реакционных явлений в литературе прошлого (в книге "Пушкин и русские романтики" Гуковский делает Жуковского знаменем пушкинской эпохи), для "ликвидации" классовой борьбы в литературе прошлого (напр., в этой же книге Радищев и Карамзин у него мирно уживаются под единой эгидой "сентиментализма", а декабристы и Жуковский — под эгидой романтизма), для полного отрыва истории русской литературы и творчества русских классиков от конкретной общественной борьбы, от национальной жизни (типичным образчиком этой антимарксистской методологии является книга Гуковского о Пушкине, в которой гениальный поэт русского народа превращен в эстета-индивидуалиста, оторванного от национальной почвы и ставшего простым отголоском чужеземных культур).

В своих псевдонаучных работах Гуковский прямо опирается на чуждую нам идеалистическую эстетику Гегеля и формально-компаративистскую методологию Веселовского. Бесчисленные восхваления этих идеалистов и ссылки на них, опора на их методологию (часто без указания на это) характерны для подавляющего большинства работ Гуковского. От Гегеля идет теория Гуковского о "стадиальном развитии литературного процесса", — теория, рассматривающая историю литературы как независимый от реальной действительности процесс смены литературных стилей. От Веселовского идет концепция Гуковского о едином общеевропейском "предромантизме", простой филиацией которого у Гуковского выглядит, например, Радищев. От Гегеля идет у Гуковского определение романтизма как "стиля, увидевшего мир через восприятие индивидуальности".

В последних работах Гуковского ("Пушкин и русские романтики", 1946 г., статья о Гоголе, 1948–1949 гг., статья о Радищеве, 1947 г.) все больше и все обнаженней выпирает откровенный формализм, эстетство, игнорирование идейного момента в русской литературе, изоляция литературы от действительности. Гуковский, как воинствующий идеалист, игнорирует указания партии по вопросам литературы. Мимо него, не оставив следа в его научной продукии, прошли указания тов. Жданова по вопросам литературы и искусства. Гуковский не сделал для себя никаких выводов из критики буржуазного

либерализма и компаративизма Веселовского и его школы. Наоборот, в последние годы он выступал прямо против указаний партии по вопросам литературы и искусства. Так, на одном из собраний в Союзе писателей он говорил, например, о том, что "идейно правильная литература не открывает творческих горизонтов", а в своей рецензии на книгу Л. Раковского "Генералиссимус Суворов" (1947 г.) утверждал, что советская литература не в состоянии изобразить прошлое. Своими статьями Гуковский наносит несомненный и явный вред в области литературоведения.

Подлинный за надлежащими подписями»[589].

В контексте приведенного документа не может не удивлять факт, что Академия наук СССР, подтверждая увольнение Г. А. Гуковского, проработавшего в стенах Пушкинского Дома с 1929 г., попыталась помочь ученому. 20 июля 1949 г. бюро Отделения литературы и языка АН СССР рассматривало в качестве причины увольнения отнюдь не обвинительный приказ дирекции Института от 18 мая, копия которого была к тому времени в Президиуме АН и в аппарате ЦК ВКП(б), а личное заявление Г. А. Гуковского:

«СЛУШАЛИ: Заявление доктора филол[огических] наук проф[ессора] Г. А. Гуковского об освобождении его от должности старшего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, ввиду необходимости отъезда из Ленинграда по состоянию здоровья.

ПОСТАНОВИЛИ: Удовлетворить просьбу доктора филол[огических] наук проф[ессора] Г. А. Гуковского об освобождении его от должности старшего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, принимая во внимание согласие директора Института на освобождение проф[ессора] Г. А. Гуковского от работы в Институте русской литературы.

Академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР — академик И. И. Мещанинов

И. о. Ученого секретаря Отделения литературы и языка АН СССР — И. В. Сергиевский»[590].

Но попытки Академии наук помочь ученому были тщетны — до ареста оставалось меньше недели.

Серьезной преградой к выяснению формальных причин, повлекших за собой арест Г. А. Гуковского, представляет собой недоступность его следственного дела, хранящегося в Центральном архиве ФСБ РФ (г. Москва). Причем при запросе нам было отказано даже в выдаче стандартной справки по делу, а условия получения таковой оказались для нас невыполнимыми. По этой причине формальная сторона вопроса, а уже тем более и подробности о показаниях свидетелей, в результате которых в деяниях Григория Александровича был усмотрен состав преступления, приводятся лишь на основании косвенных источников.

Дату ареста и формулировку приводит Д. А. Устинов: «25 июля 1949 года по обвинению в антисоветской деятельности»[591]. После следственных действий в Ленинграде он был этапирован в Москву, в следственный изолятор «Лефортово», где 2 апреля 1950 г. скончался в возрасте 48 лет; причина смерти — «остановка сердечной

[589] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 683. Л. 45–47.

[590] Там же. Л. 55 (Выписка из протокола).

[591] *Устинов Д. В.* Научные концепции Г. А. Гуковского в контексте русской истории и культуры XX века // Новое литературное обозрение. М., 1998. № 29. С. 72.

деятельности»[592]. (Еще в 1936 г. он писал в автобиографии: «Состояние моего здоровья плохое: сердце не в порядке, малокровие и переутомление предельные»[593].) Существует даже версия, что Григорий Александрович умер, «объявив в тюрьме голодовку»[594]. В результате преждевременной кончины «дело по обвинению Гуковского было прекращено в стадии следствия на основании ст. 4. п. 1. УПК РСФСР, за смертью обвиняемого»[595], а «в 1950 году дочь Гуковского, Наталья Григорьевна, получила извещение о смерти своего отца»[596]. Жена ученого Зоя Владимировна Гуковская 21 октября 1950 г. была арестована уже как вдова «врага народа», в ноябре ОСО при МГБ СССР приговорило ее к ссылке в Новосибирскую область, где она до апреля 1954 г. работала статистиком в одном из совхозов Усть-Тарского района[597].

Хотя «обвинение в антисоветской деятельности» составляет печально знаменитую обширную 58-ю статью УК РСФСР, но непонятно, в чем именно обвинялся ученый. По-видимому, из-за смерти во время следствия и, соответственно, отсутствия обвинительного приговора причину в те годы мало кто знал (да и узнает ли? Ведь несомненно, что часть документов в связи с его кончиной была из дела изъята). Например, И. П. Лапицкий, который, как свидетельствуют его многочисленные «обращения» в инстанции, был хорошо информирован, называет уже репрессированных И. З. Сермана «троцкистом», а Г. А. Гуковского «сионистом»[598], тогда как термин «сионист», согласно опубликованному впоследствии обвинительному приговору, как раз применим к И. З. Серману, троцкизм же ему не вменялся[599]. Также следует указать, что еще до войны, когда готовилось постановление Василеостровского райкома ВКП(б) от 28 июня 1937 г. «О состоянии работы в Институте литературы Академии Наук СССР», среди подготовительных материалов имеется список сотрудников Пушкинского Дома «с прошлым», где имеется и следующая запись: «Гуковский — брат связан с Бухариным»[600].

---

592 Цит. по копии свидетельства о смерти (ЦГАЛИ СПб. Ф. 145 (Г. А. и З. В. Гуковские). Оп. 3. Д. 7. Л. 1).

593 ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 682. Л. 18 об.

594 *Сидоровский Л. И.* Разгром // Совершенно секретно. М., 2008. № 8. С. 27. Участие автора статьи в изучении «ленинградского дела», в том числе написание очерка «Люди Ленинградского дела» («Ленинградское дело»... С. 304–362), публикации на эту тему в 1988 г. в газете «Смена» (*Сидоровский Л.* Кузнецов: Пламенный большевик — глазами родных, близких, строками документов // Смена. Л., 1988. № 10. 13 января. С. 2; *Он же.* Вознесенские: Семья пламенных большевиков — глазами родных, близких, строками воспоминаний // Смена. Л., 1988. № 32. 9 февраля. С. 2 и др.), встречи с осужденными и их родственниками, заставляет учесть даже эту, на наш взгляд, несколько фантастическую версию.

595 [Письмо из Прокуратуры СССР к Г. П. Макогоненко от 2 августа 1955 г. о проверке дела Г. А. Гуковского] // Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко: Сборник статей, воспоминаний и документов. СПб., 2000. С. 292.

596 [Обращение Г. П. Макогоненко и В. Н. Орлова Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко с просьбой о пересмотре дела Г. А. Гуковского, март 1955 г.] // Там же. С. 290.

597 *Эльзон М. Д.* Зоя Владимировна Гуковская // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 224.

598 РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 119. Д. 852. Л. 72.

599 Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда И. З. Серману, Р. А. Зевиной и А. Г. Левинтону от 7 июля 1949 года см.: *Эткинд Е. Г.* Во славу старинного друга... С. 117–118.

600 ЦГАИПД СПб. Ф. 2109 (Парторганизация АН СССР). Оп. 2. Д. 168. Л. 22.

Что же касается вообще статистики арестов в Ленинграде в 1949 г. по линии МГБ СССР, то министр госбезопасности В. С. Абакумов 14 января 1950 г. информировал И. В. Сталина на этот счет:

«Докладываю, что в результате чекистских мероприятий, проведенных Управлением МГБ по Ленинградской области, в течение 1949 года в гор. Ленинграде и области всего арестовано 1 145 человек.

В числе арестованных:

Агентов иностранных разведок — 164

Троцкистов, зиновьевцев, правых,

эсеров, меньшевиков и анархистов — 279

Участников антисоветских организаций и групп — 194

Других лиц, проводивших вражескую деятельность — 508

Абакумов»[601].

Относительно свидетельских показаний, которые присутствовали в следственном деле Г. А. Гуковского, имеются некоторые сведения в воспоминаниях его учеников: Г. П. Макогоненко, который вместе с В. Н. Орловым подал в 1955 г. ходатайство на имя Генерального прокурора СССР о реабилитации учителя, вспоминал:

«Вызывают меня в здание городского суда — на Фонтанке, напротив Михайловского замка. Встречает меня женщина — следователь прокуратуры, сидим мы в отдельной комнатке, и начинает она листать присланное в Ленинград дело Гуковского. Иногда задает вопросы: "Был ли Гуковский космополитом? Принижал ли русскую культуру? Превозносил ли западную?" Я отвечаю: "Влияние Запада на русскую культуру XVIII века общеизвестно. Но Гуковский-то как раз показал, как много оригинального, национального внесли русские писатели в литературу". Она дальше читает какой-то очередной вопрос, как бы про себя говорит: "Здесь все ясно. Это чепуха". Затем опять вопрос: "Он своим студентам дома читал Мандельштама?" Отвечаю: "Читал, и Ахматову читал, и Зощенко. Но ведь к ним мы возвращаемся сейчас. Ахматову же стали печатать"... Так и течет беседа. Без сомнения, следователь не видит в деле Гуковского никакого криминала. Наконец, она говорит: "Вот вам список вопросов, ответьте на них письменно", — а затем выходит, оставив документы на столе. Читаю я доносы, почерк Бердникова не спутаешь, а затем протоколы. Это было ужасно: грубые и топорные вопросы полуграмотного следователя, а затем беззащитные ответы Григория Александровича. Когда она вернулась, я задал только один вопрос: "А где похоронено его тело?" — "Ну что вы, это же смерть в тюрьме. Яма с негашеной известью — и вся могила"»[602].

И. З. Серман также подробно вспоминает события, которые последовали за возвращением в 1955 г. его брата, М. А. Гуковского, из лагеря, а затем и супруги, З. В. Гуковской, из ссылки в Западную Сибирь:

«Когда в начале 1960-х гг. удалось добиться переследствия, то меня попросила З. В. Гуковская съездить и поговорить с одним из свидетелей обвинения Владимиром

---

[601] Спецсообщение В. С. Абакумова И. В. Сталину об арестах в гор. Ленинграде и Ленинградской области // Лубянка: Сталин и МГБ СССР, март 1946 — март 1953. С. 303.

[602] *Иванов М. В.* Путь к учителю // Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко... С. 237. Мнение о способе захоронения тела Г. А. Гуковского не соответствует истине и, по всей вероятности, не более чем метафора. В послевоенные годы, вплоть до 1953 г., тела расстрелянных и погибших свозились в Донской крематорий для кремации, прах захоранивался там же. Достоверно известно, что в исследуемый период погибшие узники Лефортовской тюрьмы (в том числе и расстрелянные в Москве по «ленинградскому делу») кремировались там.

Днепровым (Резником)[603], очень известным в Советском Союзе автором книг по философии современной литературы.

В молодости Резник был партийным деятелем, примыкал к «право-левацкой группировке Шацкин—Ломинадзе», отсидел свое, после отсидки жил в Саратове, потом вернулся в Ленинград и был арестован в конце 1948 года как космополит (вышел он где-то в 1955–1956 гг.). Резник мне объяснил, что его таскали на допросы после тяжелейших сердечных приступов и что он, конечно, откажется от всех своих показаний против Гуковского, что он и сделал.

Другой свидетель обвинения, тот самый Г.П. Бердников, который председательствовал на "историческом" Ученом совете, от своих показаний не отказался. В 1949 г. он на следствии говорил о "теории стадиальности как о самом прямом выражении космополитических, идеологически враждебных социализму взглядов Гуковского, как о враждебной диверсии американского империализма". Повторил он эти показания снова, нисколько не смущаясь тем, что теперь это может стать известно всем, кто помнит Гуковского, и что его научная и общественная репутация пострадает... Но Бердников ничего не боялся — и был прав»[604].

Несомненно, кроме этих двух свидетелей были и другие, о которых мы сейчас доподлинно не можем сказать... Однако мы должны привести еще одно соображение И.З. Сермана:

«И все же, в "деле" Гуковского осталось много загадочного. Сегодня даже мне, хорошо знакомому по собственному опыту с советской юриспруденцией 1949 г., как-то не верится, что "теория стадиальности" одна, сама по себе, обусловила арест Гуковского. Ведь одновременно был арестован Матвей Александрович Гуковский, который, конечно, был братом своего брата, но к "теории стадиальности" никакого отношения не имел...

Возможно другое — Матвей Александрович был близок к тогдашнему ректору Университета А.А. Вознесенскому, родному брату Н.А. Вознесенского, одного из самых страшных сталинских сатрапов военного времени. "Персона брата", — назвал ректора наш покойный друг, А.Г. Левинтон.

Когда в начале 1949 г. "загремел" Н. Вознесенский и началось так называемое "ленинградское дело" — последняя сталинская внутрипартийная чистка — был арестован ректор Вознесенский и, может быть, по своим отношениям к нему братья Гуковские.

Повторяю, все это только предположения, но я о них вспоминаю для того, чтобы читатель лучше мог себе представить, что делалось в Ленинграде 1949 года и почему Гуковский должен был погибнуть»[605].

Мы склонны не только присоединиться к такому мнению, но и настаивать на его реалистичности. И главное доказательство, которое утвердило нас, — место смерти Г.А. Гуковского. Сам факт этапирования профессора в Москву уже является важным, а помещение его в «Лефортово» — следственный изолятор МГБ СССР — определяющим[606].

---

[603] Днепров Владимир Давыдович (настоящее имя Резник Вольф Давыдович; 1903–1992) — литературовед и критик, выпускник ИКП (1929), кандидат философских наук.

[604] *Серман И.* Григорий Гуковский (1902–1950). С. 209–210.

[605] Там же. С. 211.

[606] Помимо связи Г.А. Гуковского с «ленинградским делом», которая для нас очевидна, мы готовы допустить еще одно обстоятельство, которое могло касаться арестованного профессора: в той же тюрьме одновременно с пытками собранных фигурантов «ленинградского дела» проводились «следственные действия» над арестованными членами ЕАК, подавляющее большинство которых было признано следствием «активными еврейскими националистами» и обвинялось в шпионской

Именно в связи с этим необходимо коснуться заката А. А. Вознесенского и попытаться проследить четкую связь этого события с судьбой Ленинградского университета и его профессоров.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ СДАЕТ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ

После дискуссии о преподавании литературы в школе все силы министерства были брошены на переработку учебников к предстоящему 1949/50 учебному году. В феврале 1949 г. А. А. Вознесенский констатировал, что работа эта выполнена:

> «Нам кажется, что удалось подготовить для предстоящего учебного года лучшую программу по литературе для 8–10-х классов. В ней устранены последние остатки объективизма и аполитичности в трактовке отдельных художественных произведений. Особенно подчеркнуто мировое значение русской и советской литературы, полнее раскрываются высокая идейность ее содержания и художественные достоинства формы, социально-историческая обусловленность литературных явлений и т. д.» [607]

Министр просвещения продолжал деятельно руководить исправлением программ и учебников в духе партийной идеологии. Об одном из таких мероприятий, характеризующем точку зрения министра и проводимую им политику, повествует рассказ главного редактора Учпедгиза В. В. Морозова, поведанный уже после освобождения А. А. Вознесенского от должности:

> «У нас были некоторые действительно трудные учебники, которые нуждались в переработке. К числу таких учебников и мы, издательство, и общественность, и учительство относили учебник по литературе для VIII класса Поспелова и Шаблиовского[608]. Здесь у нас не было споров и расхождений. Он был переработан под руководством тов. Бродского, являющегося в одно и то же время и председателем секции учебно-методического совета, утверждающей эти учебники, и титульным редактором этого учебника. Переработка была солидная и по объему и по качеству. Но министр не был

деятельности. (Именно в «Лефортово» во время следствия по делу ЕАК 30 ноября 1950 г. умер литературовед и активный деятель ЕАК И. М. Нусинов, арестованный 12 января 1949 г.)

Какая же может быть связь «еврейского национализма» с Г. А. Гуковским? Дело в том, что в процессе работы нам в качестве воспоминаний сообщались сведения об участии профессора в еврейском движении, а конкретно в том, что осенью 1948 г. Г. А. Гуковский ездил в Москву в составе делегации ленинградских евреев по случаю прибытия первого посла Государства Израиль Голды Мейерсон (позднее — Меир) и вез приветственное письмо. О том, насколько велика была тогда эйфория в среде советского еврейства, выразившаяся в многотысячных ликующих толпах, говорит тот факт, что на купюрах Государства Израиль в 10 (ранее — в 10 000) шекелей, где на аверсе изображен портрет Г. Меир, реверс занимает изображение людского моря, приветствовавшего ее в 1948 г. у московской синагоги. Фольклорист К. В. Чистов в своих воспоминаниях напрямую связывает арест ученого с делом ЕАК: «Гуковский был арестован по делу Еврейского антифашистского комитета. Все его члены тогда были арестованы» (*Чистов К. В.* Забывать и стыдиться нечего...: Воспоминания. СПб., 2006. С. 54).

Несмотря на изложенное, считаем такой факт фантазийным, так как не имеем никаких документальных свидетельств, его подтверждающих.

[607] Над чем работает Министерство просвещения РСФСР: Беседа с Министром просвещения РСФСР А. А. Вознесенским // Учительская газета. М., 1949. № 15. 26 февраля. С. 2.

[608] *Поспелов Н. И., Шаблиовский П. В., Зерчанинов А. А.* Русская литература: Учебник для 8-го класса средней школы / Под общ. ред. Н. Л. Бродского. 8-е изд. М., 1948.

удовлетворен этой переработкой и написал письмо на имя Бродского и Морозова на 5-ти страницах. В результате этого письма Бродский, побаиваясь начальства, выкинул из этого учебника и то, что нельзя было выкинуть. В вопросах трактовки взаимоотношений западноевропейского классицизма с русским классицизмом тов. Бродский, боясь, как бы это не было понято как низкопоклонство перед Западом, выкинул вообще все. Он вычеркнул характеристики эпохи Петра I, боясь, как бы не упрекнули в низкопоклонстве, выкинул все, вплоть до того, что даже были выкинуты поездки Петра за границу и ничего не осталось.

Получив такой учебник от Бродского, я пишу следующее письмо:

"Представляя вторично на Ваше утверждение книгу Поспелова и Шаблиовского "Русская литература, учебник для VIII класса средней школы", с исправлениями проф[ессора] Н.Л. Бродского после Вашего указания от 11 марта 1949 года, издательство считает своим долгом и обязанностью высказать Вам свое мнение об этих исправлениях..."

Здесь я привожу то, что он выкинул всю петровскую эпоху, классицизм и т.д. и дальше пишу:

"Когда учебник будет рассматриваться вами, просим вызвать нас лично, так как этот вопрос имеет принципиальное значение".

Мы надеялись, что мы будем вызваны, потому что речь идет о принципиальных вопросах. Эти вопросы имеют принципиальное и теоретическое значение. <...> Министр оставил все, что было выкинуто Бродским. И только при помощи работников Отдела школ ЦК партии мы вновь восстановили, уже не говоря об этом министру ничего»[609].

Приведенный рассказ отражает стиль работы Вознесенского на посту министра; и не стоит думать, что он действовал так от себя лично и что только благодаря Отделу школ ЦК ВКП(б) его самоуправство удалось остановить. Это лишь политическая интрига в интересах того же ЦК: если бы дело происходило до осени 1948 г., то никто бы не посмел за спиной Вознесенского вносить исправления в утвержденный макет и обращаться в ЦК, и, конечно, учебник вышел бы в изуродованном виде без всякого сопротивления Учпедгиза; но весной 1949 г. вовсю раскручивался маховик «ленинградского дела», и уязвимость Вознесенского стала очевидной для окружающих, чем они и не преминули воспользоваться.

Бурная деятельность А.А. Вознесенского приобретала бы и далее все более серьезные масштабы: талант советского партийного и государственного деятеля проявился в нем во всей своей полноте; всякое дело, которое поручала ему партия, он превращал в дело серьезного государственного значения.

Благодаря Вознесенскому «Учительская газета», «орган министерств просвещения союзных республик и центральных комитетов профсоюзов работников начальной и средней школы, высшей школы и научных учреждений, политико-просветительных учреждений», выходившая ранее один в раз неделю (по четвергам), с 1949 г. без всяких предварительных объявлений среди подписчиков стала выходить в два раза чаще — по средам и субботам. Это был еще один заметный успех — министр просвещения убедил ЦК ВКП(б) в значимости своего печатного органа.

---

[609] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 375 (Стенограмма актива работников Министерства 4 августа 1949 г.). Л. 42–44. Исправленный вариант учебника вышел в 1949 г.: *Поспелов Н.И., Шаблиовский П.В., Зерчанинов А.А.* Русская литература: Учебник для VIII класса средней школы / Под общ. ред. Н.Л. Бродского. 9-е изд., перераб. М., 1949.

Также повысился статус журнала «Народное образование», издаваемого Министерством: 23 апреля 1948 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление № 575г («Вопросы отдела высших учебных заведений и научных учреждений ЦК ВКП(б)»), первый пункт которого гласил: «Включить в номенклатуру ЦК ВКП(б) должность редактора журнала "Народное образование" Министерства просвещения РСФСР»[610].

Но с конца 1948 г. началась фабрикация «ленинградского дела», и серьезные заслуги министра в области идеологической работы стали терять свое значение. Вознесенский, который с его амбициями и способностями мог бы стать вскоре главным идеологом сталинского режима, оказался разменной картой во внутрипартийной борьбе; присоединение его к остальным «ленинградцам» становилось лишь вопросом времени, и вскоре Г. М. Маленков умело провел кампанию по его дискредитации.

Но тот идеологический вклад, который внесло Министерство просвещения РСФСР под руководством А. А. Вознесенского в область преподавания литературы, был значительным. Даже если не сопоставлять изменившиеся программы, он как нельзя лучше просматривается в требованиях, предъявляемых выпускникам школ при вступительных экзаменах в вузы. Если в 1946 г., до начала идеологического наступления, они вполне академичны и вообще не содержат упоминаний партийных решений[611], то в 1947 г. начинается давление на неокрепшие умы:

> «Поступающий в высшее учебное заведение на экзамене по литературе должен обнаружить знание и понимание содержания крупнейших произведений классической и современной художественной литературы и важнейших критических статей в объеме указанных ниже литературных произведений.
>
> Поступающий при разборе литературного произведения должен обнаружить знакомство с основами теории литературы, понимание художественного и исторического значения данного произведения, его общественного значения, а также четкое знание темы и идей произведения, персонажей произведения и их взаимоотношений, взглядов автора в связи с общественно-политической обстановкой эпохи.
>
> Поступающему должны быть известны наиболее значительные факты биографии данного писателя, основные даты его жизни и творчества. Он должен иметь понятие об основных направлениях в русской литературе восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого веков, а также об основных этапах развития советской литературы и связанных с ним важнейших документах (постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы, доклад А. А. Жданова о журналах "Звезда" и "Ленинград" и др.)»[612].

А уже после полутора лет активной идеологической деятельности А. А. Вознесенского на посту министра и воздействия партийной идеологии на советских школьников, к лету 1949 г., требования изменились качественно:

> «На экзамене по литературе поступающий в высшее учебное заведение должен обнаружить:
>
> а) отчетливое знание указываемых ниже произведений русской литературы дореволюционного и советского периодов, понимание их идейного содержания, темы, образов и художественных особенностей (композиции, сюжета, языка);

---

[610] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 116. Д. 346. Л. 106.

[611] Программа по литературе: Общие указания // Справочник для поступающих в высшие учебные заведения Министерства просвещения РСФСР в 1946 году. М., 1946. С. 10–11.

[612] Программа по литературе: Общие указания // Справочник для поступающих в высшие учебные заведения Министерства просвещения РСФСР в 1947 году. М., 1947. С. 9.

б) понимание художественного, исторического и общественного значения литературного произведения в связи с общественно-политической обстановкой эпохи;

в) понятие об основных направлениях в русской литературе XVIII–XIX вв. (классицизме, сентиментализме, романтизме, реализме и др.) и о социалистическом реализме советской литературы;

г) глубокое понимание руководящих указаний В. И. Ленина и И. В. Сталина о значении литературы, о принципах партийности, основательное знание статей В. И. Ленина, предусмотренных программой средней школы по литературе, и важнейших постановлений ЦК ВКП(б): "О политике партии в области художественной литературы" от 18 июня 1925 г., "О перестройке литературно-художественных организаций" от 23 апреля 1932 г., о журналах "Звезда" и "Ленинград", "О репертуаре драматических театров", о кинофильме "Большая жизнь", об опере "Великая дружба" В. Мурадели, доклада А. А. Жданова о журналах "Звезда" и "Ленинград" и статьи "Об одной антипатриотической группе театральных критиков" в газете "Правда" от 28 января 1949 г.

д) понимание национального и мирового значения великой русской литературы и ее огромной роли в освободительной борьбе народов нашей страны;

е) понимание всемирно-исторического значения советской литературы — самой идейной, самой революционной и передовой литературы в мире»[613].

ПАДЕНИЕ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО И ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Первые нападки на министра просвещения РСФСР начались еще в конце 1948 г., но Александр Алексеевич еще не представлял себе ни причин, ни тем более последствий. 20 ноября 1948 г. под председательством секретаря ЦК Г. М. Маленкова состоялось заседание Оргбюро ЦК ВКП(б), на котором обсуждался вопрос «Об улучшении преподавания биологических наук в школах и педагогических учебных заведениях»:

> «Разгромной критике было подвергнуто Министерство просвещения РСФСР, которое возглавлял родной брат Н. Вознесенского — А. Вознесенский. Министерство — обвинили в неудовлетворительном преподавании биологических наук, в отрыве от передовой мичуринской материалистической биологии, в отсутствии учебных книг о Мичурине и Лысенко. А. Вознесенскому поручили устранить отмеченные недостатки»[614].

В тот же день Оргбюро даже приняло специальное постановление по данному вопросу, что, вообще говоря, удивительно, поскольку основные бури после Августовской сессии ВАСХНИЛ к ноябрю уже утихли; так что обсуждение этого вопроса в конце ноября, да еще и на столь высоком уровне, не кажется рядовым протокольным мероприятием. Особенно с учетом того, что Т. Д. Лысенко и его помощники были частыми гостями в Министерстве просвещения и работа по продвижению мичуринского учения велась там очень активно[615]. В результате А. А. Вознесенский направил 30 ноября 1948 г.

[613] Литература: Общие указания // Справочник для поступающих в высшие учебные заведения Министерства просвещения РСФСР в 1949 году. М., 1949. С. 11–12.

[614] *Пыжиков А. В.* Ленинградская группа: Путь во власти (1946–1949). С. 100–101.

[615] Начальник ГУВУЗ Министерства просвещения РСФСР Н. Н. Орлов 21 июля 1949 г. на заседании Правительственной комиссии говорил об этом: «Сколько раз у нас был Т. Д. Лысенко. Выступал у нас два раза на конференции, выступали его помощники...» (ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 5892. Л. 34).

секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову секретную докладную записку «О выполнении постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) "Об улучшении преподавания биологических наук в школах и педагогических учебных заведениях"»[616].

Активная деятельность А.А. Вознесенского на своем посту продолжалась и после февраля 1949 г., до последних дней работы в ранге министра. 4 апреля 1949 г. Александр Алексеевич выступил с докладом на XI съезде ВЛКСМ[617], а 25 мая выступил в Кремле на заседании III сессии Верховного Совета РСФСР в прениях по докладу о государственном бюджете РСФСР[618]. Причем на той же сессии А.А. Вознесенский участвовал 27 мая в принятии постановлений по указам Президиума Верховного Совета РСФСР, в числе которых был и указ от 9 марта 1949 г. «Об освобождении тов. И.М. Родионова от обязанностей Председателя Совета Министров РСФСР» и прочие перестановки в руководстве РСФСР в связи с «ленинградским делом» (все постановления приняты единогласно)[619].

Что касается подготовки будущего ареста А.А. Вознесенского, то материал к такому шагу начал собираться почти сразу после того, как Н.А. Вознесенский в марте был выведен из состава Политбюро.

Уже 28 марта 1949 г. заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д.Т. Шепилов и заведующая сектором школ Отдела Л.В. Дубровина[620] подали на имя секретаря ЦК Г.М. Маленкова докладную записку по поводу выступления министра А.А. Вознесенского в журнале «Огонек»:

---

[616] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 5887. Л. 1–10. Следствием вмешательства Оргбюро ЦК стало в том числе и проведение 28 декабря 1948 г. расширенного заседания коллегии Министерства просвещения РСФСР, на котором обсуждался вопрос «О ходе перестройки преподавания биологии в школах»; председательствовал А.А. Вознесенский (чье выступление, судя по стенограмме, было достаточно сдержанным). См.: Там же. Д. 213.

[617] Речь Министра просвещения РСФСР тов. А.А. Вознесенского (XI Съезд ВЛКСМ) // Учительская газета. М., 1949. № 28, 13 апреля. С. 2.

[618] Заседания Верховного Совета РСФСР 2-го созыва: Третья сессия (24–27 мая 1949 г.) / Стенографический отчет. [М.], 1949. С. 125–131.

[619] Там же. С. 220–227.

[620] Людмила Викторовна Дубровина (1901–1977) представляет собой не только редкий для сталинской эпохи тип женщины-политика, но и серьезную величину в советской педагогике; свойства личности помогли ей достигнуть серьезных высот в карьере. Она родилась в Тбилиси, где, выучившись, работала учителем начальных классов и была активной общественницей; в 1923 г. ЦК КП(б) Грузии отправил ее в Москву в Академию коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской, которую она закончила в 1926 г. В Тбилиси она уже не вернулась, а была принята в Хамовнический райком ВКП(б) г. Москвы инструктором, вскоре стала заместителем заведующего отделом; с 1931 г. по 1937 г. она руководила всем московским народным образованием; именно она была проводником постановлений партии и правительства в области московского народного образования, (см.: Материал к докладу зав. Мосгороно тов. Дубровиной о реализации по г. Москве постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 и постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке введения персональных образований для учителей, заведующих и директоров школ» от 10 апреля 1936 года. М., 1936). В 1938–1941 гг. занималась важнейшим из искусств — сначала управляла трестом «Мосгоркино», затем Главкомом кинофикации СССР; в 1941 г., когда Детгиз из подчинения ЦК ВКЛСМ перешел в ведение Наркомпроса РСФСР, Л.В. Дубровина возглавила его и руководила издательством до 1948 г. Кроме того, в годы войны она одновременно состояла и на воинской службе, работая в аппарате ГлавПУРа РККА (имела звание майора, награждена орденом Красной Звезды). В 1948 г. она назначается заведующей отделом школ Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в 1949–1957 гг. заместитель министра просвещения РСФСР.

«Считаем необходимым сообщить Вам о серьезной ошибке, допущенной министром просвещения РСФСР т. Вознесенским в беседе, опубликованной в № 13 журнала "Огонек" под заглавием "Школа и комсомол".

В своей беседе т. Вознесенский дает следующий совет комсомольским организациям, говоря о требованиях, которые должны предъявлять к учащимся:

"Если ты учишься ниже своих возможностей, — ты не настоящий советский патриот, — так обязана ставить вопрос комсомольская организация в школе".

Такая постановка вопроса является и педагогически, и политически ошибочной и вредной. Она неизбежно породит в школах большую путаницу, создаст превратное представление о том, что многие учащиеся нашей школы лишены чувства советского патриотизма, так как они успевают "ниже своих возможностей". Причем, как комсомольская организация должна определять "возможности" учащихся, чтобы решать вопрос об их патриотизме, министр, разумеется, не указывает.

Подобные "установки", к тому же накануне XI съезда ВЛКСМ, могут лишь дезориентировать и комсомольские организации и работников школ. <...>

Следует указать, кроме того, что в беседе, опубликованной в "Огоньке", кроме указанной грубой ошибки, имеются неточные цифры и некоторые неудачные формулировки, могущие также дезориентировать читателя.

Попутно необходимо отметить также большую бестактность, допущенную т. Вознесенским, опубликовавшим в "Комсомольской правде" (№ 47 от 26 февраля т[екущего] г[ода]) статью — "Комсомольская организация в школе", в которой он изложил, во многих случаях дословно, проекты постановления XI съезда ВЛКСМ по вопросу о работе комсомола в школе, переданные ему для предварительного ознакомления.

Отдел пропаганды и агитации просит ЦК ВКП(б) обсудить данный вопрос на Секретариате и указать т. Вознесенскому на допущенные им ошибки.

Одновременно с этим считаем необходимым через печать разъяснить ошибочность высказанного т. Вознесенским положения»[621].

К докладной записке была приложена упомянутая статья министра из «Огонька». На следующий же день Г. М. Маленков отправил материал «вкруговую» для ознакомления секретарям ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко, Г. М. Попову и М. А. Суслову. Причем на экземпляре статьи из «Огонька» отмечены и наиболее вопиющие места: подчеркнута фраза «В 1948 году среднее образование в нашей стране получили 600 тысяч юношей и девушек», а на полях синим карандашом помечено: «По данным ЦСУ менее 500 тыс.»; отчеркнут абзац «Мы по справедливости рассматриваем комсомольскую организацию в школе как ближайшего помощника директора, учителя, классного руководителя», а на полях синим карандашом: «Ни слова о партии» и т. п.

18 апреля 1949 г. С. В. Кафтанов подал Д. Т. Шепилову докладную записку «О засоренности кадров политико-экономического факультета Ленинградского университета». Это был следующий спланированный удар по А. А. Вознесенскому, который был организатором, первым деканом и профессором кафедры политэкономии этого факультета. В документе, в частности, говорилось:

«Проверкой работы политико-экономического факультета Ленинградского университета в начале текущего учебного года было установлено, что декан факультета доцент Рейхардт развалил учебную и научную работу факультета; привлек к работе на факультете сомнительных в политическом отношении людей, в библиотеке факультета

[621] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 187. Л. 16–17.

было обнаружено свыше 1000 названий контрреволюционных и вредных книг, брошюр и журналов, которые необходимо было давно изъять из употребления. Рейхардт был снят с работы декана, а бюро Василеостровского РК ВКП(б) исключило его из членов ВКП(б). <...> В результате изучения кадров были вскрыты крупные ошибки космополитического характера у профессоров этого факультета Раутбарта, Штейна, Розенфельда и некоторых других научных работников.

При обсуждении недостатков работы факультета на партийном собрании политико-экономического факультета и на Ученом совете факультета в марте — апреле с. г. указывалось, что большая доля вины за засорение кадров факультета лежит на бывшем ректоре университета тов. А. А. Вознесенском, который привлек к работе на факультете ряд политически сомнительных людей, вопреки протесту партийной организации»[622].

С посланием С. В. Кафтанова в ЦК разбирался В. Д. Кульбакин. Когда традиционные в таких случаях меры были приняты, В. Д. Кульбакин подал 31 мая Д. Т. Шепилову служебную записку следующего содержания:

«Министр высшего образования СССР т. Кафтанов в письме на Ваше имя указывает, что бывший ректор Ленинградского университета т. Вознесенский А. А. привлекал к работе на политико-экономическом факультете университета политически сомнительных лиц.

По сообщению т. Кафтанова, министерством приняты меры по пересмотру преподавательских кадров политико-экономического факультета. В мае 1949 г. на коллегии Министерства высшего образования СССР был заслушан и обсужден доклад ректора Ленинградского университета т. Домнина о состоянии учебно-научной и идейно-воспитательной работы в университете. В постановлении предусмотрено проведение переаттестации научно-преподавательских кадров Ленинградского университета.

С представленным т. Кафтановым материалом ознакомилась т. Дубровина Л. В.

Прошу Вас разрешить направить весь материал на хранение в архив...»[623]

Ситуация накалялась... И Дмитрий Трофимович 2 июня не отправил бумаги в архив, а наложил на документ следующую резолюцию: «т. Кульбакину. Составь краткую информацию о неправильных действиях Вознесенского на имя тов. Маленкова, указав на принятые теперь меры по укреплению положения на факультете. Д. Шепилов»[624].

Несомненно, В. Д. Кульбакин составил требуемую записку, основные положения которой и легли в окончательный документ, который был подан в Секретариат ЦК в качестве формального предлога для снятия А. А. Вознесенского с поста министра. То была составленная по поручению Г. М. Маленкова многостраничная записка, поданная 28 июня 1949 г. Д. Т. Шепиловым и Л. В. Дубровиной в Секретариат ЦК ВКП(б):

«Секретарям ЦК ВКП(б) тов. Маленкову Г. М., Суслову М. А., Пономаренко П. К., Попову Г. М.

По имеющимся в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) данным министр просвещения РСФСР т. Вознесенский А. А., в бытность его ректором Ленинградского университета, допускал грубые политические ошибки в подборе кадров, в методах

---

[622] Служебная записка Сектора вузов агитпропа ЦК Д. Т. Шепилову о научно-преподавательских кадрах Ленинградского государственного университета // Сталин и космополитизм. С. 421–422. Примеч. 1.

[623] Там же. С. 421.

[624] Там же. При публикации приведенного документа слова «на имя тов. Маленкова» ошибочно прочитаны в документе и напечатаны как «на письмо тов. Моляскова», «информация» как «инструкция».

воспитательной работы со студентами и проявил себя морально неустойчивым человеком.

Тов. Вознесенский привлекал к работе на политико-экономическом факультете университета политически сомнительных лиц. Так, деканом этого факультета восемь лет являлся доцент Рейхардт, в 1937 году исключавшийся из членов ВКП(б) за протаскивание в своих печатных работах троцкистско-зиновьевских взглядов. Пользуясь покровительством т. Вознесенского, возглавлявшего кафедру политэкономии, Рейхардт засорил состав работников факультета людьми, не внушающими политического доверия, и препятствовал росту молодых научных кадров. <...>

После ухода т. Вознесенского из университета Рейхардт был снят с работы декана, бюро Василеостровского райкома ВКП(б) г. Ленинграда исключило его из рядов ВКП(б). <...>

Известны также факты аморального поведения т. Вознесенского в быту. В Ленинградском университете работали одновременно три жены Вознесенского — Судакова, мать его двух детей, работник секретариата правления университета, с которой он разошелся; Мироненко — ассистент экономического факультета, его вторая жена, с которой он также разошелся, и Косачевская — доцент истфака, с которой он живет сейчас. Этих фактов Вознесенский не отрицает, объясняя их тем, что Мироненко и Косачевская работали в Университете и до него, а Судакову он устроил на работу в университет во время голода.

Секретарь Василеостровского РК ВКП(б) в личных беседах обращал внимание Вознесенского на неправильность его поведения в быту, но результатов не добился.

С возложенными на него в настоящее время обязанностями министра просвещения РСФСР т. Вознесенский А. А. не справляется и допускает серьезные ошибки.

В своей работе он проявил качества, глубоко чуждые большевистской партийности — непомерную чванливость, склонность к саморекламе, барски-пренебрежительное отношение к местным органам, грубость к подчиненным.

Предложения, которые вносились т. Вознесенским в ЦК ВКП(б) и Правительство, были часто непродуманными, без достаточных обоснований и подсчетов (предложение о введении с 1948 года в стране семилетнего всеобуча и др.), а некоторые из них носили печать недопустимого прожектерства. <...> Любовь к саморекламе Вознесенского находит свое выражение в навязчивом выпячивании приказов Министерства в ущерб мобилизации подведомственной ему системы на выполнение решений партии и правительства»[625] и т. д.

Заканчивалась записка словами:

«В связи со всем изложенным, вносим предложение об освобождении т. Вознесенского А. А. от обязанностей министра просвещения РСФСР»[626].

Показательным для отношения руководства страны к министру было уже одно то, что 30 июня 1949 г., на волне событий в языкознании, он был «отмечен» газетой Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «Культура и жизнь»: Министерству просвещения и лично А. А. Вознесенскому вменялось в вину то, «что в учебных планах для курсов повышения квалификации учителей-словесников из списков рекомендуемой литературы не изъяты “Русский язык” В. В. Виноградова и “Русский синтаксис в научном освещении” А. М. Пешковского»[627].

---

[625] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 132. Д. 187. Л. 23–26.
[626] Там же. Л. 29.
[627] *Алпатов В. М.* Указ. соч. С. 157.

Некоторые подробности отставки Вознесенского с министерского поста сообщает в мемуарах его сын:

«За несколько дней до формального освобождения от работы Сталин подписал соответствующее постановление Политбюро 12 июля 1949 г. — отца вызвал Маленков. Между ними состоялся довольно любопытный разговор:

— Александр Алексеевич, надо оставить пост министра.

— Разве у ЦК есть какие-то претензии к моей работе? До сих пор партийная печать весьма высоко оценивала то, что делает министерство, и поддерживала нас в этом.

— Да, претензий, действительно, нет, но... не пойдет у Вас это дело, не пойдет... А что касается претензий, то Вы, как коммунист, должны помочь Центральному Комитету: подумайте и сообщите нам, какие недостатки в Вашей работе могут быть Вам представлены...

Цинично, конечно, но хотя бы откровенно... И вот мы, сидя на даче министерства (пока она еще оставалась за отцом), придумывали вдвоем эти "самообвинения". Например, я говорил:

— Может быть, ты бывал иногда резок в разговоре с сотрудниками?

— Наверное, если работа требовала. Давай, запишем.

В общем, соединенными усилиями набрали "целых" шесть недостатков, которые затем и были представлены Александру Алексеевичу на заседании коллегии министерства.

Сделано это было его ярыми недоброжелателями — Дубровиной и Михайловым. "Она" заведовала сектором школ в аппарате ЦК и пыталась командовать работой министерства, а отец не любил чьего-либо непрошеного вмешательства в свои прерогативы. "Он" же был первым секретарем ЦК ВЛКСМ и тоже стремился постоянно ввязываться в вопросы, входившие в круг обязанностей прежде всего министерства просвещения. Разумеется, отец должен был считаться с этими организациями, но садиться себе на голову никому не позволял. Именно этим людям Маленков и поручил провести упомянутое расширенное заседание коллегии. Александр Алексеевич был приглашен в президиум, и после его доклада состоялись заранее намеченные выступления участников заседания. И тут произошло нечто совершенно неожиданное: выходившие на трибуну один за другим с явно неподобающим случаю воодушевлением говорили о том, как кардинально изменилась работа министерства, какие новые и благие веяния произошли во всей системе просвещения, в школах, интернатах, институтах... Михайлов некоторое время был буквально в шоке, а потом опомнился и стал требовать от выступавших:

— Скажите, кто мешал вам в работе?

— Никто. Мы работали очень интенсивно и дружно, без помех.

— Нет, вы все-таки чего-то не понимаете... Скажите, кто именно мешал вашей работе?

Выступающий молча мнется на трибуне. Михайлов поворачивается к нему всем корпусом, вытягивает обе руки в сторону Александра Алексеевича и, потрясая ими, восклицает:

— Так кто же в конце концов?!

Понурив голову, выступающий вынужден выдавить из себя искомое:

— Министр...»[628]

[628] *Вознесенский Л. А.* Истины ради. С. 66–67.

12 июля 1949 г. Политбюро ЦК приняло постановление № 70/147 («Вопросы Министерства просвещения РСФСР»), первый пункт которого гласил: «Освободить т. Вознесенского А. А. от обязанностей Министра просвещения РСФСР за ошибки в работе и неправильные методы руководства»[629], утвердив тем самым постановление Секретариата ЦК ВКП(б) № 446/1 с от 9 июля, проходившего под председательством Г. М. Маленкова.

На том же заседании Секретариата ЦК было принято решение № 22 «О приеме и передаче дел по Министерству просвещения РСФСР»[630] и учреждении Правительственной комиссии по передаче дел. 15 июля решения Политбюро и Секретариата ЦК были подтверждены законодательно: «Президиум Верховного Совета РСФСР освободил т. Вознесенского А. А. от обязанностей Министра Просвещения РСФСР»[631] и назначил на его место президента АПН РСФСР И. А. Каирова[632]. Последняя печатная работа А. А. Вознесенского «Всемерно укреплять дошкольные учреждения» была опубликована в «Учительской газете» 13 июля[633], на следующий день после решения Политбюро о его смещении с должности.

После приватного разговора с Г. М. Маленковым, а затем проведения через инстанции решения о снятии с поста министра Александра Алексеевича ждал еще и большой разговор в ЦК: его вынуждали согласиться со всеми обвинениями. Но, выслушав оппонентов, Вознесенский отказался каяться. Именно по причине упрямства Вознесенского Правительственная комиссия на своих заседаниях устроила настоящую проработку бывшего министра.

Заседания комиссии проходили с 19 по 23 июля 1949 г. в зале заседаний коллегии министерства просвещения РСФСР. Главой был назначен новый председатель Совета министров РСФСР Б. Н. Черноусов[634]. В состав комиссии вошли: заместитель председателя Совета министров РСФСР Т. М. Зуева[635], 1-й заместитель заведующего Отделом

---

[629] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 163. Д. 1527. Л. 232.

[630] Там же. Оп. 116. Д. 446. Л. 6. Вот его текст: «Обязать т. Вознесенского А. А. в 10-дневный срок сдать, а т. Каирова И. А. принять дела Министерства просвещения РСФСР при участии Комиссии в составе тт. Черноусова Б. Н. (председатель), Зуевой Т. М., Ильичева Л. Ф., Михайлова Н. А., Дубровиной Л. В., Н. М. Васильева, Олюниной К. В.».

[631] Учительская газета. М., 1949. № 56. 20 июля. С. 4.

[632] А. А. Вознесенский тогда дал характеристику новому министру: «Он совершенно безынициативен и никогда не выдвинет никаких новых идей. А именно такие люди, как видно, сейчас и нужны» (*Вознесенский Л. А.* Указ. соч. С. 66).

[633] *Вознесенский А. А.* Всемерно укреплять дошкольные учреждения // Учительская газета. М., 1949. № 54. 13 июля. С. 2.

[634] Черноусов Борис Николаевич (1908–1978) — родился в Сызрани, с 1924 г. на комсомольской работе; в 1929 г. вступает в ВКП(б) и переезжает в Москву, в 1935 г. закончил Московский энергетический институт, после чего работал по специальности на заводе, где был секретарем парткома, а затем переведен на партийную работу; с 14 января 1939 г. по 27 июля 1948 г. 2-й секретарь Московского обкома ВКП(б) (при А. С. Щербакове, а затем при Г. М. Попове); с 21 марта 1939 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б); с 10 июля 1948 г. заведующий Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б); будучи креатурой Г. М. Маленкова, назначен 9 марта 1949 г. на пост председателя СМ РСФСР вместо М. И. Родионова; а 10 марта включен в состав Оргбюро ЦК ВКП(б) вместо выведенных М. И. Родионова и А. А. Кузнецова; в феврале 1949 г. сопровождал Г. М. Маленкова в его поездке в Ленинград. В 1952 г. впал в немилость у руководства страны, но отделался ссылкой на место директора Московского прожекторного завода; в 1955–1957 гг. заместитель министра автомобильной промышленности СССР, с 1964 г. по день смерти состоял в должности советника постоянного представителя СССР при СЭВ.

[635] Зуева Татьяна Михайловна (1905–1969) — в 1940–1945 гг. работала в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в должности заведующей отделом культурно-просветительных

пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Л. Ф. Ильичев, 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ, член ЦК ВКП(б) и Оргбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Михайлов, заведующая сектором школ ЦК ВКП(б) Л. В. Дубровина и др. Кроме того, к работе комиссии присоединились сотрудники аппарата ЦК ВКП(б), в том числе и заместитель главного редактора газеты «Культура и жизнь» В. П. Степанов.

Наиболее активными проработчиками А. А. Вознесенского были Н. А. Михайлов и Б. Н. Черноусов. Хотя отчасти критика министра была справедливой, перед Правительственной комиссией Г. М. Маленковым были поставлены намного более серьезные задачи. Уже первое заседание 19 июля было непривычным не только для бывших подчиненных, но и для самого А. А. Вознесенского — по ходу доклада, который требовался от бывшего министра, члены комиссии перебивали его:

«Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. А. Я делаю отчетный доклад о работе Министерства и передаю через Правительственную комиссию своему преемнику дела Министерства. Я по каждому вопросу сообщаю, что сделано, что не сделано, какие недостатки.

Тов. МИХАЙЛОВ Н. А. Вы докладывали о сокращении количества экзаменов. Вы самовольно сделали это. Вы вызвали возмущение среди трудящихся в некоторых городах. Вам эту ошибку пришлось исправлять, а Вы об этом сказали? Смена окончилась, а вопрос остался непонятным.

Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. А. Мы самовольно не сокращали. Вы хотите сказать, что мы объявили об этом?

Тов. МИХАЙЛОВ Н. А. Об учебниках Вы тоже неправильно докладываете. ЦК партии, секретари ЦК партии не один раз говорили Министерству, что учебников много плохих, что надо пересмотреть систему оплаты за учебники. А Вы говорите о том, что это надо в Правительство внести, как будто бы все в правительстве лежит. Собрание не поймет — что же случилось?

Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. А. (Продолжает чтение доклада.)

Тов. ЧЕРНОУСОВ Б. Н. Известно, что Вы освобождены за ошибки в работе и неправильные методы руководства. Поэтому для нас важно — какие, Вы считаете, Вы допустили ошибки как министр, какие неправильные методы руководства были в Министерстве просвещения.

Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. А. О недостатках в руководстве, по-моему, я говорил много почти по каждому разделу.

Тов. ЧЕРНОУСОВ Б. Н. Если Вы считаете, что Вы говорили о недостатках и ошибках, Вы ничего не поняли из решения правительства о Вашем освобождении. Речь идет о серьезных ошибках и неправильных методах руководства, которые Вы допустили. Какие ошибки, какие неправильные методы — Вы должны были сказать.

Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. А. Когда я говорил относительно работы аппарата министерства в руководстве работой органов народного образования, я подчеркнул

учреждений, фактически будучи одним из заместителей Г. Ф. Александрова; затем была переведена руководить одноименным комитетом в Совет министров РСФСР, а в 1949 г., с падением «ленинградцев», была назначена заместителем Б. Н. Черноусова и одновременно вела работу в руководстве Комитета советских женщин. С именем Т. М. Зуевой напрямую связаны документы о государственном антисемитизме в 1940-е гг., ее подпись (вместе с подписью Г. Ф. Александрова) стоит под двумя докладными записками указанного характера, поданными в Секретариат ЦК — «О подборе и выдвижении кадров в искусстве» (17 августа 1942 г.) и «О работе ГАБТ СССР» (15 июля 1943 г.) (см.: Государственный антисемитизм в СССР. С. 27–32).

много недостатков и ошибок. Эти недостатки и ошибки свидетельствуют о неудовлетворительных и неправильных методах руководства.

Тов. ЧЕРНОУСОВ Б. Н. Вы о конкретных фактах говорите и о конкретных ошибках»[636].

Отдельно А. А. Вознесенскому была поставлена на вид и статья в «Огоньке», о которой ранее докладывали Г. М. Маленкову:

«Тов. ЧЕРНОУСОВ Б. Н. Вот Ваше выражение: "Если ты учишься ниже своих возможностей, ты не настоящий советский патриот". Вот тезис, который Вы выставили в своей статье.

Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. А. Мне казалось, что эта формула что означает? Что если ты учишься ниже своих возможностей, это значит, кто учится ниже своих возможностей — лентяй, кто плохо занимается, не хочет заниматься. И я думал, что этим самым мы ударим против этой категории учащихся. А кто определяет? Ясно, что это можно определить только индивидуально. Разумеется, никакого объективного критерия в смысле балла не может быть, ибо как раз в смысле балла это безусловно явно неправильно. Я думал, что этот вопрос индивидуально может ставиться. Учитель, директор, комсомольская организация знает, как данный учащийся относится к учебе, и они могут это применить. Я думаю, что в этом направлении я зря умствовал. Если эту формулу давать, то нужно, во-первых, разъяснить, а во-вторых, эта формула, примененная к школьникам, в особенности к школьникам младшего возраста, если ее начать применять, может привести к путанице, недоразумениям и неправильностям в педагогической и воспитательной работе.

Тов. ЧЕРНОУСОВ Б. Н. Вы опять политически квалифицируйте этот тезис — что школьник, не советский патриот, который учится ниже своих возможностей. У нас сотни тысяч ребят, которые учатся не на "5", а на "4". Значит, мы можем предъявить обвинение им: "Ты не советский патриот — ты можешь учиться на пятерки, а ты учишься на четверки, значит, не советский патриот".

Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. А. Мы все время исходили из того, что советский патриотизм — одна из характернейших черт, имеет действенный характер, и привыкли требовать в отношении каждого гражданина, чтобы его патриотизм проявлялся не на словах, а на делах, прямолинейно применив это и к школьникам,

Тов. ИЛЬИЧЕВ. Вы не лукавьте, скажите — это ошибочный тезис? Скажите аудитории, что то, что Вы написали, Вы написали ошибочно.

Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Я сказал уже это.

Тов. ЧЕРНОУСОВ. Вы сквозь зубы говорите.

Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Вы что же полагаете, что я взял да нарочно написал этот неправильный тезис? Я вам объясняю, исходя из чего получился этот неправильный тезис.

Тов. ЧЕРНОУСОВ. Нас не интересует, в результате каких умозаключений это было. Нас интересует ваша оценка.

Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Я сказал, что это может привести к путанице, недоразумениям и ошибкам в учебно-воспитательной работе.

Тов. ЧЕРНОУСОВ. Это не совсем искреннее признание. Чувствуется, что приходится это от вас вытягивать. Каждый сидящий здесь ясно понимает, что значит недооценка. Другой бы сказал прямолинейно: я допускал политические ошибки в формулировках.

---

636 ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 413. Л. 1–3.

> У вас искреннего признания нет, ни в ЦК вы не отвечали, ни здесь не говорите. Дальше»[637].

Члены комиссии постоянно пытались вытянуть из А. А. Вознесенского признание вины, притом понуждали «квалифицировать политически» свои ошибки, однако Александр Алексеевич хотя и был профессором Ленинградского университета, но в подобных вещах был также искушен и понимал, что такими «квалификациями» может сильно ухудшить свое и без того скверное положение.

Выступавшие на заседаниях Правительственной комиссии сотрудники аппарата министерства также не сильно помогали устроителям. Характерна реплика Б. Н. Черноусова в ответ на выступление М. Н. Орлова, начальника Главного управления вузов министерства:

> «Маловато вы сказали. У вас вопросы критики и самокритики, видимо, были в загоне. Если бы вы более глубоко продумали все эти вопросы, вы сейчас имели бы возможность развернуть во всю силу вопрос о недостатках своего управления и самого министерства, что и нужно было бы вам сделать. К сожалению, у вас этого не получается»[638].

А после выступления заместителя министра, начальника Управления кадров Л. Н. Белоконева глава Правительства РСФСР заявил прямо: «Вы обходите т[оварища] Вознесенского»[639].

Не добившись от А. А. Вознесенского покаяния, устроители организовали еще одну проработку — 5 августа для обсуждения бывшего министра был собран актив Министерства просвещения РСФСР. Обвинения А. А. Вознесенскому были аналогичными — издание популистских распоряжений, стремление к глобальным («государственным») проблемам в ущерб прямым обязанностям и, наконец, фаворитизм[640]. Необходимо отметить, что «вскрытые» нарушения были типичными для поведения советского руководителя такого ранга.

Но, несмотря на очевидную тенденциозность проработок, целью которых были как дискредитация бывшего министра, так и политическая квалификация его поступков, на заседаниях неминуемо фигурировали и действительные характеристики А. А. Вознесенского, которые, несомненно, характерны были еще для времени работы на посту ректора Ленинградского университета и отражались на его подчиненных во время его ленинградского «правления». Приведем некоторые.

Заместитель министра просвещения, начальник Управления детских домов В. В. Снегов отмечал 23 июля:

---

[637] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 413. Л. 11–13.

[638] Там же. Д. 5892. Л. 29.

[639] Там же. Л. 81.

[640] Главный редактор Учпедгиза В. В. Морозов в первый день заседания актива Министерства просвещения (5 августа 1949 г.), говоря о помощнике министра О. В. Челпановой (кстати, специалисте в области преподавания литературы, заслуженной учительнице РСФСР), коснулся этой темы отдельно: «Я остановился на фамилии Челпановой не потому, что сама Челпанова заслуживает так много внимания, а потому, что это имеет в нашем коллективе Министерства большое общее значение. Тов. Челпанова получилась средостением между министром и ответственными работниками Министерства. На Правительственной комиссии даже члены Коллегии, начальники управлений признавали, что она стала даже над начальниками управлений. Получилась какая-то "челпановщина" в Министерстве просвещения» (ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 375. Л. 44).

«Я должен сказать, что со мной и с [А. В.] Терентьевым (заместителем министра. — *П.Д.*) не считались. Нам было трудно попадать к министру, не говоря уже о [Е. И.] Волковой и [Е. В.] Коняхиной. Обычно это происходило так: я пропускал их вперед и говорил: идите, женщин ругать не будут. <...>

В порядке критики должен сказать, что А. А. [Вознесенский] неправильно относился к своим замам. Приведу такой факт: мы 22 человека (четыре заместителя министра с семьями. — *П.Д.*) жили в одной даче, а министр занимал со своей семьей громадную дачу. Если нужно было занимать такую дачу, то нужно и помочь своим заместителям в вопросе устройства жилой площади.

Я хочу рассказать о нетактичном случае, который допустил А. А. с [В. П.] Ягунковой (начальником Управления педагогических училищ министерства. — *П.Д.*). Я был с [Б. Ф.] Осетровым на докладе. Министр то вставал, то снова садился. Вошла Ягункова и села. Ей было приказано встать. Потом была прочитана лекция — по меньшей мере, неудобно это было, не стоило ее делать при мне и Осетрове. Это нехороший стиль.

Пусть это маленький штрих, но об этом нужно сказать: Вознесенский осматривал помещения Министерства. Вошли в Управление — работники сидели. Он объявил, что нужно вставать, когда старшие входят. Потом, когда вошел начальник, все встали; когда [Л. Н.] Белоконев (заместитель министра. — *П.Д.*) пришел на партийное собрание, то почти все Управление кадров встало»[641].

Дача министра (служебная, выделенная ему Советом министров РСФСР) вообще была притчей во языцех, недаром председатель месткома министерства А. Н. Забалуева в своем выступлении на активе министерства 5 августа 1949 г. говорила о ней отдельно:

«У нас два детских учреждения — детский сад и пионерский лагерь. Эти учреждения влачат жалкое существование. Из года в год мы их с огромными трудностями вывозим на дачу.

У меня просьба к руководству Министерства и Правительственной комиссии — выделить следующие ассигнования на строительство дачи для детского сада, а пока — дачу, которую занимает тов. Вознесенский, отдать детскому саду Министерства. (Аплодисменты)»[642].

Семейная черта Вознесенских — грубость — также не могла оставить сотрудников равнодушными, и заместитель министра А. В. Терентьев особенно отметил это качество министра:

«С грубостью Вознесенского Александра Алексеевича мы сталкивались давно и постоянно. Я хочу сказать (и Александр Алексеевич это не отрицал), эта грубость особенно ярко начала проявляться с первых же дней его прихода в Министерство и, если разбить по периодам, продолжалась до весны 1949 года. Тов. Вознесенский довольно жестко, довольно грубовато обращался с работниками и с нами, в частности. В моем представлении это дело выглядело таким образом, что вновь назначенный в прошлом году министр А. А. Вознесенский пытался навести порядок; он говорил о том, что ставит задачу укрепить дисциплину в Министерстве, но это шло не теми методами, какими нужно было осуществлять укрепление дисциплины. Многие из нас эту грубость Александра Алексеевича эмпирически ощущали на себе; это возмущало нас, но снова проходило время. Я как-то должен объективно сказать — у тов. Вознесенского есть одна сторона в его характере, как я это называю — незлопамятность. Слишком грубовато, резко, неприлично выглядело,

[641] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 5893. Л. 34–35.
[642] Там же. Д. 375. Л. 49.

но мы работали. Все это дальше продолжалось. Мы не принимали меры, чтобы обратить внимание, чтобы его энергия шла в том направлении, в каком нужно. Мы этого не сделали. С весны этого года его отношение стало несколько иным, и тов. Вознесенский стал внимательнее, задумчивее, осторожнее. Но вспышки гнева всегда возникали»[643].

Один из наиболее красочных примеров привела Л. В. Дубровина:

«Барски пренебрежительное отношение к местным органам, недооценка коллектива, с которым он работает, чванливость и бестактность. Тут уж товарищам известен этот факт. Очень жаль, что он своевременно не был предметом партийного разговора, как произошло дело в Молотове. А дело обстояло так. На обратном пути из Новосибирска в Москву тов. Вознесенский дал две телефонограммы в Молотов, где он предлагал заведующим облОНО и горОНО явиться ночью на вокзал (он ехал в сопровождении консультанта Челпановой[644]) для разрешения вопросов, связанных с подготовкой к новому учебному году. Просьба министра была уважена. В течение двух дней шла подготовка в обкоме партии, облисполкоме, облОНО и горОНО. К 4-м часам утра, к моменту прибытия поезда, на вокзале было пять ответственных товарищей — заместитель председателя облисполкома, заместитель председателя горисполкома, заведующий школьным сектором обкома партии, заведующий облОНО и заведующий горОНО. Поезд прибыл. И, как говорит заведующий школьным сектором обкома партии, их даже в вагон не пустили. Им сказали, что министр спит, что эти вопросы можно рассмотреть и завтра и что вообще эти вопросы не должны быть предметом рассмотрения министра. Товарищи тогда сказали, что им здесь делать нечего, и ушли. И, конечно, чувство оскорбленности осталось у них до сих пор, и они с глубоким возмущением говорили об этом на совещании, созванном в обкоме партии»[645].

Начальник Управления школ рабочей и сельской молодежи Н. В. Харчев напомнил первые «подвиги» бывшего ректора ЛГУ:

«Возьмем памятный случай в первые дни деятельности министра Вознесенского, когда он после заседания Сессии Верховного Совета встретился с депутатами Верховного Совета у себя в зале заседаний Коллегии. Собрав к себе на беседу депутатов послушать их нужды, бывший министр Вознесенский вовсе не слушал их как подобает министру, как подобает человеку, а выслушивал их как унтер Пришибеев.

На одну из просьб министра просвещения Дагестанской республики о том, что им необходимо помочь в увеличении количества методических кабинетов, так как в республике 11 национальностей, а методический кабинет всего-навсего один. Грубо, резко по-пришибеевски Вознесенский обрывает и говорит: "Вы мне не говорите об этих мелочах, мне мелочи не нужны, выкладывайте мне дела большой государственной важности".

Какие большие дела, когда самые насущные вопросы просвещения Вознесенский не принимал в расчет в своей практической работе. Это был стиль, это был метод и отношение к запросам»[646].

---

[643] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 375. Л. 92, 94. Это выступление не показалось организаторам проработки достаточно критическим, и А. В. Терентьев был освобожден от должности заместителя министра.

[644] Челпанова Ольга Васильевна — помощник министра просвещения, впоследствии, вплоть до 1980-х гг.,— редактор отдела школ «Учительской газеты»

[645] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 413. Л. 44–64.

[646] Там же. Д. 375. Л. 85–86.

Любопытно сравнить этот рассказ с тем, как прием был описан в «Учительской газете»: «На днях в Министерстве просвещения РСФСР состоялся прием группы депутатов Верховного Совета РСФСР — учителей и работников народного образования, участвовавших в заседаниях Верховного Совета. Министр просвещения тов. А. А. Вознесенский обратился к депутатам

Также бывшие замы попеняли А. А. Вознесенскому на то, что он не слишком ценил личное время своих помощников и подчиненных. Это имело как объективные причины — носило всеобщий характер вследствие привычки руководства страны работать в вечернее и ночное время, — так и субъективные — министр был разведенным и в квартиру № 195 в Доме правительства на улицу Серафимовича не спешил[647]. Но поскольку такой режим работы был закреплен законодательно («Для ответственных работников допускается установление ненормированного рабочего дня, что компенсируется особо высокой оплатой их труда, предоставлением отпусков большей продолжительности и т. п.»[648]), то заместители министра и начальники управлений вынуждены были безропотно работать ночами. Впоследствии даже заместитель министра И. П. Кондаков, наиболее приближенный к Вознесенскому, отмечал:

> «В нашей работе страшно много времени отнимали редакционные заседания, если их можно так назвать, это, когда мы у тов. Вознесенского человек 5, 6, 8 руководящих работников просиживали днями, вечерами и ночами по много часов, редактируя в таком большом коллективе отдельные большие приказы, забрасывая остальные дела»[649].

Конечно, все перечисленные претензии к бывшему министру не играли ровно никакой роли в том, что происходило. А. А. Вознесенский был типичным представителем советской номенклатуры сталинской эпохи, причем далеко не худшим представителем. Но пришло время и ему стать жертвой того режима, которому он служил верой и правдой долгие годы.

В первых числах августа 1949 г. членами Правительственной комиссии был подписан секретный итоговый акт работы комиссии[650], в котором А. А. Вознесенского делали виновным не только в плохой работе вверенного ему ведомства, но и представили не в лучшем свете, однако документ этот не содержал «политических квалификаций» поступков бывшего министра. 9 августа 1949 г. А. А. Вознесенский подписал последний документ на прежнем месте работы — четырехстраничные замечания к Акту передачи дел новому министру И. А. Каирову[651], которые еще раз свидетельствуют о том, что снят министр был совсем по иным соображениям.

с кратким приветственным словом и попросил высказаться по ряду вопросов, касающихся деятельности школы, Министерства просвещения, и его местных органов, и указать на недостатки в их работе. <...> В заключение министр просвещения А. А. Вознесенский поблагодарил депутатов за их критические замечания и заявил, что эта критика будет учтена министерством в дальнейшей деятельности» (Депутаты-учителя в Министерстве просвещения РСФСР // Учительская газета. М., 1948. № 7. 12 февраля. С. 1).

[647] Его младший брат Н. А. Вознесенский (как и секретарь ЦК А. А. Кузнецов) жил в более «привилегированном» месте — бывшем Доме советов на улице Грановского. Как вспоминала дочь маршала Ф. И. Голикова Нина Филипповна, «он жил в подъезде № 4 и, когда он впервые вышел из дома без машины и без охраны, замер весь двор, даже дети» (*Рокоссовская А. К.* Погонные метры: После войны о доме № 3 по улице Грановского узнала вся страна — там жили маршалы Победы // Российская газета — Неделя. М., 2005. № 14. 15 апреля. С. 9). До переезда в Москву А. А. Вознесенский жил в доме во дворе ЛГУ.

[648] Рабочее время и время отдыха / Трудовое законодательство СССР // 1950 год: Календарь-справочник. [М., 1950]. С. 647.

[649] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 375. Л. 93.

[650] Там же. Д. 5925. Л. 1–25.

[651] Там же. Л. 31–35.

На место А. А. Вознесенского заступил президент Академии педагогических наук РСФСР И. А. Каиров, а «для укрепления» из ЦК ВКП(б) была переведена и та самая Л. В. Дубровина, которая в сентябре 1949 г. была назначена заместителем министра просвещения РСФСР и оставалась «комиссаром в юбке» при министре долгие годы.

К этому времени положение бывшего министра пошатнулось еще сильнее: утром 25 июля 1949 г. на служебной даче под Ленинградом была арестована сестра Вознесенских Мария Алексеевна — секретарь Куйбышевского райкома ВКП(б) Ленинграда[652]. Она была заключена под стражу одной из первых, и с вполне определенной целью: «...Есть сведения, что во время следствия Марии Алексеевне обещали сохранить жизнь при условии, если она даст хоть какое-нибудь показание против братьев»[653]. Александр Алексеевич, никогда не бывший трусом, пытался вступиться за сестру, направлял письма в «инстанции»[654]...

Но это было бесполезно, поскольку Сталин уже решил судьбу «антипартийной группы»: 23 июля был арестован Я. Ф. Капустин, а на основании выбитых у него показаний (доложенных главе государства 4 августа) в кабинете Г. М. Маленкова 13 августа были арестованы «ленинградцы» А. А. Кузнецов, П. С. Попков, М. И. Родионов, П. Г. Лазутин и Н. В. Соловьев.

Не мог остаться в стороне и А. А. Вознесенский — к тому времени его разработкой уже активно занималось МГБ СССР во главе с В. С. Абакумовым. Кроме того, Александр Алексеевич оказался включен и в «Список лиц, проходящих по показаниям арестованного Капустина Я. Ф.», который 4 августа Сталин получил от В. С. Абакумова вместе с протоколом допроса Я. Ф. Капустина. Показательно, что фамилию А. А. Вознесенского в этом списке Сталин отчеркнул карандашом[655]. По-видимому, именно по причине особенного интереса Сталина В. С. Абакумов составил для руководителя страны отдельную справку, представленную 20 июля[656].

Петля, неминуемо стягивавшаяся вокруг шеи бывшего ректора Ленинградского университета, не могла не захватить одновременно и его бывших коллег. Но здесь сказалась географическая специфика фабрикуемого уголовного дела: репрессивные меры были приняты отнюдь не к коллегам по Славянскому комитету СССР или Министерству просвещения РСФСР, где А. А. Вознесенский активно работал последнее время, а именно к ленинградцам — сотрудникам Ленинградского университета.

В июле 1949 г. были арестованы три ведущих профессора политико-экономического факультета ЛГУ: сначала заведующий кафедрой политэкономии В. В. Рейхардт[657], 18 июля — заведующий кафедрой конкретных экономик Я. С. Розенфельд[658], а 28 июля — заведующий кафедрой статистики Л. В. Некраш[659]. Одновременно в июле арестованы

---

[652] *Сидоровский Л.* Люди Ленинградского дела. С. 316.

[653] Там же.

[654] Там же. С. 314.

[655] *Вознесенский Л. А.* Указ. соч. С. 198.

[656] Там же. С. 146.

[657] Рейхардт Виктор Владимирович (1901–1949) — профессор кафедры политэкономии, в 1941 г. сменил А. А. Вознесенского на посту декана факультета; летом 1948 г. в результате «критики» был смещен с поста декана, в июле 1949 г. арестован, этапирован в Москву в следственный изолятор МГБ СССР «Лефортово»; не выдержав пыток, умер в Лефортовской тюрьме 16 сентября 1949 г.

[658] Розенфельд Яков (Янкель) Самойлович (1885–1969 — экономист, специалист по вопросам экономики промышленности, уроженец Витебска (шурин Марка Шагала); после ареста этапирован в Москву в следственный изолятор МГБ СССР «Лефортово»; 16 декабря 1950 г. приговорен ОСО при МГБ СССР к 10 годам ИТЛ (по ст. 58–10 ч. 1, 11, 13 УК РСФСР); освобожден в 1955 г.

[659] Некраш Ликарион Витольдович (1886–1949) — профессор ЛГУ, специалист в области статистики и планирования; после ареста этапирован в Москву в следственный изолятор МГБ СССР «Лефортово»; в результате пыток госпитализирован в тюремную больницу, 11 августа 1949 г. скончался от «заражения крови, вызванного склерозом почек», дело прекращено 6 сентября 1949 г. (*Смелов В. А., Сторонкин Н. Н.* Репрессированные политехники. СПб., 2008. Кн. 1. С. 305).

еще два профессора, тесно связанные с бывшим ректором по административной работе: на отдыхе в Сочи — профессор М. А. Гуковский, который в 1943—1945 гг. был проректором ЛГУ, а 25-го числа в Риге — профессор Г. А. Гуковский, во время войны являвшийся проректором Саратовского университета при «ректоре двух университетов» А. А. Вознесенском, а после назначения его министром много помогавший министерству в вопросах школьного образования[660].

Все пятеро были этапированы в Москву в следственный изолятор МГБ СССР «Лефортово». Цель этого была очевидна: нужны были показания для ареста бывшего ректора. Министр В. С. Абакумов не жалел сил для достижения цели: лишь двое из пятерых смогли дожить до приговора.

5 августа 1949 г. В. С. Абакумов подал И. В. Сталину протокол допроса профессора политико-экономического факультета ЛГУ, «матерого троцкиста» и друга А. А. Вознесенского со студенческих лет В. В. Рейхардта, в котором последний свидетельствовал, что в «марте 49 г. после исключения из рядов ВКП(б) выезжал в Москву для встречи с Вознесенским Александром Алексеевичем — посоветоваться и найти поддержку»[661]. Последняя фраза арестованного в протоколе допроса была подготовлена следователями особенно умело: «Я правдиво показал о всех своих вражеских связях, не скрыв даже Вознесенского, которому я был многим обязан...»[662] Фамилия А. А. Вознесенского во всех случаях отчеркнута Сталиным на полях.

В начале десятых чисел августа А. А. Вознесенский, «ожидая решения своей судьбы», отправился на отдых в Сочи — у него оставался неиспользованный отпуск. Там он и был арестован 19 августа; и сразу отправился вослед своих профессоров — в «Лефортово», где уже томилась его сестра М. А. Вознесенская.

21 августа об аресте старшего брата узнал опальный Н. А. Вознесенский — он, следуя неписаным правилам, передал И. В. Сталину ритуальное письмо, подобное которому писали все сталинские подручные. Николай Алексеевич оправдывал арест брата (по-видимому, он был ознакомлен с материалами, послужившими формальной причиной ареста). Постановление об аресте В. С. Абакумов подписал лишь через десять дней — 29 августа, и только 1 сентября оно было предъявлено Александру Алексеевичу.

---

[660] С большой долей вероятности можно говорить, что А. А. Вознесенский предлагал кандидатуру Г. А. Гуковского на должность заместителя министра просвещения РСФСР по высшим учебным заведениям — пост, который при нем полтора года оставался вакантным. 19 июля 1949 г. на заседании Правительственной комиссии А. А. Вознесенский отвечал на упрек об этой незакрытой вакансии Б. Н. Черноусову следующее: «Я представлял 3–4 человека, и каждый оказывался или неподходящим по тем или иным причинам или уходил в другую область, и из 3–4 кандидатов, представляемых мною, ни один не дошел до стадии утверждения» (ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 413. Л. 20).

В связи с этим вспоминаются слова Б. М. Эйхенбаума, записанные им 9 апреля 1928 г. в дневнике: «Был на докладе Гуковского <...>. Как всегда — реакционный в научном отношении дух (возвращение к “школьным” понятиям, традиционализм, высокий штиль, философия, смешанная с наглостью), внешний блеск, много нахальства, много знания. <...> Я сказал Гуковскому довольно много по существу, но он гнет свою линию и, как всегда, бестактен, самоуверен, самовлюблен и не думает. Когда-нибудь сорвется, если не станет министром» (*Гинзбург Л. Я.* Письма Б. Я. Бухштабу / Подгот. текста, публ., примеч. и вступ. заметка Д. В. Устинова // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 49. С. 360).

[661] *Вознесенский Л. А.* Указ. соч. С. 198.

[662] Там же. С. 199.

Первый допрос А. А. Вознесенского состоялся 30 августа; его протокол начинается так:

«ВОПРОС. Вы арестованы за проведение вражеской, антисоветской деятельности против партии и Советского государства. Следствие предлагает вам дать подробные показания о совершенных вами преступлениях.

ОТВЕТ. Никаких преступлений против партии и Советского государства я не совершал.

ВОПРОС. Это неправда. Ведь вы за преступления против партии и Советской власти арестованы и заключены под стражу.

ОТВЕТ. Я настаиваю на своей невиновности»[663].

26 октября в «Лефортово» был водворен и младший брат — Н. А. Вознесенский, причем все трое упорно отказывались подписывать признательные показания. О том, насколько долго держался А. А. Вознесенский, говорят более 90 (!) направлений в карцер, сохранившиеся в его следственном деле[664].

Сотрудник КПК при ЦК КПСС А. И. Кузнецов, изучавший в 1950-х гг. материалы «ленинградского дела» и допрашивавший многих свидетелей и обвинителей (в том числе Н. А. Булганина), сообщил сыновьям А. А. Вознесенского следующее:

«Братья и сестра Вознесенские больше года держались на следствии настолько упорно, что Сталин в конце концов послал в тюрьму комиссию в составе Маленкова, Берии и Булганина с заданием выяснить, почему они так долго не подписывают нужных ему показаний. И тогда к ним привели из карцера, в котором он в очередной раз находился, вашего отца. <...>

К тому времени, когда Александра Алексеевича привели на этот допрос, он от всего перенесенного почти ослеп и, в слабо освещенной одним торшером комнате разглядев только стоявшего за креслом Булганина в маршальском мундире, воскликнул:

— Какое счастье, что вы пришли, товарищ Булганин! Наконец-то Сталин узнает правду!

— Тамбовский волк тебе товарищ! — ответил ему Булганин, а из затененных углов комнаты раздался дружный хохот сидевших в креслах Берии и Маленкова. Булганин же, выйдя из-за своего кресла, ударом ноги сбил Александра Алексеевича на пол и стал топтать его своими маршальскими сапогами. Затем троица допросила его. Он отверг и опроверг все обвинения, но они все равно написали эту записку...»[665]

Текст записки, написанной от руки на клочке бумаги, которая требовалась вождю народов, лаконичен:

«Товарищ Сталин!

По Вашему указанию Вознесенского А. А. допросили и считаем, что он виновен.

Маленков
Берия
Булганин»[666].

После этого визита, состоявшегося поздней осенью 1949 г.[667], начались еще более жестокие допросы в целях получения признательных показаний и приведения к за-

---

[663] *Вознесенский Л. А.* Указ. соч. С. 206.

[664] *Вознесенский Э. А.* Вхождение в жизнь: Воспоминания. Л., 1990. С. 86.

[665] *Вознесенский Л. А.* Указ. соч. С. 216.

[666] Там же.

[667] Можно усмотреть хронологическое несоответствие между временем посещения Лефор-

думанному Сталиным концу. И только через полгода — 13 марта 1950 г. — Александр Алексеевич, уже представлявший после пыток одно подобие живого человека, подписал окончательный протокол с признанием вины.

23 марта 1950 г. министр госбезопасности СССР В. С. Абакумов подал И. В. Сталину «Список арестованных МГБ СССР изменников родины, шпионов, подрывников и террористов», в котором перечислены основные фигуранты «ленинградского дела». Бывший министр просвещения занимает там восьмое место, а возглавляет перечень его младший брат Николай Алексеевич. В этом расстрельном списке, утвержденном главой государства, кратко определены и основные обвинения каждого. А. А. Вознесенскому вменялся целый ряд преступлений:

> «Обвиняется в том, что в 1917 году установил связь с "народными социалистами", неприязненно встретил Октябрьскую революцию, голосовал за меньшевистский список в учредительное собрание. Имел антисоветскую связь со своей женой Судаковой[668] и на протяжении долгих лет скрывал ее вражескую деятельность.
>
> Составлял и издавал вредные работы, в которых извращал марксистско-ленинскую науку.
>
> Являясь ректором Ленинградского университета, группировал в университете врагов партии — троцкистов, зиновьевцев и других антисоветски настроенных лиц из числа профессорско-преподавательского состава.
>
> Будучи министром просвещения РСФСР, продолжал поддерживать связь с врагами Советской власти, пригретыми им в Ленинградском университете, оказывал им всяческую поддержку и помощь в сокрытии своих преступлений.
>
> Изобличается показаниями [А. А.] Кузнецова, [П. С.] Попкова, [В. В.] Рейхардта и других арестованных и документами»[669].

Суд над А. А. Вознесенским состоялся через месяц после расстрела основной «шестерки» обвиненных по «ленинградскому делу». 25 октября Александру Алексеевичу и его сестре Марии Александровне были предъявлены протоколы об окончании следствия, 26 октября они были ознакомлены с текстами обвинительных заключений, 27 октября в следственном изоляторе МГБ СССР «Лефортово» состоялось закрытое заседание Военной коллегии Верховного суда СССР.

В этом судебном заседании Александр Алексеевич, подобно брату, показал себя человеком, который, будучи почти уничтожен физически, остался не сломленным морально. Он отказался от показаний, выбитых у него полгода назад, и настаивал на своей невиновности. Заместитель председателя Военной коллегии генерал-майор юстиции И. О. Матулевич, председательствовавший месяцем ранее на выездном заседании

товской тюрьмы тремя подручными главы государства и указанием А. И. Кузнецова на то, что Вознесенские держались на допросах «больше года». Возможно, потому, что только почти через год были подписаны окончательные признательные показания.

[668] Столь странная формулировка происходит от того, что А. А. Вознесенский еще в начале 30-х гг. развелся со своей супругой Анной Васильевной Судаковой (1902—1979). Их сын Л. А. Вознесенский вспоминает: «В начале 30-х гг. родители расстались — и здесь тоже сыграл свою роль характер матери: отец сказал (не знаю, по какому поводу) что-то резкое, и мать тут же оставила его. Но до конца жизни каждого из них они сохраняли очень теплое и глубоко уважительное отношение друг к другу, а может быть, так мне казалось по ряду деталей, и нечто большее. Мать говорила, что отец спас ее, находившуюся уже при смерти, во время блокады Ленинграда» (*Вознесенский Л. А.* Указ. соч. С. 51).

[669] АП РФ. Оп. 57. Д. 100. Л. 8. Электронная публикация: stalin.memo.ru/spiski/pg16008.htm.

Военной коллегии в Ленинграде, вел и это заседание; он был озадачен несоответствием ответов обвиняемого с подписанными признательными показаниями, в результате чего состоялся следующий диалог:

> «ПОДСУДИМЫЙ: Это не моя формулировка. Я только подписал протокол допроса от 26-го декабря 1949 года. В действительности было так, как я уже доложил суду выше.
>
> ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Из материалов дела видно, что некоторые формулировки, с которыми вы были не согласны, вы оговаривали и собственноручно вносили исправления. Здесь же никаких исправлений вами сделано не было.
>
> ПОДСУДИМЫЙ: Верно, что в некоторых протоколах допроса я вносил исправления, но только не в протокол моего допроса от 26-го декабря 1949 года. О причинах подписания этого протокола я не хочу говорить суду Военной Коллегии...
>
> ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Кто вас выдвинул на должность министра просвещения РСФСР?
>
> ПОДСУДИМЫЙ: Я не знаю. О назначении меня на должность министра просвещения имел разговор с А. А. Ждановым. В протоколе моего допроса по этому вопросу записано иначе. Следователь сказал мне, что без секретаря ЦК ВКП(б) по кадрам (А. А. Кузнецова. — *П. Д.*) на такие должности не выдвигаются. Я согласился с ним, а при подписании протокола был в таком состоянии, что не мог осмыслить формулировки»[670].

На суде А. А. Вознесенский не признал за собой никакой вины, кроме той, что, «будучи ректором Ленинградского университета, санкционировал прием на профессорско-преподавательскую работу нескольких лиц без специальной проверки», и той, что «поддерживал связь со своей бывшей женой»[671], матерью его двоих сыновей.

Произнося свое последнее слово, Вознесенский сказал:

> «Никаких группировок я не поддерживал и к ним не примыкал. Вреда партии умышленно я никогда не приносил. Я 32 года честно и искренне служил коммунистической партии. В течение 25 лет я беспрерывно вел пропагандистскую работу. Я прочел более пяти тысяч лекций для студентов. Более тысячи для рабочих и служащих. Я все время вел большую воспитательно-политическую работу... Прошу все это учесть при вынесении приговора»[672].

Но приговор был вынесен заранее. 24 октября 1950 г. министр госбезопасности СССР В. С. Абакумов передал Сталину список из 38 «ленинградцев», сопроводив его письмом, где говорилось:

> «МГБ СССР считает необходимым осудить Военной коллегией Верховного Суда СССР в обычном порядке, без участия сторон, в Лефортовской тюрьме, с рассмотрением дел на каждого обвиняемого в отдельности:
>
> Первое. Обвиняемых, перечисленных в прилагаемом списке с 1 по 19 номер включительно <...> — к смертной казни — расстрелу, без права обжалования, помилования и с приведением приговора суда в исполнение немедленно...»[673]

---

[670] *Вознесенский Л. А.* Указ. соч. С. 245. К сожалению, это единственный приведенный автором фрагмент стенограммы процесса.

[671] Там же. С. 246.

[672] Там же.

[673] Там же. С. 243.

Среди этих девятнадцати были и А. А. Вознесенский, и его сестра. Сталин не высказал никаких сомнений по поводу приговора; его секретарь А. Н. Поскребышев начертал на документе: «т. Сталин не возражает»[674].

Приговор был объявлен и приведен в исполнение. «К месту казни его, истерзанного с особой жестокостью, несли на руках»[675]. Исполнители составили следующий акт:

> «Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что приговоры Военной коллегии Верхсуда СССР от 27 октября 1950 г. в отношении осужденных к ВМН — расстрелу — Вознесенского Александра Алексеевича 1898 года рождения и Вознесенской Марии Алексеевны 1901 года рожд[ения] приведены в исполнение 28 октября 1950 года в 2 часа 00 мин.»[676]

Тела всех расстрелянных были кремированы в Донском крематории, прах был сброшен здесь же — в яму на территории Донского кладбища.

Все родственники Вознесенских также были арестованы и сосланы; первая жена А. А. Вознесенского — А. В. Судакова, разошедшаяся с ним за 20 лет до того, — была осуждена на 10 лет лагерей, вторая жена — К. П. Мироненко — отправлена на поселение в Красноярский край. Туда же была отправлена почти 90-летняя мать Вознесенских; из четверых ее детей трое были расстреляны по «ленинградскому делу», а четвертая — младшая дочь Валентина Алексеевна, кандидат экономических наук, заведующая кафедрой политэкономии в ЛГПИ имени А. И. Герцена,— была арестована 20 октября 1950 г., приговорена к 10 годам ссылки и была выслана вместе с матерью на поселение в Туруханский район Красноярского края[677].

Гражданская жена А. А. Вознесенского — доцент исторического факультета ЛГУ Е. М. Косачевская — в декабре 1949 г. была исключена из рядов ВКП(б) «за потерю политической бдительности, выразившуюся в неразоблачении врага народа Вознесенского, за нежелание вскрыть и оценить его вредительскую деятельность», а затем арестована и осуждена[678]. Сыновья А. А. Вознесенского, которые с 1949 г. жили в его квартире, оставались еще некоторое время на свободе[679]; арестованы они были тогда, когда судьба их отца была окончательно решена: в ночь с 20 октября 1950 г. был арестован старший, Лев Александрович, а ровно через сутки — 19-летний Эрнест Александрович. Приговором ОСО при МГБ СССР оба получили по восемь лет лагерей

---

[674] Там же. С. 244.

[675] *Сидоровский Л. И.* Записки изгоя: Мемуары. СПб., 1999. С. 327–328.

[676] *Вознесенский Л. А.* Указ. соч. С. 246.

[677] *Смелов В. А., Сторонкин Н. Н.* Указ. соч. С. 188.

[678] «После ее возвращения (из заключения. — *П.Д.*) ректорат пытался отказать ей в восстановлении на работе со ссылкой на то, что брак ее с А. А. Вознесенским не был зарегистрирован. Как говорили, об этом стало известно Хрущеву, и в университет была сообщена его фраза: "Когда сажали, свидетельства о браке не требовали, а теперь не могут без него обойтись"» (*Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. С. 77). В ректорат тогда позвонил помощник Н. С. Хрущева Григорий Трофимович Шуйский (1907–1985).

[679] Э. А. Вознесенский вспоминал: «Брат, учившийся тогда на четвертом курсе экономического факультета МГУ, проделал поистине титаническую работу по спасению отца. Он рассылал всем членам Политбюро (кроме Берии и Маленкова) и другим известным людям письма, в которых излагал свое и мое мнение об отце и просил обеспечить объективное ведение следствия по его делу. Но не всякая, пусть даже и титаническая, деятельность дает желаемый результат...» (*Вознесенский Э. А.* Вхождение в жизнь. С. 32). Уже будучи арестован, Л. А. Вознесенский, «пытаясь привлечь внимание к судьбе отца, разрезал руку и кровью написал письмо Сталину» (Там же. С. 81).

по 58-й статье УК. Наказание они отбывали в разных лагерях, освобождены и реабилитированы были в 1954 г.

Особого упоминания достойно и смелое поведение декана филологического факультета М. П. Алексеева, который благодаря покровительству А. А. Вознесенского был избран в 1946 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР. Михаил Павлович не побоялся помогать сыну своего друга и благодетеля, отправляя по адресу его заключения посылки:

> «...В лагере распространился упорный слух, о чем я узнал много позднее и с величайшим удивлением, что их отправляет мне... Светлана Сталина (Аллилуевой ее тогда не называли). Не знаю, кто и зачем распустил такую глупую версию о человеке, с которым у меня было лишь мимолетное и сугубо шапочное знакомство: ее тогдашний муж Ю. А. Жданов представил нас однажды друг другу в фойе театра. На самом же деле среди помогавших мне выжить была семья друга моего отца, члена-корреспондента Академии наук, а позднее академика М. П. Алексеева. Для Михаила Павловича это был очень рискованный шаг...»[680]

О том, насколько безжалостен был И. В. Сталин в преследовании «ленинградцев», говорит и тот факт, что сын А. А. Вознесенского от второго брака — В. А. Мироненко[681] — был арестован сразу после того, как ему исполнилось 16 лет — 3 февраля 1952 г., еще школьником, и осужден ОСО именно как сын министра просвещения А. А. Вознесенского. Его приговорили к 5 годам ссылки в поселок Маклаково Красноярского края. Точно так же власть поступала с достигавшими этого возраста детьми других приговоренных[682].

Что же касается арестов профессоров Ленинградского университета, то, начавшись массово в июле 1949 г., они продолжались и в августе, и в сентябре, и далее... Например, к осени 1949 г. из семи профессоров политико-экономического факультета на свободе остался лишь один. А чистка ЛГУ была беспрецедентной: с 1949 г. по 1952 г. из Ленинградского университета было уволено в общей сложности около 300 человек[683], многие из которых оказались в тюрьме.

О том, что погром университета был связан с личностью его бывшего ректора, стало ясно после пленума Ленинградского горкома ВКП(б) 5–6 октября 1949 г., на котором 1-й секретарь В. М. Андрианов выступил с докладом «О состоянии и мерах по улучшению внутрипартийной работы в городской партийной организации». Именно для обсуждения решений этого пленума 3 декабря 1949 г. было созвано общеуниверситетское партийное собрание, на котором перед аудиторией в 1017 человек с докладом выступил парторг ЛГУ Ф. Я. Первеев. Приведем фрагменты:

> «Товарищи! ЦК ВКП(б) и лично товарищ Сталин оказали огромную помощь Ленинградской партийной организации, благодаря этой помощи разоблачена и обезврежена антипартийная вражеская группа Кузнецова, Родионова, Попкова и других. В своей

[680] *Вознесенский Э. А.* Вхождение в жизнь. С. 331.

[681] Мироненко Валерий Александрович (1935–2000) — специалист в области гидрогеологии, профессор Горного института, член-корреспондент АН СССР (1990). Амнистирован в 1953 г., в 1954 г. реабилитирован в связи с посмертной реабилитацией отца (см.: Репрессированные геологи. 3-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 1999. С. 219).

[682] О судьбе семьи Я. Ф. Капустина см.: *Смелов В. А., Сторонкин Н. Н.* Указ. соч. С. 248.

[683] «Ленинградское дело». С. 120.

враждебной работе эта группа пыталась оторвать и противопоставить Ленинградскую партийную организацию ЦК ВКП(б), совлечь ее с ленинско-сталинского пути.

С этой целью она широко использовала такие отвратительные средства, как распущенность, пьянство, парадность и самовосхваление. Она глушила большевистскую критику и самокритику, культивировала семейственность и круговую поруку, широко применяла подачки, подкупы и другие способы разложения актива.

Однако эта антипартийная группа не нашла и не могла найти опоры в Ленинградской партийной организации, ибо большевики города Ленина и Ленинградской области сплочены и до конца преданы ЦК ВКП(б) и своему вождю и учителю товарищу Сталину, Иосифу Виссарионовичу. Антипартийному влиянию вражеской группы Кузнецова, Родионова, Попкова поддалась лишь жалкая кучка выродков.

Одним из таких выродков оказался и бывший секретарь Василеостровского райкома ВКП(б) Нестеров, вставший на путь антипартийных действий и злоупотреблений. Он был организатором большого количества банкетов и пьянок, которыми разлагал партийный актив. В угоду бывшему секретарю горкома ВКП(б) Капустину, Нестеров израсходовал на организацию попоек актива Василеостровского района 70 тысяч рублей государственных средств, полученных в порядке обложения предприятий и учреждений.

За все эти антипартийные действия Нестеров снят с поста первого секретаря Невского райкома ВКП(б) (последнего места работы. — *П.Д.*) и исключен из партии[684].

Товарищи! Враждебная, антипартийная группа, разоблаченная благодаря неустанной бдительности Центрального Комитета нашей партии и лично товарища Сталина, нанесла значительный вред на идеологическом фронте, что оказало свое влияние на работу Ленинградского университета.

Бывший ректор университета Вознесенский постарался многое сделать в деле засорения кадров Ленинградского университета троцкистско-зиновьевскими и другими враждебными элементами; в деле притупления партийной бдительности и разложения партийного актива; в деле создания обстановки семейственности, подхалимства и зажима самокритики.

Поэтому совершенно не случайно, что на экономическом факультете долгое время орудовали враждебные элементы, так называемые профессора, — Рейхардт, Некраш, Розенфельд и другие. На восточном факультете долгое время в качестве декана подвизался разоблаченный враг народа Штейн. В качестве руководителя кафедры русской литературы (на филологическом факультете) оказался безродный космополит профессор Гуковский (репрессированный органами государственной безопасности в этом году). <...> Более того, в 1947–1948 году заместителем секретаря парткома работал Деркач, ныне репрессированный.

Кроме ныне разоблаченных и изолированных органами государственной безопасности нашли себе убежище в университете такие псевдоученые, как неразоружившийся идеолог космополитизма и воинствующего формализма в литературоведении Эйхенбаум, Жирмунский, дебютировавший в науке как откровенный мистик и идеалист (филологический факультет), космополит Трауберг, эстетствующий идеалист Пунин,

---

[684] Герман Михайлович Нестеров (1911–1986) был арестован 9 марта 1951 г. по обвинению в «измене родине и вредительстве», 31 марта 1952 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам заключения, в 1954 г. освобожден и реабилитирован (*Смелов В.А., Сторонкин Н.Н.* Указ. соч. С. 306).

космополит Лурье (исторический факультет); Шахнович (философский факультет) и ряд других. <...>

Как могло случиться, товарищи, что в Ленинградском университете, в одном из крупнейших центров подготовки педагогических и научных кадров, орудовали все эти и другие враждебные элементы?

Это могло случиться, прежде всего, потому, что была притуплена политическая бдительность у некоторых коммунистов, был предан забвению большевистский принцип подбора и расстановки кадров. Бывшее руководство университета сознательно игнорировало сигналы рядовых коммунистов, систематически глушило критику и самокритику, создавало обстановку семейственности, самолюбования, преклонения перед "авторитетами", развращало актив всякого рода банкетами и подачками.

Антипартийная деятельность Вознесенского сказалась и в том, что он всячески насаждал местничество, противопоставляя университет министерству и правительству, старался привить у работников университета чувство пренебрежения к государственной дисциплине.

Всем известно, что университет долгое время проводил занятия по своим собственным программам, а заниматься по московским, то есть всесоюзным, считалось признаком плохого тона. <...>

Враждебная антипартийная группа Кузнецова, Родионова, Попкова и др. поддерживала эту антигосударственную практику в Ленинградском университете.

Когда партийная организация университета, после исторических указаний Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам, поставила перед старым руководством горкома вопрос об удалении из университета ряда враждебных элементов, в том числе ныне репрессированных Розенфельда, Штейна, Раутбарта и других, — Синцов не дал на это согласие. И они были уволены только при поддержке работников Центрального Комитета партии и Министерства высшего образования. <...>

Партийная организация университета в текущем году проделала значительную работу по очищению университета от враждебных и сомнительных элементов, по разоблачению и вскрытию всякого рода идеологических ошибок в научных работах нашего профессорско-преподавательского состава. В текущем году, особенно после февральского пленума обкома и горкома ВКП(б), резко возросла политическая активность коммунистов и повысилась партийная бдительность. Только потому нам удалось разоблачить и очистить университет от всякого рода Штейнов, Розенфельдов и других. Только с политико-экономического факультета за год было уволено 42 человека; с философского — 12 человек.

Враждебные элементы, долгое время орудовавшие в Ленинградском университете, под прямым покровительством бывшего ректора Вознесенского, нанесли большой вред делу подготовки и воспитания молодых специалистов»[685].

ПОСЛЕ «КОСМОПОЛИТОВ»

В начале 1950 г. А. А. Фадеев выступил на XIII пленуме правления ССП СССР с докладом на традиционную тему — «О задачах литературной критики». Генеральный секретарь ССП, в частности, сказал:

[685] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 59. Л. 89–91, 93–95.

«Вся борьба, которую наша партия вела против антипатриотической группы критиков, против безродных космополитов, — это была борьба за утверждение самого передового принципа искусства — ленинского принципа партийности, ибо только на основе этого принципа расцветает само искусство. Нам нужно всегда помнить, что мы создаем литературу нового общества, литературу коммунизма. Этим объясняется, почему партия повела нас на борьбу против проявлений космополитизма в области литературы, почему эта борьба, несмотря на то что космополитов безродных было не так много, носила довольно ожесточенный характер, почему она охватила почти все наши республики. Она велась и на Украине после разгрома там буржуазного национализма, она докатилась сейчас до наших республик в Прибалтике.

И пусть безродные космополиты не думают, что это была какая-то временная кампания.

Этой борьбой во всех ее проявлениях партия расчистила путь для дальнейшего подъема художественной литературы и литературной критики»[686].

Теми, для кого партия «расчистила путь», стали и «люди 49-го года» — А. С. Бушмин, Г. П. Бердников, А. Г. Дементьев... Воспользовавшись политической ситуацией, они добились своего — вышли на иной уровень своей карьеры и далее продвигались уже более гуманными способами.

Было бы опрометчиво думать, что, разделавшись с «безродными космополитами», руководство страны успокоится: о покое оно даже не помышляло, а потому идеологический ошейник своему народу не ослабляло ни на мгновение...

Уже на волне борьбы с космополитизмом знаменем этой борьбы стал Н. Я. Марр[687]. Именно в связи с этим нападки на «проработанных» ранее ученых летом 1949 г. продолжились с новой силой. Уже на ниве языкознания.

«Особенно попало зачисленным в “космополиты” В. М. Жирмунскому и Б. А. Ларину. Осторожному и часто шедшему на уступки В. М. Жирмунскому[688] тем не менее фатально не везло. Только его перестали прорабатывать за литературоведческие труды, как взялись за его лингвистические работы. В еще довоенной его книге обнаружили упоминание об архаичности синтетического строя русского языка сравнительно с аналитическими английским и французским (тезис, общепринятый в науке и отвергавшийся лишь Марром, причем не по политическим мотивам). Теперь это рассматривалось как то, что Жирмунский “умаляет исключительные достоинства, мощь, красоту и величие русского языка”, его работа “отравлена ядом космополитизма”. <...> Профессор Б. А. Ларин много лет изучал ценнейшие материалы свидетельств иностранцев о русском языке XVII в., издав в том числе первую грамматику русского

---

[686] *Фадеев А.* О задачах литературной критики: Доклад генерального секретаря Союза советских писателей СССР: (XIII пленум правления Союза советских писателей СССР). С. 1.

[687] 18 апреля 1949 г. профессор А. П. Окладников озвучил его роль: «Николай Яковлевич Марр,— подчеркнул докладчик,— всегда был убежденным врагом буржуазного космополитизма. Он ненавидел и презирал всяческое раболепие перед буржуазной наукой. В отличие от тех, кто, пресмыкаясь перед зарубежными “авторитетами”, третировал русскую науку, Николай Яковлевич Марр всегда с гордостью держал знамя русской науки и не терпел никаких попыток принизить ее значение» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 169. Л. 189 («Центр советской археологической науки: 30-летие Института имени Марра Академии наук СССР»).

[688] Эти качества были выработаны у В. М. Жирмунского богатым опытом общения с советской государственной машиной: он арестовывался трижды — в 1933, 1935 и 1941 гг.

разговорного языка Г. Лудольфа. Теперь все это было объявлено "низкопоклонничеством перед Западом"»[689].

30 июня 1949 г. в газете «Культура и жизнь» В. М. Жирмунского «отметил» и погромщик от языкознания Г. П. Сердюченко:

«Слепо следуя реакционерам-шовинистам в науке, проф[ессор] В. Жирмунский в своей работе "Развитие строя немецкого языка" выявляет, что "языки французский и, в особенности, английский могут служить примерами гораздо более последовательного развития анализа". И далее, обращаясь непосредственно к русскому языку, он пишет: "Напротив, современный русский язык представляет в этом отношении более архаический тип, в основном сохраняющий флексию, несмотря на наличие элементов аналитической структуры (предлогов, вспомогательных глаголов)".

Прогресс в языке проф[ессор] В. Жирмунский склонен видеть лишь в изменении его грамматической техники, считая подобный "прогресс языка" отражением "прогресса мысли". Находясь в плену у англо-американских шовинистов, В. Жирмунский резко отрицательно характеризует флексию за ее якобы "неподвижность и окаменелость", а также присущую будто бы ей "неспособность" "к дальнейшей дифференциации, соответствующей потребностям развивающегося мышления".

Стараясь во что бы то ни стало доказать, что наличие флективных форм в языках тормозит их развитие, В. Жирмунский заявляет, что во флективных языках "можно отметить общую тенденцию к замене флексии анализом или указать на связь этой тенденции с развитием, усложнением, дифференциацией мышления и средств его языкового выражения".

Таким образом, в своей работе В. Жирмунский стремится доказать, что флективный строй славянских языков, в том числе и русского, отражает менее высокий строй мышления, чем свойственный народам, развившим аналитические формы языка. Так "лингвистически" обосновываются расистские позиции в науке»[690].

То обстоятельство, что трибуной для подобных выступлений стала «Культура и жизнь», говорило об активизации партийного аппарата в области языкознания. Подобно кругам по воде пошла реакция: 21 июля на заседании Президиума Академии наук СССР академик-секретарь Отделения литературы и языка И. И. Мещанинов выступил с докладом «О современном положении в советском языкознании и мерах по улучшению языковедческой работы в Академии наук СССР». В результате Президиум принял постановление, в котором кроме прочего говорилось:

«Необходимо указать на попытки возрождения реакционной теории праязыка иногда в замаскированном (чл[ен]-корр[еспондент] Д. В. Бубрих), а иногда и не в замаскированном виде (чл[ен]-корр[еспондент] А. А. Фрейман), реабилитировать формально-сравнительный метод (чл[ены]-корр[еспонденты] В. М. Жирмунский, Д. В. Бубрих, а также А. В. Десницкая, М. М. Гухман), пропагандировать расистскую "теорию" о превосходстве языков аналитического строя, как английский, над флективным русским и другими славянскими языками (В. М. Жирмунский и его ученики и последователи). Надо также отметить работы академика В. В. Виноградова по вопросам истории русского языка, сводимой им к процессу якобы "европеизации" русского языка»[691].

---

[689] *Алпатов В. М.* Указ. соч. С. 154–155.

[690] *Сердюченко Г.* Об одной вредной теории в языкознании // Культура и жизнь. М., 1949. № 18. 30 июня. С. 3.

[691] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ АН СССР). Оп. 1 (1949 г.). Д. 2. Л. 84 (Постановление Президиума АН СССР от 21 июля 1949 г., протокол 17, п. 281).

Если И. И. Мещанинов давно привык к своей роли политического рупора и послушно исполнял ее[692], то ректор ЛГУ Н. А. Домнин оказался не столь гуттаперчевым: не в силах вынести надругательства над университетом он был сражен инсультом. 31 декабря 1949 г. министр С. В. Кафтанов подписал приказ об освобождении его от должности[693]. Сперва исполняющим обязанности был назначен профессор исторического факультета М. И. Артамонов[694], а 30 марта 1950 г. министр утвердил ректором ЛГУ члена-корреспондента АН СССР А. А. Ильюшина[695].

О. М. Фрейденберг записала весной 1950 г.:

> «Бедный Домнин, потрясенный зимними событиями, получил удар; но по адресу парализованного ректора сыпались ругательные приказы из министерства. Временный ректор Артамонов (которого я когда-то спасла от общественных репрессий своим заступничеством), узнав, что старый работник университета, доктор наук, зав. кафедрой хочет уйти из университета, не нашел нужным вызвать меня и спросить о причинах ухода. Такие это надменные и бездушные бюрократы, эти партийные вельможи. Так ректор полностью передоверяет факультет Бердникову...»[696]

Г. П. Бердников продолжал вести факультет проторенным путем. По итогам 1949/50 учебного года партбюро факультета констатировало:

> «Важнейшей задачей в области научной и учебной работы партбюро считало мобилизацию всего коллектива на выполнение исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. В условиях нашего факультета это означало успешно выполнить решения мартовского собрания парторганизации от 1949 г. и Ученого совета, посвященного разоблачению носителей буржуазной идеологии и, в первую очередь, космополитизма в литературоведении. Это был год, когда на деле надо было показать перестройку идейного содержания учебного процесса»[697].

---

[692] 2 октября 1949 г., в день Международной борьбы за мир, И. И. Мещанинов выступил на Дворцовой площади на общегородском собрании трудящихся города: «Советское государство создало неограниченные возможности для развития науки в нашей стране. Советский народ, идя по пути к коммунизму, каждый свой шаг связывает с развитием науки. Наша наука, основанная на учении Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, поднимает силы народа, служит ему» (Советский Союз — неугасимый маяк мира: Общегородское собрание трудящихся Ленинграда // Вечерний Ленинград. Л., 1949. № 233. 3 октября. С. 1).

[693] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 305 от 30 января 1950 г. (Приказ и. о. ректора М. И. Артамонова, которым он доводит до сведения приказ МВО СССР № 790/к от 31 декабря 1949 г., подписанный С. В. Кафтановым: «Освободить доктора химических наук, профессора Домнина Никиту Андреевича от обязанностей ректора Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова»). Н. А. Домнин по излечении занял прежнее место заведующего кафедрой строения органических соединений химического факультета.

[694] Там же. № 326 от 31 января 1950 г. (Приказ и. о. ректора М. И. Артамонова, которым он доводит до сведения приказ МВО СССР № 13/к от 23 января 1950 г., подписанный А. М. Самариным: «Возложить исполнение обязанностей ректора Ленинградского государственного университета на проректора по научной работе профессора Артамонова Михаила Илларионовича»).

Артамонов Михаил Илларионович (1898—1972) — историк, археолог, доктор исторических наук, был проректором ЛГУ по научной работе; в 1951—1964 гг. директор Эрмитажа.

[695] Там же. № 928 от 7 апреля 1950 г. (Приказ А. А. Ильюшина, которым он доводит до сведения приказ МВО СССР № 156/к от 30 марта 1950 г., подписанный С. В. Кафтановым: «Утвердить члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора физико-математических наук, профессора Ильюшина Алексея Антоновича ректором Ленинградского государственного ордена Ленина университета им. А. А. Жданова»).

[696] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[697] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 208. Л. 74.

Пушкинский Дом также продолжало сотрясать: 22 октября 1949 г. С. И. Вавилов и А. В. Топчиев подписали распоряжение Президиума Академии наук СССР № 1465:

> «Для проверки научной деятельности, состояния и подготовки кадров Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР утвердить комиссию в следующем составе:
>
> Н. С. Державин — академик (председатель)
>
> Ф. П. Филин — доктор филологических наук
>
> М. Б. Храпченко — профессор
>
> Г. П. Бердников — кандидат филологических наук
>
> А. Г. Дементьев — кандидат филологических наук
>
> В. С. Бондаренко[698] — кандидат филологических наук (секретарь)»[699].

Через месяц, 29 декабря 1949 г., Президиум АН СССР выслушал на своем заседании отчеты Н. Ф. Бельчикова и Н. С. Державина о работе вышеуказанной комиссии[700], после чего в тот же день С. И. Вавилов и А. В. Топчиев подписали текст постановления Президиума АН (протокол № 31, § 402), в котором, в частности, говорилось:

> «Президиум Академии наук СССР отмечает, что Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии на протяжении ряда лет находился в отрыве от жизни и актуальных задач марксистско-ленинской науки. <...>
>
> В таком исключительно тяжелом положении Институт русской литературы оказался в результате порочного руководства его деятельностью со стороны прежней дирекции (и. о. директора Л. А. Плоткин), что выразилось в неправильном подборе и расстановке кадров научных сотрудников, в покровительстве формалистам и космополитам, в отсутствии контроля за выполнением плана научно-исследовательских работ и в заведомо неправильной информации вышестоящих организаций о действительном положении дел в Институте. <...>
>
> После освобождения в марте сего года Л. А. Плоткина от исполнения обязанностей директора Института и назначения директором Института профессора Н. Ф. Бельчикова работа Института улучшилась. В институте проведена проверка выполнения пятилетнего плана научно-исследовательских работ и заново пересмотрена почти вся продукция Института, ранее подготовленная к печати, с целью исправления содержавшихся в ней буржуазно-объективистских, формалистических и других методологических извращений.
>
> Одновременно резкой критике были подвергнуты также научные работы некоторых сотрудников Института, стоящих на враждебных марксизму-ленинизму компаративистских, формалистических и буржуазно-объективистских позициях. Часть этих

---

[698] Бондаренко Василий Семенович (1903–1964) — выпускник Литературно-лингвистического отделения педагогического факультета Минского государственного университета (1929 г.), член ВКП(б). В 1932 г. закончил аспирантуру Московского НИИ языкознания, после защиты диссертации вернулся в Минск; 1 ноября 1933 г. арестован как «член шпионской организации», 20 января 1934 г. приговорен к трем годам высылки, но 29 апреля 1934 г. освобожден (такая хронология наталкивает на некоторые выводы о его роли в этом уголовном деле); после войны — доцент МГПИ имени В. П. Потемкина.

[699] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ АН СССР). Оп. 1 (1949 г.). Д. 2. Л. 162.

[700] Окончательные выводы комиссии были направлены в Президиум АН СССР 30 ноября 1949 г. («Докладная записка Комиссии по проверке научной деятельности, состояния и подготовки научных кадров Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР»); подписанный экземпляр, с которым Н. С. Державин выступал на заседании Президиума АН, сохраняется в его фонде: ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 60. Л. 13–27.

сотрудников, в связи с допущенными ошибками от работы в Институте была освобождена»[701].

Не вызывает удивления, что даже деятельность Н.Ф. Бельчикова и А.С. Бушмина вызывала нарекания:

«В создавшейся обстановке новое руководство Института не проявило, однако, достаточной гибкости, не сумело пополнить коллектив Института новыми силами, которые обеспечивали бы выполнение предусмотренных планом тем в установленные сроки, и в то же время не поставило своевременно вопроса об изменении плана. В результате ни по одной из плановых тем 1949 г. работа не была завершена, а по многим темам — прекращена полностью»[702].

ЦК ВКП(б) никак не мог окончательно «наладить» работу советского литературоведения. Дошло даже до того, что М.А. Суслов, Ю.А. Жданов и В.С. Кружков 2 июня 1952 г. в докладной записке на имя Г.М. Маленкова сообщали:

«В целях улучшения научной работы в области литературоведения в настоящее время внесены в ЦК ВКП(б) предложения о создании единого Института литературы Академии наук СССР на базе Института литературы и Института мировой литературы Академии наук»[703].

Но эта идея так и осталась похороненной в недрах аппарата ЦК ВКП(б) — к тому времени уже не было смысла для столь резких и сложных мер, поскольку в литературоведении наступила новая эпоха.

---

[701] Там же. Л. 178–179.

[702] Отчет о деятельности Академии наук Союза ССР за 1949 год. [Издано с грифом «Совершенно секретно»]. [М.], 1950. С. 296–297.

[703] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 133. Д. 224. Л. 122.

Отметим, что объединение двух институтов могло бы произойти еще раньше — после переезда Академии наук в Москву (что было предусмотрено директивами СНК СССР, а Президиум АН даже принял соответствующее постановление); однако Пушкинский Дом, как и 15 других учреждений АН СССР, включая БАН, были в 1934 г. оставлены в Ленинграде по причине отсутствия помещения «до осуществления строительства в Москве».

Глава 7

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ

Это трудное время. Мы должны пережить, перегнать эти годы,
С каждым новым страданьем забывая былые невзгоды.
И встречая, как новость, эти раны и боль поминутно,
Беспокойно вступая в туманное новое утро.

И. Бродский

Судьба «людей 49-го года» сложилась по-разному, но основных участников событий того переломного момента в истории отечественной науки можно без особого труда разделить на два лагеря, обозначив словами Маяковского,— «Герои и жертвы революции». Причем, в обоих случаях это часто далеко не рядовые ученые, а ведущие ее представители, столпы науки; хотя, все-таки оговоримся, с одной стороны — столпы прежней науки о литературе, с другой — столпы советского партийного литературоведения. В этой заключительной главе мы очертим судьбу некоторых.

Если до 1949 г. первых представляли М. К. Азадовский, Г. А. Гуковский, В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум и другие, чей авторитет, хотя бы и не увенчанный академическими лаврами (кроме В. М. Жирмунского), был непререкаем, а заслуги перед наукой и образованием несомненны; то после 1949 г. их сменили выдающиеся проработчики, такие как А. С. Бушмин и Г. П. Бердников, которые не только впоследствии были включены Академией наук СССР в свои бессмертные ряды, но и долгие годы возглавляли научные центры советского литературоведения — Институт русской литературы в Ленинграде и Институт мировой литературы в Москве.

Эта насильственная смена поколений, произведенная в послевоенные годы почти во всех областях науки, да и не только науки, вершилась по высочайшей воле, руками его подручных. И литературоведение представляется лишь локальной областью, отражающей общую картину, проявляющуюся в стремлении к окончательной стерилизации советского общества, уничтожении в нем всяких остатков мысли, не укладывающейся в схоластические партийные рамки или не отвечающей сиюминутным нуждам тоталитарной партийно-государственной машины.

Поскольку советская власть нуждалась лишь в той науке, которая бы обслуживала ее амбициозные планы, то и руководящие кадры пестовались соответствующие. Именно поэтому в административной системе советской и постсоветской науки столь значительное место занял не столько феномен ученого, сколько новый выкристаллизовавшийся тип — «организатор науки». Этот термин, который в мировом научном сообществе лишь изредка дополняет статус ученого, в условиях советского общества стал зачастую единственной характеристикой многих руководителей науки[1]. А в силу главного качества

[1] Уместно привести слова классика: «А между тем это был ведь человек умнейший и дарови-

«организаторов науки» — их управляемости — это явление оказалось необычайно востребованным властью.

Конечно, формально большинство «организаторов науки» тоже были учеными, потому как имели и труды, и степени, и звания, и академические лавры. Но в филологии, как и вообще в общественных науках, наиболее известные «организаторы науки» кажутся пигмеями по сравнению с теми, кого они, предварительно уничтожив, сменили. А поскольку они были именно «организаторами науки», то и науку организовали соответствующую. И достойно удивления и даже восхищения то, что под недреманным оком таких «организаторов науки», как академики П. И. Лебедев-Полянский, М. Б. Храпченко, А. С. Бушмин, члены-корреспонденты А. М. Еголин, Г. П. Бердников и многие им подобные, наука о литературе вообще смогла выжить.

Отдельно хочется оговорить тот факт, что «герои 49-го года», демонстрировавшие тогда в своих речах и действиях едва ли не демоническую неистовость, со временем, дойдя до нужного уровня в вертикали власти, превратились в мирных, добрых и отзывчивых людей. Таковыми стали А. С. Бушмин и Г. П. Бердников, а А. Г. Дементьев и вовсе прославился как либерал. В качестве тезиса, который может объяснить такие метаморфозы, следует привести мысль А. В. Белинкова: «Деспоты — это такие люди, которым позволяют быть деспотами. Как только им перестают позволять, они становятся очень милыми людьми, а лучшие представители даже демократами»[2].

ЖЕРТВЫ

> «Выйдя из больницы, я впервые, на сорок четвертом году жизни, стал безнадежно безработным. Как и другие, публично осужденные большие и малые космополиты, я был наглухо лишен доступа к печати. Тех, кто служил, выгнали с работы. Я нигде не служил, но все газеты, журналы, издательства, в которых я прежде сотрудничал, были мне теперь недоступны, не могло быть и речи о каких-либо выступлениях в лектории или на радио, где меня когда-то охотно привечали. Каждый из нас, отторгнутых от литературы, пытался как-то по новому устраивать свою жизнь. Банковских счетов и сбережений почти ни у кого не было, одной распродажей своих библиотек не проживешь, а содержать себя и семью надо было»[3].

Для тех из «космополитов», кто не был арестован, такая ситуация была обычной. Особенно было трудно тем, кто по каким-либо причинам не мог уехать преподавать в провинциальные или республиканские вузы, нередко пригревавшие «разоблаченных» космополитов благодаря их степеням и званиям. Но поскольку большая часть уволенных профессоров-филологов к тому времени были больны, а М. К. Азадовский и Б. М. Эйхенбаум тяжело, некоторое время даже о выходе из дома не могло идти и речи, не говоря уже о большем.

тейший, человек так-сказать даже науки, хотя впрочем в науке... ну, одним словом, в науке он сделал не так много и, кажется, совсем ничего. Но ведь с людьми науки у нас на Руси это сплошь да рядом случается» (*Достоевский Ф. М.* Бесы // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 8).

[2] Цит. по: *Чудакова М. О.* Так ярый ток, оледенев... // *Белинков А. В.* Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. М., [1997]. С. 21.

[3] *Дрейден С. Д.* Каторжанин 50-х. С. 120.

Отдельно стоит упомянуть о том возрасте, в котором им предстояло начинать «новую жизнь». М. К. Азадовскому было 60, В. М. Жирмунскому — 57, Б. М. Эйхенбауму — 62 года. Если мерить нынешними мерками, то они находились в расцвете сил, но по реалиям XX в. они были людьми, лишь чудом дожившими до своих лет. Самым молодым из «квадриги космополитов» был Г. А. Гуковский — ему в момент увольнения только исполнилось 47 лет; но он погибнет, не дожив до 48-летия.

Г. А. Гуковский

Григорий Александрович не дожил до приговора, т. е. не был признан в чем-либо виновным, однако в отношении его научной продукции государство не преминуло принять карательные меры заблаговременно: приказом Главлита № 45 от 21 апреля 1950 г. Г. А. Гуковский попал в «Список лиц, все произведения которых подлежат изъятию из библиотек общественного пользования и книготорговой сети»[4]. Причем факт того, что запрет на все книги профессора наложен без вынесения обвинительного приговора (смерть Г. А. Гуковского за 19 дней до подписания этого приказа еще больше года оставалась государственной тайной), красноречиво характеризует советскую юридическую систему.

Таким образом, оказались запрещенными и переводились в спецхраны библиотек даже многократно переизданные пособия Г. А. Гуковского по русской литературе XVIII в. Причем стоит отметить, что для 1940-х гг. такая мера кажется достаточно серьезной и явно должна иметь некоторый подтекст. Его можно уловить, причем достаточно точно, по письму Ю. Г. Оксмана Г. П. Струве от 20 ноября 1962 г.:

> «На костях погибшего в застенках Г. А. Гуковского сделал карьеру Д. Д. Благой. А укреплял эту карьеру присуждением ученых степеней и званий всем явным и тайным заплечных дел мастерам именно Благой, он был председателем экспертной комиссии при Министерстве высшего образования (1947–1957). Этот самый Благой сделал еще одну мерзость. Не успели меня арестовать, как он доложил Бонч-Бруевичу и в Главлит, что нужно срочно снять мою фамилию из всех библиографических справочников, которые готовились к юбилею. На этом основании было изъято более 25 ссылок к книге, "Пушкин в печати за сто лет. 1837–1937". Почин Благого был подхвачен. Мои книги, сданные в печать до моего ареста, выходили без моего имени или под чужими именами. Некоторые вовсе не вышли в свет и погибли»[5].

Этим можно объяснить тот факт, что вышедший в начале 1946 г. первым изданием в Учпедгизе учебник Д. Д. Благого «История русской литературы XVIII века» в 1951 г. вышел там же вторым переработанным зданием, в 1955 г. — третьим, а в 1960 г. — четвертым...

Если изданные работы Г. А. Гуковского были сданы в спецхран, то его книга «Пушкин и проблемы реалистического стиля», которая была отпечатана к осени 1948 г. в Москве (ОГИЗ; ГИХЛ, 1948)[6], была использована плагиаторами. По неизвестным причинам издательство, разослав сигнальные экземпляры, не передавало книгу в продажу; когда же автор был через год арестован, то тираж пошел под нож; посмертно книга была издана в 1957 г.

---

[4] *Блюм А. В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991. С. 289.

[5] *Флейшман Л.* Из Архива Гуверовского института: Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве // Stanford Slavic Studies. Vol. 1. 1987. С. 37.

[6] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954. С. 82. Примеч. 12.

Один из фактов бытования этой книги в советском литературоведении связан с личностью заместителя директора ИМЛИ имени А. М. Горького С. М. Петрова[7], опубликовавшего ряд работ как по проблемам реализма, так и пушкиноведению, в том числе в 1953 г. книгу «Исторический роман А. С. Пушкина», а в 1957 г. статью «О реализме как художественном методе». Свое мнение о последней излагает Ю. Г. Оксман в письме Н. К. Пиксанову от 17 марта 1958 г.:

> «А сейчас выяснилось, — рассказывает Оксман, — что в нашумевшей статье С. М. Петрова о реализме в “Вопр[осах] литературы” целые страницы списаны у Г. А. Гуковского. Книга Гуковского была отпечатана в 1948 г. и уничтожена, но один-два десятка экземпляров пошли по рукам. С. М. Петров имел все основания полагать, что книга канула в Лету бесследно, и присвоил выводы покойника вместе со всей аргументацией себе (в докт[орской] диссертации, защищенной в прошлом году). А сейчас Гослитиздат выпустил (для многих неожиданно) книгу убиенного Гуковского — и каждый грамотный и даже неграмотный читатель может “en regard” сравнить двух специалистов»[8].

Об этом же писал позже И. З. Серман:

---

[7] Петров Сергей Митрофанович (1905–1988) — литературовед и критик, доктор филологических наук, окончил МГУ (1930 г.) и аспирантуру МИФЛИ (1937 г.); работал в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), откуда в 1948 г. вместе с А. М. Еголиным был переведен «для усиления» на должность заместителя директора ИМЛИ, с 1954 г. директор Литературного института имени А. М. Горького, в 1955 г. снят с работы. В 1957 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Русский исторический роман», с 1959 г. профессор МГПИ, с 1964 г. профессор МГУ, также профессор кафедры литературоведения, искусствознания и журналистики АОН при ЦК КПСС. Ю. Г. Оксман причислял С. М. Петрова к числу «бессмертных литературоведов», а труды его — к «макулатуре» (*Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка, 1949–1969 / Предисл. и коммент. А. Л. Гришунина. М., 2001. С. 54, 8 марта 1954 г.).

В послевоенное время С. М. Петров прославился в связи с событиями, закончившимися принятием постановления Президиума ЦК КПСС от 10 марта 1955 г. «О недостойном поведении тт. Александрова Г. Ф., Еголина А. М. и других» и последующего его шумного обсуждения. Суть постановления передает в своем дневнике К. И. Чуковский: «Александрова, министра культуры, уличили в разврате, а вместе с ним и Петрова, и Кружкова, и (будто бы) Еголина. Говорят, что Петров, как директор Литинститута, поставлял Александрову девочек-студенток, и они распутничали вкупе и влюбе. Подумаешь, какая новость!» (*Чуковский К. И.* Дневник (1936–1969). С. 188).

В результате событий академик Г. Ф. Александров лишился поста министра культуры СССР и был отправлен в Минск на должность заведующего сектором Института философии и права АН БССР; заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, член-корреспондент АН СССР В. С. Кружков был назначен главным редактором газеты «Уральский рабочий»; вместе с ним в Свердловск в университет проследовал и член-корреспондент АН СССР М. Т. Иовчук; причастный к событиям секретарь ЦК КПСС Н. Н. Шаталин был отправлен руководить Приморским крайкомом КПСС; выслан был и С. М. Петров. Лишь А. М. Еголин смог остаться в Москве в качестве заведующего сектором ИМЛИ, а для страховки был в мае 1955 г. включен А. С. Бушминым в штат ИРЛИ; 29 октября 1955 г. А. М. Еголин писал А. С. Бушмину: «Дорогой Алексей Сергеевич! Спешу поделиться с Вами радостной вестью: МК партии, изменив решения низовых организаций, объявил мне строгий выговор с предупреждением. Таким образом, кончилось это дело, тянувшееся свыше полугода и державшее меня в напряженном состоянии. Теперь, когда все это стало уже прошлым, хочу Вас искренно, от всей души поблагодарить за товарищескую поддержку меня в трудную минуту жизни» (ПФА РАН. Ф. 1086 (А. С. Бушмин). Оп. 3. Д. 294. Л. 5).

Стоит оговориться, что подоплека этого громкого дела состояла в противоборстве Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова: все фигуранты составляли «александровскую гвардию», которой долгие годы покровительствовал Г. М. Маленков; когда же 8 февраля 1955 г. он был лишен поста председателя Совета министров СССР, то досталось и его клевретам.

[8] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 82. Примеч. 12.

«К 1950 году с научным наследием Гуковского уже было проделано все, что полагалось делать тогда с “репрессированными” <...>. Упоминать его имя или ссылаться на него было запрещено, книги из библиотек изъяты или переданы в “спецхраны”, уже отпечатанная книга “Пушкин и проблемы реалистического стиля” была отправлена в “котел”, т. е. уничтожена.

Разумеется, это давало полную возможность находчивым и ловким личностям пересказывать идеи Гуковского, не ссылаясь на него, а известный московской скандальной хронике 1950-х гг. по так называемому “делу Александрова” <...> С. М. Петров выпустил теоретический труд об историческом романе, в котором пересказал концепцию художественного реализма из уничтоженной книги Гуковского, которую он успел прочесть в рукописи в качестве ее официального рецензента»[9].

Осенью 1951 г. вышла в свет и еще одна книга — «Декабристы: Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика», в создании которой принимал участие Г. А. Гуковский. 9 октября М. К. Азадовский писал Ю. Г. Оксману:

«...На днях ожидается выход в свет монументальной антологии: декабристская литература (проза и поэзия), составленная В. Н. Орловым. Первоначально-то было два составителя. Антология содержит чуть ли не 60 листов»[10].

Но если в издании 1951 г. имя Г. А. Гуковского не могло упоминаться по цензурным соображениям, то во втором двухтомном издании 1975 г. ссылок на погибшего соавтора также сделано не было:

«Следует заметить, что этот случай, увы, не является для В. Н. Орлова исключением. Так, огромная работа по комментированию стихотворений Блока, проделанная Ивановым-Разумником в начале 1930-х гг. и доведенная до корректуры, была использована Орловым (разумеется, без ссылок на репрессированного автора). <...> В 1960-е–1970-е гг., когда книги “посмертно реабилитированного” Гуковского стали печататься в СССР, а с имени Иванова-Разумника был снят запрет, В. Н. Орлов не счел нужным восстановить истину и упомянуть о тех, чьи труды оказались силою обстоятельств опубликованными им единолично»[11].

Впрочем, плагиат как жанр литературоведческого творчества всегда был распространенным явлением[12], и случай с Г. А. Гуковским не представляется настолько вопиющим[13]. К тому же значительную часть написанного Григорий Александрович сумел опубликовать при жизни. Что касается им задуманного, но неосуществленного, то идею подготовки двухтомного полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина, которую вынашивал Григорий Александрович[14], впоследствии осуществил, хотя и в сильно упрощенном виде, его верный ученик Г. П. Макогоненко[15].

---

[9] *Серман И.* Григорий Гуковский: (1902–1950). С. 192.

[10] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 218.

[11] Там же. С. 230. Примеч. 14.

[12] Здесь отметим, что заимствования у покойных (репрессированных) авторов меркли по сравнению с тем, как при многолетних мытарствах книг в издательствах многое выходило параллельно в научных журналах, но уже под другими фамилиями: «Ни одному автору нельзя дать свою книгу на рецензию — рецензент сопрет и выдаст за свое» (*Чуковский К. И.* Указ. соч. С. 421. Запись от 28 октября 1965 г.).

[13] Куда трагичнее сложилась судьба наследия Иванова-Разумника или Б. И. Коплана — плоды их трудов были присвоены другими в гораздо бóльших объемах.

[14] Конспективный план издания сохранился среди немногочисленных оставшихся после Г. А. Гуковского материалов (ЦГАЛИ СПб. Ф. 145 (Г. А. и З. В. Гуковские). Оп. 1. Д. 132. Л. 1–2).

[15] *Фонвизин Д. И.* Сочинения: В 2 т. / [Сост., подгот. текста, статья и комм. Г. П. Макогоненко]. М.; Л., 1959.

Однако смеем предположить, что сохраняющиеся в ЦГАЛИ СПб бумаги Г. А. Гуковского — лишь малый фрагмент утраченного архива ученого, в котором кроме научных работ и корреспонденции присутствовала и художественная проза; по крайней мере, И. Г. Ямпольский упоминает об опытах Г. А. Гуковского в этом жанре:

> «Григорий Александрович был весьма разносторонней натурой, и разносторонним был его талант. Вероятно, не очень многие знают, что он пробовал свои силы и на литературном поприще. Кажется, это было в первые дни войны, добираться домой было сложно и трудно, и я остался у него ночевать. И неожиданно он начал читать мне главы из своей большой вещи, по-видимому, автобиографической. Я и сейчас не знаю, сколько он успел написать, но то, что я услышал, было по-настоящему талантливо и интересно» [16].

Место захоронения Г. А. Гуковского неизвестно. Наиболее вероятно, что тело его было сожжено в Донском крематории, где в 1934–1953 гг. массово сжигались трупы репрессированных, в том числе и тех, кто погиб или был расстрелян в тюрьме МГБ СССР «Лефортово» на рубеже 1940–1950-х гг.

Но когда в 1973 г. скончалась его вдова З. В. Гуковская, то она была похоронена в Комарове. «На могильной плите надпись: “Григорий Александрович и Зоя Владимировна Гуковские” и даты жизни и смерти. Здесь и на самом деле мог бы лежать Г. А. Гуковский после смерти, если бы колесо истории не проехало по нему, как и по многим другим, и не лишило его даже могилы...» [17]

М. К. Азадовский

«Все пережить пришлось в полной мере — толпу врагов, измену и равнодушие друзей, подлую трусость вчерашних “преданнейших” учеников и море, страшные потоки льющейся отовсюду и все захлестывающей лжи и клеветы» [18], — писал М. К. Азадовский 20 мая 1949 г.

Хотя 1949 г. и был апогеем злоключений Марка Константиновича, но, увы, отнюдь не их завершением. Возврат его к фольклористике, несмотря на выдающийся масштаб М. К. Азадовского именно как фольклориста, из-за идеологических претензий к ученому оказался невозможен.

Сверх того, в самом конце 1949 г. вышел первый том обновленной Большой советской энциклопедии — издания, являющегося памятником идеологии сталинского режима и важнейшим источником для его исследования. Именно в этом томе оказалась помещена статья о М. К. Азадовском. Наличие такой публикации, даже несмотря на ее тенденциозность, было признаком того, что ученому было оставлено право на жизнь, но, с другой стороны, уж точно не в качестве фольклориста.

> «Азадовский, Марк Константинович (р. 1888) — русский советский литературовед, фольклорист. Наиболее значительны работы в области изучения сказок: “Сказки Верхнеленского края” (1925); “Русская сказка. Избранные мастера” (1931–32); “Верхнеленские

---

[16] *Ямпольский И. Г.* Из воспоминаний. С. 485–486.

[17] *Серман И.* Указ. соч. С. 215. В действительности надпись на могильном камне гласит: в верхней части — «Гуковская / Зоя Владимировна / 1907–1973», в нижней — «Памяти / Гуковского / Григория / Александровича / 1902–1950».

[18] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 107. Примеч. 1 (К. М. Азадовский приводит письмо к С. И. Минц).

> сказки" (1938), "Сказки Магая" (1940) и др. В них, так же как и в работе "Ленские причитания" (1922), А[задовский] выступил как собиратель и исследователь русского фольклора в Сибири. В работах "Н. А. Добролюбов и русская фольклористика" (1936), "Н. Г. Чернышевский в истории русской фольклористики" (1941), "Белинский и русская народная поэзия" (1948) А[задовский] показал значение революционных демократов в изучении русского народного творчества. В исследованиях А[задовского], особенно в таких, как статья "Источники сказок Пушкина" (в кн.: "Литература и фольклор", 1938) и "А. Н. Веселовский как исследователь фольклора" (1938), сказалось влияние порочного историко-сравнительного метода Веселовского с его идеализмом и реакционным космополитизмом»[19].

Предчувствуя результат появления этой статьи, М. К. Азадовский писал Н. К. Гудзию: «Очень удручила меня заметка в БСЭ с ее похабной концовкой, — боюсь, что эта заметка сыграет роль осинового кола»[20].

Практически все издательские договоры с М. К. Азадовским к тому времени оказались расторгнуты, фундаментальная «История русской фольклористики» вышла лишь после смерти ученого, масштабные замыслы по изданию русских сказок также не были осуществлены[21], не вышел готовый том «Поэмы и стихотворения» П. П. Ершова в «Библиотеке поэта»[22], была спешно изъята вступительная статья М. К. Азадовского из подготовленных под

---

[19] БСЭ. 2-е изд. / Гл. ред. С. И. Вавилов. М., [1949]. Т. 1. С. 431.

12 сентября 1950 г. М. К. Азадовский писал Г. Ф. Кунгурову по этому поводу: «Великие слова об аракчеевщине окрылили, было, меня большими надеждами, но здешние арапы и держиморды усиленно делают вид, что это все к ним не относится,— а только к соседям (т. е. к лингвистам. — *П.Д.*) — и их усиленная агитация в этом отношении (в основе-то самозащита) очень вредно сказывается. Одному из них удалось испортить и статью обо мне в "БСЭ". Конечно, читали?

Друзья мне говорят, что ее появление даже и в таком виде — факт положительный; я же лично предпочел бы, чтобы совсем ничего не было; — ведь эта одна строка дает возможность выкидывать всякие курбеты мерзавцам...» (Марк Азадовский, 1888–1954: Неопубликованные письма ученого. С. 285).

Лишь после смерти ученого, в конце 1956 г., та же БСЭ причислила его к «лучшим представителям советской фольклористики» наряду с Ю. М. Соколовым и Н. П. Андреевым (*[Чичеров В. И.]* Фольклористика // БСЭ. 2-е изд. М., 1956. Т. 45. С. 284).

[20] «Удастся ли прорубить эту стену». С. 79. К. М. Азадовский приводит и выдержку из письма Н. К. Гудзия к М. К. Азадовскому от 28 декабря 1949 г., то есть еще до выхода тома: «...Вначале, действительно, были какие-то колебания относительно того, вводить или не вводить Вашу фамилию в БСЭ и как ее вводить, но С. И. Вавилов распорядился о том, чтобы вводить, притом прилично» (Там же. С. 84).

[21] Об одной из задуманных под его руководством работ 14 марта 1948 г. сообщало Ленинградское радио:

«Над чем будет работать в 1948 году редакция Ленинградского отделения Государственного издательства "Художественная литература"? — Об этом рассказал нашему сотруднику главный редактор Ленгослитиздата Сергей Львович Горский <...>.

Капитальной работой, которая будет осуществляться под руководством профессоров Азадовского, Богатырева и Водовозова, является трехтомная антология русских сказок. Это издание как бы подведет итог многолетней научной деятельности советских ученых-фольклористов над собиранием и изучением сказок русского народа. Особенное внимание будет уделено текстам сказок, записанных в советское время. Первый том антологии предполагается сдать в производство в текущем году» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 3023. Л. 156–157. «Новости литературы и искусства», 14 марта 1948 г. (19:03–19:29)).

[22] Договор на подготовку книги П. П. Ершова для Большой серии «Библиотеки поэта» (М. К. Азадовский уже готовил ранее том его стихотворений, вышедший в 1936 г. в Малой серии)

его редакцией «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга, которые появились в свет в конце года уже со статьей В. Г. Базанова и без всякого упоминания о М. К. Азадовском (на титульном листе ответственным редактором теперь значилась А. М. Астахова)[23]... Добавим, что в 1949 г. не вышло ни одной его печатной работы, а в 1950 г. — всего одна[24].

«В этот тяжелый период, — вспоминал Владислав Антонович Ковалев, — Марк Константинович не потерял присутствия духа, свойственного ему оптимизма и чувства юмора.

— Вот, Славочка, — говорил он мне, — посмотрите на этот оттиск. Это подарок молодого ученого[25]. Видите, здесь написано: "Глубокоуважаемому Марку Константиновичу Азадовскому — ученому-новатору" (далее в скобках перечислены работы, где я новатор). Это было в 1938 году. А вот что тот же человек пишет в газете обо мне теперь: оказывается, я реакционер и даже мракобес в фольклористике. Можно подумать, что я эволюционировал. Но дело-то в том, что в статье он перечисляет те же работы, в которых я был, по его мнению, новатором. Где же тут логика?

Впрочем, то, что я реакционер и мракобес в фольклористике — это звучит неплохо, представляется какая-то крупная фигура. Это звучит как дьявол русской фольклористики.

Мою дьявольскую силу я сейчас испытываю ежедневно. Когда я иду но Невскому, то некоторые знакомые переходят на другую сторону улицы.

Помнится, я что-то сказал о малодушии этих людей.

Тогда Марк Константинович горячо возразил:

— Нет, Слава, так нельзя. Это не трусость, это деликатность. Вы войдите в их положение. Это же трудный психологический этюд. Как им разговаривать со мной? Не утешать же. Да и мне с ними трудно разговаривать. Нет, это совсем не просто — такие встречи[26].

был заключен с М. К. Азадовским 25 декабря 1946 г.; сумма договора составила 17 600 руб., из которых 4400 руб. были выплачены вперед; срок представления рукописи — 15 марта 1947 г., впоследствии отсроченный до 1 мая 1948 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 344 (ЛО издательства «Советский писатель»). Оп. 1. Д. 141. Л. 22). После сдачи рукописи три рецензента дали в целом положительные отзывы: 27 мая 1948 г. Б. Я. Бухштаб (Там же. Д. 179. Л. 53–58), 27 июля Л. А. Плоткин (Там же. Л. 51–52) и 20 ноября В. М. Пасецкий (Там же. Л. 4–7). Однако к тому моменту, как книга должна была идти в печать, М. К. Азадовский был уже «разоблачен», и издание не осуществилось.

[23] Подробности изъятия уже набранной статьи приведены в 2008 г. в предисловии к ее первой публикации (*Азадовский М. К.* «Онежские былины» Гильфердинга. С. 41–50).

[24] Марк Константинович Азадовский (1888–1954): Указатель литературы. С. 71.

[25] По-видимому, речь идет о Владимире Ивановиче Чичерове (1907–1957), о котором М. К. Азадовский писал в 1953 г. к Ю. Г. Оксману: «Если Вас интересует его характеристика, то она уже вся целиком предвосхищена Салт[ыковым]-Щедр[иным] в образе Иудушки Головлева» (Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 286). Что касается статьи, подаренной в 1938 г., то, очевидно, имеется в виду рецензия: *Чичеров В.* «Русская революционная поэзия девятнадцатого века» // Литературное обозрение. М., 1938. № 8. 20 апреля. С. 64–67. («Составители ее Н. Н. Мордовченко, Е. Н. Купреянова, М. К. Азадовский, тщательно проработав и отобрав для сборника материал, сделали нужное дело...» (с. 64) и т. д.)

[26] Разные чувства диктовали подобные поступки, но главное — чувство страха, страха быть арестованным. Это чувство было всеобщим; и в данном случае Марк Константинович оказался в новом для себя положении. В 1929 г., когда шли аресты по «академическому делу», под угрозой оказался и близкий к М. К. Азадовскому академик и непременный секретарь АН СССР С. Ф. Ольденбург. 13 декабря супруга академика Е. Г. Ольденбург записала следующий факт: «Днем С. Ф. шел с женой около Академии наук, навстречу ему попался М. К. Азадовский. Увидев С. Ф., Азадовский так растерялся — здороваться или нет? Круто повернулся спиной и, не кланяясь, перешел на другую сторону» (цит. по: *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург. С. 193).

О людях не надо думать плохо, Слава! Я все-таки уверен, что рано или поздно правда восторжествует. "Клевета — это поджог имени", — говорил Кони. Но где есть пожар, там есть и пожарные. Только приезжают они иногда с некоторым опозданием...»[27]

Будучи исследователем по призванию, Марк Константинович даже в такой безвыходной, казалось бы, ситуации сумел найти выход своей творческой энергии — он обратился к декабристам: с помощью академика В. В. Виноградова он получил возможность работать для серии «Литературные памятники»[28]:

«В 1949 г., оказавшись на пенсии и отойдя совершенно от фольклорных дел, М. К. Азадовский вернулся к декабристам. Несмотря на 20-летний перерыв, возврат оказался легким, радостным и весьма плодотворным. Получив предложение от Академии наук подготовить для серии "Литературные памятники" полное издание воспоминаний Бестужевых, Марк Константинович за три летних месяца 1950 г. полностью составил эту книгу, написал к ней большую статью, сделал примечания. Затем последовала работа над Раевским, Кюхельбекером, Рылеевым, Якубовичем. "...Я сейчас так вошел в декабристскую колею, что не хочется даже перестраиваться на другой лад. Куча новых замыслов, но не знаю, как реализовать..." — писал он 30 июля 1951 г. И спустя год (9 ноября 1952 г.): "Я сейчас так прочно вошел в эту тему, так вжился в этот мир, что мне ни о чем другом и думать не хочется". Увенчалось все это единственным в своем роде историко-библиографическим обзором "Затерянные и утраченные произведения декабристов". Эта работа Азадовского получила чрезвычайно высокую оценку всех писавших о ней рецензентов»[29].

15 мая 1950 г. он впервые после длительного перерыва посетил Рукописный отдел Публичной библиотеки, затем 18 августа, а осенью 1950 г. он уже работал там довольно часто[30]. 26 октября 1950 г. он столкнулся там с одним из своих «злых гениев» И. П. Лапицким[31], который, несмотря на постоянную улыбку, остался верен своим принципам. В 1951 г., в очередном своем доносе на имя Г. М. Маленкова он не преминул упомянуть о восставшем из пепла М. К. Азадовском:

«Основная причина развала работы Института [русской литературы АН СССР], злостного зажима критики и самокритики, процветания семейственности и антигосударственных приятельских отношений коренится в крайней слабости партийной работы в Пушкинском доме: недаром же бюро Василеостровского райкома ВКП(б) признало в январе 1951 г. неудовлетворительной работу парторганизации Пушкинского Дома. Этой слабостью партийной работы и пользуется В. Адрианова-Перетц, объединившая вокруг себя всех активных носителей буржуазной космополитической идеологии.

---

[27] *Ковалев Влад.Ант.* Наставник // Воспоминания о М. К. Азадовском. С. 86–87.

[28] Также В. В. Виноградов направил официальные обращения в защиту ученого, в том числе к депутату Верховного Совета СССР С. Ф. Баранову, в котором писал: «Мне кажется незаслуженно строгим лишение М. К. Азадовского всяких возможностей общественно обнаружить свою готовность и способность освободиться от прежних ошибок и способствовать развитию советского марксистского литературоведения и советской науки о научном творчестве» (цит. по: *Житомирская С. В.* М. К. Азадовский — историк декабризма // *Азадовский М. К.* Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991. Кн. 1. С. 27).

[29] *Азадовская Л. В.* Из научного наследия М. К. Азадовского: Замыслы и начинания // *Азадовский М. К.* Статьи и письма: Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 225.

[30] Архив РНБ. Ф. 2. Оп. 35/9. Д. 10. Л. 161 об., 181 об.

[31] Там же. Л. 194 об.

Показательна в этом смысле сейчас подозрительная активизация небезызвестного М. Азадовского, уволенного в 1949 г. из института. Не без помощи В. П. Адриановой-Перетц этот разоблаченный в 1949 г. растленный буржуазный публицист, который и не думает признавать свои серьезные антипатриотические ошибки, теперь преспокойно печатается в той же серии "Литературные памятники" АН СССР, где самовольно распоряжается В. Адрианова-Перетц. Научная общественность института была возмущена этим фактом "реабилитации" того самого Азадовского, который еще недавно распространял через печатные органы ВОКС за границей гнусную клевету на великого Ленина»[32].

Несмотря на некоторую возможность работать, жизнь ученого оставалась крайне тяжела, особенно тревожило здоровье.

Еще «весной 1945 года у него был первый инфаркт, страшно тяжелый[33]. И тем не менее кривая его научных работ не ползла вниз. Затем 1949 год. Он получает второй удар, может быть, еще более страшный, чем инфаркт 1945 года. И все же ничто не может его сломить. Он по-прежнему в восемь утра сидит за своим письменным столом и работает. Часа в два идет в библиотеки, в архивы и работает там. Вечером (часов до одиннадцати) он читает, просматривает новую литературу, отвечает на письма, делает различные выписки — занимается, но уже более легким, не творческим трудом. Весь стиль жизни, весь распорядок дня ученого сохранены. Он перенес зимой 1950–1951 годов две страшные урологические операции. Все это отняло у него ровно шесть месяцев жизни, а научная продукция шла вверх и вверх. Что мог бы сделать этот человек, если б он был здоровее и если б судьба не была к нему так безжалостна!»[34]

Но безжалостность судьбы складывалась из безжалостности многих и многих людей, а работа «в стол» хотя и приносила удовлетворение, но не приносила доходов. Скромная пенсия не давала возможности прокормить семью — маленького ребенка и супругу; постоянная нужда в деньгах довлела над ученым до самой смерти.

«Вообще, не знаю, за что приниматься. Заказов нет. Договоров нет. Ближайшее будущее представляется мне в очертаниях мрачных и тревожно-неясных. А домашние прорехи обозначиваются очень наглядно и решительно»[35], — писал он Ю. Г. Оксману 9 ноября 1952 г.

Одним из тех, кто не побоялся подать ученому руку помощи, оказался И. С. Зильберштейн:

«В 1951–1952 гг. М. К. Азадовский постепенно втягивается в работу "Литнаследства". Весной—летом 1951 г. он увлеченно трудится над воспоминаниями

---

[32] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 119 (Оргбюро и Секретариат ЦК ВКП(б)). Д. 852. Л. 76–77.

[33] 6 февраля 1946 г. он писал Г. Ф. Кунгурову: «Кроме того, работа трудна в силу бытовых условий. Вы видели воочию московские трамваи и метро. Метро у нас нет, а трамваи — хуже. Ходить пешком мне трудно; подниматься по лестницам — тоже; носить тяжести не могу. Не могу помногу носить книги из б[иблиоте]к на дом, а в читальных залах Пуб[личной] б[иблиоте]ки и Ак[адемии] наук холодно; все занимаются в шубах. Все это отражается на характере и темпах работы» (Марк Азадовский, 1888–1954: Неопубликованные письма ученого. С. 235).

[34] *Азадовская Л. В.* Сердце не знало покоя // Воспоминания о М. К. Азадовском. С. 18.

[35] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 286.

В начале 1950-х гг. М. К. Азадовский говорил жене: «Эх, Мусенька, кабы не эти проклятые деньги! Если б я не должен был писать эти дурацкие рецензии и зарабатывать нам на хлеб! Эх, кабы выиграть тысяч сто, бросил бы я все, да засел бы года на два-три за книгу. Перечел бы все да и написал бы книгу "Пейзаж в русской литературе"» (*Азадовская Л. В.* Сердце не знало покоя. С. 16–17).

В. Ф. Раевского — рукопись, полученная из частных рук, была подготовлена им к печати уже к осени 1951 г. Одновременно была написана статья, посвященная А. И. Якубовичу. <...> К сожалению, "Воспоминания В. Ф. Раевского" и статья о литературной деятельности А. И. Якубовича увидят свет лишь в 1956 г. — после смерти ученого! — в 60-м томе "Литературного наследства", где фамилия М. К. Азадовского заключена в траурную рамку, а в конце тома помещены некролог и хронологический список его научных трудов за 1944–1956 гг. <...>

И самое главное: в начале 50-х годов, когда на Марке Константиновиче еще лежала тень событий 1949 г., И. С. Зильберштейн отстаивал на всевозможных уровнях его научную репутацию, защищал от разного рода наветов и нападок. Сам факт, что Марк Константинович был привлечен к участию в работе такого авторитетного серийного издания, как "Литературное наследство", имел несомненное общественное значение. Опубликовать в то время такие крупные научные труды, как, например, "Затерянные и утраченные произведения декабристов", М. К. Азадовскому вряд ли удалось бы в каком-либо ином коллективном сборнике. Приглашая М. К. Азадовского (как и Ю. Г. Оксмана) к сотрудничеству в "Литнаследстве", И. С. Зильберштейн брал на себя определенную ответственность, как бы заявлял о своей позиции, которую, следует сказать, разделяла вся редакция "Литературного наследства". Марк Константинович понимал это и высоко ценил. <...>

Вплоть до середины 50-х годов имя М. К. Азадовского оставалось достаточно одиозным, так что редакции "Литнаследства", весьма дорожившей участием Марка Константиновича в декабристских томах и стремившейся оградить его, насколько возможно, от недоброжелателей, завистников или обидчиков, пришлось печатать два его сообщения (о К. Ф. Рылееве и В. К. Кюхельбекере) под прозрачным псевдонимом "М. К. Константинов"»[36].

В начале 1953 г. состояние Марка Константиновича серьезно ухудшилось:

«29 января 1953 года у него второй инфаркт. После этого начался постепенный уход из жизни, медленное умирание»[37].

«Весной 1954 г. вышел в свет первый декабристский том "Литнаследства". Держать в руках это издание было для Марка Константиновича огромной радостью: ему с трудом верилось, что его обзор "Затерянные и утраченные произведения декабристов" увидел, наконец, свет, да еще под настоящей фамилией автора. В ситуации 1954 г. ("оттепель" еще не наступила) столь заметная публикация воспринималась как неоспоримая победа М. К. Азадовского, как важнейший шаг на пути его возвращения в отечественную науку»[38].

Параллельно с работой для «Литнаследства» Марк Константинович пытался добиться отмены приказа Министерства высшего образования 1949 г. Отдыхая летом 1952 г. в Малеевке — подмосковном доме творчества, куда он получил путевку как член Союза советских писателей, Марк Константинович вместе с Ю. Г. Оксманом выбрался в Москву в министерство для хлопот по этому вопросу, но результата они не принесли. 28 июля 1953 г. М. К. Азадовский писал в Москву к Ю. Г. Оксману:

«Юлиан Григорьевич, Вы — человек мудрый, а сейчас находитесь в центре, многих людей видите и слышите. Дайте совет. Помните, Вы сопровождали меня (ровно год тому назад) в Министерство высшего образования. На бумагу, к[ото]рую я подал Прокофьеву,

---

[36] *Азадовский К. М.* «Милый, дорогой друг...»: М. К. Азадовский и И. С. Зильберштейн // И. С. Зильберштейн: штрихи к портрету: К 100-летию со дня рождения. М., 2006. С. 125–127.

[37] *Азадовская Л. В.* Сердце не знало покоя. С. 18.

[38] *Азадовский К. М.* «Милый, дорогой друг...» С. 130–131.

нет до сих пор никакого ответа (я просил отмены майского приказа 1949 г.). Работать в ВУЗе я не могу — мне уже и говорить трудно, не то что читать лекции — но хочу очистить свою биографию. В начале декабря он (Прокофьев) говорил Гудзию, что вопрос им "изучается". <...> А затем начал было подумывать о письме новому министру культуры [П. К. Пономаренко]. Но зам'ом по высшей школе опять Кафтанов, т. е. тот человек, к [ото]рый и подписал в свое время приказ. И вот не знаю, что предпринять. И посоветоваться здесь не с кем. Горький и длительный опыт советов с ленинградскими друзьями научил меня лишь одному: пользоваться часто ими так, как советовал Гарун-аль-Рашид поступать с советами женщин. Но, к сожалению, их советы всегда противоречивы и прямо противоположны. А иные, к чьим словам и интересно было бы прислушаться, давно уже перестали питать какой-либо интерес ко мне. Например, Михаил Павлович [Алексеев]» [39].

Юлиан Григорьевич ответил 9 августа:

«Вы спрашиваете, как быть вам с Прокофьевым. Мое мнение таково, что нет смысла тратить время и нервы на эти хлопоты. Если подлец Прокофьев (типичный рюминец[40]) ничего не сделал в прошлом году, то, конечно, сейчас он пальцем не шевельнет и подавно. Если бы вы хотели вернуться к преподав[ательской] работе — то борьба за отмену этого дурацкого приказа имела бы смысл. А без того — бой беспредметен, кто помнит сейчас эти "приказы". Дело ведь вовсе не в этих бумажках, а суть остается в том, что вы — Азадовский, а не Лапицкий» [41].

Добиться своей «реабилитации» Марку Константиновичу так и не удалось.

Также, несмотря на публикации в «Литературном наследстве», отстранение от фольклористики воспринималось им в высшей степени трагически. Ведь если в декабристоведении он был эрудитом и талантливым исследователем, то фольклористике он был одним из колоссов науки — его выдающаяся роль отмечается всеми без исключения исследователями. Нелишним будет привести здесь слова Б. Н. Путилова:

«Русская фольклористика до М. К. Азадовского развивалась по двум параллельным, редко сливавшимся линиям: одни собирали и публиковали произведения фольклора, другие — теоретически и исторически его исследовали. Парадоксально, но когда фольклористы-собиратели занимались исследованиями, они редко опирались на собственный экспедиционный материал. Марк Константинович осуществил задачу подлинно исторического значения — он объединил две линии, явившись одновременно превосходным собирателем и замечательным исследователем фольклора. Более того, самую полевую работу он превратил в часть работы исследовательской, придав ей целенаправленность, программность и наполнив теоретическим смыслом. Полевые материалы стали для него первейшим по значению предметом исследования. По его стопам пошли многие, в первую очередь сказковеды и эпосоведы.

Другая его историческая заслуга заключалась в фронтальном осмыслении всего, что в отечественной культуре XVIII — начала XX века было сделано в сферах, так или иначе

[39] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 332.

[40] Рюмин Михаил Дмитриевич (1913–1954), арестованный в марте 1953 г. и 7 июля 1954 г. приговоренный к ВМН (расстрелу) Военной коллегией Верховного суда СССР. В 1947–1951 гг. старший следователь следственной части по особо важным делам МГБ СССР, в 1951–1952 гг. заместитель министра государственной безопасности СССР (С. Д. Игнатьева) и начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР, в 1952–1953 гг. старший контролер Министерства госконтроля СССР.

[41] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 335.

касавшихся фольклора, и — на этой прочной основе — в разработке концепции самого понятия "русская фольклористика". Можно сказать, что М. К. Азадовский — в большей степени, чем кто-либо в те годы, — сформировал теоретическую и методологическую базу нашей науки. И если сейчас мы пересматриваем какие-то ее принципы, стремимся ввести новые понятия и аспекты, опираясь на опыт последних десятилетий, то делаем это с полным пониманием исторических заслуг М. К. Азадовского и с бережным отношением к тому, что остается незыблемым.

Наконец, третья заслуга М. К. Азадовского состояла в его вкладе в организацию советской фольклористики, в создание научных учреждений, подготовку серийных изданий, в разработку идей и принципов собирания, публикации фольклора, в создание фольклористической школы и выработку принципов обучения фольклористов, в организацию разного рода конференций, совещаний и создание подлинно творческой атмосферы в нашей научной жизни»[42].

И вот от этой науки Марк Константинович оказался полностью отлучен. 18 апреля 1953 г. он в письме к Е. В. Баранниковой обреченно заметил: «Фольклором не занимаюсь (почти)...»[43] О том же 25 августа 1954 г. он писал в сердцах к Ю. Г. Оксману:

«...А мой основной труд: "История русской фольк[лористик]и", к[ото]рый и должен был упрочить мое имя в науке, — труд, задуманный и написанный в замену Пыпина (а по формулировке Н. К. Пиксанова — довоенного — "в отмену Пыпина"), ведь, никогда не увидит света! А если и увидит. Что толку?! Я же разворован уже до ниточки...»[44]

24 ноября 1954 г., в возрасте 65 лет, Марк Константинович Азадовский скончался.

«Много раз в октябре—ноябре 1954 года он шептал, поднося руку ко лбу: "Много, ах как тут много... И неужели все это должно погибнуть!" (это предсмертные слова Николая Бестужева)»[45].

«Последние 7–10 дней был в полубессознательном состоянии, а за день до смерти долго и громко читал лекции по фольклору. Похороны прошли довольно торжественно: все взял на себя ССП. Был представитель президиума Союза из Москвы, почетный караул, музыка, речи и пр. Митинг вел Макогоненко...»[46]

«Было много народу, много выступающих и много венков. <...> Лидия Владимировна помнила всех и все, что происходило с Марком Константиновичем в последние годы. И когда она увидела на одном из венков надпись "От Института русской литературы", она никому ничего не сказала, но попросила свою домработницу отвезти этот венок обратно в ИРЛИ. Женщина эта взяла такси и отвезла его, поставила в здании института на площадке лестницы»[47].

---

[42] *Путилов Б. Н.* Постоянство целеустремленности. С. 167–168.

[43] Из писем М. К. Азадовского (1941–1954). С. 258.

[44] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 372. (Этот фундаментальный труд вышел-таки после смерти ученого: *Азадовский М. К.* История русской фольклористики: В 2 т. М., 1958–1963), исключительно благодаря стараниям Л. В. Азадовской, под грифом Отделения литературы и языка Академии наук СССР; вступительная статья в первом томе была написана В. М. Жирмунским.)

[45] *Азадовская Л. В.* Сердце не знало покоя. С. 21.

[46] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 385. (Письмо С. А. Рейсера Ю. Г. Оксману, 4 декабря 1954 г.)

[47] *Молдавский Д. М.* Сквозь линзы времени. С. 148.

Вариант этой истории изложен К. М. Азадовским в интервью 1996 г.: «В конце 54-го года мой отец умер, и дирекция Пушкинского Дома <...> прислала на дом, в квартиру, где еще лежал мой отец, венок с траурными лентами. Моя мать, женщина рассудительная, сделала тогда сле-

Б. М. Эйхенбаум

Как трудно быть профессором в дни страшного суда —
Ах, быть бы мне асессором в тридцатые года!..[48]

Б. М. Эйхенбаум

Тяжелейший инфаркт, который пережил Борис Михайлович в феврале 1949 г., по-видимому, спас его от ареста. А подбирались к нему давно, и достойно удивления, что так ни разу и не арестовали. А ведь для этого было достаточно одной его фразы 1922 г., ставшей у проработчиков крылатой: «Жизнь строится не по Марксу — тем лучше». Объяснить то, что он в 1949 г. все еще находится на свободе, можно словами Л. Я. Гинзбург: «Однажды кто-то сказал: “Раньше это была лотерея, теперь это очередь”. Случиться могло со всяким. Не случилось еще? Ну просто очередь не дошла...»[49]

Как и на абсолютное большинство сколько-нибудь заметных людей, на Бориса Михайловича собирались компрометирующие материалы в органах НКВД. Такие документы либо становились со временем частью уголовных дел, либо, если по случайному обстоятельству объекту оперативной разработки удавалось избежать «чистых рук, холодного разума и горячего сердца», по истечению срока давности подлежали уничтожению.

Еще в 1935 г. Б. М. Эйхенбаум фигурирует как «реакционный писатель» в тексте докладной записки начальника УНКВД Л. М. Заковского А. А. Жданову «Об отрицательных и контрреволюционных явлениях среди писателей города Ленинграда»[50].

С наступлением послевоенного удушья внимание к Борису Михайловичу также не пропадало. «Шкловский говорил, что Веру Владимировну Зощенко вызывали в свое время [вскоре после ждановского доклада] и сказали, что НКВД к Зощенко претензий не имеет. “Вот по Эйхенбауму наши ворота давно плачут, а к Зощенко мы ничего не имеем”»[51].

Но пока ректором был А. А. Вознесенский, профессуру ЛГУ не трогали, а к тому времени, когда ректор оставил университет, Борис Михайлович уже был серьезно болен.

Когда же после весенних событий 1949 г. он был уволен из Пушкинского Дома и университета, то новое руководство Пушкинского Дома направило на него, как

дующее. Она отправила этот венок обратно, и одна наша знакомая отвезла венок и поставила его в вестибюле Пушкинского Дома. Это был, может быть, единственный запомнившийся современникам ответ на все то, что происходило в Пушкинском Доме в конце 40-х — начале 50-х годов» (*Берг М. Ю.* В тени Пушкина: Пушкинскому Дому — 90 лет // Час пик. СПб., 1996. № 98. 29 мая. С. 14).

[48] Цит. по: 80-летие Б. М. Эйхенбаума в ИРЛИ / Запись Ю. Бережновой // *Эйхенбаум Б. М.* «Мой временник»... С. 610. (Приводится запись выступления Г. А. Бялого, в котором он рассказывает о выразительных дарительных надписях, делавшихся Б. М. Эйхенбаумом, в том числе и об этой.)

[49] Движение судьбы: [Интервью с Л. Я. Гинзбург по случаю присуждения ей Государственной премии 1988 г.] // Смена. Л., 1988. № 262. 13 ноября. С. 2.

[50] Ср.: « [Л. Я.] Гинзбург — руководительница кружка при ВАРЗе, формалистка, тесно связана и находится под влиянием реакционных писателей Эйхенбаума и Коварского» (цит. по: Власть и художественная интеллигенция. М., 2002. С. 262).

[51] *Чудакова М. О.* Избранные работы. М., 2001. Т. 1: Литература советского прошлого. С. 238. Запись 1971 г. со слов В. Б. Шкловского.

и на остальных изгнанных профессоров, комплект документов в ЦК ВКП(б). Причем если на М.К. Азадовского и Г.А. Гуковского такие «досье» были направлены в июле 1949 г., то бумаги на Б.М. Эйхенбаума пошли в ЦК 15 июня. Наиболее угрожающим был «Отзыв о научной деятельности» Б.М. Эйхенбаума:

«Борис Михайлович Эйхенбаум начал печататься еще до Великой Октябрьской социалистической революции. В первые годы советской власти он придерживался откровенно враждебных советской идеологии взглядов. Тогда он говорил: "Жизнь идет не по Марксу, тем лучше" (Журнал "Книжный угол", 1922, № 8, стр. 108. Статья "5 = 100"). В своих "научных" работах Эйхенбаум настойчиво проводил эти враждебные взгляды. Выступая против ленинской теории отражения, он, в сущности, отстаивал теорию "чистого искусства" и ратовал за отрыв искусства от жизни. Он проповедовал декадентщину и говорил, что искусство должно заниматься изображением не жизни, а смерти. Эйхенбаум заявлял, что славяно-русская культура не пришлась ему по вкусу.

Основными темами Эйхенбаума были Толстой и Лермонтов.

Работы Эйхенбаума о Толстом — антиленинские по своему характеру. В статье 1928 года "Толстой до 'Войны и мира'" он писал, что "Толстой умел меняться, оставаясь одним и тем же". Это направлено прямо против ленинской концепции Толстого. Ленин говорил, что Толстой действительно менялся, что он перешел с позиций одного класса на позиции другого класса — с позиций дворянства на позиции патриархального крестьянства.

В статье 1935 года "Толстой и Шопенгауэр" он указывает, что роман Толстого "Анна Каренина" — это роман, "выросший из увлечения Шопенгауэром". Кончается статья такими словами: "'Анна Каренина' создавалась в то время, когда у самого Толстого не было ничего твердого в воззрениях, когда у него все переворотилось накануне кризиса, накануне 'Исповеди'. Шопенгауэр помог ему довести этот кризис до апогея и выйти на новый путь".

В статьях о Толстом, написанных в последние годы, Эйхенбаум мало говорит о влиянии Толстого на западноевропейских писателей, но зато он превращает Толстого в выученика русских реакционных публицистов и историков, вроде, например, Данилевского.

В целом взгляд Эйхенбаума на Толстого таков: Толстой наименее национальный из всех русских писателей.

Все это дает основание для вывода, что Эйхенбаум в отношении Толстого стоит на антиленинских позициях.

Не менее порочными являются работы Эйхенбаума о Лермонтове. Эйхенбаум категорически отрицает значение статей Белинского о Лермонтове для правильного понимания творчества поэта. В 1924 г. он писал: "Ничего конкретного о поэзии Лермонтова, как и о других явлениях, Белинский сказать не умеет — в этих случаях он, как типичный читатель, говорит общими фразами и неопределенными метафорами".

Отрицая значение наследия Белинского, Эйхенбаум превозносит до небес Шевырева. На него он опирается в своем изучении Лермонтова. Все творчество великого русского поэта Эйхенбаум рассматривает не как отражение русской действительности, а как отражение влияний западноевропейской литературы на него.

В целом "труды" Эйхенбаума находятся за пределами советского литературоведения, вне рамок советской идеологии»[52].

---

[52] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 776. Л. 45–46. Отзыв не имеет подписи — «подлинный за надлежащими подписями»; дата 23 апреля 1949 г. фальсифицирована, как и отправленные в ЦК «усиленные» варианты приказов об увольнении профессоров.

По-видимому, «инстанция» дала ход «делу Эйхенбаума», по крайней мере, к осени 1949 г., когда Борис Михайлович уже смог немного оправиться от болезни, относится приказ Н. Ф. Бельчикова № 88 от 21 ноября 1949 г., который явно был отзвуком каких-то скрытых ходов:

«Назначить комиссию в составе А. С. Бушмина, Д. И. Рязанова и М. О. Скрипиля для проверки документов (планы и отчеты), связанных с работой проф[ессора] Б. М. Эйхенбаума. Руководителем комиссии считать А. С. Бушмина, сроком окончания работ считать 25 сего ноября»[53].

Причина этого приказа — подписанный 5 ноября 1949 г. акт проверки Пушкинского Дома, проведенной контрольно-ревизионным управлением Минфина СССР, в котором были персонально отмечены многие сотрудники ИРЛИ, в том числе и Б. М. Эйхенбаум[54]; однако из многочисленного списка лишь по вопросу Б. М. Эйхенбаума была создана специальная комиссия под председательством секретаря партбюро. Но как внезапно комиссия была создана, так и внезапно закончила свою деятельность — в назначенный день ученый секретарь Пушкинского Дома Д. С. Бабкин подписал следующую справку:

«Работа Комиссии по проверке документов (планы и отчеты), связанных с работой проф[ессора] Б. М. Эйхенбаума, в связи с обнаружением планов и отчетов Б. М. Эйхенбаума за 1946, 1947, 1948 и 1949 годы, прекратила свою работу 25 ноября 1949 г.»[55]

В конце 1952 г. арест Бориса Михайловича казался неминуемым. Л. Я. Гинзбург вспоминала о своих встречах с «органами»:

«Вторая встреча с ними была гораздо страшнее, хотя я была не в тюрьме, а на свободе. Это конец 1952 года, тогда уже арестованы были врачи, но мы еще не знали об этом.

Параллельно решено было сочинить дело о еврейском вредительстве в литературоведении и т. п. <...>

Пятнадцатичасовой разговор свинцово топтался на месте. Мне предлагали удостоверить, что Эйхенбаум враг народа; я отвечала, что этого не может быть. <...> По ходу допроса главный (со значком) предложил мне в письменной форме изложить все, что я знаю о вредной деятельности ведущих сотрудников ГИИИ. Я писала долго какую-то вдохновенную ахинею. Вроде того, что действительно имели место методологические просчеты, например теория имманентного развития литературного процесса. Главный посмотрел мои листочки и молча порвал их на мелкие куски. Так что ахинея в архив так и не попала. <...>

Вообще же я была обречена. Дело о вредительстве в изучении русской литературы (в истоках — Институт истории искусств, в центре — Эйхенбаум) начали бы с какого-нибудь другого конца и дошли бы до меня в свое время. Да еще свели бы счеты за задержку. Смерть Сталина (через два с небольшим месяца) спасла и мою в несметном числе других жизней»[56].

---

[53] Там же. Оп. 1 (1949 г.). Д. 5. Л. 31.

[54] Там же. Оп. 3 (1949 г.). Д. 24. Л. 40.

[55] Там же. Оп. 1 (1949 г.). Д. 5. Л. 32.

[56] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. С. 339–341.

Несколько иначе этот эпизод передает Е. А. Кумпан: «Второй раз Лидия Яковлевна столкнулась с Большим домом в 1953-м, и связано это, видимо, было с “делом врачей”. Скорее всего, собирались начать дело о евреях-вредителях в области культуры. Что-нибудь в этом роде. Ее не арестовывали, но вызывали несколько раз на допросы. Вели себя предупредительно: прощаясь, подавали пальто. Вопросы задавали соответствующие: о Гуковском, которого уже не было в живых, об Эйхенбауме, под которым уже растрескивалась почва, о Мелетинском, который сидел

Но страх ареста, который довлел над значительной частью населения страны, притуплялся, поскольку ежедневные нужды оказывались едва ли не более тягостными — не было ни работы, ни издательских договоров. За 1949–1953 гг. у Б. М. Эйхенбаума в свет вышла лишь одна небольшая статья «Легенда о зеленой палочке», напечатанная в столичном «Огоньке» к 40-летию со дня смерти Л. Н. Толстого[57]. Написанная для «Литературного наследства» статья «Наследие Белинского и Толстой» была благополучно похоронена[58].

Наряду с этим ранее вышедшие работы профессора традиционно растаскивались коллегами по цеху, но особенно обидными были события 1952 г., когда ведущие центры литературоведения обратили свой взор к вопросам текстологии — тому разделу науки о литературе, которым Борис Михайлович упорно занимался долгие годы и в котором его авторитет был непререкаемым[59].

Все его разработки в области текстологии — подготовленные рабочие материалы или ранее озвученные в виде докладов[60] — в один момент были присвоены другими,

---

в лагере. Но тут умер Сталин и они оставили Л[идию] Я[ковлевну] в покое. Вызовы прекратились» (*Кумпан Е. А.* Ближний подступ к легенде. СПб., 2005. С. 85).

[57] *Эйхенбаум Б. М.* Легенда о зеленой палочке: К 40-летию со дня смерти Л. Н. Толстого // Огонек. М., 1950. № 47. С. 23–24.

Кроме указанной статьи были опубликованы лишь комментарии в 34-м томе Полного собрания сочинений Толстого, вышедшем в 1952 г. (*Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: Юбилейное издание. М., 1952. Т. 34. С. 546–561, 590–591).

[58] «Летом 1948 г. была написана статья “Наследие Белинского и Лев Толстой (1857–1858)”, предназначавшаяся для 56-го тома “Литературного наследства” (и туда не допущенная в порядке борьбы с “космополитами”; опубл. посмертно). Это лучшая из послевоенных работ Эйхенбаума, написанная удивительно свежо для той, казалось бы, полностью несовместимой с жизнью науки ждановской атмосферой, в которой задыхался автор» (*Тоддес Е. А.* Б. М. Эйхенбаум в 30–50-е годы. С. 593).

[59] Серьезный труд, которого требует текстология от исследователя, мало кто мог (и может) оценить по достоинству; прежде всего потому, что большинство литературоведов, особенно в послевоенные годы, стремились более писать, нежели заниматься работой по скрупулезной текстологической подготовке чужих текстов к печати. Этим можно объяснить то обстоятельство, что до настоящего времени лишь немногие из русских классических писателей удостоились полных академических собраний сочинений.

Теоретическую и практическую работу Б. М. Эйхенбаума в области текстологии, вершиной которых следует признать подготовку текстов Лермонтова, стоит рассматривать отнюдь не как дополнение к его литературоведческим трудам, а наравне с ними. Большую часть практической текстологической работы Б. М. Эйхенбаум делал совместно с К. И. Халабаевым в довоенные годы. «К. И. Халабаева папа защищал от Шкловского, который ругал его за то, что он отнимает много времени <...>. Папа отвечал: “Не трогай Халабаева — он делает прекрасно свое дело, мы с ним делаем большое дело. Это, конечно, не слава и даже не деньги, но это работа, которую я люблю <...>”. Я помню, как папа садился у телефона и они с Халабаевым считывали какой-то текст. Вместо того, чтобы говорить “точка” или “точка с запятой”, они говорили “а”, “а, б” и т. п. Папа читал по своим материалам, а Халабаев по своим. Чтобы не ездить каждый день в Дом книги, где помещалось издательство, они часа по три говорили по телефону» (Из воспоминаний О. Б. Эйхенбаум // *Эйхенбаум Б. М.* «Мой временник»... С. 626).

Отзвуком недооценки роли Б. М. Эйхенбаума-текстолога (да и вообще, кажется, Б. М. Эйхенбаума-ученого) следует рассматривать и отзыв П. Н. Беркова о его жизненном пути: «Работы Б. М. [Эйхенбаума] представляют определенный вклад в науку. Мы ценим у него не то, к чему он пришел в конце жизни, а его РАБОТУ — как он шел к своим выводам, его ПУТЬ» (80-летие Б. М. Эйхенбаума в ИРЛИ. С. 608. Выделение прописными буквами — в оригинале).

[60] Лишним свидетельством значения, которое придавал Б. М. Эйхенбаум текстологии, говорит тот факт, что на научной сессии ЛГУ к 30-летию Октябрьской революции 14 ноября 1947 г. он делал доклад именно по поводу текстологии: «Советская текстология: (Итоги работы над изданиями русских классиков)» (тезисы доклада см.: ЦГА СПБ. Ф. 7240 (ЛГУ). Оп. 14. Д.1325. Л. 55–57).

причем были представлены как большое академическое начинание, но уже без всякого упоминания об Эйхенбауме. Речь идет о программной статье «За образцовое издание классиков», которую 15 июля 1952 г. напечатала «Литературная газета»[61]. По поводу этой публикации Борис Михайлович записал в дневнике: «Фактически значительная часть статьи написана мной — взята прямо из текстологической инструкции, которую я написал для Гослитиздата»[62].

Ольга Борисовна Эйхенбаум вспоминала позднее:

> «Папу в послевоенные годы почти не печатали, а потом и вообще отовсюду выгнали надолго. Так что он в своей жизни сделал гораздо меньше, чем мог бы сделать, если б работал в нормальных условиях. Но он почти всегда был нищим, прожил очень тяжелую жизнь»[63].

23 июня 1949 г. Б. М. Эйхенбаум писал своему ближайшему другу В. Б. Шкловскому:

> «...Живу пока тем, что продали рояль. Надо дожить до середины января, когда надеюсь получить пенсию по новому закону (1600 руб. в месяц).
>
> У меня пока нет никакой оплачиваемой работы — выключен совершенно. <...> Итак, я — веселый нищий. Веселый — потому что сижу спокойно дома, не бываю на заседаниях, не вижу подлецов, не устаю и не пишу. <...>
>
> Новая поговорка: "Земля наша велика, а заработка в ней нет".
>
> Кроме того, у меня украли пальто. Есть поговорка: "Не повезет, так уж не повезет: в п...е на кость напорешься". Грубо, но хорошо!»[64]

В этот сложный момент большую помощь и поддержку оказали Борису Михайловичу друзья. Позднее, по инициативе Г. П. Макогоненко, в складчину ему было куплено «профессорское» пальто[65], а постоянно приходившие в дом гости обеспечивали семью продуктами.

> «У нас в доме обожали собираться гости, несмотря на то что деда выгнали из университета и Пушкинского Дома за "формализм и космополитизм". Анатолий Мариенгоф с женой, актрисой Никритиной, Козаковы, Шварцы, иногда Ольга Берггольц (правда, редко — она пила, и ее старались не приглашать), артист Игорь Горбачев, Юрий Герман, отец Алеши, писатель Израиль Моисеевич Меттер, автор сценария "Ко мне, Мухтар!",

---

[61] *Благой Д., Макогоненко Г., Мейлах Б.* За образцовое издание классиков // Литературная газета. М., 1952. № 85. 15 июля. С. 3.

[62] Цит. по: *Кертис Дж.* Указ. соч. С. 202.

[63] Из воспоминаний О. Б. Эйхенбаум. С. 635.

[64] Цит. по: *Кертис Дж.* Указ. соч. С. 335.

[65] Приведем мемуар друга и однокурсника Г. П. Макогоненко музыковеда И.Д. Гликмана: «Он [Г. П. Макогоненко] организовал в складчину большую по тому времени сумму денег для покупки великолепной, нарядной шубы для Эйхенбаума. Одним из щедрых вкладчиков был Владимир Николаевич Орлов <...>. Шуба была куплена и мы — то есть, Юра, Орлов и я — отправились с этой драгоценной покупкой на квартиру к Эйхенбауму на Большую Посадскую. Борис Михайлович был ужасно смущен и, вместе с тем, обрадован. Ему больше всего понравился роскошный меховой воротник, который украсил хрупкие плечи профессора. Покупку решили отметить, и Юра Макогоненко выбежал в угловой гастроном насупротив "Ленфильма" и вскоре возвратился с бутылкой шампанского и бутылкой коньяка. Надо сказать, что Борис Михайлович не чуждался крепких напитков. Он выпил вместе с нами, и мне показалось, что он в эти минуты был растроган и радостен. Мы — то есть Юра, Владимир Николаевич, я и примкнувшая к нам дочь Эйхенбаума Ольга Борисовна в шумных тостах прославляли чудесного Эйхенбаума» (цит. по: О Георгии Пантелеймоновиче Макогоненко (1912–1986) / Сост. А. Избицер // @ Лебедь: Независимый интернет-альманах (www.lebed.com/2003/art3396.htm). Бостон, 2003. № 330. 29 июня). Отметим, что речь явно идет не о 1949 г., поскольку на Малую Посадскую Борис Михайлович переехал уже в 1950-х гг.

тайком от деда приносили прямо на кухню продукты. А тот все удивлялся и спрашивал у дочери: “Оля, откуда у нас такое изобилие, ведь денег нет?”»[66]

К научной работе Борис Михайлович стал возвращаться только в 1950 г., а до той поры он посещал лишь симфонические концерты в соседней филармонии[67]. Но летом 1950 г. он уже начал подготовку «Записок С. П. Жихарева» для «Литературных памятников»; 20 октября он после долгого перерыва переступил порог Отдела рукописей Публичной библиотеки (вступив тотчас же в И. П. Лапицкого), и часто там бывал той осенью[68]. В ноябре М. К. Азадовский писал Ю. Г. Оксману: «Бор[ис] Мих[айлович] “трудится” над образом далеко не прелестного Жихарева[69]».

Однако получение гонорара за это издание также задерживалось. 11 января 1953 г. М. К. Азадовский писал Ю. Г. Оксману:

> «Юлиан Григорьевич, дорогой, как бы воздействовать на этого... Благого. Волгин дал распоряжение выплатить Борису Михайловичу 60% за Жихарева. Но бухгалтерия отказывается выполнять это, пока у ней в руках не будет одного документа — отзыва Благого. И вот он уже несколько месяцев обещает, — и ничего. Он зарылся в сотнях тысяч, которые на него сыплются отовсюду, и не понимает, чтó значит для Б[ориса] М[ихайловича], у к[ото]рого нет ничего, кроме пенсии, 10–12000»[70].

Как и М. К. Азадовский, Борис Михайлович был почтен статьей в БСЭ, причем довольно лояльной, с одной лишь оговоркой, что он «был связан с Обществом по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ) и в 20-е гг. придерживался формалистических взглядов в литературоведении»[71].

Однако, как свидетельствует его творческая характеристика, утвержденная на секретариате ЛО ССП 27 июня 1952 г., отношение к нему за три года не сильно изменилось:

> «Эйхенбаум, Борис Михайлович, член Союза советских писателей с 1934 года. Литературовед, доктор филологических наук, профессор.
>
> Борис Михайлович Эйхенбаум, автор многих книг и статей — известен как знаток истории русской литературы XIX в., в особенности творчества Льва Толстого и Лермонтова. Известен также как редактор-текстолог сочинений ряда русских классиков. На протяжении многих лет Б. М. Эйхенбаум был одним из теоретиков формалистической школы, противопоставлявшей себя марксистско-ленинскому литературоведению. Идеалистические и космополитические теории Б. М. Эйхенбаума неоднократно подвергались резкой принципиальной критике в печати, в последний раз в 1949 году.

---

[66] *[Даль Е. А.]* Лиза Даль: «Свой дом он закрыл от всех»: [Интервью внучки Б. М. Эйхенбаума] // Караван историй. М., 2000. № 11. С. 36.

[67] Борис Михайлович сам играл в юности на скрипке и фортепиано, «любил музыку, знал ее и понимал», был близко знаком, а в последние годы и дружен с Е. А. Мравинским. Для иллюстрации этой стороны жизни Б. М. Эйхенбаума приведем запись из дневника от 13 апреля 1947 г.: «Вчера был прекрасный симф[онический] концерт в Филармонии с талантливым Рахлиным. Виолончелист (совсем юноша) — Мстислав Ростропович, очень благородного типа. Я к нему подошел после концерта — он сын Лёли Ростроповича, с которым я гимназистом играл в трио (есть фото). Лёля умер в 1941. Грустно было — этот Мстислав сильно похож (по общему типу) на Диму (Д. Б. Эйхенбаума, погибшего на войне. — *П. Д.*)» (РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 32).

[68] Архив РНБ. Ф. 2. Оп. 35/9. Д. 10. Л. 193 об. и далее. Причем 20 октября он там встретил И. П. Лапицкого (Там же).

[69] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 154. (Письмо М. К. Азадовского Ю. Г. Оксману, 7–17 ноября 1950 г.)

[70] Там же. С. 300.

[71] БСЭ. 2-е изд. / Гл. ред. Б. А. Введенский. М., [1951]. Т. 48. С. 347.

В настоящее время работает в области текстологии. Работает над книгой "Юность Льва Толстого". Вопросами советской литературы не занимается. Пенсионер. В общественной жизни писательской организации г. Ленинграда не участвует»[72].

13 марта 1953 г. Борис Михайлович записал в дневнике:

«Эпоха Сталина кончилась: он умер 5 марта, не придя в сознание. Началась новая эпоха, еще неизвестная»[73].

А 26 апреля 1955 г. он писал В. Б. Шкловскому:

«Я вот вчера сидел на научной конференции — где бы ты думал? В Пушкинском Доме!!! Торжественно пригласили побаловать и, как я ни брыкался, посадили в Президиум»[74].

1 сентября 1956 года Б. М. Эйхенбаум был зачислен в штат Пушкинского Дома.

«Конечно, его тогда пригласили и в Университет, но он сказал, что туда больше не выйдет, потому что из Пушкинского Дома его уволили "по болезни", а Университет выдал бумагу о том, что он увольняется "как не справившийся с работой". <...>

В Пушкинский Дом он вернулся — за ним приехала машина, его хорошо приняли, там была работа, но Пушкинский Дом он не любил, друзей у него там не было...»[75]

Но и вернувшись в Пушкинский Дом, Борис Михайлович нередко подвергался нападкам за формализм. Пример тому — доклад «Творческие принципы некрасовской школы», сделанный в 1957 г. А. М. Еголиным. Он критиковал тогда Б. М. Эйхенбаума за характеристику поэзии Некрасова, изложенную им в работе 1924 г. «Сквозь литературу»; причем вместе с ним критиковался и С. А. Андреевский: «Андреевский, Эйхенбаум игнорируют проблему создания новых ценностей образованными разночинцами. Мерка исследователей крайне узкая, односторонняя»[76].

Однако доклад бывшего партийного идеолога, разжалованного в 1955 г. за аморальное поведение до должности заведующего сектором, не нашел должного отклика на обсуждении в секторе новой русской литературы Пушкинского Дома. Огорченный А. М. Еголин жаловался 3 февраля 1957 г. А. С. Бушмину:

«В секторе прочитали мой доклад 3 младших научных сотрудника тт. [С. А.] Малахов, [И. З.] Серман, [Г. М.] Фридлендер, и они же выступали. Остальные делали замечания по ходу прений. Изо всех 10 докторов сектора прочитал мой доклад только Б. П. Городецкий, но говорил он по преимуществу в защиту Б. М. Эйхенбаума и просил меня не останавливаться на критике Эйхенбаума, так как он очень болен — у него был инфаркт. Б. М. Эйхенбаум говорил лишь в защиту своих некрасовских работ, поскольку я критиковал их за формализм, за характеристику поэзии Некрасова вне мировоззрения. <...>

У меня сложился стиль принципиального подхода к вопросам истории литературы, не терпящего компромиссов в отношении отступления от марксизма-ленинизма, будь то хоть сам Б. М. Эйхенбаум или услужающие ему молодые люди»[77].

---

[72] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 3. Д. 228. Л. 14.

[73] Цит. по: *Кертис Дж.* Указ. соч. С. 204.

[74] Там же. С. 336. Речь идет о II Всесоюзном совещании по вопросам изучения древнерусской литературы в ИРЛИ АН СССР (23–26 апреля 1955 г.). Сохранилась фотография участников этого совещания, на которой запечатлен и Б. М. Эйхенбаум, посаженный на почетное место рядом с В. П. Адриановой-Перетц (Музей ИРЛИ РАН, фототека; воспроизводится в настоящем издании).

[75] Из воспоминаний О. Б. Эйхенбаум. С. 639.

[76] ПФА РАН. Ф. 1086 (А. С. Бушмин). Оп. 3. Д. 294. Л. 15.

[77] Там же. Л. 10, 12.

В 1955 г. произошло событие, позволившее Борису Михайловичу уже при жизни осознать то, что его имя в науке о литературе будет не только попираться. В Гааге вышла в свет книга Виктора Эрлиха «Русский формализм: история и теория»[78], в которой о нем говорилось уже как о классике науки о литературе. «Книга умная, со знанием фактов. Много обо мне — с большим признанием», — записал Борис Михайлович 14 октября 1956 г., просмотрев дошедшую до него книгу[79]. Книга В. Эрлиха и последовавшие за ней публикации вдохнули в Б. М. Эйхенбаума силы:

> «За год до смерти он, по-видимому, освободился от внутренних последствий травмы 1949 г. и статью о "Герое нашего времени" (для коллективной "Истории русского романа") писал "как давно не писал" (согласно дневниковой автохарактеристике от 16 ноября 1958 г.)»[80]

Скончался Борис Михайлович Эйхенбаум 24 ноября 1959 г., в возрасте 73 лет, во время вечера его друга Анатолия Мариенгофа в Доме писателя имени В. В. Маяковского. Вышедшая в следующем году в Ежегоднике БСЭ краткая биографическая статья о нем[81] уже не содержала никакой критики — он был реабилитирован. Посмертно.

«Эйхенбаум ухитрился прожить жизнь, не сломавшись и почти не согнувшись»[82].

В. М. Жирмунский

Перед тем как Виктор Максимович расстался с университетом, он «подпал» под проводившуюся летом 1949 г. аттестацию профессорско-преподавательского состава. Аттестация В. М. Жирмунского, датированная 9 июля 1949 г., подписана председателем аттестационной комиссии филологического факультета Г. П. Бердниковым. Неудивительно, что Виктор Максимович с лета 1949 г. перестал работать на факультете. Приведем текст этого документа[83]:

Невольно на память приходят слова о Еголине, сказанные еще одним профессором филологического факультета ЛГУ — академиком В. В. Виноградовым: «Александр Михайлович был верным, хорошим товарищем. Общеизвестна его необыкновенная доброжелательность к людям. Образ Александра Михайловича как человека большой душевной теплоты и отзывчивости, как советского ученого-патриота, беззаветно преданного своему народу и родной литературе, глубоко запечатлен в памяти каждого из нас, знавших его...» (*Виноградов В. В.* Александр Михайлович Еголин: [Некролог] // Известия АН СССР, Отделение литературы и языка. М., 1959. Т. XVIII. Вып. 4. С. 390).

[78] *Erlich V.* Russian Formalism: History, Doctrine / Slavistische Drukken En Herdrukken, IV. s'Gravenhage, 1955.

[79] Цит. по: *Кертис Дж.* Указ. соч. С. 205.

[80] *Тоддес Е. А.* Указ. соч. С. 570.

[81] Ежегодник БСЭ 1960. [М., 1960]. С. 606. Приведем основную часть этой статьи: «Советский историк литературы. В 1912 г. окончил Петербургский университет. Научную деятельность начал в 1907 г. Значительные работы: "Лев Толстой" (2 кн., 1928–1931 гг.), "Толстой после 'Войны и мира' 1870–74 гг." (1939 г.), "Лермонтов" (1924 г.), "Литературная позиция Лермонтова" (1941 г.). Вел текстологическую работу по подготовке научных изданий русских классиков».

[82] *Шубинский В.* Железный кузнечик: (О жизни и сочинениях аббата д'Эрбле) // *Эйхенбаум Б. М.* «Мой временник»... С. 23–24.

[83] ОДО СПбГУ. Личное дело В. М. Жирмунского. Л. 55–56.

«АТТЕСТАЦИЯ
профессора кафедры западноевропейских литератур
Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова
Жирмунский Виктор Максимович,
член-корреспондент Академии наук СССР,
доктор филологических наук, беспартийный, 1891 года рождения, еврей.

Профессор В. М. Жирмунский работает в Ленинградском государственном университете с 1915 года. Им написаны ряд книг и большое число статей по вопросам литературы и лингвистики.

В. М. Жирмунский является одним из наиболее активных представителей космополитизма в литературоведении.

Свой путь ученого В. М. Жирмунский начал до революции в зараженной декадансом среде буржуазных литераторов, как воинствующий идеалист и мистик. В течение ряда лет проф[ессор] Жирмунский был одним из вождей формализма, а после разгрома формализма выступал последователем буржуазного учения Веселовского. В целом ряде работ проф[ессор] Жирмунский выступал с пропагандой порочной компаративистской методологии Веселовского, пытаясь представить последнего в виде идейного наследника Чернышевского и навязывая Веселовского в учителя советскому литературоведению.

Во время дискуссии о Веселовском проф[ессор] Жирмунский выступил одним из самых активных защитников его порочной методологии. Объявив космополита Веселовского гордостью русской науки, проф[ессор] Жирмунский пытался сорвать партийную критику школы Веселовского. После разоблачения методологии Веселовского и его последователей как теоретической базы космополитизма Жирмунский выступил с признанием своих ошибок, но, по существу, остался на прежних позициях. Последние работы проф[ессора] Жирмунского, включая его книгу об узбекском эпосе, подвергнутую критике в партийной печати, написаны под знаком компаративизма и проникнуты низкопоклонством перед буржуазной наукой Запада. Лингвистические работы проф[ессора] В. М. Жирмунского также страдают серьезными методологическими ошибками.

В качестве зав[едующего] кафедрой западноевропейских литератур проф[ессор] Жирмунский осуществлял вредную систему подготовки кадров, ориентируя студентов и аспирантов на темы оторванные от современности. Не случайно поэтому кафедра не подготовила ни одного специалиста по современной литературе. Комплектование аспирантуры проводилось неправильно, в аспирантуру подчас рекомендовались люди далекие от общественной жизни, увлекающиеся декадентской литературой и рабски преклоняющиеся перед "авторитетами" буржуазной науки. Долгие годы на кафедре насаждалась атмосфера семейственности и круговой поруки. Не допуская критики и самокритики, проф[ессор] Жирмунский создавал впечатление мнимого благополучия, что способствовало углублению значительных методологических ошибок, имеющих место в научной и педагогической деятельности ряда ученых-профессоров кафедры.

В связи с вышеизложенным проф[ессор] В. М. Жирмунский был отстранен от заведывания кафедрой, но оставлен профессором кафедры. Ему предложено к следующему учебному году перестроить его курс "Введение в литературоведение" и подготовить специальный курс по творчеству Гете. В план его научно-исследовательской работы на 1949 год включено участие по составлению хрестоматии "Русские революционные демократы о западных литературах".

Считать возможным дальнейшее использование В. М. Жирмунского в должности профессора кафедры при условии реальной перестройки им своей научной и педагогической работы в духе требований и постановлений партии по идеологическим вопросам».

Взяв отпуск, Виктор Максимович надеялся немного отдышаться, оставив лишь руководство дипломниками и аспирантами, которые встречались с профессором на дому. Как мы писали выше, 1 декабря 1949 г. он был уволен из ЛГУ «в связи с переводом», но до места назначения не добрался, поскольку начальник ГУУ МВО СССО К. Ф. Жигач сперва не давал разрешения на его зачисление в ЛГПИИЯ, а 14 февраля и вовсе отменил свой приказ о переводе.

«Обращение ученого в Министерство высшего образования с просьбой предоставить ему работу в каком-либо вузе результатов не имело»[84]: всякая педагогическая деятельность была для него под запретом; В. М. Жирмунский был готов занять место в Одессе, но и в этом ему было отказано. В академических учреждениях также возникали сложности. К моменту погрома 1949 г. он работал в Пушкинском Доме в должности заведующего сектором западных литератур, но последствия переименования Института литературы в Институт русской литературы не замедлили сказаться. Весной 1950 г. сектор был расформирован, а В. М. Жирмунский с 1 марта 1950 г. уволен из ИРЛИ. Лишь распоряжением Президиума АН СССР он был зачислен на должность старшего научного сотрудника[85], а с 1 декабря 1950 г. переведен на такую же должность в Ленинградский филиал Института языкознания (преобразованный после вмешательства И. В. Сталина в вопросы языкознания из ИЯМа имени Н. Я. Марра и с того момента подчиненный Москве).

Здесь еще раз необходимо отметить тот факт, что Президиум Академии наук по мере сил стараться помочь «ленинградцам» — Г. А. Гуковскому, В. М. Жирмунскому и др., понимая, очевидно, всю тяжесть их положения.

Таким образом, благодаря званию члена-корреспондента Виктор Максимович смог сохранить работу, да и доплата за академическое звание была важной частью дохода, что позволило ему удержаться от продажи книг и прочего имущества, которым вынуждены были жить М. К. Азадовский и Б. М. Эйхенбаум. Однако до середины 1950-х гг. В. М. Жирмунский занимался преимущественно лингвистикой без возможности печатать свои работы в приемлемом для него виде. Это вынужденное молчание удалось преодолеть в 1956 г., когда после длительного перерыва вышла в свет его очередная книга «Немецкая диалектология» (М.; Л., 1956). Не останавливаясь на характеристике этой фундаментальной монографии, представляющей собой сравнительно-историческую грамматику немецких диалектов, изучением которых В. М. Жирмунский особенно активно занимался в 1920–1930-х гг., важно отметить то обстоятельство, что выход в свет этой книги утвердил Виктора Максимовича в качестве живого классика науки, поскольку именно с этого времени начинается триумфальное общемировое признание научных заслут ученого.

Не последним обстоятельством, позволившим этому свершиться, стало начало оттепели — благодаря послаблению режима В. М. Жирмунский выехал в 1956 г. в ГДР. Именно в Германии началось его чествование: 17 мая 1956 г. В. М. Жирмунский

---

[84] *Берков П. Н., Левин Ю. Д.* Краткий очерк научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности Виктора Максимовича Жирмунского // Академик Виктор Максимович Жирмунский: Биобиблиографический очерк. 3-е изд., испр. и дополн. СПб., 2001. С. 22.

[85] Жирмунский Виктор Максимович / Научные сотрудники Пушкинского Дома, 1905–2005 // Пушкинский Дом: Материалы к истории, 1905–2005. СПб., 2005. С. 445.

был избран членом-корреспондентом Академии наук ГДР. После перевода «Немецкой диалектологии» на немецкий язык (1962) состоялось избрание Виктора Максимовича членом-корреспондентом Британской академии (1962), впоследствии его имя пополнило и списки Датской Королевской (1967), Саксонской (ГДР, 1967) и Баварской (ФРГ, 1970) академий, он был избран почетным доктором ряда европейских университетов, в том числе Оксфордского (1966).

Однако признание за границей отнюдь не означало, что он будет признан на родине: в 1957 г. он был лишь переведен с должности старшего научного сотрудника сектора на должность заведующего сектором индоевропейских языков Института языкознания. Только в 1958 г. он смог вернуться на филологический факультет Ленинградского университета: при разделении кафедры германской филологии на три отдельных (немецкой, скандинавской и английской) его пригласили занять место заведующего кафедрой немецкой филологии.

Но чтобы получить право оставаться ученым в Советской стране, Виктор Максимовичу до конца своих дней приходилось отрекаться от «грехов» молодости. В 1965 г. П. Н. Берков писал:

> «В апреле 1957 г. в Москве состоялась дискуссия по вопросу о реализме в мировой литературе. Выступая на одном из заседаний, В. М. Жирмунский сказал: “Художник, связавший свою судьбу с революцией, с социализмом, должен освобождаться от пережитков антиреализма, эстетики модернизма, господствующих в современной зарубежной литературе. Мы видим сейчас на примере многих писателей стран народной демократии, что это дается нелегко, как в свое время далось нелегко и многим из нас, представителям старого поколения советских литераторов”.
>
> За четыре с лишним десятилетия до того, как были произнесены эти простые, искренние слова, исследовательские интересы начинавшего в то время свою научную деятельность В. М. Жирмунского были направлены как раз в сторону антиреализма, в сторону эстетики модернизма. От своих книг и статей ранних лет “Немецкий романтизм и современная мистика” (1914), “Религиозное отречение в истории романтизма” (1919), “Преодолевшие символизм” (1916) и “О поэзии классической и романтической” (1920) В[иктор] М[аксимович] проделал большой, сложный и, как он сам признается, нелегкий путь к своим современным — в полном смысле этого слова — советским, марксистско-ленинским научным трудам. <...>
>
> В предисловии к сборнику статей “Вопросы теории литературы” (1928) В. М. Жирмунский признал, что “в настоящее время так называемый ‘формальный метод’ уже становится достоянием истории и историографии”. В эти годы он и многие филологи, его сверстники, литературоведы и языковеды, в результате активного участия в общественной и научной жизни советской родины, обратились к серьезному изучению марксизма-ленинизма, к усвоению метода диалектического материализма и применению его к материалам филологической науки.
>
> Путь этого усвоения не был простым, легким и быстрым. Не раз еще пришлось В. М. Жирмунскому, как и другим ученым его поколения, кабинетно изучавшим марксизм, углублять и уточнять свои методологические позиции. Но только овладев в полной мере марксизмом-ленинизмом, сумел он привести в стройную филологическую систему свои огромные знания, глубоко научную методику, свою фанатичную преданность отечественной науке»[86].

[86] *Берков П. Н.* Краткий очерк научно-исследовательской, педагогической и общественной

Несмотря на положение патриарха филологии, каковым с 1960-х гг. почитался Виктор Максимович, его избрание в 1966 г. действительным членом Академии наук СССР стоит рассматривать в условиях советской действительности как счастливую случайность. Более 20 лет В. М. Жирмунский, для которого звание академика было, если так можно выразиться, вожделенным, безуспешно пытался его получить. Начиная с академических выборов 1943 г. он шел к этой цели, активно участвуя в деятельности Академии наук, взваливая на себя организационную работу по Отделению литературы и языка, выполняя бесконечные поручения Президиума... Несмотря на все это, конкуренция была очень высока.

Кроме того, в годы развития космонавтики и ядерной физики вакансии академиков для Отделения литературы и языка порой вообще не открывались. Если не считать уникальные выборы 4 июня 1949 г., устроенные исключительно для возведения в академики «организатора науки» А. В. Топчиева, то после 1946 г. очередные выборы состоялись лишь 26 октября 1953 г., но тогда по Отделению литературы и языка академиков не избирали вовсе. На следующих выборах, 20 июня 1958 г., по Отделению было избрано сразу пять академиков: востоковед Н. И. Конрад, литературоведы А. И. Белецкий и М. П. Алексеев, писатели К. А. Федин и М. Ф. Рыльский. На следующих трех академических выборах — 10 июня 1960 г., 29 июня 1962 г. и 26 июня 1964 г. — по Отделению литературы и языка не было избрано ни одного академика. Только 1 июля 1966 г., когда по Отделению были открыты две вакансии, В. М. Жирмунский был избран академиком, причем в компании с «выдающимся советским литературоведом» М. Б. Храпченко. Стоит предположить, что если бы место было только одно, то Виктор Максимович опять бы остался не у дел, поскольку Михаила Борисовича тогда было просто «невозможно» не избрать, ведь в 1967 г. ему предстояло стать академиком-секретарем Отделения и членом Президиума АН СССР[87].

Скончался В. М. Жирмунский 31 января 1971 г., в возрасте 79 лет; ему, единственному из жертв 1949 г., удалось дожить до того момента, когда никто уже не смел бесчестить его или даже оспаривать его роль в отечественной филологии.

Вдова М. К. Азадовского Лидия Владимировна писала тогда:

> «Сегодня у нас у всех тяжкий день. В 8 часов утра скончался В. М. Жирмунский... Ушел из жизни филолог № 1. Второго такого нет и не предвидится. Филология понесла ни с чем не сравнимые потери за последние 6 месяцев. В августе — В. Я. Пропп[88], в сентябре — Ю. Г. Оксман, в октябре — Н. И. Конрад, в ноябре — И. М. Тронский и вот сейчас В. М. Жирмунский. Снято целое поколение ученых...»[89]

Виктор Максимович был похоронен в Комарове, а среди тех, кто нес гроб с его телом, были И. А. Бродский и Е. Г. Эткинд.

деятельности [В. М. Жирмунского] // Виктор Максимович Жирмунский / Материалы к биобиблиографии ученых СССР: Серия литературы и языка. М., 1965. Вып. 5. С. 23–25.

[87] Академические выборы 1966 г. современниками воспринимались как «исторические» — в силу оказанного сопротивления навязываемым кандидатам; причем забаллотированы были многие креатуры ЦК (но, как видно на примере ОЛЯ, далеко не все). Противодействие оказывалось не только на заседаниях отделений, но и на Общем собрании. Некоторые подробности этих выборов сохранились в письмах Н. И. Конрада, который был членом экспертной комиссии ОЛЯ (см.: «Голос источников»: К истории несостоявшейся публикации (Н. И. Конрад — Б. Б. Вахтин) / Публ. М. Ю. Сорокиной // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 314–315, 333–334).

[88] Владимир Яковлевич намеренно не включен нами в число персоналий этого раздела. Являясь жертвой эпохи, он не может быть назван жертвой 1949 г.

[89] *Малютина А. И.* Дорогие мои Азадовские // Воспоминания о М. К. Азадовском. С. 119. (Цитируется письмо Л. В. Азадовской к А. И. Малютиной от 31 января 1971 г.)

ГЕРОИ

Этот раздел зримо превосходит предыдущий, но исключительно потому, что четырем жертвам 1949 г. были и еще будут посвящены статьи, монографии, жизнеописания... Эти четыре человека давно заняли свое почетное место в пантеоне отечественной науки о литературе; более того, они стали символами этой науки. Им и их работам предстоит еще очень долгая жизнь.

Что же касается героев, «людей 49-го года», то они, взмыв, как пена на гребне тоталитарно-коммунистической волны, забудутся, и материалы к их биографии мало кого будут интересовать. Приговор научным работам таких литературоведов, как А. Г. Дементьев, академик А. С. Бушмин, член-корреспондент Г. П. Бердников, академик-секретарь М. Б. Храпченко и им подобные, время, как кажется, уже вынесло. В этой связи приходит на память малоизвестное стихотворение начала века:

Нам ваша ересь непонятна,
Труды смешны.
Вы — нежелательные пятна
Родной страны.
Как волки вы в овечьей шкуре
В печать вошли,
Но ничего литературе
Не принесли...[90]

Их работы прожили очень короткую жизнь и могут теперь служить только в качестве источника для изучения истории науки о литературе под идеологическим диктатом.

А. С. Бушмин

«Академик Алексей Сергеевич Бушмин принадлежит к числу выдающихся представителей советской литературной науки периода ее формирования и послевоенного развития. Именно это поколение ученых на протяжении почти полустолетия определяло содержание, характер и направление поисков в литературоведении. Поэтому, обращаясь к научному наследию академика А. С. Бушмина, следует иметь в виду не только непосредственные итоги и результаты его долгого, напряженного, подвижнического труда, но и те исторические обстоятельства, в которых этот труд осуществлялся, прямо отражая нужды и запросы времени и постоянно с ними координируясь. В таких условиях А. С. Бушмин являл собой тип ученого, счастливо сочетающего талант и знания исследователя с великолепными организаторскими способностями. Результаты же научного труда А. С. Бушмина столь значительны по своему воздействию на развитие литературоведения, что заниматься сейчас разработкой проблем, которые он решал, без учета его вклада в эти области уже невозможно. Ученый оставил не просто след в науке, а проложил в ней новые пути, по которым долгие годы будут идти его последователи и ученики»[91].

---

[90] *Клементц Н. [Степанов Н. В.]* Грусть и смех: Стихотворения лирические, юмористические, провинциальные заметки, шуточные наброски и проч. (1901–1903). М., 1904. С. 205.

[91] *Баскаков В. Н.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [А. С. Бушмина] // Алексей Сергеевич Бушмин, 1910–1983 / Материалы к биобиблиографии ученых СССР: Серия литературы и языка. М., 1990. Вып. 18. С. 7.

Эти слова В. Н. Баскакова, опубликованные в 1990 г., удивительно правдивы. Здесь соратник и ученик А. С. Бушмина не кривит душой. Именно таким, как А. С. Бушмин, партийная власть доверила судьбу отечественной науки, и именно это поколение — людей 49-го года — «на протяжении почти полустолетия определяло содержание, характер и направление поисков в литературоведении».

После событий 1949 г. кандидат филологических наук А. С. Бушмин возглавил сектор советской литературы (на правах исполняющего обязанности)[92], в 1950 г. Ученый совет Пушкинского Дома утвердил его в звании старшего научного сотрудника[93], а с 1951 г. А. С. Бушмин стал заместителем директора Пушкинского Дома, продолжая активно разрабатывать наследие А. А. Фадеева[94].

Когда же 23 октября 1953 г. директор ИРЛИ Н. Ф. Бельчиков был избран наконец-то членом-корреспондентом Академии наук СССР, то негласное условие, по которому он в 1949 г. согласился возглавить Пушкинский Дом, было исполнено. С того момента Николай Федорович начал настойчиво просить Президиум Академии наук убрать его из Ленинграда. В 1954 г. слухи о вакансии, которая вот-вот откроется в Пушкинском Доме, роились в обеих столицах. 19 июля 1954 г. М. К. Азадовский писал:

> «...О здоровьи Бельчикова — не знаю; слыхал краем уха, что его хотят посадить деканом филфака в МГУ, — бедные профессора! Бедная наука!»[95]

Ю. Г. Оксман сообщал 19 августа 1954 г. московские слухи на этот счет:

> «В директора П[ушкинского] Д[ома], кроме М[ихаила] П[авлович]а [Алексеева], выдвигаются Храпченко (не пойдет сам) и Онуфриев (пойдет охотно). Но решающее слово будет принадлежать не Акад[емии] наук, а Ленингр[адскому] обкому»[96].

О том, кого в Пушкинском Доме примеряли к креслу Н. А. Котляревского, рассказал М. К. Азадовский:

> «Дворня сама выдвинула 4-х кандидатов: Б. П. Городецкого, В. А. Ковалева, В. Г. Базанова и 4 (умри, лучше не придумаешь!)... Никиту Пруцкова. Впрочем, все это с оговор-

---

[92] 15 февраля 1950 г. партбюро Пушкинского Дома утвердило его характеристику:

«Как научный сотрудник Института т. Бушмин А. С. характеризуется партийной принципиальностью и умением правильно подойти к вопросам литературы с позиций марксизма-ленинизма. Политически развит хорошо. Систематически работает над изучением трудов классиков марксизма-ленинизма. Партбюро выделило т. Бушмина консультантом по истории ВКП(б).

Тов. Бушмин А. С. принимал самое активное участие в идейном разгроме космополитов и формалистов весной 1949 г. и критике бывшего порочного руководства институтом (и. о. директора Плоткин Л. А.), а также в коренной перестройке работы института в последнее время. Пользуется авторитетом в партийной организации и среди научных сотрудников института.

В партийной и общественной жизни института принимает повседневное и активное участие. В 1948–1949 г. был членом партийного бюро (заместителем секретаря партбюро). За время пребывания в парторганизации с октября 1946 г. выполнил ряд ответственных партийных поручений (по выборам в Верховный Совет РСФСР и местные советы, по проверке преподавания литературы в средних школах Василеостровского района, по проверке работы Института языка и мышления АН СССР и др.). Дисциплинирован, инициативен, настойчив в выполнении заданий. Партии Ленина—Сталина и социалистической родине предан» (ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 3. Д. 2. Л. 10).

[93] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 1 (1950 г.). Д. 26. Л. 38 об.

[94] Итогом работы этих лет станет монография «Роман А. Фадеева “Разгром”» (Л., 1954).

[95] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 368. (Цитируется письмо М. А. Сергееву.)

[96] Там же. С. 367.

кой, если до той поры не защитит диссертации Бушмин. Так что тут еще можно ожидать много ярких и интересных перспектив»[97].

Марк Константинович полагал, что для руководства Пушкинским Домом все-таки нужно иметь докторскую степень...

21 апреля 1955 г. Н. Ф. Бельчиков оставил пост директора ИРЛИ[98], а Президиум Академии наук СССР по согласованию с Ленинградским обкомом КПСС поставил на его место устраивавшую всех кандидатуру:

«На кандидата филологических наук А. С. Бушмина возложено временное исполнение обязанностей директора Института русской литературы (Пушкинский Дом). Член-корреспондент АН СССР Н. Ф. Бельчиков освобожден от обязанностей директора этого института согласно личной просьбе»[99].

В 1959 г. А. С. Бушмин защитил в ИМЛИ имени Горького докторскую диссертацию на тему «Сатира Салтыкова-Щедрина», тогда же вышла его одноименная монография[100]. А став доктором филологических наук, Алексей Сергеевич на следующих же академических выборах — 10 июня 1960 г. — избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР (одновременно тогда членом-корреспондентом был избран и П. Н. Берков).

С того времени научные интересы А. С. Бушмина перемещаются в зыбкую область теории и методологии литературоведения. Согласно выступлению 1967 г. в Президиуме Академии наук, его точка зрения выглядит вполне канонической:

«В качестве антипода социалистического реализма А. С. Бушмин рассматривает буржуазный модернизм, враждующий с прогрессивными общественными идеалами и объективным художественным познанием жизни. К изучению модернизма, указал докладчик, необходимо подходить конкретно-исторически, учитывая сложность и противоречивость этого направления, особенности творчества и биографии отдельных его представителей. Но при этом нельзя забывать, говорилось в докладе, что реализм и модернизм принципиально враждебны друг другу, и делать неверный методологический вывод о плодотворности “модернистской стадии” в формировании реализма»[101].

«К 1965 г., когда А. С. Бушмин полностью переключился на научную работу, передав руководство институтом члену-корреспонденту АН СССР В. Г. Базанову, Пушкинский Дом по целому ряду направлений и отраслей литературоведения был уже ведущим научным центром в стране. В 1969 г. А. С. Бушмин организует в Пушкинском Доме сектор теоретических исследований литературы. Здесь сосредоточиваются все исследования теоретического характера, опирающиеся на широкую историко-литературную основу. Один за другим под руководством А. С. Бушмина создаются коллективные труды:

---

[97] Там же. С. 376. (Письмо М. К. Азадовского Ю. Г. Оксману от 21 сентября 1954 г.)

[98] Ср. мемуар Р. Ш. Ганелина: «Во главе Пушкинского Дома стоял старый московский литературовед Н. Ф. Бельчиков, прибывший в составе послепопковского партийного десанта. Он был у новой ленинградской партийной власти на самом хорошем счету. Но возглавлявший ее один из будущих “вождей” Ф. Р. Козлов почел за благо от него избавиться. <...> Наступала необходимость убрать приезжих, начиная с наиболее видных из них. Помню рассказ Б. Я. Бухштаба о прощальном напутствии Козлова Бельчикову: “Поезжайте, Николай Федорович, поживите в Москве, отдохните, времена меняются, а люди нам всегда нужны”» (*Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. С. 108).

[99] Назначения и перемещения: (В Президиуме Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. М., 1955. № 5. С. 74.

[100] *Бушмин А. С.* Сатира Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1959.

[101] Методологические проблемы литературоведения: Заседание секции общественных наук / В Президиуме Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1967. № 6. С. 28.

"Историко-литературный процесс: Проблемы и методы изучения" (1974), "О прогрессе в литературе" (1977), "Взаимодействие наук при изучении литературы" (1981), "Методологические вопросы науки о литературе" (1984). Впервые в истории Пушкинского дома теория литературы и методология литературы становятся в ряд равноправных дисциплин литературной науки» [102].

Оставив временно кресло директора Пушкинского Дома, А. С. Бушмин продолжает занимать ряд важных постов, в том числе члена бюро Отделения литературы и языка АН СССР. Именно во второй половине 1960-х гг. он начал преподавать на кафедре советской литературы филологического факультета ЛГУ и тогда же стал профессором Ленинградского университета. В 1969 г. он уже обширно цитирует Г. А. Гуковского, называя его утверждения «достаточно обоснованными» [103].

В 1970 г. Академия наук СССР торжественно отметила юбилей ученого:

«Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1970 г. за заслуги в развитии филологической науки, подготовке научных кадров и в связи с 60-летием со дня рождения член-корреспондент АН СССР А. С. Бушмин награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Это второй орден Трудового Красного Знамени, которым отмечена плодотворная деятельность ученого. А. С. Бушмин — выдающийся советский литературовед, работающий в области теории и истории литературы. Основной предмет его исследований — русская классическая и советская литература. С последовательных марксистско-ленинских позиций А. С. Бушмин разрабатывает наиболее важные и актуальные проблемы теории и истории литературы, методологии литературоведения. Ему принадлежат такие капитальные работы, как "Сатира Салтыкова-Щедрина", "'Сказки' Салтыкова-Щедрина", "Роман А. Фадеева 'Разгром'", "Методологические вопросы литературоведческих исследований" и др. Под его непосредственным руководством в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР был создан коллективный труд "Наследие Ленина и наука о литературе". А. С. Бушмин — член редколлегии журнала "Русская литература", редактор и автор статей в таких изданиях, как "История русской литературы", "Вопросы советской литературы", "История русского романа", "Вопросы методологии литературоведения", собрания сочинений И. С. Тургенева и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Плодотворную исследовательскую деятельность А. С. Бушмин сочетает с большой преподавательской и общественной работой. Он является профессором Ленинградского университета, председателем Комиссии по координации деятельности ленинградских гуманитарных научных учреждений Академии наук СССР, членом ряда научных советов и обществ» [104].

В 1977 г. А. С. Бушмин вновь становится директором Пушкинского Дома, а 15 марта 1979 г. избирается действительным членом Академии наук СССР. В 1982 году он получил еще одну академическую награду:

«Президиум Академияи наук СССР присудил премию им. В. Г. Белинского академику Алексею Сергеевичу Бушмину за работы "Преемственность в развитии литературы", "Наука о литературе: Проблемы. Суждения. Споры".

---

[102] *Баскаков В. Н.* Указ. соч. С. 20–21.

[103] *Бушмин А. С.* О критериях точности в литературоведении // Русская литература. Л., 1969. № 1. С. 79–80.

[104] Юбилеи ученых // Вестник Академии наук СССР. М., 1971. № 2. С. 136–137.

> В работах А. С. Бушмина глубоко освещены актуальные проблемы теории литературного развития, методологии литературоведения. В них на обширном историко-литературном материале исследуется соотношение методологии литературоведения с общей научной методологией и с теорией литературы, выявляются специфические особенности науки о литературе, определяется ее место среди других гуманитарных наук» [105].

Умер А. С. Бушмин 19 марта 1983 г. на посту директора Пушкинского Дома, скоропостижно, в возрасте 72 лет и был похоронен в Комарове. «Память об А. С. Бушмине, большом ученом, коммунисте и прекрасном человеке, навсегда останется в сердцах всех, кто знал его, работал с ним, учился у него» [106].

Особенно стоит отметить тот факт, что в его библиографии учтена, кроме прочего, и следующая публикация: «Б. М. Эйхенбаум: [Некролог] // Ленингр. правда. 1959. 26 нояб. Совм. с др.» [107]

На знаменитом Доме академиков на углу 7-й линии Васильевского острова среди двадцати девяти мемориальных досок в память столпов русской науки в 1990 г. появилась и такая: «В этом доме с 1966 по 1983 год жил и работал крупный советский литературовед, академик Алексей Сергеевич Бушмин» [108].

Г. П. Бердников

Еще 6 февраля 1949 г. «Вечерний Ленинград» сообщил о конкурсе на замещение вакантной должности доцента филологического факультета ЛГУ по кафедре истории русской литературы. 13 апреля конкурсная комиссия филологического факультета приняла решение о назначении на эту вакансию Г. П. Бердникова. 29 июня 1949 г. решение было проведено через Ученый совет ЛГУ. 7 сентября 1949 г. он был утвержден в звании доцента ГУУ МВО СССР, а 10 декабря 1949 г. окончательное решение принял ВАК.

Политический портрет доцента дает характеристика Г. П. Бердникова, представленная ректоратом и парткомом ЛГУ 13 июня 1949 г.:

> «Тов. Бердников Г. П. является способным творческим работником советского литературоведения. Его кандидатская диссертация "Драматургия Чехова" обнаружила его научную зрелость и глубину мысли в органическом сочетании с остротой партийного подхода к литературным явлениям. Содержательны и другие научные работы тов. Бердникова Г. П. по Горькому и Чехову.
>
> Тов. Бердников Г. П. зарекомендовал себя как хороший педагог. В университете он читал и читает общий курс истории русской литературы XIX века и ведет специальный семинар.
>
> Тов. Бердникова Г. П. характеризует партийный подход к литературоведческой науке и острая принципиальность, что дало возможность партийной организации факультета избрать его секретарем партийного бюро. Под руководством тов. Бердникова Г. П. коммунисты факультета повели активную борьбу за выполнение исторических

---

[105] Присуждение премий Академии наук СССР // Там же. М., 1983. № 5. С. 135.

[106] Алексей Сергеевич Бушмин: [Некролог]: (Памяти ученых) // Там же. М., 1983. № 6. С. 115.

[107] Алексей Сергеевич Бушмин, 1910–1983. С. 36.

[108] Мемориальные доски Санкт-Петербурга: Справочник. СПб., 1999. С. 142.

решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, против пережитков буржуазно-космополитических идей в литературоведении.

Проявление тов. Бердниковым Г. П. качеств научного работника, организатора и коммуниста-общественника позволили выдвинуть его на должность декана факультета. Будучи деканом, тов. Бердников Г. П. сумел направить работу кафедр и профессорско-преподавательского состава на выкорчевывание остатков космополитизма и формализма в научно-педагогической работе.

Опираясь в своей работе на помощь партийной организации, тов. Бердников Г. П. организовал отпор сторонникам буржуазно-космополитической школы Веселовского на факультете, вынудил их публично признать свои ошибки. Под руководством тов. Бердникова Ученый совет факультета разоблачил и осудил порочность космополитических взглядов отдельных профессоров (В. М. Жирмунского, Б. М. Эйхенбаума, М. К. Азадовского и Г. А. Гуковского и некоторых других)» [109].

В начале 1950/51 учебного года Г. П. Бердников подал заявление об увольнении с поста декана «для написания докторской диссертации» [110], оставаясь членом партбюро факультета. 12 октября 1950 г. ректор ЛГУ А. А. Ильюшин подписал приказ об освобождении его от должности [111], а 13-го числа министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов подписал приказ № 1849, в котором говорилось:

«За успешное руководство работой филологического факультета Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А. А. Жданова доценту Бердникову Георгию Петровичу объявляю благодарность» [112].

Одновременно с оставлением поста (возможно, что именно для этого) Г. П. Бердников был избран членом Василеостровского райкома ВКП(б) и вошел в бюро райкома, а с 1951 г. был членом пленума райкома.

В феврале 1952 г. министр высшего образования СССР В. Н. Столетов назначил Г. П. Бердникова директором 1-го Ленинградского государственного института иностранных языков, в связи с чем он вынужден был остаться в ЛГУ лишь на полставки. Он покинул Василеостровский райком партии и был кооптирован в состав Смольнинского райкома, а также вошел в партбюро своего нового института.

В 1955 г. Смольнинский райком выдал ему характеристику, где отмечалось:

«За время работы директором 1-го Ленинградского государственного педагогического института иностранных языков Бердников Г. П. проявил себя как хороший организатор, принципиальный и честный работник. За короткий срок провел значительную работу по укреплению института. Смело выдвигает молодые кадры на ответственную работу и оказывает им большую помощь советом и делом, передает свой богатый опыт организационной работы. Много внимания уделяет развитию научно-исследовательской работы в институте. <...>

---

[109] ОДО СПбГУ. Личное дело Г. П. Бердникова. Л. 34–34 об.

[110] Одновременно Г. П. Бердникову предлагалось место и в Пушкинском Доме; ср. фрагмент выступления Н. Ф. Бельчикова на партсобрании ИРЛИ 18 января 1951 г.: «Одним из серьезных упреков постановления Президиума было указание на необходимость пополнения института квалифицированными сотрудниками. Дирекция института предпринимала меры к выполнению этого требования Президиума и неоднократно обращалась в вышестоящие организации Ленинграда с просьбой перевести в институт таких работников, как т. Дементьев и т. Бердников. Однако эти работники не были переведены в институт» (ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 4. Д. 1. Л. 9–10).

[111] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 3279 от 12 октября 1950 г.

[112] Там же. № 3557 от 2 ноября 1950 г.

Тов. Бердников является политически грамотным коммунистом, постоянно повышает свой идейно-теоретический уровень. Обладает большой силой убеждения. Пользуется заслуженным авторитетом у коллектива работников института и у студентов»[113].

В годы директорства он продолжает научную деятельность, особенно в связи с предметом будущей докторской диссертации — творчеством И. С. Тургенева. Показательным примером в данном случае является вышедший в 1953 г. объемный сборник «Тургенев и театр»[114], о принципах издания которого упоминает в 1954 г. Ю. Г. Оксман в письме К. И. Чуковскому:

«Ведь у меня украдены сотни печатных листов установленных мною за двадцать пять лет критических текстов всей прозы Пушкина, пяти томов Тургенева, четырех томов Добролюбова, полного собрания Гаршина, полного собрания Рылеева, трех томов первоисточников по декабристам. Украли десятки листов работ и сотни две листов комментариев. Все это перепечатывается, все это наспех пересказывается, редко с глухими упоминаниями обо мне в каком-нибудь примечании, а чаще без всяких фиговых листков. И кто только не приложил руки к этому беспардонному грабежу! Целые редколлегии (например, трехтомного Добролюбова, огоньковского Тургенева, десятитомного лжеакадемического Пушкина и единоличники вроде Мейлаха, Орлова, Богословского, С. Я. Штрайха, какого-то Берникова [sic!] ("Театр Тургенева" — перепечатано 20 листов статейно-комментаторского материала) и т. д. и т. п.»[115]

В 1955 г. Г. П. Бердников вновь избран доцентом кафедры истории русской литературы филологического факультета ЛГУ, а в 1956 г. оставляет пост директора ЛГПИИЯ и возвращается в университет, где работает до начала 1958 г., когда его назначили начальником сценарного отдела «Ленфильма».

Поскольку Георгий Петрович зарекомендовал себя и в качестве исследователя театра, в сентябре 1959 г. по рекомендации Ленинградского обкома КПСС Министерство культуры РСФСР назначает его директором Научно-исследовательского института театра, музыки и кинематографии (бывшего ГИИИ — «гнезда формалистов»). В 1962 г. происходит реорганизация НИИ (в его состав вливается Театральный институт) в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, ректором которого также назначается Г. П. Бердников.

Он казался сослуживцам идеальным директором — был доброжелателен и корректен. В то время его продвижение вверх по партийно-государственной лестнице уже могло происходить без погромов.

«Любопытно, что там, по рассказам, он держался либерально, был к людям благожелательным, преподаватели его высоко ценили. Несомненно умный, довольно серьезный исследователь творчества А. П. Чехова, он, когда изменилась обстановка, старался забыть о своем прошлом и вести себя так, чтобы и другие забыли»[116].

---

[113] Там же. Личное дело Г. П. Бердникова. Л. 74.

[114] Тургенев и театр: [Драматические произведения, статьи, письма / Ред., вступ. статья и примеч. Г. П. Бердникова]. М., 1953.

[115] *Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка, 1949–1969. С. 51. (8 марта 1954 г.)

[116] *Рейфман П.* Дела давно минувших дней. С. 30.

К. М. Азадовский и Б. Ф. Егоров приводят следующую цитату из выступления Г. П. Бердникова в ИМЛИ в 1987 г.: «О моих отношениях с ленинградскими учеными. С ними меня связывали самые добрые чувства — с Жирмунским, Алексеевым и другими, кроме, пожалуй, Азадовского.

Во время руководства ЛГИТМИК Г. П. Бердников в качестве совместителя преподавал на филологическом факультете (вел спецкурс по творчеству А. П. Чехова, спецсеминары, руководил аспирантами). 21 февраля 1962 г. он защищает на филологическом факультете ЛГУ докторскую диссертацию по теме «А. П. Чехов. Идейные и творческие искания», а в 1963 г. ВАК утверждает его в ученом звании профессора кафедры истории русской литературы.

В том же 1963 г. он назначается на пост первого заместителя министра культуры РСФСР и навсегда покидает Ленинград. После трех лет работы в этой должности он опять идет на повышение, но уже по партийной линии — в 1967 г. его переводят на работу в аппарат ЦК КПСС на должность консультанта Отдела культуры ЦК, где Г. П. Бердников проработал почти десять лет — до декабря 1976 г. Несмотря на то что документы о его деятельности в аппарате ЦК сейчас недоступны, об одном из аспектов его обязанностей свидетельствует следующий рассказ:

> «Бывший работник аппарата ЦК, директор ИМЛИ, член-корреспондент Академии наук Бердников рассказывал, как он писал текст доклада Брежнева. Написал. Передает ответственному лицу. Ответственное лицо возвращает – без замечаний. И так шесть раз. Он плюнул и принес первоначальный текст. Приняли» [117].

Кроме основного места работы, что было обычным делом для сотрудников аппарата ЦК, Г. П. Бердников был совместителем на многих номенклатурных должностях, в том числе входил в состав президиума Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства.

26 ноября 1974 г. Академия наук СССР почтила Г. П. Бердникова избранием в члены-корреспонденты по Отделению литературы и языка. Формально он был выдвинут Ленинградским государственным институтом театра, музыки и кинематографии, но свои рекомендательные письма написали и некоторые ученые, в том числе члены-корреспонденты АН СССР Н. Ф. Бельчиков, Б. Г. Реизов, В. Н. Ярцева.

На следующий год торжественно отмечалось 60-летие выдающегося советского литературоведа. Журнал «Известия Академии наук СССР» посвятил ему отдельную статью, которая начиналась словами:

С 1934 по 1961 год я был связан с ЛГУ, с филологическим факультетом. Прошел путь от студента до профессора, там же защитил диссертацию, за которую было подано 48 голосов из 49-ти. Меня спрашивают о Гуковском. С ним, до самых последних дней перед арестом, я был в дружеских отношениях» (*Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* «Космополиты». С. 120).

[117] *Борев Ю.* Власти-мордасти. С. 229.

Кроме того, не исключено, что именно Г. П. Бердников был тем самым «неизвестным» из московских высоких инстанций, который узрел в 1968 г. в сигнальном экземпляре двухтомника «Мастера русского стихотворного перевода» в «Библиотеке поэта» идеологическую диверсию во фразе Е. Г. Эткинда: «В советскую эпоху происходит удивительный процесс, когда ряд крупнейших поэтов становятся профессиональными переводчиками. Это можно сказать о Б. Пастернаке, С. Маршаке, А. Ахматовой, Н. Заболоцком, Л. Мартынове, П. Антокольском (если ограничиться только старшим поколением). Общественные причины этого процесса понятны. В известный период, в особенности между XVII и XX съездами, русские поэты, лишенные возможности выразить себя до конца в оригинальном творчестве, разговаривали с читателем языком Гете, Орбелиани, Шекспира и Гюго. Так или иначе, 30-е, 40-е и 50-е годы оказались для развития поэтического перевода в СССР сказочно плодотворными. Это искусство поднялось у нас на такой уровень, какого нет ни в одной стране мира...» (цит. по: *Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. С. 160).

«21 июня 1975 г. исполнилось 60 лет со дня рождения видного советского литературоведа, педагога, организатора науки, члена-корреспондента АН СССР, доктора филологических наук, профессора Г. П. Бердникова. Весь жизненный и творческий путь юбиляра характеризуют целеустремленность, беззаветная преданность науке и высокая гражданственность»[118].

Особенно отмечалось участие Г. П. Бердникова в работе Ленинградского университета: «С этим крупнейшим высшим учебным заведением страны тесно связан большой и плодотворный период в жизни и деятельности ученого»[119].

В контексте приведенного выше отзыва Ю. Г. Оксмана о приемах литературоведческого исследования Г. П. Бердникова любопытны и следующие строки:

«Впервые в отечественной науке так полно и основательно было изучено Г. П. Бердниковым драматургическое наследие Тургенева. Результатом этой сложной и кропотливой работы явились книги: “Тургенев. 1818–1883” (1951 г.)[120] и “Тургенев и театр” (1953 г.). В них очень точно и выразительно характеризуются специфические особенности тургеневской драматургии и те открытия и находки в ней, которым принадлежало будущее»[121].

В 1976 г. Академия наук СССР присудила ему еще одну награду:

«Премия им. В. Г. Белинского 1976 г. в размере 2000 руб. присуждена члену-корреспонденту АН СССР Георгию Петровичу Бердникову за цикл исследований о А. П. Чехове (“А. П. Чехов. Идейные и творческие искания”, “Чехов — драматург: Традиции и новаторство в драматургии А. П. Чехова”, “Чехов”).

Работы Г. П. Бердникова — фундаментальные исследования, вносящие большой вклад в освещение творческой биографии А. П. Чехова, его литературного наследия. Их отличает точность методологических критериев, глубокое проникновение в художественный мир писателя, аналитическое освещение сложных историко-литературных и теоретических проблем. В этих трудах дана глубокая и всесторонняя характеристика общественных позиций Чехова. Идейные и творческие искания писателя рассматриваются в тесной связи с общественно-литературным движением конца XIX — начала XX в. Исследуя проблему формирования Чехова-писателя, становления его творческого метода, автор показывает воздействие на него традиций русского психологического романа, демократической литературы 60–70-х годов, творчества его предшественников и современников — Гоголя, Тургенева, Щедрина, Островского, Гаршина, Короленко, Горького. Обстоятельно и убедительно показано своеобразие творческого новаторства Чехова, значение его художественных открытий для русской и мировой литературы.

---

[118] *Иезуитов А. Н.* Член-корреспондент АН СССР Георгий Петрович Бердников: (К 60-летию со дня рождения) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1975. Т. 34. № 5. С. 476.

Автор этого панегирика Андрей Николаевич Иезуитов (род. 1931) также имеет непосредственное отношение к ленинградскому литературоведению и застал Г. П. Бердникова еще «в силах» на филологическом факультете, который окончил в 1954 г. С 1959 г. он сотрудник ИРЛИ, в 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Вопросы реализма в эстетике К. Маркса и Ф. Энгельса», в 1973 г. — докторскую «В. И. Ленин и вопросы реализма»; с 1978 г. заместитель директора ИРЛИ по научной работе, в 1983–1987 гг. директор.

[119] Там же. С. 476.

[120] Речь идет о книге: *Бердников Г. П.* Иван Сергеевич Тургенев, 1818–1883 / Русские драматурги: Научно-популярные очерки. М.; Л., 1951. — 143 с., издание малоформатное.

[121] *Иезуитов А. Н.* Указ. соч. С. 476.

> Значительное место в книгах Г. П. Бердникова отведено исследованию чеховской драматургии, раскрытию непреходящего значения ее традиций. Одно из достоинств трудов Г. П. Бердникова — глубокое освещение стиля и поэтики произведений Чехова, характеристика чеховского психологизма, анализ принципов создания характеров.
>
> Обращаясь к биографии А. П. Чехова, Г. П. Бердников раскрывает нерасторжимое единство жизни и творчества писателя, показывает историю его гражданского и творческого самоопределения, историю художественных свершений этого талантливого русского писателя»[122].

1 января 1977 г. Г. П. Бердников встал у руля советского литературоведения — Президиум АН СССР назначил его директором Института мировой литературы имени А. М. Горького, и проработал он на этом посту ровно десять лет, до 1987 г. В 1978 г. был утвержден председателем Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Закономерности развития мировой литературы в современную эпоху»[123]. В дальнейшем он претендовал и на лавры академика (в том числе на выборах 1981[124] и 1984[125] гг.), но не преуспел (в 1981 г. был избран Г. В. Степанов, в 1984 г. — Т. В. Гамкрелидзе, Д. Ф. Марков и Б. А. Серебренников). В 1985 г. Г. П. Бердников был удостоен Государственной премии СССР за книгу «А. П. Чехов: Идейные и творческие искания»[126].

И. З. Серман, повествуя в 1982 г. об отношениях Г. П. Бердникова и Г. А. Гуковского, писал:

> «Не знаю, появляются ли у него сомнения, раскаивается ли он в своем предательстве. Скорее всего — нет. Он давно уже на важном цековском посту, отказывается менять его на директорство в Пушкинском Доме, стал директором Института мировой литературы и членом-корреспондентом Академии наук СССР, которая ухитрилась не заметить и не включить в число своих членов ни Томашевского, ни Эйхенбаума, ни Проппа, ни Бахтина, не говоря уже о Гуковском»[127].

В 1989 г. Ленинградское телевидение показало в цикле «Пятое колесо» документальный фильм «Разгром», повествующий о событиях 1949 г., куда вошло и телефонное интервью бывшего декана филологического факультета:

> «Судьба моя сложилась так, что вскоре после демобилизации осенью 1946 года, написания и защиты кандидатской диссертации я был назначен деканом и стал председателем Ученого совета факультета. На этом посту меня и застала очередная волна разоблачений так называвшихся тогда космополитов. Заработала отлаженная машина: за меня взялись в горкоме партии; вызвали в Москву на заседание коллегии Министерства высшего образования, где мне тоже было сделано строжайшее внушение. Требовали мер самых решительных. Предупреждали: не обеспечу — отдам партийный билет.

---

[122] Присуждение премий Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1977. № 3. С. 149–150.

[123] Научно-организационные решения Президиума Академии наук СССР // Там же. М., 1978. № 4. С. 137.

[124] От Академии наук Союза Советских Социалистических Республик: [Списки кандидатов в действительные члены АН СССР на выборах, состоявшихся 29 декабря 1981 г.] // Там же. М., 1981. № 11. С. 127.

[125] От Академии наук Союза Советских Социалистических Республик: [Списки кандидатов в действительные члены АН СССР на выборах, состоявшихся 26 декабря 1984 г.] // Там же. М., 1984. № 11. С. 125.

[126] *Бердников Г. П.* Чехов в моей жизни: (Писатели — лауреаты Государственных премий СССР) // Литературная газета. М., 1985. № 46. 13 ноября. С. 5.

[127] *Серман И.* Григорий Гуковский (1902–1950). С. 209–210.

Проводить или не проводить Ученый совет — такого вопроса стоять не могло. Казалось, что не было вопроса как его проводить. И все ж-таки я решил провести его по-своему.

Я так построил доклад, добился такой направленности предстоящих отборных выступлений, что Совет оказался посвящен не обличению космополитов, как требовалось, а обсуждению космополитизма как научной литературоведческой проблемы.

Важно было и то, что происходило заседание два дня прилюдно, в переполненном большом актовом зале ЛГУ. Завершилось же оно тогда, когда выступили все, кто хотел взять слово.

И вот главный результат: после нелегкой борьбы удалось все ж уберечь профессуру факультета от неизбежных тогда санкций: увольнений, отстранений или мер и того хуже.

Должен повторить то, с чего начал, — я глубоко сожалею, что совет 49-го года имел место. Да, он не превратился в расправу, но неизбежно нес следы той эпохи. Может возникнуть вопрос, почему в этих условиях я не сложил себя своих полномочий, почему не ушел? Не потому, что боялся за свою судьбу. На войне мы привыкли не дрожать даже не за свою жизнь, а о материальных благах мы тогда и не думали. Пугало другое: я знал, кто поведет дело, если я уйду. Знал, что факультет в этом случае ждет настоящий разгром!»[128]

Скончался Георгий Петрович на восемьдесят первом году жизни. Президент РАН Ю. С. Осипов, выступая 26 марта 1996 г. на расширенном заседании Президиума РАН, с прискорбием сообщил, что в числе прочих в 1996 г. отечественная наука потеряла «2 февраля — члена-корреспондента Георгия Петровича Бердникова, известного литературоведа и организатора науки»[129].

И. П. Лапицкий

После весны 1949 г. Игорь Петрович ничуть не изменился — он не искал карьерных благ, предпочитая оставаться рупором суровой большевистской критики. Причем его бескомпромиссная позиция находила поддержку партийного руководства — с 1950 г. он был не только внештатным лектором городского лекционного бюро (с 1953 г. научный руководитель литературной секции)[130], но и неоднократно включался в комиссии Ленинградского обкома ВКП(б) по рассмотрению деятельности Ленинградского университета и Пушкинского Дома, выступал по поручению обкома с обличительными речами в Союзе советских писателей. В университете, однако, его общественная работа не находила должного признания[131].

---

[128] Разгром: Документальный телефильм из цикла «Пятое колесо» / Режиссер В. С. Фиалковский, гл. редактор Б. А. Куркова. Л.: Ленинградское телевидение, 1989. (Личный архив К. М. Азадовского.)

[129] Расширенное заседание Президиума Российской академии наук // Вестник Российской академии наук. М., 1996. Т. 66. № 8. С. 676.

[130] Его деятельность на лекторском поприще была столь плодотворна, что 2 марта 1954 г. партийное собрание филологического факультета вынесло И. П. Лапицкому выговор без занесения в личное дело за неуплату членских взносов с дополнительных заработков.

[131] Когда 30 марта он был утвержден заведующим партийным отделом газеты «Ленинградский университет» (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 62. Л. 86), то уже через месяц партком университета был вынужден отказаться от его услуг. Как сказал в своем выступлении заместитель парторга ЛГУ физик Ф. Д. Клемент, «тов. Лапицкий совершенно не подходит для работы зав. партийным отделом. Это было видно на материале партконференции. В газете странный, нехороший, красновечерешний стиль писать сенсационные фразы, строчить как бы побольше строк, не вникая в смысл, и искажая его. Я свое выступление просто в газете не узнал» (Там же. Л. 118).

Также он продолжал научно-педагогическую деятельность: занимался вопросами исторической грамматики, читал на факультете спецкурсы «Русская археография» и «Язык “Повести временных лет”», ему доверено было даже чтение общего курса «История русского литературного языка» для студентов русского отделения. Занятия И. П. Лапицкого вопросами стилистики привели к написанию работы «Взгляд В. Г. Белинского на предмет стилистики», так и не вышедшей в свет. В 1950 г. он приступил к работе над докторской диссертацией по древнерусской литературе, избрав тему «Историко-литературные вопросы “Повести временных лет”», утвержденную кафедрой истории русской литературы в конце 1953 г. По теме диссертации он опубликовал ряд статей, в том числе «Мысли Гоголя при чтении “Повести временных лет”»[132].

Однако диссертационное исследование И. П. Лапицкого двигалось медленно и так и не было завершено; причина того — увлеченность филолога написанием текстов иного содержания. Дело в том, что после очищения филологического факультета ЛГУ и Пушкинского Дома от носителей буржуазной идеологии Игорь Петрович всеми силами стремился упрочить эту победу. Перо его не знало покоя: начиная с 1950 г. он становится постоянным корреспондентом партийных и государственных органов, направляя в их адрес огромные доносы, в том числе в Ленинградский обком, Г. М. Маленкову, Л. П. Берии и т. д. (например, только его обращение к последнему занимает 66 страниц машинописи).

Особенно страстно И. П. Лапицкий выступал против своих коллег по изучению древнерусской литературы — В. П. Адриановой-Перетц, Я. С. Лурье, а более всего — против профессора исторического факультета ЛГУ Д. С. Лихачева. Обвинения в их адрес, содержащиеся в доносах И. П. Лапицкого, носили уничтожающий характер и возвращались в виде многочисленных проверок и обсуждений. Попытки унять И. П. Лапицкого не возымели должного успеха: в 1951 г. Д. С. Лихачев подал заявление в Ленинградский обком ВКП(б) и в парторганизацию ИРЛИ, но реакции не было[133].

Обращения в высшие инстанции[134] возымели свое действие лишь весной 1952 г., когда присуждались Сталинские премии за 1951 г. и Д. С. Лихачев оказался в числе лауреатов

---

[132] *Лапицкий И. П.* Мысли Гоголя при чтении «Повести временных лет» // Гоголь: Статьи и материалы. Л., 1954. С. 157–174.

[133] Обращение Д. С. Лихачева было вызвано резким выступлением И. П. Лапицкого 27 ноября 1951 г. на собрании ленинградских писателей, где обсуждалась статья «Правды» от 28 октября 1951 г. «Против рецидивов антипатриотических взглядов в литературной критике» (стенограмма выступления И. П. Лапицкого — ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 4. Д. 4. Л. 18–22). 6 декабря Д. С. Лихачев подал заявление секретарю партбюро ИРЛИ В. А. Ковалеву: «Глубокоуважаемый Валентин Архипович! Направляю Вам копию моих замечаний по выступлению Лапицкого 27 XI в Доме писателя, посланных мною зав[едующему] отделом литературы и искусства обкома ВКП(б) П. Л. Иванову. Основное мое выступление имеется в стенограмме. Еще раз прошу Вас обратить внимание на клеветнический характер выступлений Лапицкого. Дело идет не обо мне и В. П. Адриановой-Перетц, а о чести института и возможности дальнейшего существования сектора» (Там же. Л. 10; Возражения Д. С. Лихачева на выступление И. П. Лапицкого: Там же. Л. 11–17).

[134] В Архиве ЦК ВКП(б) отложились в том числе и следующие документы: письмо Д. С. Лихачева к заведующему отделом науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданову от 29 ноября 1951 г. с просьбой оградить его от нападок И. П. Лапицкого (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 224. Л. 36–40); письмо В. П. Адриановой-Перетц к Ю. А. Жданову от 6 декабря 1951 г. о том же (Там-же. Л. 41–41 об.). В этом же деле сохраняется рукопись рецензии И. П. Лапицкого «Антипатриотическая книга» от 22 декабря 1951 г. на подготовленную Д. С. Лихачевым и Я. С. Лурье книгу «Послания Ивана Грозного» в серии «Литературные памятники» (М.; Л., 1951) (Там же. Л. 25–33).

премии II степени за участие в коллективной монографии «История культуры древней Руси» (М.; Л., 1951. Т. 2). С этого момента И. П. Лапицкий ходил по Ленинграду, обещая «отнять у Митьки Сталинскую премию». И тогда из ЦК в Ленинградский обком и Президиум АН СССР поступило распоряжение разрешить эту ситуацию. Бюро ОЛЯ АН СССР учредило специальную комиссию и дважды собиралось в Москве на специальные заседания по «делу Лапицкого», причем в Москву вызывались практически в полном составе дирекция и партбюро ИРЛИ, а также сотрудники Отдела древнерусской литературы; в заседаниях принимали участие и сотрудники аппарата ЦК. Академик-секретарь ОЛЯ В. В. Виноградов и члены комиссии (Н. К. Гудзий, Н. К. Пиксанов и др.) выступили в защиту Д. С. Лихачева. Как можно судить по протоколу итогового заседания, состоявшегося 17 мая 1952 г., директору Пушкинского Дома Н. Ф. Бельчикову вменялось в вину то, что вместо развертывания критики и самокритики в своем коллективе он «прикрывал» Лапицкого[135], почему вся вина и была переложена на руководство ИРЛИ. Ленинградский обком, в свою очередь, контролировал оргвыводы в отношении инициатора. Для этого была организована большая проработка непримиримого коммуниста, состоявшаяся на филологическом факультете ЛГУ 16 июня 1952 г. Закрытое партсобрание началось в 16:20, а завершилось в 24:00 — таких страстей факультет не видел с весны 1949 г., но никакой вины перед партией Лапицкий не признал. Несмотря на то что высказывались даже предложения исключить его из рядов ВКП(б), после голосования было принято решение, согласованное ранее с обкомом: «За непартийные методы критики, за безответственность, проявившуюся в необоснованных ссылках на вышестоящие партийные органы, за нечестное поведение на партийном собрании, объявить т. Лапицкому И. П. выговор с занесением в личное дело»[136].

Казалось, что после 23 октября 1953 г., когда Д. С. Лихачев был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, он должен был получить некоторый иммунитет от подобной «критики», но этого не произошло:

> «На каждом заседании кафедры истории СССР против меня кто-нибудь выступал, заседания стал посещать И. П. Лапицкий, никак формально с нею не связанный; посещал с единственной целью — уязвлять меня чем-либо. Я перестал ходить на заседания кафедры...
>
> Однажды, придя в кассу университета, я обратил внимание на то, что зарплату получаю какую-то необычно малую. Спросил об этом у кассира, а та мне ответила: "Обычная ставка ассистента" (я к тому времени был уже членом-корреспондентом АН). Следовательно, меня перевели в ассистенты, даже не поставив в известность об этом. Совершенно явно меня "выталкивали" с исторического факультета. Получать ассистентские деньги я отказался и, не сообщив в свою очередь на кафедре, прекратил преподавание на факультете...»[137]

Чтобы представить себе, насколько И. П. Лапицкий эволюционировал как ученый-филолог, следует обратиться к его статье «К вопросу о народности в древнерусской литературе»[138], напечатанной в мартовском номере «Вестника Ленинградского университета» за 1955 г. По-видимому, публикация эта состоялась лишь под давле-

---

[135] ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 7. Д. 68. Л. 84.

[136] Там же. Л. 120.

[137] *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 368.

[138] *Лапицкий И. П.* К вопросу о народности в древнерусской литературе // Вестник Ленинградского университета. Л., 1955. № 3. Март (Серия общественных наук. Вып. 1). С. 61–82.

нием партийных покровителей автора. И хотя редакция в свое оправдание отмечала, что статья И. П. Лапицкого «печатается в порядке обсуждения»[139], для времени возвращения бывших политзаключенных из лагерей пафос статьи был неприкрытым отголоском сталинского прошлого. Научная ценность статьи роли не играла[140], да и собственно науке о литературе автор почти не уделял внимания. Густо ссылаясь на квадригу классиков марксизма-ленинизма и газету «Правда», автор заканчивает статью призывом:

> «...Всестороннее решение сложной проблемы народности для всего необозримого художественного наследства древней Руси — задача капитальных марксистских монографий наступающего дня.
>
> Советскому исследователю, который руководствуется марксистско-ленинским учением о неодолимости нового, дороги нарождающиеся и крепнущие демократические элементы живого поэтического творчества среди ветшающей "теолого-схоластической письменности" древней Руси, пускай они еще незрелы и слабы, но это и было, по чуткому слову Белинского, то "плодовитое зерно русской жизни", которому приуготовлялся славный рост в будущем. "В старинной литературе нашей есть чему поучиться", — говорил основоположник социалистического реализма А. М. Горький, обращаясь к инженерам человеческих душ, советским писателям, создателям самой народной литературы в мире. (Не забудем еще, что за океаном клевещут на старинную литературу нашу, что некий Д. Герни[141] измышляет какую-то "дремучую тундру, покрытую церковнославянским мхом хроник и мирных договоров"; пора нам, советским людям, повторить достойную отповедь о всеоружии научного знания заокеанским невеждам и злопыхателям!)»[142]

Научная и общественная деятельность И. П. Лапицкого к тому времени была столь тягостна для кафедры (в особенности для ее заведующего профессора И. П. Еремина, профессора П. Н. Беркова и некоторых других), что 25 мая 1955 г. это переросло в открытый конфликт. В этот день на заседании Ученого совета филологического факультета проходили выборы доцента кафедры русской литературы, на ставку которого претендовал и Лапицкий. Председателем счетной комиссии был избран профессор Л. А. Плоткин, которому на правах члена комиссии ассистировал Е. И. Наумов, а добровольно (в нарушение процедуры) — П. Н. Берков. В результате произведенного

[139] *Лапицкий И. П.* К вопросу о народности в древнерусской литературе. С. 61.

[140] В 1964 г. о качествах статьи И. П. Лапицкого печатно высказался Я. С. Лурье: «Вопрос о классовом характере литературы не всегда удачно решался литературоведами и после преодоления "вульгарного социологизма"; по справедливому замечанию одного из критиков, преодоление "социологизма" в подходе к литературе оказалось более легким делом, чем преодоление вульгарности. На смену абстрактным "социальным характеристикам" в литературоведческих работах (особенно в 40-х и начале 50-х годов) нередко появлялись не менее абстрактные декларации о "народности" самых разнообразных литературных произведений. (Одним из наиболее ярких образчиков подобных деклараций следует считать статью И. П. Лапицкого "К вопросу..." <...>. Усвоив популярное в литературоведении предшествующих лет широкое толкование понятия "народности", И. П. Лапицкий усматривал, например, "народность" в "удивительно проницательном" заявлении Ивана Грозного английской королеве Елизавете, что Англией управляют "не токмо люди, но мужики торговые" (стр. 71))» (см.: *Лурье Я. С.* К изучению классового характера древнерусской литературы // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1964. Т. XX. С. 110).

[141] См.: A Treasury of Russian Literature / Edited by Bernard Gilbert Guerney. New York, 1943.

[142] *Лапицкий И. П.* К вопросу о народности в древнерусской литературе. С. 81–82.

подсчета голосов И. П. Лапицкий был забаллотирован. Но вскоре выяснилось, что результаты выборов были фальсифицированы. 6 июня 1955 г. Ученый совет ЛГУ подробно рассмотрел инцидент, назвав действия Л. А. Плоткина и Е. И. Наумова мошенничеством. А 11 июня ректор ЛГУ А. Д. Александров подписал приказ следующего содержания:

«На заседании Ученого совета филологического факультета от 25/V–55 года счетной комиссией под председательством профессора Плоткина Л. А. при подсчете голосов по результатам голосования на замещение вакантных должностей по конкурсу были допущены грубые ошибки. Так, например, по кандидатуре И. П. Лапицкого на звание доцента член счетной комиссии Е. И. Наумов, которому был поручен подсчет голосов, огласил результаты голосования: за — 11, против — 14, недействительно — 1; при проверке оказалось за — 15, против — 10, недействительных — 1. Ошибка была обнаружена на другой день профессором Л. А. Плоткиным и ученым секретарем совета М. И. Приваловой.

Ученый совет университета на заседании от 6/VI–1955 г. заслушал информацию декана филологического факультета Б. А. Ларина о ходе результатов голосования, постановил ходатайствовать перед ректором о вынесении взыскания членам счетной комиссии профессору Плоткину и доценту Наумову за допущенную небрежность.

В связи с этим приказываю:

1. За небрежное отношение к обязанностям председателя счетной комиссии профессору Плоткину Л. А. поставить на вид.

2. За небрежное отношение к подсчету голосов доценту Наумову Е. И. объявить выговор.

3. Деканам разъяснить ответственность членов счетных комиссий за порученное им дело» [143].

Таким образом, обман был обнаружен, и 6 июня 1955 г. решением Ученого совета ЛГУ И. П. Лапицкий был утвержден в должности доцента. Следует заметить, что расстановка сил, при которой кандидатуру И. П. Лапицкого поддержало 15 из 26 присутствовавших членов Ученого совета филологического факультета, красноречиво отражает атмосферу на факультете в 1950-х гг.

Но утверждение в должности доцента не могло прекратить начавшегося противостояния. В декабре 1955 г. профессор П. Н. Берков открыто выступил на заседании кафедры русской литературы с требованием увольнения И. П. Лапицкого, а профессор И. П. Еремин добивался того же летом 1956 г., но успеха они не имели.

Кроме того, И. П. Лапицкий не устраивал кафедру и как преподаватель, поскольку если своих коллег он обличал и линчевал, то студентов безмерно баловал:

«И. П. Лапицкий славился на филфаке тем, что на экзаменах ставил студентам в основном отличные оценки, независимо от ответа, а когда однажды вынужден был поставить “тройку”, то, по студенческой легенде, заболел» [144].

Случай уволить И. П. Лапицкого представился летом 1957 г., когда в ЛГУ происходило плановое сокращение штатов, по которому увольнялись 48 преподавателей. Приказом А. Д. Александрова с 1 июля 1957 г. был уволен и доцент Лапицкий [145].

---

[143] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 1948 от 11 июня 1955 г.

[144] *Мартынова А. Н.* Владимир Яковлевич Пропп. С. 174. Примеч. 8.

[145] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 2907 от 29 июня 1957 г.

Не все из уволенных согласились с таким решением, и ряд бывших сотрудников ЛГУ добивались восстановления в должности. Наиболее деятельным апеллянтом был Игорь Петрович. Описав обстоятельства увольнения, приправив изложением событий, сопутствовавших выборам 1955 г., он направил свои объемные обращения «о вопиющем нарушении социалистической законности» в несколько инстанций: 1) прокурору Василеостровского района Ленинграда, 2) в Ленинградский городской суд, 3) в Министерство высшего образования СССР, 4) в ВЦСПС, 5) в Ленинградский обком КПСС...

Реакция не заставила себя ждать: МВО СССР прислал трех ревизоров для расследования обстоятельств, прокуратура проводила собственное выяснение и нервировала ректорат, судебная коллегия по гражданским делам Ленинградского городского суда в сентябре 1957 г. рассмотрела дело и признала приказ об увольнении Лапицкого незаконным. Больше всего беспокойств доставило обращение И. П. Лапицкого к 1-му секретарю Ленинградского обкома КПСС и члену Президиума ЦК КПСС Ф. Р. Козлову, по которому летом 1957 г. ректор ЛГУ А. Д. Александров вынужден был лично докладывать главе ленинградских коммунистов обстоятельства дела.

Однако именно непримиримая позиция А. Д. Александрова, сформировавшая окончательное мнение Ф. Р. Козлова на это увольнение, оказалась решающей. Ректор же, возмущенный жалобами бывшего доцента, открыто заявил члену Президиума ЦК КПСС, что возвращение И. П. Лапицкого в Ленинградский университет «рассматривалось бы коллективом научных работников университета как оскорбление». После этого разговора активность Министерства высшего образования СССР и районной прокуратуры сошли на нет, а решение суда осталось без последствий.

Попытки восстановиться на филологическом факультете предпринимались И. П. Лапицким и в дальнейшем. Но к тому времени его мания погромщика была диагностирована: он все больше времени проводил поблизости — на 5-й линии Васильевского острова. Именно здесь, в городской психиатрической больнице № 5 имени «отца русской психиатрии» И. М. Балинского, Игорь Петрович проводил массу времени, получив даже, исходя из тяжести своего заболевания, II группу инвалидности.

Душевное заболевание меняло порой и поведение бывшего проработчика:

> «С не меньшей страстью Лапицкий стал каяться. Он ловил на факультете, в Пушкинском Доме, на улице коллег и знакомых — пострадавших или нет, неважно — хватал их за руку, извинялся, захлебывался в потоке слов, плакал... Рассказывал, что ходит даже в синагогу отмаливать свои прежние антисемитские выходки и что раввин будто бы отпустил ему тяжкие грехи <...>.
>
> В середине 1960-х годов <...> Лапицкий зачастил на родной факультет: стал проситься на кафедру! Он был явно не в себе: наряду с прежними покаянными речами начал убеждать, что сейчас он нравственно чист, регулярно посещает богослужения и если бы ему поручили курс древнерусской литературы, то он бы его целиком построил на прославлении родной церкви... Любопытно, что и на факультете, и в отделе кадров нашлись заступники Лапицкого, они осторожно просили коллег смилостивиться, простить и принять несчастного. Но кафедра решительно отказала, и возврат заблудшего сына не состоялся»[146].

Эти обстоятельства, вместе с тем, не затупили его пера: в 1974 г. парткомиссия Ленинградского горкома КПСС опять разбирала его обращение с требованием восстановить его в университете...

[146] *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* «Космополиты». С. 123.

«Вплоть до начала 90-х годов Лапицкий продолжал ходить на различные конференции и открытые заседания. Обшарпанный, обтрепанный, одутловатый, он носит маску добряка: рот до ушей в улыбке, здоровается чуть ли не за двадцать метров до встречи, но мгновение — и улыбка вдруг исчезает, лицо искажается злобой, с губ слетают ругательства...» [147]

Игорь Петрович Лапицкий умер 1 декабря 1998 г., в почтенном 78-летнем возрасте.

Н. С. Лебедев

Участие в погроме ученых в 1949 г. принесло Николаю Сергеевичу Лебедеву повышение, которое стало пиком его карьеры, — он был назначен директором университетской Научной библиотеки имени А. М. Горького. Причем место это оказалось вакантным также в результате антикосмополитической чистки университета: предшественник Н. С. Лебедева, профессор кафедры истории Средних веков исторического факультета ЛГУ О. Л. Вайнштейн (1894–1980), занимавший эту должность, был уволен из ЛГУ[148].

Поскольку должность директора библиотеки входила в номенклатуру МВО СССР, ректорат был вынужден отдельно ходатайствовать о назначении Н. С. Лебедева, который не имел ученой степени, перед начальником ГУУ МВО К. Ф. Жигачом. А так как партийная характеристика имела тогда много больший вес, нежели наличие ученой степени, а заслуги Н. С. Лебедева были Кузьме Фомичу хорошо известны, то в январе 1950 г. ГУУ МВО назначило его на эту должность.

Директорское место представляло собой откровенную синекуру, а потому довольно скоро общеизвестные слабости Н. С. Лебедева стали проявляться постоянно — в трезвом виде он практически не появлялся. Именно по этой причине он ранее, 22 сентября 1949 г., не был избран в новый состав партбюро факультета, а когда ситуация не переменилась, то партком ЛГУ принял решение о его «непригодности к работе». В результате Н. С. Лебедев был вынужден в апреле 1952 г. подать заявление об уходе.

Сначала ему была дарована еще одна синекура — должность проректора сектора заочного обучения ЛГУ, но в октябре он был назначен ответственным секретарем журнала «Вестник Ленинградского университета», поскольку возникла необходимость назначить кого-то из проверенных сотрудников ЛГУ на эту «комиссарскую» должность. Но работать непосредственно в журнале ему не довелось, так как Николаю Семеновичу предоставили отпуск «для работы над диссертацией». И хотя в августе 1953 г. срок отпуска закончился, ни о работе в университете, ни уж тем более о диссертации к тому времени речи уже не шло — Н. С. Лебедев стал конченым алкоголиком. 16 июля 1954 г. ректор А. Д. Александров подписал приказ о его увольнении[149].

Лишь единственный раз после этого Николай Сергеевич трудоустраивался — с 9 мая по 1 сентября 1956 г. он был зачислен временно на должность инженера Научно-исследовательского физического института при ЛГУ. 17 мая 1959 г., в возрасте 47 лет, он в пьяном виде погиб под колесами автомобиля.

---

[147] Там же.

[148] Лишь по счастливой случайности О. Л. Вайнштейн смог тогда найти новое место работы — он отправился поднимать медиевистику в Киргизский государственный университет (г. Фрунзе); в Ленинград вернулся в 1955 г.

[149] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 2616 от 16 июля 1954 г.

Д. С. Бабкин

После назначения на должность ученого секретаря Пушкинского Дома Дмитрий Семенович за свою активную общественную работу был избран в сентябре 1949 г. в партбюро института, а 17 марта 1950 г. стал руководителем парторганизации[150]. Но его работа не устроила ни рядовых коммунистов, ни партийное руководство.

Коллеги отмечали, что «члены партбюро и секретарь т. Бабкин страдают чванством, тов. Ковалев держится в коллективе странно, особенно с беспартийными — высокомерно, презрительно, даже не здоровается»[151]. Василеостровский райком предъявлял претензии иного характера:

> «Бюро Райкома отметило, что партбюро института и, особенно, тов. Бабкин не оправдали доверия парторганизации и не оказались на уровне задач, выдвинутых товарищем Сталиным в его трудах по языкознанию. К обсуждению работ товарища Сталина бюро подошло формально и не организовало действительной перестройки института»[152].

В. А. Ковалев оказался более исполнительным и возглавлял партийную организацию ИРЛИ долгие годы. Что же касается Д. С. Бабкина, то он, несмотря на ряд весомых работ по истории русской литературы XVIII в., получил несравненно большую известность в связи с исследованием жизни и творчества А. Н. Радищева, причем в весьма специфическом ракурсе.

Приведенная выше история с Г. А. Гуковским и радищевскими материалами, которая так и не получила огласки, оказалась не случайной. Плагиат был свойством натуры этого сотрудника Пушкинского Дома. Такую славу закрепила за Д. С. Бабкиным аналогичная ситуация с А. И. Старцевым, а Ю. Г. Оксман канонизировал его в своем знаменитом памфлете «Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых»:

> «Большая работа Старцева под названием "Процесс Радищева", находившаяся в типографии в момент ареста автора, вышла в свет под именем Б. [sic!] С. Бабкина, секретаря партийной организации Института русской литературы в Ленинграде. Самое забавное, что эту книгу Бабкин представил как свою докторскую диссертацию. Защита не состоялась, так как умер Сталин и возвратился из лагерей Старцев»[153].

Суть этой нашумевшей истории выглядит следующим образом: в 1946 г. известный филолог-американист Абель Исаакович Старцев (1909–2005) обнаружил неизвестные архивные материалы следственного дела А. Н. Радищева и приступил к написанию книги «Дело Радищева». «К 1949 году (200-летию со дня рождения Радищева) книга была закончена и тогда же сдана в печать»[154].

Поскольку книга была уже в типографии, А. И. Старцев перестал скрывать свои находки. 10 августа 1949 г. «Литературная газета», посвященная в тот день 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева, сообщила в отдельной заметке:

[150] Ср. фрагмент из утвержденной 19 августа 1950 г. характеристики: «Д. С. Бабкин принимал активное участие в идейном разгроме группы космополитов и формалистов в институте весной 1949 года, а также в коренной перестройке работы института в последнее время. В марте 1950 года избран секретарем парторганизации Института» (ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 3. Д. 2. Л. 51).

[151] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 3. Д. 1. Л. 59.

[152] Там же. Л. 57 об.

[153] *N. N. [Оксман Ю. Г.]* Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1963. № 5/6. С. 75.

[154] *Старцев А. И.* Радищев: Годы испытаний. 2-е изд. М., 1990. С. 355.

«...Важная часть материалов — почти все судебное разбирательство петербургской Уголовной палаты считалось пропавшим. Недавно оно обнаружено в архиве петербургских губернских учреждений доктором филологических наук А. Старцевым. <...> Эти материалы, в числе других, войдут в книгу А. Старцева "Дело Радищева". Из 104 документов, печатающихся в книге, 44 публикуются впервые» [155].

Эта новость имела серьезный резонанс, отчего две недели спустя «Литературная газета» представила возможность уже более развернуто высказаться об открытии самому исследователю[156]. Этой важной находке посвятил материал журнал «Огонек»[157].

26 октября 1949 г. гранки книги были окончательно утверждены[158]. Но в том же месяце А. И. Старцев был арестован. О значении, которое придавал автор собственным находкам, говорит следующее свидетельство: «Когда ему выносили приговор, судья обратился с вопросом: "Какие две вещи из архива вы хотели бы сохранить?" Абель Исаакович просил оставить две записные книжки с материалами о Радищеве, которые он собирал в архивах. Судья удивился и сказал: "Неужели вы думаете, что когда-нибудь еще будете писать?" Как ни странно, эти книжки сохранились, и через шесть лет, выйдя из лагерей, он написал две книги о Радищеве»[159].

А в 1952 г., пока А. И. Старцев добывал уголь в Караганде[160], Пушкинский Дом издал книгу «Процесс А. Н. Радищева», автором которой был Д. С. Бабкин, а ответственным редактором профессор Н. Ф. Бельчиков. В книгу были включены не только те материалы, которые были запланированы Г. А. Гуковским для Полного собрания сочинений А. Н. Радищева, но и обнаруженные А. И. Старцевым; без всяких ссылок на предшественников, но с таким указанием:

«...Нам удалось выявить в архивных фондах полностью дела Петербургской палаты уголовного суда, Сената и Государственного Совета, которые считались утерянными, а также отдельные документы канцелярии коменданта Петропавловской крепости» [161].

Если Г. А. Гуковский ничего сказать уже не мог, то А. И. Старцев, вернувшийся в июне 1955 г. в Москву[162], попытался восстановить истину и одновременно воспрепятствовать Д. С. Бабкину защитить докторскую диссертацию по этой книге.

---

[155] Новые документы о судебном процессе над Радищевым // Литературная газета. М., 1949. № 64. 10 августа. С. 2.

[156] *Старцев А.* «Дело» Радищева // Литературная газета. М., 1949. № 68. 24 августа. С. 3.

[157] *Он же.* Рукописное наследие Радищева // Огонек. М., 1949. № 35. 28 августа. С. 10–11.

[158] Сохранившийся экземпляр см.: ОР РГБ. Ф. 369 (В.Д. Бонч-Бруевич). Карт. 55. Ед. хр. 7.

[159] *Курляндский А. Е.* Переводчик через «железный занавес»: Абель Старцев — человек Серебряного века // Новая газета. М., 2005. № 53. 25 июля. С. 5.

[160] «И я, и Лев Николаевич (Гумилев. — *П.Д.*) — оба попали в особорежимный Песчаный лагерь («Песчлаг») на угольные шахты к северу от Караганды» (*Старцев А. И.* Встречи. М., 2004. С. 17).

[161] Источники судебного дела // *Бабкин Д. С.* Процесс Радищева. С. 17. Кроме того, в описании дела Петербургской палаты уголовного суда Д. С. Бабкин упоминает, что первым исследователем, обратившимся к этим документам, был В. Е. Якушкин, опубликовавший их частично в 1882 г., а также отмечает: «После Якушкина никто из исследователей этим делом не пользовался. Оно считалось утерянным» (Там же. С. 23). По поводу обнаруженных А. И. Старцевым документов о заключении Радищева Д. С. Бабкин пишет: «Ни разу никто не обращался к ценнейшим документам коменданта Петропавловской крепости, в которых были указаны условия тюремного содержания Радищева» (Там же. С. 17).

[162] «Приехав в Москву в июне 1955 года, я зашел на Ордынку к Ардовым, где жила тогда Анна Андреевна (Ахматова. — *П.Д.*)» (*Старцев А. И.* Встречи. С. 17).

Абель Исаакович подал заявление в секретариат Союза писателей, в результате чего 16 апреля в информационном бюллетене «Московский литератор» появилась заметка следующего содержания:

> «Комиссия секретариата Союза писателей СССР в составе И. Л. Андроникова, С. М. Бонди, Н. Н. Вильмонта, Н. К. Гудзия и К. И. Чуковского рассмотрела заявление члена СП СССР, доктора филологических наук А. И. Старцева о его работе в 1946–1949 гг. над архивными материалами, относящимися к делу Радищева.
>
> Комиссия установила, что А. И. Старцевым были в этот период выявлены, изучены и подготовлены к печати новые материалы дела Радищева (в том числе считавшиеся ранее утраченными производство Петербургской уголовной палаты, переписка коменданта Петропавловской крепости и др.) <...>.
>
> Комиссия документально установила, что утверждение Д. С. Бабкина в его книге "Процесс Радищева" (изд. АН СССР, 1952) о том, что, якобы, открытие указанных материалов дела Радищева принадлежит ему, не соответствует действительности»[163].

Аналогичное разбирательство состоялось и в Академии наук СССР. О его выводах упоминает Л. М. Лотман в своих мемуарах о Б. В. Томашевском:

> «Вспоминается <...> случай, когда Б[орис] В[икторович] был очень суровым в своей критике. "Начальственный" литературовед Бабкин написал книгу о Радищеве, и пошли слухи, что часть его работы — плагиат, что он "заимствовал" ее у своих предшественников. Б[ориса] В[икторовича] привлекли как эксперта. Он "защитил" Бабкина, но своеобразно. Его заключение состояло в том, что работа очень плохая, и так плохо мог написать только Бабкин, т. е. плагиата не было»[164].

Поскольку московская комиссия также не усмотрела плагиата (речь шла «всего лишь» о необоснованном присвоении первенства открытия архивных материалов), то Д. С. Бабкин был формально оправдан и в 1966 г. защитил-таки докторскую диссертацию на тему «Радищев: Литературно-общественная деятельность». Однако формально он это сделал уже в ранге пенсионера — последней его должностью в Пушкинском Доме было заведование с 1959 по 1965 г. Литературным музеем.

Умер Дмитрий Семенович 27 июля 1989 г. в возрасте 88 лет. Примечания достоин тот факт, что на его похороны не пришел ни один сотрудник научного заведения, «оздоровлением» которого покойный занимался долгие годы.

Ф. А. Абрамов

После событий весны 1949 г. ничто не предвещало превращения одного из погромщиков в большого писателя: своим суровым видом аспирант Абрамов у студентов и преподавателей вызывал лишь страх.

---

[163] О работе т. Старцева по Радищеву // Московский литератор. М., 1958. № 6. 16 апреля. С. 4.

[164] *Лотман Л. М.* Воспоминания. С. 137.

Здесь стоит сказать, что Д. С. Бабкин был умелым библиографом и посредственным текстологом, но собственно литературоведческого таланта не имел; это многократно подмечалось современниками, в том числе и Г. А. Гуковским, который в предварительном отзыве на кандидатскую диссертацию Д. С. Бабкина писал, что «диссертация, имея т[ак] сказ[ать] фактографический характер, не вполне ясно удостоверяет умение автора разобраться в собственно-литературных проблемах. Если бы это было возможно, я бы считал целесообразным присудить Д. С. Бабкину степень по библиографии» (ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 4. Д. 2. Л. 17).

Университет он закончил годом раньше, летом 1948 г.; направление его интересов — советская литература — было выбрано сразу по восстановлении на филологическом факультете. В 1946/47 учебном году он был одним из наиболее деятельных участников семинара профессора Л. А. Плоткина по советской литературе, а в 1947/48 г. под его научным руководством Ф. А. Абрамов написал дипломную работу о романе М. А. Шолохова «Поднятая целина», защищенную на «отлично». За безукоризненную успеваемость Ф. А. Абрамов на пятом курсе был удостоен стипендии имени И. В. Сталина, получив затем и диплом ЛГУ с отличием.

В характеристике, выданной Л. А. Плоткиным выпускнику, профессор подчеркивал, что как участие в семинаре, так и дипломная работа «рекомендуют т. Абрамова как человека с острым политическим чутьем и несомненным литературоведческим дарованием»[165].

Декан Р. А. Будагов и парторг Г. П. Бердников, рекомендуя Ф. А. Абрамова летом 1948 г. в аспирантуру, отмечали:

> «Тов. Абрамов всегда учился отлично, его ответы на экзаменах отличались исключительной глубиной, обстоятельностью и четкостью, особый интерес он проявлял к вопросам истории советской литературы. Его дипломная работа по роману Шолохова "Поднятая целина" показывает исследовательские способности, умение привлекать материал и анализировать его с правильных идейно-политических позиций»[166].

А. Г. Дементьев также удостоил дипломную работу отзывом:

> «Для того, чтобы написать работу о "Поднятой целине" <...>, надо обладать не только широкими литературными познаниями, но и политической зрелостью. Ф. А. Абрамов обладает и тем и другим качеством, и потому ему удалось написать превосходную работу, отличающуюся и богатством фактического материала и глубиной мысли.
>
> Работа Ф. А. Абрамова — это не легковесная критическая статья, а серьезная научная работа, в которой "Поднятая целина" рассматривается на фоне общественно-политического и литературного движения эпохи коллективизации. Ф. А. Абрамов показывает, что роман Шолохова возникает как продолжение лучших традиций советской литературы на колхозную тему <...>. Вместе с тем работа Ф. А. Абрамова не является и аполитичным, позитивистским исследованием, лишенным актуальности и остроты. То работа новая и в лучшем смысле слова партийная.
>
> К достоинствам Ф. А. Абрамова надо отнести и умение с одинаковым успехом анализировать и содержание и форму художественного произведения и умение излагать свои мысли. В общем дипломная работа Ф. А. Абрамова представляется мне выдающейся и достойной печати»[167].

Для диссертации Ф. А. Абрамов избрал ту же тему; научным руководителем аспиранта был назначен Е. И. Наумов, но вскоре, в ноябре 1948 г., он по настоянию аспиранта был заменен на Г. А. Гуковского[168].

---

[165] ОДО СПбГУ. Личное дело Ф. А. Абрамова. Л. 39.

[166] Там же. Л. 36.

[167] Там же. Л. 38.

[168] И. З. Серман указывает некоторые сопутствующие этой перемене обстоятельства: «После войны Абрамов стал аспирантом Ленинградского университета и, несмотря на то что занимался он Шолоховым ("Коммунисты у Шолохова"), то есть темой, далекой от научных интересов Гуковского, сам пришел в дом к профессору, сам хотел в нем бывать и слушать. И я уверен, что вовсе не по заданию органов... <...> Если он грешен чем-нибудь против Гуковского, то во всяком случае он искренне раскаивается, а это уже много» (*Серман И.* Указ. соч. С. 212–213).

Также ср.: «...Были и такие лекции, которые не вызывали никаких возражений у Федора

«Учился он упорно. Мысли были смелые и глубокие, он не боялся ниспровергать авторитеты и высказывать свое мнение. Помню, как уже в более поздние времена, когда мы оба учились в аспирантуре, после обсуждения вступительной части диссертации Абрамова, где он писал о "Брусках" Панферова, профессор Плоткин пошутил: "От 'Брусков' не осталось даже опилок..."»[169]

В июне 1949 г., по окончании первого курса аспирантуры, заведующий кафедрой русской литературы Н. И. Мордовченко дал ему следующую характеристику:

«Асп[ирант] Ф. А. Абрамов очень сильный и мыслящий человек, работающий хорошо и плодотворно. Он отлично сдал аспирантские экзамены по специальности, активно участвует в аспирантском семинаре. Хорошо подготовлен методологически и имеет несомненные способности к теоретическим обобщениям. Тема его диссертации — роман М. Шолохова "Поднятая целина". К работе над диссертацией еще не приступал, но не сомневаюсь, что работа пойдет нормально и будет успешно завершена к сроку»[170].

Партбюро факультета также давало ему тогда, после событий весны 1949 г., блестящую характеристику:

«Ф. А. Абрамов, член ВКП(б), является членом партийного бюро факультета. Руководит партийным просвещением коммунистов и работой беспартийных по изучению трудов классиков марксизма-ленинизма. С большим и ответственным поручением справился успешно.

Требовательный принципиальный организатор, дисциплинированный коммунист, прекрасный товарищ — Абрамов пользуется заслуженным авторитетом среди общественности факультета»[171].

Бывший студент отделения журналистики А. И. Рубашкин рисует портрет Ф. Абрамова той поры:

«Впервые аспиранта Абрамова я увидел, когда был студентом первого курса филфака Ленинградского университета. Увидел издали и не очень хотел более близкого знакомства. Как и мои сокурсники, я считал его жестким, категоричным

Абрамова. Спецкурс по Гоголю, который читал Григорий Александрович Гуковский, восхищал всех студентов: его оригинальная ораторская манера, его умение покорять аудиторию, находить с ней общий язык, свежесть его мысли. Сдавать спецкурс мы с Федором почему-то пришли к профессору домой. Нечего и говорить, что мы прочитали не только все, что было рекомендовано, но и все, что вообще можно было прочесть, и к зачету были готовы. Но когда увидели Григория Александровича так близко, в домашнем костюме, у нас "язык прилип к гортани", и мы не могли вымолвить ни единого слова. В ответ на вопрос Григория Александровича "Читали?" — мы только глядели во все глаза. Профессор, видимо, понял наше состояние, улыбнулся и отпустил нас» (*Левитан Л. С.* О друге студенческих лет // Воспоминания о Федоре Абрамове. С. 80).

Относительно непричастности Ф. А. Абрамова к «делу Гуковского»: «Ходили слухи, что Абрамов сыграл определенную роль в обвинениях, предъявленных Гуковскому после ареста, даже называли показания, какие он якобы давал. Дочь Гуковского Наталья Григорьевна Долинина смогла ознакомиться с личным делом отца и не нашла там ничего подобного. "Она буквально пролетела через Литейный проспект на улицу Воинова, — свидетельствует Дмитрий Хренков, — и, когда увидела Абрамова, обняла его и извинилась за свои жестокие предположения. У Абрамова тоже было прекрасное настроение: с души был снят камень" (*Хренков Д.* Заметки для памяти // Звезда. 1989. № 5. С. 133)» (цит. по: *Баренбаум И. Е.* Учителя и однокашники // Филфак в воспоминаниях. СПб., 2003. С. 27).

[169] *Левитан Л. С.* Указ. соч. С. 80.

[170] ОДО СПбГУ. Личное дело Ф. А. Абрамова. Л. 20.

[171] Там же.

максималистом. Для этого были основания. Подпись Абрамова под одной из "проработнических" статей 1949 года укрепила это мнение и не казалась случайной. Он "приложил руку" к борьбе с "космополитами", среди которых оказались и его учителя. Абрамов в дальнейшем сожалел об этом, и некоторые сокурсники так и не простили ему той поры»[172].

Учась в аспирантуре, Ф. А. Абрамов женился на Л. В. Крутиковой, защитившей 15 декабря 1949 г. диссертацию на тему «Раннее творчество М. Горького и рабочее движение в России в 1880–1890 гг.» (оппоненты профессор Л. А. Плоткин и доцент Г. П. Бердников)[173]. А в 1951 г. защитил диссертацию и сам[174].

Выпускник отделения журналистики Я. С. Липкович вспоминал:

«Я помню Федора Абрамова еще с начала пятидесятых годов, когда перед ним, совсем молодым кандидатом наук, терялись старые университетские профессора. При виде его мрачноватого, неулыбчивого лица, застывшего в первом ряду президиума, многим становилось не по себе. Казалось, никуда не скроешься от его цепкого, все замечающего воспаленного взгляда. Глухую неприязнь, которую я в то время питал к нему, слегка смягчало любопытство: он не мельтешил, не суетился, не искал для себя — и это чувствовалось — личных выгод, не ловил рыбу в мутной воде, как некоторые его товарищи. За обманчиво-простецкой, угловато-суровой внешностью уже тогда проглядывала натура страстная, сильная, незаурядная...»[175]

После защиты диссертации начинается деятельность Федора Абрамова — писателя. В 1958 г. в журнале «Нева» печатается его первый роман «Братья и сестры», над созданием которого он работал шесть лет; в следующем году роман вышел отдельной книгой, а затем многократно переиздавался.

Отношение к писательскому творчеству Ф. А. Абрамова было неоднозначным, особенно с учетом репутации автора в научном мире. Одним из тех, кто поощрял творчество Ф. Абрамова, был Д. Е. Максимов — он «очень внимательно отнесся к первым литературным опытам Абрамова (не в пример некоторым коллегам, которые позволяли себе насмешливые реплики: "Федя роман пишет!")»[176].

Недоумение вызвало то различие, которое представляли собой Ф. А. Абрамов — заведующий кафедрой советской литературы и Ф. Абрамов — писатель. В. Г. Адмони вспоминал о таком несоответствии:

«В конце 50-х гг. мне довелось быть членом приемной комиссии Ленинградской писательской организации. Человек добросовестный, я честно прочитывал произведения литераторов, устремлявшихся в Союз писателей. Произведений было много. Их все

---

[172] *Рубашкин А. И.* «Я не могу без моей Верколы». С. 261.

[173] Вечерний Ленинград. Л., 1949. № 284. 3 декабря. С. 4.

Даже эта диссертация подвергалась нападкам: 3 декабря 1949 г. на общеуниверситетском партсобрании студент философского факультета А. Т. Москаленко (род. 1921, впоследствии доктор философских наук) обрушился как на работу, так и на ее автора с обвинениями: «15 декабря на филологическом факультете назначена защита диссертации на тему: "Раннее творчество Горького и рабочее движение в России в 80–90 годах". Диссертантка Л. Крутикова в основном не марксистски подходит к исследованию раннего творчества М. Горького. Диссертантка пишет, что в ранних произведениях Горького, в рассказах, которые называются "босяцкими"» и т. д. (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 59. Л. 18 об. – 19).

[174] *Абрамов Ф. А.* «Поднятая целина» М. Шолохова / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1951.

[175] *Липкович Я. С.* Опередивший время // Воспоминания о Федоре Абрамове. С. 613.

[176] *Левитан Л. С.* Указ. соч. С. 79.

я забыл. Начисто. За исключением одного. Единственная запомнившаяся мне книга была потрепанным выпуском "Роман-газеты" и называлась "Братья и сестры". Имя ее автора было мне прежде неизвестно. Оно звучало: Федор Абрамов. <...>

Я никак не сопоставил Федора Абрамова — автора романа "Братья и сестры" с Федором Абрамовым — литературоведом, доцентом из ЛГУ, известным мне понаслышке. И очень удивился, когда на заседании приемной комиссии эти лица отождествились. Потому что в романе не было ничего, совсем ничего академического, доцентского, ни на грамм» [177].

А «понаслышке» Федор Александрович был известен отнюдь не научными работами по советской литературе, а именно событиями 1949 г. Такое «раздвоение личности» не могло долго продолжаться — Федор Абрамов эволюционировал, и как писатель, и как человек. В 1960 г., когда он уже мог существовать за счет писательских гонораров, он умыл руки и навсегда покинул филологический факультет:

«Позже он будет не то вскользь, не то с небрежением вспоминать годы учебы и работы в университете: "Кончил университет. Пошел в аспирантуру. Напечатал статьи в "Ученых записках" — серые, невыразительные, посредственные... Нужно было искать путь добывания денег. В 1951 году защитил кандидатскую диссертацию. Стало легче, помогал материально братьям. И лишь в 1960 году обязательство перед семьей выполнил, племянников выучил. Ушел в докторантуру — и не вернулся в университет". Иногда же говорил еще резче: "Писать стал поздно, упустил лучшие годы. Занимался не тем, чем надо".

Думаю, что в жизни все было сложнее. Ведь нужен был не только дар, вернее, предчувствие дара, но и надо было обладать мужеством, чтобы принять решение, поступиться многим... Уверен также, что столь резко осуждал свои филологические занятия и для того, чтобы творчески самоопределиться: занимаясь прозой, надо было отрешиться от литературоведческих навыков, которые могли внести в работу излишне рационалистический момент. А ленинградскую филологическую школу Абрамов уважал, гордился ею» [178].

Несмотря на то что Федор Абрамов больше не допускал таких поступков, на которые он оказался способен в 1949 г., прошлое довлело над ним. Кроме того, вместе с расправой 1949 г. ему нередко вспоминали и Смерш: с 17 апреля 1943 по 2 октября 1945 гг. Ф. Абрамов служил в этой организации:

«Образованный, с боевым опытом старший сержант Абрамов не мог не попасть в поле зрения кадровиков органов госбезопасности, испытывающих дефицит в кадрах. Особо кадровиков привлекло знание Федором Александровичем иностранных языков. В "Анкете специального назначения работника НКВД" в графе: "Какие знаете иностранные языки", молодой кандидат на службу написал "Читаю, пишу, говорю недостаточно свободно по-немецки. Читаю и пишу по-польски".

Кадровики решили, что для службы в Смерше Федор Абрамов подходит. 17 апреля 1943 года он принимает присягу и зачисляется в отдел контрразведки НКО Смерш Архангельского военного округа на должность помощника оперативного уполномоченного резерва, но уже в августе становится следователем, а через год с небольшим — старшим следователем следственного отдела.

Служба началась вначале не слишком удачно. Бывший студент университета в одном из разговоров с сослуживцами как-то сказал, что не видит смысла в конспектировании

[177] *Адмони В.* Дальняя дружба // Воспоминания о Федоре Абрамове. С. 165–166.
[178] *Лавров В.А.* Главная дума — о России // Там же. С. 178.

приказов главнокомандующего товарища Сталина: это отнимает много сил и времени. Естественно, такое "крамольное" высказывание дошло до ушей начальства. Грянуло разбирательство, грозившее по тем временам весьма и весьма серьезными последствиями <...>.

Будущий лауреат госпремии по литературе написал объяснение, удовлетворившее даже завзятых сталинистов:

"...Приказ тов. Сталина является квинтэссенцией мысли, каждое предложение, каждое слово его заключает в себе столь много смысла, что в силу этого необходимость конспектирования приказа в принятом значении сама собой отпадает.

Я сказал далее, что приказ тов. Сталина представляет собой совокупность тезисов, дающих ключ к пониманию основных моментов текущей политики, и что каждый тезис может быть разработан в авторитетную публицистическую статью. В том же разговоре я обратил внимание на изумительную логику сталинских трудов вообще, что не всегда можно найти в речах Черчилля и Рузвельта, на сталинский язык, обладающий всеми качествами языка народного.

Что касается изучения приказа тов. Сталина, то я внимательно прочел его 4 раза и, по совету товарища Р., тщательно законспектировал.

Приказ тов. Сталина внес ясность в мое понимание международной обстановки"» [179].

Службе в Смерше Ф. Абрамов посвятил автобиографическую повесть «Кто он?», которая осталась незавершенной. Наброски ее повествуют о том, что чувствовал сам автор:

«Были и злодеи. А в массе-то своей — обыкновенные люди. <...> Ведь у них были жены, дети. И они любили их. Наставляли детей. Чтобы были честными, учились хорошо и т. д.

Нет, это не были злодеи. Злодеи бы — проще. А в том-то и дело, что эти люди, которые искренно любили, переживали, входя в Смерш, становились другими.

Во-первых, большинство из них по малограмотности, ограниченности своей искренно верили, что они действительно борются с врагами. А с врагами какая пощада.

Во-вторых, гипноз. Арестован — значит, виноват. Пусть не во всем — но виноват. И поди попробуй освободить. Своя собственная бумага, написанная человеком, гипнотизировала его же.

В-третьих, если и появлялось у людей сострадание, то они думали, что они недостаточно революционны, что это сострадание и жалость предосудительны. А как же? Сам пролетарский писатель заклеймил жалость как унижающее человека чувство. И следовательно, если они и жалеют, то потому что недостаточно подкованы.

И наконец страх. Не выпустить врага. Лучше засудить 100 безвинных, чем пропустить одного врага. А потому закидывай неводы. И не верь, если тебя уверяют, что он не прав.

Доказательства? Доказательств нет. Но, во-первых, большинство следователей не искушены, неграмотные (может быть, их поэтому и не учили?), а во-вторых — коварство врага.

Гипноз — служение революции.

Солженицын говорит, что чекисты хорошо ели, легко работали. Может быть, в лагерях — да. А у нас в округе — ужас. Как раз наоборот, офицеры в воинских частях не голодали. Им перепадало с солдатской кухни. А нам — нет» [180].

---

179 *Кононов С. П.* Федор Абрамов: писатель и контрразведчик // Курьер. Череповец, 2003. № 22 (683). 28 мая. С. 10.

180 [*Крутикова-Абрамова Л. В.* Примечания к незавершенной повести Ф. Абрамова «Кто он?»] // *Абрамов Ф.* Собрание сочинений. Т. 6. С. 586–587. (Запись от 31 декабря 1967 г.)

«Герой (я) жаждал романтики. Страх перед МГБ (еще в школе) — бывало, идут, дрожь, дух захватывает... Учителя забрали... Страх, доходящий порой до ужаса, и радость предвкушения романтики. Контрразведка... Против разведки... Смерш... Смерть шпионам <...>. Шел: думал, чудеса будут. А на деле одни антисоветчики. В колхозе жрать нечего. Клевета на советский строй. <...>

Постановление об аресте. Ордер на арест, обвинение... в том, что, будучи рядовым, систематически клеветал на советскую действительность, выразившуюся в том, что порицал колхозный строй... 2-я папка. Дело №... То же самое. Однозначные свидетельские показания. Дело №... То же самое. Разница в именах. Три новых дела, и все одинаковы. 9 дел в столе. Таких же. Надо вызывать. Надо начинать допрос. Но Боже мой, только представить, что все то же самое... И какая клевета... Ведь действительно жрать нечего. Он сам получил письмо: умер в колхозе от голода...» [181]

Когда Ф. Абрамов оправдал нескольких арестованных, то все доносы, подшитые некогда в личном деле, пошли «в работу»:

«Там, в деле, были собраны все мои “левые” высказывания. Например, как, выходя из Дома офицеров вечером в воскресный день, я говорил: “Ну, опять начинаются черные дни”» [182].

«Это теперь многие уверяют, что они уже тогда все понимали. Нет, я не понимал. И если и оказывал какое-то сопротивление системе (освобождение), то шел на ощупь. Повинуясь какому-то инстинкту, врожденному, что ли, чувству справедливости» [183].

«Я никогда не отказывался от службы в контрразведке, хотя это и пыталась кое-какая писательская тля использовать против меня. Мне нечего было стыдиться. Не поверят: а я ведь освобождал» [184].

Иллюзий по поводу своих коллег по службе у Ф. Абрамова не было:

«...Отправился на вечер встречи ветеранов контрразведки в Доме офицеров. Славословили, возносили друг друга, пионеры приветствовали... Герои незримого фронта, самые бесстрашные воины... Верно, кое-кто из контрразведчиков ковал победу, обезвреживал врага... Но сколько среди них костоломов, тюремщиков, палачей своего брата... Я не мог смотреть на этих старых мерзавцев, обвешанных орденами и медалями, истекающих сентиментальной слезой... Ушел» [185].

О том, насколько переменился Ф. А. Абрамов, можно судить по записи А. И. Кондратовича от 27 ноября 1967 г.:

«Разговаривал с Ф. Абрамовым. Говорят (Солженицын), что Абрамов был когда-то следователем. И вот из следователя получилось такое, хоть веди на него следствие. Я сказал ему, что вот был Сталин, потом Хрущев, сейчас аппарат. И уже не ищут нигде защиты и помощи — тени, пустота, отсутствие. Если рукопись Драбкиной не может решить ни Демичев, ни Суслов... (уверен, что и Брежнев), — то это пустота и отсутствие. И это бюрократическое отсутствие есть вместе с тем и присутствие, но форма присутствия выражена в поручике Киже. Федя начал мне в ответ говорить такое, что и на бумагу трудно переносить. Вот тебе и следователь» [186].

---

[181] *Абрамов Ф.* Кто он?: Фрагменты незавершенной повести / Подгот. к печати Л. В. Крутикова-Абрамова // *Абрамов Ф.* Собрание сочинений. Т. 6. С. 50–51.

[182] *[Крутикова-Абрамова Л. В.]* Указ. соч. С. 571.

[183] Там же.

[184] Там же.

[185] Там же. С. 578. (Запись о встрече 26 апреля 1975 г.)

[186] *Кондратович А. И.* Новомирский дневник (1967–1970). С. 131–134.

Но весны 1949 г. Ф. А. Абрамову не удалось ни оправдать, ни стереть. «Ему было стыдно за свое прошлое, он хотел его зачеркнуть, забыть. Хотел, чтобы и другие забыли...» [187]

Умер Федор Абрамов 14 мая 1983 г. прославленным советским писателем, лауреатом Государственной премии СССР. Ему было 63 года.

А. Г. Дементьев

Александр Григорьевич, принадлежащий к «тройке 1949 года», также сделал большую карьеру. Справедливости ради стоит отметить, что он едва ли не единственный из всех активных проработчиков 1949 г. признал впоследствии свою вину: «Дементьев — в этом нет сомнений — стыдился и каялся. Иногда даже заявлял об этом публично» [188]. Однако та линия поведения, которую он избрал в 40-х гг., не могла не отразиться на его дальнейшей жизни.

Руководя ленинградской писательской организацией, активно участвуя в «литературной» жизни Ленинграда [189], он продолжал оставаться и доцентом филологического факультета. В результате аттестации, проведенной в ЛГУ летом 1949 г. по приказу МВО СССР, председатель аттестационной комиссии филологического факультета Г. П. Бердников подписал 19 июля следующую характеристику:

> «Доцент А. Г. Дементьев в последние годы ведет ответственную партийно-политическую работу в г. Ленинграде: в настоящее время — ответственный секретарь Ленинградского отделения Союза советских писателей. С филологическим факультетом связан многие годы и зарекомендовал себя авторитетнейшим работником факультета, отличным педагогом и лектором, руководителем студенческих семинаров — требовательным и строгим.
>
> Специализировался [sic!] в области истории русской журналистики и критики 40–50-х гг. XIX века. Имеет ряд печатных работ по истории русской журналистики и по советской литературе. Активно участвовал в борьбе с космополитизмом на филологическом факультете.
>
> Читаемые лекции — высокого качества. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть использован на руководящей административно-научной работе на факультете в Университете» [190].

Руководящая административно-научная работа на факультете не заставила себя ждать: согласно приказу МВО СССР, с 1 сентября 1949 г. на факультете предполагалась кафедра советской литературы; 11 июля 1949 г. ректор ЛГУ подписал соответствующий приказ «открыть с 1 сентября 1949 г. на филологическом факультете кафедру советской литературы, назначить заведовать кафедрой доцента А. Г. Дементьева

---

[187] *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* Указ. соч. С. 118.

[188] Там же. С. 119.

[189] 14 августа 1949 г. по Ленинградскому радио прозвучала статья ответственного секретаря правления ЛО ССП А. Г. Дементьева «В борьбе за партийность литературы», посвященная работе ленинградских писателей в 1948–1949 гг. Возгласив традиционную анафему Зощенко и Ахматовой, упомянув об антипатриотах и космополитах, он смело очертил новые горизонты, особенно в связи с обращением к И. В. Сталину от 2 апреля 1949 г.: «Следуя указаниям партии, ленинградские писатели идут по пути все более активного и глубокого изучения и изображения современной жизни, все настойчивее обращаются к разрешению больших проблем нашего времени. Они добиваются, чтобы их творчество не отставало от века, а шло с веком наравне, чтобы их произведения не только отражали жизнь, а помогали ее изменять, помогали советскому народу строить коммунизм» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 3405. Л. 6. (14 августа 1949; 9:30–9:55)).

[190] ОДО СПбГУ. Личное дело А. Г. Дементьева. Л. 15.

с последующим оформлением в министерстве»[191]. Тогда же был сформирован и состав: профессором кафедры назначался Л. А. Плоткин, а старшим преподавателем Е. И. Наумов (оба переводились с кафедры русской литературы). А 9 июня, задним числом, начальник ГУУ МВО СССР подписал приказ об утверждении А. Г. Дементьева во главе кафедры[192]. Летом 1953 г. он был утвержден в должности заведующего кафедрой на очередной срок.

Одновременно Александр Григорьевич продолжал работу в ЛО ССП в качестве ответственного секретаря, пока оставаясь и членом пленума Ленинградского горкома ВКП(б). Именно здесь его застигла публичная фаза «ленинградского дела», которая началась после октябрьского пленума горкома 1949 г., на котором В. М. Андрианов открыто назвал бывшее руководство города преступным. 2 ноября 1949 г. собралось заседание партбюро ЛО ССП, на повестке дня которого стоял вопрос «О некоторых фактах проявления антипартийного отношения ленинградских писателей к бывшему руководству ленинградской партийной организации». А. Г. Дементьев, участвовавший в работе пленума, выступил и на этом заседании:

> «Бывшие руководители ленинградской партийной организации Кузнецов, Попков и др. создали антипатриотическую группу. Они принесли [sic!] большой ущерб Ленинграду, ленинградцам и ленинградской партийной организации. Один из методов этой группы сводился к засорению кадров и морально-бытовому их разложению.
>
> Свое разлагающее влияние они распространили и на искусство и на литературу. Попков всячески раздувал "ленинградскую тему" в литературе, стремясь направить деятелей искусства и литературы на создание произведений, в которых Ленинград противопоставлялся бы стране и восхвалялось бы бывшее руководство ленинградской парторганизации.
>
> В связи с этим нам целесообразно просмотреть произведения ленинградских писателей, писавших о Ленинграде в дни блокады и послевоенные годы. <...> Необходимо поручить т. Кривошеевой[193] и Чивилихину ознакомиться с произведениями Берггольц, Тихонова, Инбер, Груздева[194], Колтунова[195], Саянова и др.»[196]

Отдельно А. Г. Дементьев раскритиковал роман Е. А. Федорова «Гроза над Шелонью» и очерк В. К. Кетлинской «Секретарь райкома», в которых восхвалялось прежнее руководство города.

В начале ноября состоялся пленум Дзержинского райкома ВКП(б), к ведению которого относилась парторганизация ЛО ССП. В своем докладе на пленуме А. Г. Дементьев всеми силами пытался отмежеваться от прежнего руководства. Это неудивительно, поскольку на характер его выступления влияло то обстоятельство, что среди городского руководства шли аресты, а его непосредственные начальники — секретарь горкома по пропаганде Н. Д. Синцов (1903–1962) и заведующий отделом пропаганды и агитации горкома В. И. Смоловик (1906–1977) — были к тому времени уволены с работы, исключены из партии, а вскоре будут арестованы и осуждены. При этом в доказательство своей

---

[191] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 1450 от 11 июля 1949 г.

[192] Сведения об этом: Там же. № 1938 от 30 июня 1950 г.

[193] Кривошеева (Кривошеева-Лаврентьева) Александра Ивановна (1893–1951) — критик, литературовед, кандидат филологических наук; член РКП(б) с 1919 г., в 1934–1937 гг. научный сотрудник Пушкинского Дома; в 1949 г. член партбюро ЛО ССП.

[194] Груздев Илья Александрович (1892–1960) — писатель, критик, литературовед, биограф и корреспондент А. М. Горького. Во время войны был сотрудником «Ленинградской правды».

[195] Колтунов Иосиф Григорьевич (1910–1950) — поэт, член ВКП(б) с 1941 г.

[196] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 15. Л. 1–2.

верности генеральной линии он привел ряд заслуг за время практически единоличного руководства ленинградской писательской организацией[197].

Гроза разразилась на закрытом партсобрании ЛО ССП 23 ноября 1949 г., посвященном итогам октябрьского пленума горкома. Здесь слово взял автор «Грозы над Шелонью» и известный в будущем исторический романист Е. А. Федоров, который перешел к открытым обвинениям. Он назвал руководителей ленинградских писателей — А. Г. Дементьева и, в меньшей степени, А. А. Прокофьева — «попковцами», приведя ряд аргументов:

> «На пленуме РК ВКП(б) Дементьев заявил, что он боролся за генеральную линию партии против какой-то антипартийной группировки в Союзе[198], но ему мешали Синцов и Смоловик, особенно последний, якобы, все время молчал. <...> На пленуме райкома партии Дементьев заявил, что он очистил Литфонд, сняв руководство и Никитину[199], которые теперь под арестом.
>
> Далее, Дементьев заявил на пленуме, что он очистил аппарат издательства "Советский писатель" от Г. Сорокина[200] и Н. Брыкина[201]! Так ли это? Он ли это сделал или это сделано вопреки ему? Вы знаете, товарищи, что это сделано вопреки ему — органами УГБ. <...>
>
> Почему вы, Дементьев и Прокофьев, упорно промолчали о том, как покровительствовали Гуковскому?»[202]

Александр Григорьевич оказался в непривычном положении: поскольку принадлежность к «попковскому охвостью» сулила серьезные перемены в биографии, то ему пришлось оправдываться. Ответ его содержит любопытные характеристики как бывшего руководства, так и его собственную:

> «В отношении Синцова и Смоловика. Я скажу следующее: мне и многим другим скромным работникам горкома, инструкторам не нравилась атмосфера, существующая в горкоме. Это была атмосфера подхалимажа, атмосфера командования. При этом Попков, Капустин в вопросах культуры, в вопросах литературы, в вопросах издательских,

---

[197] О том, как руководит писателями А. Г. Дементьев, упоминал В. П. Друзин 14 марта 1949 г. на партсобрании ЛО ССП: «Т[ов.] Дементьев фактически работает почти один, он вполне справляется со своей работой, мы видим результаты его работы, но то, что он один работает, без участия правления и без достаточной помощи секретариата, ненормально и должно быть выправлено» (ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 9. Л. 94).

[198] Речь идет о решении бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 1 ноября 1948 г., в результате которого А. А. Прокофьев был отстранен от руководства ЛО ССП, а правление и партбюро ЛО ССП были обвинены в групповщине.

[199] Никитина Зоя Александровна (урожд. Гацкевич; 1902–1973) — литературный редактор, издательский работник; первая жена писателя, члена «Серапионовых братьев» Н. Н. Никитина, затем замужем за М. Э. Козаковым. В 1949 г., занимая должность директора ЛО Литфонда СССР, арестована (ей вменялись серьезные финансовые нарушения), но в том же году дело было прекращено.

[200] Сорокин Григорий Эммануилович (1898–1954) — писатель, издательский работник, беспартийный, в 1948–1949 гг. директор и главный редактор ЛО «Советский писатель». 30 июня 1949 г. арестован, 22 февраля 1950 г. осужден на 10 лет ИТЛ, отбывал наказание в поселке Абезь Кожвинского района Коми АССР, где и умер. Посмертно реабилитирован.

[201] Брыкин Николай Александрович (1895–1979) — писатель, журналист, член РКП(б) с 1917 г. В 1937–1941 и 1946–1947 гг. директор ЛО издательства «Советский писатель», во время войны политработник в действующей армии. 15 августа 1947 г. под давлением горкома ВКП(б) подал заявление об уходе с поста директора издательства «по состоянию здоровья», сменен Г. Э. Сорокиным в 1948 г. Правление ЛО ССП в конце 1948 г. выхлопотало ему персональную пенсию. 23 июня 1949 г. арестован, 4 февраля 1950 г. осужден по ст. 58–10, в 1954 г. реабилитирован.

[202] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 11. Л. 34–36.

помимо той линии, которую проводили, были безграмотными неучами. Видели мы это? — Видели. Видел это и Друзин, и я видел. Не возражали, не протестовали, не боролись против. Факт? — Факт. Серьезная ошибка.

Относительно Синцова и Смоловика. Синцов и Смоловик, будучи людьми, по части культуры, более опытными и понимающими, отличались исключительной уклончивостью (вроде Василия Шуйского — лукавого царедворца), у них нельзя было получить ответа ни на один острый вопрос <...>.

У нас проводилось очень страстное и горячее партийное собрание по поводу космополитизма. Смоловик сидел рядом со мной в президиуме, но он не выступил и предоставил нам самим расхлебывать это дело. Эти руководители проводили такую линию: с писателями лучше не связываться, так как это опасно (могут куда-то написать). Такую линию они проводили, а я против этого не выступал, в этом моя ошибка.

Ошибка моя состоит также и в том, что мне следовало, раньше чем кому-либо, разглядеть тот смысл, который Попков вкладывал в термин “ленинградская тема”. Никого не дискредитирует попытка писателей писать о Ленинграде. Наоборот, мы и впредь будем писать о Ленинграде, о ленинградских рабочих, о ленинградских заводах, о выполнении обязательств ленинградцами, принятыми в письме товарищу Сталину, о ленинградских большевиках, но Попков вкладывал в эту тему свой смысл, свою политику — требования прославления ленинградской партийной организации. Должен был я это увидеть раньше других? — Должен был. Не увидел? — Не увидел. Моя вина? — Моя вина. <...>

Я был на октябрьском пленуме городского комитета партии, слушал выступление тов. Андрианова. После этого я пришел и сказал Александре Ивановне [Кривошеевой]: посмотрите Саянова, Берггольц, Прокофьева, переройте всю библиотеку и посмотрите, где в произведениях писателей имеются элементы подхалимажа к бывшему руководству ленинградской партийной организации. Я, как руководитель партийной организации, как член пленума городского комитета, обязан был это сделать или нет? <...>

По поводу Сорокина. Еще работая в горкоме, я настаивал на том, чтобы Сорокина снять. По приходе в Союз я приложил к этому все усилия, и Сорокин до ареста за 2–3 месяца был снят по моему настоянию с работы в издательстве “Советский писатель”. Настаивал, чтобы Брыкина снять с работы в “Советском писателе”[203]. <...>

С космополитами. Вы говорите “Я”. Я этого не говорю, но считаю, что кое-что сделал в борьбе с космополитизмом и формализмом. Сделано было? — Да, сделано. Но я говорю, что сделал это не только я, а говорю, что партийная организация, писатели принимали участие в этой работе и я в ней принимал участие»[204].

Учитывая характер обвинений руководителей ленинградской писательской организации, партбюро ЛО ССП 17 декабря 1949 г. рассмотрело вопрос «О справедливости и обоснованности политических обвинений, выдвинутых на партсобрании от 23 ноября 1949 г. против члена ВКП(б) Дементьева А. Г.»[205] и аналогичный — в отношении А. А. Прокофьева. Партбюро встало на сторону обвиняемых, причем П. И. Капица даже отметил, что «Дементьев единственный в нашей писательской организации и раньше

[203] Позднее, 17 декабря 1949 г., на заседании партбюро ЛО ССП А. Г. Дементьев упомянул в числе своих «заслуг» и увольнение арестованного осенью 1949 г. главного редактора Лениздата П. С. Яцынова: «При мне и по моему личному настоянию Яцынов был уволен из Лениздата» (ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 15. Л. 67).

[204] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 11. Л. 141–143, 146, 155 об. – 156.

[205] Там же. Оп. 2. Д. 15. Л. 55.

других возглавил борьбу с космополитизмом, проводил ее с партийных позиций, и, надо сказать, его очень слабо поддерживали»[206].

По-видимому, именно наличие второго обвиняемого — А. А. Прокофьева — укрепило положение А. Г. Дементьева и позволило ему избежать последствий; созданная партийная комиссия не нашла в действиях А. Г. Дементьева и А. А. Прокофьева ничего, что могло бы подтвердить обвинения, выдвинутые Е. А. Федоровым, А. Е. Решетовым, Г. И. Мирошниченко и др. В случае, если бы обвинения были признаны основательными, их персональные дела пошли бы в партколлегию при Ленинградском ОК и ГК ВКП(б), а это бы кончилось для бывшего члена горкома присоединением к «попковскому охвостью». Но случилось иначе, и уже обвинители были привлечены к партийной ответственности за клевету.

Таким образом, А. Г. Дементьев чудом избежал жерла «ленинградского дела», продолжал оставаться ответственным секретарем ЛО ССП и только в январе 1951 г. уступил свой пост поэту и коллеге по партбюро А. Т. Чивилихину, но сохранил кресло члена правления ЛО ССП. Кроме того, с 1 сентября 1951 г. он занял должность члена редколлегии и заведующего отделом критики журнала «Звезда».

В декабре 1950 г. А. Г. Дементьев стал де-факто принадлежать к элите ленинградских деятелей культуры — он получил отдельную квартиру в знаменитом доме Адамини на Марсовом поле (адрес — набережная Мойки, д. 1/7, кв. 53), который сильно пострадал во время войны и был капитально реконструирован, после чего туда были заселены в том числе и деятели литературы и искусства. Кроме прочих, отдельные квартиры в доме получили Ю. П. Герман, Е. И. Катерли, Б. С. Мейлах, В. Ф. Панова, Л. Н. Рахманов, Е. А. Федоров, Б. Ф. Чирсков, Эльмар Грин...

Также А. Г. Дементьев продолжал свою научную деятельность. В начале 1951 г. он был зачислен в штат Пушкинского Дома[207], а Гослитиздат в том же году издал его книгу «Очерки по истории русской журналистики: 1840–1850 гг.», которая была выдвинута ленинградскими писателями на соискание главной литературной премии[208]. Но Сталинской премии книга удостоена не была.

В 1952 г. вышел учебник «Русская советская литература», написанный ведущими сотрудниками кафедры советской литературы филологического факультета ЛГУ А. Г. Дементьевым, Е. И. Наумовым и Л. А. Плоткиным. Этот научный труд также был выдвинут на главную премию[209]. Но когда вопрос о присуждении книге премии обсуждался в Москве, «Литературная газета» опубликовала развернутую рецензию, написанную заместителем главного редактора газеты, профессором Е. И. Ковальчик. Критикесса в начале статьи отметила несколько положительных моментов, однако претензии явно перевешивали: это и «слабый анализ новаторских черт советской литературы», и «слабая ее критическая заостренность», и «непростительно полное отсутствие критического начала в главе о послевоенной литературе»[210]. Хотя книга Сталинской премии и не получила, но 24 (!) издания все-таки выдержала.

---

[206] Там же.

[207] По-видимому, в качестве совместителя; сведения о принятии А. Г. Дементьева в штат Пушкинского Дома содержатся в докладе Н. Ф. Бельчикова на партсобрании 27 июня 1951 г., где он перечислял кадровые пополнения ИРЛИ за первое полугодие 1951 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 4. Д. 2. Л. 44).

[208] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 2. Д. 58. Л. 18–19.

[209] Там же. Л. 25–25 об.

[210] *Ковальчик Е.* Книга по истории советской литературы // Литературная газета. М., 1952. № 138. 15 ноября. С. 3.

Осенью 1953 г. в судьбе А. Г. Дементьева произошел серьезный поворот. 5 сентября решением секретариата ССП СССР (констатационным, естественно, уже после соответствующего решения в Секретариате ЦК КПСС) Александр Григорьевич был назначен первым заместителем редактора журнала «Новый мир» с освобождением от работы в редколлегии «Звезды»[211]. А с 11-го номера «Нового мира» (подписан в печать 13 октября 1953 г.) А. Г. Дементьев числился в списке редколлегии заместителем главного редактора, являясь еще и заведующим отделом критики. С тех пор он становится «комиссаром» при А. Т. Твардовском. В связи с такой переменой А. Г. Дементьев вынужденно оставил руководство кафедрой советской литературы, передав бразды Е. И. Наумову, и переехал в Москву. 17 октября 1953 г. ректор ЛГУ А. Д. Александров подписывает приказ:

> «Дементьева А. Г. — доцента, зав. кафедрой советской литературы в связи с переводом на другую работу с 1 октября 1953 г. освободить от заведывания кафедрой и перевести на половинный оклад по совместительству»[212].

А. Г. Дементьев проработал в «Новом мире» при «первом заходе» А. Т. Твардовского (1953–1954), затем при К. М. Симонове (1954–1958) и при «втором заходе» А. Т. Твардовского (1958–1966); он был заместителем главного редактора в 1953–1955 и в 1959–1966 гг. Реакция на отбытие А. Г. Дементьева из Ленинграда не была однозначной. Как только планы будущего перевода стали известны в Ленинграде, М. К. Азадовский откликнулся на это в письме Ю. Г. Оксману от 12 июня:

> «...По слухам, в Москву, в "Новый мир" перебирается один из крепчайших моих "лендрузей" — А. Г. Дементьев, к[ото]рый, конечно, со временем войдет и в худ[ожественный] совет Гослитиздата и пр. Как видите, "по эдакой причине" я не совсем весел»[213].

Технический редактор «Нового мира» Н. П. Бианки вспоминала:

> «В Союзе писателей комплектованием редколлегии "Нового мира" в то время занимался К. Симонов. С ним у Твардовского, по моим наблюдениям, отношения были прохладные <...>. Естественно, мы со страхом ждали, кого с его подачи прочат к нам в первые замы. И вдруг узнаем, что грядет А. Дементьев. А по слухам, Дементьев в Ленинграде имел репутацию не самую лучшую. Спрашивается, что же делать? Бросать Твардовского? Решили обождать. Вдруг обойдется! А когда пришел Александр Григорьевич, он, как говорится, нас всех обаял. Но самое интересное и важное другое — в Твардовского он просто влюбился и стал самым близким ему человеком. В редакции ни один вопрос практически не решался без участия Дементьева»[214].

Из дома Адамини на Марсовом поле в Ленинграде новый заместитель главного редактора перебрался в не менее достойное жилище в столице. Союз писателей устроил его в новый высотный дом на Котельнической набережной.

В редакции «Нового мира» Александр Григорьевич попал в непривычное для себя положение — его место работы оказалось отнюдь не самым безукоризненным с идеологической стороны (но, конечно, всё лучше, чем на берегах Невы во время «ленинградского дела»). А. Г. Дементьев пришел как раз перед очередной и очень серьезной

---

[211] *Романова Р. М.* Александр Твардовский: Труды и дни. М., 2006. С. 405.
[212] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 3493 от 17 октября 1953 г.
[213] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 324.
[214] *Бианки Н. П.* К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире»: Воспоминания. М., 1999. С. 27.

проработкой журнала, которая закончилась 23 июля 1954 г. расширенным заседанием Секретариата ЦК КПСС под председательством Н. С. Хрущева.

Для руководства страны вопрос «Нового мира» к тому времени трансформировался — от обсуждения «порочной линии» журнала он грозил разрастись до масштабов осуждения двух литературных журналов в 1946 г. Предпосылки к этому, без сомнения, имелись. Причем заседание Секретариата ЦК КПСС не только проходило в том же формате, как и заседание Оргбюро ЦК 9 августа 1946 г., но и в том самом зале на пятом этаже здания ЦК на Старой площади: тот же большой стол для секретарей ЦК и маленькие отдельные столы для остальных[215]. Даже часть участников заседания в 1946 г. находились в этом же зале.

Но принятое постановление было сдержанным, поскольку Н. С. Хрущев решил ограничиться рядовым кадровым решением. «Хватит нам постановлений ЦК о литературе! У писателей есть своя парторганизация, вот они сами пусть и разбираются»[216]. Несмотря на это, ЦК КПСС постановил:

> «1. Осудить неправильную линию журнала “Новый мир” в вопросах литературы, а также идейно-порочную и политически вредную поэму А. Твардовского “Теркин на том свете”.
>
> 2. Освободить т. Твардовского А. Т. от обязанностей главного редактора журнала “Новый мир” и утвердить главным редактором этого журнала т. Симонова К. М.»[217].

10 августа «зам. редактора журнала “Новый мир” т. Дементьев признал допущенные журналом и им лично ошибки и заявил, что он относится к решению ЦК не по принципу “руки по швам” (как Твардовский), а искренне, честно. Благодарит ЦК КПСС за то, что руководителям журнала терпеливо разъясняли ошибки, несмотря на то что они упорно и беспринципно упирались и сопротивлялись...»[218]

Хотя А. Г. Дементьев остался в составе редколлегии журнала, пришедший К. М. Симонов не собирался долго терпеть ставленника А. Т. Твардовского. В мае 1955 г. А. Г. Дементьев был переведен в ИМЛИ на ответственную должность заведующего сектором советской литературы, а также вошел в состав редколлегии журнала «Советская литература» на иностранных языках.

Начиная с 1956 г. А. Г. Дементьев был увлечен организацией уже другого, задуманного им издания. Осенью он был официально поставлен во главе редакции совместного журнала Союза писателей и ИМЛИ «Вопросы теории и истории литературы»[219], первый номер которого (за апрель 1957 г.) вышел под привычным заглавием

---

[215] Интерьер заседания 1954 г., совпадающий с тем, что запомнили участники заседания 1946 г., описан в устных воспоминаниях А. Г. Дементьева, приводимых Ю. Г. Буртиным: «Как помнит А. Г. Дементьев, заседание проходило в первой половине дня в здании ЦК КПСС, в зале, где за большим столом сидели секретари ЦК <...>, а за маленькими столиками — приглашенные» («Едва раскрылись первые цветы...»: «Новый мир» и общественные умонастроения в 1954 году / Публ. документов Ан. Петрова; изложение и коммент. Ю. Буртина // Дружба народов. М., 1993. № 11. С. 227).

[216] «Едва раскрылись первые цветы...» С. 231–232. (Ю. Г. Буртин приводит рассказ А. Г. Дементьева.)

[217] Там же. С. 233.

[218] Аппарат ЦК КПСС и культура, 1953–1957: Документы. М., 2001. С. 294. (Ошибочно идентифицирован в примечаниях как поэт А. Д. Дементьев.)

[219] *Дементьев А.* Новый журнал Союза писателей // Московский литератор. М., 1956. № 3. 26 ноября. С. 1.

«Вопросы литературы»[220]. Любопытно, что в конце 1956 г., когда московские писатели, литературоведы и критики обсуждали будущее журнала на специальном собрании, где с докладом выступил А. Г. Дементьев, речь зашла и о тех именах, которые в 1940-х гг. занимали в критических выступлениях главного редактора значительное место; особенно об А. Н. Веселовском.

Злободневность этого разговора объяснялась еще и тем, что незадолго перед этим в «Литературной газете» была опубликована статья Н. К. Гудзия «Забытые имена», посвященная отношению к наследию академиков Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского. Вскоре после смерти 13 мая 1956 г. А. А. Фадеева — главного виновника опалы А. Н. Веселовского — Н. К. Гудзий осмелился высказать мысли, которые казались тогда для науки о литературе поистине революционными. Разговор об А. Н. Веселовском, которому посвящена большая половина этой обширной статьи, начинался неожиданно: «Компаративистские излишества Веселовского не дают, по-моему, оснований причислять его к космополитам»[221]. И это было только начало. Заканчивал он еще более смело:

> «Если мы отвернемся от Веселовского и начисто зачеркнем его труды, как это недавно еще делали некоторые рьяные его разоблачители, мы должны будем зачеркнуть всю нашу дореволюционную академическую и литературоведческую науку, не только нашу отечественную, но и зарубежную, потому что Веселовский был самой значительной фигурой среди своих предшественников и современников литературоведов не только России, но и на Западе»[222].

Вполне очевидно, что обсуждение этой статьи прошло красной нитью через встречу А. Г. Дементьева с литературоведами:

> «Многие из выступавших упоминали с похвалой статью Н. Гудзия в “Литературной газете” (о наследии Буслаева и Веселовского). В истории нашей литературной науки есть и другие забытые имена, которые заслуживают внимания нашей общественности. Дело нового журнала — напомнить об этих именах, восстановить историческую истину там, где это нужно»[223].

С переходом в ИМЛИ А. Г. Дементьев оставил место доцента в ЛГУ — на этом настоял его друг и заведующий кафедрой Ф. А. Абрамов. 25 января 1957 г. ректор ЛГУ К. Я. Кондратьев подписал приказ об освобождении А. Г. Дементьева от работы по собственному желанию с 1 февраля[224]. Больше он в Ленинградский университет не возвращался.

Журнал «Вопросы литературы» оказался прогрессивным филологическим изданием: в первые годы там были опубликованы статьи Е. М. Мелетинского, В. М. Жирмунского, Ю. М. Лотмана, Л. К. Чуковской, покойного Г. А. Гуковского...

Но 19 июня 1958 г. на место главного редактора «Нового мира» был возвращен А. Т. Твардовский, который хотел видеть своим первым замом только А. Г. Дементьева. Твардовскому удалось добиться того, что А. Г. Дементьев перешел в «Новый мир», оставаясь главным редактором «Вопросов литературы», и был утвержден в ЦК. Начиная

---

[220] Журнал сильно опоздал с выходом — этот первый апрельский номер был подписан в печать только 28 июня 1957 г. О том, что он будет выходить с апреля, 14 марта объявила «Литературная газета» (Новый журнал «Вопросы литературы» // Литературная газета. М., 1957. № 32. 14 марта. С. 1).

[221] *Гудзий Н.* Забытые имена // Литературная газета. М., 1956. № 139. 22 ноября. С. 3.

[222] Там же.

[223] О новом теоретическом журнале // Московский литератор. М., 1956. № 4. 13 декабря. С. 3.

[224] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 360 от 25 января 1957 г.

с октября 1958 г. А. Г. Дементьев числится заместителем главного редактора. Пост главного редактора «Вопросов литературы» он оставил только в апреле 1959 г., оставаясь в основанном им журнале в качестве рядового члена редколлегии. Окончательно он оставил журнал «Вопросы литературы» в июле 1963 г.

Сотрудничество и тесная дружба с А. Т. Твардовским (они не только жили в одном доме, но и были соседями по дачному поселку писателей близ Красной Пахры) принесли А. Г. Дементьеву в 1960-х гг. действительную славу — он стал «новомирцем», ближайшим помощником А. Т. Твардовского, соредактором самого либерального литературного журнала эпохи. Л. М. Алексеева так характеризует символическое место «Нового мира» 60-х гг. в контексте эпохи:

> «Главный редактор "Нового мира" Александр Твардовский собрал вокруг журнала все талантливое и честное, что было в русской литературе. "Новый мир" способствовал не только распространению идей либерализма, но и сплочению его приверженцев: опознавательным знаком единомышленников стал "торчащий из кармана" очередной выпуск "Нового мира"»[225].

Отношения А. Т. Твардовского и его зама описывает приезжавший в 1966 г. в Москву Ф. А. Абрамов:

> «Дивное лето. Я заехал к Александру Григорьевичу на дачу (в очередной приезд в Москву) и застрял. Виновник — Твардовский...
>
> Обедали с А. Г., зашел Твардовский, и с этого началось. Каждый день с утра. Твардовский вставал по-крестьянски рано. И в 5–6 часов уже стучит. "Сейчас, сейчас, Саша". Я поражался А. Г. Отношения Твардовского и Дементьева. Дружба. Чуть ли не единственный человек, который называл Сашей. Советовался. Бумаги все ответственные редактировал Дементьев.
>
> В общем, любил Твардовский Дементьева. Ну, а Дементьев боготворил.
>
> Твардовский не уклонялся от дел журнала. Читал все главное. Читали и другие. Но коренником журнальной повозки, тягловой лошадкой "Нового мира" был Дементьев. Все делал он. И у него в кабинете — всегда завалы: горы рукописей, версток, гранок (он еще в Институте мировой литературы работал).
>
> Надо работать день и ночь. Но он никогда не тяготился Твардовским (ночью справлял дела). Редкая, бескорыстная любовь»[226].

Современниками, даже не понаслышке знавшими о прошлом А. Г. Дементьева, он уже воспринимался совершенно в ином качестве; в 1974 г. Л. Я. Гинзбург писала:

> «Левые имеют свои разновидности — от собственного мнения, более или менее откровенного, до умения отмолчаться <...> Есть среди них и желающие исправить. Желание, в свое время характерное для основной новомирской группы. Понятно: некоторые ее вдохновители сами вышли из гущи проработчиков (Дементьев — особенно) и сами исправились»[227].

М. Л. Слонимский также записал:

> «Вот что действительно достойно размышлений: Федин, поведение которого в тяжелейшие годы было эталоном благородства, сейчас в Москве ненавистное имя, а Каверин — храбрый вояка за правду! Дементьев, травивший Эйхенбаума, Азадовского, Гуковского

---

[225] *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. М., 2001. С. 209.

[226] *Абрамов Ф.* Неделя с Твардовским в Пахре / Об Александре Твардовском: Незавершенные воспоминания // *Абрамов Ф.* Собрание сочинений. Т. 6. 183–184.

[227] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки... С. 349.

> и прочих, вожак всей кампании против «космополитов» в Ленинграде — сейчас вождь либеральных критиков. Хамелеонство? Или они действительно исправились?»[228]

Несомненно, прошлое довлело над А. Г. Дементьевым — не только печать партийного функционера и роль проработчика, но еще и то, что он собственными глазами видел, как большая часть его коллег по Ленинградскому горкому ВКП(б) была уничтожена. Эта смесь страха и стыда железными оковами лежала на нем до последних дней.

А. И. Солженицын передавал позднее свои впечатления:

> «Они были на "ты", очень все запросто — оба Саши. Никто в редакции не смел Твардовскому возражать, один Дементьев поставил себя с независимым мнением и вволю спорил, и даже так уставилось, что Твардовский никакого решения не считал окончательным, не столковавшись с Дементьевым, — не убедя или не уступя. А особенно дома (они в одном доме на Котельнической жили) Дементьев умел брать верх над Главным: Твардовский и кричал на него, и кулаком стучал, а чаще соглашался. Так незаметно один Саша за спиной другого поднаправлял журнал. Говорят, влиял Дементьев очень осторожно, очень взвешенно. Твардовский вряд ли бы потерпел, если б Дементьев всегда только удерживал его. Немало было случаев, что он и подталкивал — нечего, де, робеть (так было с рассказами В. Гроссмана, например). И почти неизменно он выставлял — "Саша, ты не прав! Это будем печатать!", когда Твардовский упирался по каким-либо личным причинам. Дементьев спорил — но и знал меру, где отступить, признать себя побитым. Он никогда не бывал пусто-чванен, надут, и это облегчало существование ему самому и членам редакции. К нему не боязно было обратиться любому редактору, Дементьев всегда был настроен делово, живо выхватывал суть, и какую статью или абзац можно было пособить протолкнуть, — набросив ширмочку, переставив слова, — пособлял непременно. Он способствовал, чтобы журнал был и посвежей, и посочней и даже поострей — но все в рамках разумного! Но стянутое проверенным партийным обручем и накрытое проверенной партийной крышкой!
>
> Он и с авторами разговаривал свободно, успешно: лишенный самодовольства, он имел глаза рассмотреть автора и правильно с ним обратиться. Он очень приятно окал, улыбался приятно, и знал за собой, как он нравится собеседникам — толстоморденький симпатичный мужичок, с очень уже прореженными, чуть вьющимися волосами, под шестьдесят лет. Он и прищуриться умел и вполголоса намекнуть — свойский парень, понятный каждому. Да вот он охотно принимает вашу рукопись! — "ну, поработаем, конечно, поработаем!" (и исковеркаем). Он и перед Главным, перед которым вы робеете, умеет за вас замолвить: "Саша, ты прав, это дерьмо, но автору же нельзя вложить твою голову. Ну, поддержим его, подправим, напечатаем".
>
> Но там, где разрывался партийный обруч, где выбивалась крышка, — там Дементьев не понимал, о чем можно толковать? Там вступало сердце и зрение Твардовского. Так сорвалось у Дементьева с "Иваном Денисовичем": впечатления бессонной ночи и двойного чтения были слишком сильны над Твардовским, чтобы рывку его поэтического и мужицкого чутья Дементьев отважился противостоять.
>
> Впрочем, это тоже все годами позже я узнал и понял. Я тогда только чувствовал в Дементьеве врага»[229].

---

[228] *Слонимский М. Л.* Записки, заметки, случаи / Публ. Е. Дергачевой // Звезда. СПб., 2010. № 8. С. 136. При публикации «кампании» ошибочно напечатано как «компании», что несколько искажает смысл.

[229] *Солженицын А.* Бодался теленок с дубом. С. 30–31.

Когда грянуло дело Синявского–Даниэля, то у А. Г. Дементьева последовал рецидив. 12 января 1966 г. А. Т. Твардовский записал:

«Ужасное вчерашнее признание Демента после его возвращения из горкома о его готовности, заявленной там инструктору, выступить в качестве общественного обвинителя на процессе Синявского. Правда, он оговорил эту готовность, согласие, нежеланием знакомиться с материалами следствия и "терцовскими" работами С[инявского], что, м[ожет] б[ыть], не позволит (дай бог!) воспользоваться суду его услугами, но то, что он дал согласие и обсуждал там другие возможные кандидатуры, — все это чудовищно. Нельзя отказать тем, кто решил, что грязь С[инявского] должен принять на себя Н[овый] м[ир], в сообразительности. А он хитрец и трус, хотя уже, казалось, и говорилось много и другими, что в последние годы, под воздействием разных факторов, в первую очередь — успехов Н[ового] мира, лестной причастности к этому "очагу", он решительно эволюционировал в добрую сторону.

Мы — я, Кондр[атович], Закс — в один голос выразили свои недоумение и потрясенность его сообщением. Он вздулся и отказался даже выпить с нами рюмку водки по случаю медалей, организованную по инициативе женской части редакции. Что будет — бог весть, но, может быть, тут-то и хрустнет наш хребет. Если он-таки будет выступать на суде, мы предложим ему уйти из редколлегии до этого, — если он не подает заявление, придется мне принимать некое решение»[230].

«Под нажимом Твардовского он от этой чести отказался. Твардовский якобы сказал: будешь общественным обвинителем — уйдешь из редакции, откажешься — и останешься в журнале. Дементьев выбрал — и остался в редакции»[231].

Впрочем, в ИМЛИ он выполнял поручения партбюро исправно:

«Синявского арестовали в сентябре 1965 года, судили в феврале 1966 года, и опять в нашей среде произошла сильная дифференциация: огромное количество наших сотрудников, которые его любили — любили, когда он пел блатные песни, любили, когда он говорил о символизме и выступал в секторах и отделах, — все его осуждали <...>. В это время в "Правде" было напечатано письмо лучших профессоров-филологов МГУ, включая Бонди. Они проклинали Синявского, как могли. <...> И тут наш отдел, "советский" отдел Института мировой литературы, решил, что он тоже должен отречься от Синявского. <...> Нас всех собрали в полукруглой комнате нашего отдела и зачитали письмо. Во главе нашего отдела был Александр Григорьевич Дементьев, который проделал тогда очень сложную эволюцию. Он был в Ленинграде одним из первых, кто громил филологов, в частности, Гуковский погиб по его вине во время кампании по борьбе с космополитизмом, но потом Дементьев приехал в Москву работать к Твардовскому и изменил свою позицию, она стала гораздо либеральнее. И вот

---

[230] *Твардовский А. Т.* Новомирский дневник: В 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 411–412. В примечании к этой записи сказано: «А. Г. Дементьев на процессе Синявского и Даниэля не выступал. На новомирцев Александр Григорьевич "надулся", по свидетельству его дочери И. А. Дементьевой, за само предположение о такой возможности» (Там же. С. 631). Достойно упоминания, что в прежние годы редакция «Нового мира» не брезговала участием в проводимых партийным аппаратом кампаниях, в том числе в травле Б. Л. Пастернака: 25 октября «Литературная газета» опубликовала «Письмо членов редколлегии журнала "Новый мир" Б. Пастернаку», которое предварялось обращением членов редколлегии журнала от 24 октября 1958 г., подписанным в том числе А. Т. Твардовским и А. Г. Дементьевым (см.: *Твардовский А. Т. и др.* В редакцию «Литературной газеты» // Литературная газета. М., 1958. № 299. 25 октября. С. 2).

[231] *Бианки Н. П.* Указ. соч. С. 49.

начали читать этот текст со слезой в голосе. Текст этот был приблизительно такой: “Мы так его любили, мы так его любили, а он — змея, которую пригрели на своей груди, а он писал на Запад, а у нас про Клима Самгина, а туда про социалистический реализм”»[232].

В том же 1966 г. А. Г. Дементьев стал разменной картой в очередном этапе борьбы аппарата ЦК КПСС с «Новым миром» и его главным редактором: 16 декабря А. Т. Твардовский был вызван на Старую площадь, где ему в ультимативной форме было предложено «обновить» редколлегию, выведя из ее состава зам. главного редактора А. Г. Дементьева и ответственного секретаря редакции Б. Г. Закса. Александр Трифонович ответил отказом. Поскольку былая оттепель давно сменилась затяжными заморозками, церемониться с А. Т. Твардовским не стали — в ЦК через несколько дней были вызваны А. Г. Дементьев и Б. Г. Закс, которые после внушения без промедлений написали заявления об уходе «по собственному желанию»:

«А. Т. [Твардовский] минут 20 пререкался с Сусловым, отказываясь работать, когда без его ведома и согласия убирают работников (Дементьева и Закса), и тот угрожал партийной дисциплиной, которая обяжет А. Т. остаться на посту»[233].

Позднее А. И. Солженицын писал:

«ЦК актом внезапным и непостижимым по замыслу, минуя Твардовского, не предупредив его, сняло двух вернейших заместителей — Дементьева и Закса: как когда-то из ГБ не возвращались люди домой, так и эти двое уже не вернулись из ЦК на прежнюю работу. Административно это было, конечно, плевком в Твардовского и во всю редакцию, но по сути это был такой же переруб строп, высвобождение ко взлету, ибо снятые и были два вернейших внутренних охранителя, ослаблявшие энергию Твардовского»[234].

Еще до снятия с поста в «Новом мире» персона А. Г. Дементьева стала объектом критики. В 1966 г. журнал «Октябрь» напечатал статью Д. М. Молдавского «...А литературная критика — творчество!», в которой выпускник филологического факультета ЛГУ, ученик М. К. Азадовского, острым полемическим пером выставил А. Г. Дементьева в неприглядном свете. Объектом анализа Д. М. Молдавского стал сборник статей А. Г. Дементьева «На новом этапе: Статьи о литературе», изданный в 1965 г. Д. М. Молдавский не только иронически воспринимает претензии А. Г. Дементьева на роль «ведущего» критика, но и бьет его собственными цитатами из работ прежнего времени, не упуская возможности припомнить 49-й год:

«Для тех, кто забыл, напомню несколько строк из статьи того же автора, напечатанной довольно давно, но, как выясняется, и “на новом этапе” остающейся его методологическим “кредо”.

В свое время он обвинил целую плеяду советских ученых и критиков в том, что они “антипатриоты” и “космополиты”, что они выступали “против политики партии в области литературы и искусства, клеветали на советскую литературу, раболепствовали перед буржуазной культурой, отравляли атмосферу советского искусства формализмом и эстетским снобизмом”.

---

[232] *Белая Г.* «Я родом из шестидесятых...»: (Мемуарное выступление на праздновании 70-летия Г. А. Белой на историко-филологическом факультете РГГУ 19 октября 2001 г.) // Новое литературное обозрение. М., 2004. № 70. С. 216–218.

[233] *Кондратович А. И.* Указ. соч. С. 381. (Запись от 23 августа 1967 г.)

[234] *Солженицын А.* Указ. соч. С. 160.

И дальше идет довольно большой список "отравителей", куда попали и А. Белецкий, и Б. Эйхенбаум, и А. Долинин, и М. Азадовский, и Л. Тимофеев... Только тогда А. Дементьев ссылался не на "классическое наследие", а на очень определенные доклады и заявления... А метод — метод остался все тем же!..

Специфика творческого процесса, проблема художественности по-прежнему далеки от А. Дементьева. Рассуждает ли он о прозе, о поэзии или о кинематографе, все эти "мелочи" ему безразличны. Он, знай, пишет свое...»[235]

Однако появление этой статьи Д. М. Молдавского служило отнюдь не ревизии событий 1949 г. Редакция «Октября» напечатала ее совершенно с иной целью: объектом для удара был не столько А. Г. Дементьев, сколько «Новый мир». Будучи опубликована в «Октябре», который редактировался В. А. Кочетовым (знакомым с А. Г. Дементьевым с военных лет) и членами редколлегии которого были М. С. Бубеннов, С. А. Васильев и др., статья Д. М. Молдавского оказалась еще одним камнем, брошенным в А. Т. Твардовского. К тому времени Д. М. Молдавский сам стал одним из рупоров реакции.

Работа в либеральном «Новом мире» не освобождала А. Г. Дементьева от обязанности вести себя в ИМЛИ по строгим законам этого учреждения. В частности, в 1959 г. под его редакцией выходит сборник научных трудов «Против буржуазных концепций и ревизионизма в зарубежном литературоведении». Также он стал ответственным редактором «Истории русской советской литературы»[236] и «Очерков истории русской советской журналистики»[237].

Критика «Нового мира» и увольнение из журнала руками ЦК не только поставили А. Г. Дементьева в положение гонимого в глазах либеральной части интеллигенции, но и представили Александру Григорьевичу возможность на себе испытать многое из того, что испытали в 40-х гг. его ленинградские коллеги. Особенную остроту ситуации придавало и то, что пост исполняющего обязанности директора ИМЛИ в 1966–1968 гг. занимал В. Р. Щербина[238] — «правовернейший из правовернейших»[239], сам в 1941–1946 гг. бывший редактором «Нового мира», а к новой редакции относившийся без реверансов:

---

[235] *Молдавский Дм.* ...А литературная критика — творчество! // Октябрь. М., 1966. № 10. Октябрь. С. 218–219.

[236] История русской советской литературы: В 3 т. / Отв. ред. А. Г. Дементьев. М., 1958–1961; История русской советской литературы, 1917–1965: В 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. А. Г. Дементьев. М., 1967–1971.

[237] Очерки истории русской советской журналистики, 1917–1932 / Отв. ред. А. Г. Дементьев. М., 1966; Очерки истории русской советской журналистики, 1933–1968 / Отв. ред. А. Г. Дементьев. М., 1968.

[238] Щербина Владимир Родионович (1908–1989) — литературовед, критик; выпускник литературного факультета Краснодарского пединститута (1929), член ВКП(б) с 1939 г.; главный редактор журнала «Новый мир» (1941–1946) и журнала ГлавПУРа ВМФ «Краснофлотец», затем ответственный секретарь журнала «Октябрь», после чего заместитель главного редактора газеты «Правда», член редакции газеты «Известия», доктор филологических наук (1954, тема — «Творческий путь А. Н. Толстого»), с 1947 г. профессор и заведующий кафедрой советской литературы МОПИ имени Н. К. Крупской, с 1953 г. по 1988 г. заместитель директора ИМЛИ (в 1966–1968 и 1974–1975 гг. исполняющий обязанности директора); заслуженный деятель науки, член-корреспондент АПН СССР (1968), член-корреспондент АН СССР (1976), с 1977 г. — член бюро Отделения литературы и языка АН СССР, в 1968–1988 гг. главный редактор «Литературного наследства».

[239] *Лазарев Л. И.* Шестой этаж, или Перебирая наши даты...: Книга воспоминаний. М., 1999. С. 51.

«Щербина <...> так говорит в дружеском кругу: “Н[овый] м[ир]” — еврейск[ий] журнал, единств[енная] их цель, чтобы евреям в паспортах не ставили нац[иональнос]ть. Да и понятно, там все — жиды, Лакш[ин] — еврей, Кондр[атович] — еврей, а Тв[ардовский] тоже наполовину польский еврей»[240].

В апреле 1967 г. А. Т. Твардовский послал письменное обращение «выдающемуся советскому ученому», вице-президенту АН СССР П. Н. Федосееву (1908–1990) с просьбой воздействовать на руководство ИМЛИ, в результате которого удалось серьезно облегчить существование там А. Г. Дементьева[241].

Летом 1969 г. единство А. Г. Дементьева и «Нового мира» обернулось политическим скандалом, непосредственной причиной которого стала опубликованная в апрельской книжке журнала, вышедшей в свет в июне, статья А. Г. Дементьева «О традициях и народности: (Литературные заметки)».

«О чем была статья Дементьева. Об усилившихся в то время неославянофильских тенденциях, давших знать себя, как ни парадоксально на первый взгляд, в молодежном журнале “Молодая гвардия”. Все русское — прекрасное, все не русское — гниль, Запад, оттуда добра не жди. Старая-престарая песенка. Однако в официальных кругах ее слушали поощрительно. Квасной патриотизм всегда был у нас в чести. <...> Дементьев осторожно, но внятно сказал, что это увлечение стариной не так уж безвредно и что помимо национальных чувств бывают и интернациональные и т. п. Высказал то, что считается прописями.

Но нет ничего опаснее, чем трогать любезный нам патриотизм. Вот повод и пища для демагогии. Многие подрывались на этом минном поле. То же произошло и с Дементьевым»[242].

Ответ А. Г. Дементьеву и «Новому миру» был опубликован не в «Молодой гвардии», а в редактировавшемся А. В. Софроновым «Огоньке». 26 июля 1969 г. свежий номер журнала содержал статью «Против чего выступает “Новый мир”?», получившую в дальнейшем эпическое название «Письмо одиннадцати». Приведем выдержку:

«Мы полагаем, что не требуется подробно читателю говорить о характере тех идей, которые давно уже проповедует “Новый мир”, особенно в отделе критики. Все это достаточно широко известно. Именно на страницах “Нового мира” печатал свои “критические” статьи А. Синявский, чередуя эти выступления с зарубежными публикациями антисоветских пасквилей. <...> Вот и на этот раз автор “Нового мира” А. Дементьев в своей статье многократно призывает читателя не преувеличивать “опасности чуждых идеологических влияний”. Он даже ссылается при этом на слова И. С. Тургенева <...> совершенно забывая при этом о недопустимой антиисторичности подобной параллели. Дело ведь вовсе не в том, что за сто лет “мы стали куда более сильными и самостоятельными”, как пишет А. Дементьев. В обстановке сегодняшней непримиримой борьбы двух враждебных идеологий коренным образом изменился самый характер “посторонних влияний”. <...> В условиях сосуществования Советского Союза в сегодняшнем расколотом надвое мире отравляющее воздействие буржуазной пропаганды очевидно всякому. <...> Впрочем, здесь удивляться нечему: “Новый мир” давно уже утратил представление о своем месте в борьбе с чуждой идеологией»[243].

---

[240] *Лакшин В.* Последний акт: [Продолжение] / Подгот. текста, примеч. С. Н. Лакшиной // Дружба народов. М., 2003. № 5. С. 171.

[241] *Твардовский А. Т.* Указ. соч. Т. 2. С. 508. Примеч. 81.

[242] *Кондратович А. И.* Указ. соч. С. 424.

[243] *Алексеев М. Н. и др.* Против чего выступает «Новый мир»?: Письмо в редакцию // Октябрь. М., 1969. № 30. 26 июля. С. 26–27.

Мало того, что авторы «Письма одиннадцати» побивали А. Г. Дементьева его же оружием, они не преминули напомнить и неприглядные моменты его биографии. Приводя цитату из статьи А. Г. Дементьева «Против антипатриотического эстетизма и формализма в поэзии»[244], авторы «письма» пишут:

«Спустя несколько лет тот же А. Дементьев, так категорически оценивший Ильфа и Петрова, становится членом редколлегии собрания их сочинений. Ныне мы наблюдаем А. Дементьева в новой роли»[245].

Чем же заканчивается этот «пасквиль одиннадцати»? А. Г. Дементьева — в 1969 г. — обвиняют все в том же космополитизме, причем в знакомых ему словах:

«Наше время — время острейшей идеологической борьбы. Вопреки усердным призывам А. Дементьева не преувеличивать "опасности чуждых идеологических влияний" мы еще и еще раз утверждаем, что проникновение к нам буржуазной идеологии было и остается серьезнейшей опасностью. Если против нее не бороться, это может привести к постепенной подмене понятий пролетарского интернационализма столь милыми сердцу некоторых критиков и литераторов, группирующихся вокруг "Нового мира", космополитическими идеями. И, если хотите, наглядным подтверждением такой опасности является сам тот факт, что у нас уже появились литераторы вроде А. Дементьева. В провокационной тактике "наведения мостов", сближения или, говоря модным словом, "интеграции идеологии" они словно бы не хотят видеть диверсионного смысла. Более того, прикрываясь трескучей фразеологией, они сами выступают против таких основополагающих морально-политических сил нашего общества, как советский патриотизм, как дружба и братство народов СССР, как социалистическое по содержанию, национальное по форме искусство социалистического реализма. И это не может не беспокоить нас, советских писателей, ибо защита главных духовных ценностей нашего общества, патриотических традиций, воспитание чувства гордости за социалистическое Отечество, его прошлое и настоящее, борьба за коммунистическое мировоззрение народов были, есть и будут главной задачей советской литературы»[246].

Травля «Нового мира» шла рука об руку с травлей А. Г. Дементьева: появились традиционные признаки идеологической кампании. В газетах начали публиковаться гневные письма «токарей» и т. п.

«О Дементьеве пишут как о враге, сравнивают его фактически с троцкистами и пр. В духе "канонических" статей 48 года. А может, даже и похлеще. Подписей 11. Удивительнее всего подпись Прокофьева. Они же были с Дементьевым когда-то друзьями»[247].

«В "Советской России" трехколонник о "Нью-Йорк таймс" и о нас, конечно. Под статьей — другая статья: "По разные стороны баррикад" (о ревизионистах). И то и другое жирным, черным, траурно-тревожным шрифтом. И заголовками превосходно перекликаются. О Дементьеве уже пишут как о враге. В одном абзаце вместе с Синявским и Даниэлем, только Дементьеву добавили инициал. Вот и все. О журнале в конце статьи говорится как о вражеском»[248].

---

[244] *Дементьев А. Г.* Против антипатриотического эстетизма и формализма в поэзии // Звезда. Л., 1949. № 3. Март. С. 205–207.

[245] *Алексеев М. Н. и др.* Указ. соч. С. 27.

[246] Там же. С. 29.

[247] *Кондратович А. И.* Указ. соч. С. 425.

[248] Там же. С. 430. Речь идет о ст.: *Иванов Дм.* По поводу чего выступает «Нью-Йорк таймс» // Советская Россия. М., 1969. № 180. 3 августа. С. 3. А. И. Кондратович говорит о следующем абзаце: «...Люди в советской стране не за Синявским и Даниэлем, участь которых вы оплакивали

Если для одной части населения Страны Советов имя А. Г. Дементьева было созвучно с либерализмом, то скандал с «Молодой гвардией» стал причиной того, что черносотенной частью населения Александр Григорьевич стал восприниматься как «еврейский публицист»[249].

Что же касается А. Т. Твардовского, то усилившаяся всеобщая травля «Нового мира» стала для него невыносима: 12 февраля 1970 г. он подает заявление об уходе с поста главного редактора. А в мае из ИМЛИ увольняют и А. Г. Дементьева.

Увольнение А. Г. Дементьева имело громкие последствия. 30 июня 1970 г. 14-й выпуск распространявшейся в самиздате «Хроники текущих событий» сообщал:

> «21 мая приказом директора Б. Сучкова из ИМЛИ уволены по достижении пенсионного возраста несколько научных сотрудников, среди которых — известный критик, бывший член редколлегии "Нового мира" А. Г. Дементьев. Показательно, что увольнение не коснулось таких сотрудников, давно достигших пенсионного возраста, как В. О. Перцов или, например, Я. Эльсберг (он же Шапирштейн-Лерс) — известный доносчик и свидетель в тайных процессах 1930—40 гг. »[250]

Место публикации этой новости, а также контекст свидетельствуют об ореоле, который имел А. Г. Дементьев в глазах либеральной части интеллигенции к тому времени. Причиной тому были как его принадлежность к «Новому миру», так и знаменитая статья 1969 г., ставшая детонатором больших литературно-политических событий.

18 декабря 1971 г. умер А. Т. Твардовский. После этого либеральный пыл Александра Григорьевича угас, и он вернулся к написанию литературоведческих работ, которые вряд ли можно охарактеризовать как либеральные: «В. И. Ленин и советская литература» (М., 1977, 1990), «Статьи о советской литературе» (М., 1983).

Умер А. Г. Дементьев 23 марта 1986 г. на 82-м году жизни. В некрологе, который был опубликован в «Литературной газете», новомирская деятельность А. Г. Дементьева

крокодиловыми слезами, не за критиком А. Дементьевым, которого вы так хорошо охарактеризовали в своем комментарии как "известного либерального критика", а именно за теми, кого вы называете консерваторами (т. е. А. В. Софроновым и его сторонниками. — *П. Д.*), идут массы, за ними — будущее».

[249] В качестве примера приведем один из наиболее ярких: «В борьбе "Молодой гвардии" за сохранение русской культуры и против "американизации духа" главным оппонентом выступил леволиберальный "Новый мир". Еврейских авторов и редколлегию этого издания "возмущала наглость" русских патриотов, осмелившихся возрождать то, что, по "новомировским" взглядам, давно уже умерло и глубоко похоронено. Статьи "Нового мира" против русского возрождения напоминали обычные доносы, а по злости и концентрированной ненависти к русскому оставляли далеко позади официальные поношения журнала "Коммунист". Так, в статье против "Молодой гвардии" в "Новом мире" члена его редколлегии еврейского публициста А. Г. Дементьева чувствуется просто звериная злоба к "добрым храмам" и "грустным церквям", "пустынножителям и патриархам", к русской крестьянской культуре (ее ценителей критик называет "мужиковствующими"). Взамен всего этого еврейский большевик предлагает бодрое строительство коммунистического общества по директивам ЦК КПСС, симпатизируя на самом деле космополитизму и американизации духа» (*Платонов О. А.* Терновый венец России: История русского народа в XX веке. М., 1997. Т. 2. С. 420). Также автор называет А. Г. Дементьева «еврейским критиком» (с. 466), «старым русофобом» (с. 563), «представителем интеллигенции "малого народа"» (с. 687), «представителем космополитической интеллигенции» (с. 777), «еврейским публицистом-русофобом, гл. редактором органа еврейской молодежи "Юность"» (с. 881).

[250] Внесудебные преследования // Хроника текущих событий. М., 1970. 30 июня. Вып. 14. Цит. по: Хроника текущих событий: Выпуски 1—15: [Репринтное воспроизведение]. Амстердам, 1979. С. 439.

была отмечена особо: «В течение ряда лет он являлся заместителем главного редактора журнала "Новый мир" А. Т. Твардовского, высоко ценившего его творческую неутомимость, эрудицию и взыскательный вкус»[251].

POST SCRIPTUM

В 1974 г. Л. Я. Гинзбург занесла на страницы своей записной книжки очерк под названием «Собрание», опубликованный в 2002 г.[252] Рассуждая об универсальных свойствах человеческой природы, о связи исторической функции человека с его действительным поведением, пытаясь объяснить удручающую картину нравственной и интеллектуальной деградации современников, Лидия Яковлевна иллюстрирует свои тезисы примером из «заштатной области литературных дел», поскольку «и в ее пределах какие-то ситуации могут служить микрокосмом социальных закономерностей».

«Вот, например, — пишет она, — собрание некоей секции (середина семидесятых годов), с выступающими разного возможного типа...» И хотя автор, казалось бы, просто рисует различные человеческие типы, но в какой-то момент вдруг обнаруживается, что всё это не только реальные, но даже хорошо знакомые нам еще по 1940-м гг. люди, а «некая секция» — это секция критики ЛО ССП, в которую входила и сама Л. Я. Гинзбург.

Расшифровывая по ходу повествования их имена, мы имеем возможность увидеть (глазами Лидии Яковлевны, а потому с долей неизбежного субъективизма) то, как эволюционировали некоторые персонажи ленинградской филологической науки. Мы приведем несколько фрагментов этого очерка:

> «Когда люди действуют механически — без двигателей эмоций и интересов, — пружины обнажаются до предела. Собрание сплошь посвящено подмененным темам, то есть предназначенным подменять те подлинные, которые могли бы возникнуть из данных обстоятельств. Подмененные темы выполняют разные функции. Они создают видимость деятельности, что собравшимся практически и нужно, и видимость высказываний, разумных, даже либеральных и благородных, — что всегда приятно высказывающимся»[253].
>
> «Самый архаичный пласт представлен первым выступающим (**профессор Л. А. Плоткин.** — *П.Д.*), — до инфарктов помятым всеми отпущенными на его долю прижизненными перевоплощениями. От прочих выступающих он отличается тем, что когда-то верил в то, что говорил. Эта разновидность в высшей степени выигрывала на том, во что она верила. То есть это не дурак, герой, интеллигент (разновидность, до тонкости нами изученная), а, напротив того, продукт местечковой бедноты, перед которой распахнулась вдруг ослепительная возможность образования, деятельности, власти, — о хорошей жизни тогда еще как-то не принято было думать. <...>
>
> Четырнадцати лет первый выступающий поступил в своем городе на работу, одновременно учился в вечерней школе. С 1925 журналист, потом прошел через университет — все это на периферии. С начала тридцатых годов разворачивается в Ленинграде.

---

[251] Александр Григорьевич Дементьев: [Некролог] // Литературная газета. М., 1986. № 14. 2 апреля. С. 7; 4 апреля некролог был полностью перепечатан в «Литературной России» (№ 14. С. 23).

[252] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. С. 346–367.

[253] Там же. С. 351.

Этот исторический тип был тогда еще чрезвычайно активен. Он имел свои подвиды, в том числе и буржуазный (некоторых в детстве обучали немецкому языку и игре на рояле). Были среди них лихие рапповцы, были при рапповцах ученые гегельянцы. Первый выступающий принадлежал к подвиду скорее прагматическому. Был хороший администратор (нисколько не злостный). При некультурности, в своем роде был умен. Имел дар речи. Прорабатывал поэтому красноречиво. В качестве проработчиков все они, впрочем, сущие дети, по сравнению с пребывавшими тогда еще в зерне. Они не хотели убивать, ни лишать свободы или хлеба (хотя все это могло, разумеется, проистечь само собою). Они хотели, чтобы противник смирился и, главное, посторонился с дороги.

Он набирал свою силу перед войной, а во время эвакуации стал уже значительным лицом в научном учреждении. И вот тут, как рябь по только что гладкой воде, побежали тревожные слухи. Когда учреждение вернулось из эвакуации, он был уже чем-то очень ответственным, потому что именно с ним надо было вести разговор о поступлении в аспирантуру. Он был ответственный и в то же время, как многие возвращавшиеся (они поначалу даже без особой нужды заискивали перед блокадными), еще очень растерянный, еще не похожий на начальство. Настолько непохожий, что, по ходу разговора, он спросил у претендовавшего на аспирантуру (из блокадных): "А как тут у вас обстоит с этим самым... с национальным вопросом?" И застеснялся.

Для него обстояло еще сравнительно благополучно. Он руководил научным учреждением, при фиктивном директоре (из старой гвардии). Он стал вполне похож на начальство и, уже не конфузясь, сидел в своем кабинете за большим столом красного дерева, первой четверти XIX века. Теперь уже речь шла не о том, чтобы верить или не верить, но о том, чтобы как-то усидеть за красным столом. Для этого, в частности, надо было не принимать в аспирантуру — докторантуру тех самых, с которыми обстояло...

Так оно шло до катастрофы 49-го. Из института его выбросили, и он кое-как зацепился за свою профессорскую ставку в университете. По этому поводу Г. (Г. А. Гуковский. — *П.Д.*) говорил: «Он будет в университете полы мыть, если декан ему прикажет». Речь шла о молодом декане (Г. П. Бердникове. — *П.Д.*), достигшем деканства неукоснительной проработкой своих учителей.

Двадцать лет со страхом пополам профессорского существования закончилось для выступающего тем, что завкафедрой, проработчик последней марки (П. С. Выходцев[254]. — *П.Д.*), затравил его и выгнал на пенсию.

Вот он собирается говорить на собрании — пенсионер о двух инфарктах. Через что он прошел за свою долгую жизнь, этот неплохой человек, скорее благожелательный? Через какие медные трубы предательства и жестокости?

Н. М. (Н. И. Мордовченко. — *П.Д.*) был с ним в хороших отношениях. Когда Зощенко прорабатывали, руководитель учреждения выступал особенно развернуто. После чего с надеждой спросил Н. М. у себя в кабинете:

— Ну как, удалось мне сохранить осанку благородства?

— Не заметил, — ответил ему собеседник.

---

[254] Речь идет о Петре Созонтовиче Выходцеве (1923–1993), докторе филологических наук, профессоре и в 1961–1974 гг. заведующем кафедрой советской литературы филологического факультета ЛГУ. «О нем говорили: "Всем известно, откуда он выходцев и куда он входцев"» (*Рейфман П.* Дела давно минувших дней. С. 21).

Вот он стоит, некогда взявший меч, тощий, остроносый, и произносит оптимистическую речь...»[255].

«Таков власть имевший. Второй выступающий — власть имеющий (**профессор В. Г. Базанов**[256]. — *П.Д.*). Он всего на пять лет моложе, но историческая дистанция велика. Он из тех, кто формировались в тридцатых годах, а развернулись в послевоенных, сороковых. То есть из тех, кто если чему-нибудь верили, а еще больше сочувствовали, то установкам этих лет.

[255] *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. С. 352–354.

[256] Базанов Василий Григорьевич (1911–1981) — литературовед и фольклорист, родился в деревне Вожерово Кологривского уезда Костромской губернии, в 1928 г. поступил в Ярославский пединститут, откуда перевелся на общественно-экономический факультет Нижегородского университета, который окончил в 1931 г., а в 1934 г. аспирантуру при нем; в 1936 г. защитил в Воронежском педагогическом институте диссертацию на тему «Антинигилистический роман Н.С. Лескова». С 1935 г. преподавал в Карело-финском педагогическом и учительском институте, а с организацией в 1940 г. Карело-финского государственного университета стал заведовать в нем кафедрой литературы. Во время войны эвакуировался в Сыктывкар, с 1945 г. зачислен в докторантуру Пушкинского Дома, где в 1946 г. вступил в ВКП(б), а в 1948 г. защитил диссертацию на тему «Ф. Глинка и В. Раевский как деятели и поэты Союза Благоденствия», в том же году назначен заведующим отделом литературы Карело-финского филиала АН СССР. Именно в Петрозаводске В. Г. Базанов в 1949 г. стал основным проработчиком:

«В Петрозаводске действительно поначалу было спокойнее, чем в Ленинграде. Мне тогда было 27–28 лет, я начал заведовать, а по сути дела, формировать отдел фольклора. Но вскоре у меня случился очень неприятный и вместе с тем анекдотический казус. Было созвано собрание городской интеллигенции — писатели, художники, преподаватели вузов. (В Петрозаводске тогда было два вуза: учительский институт и университет.) Везде в стране идет "разоблачение" космополитов, надо, следовательно, и у нас, в Карелии, их "разоблачить". Среди карельских "космополитов" оказался мой близкий друг Елеазар Моисеевич Мелетинский. Обвинили его в том, что он ругал роман Фадеева "Молодая гвардия".

На собрании выступил Василий Григорьевич Базанов. До войны он работал в Петрозаводске, потом был в докторантуре Пушкинского Дома. Он почему-то считал, что мы с Мелетинским опасные конкуренты для его научной карьеры. Он заявил, что Е. М. Мелетинский в своих лекциях мало подчеркивает влияние русской литературы на литературу других стран. А это уже "космополитизм". Про меня он сказал, что я пишу такие статьи, какие раньше писали в "Олонецких губернских ведомостях". И закончил так: "В Ленинграде разгромили космополитов, здесь мы тоже разгромим космополитов"» (*Чистов К. В.* Забывать и стыдиться нечего... С. 54). Вскоре, 6 мая 1949 г., Е. А. Мелетинский был арестован, получив в октябре 1950 г. по приговору ОСО при МГБ СССР 10 лет ИТЛ; смерть Сталина позволила ему освободиться осенью 1954 г.

В. Г. Базанов зарекомендовал себя в Петрозаводске в качестве политически грамотного ученого (о его докладе 1950 г. «Статья товарища Сталина «Относительно марксизма в языкознании» и наши задачи» см.: *Белоусов С.А.* О перестройке работы по языкознанию в филиалах Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1951. № 6. С. 22). Однако во время серьезной проверки филиала в 1951 г. в числе претензий Президиум АН СССР указал, что не уделяется «необходимого внимания разоблачению зарубежных финских фальсификаторов истории и их реакционной идеологии», получил взыскание и В. Г. Базанов (см.: О научной деятельности Карело-Финского филиала: (В Президиуме Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. М., 1951. № 9. С. 69).

После этого, в том же 1951 г., В. Г. Базанов переводится из Петрозаводска в штат Пушкинского Дома, и в его карьере начинается стремительный взлет: в 1953 г. он становится заведующим сектором народного творчества ИРЛИ, в 1955–1960 и 1963–1965 гг. заместителем директора, а в 1965–1975 гг. — директором Пушкинского Дома. В 1954–1965 гг. исполнял обязанности заведующего кафедрой истории русской литературы филологического факультета ЛГУ, в 1957–1967 гг. был главным редактором журнала «Русская литература». В 1962 г. избран членом-корреспондентом АН СССР.

Это тоже периферийное завоевание Ленинграда. В двадцатых–тридцатых годах — инкубационный период (студенческо-аспирантский) в провинциальных педвузах. Потом годы работы в республиканском центре. После войны база переносится (постепенно) в Ленинград. Начиналась большая карьера; развивалась она бурно и неровно, потому что резко выраженные личные свойства не всегда притирались к его исторической модели.

В своем устремлении к власти он был способен на все, что требовалось, и даже на большее. По своему устройству он насильник, но он не чиновник. Это человек даровитый, с охотничьим чутьем на материал, с утробной жаждой всего — власти, жирной и пьяной жизни. Его не тронула ни цивилизация, ни культура, вконец разнуздали неустойчивые военные годы, проведенные не на войне. В своем роде екатерининский вельможа, выходящий драться на кулачках, а скорее купчик, бьющий зеркала в трактире. По природе пьяница, дебошир, истерик. Знает, что для процветания нужен расчет и удерж. Но часто не может удержаться. Это как скорпион в притче о скорпионе, который на полпути ужалил лягушку, перевозившую его через ручей. "Скорпион! Скорпион! — воскликнула лягушка. — Ведь ты погибнешь вместе со мной!" "Знаю, — сказал скорпион, — но такой уж у меня нрав..."

Ну конечно, не сообразуясь с реальностью, он вообще не мог бы усидеть. И свои импульсы он то спускает с цепи, то придерживает. Но придерживать противно. Поэтому в нем эта злость и постоянное беспокойство, переходящее в потребность дразнить и дергать людей.

Карьера его большая, но странная. Он жадно хватал любые подвертывавшиеся ему ответственные посты, совмещал их, потом довольно скоро бросал или его побуждали их бросить. Вот уже, впрочем, несколько лет, как он большой начальник. Сотрудникам с ним очень трудно, так как нет в его поведении бюрократического стереотипа. И потому кроме неприятностей полагающихся и предвидимых он доставляет еще множество непредсказуемых.

Притом он самодур по салтыковской формуле: "А может, я тебя, ха! ха! — и помилую!" Самодур с пристрастиями и фаворитами[257]. Собственная даровитость влекла его к настоящим ученым. И в своем роде он действительно хорошо к ним относился (что, понятно, не помешало ему в пору проработок обойтись с ними надлежащим образом). Это от понимания подлинного, которое часто приходилось скрывать, а иногда для самоутверждения хотелось обнаружить; это от презрения к своим дуракам и бездельникам, которое соблазнительно довести до их сведения.

Разводил он их, впрочем, охотно. Некто как-то спросил его доверительно: "И зачем вам такое дерьмо?" "А я это люблю", — ответил он без запинки.

Доволен ли он? Нет, конечно. Гложут зависть, злость, опасения, вожделения. Инфаркт уже был. В членкоры пока что не выбрали[258].

---

[257] Когда в 1964 г. В. Г. Базанов занял место исполняющего обязанности заведующего кафедрой истории русской литературы, то В. Я. Пропп записал: «Назначен новый заведующий, из Пушкинского Дома, человек совершенно неподходящий, никогда не преподававший, к тому же пьяница, самодур и человек с неустойчивой психикой. Это — приказ обкома, только оформленный ректором. Наши все приуныли, за кафедру мне жаль...» (Неизвестный В. Я. Пропп / Предисл., сост. А. Н. Мартыновой. СПб., 2002. С. 232).

[258] Здесь Л. Я. Гинзбург имела в виду звание академика, поскольку членом-корреспондентом В. Г. Базанов был избран 29 июня 1962 г. (одновременно с известным «специалистом» в области языкознания Ф. П. Филиным).

Речь свою на собрании он произносит с оттенком директивности. Но он красный, с вздувшейся шеей, с рассеянными глазами в очках. То ли нетрезв, то ли присутствующим так кажется по привычке»[259].

«Третий выступающий (**профессор Г. П. Макогоненко.** — *П.Д.*) — сверстник второго. Кое-чем даже похожий: данными биографии (парень из глухого городка, до университета работал на заводе. В ЛГУ с первого курса — комсомольский деятель); личными свойствами — жадность к жизни, к успеху, хамеж.

Итак, комсомольский организатор; подготовлялось дальнейшее развитие определенной исторической функции. И вдруг его повернуло. Повернула его встреча с молодым профессором университета (Г. А. Гуковским. — *П.Д.*). Едва хлебнувший культуры, он почувствовал вдруг, что похож на этого интеллектуальнейшего, ученейшего, блистательного молодого ученого. Не то что подобен, но что этот профессор всем своим обликом и поведением открывает ему какие-то до сих пор неизведанные возможности — ораторского воздействия, педагогической власти над людьми, возвышенного строя личности, свободного парения среди слов и мыслей. И главное, он чуял всеми своими инстинктами, что этот открывшийся ему захватывающий мир как будто не требовал жертвы; напротив того, сулил процветание (обманчивое обещание). И не грубое чиновничье процветание, а патетическое. Дальнейшее его поприще — популяризация пленительной модели, некогда представшей ему, первокурснику, на кафедре. От учителя он взял многое, но все адекватное собственному психологическому строю — необузданный пафос, актерство (потом он и лекции читал со всеми этими приемами). Он применял, изменяя, то, что было совсем другим в контексте большого таланта, безостановочного мышления и труда; что было в этом контексте предсказанием гибели.

Импульсивность порождала разные дела. Одни потому, что он не хотел и не умел подавлять свои вожделения; другие потому, что он не был равнодушен, что соприкосновение с людьми могло вызвать у него реакцию интереса, сочувствия, сострадания; и люди были для него полем приложения энергии. Так, в дни блокады он с успехом заботился о себе, но потому именно мог заботиться о других, подчиненных, товарищах. Он охотно делал добро.

Сокрушительный жизненный напор его учителя, напор ученого, честолюбца, както был отрешен от чувственности (он принадлежал к типу семейному). В атлетическом ученике модель материализовалась, стала плотской. Поведение человеческое противоречиво, потому что оно питается разными источниками ценностей, расположенными на разных уровнях. Ученик открыл для себя два источника наслаждения — сферу хорошей жизни, с карьерой и всякими удовольствиями, и сферу пафоса, высоких мыслей и чувств, где пребывание было радостно и удовлетворяло его ораторский темперамент.

Поведение соответственно было пестрым, и поступки совершались разные. Общественная же функция в целом определилась как положительная. Определила ее на ходу встреча с учителем, и она же закрыла в конечном счете большую карьеру. Для карьеры, казалось бы, много данных — видный, почвенный, напористый. Ученый, но, главное, без той культуры, которая раздражает. Казалось бы, свой. Нет, все-таки не свой. И не тот наследственный интеллигент, который своей чуждостью как-то импонирует втайне. Этот же не свой, но подобный — опасный конкурент, притом шумный, беспокойный, с прожектами, из тех, кому больше всех надо. В работах его, правда, полу-

[259] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. 354–355.

чается все как следует, — но с душой, без успокоительной жвачки; получается — как бы в порядке непосредственного совпадения.

Подозрительна им также и смесь либерализма, хамежа, высокомерия. Многие позиции на своем веку он терял, многие игры проигрывал. Наконец отвели ему в академическом мире место среднего значения. Выше не пустят. Это он понял, устал, постарел. И, кажется, не надо ему уже больше всех. Но речи он произносит еще патетические — по привычке и в силу физических данных, голоса, роста...»[260]

«Очень разные по характеру люди выполняют сходные исторические функции. Переменная соотнесенность исторических функций, личных свойств, ситуаций — устойчивых и преходящих — определяет общественное поведение человека.

N (**В. Н. Орлов.** — *П.Д.*) сформирован еще периодом, когда история предлагала молодому человеку из буржуазно-интеллигентской среды несколько вариантов: комсомолец (не формально, а всерьез), богоискатель (ориентация на постсимволистическую культуру) и другие еще варианты, конформистские и неконформистские. Для отпрысков одной семьи разный выбор могли иногда решать оттенки, незначительные обстоятельства.

В рассматриваемом случае — решающее значение первых социальных впечатлений. Отец — военный. Отсюда сильный, по-видимому "ребяческий империализм", детская игра в военный склад. Это один из путей к элитарному самоощущению. Пути к нему бывали разные; например, через избалованность богатой семьи или через отрочески напряженную духовную жизнь — рефлексия, в четырнадцать лет решение мировых вопросов.

Несмотря на пестрый состав (и не принятые в другие вузы, и просто барышни), Институт истории искусств для элитарных ощущений был самым подходящим местом. N тогда был мальчик розовый и очень важный. Важность у него какая-то физически непосредственная и потому, несмотря на розовость, в нем не смешная. Как все тогда, он был беден, но, подтянутый, отглаженный, он без всяких усилий имел вид человека, заранее предназначенного для жизни сытой и привилегированной. Институт для него, как для многих, был второй — после детства — социализацией. Там набирались формального метода, новой позиции, элитарности, со всем ее кодексом. И там же, кто мог, учился у учителей думать и хорошо работать. Хорошо работать — это N действительно мог и сохранил на всю жизнь эту привычку.

Вырабатывалась очень определенная модель. Некоторый снобизм, оформляющий настоятельную потребность в чувстве превосходства, — в удобном для благополучной жизни сочетании с работоспособностью, деловой добросовестностью и хорошей научной школой. Способный управлять, он был бы изобретательным организатором смелых литературных предприятий, если бы смелость начала двадцатых годов подлежала дальнейшему развитию.

Вместо того — крушение попутничества и всей интеллигентской самодеятельности. Перестройка ролей. Опять выбор. И какой! — в сущности, между возможностью жить и невозможностью.

Есть разные формы официального непризнания. Есть форма лестная и бодрящая, когда переживание авангардизма, свободной умственной деятельности, подъема вполне возмещает отсутствие чинов и даже денег. Такова была ситуация в ГИИИ (в основном она совмещалась там с принятием революции, с политической лояльностью).

[260] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. С. 355–357.

Но есть формы непризнания, прекращающие деятельность, почти прекращающие существование.

Люди большого напора, направленного вовне (экстраверты), направленного на овладение и властвование, неотвратимо влеклись в стан побеждающих. Тщеславие, честолюбие, потребность в комфорте, разные другие свойства определяли градации поведения. Решающим определителем была также бездарность, потому что бездарность порождала безоглядность. Только талантливые могли крутиться так, чтобы сквозь формулы у них просвечивала какая-то суть. Крутились же все, во всяком случае все, пытавшиеся осуществиться. Это было первичным условием, а градацию можно было выбрать. Очень важно. Градация определяла ценность осуществляемого и цену вознаграждения — от жирного пирога до пайки нищеты.

Итак, сначала приспособление, потом овладение ситуацией. N — человек вовне направленного напора. Организатор. Это материал для сановника. Пригодилась и с годами созревшая юношеская важность. Постепенно — потребовался долгий срок — он и становится сановником средней руки. Модель доброго сановника. В ее оформлении принимают участие личные свойства. Свойственная ему первичная способность реагировать на положение другого человека, способность сочувствия. N внимателен. Его любили подчиненные. Именно это доставляло ему удовольствие.

Другие личные свойства образуют злого сановника, вредоносного. Например, В-ов (академик В. В. Виноградов. — *П.Д.*). В-ву удивлялись — зачем большому ученому, талантливому человеку это карьерное бешенство (уничтожившее в нем ученого), это раболепство, не нормально бюрократическое, а исступленное. Знавшие В-ва смолоду удивлялись и другому. Молодой он был дерзким задирой, ниспровергателем любых авторитетов, стоявших на дороге его необузданного самоутверждения. Как же так? Именно так. Молодой В-ов страстно хотел оскорблять людей и не выносил ни малейшего противодействия. Что же нужно для того, чтобы невозбранно оскорблять людей и не получать отпора? Нужно для этого стать вельможей. А для того чтобы стать вельможей, нужно все вышеписанное.

N (В. Н. Орлов. — *П.Д.*) был добрым сановником, и чиновником несравнимо меньшего масштаба. Так что сановничество не заполняло всего пространства, отведенного в человеке под переживание автоценности. Начисто оторваться от соблазнов и навыков молодости — это значило бы отказаться от вкоренившегося самоощущения, разрушить первичные формы жизни; а формами жизни он дорожил, потому что умел их строить.

Отсюда двойное бытие. Эстетизм в частном быту, плохие стихи в умеренно современном роде. Но двуплановость проникла и в общественную функцию этого человека, сделала ее положительной — по практическим достижениям и целям. Задача: пользуясь самыми конформистскими и даже приносящими процветание средствами, стремиться к обнародованию непризнанной литературы. Формула, конечно чреватая жесточайшей путаницей, вплоть до оплевывания писателей в качестве единственного способа их издать. Кое-что здесь от старого некрасовского комплекса: какова цель существования «Современника» и до какого предела позволительно ее повышать?

Выстраивается цепочка оправдательных понятий. Цепочка протягивается в прошлое, к кругу порядочных людей, деятелей большой культуры, который человек считал своим. Любопытнейшее явление эта защитная иллюзия необратимости. Вырабатывалась, скажем, в молодости определенная установка, и кажется, что это и есть суть личности, а все, что напластовалось потом: все уступки, грехи, ошибки, — все это

детерминированное обстоятельствами, вынужденное, преходящее, несубстанциональное. И человек замораживает свою бывшую модель, давно уже отколовшуюся от поведения.

Но чем-то нужно все же питать этот призрачный образ. Воспоминания молодости — они становятся все нежнее, все лиричнее воспоминания предаваемой молодости; отношения с людьми, которые оттуда, из этой молодости. Особенно с людьми, сознательно оставшимися за порогом признания. О таких говорят ласково, с интонацией самоосуждения: "Этого человека я уважаю. Он построил свою жизнь как хотел". Да, как хотел. Только большая часть этой жизни ушла на темную работу, только порой он не имел рубля на обед. Но вам он не сообщал об этом. <...>

Что же касается N, то существование его проистекало в двух сферах, официальной и неофициальной (книги, стихи, комфорт). Вторая сфера просвечивала сквозь первую, где-то мерцала в глубине, придавая N специфику, отличавшую его от стадного бюрократа. Такие тоже нужны и, скорее, дефицитны; что и способствовало достижениями в первой сфере. Но в этих же соотношениях таился и зачаток катастрофы.

Для каждой среды существуют свои и не свои. Категория эта не определяется ни поведением, ни занимаемой должностью; она почти иррациональна и осязаемых определений не имеет. N был своим все же в другой среде, совсем не в той, где он проявлял усердие и где интеллигентность не прощают. Не помогают ни старания, ни заслуги. Попытки обойти этот закон погубили многих.

Большие представители среды ему не доверяли, малые завидовали, он раздражал их высокомерием, чужеродными манерами и привычками. Падение с неизбежностью назревало. С разных сторон подстерегали ошибку и, как всегда в таких случаях, дождались. Падение было шумным, с проработками на высоком уровне, с уходом по собственному желанию с ответственного поста. Со всем набором сопровождающих явлений[261].

После катастрофы в сознании N неофициальное начало, разумеется, оживилось. Теперь-то можно без помех осознать себя пострадавшим борцом за культуру, принимать дань сочувствия и, главное, осуждать: "Такой-то? Ну, что о нем говорить. Темный человек. Просто прихвостень директора. Играет поэтому самую двусмысленную роль..." Или: "Черт знает что все-таки делают из поэтов! Ортодоксов каких-то. Конечно, я в свое время тоже... Но тогда это было необходимо, чтобы... И не до такой же степени..."

Но тут же старания возвратить утраченное хоть частично. Все то же. В психологическом выражении — жизнь на два душевных дома, и переживается она не как дурное — лицемерие, обман, а как своего рода правила игры в двух разных играх. Когда-то, помню, это поразило меня при общении с молодыми преуспевающими писателями тридцатых

---

[261] Речь идет о снятии В. Н. Орлова с должности главного редактора «Библиотеки поэта», которую он занимал в 1956–1970 гг., произошедшем после обнаружения в 1968 г. крамолы в предисловии Е. Г. Эткинда к двухтомнику «Мастера русского стихотворного перевода». Ср.: «В. Н. Орлов получил такой мощный идеологически-административный удар, что не помогли ни его связи, ни заслуги, через несколько месяцев он был тихо отстранен от должности, хотя в истории с книгой Е. Г. он отделался испугом, как будто бы не пострадал и остался на плаву» (*Егоров Б. Ф.* Люди, нелюди и полулюди: (Памяти Е. Г. Эткинда) // *Егоров Б. Ф.* Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. Томск, 2001. С. 408). В действительности, как уточняет Е. Г. Эткинд, формальной причиной увольнения В. Н. Орлова стало еще одно издание «Библиотеки поэта» — «Ленин в советской поэзии» (Л., 1970), где в предисловии (*Владимиров С. В.* Поэтическая лениниана // Ленин в советской поэзии. Л., 1970. С. 40–41) в качестве основоположников ленинианы наряду с В. В. Маяковским и Н. С. Тихоновым упомянут Б. Л. Пастернак (*Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. С. 131. Сборник неточно назван автором «Ленин в поэзии народов СССР»).

годов (мы были воспитаны иначе). Они же вовсе не чувствовали себя обманщиками. Они просто знали, что литература — это такая область, вступая в которую нужно врать. Это было свойством, профессиональной принадлежностью данного рода деятельности. Позднее появилась теория, что в официальной сфере моральные нормы заранее сняты (такое условие), а для частной жизни они остаются. Теория эта должна была помочь жить и выжить. Не помогла.

Если человек не прекращен окончательно, то постепенно, со скрипом он возвращает утраченное. N конформист по всему своему душевному устройству. Именно это позволяет ему оставаться доброжелательным. Не надо делать зла, но надо соблюдать существующие условия, правила. И, соблюдая, стараться быть хорошим. Бессмысленная фронда этого не понимает — тем хуже для фронды. Фронда раздражает его, потому что она пытается опровергнуть избранное им поведение.

Рассказывал кто-то о нашумевшем выступлении Галича, кажется, в Новосибирске[262], и N сразу сказал: "Да, да, он там в далеких местах сразу распустился. Зато его здорово и стукнули..." Он сказал это с удовольствием и со вкусом. Когда в секретариате допрашивали давнишнего знакомого — "подписанта"[263], он тоже допрашивал, не без снисходительности, но важно и обстоятельно. Что ж, каждая ситуация имеет свои правила. А вскоре самого N прорабатывали на собрании у очень значительного лица, и лицо, подозвав его, не предложило ему сесть. Эта ситуация также имела свои формы.

Частичное возвращение к власти потребовало особых стараний. Опять предоставили возможность возглавить важную комиссию, оправдать доверие. Уже лицо (другое, но тоже ответственное) сказало, что это хорошо, что N возглавил комиссию, что это ручательство за ее работу.

В гостях у приятелей N со вкусом, в качестве интересной истории, рассказывал о том, как они в комиссии прорабатывали такого-то. Рассказывал не стесняясь. Действуют по своим правилам необходимые механизмы, и он нужная часть механизма. Компенсацию тоже надо учесть. После глубокого унижения соблазнительно подержать другого в своих руках — даже добродушному человеку»[264].

Портреты этих знаменитых ленинградских ученых-филологов переданы Лидией Яковлевной хотя и с оговорками, с желанием объяснить причины их падения, но все равно — безжалостно. Объясняя, что двигало ими, понимая суть их внутреннего конфликта, даже соболезнуя им, она все равно не может их оправдать. Эти люди не просто вынужденно согнулись под тяжестью режима из-за необходимости жить и работать, а эти люди искали, и обрели в результате, нечто большее.

Но для получения «большего» в ситуации советского строя необходимо было идти на моральные жертвы. И если для холодных карьеристов не существовало серьезных

[262] Речь о знаменитом выступлении А. А. Галича 11 марта 1968 г. на фестивале «Бард-68», проходившем в академическом городке Новосибирска 7–12 марта. Это выступление положило начало серьезным неприятностям поэта с властями.

[263] По-видимому, речь об Е. Г. Эткинде, персональное дело которого рассматривалось правлением ЛО ССП после суда над И. А. Бродским (1964), когда Е. Г. выступал в качестве свидетеля защиты и был удостоен за это частного определения суда, что и положило начало его проработкам. В. Н. Орлов же тогда был членом секретариата правления ЛО ССП, впрочем, как и в начале 1974 г., когда за написание «Письма к молодым евреям, стремящимся в эмиграцию» Е. Г. Эткинд был исключен из Союза писателей. О роли В. Н. Орлова в этих событиях см.: *Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. С. 83–84, 439 и др.

[264] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. С. 358–362.

моральных плотин, то для менее искушенных начиналось жертвоприношение, в результате которого не многие смогли сохранить достоинство. Эпоха предлагала им настолько кабальные условия, что, один раз пойдя на сделку, они часто проигрывали жизнь.

Чем серьезнее зависимость карьеры и личных благ от потакания существующей власти, тем острее необходимость такого выбора. В 1940-х гг. этот выбор стоял перед каждым, поскольку альтернативой согбенной страхом жизни была тюрьма; позднее крайности стали нивелироваться, но выбор оставался всегда.

После краха режима вдруг показалось, что эпоха такого выбора миновала. Но это была лишь иллюзия. Потому что каждый день нашей жизни

И все так же, не проще,
Век наш пробует нас...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Еще во время войны М. К. Азадовский писал Н. К. Гудзию: «Нужно сказать громко и ясно, — в области филологической науки мы стоим перед катастрофой, — нам грозит полный регресс»[1]. Эти слова были пророческими как для филологии вообще, так и для ленинградской науки о литературе в частности.

Ольга Михайловна Фрейденберг записала 5 декабря 1949 г.:

> «Университет разгромлен. Все главные профессора уволены. И это после тридцатидвухлетней их работы с советской властью! Пуст, беден, разбит факультет. Можно говорить только "здравствуйте" и "до свиданья". Хозяйничают обнаглевшие Юрки Бердниковы и Наташки Вулихи. Ясно, что Сталину нужно было расправиться с последними проблесками мысли. Университет давно вызывал его злобу. Пусто, молчаливо, безжизненно на факультете.
>
> Убийство остатков интеллигенции идет беспрерывно. Учащаяся молодежь, учителя, врачи, профессора завалены непосильной бессмысленной работой. Профессор должен давать 18 часов в неделю наряду с доцентом. Всех заставляют "учиться", сдавать политические экзамены, всех стариков, всех старух. Переутомленные, изнуренные люди сдают политсхоластику. Студентам некогда посетить театр, концерт, кино. Они прикованы к тачке: утром зубрят уроки, вечером занимаются в Университете до 11 часов вечера, а затем, к полночи ездят в общежитие за городом, на Охту, с пересадкой, двумя трамваями, — что отнимает у них 40 рублей в месяц из жалкой стипендии. Они раздеты, изнурены, полуголодны, совершенно некультурны. Окончив, они не получают работы. Погромы культуры вызвали острую безработицу. Говорить об этом нельзя. Врачи, учителя, инженеры не могут найти работы. Повсюду человека нещадно эксплоатируют. Пока он здоров, его держат; болеющих не любят. Директоры, заведующие, главные врачи, деканы, всякие начальники — грубая злая сила. <...>
>
> Да, ученых бьют всякими средствами. Ужасно деятельному человеку быть лишенным деятельности! Снятие с работы, отставки с пенсиями карательно бросают ученых в небытие. Профессора, прошедшие в прошлом годе через всенародные погромы, умирают один за другим. Их постигают кровоизлиянья и инфаркты. Эйхенбаум — полный

---

[1] *Азадовский К. М.* Письма ученых как зеркало эпохи // Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 18. Примеч. 47. (Цитируется письмо М. К. Азадовского к Н. К. Гудзию от 4 августа 1943 г.)

инвалид. Пропп на днях упал на лекции. Его отвезли с факультета в больницу. Через несколько дней (30 ноября 1949 г. — *П.Д.*) умер на занятиях Бубрих[2], затравленный Литературной газетой. Прибежавшая к трупу вдова закричала в исступленьи:

— Ты не умер, тебя убили!

Бубрих был мужественный человек, честный, скромный, деликатный. Самое циничное — это тысячные венки и пышные похороны: советская-де власть умеет почитать своих ученых»[3].

Литературоведение на филологическом факультете представляло собой жалкое, по сравнению с минувшим временем, зрелище: оставшись не у дел в идеологической системе координат, эта наука стремительно деградировала. Впрочем, такова и была высочайшая воля: «Тов. Сталин не раз говорил: бойтесь людей, рабски преданных классическому прошлому. Это большая мысль»[4]. К концу 1949 г. эта большая мысль уже родила не меньшие последствия:

«Я сам слышал, с какой горечью говорил Г. А. Гуковский своим аспирантам о том, что, видимо, время филологии как науки ушло, и страна (страна!) требует публицистики...»[5]

После расправы над «космополитами» такая точка зрения получила и официальное подтверждение. В сентябре 1949 г. А. А. Фадеев озвучил ее на совещании литературоведов и критиков в качестве руководящей:

«Оказывается, что существует разделение на так называемых “литературоведов”, занимающихся только прошлым литературы (и таких подавляющее большинство)

---

[2] Д. В. Бубрих еще в довоенные годы был «закален» советской системой: «Арестован 9 января 1938. Сидел в Крестах, в одной камере с академиком П. Ю. Шмидтом. Приговорен к ВМН, около 70 суток находился в камере смертников, потом в одиночке. Освобожден с приходом в НКВД Л. П. Берия» (Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003. С. 78).

«30 ноября 1949 года во время лекции в Ленинградском университете по марийскому языку для марийского потока финно-угроведов Дмитрий Владимирович почувствовал себя плохо, спустился в деканат восточного факультета и через 20 минут скончался от инфаркта» (*Керт Г. М.* Величие и трагедия таланта: (К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха) // Север. Петрозаводск, 1990. № 7. С. 153). Этот исход был завершением травли ученого, которую организовал Ф. П. Филин с помощью ученика Д. В. Бубриха — лингвиста-удмуртоведа В. И. Алатырева. На последней фотографии Д. В. Бубриха, сделанной 11 ноября 1949 г. в Москве на научной сессии по вопросам развития языков и письменности народов СССР (публикуется в настоящем издании), его вдова М. Ф. Бубрих написала: «Последний снимок в Москве. Сильно травили» (ПФА РАН. Ф. 1112 (Д. В. Бубрих). Оп. 1. Д. 69. Л. 1 об.).

[3] *Фрейденберг О. М.* Записки. Данный текст был опубликован ранее (*[Пастернак Б. Л.]* Пожизненная привязанность: Переписка с О. М. Фрейденберг. С. 326), но в измененной редакции.

[4] *Панферов Ф.* О новаторстве, современной теме и читателе // Октябрь. М., 1933. Кн. X. Октябрь. С. 198. По-видимому, приведенные слова были сказаны И. В. Сталиным на одной из двух встреч членов Политбюро с Оргкомитетом ССП на квартире у А. М. Горького 20 и 26 октября 1932 г. А 20 мая 1934 г., когда критика «Брусков» Ф. Панферова приняла характер кампании, автор отправил главе государства письмо, где для достижения желаемого эффекта скрыто цитировал самого адресата: «... После того как ко мне приставили редакторов — учеников покойного Сиповского, людей, рабски преданных классическому прошлому, у меня появилось омерзение к своим книгам» (Письма Ф. И. Панферова И. В. Сталину / Публ. В. Ф. Панферовой // Наш современник. М., 2003. № 3. С. 235).

[5] *Молдавский Д. М.* Сквозь линзы времени. С. 147.

и на собственно критиков, занимающихся только современной литературой (и таких горстка).

Закономерно ли с точки зрения ленинского учения о партийности литературы, с точки зрения традиции русской революционно-демократической критики, что подавляющее большинство работников в области критики занимается, главным образом, прошлым, а не настоящим, да еще в условиях общества, стремительно идущего от социализма к коммунизму? И правильно ли разделение литературной критики на эти неизвестно когда возникшие понятия: на "литературоведов", то есть ученых людей, — причем под ученостью здесь понимается уход в прошлое от современности, — и на критиков, которые занимаются собственно критикой современной литературы и которые по этой странной терминологии могут не знать прошлого литературы, быть людьми "неучеными"? Не является ли это разделение затянувшимся пережитком ложных, вредных, враждебных нам представлений о том, каким должен быть подлинный литературный критик, или, если хотите, "литературовед" (дело не в названии!) в условиях нашей страны?

В самом деле, можно ли отделить в Белинском, Чернышевском, Добролюбове, Салтыкове-Щедрине, в Горьком так называемого "литературоведа", который занимается только историей литературы, и собственно критика, который занимается вопросами, стоящими перед современной развивающейся литературой?

Можно ли в работах наших великих учителей, основоположников марксистско-ленинского учения о литературе — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, — посвященных вопросам литературы, отделить историка литературы от политика, направляющего развитие современной литературы?

Ни в коем случае нельзя.

Значит, очевидно, положение в нашей литературной критике надо считать ненормальным явлением.

Как можно рассматривать прошлое литературы, не будучи активным участником создания литературы коммунизма? И невольно встает вопрос, не является ли это искусственное разделение на так называемых "литературоведов" и на критиков остатками чуждых воззрений на задачи и роль человека, занимающегося благородным делом литературной критики?

Мы очень легко можем найти адрес людей, которые внесли этот буржуазный взгляд на задачи критика. Достаточно взглянуть на одного из основоположников буржуазного так называемого "литературоведения" — на Александра Веселовского и подобных ему. Именно в его работах и работах людей, подобных ему, сознательно противопоставленных работам революционных демократов, впервые в русской критике обнаружился отход от задач современности. Это они служили делу превращения критика в псевдоученого, который занимается якобы "чистой наукой", отходит от политических задач литературной критики, отрывает так называемую литературную науку (уводит ее в прошлое, — да еще прошлое не отечественной литературы, а литературы других стран) от "презренной практики", то есть от современной литературы, от насущных задач борьбы за счастье и блага народа»[6].

1 ноября выступление А. А. Фадеева обсудили на Ученом совете Пушкинского Дома:

«Тов. Бельчиков говорит, что он не будет останавливаться подробно на самой статье А. Фадеева, она всем хорошо известна, а остановится на главном, на том, что нашему

[6] *Фадеев А.* О литературной критике // Литературная газета. М., 1949. № 77. 24 сентября. С. 3.

институту, значительная часть работников которого изучает вопросы прошлого литературы, важно не только обсудить эту статью, но и немедленно начать осуществление ее установок в нашей научно-исследовательской работе. Под знаком поворота к современности должна идти вся наша деятельность. <...>

Критиковать надо смело, без утайки, откровенно говоря с нашими беспартийными профессорами, поправляя недотрог. Критиковать нужно и самих себя, и, главное, доказать нашими работами, что мы и без удаленных людей справимся. Школа Азадовского лопнула, она доказала свою ненужность, и мы должны доказать, что и без Азадовского будет написан "Русский фольклор" [7], что и без Эйхенбаума выйдет Лермонтов. Тем же, кто еще вздыхает о "незаменимых", надо объявить войну, в нужных случаях обращаться к дирекции и привить убеждение, что пора кончить с прежними героями»[8].

Специально для разъяснений новых требований в Ленинград приехал А. М. Еголин, который 17 января 1950 г. выступил в Пушкинском Доме:

«Я был на собрании критиков Москвы, где тов. Фадеев говорил полнее чем в статье газеты о том вреде, который приносит такое резкое разделение работников литературы, на изучающих литературу только прошлого и на ученых, которые занимаются только современной литературой. Тов. Фадеев совершенно правильно обосновал целесообразность заниматься вопросами современного литературного движения всем литературоведам, и тем, которые занимаются критикой, и тем, которые изучают древнюю литературу» [9].

Такая настойчивость в проведении призыва А. А. Фадеева в жизнь становится понятной из слов, сказанных А. М. Еголиным в тот же приезд:

«Завтра мне предстоит докладывать в Министерстве высшего образования планы институтов литературы и языка, а в понедельник будет докладывать И. И. Мещанинов секретариату Союза писателей, потому что два наших института — Русской литературы и Мировой литературы должны быть тесным образом увязаны с Союзом писателей» [10].

В изданном в том же 1950 г. Главлитом секретном «Списке лиц, все произведения которых подлежат изъятию из библиотек общественного пользования и книготорговой сети», включавшем свыше 500 персоналий и на десятую часть состоявшем из тех, кто представлял отрасль «художественная литература», имелись лишь четыре ее

[7] Сектор фольклора Пушкинского Дома надолго погрузился в интеллектуальное небытие: М. К. Азадовского сменила А. А. Астахова, но только в качестве временного заведующего, поскольку ее кандидатура не устраивала партбюро института. А. С. Бушмин, выступая 16 ноября 1949 г. на партсобрании, заявил: «Нам бы надо 5–6 хороших коммунистов — ученых-организаторов, тогда было бы хорошо. <...> ЦК ВКП(б) нам однажды уже помог (в разоблачении группы космополитов). ЦК ВКП(б) поможет нам и в укреплении института кадрами» (ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 2. Д. 6. Л. 66 об.). В результате в мае 1950 г. «дирекция приняла эти рекомендации партийной организации и назначила на должность зав. сектором фольклора <...> коммуниста, окончившего Академию Общественных наук при ЦК ВКП(б) кандидата фил[ологических] наук И. П. Дмитракова» (Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 71), того самого, который прославился своими погромными статьями 1947–48 гг. В течение следующих лет И. П. Дмитраков руководил сектором, но не оправдал возлагавшихся надежд: 25 ноября 1953 г. партсобрание ИРЛИ констатировало, что «Дмитраков в 4 года ни одной статьи не написал <...> 4 года он не выполняет плана научной работы» (Там же. Оп. 6. Д. 2. Л. 65–65 об.). В 1954 г. удалось перевести его на должность старшего научного сотрудника, а во главе сектора был поставлен М. О. Скрипиль.

[8] Там же. (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 2. Д. 6. Л. 58 об. – 59.

[9] ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 1 (1950 г.). Д. 25. Л. 91.

[10] Там же. Л. 93.

ипостаси — «поэзия», «проза», «драматургия», «литературная критика», — литературоведение относилось к последнему разделу [11]. То есть к 1950 г. та градация, которая с 1934 г. была принята в Союзе советских писателей, где литературоведы были подотчетны Комиссии по критике и теории литературы, распространилась и на другие ведомства.

Но не только руководство страны не поощряло «литературоведения». Сам тип представителя этой специальности стремительно эволюционировал под идеологическим прессом: после 1949 г. у руля встали такие лица, которые и сами не слишком были готовы для того, чтобы плоды их трудов можно было именовать серьезной наукой. Они, по сути, встали не во главе, а на пути литературной науки, а единение этих «фюреров литературоведения» с политическим режимом привело к тому, что наука о литературе следующие полвека развивалась не столько благодаря, сколько вопреки этим руководящим силам. И даже политически актуальные научные оазисы, которые были востребованы идеологической машиной, — пушкиноведение и декабристоведение — в конце 40-х гг. испытывают кризис.

> «Закон сохранения интеллектуальной энергии проявляется везде, где ее почему-то не душили. Этим объясняется расцвет нашей пушкинистики: Пушкин был поднят на щит, как чемпион в спорте или как победитель международного конкурса, и пушкинистика оказалась поощряемой областью филологии. В известном смысле это случайность, хотя прославление Пушкина было одной из форм “вождизма”, без которого советская идеология немыслима <...>. Вот и Пушкин, который совсем не годился в предшественники соцреализма, был избран “вождем”. На этой аберрации мы заработали таких блистательных ученых, как Б. В. Томашевский, В. М. Жирмунский, Ю. Г. Оксман, Г. А. Гуковский, В. В. Виноградов, С. М. Бонди, Д. Д. Благой, Ю. Н. Тынянов, позднее Н. Я. Эйдельман, Ю. М. Лотман и другие» [12].

Но до того момента, как смогли расправить плечи Н. Я. Эйдельман, Ю. М. Лотман и другие, указанные области стремительно хирели. О деградации научной мысли в этих центрах писал Ю. Г. Оксман:

> «Когда вспоминаю последние книжки о декабристах — бездарную мазню К. Пигарева о Рылееве [13] (ни одной живой мысли, ни одного свежего слова, ни одного осмысленного факта!), безграмотный бред Базанова о В. Ф. Раевском [14], он ухитрился перепутать решительно все показания, сместить всю хронологию, исказить большую часть новых текстов, наглую халтуру елейно-лицемерного Мейлаха. (В “Поэзии декабристов” [15] этот мародер перепечатал все то, что сделано было Ю. Н. Тыняновым, Н. И. Мордовченко, мною, не оговорив этого даже в библиографии; а там, где брал из более старых изданий — в спешке не дочитывал стихов до конца! Путал даты, фамилии и имена даже тех авторов, которых включил в свою хрестоматию.) Меня больше всего возмущает полная уверенность всех этих горе-ученых в безнаказанности. И самое печальное то, что эта уверенность их не обманет!» [16]

---

[11] *Блюм А. В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991. С. 25.

[12] *Эткинд Е. Г.* Указ. соч. С. 308–309.

[13] *Пигарев К. В.* Жизнь Рылеева: (1795–1826). М., 1947.

[14] *Базанов В. Г.* Владимир Федосеевич Раевский: 1795–1872: Новые материалы. Л.; М., 1949.

[15] Поэзия декабристов / Вступ. статья, подгот. текстов и примеч. Б. Мейлаха. Л., 1950 (Библиотека поэта. Большая серия).

[16] *Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г.* «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...»: Из переписки (1948–1970) / Предисл. и коммент. М. А. Фролова, подгот. текста М. А. Фролова и Ж. О. Хавкиной // Знамя. М., 2009. № 6. С. 139. (Письмо от 22 мая 1951 г.)

Филологический факультет Ленинградского университета угасал. 22 апреля 1950 г. О. М. Фрейденберг писала Б. Л. Пастернаку:

«Планов у меня много. Хочу перейти из университета в другой вуз, а то и на пенсию. Нигде нет такой тяжелой обстановки, как на филологическом факультете моей alma mater» [17].

«Сильное впечатление произвели на меня слова А. А. Фреймана [18], зав[едующего] кафедрой иранской филологии, одного из немногих честных людей, людей несгибаемой честности: "Не уходите. И передо мной встает вопрос. Мы не должны уходить. Это дело нельзя выпускать из своих рук. Если к нам попало оно, мы не можем, как нам ни тяжело, отстраниться и уступать негодяям. Это наша обязанность". Я понимала, что речь идет об эпохе, что речь идет о сбережении культуры» [19].

Но оставаться было невозможно — ученых попросту выдавливали из университета. В 1950 г. и О. М. Фрейденберг, и А. А. Фрейман вынуждены были не только оставить заведование кафедрами, но и навсегда прекратить преподавательскую деятельность [20].

Ученый совет факультета редел. Если сравнить утвержденные списки разницей всего лишь в год (даже при условии, что к началу 1949 г. он уже сильно видоизменился), то динамика его эволюции удручает.

13 января 1949 г. МВО СССР утвердило следующий состав Ученого совета: Бердников Г. П., Вановская Т. В., Алексеев М. П., Азадовский М. К., Берков П. Н., Будагов Р. А., Гуковский Г. А., Дементьев А. Г., Державин Н. С., Евгеньев-Максимов В. Е., Еремин И. П., Жирмунский В. М., Зверева Е. Н., Кацнельсон С. Д., Ларин Б. А., Матусевич М. И., Мещанинов И. И., Пиксанов Н. К., Пропп В. Я., Реизов Б. Г., Реферовская Е. А., Смирнов А. А., Спижарская Н. В., Толстой И. И., Тронский И. М., Фрейденберг О. М., Хавин П. Я., Шишмарев В. Ф., Эйхенбаум Б. М., Якубинская Э. А., Ярцева В. Н., Бобович А. С. — итого 32 человека и представитель парторганизации факультета по выбору партбюро [21].

А 29 апреля 1950 г. состав Ученого совета выглядел так: Бердников Г. П., Аверьянова А. П., Алексеев М. П., Будагов Р. А., Вановская Т. В., Дементьев А. Г., Десницкая А. В.,

---

[17] *[Пастернак Б. Л.]* Пожизненная привязанность...С. 330.

[18] Фрейман Александр Арнольдович (1879–1968) — филолог-иранист, член-корреспондент АН СССР (1928), член-корреспондент Иранской АН (1944). Как и О. М. Фрейденберг, в 1950 г. был вынужден оставить заведование кафедрой и вообще прекратить преподавательскую деятельность в ЛГУ.

[19] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[20] Существует ошибочное мнение, будто О. М. Фрейденберг перестала руководить кафедрой классической филологии вследствие того, что в прежние годы была близка к Н. Я. Марру: «Изгнанная отовсюду в 1950 г. О. М. Фрейденберг» (*Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. С. 69). Однако она лишилась кафедры еще до появления 20 июня 1950 г. статьи И. В. Сталина в «Правде»; более того, она уже 29 апреля 1950 г. не вошла в состав Ученого совета факультета, утвержденный МВО СССР. А в отчете ЛГУ за 1949/50 учебный год, поданном в горком ВКП(б), ее увольнение отражено как одно из достижений филологического факультета:

«Освобождены от работы на факультете безродные космополиты: бывший заведующий кафедрой русской литературы Г. А. Гуковский, бывший заведующий кафедрой фольклора проф[ессор] М. К. Азадовский, проф[ессор] Б. М. Эйхенбаум, проф[ессор] С. Я. Лурье, отстранен от заведывания кафедрой и в настоящее время больше не работает на факультете проф[ессор] Жирмунский. В значительной мере пересмотрен состав кафедр иностранных языков, где кадры были в значительной мере засорены. Освобождена от заведывания кафедрой классической филологии проф[ессор] Фрейденберг, не желавшая способствовать решительной перестройке работы этой кафедры» (ЦГАИПД СПб. Ф. 25 (ЛГК ВКП(б)). Оп. 55. Д. 134. Л. 79).

[21] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 198 от 4 февраля 1949 г.

Евгеньев-Максимов В. Е., Еремин И. П., Западов А. В., Кацнельсон С. Д., Ларин Б. А., Матусевич М. И., Мещанинов И. И., Мордовченко Н. И., Пиксанов Н. К., Реизов Б. Г., Реферовская Е. А., Смирнов А. А., Толстой И. И., Хавин П. Я., Шишмарев В. Ф., Шведе-Васильева О. К., Якубинская Э. А., Ярцева В. Н., Тронский И. М., Наумов Е. И., Сорокин Ю. С. — итого 28 человек и представитель парторганизации факультета по выбору партбюро[22].

Таким образом, только за один роковой 1949 г. из Ученого совета факультета исчезли М. К. Азадовский, П. Н. Берков, Г. А. Гуковский, Н. С. Державин, В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, О. М. Фрейденберг, Б. М. Эйхенбаум... Потери обрели катастрофические очертания.

Б. М. Эйхенбаум записал 9 декабря 1949 г. в дневнике:

> «Думаю, что надо пока оставить помыслы о научной книге. Этого языка нет — и ничего не сделаешь. Язык — дело не индивидуальное. Литературоведческого языка нет, потому что научной мысли в этой области нет — она прекратила течение свое»[23].

Закрыть собой амбразуру на посту заведующего кафедрой истории русской литературы филологического факультета выпало ученику Ю. Г. Оксмана Н. И. Мордовченко, который 7 мая 1949 г. был утвержден ВАКом доктором филологических наук, а 7 сентября 1949 г. профессором. Неизвестно, было ли такое обстоятельство условием руководства кафедрой, но Н. И. Мордовченко тогда же готовился ко вступлению в ряды ВКП(б)[24]. Но в 1950 г. он заболевает, а 13 января 1951 г. умирает от рака. Ю. Г. Оксман писал тогда:

> «...Гибель Николая Ивановича не только личная наша потеря (для меня — это был самый настоящий мой ученик, самый подлинный друг, единственная живая связь с официальной ленинградской научной общественностью). Я уже давно видел в Н[иколае] И[вановиче] будущего начальника штаба советского академического литературоведения, бесспорно ("де-факто", если не "де-юре") руководителя Пушкин[ского] Дома и всех больших академических начинаний в области рус[ской] литературы. Его большие знания и широкие интересы, его исключительный такт, его уменье работать в коллективе, его "хозяйское" отношение к возможностям каждого, его уважение к традиции и чувство "нового", без чего не может быть "настоящим" ни один ученый, — вот те объективные положительные качества, на которых (отметая все высокие личные качества Н[иколая] И[вановича] как человека редкого душевного благородства) основывал я свои прогнозы и надежды. Моя встреча с Н[иколаем] И[вановичем] последним летом в Москве (он приехал ко мне на четыре дня перед Пятигорском) очень укрепила мои взгляды и на многое открыла мне глаза. Ну да что об этом сейчас говорить! Фронт литературной науки прорван в очень существенном пункте, заменить Н[иколая] И[вановича] некем (не потому, что в рядах его поколения нет столь же, а, м[ожет] б[ыть], и более талантливых людей, а потому, что все эти талантливые и деловые сверстники Николая Ивановича — кустари-одиночки, специалисты в шорах, без инициативы или без

[22] Там же. Приказы ректора. № 1365 от 19 мая 1950 г.

[23] Цит. по: *Чудакова М. О.* Так ярый ток, оледенев... С. 10.

[24] Сведения об этом фигурируют в протоколе заседания партбюро филологического факультета от 31 марта 1950 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 3. Д. 204. Л. 55).

принципов, не пишущие, а отписывающиеся, "сверх-человеки" или лакеи, не попавшие на генеральную линию или вышибленные с нее)» [25].

Даже то обстоятельство, что 12 октября 1950 г. ректор ЛГУ А. А. Ильюшин подписал приказ об освобождении Г. П. Бердникова от обязанностей декана филологического факультета «для написания докторской диссертации» [26], не могло изменить свершившегося — факультет был стерилизован. 10 декабря О. М. Фрейденберг записала:

«Бердников "перестраивал" факультет, строил, чистил, пакостил и разлагал. А когда перестроил и вычистил, его сняли и сняли всех его подручных, тех, кто снимал меня и других. Этот процесс бесцельного разрушенья шел безостановочно по всей России.

Факультет, как обглоданная кость, был брошен на произвол судьбы. Опять деканом назначили того же Алексеева <...>. Из тридцати профессоров не было ни одного, кому бы охранка доверяла (кроме Алексеева): тот — еврей, этот "не выдержан идеологически"» [27].

Мысли о возрождении былого уровня изучения истории литературы на филологическом факультете ЛГУ окончательно канули в Лету: после краха началось постепенное вымирание тех, кто составлял фундамент этого выдающегося феномена [28].

В феврале 1954 г. М. К. Азадовский писал:

«Мне кажется, что Саратов (sic! Саратов! — *П.Д.*) — единственное место, где с молодежью работают честно, вдумчиво и настойчиво (имею в виду, конечно, только литературоведение — о другом судить не могу). В Москве — ну кому же там! Вы сами Москву знаете; в Ленинграде — люди есть, но за исключением двух-трех никто не работает или идет по легкому курсу течения (вроде милейшего Пав[ла] Нау[мови]ча [Беркова]); да и те, кто могут работать, стараются этого не делать из разных соображений, с наукой ничего общего не имеющих. А на молодых фольклористов, которых "учат" Пропп и Астахова, не могу без боли смотреть и думать о них. Трудно исподличаться более, чем делают эти "доктора" наук, — увы, мне обязанные своими степенями.

Филфак своим нравственным падением, конечно, очень многим обязан Мих[аилу] Павловичу [Алексееву]. А сейчас, после Немезиды, обратившей свой взор на Н[иколая] Ф[едорови]ча [Бельчикова], он стал (или на днях будет) и. о. дир[ектор]а Пушк[инского] Дома. Какие светлые перспективы! Впрочем, Н[иколай] Ф[едорович] довел П[ушкинский] Д[ом] уже до такого состояния, что его никто уже не может спасти: его надо закрыть, всех уволить — и заново на пустом месте строить новую храмину. Да уж поистине неповторимое, родное и светлое имя —

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!

---

[25] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 158–159. (Письмо от 20 января 1950 г.)

Траурная панихида прошла в университете: «...Говорили речи, тепло, без казенщины. Называли Ник[олая] Ив[ановича] хорошим человеком, добросовестным ученым и отзывчивым товарищем и учителем, говорили о родине, науке, культуре, но все это было по-настоящему, без ложного пафоса и исключительности. Бердников плакал, и я стал о нем думать лучше, чем обыкновенно» (*Батюто А. И.* Из «Дневника» 1949–1952. С. 495).

[26] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 3279 от 12 октября 1950 г.

[27] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[28] Тот факт, что с 1951 г. более десяти лет кафедрой истории русской литературы руководил профессор И. П. Еремин — крупный специалист в области древнерусской литературы, старший научный сотрудник сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома, дало возможность не угаснуть лишь этой области литературоведения, с которой связаны наиболее значительные имена в ленинградской науке о литературе второй половины XX в.

> Вы как-то писали мне, что о многом хотите поговорить “по душам” с Мих[аилом] Павл[ови]чем! Ах, дорогой мой Юлиан Григорьевич, не о чем и не с кем разговаривать. Именно “души”-то в нем уж не осталось — он даже к дружеским чувствам неспособен...» [29]

Когда 24 ноября 1954 г. скончался М. К. Азадовский, Ю. Г. Оксман писал:

> «Кому нужны давно пережившие себя Максимовы, Пиксановы и прочие публичные девки российской словесности (их же имена ты, господи, веси!)? Так нет, они — если не живут, то продолжают как-то“функционировать”, годами еще будут засорять своей макулатурой книжные полки и библиографические справочники, а такие люди, как М. К. Азадовский, как Н. И. Мордовченко, как В. В. Гиппиус [30], как М. И. Аронсон [31], как А. Я. Максимович [32], уходят в расцвете своих интеллектуальных сил, гибнут от голода, холода, нужды, недостатка внимания, травли, гнусных интриг и т. п. Нет, не могу дальше — чувствую, что невольно сбиваюсь на письмо Белинского к Боткину о царстве “материальной животной жизни, чинолюбия, крестолюбия, деньголюбия, бесстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности, где Пушкин жил в нищенстве и погиб жертвою подлости, а Гречи и Булгарины заправляют всею литературою” и т. п.» [33]

К 1960 г. состояние ленинградской филологии уже вошло в фольклор:

> «Про ленинградских филологов в шутку говорят — все они делятся на три группы. Одни все знают и все понимают. Представителем их является Жирмунский. Другие все знают, но ничего не понимают. Их блестяще представляет Алексеев. И, наконец, ученых, которые ничего не знают и ничего не понимают, ярко возглавляет Пиксанов. Сказано зло, но в отношении Алексеева и Пиксанова верно» [34].

Классическая филология на факультете эволюционировала настолько, что когда в 1974 г. ученице О. М. Фрейденберг, Б. Л. Галеркиной, удалось организовать большое заседание кафедры, посвященное памяти ее основателя, то разгорелся скандал. Оказалось, что Ольга Михайловна «не была филологом, лекции ее были более чем странные»

---

[29] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 346. Об обстоятельствах помощи М. К. Азадовского М. П. Алексееву см.: Там же. С. 349. Примеч. 13.

[30] Гиппиус Василий Васильевич (1890–1942) — литературовед, доктор филологических наук, специалист по творчеству Н. В. Гоголя, председатель Пушкинской комиссии; погиб от голода в блокадном Ленинграде.

[31] Аронсон Марк Исидорович (1901–1937) — литературовед, библиограф, поэт, ученик Н. С. Трубецкого; работал вместе с С. А. Рейсером и Б. М. Эйхенбаумом. Один из организаторов и энтузиастов альпинизма, умер в 1937 г. в Ленинграде (его памяти посвящена повесть Н. С. Тихонова «Люди больших высот», впервые опубл.: Знамя. М., 1963. № 6. С. 78–82).

[32] Максимович Алексей Яковлевич (1908–1942) — литературовед и текстолог; в декабре 1928 г. арестован как участник «контрреволюционной организации» («дело А. А. Мейера»), приговорен к 5 годам ИТЛ, заключение отбывал в Соловецком лагере, в мае 1931 г. освобожден из-под стражи и отправлен на поселение в Котлас, в 1932–1933 гг. работал в райцентре Черевково Архангельской области в должности статистика совхоза «Севлес», в 1933 г. вернулся в Ленинград. По возвращении работал литературным секретарем у К. И. Чуковского, с 1934 г. в рукописном отделе Пушкинского Дома. В ноябре 1935 г. уволен из-за судимости из штата института, но оставался на договорных работах. «Я очень ценил его как одного из лучших своих учеников, и как замечательного человека»,— писал Ю. Г. Оксман К. И. Чуковскому, который был несколько иного мнения (*Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка, 1949–1969. С. 57. 10–11 марта 1954 г.).

[33] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 384. (Письмо С. А. Рейсеру от 28 ноября 1954 г.)

[34] *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 264. Запись от 24 августа 1960 г.

(А. И. Доватур), что «все, что она написала, не выдерживает никакой критики» (Я. М. Боровский), что «наука, пользующаяся сплошными ассоциативными параллелями, — это не то, что обогащает классическую филологию, а просто вредит ей» (А. И. Зайцев); но наиболее показателен был тот вывод, что Ольга Михайловна Фрейденберг есть «полное отрицание ленинградской школы классической филологии» [35].

Л. Я. Гинзбург в 1978 г. констатировала:

«Разговор о литературе питался когда-то молодым пафосом ученичества, потом волей к исследованию. В невылазной, все затопившей на этом участке скуке (после 30-х годов) развилась постепенно неприязнь даже к самому этому слову — литературоведение (в 20-х годах слова этого не было (говорили, история литературы, теория литературы). Оно появилось гораздо позже, как раз тогда, когда начало кончаться то, что оно означает)» [36].

К тому времени, когда вдруг оказалось, что именно эти ученые — затравленные, убитые физически или морально — и составляли славу русской науки, они уже стали историей. Об этом не раз писал ученик В. М. Жирмунского Е. Г. Эткинд:

«Ленинградский “путч” 1949 года был успешно доведен до конца. Партия одержала полную победу; она устранила из науки настоящих ученых и заменила их подставными фигурами. До сих пор — а ведь прошло полвека — сказываются гибельные последствия последних сталинских лет. Выходят книги уничтоженных, униженных, изгнанных, оплеванных ученых, каждый из которых — эпоха в истории нашей филологии: Гуковского, Азадовского, Жирмунского, Проппа, Оксмана, Эйхенбаума, Тронского; но люди — люди погибли, или им пришлось “избрать” иную область деятельности...» [37]

«...Ученые, оплодотворившие, как теперь оказалось, научную мысль всего мира, уже не участвуют в возрождении своей науки: “Иных уж нет, а те далече...” Умерли Б. М. Эйхенбаум и Б. В. Томашевский <...>; ушел в лингвистику, тюркологию, сравнительное изучение эпосов В. М. Жирмунский; умер в тюрьме под следствием Г. А. Гуковский; отошел от собственных открытий, не успев их развить и предоставив это своим научным внукам, В. Я. Пропп <...>. Можно ли после этого представить себе эволюцию отдельных ученых иначе, как движение по лестнице вниз?» [38]

«Представим себе, какой была бы наша страна, если бы нас не убивали, не сажали, не гноили на Беломорканале! Если бы, например, на филфаке ЛГУ Владимир Яковлевич Пропп преподавал не немецкий язык (его сослали на грамматику), а “морфологию волшебной сказки”; Максим Исаакович Гиллельсон [39] не вкалывал на общих работах

[35] Чтобы как-то объяснить линчевание О. М. Фрейденберг, умершей за 19 лет до этого научного заседания, А. И. Доватур изложил свою точку зрения постскриптум, в письме к Б. Л. Галеркиной: «...Себя я рассматривал так, как представителя ленинградской школы классической филологии, полным отрицанием которой была О. М. — моими устами говорили [С. А.] Жебелев, [И. И.] Толстой, С. В. Толстая, да и, в сущности, С. Я. Лурье и даже И. М. Тронский, не говоря уже об Ал. В. Болдыреве и А. М. Егунове и Я. М. Боровском <...>. Берта Львовна, возводя О. М. на пьедестал великого ученого, Вы отметаете не только Ал. Иос. [Зайцева] или меня, а всю прошлую, нынешнюю и будущую классическую филологию <...>. Филология О. М. была филологией без текстов, без языка, без хронологии...» и т. д. (см. письмо А. И. Доватура к Б. Л. Галеркиной от 16 мая 1974 г.: *Галеркина Б. Л.* Минувшее — сегодня. С. 424–425).

[36] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки... С. 269.

[37] *Эткинд Е.* Поздние уроки: Читая переписку М. К. Азадовского и Ю. Г. Оксмана (1944–1954) // Вопросы литературы. М., 1999. № 4. С. 216.

[38] *Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. С. 185.

[39] Гиллельсон Максим Исаакович (1915–1987) — историк литературы, окончил филологи-

в лагере, а вел семинар по "Арзамасу" и русской эпиграмме; Юлиан Григорьевич Оксман не работал банщиком в одном из магаданских лагерей, а читал лекции о Белинском, Герцене и Гоголе; если бы Григорий Александрович Гуковский не умер сорока восьми лет в тюрьме МВД, находясь под следствием по придуманному провокаторами делу, а его ближайший ученик Илья Захарович Серман не сидел в лагере, а продолжал изучать русский XVIII век в архивах Ленинграда и Москвы... Они остановили гуманитарную науку, отлучили ее от последних интеллигентов в сталинские последние годы, а потом, в брежневские, отправили немногих уцелевших в изгнание — в США, в Израиль, в Европу»[40].

Уникальный феномен, который создали «различные по научным позициям, но равно блистательные по таланту и эрудиции ученые-филологи, которых судьба с неповторимой щедростью собрала в 1930–1940 гг. в стенах Ленинградского университета»[41], был раздавлен сталинской машиной.

Но «ничто не может произойти из ничего, и никак не может то, что есть, уничтожиться»; эти слова Эмпедокла, важнейшие для мировой науки, актуальны и в настоящем случае.

«Слава Богу, выжил Юрий Михайлович Лотман: его спасла Эстония. А он там, в Тарту, отстоял честь нашей филологии»[42].

* * *

ческий факультет ЛГУ (1955), кандидат филологических наук (1967 г.; тема «П. А. Вяземский: Жизнь и творчество»), доктор наук (1981 г., «Пушкинская литературно-общественная среда (1810–1830-е гг.)»); шахматист. Арестовывался в 1938 г. и был осужден (ср.: «В начале 1938 г. арестовали учеников С. Я. [Лурье] — М. Н. Ботвинника и И. Д. Амусина (они шли по мифическому "меньшевистскому" делу, которое возглавлял студент М. И. Гиллельсон, имевший давние связи среди меньшевиков,— на его показаниях и строилось дело)» (*Копржива-Лурье Б. Я. [Лурье Я. С.].* История одной жизни. С. 167).

[40] *Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. С. 303–304.

[41] *Лотман Ю. М.* О. М. Фрейденберг как исследователь культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 308: Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973. С. 485.

[42] *Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. С. 304.

Идеологические кампании 1940-х гг., попеременно сменяя друг друга, достигли поставленной цели — они выпестовали новый тип советского человека. Изменения затронули все возрастные и социальные группы: от молодежи, чье сознание было сформировано заново, до старшего поколения, чье мироощущение было перековано насильственно. Разномыслию в обществе и науке был положен конец.

Общественные науки пострадали более всех остальных — они оказались стерилизованы. Руководящие посты заняли люди, либо взошедшие на «благодатной» почве новой идеологии, либо те, кто сумел переродиться, — таких было значительно меньше, потому что немногие выдерживали схватку с «молодыми учеными». В результате гуманитарная наука к концу 40-х была представлена не разобщенными научными школами или отдельными учеными, а монолитом. Но связующей силой этого монолита стала не научная мысль, а советская идеология — идеология сталинского режима. Это каменное, бездушное основание предопределило стагнацию в развитии гуманитарного знания в нашей стране во второй половине XX в., результаты этого трагически очевидны и в сегодняшней российской науке.

> «Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победою, как думали, но все равно предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя единственное их историческое содержание»[43].

К концу 1949 г. это содержание было полностью скрыто насильственно прилаженными оковами формы — сталинского тоталитаризма, который был на вершине своего могущества.

---

[43] *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго // *Пастернак Б.Л.* Полное собрание сочинений с приложениями: В 11 т. [М]., 2004. Т. IV. С. 514.

Ленинградские писатели — члены Правления ЛО ССП возлагают венок к бюсту А.С. Пушкина. Слева направо: М.М. Зощенко, В.Н. Орлов, А.А. Прокофьев. Ленинград, 10 февраля 1945 г. Фото — В.И. Капустин. (© ЦГАКФФД СПб)

Профессор Б.В. Томашевский произносит речь на могиле А.С. Пушкина. Пушкинские горы, 8 июня 1947 г. Фото — П.Н. Машковцев, Т.А. Машковцев. (© ЦГАКФФД СПб)

Президиум заседания Отделения литературы и языка на Юбилейной сессии АН СССР. Слева направо: В.В. Виноградов, А.М. Еголин, Л.И. Жирков (на заднем плане), И.И. Мещанинов, И.И. Толстой. Ленинград, 8 января 1949 г. (© ПФА РАН)

М. Ауэзов (в прошлом — студент ЛГУ), И.И. Мещанинов и В.М. Жирмунский в день открытия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1 июня 1946 г. (© ПФА РАН)

Профессор В.М. Жирмунский выступает с докладом в Институте литературы в рамках Юбилейной сессии АН СССР. Ленинград, июнь 1945 г. Фото — В.Г. Федосеев. (© РГАКФД)

Профессор М.К. Азадовский и кандидат филологических наук А.М. Астахова в секторе фольклора Пушкинского Дома. Ленинград, 1941 г. (© ИРЛИ РАН)

Митинг по случаю открытия надгробного памятника А.А. Блоку; слева — В.Е. Евгеньев-Максимов. Ленинград, Волково кладбище, 7 августа 1946 г. Фото — ЛенТАСС. (© ЦГАКФФД СПб)

Торжественное собрание отделения журналистики филологического факультета ЛГУ, посвященное Дню печати. Справа — профессор В.Е. Евгеньев-Максимов, слева — зав. сектором печати горкома ВКП(б) кандидат филологических наук В.П. Друзин. 7 мая 1947 г. Фото — ЛенТАСС. (© ЦГАКФФД СПб)

Директор ИЛИ АН СССР академик П.И. Лебедев-Полянский. Москва, ок. 1946 г. Фото — М.С. Наппельбаум. (© РГАКФД)

Академик В.В. Виноградов — депутат Верховного Совета РСФСР. 1947 г. (© ПФА РАН)

В.Н. Орлов — лауреат Сталинской премии. Ленинград, 26 февраля 1951 г. Фото — А. Михайлов, И. Фетисов. (© ЦГАКФФД СПб)

Доктор филологических наук И.И. Векслер. Ок. 1946 г. (© ПФА РАН)

Выступление профессора В.Е. Евгеньева-Максимова у могилы Н.А. Некрасова на митинге, посвященном 125-летию поэта. Ленинград, 4 декабря 1946 г. Фото — В.Г. Федосеев. (© ЦГАКФФД СПб)

Зам. директора Института литературы Л.А. Плоткин и ученый хранитель Рукописного отдела Л.М. Добровольский проверяют сохранность списков «Горе от ума». 12 января 1945 г. Фото — Г.И. Чертов. (© ЦГАКФФД СПб)

Профессор Л.А. Плоткин, зам. директора Пушкинского Дома. Ленинград, 1940-е гг. (© ПФА РАН)

Профессор Б.С. Мейлах — лауреат Сталинской премии. Ленинград, 1948 г. (© ЦГАКФФД СПб)

Зал заседания, посвященного 150-летию со дня рождения А.С. Грибоедова. Слева направо: академик И.Ю. Крачковский, В.А. Десницкий, (сзади справа Г.А. Бялый), Л.А. Плоткин. Ленинград, Пушкинский Дом, 12 января 1945 г. Фото — Г.И. Чертов. (© ЦГАКФФД СПб)

Ученый секретарь Пушкинского Дома Д.С. Бабкин. Ленинград, май 1949 г. (© ИРЛИ РАН)

А.С. Бушмин — преподаватель основ марксизма-ленинизма Ленинградского военно-политического училища. Ок. 1945 г. (© ПФА РАН)

Главный редактор журнала «Звезда» В.П. Друзин. Ленинград, 1950 г. (© ЦГАКФФД СПб)

Лектор дома Красной армии ЛВО А.Г. Дементьев.
Ленинград, 1945 г.

Старший преподаватель филологического факультета ЛГУ И.П. Лапицкий.
Ленинград, начало 1950-х гг.

Парторг филологического факультета ЛГУ Н.С. Лебедев. Ленинград, ок. 1949 г.

Декан филологического факультета ЛГУ Г.П. Бердников. Ленинград, 2-я половина 1940-х гг.

Член партбюро филологического факультета ЛГУ Ф.А. Абрамов. Ленинград, 1948 г.

«В день 130-летия Ленинградского университета»; слева направо: ректор ЛГУ Н.А. Домнин, профессора В.А. Догель, В.И. Смирнов, М.П. Алексеев, В.В. Мавродин. 17 февраля 1949 г. Фото — Н. Янов. (© ЦГАКФФД СПб)

Здание Академии наук СССР в дни Юбилейной сессии. Ленинград, 1945 г. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

Открытие мемориальных досок академикам В.В. Петрову, М.В. Остроградскому, Б.С. Якоби, Я.К. Гроту, П.Л. Чебышеву, Н.Я. Марру, А.П. Карпинскому, И.П. Павлову, Ф.Ю. Левинсону-Лессингу и В.И. Вернадскому на академическом доме в рамках сессии АН СССР. Ленинград, 9 января 1949 г. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

Профессор Б.В. Томашевский и кандидат филологических наук Л.М. Лотман за подготовкой к печати очередного тома Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя. Ленинград, 17 декабря 1951 г. Фото — Н. Караваев. (© ЦГАКФФД СПб)

Профессор Б.В. Томашевский над рукописями А.С. Пушкина. Ленинград, Пушкинский Дом, 1948 г. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

Профессор Н.Ф. Бельчиков выступает с докладом «Пушкин и наша современность» на выездной сессии ИРЛИ АН СССР, посвященной 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Псков, 20 апреля 1949 г. Фото — С.Е. Кропивницкий. (© ЦГАКФФД СПб)

Профессор Б.П. Городецкий за работой в Пушкинском кабинете Института литературы АН СССР. 22 ноября 1948 г. Фото — ЛенТАСС. (© ЦГАКФФД СПб)»

Старший научный сотрудник Пушкинского Дома К.Н. Григорьян над рукописями А.И. Герцена. 19 января 1950 г. Фото — Н. Караваев. (© ЦГАКФФД СПб)

Профессор В.А. Мануйлов выступает с докладом «Пушкин и советская культура» на выездной сессии ИРЛИ АН СССР, посвященной 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Псков, 20 апреля 1949 г. Фото — С.Е. Кропивницкий. (© ЦГАКФФД СПб)

Профессор Д.Д. Благой выступает на митинге с речью о мировом значении А.С. Пушкина. Село Болдино Горьковской области, 18 июня 1949 г. (© ВПМ)

Профессор В.А. Десницкий выступает на юбилейном торжественном заседании АН СССР, посвященном 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Город Пушкин, 10 июня 1949 г. Фото — Е.П. Ряпасов. (© ВПМ)

Профессор Б.П. Городецкий выступает на Пушкинских торжествах. Село Михайловское Псковской области, 12 июня 1949 г. (© ВПМ)

Профессор Н.Ф. Бельчиков открывает Всесоюзную Пушкинскую конференцию. Пушкинский Дом, 25 апреля 1949 г. Фото — ЛенТАСС. (© ЦГАКФФД СПб)

Академики С.И. Вавилов и И.В. Гребенщиков возлагают венок от Президиума Академии наук СССР на могилу А.С. Пушкина. Справа — И.И. Мещанинов. Пушкинские горы, 11 июня 1949 г. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

Сцена торжественного заседания, посвященного 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Москва, Большой театр Союза ССР, 6 июня 1949 г. Фото — ТАСС. (© ВПМ)

Сцена торжественного заседания, посвященного 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Ленинград, Академический театр им. С.М. Кирова, 6 июня 1949 г. Фото — А.А. Михайлов. (© ЦГАКФФД СПб)

Зал юбилейного торжественного заседания президиума АН СССР, посвященного 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. В.В. Виноградов, Е.Н. Павловский, А.М. Еголин, В.Ф. Шишмарев и др. Город Пушкин, 10 июня 1949 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Профессор Н.К. Пиксанов выступает на юбилейном торжественном заседании АН СССР, посвященном 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина; справа — академики И.В. Гребенщиков и И.И. Мещанинов. Город Пушкин, 10 июня 1949 г. Фото — Е.П. Ряпасов. (© ВПМ)

О.Ф. Берггольц на праздновании 150-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Село Михайловское Псковской области, 11 июня 1949 г. Слева направо: Е.И. Ковальчик, А.А. Караваева, О.Ф. Берггольц. Фото — Е.П. Ряпасов. (© РГАКФД)

Открытие Всесоюзного музея А.С. Пушкина в Александровском дворце: С.И. Вавилов разрезает ленточку; за ним (слева направо) — Н.С. Державин, Н.Ф. Бельчиков, В.П. Волгин, А.В. Топчиев. Город Пушкин, 10 июня 1949 г. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

Делегация АН СССР на праздновании 150-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Слева направо: А.Ю. Якубовский, И.А. Орбели, В.В. Виноградов, М.П. Алексеев, С.Г. Бархударов. Псковский кремль, 11 июня 1949 г. Фото — Я. Ярин, Н. Янов. (© ЦГАКФФД СПб)

Профессора Г.А. Бялый, А.С. Долинин, Н.И. Мордовченко. Териоки, 1950 г. (© С.И. Панов)

А.Г. Дементьев на отдыхе в Доме творчества писателей в Комарове. Справа — Л.И. Борисов и Е.В. Бочарникова. 5 июля 1949 г. Фото — Н. Караваев. (© ЦГАКФФД СПб)

Академик В.В. Виноградов в интерьере своей московской квартиры. 2-я половина 1940-х гг. Фото — А. Лисовский. (© ИРЛИ РАН)

«Два профессора на отдыхе»: М.К. Азадовский и В.М. Жирмунский в Териоках летом 1946 г. (название написано рукой М.К. Азадовского). (© ИРЛИ РАН)

Член-корреспондент АН СССР А.М. Еголин и кандидаты филологических наук И.С. Зильберштейн и С.А. Макашин, подготовившие трехтомник «Литературного наследства», посвященный В.Г. Белинскому. Слева направо: С.А. Макашин, А.М. Еголин, И.С. Зильберштейн. Москва, 21 ноября 1951 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

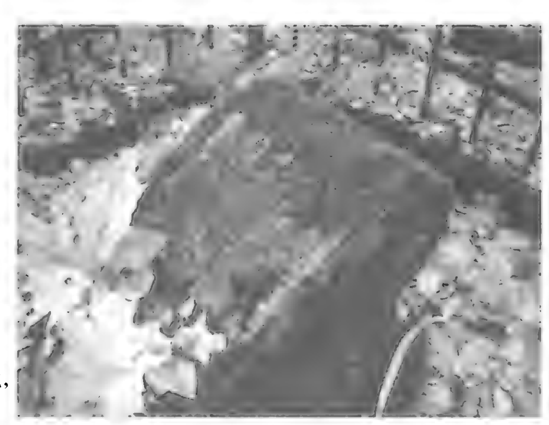
В.П. Адрианова-Перетц проводит экскурсию в ИРЛИ на выставке в честь 150-летия первого издания «Слова о полку Игореве». 6 декабря 1950 г. Фото — ЛенТАСС. (© ЦГАКФФД СПб)

Н.К. Гудзий, В.П. Адрианова-Перетц, Б.М. Эйхенбаум (слева направо) среди участников 2-го Всесоюзного совещания по древнерусской литературе в ИРЛИ АН СССР. (На фото запечатлен первый визит Б.М. Эйхенбаума в Пушкинский Дом после событий 1949 г.) 25 апреля 1955 г. (© ИРЛИ РАН)

Профессор О.М. Фрейденберг.
Ок. 1949 г.
(© Н.В. Брагинская)

Памятник на могиле
О.М. Фрейденберг. Ленинград,
Богословское кладбище.

Профессор М.К. Азадовский. Ленинград, ок. 1946 г. (© ПФА РАН)

Памятник на могиле М.К. Азадовского. Ленинград, Большеохтинское кладбище. (© С.И. Панов)

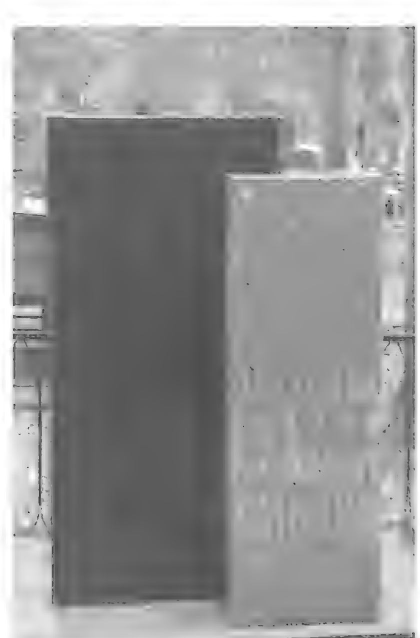
Профессор Г.А. Гуковский.
Ленинград, ок. 1946 г.
(© ПФА РАН)

Памятник Г.А. Гуковскому.
Поселок Комарово
Ленинградской области.

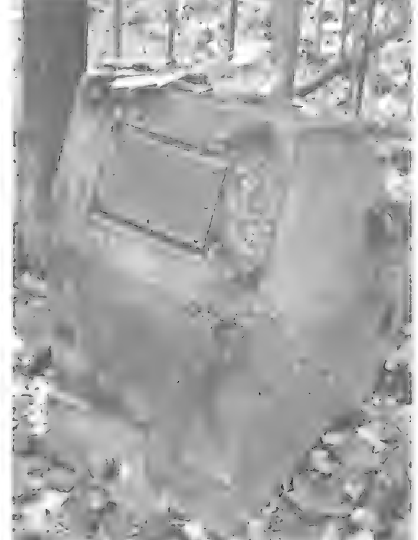
Профессор В.М. Жирмунский.
Ок. 1948 г.

Памятник на могиле
В.М. Жирмунского.
Поселок Комарово
Ленинградской области.

Профессор
Б.М. Эйхенбаум.
Ленинград, ок. 1946 г.
(© ПФА РАН)

Памятник на могиле
Б.М. Эйхенбаума.
Ленинград,
Богословское кладбище.

Академик
В.Ф. Шишмарев на даче.
Комарово, 1952 г.
(© ПФА РАН)

Памятник на могиле
В.Ф. Шишмарева.
Поселок Комарово
Ленинградской области.

Научная сессия по вопросам развития языков и письменности народов СССР. В верхнем левом углу — Д.В. Бубрих. На обороте — запись вдовы ученого: «Последний снимок в Москве. Сильно травили». Москва, 11 ноября 1949 г. (© ПФА РАН)

Памятник на могиле Г.А. Бялого. Поселок Комарово Ленинградской области.

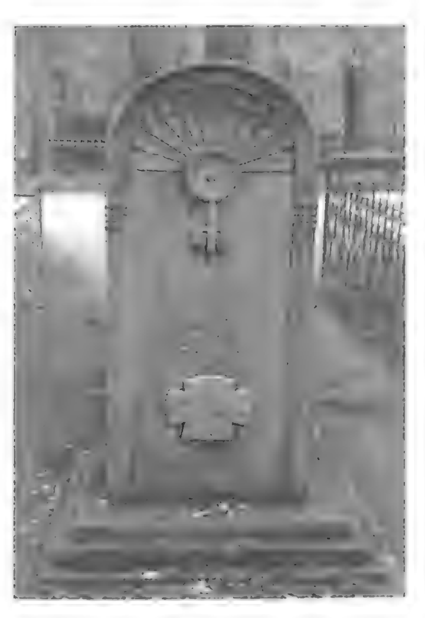
Памятник на могиле Г.П. Макогоненко. Поселок Комарово Ленинградской области.

Памятник на могиле Л.А. Плоткина.
Поселок Комарово
Ленинградской области.

Памятник на могиле Б.И. Бурсова.
Поселок Комарово
Ленинградской области.

Памятник на могиле Б.С. Мейлаха.
Поселок Комарово
Ленинградской области.

Памятник на могиле А.С. Бушмина.
Поселок Комарово
Ленинградской области.

Донской крематорий: общий вид здания. В этих печах были кремированы тела многих тысяч репрессированных, в том числе — профессоров Г.А. Гуковского и А.А. Вознесенского. Москва, 1951 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Мавзолей В.И. Ленина и И.В. Сталина. Москва, Красная площадь, 1953 г. (© РГАКФД)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Архив РАН	Ф. 277 (В. Л. Комаров)
	Ф. 411 (Управление кадров АН СССР)
	Ф. 596 (С. И. Вавилов)
	Ф. 597 (П. И. Лебедев-Полянский)
	Ф. 1828 (Д. Д. Благой)
Архив РНБ	Ф. 2 (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)
ГА РФ	Ф. 298 (Государственный Ученый совет)
	Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР)
	Ф. 6646 (Славянский комитет СССР)
	Ф. 9170 (Журнал «Славяне»)
	Ф. 9396 (МВО СССР)
	Ф. 9506 (ВАК при СМ СССР)
НА РТ, г. Казань:	Ф. 7083 (ССП Татарской ССР)
ОДО СПбГУ	Приказы ректора 1940–1950 гг.
	Лицевые счета 1946–1949 гг.
ПФА РАН	Ф. 2 (Канцелярия конференции Академии наук)
	Ф. 150 (ИРЛИ АН СССР)
	Ф. 222 (Комитет по подготовке кадров АН СССР)
	Ф. 225 (ЛОКА при ЦИК СССР)
	Ф. 302 (НИИ языкознания)
	Ф. 770 (Л. В. Щерба)
	Ф. 827 (Н. С. Державин)
	Ф. 896 (В. Ф. Шишмарев)
	Ф. 969 (И. И. Мещанинов)
	Ф. 976 (С. Я. Лурье)
	Ф. 1081 (Б. Г. Реизов)
	Ф. 1086 (А. С. Бушмин)
РГАЛИ	Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум)

РГАСПИ Ф. 17 (ЦК ВКП(б))
Ф. 77 (А.А. Жданов)
Ф. 82 (В.М. Молотов)

ЦГА СПб Ф. 7240 (ЛГУ)

ЦГАИПД СПб Ф. 4 (Василеостровский РК ВКП(б))
Ф. 24 (Ленинградский обком ВКП(б))
Ф. 25 (Ленинградский горком ВКП(б))
Ф. 433 (ВО районная Контрольная комиссия ВКП(б))
Ф. 563 (Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по ЛО)
Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ)
Ф. 1183 (Коллектив ВКП(б) ЛО Главнауки)
Ф. 2019 (Парторганизация учреждений АН СССР)
Ф. 2060 (Парторганизация ЛО ССП)
Ф. 2109 (Парторганизация АН СССР)
Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП)
Ф. 3025 (Парторганизация БАН)
Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ АН СССР)
Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР)
Ф. 5063 (Парторганизация ЛИФЛИ)

ЦГАЛИ СПб Ф. 12 (ЛенТАСС)
Ф. 82 (ЛГИТМиК)
Ф. 141 (В.Е. Шор)
Ф. 145 (Г.А. и З.В. Гуковские)
Ф. 293 (Ленинградский радиокомитет)
Ф. 334 (ЛО издательства «Советский писатель»)
Ф. 366 (Городское лекционное бюро)
Ф. 371 (ЛО ССП СССР)
Ф. 372 (ЛО Литфонда СССР)
Ф. 440 (В.А. Мануйлов)

ЦГИА СПб Ф. 14 (Петроградский университет)

ЦХСФ, г. Ялуторовск Тюменской обл.:
Ф. 9506 (ГА РФ; ВАК при СМ СССР)

Кинофотодокументы:
ПФА РАН
РГАКФД
РГАФД
Фототека ВМП
Фототека Музея ИРЛИ РАН
ЦГАКФФД СПб
Личный архив К.М. Азадовского

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Ф. А. «Поднятая целина» М. Шолохова / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1951.

Абрамов Ф. А. Собрание сочинений: В 6 т. СПб., 1995. Т. 6.

Абрамов Ф. А., Лебедев Н. С. В борьбе за чистоту марксистско-ленинского литературоведения // Звезда. Л., 1949. № 7. Июль. С. 165–171.

Аврутин Ю. М. Крещеные евреи, этнический конфликт и политика повседневной жизни в России во время Первой Мировой войны // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 99–123.

Агапов Б., Зелинский К. Нет, это — не русский язык!: О книге проф. В. Виноградова // Литературная газета. М., 1947. № 59. 29 ноября. С. 3.

Агранович Л. Воркута // Искусство кино. М., 2003. № 5. С. 146–157.

Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга: В 2 кн. М., 2005. Кн. 2.

Азадовская Л. В. Из научного наследия М. К. Азадовского: Замыслы и начинания // *Азадовский М. К.* Статьи и письма: Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 189–237.

Азадовская Л. В. Сердце не знало покоя // Воспоминания о М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 15–25.

Азадовский К. М. «Милый, дорогой друг...»: М. К. Азадовский и И. С. Зильберштейн // И. С. Зильберштейн: штрихи к портрету: К 100-летию со дня рождения. М., 2006. С. 120–136.

Азадовский К. М. Письма ученых как зеркало эпохи // Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954. М., 1998. С. 5–29.

Азадовский К. М., Егоров Б. Ф. «Космополиты» // Новое литературное обозрение. М., 1999. № 36. С. 83–135.

Азадовский К. М., Егоров Б. Ф. О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. Л., 1989. № 6. С. 157–176.

Азадовский М. К. Добролюбов и русская фольклористика // Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук. Серия 7-я. М.; Л., 1936. № 1–2. С. 131–159.

Азадовский М. К. Добролюбов и русская фольклористика // Советский фольклор. М.; Л., 1936. № 4–5. С. 3–27.

Азадовский М. К. История русской фольклористики: В 2 т. М., 1958–1963.

Азадовский М. К. Литература и фольклор: Очерки и этюды. Л., 1938.

Азадовский М. К. «Онежские былины» Гильфердинга / Вступ. статья и подгот. текста К. М. Азадовского // Русская литература. СПб., 2008. № 4. С. 41–50.

Азадовский М. К. Поэма Шамиссо о декабристе А. Бестужеве // Сибирские огни. Новосибирск, 1926. № 3. С. 148–157.

Азадовский М. К. Событие величайшего мирового значения: Из речи на митинге // Ленинградский университет. Л., 1945. № 16. 5 мая. С. 2.

Академики-филологи и Ленинградский университет // Ленинградский университет. Л., 1945. № 24. 1 июля. С. 4.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б), 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000.

Активно бороться за приоритет отечественной науки // Вестник высшей школы. М., 1948. № 1. Январь. С. 1–3.

Алабян К. С. Против формализма в архитектуре: Доклад на собрании архитекторов, посвященном обсуждению статей газеты «Правда» о формализме // Против формализма и натурализма в искусстве: Сборник статей. [М.], 1937. С. 62–70.

Александр Григорьевич Дементьев: [Некролог] // Литературная газета. М., 1986. № 14. 2 апреля. С. 7.

Александр Фадеев: Письма и документы (из фондов Российского государственного архива литературы и искусства) / Сост. Н. И. Дикушина. М., 2001.

Александров Б. «Академический» объективизм вместо научной критики: По страницам журнала «Советская книга» // Культура и жизнь. М., 1947. № 34 (53). 10 декабря. С. 4.

Александров Г. Ф. История западноевропейской философии. 2-е изд., доп. М.; Л., 1946.

Александров Д. А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: Становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1996. № 3. С. 3–24.

Алексеев М. Н. и др. Против чего выступает «Новый мир»?: Письмо в редакцию // Октябрь. М., 1969. № 30. 26 июля. С. 26–27.

[Алексеев М. П.] М. А. Научная сессия по славяноведению // Вестник Ленинградского университета. Л., 1946. № 2. Сентябрь. С. 132–137.

Алексеев М. П. Письмо Пушкина к Джорджу Борро // Вестник Ленинградского университета. Л., 1949. № 6. С. 133–139.

Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. М., 2001.

Алексей Николаевич Косыгин // Наши кандидаты: [Кандидаты от Псковской области на выборах в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 года]. Псков, 1946.

Алексей Сергеевич Бушмин: [Некролог]: (Памяти ученых) // Вестник Академии наук СССР. М., 1983. № 6. С. 115.

Алексей Сергеевич Бушмин, 1910–1983 / Сост. А. С. Морщихина, Л. Г. Мироненко; вступ. статья В. Н. Баскакова / Материалы к биобиблиографии ученых СССР: Серия литературы и языка. М., 1990. Вып. 18.

Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде / Под ред. М. В. Черноруцкого. Л., 1947.

Алиментарная дистрофия и авитаминозы: Научные наблюдения за два года Отечественной войны. Л., 1944.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. Иркутск, 1992.

Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.

Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.

Алпатов В. М. Переписка Н. Н. Поппе с советскими востоковедами // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. М., 2000. Т. 59. № 5. С. 52–57.

Альтман И. Грубая фальсификация // Знамя. М., 1948. Кн. III. Март. С. 179–184.

Альтшулер А. Я. Забыть нельзя // Памяти Григория Абрамовича Бялого: К 90-летию со дня рождения: Научные статьи. Воспоминания. СПб., 1996. С. 190–197.

Андреев А. А. Историко-экономический очерк города Саратова / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., [1948].

Андреев А. А., Ефимов Г. В. Идеологическая работа среди научных работников Ленинградского государственного университета // Пропаганда и агитация: Журнал Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б). Л., 1947. № 23. 15 декабря. С. 30–37.

Андрей Александрович Жданов, 1896–1948. [М.], 1948.

Аникст А. А. Реализм эпохи Возрождения // Основные этапы развития реализма в западноевропейской литературе: Тезисы докладов / Министерство просвещения РСФСР, Академия педагогических наук РСФСР. Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов. М., 1948. С. 5–6.

Аннинский Л. А. На краю Отечества // Нева. Л., 2003. № 7. С. 190–208.

Антонов Вал. Собрание славянских деятелей Советского Союза // Славяне. М., 1947. № 3. С. 7–12.

Аншелес И. М. Эпидемиологическая характеристика Ленинграда за год Отечественной войны // Работы ленинградских врачей за год Отечественной войны. Л., 1943. Вып. III. С. 79–90.

Аппарат ЦК КПСС и культура, 1953–1957: Документы. М., 2001.

Аринштейн Л. Успехи советской филологии // Ленинградский университет. Л., 1947. № 36. 25 ноября. С. 2.

Аристотель. Физика / Пер. В. П. Карпова // *Аристотель.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 61–262.

Бабиченко Д. Л. Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994.

Бабиченко Д. Л. ЦК ВКП(б) и советская литература: Проблемы политического влияния и руководства, 1939–1946 гг. / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук в виде научного доклада. М., 1995.

Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952.

Базанов В. Г. Владимир Федосеевич Раевский: 1795–1872: Новые материалы. Л.; М., 1949.

Базовский В. Н., Шумилов Н. Д. Самое дорогое: Документальное повествование об А. А. Кузнецове. 2-е изд., доп. М., 1985.

Байбаков Н. Из воспоминаний о Н. А. Вознесенском // Вопросы экономики. М., 2003. № 11. С. 141–144.

Балахонов В., Соломыков И. Без руководства // Ленинградский университет. Л., 1948. № 15. 21 апреля. С. 3.

Балухатый С. Д. Великий сын великого народа: К 50-летию со дня появления М. Горького в литературе, 1892–1942. Саратов, 1942.

Бальтерманц Г. Сто восемьдесят пять докладов: Беседа с проректором по научной части проф. С. В. Калесником // Ленинградский университет. Л., 1948. № 41. 16 декабря. С. 1.

Баренбаум И. Е. Учителя и однокашники // Филфак в воспоминаниях. СПб., 2003. С. 11–38.

Барзах Е., Левитан Л. Обсуждаем произведения советских писателей: (Студенческая конференция «Наука, литература, искусство в новой сталинской пятилетке») // Ленинградский университет. Л., 1947. № 14. 14 апреля. С. 4.

Баскаков В. Н. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [А. С. Бушмина] // Алексей Сергеевич Бушмин, 1910—1983 / Материалы к биобиблиографии ученых СССР: Серия литературы и языка. М., 1990. Вып. 18. С. 7—22.

Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело профессора З. Я. Белецкого // Из истории отечественной философии, XX век. М., 1998. Кн. 1. С. 218—242.

Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: Почему был запрещен третий том «Истории философии»? // Вестник РАН. М., 1993. Т. 63. № 7. С. 628—639.

Батюто А. И. Из «Дневника» 1949—1952 / Публ. С. А. Батюто // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. СПб., 2009. [Сб.] I. С. 452—499.

Белая Г. «Я родом из шестидесятых...»: (Мемуарное выступление на праздновании 70-летия Г. А. Белой на историко-филологическом факультете РГГУ 19 октября 2001 г.) // Новое литературное обозрение. М., 2004. № 70. С. 210—228.

Белич А. Совещание по славяноведению в Ленинградском университете // Славяне. М., 1946. № 8/9. С. 29—31.

Белоусов С. А. О перестройке работы по языкознанию в филиалах Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1951. № 6. С. 21—24.

Беляева В. И., Гундоров А. С. Видный деятель славянского движения // Ученый-коммунист: К 75-летию со дня рождения А. А. Вознесенского. Л., 1973.

Беневич Е. М. Евгений Шварц: Хроника жизни. СПб., 2008.

Берг М. Ю. В тени Пушкина: Пушкинскому Дому — 90 лет // Час пик. СПб., 1996. № 98. 29 мая. С. 14.

Берггольц О. Ф. Ольга: Запретный дневник. СПб., 2010.

Берггольц О., Макогоненко Г. У нас на земле: Пьеса // Звезда. Л., 1947. № 12. С. 120—161.

Бердников Г. П. Иван Сергеевич Тургенев, 1818—1883 / Русские драматурги: Научно-популярные очерки. М.; Л., 1951.

Бердников Г. П. Чехов в моей жизни: (Писатели — лауреаты Государственных премий СССР) // Литературная газета. М., 1985. № 46. 13 ноября. С. 5.

Березина В. Г. Н. И. Мордовченко — ученый и педагог: (К 90-летию со дня рождения) // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб., 1995. Серия 2. Вып. 2 (№ 9). С. 73—79.

Берков П. Н. Краткий очерк научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности [В. М. Жирмунского] // Виктор Максимович Жирмунский / Материалы к биобиблиографии ученых СССР: Серия литературы и языка. М., 1965. Вып. 5. С. 7—25.

Берков П. Н. Научная жизнь филологического факультета // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1945. № 5. С. 49.

Берков П. Н., Левин Ю. Д. Краткий очерк научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности Виктора Максимовича Жирмунского // Академик Виктор Максимович Жирмунский: Биобиблиографический очерк. 3-е изд., испр. и дополн. СПб., 2001.

Берков П. Н., Мордовченко Н. И. Обсуждение постановлений ЦК ВКП(б) на филологическом факультете // Вестник Ленинградского университета. Л., 1946. № 3. Октябрь. С. 140—142.

Бернштейн Б. М. О Пунине: Взгляд из аудитории // @ Альманах «Портфолио» (portfolio.org). 2004. Вып. 74. 17 июля.

Бернштейн С. Б. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002.

Берри А. Краткая история астрономии. М.; Л., 1946.

Беседа с президентом Академии академиком С. И. Вавиловым: (Академия наук СССР перед выборами) // Известия. М., 1946. № 271. 19 ноября. С. 1.

Бианки Н. П. К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире»: Воспоминания. М., 1999.

Биологический факультет должен стать ведущим центром мичуринской науки: (Решительно искоренить морганизм-вейсманизм в биологической науке, изгнать последователей буржуазного лжеучения. На заседании Ученого совета биологического факультета) // Ленинградский университет. Л., 1948. № 28. 16 сентября. С. 3.

Благой Д. Письмо в редакцию // Комсомольская правда. М., 1949. № 126. 31 мая. С. 3.

Благой Д., Макогоненко Г., Мейлах Б. За образцовое издание классиков // Литературная газета. М., 1952. № 85. 15 июля. С. 3.

Блинов В. А. Был лермонтовский год... // Уральский библиофил. Челябинск, 1989. С. 18–21.

Блок М. Апология истории. М., 1973.

Блокада рассекреченная / Сост. В. Демидов. СПб., 1995.

Блокадные дневники и документы / Архив Большого Дома. 2-е изд., доп. и испр. СПб., 2007.

Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003.

Блюм А. В. Как выбирали в академики: (По секретным сообщениям госбезопасности) // Звезда. СПб., 2001. № 8. С. 156–163.

Богаевская К. П. Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. М., 1998. № 29. С. 125–141.

Богданова О. А. Василий Леонидович Комарович // Вопросы литературы. М., 1988. № 9. С. 130–151.

Богомазов Г. Г., Благих И. А., Мельник Д. В. Формирование структуры науки и высшей школы СССР в 1920–1940-е гг.: (На примере экономических научно-образовательных центров Ленинграда) // Социальные проблемы: Научно-практический журнал. СПб., 2008. № 3. С. 76–95.

Болдырев А. Н. Осадная запись: (Блокадный дневник) / Подгот. к печати В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский. СПб., 1998.

Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 / Сост. Л. В. Максименков. М., 2005.

Большевистская партийность — основа советского литературоведения // Литературная газета. М., 1948. № 91, 13 ноября. С. 1.

Бондарева Е. Л. А. А. Жданов в борьбе за коммунистическую идейность советской литературы и искусства / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / БГУ им. В. И. Ленина. Минск, 1953.

Борев Ю. Б. Власти-мордасти. [СПб.], 2003.

Борев Ю. Б. Сталиниада: Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора. М., 1991.

Борщаговский А. М. Записки баловня судьбы. М., 1991.

Борщуков В. В плену отживших схем и традиций // Комсомольская правда. М., 1948. № 274. 19 ноября. С. 3.

Брагинская Н. В. Мировая безвестность: Ольга Фрейденберг об античном романе / Препринт WP6/2009/05. М., 2009.

Брагинская Н. В. Филологический роман: Предварение к запискам Ольги Фрейденберг // Человек. М., 1991. Вып. 3. С. 145–156.

Брагинская Н. В. Siste viator!: Предисловие к докладу О. М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках» // Одиссей. Человек в истории. 1995: Представления о власти. М., 1995. С. 244–271.

Бронтман Л. К. Дневники 1932–1947 // @ Журнал «Самиздат» (zhurnal.lib.ru). 2004.

Бубрих Д. За кандидата Сталинского блока // Ленинградский университет. Л., 1947. № 6. 8 февраля. С. 2.

Бузин Д. С. Александр Фадеев: Тайны жизни и смерти. М., 2008.

Буров Н. Апологеты реакционных идей Достоевского // Литературная газета. М., 1948. № 1. 3 января. С. 3.

Бутусов В. Академическое собрание сочинений Пушкина // Октябрь. М., 1950. № 3. С. 180–184.

Бутусов В. «Специалисты» по низкопоклонству // Литературная газета. М., 1948. № 3. 10 января. С. 3.

Бушмин А. С. О критериях точности в литературоведении // Русская литература. Л., 1969. № 1. С. 72–88.

Бушмин А. С. Роман А. Фадеева «Разгром». Л., 1954.

Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1959.

В родной Ленинград!: На проводах Ленинградского ордена Ленина университета // Коммунист. Саратов, 1944. № 118. 16 июня. С. 3.

В. С. [Соколова В. А.?] Обсуждение книги «Узбекский народный героический эпос» // Советская этнография. М.; Л., 1949. [Кн.] 2. [Апрель–июнь]. С. 177–179.

В. Т. «Грамматика русского языка»: Книга Андре Мазона // Вечерний Ленинград. Л., 1945. № 15. 30 декабря. С. 2.

Вавилов С. И. Друг науки // Андрей Александрович Жданов, 1896–1948. [М.], 1948. С. 55–65.

Вавилов С. И. Политические и научные знания — в массы! // Наука и жизнь. М., 1948. № 2. С. 15–17.

Вавилов С. И. Советская наука на службе Родине. М.; Л., 1946.

[Вавилов С. И.] Товарищ И. В. Сталин избран первым почетным членом Общества: Речь академика С. И. Вавилова // Наука и жизнь. М., 1948. № 2. С. 18–19.

Вавилов Ю. Н. В долгом поиске: Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. М., 2004.

Важдаев В. Формалистская арифметика и ее политический смысл: (Бушмин А. С. «Идейно-образная концепция “Разгрома” А. А. Фадеева») // Новый мир. М., 1949. Кн. III. С. 254–257.

Ваксберг А. И. Из ада в рай и обратно: Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М., 2003.

Ваксер А. З. Ленинград послевоенный, 1945–1982 годы. СПб., 2005.

Василевский А. Дело всей жизни. М., 1975.

Василевский В. «Нет леса — нет дров» / Публ. А. В. Василевского // Литературная газета. М., 2002. № 37. 11–17 сентября. С. 14.

Василенок С. И. Как попасть в рай: Русские, украинские, белорусские атеистические сказки. М., 1963.

Василенок С. И. Министерство высшего образования поощряет низкопоклонство // Литературная газета. М., 1947. № 55. 15 ноября. С. 3.

Василенок С. И. Народный поэт Белоруссии: [О Я. Коласе] // Славяне. М., 1947. № 6. Июнь. С. 47–50.

Василенок С. И. Певец белорусского народа: К 30-летию со дня смерти белорусского поэта Максима Богдановича (1891–1917) // Славяне. М., 1947. № 5. Май. С. 48–49.

Василеостровский избирательный округ: (Лучших своих сынов и дочерей — славных патриотов Советской Родины выдвигает народ кандидатами в депутаты Верховного Совета РСФСР) // Вечерний Ленинград. Л., 1947. № 2. 3 января. С. 2.

Векслер И. И. Ленин и проблемы русской литературы // Ленинградская правда. Л., 1947. № 246. 19 октября. С. 3.

Вертинская Л. В. Синяя птица любви. М., 2004.

Вершинин А. Обсуждение книги академика В. В. Виноградова «Русский язык» в Московском университете // Вестник Московского университета. М., 1948. № 4. С. 147–155.

Вечер поэтов // Ленинградская правда. Л., 1946. № 123. 28 мая. С. 4.

Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971): Библиографический указатель. СПб., 1991.

Винер Н. Я — математик. М., 1964.

Виноградов В. А. Мой XX век: Воспоминания. М., 2005.

Виноградов В. В. Александр Михайлович Еголин: [Некролог] // Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка. М., 1959. Т. XVIII. Вып. 4. С. 390–391.

Виноградов Ю. А. Почетные академики и «корифеи науки» // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1999. № 1. С. 176–185.

Вишневский Вс. Вредный рассказ Мих. Зощенко // Культура и жизнь. М., 1946. № 5. 10 августа. С. 4.

Вишневский Вс. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1958. Т. IV.

Владимиров С. В. Поэтическая лениниана // Ленин в советской поэзии. Л., 1970. С. 7–58.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике, 1917–1953 / Сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М., 2002.

Во Всесоюзном обществе по распространению политических и научных знаний // Наука и жизнь. М., 1948. № 1. С. 47.

Водолазкин Е. Г. Сеанс с разоблачением // Новая газета. М., 2009. № 31. 27 марта. С. 18.

Вознесенский А. А. Всемерно укреплять дошкольные учреждения // Учительская газета. М., 1949. № 54. 13 июля. С. 2.

Вознесенский А. А. Государственная проверка работы школы: [К предстоящим экзаменам] // Учительская газета. М., 1948. № 17. 22 апреля. С. 2.

Вознесенский А. А. Идейно закалять наше студенчество // Правда. М., 1946. № 245. 14 октября. С. 2.

Вознесенский А. А. Идейно-политическое воспитание в советской школе // Правда. М., 1948. № 322. 17 ноября. С. 2.

Вознесенский А. А. Избранные экономические сочинения (1923–1941 гг.). М., 1985.

Вознесенский А.А. Итоги первого послевоенного Славянского конгресса // Славяне. М., 1947. № 1. С. 27.

Вознесенский А.А. Ленинградский университет на новом этапе // Ленинградский университет. Л., 1945. № 36. 28 сентября. С. 1.

[Вознесенский А.А.] Ленинизм — высшее достижение мировой культуры: Речь ректора Ленинградского университета Александра Вознесенского // Славяне. М., 1947. № 2. С. 34–35.

Вознесенский А.А. О преподавании литературы в школе // Литературная газета. М., 1948. № 56. 14 июля. С. 2.

[Вознесенский А.А.] Речь Министра просвещения РСФСР тов. А.А. Вознесенского (XI Съезд ВЛКСМ) // Учительская газета. М., 1949. № 28. 13 апреля. С. 2.

Вознесенский Л.А. Истины ради. М., 2004.

Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. [М.], 1947.

Вознесенский Э.А. Вхождение в жизнь: Воспоминания. Л., 1990.

Волин Б. Великий русский народ // Большевик. М., 1938. № 9. 1 мая. С. 26–37.

Волков Ан. А. И. Куприн. М., 1959.

Волков Ан. Выдающийся писатель-реалист // Культура и жизнь. М., 1948. № 8. 21 марта. С. 4.

Волков Ан. Выдающийся писатель-реалист // *Куприн А. И.* Забытые и несобранные произведения / Подгот. Э. М. Ротштейна. [Пенза], 1950. С. 3–45.

Волков Ан. Писатель-реалист: К 10-летию со дня смерти А. И. Куприна // Литературная газета. М., 1948. № 68. 25 августа. С. 4.

Волков Ан. Творчество А. И. Куприна. М., 1962.

Волков Вит. За кулисами: Некоторые комментарии к одному постановлению // Аврора. Л., 1991. № 8. С. 42–51.

Волков С.А. Возле монастырских стен: Мемуары, дневники, письма. М., 2000.

Волков-Ланнит В.Ф. Искусство запечатленного звука: Очерки по истории граммофона. М., 1964.

Волкова Н.Г., Сергеева Г.А. Трагические страницы кавказоведения: А. Н. Генко // Репрессированные этнографы / Сост. Д.Д. Тумаркин. М., 1999. Вып. I. С. 101–133.

Волкогонов Д. Сталин: Политический портрет. М., 1996. Кн. 2.

Вопросы и ответы по государственным займам. М., 1926.

Вопросы истории отечественной науки: Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки, 5–11 января 1949 г. М.; Л., 1949.

Воспоминания о Федоре Абрамове. М., 2000.

80-летие Б. М. Эйхенбаума в ИРЛИ / Запись Ю. Бережновой // *Эйхенбаум Б. М.* «Мой временник»...: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2001. С. 606–611.

Восьмой пленум Всеславянского комитета // Славяне. М., 1944. № 9. С. 38.

Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов: [Программа] / Министерство просвещения РСФСР, Академия педагогических наук РСФСР. [М., 1948].

Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов // Сборник информационных материалов / Академия педагогических наук РСФСР. М.; Л., 1948. № 29. С. 2–12.

Выгодский М. Я. Галилей и инквизиция. М.; Л., 1934. Ч. I.

Выполнить долг перед народом: (На собрании ленинградских писателей) // Ленинградская правда. Л., 1948. № 283. 30 ноября. С. 3.

Гагарин А. П. Торжество мичуринской биологической науки // Литература в школе. М., 1948. № 6. С. 65.

Гагарин А. П. Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и их значение для преподавания философских, экономических и юридических дисциплин // Вестник Московского университета. М., 1951. № 9. С. 25–34.

Газеты СССР, 1917–1960: Библиографический справочник. М., 1970. Т. 1.

Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня / Судьбы филологов: Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955) // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., [1998]. Т. 2. № 4. С. 353–433.

Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира — птоломеевой и коперниковой. М.; Л., 1948.

Галкин И. С. За боевую научную критику, против низкопоклонства в науке // Вестник высшей школы. М., 1947. № 12. Декабрь. С. 11–18.

Галкин И. С. Научная конференция университета // Московский университет. М., 1944. № 43. 30 ноября. С. 1.

Галкин И. С. О перестройке учебной и научной работы университета в связи с решениями ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии // Московский университет. М., 1946. № 37. 29 ноября. С. 1.

Гальперин И. Я. Сущность стиха // Я думал, чувствовал, я жил: Воспоминания о Маршаке. М., 1988. С. 533–535.

Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. 2-е изд. СПб., 2006.

Ганелин Р. Ш. СССР и Германия перед войной: Отношения вождей и каналы политических связей. СПб., 2010.

Ганелин Р. Ш. Ученые-гуманитары — жертвы борьбы с космополитизмом // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: Европейские традиции и российский контекст: Труды Международной научной конференции 23–25 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 419–443.

Ганелина И. Е. Я. С. Лурье: история жизни // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 5–40.

Герасимов А. М. За боевую теорию изобразительных искусств // Советское искусство. М., 1949. № 2. 8 января. С. 2.

Герштейн Э. Мемуары. М., 2002.

Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.

Гинзбург Л. Я. Письма Б. Я. Бухштабу / Подгот. текста, публ., примеч. и вступ. заметка Д. В. Устинова // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 49. С. 325–386.

Гинзбург Л. Я. Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. М., 2011.

Глаголев Н. К вопросу о концепции А. Н. Веселовского // Октябрь. М., 1947. Кн. 12. Декабрь. С. 182–186.

Глазырина [Костенко] Н. Ю. Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых: (По материалам личного архива проф. О. М. Фрейденберг) / Дипломная работа студентки V курса Историко-архивного института РГГУ. М., 1994.

Гликина М. В. Физико-технический институт в дни блокады // Чтения памяти А. Ф. Иоффе, 1991. СПб., 1993. С. 58–82.

Глинка В. М. Воспоминания о блокаде. СПб., 2010.

«Голос источников»: К истории несостоявшейся публикации (Н. И. Конрад — Б. Б. Вахтин) / Публ. М. Ю. Сорокиной // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 292–336.

Гордон Г. Б. Эмиль Гилельс: за гранью мифа. М., 2007.

Горчаков Г. Н. Л-1–105: Воспоминания. Иерусалим, 1995.

Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации, 1938–1953 / Сост. Г. В. Костырченко. М., 2005.

Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. М., 1997. Т. 3.

Готовить кадры специалистов-мичуринцев // Ленинградская правда. Л., 1948. № 210. 4 сентября. С. 3.

Гречина О. Н. Человек другой цивилизации // Неизвестный В. Я. Пропп. СПб., 2002. С. 459–472.

Григорьян К. Н. Федор Яковлевич Прийма в Пушкинском Доме // Ф. Я. Прийма и вопросы филологии XX века: Исследования. Воспоминания. Материалы. СПб., 2009. С. 254–264.

Гринберг И. Против пережитков формализма и буржуазного объективизма // Знамя. М., 1949. Кн. 11. Ноябрь. С. 180–185.

Громова Н. А. Распад: Судьба советского критика в 40-е — 50-е годы. М., 2009.

Гудзий Н. К. Впервые в истории университета // Московский университет. М., 1944. № 22. 26 мая. С. 1.

Гудзий Н. К. Забытые имена // Литературная газета. М., 1956. № 139. 22 ноября. С. 3.

Гуковский Г. А. А. С. Пушкин / Великие патриоты // Коммунист. Саратов, 1942. № 175. 26 июля. С. 4.

Гуковский Г. А. Александр Николаевич Радищев / Великие патриоты // Коммунист. Саратов, 1942. № 145. 21 июня. С. 3.

Гуковский Г. А. Изучаем жизнь и творчество гениального критика // Ленинградский университет. Л., 1948. № 21. 1 июня. С. 3.

Гуковский Г. А. [Мнение по дискуссионной статье Л. И. Тимофеева «О преподавании литературы в школе»] // Литература в школе. М., 1946. № 3/4. С. 87–88.

Гуковский Г. А. О журнале для учителя-словесника: [Рецензия на журн.: Литература в школе. 1946. № 1, 2, 3/4] // Советская книга. М., 1947. № 4. С. 82–89.

Гуковский Г. А., Евгеньев-Максимов В. Е. Любовь к Родине в русской классической литературе. Саратов, 1943.

Гундоров А. К первому послевоенному Славянскому конгрессу // Славяне. М., 1946. № 7/8. С. 15–16.

Гусейнов Ч. Г. Memor-портреты // Знамя. М., 2006. № 8. С. 143–152.

[Даль Е. А.] Лиза Даль: «Свой дом он закрыл от всех»: [Интервью внучки Б. М. Эйхенбаума] // Караван историй. М., 2000. № 11. С. 32–48.

Данилов А. Д. Новое в аттестации научных кадров // Вестник высшей школы. М., 1948. № 12. С. 15–16.

Данилов В. В. «Октавий» Минуция Феликса и «Поучение» Владимира Мономаха // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1947. Т. V. С. 97–107.

Данин Д. С. Бремя стыда. М., 1996.

Два отзыва о научной деятельности М. К. Азадовского / Публ. Т. Г. Ивановой // Русская литература. СПб., 2006. № 2. С. 86–101.

23 октября // Ленинградский университет. Л., 1948. № 34. 27 октября. С. 1.

Движение души: Неотправленное письмо академика В. Ф. Шишмарева И. В. Сталину / Публ., вступ. заметка и примеч. М. Д. Эльзона // Звезда. СПб., 1997. № 6. С. 183–185.

Движение судьбы: [Интервью с Л. Я. Гинзбург по случаю присуждения ей Государственной премии 1988 г.] // Смена. Л., 1988. № 262. 13 ноября. С. 2.

Дейч Г. М. Воспоминания советского историка. СПб., 2000.

Дементьев А. Г. Великие идеи патриотизма в творчестве русских классиков. Л., 1944.

Дементьев А. Г. За большевистскую партийность в литературоведении // Вестник Ленинградского университета. Л., 1948. № 4. Апрель. С. 78–86.

Дементьев А. Г. За партийность науки о литературе: (К итогам литературоведческой дискуссии в Ленинградском государственном университете) // Ленинградская правда. Л., 1947. № 304. 30 декабря. С. 3.

Дементьев А. Г. Новый журнал Союза писателей // Московский литератор. М., 1956. № 3. 26 ноября. С. 1.

Дементьев А. Г. Против антипатриотического эстетизма и формализма в поэзии // Звезда. Л., 1949. № 3. Март. С. 205–207.

Дементьев А. Г. Реакционная роль немцев в истории России. Л., 1943.

Дементьев А. Г. Серьезные ошибки «Библиотека поэта» // Литературная газета. М., 1949. № 77. 24 сентября. С. 3.

Демешкан Е. Аполитичность в учебной программе по литературе // Культура и жизнь. М., 1946. № 14. 20 ноября. С. 4.

Демидов К. Русская наука и мировая культура / Научная конференция «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры» в Московском ордена Ленина государственном университете имени М. В. Ломоносова // Славяне. М., 1944. № 7. Июль. С. 27–29.

Денежная реформа 1947 года // Бухгалтерский учет. М., 1948. № 1. С. 1–5.

Депутаты-учителя в Министерстве просвещения РСФСР // Учительская газета. М., 1948. № 7. 12 февраля. С. 1.

Деркач С., Редина А. О недостатках в подготовке кадров литературоведов: (Письмо с филологического факультета Ленинградского университета) // Ленинградская правда. Л., 1946. № 229. 29 сентября. С. 3.

Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств; апрель 1939 — январь 1948: Свод писем / Изд. подгот. В. В. Перхин. М., 2007.

Джаков К. Формалисты и эстеты в роли критиков // Ленинградская правда. Л., 1949. № 48. 27 февраля. С. 2.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.

Дискуссия о преподавании литературы в школе // Учительская газета. М., 1948. № 51. 2 декабря. С. 2.

Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947: Стенографический отчет // Вопросы философии. М., 1947. № 1.

Дискуссия у филологов // Ленинградский университет. Л., 1947. № 42. 24 декабря. С. 4.

Диссертации, защищенные в Ленинградском ордена Ленина государственном университете имени А.А. Жданова, 1934–1954 гг.: Библиографический указатель / Сост. Н.Н. Кирикова, Е.П. Таубина. Л., 1955.

Диульский А. Свято хранить государственную тайну // Ленинградская правда. Л., 1947. № 165. 17 июля. С. 2.

Дмитраков И., Кузнецов М. Александр Веселовский и его последователи // Октябрь. М., 1947. Кн. 12. Декабрь. С. 165–174.

Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Первая послевоенная научная сессия по славяноведению // Советское славяноведение. М., 1977. № 1. С. 96.

До конца разоблачить антипатриотов и их охвостье: [На общегородском собрании критиков, драматургов и актива работников искусств в Ленинграде 17 февраля] // Советское искусство. М., 1949. № 8. 19 февраля. С. 3.

Докукин В.И. Мировое значение Великой Октябрьской социалистической революции: Стенограмма публичной лекции... / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1947.

Докукин В.И. Москва — столица Советского государства: Стенограмма публичной лекции... / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1947.

Докусов А. За партийность литературной науки! // Звезда. Л., 1949. № 11. Ноябрь. С. 160–166.

Докусов А. Против клеветы на великих русских писателей // Звезда. Л., 1949. № 8. Август. С. 181–189.

Долинин А.С. К истории создания «Братьев Карамазовых» // Ф.М. Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1935. С. 9–80.

Долинина А.А. Невольник долга. СПб., 1994.

Дрейден С.Д. Каторжанин 50-х // Распятые: Писатели — жертвы политических репрессий / Сост. З.Л. Дичаров. СПб., 1998. Вып. 4. С. 114–128.

Дрейден С.Д. О фальшивой пьесе и плохом спектакле // Ленинградская правда. Л., 1948. № 24. 30 января. С. 3.

Дружинин П.А. Просветитель XX века: Георгий Пантелеймонович Макогоненко (1912–1986) // *Дружинин П.А., Соболев А.Л.* Книги с дарственными надписями в библиотеке Г.П. Макогоненко. М., 2006. С. 11–31.

Дружинин П.А., Соболев А.Л. Книги с дарственными надписями в библиотеке Г.П. Макогоненко. М., 2006.

Дубровский А.М. Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории русской феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

Дудин М. Меня поэтом сделала война: Стихи / Публ. и предисл. Б.Г. Друяна // Нева. Л., 2006. № 11. С. 56–59.

Евгеньев З. Критика вполголоса: С отчетно-выборного партийного собрания филологического факультета // Московский университет. М., 1946. № 37. 29 ноября. С. 2.

Евгеньев-Максимов В.Е. Н.А. Некрасов / Великие патриоты // Коммунист. Саратов, 1942. № 183. 5 августа. С. 4.

Евгеньев-Максимов В. Е. Н. Г. Чернышевский / Великие патриоты // Коммунист. Саратов, 1942. № 161. 10 июля. С. 3.

Евграфов В. Третий том Сочинений И. В. Сталина // Большевик. М., 1947. № 1. Январь. С. 16–38.

Евнина Е. Из книги воспоминаний: Во времена послевоенной идеологической бойни // Вопросы литературы. М., 1995. Вып. IV. С. 226–262.

Еголин А. М. Итоги философской дискуссии и задачи литературной науки // Основные этапы развития реализма в западноевропейской литературе: Тезисы докладов / Министерство просвещения РСФСР, Академия педагогических наук РСФСР. Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов. М., 1948. С. 6–8.

Еголин А. М. Итоги философской дискуссии и задачи литературоведения: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1948.

[Еголин А. М.] Итоги философской дискуссии и задачи преподавания литературы // Литература в школе. М., 1948. № 1. С. 3–10.

Еголин А. М. О задачах преподавания литературы в высших учебных заведениях // Советская литература: Материалы совещания-семинара преподавателей советской литературы педагогических институтов. М., 1947. С. 8–19.

Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999.

Егоров Б. Ф. Из истории советской цензуры: (Издательские редакторы как «цензоры») // *Егоров Б. Ф.* Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. Томск, 2001. С. 413–418.

Егоров Б. Ф. Люди, нелюди и полулюди: (Памяти Е. Г. Эткинда) // *Егоров Б. Ф.* Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. Томск, 2001. С. 407–412.

«Едва раскрылись первые цветы...»: «Новый мир» и общественные умонастроения в 1954 году / Публ. документов Ан. Петрова; изложение и коммент. Ю. Буртина // Дружба народов. М., 1993. № 11. С. 208–239.

Единодушие: (На предвыборном совещании представителей трудящихся Василеостровского избирательного округа) // Вечерний Ленинград. Л., 1947. № 11. 13 января. С. 1.

Еремин И. П. «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946.

Ермилов В. В. О гуманизме Горького. М., 1941.

Ермилов В. В. Прекрасное — это наша жизнь: За боевую теорию литературы. М., 1949.

Ермилов В. В. Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского. М., 1948.

Ермилов В. В. Ф. М. Достоевский и наша критика // Литературная газета. М., 1947. № 66. 24 декабря. С. 2.

Есаков В. Д. К истории философской дискуссии 1947 г. // Вопросы философии. М., 1993. № 3. С. 83–106.

Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971.

Есаков В. Д., Левина Е. С. Сталинские «суды чести»: «Дело “КР”». М., 2005.

Жданов А. А. Бороться и победить! // Правда. М., 1934. № 15. 15 января. С. 2.

Жданов А. А. Водный транспорт должен победить: Речь на совещании руководящих работников водного транспорта в ЦК ВКП(б) 30 мая 1935 года. [М.], 1935.

Жданов А. А. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г. М., 1947.

Жданов А. А. 29-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции: Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1946 года. М., 1946.

[Жданов А. А.] Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде // Звезда. Л., 1946. № 7/8. Июль–август. С. 7–22.

Жданов А. А. Речь на предвыборном собрании избирателей Володарского избирательного округа гор. Ленинграда 6 февраля 1946 г. [Л.], 1946.

Жданов А. А. Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире: Речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. М., 1934.

Жданов А. А. Уроки политических ошибок Саратовского крайкома: Доклад и заключительное слово на пленуме Саратовского крайкома ВКП(б) 5–7 июля 1935 г. М., 1935.

Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: Воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, 2004.

Жебрак Э. А. Нобелевский лауреат Герман Мёллер против Академии Наук // Человек. 2004. № 5. Сентябрь–октябрь. С. 79–88.

Жирмунский В. М. [Рецензия на кн.]: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки (1946) // Советская книга. М., 1947. № 5. С. 97–103.

Жирмунский Виктор Максимович / Научные сотрудники Пушкинского Дома, 1905–2005 // Пушкинский Дом: Материалы к истории, 1905–2005. СПб., 2005. С. 444–445.

Житомирская С. В. М. К. Азадовский — историк декабризма // *Азадовский М. К.* Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991. Кн. 1. С. 3–54.

Жугра А. В. Очерк жизни и деятельности А. В. Десницкой // Агния Васильевна Десницкая: Биобиблиографический очерк. СПб., 2002. С. 7–50.

Жуков Ю. Н. Сталин: тайны власти. М., 2007.

Журавлев И. Все еще перестраиваются: На собрании коммунистов филологического факультета // Ленинградский университет. Л., 1946. № 34. 28 сентября. С. 2.

За безраздельное господство мичуринской науки!: На общегородском собрании работников биологической науки // Ленинградская правда. Л., 1948. № 213. 8 сентября. С. 2.

За большевистское литературоведение: (На заседании Ученого Совета Филологического факультета Ленинградского университета) // Ленинградская правда. Л., 1948. № 81. 6 апреля. С. 3.

За большевистскую идейность в научной работе / Коммунисты — научные работники обсуждают постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Вечерний Ленинград. Л., 1946. № 214. 11 сентября. С. 1.

За большевистскую партийность советского литературоведения: На заседании Ученого совета Института литературы Академии наук СССР // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 78. 2 апреля. С. 3.

За дальнейший подъем научной работы студентов: К итогам IV студенческой научной конференции Ленинградского университета // Ленинградский университет. Л., 1949. № 10. 17 марта. С. 3.

За критику и самокритику, за новый творческий подъем: На собрании ленинградских писателей // Литературная газета. М., 1948. № 96. 1 декабря. С. 3.

За партийность в литературоведении: На партийном собрании в Институте литературы Академии наук СССР // Ленинградская правда. Л., 1948. № 72. 26 марта. С. 2.

За партийность в науке о литературе: На заседании ученого совета Института литературы Академии наук СССР // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 252. 24 октября. С. 3.

За партийность в преподавании литературы // Литературная газета. М., 1948. № 18. 3 марта. С. 4.

За партийность литературоведения: О состоянии и задачах советского литературоведения. Против идеализации Ф. М. Достоевского // Ленинградский университет. Л., 1948. № 3. 21 января. С. 3–4.

За передовую мичуринскую биологию в высшей школе: Собрание актива высших учебных заведений // Вестник высшей школы. М., 1948. № 10. Октябрь. С. 21–29.

Задачи этнографов в связи с положением на музыкальном фронте // Советская этнография. М.; Л., 1948. [Кн.] 2. [Апрель–июнь]. С. 3–7.

Заключительное заседание конференции // Московский университет. М., 1944. № 26. 16 июня. С. 1.

Закончилась сессия университета // Ленинградская правда. Л., 1948. № 294. 12 декабря. С. 2.

Закрытие научной конференции // Московский университет. М., 1945. № 1. 1 января. С. 1.

Заседание правления Ленинградского отделения Союза Советских Писателей от 19 августа 1946 г.: (Фрагмент стенограммы) // Петербургский журнал. Л., 1993. № 1/2. С. 35–40.

Заседания Верховного Совета РСФСР 2-го созыва: Первая сессия (20–26 июня 1947 г.): Стенографический отчет. [М.], 1947.

Заседания Верховного Совета РСФСР 2-го созыва: Вторая сессия (10–13 марта 1948 г.): Стенографический отчет. [М.], 1948.

Заседания Верховного Совета РСФСР 2-го созыва: Третья сессия (24–27 мая 1949 г.): Стенографический отчет. [М.], 1949.

Заславский Д. Против идеализации реакционных взглядов Достоевского // Культура и жизнь. М., 1947. № 35 (54). 20 декабря. С. 3–4.

Земцовский И. И. Героический эпос жизни и творчества Б. Н. Путилова. СПб., 2005.

Зерчанинов А. А. Русская литература в оценке запада // Литература в школе. М., 1946. № 3/4. С. 1–15.

Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. М., 1996.

И. З. Заседание Ученого совета Филологического факультета // Вестник Ленинградского университета. Л., 1948. № 4. Апрель. С. 132–137.

Иван Андреевич Крылов, 1768–1844: К 100-летию со дня смерти: Рекомендательный указатель литературы и материалы для библиотек / Под ред. Н. Л. Степанова // Великие русские писатели. М., 1944. Вып. I.

Иванов В. За советский патриотизм в литературе и литературной критике // Октябрь. М., 1949. Кн. 8. Август. С. 171–181.

Иванов В. А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг.: (На материалах Северо-Запада РСФСР) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1998.

Иванов В.А. Миссия Ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг.: На материалах Северо-Запада РСФСР. СПб., 1997.

Иванов В.А. Репрессии против ленинградской интеллигенции в 1920–1940-е годы // VI World Congress for Central and East European Studies, 29 July — 3 Aug. 2000, Tampere, Finland: Divergences, Convergences, Uncertainties: Abstracts. [Helsinki, 2000]. P. 177.

Иванов В.А. «Скорпионы»: Коррупция в послевоенном Ленинграде: (Операция органов госбезопасности по ликвидации организованной группы преступников в январе 1946 года) // Политический сыск в России: История и современность. СПб., 1997. С. 238–250.

Иванов Вас. За советский патриотизм в литературе и литературной критике // Октябрь. М., 1949. Кн. 8. Август. С. 171–181.

Иванов Дм. По поводу чего выступает «Нью-Йорк таймс» // Советская Россия. М., 1969. № 180. 3 августа. С. 3.

Иванов М.В. Звезда Гуковского: [Окончание] // Санкт-Петербургский университет. Л., 2002. № 13 (3602). 5 июня. С. 14–18.

Иванов М.В. Путь к учителю // Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко: Сборник статей, воспоминаний и документов. СПб., 2000. С. 232–251.

Иванов С. М.Ю. Лермонтов и его комментаторы // Октябрь. М., 1948. Кн. 11. Ноябрь. С. 201–203.

Иванова Т.Г. Борис Николаевич Путилов: Начало пути // Антропологический форум. СПб., 2007. № 7. С. 423–440.

Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 гг. СПб., 2009.

Ивинская О.В. Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. М., 1992.

Идейно-политическое воспитание учащихся в школах Москвы и Ленинграда в 1946/47 учебном году: Материал заседания Коллегии Министерства просвещения РСФСР 17–19 апреля 1947 г. / Под ред. Г.Я. Арнаутова. М., 1947.

Иезуитов А.Н. Член-корреспондент АН СССР Георгий Петрович Бердников: (К 60-летию со дня рождения) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1975. Т. 34. № 5. С. 476.

Из воспоминаний О.Б. Эйхенбаум // *Эйхенбаум Б.М.* «Мой временник»...: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2001. С. 618–645.

Из зала собрания // Московский университет. М., 1946. № 37. 29 ноября. С. 2.

Из писем М.К. Азадовского (1941–1954) / Публ. Л.В. Азадовской // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 205–265.

Измайлов Н.В. Текстология // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 555–610.

Илизаров Б.С. Почетный академик И.В. Сталин против академика Н.Я. Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. // Новая и новейшая история. М., 2003. № 3. С. 102–122; № 4. С. 112–140; № 5. С. 162–190.

Инструкция № 169 об условиях и порядке размещения государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР среди рабочих и служащих в городах и сельских местностях, а также среди кустарей и другого сельского населения в городах и поселках городского типа / Народный Комиссариат финансов Союза СССР. М., 1946.

Инструкция о порядке представления работников науки к награждению орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную работу: (Утверждена Президиумом Верховного Совета СССР 20 июня 1950 г.) // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1950. № 7. Июль. С. 2–4.

Исаков И. С. Приморские крепости // *Исаков И. С.* Избранные труды: Океанология, география и военная история. М., 1984. С. 278–429.

История западноевропейской литературы. Т. 1: Раннее средневековье и Возрождение / Под общ. ред. В. М. Жирмунского; сост. М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, С. С. Мокульский и А. А. Смирнов. М., 1947.

История Ленинградского университета, 1819–1969: Очерки. Л., 1969.

История русской литературы: В 10 т. Т. VI: Литература 1820–1830-х годов / Гл. редакция: М. П. Алексеев, Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), А. М. Еголин, Н. К. Пиксанов, А. А. Сурков / Редкол. тома: Д. Д. Благой, Б. П. Городецкий, Б. С. Мейлах (отв. ред.). М.; Л., 1953.

История русской советской литературы: В 3 т. / Отв. ред. А. Г. Дементьев. М., 1958–1961.

История русской советской литературы, 1917–1965: В 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. А. Г. Дементьев. М., 1967–1971.

К выборам новых академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР // Вестник Ленинградского университета. Л., 1946. № 4/5 (ноябрь–декабрь). С. 200–228.

К итогам дискуссии о преподавании литературы в школе // Учительская газета. М., 1948. № 52. 9 декабря. С. 2.

К итогам славянского актива в Москве // Славяне. М., 1947. № 3. С. 3.

К новым успехам советского искусства: (На собрании актива работников искусств Ленинграда) // Ленинградская правда. Л., 1949. № 40. 18 февраля. С. 3.

Каверин В. А. Эпилог: Мемуары. М., 1989.

Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург: Опыт биографии. СПб., 2006.

Казанский Н. Н. От редактора // Studia Linguistica et Balcanica: Памяти Агнии Васильевны Десницкой (1912–1992). СПб., 2001. С. 3–6.

Калапова Е. Наш давний друг: К 400-летию со дня рождения Вильяма Шекспира // Советская Россия. М., 1964. № 96. 23 апреля. С. 4.

Калесник С. В. Краткий отчет о Юбилейной научной сессии Ленинградского университета // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1945. № 3. С. 5.

Калмыкова К. Плоды либерализма: Об искусствоведческом отделении университета // Вечерний Ленинград. Л., 1949. № 61. 14 марта. С. 3.

Каменский З. А. Из истории изучения русской философской мысли в 40-х годах XX века: Воспоминания. Материалы личного архива // Отечественная философия: Опыт, проблемы, ориентиры исследования. М., 1992. Вып. X. С. 204–216.

Каменский З. А. Философская дискуссия 1947 года (преимущественно по личным воспоминаниям) // Отечественная философия: Опыт, проблемы, ориентиры исследования / АОН ЦК КПСС. Кафедра философии. М., 1991. Вып. VI: Изживая ждановщину. С. 8–29.

Каменский Я. Ложные параллели и порочные выводы // Литературная газета. М., 1947. № 25. 21 июня. С. 2.

Канчеев А. А. Бюджетное обследование научных работников // Научный работник. М., 1925. Кн. 3. С. 112–130.

Капица П. И. Это было так // Нева. Л., 1988. № 5. С. 190–196.

Капица П. Л. Письма о науке, 1930–1980. М., 1989.

Караваева А. А. Звездная столица: Записки и воспоминания современника. М., 1968.

Караваева А. А. Оруженосцы космополитизма: Заметки писателя // Новый мир. М., 1949. № 9. С. 218–234.

Каргер М. К. Об идейных позициях профессора Пунина // Ленинградский университет. Л., 1946. № 44. 17 декабря. С. 3.

Каталог стенограмм публичных лекций и брошюр, изданных с 1947 по 1953 год / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1954.

Кафтанов С. В. За безраздельное господство мичуринской биологической науки: Стенограмма публичной лекции, прочитанной по поручению Общества в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1948.

Кафтанов С. В. Задачи высшей школы в 1944/45 учебном году: Обработанная стенограмма доклада автора на VII Пленуме ЦК Союза работников высшей школы и научных учреждений (август 1944 г.). М., 1944.

Кафтанов С. В. Итоги развития высшей школы и ее задачи // Вестник высшей школы. М., 1947. № 12. Декабрь. С. 1–10.

Кафтанов С. В. Комсомол в борьбе за передовую науку и культуру: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1949.

Кафтанов С. В. О задачах высшей школы в области идейно-политического воспитания молодежи: Стенограмма доклада, прочитанного на совещании руководителей кафедр общественных наук высших учебных заведений в лекционном зале в Москве / Всесоюзное лекционное бюро при Министерстве высшего образования СССР. М., 1947.

Кафтанов С. В. О патриотизме советской интеллигенции: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1950.

Кафтанов С. В. О патриотическом долге советской интеллигенции: Стенограмма публичной лекции, прочитанной 10 июля 1947 года в Лекционном зале в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1947.

Кацева Е. А. Мой личный военный трофей // Знамя. М., 2002. № 1. С. 145–179.

Кацнельсон Д. Б. Незабываемый учитель // Воспоминания о М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 149–160.

Кащеев В. И. Памяти Александра Иосифовича Зайцева // Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 135–142.

Кедров Б. М. Как создавался наш журнал // Вопросы философии. М., 1988. № 4. С. 92–103.

Кедров С. Усилить борьбу с безыдейностью и формализмом в науке: (На открытом собрании коммунистов исторического факультета) // Ленинградский университет. Л., 1946. № 38. 26 октября. С. 2.

Кертис Дж. Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература. СПб., 2004.

Кирпотин В. Я. О низкопоклонстве перед капиталистическим Западом, об Александре Веселовском, о его последователях и о самом главном // Октябрь. М., 1948. Кн. 1. Январь. С. 3–27.

Кирпотин В. Я. Об отношении русской литературы и русской критики к капиталистическому Западу // Октябрь. М., 1947. Кн. 9. Сентябрь. С. 161–183.

Кирпотин В. Я. Ровесник железного века. М., 2006.

Климович Л. Против космополитизма в литературоведении // Правда. М., 1949. № 11. 11 января. С. 3.

Кляцкин И. Г. За качество кандидатских диссертаций отвечает руководитель // Вестник высшей школы. М., 1947. № 1. С. 27–28.

Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета, 1941–1945. СПб., 1995. Вып. 1.

Книга тов. Н. Вознесенского // Ленинградская правда. Л., 1947. № 303. 28 декабря. С. 1.

Князев Ф. С. 7 июля 1942 г. / Три дня из жизни М. А. Шолохова / Публ. В. В. Васильева // Шолохов на изломе времени: Статьи и исследования. Материалы к биографии писателя. Исторические источники «Тихого Дона». Письма и телеграммы. М., 1995.

Ковалев Влад. А. Наставник // Воспоминания о М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 78–87.

Ковалев С. Великая заслуга советского народа перед историей человечества. М., 1945.

Ковальчик Е. Книга по истории советской литературы // Литературная газета. М., 1952. № 138. 15 ноября. С. 2–3.

Ковчинская С. Г. Работа скандинавских историков в советских архивах в 1927–1933 гг.: Из истории международных научных связей // IX Конференция по сотрудничеству приполярных университетов «Глобализация и устойчивое развитие приполярного Севера»: Материалы международной конференции (Петрозаводск, 13–16 сентября). Петрозаводск, 2005. С. 55–58.

Кодекс законов о браке, семье и опеке: Официальный текст с изменениями на 1 ноября 1946 г. М., 1947.

Кожинов В. В. Россия: Век XX-й (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. М., 1999.

Козьмин М., Кузнецов М. За марксистскую историю литературы // Культура и жизнь. М., 1948. № 29 (84). 10 октября. С. 3–4.

Колосков А. Безликий журнал // Культура и жизнь. М., 1946. № 4. 30 июля. С. 4.

Колотов В. В. Николай Алексеевич Вознесенский. М., 1976.

Комарович В. Л. Китежская легенда: Опыт изучения местных легенд. М.; Л., 1936.

Комарович В. Л. Опыт изучения местных легенд: Китежская легенда / Тезисы диссертации на степень доктора литературоведения. [Л., 1936].

Кондратович А. И. Новомирский дневник (1967–1970). М., 1991.

Кононов С. П. Федор Абрамов: писатель и контрразведчик // Курьер. Череповец, 2003. № 22 (683). 28 мая. С. 10.

Константинов Ф. Значение единства славянских народов в борьбе за мир // Славяне. М., 1946. № 8/9. С. 18–21.

Корнев М. Ранний Толстой и «социология» Эйхенбаума // Литературный критик. М., 1934. № 5. С. 58–75.

Корнев М. С формалистических позиций // Известия. М., 1948. № 68. 21 марта. С. 3.

Косачевская Е. 4000 лекций // Коммунист. Саратов, 1944. № 36. 20 февраля. С. 3.

Косинский М. Ф. Первая половина века: Воспоминания. Париж, 1995.

Космополитизм — реакционная идеология империалистического мира // Ленинградская правда. Л., 1949. 19 марта. № 65. С. 2.

Костырченко Г. В. В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Документальное исследование. М., 1994.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001.

Котов М. Глупая стряпня о великом баснописце // Правда. М., 1944. № 276. 17 ноября. С. 3.

Кралин М. Победившее смерть слово: Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках. Томск, 2000.

Кременцов Н. Л. В поисках лекарства против рака: Дело «КР». СПб., 2004.

Критика вполголоса // Ленинградский университет. Л., 1946. № 32. 14 сентября. С. 2.

Крюкова Т. А. Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 583–588.

Кузнецов М. А. Н. Веселовский подлинный и приукрашенный // Литературная газета. М., 1948. № 4. 14 января. С. 3.

Кузнецов М., Дмитраков И. Против буржуазных традиций в фольклористике: (О книге проф. В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки») // Советская этнография. М.; Л., 1948. [Кн.] 2. [Апрель–июнь]. С. 230–239.

Кузьмина В. Д. [Рецензия на кн.]: История русской литературы. Т. II. Ч. 1. М.; Л., 1945 // Советская книга. М., 1947. № 2. С. 105–108.

Куйбышева К. С. Борис Михайлович Волин // Воспитанники Московского университета — большевики дооктябрьского призыва: Библиограф. словарь. М., 1977. С. 53–59.

Кумпан Е. А. Ближний подступ к легенде. СПб., 2005.

Курляндский А. Е. Переводчик через «железный занавес»: Абель Старцев — человек Серебряного века // Новая газета. М., 2005. № 53. 25 июля. С. 5.

Кутузов А. В. Проблемы жизнеобеспечения населения блокадного Ленинграда / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1995.

Лавров Л. И. Памяти А. Н. Генко // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. V. С. 213–222.

Лазарев Л. И. Шестой этаж, или Перебирая наши даты...: Книга воспоминаний. М., 1999.

Лазутин С. Реставрация отживших теорий // Литературная газета. М., 1947. № 29. 12 июля. С. 4.

Лакшин В. Последний акт: [Продолжение] / Подгот. текста, примеч. С. Н. Лакшиной // Дружба народов. М., 2003. № 5. С. 169–191.

Лапицкий И. П. К вопросу о народности в древнерусской литературе // Вестник Ленинградского университета. Л., 1955. № 3. Март (Серия общественных наук. Вып. 1). С. 61–82.

Лапицкий И. П. Мысли Гоголя при чтении «Повести временных лет» // Гоголь: Статьи и материалы. Л., 1954. С. 157–174.

Лебедев А. Состояние и задачи художественной критики // Советское искусство. М., 1949. № 5. 29 января. С. 2.

Левит Б. Слово вождя — закон нашей жизни // Ленинградский университет. Л., 1944. № 13. 20 ноября. С. 1.

Левоневский Д. История «большого блокнота» // Звезда. Л., 1988. № 7. Июль. С. 190–205.

Лейтес А. М. Антинаучные измышления под видом диссертаций // Литературная газета. М., 1949. № 83. 15 октября. С. 3.

Лейтес А. М. Литература современного американского империализма: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1947.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967–1970. Т. 25, 38, 48.

«Ленинградское дело» / Сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л., 1990.

Ленинская сессия // Ленинградский университет. Л., 1945. № 13. 13 апреля. С. 1.

Леонтьев Н. П. Затылком к будущему // Новый мир. М., 1948. № 9. С. 249–266.

Летопись жизни и творчества Венедикта Ерофеева // Живая Арктика: Историко-краеведческий альманах. Апатиты, 2005. № 1.

Летопись журнальных статей. М., 1952. № 7.

Летопись Российской Академии наук. Т. I: 1724–1802. СПб., 2000.

Литературная энциклопедия. [М.], 1929–1930. Т. 2, 3.

Литературные юбилеи — на службу воспитания национальной гордости и советского патриотизма! // Литература в школе. М., 1948. № 2. Март–апрель. С. 3–8.

Литературный дневник // Вечерний Ленинград. Л., 1947. № 285. 7 декабря. С. 3.

Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995.

Логинов В. М. Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М., 2000.

Лотман В. М. О врачебной тактике при инфарктах миокарда // Клиническая медицина. М., 1952. Т. XXX. № 1. Январь. С. 80–83.

Лотман Л. М. Воспоминания. СПб., 2007.

Лотман Л. М. Мои воспоминания о брате Юрии Михайловиче Лотмане: Детские и юношеские годы // Лотмановский сборник. М., 1995. [Сб.] 1. С. 128–150.

Лотман Л. М. Он был нашим профессором // Новое литературное обозрение. М., 2002. № 55. С. 40–53.

Лотман Ю. М. Воспоминания // *Егоров Б. Ф.* Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999. С. 271–354.

Лотман Ю. М. Двойной портрет // *Егоров Б. Ф.* Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999. С. 331–348.

Лотман Ю. М. О. М. Фрейденберг как исследователь культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 308: Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973. С. 482–486.

Лубянка: Сталин и МГБ СССР, Март 1946 — март 1953. М., 2007.

Лурье В. М., Калёнов П. А. Александр Александрович Лучинский / Командующие войсками Ленинградского военного округа // История Петербурга. СПб., 2004. № 4 (20). С. 92.

Лурье С. Я. Антисемитизм в древнем мире, попытки объяснения его в науке и его причины. Пг., 1922.

[Лурье Я. С.] Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни. [Paris, 1987].

Лурье Я. С. К изучению классового характера древнерусской литературы // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1964. Т. XX. С. 102–119.

Лурье Я. С., Полак Л. С. Судьба историка в контексте истории: (С. Я. Лурье: жизнь и творчество) // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1994. № 2. С. 3–17.

Любарский Я. Н. Софья Викторовна Полякова: [Некролог] // Византийский временник. М., 1996. Т. 56 (81). С. 373–374.

Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2003.

Маврин С. П., Смирнов В. Н. История нормативного регулирования штатного совместительства в высшей школе // Правоведение. Л., 1984. № 6. С. 87–91.

Макаров М. Всероссийская оптовая ярмарка // Ленинградская правда. Л., 1949. № 10. 13 января. С. 1.

Максименков Л. В. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946): Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. М., 2003. № 5. С. 241–297.

Малютина А. И. Дорогие мои Азадовские // Воспоминания о М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 101–119.

Мандельштам О. Э. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2.

Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1964.

Марк Азадовский, 1888–1954: Неопубликованные письма ученого // Литературное наследство Сибири / Сост. Н. Н. Яновский. Новосибирск, 1988. Т. 8. С. 219–343.

Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954 / Изд. подгот. К. М. Азадовский. М., 1998.

Марк Константинович Азадовский (1888–1954): Указатель литературы / Сост. В. П. Томина. Новосибирск, 1983.

Мартынова А. Н. Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб., 2006.

Маситин С. За высокую идейность университетских кадров // Ленинградский университет. Л., 1946. № 31. 7 сентября. С. 1.

Маслин Н. Гениальный русский поэт: (К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина) // Большевик. М., 1949. № 9. 15 мая. С. 31–43.

Маслин Н. О литературном журнале «Звезда» // Культура и жизнь. М., 1946. № 5. 10 августа. С. 4.

Матвеев К. Нам нужны марксистские учебники: Когда ученые филологического факультета выполнят свой долг? // Московский университет. М., 1948. № 39. 23 октября. С. 4.

Машкова М. В. Из блокадных записей // Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945: Дневники, воспоминания, письма, документы. СПб., 2005. С. 11–111.

Мейлах Б. С. Быть достойными великой эпохи // Ленинградский университет. Л., 1948. № 15, 21 апреля. С. 1.

Мейлах Б. С. Философская дискуссия и вопросы изучения эстетики: Стенограмма публичной лекции, прочитанной 11 сентября 1947 года в Ленинградском доме искусств. Л., 1948.

Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998.

Мемориальные доски Санкт-Петербурга: Справочник. СПб., 1999.

Методологические проблемы литературоведения: Заседание секции общественных наук / В Президиуме Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1967. № 6. С. 26–35.

[Мещанинов И. И.] Из речи И. И. Мещанинова: (Предвыборное окружное совещание представителей трудящихся) // Ленинградская правда. Л., 1947. № 10. 12 января. С. 2.

Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999.

Мирич А. Мария Шнеерсон // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. T. V. С. 122–131.

Михайлов А. И. О влиянии формализма и эстетизма в искусствознании // Советское искусство. М., 1946. № 44. 25 октября. С. 3.

Михайлов А. И. О задачах изобразительного искусства в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961.

Моисеев Л. Вытравить из учебной литературы проявления космополитизма: С партийного собрания в Учпедгизе РСФСР // Учительская газета. М., 1949. № 20. 16 февраля. С. 2.

Мокульский С. С. [Рецензия на кн.]: Обломиевский Д. Д. Французский романтизм // Советская книга. М., 1947. № 12. С. 108–116.

Молдавский Д. М. Сквозь линзы времени // Воспоминания о М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 129–149.

Молдавский Дм. ...А литературная критика — творчество! // Октябрь. М., 1966. № 10. Октябрь. С. 216–221.

Молотов В. М. 28-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции: Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1945 г. М., 1945.

Молотов В. М. 31-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции: Доклад на Торжественном заседании Московского совета 6-го ноября 1948 г. [М.], 1948.

Мордовченко Н. Под знаком критики и самокритики: (Итоги и перспективы работы кафедры русской литературы в 1946–1947 учебном году) // Ленинградский университет. Л., 1947. № 12. 26 марта. С. 2.

Мортон А. Советская генетика. М., 1952.

Москалев М. А. Ленин и Сталин — корифеи мировой науки // Московский университет. М., 1944. № 23/24. 5 июня. С. 1.

Мурадели В. Опера о советской дружбе // Советское искусство. М., 1946. № 50. 5 декабря. С. 2.

Мясников А. С. За большевистскую партийность в литературоведении: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1948.

Н. А. Некрасов: Статьи, материалы, рефераты, сообщения: (К 125-летию со дня рождения) / Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1947. № 16/17.

На Всероссийском совещании заведующих кафедрами литературы // Учительская газета. М., 1948. № 8. 19 февраля. С. 3.

На заседаниях сессии: Краткий отчет: (Общее собрание Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. М.; Л., 1949. № 2. Февраль. С. 54–125.

На собрании писателей // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 281. 29 ноября. С. 3.

Над чем работает Министерство просвещения РСФСР: Беседа с Министром просвещения РСФСР А. А. Вознесенским // Учительская газета. М., 1949. № 15. 26 февраля. С. 2.

Назначения и перемещения: (В Президиуме Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. М., 1955. № 5. С. 74.

Найдич Э. О молодых кадрах, 1946 // Пушкинский Дом: Неформальная история в фотографиях, рисунках и забытых текстах / Сост. В. С. Логинова. СПб., 2007. С. 32.

Накануне Конгресса ученых-славяноведов / Хроника // Славяне. М., 1948. № 3. С. 60.

Народ о религии. На материалах русского, украинского и белорусского фольклора / Сост. С. И. Василенок. М., 1961.

Наука и научные работники Ленинграда. Л., 1934.

Наумов Е. На верном пути: Ко второй годовщине постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» // Вечерний Ленинрад. Л., 1948. № 191. 14 августа. С. 3.

Научная жизнь Филологического факультета в первом полугодии 1946 г. // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1947. № 18. С. 53–57.

Научная конференция // Московский университет. М., 1944. № 44. 7 декабря. С. 1.

Научная сессия в Институте литературы // Ленинградская правда. Л., 1947. № 119. 24 мая. С. 3.

Научная сессия, посвященная В. Г. Белинскому // Ленинградский университет. Л., 1948. № 21. 1 июня. С. 4.

Научная сессия славяноведов // Вечерний Ленинград. Л., 1946. № 152. 30 июня. С. 1.

Научно-организационные решения Президиума Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1978. № 4. С. 136–137.

Научные кадры ВКП(б): Персональный справочник о составе научных работников членов и кандидатов ВКП(б). М., 1930. [Издано с грифом «Секретно».]

Научные сотрудники Пушкинского Дома, 1905–2005 // Пушкинский Дом: Материалы к истории, 1905–2005. СПб., 2005. С. 387–552.

Наши кандидаты: [Кандидаты от Псковской области на выборах в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 года]. Псков, 1946.

Неизвестный В. Я. Пропп / Предисл., сост. А. Н. Мартыновой. СПб., 2002.

Непомнящий Б. На собрании в Университете // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 77, 1 апреля. С. 3.

Неправедный суд: Последний сталинский расстрел / Предисл. и отв. ред. В. П. Наумова. М., 1994.

Нестеров Г. В. Партийное руководство социалистическим соревнованием работников науки // Пропаганда и агитация. Л., 1947. № 24. 30 декабря. С. 28–34.

Никитин Е. Н. Авторы «Литературного наследства» // Библиография. М., 2009. № 3. С. 149–158.

Никитин О. В. Из истории лингвистической науки 1930–1960-х гг.: (Переписка С. А. Копорского с коллегами) // Вопросы языкознания. М., 2002. № 5. С. 71–95.

Николаев В. Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения // Культура и жизнь. М., 1947. № 32. 20 ноября. С. 3.

Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. 2-е изд. СПб., 2008.

Новая система оплаты персонала в высших учебных заведениях и научных учреждениях // Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Народного Комиссариата Просвещения. М., 1923. № 25. 12 мая. С. 10–11.

Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) / Вступ. статья И. В. Ильиной // Вопросы истории. М., 1991. № 1. С. 188–205.

Новые документы о судебном процессе над Радищевым // Литературная газета. М., 1949. № 64. 10 августа. С. 2.

Новый журнал «Вопросы литературы» // Литературная газета. М., 1957. № 32. 14 марта. С. 1.

О вступлении Калашникова Алексея Георгиевича в отправление обязанностей Министра просвещения РСФСР // Приказы и инструкции / Министерство просвещения РСФСР. М., 1946. Сб. 7. С. 3.

О Георгии Пантелеймоновиче Макогоненко (1912–1986) / Сост. А. Избицер // @ Лебедь: Независимый интернет-альманах (www.lebed.com/2003/art3396.htm). Бостон, 2003. № 330. 29 июня.

О журналах «Звезда» и «Ленинград» — постановление ЦК ВКП(б) // БСЭ. 2-е изд. / Гл. редактор Б. А. Введенский. М., [1954]. Т. 30. С. 265.

О задачах нашего журнала // Литература в школе. М., 1946. № 1. С. 1–3.

О книгах В. Кирпотина «Ф. М. Достоевский» и «Молодой Достоевский» // Литературная газета. М., 1948. № 12. 11 февраля. С. 4.

О книге В. В. Виноградова «Русский язык»: На дискуссии языковедов // Ленинградская правда. Л., 1947. № 302. 27 декабря. С. 3.

О крупных недостатках в учебной и научной работе гуманитарных факультетов Ленинградского Университета: Приказ Министра высшего образования СССР № 625 от 26 мая 1949 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1949. № 6. Июнь. С. 1–4.

О мерах по улучшению работы филологического факультета Московского университета: Приказ № 419 от 8 апреля 1949 // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1949. № 4. Апрель. С. 6–8.

О мероприятиях по проведению столетней годовщины со дня смерти В. Г. Белинского: Приказ Министра высшего образования СССР № 320 от 13 марта 1948 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 5. Май. С. 4.

О мероприятиях по улучшению научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях: Приказ Министра высшего образования СССР № 1794 от 3 декабря 1947 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 1. Январь. С. 4–5.

О награждении работников науки орденами и медалями за выслугу лет и безупречную работу: Приказ Министра высшего образования СССР № 1490 от 22 ноября 1949 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1949. № 11. Ноябрь. С. 1–2.

О назначении тов. Вознесенского А. А. Министром просвещения РСФСР / Указ Президиума Верховного Совета РСФСР // Приказы и инструкции / Министерство просвещения РСФСР. М., 1948. Сб. 2. С. 3.

О научной деятельности Карело-Финского филиала: (В Президиуме Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. М., 1951. № 9. С. 67–69.

О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX в. // Большевик. М., 1944. № 7/8. С. 14–19.

О новом теоретическом журнале // Московский литератор. М., 1956. № 4. 13 декабря. С. 3.

О пенсионном обеспечении работников науки: Приказ министра высшего образования СССР № 1276 от 3 октября 1949 г. М., [1949].

О плате за обучение в ВУЗ'ах, техникумах и в 8–10-х классах средних школ и льготах по плате за обучение: Инструктивное письмо Министерства финансов РСФСР от 28 января 1949 года № 43 // Сборник приказов и инструкций Министерства финансов РСФСР. М., 1949. № 4. С. 4.

О повышении должностных окладов профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений, директоров вузов и их заместителей по учебно-научной работе: Приказ № 223 от 14 сентября 1942 г. / Приказы и инструкции ВКВШ при СНК СССР // Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР. М., 1942. № 6/7. Сентябрь–октябрь. С. 3–4.

О повышении заработной платы и пенсий учителям начальных, семилетних и средних школ: Приказ № 73 от 18 февраля 1948 г. // Приказы и инструкции / Министерство Просвещения РСФСР. М., 1948. Сб. 2. С. 4–10.

О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий: Приказ № 293 от 19 марта 1946 г. // Приказы и инструкции / Министерство Просвещения РСФСР. М., 1946. Сб. 6. С. 3–54.

О положении в биологической науке: Стенографический отчет сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, 31 июля — 7 августа 1948 г. М., 1948.

О порядке назначения и выплаты пенсий за выслугу лет научным работникам высших учебных заведений и научных учреждений, находящихся в ведении органов СССР // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. М., 1937. Отдел I. № 71. 21 ноября. С. 732–733.

О порядке представления работников науки к награждению орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную работу: Приказ Министра высшего образования СССР № 1148 от 8 июля 1950 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1950. № 7. Июль. С. 1–2.

О преподавании литературы в школе // Советская педагогика. М., 1949. № 2. Февраль. С. 117–124.

О преподавании литературы в школе: (На заседании президиума Ленинградского отделения Союза советских писателей) // Учительская газета. М., 1948. № 5. 31 января. С. 1.

О работе т. Старцева по Радищеву // Московский литератор. М., 1958. № 6. 16 апреля. С. 4.

О рационализации аппарата // Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения РСФСР. М., 1929. № 39. 30 сентября. С. 7.

О снабжении работников науки, искусства и литературы: Приказ Народного комиссара торговли Союза ССР № 480 от 7 октября 1944 г. // Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Л., 1945. С. 119–124.

О совместительстве в учреждениях Главнауки // Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения РСФСР. М., 1929. № 18. С. 45–46.

О сообщении сведений о совместительстве кандидатов, представляемых к утверждению в должности научных работников вузов // Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения РСФСР. М., 1929. № 18. 26 апреля. С. 22.

О составе Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования СССР // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1947. № 5. Май. С. 6.

О состоянии преподавания биологических дисциплин в университетах и о мерах по укреплению биологических факультетов квалифицированными кадрами биологов-мичуринцев: Приказ Министра высшего образования СССР № 1208 от 23 августа 1948 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 9. Сентябрь. С. 6–9.

О 100-летии со дня смерти В. Г. Белинского: Приказ Министра высшего образования СССР № 1885 от 23 декабря 1947 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 2. Февраль. С. 11.

Об изучении советской литературы в школе // Литература в школе. М., 1948. № 6. С. 7–8.

Об итогах работы Высшей аттестационной комиссии: Постановление Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования СССР от 11 октября 1948 г. // Вестник высшей школы. М., 1948. № 12. С. 16–18.

Об итогах работы школ РСФСР в 1947/48 учебном году и очередных задачах на 1948/49 учебный год: Приказ министра просвещения РСФСР А. А. Вознесенского № 434 от 10 августа 1948 г. // Учительская газета. М., 1948. № 34. 12 августа. С. 2.

Об итогах сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина и мерах по улучшению преподавания биологических наук в высшей школе // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 9. Сентябрь. С. 3–6.

Об утверждении Высшей аттестационной комиссии Комитета по делам высшей школы при Совнаркоме СССР // Вестник высшей школы. М., 1941. № 4. Февраль. С. 41–42.

Об утверждении резолюции собрания актива работников высших учебных заведений: Приказ Министра высшего образования СССР № 1253 от 28 августа 1948 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 9. Сентябрь. С. 3.

Об утверждении состава научно-методического совета при Министре высшего образования СССР // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1947. № 12. Декабрь. С. 13–15.

Об учебном пособии по литературе для X класса средней школы профессора Л. И. Тимофеева: Приказ № 791 от 14 сентября 1946 г. // Приказы и инструкции / Министерство просвещения РСФСР. М., 1946. Сб. 11. С. 5–6.

Обеспечить безраздельное господство мичуринских идей: Доклад декана биологического факультета проф. Н. В. Турбина: (Решительно искоренить морганизм-вейсманизм в биологической науке, изгнать последователей буржуазного лжеучения: На заседании Ученого совета биологического факультета) // Ленинградский университет. Л., 1948. № 28. 16 сентября. С. 3.

Обломиевский Д. Д. Французский романтизм. М., 1947.

Обращение ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, к научным, общественным и другим организациям и учреждениям Советского Союза // Правда. М., 1947. № 106. 1 мая. С. 2.

Обсуждение постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и доклада товарища А. А. Жданова в Институте литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР // Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка. М.; Л., 1946. T. V. Вып. 6. Ноябрь–декабрь. С. 515–520.

Огнев В. Ф. Книга воспоминаний: Амнистия таланту. Блики памяти. М., 2001.

[Оксман Ю. Г.] N. N. Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1963. № 5/6. С. 74–76.

Оксман Ю. Г. О научной работе Б. С. Мейлаха // Сборник научных работ комсомольцев Академии наук СССР. М.; Л., 1936. С. 423–424.

Оксман Ю. Г., Чуковский К. И. Переписка, 1949–1969 / Предисл. и коммент. А. Л. Гришунина. М., 2001.

Ольховский В. Он защищал Ленинград: [О Г. П. Бердникове] // Ленинградский университет. Л., 1948. № 7. 23 февраля. С. 2.

Онуфриев Н. М. [Рецензия на кн.]: Н. А. Некрасов. Статьи, материалы, рефераты, сообщения // Советская книга. М., 1947. № 11.

Опарин А. И. Значение трудов товарища И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской биологической науки: Стенограмма публичной лекции... / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1951.

Опитц Р. Фашизм и неофашизм / Сокр. пер. с нем. М., 1988.

Опыт на социалистическую стройку: Просвещение нацмен // Бюллетень Народного Комиссариата по Просвещению РСФСР. М., 1930. № 21. 20 июля. С. 28.

Основные этапы развития реализма в западноевропейской литературе: Тезисы докладов // Министерство просвещения РСФСР, Академия педагогических наук РСФСР. Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов. Секция западной литературы. М., 1948.

Остерман Л. А. Сражение за Толстого. М., 2002.

От Академии наук Союза Советских Социалистических Республик: [Списки кандидатов в действительные члены АН СССР на выборах, состоявшихся 29 декабря 1981 г.] // Вестник Академии наук СССР. М., 1981. № 11. С. 123–142.

От Академии наук Союза Советских Социалистических Республик: [Списки кандидатов в действительные члены АН СССР на выборах, состоявшихся 26 декабря 1984 г.] // Вестник Академии наук СССР. М., 1984. № 11. С. 121–142.

От работников промышленности, деятелей науки и техники города Ленинграда и Ленинградской области письмо товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу. Л., 1949.

Ответ профессору Г. Дж. Меллеру // Правда. М., 1948. № 349. 14 декабря. С. 4.

Отделение литературы и языка: (220-летие Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. М., 1945. № 7/8. С. 130–132.

Открытое партийное собрание на филологическом факультете // Ленинградский университет. Л., 1946. № 43. 5 декабря. С. 2.

Отмена решения Совета об утверждении в ученой степени / В Высшей аттестационной комиссии // Вестник высшей школы. М., 1949. № 11. Ноябрь. С. 48–49.

Отчет о деятельности Академии наук Союза ССР за 1949 год / Редакция — С. И. Вавилов, А. В. Топчиев. [М.], 1950. [Издано с грифом «Совершенно секретно».]

Очерки истории русской советской журналистики, 1917–1932 / Отв. ред. А. Г. Дементьев. М., 1966.

Очерки истории русской советской журналистики, 1933–1968 / Отв. ред. А. Г. Дементьев. М., 1968.

Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко: Сборник статей, воспоминаний и документов. СПб., 2000.

Памяти Л. Н. Толстого: Научное заседание в Институте литературы Академии наук СССР // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 212. 8 сентября. С. 1.

Памятка комиссиям содействия госкредиту и сберегательному делу о размещении государственного займа... / Народный Комиссариат финансов Союза СССР. М., 1938.

Панферов Ф. О новаторстве, современной теме и читателе // Октябрь. М., 1933. Кн. X. Октябрь. С. 195–204.

Паньков Н. А. М. М. Бахтин: ранняя версия концепции карнавала: В память о давней научной дискуссии // Вопросы литературы. М., 1997. № 5. С. 87–122.

Паньков Н.А. «Рабле есть Рабле...»: Материалы ВАКовского дела М.М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп: Ежеквартальный журнал исследователей, последователей и оппонентов М.М. Бахтина. Витебск; М., 1999. № 2. С. 50–137.

Папковский Б. Формализм и эклектика профессора Эйхенбаума // Звезда. Л., 1949. № 9. Сентябрь. С. 169–181.

Пархоменко М.Н. Советское литературоведение / СССР: Общественные науки // БСЭ. 3-е изд. М., 1977. Т. 24. Кн. 2: СССР. Стб. 1151–1158.

[Пастернак Б.Л.] Пожизненная привязанность: Переписка с О.М. Фрейденберг / Сост. Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернак. М., 2000.

Патоличев Н.С. Испытание на зрелость. М., 1977.

Пелисов Г.А. О фольклорных основах «Сказок» А.С. Пушкина // Советская этнография. [М.], 1950. [Кн.] 4. [Октябрь–декабрь]. С. 92–106.

Первые дни конференции // Московский университет. М., 1944. № 25. 9 июня. С. 1.

Перченок Ф.Ф. К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 141–210.

Песис Б. Космополитический фашист // Литературная газета. М., 1948. № 52. 30 июня. С. 4.

Петр Николаевич Кубаткин / Наши кандидаты в Верховный Совет СССР // Ленинградская правда. Л., 1946. № 14. 17 января. С. 3.

Петров Г.А. Век — XX-й, век — XXI-й, или Былое и настоящее: Документальное повествование о жизни, о войне, о бытие. СПб., 2008.

Петров Н.В. Сталинский заказ: Как убивали Сокольникова и Радека // Новая газета. М., 2008. № 40. 5 июня. Вкладка «Правда ГУЛАГа». С. 3.

Петров Н.Н. Выдающийся успех советской науки // Правда. М., 1947. № 72. 24 марта. С. 3.

Пигарев К.В. Жизнь Рылеева: (1795–1826). М., 1947.

Пиксанов Н.К. Величайшие организующие и преобразующие идеи: Труд И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» и проблемы литературоведения // Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка. М.; Л., 1949. Т. VIII. Вып. 2. Март–апрель. С. 93–96.

Пиксанов Н.К. Выдающийся теоретик марксизма: Значение трудов А.А. Жданова для советского литературоведения // Известия Академии наук СССР: Отделение литературы и языка. М.; Л., 1949. Т. VIII. Вып. 1. Январь–февраль. С. 17–25.

Пиксанов Н.К. Повысить требования к докторским диссертациям // Вестник высшей школы. М., 1948. № 1. Январь. С. 14–15.

Письма Анны Михайловны Панкратовой / Публ. Ю.Ф. Иванова // Вопросы истории. М., 1988. № 11. С. 188–205.

Письма Г.А. Гуковского Е.Я. Ленсу / Новые материалы о Гуковском // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 44. С. 171–184.

Письма М.К. Азадовского к А.Д. Соймонову (1942–1944) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н.Г. Комелиной // Русская литература. СПб., 2009. № 1. С. 229–255.

Письма Ф.И. Панферова И.В. Сталину / Публ. В.Ф. Панферовой // Наш современник. М., 2003. № 3. С. 228–236.

Письмо М. К. Азадовского к С. И. Вавилову / Публ. К. М. Азадовского // Воспоминания о М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 182–194.

Платонов Б. За партийность науки о литературе: На собрании в Институте имени Герцена // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 72. 26 марта. С. 3.

Платонов Б. Е. А. А. Жданов и некоторые вопросы советской литературы / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1952.

Платонов О. А. Терновый венец России: История русского народа в XX веке. М., 1997. Т. 2.

Пленков О. Ю. Третий Рейх: Арийская культура. СПб., 2005.

Пленум Ленинградского городского комитета ВКП(б) // Ленинградская правда. Л., 1947. № 169. 22 июля. С. 2.

Плоткин Л. А. Александр Веселовский и его эпигоны // Литературная газета. М., 1947. № 39. 20 сентября. С. 4.

Плоткин Л. А. Пошлость и клевета под маской литературы // Ленинградская правда. Л., 1946. № 208. 4 сентября. С. 2.

Подоходный налог и налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР с рабочих, служащих, литераторов и работников искусств. М., 1947.

Подрабинек А. Карательная медицина. Нью-Йорк, 1979.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953 / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002.

Полностью разгромить безродных космополитов: (На партийном собрании Ленинградского отделения Союза советских писателей) // Ленинградская правда. Л., 1949. № 49. 1 марта. С. 2.

Полонская К. Книга о Достоевском // Литературная газета. М., 1947. № 36. 30 августа. С. 2.

Попков П. С. Об идейно-политическом воспитании партийных кадров и интеллигенции: Речь на пленуме Ленинградского городского комитета ВКП(б) 26 июля 1946 года // Ленинградская правда. Л., 1946. № 182. 4 августа. С. 2.

Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина: [Продолжение] // Исторический архив. М., 1996. № 5/6. С. 147–152.

Постановление Общего собрания Академии наук СССР от 10 января 1949 года о лишении норвежского филолога Олафа Брока звания члена-корреспондента Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М.; Л., 1949. № 2. Февраль. С. 134.

Постановление Президиума АН СССР // Правда. М., 1948. № 240. 27 августа. С. 1.

Постановление Совета Министров СССР № 339 «О составе Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1948. № 2. С. 22.

Постановление Совета Народных Комиссаров: О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, издаваемое Управлением Делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР. М., 1937. № 73. 1 декабря. С. 750–754.

Постановление ЦИК и СНК СССР «О пенсиях за выслугу лет научным работникам высших учебных заведений и научных учреждений, находящихся в ведении органов

Союза ССР» // Организация советской науки в 1926–1932 гг.: Сборник документов. Л., 1974. С. 348.

Постановления и распоряжения Правительства: Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями работников высшей школы // Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при Совнаркоме СССР. М., 1944. № 11. Ноябрь. С. 5.

Постановления Первого пленума Научно-методического совета при Министре высшего образования СССР // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 11. Ноябрь. С. 8–11.

Потапов К. Институт, оторванный от жизни // Правда. М., 1947. № 184. 18 июля. С. 3.

«Пошлые романы Ильфа и Петрова не издавать» // Источник: Документы российской истории. М., 1997. № 5 (30). С. 89–94.

Поэзия декабристов / Вступ. статья, подгот. текстов и примеч. Б. Мейлаха. Л., 1950.

Правлениям всех вузов: О представлении персональных списков научных работников // Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения РСФСР. М., 1928. № 13. 30 марта. С. 15.

Правлениям всех вузов: О представлении персональных списков научных работников // Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения РСФСР. М., 1928. № 45, 3 ноября. С. 19.

Предсмертное письмо Александра Фадеева // Гласность: Еженедельное приложение к журналу «Известия ЦК КПСС». М., 1990. № 15. 20 сентября. С. [14].

Приветствие Ленинградского Государственного ордена Ленина Университета: (Выступление ректора Университета профессора А. А. Вознесенского на торжественном заседании 26 июля) // Юбилейная сессия Академии наук СССР, 15 июня — 3 июля 1945 г.: В 2 т. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 254–256.

Приветствия Ленинградскому университету из Англии и США // Ленинградская правда. Л., 1944. № 297. 15 декабря. С. 1.

Приезд участников Юбилейной Сессии в Ленинград // Юбилейная сессия Академии наук СССР, 15 июня — 3 июля 1945 г.: В 2 т. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 157–172.

Прием в Кремле в честь участников Юбилейной Сессии Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1945. № 7/8. С. 49.

Приказы и инструкции Министерства высшего образования СССР // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 7. Июль. С. 3–4.

Приказы и распоряжения Министерства высшего образования СССР // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1947. № 1. Январь. С. 2–3.

Присуждение премий Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1977. № 3. С. 147–150.

Присуждение премий Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1983. № 5. С. 132–135.

Программа по литературе: Общие указания // Справочник для поступающих в высшие учебные заведения Министерства просвещения РСФСР в 1950 г. М., 1950.

Прокопенко А. С. Безумная психиатрия: Секретные материалы о применении в СССР психиатрии в карательных целях. М., 1997.

Против аполитичности и гнилого либерализма // Литературная газета. М., 1948. № 2. 7 января. С. 3.

Против буржуазного космополитизма в литературоведении // Литературная газета. М., 1949. № 23. 19 марта. С. 3.

Против буржуазного либерализма в литературоведении, за большевистскую партийность в науке о литературе // Ленинградский университет. Л., 1948. № 14. 14 апреля. С. 2–3.

Против буржуазного либерализма в литературоведении: По поводу дискуссии об А. Веселовском // Культура и жизнь. М., 1948. № 7 (62). 11 марта. С. 3.

Против буржуазных влияний в литературоведении: (На партийном собрании в Институте им. Герцена) // Ленинградская правда. Л., 1948. № 74. 28 марта. С. 3.

Против буржуазных пережитков в литературоведении: На партийном собрании в Институте литературы // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 71. 25 марта. С. 3.

Против идеализации творчества Достоевского: На заседании кафедры русской литературы Ленинградского университета // Ленинградская правда. Л., 1948. № 16. 20 января. С. 3.

Против космополитизма в архитектурной науке и критике // Советское искусство. М., 1949. № 12. 19 марта. С. 2.

Против космополитизма в науке о литературе // Литературная газета. М., 1948. № 23. 20 марта. С. 1.

Против космополитизма и формализма в литературоведении: (С партийного собрания филологического факультета) // Ленинградский университет. Л., 1949. № 13. 7 апреля. С. 2.

Против низкопоклонства в литературоведении: Резолюция собрания партийной организации московских писателей // Литературная газета. М., 1948. № 7. 24 января. С. 4.

Против низкопоклонства перед буржуазной наукой // Ленинградский университет. Л., 1947. № 32. 16 октября. С. 3.

Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945: Дневники, воспоминания, письма, документы. СПб., 2005.

Пугачев В. В., Динес В. А. Историки, избравшие путь Галилея: Статьи, очерки: Посвящается 100-летию Ю. Г. Оксмана. Саратов, 1995.

Пунин Н. Н. Мир светел любовью: Дневники. Письма / Сост. Л. А. Зыкова. М., 2000.

Пуришев Б. И. [Рецензия на кн.: М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, С. С. Мокульский, А. А. Смирнов. История западноевропейской литературы] // Советская книга. М., 1948. № 7. С. 95–99.

Путилов Б. Н. Постоянство целеустремленности // Воспоминания о М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 160–168.

Пушкинский Дом в лицах: Неформальная история в фотографиях, рисунках и забытых текстах / Сост. В. С. Логинова. СПб., 2007.

Пыжиков А. В. Ленинградская группа: Путь во власти (1946–1949) // Свободная мысль — XXI. М., 2001. № 3. С. 89–104.

Рапопорт Я. Дело «КР» // Наука и жизнь. М., 1988. № 1. С. 101–107.

Расширенное заседание Президиума Российской академии наук // Вестник Российской академии наук. М., 1996. Т. 66. № 8. С. 676.

Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991.

Редина А. Суровые и светлые годы филфака... // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета / Сост. И. С. Лутовинова. СПб., 2002. С. 30–38.

Резолюция общегородского собрания ленинградских писателей по докладу тов. Жданова // Ленинградская правда. Л., 1946. № 197. 22 августа. С. 2.

Рейфман П. Дела давно минувших дней // Вышгород. Таллинн, 1998. № 3. С. 16–35.

Репрессированные геологи. 3-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 1999.

Речь Министра просвещения РСФСР тов. А. А. Вознесенского / XI Съезд ВЛКСМ // Учительская газета. М., 1949. № 28. 13 апреля. С. 2.

Решения партийной конференции — в основу работы парторганизации // Ленинградский университет. Л., 1947. № 12. 26 марта. С. 1.

Решетов А. М. Востоковедение на филфаке в 1937–1944 гг. // Материалы XXXII Международной филологической конференции. Вып. 5: Секция истории филологического факультета. СПб., 2003. С. 30–38.

Роговин В. З. Партия расстрелянных. М., 1997.

Розенбергер Ф. История физики. М.; Л., 1933. Ч. II.

Рокоссовская А. К. Погонные метры: После войны о доме № 3 по улице Грановского узнала вся страна — там жили маршалы Победы // Российская газета — Неделя. М., 2005. № 14. 15 апреля. С. 9.

Романова Р. М. Александр Твардовский: Труды и дни. М., 2006.

Рубашкин А. Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. СПб., 2005.

Русская советская поэзия: Сборник стихов, 1917–1947 / Сост. и ред. Л. О. Белов, В. О. Перцов, А. А. Сурков. М., 1948.

Русские поэты XX века: Материалы для библиографии / Сост. Л. М. Турчинский. М., 2007.

Рюриков Б. Вредная концепция профессора Эйхенбаума // Культура и жизнь. М., 1946. № 12. 20 октября. С. 4.

Рюриков Б. О творчестве Л. Толстого и некоторых его истолкователях // Культура и жизнь. М., 1948. № 2 (57). 21 января. С. 3–4.

Рюриков Б. Об отношении к литературному наследию прошлого: Критический обзор // Большевик. М., 1947. № 10. Май. С. 55–62.

Рякин М. [Рецензия на кн.]: Л. И. Тимофеев. Современная литература // Литература в школе. М., 1946. № 2. С. 78–79.

Самарин А. М. Высшая школа и борьба за приоритет советской науки // Вестник высшей школы. М., 1948. № 3. Март. С. 1–8.

[Самарин Р. М.] Введение // Основные этапы развития реализма в западноевропейской литературе: Тезисы докладов / Министерство просвещения РСФСР, Академия педагогических наук РСФСР. Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов. Секция западной литературы. М., 1948. С. 3–5.

Сарнов Б. М. Перестаньте удивляться!: Непридуманные истории. М., 2006.

Сахаров А. Д. Воспоминания. М., 2006. Т. 1.

Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. М., 1944.

Светлов В. И. О недостатках в разработке вопросов истории западноевропейской и русской философии: (Из доклада на собрании партийного актива Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. [М.], 1944. № 7–8. С. 23–29.

Семпер Н. Е. Человек из Небытия: Воспоминания о С. Д. Кржижановском, 1942–1949 // *Кржижановский С.* Возвращение Мюнхгаузена: Повести. Новеллы. Л., 1990. С. 547–567.

Семпер-Соколова Н. Е. Портреты и пейзажи: Частные воспоминания о XX веке. М., 2007.

Сергиевский И. Об антинародной поэзии А. Ахматовой // Звезда. Л., 1946. № 9. С. 192–195.

Сергиевский И. Улучшить работу издательства «Советский писатель» // Культура и жизнь. М., 1948. № 1. 11 января. С. 3.

Сердюченко Г. Об одной вредной теории в языкознании // Культура и жизнь. М., 1949. № 18. 30 июня. С. 3.

Серман И. Григорий Гуковский (1902–1950) // Синтаксис: Публицистика. Критика. Полемика. Париж, 1982. [Вып.] 10. С. 189–217.

Серов В. За дальнейший расцвет советского искусства: До конца разгромить буржуазных космополитов в художественной критике // Вечерний Ленинград. Л., 1949. № 50. 2 марта. С. 3.

Сидельников В. Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике // Литературная газета. М., 1947. № 26. 29 июня. С. 3.

Сидельников В. Против опошления народного творчества // Культура и жизнь. М., 1947. № 15. 30 мая. С. 3.

Сидоровский Л. И. Вознесенские: Семья пламенных большевиков — глазами родных, близких, строками воспоминаний // Смена. Л., 1988. № 32. 9 февраля. С. 2.

Сидоровский Л. И. Записки изгоя: Мемуары. СПб., 1999.

Сидоровский Л. И. Кузнецов: Пламенный большевик — глазами родных, близких, строками документов // Смена. Л., 1988. № 10. 13 января. С. 2.

Сидоровский Л. И. Люди Ленинградского дела // «Ленинградское дело» / Сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л., 1990. С. 304–362.

Сидоровский Л. И. Разгром // Совершенно секретно. М., 2008. № 8. С. 27.

Сильман Т., Адмони В. Мы вспоминаем. СПб., 1993.

Симашко М. Д. Из книги «Четвертый Рим»: Журнальный вариант // Иерусалимский журнал. Иерусалим, 2000. № 6. С. 106–158.

Симонов К. Александр Сергеевич Пушкин: Доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР 6 июня 1949 года // Литературная газета. М., 1949. № 46, 8 июня. С. 1–3.

Симонов К. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1989.

Скала П. Помнить о страшном суде / Правда времени и правда о времени, 1987 // Документальное кино: вчера, сегодня, завтра...: (По материалам международных симпозиумов документалистов. Город Юрмала, 1977–1989 гг.): Сборник стенограмм. Б. м. и г. С. 32–34 [4-й пагинации].

Слава русского народа // Правда. М., 1937. № 40. 10 февраля. С. 1.

Славяноведение во Франции: Беседа корреспондента журнала «Славяне» с профессором Андре Мазоном — президентом Института славяноведения Парижского университета // Славяне. М., 1945. № 7. С. 42.

Слезкин Ю. Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2005.

Слонимский М. Л. Записки, заметки, случаи / Публ. Е. Дергачевой // Звезда. СПб., 2010. № 8. С. 136–170.

Смелов В.А., Сторонкин Н.Н. Репрессированные политехники. СПб., 2008. Кн. 1.

Смирнов А.А. Красота в шахматной партии: Статьи и собрание 30 красивейших партий, игранных за последние 5 лет, с подробным комментарием и 52 диаграммами. Л., 1925.

Смирнов А.А., Реизов Б.Г. Профессор М.П. Алексеев // Вестник Ленинградского университета. Л., 1946. № 3. Октябрь. С. 122.

Смирнов Ю.Н. Сталин и атомная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1994. № 2. С. 125–130.

Сморгонская В.Н. Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов // Литература в школе. М., 1948. № 3. Май–июнь. С. 70–73.

Соболев Г.Л., Тихонов И.Л., Тишкин Г.А. 275 лет: Санкт-Петербургский университет: Летопись 1724–1999. СПб., 1999.

Собрание постановлений и распоряжений Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М., 1944–1948.

Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1943–1944.

Советская литература: Материалы совещания-семинара преподавателей советской литературы педагогических институтов / Ред. А.И. Ревякин, И.М. Терехов. М., 1947.

Советская наука на новом подъеме // Ленинградская правда. Л., 1948. № 127. 30 мая. С. 2.

Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «Коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2007.

Советский Союз — неугасимый маяк мира: Общегородское собрание трудящихся Ленинграда // Вечерний Ленинград. Л., 1949. № 233. 3 октября. С. 1.

Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). М., 1948.

Совещание работников центральных издательств // Ленинградская правда. Л., 1948. № 119. 21 мая. С. 2.

Совещание руководителей кафедр общественных наук // Ленинградский университет. Л., 1947. № 6. 8 февраля. С. 2.

[Соймонов А.Д.] Против буржуазного либерализма в литературоведении, за большевистскую партийность в науке о литературе: На партийном собрании филологического факультета // Ленинградский университет. Л., 1948. № 13. 7 апреля. С. 2.

Сойфер В.Н. Власть и наука: (Разгром коммунистами генетики в СССР). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002.

Соколов А.Н. А.Н. Веселовский — основоположник исторической поэтики // Ученые записки Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 107: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Т. III: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1946. Кн. 2. С. 161–172.

Соколова В.К. Дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях Сектора фольклора Института этнографии // Советская этнография. М.; Л., 1948. [Кн.] 3. [Июль–сентябрь]. С. 139–146.

Сокровища русской музыкальной культуры // Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 48. 27 февраля. С. 3.

Солдатова Л.М. Традиция памяти Пушкина на виражах политической истории России // Русская литература. СПб., 2006. № 1. С. 147–192.

Солженицын А. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М., 1996.

Соловьев С. М. Сочинения. М., 1995. Кн. XVI: Работы разных лет.

Сонин А. С. ВАК СССР в послевоенные годы: Наука, идеология, политика // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2004. № 1. С. 18–63.

Сонин А. С. «Космополиты» от философии // Архив истории науки и техники. М., 2007. Вып. III. С. 113–169.

40-летие деятельности проф. В. Е. Евгеньева-Максимова // Коммунист. Саратов, 1942. № 283. 2 декабря. С. 4.

Спижарская Н. На партактиве Университета // Ленинградский университет. Л., 1947. № 5. 27 января. С. 3.

Справочник для поступающих в высшие учебные заведения Министерства просвещения РСФСР в 1946 году. М., 1946.

Справочник для поступающих в высшие учебные заведения Министерства просвещения РСФСР в 1947 году. М., 1947.

Справочник для поступающих в высшие учебные заведения Министерства просвещения РСФСР в 1949 году. М., 1949.

Справочник для поступающих в высшие учебные заведения Министерства просвещения РСФСР в 1950 году. М., 1950.

[Сталин И. В.] Приказ народного комиссара обороны 23-го февраля 1942 года: [Ко дню XXIV годовщины Красной Армии] // Правда. М., 1942. № 54. 23 февраля. С. 1.

Сталин И. В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. М., 1946.

Сталин И. В. Сочинения. М., 1952. Т. 7.

Сталин И. В. Сочинения. Тверь, 2006. Т. 18.

Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953 / Сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М., 2005.

Старков Б. А. Борьба с коррупцией и политические процессы во второй половине 1940-х годов // Исторические чтения на Лубянке 2001 г.: Отечественные спецслужбы в послевоенные годы 1945–1953 гг. М.; Великий Новгород, 2002. С. 84–91.

Старцев А. И. Встречи. М., 2004.

Старцев А. И. «Дело» Радищева // Литературная газета. М., 1949. № 68. 24 августа. С. 3.

Старцев А. И. Радищев: Годы испытаний. 2-е изд. М., 1990.

Старцев А. И. Рукописное наследие Радищева // Огонек. М., 1949. № 35. 28 августа. С. 10–11.

Стенограмма общегородского собрания писателей, работников литературы и издательств / Публ. В. В. Иофе // Звезда. Л., 1996. № 8. С. 3–25.

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году / [Публ. Ю. Н. Амиантова и З. Н. Тихоновой] // Вопросы истории. М., 1996. № 2. С. 55–82 (1 июня); № 3. С. 82–110 (5 июня); № 4. С. 65–91 (10 июня); № 5/6. С. 77–105 (22 июня); № 7. С. 70–86 (8 июля, начало); № 9. С. 47–67 (8 июля, окончание).

130 лет Ленинградского университета имени А. А. Жданова // Ленинградская правда. Л., 1949. № 42. 20 февраля. С. 2.

Струве В. В., Толстой И. И., Шишмарев В. В., Бархударов С. Г. Иван Иванович Мещанинов: (Наши кандидаты в депутаты Верховного Совета РСФСР) // Ленинградская правда. Л., 1947. № 22. 28 января. С. 2.

Суворов С. Г. Об идеологических пороках в книге А. Эйнштейна и Л. Инфельда «Эволюция физики» // *Эйнштейн А., Инфельд Л.* Эволюция физики: Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квант. Пер. с англ. М.; Л., 1948. С. 5–24.

Судоплатов А. П. Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце. М., 1998. Кн. 2.

Сысоев П., Веймарн Б. Против космополитизма в искусствознании // Советское искусство. М., 1949. № 10. 5 марта. С. 2.

Таранов Г. «Великая дружба»: Премьера в Малом оперном театре // Ленинградская правда. Л., 1947. № 269. 18 ноября. С. 3.

Тарасенков А. К. Идеи и образы советской литературы. М., 1949.

Тарасенков Ан. Космополиты от литературоведения // Новый мир. М., 1948. № 2. Февраль. С. 124–137.

Тарле Е. В. 1944 год: не перегибать палку патриотизма / [Публ. Ю. Н. Амиантова] // Вопросы истории. М., 2002. № 6. С. 3–13.

Твардовский А. Из рабочих тетрадей (1953–1960) / Публ. и примеч. М. И. Твардовской // Знамя. М., 1989. № 8. Август. С. 122–181.

Твардовский А. Т. Новомирский дневник: В 2 т. М., 2009.

Твардовский А. Т. и др. В редакцию «Литературной газеты» // Литературная газета. М., 1958. № 299. 25 октября. С. 2.

Тендряков В. Охота: Рассказ / Публ. Н. Асмоловой // Знамя. М., 1988. Кн. 9. Сентябрь. С. 87–124.

Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто, 2005.

Тимофеев Л. Дневник военных лет / Публ. О. И. Тимофеевой // Знамя. М., 2003. № 12. Декабрь. С. 127–159; 2004. № 7. Июль. С. 152–161; 2005. № 5. Май. С. 170–181.

Тимофеев Л. И. О преподавании теории литературы в школе // Литература в школе. М., 1946. № 3/4. С. 81–84.

Тихонов Н. В защиту Пушкина // Культура и жизнь. М., 1947. № 13 (32). 9 мая. С. 4.

Тихонов Н. Пути-дороги // Фадеев: Воспоминания современников. М., 1965. С. 421–453.

Товарищи избиратели Ефремовского избирательного округа! Голосуйте за верного сына партии Ленина—Сталина, непоколебимого большевика Николая Алексеевича Вознесенского, кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР по Ефремовскому избирательному округу: [Агитационная брошюра]. Тула, 1938.

Тоддес Е. А. Б. М. Эйхенбаум в 30–50-е годы: К истории советского литературоведения и советской гуманитарной традиции // Тыняновский сборник. М., 2002. Вып. 11. С. 563–691.

Тойбин И., Миленковская Х. Комсомольское собрание на филфаке // Ленинградский университет. Л., 1945. № 1. 4 января. С. 4.

Толстой И. И. Статьи и фольклоре. М.; Л., 1966.

Томашевская З. Б. Рассказ о Пунине // Петербург Ахматовой: семейные хроники: Зоя Борисовна Томашевская рассказывает. СПб., 2001.

Торжественное заседание, посвященное 125-летию Ленинградского университета // Коммунист. Саратов, 1944. № 39. 25 февраля. С. 4.

Трауберг Н. Л. Целебная радость // Истина и жизнь. М., 2005. № 3. С. 14–17.

Трегуб С., Бачелис И. [Рецензия на кн.]: Л. И. Тимофеев. Современная литература // Советская книга. М., 1946. № 8/9. С. 139–141.

Третий пленум Славянского комитета СССР / Хроника // Славяне. М., 1948. № 2. С. 62.

Тридцать лет научной деятельности: Чествование профессора М. П. Алексеева // Ленинградский университет. Л., 1946. № 23. 15 июня. С. 2.

Трифонова Т. К. Люди, идущие к коммунизму // Звезда. Л., 1948. № 12. С. 177–185.

Трифонова Т. К. Об ошибках ленинградских критиков // Ленинградская правда. Л., 1946. № 211. 8 сентября. С. 3.

Трифонова Т. К. Черты великой эпохи // Звезда. Л., 1949. № 11. С. 150–159.

Тронский И. М. Академик И. И. Толстой // Вестник Ленинградского университета. Л., 1946. № 4/5 (ноябрь–декабрь). С. 205.

Тронский И. М. Академик И. И. Толстой / Выдающиеся деятели советской науки: Ленинградские ученые, избранные действительными членами Академии наук СССР // Вечерний Ленинград. Л., 1946. № 282. 2 декабря. С. 1.

Тураев С. В. Мои встречи с В. М. Жирмунским // Русская литература. СПб., 2008. № 1. С. 99–105.

Тургенев и театр: [Драматические произведения, статьи, письма / Ред., вступ. статья и примеч. Г. П. Бердникова]. М., 1953.

1949 // Ленинградская правда. Л., 1949. № 1. 1 января. С. 1.

«Удастся ли прорубить эту стену»: Из писем М. К. Азадовского к Н. К. Гудзию 1949–1950 годов / Публ. К. М. Азадовского // Русская литература. СПб., 2006. № 2. С. 66–85.

Удовин В. Чествование профессора А. А. Вознесенского // Ленинградский университет. Л., 1948. № 9. 8 марта. С. 3.

Укреплять и развивать лучшие национальные традиции // Литературная газета. М., 1948. № 31. 17 апреля. С. 1.

Университетская научная сессия 1945 г. // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1946. № 8. С. 44–46.

Уралов Р. Правда о Достоевском // Литературная газета. М., 1947. № 58. 26 ноября. С. 3.

Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): (Принят единогласно XVIII съездом ВКП(б)). М., 1946.

Устинов Д. В. Научные концепции Г. А. Гуковского в контексте русской истории и культуры XX века // Новое литературное обозрение. М., 1998. № 29. С. 71–83.

Устинов Д. В. Формализм и младоформалисты: Статья первая: Постановка проблемы // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 50. С. 296–321.

Устное поэтическое творчество русского народа: Хрестоматия / Сост. С. И. Василенок, В. М. Сидельников. М., 1954.

Ученые всего мира — на борьбу с гитлеризмом!: Антифашистский митинг в Москве // Правда. М., 1941. № 284. 13 октября. С. 3.

Ученый и неутомимый общественный деятель / Выступление профессора М. П. Алексеева // Ленинградский университет. Л., 1947. № 2. 6 января. С. 1.

Фадеев А. За тридцать лет: Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М., 1957.

Фадеев А. Задачи литературной критики // Октябрь. М., 1947. Кн. 7. Июль. С. 148–163.

Фадеев А. Задачи советской литературы // Советская литература: Материалы совещания-семинара преподавателей советской литературы педагогических институтов. М., 1947. С. 20–31.

Фадеев А. Заключительное слово / XI пленум Правления Союза советских писателей СССР // Литературная газета. М., 1947. № 28. 8 июля. С. 4.

Фадеев А. О задачах литературной критики: Доклад генерального секретаря Союза советских писателей СССР: (XIII пленум правления Союза советских писателей СССР) // Литературная газета. М., 1950. № 11. 4 февраля. С. 1.

Фадеев А. О литературной критике // Литературная газета. М., 1949. № 77. 24 сентября. С. 3.

Фадеев А. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1971. Т. 5, 6, 7.

[Фадеев А.] Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Доклад генерального секретаря ССП СССР тов. А. Фадеева / XI пленум правления Союза советских писателей СССР // Литературная газета. М., 1947. № 26. 29 июня. С. 1–2.

Файф Дж. Лысенко прав. М., 1952.

Фантоли А. Галилей: В защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви. М., 1999.

Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954 гг. М., 1999.

Федин К. А. Во времена блокады / Свидание с Ленинградом // Новый мир. М., 1944. № 4/5. С. 45–47.

Федоров-Давыдов А. А. Задачи создания марксистско-ленинских трудов по истории русского искусства // Советское искусство. М., 1949. № 5. 29 января. С. 2.

Федосеев С. Тайна гибели генерала МГБ // Калейдоскоп. СПб., 1998. № 5. С. 28.

Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция: Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972.

Филипповых Д. Н. Краткие биографии руководящего состава СВАГ // Советская военная администрация в Германии, 1945–1949: Справочник. М., 2009. С. 763–968.

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета. СПб., 2008.

Филологический факультет: (Хроника научной жизни) // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1945. № 4. С. 49.

Флейшман Л. Из Архива Гуверовского института: Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. P. 15–70.

Формозов А. А. Роль Н. Н. Воронина в защите памятников культуры России // Российская археология. М., 2004. № 2. С. 173–180.

Фрейденберг О. М. Будет ли московский Нюрнберг? (Из записок 1946–1948 годов) / [Публ. Ю. М. Каган] // Синтаксис: Публицистика. Критика. Полемика. Париж, 1986. [Вып.] 16. С. 149–163.

Фрейденберг О. М. Записки // Машинописная копия в собрании Н. В. Брагинской.

Фрейденберг О. М. Осада человека / Публ. К. Невельского [псевд., наст. имя публикатора Ю. М. Каган] // Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. [Вып.] 3. С. 9–44.

Фриш С. Э. Сквозь призму времени. М., 1992.

Фролов В. Заповедник махрового эстетства // Советское искусство. М., 1949. № 6. 5 февраля. С. 3.

Фрост А. В. Знаменательное событие // Московский университет. М., 1944. № 22. 26 мая. С. 1.

Хомякова Г. Н. Я ненавижу этот ход событий // Литературная Россия. М., 2006. № 13. 31 марта. С. 12.

Хохловкина А. Опера о дружбе народов // Советское искусство. М., 1947. № 46. 15 ноября. С. 3.

Хроника // Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Народного Комиссариата Просвещения. М., 1923. № 27. 24 мая. С. 16.

Хроника текущих событий: Выпуски 1–15: [Репринтное воспроизведение]. Амстердам, 1979.

Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть: Воспоминания: В 4 кн. М., 1999. Кн. 2.

Челпанова О. В. Прежде всего — коммунист // Ученый-коммунист: К 75-летию со дня рождения А. А. Вознесенского. Л., 1973. С. 116–123.

Челпанова О. В. Совещание преподавателей советской литературы // Литература в школе. М., 1947. № 2.

Черноруцкий М. В. Проблема алиментарной дистрофии // Работы ленинградских врачей за год Отечественной войны. Л., 1943. Вып. III. С. 3–13.

Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., 2008.

Чистов К. В. Забывать и стыдиться нечего...: Воспоминания. СПб., 2006.

Чистов К. В. Из воспоминаний о М. К. Азадовском // Воспоминания о М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 59–78.

Чичеров В. И. Обсуждение на заседаниях Ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов // Советская этнография. М.; Л., 1948. [Кн.] 3. [Июль–сентябрь]. С. 146–163.

Чичеров В. [Рецензия на кн.]: «Русская революционная поэзия девятнадцатого века» // Литературное обозрение. М., 1938. № 8. 20 апреля. С. 64–67.

[Чичеров В. И.] Фольклористика // БСЭ. 2-е изд. М., 1956. Т. 45. С. 284.

Чудакова М. О. Избранные работы. М., 2001. Т. 1: Литература советского прошлого.

Чудакова М. О. Так ярый ток, оледенев... // *Белинков А. В.* Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. М., [1997].

Чудакова М., Тоддес Е. Страницы научной биографии Б. М. Эйхенбаума // Вопросы литературы. М., 1987. № 1. С. 128–162.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г. «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...»: Из переписки (1948–1970) / Предисл. и коммент. М. А. Фролова, подгот. текста М. А. Фролова и Ж. О. Хавкиной // Знамя. М., 2009. № 6. С. 134–176.

Чуковский К. И. Дневник (1936–1969) // *Чуковский К. И.* Собрание сочинений: В 15 т. М., 2007. Т. 13.

Шагинян М. [Выступление в прениях] / XI пленум Правления Союза Советских писателей СССР. Прения по докладу тов. Фадеева и содокладам // Литературная газета. М., 1947. № 28. 8 июля. С. 2.

Шапкарин А. В. Выкорчевать остатки космополитизма из высшей школы // Вестник высшей школы. М., 1949. № 3. Март. С. 1–6.

Шейкин А. Л. Мозаика. СПб.; Тосно, 2004.

Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001.

Шестопалова Г. А. Духовный потенциал русской литературы и фольклора: К 100-летию профессора Виктора Михайловича Сидельникова // Духовный потенциал русской классической литературы. М., 2007. С. 174–181.

60 лет обществу «Знание» // Наша власть: дела и лица: [Спецвыпуск журнала]. М., 2008.

Ширятся ряды наших выдающихся ученых // Московский университет. М., 1946. № 39. 16 декабря. С. 2.

Шишмарев В. Ф. Александр Веселовский и его критики // Октябрь. М., 1947. Кн. 12. Декабрь. С. 158–164.

Шишмарев В. Ф. Александр Веселовский и русская культура. Л., 1946.

Шишова З. Блокада: Поэма. Л., 1943.

Шкловский В. Александр Веселовский — историк и теоретик // Октябрь. М., 1947. Кн. 12. Декабрь. С. 174–182.

Шмелева Л. Д. Научные сессии филологического факультета, посвященные В. Г. Белинскому: (К 100-летию со дня смерти) // Доклады и сообщения Филологического института. Л., 1949. Вып. 1. С. 220–225.

Шноль С. Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки. 2-е изд. М., 2001.

Шолохов на изломе времени: Статьи и исследования. Материалы к биографии писателя. Исторические источники «Тихого Дона». Письма и телеграммы. М., 1995.

Шубинский В. Железный кузнечик: (О жизни и сочинениях аббата д'Эрбле) // *Эйхенбаум Б. М.* «Мой временник»...: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2001. С. 5–24.

Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом... М., 2001.

Щербаков А. С. Под знаменем Ленина—Сталина советский народ идет к победе: Доклад 21 января 1944 года на торжественном заседании, посвященном XX годовщине со дня смерти В. И. Ленина. [М.; Л.], 1944.

Эйхенбаум Б. М. Дневник 1946 года // Петербургский журнал. СПб., 1993. № 1/2. С. 183–202.

Эйхенбаум Б. М. Легенда о зеленой палочке: К 40-летию со дня смерти Л. Н. Толстого // Огонек. М., 1950. № 47. С. 23–24.

Эйхенбаум Б. М. «Мой временник»...: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2001.

Эйхенбаум О. Б. Я вспоминаю... // Звезда. СПб., 1998. № 2. С. 64–88.

Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986.

Эльзон М. Д. Зоя Владимировна Гуковская // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 223–225.

Эльсберг Я. Белинский в борьбе с космополитизмом // Литературная газета. М., 1948. № 31. 17 апреля. С. 3.

Эльяшова Л. «Папа» Вознесенский // Нева. СПб., 1998. № 10. С. 147–159.

Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. М., 1990. Т. 3.

Эткинд Е. Г. Во славу старинного друга: К семидесятилетию Ильи Захаровича Сермана // Ефим Эткинд: Здесь и там. СПб., 2004. С. 114–121.

ЭткиндЕ. Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 2001.

Эткинд Е. Г. Поздние уроки: Читая переписку М. К. Азадовского и Ю. Г. Оксмана (1944–1954) // Вопросы литературы. М., 1999. № 4. С. 209–219.

Юбилеи ученых // Вестник Академии наук СССР. М., 1971. № 2. С. 136–137.

Юбилейная научная сессия литературоведов: (В Пушкинском Доме) // Вечерний Ленинград. Л., 1947. № 242. 15 октября. С. 3.

Юбилейная сессия: (220-летие Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. М., 1945. № 7/8. С. 35–139.

Юбилейная сессия Академии наук СССР, 15 июня — 3 июля 1945 г.: В 2 т. М.; Л., 1948.

Якобсон Р. Борис Михайлович Эйхенбаум (4 октября 1886 – 24 ноября 1959) // Эйхенбаум Б. М. «Мой временник»...: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2001. С. 597–605.

Ямпольский И. Г. Из воспоминаний // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1996. [Вып.] 7. С. 470–498.

СПИСОК АББРЕВИАТУР

АМН — Академия медицинских наук
АН — Академия наук
АОН — Академия общественных наук
АПН — Академия педагогических наук
БАН — Библиотека Академии наук
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВАК — Высшая аттестационная комиссия
ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина
ВКВШ — Всесоюзный комитет по делам высшей школы
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМН — высшая мера наказания (расстрел)
ВПМ — Всероссийский музей А.С. Пушкина
ВО — Васильевский остров
ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
ВПШ — Высшая партийная школа
ВТО — Всесоюзное театральное общество
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАИС — Государственная академия искусствознания
ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина
ГДР — Германская демократическая республика
ГИЗ — Государственное издательство
ГИИИ — Государственный институт истории искусств
ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы
ГК — городской комитет
ГКО — Государственный комитет обороны
ГЛМ — Государственный литературный музей
ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГПУ — Главное политическое управление
ГУВУЗ — Главное управление высших учебных заведений
ГУС — Государственный ученый совет
ГУУ — Главное управление университетов

ЕАК — Еврейский антифашистский комитет
ИВАН — Институт востоковедения Академии наук
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИКП — Институт красной профессуры
ИЛИ — Институт литературы (Пушкинский Дом)
ИЛЯЗВ — НИИ сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока
ИМЛИ — Институт мировой литературы имени А.М. Горького
ИМЭЛ — Институт Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б)
ИНЛИ — Институт новой русской литературы (Пушкинский Дом)
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
ИРЯЗ — Институт русского языка
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
ИТР — инженерно-технический работник
ИФЛИ — Институт философии, литературы и истории
ИЯМ — Институт языка и мышления имени Н.Я. Марра
КБФ — Краснознаменный Балтийский флот
КОГИЗ — Книготорговое объединение государственных издательств
КПК — Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б)
ЛАПП — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей
ЛВО — Ленинградский военный округ
ЛГИТМИК — Ленинградский гос. институт театра, музыки и кинематографии
ЛГПИ — Ленинградский гос. педагогический институт имени А.И. Герцена
ЛГПИИЯ — Ленинградский гос. педагогический институт иностранных языков
ЛГУ — Ленинградский гос. университет
ЛПИ — Ленинградский педагогический институт имени М.Н. Покровского
ЛИЛИ — Ленинградский историко-лингвистический институт
ЛИФЛИ — Ленинградский гос. институт истории, философии и лингвистики
ЛО — Ленинградское отделение
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории
ЛОКА — Ленинградское отделение Коммунистической академии
ЛОКАФ — Литературное объединение Красной армии и флота
МВО — Министерство высшего образования
МГБ — Министерство государственной безопасности
МГПИ — Московский гос. педагогический институт имени В.И. Ленина
МГПИИЯ — Московский гос. педагогический институт иностранных языков
МГУ — Московский гос.университет
МОПИ — Московский областной педагогический институт имени Н.К. Крупской
МТС — машинно-тракторная станция
НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКВМФ — Народный комиссариат Военно-морского флота
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
НКО — Народный комиссариат обороны
НКП — Народный комиссариат просвещения
ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств

ОГПУ — Объединенное гос. политическое управление
ОДО — отдел документационного обеспечения
ОК — областной комитет
ОЛЯ — Отделение литературы и языка
ОНО — отдел народного образования
ООН — Организация объединенных наций
ОПОЯЗ — Общество по изучению поэтического языка
ОРС — отдел рабочего снабжения
ОСО — особое совещание
ПФА РАН — Петербургский филиал архива РАН
РАН — Российская академия наук
РГАКФД — Российский гос. архив кинофотодокументов
РГАЛИ — Российский гос. архив литературы и искусства
РГАСПИ — Российский гос. архив социально-политической истории
РГАФД — Российский гос. архив фонодокументов
РГАЭ — Российский гос. архив экономики
РИСО — редакционно-издательский совет
РК — районный комитет
РКИ — рабоче-крестьянская инспекция
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
СВАГ — Советская военная администрация в Германии
СГУ — Саратовский гос. университет
СМ — Совет министров
Смерш — «Смерть шпионам!» — органы контрразведки при НКО, НКВМФ и НКВД СССР
СНО — студенческое научное общество
СП — Союз писателей
СПбГУ — Санкт-Петербургский гос. университет
ССК — Союз советских композиторов
ССП — Союз советских писателей
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
ФОН — факультет общественных наук
ЦГА СПб — Центральный гос. архив Санкт-Петербурга
ЦГАИПД СПб — Центральный гос. архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГАКФФД СПб — Центральный гос. архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга
ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства СССР
ЦГАЛИ СПб — Центральный гос. архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГИАЛ — Центральный гос. исторический архив СССР в г. Ленинграде
ЦРУ — Центральное разведывательное управление США
ЦХСФ — Центр хранения страхового фонда Росархива

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Петр Александрович Дружинин

ИДЕОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

Ленинград, 1940-е годы
Документальное исследование

Т. 2

Дизайнер
С. Тихонов

Редактор
О. Ивченко

Корректоры
Н. Поселягин, М. Смирнова

Компьютерная верстка
В. Фролова

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http: //www.nlobooks.ru

Формат 70x100/16
Бумага офсетная №1.
Печ. л. 44. Тираж 1000. Заказ № 4523.
Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Книга П.А. Дружинина посвящена наиболее драматическим событиям истории гуманитарной науки XX века. 1940-е годы стали не просто годами несбывшихся надежд народа-победителя; они стали вторым дыханием сталинизма, годами идеологического удушья, временем абсолютного и окончательного подчинения общественных наук диктату тоталитаризма. Одной из самых знаменитых жертв стала школа науки о литературе филологического факультета Ленинградского университета. Механизмы, которые привели к этой трагедии, были неодинаковы по своей природе, и лишь по случайному стечению исторических обстоятельств деструктивные силы устремились именно против нее. На основании многочисленных, как опубликованных, так и ранее неизвестных источников автор показывает, как наступала сталинская идеология на советскую науку, выявляет политические и экономические составляющие и, не ограничиваясь филологией, воссоздает впечатляющую картину воздействия тоталитаризма на гуманитарную мысль.

ISBN 978-5-86793-983-0

